

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский национальный исследовательский технический университет»

На правах рукописи

Тетенькин Алексей Владимирович

**СРЕДНИЙ ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ – МЕЗОЛИТ СЕВЕРНОГО
ПРИБАЙКАЛЬЯ**

Том 1

Специальность 5.6.3. Археология.

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант
Доктор исторических наук,
Профессор Харинский Артур Викторович

Иркутск – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том 1

Введение	5
1. Глава 1. История археологических исследований верхнего палеолита и мезолита Северного Прибайкалья	22
1.1. Археологические исследования на севере Верхней Лены.....	22
1.2. Археологические исследования на Северном Байкале.....	29
1.3. Археологические исследования на Верхнем Витиме.....	37
1.4. Археологические исследования на Нижнем Витиме.....	44
1.5. Заключение к главе 1.....	62
2. Глава 2. Палеогеографическая характеристика Северного Прибайкалья	66
2.1. Современное состояние Северного Прибайкалья.....	66
2.2. Палеогеографические реконструкции районов Северного Прибайкалья в неоплейстоцене – голоцене (общая характеристика).....	79
2.3. Заключение к главе 2.....	98
3. Глава 3. Археологические комплексы финального плейстоцена, MIS2 (средний – поздний верхний палеолит) Северного Прибайкалья	101
3.1. Археологические комплексы Севера Верхней Лены.....	101
3.2. Археологические комплексы Северного Байкала.....	110
3.3. Археологические комплексы Верхнего Витима.....	119
3.4. Археологические комплексы Нижнего Витима.....	125
3.5. Абсолютный и относительный возраст археологических комплексов MIS 2 Северного Прибайкалья.....	167
3.6. Морфология инвентаря археологических комплексов финального плейстоцена Северного Прибайкалья: техники производства, вопросы культурной типологии.....	169
4. Глава 4. Археологические комплексы раннего голоцена (финальный палеолит – мезолит) Северного Прибайкалья	192

4.1. Археологические комплексы Севера Верхней Лены.....	192
4.2. Археологические комплексы Северного Байкала	193
4.3. Археологические комплексы Верхнего Витима.....	202
4.5. Археологические комплексы Нижнего Витима.....	212
4.6. Радиоуглеродная и относительная хронология раннеголоценовых комплексов Северного Прибайкалья.....	235
4.7. Морфо-типологическая характеристика инвентаря археологических комплексов раннего голоцена Северного Прибайкалья.....	236
5. Глава 5. Морфо-типологическая корреляция археологических комплексов и реконструкция культурных процессов Северного Прибайкалья в контексте археологии среднего верхнего палеолита – мезолита Восточной Сибири	
	243
5.1. Этап 1 – ранний сартан (28–21 тыс. л.н.).....	246
5.2. Этап 2 – средний сартан (21–17 тыс. л.н.).....	252
5.3. Этап 3 – поздний (финальный) сартан (17–12 тыс. л.н.).....	269
5.4. Этап 4 – ранний голоцен (12–7 тыс. л.н.).....	285
5.5. Проблема «неолитического перехода» культуры населения Северного Прибайкалья.....	292
5.6. Заключение к главе 5.....	300
6. Заключение.....	309
Список источников и литературы.....	313
Список сокращений.....	378

Том 2

Приложение 1. Свод археологических памятников среднего позднего палеолита – мезолита Северного Прибайкалья (текстовые материалы).....	2
Часть 1. Памятники Севера Верхней Лены.....	2
Часть 2. Памятники Северного Байкала.....	43
Часть 3. Памятники Верхнего Витима.....	89

Часть 4. Памятники Нижнего Витима.....	142
Том 3	
Приложение 2. Таблицы и диаграммы.....	2
Приложение 3. Иллюстрации.....	41

Введение

Важнейшим источником представлений о культуре и жизнедеятельности народов Восточной Сибири в каменном веке была и остается археология. Залогом эффективности археологических исследований является системный и комплексный подход с привлечением различных объяснительных идей, методов различных гуманитарных и естественных наук. Прирост знаний как естественный ход научного процесса периодически закрепляется на этапах обобщения и парадигматизации. Последние имеют вид научных концепций и схем.

Актуальность работы. Регулярное археологическое изучение Северного Прибайкалья ведется уже в течение более 40 лет. Как этап обобщения полученных результатов итоговая работа давно уже стала насущной задачей. Она должна иметь характер культурно-хронологической схемы, организующей в единую модель имеющиеся частные знания, определяющей основные достигнутые культурно-хронологические позиции и очерчивающей основные проблемы ведущегося научного исследования. Особенностью изучения Северного Прибайкалья является его исследование преимущественно археологическими отрядами иркутских научных подразделений, что, в значительной мере, обусловило единство применяемых методов полевой и теоретической археологии, языка описания, корреляции знаний и объектов. Другой особенностью Северного Прибайкалья являются относительно независимые исследования четырех основных районов – северного побережья озера Байкал, севера Верхней Лены, Нижнего Витима и Верхнего Витима на протяжении долгого времени. Лишь археология двух последних районов имела примеры общих координирующих работ (Аксенов М.П. и др., 2000; Ветров В.М. и др., 2000; Демонтерова Е.И. и др., 2014; Тетенькин А.В. и др., 2018; Ветров В.М. Инешин Е.М., 2019). Преодоление разноплановости, разнохарактерности, различного уровня имеющихся представлений о палеолите и мезолите четырех районов является причиной назревшей актуальности, предлагаемой в диссертации обобщающей работы.

Будучи частью Байкальской Сибири, все четыре района Северного Прибайкалья сегодня имеют одну общую «северную» специфику удаленности от основной инфраструктуры региона, развитой на юге. Это обстоятельство обусловило общие трудности научного освоения: меньший размах и прерываемость работ, труднодоступность. С другой стороны, их объединяет северная ландшафтно-климатическая специфика горно-таежных условий, имеющих общую тенденцию развития в позднем кайнозое, общая речная сеть Лены – Витима, оконтуривающая северную часть Байкала, обеспечивавшая в древности возможности коммуникации населения. Насущной задачей, определяющей актуальность диссертации, является выработка единой для Северного Прибайкалья культурно-хронологической схемы, организующей накопленные в предшествующие годы научные знания.

Цель работы – разработать региональную культурно-историческую интерпретационную модель развития населения Северного Прибайкалья эпохи среднего верхнего палеолита – мезолита. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи:

- 1) Провести обобщение накопленного археологического опыта изучения четырех районов, слагающих Северное Прибайкалье: северного побережья Байкала, севера верхней Лены, Нижнего Витима и Верхнего Витима;
- 2) Раскрыть хронологическую и локальную специфику археологических объектов Северного Прибайкалья;
- 3) Провести корреляцию ансамблей каменной индустрии четырех районов между собой на предмет общности, либо неоднородности протекавших в них в различные хронологические периоды культурных процессов, определения общей специфики развития культуры населения Северного Прибайкалья;
- 4) Провести корреляцию с археологическими комплексами, хронологически и территориально смежными с ансамблями среднего верхнего палеолита – мезолита Северного Прибайкалья с целью отработки аспектов: а) Обозначить погранично-периферийные особенности

археологических культур Северного Прибайкалья в сравнении с соседними регионами – Южным Прибайкальем, Забайкальем и Якутией. б) Показать внутреннее своеобразие культурных процессов, присущих Северному Прибайкалью;

5) Провести ревизию радиоуглеродной и относительной хронологии археологических местонахождений финального плейстоцена – раннего голоцена Северного Прибайкалья и на этой основе заложить хронологическую периодизацию среднего позднего палеолита – мезолита региона;

б) Разработать культурно-хронологическую схему среднего верхнего палеолита – мезолита Северного Прибайкалья.

Объектом исследования являются геоархеологические местонахождения, содержащие культурные остатки периода среднего верхнего палеолита – мезолита, около 27–7 тыс. лет назад.

Предметом диссертационной работы являются культурные процессы, протекавшие на территории Северного Прибайкалья в период среднего верхнего палеолита – мезолита, в хронологических рамках сартанского криохрона (MIS-2) – раннего голоцена, 27–7 тыс. календарн. л.н.

Территориальные рамки. В географическом отношении Прибайкалье является горной областью, прилегающей с запада и востока к озеру Байкал (БСЭ, Т. 20, с. 548). Оно располагается в центре Евразийского континента и является составной частью Байкальского региона, включающего в себя Иркутскую область, Республику Бурятия, Забайкальский край и северные аймаки Монголии, расположенные в бассейне р. Селенга, впадающей в оз. Байкал. Составной частью Прибайкалья является территория Северного Прибайкалья.

Мы используем термин «Северное Прибайкалье» при выделении региона, включающего северную часть побережья Байкала, Привитимье, север Верхнего Приленья. Географические границы территории, исследуемой в данной работе, заданы контуром рек, обрамляющих северную часть озера

Байкал: реками Лена (северная часть верхней Лены от г. Усть-Кута, с притоком – р. Киренгой) и Витим (рис. 1). Они формируют общий речной контур Северного Прибайкалья. *Реки, их долины, байкальские берега выступали в роли естественных коридоров для культурной трансляции.* Прилегающие к ним орографические районы – это Лено-Ангарское и Приленское плато, отделенное от Прибайкальских хребтов Предбайкальской впадиной, к северо-востоку от них – Байкало-Патомское нагорье, на юге – юго-востоке от Байкало-Патомского нагорья расположены хребты Делюн-Уранский, Кодар, Северо-Муйский, Южно-Муйский – отроги Станового нагорья. Горная цепь северо-восточной части Прибайкалья прервана Верхнеангарской, Муйско-Куандинской и Чарской котловинами – северо-восточной частью Байкальской рифтовой зоны. Муйская котловина обрамлена Северо-Муйским и Южно-Муйским хребтами. К югу от хребтов Станового нагорья – Южно-Муйского, Кодар, Каларского, Бабанты и Янкан расположено Витимское плоскогорье, в пределах которого начинается исток р. Витим. Собственно, чашу озера Байкал в северной части окаймляют Байкальский, Верхнеангарский и Баргузинский хребты. К последнему с юго-востока примыкает Баргузинская впадина. *Горные массивы Северного Прибайкалья, будучи территориями развития ледников, в течение всего времени последнего оледенения – раннего послеледниковья определяли основные тренды развития ландшафтов, климата, растительного и животного мира, т.е. условий существования древних человеческих коллективов.*

Источниковую базу диссертации составляют более 40 археологических местонахождений, расположенных на северном побережье Байкала, в долинах севера верхней Лены, нижнего и среднего Витима, содержащих комплексы культурных остатков, датируемых в интервале 27–7 тыс. календ. л.н. Ряд местонахождений имеет многослойный характер залегания археологического материала. На стоянке Большой Якорь I (Нижний Витим) выделен 21 культурный горизонт, на стоянке Коврижка IV

– 16 культурных горизонтов, на стоянке Коврижка II – 6 культурных горизонтов, на Коврижке III – 4 культурных горизонта (Нижний Витим), на местонахождениях Усть-Каренга I-XVI – 8 культурных горизонтов, на стоянке Нижняя Джилинда (Сивакон)-I – 7 культурных горизонтов (Верхний Витим), на местонахождениях Курла I-IV – 5 докерамических горизонтов (Северный Байкал). В работу взяты, в целом, комплексы культурных остатков, относимые ко времени донеолита, т.е. палеолитического, мезолитического облика и времени, но также, в связи с проблемой рубежа перехода к неолиту и появления керамики, памятники раннего неолита. В частности, раннеолитические горизонты Усть-Каренги I-XVI, Коврижки I и IV, могильник Старый Витим II. Принимая во внимание многослойный характер ряда опорных памятников, корпус источников насчитывает более 100 комплексов культурных остатков (культурных горизонтов) указанного возрастного интервала. Информативные возможности их неравномерны. Наибольшее количество комплексов культурных остатков выделено на Витиме. Опорными здесь являются Мамаканский и Усть-каренгский геоархеологические районы. По сумме предпринятых комплексных мультидисциплинарных исследований наиболее изученными являются местонахождения Большой Якорь I и Коврижка I-V на Витиме. Антропологические материалы представлены только погребением на Нижней Джилинде (Сивакон) на Витиме, Предметы искусства найдены на стоянках Курла I-III, Коврижка II, IV. Период среднего верхнего палеолита представлен только местонахождениями Алексеевск на Севере Верхней Лены и Мамакан VI на Нижнем Витиме. Наибольшее представительство имеют периоды финала плейстоцена – начала голоцена, 15–8 тыс. л.н. В различных задачах культурно-типологической, хозяйственной оценки ансамблей Северного Прибайкалья привлекались опубликованные материалы сопредельных районов Прибайкалья (памятники Туяна, Сосновый Бор, Красный Яр, Верхоленская Гора, Макарово II и др.), Забайкалья (Усть-Кяхта 1-17, Студеное I-II, Усть-Менза I-II, Косая Шивера,

Сухотино IV, Красная Горка), Якутии (пещера Хайергас, Дюктайская пещера, Усть-Тимптон I, Сумнагин, Белькачи и др.), Дальнего Востока (Ушки I-VII), Аляски (Сван Пойнт и др.).

В диссертации использовались опубликованные результаты исследований А.П. Окладникова (Окладников А.П., 1953), Ю.А. Мочанова (Мочанов Ю.А., 1969, 1975, 1977, 2007), В.М. Ветрова (Ветров В.М., 1986а, 1986б, 1990, 1992, 1995, 1997, 2000, 2002, 2003, 2006а, 2006б, 2007, 2008а, 2008б, 2010, 2011а, 2011б; Ветров В.М., Задони О.В., Инешин Е.М., 1993 и др.), Е.М. Инешина (Инешин Е.М., 1993, 1995; Инешин Е.М., Ревенко А.Г. Секерин А.П., 1998 и др.), О.В. Задонина (Задонин О.В., 1990, 1992, 1996 и др.), П.Е. Шмыгуна (Шмыгун П.Е., 1978а, 1978б, 1981; Шмыгун П.Е., Ендрихинский А.С., 1978; Шмыгун П.Е., Сизиков А.М., 1977; Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1980, 1982), Т.А. Абдулова (Абдулов Т.А., 1992), Л.С. Хлобыстина (Хлобыстин Л.П., 1965, 1998), А.В. Инёшина (Инёшин А.В. и др., 1991, 2019), А.В. Краснощекова (Краснощекоев В.В., 2001, 2002, 2009). В исследовании ряда местонахождений автор принимал участие совместно с Е.М. Инешиным, В.М. Ветровым, О.В. Задониным, Д.Е. Кичигиным (Алексеевск I, Большой Якорь I, Мамакан VI, Инвалидный III, Балтаханова V, Усть-Каренга XVI). Исследования группы стоянок Коврижка I-V (с 1995 г. по наст. время), Павлова I, Нирыкан (палеолитический комплекс) проведены автором самостоятельно.

Подходы и методы исследования. Ведущим императивом работы соискателя с археологическими объектами выступает стремление к формированию комплексного методического подхода с целью максимально полного раскрытия информационных возможностей исследуемых памятников. В изучении ландшафтов археологических местонахождений использовались методы геоморфологии, стратиграфии, методы реконструкции динамики формирования рельефа, радиоуглеродного датирования. Используются результаты исследований В.М. Белоусова, С.Г. Аржанникова, Е.М. Инешина, К.Г. Леви, А.Г. Золотарева, Е.И. Тищенко, А.С.

Ендрихинского, Н.А. Логачева, В.Д. Маца, Г.Ф. Уфимцева, М.М. Мандельбаума, М. Марголда и других (Белоусов В.М., Инешин Е.М., Бураков К.С. и др., 1990; Белоусов В.М., Инешин Е.М., Сулержицкий Л.Д. Arzhannikov S.G. et al., 2018; Ендрихинский А.С., 1981, 1982; Золотарев А.Г., 1974а, 1974б, 1982; Логачев Н.А., 1974, 2003; Мац В.Д., Уфимцев Г.Ф., Мандельбаум М.М., 2001; Тищенко Е.И., 1982; Levi K.G. et al., 1998; Margold M., et al., 2016, 2018). Характер биоландшафтов реконструировался методами палеонтологии, антракологии, споро-пыльцевого анализа. Это работы Иваньева, А.М. Клементьева, Н.В. Мартыновича, Ф.И. Хензыхеновой, М.С. Губина, А. Анри, Е.В. Безруковой и др. (Анри А. и др., 2018; Безрукова Е.В., Безрукова Е.В. и др., 2005, 2009, 2011, 2014, 2018; Губин М.С., Инешин Е.М., 1990; Bezrukova E.V. et al., 2010, 2011, 2016; Krivonogov S.K. et al., 2004; Инешин Е.М., Клементьев А.М., Мартынович Н.В. и др., 2004).

В изучении комплексов археологических остатков на местонахождениях применялись стратиграфический и планиграфический методы. В задаче характеристики режима осадконакопления, в частности, на местонахождении Коврижка IV, применялся гранулометрический метод. В задачах датирования археологических комплексов применялись методы стратиграфический, радиоуглеродный, морфо-типологический. В задачах характеристики ансамблей каменных культурных остатков применялись методы морфо- и технико-типологический, аппликационный, трассологический, количественный, экспериментальный. В задаче минерального и геохимического определения сырья использовались петрографический, рентгено-структурный, рентгенофазовый методы, К-Аг метод датирования вулканической пемзы (Е.И. Демонтерова, А.В. Иванов, Е.В. Канева, Г.В. Пашкова, В.Е. Загорский, Ж. Жакье, Э. Говри Ру, Г.Н. Поплевко, А.А. Уланов). Помимо артефактов из состава дебитаж на ряде памятников исследованию подверглись охра, пигментные вещества, черный алеврит, керамика. В задаче изучения температуры нагрева камней огнем применен археомагнитный метод (К.С. Бураков, И.Е. Начасова, Н.В.

Сальная). В задаче реконструкции охотничьего промысла и пищевого потребления использовались палеонтологические методы (А.М. Клементьев и др.) (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 1998, 2006, 2010, 2011; Белоусов В.М. и др., 2002; Инешин Е.М. и др., 2004; Инешин Е.М., Клементьев А.М., Тетенькин А.В., 2005; Демонтерова Е.И. и др., 2014; Анри А., Тетенькин А.В., 2014; Тетенькин А.В., 2015, 2017а, 2017б, 2019; Тетенькин А.В. и др., 2016; Анри А. и др., 2018; Тетенькин А.В., Анри А., Клементьев А.М., 2018; Тетенькин А.В., Ветров В.М., Демонтерова Е.И., и др., 2018; Тетенькин А.В., Жмур О.В., Демонтерова Е.И. и др., 2018; Ineshin E.M., Tetenkin A.V., 1995, 2011, 2017; Tetenkin A.V., Smith H., Henry A., 2016).

Начиная с открытия в 1941 г. А.П. Окладниковым Частинской палеолитической стоянки на р. Лене (Окладников А.П., 1955), археология Северного Прибайкалья насчитывает более 70 лет. Раскапывавшиеся в разные годы памятники, естественно, характеризуются разной степенью изученности и разным набором методов, примененных в их исследовании. Наибольший комплекс методов был задействован в изучении стоянки Большой Якорь I, а затем ансамбля местонахождений Коврижка I-V на Нижнем Витиме (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010; Тетенькин А.В., 2010, 2016а; Тетенькин А.В., Анри А., Клементьев А.М., 2018; Тетенькин А.В., Ветров В.М., Демонтерова Е.И., и др., 2018; Тетенькин А.В., Жмур О.В., Демонтерова Е.И. и др., 2018; Анри А. и др., 2018). На основе оценки предела допустимости использовался метод экстраполяции, то есть переноса полученных при изучении опорных объектов представлений на регион и хронологический интервал в целом.

Комплексный характер исследований осуществлялся на основе формулирования археологом и постановки задач специалистам естественно-научных дисциплин, либо на основе освоения независимо полученных естественнонаучных исследований (Тетенькин А.В., 2009б, с. 11). В обоих случаях научное движение осуществлялось в канве имеющихся онтологических представлений об археологическом объекте (Тетенькин А.В.,

2003а, 2003б, 2011б, 2012б, 2015а, 2020; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2003; 2010, с. 30–44). На формирование теоретических научных установок оказали влияние метанаучные логико-методологические разработки Московского методологического кружка во главе с А.А. Зиновьевым и Г.П. Щедровицким (Зиновьев А.А., 2000; Щедровицкий Г.П., 1984, 1995, 2005), труды А.К. Байбурина (Байбурин А.К., 1989), У. Эко (Эко У., 1998) в области семиотики, П. Бурдьё, М. Саллинза, Б. Хайдена в социальной антропологии (Бурдьё П., 1994; Саллинз М., 1999), в рамках археологической науки – идеи Л.С. Клейна (Клейн Л.С., 1978, 1981, 1991), направлений процессуальной археологии (Binford L., 1983; Schiffer M., 1976, 1987; Jochim M.A., 1981), экоархеологии (Butzer K., 1985), культурной трансмиссии (Boyd R., Richerson P.J., 1985, 2005; Cavalli-Sforza L.L., Feldman M.N., 1981; Eerkins J.W., Lipo C.P., 2005, 2007; Richerson P., Boyd R., 2005; Hayden B., 1995; Hayden B., Eldridge M., Eldridge A., Cannon A., 1985).

Задача построения культурно-хронологической схемы региона отсюда разбивается на задачи: 1) диахронного представления позиций археологического времени комплексами культурных остатков; 2) раскрытия содержания археологических комплексов как остатков деятельностных ситуаций, обеспеченных наборами культурных норм; 3) анализа их подобия и оценки наличия, либо отсутствия культурно-генетических, хозяйственных и иных связей; 4) общего представления о диахронных протекавших культурных процессах в избранных хронологических и территориальных пределах.

Хронологические рамки исследования. Начиная с раннего сартана (раннего MIS 2) в регионе Северного Прибайкалья датируются первые археологические памятники (Алексеевск I, Мамакан VI) (Задонин О.В., 1992, с. 21; Тетенькин А.В., 2014, с. 24), обладающие комплексом информационной обеспеченности: стратиграфическими, планиграфическими, морфотипологическими и статистическими позициями, позволяющими впервые удовлетворительно судить о культуре древнего населения. С этого периода

культурно-хронологические схемы севера Верхней Лены, Нижнего Витима опираются на достаточно надежную, обеспеченную в вышеуказанных аспектах источниковую базу. В терминах археологической периодизации изучаемый хронологический интервал охвачен последовательностью: средний верхний палеолит – поздний верхний палеолит – финальный палеолит – мезолит. Верхняя возрастная граница условно пролегает около 8–7 тыс. календарн. л.н., того времени, когда в большинстве районов Средней и Восточной Сибири начинается неолит (Савельев Н.А., 1989; Савельев Н.А., Свинин В.В., 1990, с. 117; Бердников И.М., 2017, с. 226; Семина Л.В., Гребенщикова О.В., 1993, с. 128; Константинов М.В., Екимова Л.В., Верещагин С.Б., 2016, с. 48–50; Мочанов Ю.А., 1977, с. 253). Общим признаком рассматриваемых в работе ансамблей севера Верхней Лены, Северного Байкала, Нижнего Витима является их докерамический, или в этом же смысле бескерамический характер. Уникальной особенностью Верхнего Витима является исключительно ранний возраст возникновения керамического производства, около 15–13 тыс. календарн. л.н. (Ветров В.М., 1992, 1997, 2000, 2006а, 2007, 2008б, 2010, 2011).

Научные проблемы, в рамках которых было направлено археологическое изучение территорий Северного Прибайкалья, обусловлены как внутренним научным дискурсом – логикой развития научного процесса, так и предписаны проблемами, общими для позднего верхнего палеолита – мезолита Восточной Сибири:

1. Адаптация населения к окружающей среде. В том числе: культурный ответ на климатические изменения среды; эксплуатация био- и минеральных ресурсов; мобильность населения в транспортировке ресурсов; коммуникации с соседним населением; сезонная мобильность культуры как адаптационного механизма; поселенческая мобильность в выборе локальных ландшафтов обитания.

2. Появление и развитие мелкопластинчатой и микропластинчатой технологий расщепления камня. Развитие техники расщепления клиновидных-торцовых и призматических нуклеусов.

3. Вариабельность морфо-типологического облика каменных ансамблей, интерпретируемая в терминах культурно-типологических процессов, функционально-технологической вариабельности, культурной трансляции.

4. Существование традиции усть-каренгской керамики в сочетании с комплексом традиций каменного производства финальнопалеолитического – мезолитического облика открывает проблему появления неолита на севере Байкальской Сибири: во-первых, характера взаимоотношений усть-каренгского населения – носителей керамической традиции с населением соседних районов, не имевшим керамики, во-вторых, в целом, времени появления керамики в регионе и наступления неолита.

Употребление терминов «средний верхний палеолит», «поздний верхний палеолит», «мезолит», «неолит» принято в работе с целью размещения научных построений на макроархеологической шкале времени в соответствии с общепринятыми значениями слов (Мезолит СССР, 1989, с. 5; Неолит Северной Евразии, 1996, с. 6–9). В связи с этим, под «средним верхним палеолитом», или средним этапом верхнего палеолита принято значение хронологического интервала около 25–19 тыс. радиоуглеродн. л.н. / 27–20 тыс. календ. л.н., т.е. начала сартанского криохрона; время, представленное в Прибайкалье, прежде всего, классическими памятниками Мальта и Буреть (Абрамова З.А., 1984, с. 315; Герасимов М.М., 1931а, 1931б, 1935, 1958; Медведев Г.И. и др., 2001, с. 46–83; Medvedev G.I., 1998, p. 123; Окладников А.П., 1941; Медведев Г.И., 1990, с. 18). Поздний верхний палеолит приходится на этапы средней части – окончания сартанского криохрона (MIS 2, стадии b-c-d), 22–13 тыс. календ. л.н. Финальный верхний палеолит приходится на этапы финального сартана – рубежа плейстоцена – голоцена (беллинг-аллеред – поздний дриас – бореал), 13–11,7 тыс. календ.

л.н. (Стратиграфия ..., 1990, с. 19–20). Следующий затем мезолит заканчивается с наступлением около 8–7 тыс. л.н. керамики и неолита (Медведев Г.И., 1971б, с. 105; Бердников И.М., Бердникова Н.Е., 2018, с. 203).

Для памятников поздневерхнепалеолитического облика севера Байкальской Сибири ведущими признаками в диссертации будут считаться техника микропластинчатого расщепления торцового – клиновидного нуклеуса в сочетании с производством отщепов и пластин с галечных, желвачных нуклеусов в технике параллельного, радиального, ортогонального расщепления с одно-, двух-, и многоплощадочных подпризматических, плоскостных и торцовых нуклеусов. В орудийном наборе – широкий спектр от архаичных форм чопперов, ретушированных по краю снятий, формальных скребел до мелких орудий – скребков, резцов, долотовидных, ножей, проверток, а также бифасов в роли орудия, орудийной и нуклеарной преформы. В качестве эталона рассматриваются стоянки Сосновый Бор – 5–3 к.г., Верхоленская Гора – 3 к.г., Усть-Белая – XVI–XIV к.г., Большой Якорь – 8–3Б к.г. (Лежненко И.Л., Медведев Г.И., Михнюк Г.Н., 1982, с. 95–98; Лежненко И.Л., 1991 с. 26–36; Медведев Г.И. и др., 2001, с. 93–95; Аксенов М.П., 1980; с. 46–61; Медведев Г.И. и др., 1971, с. 53–56; Медведев Г.И. и др., 2001, с. 113–117; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 107–200).

Для памятников мезолитического облика набор признаков будет состоять из доминирующего производства микропластин с призматических микронуклеусов, ретушированных пластин-вкладышей, угловых резцов из пластин, концевых скребков из пластин и отщепов, а также галечных рубящих орудий – формально, топоров и тесел. В качестве эталона и стандартного представителя ансамбля мезолитического облика могут быть положены раннеголоценовые комплексы Казачки, Берлоги, Итырхея, Горелого Леса, Усть-Хайты, Уст-Белой, памятники сумнагинской культуры Якутии (Горюнова О.И., 1978, 1982, 1990а, с. 135–136; 1990б, с. 138–139; Горюнова О.И., Новиков А.Г., 2000; Савельев Н.А., Горюнова О.И.,

Генералов А.Г., 1974, с. 163–164; Савельев Н.А., Тетенькин А.В., Игумнова Е.С. и др., 2000; Медведев Г.И. и др., 1971, с. 56–77; Бердникова Н.Е., 2001, с. 118–122; Мочанов Ю.С., 1977, с. 99–146, 195–200).

Собирательный образ неолитического облика имеют ансамбли культурных остатков, в которых к вышеназванным признакам мезолитического облика будут добавлены, во-первых, керамика, во-вторых, стандартизированные наконечники стрел, шлифованные топоры, тесла, ножи, кольца и диски, рыболовные крючки и стерженьки, гарпуны, рыбки-приманки. В качестве ярких представителей неолитических стоянок взяты Горелый Лес – горизонты, Усть-Хайта – горизонты, Саган-Нугэ, Берлога, Саган-Заба, Итырхей, Улан-Хада, Белькачи, Сумнагин (Савельев Н.А., Горюнова О.И., Генералов А.Г., 1974, с. 165–171; Горюнова О.И., 1990а, с. 137; 1990б, с. 140; Горюнова О.И., Савельев Н.А., 1990, с. 130–131; Горюнова О.И., Хлобыстин Л.П., 1991; Грязнов М.П., Комарова М.Н., 1991; Бердникова Н.Е., 2001, с. 122–131; Мочанов Ю.А., 1969; Археологические памятники Якутии, 1983, с. 31–34, 42–45).

Употребление нейтральной по отношению к проблемам археологии внешней шкалы климатостратиграфического времени вкупе с радиоуглеродным датированием является действенным, работающим инструментом временной организации объектов археологии, дающим возможность построения культурно-хронологических схем – схем развития культурных процессов большого хронологического диапазона. Тем не менее, в одних случаях предварительная, в других – финальная оценка и привязка к стадиям археологической шкалы времени в корреляционных целях имеет смысл передачи специфически археологических значений облика и общей хронологии археологического объекта.

Рамочным условием научного исследования является различный, неодинаковый информационный потенциал археологических памятников. В силу разной количественной, стратиграфической, тафономической и иной обеспеченности возможности археологических памятников в характеристике

древней культуры и деятельности различны. На это условия налагаются сложившиеся обстоятельства археологического изучения – давность, продолжительность, методика раскопок. Рефлексия этих обстоятельств в качестве общего научного императива (принципа) побудила нас формулировать задачу предельно возможного раскрытия индивидуального потенциала каждого объекта. Уникальные, отстоящие из общего ряда характеристики различных сторон жизни древних людей играют роль опорных знаний, характеризующих в раскрытых аспектах регион и соответствующий хронологический период в целом. Иными словами, в эпистемологическом смысле изученные объекты становятся представителями своего объектного множества. Такими объектными полями (множествами) являются рассматриваемые нами четыре района: Северный Байкал, север верхней Лены, Нижний Витим и Верхний Витим. Выделенные этапы среднего верхнего – позднего верхнего – финального палеолита – мезолита, затем Северное Прибайкалье в целом. Например, открытая на стоянке Коврижка IV антропоморфная фигура характеризует культуру позднего верхнего палеолита около 19–18 тыс. календ. л.н. не только обитателей стоянки, но и населения а) Нижнего Витима, б) Северного Прибайкалья (Тетенькин А.В., Анри А, Клементьев А.М., 2017, с. 53).

Защищаемые положения. В качестве защищаемых положений выносятся следующие тезисы:

1. Средний верхний палеолит Северного Прибайкалья (стадия 1 – ранний сартан) представлен объектами Алексеевск на р. Лена, Мамакан VI на р. Витим. Возраст этапа – ок. 28–19 тыс. л.н.
2. Поздний верхний палеолит (стадия 2 – средний-поздний сартан). Возраст 19 – 12 тыс. л.н. Представлен на Севере Верхней Лены стоянками Балышово III, Чайка II, Вешний Ручей, на северном побережье оз. Байкал – стоянками Курла I–III – 3, 2, 1 докерамические к.г., на Нижнем Витиме – Коврижка IV, Авдеиха, Большой Якорь I, Коврижка III – 2-3 к.г., Коврижка II – 5 к.г., Коврижка IV – 2 к.г., Коврижка V – 2 к.г., Нирякан – 2 к.г.; на

Верхнем Витиме – Усть-Каренга I-XVI – 8, 8а, 7 к.г. В это время складывается общий тип поздневерхнепалеолитической культуры Восточной Сибири, представленный в районах Северного Прибайкалья местными вариантами развития.

3. Финальный палеолит / мезолит (стадия 3 – ранний голоцен) представлен на Севере Верхней Лены стоянкой Любавская, на Северном Байкале – Курла IV – 2 и 3 к.г., на Нижнем Витиме – Коврижка II – 1–4Ак.г., Коврижка III – 1–1А к.г., Инвалидный III Павлова, I, на Верхнем Витиме – Нижняя Джилинда (Сивакон)-I. Возраст – около 12–7 тыс. л.н. Ведущей новацией стало распространение техники массового производства микропластин с призматических нуклеусов, традиционно воспринимаемых как признак мезолит – неолитических культур.

4. Время появления керамики на Верхнем Витиме – около 15–13 тыс. л.н., на Нижнем Витиме и на Северном Байкале – около 8–7 тыс. л.н. В целом становление неолита как стадии каменного века в регионе – около 8,5–7 тыс. л.н.

5. В течение исследуемого периода происходили эпизодические контакты и культурная трансляция, связывающие население четырех районов Северного Прибайкалья друг с другом и с сопредельными территориями. а) Контакты забайкальского направления, связывали население нижнего Витима с верхним Витимом и Забайкальем в течение всех рассматриваемых этапов. б) Эпизод культурной общности Северного Байкала и Витима имел место около 16–13 тыс. л.н. (Курла I-III, 1-2 к.г. – Большой Якорь I). в) Связи населения Нижнего Витима и севера Верхней Лены существовали, начиная с 18,5 тыс. л.н. вплоть до 7 тыс. л.н. Керамическая инновация в виде стиля сетки-плетенки на Нижний Витим принесена с долины Лены.

Научная новизна. В результате проведенных в диссертационной работе исследований были проведены ревизия, корреляция и обобщение археологических комплексов финального плейстоцена – раннего голоцена четырех районов Северного Прибайкалья и на этой основе впервые

предложена региональная схема среднего позднего палеолита – мезолита всего региона. Введены в научный оборот новые материалы, в том числе результаты раскопок и исследований автора. На основе примененного комплекса методов выстроены новые представления о хронологии, культурно-типологической принадлежности, палеоэкологии, культурных механизмах адаптации населения Северного Прибайкалья к природным условиям финала плейстоцена – раннего голоцена. В ходе работы автора над темой диссертации ряд результатов был достигнут впервые в масштабе Северного Прибайкалья. В частности, впервые открыты и изучены остатки палеолитических жилищ, найдена первая в палеолите Северо-Восточной Азии бивневая антропоморфная фигура, установлены эпизоды транспортировки минерального сырья на расстояние более 500 км и коммуникационной связи между населением нижнего и верхнего Витима с дистанцией более 700 км. Предложенная в диссертации культурно-хронологическая схема носит характер анализа и осмысления нынешнего уровня донеолитических исследований в Северном Прибайкалье, тем самым содержит качество научной новизны.

Теоретическая и практическая ценность работы состоит в том, что она вносит вклад в изучение культурных процессов как в целом по Сибири, так и в Северном Прибайкалье, в частности. Материалы диссертации могут быть включены в учебные курсы «Основы археологии» и «История археологических открытий» и другие спецкурсы и учебно-методические пособия для ВУЗов. Ряд археологических материалов музеефицирован в краеведческих музеях гг. Иркутска, Бодайбо. По результатам раскопок периодически выходят информационные выпуски в местных средствах массовой информации. На археологических памятниках Большой Якорь, Коврижка I-V, Чайка II и др. многократно проводились школьные археологические экскурсии и лагеря.

На этапе завершения диссертации исследования проводились в рамках гранта РФФИ «Адаптации охотников-собирателей в позднем плейстоцене к

природным условиям тундры севера Байкальской Сибири» (№ 18-59-22003\18), в котором диссертант выступал руководителем.

Апробация результатов исследования проводилась на протяжении всего периода подготовки работы.

Основные положения и выводы диссертации изложены в 85 научных работах на русском и иностранных языках, в том числе в 25 статьях в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК и входящих в списки Scopus и Web of Sciences (Тетенькин А.В., 2013; Тетенькин А.В., 2016; Тетенькин А.В., 2017а; Тетенькин А.В., Анри А., Клементьев А.М., 2017; Тетенькин А.В., 2018; Тетенькин А.В., Ветров В.М., Демонтерова Е.И., 2018; Тетенькин А.В., Жмур О.В., Демонтерова Е.И. и др., 2018; Тетенькин А.В., Демонтерова Е.И., Канева Е.В. и др., 2020; Тетенькин А.В., Демонтерова Е.И., Поплевко Г.Н. и др., 2021 и др.), 1 монографии (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010; Ineshin E.M., Tetenkin A.V., 2017). Результаты исследований были представлены на всероссийских и международных симпозиумах и конференциях в Иркутске (2005, 2007, 2009, 2012, 2014, 2015, 2016, 2018, 2019), Старой Руссе (2011), Владивостоке (2013), Колледж Стэйшн, США (2006), Санта Фе, США (2013), Казани (2014), Улан-Удэ (2015, 2017, 2018), Красноярске (2016), Санкт-Петербурге (2016), Барнауле (2017), Ницце (2019), Пекине (2019), Самаре (2020). Результаты и материалы научных исследований диссертанта были представлены на лекциях в университетах г. Колледж-Стэйшн, Фэйрбэнкс и Анкоридж (США) (стажировка по программе фонда Фулбрайта в Техасском А&М Университете, США, 2013-2014 гг.).

Структура работы состоит из введения, пяти глав, структурированных в несколько разделов, заключения, списка источников, списка литературы, списка сокращений и двух приложений, включающих описание археологических местонахождений, таблицы и рисунки.

Глава 1. История археологических исследований верхнего палеолита и мезолита Северного Прибайкалья.

Археологические открытия и археологические исследования в северном Прибайкалье начались позднее, чем на юге Байкальской Сибири по вполне понятным причинам удаленности, меньшей освоенности, неразвитости транспортной инфраструктуры. Тем не менее, с конца 19 века поступают сообщения о случайных археологических находках, сделанных местными жителями (Отчет ВСОРГО, 1914; Задонин О.В. и др., 2014; Краснощекое В.В., 2017). В первой половине 20 века совершены первые археологические разведки. В 1916 и 1921 гг. В.И. Подгорбунский прошел с разведкой по р. Лене (Савельев Н.А., 1991, с. 85). В устье Витима им были собраны первые артефакты. Верхний и Нижний Витим в 1920-е гг. посещали Б.Э. Петри и Г.Ф. Дебец (Аксенов М.П. и др., 2000, с.5; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 9–10). В 1941 г. А.П. Окладниковым на севере Верхней Лены открыто палеолитическое местонахождение Частинское (Окладников А.П., 1953, с. 254). Этим фактом состоялось открытие палеолита всего региона. Реальное, планомерное археологическое освоение обширных пространств северного Прибайкалья началось во 2-ой половине 20 века, уже после того, как сложилось археологическое сообщество в областном центре, г. Иркутске. История изучения донеолита имеет характер самостоятельных сюжетных линий изучения севера Верхней Лены, северного побережья оз. Байкал, Нижнего и Верхнего Витима. Эти сюжетные линии связаны с географической отдельностью указанных районов, с одной стороны, и с судьбами, личностными особенностями их исследователей, с другой.

1.1. Археологические исследования на севере Верхней Лены.

Первые реальные научные сведения об объектах эпохи палеолита в долине р. Лены связаны с именем А.П. Окладникова и относятся к 1920-м годам (Аксенов М.П., 1995, с. 45; 1998, с. 6)

К концу 1920-х гг. относятся находки А.П. Окладникова артефактов палеолитического облика первых в регионе в верховьях р. Лены – Пономарево, в 1927 г., – и в долине р. Манзурка – Степно-Балтайск, в 1928 г. (Окладников, А.П. 1953; Аксенов М.П., 1998, с. 6). С этими открытиями начинается пролематика палеолита верхней Лены.

В 1941–1944 гг. Ленской историко-археологической экспедицией Института истории материальной культуры и Якутского музея им. Е. Ярославского под руководством А.П. Окладникова были проведены плановые разведочные работы, давшие 29 новых местонахождений, относящихся, по мнению А.П. Окладникова, к палеолиту. Девять обнаруженных к северу от г. Киренска были выделены в особую киренскую группу памятников.

Среди этой группы памятников особое место занимает стоянка Частинская, расположенная на левом берегу р. Лены в 1,5 км ниже одноименного села. В кровле отложений 10-15 м террасы были обнаружены остатки двух очагов, а также скопления фаунистических остатков шерстистого носорога, лошади и песка. Каменные артефакты стоянки представлены крупными скребловидными инструментами из кварцита, дисковидным, рубящим орудием, остроконечником (Окладников А.П., 1953, с. 254), По мнению А.П. Окладникова они имеют черты сходства с «ранними стоянками сибирского палеолита типа Мальты и Бурети».

Обобщая новые материалы по долине Лены, А.П. Окладников сделал ряд выводов, относящихся к общим проблемам северо-азиатского палеолита. Частинская стоянки была признана древнейшим памятником ленского палеолита и хронологически помещена между двумя основными группами памятников палеолита Сибири: ранними стоянками типа Мальты и Бурети, с одной стороны, и Афонтовой Горой II (нижний горизонт), с другой стороны (Окладников А.П., 1953). Второй вывод касается границ ойкумены раннего этапа верхнего палеолита Сибири. На основе находок из Частинской, Мироновой, Мархачан А.П. Окладникову высказался о заселении людьми

района верхней Лены в период синхронный Мальте и Бурети. В последующие годы Ю.А. Мочанов делал подход к исследованию Частинской (Мочанов Ю.А., 1977, с. 5). Заложенные им шурфы дали лишь единичные фаунистические находки.

Становление археологии севера Верхней Лены в нынешнем виде стало результатом интенции развития иркутской археологии 2-ой половины 20 века. Формирующийся, новый научный коллектив во главе с Г.И. Медведевым, М.П. Аксеновым, В.В. Свининым, Н.А. Савельевым приступил к освоению Прибайкалья в направлениях бассейнов двух главных рек Ангары, Лены и побережья озера Байкал, с юга на север. На Лене лидером этого научного движения был М.П. Аксенов. Он начал в 1966 г. с Качугского участка Верхней Лены, где, благодаря довоенным еще работам А.П. Окладникова, были известны Макарово I, Шишкино I (Аксенов М.П., 1990, с. 22, 24). Первые экспедиции проводились под эгидой Иркутского областного краеведческого музея, а затем с 1971 г. Ленской партией Комплексной археологической экспедиции Иркутского Госуниверситета (Аксенов М.П., 1995, с. 45; 1998, с. 7). Этот район в 1960–1990-е гг. стал научным полигоном развития верхнеленской археологии. Здесь начинали научную деятельность и формировались как специалисты очень многие представители Иркутской школы археологии: В.М. Ветров, М.В. Шуньков, В.А. Лынша, В.В. Есипов, Т.А. Абдулов, П.Е. Шмыгун, В.Т. Зубков, Е.М. Инешин, О.В. Задонин, С.Н. Пержаков, М.Ю. Семин, А.В., Краснощеков В.В., Тетенькин и др. Под лидерством М.П. Аксенова формировался «ленский» научный стиль, методика разведки и полевых работ, научный подход, в целом (Аксенов М.П., 1995, 1996, 2000, 2009). Разведочными маршрутами ЛАП КАЭ ИГУ в бассейне верхнего течения Лены на северном участке была выявлена стоянка «Давыдовский пережат», которая была отнесена к позднему палеолиту по сумме показателей стратиграфии и морфотехнологии инвентаря (Аксенов М.П., 2009, с. 184–185).

Одновременно с работами иркутян на севере верхней Лены в 1967, 1974 гг. под руководством Ю.А. Мочанова велись работы Приленской Археологической Экспедиции ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР (Мочанов Ю.А., 1977; Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., 1980; Археологические памятники Якутии, 1983), однако результаты работ практически не опубликованы, лишь констатируется «сумнагинский» облик ряда верхнеленских стоянок.

С 1985 г. на севере Верхоленья (Киренский, Усть-Кутский, Казачинско-Ленский районы Иркутской области) самостоятельные археологические работы стал вести О.В. Задонин, ученик М.П. Аксенова и В.М. Ветрова. За короткое время им во главе Североленского отряда КАЭ ИГУ, а затем Новостроечной научно-изыскательской был открыт и изучен в разной степени ряд перспективных местонахождений.

В 1985 г. открыта стоянка Любавская I. В результате раскопочных работ и радиоуглеродного датирования она была отнесена к мезолиту, возрастом около 10 000 тыс. л.н. (Задонин О.В. и др., 2014).

В 1988 г. открыт ансамбль археологических местонахождений Балышово I-V, содержащий комплексы культурных остатков от раннего палеолита до неолита (Задонин О.В., Хомик С.Н., Инёшин А.В., 1990; Задонин О.В., 1992; Задонин О.В., Дзюбас С.А., 2002; Задонин О.В. и др., 2014).

В 1990–1991 гг. О.В. Задонин открыл и раскапывал стоянку Алексеевск I, отнесенную к средней поре верхнего палеолита, датированную возрастом около 24–22 тыс. рад. л.н. (Задонин О.В., 1996). О.В. Задонин указывал на наибольшее сходство индустрии Алексеевска-I с Усть-Ковой (поздний комплекс 3-го к.г.), Мальтой, Буретью, Ачинском и отмечал контрастное отличие от дюктайской культуры Якутии (Задонин О.В., 1996, с. 25).

В этих же 1990–1991 гг. учеником О.В. Задонина А.В. Инёшиным состоялось открытие и затем раскопки стоянки Чайка II около г. Усть-Кута. Стоянка была отнесена к финальному палеолиту возрастом около 14–12 тыс. рад. л.н. (Инёшин А.В. и др., 1991; Инёшин А.В. и др., 2019).

В 1992 г. О.В. Задониным открыты палеолитические местонахождения Усть-Кута I, II, Брагин Ручей. В этом же году А.В. Инёшиным открыто местонахождение позднего палеолита Зыряновка I (Задонин О.В., Дзюбас С.А., 2002).

В 1992 г. О.В. Задониным, С.Н. Пержаковым, В.В. Краснощековым, С.А. Дзюбасом и др. на р. Киренге, главном притоке на северо-верхненленском участке были открыты местонахождения Усть-Берея I, II. Далее, в 1993, 1995 гг. этим объектом занимался уже только В.В. Краснощек. Археологический материал основного местонахождения Усть-Берея I смешан, и был датирован в широких пределах от палеолита до неолита (Краснощек В.В., 2002).

В 1994 г. О.В. Задониным и С.А. Дзюбасом на р. Лене открыто местонахождение Вешний Ручей, содержащее три культурных горизонта, нижний из которых был отнесен к финальному палеолиту, около 14–12 тыс. л.н. (Задонин О.В., Дзюбас С.А., 2002, 2003).

Кроме этих местонахождений следует назвать еще ряд памятников, открытых в разное время О.В. Задониным. Это Кривая Лука, Парфеновка, Улькан I, Красноярово (Задонин О.В., Дзюбас С.А., 2002).

В 1996 г. О.В. Задонин трагически погиб. Его, «задонинское» десятилетие в изучении севера Верхней Лены было самым ярким периодом в археологии этого района. О.В. Задонин заложил здесь основу фонда памятников. Им же была сделан первый подход к построению археологической периодизации севера Верхней Лены (Задонин О.В. и др., 2014, с. 35; Задонин О.В., Дзюбас С.А., 2002, с. 44–45). В ней реперными объектами, репрезентирующими собой каменный век вплоть до неолита, представлены памятники:

Балышово I, V, Кривая Лука, Парфеново, Красноярово II, Улькан I – ранний-средний палеолит;

Алексеевск – средний верхний палеолит;

Балышово III – поздний верхний палеолит;

Любавская I – мезолит.

На контрасте индустрии Алексеевска им было обозначено отличие от дюктайской культуры соседней Якутии и подчеркнуто морфотипологическое сходство с мелкопластинчатыми культурами Средней Сибири, в первую очередь с Мальтой и Буретью (Задонин О.В., 1996, с. 25). О.В.

Следует отметить также высказанную О.В. Задониным идею специфики палеолита и мезолита севера Верхней Лены, выраженной в смене субстрата артефактов на рубеже начала неолита (Задонин О.В., 1990, с. 118). В неолите – бронзовом веке вместо галек кварцита, кремня и эффузивных пород с местных речных пляжей и склонов преобладающим становится желвачный кремень светлых тонов. На основе резкой смены традиций отбора поделочного сырья каменных индустрий был поставлен вопрос о преемственности неолитических комплексов Северной Лены местному мезолиту (Задонин О.В., 1990, с. 118).

Из археологов, близких к О.В. Задонину и занимавшихся вместе с ним и после него археологией севера Верхней Лены, следует назвать С.А. Дзюбаса, С.Н. Пержакова, его учеников – А.В. Инёшина и В.В. Краснощекова, внесших свой вклад. В последующие годы 1997–2020 гг. работы на севере Верхней Лены продолжали С.А. Дзюбас, В.В. Краснощеков, С.Н. Пержаков, А.С. Козырев. Повторно осматривались уже открытые памятники. Небольшие по объему работы производились на местонахождениях Алексеевск, Чайка II. В.В. Краснощеков вел работы на Усть-Берее 1, 2 в 1997 г. В 2007 гг. на р. Киренга В.В. Краснощековым открыта стоянка Бамовская (Краснощеков В.В., 2009). По радиоуглеродной дате ее возраст определен около 18 тыс. рад. л.н. (Краснощеков В.В., 2009, с. 242). В.В. Краснощеков проводит с 1994 г. археологические разведки в долине р. Киренга, крупнейшего притока в северной части Верхней Лены. Помимо Усть-Береи и Бамовской им был открыт и изучался еще ряд

местонахождений: Марьина Тропа, Брикачан и др. (Краснощеков В.В., 2001, 2003).

Публикация материалов исследований О.В. Задонина затянулась на несколько лет. Часть работ была издана коллегами после его смерти (Задонин О.В., Дзюбас С.А., 2002, 2003; Задонин О.В. и др., 2014).

К сожалению, большая часть памятников остается в самом зачаточном состоянии изученности, когда известен лишь подъемный археологический материал, либо проведены единичные шурфовочные, ограниченные раскопочные работы, а результаты фигурируют лишь в отчетах, или в кратких предварительных публикациях. Подробные аналитические статьи были сделаны О.В. Задониным и его коллегами по стоянкам Балышово I, III, Алексеевск I, Любавская I, Чайка II (Задонин О.В., 1992, 1996; Задонин О.В. и др., 2014; Инёшин А.В. и др., 2019). Археологические исследования на севере Верхней Лены продолжают вестись, но в целом, к сожалению, без подлинного лидера археологии произошло снижение темпов работ в этом районе. Север Верхней Лены имеет важное значение в проблематике изучения древней культуры Ленского бассейна. Именно в этом районе р. Лены в 1941 г. А.П. Окладниковым открыт первый палеолитический памятник палеолита на р. Лене – стоянки Частинская (Мочанов Ю.А., 1977; Аксенов М.П., 2009, с. 25; Питулько В.В., Павлова Е.Ю., 2010, с. 17). Участок долины р. Лены от Усть-Кута до Витима, по сути, является контактным с обширной областью Якутии, для которой Ю.А. Мочановым и С.А. Федосеевой в 1970-е годы была создана периодизационная культурно-хронологическая схема (Мочанов Ю.А., 1977). Отсюда имеет значение вопрос о характере древнего культур на этой пограничной, смежной территории. Самый верхний от истока до с. Верхоленска участок Лены – Качугско–Верхоленский стратотипический район – имеет хорошо разработанную археологию каменного века (Аксенов М.П., 1990; 2009; Зубков В.С., 1982; Пержаков С.Н., 1986; 2006; Пержаков С.Н., Аксенов М.П., Куклина С.Л., 1998).

Северный участок Верхней Лены географически является составной частью Северного Прибайкалья (рис. 1, 2). К востоку от него находятся археологически в разной степени освоенные районы Северный Байкал (Шмыгун П.Е., 1978; Шмыгун П.Е., Ендрихинский А.С., 1978; Medvedev G.I., 1998), Верхний Витим (Аксенов М.П. и др., 2000; Ветров В.М., 1992, 1997, 2006, 2008, 2010) и Нижний Витим (нижнее течение впадающего в Лену Витима с притоками в пределах Байкало-Патомского нагорья (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2005; 2010; Тетенькин А.В., 2018).

1.2. Археологические исследования на Северном Байкале

Археологическое освоение северного Байкала начато в 1960-е гг. Честь проведения первых работ принадлежит В.В. Свинину, который в 1963–1965 гг. руководил экспедициями Иркутского областного краеведческого музея, Иркутского государственного университета, Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР. Им открыто 23 археологических местонахождения (Свинин В.В., 1966).

Вторым исследователем Северного Байкала стал Л.П. Хлобыстин, работавший в этом районе с 1963 г. Два местонахождения Лударская I и III были им определены как донеолитические (Хлобыстин Л.П., 1965). Собранный на Лударской III подъемный материал имел признаки сходства с артефактами финальнопалеолитических горизонтов Верхоленской Горы и Черемушника. Для Лударской III на этом основании был предложен возраст XII–XI тыс. до н.э. и дано стадийное определение «эпипалеолит» (Хлобыстин Л.П., 1965, с. 253-255). На второй стоянке Лударская I нижний культурный горизонт содержал археологический материал, который Л.П. Хлобыстин сопоставил с XI слоем Улан-Хады (Хлобыстин Л.П., 1965, с. 271-272).

В.В. Свинин, рассматривая основания для выделения Л.П. Хлобыстиным эпипалеолита, совершенно верно ухватил главную тафономическую специфику Лударской I и III, а по нашему мнению, и большинства археологических местонаждений Северного Байкала –

компрессионный характер и наличие в одних отложениях и находок «эпипалеолитического» облика, и керамики (Свинин В.В., 1966, с. 56). В этих обстоятельствах типологический подход остается единственным путем научного изучения: выделение по морфологическим признакам артефактов палеолит-мезолитического облика, типы которых определены благодаря своей принадлежности к стратифицированным и датированным комплексам. Для неолита эту же роль играет керамика (Свинин В.В., 1966, с. 56).

В 1975 г. на побережье Байкала от пос. Нижнеангарск до устья р. Тья в связи со строительством Байкало-Амурской магистрали совместно со специалистами ИЗК СО АН СССР начала работы Комплексная археологическая экспедиция ИГУ под руководством П.Е. Шмыгуна. Главным итогом стало открытие местонахождений Курла I-VI (Шмыгун П.Е., Сизиков А.М., 1977; Шмыгун П.Е., 1978а). В 1976–1977 гг. П.Е. Шмыгуном на Курле I-III, VI проводились спасательные работы. Судя по данным стратиграфии и морфо-типологии материала, выявленные местонахождения представляли собою участки единого обширного стояночного комплекса. Выделено всего 8 пунктов. Основные материалы дали Курла I-III. Стратиграфические колонки, культурные горизонты были скоррелированы и составлена сводная стратиграфическая схема. Открытие Курлы стало главным событием в истории изучения палеолита и мезолита Северного Байкала. Впервые для этого района были открыты несмешанные, стратифицированные, морфо-типологически, статистически и планиграфически выразительные, т.е. «чистые» комплексы. В нижнем, 3-м культурном горизонте открыт совершенно оригинальный комплекс микролитической индустрии, чья радиоуглеродная дата – 24060 ± 5700 л.н. (СОАН-1397) дала поразительно древний возраст. Яркий облик этого комплекса притянул на себя основное внимание (Шмыгун П.Е., 1978а, 1978б, 1981; Шмыгун П.Е., Сизиков А.М., 1977; Шмыгун П.Е., Ендрихинский А.С., 1978; Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1980, 1982). Микролитический характер и возраст прибайкальских стояночных комплексов Красного Яра I, Соснового Бора, Курлы I-III и

других стали едва ли не главным аргументом в развитии на рубеже 70-80-х гг. иркутскими археологами концепции мезолита (Лынша В.А., 1978; Медведев Г.И., Михнюк Г.Н., Шмыгун П.Е., 1978; Медведев Г.И., 1980; Бердникова Н.Е., 1990).

2-й докерамический культурный горизонт (д.к.г.) Курлы I-III, VI по трем радиоуглеродным датам имеет возраст около 15-13 тыс. л.н. (по углю из Курлы III – 15200±1250 л.н. (СОАН-1396); по кости – 13160±960 л.н. (СОАН-1396-К); по углю из Курлы VI – 14150±960 л.н. (СОАН-1398). Однако, будучи, практически, не опубликованным, комплекс остается в тени.

Два донеолитических горизонта голоценового времени (II и III к.г.) были раскопаны на Курле IV в 1979 г. Т.А. Абдуловым. Нижний, III культурный горизонт Курлы IV был соотнесен с 1-м донеолитическим объединенным горизонтом Курлы I-III (II к.г. Курлы I) (Абдулов Т.А., 1991, с. 61).

Фактически, с открытием Курлы тематика палеолита – мезолита на Северном Байкале получила мощное развитие в лице новых комплексов, ставших эталонными для хронологического интервала 24-20 – 7 тыс. л.н.

Основные публикации, 3-го, нижнего докерамического горизонта Курлы прошли в конце 1970-х – начале 1980-х гг. (Шмыгун П.Е., 1978а, 1978б, 1981; Шмыгун П.Е., Сизиков А.М., 1977; Шмыгун П.Е., Ендрихинский А.С., 1978; Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1980, 1982). В силу возможностей того времени материалы 3 к.г. по нынешним меркам освещены довольно скромно. А строительство БАМа и естественная экзарация береговой линии оз. Байкал, практически, полностью уничтожили оставшуюся перспективную площадь.

Новый всплеск работ с материалами Курлы I-III произошел в 2000-е гг. Были защищены дипломные работы учеников П.Е. Шмыгуна Г.Н. Молчанова и П. В. Топчий, посвященные изучению каменной и костяной индустрии Курлы I-III (Молчанов Г.Н., 2007; Топчий П.В.). Они дали подробное описание выбранных аспектов и подтвердили все основные выводы о

культурно-хронологической принадлежности и возрасте донеолитических комплексов. В 2019 г. Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н. и Липнина Е.А. опубликовали материалы 1-го объединенного донеолитического культурного горизонта Курлы (2-го к.г. Курлы I), в котором опубликовали новые даты по нижнему, 3-му объединен. донеол. к.г., полученные с нашей помощью: 13380 ± 70 л.н. (Poz-106025) и 13790 ± 70 л.н. (Poz-106027) (Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А., 2019, с. 7). По сути, они значительно омолаживают возрастное определение нижнего комплекса и ставят его в близкую хронологическую позицию к возрасту 2 объедин. донеолит. к.г.

Обозначим теперь основные аспекты исследований и проблемные ситуации, вызванные открытием Курлинской группы стоянок. Прежде всего, каменная индустрия 3 донеолитического к.г. весьма нетипична. Этот ассамбляж имеет ярко выраженный микролитический облик, что выражается, во-первых, в большой серии клиновидных микронуклеусов весьма миниатюрных в остаточных и начальных формах (Шмыгун П.Е., 1978; Шмыгун П.Е., 1981, с. 126). Высота фронта обычно не превышает 2 см. Преформами микронуклеусов были небольшие овальные бифасики. Ударные площадки готовились снятием продольного реберчатого или лыжевидного скола, т.е. по сути, в юбецоидной технике подготовки нуклеуса. Однако прямых технических аналогов все же нет. Во-вторых, весьма необычна и выразительна серия миниатюрных орудий в виде отщепов с выделенными мелкой краевой ретушью шипами и выемками, ретушированными краями, интерпретированных на основе трасологического анализа как резцы, резчики и скобели (Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1982, с.21). Вместе с изделиями из кости они составили комплекс, характеризующий вид деятельности – обработку кости и костяное производство. Прямых аналогов в памятниках позднего палеолита – мезолита Байкальской Сибири этой группе орудий нет. В иркутском палеолитоведении выводы о функциональном назначении орудий на основе трасологических исследований в таком полном объеме получены впервые.

Костяное производство было одним из основных видов деятельности на стоянке. С изготовлением вкладышевых костяных орудий связано, очевидно, и производство микропластин. Открыты уникальные примеры линейного и перовидного мотивов гравировки на кости (Шмыгун П.Е., 1981: рис. 2 – 5; Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1982: рис. 1 – 1, 2, 3, 4; Medvedev G.I., 1998: Fig. 129 – 1).

Наконец, парадоксально древним являлся радиоуглеродный возраст 3-го к.г. около 24 тыс. л.н. Он задан единственной радиоуглеродной датой с экстремально большим допуском (± 5700 лет), что, по современным представлениям, делает ее недостаточно валидной и спорной. Сознвая это, П.Е. Шмыгун с соавторами выдвигали в поддержку такого возраста аргумент о близкой датировке расположенного недалеко от Курлы конечно-моренного пояса в долине реки Рель, но одновременно и признавали спорность датировки (Шмыгун П.Е., Ендрихинский А.С., 1978; Шмыгун П.Е., 1981, с. 127). Отмечалось, что даты по 2 докерамич. культурному горизонту гарантируют, что возраст нижнего, 3-го д.к.г. древнее 15–13 тыс. рад. л.н. (там же). Лишь в 2019 г. были получены новые даты по 3 докерамическому горизонту (Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А., 2019, с. 7). Они близки к наиболее молодой дате 2 объед. донеолит. к.г. $13\ 160 \pm 960$ (СОАН-1396-К), полученной также по кости.

Однако в течение долгих лет древняя датировка 3 докерамического культурного горизонта воспринималась и с возможными поправками рассматривалась как один из аргументов появления мезолита в Прибайкалье около 20–18 тыс. л.н. (Медведев Г.И., 1980, с. 4; Лынша В.А., 1980, с. 11–12). Необычайно ярко выраженный микропластинчатый и микролитический облик каменной индустрии побуждал к выделению на его основе курлинской археологической культуры (Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1982: с. 22).

Второй докерамический культурный горизонт, имея три даты, обеспечен радиоуглеродными определениями лучше. Однако, 2-й горизонт не получил такого внимания как нижний, 3-й д.к.г. Материалы его лишь

кратко опубликованы в статье 1978 г., диссертации В.А. Лынши (Шмыгун П.Е., Ендрихинский А.С., 1978; Лынша В.А., 1980, с. 12). В них отмечалось отличие индустрий 2 и 3 д.к.г. друг от друга и различная культурная принадлежность (Шмыгун П.Е., 1981, с. 127). Указывалось сходство комплекса 2 д.к.г. с 1-м докерамическим культурным горизонтом (Шмыгун П.Е., 1981, с. 126).

Первый докерамический культурный горизонт Курлы I-III был представлен клиновидными нуклеусами, трансверсальными резцами, гарпуном верхоленско-ошурковского типа и др. На основании этих морфотипологических аргументов и данных стратиграфии он отнесен к верхоленской культуре, мезолиту и финалу плейстоцена – раннему голоцену (9–12 тыс. л.н.) (Шмыгун П.Е., 1981, с. 125). Материалы коллекции 1 д.к.г., впервые полно опубликованы учениками П.Е. Шмыгуна Г.Н. И Д.Н. Молчановыми (Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А., 2019).

По нашему мнению, представления о 1 и 2 сводных докерамических горизонтах страдают общим для Курлы недостатком недоизученности: нет развернутой аргументации выявленного сходства 1 и 2 д.к.г. друг с другом, нет радиоуглеродных определений возраста 1 д.к.г., отсутствует морфотипологическая корреляция с памятниками р. Витим и южного Забайкалья.

Особняком стоит пункт Курла IV, исследовавшийся Т.А. Абдуловым. Он содержит два бескерамических горизонта. Нижний (III-й) к.г. определен как раннеголоценовый и мезолитический и отнесен к верхоленской культуре (Абдулов Т.А., 1991, с. 59). Он соотнесен также с 1 д.к.г. Курлы I-III. Верхний (II-й) бескерамический горизонт Курлы IV охарактеризован как финально-мезолитический (Абдулов Т.А., 1991, с. 58). Одним из оснований для этого вывода послужила находка тесла «с перехватом», типичного для финального мезолита Прибайкалья.

В 1998 г. в США вышла книга «Палеолит Сибири: новые открытия и интерпретации», в которой Г.И. Медведевым написана глава «Позднепалеолитические памятники на юге Центральной Сибири»

(Medvedev G.I., 1998). Как самые выразительные и знаковые в нее вошли стоянки Военный Госпиталь, Игетейский Лог I, Мальта, Буреть, Красный Яр и Курла I-VIII. По мнению Г.И. Медведева, возраст нижнего, 3-го докерамического Курлы, скорее всего, моложе имеющейся радиоуглеродной даты 24060 ± 5700 л.н. (СОАН-1396) на 1900 лет (Medvedev G.I., 1998, с. 132). Тем не менее, в возрастном определении около 20 тыс. л.н. Курла наряду с Мальтой, Буретью и нижними горизонтами Красного Яра отнесена к «классическому» этапу позднего палеолита, для которого ведущими признаками являются: 1) расщепление призматических нуклеусов, 2) остатки жилищ, 3) предметы искусства (Medvedev G.I., 1998, с. 123, 132).

Г.И. Медведев отнес нижний комплекс Курлы I-III к кругу южносибирских позднепалеолитических памятников Восточной Сибири, противопоставив дюктайской культуре. Как наиболее культурно-типологически близкие были названы нижние комплексы Красного Яра в Прибайкалье и Икарал в Забайкалье (Medvedev G.I., 1998, с. 132). Таким образом, определение нижнего комплекса Курлы как мезолитического было снято с повестки, и он вписан в картину верхнего палеолита Восточной Сибири.

Напротив, Дж. Фленникен в статье «Палеолитическая дюктайская техника отжима пластин в Сибири» отнес все три докерамических комплекса к дюктаю и технике клиновидного нуклеуса, хоть и названной им дюктайской, но, по сути, технике, уже известной как юбецу (Flenniken J.J., p. 117–118; Morlan R.E., 1976, fig. 2).

В последующие после раскопок Курлы I-VIII годы (1984–2020 гг.) исследования на Северном Байкале проводили, в основном, археологи под руководством А.В. Харинского (ИГУ, а затем ИрГТУ – ИРНТУ). Они были нацелены преимущественно на поздние отделы археологии – неолит, бронзовый и железный век (Харинский А.В., Емельянова Ю.А., Рыков Г.К., 2009; Харинский А.В., Емельянова Ю.А., Кичигин Д.Е., 2015). Однако, большинство памятников побережья Северного Байкала в силу довлеющей

тафономической специфики осадконакопления имеет смешанный, компрессионный культурный слой, вмещающий культурные остатки и более древних эпох. В них по типологическим признакам выделяются артефакты палеолитического и мезолитического облика.

Материалы одного из таких местонахождений, Балтаханова III, в 2004 г. изучал Е.М. Инешин. Он описал несмешанное скопление культурных остатков, по облику определенных как палеолит-мезолитические (Инешин Е.М., Карнышев И.С., 2005). Стратиграфия их в силу малой мощности отложений малодиагностична. Для донеолитического возрастного определения основанием послужили отсутствие керамики и артефакты микролитического технокомплекса расщепления: микронуклеусы, микропластинки.

Как нестратифицированные мезолитические (донеолитические) были определены местонахождения Балтаханова V, Горячая 1–4 (Тетенькин А.В., Харинский А.В., 2016; Тетенькин А.В., Кичигин Д.Е., Коростелев А.М., 2019)

На Северном Байкале помимо Балтаханова III изделия палеолит-мезолитического облика (тесла с перехватом, асимметричный бифас, трансверсальные резцы) в разное время были найдены на местонахождениях Балтаханова II, Богучанская IV, о-в Богучанский, Красный Яр II – 1 к.г. (Тетенькин А.В., Кичигин Д.Е., 2018).

Подводя итоги полувековой истории изучения донеолитических комплексов Северного Байкала, следует выделить три этапа исследований (Тетенькин А.В., Кичигин Д.Е., Коростелев А.М., 2019, с. 53).

1 этап (1964 – 1974 гг.) – начальный, «лударский» этап. Его инициаторами стали В.В. Свинин и Л.П. Хлобыстин. Основным итогом стало открытие археологических комплексов донеолитического облика Лударская I, III. В этот период археологи встретились с основной компрессионной тафономической спецификой культуровмещающих отложений Северного Байкала.

2 этап (1975 – 1979 гг.) – «курлинский» этап, принесший наибольшие научные плоды. Основными исследователями были П.Е. Шмыгун, Т.А. Абдулов. Была открыта и раскопана группа стоянок Курла I-VIII. Выявлены стратиграфически несмешанные донеолитические культурные комплексы радиоуглеродным возрастом около 24–21 тыс. л.н. / позднее – 13,8–13,3 тыс.л.н. (3 д.к.г.), 15–13 тыс. л.н. (2 д.к.г.), 12–8 тыс. л.н. (1 д.к.г.), 7 тыс. л.н. (верхний д.к.г. Курлы IV). 2-й и 1-й сводные докерамические культурные горизонты определены как культурно единые, соотнесены с верхоленской мезолитической культурой. Нижний комплекс 3 д.к.г. оценен как уникальный в технико-типологическом и хронологическом аспектах. В этом качестве он послужил в разные годы П.Е. Шмыгуну и лидеру Иркутской археологии Г.И. Медведеву материалом для развития региональной концепции мезолита и для организации региональной палеолитической схемы.

3 этап (1979 – 2017 гг.) – «посткурлинский» этап изучения палеолита и мезолита Северобайкальского побережья. В орбиту внимания археологов эпизодически попадали культурные остатки донеолитического облика. Основными исследователями этого периода стали А.В. Харинский, Д.Е. Кичигин, Ю.А. Емельянова, Е.М. Инешин.

1.3. Археологические исследования на Верхнем Витиме

В 1974 г. М.П. Аксенов организовал первую иркутскую археологическую разведку по Верхнему Витиму от с. Романовка до с. Усть-Каренга протяженностью 550 км. Главным результатом стало открытие группы археологических местонахождений в устье р. Каренга (Аксенов М.П., и др., 2000, с. 9). Первые случайные археологические находки в районе устья р. Каренги были сделаны несколькими годами ранее геологом В.Х. Шамсутдиновым, и М.П. Аксенов со спутниками этой информацией располагали. В составе отряда М.П. Аксенова был В.М. Ветров, который затем и возглавил археологическое изучение Верхнего Витима на последующие 40 лет вплоть до конца своей жизни (2015 г.). По Верхнему Витиму и его притокам было обнаружено около 170 археологических

памятников (Аксенов М.П., и др., 2000). Наиболее важные местонахождения сконцентрированы в участках устьев рек Каренга, Юмурчен, в Муйской и Бамбуйской котловин. Базовым, опорным стал ансамбль Усть-Каренга I-XVI. Для всех 16 его пунктов, находящихся в единой геоморфологической ситуации, была дана единая стратиграфическая схема и единая нумерация культурных горизонтов. Всего выделено 9 культурных горизонтов, из которых верхний 1 к.г. отнесен к железному веку, 2 к.г. – к позднему неолиту – раннему бронзовому веку (усть-юмурченская культура), 3–6 к.г. – к неолиту, среднему – раннему голоцену, 7 к.г. – к неолиту финальноплейстоценового возраста, 8 и 8а к.г. – докерамические комплексы финальносартанского (финальноплейстоценового) возраста (Аксенов М.П., и др., 2000, с. 13–16).

На Усть-Каренге состоялось открытие древнейшей в регионе Байкальской Сибири керамики финальноплейстоценового возраста около 15–13 тыс. кал. л.н. / 12–11 тыс. рад. л.н., синхронной первым керамическим комплексам Дальнего Востока Азии. Ее тип получил обозначение «усть-каренгская керамика». Этим же эпонимом была обозначена «усть-каренгская культура». Ее поздний этап представлен 3–4 культурными горизонтами Усть-Каренги I-XVI, датируемыми временем атлантического оптимума – пребореала – 6–4,5 тыс. л.н. (Ветров В.М., 1992, 2011а). Важно отметить, что керамика поздних горизонтов, практически, тождественна керамике 7 культурного горизонта. Изменения наблюдаются только в каменной индустрии. На раннем этапе она имеет финальнопалеолитический – мезолитический облик. 8-й и 8а культурные горизонты представляют бескерамический вариант усть-каренгской культуры.

В 1977 г. на устье р. Нижняя Джилинда открыт многослойный памятник Нижняя Джилинда (Сивакон) (Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М., 1993). Выделено 8 культурных горизонтов. Нижние 5, 5а и 6 к.г., датируемые в пределах 9–7 тыс. л.н., не содержат керамики и имеют шлифованные орудия из местного витимского светло-зеленого (белого)

нефрита, отсутствующие на Усть-Каренге I–XVI. В 5 культурном горизонте Нижней Джилинды I открыто самое древнее на Витиме погребение. Усилиями Д.В. Пежемского, В.М. Ветрова, Е.М. Инешина были предприняты антропологические исследования (Пежемский Д.В., Рыкушина Г.В., 1998). Д.В. Пежемскому и Г.В. Рыкушиной принадлежит идея принадлежности черепов из Нижней Джилинды и Туой Хая (Виллой) к одному антропологическому типу, наиболее древнему, бытовавшему на территории Восточной Сибири уже в мезолите (Пежемский Д.В., Рыкушина Г.В., 1998, с. 133). В.И. Базалийским джилиндинское погребение было включено в «щукинскую» группу позднемезолитических захоронений (Базалийский В.И., 2011). Активно изучением джилиндинского погребения занимается Е.М. Инешин (Ветров В.М., Инешин Е.М., Пежемский Д.В., 2016; Vetrov V.M., Ineshin E.M., 2019). Образцы костяка были включены в программу палеогенетических исследований, проводимых международным коллективом ученых (Kılınc G. M., Kashuba N., Yaka R. et al., 2018).

На основе изучения юмурченской группы памятников была выделена усть-юмурченская археологическая культура позднего неолита – раннего бронзового века (Ветров В.М., 1992; 2011б). На Усть-Каренге I–XVI она представлена 2-м культурным горизонтом. Определенные надежды на изучение этой культуры были возложены на стоянку Усть-Янтала II, содержащую 8 четко стратифицированных культурных горизонтов позднеголоценового возраста (Аксенов М.П. и др., 2000, с. 13–14).

В 1977 г. открыта группа местонахождений Старый Витим I–III. На Старом Витиме II обнаружено неолитическое погребение. В начале 2000-х гг. В.М. Ветровым были предприняты масштабные раскопки могильника. В результате выявлено 8 погребений и 4 кенотафа и 3 искусственные ямы (Ветров В.М., 1982, 2002, 2003, 2008а; Людников В.О., 2010; Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В., 2019, 2020). Определен возраст могильника около 8,2–7,2 тыс. кал. л. н. По погребальному обряду и инвентарю была отмечена схожесть погребений с щукинской финальномезолитической

группой Прибайкалья и раннеолитической фофановской группой погребений южного Забайкалья.

Специфика археологии каменного века Нижнего Витима, прежде всего, в том, что она почти вся неолитическая. Неолит, т.е. керамика, как его главный признак, появляется чрезвычайно рано, 12–11 тыс. рад. л.н. Докерамических комплексов, более древних, известно лишь два – 8 и 8а культурные горизонты Усть-Каренги I–XVI. Другие, более молодые бескерамические комплексы, в частности, Нижняя Джилинда – 4, 5, 5а, 6 к.г., оцениваются, именно, как исключительные на фоне феномена ранней неолитической керамики. Сам автор открытия В.М. Ветров этому исключительному обстоятельству древности керамики уделял наибольшее внимание, посвятив ему ряд научных работ (Ветров В.М., 1992, 1997, 2000, 2006а, 2007, 2008б, 2010, 2011а; Ветров В.М., Кузьмин Я.В., 2005). В связи с открытием в Приамурье (Гася, Хумми, Гончарка-1) и Приморье стоянки (Черниговка, Устиновка-3, Горный Хутор), Манчжурии (Мяоян, Сярендун, Сяонаньшань, Хотаомуга, Ючаньан), Кореи (Косанри, о. Чейчжу) и Японии (Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Х., 1998, с. 98; Гарковик А.В., 2005, с. 126) керамических комплексов финально-сартанского возраста, в том числе с орнаментом шагающей гребенки, В.М. Ветров полагал наиболее вероятной версию связи усть-каренгской керамики с восточно-азиатским очагом керамического производства, но при этом отмечал наличие подобного орнамента и в Приуралье (Ветров В.М., 2006, с. 175; 2007, с. 32; 2011, с. 176; (Derevianko A.P., Medvedev V.E., 1995; Лапшина З.С., 1999, 2000; Окладников А.П., Медведев В.Е., 1983; Шевкомуд И.Я., Чернюк А.В., Кузьмин Я.В., 2001; Шевкомуд И.Я., 2004, 2005; Гарковик А.В., 2005, с. 129; Деревянко А.П. и др., 2017, с. 6; Гарковик А.В. 2000, 2005, с. 125–126; Гарковик А.В., Кадзивара Х., 2003; Деревянко А.П., Зенин В.Н., 1996; Кузьмин Я.В., Алкин С.В. и др., 1998; Джалл Э., О’Малли Ж. и др., 1998; Джалл Э., Бурр Дж. и др., 2001; Кузьмин Я.В., 2002; Гарковик А.В., 2005, с. 126; Lixin W., Sebilaud P., 2018; Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Х., 1998, с.

98; Гарковик А.В., 2005, с. 126; Ли Х., 1996; Гарковик А.В., 2005, с. 126; Аксенов М.П. и др., 2000, с. 14–15; 2006а, с. 174–175; 2007, с. 132; 2011, с. 176; Vetrov V.M., Ineshin E.M., 2019, с. 470–471)).

В археологическом сообществе ряд специалистов настороженно принял, или до сих пор не принимает датировок керамики возрастом финального плейстоцена. К числу последовательно критикующих несогласных относится М.В. Константинов (Константинов М.В., 2016, с. 185; Константинов и др., 2018, с. 15).

Сотрудником и ученицей М.В. Константинова И.И. Разгильдеевой с соавторами была опубликована статья о том, что керамические комплексы Студеного-1 и Усть-Мензы-1 также имеют финальноплейстоценовый возраст (Разгильдеева И.И., Куникита Д., Яншина О.В., 2013 с. 170–173). Такой же возраст в результате радиоуглеродного датирования получила керамика стоянки Красная Горка в Забайкалье (Tsydenova N. et al., 2017, p. 87–89). Хронологически последним событием в этом научном споре стала статья ученика В.М. Ветрова П. Хоммела с соавторами (Оксфордский университет, Великобритания), продатировавшего термолюминисцентным методом культуровмещающие отложения на Усть-Каренге (Хоммел П.Н. и др., 2017). Этот независимый от радиоуглеродного метод датирования, в общем, подтвердил предложенный В.М. Ветровым возраст.

Феномен усть-каренгской культуры, джилиндинские бескерамические комплексы, муйский могильник Старый Витим II побудили В.М. Ветрова высказать идею о культурных изолятах в котловинах долины Витима, самобытно и длительно существовавших в конце плейстоцена – голоцене (Ветров В.М., 1992, с. 9; 2002, с. 11–12).

Раннее появление керамики на Нижнем Витиме наряду с ее отсутствием на Нижней Джилинде поставило вопрос о том, как оценивать эти комплексы в терминах мезолита и неолита (Ветров В.М., 1990). Дело в том, что на раннем этапе сопровождающий керамику каменный ансамбль имеет финальнопалеолитический–мезолитический облик. На позднем этапе

он может быть определен как позднемезолит–неолитический. Что на Витиме следует принять за мезолит? Как атрибутировать 7 культурный горизонт Усть-Каренги I–XVI: как керамический палеолит (мезолит), или финальноплейстоценовый неолит? От феномена древности этой керамики кругами расходятся проблемы объяснения, почему в соседних районах Северного Байкала, Муйской и Бамбуйской котловин и далее Нижнего Витима усть-каренгской керамики не найдено, почему уже ранняя керамика столь технологична (тонкостенна, стандартна, регулярна в технологии лепки и декорирования), почему от 12 до 4,5 тыс. рад. л.н. керамика, практически, не меняется, каково происхождение усть-каренгской керамики, каковы пути миграции людей и идей?

Иной иную позицию в вопросе истории населения Витима высказал Е.М. Инешин (Ветров В.М., Инешин Е.М., Пежемский Д.В., 2016; Ветров В.М., Инешин Е.М., 2019). Его гипотеза состоит, во-первых, в общности обитателей стоянок Большой Якорь I и Усть-Каренга I–XVI в едином хозяйственном цикле (Ветров В.М., Инешин Е.М., Пежемский Д.В., 2016, с. 138; Ветров В.М., Инешин Е.М., 2019, с. 467–468), во-вторых, в принадлежности к одной группе населения обитателей Нижней Джилинды (Сивакона) I и Усть-Каренги (Ветров В.М., Инешин Е.М., Пежемский Д.В., 2016, с. 138–139; Ветров В.М., Инешин Е.М., 2019, с. 468–469), в-третьих, в связанном происхождении митохондриальной гаплогруппы человека из Нижней Джилинды и усть-каренгской керамики из Юго-Восточной Азии (Ветров В.М., Инешин Е.М., 2019, с. 469–470).

Нахождение усть-каренгских и других нижневитимских памятников на одной реке с нижневитимскими Большим Якорем I, Коврижкой I–V, Инвалидным III и др. связывает оба района в единое направление поиска связей коммуникации между памятниками Верхнего и Нижнего Витима, между группами населения обоих районов. Эту работу вместе с В.М. Ветровым начал его ученик Е.М. Инешин, с 1985 г. приступивший к самостоятельным работам на Нижнем Витиме. Они начали с проверки

гипотезы эксплуатации обеими группами населения одних, общих источников экзотического каменного сырья: графитита, гиалоциста (Инешин Е.М., Ревенко А.Г., Секерин А.П., 1998; Ветров В.М. и др., 2000). Затем в орбиту исследований были включены витимский нефрит, вулканическая пемза, аргиллит (Алексеев А.Н. и др., 2006; Демонтерова Е.И. и др., 2014; Тетенькин А.В., Ветров В.М., Демонтерова Е.И. и др., 2018).

Несмотря на то, что на верхнем Витиме отсутствуют стратифицированные местонахождения древнего палеолита, известны единичные находки артефактов архаичных по морфологическому облику и по степени сохранности поверхностей, происходящие как из более молодых стратифицированных каменных ансамблей, так и из единичных подъемных сборов. В.М. Ветров полагал за ними присутствие палеолита (Аксенов М.П. и др., 2000, с. 16–17; Ветров В.М., 2009).

Вместе с В.М. Ветровым на Верхнем Витиме в разные годы работали сотрудник его экспедиций А.П. Трифонов, Е.М. Инешин, О.В. Задонин, Д.Л. Шергин, П. Хоммел (Великобритания) и другие. Работы проводились под эгидой Иркутского областного краеведческого музея, Иркутского государственного университета, Иркутского государственного педагогического университета, Бурятского института общественных наук БФ СО АН СССР.

Довольно долго оценка древнего возраста усть-каренгской керамики оставалась обеспеченной только данными стратиграфии. В 1990-2000-е гг. была получена серия радиоуглеродных дат по нагару на керамике, углю из слоя, подтвердившая первоначальную возрастную оценку около 12–11 тыс. л.н. Помимо радиоуглеродного анализа аналогичные возрастные определения были поучены палеомагнитным (К.С. Бураков и И.Е. Начасова, Институт Физики Земли РАН) и термолюминисцентным (П. Хоммел, Оксфордский университет) методами датирования. В исследовании редких маркерных минеральных пород в культурных остатках Верхнего Витима были применены рентгено-структурный, рентгено-флуоресцентный и ряд

других геохимических методов (А.Г. Ревенко, А.П. Секерин, Е.И. Демонтерова, Е.В. Канева, Институт Земной Коры СО РАН). Широко задействованы были собственно археологические методы аппликации (ремонажа), планиграфического анализа, морфо-типологии, статистики и др. Методами физической антропологии изучалось джилиндинское погребение (Пежемский Д.В., Рыкушина Г.В. и др.).

Хронологически новейшим результатом археологических работ стала полная публикация материалов могильника Старый Витим II (Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В., 2019, 2020).

1.4. Археологические исследования на Нижнем Витиме

Чсть открытия первого палеолитического памятника на Нижнем Витиме принадлежит Ю.А. Мочанову и С.А. Федосеевой. В 1975 и 1976 гг. здесь работал Витимский отряд ПАЭ ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР под руководством С.А. Федосеевой. Ими был выявлен ряд местонахождений, два получили научную характеристику и известность. Это стоянки Авдеиха и Большая Северная (Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., 1980).

Стоянка Авдеиха стала первым палеолитическим объектом на Витиме. Она раскапывалась Ю.А. Мочановым с 1973 по 1975 гг. Выделено было три культурных горизонта А, В, С и получены первые в районе радиоуглеродные даты около 12 и 15 тыс. л.н. (Мочанов Ю.А., 1975, 1977). Ю.А. Мочанов копал Авдеиху в обстоятельствах уже уже открытой им в 1967 г. Дюктайской пещеры и выделенной дюктайской культуры. 60-70-е гг. прошлого столетия были временем активного создания им схемы культурно-хронологической периодизации каменного века Северо-Восточной Азии. Этим объясняется и общая оценка Авдеихи, и недолгий период ее изучения, которое, по сути, стало отвлечением Ю.А. Мочанова от работ на Алдане. Стоянка Авдеиха отнесена к дюктайской культуре Северо-Восточной Азии. В качестве основания для этого были положены общий облик каменной индустрии, содержащей и ключевые признаки – бифасы и клиновидные нуклеусы из бифасов, во-первых, и финальноплейстоценовый радиоуглеродный возраст,

во-вторых. Были сделаны несколько определений костей животных (Мочанов, 1977, с. 220, таблица Д). В книге “American Beginnings”, вышедшей в США, Ю.А. Мочановым и С.А. Федосеевой опубликован один лист иллюстраций археологического материала (Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A., 1996, Figure 3–36). Позднее Авдеихой занималась сотрудница Центра арктической археологии и палеоэкологии человека ЯФ СО РАН Н.В. Антипина. Ею были опубликованы результаты морфологического изучения и технологических реконструкций чопперов и галечных нуклеусов из Авдеихи (Антипина Н.В., 2001, 2005).

Вторая нижневитимская стоянка Большая Северная раскапывалась в 1973 г. С.А. Федосеевой (Мочанов Ю.А., 1977, с. 206–209). Это раннеголоценовый комплекс, характеризуемый доминированием микропластин из высококачественного кремня, снятых с призматических микронуклеусов, а также рядом других изделий, типичных для сумнагинской раннеголоценовой культуры Северо-Восточной Азии. Керамика в этом комплексе отсутствует.

Этими двумя культурно-хронологическими определениями Авдеихи к дюктайской культуре, а Большой Северной – к сумнагинской Нижний Витим был надолго вписан в Приленскую культурно-историческую область и культурно-хронологическую модель развития каменного века Северо-Восточной Азии (Тетенькин А.В., 2018, с. 185). Эта первая идея, или научная концепция, представившая район Нижнего Витима. В начале 2000-х гг. Ю.А. Мочанов, знакомясь с коллекцией Большого Якоря, также оценил его как вполне дюктайский комплекс. Пожалуй, не будет преувеличением утверждать, что идея соотнесения палеолитических и мезолитических ансамблей Нижнего Витима с дюктайской и сумнагинской культурами Якутии с того времени стала обязательной аналитической процедурой (Белоусов В.М. и др., 1990; Тетенькин А.В., 1999, 2000; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2005, 2010).

С 1985 года начинается новый этап в истории изучения Нижнего Витима. Е.М. Инешиным, В.М. Ветровым и Н.Е. Бердниковой была открыта стоянка Большой Якорь I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010). С 1985 по 1998 гг. памятник раскапывал Е.М. Инешин. По характеру комплексности и полноте исследований Большой Якорь выведен на уровень опорных, наиболее исследованных объектов, таких как Мальта, Макарово IV, Студеное и др.

Среди методов изучения Большого Якоря I следует назвать массированное радиоуглеродное датирование. Серия насчитывает 29 дат (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 53–55). Палеонтологами Н.В. Мартыновичем, А.М. Клементьевым, Ф.И. Хензыхеновой, М.С. Губиным были даны 28 видовых определений орнито-, терио-, ихтиофауны (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, табл. 5.1). Полученный палеонтологический комплекс стал в регионе наиболее репрезентативным и опорным в характеристике природно-климатической обстановки финального плейстоцена. Впервые в археологии севера Восточной Сибири Е.М. Инешин применил инновационный метод определения сезона гибели животных по зубам, разработанный Г.А. Клевезаль (Клевезаль Г.А., 1988).

Впервые в регионе севера Байкальской Сибири был применен комплекс палеомагнитных исследований. К.С. Бураков и И.Е. Начасова (Институт Физики Земли АН СССР) построили палеомагнитную возрастную шкалу для Большого Якоря I и методом измерения параметров магнитного поля очажных камней установили температуры нагрева камней и характер смещенности (Бураков К.С. и др., 1992). Одним из акцентов изучения Большого Якоря I Е.М. Инешиным было широкое применение аппликативного метода (ремонтажа), в местном, иркутском археологическом сообществе пропагандировавшегося М.П. Аксеновым (Аксенов М.П., 1981). Полученная серия апплицированных блоков стала самой представительной в Прибайкалье. Она позволила аргументированно проводить технологическое

моделирование и реконструкции систем расщепления камня (Инешин Е.М., 1993; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 1995; 2010).

В начале 1990-х гг. коллекцию Большого Якоря I изучала трассолог Н.Е. Кононенко. Полученные результаты позволили развить высказанную ранее на основе материалов 6 слоя Ушков I-V (п-ов Камчатка) идею орудийного функционирования бифаса на каждом шаге редукции в технологической последовательности техники «юбецу» (Диков Н.Н., Кононенко Н.А., 1990; Инешин Е.М., 1993; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 217–218). Речь идет о том, что представление о продольном расщеплении бифаса снятием краевого и лыжевидного сколов только для того, чтобы сделать преформу клиновидного микронуклеуса, неверно. Бифас использовался как орудие, и прием снятия лыжевидных сколов использовался в целях подживления рабочего края. Лишь после нескольких этапов орудийной деятельности – редукции остаток бифаса использовался как преформа для нуклеуса. Несмотря на широту проявления традиции юбецу от Прибайкалья до Аляски и Хоккайдо эта идея до сих пор остается не востребованной.

Первая культурно-типологическая оценка каменной индустрии Большого Якоря I отмечала сходство его с дюктайской культурой Якутии, с одной стороны, и с верхоленской мезолитической культурой, с другой (Белоусов В.М. и др., 1990, с. 64).

Одновременно с ростом знаний о стоянке Большой Якорь I росло и понимание необходимости выработки научного подхода и такого видения объекта, которое позволило бы наиболее адекватно синтезировать полученные результаты. Имеющиеся в научной практике иркутской школы культурно-типологическая, морфо-типологическая, геоархеологическая парадигмы не вполне соответствовали ставящимся задачам интерпретации Большого Якоря I. На этом этапе работы с объектом совместно с Е.М. Инешиным принял участие и автор (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2003; Тетенькин А.В., 2003). В качестве теоретико-методологического основания

Е.М. Инешиним и автором были применены идеи Г.П. Щедровицкого, разрабатывавшего в советской философии теорию деятельности и системно-деятельностный подход (Щедровицкий Г.П., 1995; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 1995; 2010). Основные выводы были сделаны относительно функции стояночных комплексов культурных горизонтов Большого Якоря I. Они были охарактеризованы как кратковременные охотничьи лагеря зимнего, либо весеннего сезона (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010). Преобладание бифасиальных изделий над унифасиальными скоррелировано с оппозицией зимние vs весенние стоянки. Оно было сформулировано в терминах бифасиальной и отщепово-унифасиальной стратегией расщепления, связанных с сезонной доступностью литоресурса.

Планиграфические исследования позволили очертить разнообразные очажные кратковременные деятельностные ситуации, выделить в ряде культурных горизонтов парные очажные структуры, в трех случаях найти аргументы существования легких жилищ (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 115, 133, 197).

Зооархеологические исследования помимо масштабной палеоландшафтной характеристики вылились в реконструкции охотничьей деятельности. По минимальным показателям количества особей определяемых видов посчитаны суммарные показатели полезного веса добытых крупных млекопитающих. При этом проживание людей на стоянке в период охоты обеспечивалось потреблением мелкой добычи, доступной поблизости: зайцев, песцов, птиц, рыб (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 253).

Результаты исследования Большого Якоря I были изложены в ряде статей и монографической публикации (Белоусов В.М. и др., 1990; Инешин Е.М., 1993; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2004, 2005, 2006, 2010). Памятник стал опорным для археологии севера Байкальской Сибири. Ряд его знаний обрел эталонный характер для региона. Разработанная методика раскопок,

аналитического изучения и теоретико-методологический подход были перенесены на изучение новых объектов.

В 1995 г. А.В. Тетенькиным и Е.М. Инешиним была открыта группа местонахождений Коврижка (Тетенькин А.В., 1996, 2000, 2010). Последующие работы проводил Тетенькин А.В. В течение 1996–2018 гг. выделены пять пунктов. Изучение Коврижки I-V проходило в русле того научного подхода и методов, которые были выработаны при исследовании Большого Якоря. Полученные результаты осмысливались на фоне этого опорного памятника. Новые представления развили научную картину археологии Нижнего Витима в целом ряде направлений.

Пункт Коврижка I дал археологический комплекс 2-го культурного горизонта возрастом около 6 тыс. рад. л.н. / 6,8–7,0 тыс. кал. л.н. (Тетенькин А.В., 2010). Керамика не была найдена. В составе коллекции есть концевые скребки из крупных пластин из коричневого аргиллита по морфологии и субстрату идентичные изделиям из двух ям-кладов Усть-Каренги XVI на Верхнем Витиме. Проведенный рентгено-флуоресцентный анализ образцов с обоих местонахождений показал практически полную тождественность химического состава каменной породы обоих артефактов (Тетенькин А.В., Ветров В.М., Демонтерова Е.И. и др., 2018; Тетенькин А.В., 2018, с. 185). Такой степени совпадение означает происхождение обоих образцов от одного источника точечного масштаба вплоть до одного куска породы. Возраст ям-кладов Усть-Каренги XVI определен как атлантический (Ветров В.М., 2008а), т.е. синхронный датировке Коврижки I. Этот результат стал первым, подтверждающим идею контактов населения Нижнего и Верхнего Витима в каменном веке в столь высокой степени валидности.

На Коврижке II были открыты культурные горизонты, содержащие каменную индустрию дюктайского верхнепалеолитического облика раннеголоценового возраста, около 8,0 тыс. рад. л.н. / 9,2 тыс. кал. л.н. (Тетенькин А.В., 2010). Это обстоятельство впервые противоречило якутской культурно-хронологической периодизационной схеме, содержащей

положение о смене дюктайской культуры на сумнагинскую на рубеже плейстоцена – голоцена (Мочанов Ю.А., с. 250). На Нижнем Витиме впервые выявлено существование комплекса палеолитических традиций каменного производства еще в начале голоцена. В сущности, открытие столь поздних комплексов дюктайского палеолитического облика стало первым аргументом и поводом рассматривать Нижний Витим как район своеобразного развития культуры каменного века конца плейстоцена – начала голоцена, нетождественного якутской культурно-хронологической модели. Типологический облик изделий 3, 4, 4А культурных горизонтов Коврижки II обнаружил большое сходство с каменной индустрией Авдеихи. Это касалось клиновидных нуклеусов, орудий из отщепов и сколов, чопперов и чоппингов и др. Оба памятника и Авдеиха, и Коврижка II оказались отличными от Большого Якоря I в аспекте клиновидных нуклеусов. Авдеихе и Коврижке II не присущи нуклеусы техники юбецу, характерные для Большого Якоря I. Тем самым впервые была выявлена неоднородность облика позднепалеолитических ансамблей Нижнего Витима, изначально формально соотнесенных с дюктайской культурой.

Местонахождение Коврижка III доставило культурные остатки нескольких эпизодов обитания, сгруппированных в интервалах 11,4–10,4 тыс. рад. л.н. и 8,3–8,0 тыс. рад. л.н. / 13,2 – 12,2 тыс. кал. л.н. и 9,2 – 9,1 тыс. кал. л.н. (Тетенькин А.В., 2010; 2016а; Tetenkin A., Smith H., Henry A., 2016). Нижние комплексы представили каменную индустрию в возрасте, следующем за временем стоянки Большой Якорь I. Вновь, как и на Коврижке II, индустрия оказалась отличающейся, прежде всего, в аспекте микронуклеусов техники юбецу. Ее нет на Коврижке III. Нуклеусы и весь ансамбль каменного инвентаря обнаружили больше сходства с Авдеихой и Коврижкой II.

Во 2-м культурном горизонте Коврижки III были найдены кусочки вулканической пемзы. Вулканологами А.В. Ивановым и Е.И. Демонтеровой по химическому составу было установлено происхождение пемзы с

Удоканского вулканического поля, расположенного уже за пределами Байкало-Патомского нагорья, к юго-востоку от Коврижки, в бассейне Среднего Витима (Демонтерова Е.И. и др., 2014). Расстояние от Коврижки до источника вдоль речной сети превышает 500 км. Этот результат стал первым свидетельством столь удаленной доставки ресурсов и способности древнего населения к эксплуатации территорий, удаленных на сотни километров. Удоканское вулканическое поле находится на полпути от Коврижки до Усть-Каренги, второго археологического района, обитаемого в финале плейстоцена. Ясно, что мобильность населения в этом направлении проходила по «витимскому коридору».

Феноменом Коврижки III стали гнейсовые плиты, ориентированные на северо-запад – юго-восток, найденные в различных композициях организации очага, залегания плашмя цепочкой, положения на ребре (Тетенькин А.В., 2016а; Tetenkin A., Smith H., Henry A., 2016). Наиболее сложная постройка имела Y-образный контур и была сооружена с приемами вкапывания, поддержки камнями, надстройки, пазового соединения, обработки краев плит. Эта сфера строительной деятельности совершенно по-новому охарактеризовала культуру древнего населения. В эпизоде обитания 1А культурного горизонта были найдены остатки гнейса – свидетельства подновления этой постройки. В 1 культурном горизонте, возрастом около 8,0 тыс. рад. л.н. залегала самая поздняя гнейсовая плита на ребре, ориентированная в том же направлении. Таким образом, гнейсовые сооружения Коврижки III продемонстрировали специфическую культурную традицию, существовавшую около 11–8 тыс. рад. л.н. Причем поздние датировки представлены ансамблями совершенно иного – мезолитического облика. Это комплексы типа стоянки Большой Северной, отнесенной Ю.А. Мочановым и С.А. Федосеевой к сумнагинской культуре (Мочанов Ю.А. 1977, с. 206–209). Связь традицией гнейсовых сооружений ансамблей дюктайского – палеолитического и сумнагинского – мезолитического облика,

разорванных во времени существования около 2000 лет, стала главным выводом этого исследовательского сюжета.

В каменной индустрии нижних 2 и 3 культурных горизонтов найдены первые призматические микропластинчатые нуклеусы. Важно, что они были именно в контексте палеолитической индустрии и свидетельствуют о зарождении этой техники, получившей свое развитие в ансамблях сумнагинского облика.

В изучении Коврижки III впервые на севере Байкальской Сибири применен антракологический анализ древесных углей. Он был проведен специалистом археоботаником-антракологом А. Анри из университета Ницца – Антиполис (Франция) (Анри А., Тетенькин А.В., 2014). В условиях плохо сохраняющихся костей древесные угли стали альтернативной возможностью палеоэкологической характеристики изучаемых объектов.

В 2004 г. А.В. Тетенькиным был заложен шурф на площади Коврижки IV, давший первый материал. А в 2007 году автором в составе ансамбля археологических местонахождений Коврижка была выделена в самостоятельный пункт Коврижка IV (Тетенькин А.В., 2010). В ходе ее исследования на сегодняшний день выделено 16 уровней залегания культурных остатков, преимущественно, в отложениях пойменного аллювия. Радиоуглеродное датирование показало, что, начиная с кровли аллювия, культурные остатки имеют возраст древнее 14 тыс. рад. л.н. (Тетенькин, 2017б). Самый ранний датированный, 6 культурный горизонт определен около 15,7 тыс. л.н. Таким образом, нижние культурные горизонты Коврижки IV оказались древнее Авдеихи и Большого Якоря и, в целом, стали самыми ранними четко стратифицированными комплексами на Витиме. Изучение их открыло перспективу разносторонней характеристики нового для археологии Нижнего Витима этапа позднего палеолита.

Наиболее информативными и изученными на сегодняшний день являются 2Б, 2Г и 6 культурные горизонты (Тетенькин А.В., 2014, 2016б, 2017б, 2019; Тетенькин А.В. и др., 2016; Тетенькин А.В., Анри А.,

Клементьев А.М., 2017). В 6 культурном горизонте выявлены остатки жилища, впервые для севера Байкальской Сибири обладавшего ярко выраженными признаками. Изучение этого комплекса позволило выделить функциональные зоны внутри жилища и на прилегающей территории. Определен видовой состав фауны и древесных остатков, на основе чего предложены реконструкции ландшафта, климата и сезона (Тетенькин А.В., Анри А., Клементьев А.М., 2017). Ряд сюжетов жилища – т.н. «парные камни», охра в слое, перекрытие центрального очага, костяная статуэтка – свидетельствуют о развитом ритуально-символическом контексте обитания людей (Тетенькин А.В., Жмур О.В., Демонтерова Е.И. и др., 2018). Антропоморфная фигура стала первой такой находкой в палеолите Северо-Восточной Азии к востоку от знаменитых «венер» Мальты и Бурети.

Второй жилищный комплекс 2Г культурного горизонта и очажно-хозяйственный комплекс 2Б культурного горизонта дополнили наши представления о палеолитической культуре в аспекте использования древними людьми охры (Тетенькин А.В. и др., 2020). Впервые на Витиме и, в целом, на севере Байкальской Сибири получены уникальные свидетельства широкого применения охры, и в том числе окрашивания обитаемой жилой зоны.

Уникальным результатом стало установление идентичности черного алевритового вещества из засыпки центрального очага жилища 6 к.г. и из круглого диска искусственной формы, найденного у очага 2Б к.г. Полученные данные свидетельствуют о длительной традиции особой манипуляции с очагом (Тетенькин А.В., Жмур О.В., Демонтерова Е.И. и др., 2018).

Каменная индустрия 6, 3Б, 3/2, 2Г и особенно 2Б культурных горизонтов позволила составить технико-типологический портрет позднего палеолита этого периода. В том числе на основе большой серии клиновидных нуклеусов охарактеризована техника микропластинчатого производства. Этот комплекс представлений стал самым полным и древним для

микронуклеусов неюбецеидного исполнения, присущих стоянкам Авдеиха, Коврижка II, III, IV. Для его обозначения предложен термин «коврижская техника подготовки клиновидного нуклеуса» (Тетенькин А.В., 2017а; 2017в). Вместе с тем в 2Б, 4 и 5 культурных горизонтах найдены и продукты расщепления бифасов в технике «юбецу», характерной для Большого Якоря I. Индустрия 2Б–6 культурных горизонтов продемонстрировала черты сходства не только с дюктайской культурой Якутии, но и со студеновской культурой южного Забайкалья, представленной памятниками Студеное 1-2, Усть-Менза 1-2, Усть-Кяхта 17. Открытое в 6 к.г. жилище усиливает идею культурной близости обоих районов и ставит вопрос о возможном влиянии, или культурной трансляции.

В 2015 – 2018 гг. во 2Г культурном горизонте Коврижки IV были раскопаны остатки второго жилища (Тетенькин А.В. и др., 2020). В исследовании этого комплекса был применен комплекс методов планиграфии, статистики, морфотипологии, трасологии, геофизики, геохимии. Определена температура нагрева нескольких очажных камней. Определен химический состав охры – гематита. Сплошное трасологическое обследование артефактов из камня позволило выявить группы орудий – мясных ножей, резчиков, скобелей по кости и рогу, скребков по шкурам – не только из морфологически выраженных изделий, но и из сколов, не имеющих намеренной вторичной обработки.

В 2019 г. с открытием на Коврижке IV пятна концентрации 2 культурного горизонта и проведением стратиграфических работ был определен возрастной интервал времени существования этого горизонта около 11,5–11,2 тыс. рад. л.н. и составлена культурно-типологическая характеристика каменного ансамбля. Он стал четвертым после 2 и 3 к.г. Коврижки III, 5 к.г. Коврижки II комплексом возрастом около 11 тыс. некалибров. лет назад.

В 2018 г. на Коврижке IV в 1 культурном горизонте были найдены фрагменты керамики с оттисками стеки-плетенки. Открытие

стратифицированной керамики позволило приступить к решению проблемы становления неолита на Нижнем Витиме.

В изучении Коврижки IV был применен опыт, наработанный в изучении Большого Якоря I и Коврижки III, включая комплекс естественно-научных и археологических методов: палеонтологический, антракологический, палеомагнитный, радиоуглеродный, рентгенофлуоресцентный, трассологический, аппликативный, морфотипологический и др. Остатки конструкции жилища 2Г горизонта музеефицированы – вывезены и экспонированы в Иркутском областном краеведческом музее.

Пункт Коврижка V выделен в 2012 году (Исаев А.В., Тетенькин А.В., 2015). Выделены два культурных горизонта с датировками около 7,5 и 9,8 тыс. рад. л.н.

В 2020 г. на Коврижке IV полевые работы были продолжены. Закончены раскопки очажного комплекса 3/2 культурного горизонта, имеющего радиоуглеродный возраст ок. 15,3–15,4 тыс. л.н. Начаты раскопки комплекса культурных остатков 3Б к.г.

На сегодняшний день ансамбль археологических местонахождений Коврижка I–V является «точкой роста» археологии каменного века севера Байкальской Сибири. В результате работ 1995–2020 гг. были впервые подняты, или получили новый импульс развития: проблема культурной специфики Нижнего Витима и Байкало-Патомского нагорья в конце плейстоцена – раннем голоцене на фоне Северо-Восточной Азии, проблема культурной вариабельности ансамблей означенного периода, проблема изучения искусства и знаково-символической сферы культуры, проблема изучения строительной деятельности и жилищ, проблема изучения адаптации населения к окружающей среде, проблема мобильности и культурных связей с населением Верхнего Витима и Забайкалья, в целом. Изучение Коврижки I–V открыло новый этап палеолитоведения Нижнего Витима, охватывающие

время до и после Большого Якоря I, внесло вклад в те сферы научного знания, которые не были заполнены материалами этого опорного памятника.

В 1995 г. Е.М. Инешиным из группы стоянок Инвалидный было выделено местонахождение Инвалидный III. Работы на нем велись Е.М. Инешиным и автором в 1997, 2002-2003, 2010-2011, 2018 гг. В пределах Инвалидного III выделены пункты 1, 2, 3 (Инешин А.В., Тетенькин А.В., 2005).

Пункт 1 представил археологический комплекс палеолитического облика, имеющий раннеголоценовый возраст, с датировкой по кости около 6 тыс. л.н. В нем найден клиновидный нуклеус из бифаса, выполненный в технике юбецу, сходный с нуклеусами Большого Якоря I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010). Кроме того, ведущим каменным субстратом 1 к.г. пункта 1 Инвалидного III оказался коричневый аргиллит. Единственным аналогом является 3В культурный горизонт Большого Якоря I, где также доминирует коричневый аргиллит, микронуклеусы сделаны в технике юбецу (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010). Стало ясно, что традиции, составившие ансамбли типа Большого Якоря, существовали с финала плейстоцена на протяжении раннего голоцена (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2005, с. 102; Тетенькин А.В., 2017а, с. 108).

Второй пункт Инвалидного III содержит индустрию совершенного иного, мезолитического облика (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2005, 2010, с. 211). Для нее характерно массовое микропластинчатое производство с призматических нуклеусов. Важным компонентом являются галечные тесла, в том числе тесла «с перехватом». В орудийном наборе – концевые скребки, резцы, резчики и вкладыши из пластин. Субстрат резко отличается от сырья палеолитических комплексов и состоит из хорошего качества кремня и халцедона. Радиоуглеродный возраст около 8,9 тыс. л.н. Типологически ближайшим аналогом является стоянка Большая Северная. По сути, она открыла собою целый ряд подобных комплексов сумнагинского

мезолитического облика, в которых Инвалидный III – пункт 2 является одним из самых репрезентативных.

Третий пункт Инвалидного III изучен лишь провизорно. Он датирован около 8,8 тыс. рад. л.н. По облику и морфологии каменных изделий аналогичен пункту 2 Инвалидного III.

Еще одним памятником, внесшим важный вклад в развитие представлений о каменном веке на Нижнем Витиме, стал Мамакан VI (Тетенькин А.В., 2014в). Памятник был открыт в 1996 г. Е.М. Инешиным. Основные раскопки состоялись только в 2011 году. Его археологические остатки залегают в отложениях древней дельты р. Мамакан на самой высокой для памятников этого района гипсометрической отметке 36 м над р. Витим. Археологический материал включен в пачку солифлюксия, смявшего, судя по радиоуглеродным датам образцов из углистых линз, отложения большого хронологического диапазона от 21 до 7 тыс. л.н. Поэтому прямое радиоуглеродное датирование возраста невозможно. Облик каменного материала архаичен и, в целом, не типичен для палеолита Нижнего Витима. Комплекс почти весь был разрушен карьером. Коллекция изделий невелика. Ее отличительной чертой являются микронуклеусы и резцы.

Микронуклеусы (всего два экземпляра) отличаются и от коврижского и от большеякорского юбецоидного типов. Они подобны нуклеусам ранних 19, 20 горизонтов Усть-Мензы-2, микронуклеусам Туяны (Тункинская котловина, Южное Прибайкалье), нуклеусу из 5 горизонта стоянки Толбор-15 (Константинов М.В., 1994; Козырев А.С. и др., 2012; Gladyshev S.A. et al., 2010; Тетенькин А.В., 2018, с. 183). Диагонально-срединные резцы с ретушно притупленными краями являются выразительной формой дальневосточных палеолитических памятников, в частности, Суворово III (Васильевский Р.С., Гладышев С.А., 1990). Все эти обстоятельства, архаичный облик и дальние аналогии изделий, древние среди прочих радиоуглеродные даты, высокое положение в долине Витима, стали доводом отнесения Мамакана VI ко времени, предшествующему эпизодам

обитания стоянок Коврижка IV, Авдеиха и Большой Якорь, т.е. древнее 15–16 тыс. рад. л.н. Возраст стоянки Мамакан VI определяется в пределах первой половины сартана. Таким образом, в местной культурно-хронологической композиции Мамаканского геоархеологического района ансамбль Мамакана VI занял наиболее раннюю позицию.

В 2012 г. А.В. Тетенькиным была открыта стоянка Павлова I. Она расположена в пределах Мамаканского геоархеологического района, содержащего памятники Большой Якорь I, Коврижка I-V, Инвалидный III, Мамакан VI. Стоянка Павлова I содержит два культурных горизонта раннеголоценового возраста. Оба они принадлежат ассамбляжам типа Большой Северной. В 2019–2020 гг. Г.Н. Поплевко (ИИМК РАН) и А.А. Улановым (ИРНТУ) был проведен трасологический анализ материалов микропластинчатой индустрии Павлова I, позволивший выявить разнообразные функциональные следы на морфологически однотипных пластинах и сколах. Полученные результаты стали первым трасологическим исследованием микропластинчатой мезолитической индустрии в Северном Прибайкалье (Уланов А.А., Тетенькин А.В., 2019; Уланов А.А. и др., 2020; Поплевко Г.Н., Уланов А.А., Тетенькин А.В., 2020).

В 2020 г. в среднем течении р. Мама, крупнейшего притока Витима в нижнем его течении, был открыт палеолитический комплекс археологического местонахождения Нирьякан. Особенностью комплекса его переотложенных культурных остатков стало сочетание архаичных, восходящих к облику раннего верхнего палеолита, компонентов радиального, леваллуазского, субпараллельного расщепления с диагностичной финальнопалеолитической формой трансверсального резца, определяющей в целом культурно-типологическую позицию ассамбляжа среди стоянок финального сартана – финального палеолита. Существенным вкладом в наши представления об обитании людей в Северном Прибайкалье стала сама позиция стоянки Нирьякан во внутренней части Байкало-Патомского нагорья в перигляциальной зоне, вблизи от горно-долинных ледников.

Рассмотрим теперь основные исследовательские сюжеты, получившие развитие на Нижнем Витиме.

Складывающаяся культурно-хронологическая схема донеолитических комплексов формирует местную специфику района Нижнего Витима и Байкало-Патомского нагорья. По ряду позиций она соотнесена с дюктайской культурой. Однако, было осознано, что тезис о смене дюктайской культуры на сумнагинскую на рубеже начала голоцена здесь не работает, и поздние комплексы дюктайского палеолитического облика имеют раннеголоценовый возраст (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2005, 2010; Тетенькин А.В., 2009а, 2010). Сама дюктайская общность на Нижнем Витиме распадается на ансамбли типа Большого Якоря с техникой юбецу и ансамбли типа Авдеихи с коврижжинской техникой микронуклеуса.

С другой стороны, открытия ансамблей Мамакана VI, Коврижки III, IV, V, в том числе ряда маркерных признаков (микронуклеусов, «толбагинских» пластин, жилища, орудия типа усть-кяхтинского остроконечника), характерных для позднего палеолита южного Забайкалья, поставили вопрос о культурном влиянии и общности обоих районов Восточной Сибири (Тетенькин А.В., 2017г).

Еще более узко и конкретно эта тема была сфокусирована как проблема выделения связей между населением нижнего и верхнего Витима (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2011). Впервые она была поднята Е.М. Инешиним во время изучения Большого Якоря I. Для обоснования существовавших контактов помимо морфо-типологического сходства элементов каменной индустрии в роли аргумента использовались данные об эксплуатации населением обоих мамаканского (Нижний Витим) и усть-каренгского (Верхний Витим) районов одних и тех же источников экзотического сырья: графитита, гиалодацита (Инешин Е.М., Ревенко А.Г., Секерин А.П., 1998; Ветров В.М. и др., 2000).

Затем тема поиска археологических связей обоих районов получила развитие в сюжетах происхождения кусков вулканической пемзы из 2

культурного горизонта Коврижки III с Удоканского вулканического поля, находящегося в бассейне среднего течения Витима (Демонтерова Е.И. и др., 2014), и в установлении естественно-научными методами идентичности образцов аргиллита, из которого были изготовлены морфологически подобные артефакты из Коврижки I и Усть-Каренги XVI (Тетенькин А.В., Ветров В.М., Демонтерова Е.И. и др., 2018).

С открытием Коврижки II и III стала очевидной неоднородность ансамблей каменной индустрии палеолитического облика. Указанные комплексы продемонстрировали отсутствие юбецоидной системы расщепления, характерной для Большого Якоря I. С датированием палеолитических комплексов Коврижки II и Инвалидного III раннеголоценовым возрастом обозначилась ситуация синхронного, начиная с рубежа голоцена существования еще и комплексов сумнагинского мезолитического облика. Морфо-типологическая и технико-типологическая специфика ассамбляжей была сформулирована выделением трех типов: типа Авдеихи, типа Большого Якоря и типа Большой Северной (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2005, 2010; Тетенькин А.В., 2010, 2011a). Изучение этой специфики обозначено как проблема культурной вариабельности донеолитических комплексов Нижнего Витима (Тетенькин А.В., 2012a, 2013).

Сквозной темой через исследования Большого Якоря I, Коврижки II-IV, Инвалидного III стала тема исследования предметов знаково-символической деятельности. Она представлена, во-первых, графититовыми предметами с разными следами от истирания углов и поверхностей до полной зашлифовки в виде мелков, вышарканности в виде пудреницы, высверливания отверстия (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010; Тетенькин А.В., 2016a). Охра на Коврижке II, IV, Большом Ягоре I представляет второе направление знаково-символической деятельности (Тетенькин А.В. и др., 2020). Комплекс остатков жилища в 6 культурном горизонте Коврижки IV предоставил, по сути, набор объектов, свидетельствующих о символическом-ритуальном

сопровождении всего эпизода обитания, от начала и до конца (Тетенькин А.В., Анри А., Клементьев А.М., 2017; Тетенькин А.В., Жмур О.В., Демонтерова Е.И. и др., 2018). И наконец, с открытием бусины на Коврижке II, подвески и костяной статуэтки на Коврижке IV открыт сюжет искусства в донеолитическую эпоху (Тетенькин А.В., 2010; Тетенькин А.В., Анри А., Клементьев А.М., 2017).

Планиграфические исследования Большого якоря I, а затем Коврижки II-IV вылились в ряд реконструкций динамики развития деятельностной ситуации в пространстве и формирования структуры стоянки (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 1998), формирования парных очажных структур, жилища и прилегающих хозяйственных зон (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010; Тетенькин А.В., Анри А., Клементьев А.М., 2017; Тетенькин А.В., 2019; Тетенькин А.В. и др., 2021), сооружения конструкций из гнейсовых плит (Тетенькин А.В., 2016а; Teten'kin A.V., Smith H., Henry A., 2016).

Тема начала неолита на Нижнем Витиме долгое время не получала развития из-за отсутствия открытых керамических остатков в слое. Тем не менее, интерес к этой проблеме на протяжении всех лет работ, начиная с 1985 г. подогревался открытием усть-каренгской керамики и культуры на Верхнем Витиме (Ветров В.М., 1997, 2000, 2006, 2008б, 2010). Первые находки керамики сделаны Е.М. Инешиним в слое 3 к.г. Большого Якоря I, однако весь комплекс был уничтожен дорожным строительством еще в конце 1980-х гг. Открытие керамики в 1 культурном горизонте Коврижки IV создало возможность для разработки этого направления: датирования раннего керамического комплекса, типологической характеристики керамики, типологической характеристики сопутствующей каменной индустрии. На основе этих данных станет возможным обсуждение принципиальных вопросов становления неолита в районе и связи нижневитимского неолита с верхневитимским и верхнеленским. Один из таких сюжетов был проработан на основе геохимического изучения типологически идентичных скребков из Коврижки I и Усть-Каренги XVI на

Верхнем Витиме (Тетенькин А.В., Ветров В.М., Демонтерова Е.И. и др., 2018).

1.5. Заключение к главе 1.

Первое появление археологов в районах севера Байкальской Сибири приходится на конец XIX – 1-ю половину XX вв. Регулярное изучение каменного века начинается с работ Л.П. Хлобыстина и В.В. Свирина в 1963-1965 гг. на северном побережье Байкала. История систематического научного изучения насчитывает более 50 лет.

Мощный импульс археология Северного Прибайкалья испытала в 1970-80 гг. В немалой степени этому способствовала экономическая ситуация подъема: строительство БАМа, освоение севера Приленья (Усть-Кутского и Киренского районов Иркутской области).

Огромную роль сыграла инициатива М.П. Аксенова, вышедшего с разведкой на Верхний Витим в 1975 году. Именно с этого момента на Верхнем Витиме начинает работать его ученик В.М. Ветров. Для иркутских археологов этот район, усть-каренгские стоянки, в частности, стал своего рода «колыбелью», поскольку пионеры археологии Нижнего Витима и Севера Верхней Лены Е.М. Инешин и О.В. Задонин начинали научную карьеру именно там, как ученики В.М. Ветрова. Это наложило положительный отпечаток единства научных представлений, общих гносеологических и онтологических установок, языка описания, полевой методики, основы которой восходят к опыту работ на Макарово-Шишкинском участке Верхней Лены под руководством М.П. Аксенова. Принадлежность всех основных субъектов археологической деятельности в Северном Прибайкалье – П.Е. Шмыгуна, В.М. Ветрова, Е.М. Инешина О.В. Задонина, А.В. Тетенькина к Иркутскому археологическому сообществу положительно отложилась на научной коммуникации, на подходах к встраиванию районных культурно-хронологических построений в общую картину археологии Восточной Сибири. На ранних этапах в изучении

Северного Прибайкалья приняли участие и представители других научных школ Л.П. Хлобыстин, Ю.А. Мочанов, С.А. Федосеева и др.

Тем не менее, географическая удаленность (и почти изолированность в этом смысле) районов Северного Байкала, севера Верхней Лены, Верхнего и Нижнего Витима и личный фактор по-разному складывавшихся научных судеб исследователей привели к самостоятельному складыванию археологии четырех названных районов, тенденции к формированию самостоятельных культурно-хронологических схем в каждом случае. Впрочем, археология Нижнего и Верхнего Витима в той или иной мере координировалась (Аксенов М.П. и др., 1990; Ветров В.М. и др., 2000; Ветров В.М. и др., 2015; Тетенькин А.В. и др., 2018; Vetrov V.M., Ineshin E.M., 2019).

Болезненно по археологии Северного Прибайкалья ударило падение советской власти и экономический кризис 1990-х гг. Советская система бюджетного финансирования научных работ исчезла. Можно сказать, что археологию в эти годы спасла хоздоговорная деятельность экспертизы новостроек. Но север Прибайкалья в этом случае оказался значительно обделен.

Пик археологии палеолита-мезолита Северного Байкала приходится на изучение Курлинской группы местонахождений П.Е. Шмыгуном и Т.А. Абдуловым в 1975–1982 гг. Наибольшее развитие донеолитическая археология севера Верхней Лены получила во 2-ой половине 1980-х – 1-ой половине 1990-х гг. в годы работы талантливого археолога О.В. Задонина. Верхним Витимом до самой смерти безотрывно занимался В.М. Ветров на протяжении 40 лет. С 1985 г. также непрерывно ведутся исследования Нижнего Витима Е.М. Инешиним и с 1992 г. А.В. Тетенькиным.

В силу названных причин самостоятельного и неравномерного изучения четырех районов Северного Прибайкалья попыток обобщения их археологии до сих пор не было, пожалуй, за исключением высказанной в 1992 г. В.М. Ветровым в диссертации идеи экологических ниш, обусловивших длительное изолированное существование автохтонных

культур, сохраняющих свой индивидуальный облик, не имеющих аналогов в соседних районах (Ветров В.М., 1992, с. 9; 2002, с. 11–12). Корреляция финальнопалеолитических комплексов Северного Прибайкалья с верхоленской культурой Южного Прибайкалья и дюктайской культурой Якутии, селенгинской и студеновской культурами Восточного Прибайкалья и Забайкалья, проблема начала неолита в Северном Прибайкалье привели сперва к представлениям о контактной зоне культурно-исторических областей Западного Забайкалья, Восточного Прибайкалья и Забайкалья, Якутии (Тетенькин А.В., 1999), а затем и к формулированию проблемы изучения археологических связей (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2011). Появившиеся данные позволили характеризовать способность населения к доставке ресурсов (охра, пемза, нефрит и др.), отстоящих на сотни километров, к коммуникации с населением соседних районов и к проникновению в удаленные части горных массивов во время существования последнего оледенения. Логика развития этого направления ведет к формированию общей картины позднего палеолита – мезолита Северного Прибайкалья, в которой история развития населения и культуры четырех районов связана выявленными эпизодами культурной трансляции.

По сути, весь период полувекового изучения донеолитических культур Северного Прибайкалья является временем первоначального накопления археологического материала. Как будет показано в следующих главах, уровень научной изученности всех четырех районов различен, существует немало «белых пятен» в научном представлении их. Однако, с другой стороны, велики и достижения полувекового этапа археологии донеолита Северного Прибайкалья. В общем, надрегиональном масштабе выдающееся значение имело открытие стоянок Курла I–VI, Усть-Каренга I–XVI, Большой Якорь I, Коврижка I–V, Алексеевск, Балышово I–III. В связи с открытием 3 культурного горизонта Курлинского микролитического комплекса, усть-каренгской керамики финальноплейстоценового возраста были поставлены вопросы выделения курлинской докерамической культуры, стадийного

определения усть-каренгской культуры к неолиту (Шмыгун В. М., Филиппов А.К. 1982, с. 22; Ветров В.М., 1990, с. 118–120). Начато выстраивание районных культурно-хронологических схем (Ветров В.М., 1992; 2006б; Задонин О.В., Задонин О.В., 1996; Задонин О.В., Дзюбас С.А., 2002; Тетенькин А.В., 1999, 2011, 2018).

Глава 2. Палеогеографическая характеристика Северного Прибайкалья.

2.1. Современное состояние Северного Прибайкалья

Территория Северного Прибайкалья является составной частью Байкальского региона, расположенного в центре Евразийского континента. Байкальский регион включает в себя Иркутскую область, Республику Бурятия, Забайкальский край и северные аймаки Монголии, расположенные в бассейне р. Селенга, впадающей в оз. Байкал (рис. 1).

Под Прибайкальем в целом понимается горная область, прилегающая с запада и востока к оз. Байкал (БСЭ, т. 20, 1975, с. 548). Географические границы исследуемой территории Северного Прибайкалья образованы контуром рек, обрамляющих северную часть озера Байкал: реками Лена (северная часть Верхней Лены с притоком – р. Киренгой) и Витим (рис. 1, 2). Прилегающие к ним орографические районы это Лено-Ангарское и Приленское плато (Приленская провинция), отделенное от Прибайкальских хребтов Предбайкальской впадиной, к северо-востоку от них – Байкало-Патомское нагорье, на юге – юго-востоке от Байкало-Патомского нагорья расположены хребты Делюн-Уранский, Кодар, Северо-Муйский, Южно-Муйский – отроги Станового нагорья (рис. 5). Горная цепь северо-восточного экстерьера Прибайкалья прервана Верхнеангарской, Муйско-Куандинской и Чарской котловинами – северо-восточной частью Байкальской рифтовой зоны. Муйско-Куандинская котловина обрамлена Северо-Муйским и Южно-Муйским хребтами. К югу от хребтов Южно-Муйского и Кодар расположено Витимское плоскогорье, в пределах которого начинается исток р. Витим. Чашу озера Байкал в северной части окаймляют Байкальский хребет, Верхнеангарский и Баргузинский хребты. Последний на юге заканчивается Баргузинской впадиной.

Северное Прибайкалье находится в зоне сочленения двух главных литосферных плит Восточной Сибири – докембрийского Сибирского кратона и Центрально-Азиатского подвижного пояса с байкальским рифтовым поясом в зоне сочленения (Логачев Н.А., 2003. с. 392) (рис. 3, 4).

В рамках географического районирования Северное Прибайкалье частично входит в пределы страны Средней Сибири и Байкало-Становой страны (География Иркутской области, 1973, с. 73–75). В целом, Северное Прибайкалье – это крупная внутриконтинентальная система горных массивов с глубоко врезанными речными долинами, контрастным рельефом, климатом, флорой и сложной ледниковой обстановкой.

Среднесибирская физико-географическая страна своим фундаментом имеет Сибирскую платформу. Байкальско-Становая физико-географическая страна представляет собой Байкальское горное обрамление Сибирской платформы. Она сложена архейскими и протерозойскими породами, прорванными изверженными и ультраосновными образованиями различного возраста. Горообразовательные процессы привели к смятию пород и образованию складок с высокой амплитудой (до 3000 м) неотектонических движений. Территория страны входит в зону повышенной сейсмичности. Рельеф страны имеет сложную историю формирования. Основные геоструктурные черты были заложены в байкальскую складчатую эпоху. Затем рельеф длительное время испытывал процесс планации. В неоген–четвертичное время территория была приподнята неотектоническими движениями и расчленена. Современный рельеф имеет альпинотипный характер. Важное место занимают котловины байкальского типа и сводовые поднятия (География Иркутской области, 1973, С. 243–244).

В растительности хорошо выражена вертикальная поясность (Атлас Иркутской области, 1962). В высокогорном гольцовом и подгольцовом поясе выше 2100 м господствуют лишайниковые горные пустыни, на высотах 1700–2200 м – лишайниковые горные тундры, дриадовые тундры, травяные лужайки. На высотах 1200–1800 м характерны заросли кедрового стланника, ерника с одиночными лиственницами, кустарниковой березкой в сочетании с лишайниковыми тундрами. В подгольцовом поясе 1000–1400 м распространены также редкостойные лиственничные, кедрово-стланниковые леса с березкой Миддендорфа, лиственничные ольховниково-ерниковые с

багульником и моховым покровом леса. На высотах 1000-1400 м по плоским заболоченным водоразделам развиты кустарниково-сфагновые олиготрофные болота. Для горнотаежного пояса характерны лиственничные с кедром и елью, сосново-брусничные, сосново-разнотравно-брусничные леса с багульником и голубикой, со сфагнумами. По нижним надпойменным террасам рек и днищам развиты долинные елово-лиственничные разнотравно-осоково-моховые леса, местами в сочетании с ерниковыми зарослями из березки кустарниковой, осоково-гипновыми болотцами. В верховьях рек преобладают ерниковые заросли из березок кустарниковой и Миддендорфа в сочетании с осоковыми кочкарниками. Среди почв характерны горные лесные перегнойные, горно-лесные мерзлотно-болотные, горно-подзолистые, гольцово-дерновые, горно-тундровые и отчасти горно-лесные перегнойно-карбонатные почвы (Атлас Иркутской области, 1962, с. 86).

Многолетняя мерзлота сплошного распространения не имеет. На ее наличие, как правило, указывают заболоченность отдельных участков, рассредоточенные выходы грунтовых вод и др. В долинах крупных рек острова многолетней мерзлоты, в основном, не сливаются. Многолетняя мерзлота здесь развивается на склонах северной экспозиции, почти не захватывая южную экспозицию и днища долин (Литвин В.М., 1969, с. 66–68).

Соответствует ландшафтно-климатическим условиям и животный мир, в котором сосредоточены обитатели различных природных зон. Здесь обитают медведь, изюбрь, кабарга, лось, косуля, соболь, белка, рысь, волк и другие представители целого ряда фаун. Более чем 120 видами представлены птицы. Ихтиофауна бассейна включает 39 видов и подвидов рыб, относящихся к 10 семействам, в том числе лососевые, хариусовые, щуковые, окуневые, осетровые (Энциклопедия Забайкалья, 2004, т. II).

2.1.1. Приленское плато

От Усть-Кута до устья р. Витим в пределах Приленского плато, составляющего большую часть Приленской провинции, течет р. Лена.

Центральная и западная ее части сложены породами среднего и верхнего ордовика – алевролитами, аргиллитами, песчаниками, восточная часть – песчаниками, мергелями, доломитами верхнего кембрия (География Иркутской области, 1973, с. 173–175). В тектоническом отношении провинция входит в зону непских складок и северную часть Предбайкальского краевого прогиба. Амплитуда движений достигает 500–600 м.

Поверхность Приленского плато представлена невысокими параллельными грядами, ориентированными с юго-запада на северо-восток с преобладающими высотами 300–600 м. В восточной части провинции находится северная половина Предбайкальской впадины. На востоке впадина отделяется от Байкало-Патомского нагорья резко выраженным уступом.

Долины рек Лены и ее крупнейшего притока Киренги хорошо разработаны и имеют выраженные комплексы террас. Кроме Киренги на северном отрезке верхнего течения р.Лена принимает ряд крупных, преимущественно, правых притоков: Таюру, Тиру, Чаю, Чайку, Чую, Улькан, Чечуй и др. (Задонин О.В. и др., 2014, с. 12). В районе стыка субмеридиональной и северо-восточной систем тектонических трещин в Усть-Кутском блоке условно принята южная граница района «Север Верхней Лены», простирающегося до устья р. Витим. В таком виде географическое районирование р Лены проводил основной ее исследователь-археолог О.В. Задонин.

К верхней Лене относят долину реки от устья до крупного правого притока р. Витим, общей длиной 1931 км. Лена течет в субмеридиональном направлении по Лено-Ангарскому, Приленскому плато, частично, по Предбайкальскому краевому прогибу, Приморскому, частично связана с Приморским и Байкальским хребтами (Задонин О.В. и др., 2014, с. 11).

В пределах плато р. Лена имеет узкую V-образную долину. Все геоморфологи единогласно отмечают трудность корреляции террас на столь значительном по протяжению участке долины р. Лены в верхнем течении,

лишь указывая на общее повышение уровней надпойменных террас вниз по течению (Думитрашко Н.В., 1955; Коржуев С.С., 1959, с.48–50; Задонин О.В. и др., 2014, с. 11).

В долине средней р. Лены выделяют высокую пойму и восемь террасовых уровней: 5–10 м, 12–16 м, 20 м, 25–30 м, 40 м, 50–60 м, 70–80 м, 100–120 м, 140–170 м (Коржуев С.С., 1959, с. 50). Однако лишь первая 12(10)–16-метровая терраса в виде повсеместно выраженного уступа отчетливо прослеживается. Отложения террас более высокого уровня в значительной степени переработаны комплексом денудационно-склоновых процессов. В результате на севере верхнего течения Лены для современной долины характерно развитие конусов выноса, эрозионных логов, зон балочной аккумуляции, останцов и прочих форм рельефа субаэрального генезиса (Задонин О.В. и др., 2014, с. 12).

Отложения четвертичной системы (Q) представлены средне-верхнечетвертичными и современными отложениями. По генезису выделены аллювиальные, элювиальные и делювиальные образования (Коржуев С.С., 1959, с. 24–25; Инёшин А.В. и др., 2019, с. 24).

Среднечетвертичные отложения (Q2) представлены аллювиально-делювиальными седиментами террасовидных поверхностей высотой 25–35 м, сложенных мелко-и среднезернистыми глинистыми песками, с тонкими прослоями опесчаненных глин, а также супесями и мелкими полимиктовыми галечниками (Четырехязычный энциклопедический словарь..., 1980, с. 457). Верхнечетвертичные отложения (Q3) слагают аккумулятивную 8–9-метровую и 14–18 и 20–22 м цокольные террасы. Аллювий представлен валунно-гравийно-галечным материалом, бурым грубозернистым песком, суглинком и супесями. Современные отложения (Q4) представлены аллювием пойм и придолинных надпойменных возвышенностей. Эти уровни сложены галечниками, песками, суглинками (Инёшин А.В., 2019, с. 24).

Делювиальные отложения развиты на склонах, обычно, имеющих высоту 250–300 м. Они состоят из супесей, суглинков и глин с большим

количеством обломочного материала. Мощность делювия 1,0-2,0 м, местами достигая 3,5-4 м (ОВОС, 2001, с. 77; Инёшин А.В., 2019, с. 24–25).

Согласно мерзлотному районированию территории Приангарья и Прибайкалья (Лещиков Ф.Н., 1978, с. 113), долина р. Лена в северной части верхнего течения относится к области островного залегания многолетнемерзлых пород и находится на стыке районов повсеместного распространения многолетнемерзлых пород и районов залегания многолетнемерзлых пород на заболоченных участках, в том числе и в долинах рек. Верхние участки склонов и водоразделы имеют положительные температуры горных пород. Мощность мерзлых пород колеблется в пределах первых 10 м, достигая иногда в долинах рек 30-40 м; температура их от -0,2 до -0,50 (Лещиков Ф.Н., 1978, с. 116; (Инёшин А.В., 2019, с. 25).

2.1.2. Северное побережье озера Байкал

Озеро Байкал - самое глубокое и самое большое в мире пресноводное озеро. Оно имеет 23 613 куб. км в объеме, 636 км в длину, 49 км в средней ширине и с максимальной глубиной 1642 м (Arzhannikov et al., 2018, p. 77). Озеро дренирует площадь 540 000 км², состоящую из более чем 300 притоков, самые большие из которых – р. Селенга, Верхняя Ангара, Баргузин и Турка. В настоящее время река Ангара – единственный выход озера Байкал. Средний водный баланс озера Байкал составляет 71,16 куб. км (Афанасьев А.Н., 1976).

Озеро Байкал занимает центральную часть Байкальской рифтовой системы, что определяет его морфологию глубокого бассейна с прилегающими высокими горными хребтами. Две основные структуры бассейна: юг Байкальского и Северо-Байкальского бассейнов являются асимметричными грабенами с крутыми северо-западными склонами и мягко изогнутыми юго-восточными склонами (Логачев Н.А., 2003, с. 396). Формирование Байкальской рифтовой зоны (единой впадины оз. Байкал и ее горного обрамления) началось в плиоценовый период позднего кайнозоя,

около 3,5 млн. л.н. и продолжается в настоящем времени (Мац В.Д., Уфимцев Г.Ф., Мандельбаум М.М., 2001, с. 221).

Северная котловина Байкала (расположенная к северу от Академического хребта) с запада обрамлена крутыми склонами Байкальского хребта, вплотную подходящими к воде, с востока – склонами Баргузинского хребта. На севере котловину озера Байкал ограничивает долина Верхней Ангары. Дно северобайкальской котловины асимметрично. Западная часть глубоководна, восточная уступами переходит в ложе котловины (География Иркутской области, 1973, с. 259). Дно котловины покрыто глинистыми илами и алевролитами. Прибрежную узкую полосу слагают каменистые и песчаные грунты.

Байкальский хребет, окаймляющий озеро Байкал с северо-запада, входит в Прибайкальскую провинцию и является частью Байкальской рифтовой зоны. Его средняя высота 1200–1500 м, максимальная – 2572 м – гора Черского. Северная часть Прибайкальской провинции сложена породами архейского и протерозойского возрастов и представлена кристаллическими сланцами, кварцитами, гнейсами, известняками, мраморами и доломитами. Отличительной особенностью этой территории является изрезанность долинами рек и ручьев, сильная расчлененность рельефа и в следствие этого резкая смена ландшафтов в горизонтальном и вертикальном направлениях – от таежных до высокогорных лишайниковых тундр. Высокие поверхности рельефа заняты гольцовыми ландшафтами с мерзлотно-луговыми почвами. Тайга создает основной фон района. Произрастают сосновые, лиственнично-сосновые, лиственнично-кедровые леса.

Западный борт Северо-Байкальской впадины, относится к баргузинскому геоморфологическому округу Станового нагорья. Становое нагорье входит в состав подразделений Байкальской рифтовой зоны.

2.1.3. Байкало-Патомское нагорье.

Территория Байкало-Патомского нагорья сложена породами патомской серии протерозоя (География Иркутской области, 1973, с. 294–300).

«Байкало-Патомское нагорье представляет собой часть Байкальской горной области, расположенную к северу от Станового нагорья, к востоку и юго-востоку от Средне-Сибирского плоскогорья и к западу от Олёкмо-Чарского нагорья (Золотарев А.Г., 1974). В плане оно вытянуто в северо-восточном направлении и имеет протяженность около 700 км, максимальная ширина (на северо-востоке) – 330 км. Орографические элементы группируются, в основном, в концентрическом плане. Байкало-Патомское нагорье выше Олёкмо-Чарского, но ниже Станового, от которого оно отличается отсутствием обширных глубоких впадин байкальского типа. Самые большие высоты прослеживаются в юго-восточной, южной и юго-западной частях нагорья. Наивысшая точка рельефа с абсолютной отметкой 2578 м находится на юго-западе в гольце Иняптук. Границы нагорья, четко выраженные в рельефе, представлены сложными склонами в сотни метров высотой и реже крупными эрозионно-тектоническими долинами. Так, ступенчатые склоны нагорья, интенсивно расчлененные местами, отделяют его от Олёкмо-Чарского нагорья и Среднесибирского плоскогорья. Граница со Становым нагорьем представлена либо, в одних местах, северо-западными склонами хребтов станового нагорья – Кодар, Верхнеангарского, Кичерского, возвышающихся над прилежащими участками Байкало-Патомского нагорья на 150-200 метров, либо – эрозионно-тектоническими фрагментами долин рек Витим, Янгуда, Тья, Холодная, верховьевлевой Мамы и Мамакана.

Главные орографические черты нагорья определяются двумя особенностями макрорельефа: пониженной внутренней частью и ступенчатым понижением нагорья с севера на юг.

Внутренняя часть нагорья вытянута в северо-восточном направлении и отличается от окружающей ее концентрически окраинной территории – краевого поднятия – меньшими абсолютными и относительными высотами, именуется внутренней, центральной или Чая-Жуинской депрессией.

Протяженность внутренней депрессии горного рельефа Байкало-Патомского нагорья около 520 км, ширина колеблется от 15 до 80 км. Северо-восточная часть депрессии, наиболее пониженная, представлена среднегорным и низкогорным рельефом. Абсолютные высоты юго-западной части на 150–200 м больше максимальных абсолютных отметок северо-восточной. Для юго-западной территории Чая-Жуинской депрессии характерен среднегорный рельеф, над которым на сотни метров, до километра, возвышаются горы краевого поднятия.

Концентрически окружающее сводовое поднятие ступенеобразно понижается с севера на юг и делится на три орографические ступени: верхнюю (Чая-Витимскую) на юге, среднюю (Витимо-Патомскую) и нижнюю на севере. Поверхность Чая-Витимской ступени представлена высокогорным и среднегорным рельефом, Витимо-Патомской – преимущественно среднегорным (от 1500 до 1000 м), предгорной ступени – низкогорным рельефом (Золотарев А.Г., 1974)» (Тетенькин А.В., 1999б, с. 50–52).

Основным базисом эрозии является р. Витим. Она условно разделяет Байкало-Патомское нагорье на Патомскую и Байкальскую части. В районе исследований протекает нижняя часть Витима. Средний многолетний расход воды в Витиме в створе г. Бодайбо 1521 м³/сек.

2.1.4. Становое нагорье

Становое нагорье – горная система на территории Бурятии протяженностью около 700 км от северной оконечности Байкала до среднего течения реки Олёкма в направлении восток — северо-восток (Кулаков В.С., Юргенсон Г.А., 2009, URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=2536>). «Становое нагорье получило название от станового (водораздельного) положения между бассейнами р. Енисей (рр. Верхняя Ангара, Баргузин) и р. Лена (рр. Витим, Олёкма). Все Становое нагорье занимает территорию от Северного Прибайкалья до р. Олёкма. Забайкальская часть Станового нагорья расположена на севере региона – от р. Калар (на юге) до Патомского

и Олёкмо-Чарского нагорий (на севере). Здесь оно представляет собой сочетание хребтов (Кодар, Южно-Муйский, Удокан, Нижнекаларский, Каларский) и межгорных впадин байкальского (Муйская, Чарская), забайкальского (Верхнекаларская, Апсатская) и субрифтового (Среднекуандинская, Верхнетаксиминская и др.) типов. Становое нагорье тянется в субширотном направлении, его забайкальская часть имеет протяженность до 280 км при максимальной ширине до 200 км. Преобладающие высоты 2000–2500 м, максимальная – 3073 м (пик БАМ на хр. Кодар); днища впадин и речных долин расположены на абсолютных отметках от 350 (долина р. Витим) до 1200–1400 (Верхнекаларская впадина) метров. Становое нагорье сложено главным образом кристаллическими и метаморфическими породами при повсеместном распространении многолетнемёрзлых пород. В геологическом отношении нагорье расположено в Кодаро-Удоканской, Каларской и Муйской структурно-формационных зонах» (Кулаков В.С., Юргенсон Г.А., 2009, URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=2536>).

Становое нагорье является одним из автономных геоморфологических районов Саяно-Байкальского станового высокогорья. Его территория охвачена интенсивным новейшим горообразованием и рифтогенезом, сопровождаемыми высокой сейсмической активностью. Морфоскульптура нагорья резко отличается от морфоскульптуры Витимского плоскогорья, Селенгинского среднегорья, Байкало-Патомского нагорья и платообразных возвышенностей Сибирской платформы (Ендрихинский А.С., 1981, с. 14). «Для рельефа Станового нагорья характерны высокогорья с сильной степенью горизонтального и вертикального расчленения, дополняемого широким развитием тектонических разломов, в силу чего преобладают крутые склоны с курумами, скальными выступами; водоразделы, как правило, узкие, пилообразные. В вершинной части хребтов довольно часто встречаются кары ледниковые, цирки; в хребтах и речных долинах многочисленны формы рельефа и отложения плейстоценовых оледенений, а

в хр. Кодар расположен район современного оледенения Забайкалья. В хребтах Каларский и Удокан расположены вулканические покровы неоген-четвертичного возраста. В неотектоническом отношении Становое нагорье расположено в Байкальской рифтовой зоне очень интенсивной активизации с максимальной силой вероятных землетрясений 9–10 баллов и более» (Кулаков В.С., Юргенсон Г.А., 2009, URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=2536>). Для Станового нагорья характерны глубокое эрозионное расчленение, активная перестройка речной сети, обилие древних и современных межгорных озер, непрекращающееся с плейстоцена горное оледенение, высокий темп и многообразие экзогенных рельефообразующих процессов, интенсивное осадконакопление в межгорных впадинах, новейший вулканизм в восточной половине нагорья. Многие из этих особенностей проявляются также на территории переходных или субрифтовых зон и постепенно исчезают в пределах соседних, названных выше районов и областей. Основные ландшафты хребтов – горная тайга, предгорьцовое редколесье, гольцы; впадин – луговые, лугово-болотные равнины, тайга с ерниками и марями (Ендрихинский А.С., 1981).

2.1.5. Витимское плоскогорье

В территорию Витимского плоскогорья входит большая часть речной сети бассейна верхнего и, частично, среднего Витима. На северо-западе и на севере плоскогорье окаймляется группой хребтов станового нагорья, где в северо-восточном направлении тянутся Южно-Муйский и Северо-Муйский хребты, продолжающиеся на правобережье Витима в виде Каларского и Кадарского. Южную и юго-восточную границы образуют Худунский и Яблоновый хребты. В междуречье Витима и Олекмы Яблоновый хребет соединяется со Становым нагорьем, замыкая этим все горные цепи северного и восточного обрамления. Юго-западный рубеж, выраженный не совсем четко, проводится по подножию хребтов Улан-Бургасы, Курбинского и др. Основными морфологическими элементами плоскогорья являются широкие, плосковершинные горные массивы и сопряженные с ними межгорные

котловины. В крупных впадинах, как правило, позднеплейстоценового времени существуют озера (Ендрихинский А.С., 1974).

Широкие увалы достигают высоты 1600 м (СЭС, 1990); преобладающие высоты 900–1100 м, минимальные, тяготеющие к долине Витима, 500-600 м. В геологическом отношении район входит в Селенгино-Витимскую (Хилок-Витимскую) структурно-информационную зону, сложенную, преимущественно, породами раннего палеозоя, лежащими на допалеозойском гранитном фундаменте. Витимское плоскогорье представляет собой приподнятую до отметок 800–1200 м древнюю поверхность выравнивания, умеренно деформированную неотектоническими движениями, расчлененную долинами рек и осложненную останцовыми скальными формами (Энциклопедия Забайкалья, 2004, т. II).

В пределах плоскогорья имеется более 15 конусов древних вулканов (БСЭ, 1971), основная концентрация которых падает на приустьевые участки витимских притоков Конды и Юмурчена, а также на промежуток между названными реками и истоками Витима (Атлас Забайкалья, 1967). Эта территория, получившая название «Витимское вулканическое поле», испытывало вулканогенную нагрузку в интервале 14.3-0.6 млн. лет назад (Рассказов и др., 2000). В тектоническом отношении Витимское плоскогорье входит в предрифтовую зону умеренной активизации с вероятностью максимальной силы землетрясения 7-8 баллов (Энциклопедия Забайкалья, 2004, т. II).

2.1.6. Река Витим

Основным базисом эрозии Байкало-Патомкого нагорья, части Станового нагорья, Витимского плоскогорья является река Витим. Она и дренируемые ее бассейном районы организуют северный – восточный контур региона Северное Прибайкалье (рис. 1, 2).

Витим – один из крупнейших притоков р. Лена, берет начало из озера Витимского на водораздельной полосе хребта Улан-Бургасы и восточных склонов Икатского хребта. За начало реки принимают исток р. Витимкан, с

учётом которой длина Витима составляет 1978 км. Площадь бассейна 225 тыс. км². Витим относится к типу рек с летними паводками и преобладанием летнего стока. На июль-август приходится 86,4% стока. «Для Витима характерно дождевое питание. Вследствие наличия вечной мерзлоты питание за счет грунтовых вод незначительно. Основной сток происходит в теплый период. Средний расход Витима и Олекмы в устьях равны 2000 м³/сек. Водный режим рек неустойчив. Половодья отличаются бурным, нередко катастрофическим характером и сопровождаются частыми ледовыми заторами. Последние особенно характерны для рек, текущих с юга на север, что связано с запаздыванием сроков вскрытия их на разных участках. Амплитуда колебания уровней воды в весеннее половодье для Витима 7–10 м» (Коржуев С.С., 1959, с. 8).

По своим физико-географическим данным Витим может быть разделен на следующие участки (Водные пути..., 1938, с. 146):

- 1) истоки: до пос. Романовка (устье р. Холой) – 445 км;
- 2) верхнее течение: от пос. Романовка до устья р. Каренга – 409 км;
- 3) среднее течение: от устья р. Каренга до г. Бодайбо – 777 км;
- 4) нижнее течение: от г. Бодайбо до устья – 289 км.

Северо-Муйский и Южно-Муйский хребты делят бассейн на южную (верхнюю) и северную (нижнюю) половину.

Наиболее крупными притоками Витима являются реки Мама, Мамакан, Бодайбо, Тахтыга, Конкудера (приток Мамы). Муя, Куанда, Бамбуйка, Ципа, Каренга, Юмурчен, Конда.

Установление ледяного покрова приходится на вторую декаду октября – начало ноября. Среднее время покрытия льдом 180 дней. Вскрывается во второй декаде мая. Зимой большинство притоков перемерзает до дна. На таких реках как Юмурчен, Каренга, Калахан перемерзание может продолжаться 160 – 180 дней.

Почти весь бассейн Витима находится в зоне сплошного распространения многолетней мерзлоты. Глубина грунта, оттаивающего в

течение лета, колеблется от 0,5 до 2,0 м. Общая мощность мерзлоты в районе устья р. Холой составляет 100 м, а в котловинах, расположенных севернее Витимского плоскогорья, – 160–120 м (Ясько В.Г., 1960). Широкое распространение мерзлоты обуславливает слабое участие подземных вод в питании реки.

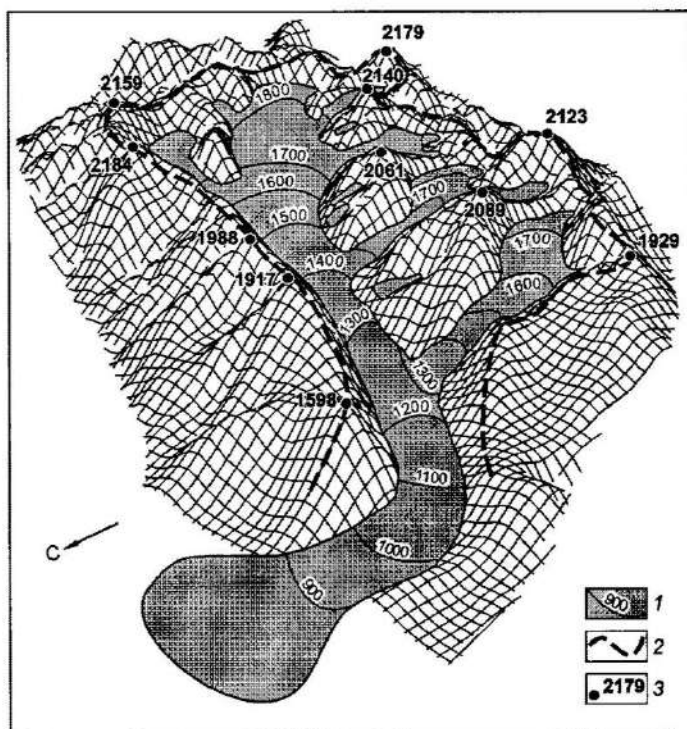
«Зима очень продолжительна (до семи месяцев). Застой воздуха, обусловленный слабыми ветрами при безоблачном небе, вызывает сильное выхолаживание и резкую инверсию температур. Устойчивые морозы (-40, -60°) и небольшая мощность снежного покрова приводят к глубокому промерзанию почво-грунтов, которое исключает возможность разведения в районе озимых культур. Весна наступает поздно, она необычайно коротка, только май, по существу, является весенним месяцем. С весной усиливаются ветры, резко колеблются температуры, осадков выпадает хотя и немного, но несравненно больше, чем зимой. Растительность развивается с поразительной быстротой, несмотря на случающиеся поздние заморозки. Летом сильно сказывается континентальность климата. Дни летом длинные, знойные, а ночи - очень короткие, прохладные. Для долины Лены и ее притоков характерны продолжительные утренние туманы. На лето приходится более половины годовых осадков, но выпадают они неравномерно. Особенно характерны в это время циклоны Монгольского фронта, нередко приносящие с собой ливни. Между дождями устанавливаются продолжительные периоды засухи, когда небо почти всегда безоблачно и дуют постоянные, иссушающие почву ветры. Наиболее влажные месяцы – июль и август – в отдельные годы являются, наоборот, наиболее засушливыми» (Коржуев С.С., 1959, с. 10).

2.2. Палеогеографические реконструкции районов Северного Прибайкалья в неоплейстоцене – голоцене (общая характеристика)

В плейстоценовый период в развитии рельефа Северного Прибайкалья, в том числе северной части Саяно-Байкальского станового нагорья,

выделяют такие факторы как неотектоника, роль озера Байкал, оледенение, вулканизм (Логачев Н.А., 1974, с. 132–159).

Неотектоника была ведущим фактором развития морфоскульптуры Станового, Байкало-Патомского нагорий и Витимского плоскогорья. Главным направлением движения было поднятие с возрастающей дифференциацией – оседанием межгорных впадин (Логачев Н.А., 1974, с. 133). Сильно расчлененный рельеф обуславливал горнодолинный характер оледенений в плейстоцене. Масштабное последнее оледенение было развито в высокогорной зоне, в том числе примыкавшей к северному Байкалу. В изобилии сохранилась ледниковая морфоскульптура. Мощные ледники спускались по трогам до самого берега озера (Логачев Н.А., 1974, с. 144). По морфологии оледенение Северного Прибайкалья во время МИС 2 – Последнего Ледникового максимума следует отнести к сетчатому типу: в его структуре основное место занимали локальные покровы водоразделов и сложные долинные ледники (Осипов Э.Ю. и др., 2003, с. 66). Есть расчеты, что для северо-западной части Баргузинского хребта, ключевого для понимания гляциологии Прибайкалья, степень оледенения составляла 40-46 %, а мощность ледников достигала 800 м (Осипов Э.Ю. и др., 2003, с. 661; Байкаловедение, 2012, с. 364).

1 — реконструированные ледники, горизонтали ледниковой поверхности и их значения (м); 2 — граница бассейна; 3 — вершины и их абс. отметки (м).

Перспективное изображение реконструированных ледников бассейна р. Акиликан (по Осипов Э.Ю. и др., 2003, рис. 7).

Конечные морены прослеживаются на подводном склоне впадины северного Байкала. Н.А. Логачев допускал спускание ледниковых языков под воду и формирование субаквального моренного ландшафта (Логачев Н.А., 1974, с. 145). В настоящее время преобладает научная позиция низкого уровня Байкала в последнюю ледниковую эпоху (Кононов Е.Е., 1993; Мац В.Д., Уфимцев Г.Ф., Мандельбаум М.М., 2001, с. 188–189; Байкаловедение, 2012, с. 378–379; Воробьева Г.А., Горюнова О.И., 2013, с. 26; Arzhannikov S.G. et al., 2018). По представлениям С.Г. Аржанникова и др. (2018), в период MIS 2 (сартанское оледенение) уровень воды был на 40 м ниже современного (Arzhannikov S.G. et al., 2018, p. 107). Дата $14\ 100 \pm 250$ л. н. (СОАН-4006), полученная по палеопочве в нижней части разреза геоархеологического местонахождения Берлога, свидетельствует, что в позднесартанский период уровень Байкала был близок современному (Воробьева Г.А., Горюнова О.И.,

2013, с. 27). Для поиска археологических памятников палеолитического возраста обстоятельство положения уреза воды в сартане ниже современного означает, что вероятные места поселения людей у кромки воды в искомое время ныне затоплены. Сравнительно с археологией внутренних территорий Байкальской Сибири палеолитические объекты побережья озера Байкал единичны.

Характеризуя происхождение песков Верхнеангарской, Муйской, Чарской впадин, предложены разные версии полигенетических процессов накопления песчаных толщ. Для Верхнеангарской и Баргузинской впадин – это принадлежность в какое-то время в прошлом к акватории Байкала, зависящая от стока из озера (Arzhannikov S.G. et al., 2018, p. 106). Для Муйской, Чарской впадин – формирование зандровых полей, подпрудных озер, иными словами, формирование лимно- и флювиогляциальных отложений, затем действие эоловых и денудационных процессов (Логачев Н.А., 1974, с. 140–143).

В рамках сюжета с Муйским палеоозером в изучении долины р. Витим получила развитие тема ледникового подпора (Кульчицкий А.А., Сковитина Т.М., Уфимцев Г.Ф., 1997; Станевич А.М., Переляев В.И., 1997; Ufimtsev G.F., Skovitina T.M., Kulchitsky A.A., 1998; Margold M. et al., 2016, 2018). Узкое место V-образной долины р. Витим между Парамским и Делюн-Оронским порогами в районе прохождения через Северомуйский хребет и ниже до озера Орон в период последнего оледенения было заперто ледником и периодически прорывалось стоками Муйского подпрудного палеоозера. Согласно проведенным группой М. Марголда исследованиям катастрофических прорывов палеоозера было, как минимум, три в последние 60 000 лет: около 56 тыс. л.н., 35-21 тыс. л.н. и 19-14,9 тыс. л.н. (Margold M., Jansson K.N., 2011; Margold M. et al., 2011; Margold M. et al., 2016, p. 52). В каждом случае гигантский паводок оставил мощные песчаные наносы, датирование которых OSL-методом позволило идентифицировать прорывные эпизоды. Применительно к археологии района, в возрастной диапазон

плейстоценовых стоянок нижнего Витима (Мамакан VI, Коврижка IV) попадает последний эпизод паводка. Для археологических задач тема катастрофы интересна как идея объяснения отсутствия памятников возраста древнее раннего – среднего сартана.

Роль вулканизма в плейстоцене и голоцене была несущественной (Логачев Н.А., 1974, с. 133). Небольшие лавовые потоки, конуса, трещинные излияния образовывались на Витимском плоскогорье и Удокане. Удоканское вулканическое поле содержит новейшие вулканы Эймнах, Сыни, Аку, Чепе, чьи извержения случались в археологическое время, т.е. в финале плейстоцена, голоцене (Девирц А.Л. и др., 1981; Рассказов С.В., 1985; 1993; Рассказов С.В. и др., 1997; Рассказов С.В. и др., 2000; Ступак Ф.М., 1987). Вулканизм Удоканского хребта проявлялся, в целом, на протяжении последних 14-12 млн. лет, его западной части – 1,8 млн. лет. За ближайшие 12 тыс. лет отмечаются периоды активизации вулканической деятельности (12,0-7,9 и 4,6-2,1 тыс. лет назад) и ее затухания в среднем голоцене (7,9-4,6 тыс. лет назад). Среди молодых вулканов западной части Удоканского вулканического поля есть вулкан Трахитовый, радиоуглеродная датировка которого по горелой древесине, погребенной его пемзами, составляет 12050 ± 650 лет (ГИН-4086) (Ступак Ф.М., 1987). Датировка близка или несколько древнее возраста 2 культурного горизонта стоянки Коврижки III, содержащего принесенные отсюда людьми пемзы, и синхронна комплексам Большого Якоря I, т.е. древние люди могли быть свидетелями извержения этого вулкана (Демонтерова Е.И. и др., 2014, с. 175).

В новейшее время все суходольные впадины испытывают поднятия, с чем связано денудационное разрушение песчаных толщ (Логачев Н.А., 1974, с. 158). Наконец, на этом фоне следует указать на консервативный характер речной сети Северного Прибайкалья, сохранившей, в основном, сформированную в начале четвертичного периода структуру (Логачев Н.А., 1974, с. 161).

В Восточной Сибири в течение более, чем тридцати лет ведущим специалистом-палеопедологом Г.А. Воробьевой (Иркутский госуниверситет) создана региональная климатостратиграфическая схема для неоплейстоцена – голоцена Байкало-Енисейской части Сибири (Стратиграфия, ..., 1990, с. 10–17; Воробьева Г.А., 2010, с. 19–31). Эта схема была выстроена на основе палеопедологических исследований, в основном, геоархеологических местонахождений региона в сотрудничестве с иркутскими археологами Г.И. Медведевым, Н.Е. Бердниковой, О.И. Горюновой, Н.А. Савельевым (Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е., 2011; Воробьева О.И. Бердникова Н.Е., Вашукевич Н.В. и др., 2010; Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е., Липнина Е.А., 2015; Воробьева Г.А., Горюнова О.И., 1986, 2013; Воробьева Г.А., Горюнова О.И., Савельев Н.А., 1992; Воробьева Г.А., Медведев Г.И., 1998; Воробьева Г.А., Медведев Г.И., Савельев Н.А., 1982; Воробьева Г.А., Савельев Н.А., Свинин В.В., 1990). Она была сопоставлена с альпийской шкалой (Стратиграфия ..., 1990, с. 11), и в дальнейшем схема коррелировалась с результатами бурения донных отложений озера Байкал (BDP, 1997) и глобальными климатостратиграфическими схемами (MIS, NGRIP) (Резанов И.Н., 1988; Gibbard P.L., 2008; Formal definition ..., 2009; Унифицированная ..., 2010). Кроме того, схема подкреплялась радиоуглеродной хронологией и корпусом палеонтологических материалов. Для археологов Байкальской Сибири эта схема Воробьевой стала базовой. Выделены следующие климатостратиграфические отделы (табл. 4, 5):

Согласно имеющимся представлениям неоплейстоцен содержит стадии MIS 5–1. Стадия MIS 5 – это казанцевское межледниковье, представленное на юге Средней Сибири казанцевской палеопочвой, возраст 130–95 тыс. л.н. Стадия MIS 4 – муруктинское (зырянское) оледенение, возраст 95–57 тыс. л.н. Стадия MIS 3 – каргинское межледниковье, представленное двумя горизонтами почв, возраст 57–24 тыс. л.н. Стадия MIS 2 – сартанское оледенение, возраст 28(24)–11,7(10,3) тыс. л.н. Выделены четыре этапа его

развития (sr 1-4) (Стратиграфия..., 1990, с. 14; Воробьева Г.А., 2010, с. 23; Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е., 2011, с. 39–40).

Sr-1 – наиболее холодный этап, почти повсеместно отмечаемый солифлюкционными, криотурбационными процессами, возраст 28–21 тыс. кал. л.н.;

Sr-2 – криоаридный этап, на который приходится кратковременное потепление, образование слаборазвитых почв, возраст 21–19 тыс. кал. л.н.;

Sr-3 – этап дальнейшей аридизации холодного климата с отдельными фазами незначительных потеплений, возраст. 19–17 тыс. кал. л.н.;

Sr-4 – этап, характеризуемый чередованием похолоданий и потеплений, колебанием увлаженности. Имели место потепление Аллерёд (13,5–13,0 тыс. кал. л.н.) и кратковременное и очень сильное похолодание Поздний Дриас –норильская стадия (12,9–11,7 тыс. кал. л.н.). Повсеместно отмечается криогенез, главным образом, в виде генераций морозобойных трещин. Возраст – 16 – 11,6 тыс. л.н. Последняя стадия MIS 1 – голоцен, возраст 11,7 тыс. л.н. – наши дни (Воробьева Г.А., 2010, с. 21–22).

В последние два десятилетия в дополнение к имеющимся климатостратиграфическим представлениям под руководством Е.В. Безруковой начато направление изучения донных отложений малых озер. Донные осадки оказались последовательностью отложений, высокочувствительной к колебаниям климата. На основе «дешифровки» кернов озерных отложений комплексом методов палинологического, диатомового, радиоуглеродного датирования, петромагнитного, геохимии и других были построены локальные палеоклиматические реконструкции на различную, в целом, востребованную для археологических задач возрастную глубину (табл. 3). Для оз. Котокель – до 47 тыс. л.н. (Bezrukova E.V. et al., 2010, p. 187), для оз. Баунт – до 29 тыс. л.н. (Крайнов М.А. и др., 2016, с. 234), для оз. Арахлей – до 15,5 тыс. л.н. (Решетова С.А. и др., 2013, с. 112–115; Безрукова Е.В. и др., 2016, С. 228), для оз. Жомболок – до 14 -14,5 тыс. л.н. (Bezrukova E.V. et al., 2016, P. 528–531), для оз. Каскадное и Хикушко –

до 14,6 тыс. л.н. (Shchetnikov A.A., Bezrukova E.V., Krivonogov S.K., 2019, p. 296), для оз. Большое Иняптукское – 8–9 тыс. л.н. (Безрукова Е.В. и др., 2012, с. 4–5).

Выделены основные климатические интервалы (Bezrukova E.V. et al., 2010, p. 194–195):

- Каргинский (MIS 3) интерстадиал, 47–30 тыс. л.н., характеризуется преобладанием тундрово-степной растительности и изменчивого древесного покрова.

- Ранний этап ледникового периода (MIS 2), определяемый часто как последний ледниковый максимум, был самым сухим и холодным в регионе. Внутри него выделяются холодные интервалы около 30–24 тыс. л.н. и 22–17 тыс. л.н. и незначительное улучшение климата 24–22 тыс. л.н.

- В поздний ледниковый этап, 17–11,65 тыс. л.н. климат стал теплее и влажнее, что привело к увеличению лесных массивов, в частности, во время теплых интерстадиалов Мейендорф, 14,7–14,0 тыс. л.н., и Бёллинг-Аллерёд около 13,6–12,7 тыс. л.н. Похолодание Позднего Дриаса около 12,7–11,6 тыс. л.н. привело к увеличению биома тундры.

- Раннеголоценовый оптимум около 10–7 тыс. л.н. имел теплый и влажный климат, в это время имело место интенсивное распространение таежных сообществ (Безрукова Е.В., Тарасов П.Е., Ридель Ф., 2009, с. 136–137; Bezrukova E.V. et al., 2010, p. 194).

Эти реконструкции дополняются и коррелируются с результатами изучения летописей донных озерных отложений оз. Билях в Якутии (Muller S., et al., 2010, p. 2081–2084).

Корреляция зафиксированных последовательностей региональных событий с глобальными климатостратиграфическими кривыми Гренландского ледника (Svensson A. et al., 2008; Rasmussen S.O. et al., 2014), сталагмитов пещер Китая (Wang N. et al., 2005), с известными и глобально проявившимися резкими климатическими событиями голоцена (Mayewski P.A. et al., 2004), с событиями Хайнриха (Безрукова Е.В., Тарасов П.Е.,

Ридель Ф., 2009, с. 136) показала положительно совпадение основных трендов колебаний, а значит, с одной стороны, решающее влияние глобальной атмосферной циркуляции и режима инсоляции на перестройку местных ландшафтно-климатических систем, с другой стороны, надежность их реконструкций в деле палеоклиматических интерпретаций и интерполяций (табл. 3) (Решетова С.А., Безрукова Е.В., Паниззо В. и др., 2013., с. 112–115; Безрукова Е.В. и др., 2012, с. 7–9). С изучением «летописей» донных отложений малых озер появилась перспектива детализации ландшафтно-климатических представлений высокой чувствительности или, другими словами, хронологической и территориальной разрешающей способности.

2.2.1. Палеогеографические представления о Северном побережье озера Байкал

Палеогеографическая обстановка района Северного Байкала, т.е. побережья северной части озера и горного обрамления хребтами Станового нагорья в интересующее нас время определялась двумя факторами. Во-первых, ключевую роль играл уровень воды в озере Байкал. Во-вторых, важное значение имела меняющаяся ледниковая обстановка. Таяние ледников (дегляциация) наряду с деградацией мерзлоты, объемом стока наиболее крупного притока, р. Селенга, прямо влияло на уровень воды в озере. По имеющимся представлениям, в финальном плейстоцене уровень воды в Байкале был значительно ниже (Мац В.Д., Уфимцев Г.Ф., Мандельбаум М.М., 2001, с. 185, 201; Воробьева Г.А., Горюнова О.И., 2013, с. 27; Arzhannikov S.G. et al., 2018, p. 107).

А.А. Кульчицкий в северной части Байкальского хребта и прилегающем районе Предбайкальского прогиба выделил четыре оледенения самаровского, тазовского, зырянского и сартанского стадиялов с максимумом в раннее среднеплейстоценовое время (самаровский горизонт) (Кульчицкий А.А., 1985; цит. по: Мац В.Д., Уфимцев Г.Ф., Мандельбаум М.М., 2001, с. 200, 206).

В сартанский период северное побережье оз. Байкал и прилегающие к нему горные массивы были подвержены наиболее интенсивному для всего Северного Прибайкалья оледенению. Ледниковые языки по троговым долинам спускались к озеру, чья береговая линия была существенно ниже современной (Мац В.Д., Уфимцев Г.Ф., Мандельбаум М.М., 2001, с. 201). Ко времени появления человека на стоянках Курла I–III, на этапе финального сартана, судя по данным гипсометрии археологических местонахождений (5–7 м над уровнем Байкала), данным споро-пыльцевого и палеонтологического анализов, происходила деградация ледников и перестройка ландшафта с общим трендом на потепление. Существует модель гляциоизостатических движений северного побережья Байкала и прилегающих горных массивов в результате дегляциации (Levi K. et al., 1998, p. 65).

По заключению Л.Н. Иваньева фауна всех трех горизонтов донеолитических горизонтов Курлы I–III (возраст около 16,7–15,8 тыс. л.н.) представлена остатками благородного оленя, горного барана, лисы или песца, крупного грызуна (возможно, зайца) (Шмыгун П.Е., 1981, с. 127). Все эти виды характерны для голоценового фаунистического комплекса. Очевидно, полный или частичный переход от плейстоценовой фауны к современной здесь произошел уже в сартанское время. По заключению палинолога В.М. Климановой, для III донеолитического культурного горизонта Курлы I–III определена светлохвойная тайга с редким подлеском и травянистым покровом, а для времени II–I культурных горизонтов – лесотундровый ландшафт (Шмыгун П.Е., 1983, с.127).

Новейшие исследования Е.В. Безруковой и соавторов (Безрукова Е.В. и др., 2012) в районе оз. Большое Иняптукское, расположенного в высокогорной части Байкальского нагорья, коррелированные с результатами изучения оз. Котокель, Баунт, Арахлей, и др., позволили выделить следующий общий тренд ландшафтно-климатических изменений. Послеледниковое потепление в районе оз. Байкал наступило около 11–10 тыс. л.н. (Безрукова Е.В. и др., 2012, с. 7–8). Однако, в высокогорных районах

сохраняются условия влажной, холодной кустарниковой тундры с еловыми редколесьями на многолетнемерзлых грунтах. Запаздывание в развитии растительности относительно побережья оз. Байкал составляло 2 – 1,5 тыс. лет (Безрукова Е.В. и др., 2012, с. 10). Наиболее теплый и влажный климат с господством лесной темнохвойной растительности на побережье Байкала существовал около 10 – 7 тыс. л.н., в районе оз. Б. Иняптук – 8–4,3 тыс. л.н. Затем, под влиянием общего тренда остывания тихоокеанского муссона вектор изменился в сторону похолодания (Безрукова Е.В. и др., 2012, с. 8). После 4,3 тыс. л.н. имело место постепенное отступление или изреживание лесной растительности, уменьшение доли темнохвойных древесных. Лиственница остается основным элементом растительности (Безрукова Е.В. и др., 2012, с. 8).

2.2.2. Палеогеографические представления о Байкало-Патомское нагорье и Нижнем Витиме

Сартанский ледниковый период (MIS 2) в условиях горной страны Байкало-Патомского нагорья состоялся как история динамического развития оледенения и приледниковых обстановок. Источниками для реконструкции этой динамики являются геоморфологические объекты – формы рельефа ледникового комплекса и сартанского периода, палеонтологические (фаунистические и антракологические материалы).

«На значительной площади бассейна реки в позднем плейстоцене и голоцене происходило активное врезание водных потоков с одновременной локальной перестройкой гидросети, с заложением antecedentных долин. Лишь в пределах отдельных межгорных впадин, Чая-Жуинской внутренней депрессии, через которые осуществляется сток Витима и его некоторых притоков имели место осадконакопление и формирование речных террас. По этой причине сопоставление террасовых уровней как в пределах бассейна Витима, так и с соседними с ним системами затруднительно. А.С. Ендрихинский выделяет для среднего течения Витима пойму высотой 3-4 м, I-ю надпойменную террасу высотой 8-10 м и II-ю надпойменную террасу -

18-22 м (Ендрихинский А.С., 1982, с. 15–17)» (Тетенькин А.В., 1999б, с. 47–48)

«По данным ряда исследователей (Золотарев А.Г., 1974б, с. 338; Тищенко Е.И., 1982) после зырянского оледенения (МИС 4) произошел довольно крупный врез. Эрозионный врез многократно сменялся аккумуляцией и формированием отложений третьего (30-40 м), второго (18-25 м) и первого (7-12 м) надпойменных уровней террас. В количестве и высоте террас местами наблюдаются отклонения в зависимости от морфоструктурного положения участка долины и его удаленности от местного базиса эрозии. Чем дальше от последнего находится участок долины, тем меньше высота и количество террас. По А.Г. Золотареву третья и вторая надпойменные террасы сформировались в каргинское время, первая - в сартанское (Золотарев А.Г., 1974а, 1974б, с. 338)» (Тетенькин А.В., 1999, с. 48). «С данным гипсометрическим и возрастным членением рельефа нижних террас не согласуются описанные Е.И. Тищенко (Тищенко Е.И., 1982) террасы как образования, синхронные сартанскому оледенению, 15-25-метровая эрозионно-аккумулятивная терраса долины р. Бодайбо и 50-метровая терраса р. Витим. По его мнению, накопление осадков в это время происходило в условиях холодного и влажного климата при ясно выраженной тенденции затруднительного стока во время паводков, что приводило к накоплению осадков на поверхности высокой поймы. В частности, это привело к формированию 25-метровой террасы в нижнем течении Бодайбо, снижающейся в среднем течении до 15 м. Для ее отложений характерна повышенная мощность пойменной фации, состоящей преимущественно из тонкозернистых полимиктовых светло-серых пылеватых песков. В среднем течении Бодайбо мощность пойменной фации сокращается, представлена она тонкими алевритами. В долине р. Витим, по Е.И. Тищенко, данная терраса представлена ниже по течению от г. Бодайбо сохранившимися фрагментами высотой почти 50 метров над урезом воды. Пойменная фация в них также представлена тонкозернистым полимиктовым

песком, русловая фация - песчано-галечно-валунная. На поверхности галек, валунов встречается карбонатная корка» (Тетенькин А.В., 1999, с. 48–49). В отношении Витима существуют представления не только о вертикально-лестничном, но и о горизонтально-причлененном механизме строения террас. «Различные высотные отметки одновозрастных террас могут объясняться преобладанием глубинной или боковой эрозии, удаленностью от местного базиса эрозии, деформированностью “юными” тектоническими процессами, принадлежностью к разным геоморфологическим районам (Ендрихинский А.С., 1982, с. 15)» (Тетенькин А.В., 1999б, с. 47).

В споро-пыльцевых спектрах отложений подошвы I надпойменной террасы р.Витим в районе устья р.Тамарак Ю.П.Казакевич и М.В.Ревердатто обнаружили споры карликовой березы (*Betula sect. Nanae*), плаунка сибирского (*Selaginella sibirica*), плаунка колючего (*Lycopodium pungens*), характерных для перигляциальной растительности (Казакевич Ю.П., Ревердатто М.В., 1972). Время формирования отложений отнесено к сартанскому оледенению (Гричук М.П., Гричук В.П., 1960; Палинология четвертичного периода, 1985).

В течение последнего ледникового периода МИС 2, имеющего местное название «лонгдорское», Байкало-Патомское нагорье в наибольшей степени было развито в Байкальской южной и высокогорной части нагорья и носило характер горно-долинного, долинно-карового (Синюгина Е.Я., 1960; Золотарев А.Г., 1974, с. 337; Казакевич Ю.П., 1972; Казакевич Ю.П., Ревердатто М.В., 1972; Тищенко Е.И., 1982). Существует точка зрения на то, что на Байкальской части горного массива нагорья существовало покровное оледенение мощностью до 700 м (Levi K. et al., 1998, p. 59–60, 64). В Патомской части нагорья центром оледенения полагают хребет Кропоткина – верховья рек Жуя, Энгажимо, Бодайбо и др. (Золотарев А.Г., 1974, с. 37, 1982; Тищенко Е.И., 1982). Переменный характер климатической обстановки, в частности, в сторону глобального потепления на рубеже плейстоцен-голоцена обусловил «пульсацию» отступления ледника – дегляциации – и

формирования, соответственно, конечных морен. Существуют попытки реконструирования этой динамики на основе датирования морен (Осадчий С.С., 1989; Levi K. et al., 1998, p. 67; Инешин Е.М., 2002, с. 55).

Новейшая реконструкция последнего оледенения в пределах Байкало-Патомского нагорья и хребтов Кодар и Удокан была предпринята М. Марголдом и соавторами (рис. 6) (Margold M. et al., 2016). На основе серии бериллиевых и OSL-датировок были продатированы конечные морены и другие ледниковые формы, на основе которых была составлена карта оледенения эпохи OIS 2 (MIS 2). Даты возраста конечных оз. Орон и р. Базный (приток р. Амалык, притока р. Витим) указывают на существование ледника по долине Витима в районе оз. Орон – Делюн-Оронский порог около 20 тыс. л.н. (Последний ледниковый максимум – LGM) и в притоках Витима около 16 тыс. л.н. (Поздний ледниковый возраст – LGA) (Margold M. et al., 2016, p. 170). Центром оледенения выступали хребты Кодар и Удокан, реконструировано движение ледников в северо-восточном направлении на долину р. Мамакан и часть долины р. Витим на участке Нерпо – Шахтольня – Амалык. В то же время, несмотря на присутствие следов оледенения (например, «бараньи лбы» в районе устья р.Бодайбо), наличие ледника в MIS 2 – сартанское время в районе г. Бодайбо и Мамаканского геoarхеологического района является дискуссионным (Margold M. et al., 2016, p. 170–171).

Присутствие ледников в нагорье оказывало решающее влияние на палеоландшафтную обстановку. В том числе речь идет о периодически возникавших подпрудных ледниковых озерах и сбросах воды, имевших характер катастрофических паводков. Прорыв подпрудного Муйского озера должен был иметь характер катастрофы для долины Витима, уничтожившей покровные культуровмещающие отложения. Очевидно, что последний такой прорыв (флад) должен был случиться не ранее обитания людей на стоянках Мамакан VI (около 22–20 тыс. л.н.) и Коврижка IV (19–18 тыс. л.н.). Перерыв в осадкоплении, обусловленный смывом крупным паводком, обеспечивший

стратиграфическое несогласие на Коврижке IV и Большом Ягоре I, произошел около 13,5–12,5 тыс. л.н.

По некоторым данным ледники в южной, высокогорной части Байкало-Патомского нагорья задержались и существовали еще в начале голоцена (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 1996, с. 101). По-видимому, это обуславливало существование открытых, безлесных ландшафтов еще около 8 тыс. л.н. Маркером последних выступает снежный баран, чьи особи определены в раннеголоценовых культурных горизонтах местонахождения Коврижка II (Тетенькин А.В., 2010, с. 81, 92).

Палеогеографические сюжеты получили развитие уже в собственно археологических исследованиях в долине Витима (Белоусов В.М. и др., 2002; Инешин Е.М. и др., 2004; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010; Демонтерова Е.И. и др., 2014; Анри А., Тетенькин А.В., 2014; Анри А. и др., 2018). Опорными археологическими местонахождениями выступили сначала Большой Якорь I, затем Коврижка I-V. В рамках этой модели выделены этапы формирования рельефа Мамаканского участка Витима (Рис. 85):

«Этап 1. Палеорусло Витима на отметках 50-60 м над современным уровнем реки. Предположительно, домуруктинское время.

Этап 2. Врез Витима в муруктинское и последующее за ним время. В верхних отложениях сартанского возраста на 33-метровой высоте над урезом Витима находится стоянка Мамакан VI.

Этап 3. Формирование во сартанское время 22-18-14-метровых террас, на которых расположены местонахождения Авдеиха, Коврижка II-IV, Большой Якорь I.

Этап 4. Развитие боковой эрозии Витима и сложение серии прирусловых валов и межваловых понижений 9-11-метровой надпойменной террасы в первой половине голоцена. Местонахождения Инвалидный I-III, Мамакан I-V, Коврижка I, V, Павлова и др.

Этап 5. Новейший эрозионный врез Витима и накопление 8-9-метровой высокой поймы в середине – второй половине голоцена» (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 68, с дополнениями).

Наиболее ранние на Витиме четко стратифицированные культурные остатки стоянки Коврижка IV датированы около 19–18 тыс. кал. лет (Тетенькин А.В., Анри А., Клементьев А.М., 2017, с. 37–38). Полученные определения снежного барана, лося, кустарниковой ивы как доминирующего вида в древесных углях интерпретированы как признаки открытого ландшафта кустарниковой тундры с небольшими островками лесной растительности, представленной единичными определениями лиственницы (Анри А. и др., 2018, с. 586). К этому времени относят единственные найденные в археологических комплексах Витима остатки мамонта. Это пластины из бивня, из которых изготовлены антропоморфные фигуры из 6 культурного горизонта Коврижки IV (Тетенькин А.В., Жмур О.В., Демонтерова Е.В. и др., 2018, с. 8). Насколько синхронны эти остатки мамонта эпизоду обитания людей, судить нельзя ввиду отсутствия прямых датировок этих остатков. Тем не менее, их присутствие в слое является показателем доступности для людей такого материала как мамонтовый бивень. В том же ключе существования безлесных пространств интерпретируются фаунистические остатки лошади со стоянки Авдеиха (Мочанов Ю.А., 1977, с. 221, таблица Д).

Развернутая палеоэкологическая характеристика финала сартанской эпохи в интервале 12,7–11,7 тыс. л.н. дана на основе материалов стоянки Большой Якорь I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 95–104). Определено 28 видов животных, включая представителей орнито-, терио- и ихтиофауны. Снежный баран, северный олень, лошадь, овцебык, песец, тундряная куропатка, суслик, сурок являются представителями тундровой обстановки (Инешин, Тетенькин, 2010, с. 99). Бизон, волк, благородный олень – индикаторы смешанных тундро-лесных ландшафтов. Наличие определенных остатков соболя, лося указывает на существовавшие лесные

рефугии. Горный ландшафт местности в районе долины Витима определил поясной характер распределения ландшафтных зон. При общем доминировании тундро-степного ландшафта с кустарниковой растительностью очаги лесной растительности существовали в долинах Витима и его притоков на нижних гипсометрических уровнях поймы и первой террасы, на склонах бортов и пр.

Последующий за временем Большого Якоря интервал 13,2–12,2 тыс. кал. л.н. / 11,4–10,4 тыс. рад. л.н. в антракологических остатках 2 культурного горизонта Коврижки III представлен, исключительно, лиственницей, холодолюбивым видом (Анри А., Тетенькин А.В., 2014, с. 14; Анри А. и др., 2018, с. 586). Расширение спектра лесной растительности за счет появления более теплолюбивых ели, пихты, сосны зафиксировано в раннеголоценовых отложениях культурного горизонта 1А стоянки Коврижки III возрастом 8,3 тыс. л.н. (Анри А. и др., 2018, с. 587). Хотя, судя по остаткам снежного барана в 4А и 2 к.г., Коврижки II в этом же возрастном диапазоне (Тетенькин А.В., 2010, с. 81, 92), открытые, безлесные пространства еще сохранялись в Байкало-Патомском нагорье, поскольку еще существовали ледники. Этот вывод поддержан датированными возрастом около 9 тыс. рад. л.н. приледниковыми камовыми отложениями в верховьях р. Мамакан (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 1996). Судя по результатам ландшафтно-климатической реконструкции в районе оз. Большое Иняптукское в южной части Байкальского нагорья, изменения растительности в высокогорных районах, т.е. во внутренних частях Байкало-Патомского нагорья на 1,5–2 тысячелетия запаздывало, по сравнению с развитием ландшафтов в районе основных базисов эрозии (Безрукова Е.В. и др., 2012, с. 10).

2.2.3. Палеогеографические представления о Верхнем Витиме

«Витимское плоскогорье и Становое нагорье, по данным А.С. Ендрихинского (Ендрихинский А.С., 1982, с. 26) развивались в интервале 6–18 тыс. лет назад в условиях теплого климатического века - "баунтовского", в

течение которого произошло резкое понижение уровня многих горных озер и значительная деградация оледенения. Однако, полного стаивания ледников не происходило. Деградация оледенения в горах Южной Сибири, а также снижение уровня континентальных озер, сокращение ареала вечной мерзлоты, широкое распространение делювиальных склоновых отложений свидетельствуют о развитии лесостепных ландшафтов, испытывающих всеобщую прогрессирующую тенденцию к ксеротизации климата. В холодные палеоклиматические века многие из названных явлений значительно угасали, и при увеличении увлажнения, в частности, за счет интенсивной деятельности циклонов происходило расширение площади горного оледенения, увеличивался речной сток и пр.

Финал баунтовского века, по А.С. Ендрихинскому, совпадает со временем атлантического климатического оптимума - 5,5 тыс. лет назад. В это время термический режим ландшафтов характеризовался умеренными амплитудами сезонных температур, способствовавших развитию на разных широтах Сибири разнообразных растительных ассоциаций. Отметим здесь, что А.С. Ендрихинский (Ендрихинский А.С., 1982, с. 26) вкладывает в понятие оптимума не преобладание теплых сезонов года над холодными, а умеренность термических амплитуд. На протяжении 5 тысяч лет после климатического оптимума на территории горных областей происходят обратные событиям баунтовского века явления - увеличение речного стока, увлажнение климата, развитие лесных ландшафтов» (Тетенькин А.В., 1999б, с. 60).

Определенную роль в характеристике климата бассейна верхнего течения Витима могут сыграть результаты споро-пыльцевых, диатомовых и иных исследований донных осадков малых озер и торфяников Восточного Прибайкалья (Забайкалья) – оз. Котокель, Баунт, Большое Еравное, Черное, Арахлей, Танга, Большое Иняптукское и др. в том смысле, в каком влияние на обстановку могли оказывать районы близкие к истоку Витима (Bezrukova E.V. et al., 2010; Bezrukova E.V. et al., 2016; Безрукова Е.В. и др., 2012;

Безрукова Е.В. и др., 2016; Крайнов М.А. и др., 2016; Решетова С.А. и др., 2013; Решетова С.А., Безрукова Е.В., 2016).

Результаты исследования донных осадков оз. Баунт, скоррелированные с материалами оз. Котокель, показали хронологические интервалы: древнее 17 тыс. л.н. – криоаридный климат, соответствующий максимуму сартанского оледенения, 17 – 13,5 тыс. л.н. – тренд к расширению лесной растительности в повышению биопродуктивности природной среды, 13,5 – 10,1 тыс. л.н. – резкие колебания ухудшения климата, позднее 10,1 тыс. л.н. – существенное улучшение климата в раннем голоцене (Bezrukova E.V. et al., 2011, p. 460–463; Крайнов М.А. и др., 2016, с. 235).

По мнению С.А. Решетовой и Е.В. Безруковой, «резкое сокращение ивовых и ольховниковых ассоциаций в Беклемишевской котловине около 12,8–11,7 тыс. л. н. означает снижение количества зимних атмосферных осадков и активизации многолетней мерзлоты» (Решетова С.А., Безрукова Е.В., 2016, с. 72). Таким образом, растительность Забайкалья отвечала на стадийное похолодание, аналогичное по времени позднему дриасу, периоду глобального ухудшения климата, приводившего к сокращению лесной растительности (Bezrukova E.V. et al., 2010, p. 194–195; Wang N. et al., 2012, p. 96–97). В Северном полушарии и в Восточной Сибири переходный период от позднеледниковья к голоцену характеризовался резкими климатическими изменениями (Безрукова Е.В., Тарасов П.Е., Риедель Ф., 2009, с. 137). В это время резкие колебания климатических переменных в Забайкалье могли вести к событиям катастрофических паводков и наводнений, способствовавших формированию пойменного аллювия первых террас в местах сужения речных долин. На рубеже около 10,5 тыс. л. н., с наступлением умеренно теплого и влажного климата (с максимумом среднегодового уровня атмосферных осадков до 500–600 мм), произошло распространение темнохвойно-таежной растительности. О ее широком развитии около 10,5–9 тыс. л. н. в Беклемишевской котловине свидетельствует обилие пыльцы кедра сибирского с присутствием пыльцы

ели и пихты. Пихта наиболее чувствительна к изменению зимних температур и влажности почв и воздуха элемента древесной растительности Сибири, она является индикатором наступления климатического оптимума. Максимум темнохвойно-таежных (елово-пихтовых) лесов и соответствующего им влажностного оптимума в Байкальском регионе завершился позднее 7–6 тыс. л.н. На территории Прибайкалья в период 7–5,5 тыс. л. н. расселяется сосна обыкновенная, свидетельствующая о сухом континентальном климате (Решетова С.А., Безрукова Е.В., 2016, с. 72-73).

2.3. Заключение к главе 2

В ходе реализации комплексного междисциплинарного изучения природной среды Северного Прибайкалья в эпоху финала плейстоцена (сартанского стадиала) – раннего голоцена выкристаллизовался ряд перспективных направлений, определяющих сегодня палеогеографическую повестку.

Горные массивы Байкало-Патомского, Станового нагорий, Витимского плоскогорья в сартанское время были территориями развития горно-долинных ледников, в одних случаях закрывавших значительные площади внутренних территорий нагорий, делавших их недоступными для эксплуатации древними людьми. Лишь временем окончания сартанского стадиала – временем позднего дриаса, около 13,5 – 13,0 тыс. л.н. датируются установленные эпизоды проникновения людей во внутренние районы горных массивов, более чем на 150 км удаленные вглубь от долины р. Витим. Это недавно открытая палеолитическая стоянка Нирякан в среднем течении р. Мама и установленный эпизод приноса на стоянку Коврижка III вулканической пемзы с Удоканского вулканического поля (Демонтерова Е.И. и др., 2014, с. 170–172; Тетенькин А.В., 2016, с. 298). В других случаях ледники запирали реки, и в частности, Витим, что вело к затруднению стока, прорывам и фладам (катастрофическим паводкам) (Инешин Е.М., 2003; Margold M., 2016, 2018). Это, несомненно, оказывало влияние на хозяйственные циклы древних людей. В третьей группе случаев оледенение

обуславливало снижение уровня воды в озере Байкал ниже современного (Мац В.Д., Уфимцев Г.Ф., Мандельбаум М.М., 2001, с. 185, 201; Воробьева Г.А., Горюнова О.И., 2013, с. 27; Arzhannikov S.G. et al., 2018, p. 107). Для нас сегодня это означает, что, вероятно, археологические комплексы MIS 2 побережья северного Байкала находятся под водой.

Угнетенный ледниковой обстановкой горный рельеф Северного Прибайкалья канализировал, или иначе, суживал мобильность населения в пределах долин основных рек (Лены, Витима, Киренги, Мамы) и побережья озера Байкал. Роль рек как «естественных коридоров» сохранялась и в раннем голоцене (Демонтерова Е.И., и др., 2014, с. 172; Тетенькин А.В. и др., 2018, с. 22). В голоцене к таким естественным коридорам культурной коммуникации следует добавить муйскую и верхнеангарскую котловины после осушения. О существовании такого коридора – юго-западное Прибайкалье – побережье Байкала – Верхнеангарская и Муйская котловина (могильник Старый Витим II) – Витим (стоянка с погребением Нижняя Джилинда I) – могут свидетельствовать нефритовые шлифованные ножи раннеолитического (китайского) облика с обоих памятников, китайский рыболовный стерженек со Старого Витима II (Ветров В.М., Инешин Е.М., Задонин О.В., 1993, с. 106; Ветров В.М., 2008, с. 34–35; Базалийский В.И., 2012, с. 52–53; Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В., 2019, с. 19, с. 28, рис. 13.4) (рис. 71.14–16, 76.4). Речные долины и байкальское побережье связывали в эпизодах коммуникации население соседних районов (Север Верхней Лены, Нижний и Верхний Витим, Северный Байкал) между собой, а также являлись выходами в сопредельные регионы – Якутию, Западное Прибайкалье, Восточное Прибайкалье и Забайкалье.

Совокупная история развития ландшафта Северного Прибайкалья на современном этапе имеет комплексный характер и основывается на интеграции и интерполяции результатов: а) палинологического изучения донных озерных и торфянистых отложений, б) палеонтологических и в) антракологических исследований на основе радиоуглеродного датирования.

Опорными объектами изучения озерных и торфянистых отложений являются озера Котокель, Баунт, Большое Иняптукское (Bezrukova E.V. et al., 2010; Bezrukova E.V. et al., 2016; Безрукова Е.В. и др., 2012; Безрукова Е.В. и др., 2016; Крайнов М.А. и др., 2016; Решетова С.А. и др., 2013; Решетова С.А., Безрукова Е.В., 2016). Опорными археологическим местонахождениями с палеонтологически изученными фаунистическими остатками, дающими представление о ландшафтно-климатической обстановке начала и финала MIS 2, являются стоянки Алексеевск и Большой Якорь I (Задонин О.В., 1996, с. 24; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 95–103). Антракологические исследования углефицированных древесных остатков впервые в регионе были начаты на местонахождениях Коврижка III–IV (табл. 13) (Анри О., Тетенькин А.В., 2014; Анри О. и др., 2018).

Глава 3. Археологические комплексы финального плейстоцена, MIS2 (средний – поздний верхний палеолит) Северного Прибайкалья.

3.1. Археологические комплексы Севера Верхней Лены.

3.1.1. Алексеевск-I.

Местонахождение Алексеевск-I расположено на правом берегу р. Лена, на западной окраине пос. Алексеевск в 30 км северо-восточнее г. Киренска, в Киренском районе Иркутской области (рис. 1, 2, 7). Памятник открыт и исследовался в 1990–1991 гг. О.В. Задониным (Задонин О.В., 1996) (см. Приложение 1). Пятно концентрации культурных остатков приурочено к выположенной оконечности склона правого борта долины р. Лены с отметками 11–14 м от уреза реки. (рис. 8.1) Площадь вскрытых отложений составила 135 кв. м. Культурные остатки залегали на глубине 1,80 – 2,10 м в отложениях комковатого коричневого суглинка – солифлюцированной палеопочвы (Задонин О.В., 1996, с. 23–24) (рис. 8.2).

Из линзы смещенного склоновыми – солифлюксионными процессами кострища, содержащего жженные фрагменты костей и артефакты, была получена радиоуглеродная дата 22415 ± 480 л.н. (JE-3931) (Задонин О.В., 1996, с. 24). Ей соответствует календарный возраст ок. 27,5–25,8 тыс. л.н. В 2020 г. получены даты: по кости северного оленя 22550 ± 150 л.н. (Poz-120204), по кости снежного барана 24200 ± 180 л.н. (Poz-120205), по кости лошади 33200 ± 600 л.н. (Poz-120207). Первые две даты близки к радиоуглеродному определению, полученному ранее. Разница в полученных датах также подтверждает и различия в составе фаун каргинского и сартанского времени. Лошади (наряду с бизонами) были доминирующей группой на территории Иркутского амфитеатра в каргинское время (Клементьев А.М., 2013), а северный олень – в сартанское (Ермолова Н.М., 1978).

Коллекция артефактов насчитывает 647 ед. (рис. 8). Субстратом для расщепления были гальки кремня и микрокварцита. Изделия представлены нуклеусами, пластинами с ретушью и неретушированными, скребловидными

формами, проколками, чопперами и др. Группа нуклеусов состоит из 14 экземпляров. Наиболее устойчивыми, выработанными формами являются монофронтальные одноплощадочные грубопризматические нуклеусы – девять экземпляров (Задонин О.В., 1996, с. 24–25).

Пластины как продукт мелкопластинчатого расщепления вышеописанных нуклеусов, составляют 212 экземпляров или 28% от общего числа находок. Одиннадцать экземпляров пластин имеют маргинальную ретушь, и они являются самой представительной группой орудий. Вместе с нуклеусами эта серия пластинок образует единый технологический контекст. Семнадцать пластинок апплицированы к нуклеусам. Блоки насчитывают от 1 до 6 подобранных к фронту пластинок. Они наглядно демонстрируют призматический принцип расщепления: параллельное скалывание по объемному фронту, снятие каждой предшествующей пластины обеспечивает геометрию последующей. Пластинки двух-трехгранные, с неровными краями, с точечной ударной площадкой (рис. 8.7,13–16). Проксимальные сегменты также, как и фронты нуклеусов несут негативы подбора карнизов. Изделия из пластин оформлены краевым ретушированием (рис. 8.7,13–16): а) вдоль всей длины маргинала, б) на части маргинала, в) на поперечном проксимальном, либо дистальном краю, г) комбинированно в сочетании вышеуказанных признаков. В том числе на проксимальном и дистальном конце ретушно выделен шип проколки (рис. 8.4,16). Расщепление призматических нуклеусов, производство мелких пластинок, орудийное их использование составляют первый и основной технологический контекст стоянки Алексеевск-І.

Следующий технологический контекст составляют галечные нуклеусы параллельного принципа расщепления, составляющие серию из четырех нуклеусов. Это подкубовидные валунчики высотой 6,0–10,5 см и шириной 5,4–8 см, сохраняющие галечную корку на всех плоскостях кроме фронта. Плоскость ударной площадки несет негативы только у края ударного ребра – негативы отщеповых снятий, в том числе удлинённых пропорций.

Еще одной формой галечного расщепления являются два чоппера, однотипных друг другу.

Среди фрагментов костей есть один предмет со следами обработки. Это фрагмент рога северного оленя со следами надрубов на глазничном отростке.

О.В. Задонин указывал на наибольшее сходство индустрии Алексеевска-I с Усть-Ковой (поздний комплекс 3-го к.г.), Мальтой, Буретью, Ачинской стоянкой и отмечал контрастное отличие от дюктайской культуры Якутии (Задонин О.В., 1996, с. 25).

Беря во внимание мелкопластинчатое производство и ретушированную пластинку как основную орудийную форму, с этими выводами нельзя поспорить. Однако, имеет смысл рассмотреть аналогии для второй технологической группы макронуклеусов и привлечь для морфотипологической корреляции памятники Верхней Лены, рассмотреть местный палеолитический дискурс севера Верхней Лены. Крупные галечные нуклеусы параллельного принципа расщепления для получения удлиненного отщепа, прото- или грубопризматические, являются характерной формой для индустрии опорного памятника раннего верхнего палеолита Верхней Лены Макарово IV (Аксенов М.П., 2009, рис. 11–22). Ведущей формой они являются и на Макарово III (Аксенов М.П., 2009, рис. 55–59). На Балышово III, памятнике сартанского возраста, также наличествуют формы грубопризматического расщепления галек (Задонин О.В., Хомик С.Н. и др., 2014, с. 22). В этой траектории описываемые нуклеусы следует признать как характерный элемент верхнеленского палеолита.

Такой прием как сбивание узкого конца гальки ударом сбоку для оформления ударной площадки встречен на Балышово III, весьма характерен и для Чайки II, памятника севера Верхней Лены с палеолитическим горизонтом возрастом около 17,8 тыс. кал. л.н. / 14,7 тыс. рад. л.н.

На Чайке II есть аппликационный блок, демонстрирующий оформление на сработанном нуклеусе второго фронта скалывания по антитезе, т.е. с противоположного конца по противоположному фасу, аналогично таковому

нуклеусу на Алексеевске-I. Нуклеусы для производства мелких призматических пластин близкие по морфологии, т.е. по параметрам ориентации фронта на широком слабовыпуклом фазе преформы, рабочего ребра ударной площадки, грубопризматическим нуклеусам Алексеевска-I встречены на Балышово III. Выразительный аппликационный блок конического грубопризматического нуклеуса, демонстрирующий несколько циклов подготовки площадки и скалывания пластин, есть на Чайке II (Инёшин А.В., Задонин О.В. и др., 2019, с. 7). Таким образом, во-первых, на севере Верхней Лены на протяжении Алексеевска-I, Балышово III, Чайки II, т.е. ок. 27–17 тыс. рад. л.н. / 22–14 тыс. рад. л.н. существовала традиция параллельного, грубопризматического макрорасщепления крупных объемных галечных нуклеусов, вероятно, как наследие ленского раннего верхнего палеолита; во-вторых, существовала традиция техники мелкопластинчатого призматического расщепления. На Алексеевске-I, Балышово III еще без сопровождения нуклеусами торцово-клиновидными, на Чайке II уже с ними.

3.1.2. Балышово III

Местонахождение Балышово III открыто О.В. Задониным в 1988 г. (Задонин О.В. и др., 2014) (см. Приложение 1). Оно находится в 700 м западнее с. Балышово и приурочено к выположенному восточному склону увала в левом борту долины р. Лена с относительными отметками 17–22 м, ограничено с востока и запада логами (рис. 1, 2, 7, 9).

Археологический материал 2-го культурного горизонта палеолитического возраста залегал в горизонте погребенной почвы (гумусированного среднего суглинка) на глубине 1,6–2,0 м (рис. 9). Его культурные остатки залегали в погребенной почве. По кости из культуросодержащего слоя 2 к.г. в разных радиоуглеродных лабораториях получены три датировки: 25079±940 (JE-3950), 17000±300 (ГИН-7068), 11260±300 (ИМ-1077). Учитывая стратиграфическую позицию комплекса артефактов в подошве позднесартанских отложений (Sr4-3) и состав

сопровождающих фаунистических остатков, наиболее приближенной к реальному возрасту стоянки представляется датировка 17,0 тыс. рад. л.н., полученная в Геологическом Институте РАН.

Среди фаунистических остатков выявлены шерстистый носорог (*coelodonta antiquitas*), бизон (*bison sp.*), северный олень (*rangifer tarandus*), лошадь (*equus caballus*), в единственном экземпляре зафиксирован небольшой фрагмент бивня мамонта (*mammuthus primigenius*) (определения И.Е. Гребневым и А.А. Хамзиной).

«Общая вскрытая площадь – 62 кв. м. Культурные остатки основного, 2-го культурного горизонта по площади раскопа распределены неравномерно. Они концентрируются в два неравнозначных по характеру и размерам скопления. Коллекция изделий из камня насчитывает 839 экземпляров. В ней представлены нуклеусы и их преформы, скребки, пластины и отщепы с ретушью, пластины, отщепы и сколы различных модификаций. Субстрат расщепления – галька кремнистая, кварцитовая, эффузивных пород» (Задонин О.В., 1990, с. 118).

Нуклеусы монофронтальные, одно- и двухплощадочные (рис. 11, 13.1), скребки из отщепов (рис. 14.5,6, 15.7,8), пластины с ретушью (рис. 14.2, 16.1), отщепы с ретушью (рис. 15.1,5), пластины (Рис. 15.2,3), отщепы.

Единственным предметом костяной индустрии является фрагмент остроконечника плохой сохранности (рис. 12.4).

По отдельным элементам техники расщепления камня и оформления орудий материалы Балышово III находят аналоги в более раннем ассамбляже стоянки Алексеевск (Задонин О.В., 1996) и, по-видимому, более поздней Чайки II, обе на р. Лена (Инёшин А.В. и др., 2019). Бифасиальные формы и клиновидные нуклеусы отсутствуют. По совокупности имеющихся двух радиоуглеродных дат, стратиграфической позиции и технико-типологических показателей 2 культурный горизонт Балышово III относится к первой половине сартанского оледенения.

3.1.3. Бамовская

Местонахождение Бамовская находится в среднем течении р. Киренга, правого притока верхней Лены (рис. 1, 2, 7). Памятник открыт В.В. Краснощековым в 2007 г. близ пос. Улькан (Казачинско-Ленский район Иркутской области), на правой приустьевой части р. Улькан, правого притока р. Киренги (рис. 17.1) (Краснощеков В.В., 2009) (см. Приложение 1). Культурные остатки выявлены на выположенной части склона борта долины высотой 20–25 м.

Культурные остатки выявлены в слое карбонатизированной светло-коричневой легкой супеси на глубине 1,4–1,6 м (рис. 17.6). Культуровмещающий слой включал каменные и артефакты с разносом до 15 см по вертикали, костные остатки, костные и древесные остатки, кусочки охры. По фрагментам древесных углей получена дата 18370 ± 340 л.н. (СОАН-6910). Коллекция артефактов из камня состоит из 420 единиц. Преобладает серый желвачный кремль (369 ед.), присутствуют также изделия из цветного кремня (26 ед.), халцедона (16 ед.), эффузивных пород (8 ед.), яшмы (1 ед.) (Краснощеков В.В., 2009, с. 245). Среди изделий представлен один клиновидный микропластинчатый нуклеус (рис. 17.2). Изделия из отщепов и мелких пластинчатых сколов представлены 5 резцами с резцовыми сколами на острых углах, 1 трансверсальным резцом, 1 скребком, 2 комбинированными изделиями (скребками?), 1 отщепом с ретушью, 2 долотовидными изделиями. Среди микропластин есть проколка, оформленная на дистальном конце сегмента (рис. 18.26). Ряд микропластин несет следы вкладышевых охотничьих орудий, в том числе негативы сколов, ошибочно отнесенных В.В. Краснощековым к резцовым на микропластинах (рис. 18.15,20) (Краснощеков В.В., 2009, с. 244–245, рис. 1, 2).

В.В. Краснощеков рассматривает комплекс стоянки Бамовская в контексте донеолитической археологии севера Верхней Лены: местонахождений Алексеевск I, Балышово III, Вешний Ручей I, Любавская I (Краснощеков В.В., 2009, с. 245–246), помещая Бамовскую между Алексеевском I и Балышово III и обсуждая два технологических контекста:

производство мелких пластинок неправильных очертаний средних размеров с грубопризматических нуклеусов и производство микропластин с клиновидных нуклеусов. При этом радиоуглеродный возраст около 18,4 тыс. некал. л.н. ставит стоянку Бамовскую в статус одной из наиболее ранних, содержащих клиновидные нуклеусы и микропластины не только на севере Верхней Лены, но и в целом в западной части Прибайкалья. В качестве еще одного типологически значимого элемента стоит выделить трансверсальный резец. Вместе с клиновидными нуклеусами они характерны для нижнего комплекса Красного Яра I (радиоуглеродный возраст около 19,0 тыс. л.н.), и 2-го донеолитического горизонта Курлы I–VII (радиоуглеродный возраст около 13 тыс. л.н.) (Медведев Г.И., 1966б, рис. 8. 9-11; Шмыгун, 1981, рис. 2. 2,3). В этой возрастной вилке находится возраст стоянки Бамовской. Радиоуглеродное датирование с целью уточнения возраста должно быть продолжено, и вероятна его корректировка.

3.1.4. Чайка II

Местонахождение Чайка II открыто в 1990 г. А.В. Инёшиным (Инёшин А.В. и др., 2019). Первые артефакты были найдены в обнажении правого берега реки Лены, возле пионерского лагеря «Чайка», в 3-х км ниже впадения р. Куты (рис. 1, 2, 7, 19). Раскоп-врезка 1990 года, заложенный в краю террасы, имел площадь 8 кв. м (рис. 19). Пятно культурных остатков примыкает к обрыву, который постоянно осыпается, поэтому к моменту открытия памятник уже был значительно разрушен. В 1992 г. О.В. Задонин, М.П. Аксенов, С.Н. Пержаков, М.Ю. Семин, В.В. Краснощечков (сотрудники Центра по сохранению историко-культурного наследия (ЦСН) г. Иркутска) проводили исследования по установлению границ памятника Чайка II. Ими вскрыто еще 16 кв. м, общая площадь раскопа составила 24 кв. м. Кроме этого, на расстоянии 50–200 м в глубь от берегового обнажения на прилегающей придолинной поверхности были заложены 4 шурфа (2×1 м). В результате было выявлено, что культурные остатки залегали в эрозионной части берегового обнажения. В шурфах на площади, расположенной выше и

вглубь от берегового обнажения они отсутствовали (рис. 19.3). «В последующие годы А.В. Инёшин собирал подъемный материал в районе стоянки. Наиболее важным результатом последнего этапа истории исследований Чайки II стало применение метода аппликации каменных артефактов. Апплицировались материалы, происходящие не только из культуросодержащих отложений, но и из подъемных сборов разных лет» (Инёшин А.В. и др., 2019, с. 23).

«Местонахождение Чайка II расположено на правом берегу р. Лены в 3 км от впадения р. Куты (левый приток р. Лены) и в 1,5 км ниже по течению от окраины пос. Зыряновка (район бывшего пионерского лагеря «Чайка») (рис. 19.1, 3). Площадь стоянки Чайка II расположена, на террасовидном уступе 12–14 м от уровня реки. С севера террасовидный уступ ограничен ручьем, а с юга небольшим логом. На глубине 2,70 м зафиксированы культурные остатки палеолитического периода (Инёшин А.В., Тирских Е.Ю., Карнаухова О.М., 1991)» (Инёшин А.В. и др., 2019, с. 25).

«Предварительная датировка верхнего комплекса культурных остатков, 1 к. г., осторожно дана в пределах неолита – раннего железного века, т. е. 7–2 тыс. л. н. Первое возрастное определение 2 культурного горизонта было сделано О.В. Задониным. Стратиграфическое положение залегания артефактов и их морфология позволили отнести этот памятник к эпохе палеолита и датировать его примерно 14–12 тыс. л. н. В 2018 г. по образцу из челюсти северного оленя (*rangifer tarandus*), найденной в составе скопления культурных остатков, получена дата 14660±80 л.н. (Poz-106024). Она, фактически, подтвердила датировку О.В. Задонина. Календарный возраст составил 18053–17612 л.н.» (Инёшин А.В. и др., 2019, с. 27)

«Планиграфически 2 к. г. представляет собой скопление дебритажа у плитки песчаника размерами 30×15 см и на некотором удалении более 10 нуклеусов и нуклевидно оббитых галек. Каменные артефакты лежали компактно, причем около 60 % из них имеют галечную корку. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что вскрытый участок обитаемой

поверхности был рабочей площадкой по первичной обработке камня. Материалом для изготовления предметов являлась речная галька. По петрографическому составу в основном это тонкослоистая кремнистая туфогенная порода» (Инёшин А.В. и др., 2019, с. 27).

«За все годы исследования собрана коллекция из 324 экз. Из них около 50 предметов – это сборы подъемного материала из берегового обнажения. В коллекции есть 15 нуклеусов и нуклевидно оббитых галек. В группе орудий 2 долотовидных изделия и 1 скребок» (Инёшин А.В. и др., 2019, с. 23).

Девять аппликационных блоков и отдельные формы нуклеусов позволили разнообразно представить технику расщепления (рис. 20–26) (Инёшин А.В. и др., 2019) (см. Приложение 1). На основе изучения этих блоков описаны приемы: 1) инициации расщепления гальки, 2) переноса фронта скалывания, 3) декортикации, 4) эксплуатации пирамидального грубопризматического нуклеуса, 5) подготовки клиновидного нуклеуса.

Галечные нуклеусы находят аналоги в более ранних комплексах, в частности, в Балышово I (Задонин О.В., 1992, с. 126–127). Объемное расщепление подпризматических, субконических нуклеусов вывлечено на стоянках Алексеевск I и Балышово I (Задонин О.В., 1992, с. 129; Задонин О.В., 1996). По отношению к ним новацией являются терминально-клиновидные нуклеусы. Радиоуглеродное датирование палеолитического комплекса Чайки II около 17,8 тыс. кал. л.н., закрепило определение позднесартанского возраста этой стоянки.

3.1.5. Вешний Ручей

Местонахождение Вешний Ручей расположено на правом берегу р. Лена, в 60 км ниже по течению от г. Усть-Кут, в Усть-Кутском районе Иркутской области (рис. 1, 2, 7). Памятник открыт О.В. Задониным и С.А. Дзюбасом в 1994 г. (Задонин О.В., Дзюбас С.А., 2003) (Приложение 1). Стоянка дислоцирована на оконечности правого устьевого мыса руч. Вешнего, правого притока р. Лены. Площадь раскопа – 9 кв. м. Археологический материал обнаружен в трех уровнях: 1-й культурный

горизонт в кровле серой гумусированной средней супеси (слой 2) и отнесен к эпохе развитой бронзы – раннего железного века; 2-й культурный горизонт – в средней части красно-бурой супеси (слой 3), отнесен к позднему неолиту – раннему бронзовому веку; 3-й культурный горизонт – на глубине 0,9–1,2 м в подошве серого окрабоначенного лессовидного суглинка (слой 4), определен как финальнопалеолитический археологический комплекс. Суглинок, вмещающий 3 культурный горизонт, окрабоначен, из его подошвы заложены криогенные трещины. По этим признакам он был определен как финальносартанский. Соответственно, возраст для культурных остатков был предложен около 14–12 тыс. л.н.

В раскопе артефакты 3 культурного горизонта образовывали два скопления. Обнаружено 403 артефакта. В том числе 9 орудий, 12 нуклеусов, 1 заготовка нуклеуса, 61 фрагментированных и целых призматических пластин, 6 технических сколов, 314 отщепов и чешуек (рис. 29). В группе орудий описаны скребло, концевой скребок, два острия пластинах, отщеп с ретушью по двум сторонам, чоппер. В группе нуклеусов – 9 клиновидных нуклеусов, два одноплощадочных монофронтальных плоских нуклеуса, один галечный грубопризматический нуклеус. Способ оформления клиновидного нуклеуса с киля, подобный плоскофронтальному нуклеусу, представлен на севере Верхней Лены на стоянке Чайка II, во 2-м культурном горизонте (рис. 29.1,11-18). Два плоско- монофронтальных нуклеуса определены как мелкопластинчатые грубопризматические, сработанные (рис. 29.11,12). Аналоги им найдены в материалах Алексеевска-1, Балышово III. Изделия в большинстве демонстрируют приверженность к мелкой призматической пластинке как основной заготовке, обретающей тот или иной вид орудия благодаря мелкому краевому ретушированию. В этом качестве мелкопластинчатая индустрия Вешнего Ручья, 3 культурного горизонта имеет сходство с индустрией Алексеевска-I.

3.2. Археологические комплексы Северного Байкала.

3.2.1. Группа местонахождений Курла I–VI

Группа местонахождений Курла I–VI расположена в бухте Курла на северо-западном побережье оз. Байкал, в 1,2–2,5 км к северо-востоку от г. Северобайкальск (Приложение 1). Местонахождения выделены на берегу Губы Курла к юго-западу (Курла I, II, III, IV, VI) и к северо-востоку (Курла V) от рч. Курла (рис. 1, 2, 35, 36.1). Археологические остатки зафиксированы в борту склона, в отложениях, уступом обрывающихся к современному пляжу и урезу, имеющих высоту от 15 до 4 метров от современного уреза оз. Байкал (рис. СВ-Кур-1. 1) (Шмыгун П.Е., 1981, с. 122).

Памятники были открыты в 1975 г. Северо-Байкальским отрядом Комплексной археологической экспедиции ИГУ. Автором открытия и раскопок является П.Е. Шмыгун (Шмыгун П.Е., 1978а, 1978б, 1981; Шмыгун П.Е., Сизиков А.М., 1977; Шмыгун П.Е., Ендрихинский А.С., 1978; Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1980, 1982).

Перспективными для изучения были признаны пункты Курла I–III. В 1977–1978 гг. на них были проведены аварийно-спасательные работы, по мнению П.Е. Шмыгуна, в основном исчерпавшие археологический потенциал этих объектов. На основе корреляции разрезов Курлы I–III был составлен сводный стратиграфический разрез, в который поверстана также стратиграфия Курлы VI (рис. 36. 2). В нем выделено три донеолитических горизонта.

Первый сводный донеолитический культурный горизонт зафиксирован только на Курле I, где проходил как 2-й к.г. Его возраст оценен в рамках 9–12 тыс. рад. л.н. (Шмыгун П.Е., 1981, с. 125). Ко второму сводному донеолитическому культурному горизонту отнесены первые культурные горизонты местонахождений Курла II–III и VI, а также 3-й к.г. Курлы I. Для него получены даты по углю 15200 ± 1250 (СОАН-1396), по кости – 13160 ± 960 (СОАН-1396-К), по углю – 14150 ± 960 (СОАН-1398) (Шмыгун П.Е., 1981, с. 126; Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А., 2019, с. 7). Третий сводный донеолитический культурный горизонт составлен из 2-х культурных горизонтов Курлы II, III, VI. Первоначально по нему была по

углю получена дата 24060 ± 5700 л. н. (СОАН-1396). Недавно с нашим участием получены две даты по кости из 2 к.г. Курлы II 13380 ± 70 л.н. (Poz-106025) и 13790 ± 70 л.н. (Poz-106027) (Шмыгун П.Е., 1981; Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А., 2019, с. 7). Опираясь на эти даты, из трех имеющихся дат по 2 объединенному к.г. валидной следует признать дату 13160 ± 960 (СОАН-1396-К).

В 1979 г. спасательные работы на памятнике Курла IV провел Т.А. Абдулов (Абдулов Т.А., 1991). Выделено три культурных горизонта, из которых два докерамических отнесены к эпохе мезолита, раннему голоцену. Однако, в силу отличной стратиграфической ситуации они не были вписаны в сводную для Курлы I–III стратиграфическую схему. Корреляция была проведена Т.А. Абдуловым на основе морфо-типологических и возрастных оценок. Выделенные II и III культурные горизонты по совокупности стратиграфических и морфо-типологических представлений датированы возрастом около 7 и 8–10 тыс. рад. л.н., соответственно (Абдулов Т.А., 1991, с. 57).

3.2.1.1. 3-й объединенный донеолитический культурный горизонт

Общая вскрытая площадь 3 к.г. на двух пунктах Курла II и III составляет более 60 кв. м. (Шмыгун П.Е., 1981, с. 126).

Первую выразительную группу изделий образуют микронуклеусы – 87 экземпляров (рис. рис. 38.1–8). В общем с ними контексте состоят технические сколы с микронуклеусов (236 экз.), фрагментированные и целые микропластины (2024 экз.). Микронуклеусы имеют форму близкую к клиновидной, но «клин» или «киль» выражен условно и образует с гребнем единую кривую линию (Шмыгун П.Е., 1978; 1981, с. 126). Высота фронта не превышает 3 см, ширина фронта – до 8 мм. Угол между фронтом и площадкой около 90° . Судя по апплицированным лыжевидным сколам, угол скалывания, изначально острый, имел тенденцию в процессе отжима к увеличению (рис. 38.5,6). Трасологические наблюдения П.Е. Шмыгуна и А.К.

Филиппова выявили микроследы подшлифовки фронта ударной площадки микронуклеусов (Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1982, с. 21).

Вторая группа изделий, состоит из орудий обработки кости и рога, изготовленных из мелких отщепов микрокварцита (рис. 38.10–13,17, 40). Формально, это разнообразные в контуре изделия с выемками, шипами, резцовыми сколами (изделия с выемками – 30 ед., резцы – 8 ед.). Трасологический анализ позволил атрибутировать их как орудия разнообразной кинематики – скобления, резания, провертывания – в работе с костью, рогом и шкурами. Наблюдаемые на них микроследы – ретушь фасеточного изнашивания (Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1982, с. 21). В совокупности с коллекцией изделий из кости и рога эта группа определяет деятельность по обработке кости и рога как руководящую в оценке функции стоянки. Вместе с микропластинчатым производством и пазовыми обоймами этот технологический контекст свидетельствует об изготовлении композитного вкладышевого охотничьего вооружения.

Группа макроформ орудий немногочисленна и не образует устойчивых серий. В нее входят обломок бифаса (рис. 37.2), скребловидная форма из плитки (рис. рис. 37.1), продольно ретушированные удлиненные отщепы – скребки (рис. 38.20,21).

Костяная коллекция состоит из 26 предметов, в том числе 12 обломков игл, пластин из рога благородного оленя, колотушки из рога, вкладышевого орудия (рис. 39) (Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1982, с. 15). В изготовлении их применены приемы расчленения, резания, скобления, абразивной шлифовки, истирания, пропиливания, гравировки (Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1982, с. 17). Вкладышевое орудие изготовлено из рога, имеет два паза, уплощенный насад, снабженный большим количеством поперечных насечек (рис. 37.17).

Гравированных предметов пять. Первые два – это сегментовидные пластины из рога с изображениями, нанесенными на выпуклом фасе (рис. 39.2,3). У обеих пластин один конец уплощен, вероятно, как насад, другой

конец обломан. На выпуклой стороне одной из них нанесены – прорезаны параллельные прямые линии, всего 12–13) с шагом отступления от предыдущей линии менее 1 мм (рис. 39.2). Длина линий – 11–13 см. Вторая орнаментированная пластина имеет рисунок в виде «пера» или «ветки» (рис. 39.3) (Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1982, с. 15–16, рис. 1–1, 2; Medvedev, 1998, fig. 129–1, 2). Это комбинация из одной длинной (около 8 см) прорезанной V-образной линии и сходящихся под острым углом к ней частых коротких линий длиной до 2 см. Эти сопряжения приходятся лишь на часть, примерно, половину длины основной линии.

Еще одно орнаментированное изделие – фрагмент трубчатой кости. «Композиция его такова: в средней части на выпуклой стороне четко прослеживаются 18 параллельных коротких линий. Затем две линии сходятся под углом. После этого рисунок постепенно перемещается к правой грани и представляет собой зигзагообразную линию. Рисунок выполнен пропилами. Следов утилизации, кроме облома, на изделии не обнаружено» (Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1982, с. 16, рис. 1–4; Medvedev, 1998, fig. 129–3).

Найдены два стержневых изделия из рога, орнаментированные короткими поперечными пропилами. В том числе на одном стержне – пересекающиеся (рис. 39.4) (Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1982, с. 16, рис. 1–3).

Еще один пример орнаментации дает обрубок прикорневой части рога. По периметру его тела «очень тонкими продольными линиями нанесены группы параллельных или почти параллельных бороздок. Сами же группы ориентированы в диагональных направлениях. Корневой торец изделия несет следы работы. Изделие выполняло функции песта-разминателя» (Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1982, с. 15–16, рис. 1–5).

Иглы также были подвергнуты трасологическому обследованию (рис. 39.1) (Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1982, с. 17). Определено, что ушки их – биконические просверленные отверстия, имеющие следы легкого износа от «нити».

По признакам юбецовой техники микронуклеуса, наличию традиции бифасиальной обработки 3-й объединенный донеолитический горизонт следует определять как локальный вариант верхоленско-дюктайского технокомплекса (см. Приложение 1).

3.2.1.2. 2-й объединенный донеолитический культурный горизонт

Второй объединенный донеолитический культурный горизонт самого начала исследований был лучше обеспечен радиоуглеродными датировками. По нему имеются две даты по углю 15200 ± 1250 (СОАН-1396), по углю – 14150 ± 960 (СОАН-1398) и дата по кости – 13160 ± 960 (СОАН-1396-К), (Шмыгун П.Е., 1981, с. 126; Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А., 2019). Учитывая новые даты по 3 к.г. около 13,8–13,4 тыс. рад. л.н. валидной следует трех дат признать наиболее молодую дату по кости.

Артефактов из камня 2716 ед. В коллекцию входят 5 клиновидных нуклеусов, 26 резцов, 5 чопперовидных изделий, 3 скребка 273 фрагментированных и целых микропластины, 4 реберчатых скола, 4 лыжевидных скола, 1260 отщепов и чешуек, колотушка и пластина из рога оленя (Шмыгун П.Е., 1981, с. 125–126; Мочанов Г.Н., 2019).

У клиновидных нуклеусов ударная площадка образована одним продольным лыжевидным или краевым сколом (рис. 41.1–5, 42.1–6).

Самую массовую серию образуют трансверсальные резцы (рис. 41.7–10, 43.4–9). Три из них – двойные альтернативные. Тело резцов, в большинстве случаев, обработано крутой ретушью. Участок головки, как правило, имеет несколько скошенный к резцовой точке край.

Третью серию образуют три скребка: два округлых из отщепов и один концевой из пластинчатого отщепа (рис. 41.11–13, 43.1–2).

Клиновидные нуклеусы, реберчатые и лыжевидные сколы, бифасы составляют единый контекст техники юбецу (Nakazawa Y. et al., 2005 p. 280–282). Трансверсальные резцы обнаруживают полную аналогию с таковыми же резцами 4Б–9 к.г. Большого Якоря I и резцами 7–8 к.г. Усть-Каренги I–

XVI (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., с. 218–219; Ветров В.М., 1995, с. 35).

Прямые аналоги в этих комплексах находят и скребки.

3.2.1.3. 1-й объединенный донеолитический культурный горизонт

1-й объединенный донеолитический культурный горизонт выявлен только на местонахождении Курла I, на котором он именуется как 2-й культурный горизонт. Раскопом вскрыта часть жилого комплекса: остатки кладки, кострища и археологический материал в ее пределах (Шмыгун П.Е., 1981, с. 124). Описание материалов приводится по публикации Г.Н. Молчанова и соавторов (Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А., 2019, с. 8–21).

Всего каменных артефактов – 2035 ед. Коллекция каменных артефактов состоит из грубопризматических (4 ед.) и торцово-клиновидных (5 ед.) нуклеусов, бифасов (3 ед.), скребков (40 ед.), резцов (10 ед.), скребел (10 ед.) и скребловидных орудий (6 ед.), ножевидных орудий (4 ед.), комбинированного унифасиального орудия (1 ед.), чопперов (8 ед.), тесловидных орудий (8 ед.), отщепов и сколов с краевой ретушью различных модификаций (10 ед.), шлифованного абразивного орудия (1 ед.), технических сколов (82 ед.), отщепов различной конфигурации и размерности (1536 ед.). В списке поделочных пород камня состоят сливной микрокварцит, кварциты разной зернистости, серпентинит, кремьень разных цветовых вариаций, кварц и опаловидный кварц, сургучная яшма, метабазалты, метадиабазы, метапесчаники, кремнистый сланец, гнейс. Кроме того, найдена галька со следами растирания охры и один кусок гематита.

Наиболее выразительные два микронуклеуса изготовлены из бифаса, имеют скошенную к контрфронтну ударную площадку, образованную одним фронтальным ударом, несомненно, являются юбецоидными нуклеусами (рис. 44.11,12). Еще один нуклеус также изготовлен из бифаса, фронт микропластинчатых снятий ориентирован с реберчатого бифасиального гребня на дистальный край, образованный продольным реберчатым или

лыжевидным снятием, обычно таким оформляют ударную площадку микронуклеуса в манере техники юбецу, поэтому в данном случае имеет место перенос ударной площадки на противоположный конец – ребро бифаса (рис. 44.10).

Наиболее многочисленная серия скребков представляет собою различные варианты дислокации лезвия на короткой, отщеповой основе (рис. 44.1–6).

Все резцы трансверсальные, один из них двойной альтернативный (рис. 44.7–9).

В группе бифасов два крупных, размерами более 10 см в длину. Один бифас подчетыреугольной формы со слабовыпуклыми продольными краями (рис. 45.5). Второй бифас подтреугольной остроконечной формы с выпуклыми боковыми конвергентно сходящимися боковыми краями (рис. 45.6). В обоих случаях формально можно говорить о бифасиальных скреблах. Третий бифас является, вероятно, пяточным фрагментом крупного изделия из кварца. Бифасиальной подработке подверглось орудие, отнесенное Г.Н. Молчановым, Д.Н. Молчановым и Е.А. Липниной к ножам (рис. 45.2).

Унифасиальные изделия, получившие в результате обработки модифицированную форму, составляют группу из трех предметов. Одно из них – унифас (лимас) с продольными обработанными ретушью краями, сходящимися в узком конце (рис. 45.3). Второй противоположный конец имеет скребковую головку, асимметрично выделенную выемкой-плечиком с более выпуклого края. Второе – остроконечник равнобедренной треугольной формы (рис. 45.1). Третье орудие, формально, скребло вытянутого контура с двумя продольными выпуклыми краями (рис. 45.4).

Коллекция изделий из кости и рога 1 к.г. весьма представительна. Она включает одну пазовую обойму, два фрагмента пазовых обойм с насадами, один целый гарпун и два обломка, одну колотушку, два фрагмента острий, одно изделие с глубоким пазом из фрагмента рога, пять изделий из пластин рога, фрагменты рога и костей со следами обработки. Всего – 22 ед.

Целое вкладышевое орудие имеет один паз (рис. 46.1). Рабочий конец затуплен. Насад двусторонне уплощен. На одном из фасов выгравирован рисунок ««обратная елочка»: продольный «ствол» на котором расположены семь парных симметричных «лап», концы «лап» ориентированы на дистальную часть орудия. Кроме «елочки» менее глубоким прорезом нанесена тонкая местами параллельная, в двух местах пересекающая (обвивающая) ствол «елочки» линия» (Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А., 2019, с. 21–22). То обстоятельство, что уплощающие плоскости насада перекрывают и паз, и рисунок, притупление также перекрывает паз, по нашему мнению, является свидетельством переоформления пазового орудия (наконечника?) в тупоконечник, подобно тем, которые найдены в 6 к.г. Большого Якоря I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.41.3,9).

Найдены два обломка гарпуна (рис. 46.3,4). Один фрагмент сохранил насад (рис. 46.3). Он имеет форму равнобедренного треугольника или высокой трапеции с поперечными насечками. Этот гарпун, практически идентичен опубликованному гарпуну из III слоя Верхоленской Горы I (Аксенов М.П., 1980, рис. 10.1). В регионе Северного Прибайкалья единственный функциональный аналог этим гарпунам составляет гарпун из 6 к.г. Большого Якоря I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.41.8, 6.42.1).

Еще одно специфичное изделие изготовлено из прикорневого фрагмента рога (рис. 46.5). По мнению Г.Н. Молчанова и соавторов, оно служило в качестве удерживающего приспособления, например, при отжиме пластин с нуклеуса (Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А., 2019, с. 24).

Автор раскопок П.Е. Шмыгун отмечал сходство 1-го и 2-го объединенных донеолитических горизонтов Курлы I–III по всем основным позициям микронуклеусов, резцов, скребков, макроорудий (Шмыгун П.Е., 1981, с. 126). Различия отмечались в степени представительности основных

групп изделий: в 1 к.г. лучше представлены скребки, скребла, унифасиальные орудия. Во 2 к.г. – трансверсальные резцы. П.Е Шмыгун относил и 1-й, и 2-й к.г. к верхоленской мезолитической культуре. Возраст 1 к.г. определял в диапазоне 9–12 тыс. рад. л.н. (Шмыгун П.Е., 1981, с. 125).

В.А. Лынша на основе обоих горизонтов сформулировал северобайкальский тип индустрии (Лынша В.А., 1980, с. 12).

Авторы публикации материалов 1 к.г., ученики П.Е. Шмыгуна Г.Н. и Д.Н. Молчановы, а также Е.А. Липнина продолжили идею соотнесения с Верхоленской Горой, но при этом также в качестве основного коррелята указали на 3А–9 к.г. Большого Якоря I (Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А., 2019, с. 33). Пойдя дальше, они определили 1 к.г. Курлы I–III к дюктайской культуре. Логика этой атрибуции, во-первых, может быть объяснена тем, что один из опорных коррелятов 1-го объединенного к.г., Большой Якорь I был отнесен Е.М. Инешиним к дюктайской и верхоленской культурам (Белоусов и др., 1990, с. 64). Основным типологическим фоном для характеристики Большого Якоря I выступала именно дюктайская культура (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 209). Во-вторых, Ю.А. Мочанов, автор выделения дюктайской культуры, выступал за продление ее ареала на юг Сибири за счет включения памятников верхоленско-кистеневского круга (Мочанов Ю.А., 2007, с. 49).

3.3. Археологические комплексы Верхнего Витима

3.3.1. Усть-Каренга I–XVI

Первые находки артефактов в районе устья р. Каренга были сделаны в начале 1970-х гг. читинским геологом В.Х. Шамсутдиновым (Ветров В.М., 2011, с. 173) (см. Приложение 1). В 1974 г. по инициативе М.П. Аксенова состоялась первая археологическая разведка Комплексной археологической экспедиции ИГУ. В ней принял участие В.М. Ветров, на все последующие годы до самой смерти (1974–2015 гг.) возглавивший исследования усть-каренгской группы стоянок.

Стоянки усть-каренгской группы выделены в правом борту долины Витима, на левой (Усть-Каренга III, V, VII, IX, XI, XV), правой приустьевой части р. Каренга (Усть-Каренга II, IV, VI, VIII, X, XII, XIV, XVI) и на левом берегу Витима напротив устья р. Каренга (Усть-Каренга XIII) (рис. 1, 2, 54, 55.2) (Ветров В.М., 2011, табл. 1). Правый берег Витима представлен цокольной 20-25-м террасой. Культурные остатки залегают на различных уровнях высоты над рекой от 10 до 25 м (Ветров В.М., 1992, с. 9). Всего выделено 16 пунктов. 20-25-метровая терраса имеет понижение цоколя вглубь от берега Витима. Она перекрыта аллювиальными-субаквальными и субаэральными отложениями. Единообразие стратиграфических разрезов на всех памятниках позволило В.М. Ветрову выработать единую стратиграфическую схему залегания рыхлых культуровмещающих отложений (рис. 56) (Ветров В.М., 1992, 1997, 2006, 2007, 2011, с. 173). В субаэральной пачке отложений выделены 1–6 культурные горизонты. В отложениях пойменной фации аллювия выделены 7, 7а, 8, 8а культурные горизонты.

В 1 культурном горизонте размещены археологические остатки железного века, по этому горизонту имеются даты 3250±40 л.н. (ЛЕ-2561), 3340±40 л.н. (ЛЕ-2652), 3670±40 л.н. (ЛЕ-2650), 1890±40 л.н. (ЛЕ-2653) (Ветров В.М., 1992, с. 8; Ветров В.М., Самуилова О.В., 1990; Ветров В.М. и др., 2000, с. 13). Материалы 2 культурного горизонта принадлежат усть-юмурченской археологической культуре позднего неолита (Ветров В.М., 1995б, с. 35). На основе нижележащих 3–8а культурных горизонтов выделена усть-каренгская археологическая культура. Ее поздний отдел наиболее полно представлен в 4 культурном горизонте, залегающем в погребенной почве в субаэральной пачке отложений эолово-делювиального генезиса. По нему имеются две радиоуглеродные даты, полученные по углю из хозяйственной ямы на Усть-Каренге III, заплечики которой прослежены от уровня 4 к.г.: 6890±80 л.н. (ЛЕ-1961), 6100±400 л.н. (ИМСОАН-922) (Ветров В.М. и др., 2000, с. 14; Ветров В.М., 2008а, с. 40). 5-й и 6-й культурные горизонты,

выделенные в нижней части субэральной пачки, немногочисленные. 7-й культурный горизонт содержит богатый археологический материал. Он представлен во всех основных археологических аспектах: планиграфическом, технико-типологическом, статистическом (Ветров В.М., 1992, с. 9–11, 2011а, с. 174–177; Ветров и др., 2000, с. 14–15). 7 к.г. залегает в ритмичнослоистых песках пойменной фации аллювия, в верхней части пачки. Особенностью этого горизонта является залегание между двумя генерациями трещин, верхней из которых он разбит (Ветров В.М., 1992, с. 7). Это положение горизонта между двух уровней трещин задолго до первых радиоуглеродных дат подвигло В.М. Ветрова и Е.М. Инешина отнести его возраст к рубежу плейстоцена – голоцена (Ветров В.М., 1981; 1986б, 1992, с. 7–8; Ветров В.М., Инешин Е.М., 1977, 1979). Основная проблема заключалась в том, что по существовавшим в 1980-е гг. представлениям время появления керамики в Восточной Сибири не должно быть древнее 7–6 тыс. некалибров. л.н. Радиоуглеродное датирование 7 к.г. дало серию дат по углю – около 12,1–10,7 тыс. радиоуглеродн. л.н., по органическим включениям в керамике – 11,1–10,6 тыс. радиоуглеродн. л.н. и в целом оценен в пределах 11–12 тыс. некалибров. л.н. Ниже 7 к.г. залегает 7а к.г. В нем обнаружено лишь несколько отщепов (Ветров В.М., 2006, с. 173). Ниже 7 и 7а к.г. в аллювиальной пачке отложений были открыты 8 и 8а культурные горизонты, разделенные между собой стерильной прослойкой песка мощностью до 0,2 м. По горизонту 8 получена серия радиоуглеродных дат возрастом около 13 тыс. л.н. Оба культурных горизонта бескерамические. Между 8 и 8а к.г. выявлена кладка обожженных камней. Археоманитным анализом К.С. Бураков и И.Е. Начасова (ИФЗ РАН) определили время обжига камней в интервале 12,6 – 11,2 тыс. л.н. Нижняя дата близка радиоуглеродным датам 8 к.г. (Ветров В.М. и др., 2000, с. 15).

3.3.1.1. 8 и 8а культурные горизонты.

Культурный горизонт 8 зафиксирован на глубине 2,2–2,5 м (Ветров В.М., 2011, с. 174). 8а культурный горизонт – под ним, на глубине 2,4–2,5 м.

Сразу под 8 к.г. была выявлена очажная кладка, подошва которой – 8а к.г. Общая вскрытая площадь 8 и 8а культурных горизонтов на Усть-Каренге XII составила 25 кв. м. Оба культурных горизонта представлены пятнами находок диаметром около 5 кв. м, расположенными, практически, друг над другом.

В 8а культурном горизонте количество находок составило около 1600 ед. В группе изделий приведены 8 скребков из отщепов, резцовый трансверсальный скол, угловой резец из отщепа, концевой скребок из лыжевидного скола, 2 одноплощадочных бифронтальных микронуклеуса, реберчатый краевой скол с бифаса, нуклеидно оббитая галька – подпризматический нуклеус в начальной стадии расщепления (рис. 57.1–15) (Ветров В.М., 2011, Табл. 3).

Количество артефактов 8 культурного горизонта составило около 1800 ед. Изделия представлены 3 скребками, один из которых на противоположном скребковой головке конце имеет резцовый скол, 1 трансверсальным резцом и 1 резцом с рабочей кромкой, образованной трансверсальным и продольным сколами, 1 резцовым и трансверсальным сколом, 1 пластинчатым отщепом с продольной краевой ретушью по левому маргиналу (ножом), 1 пластинчатым отщепом с небольшой ретушной выемкой по вентральному фасу (скобелем), 1 клиновидным нуклеусом, 1 преформой клиновидного нуклеуса и 2 подпризматическими нуклеусами из галек (рис. 57.16–26).

В.М. Ветров отнес материал 8 и 8а к.г. к каменной индустрии усть-каренгской культуры и, в частности, соотнес с 7 культурным горизонтом. Все основные формы – скребки, трансверсальные резцы, клиновидные нуклеусы из бифасов и галечные отщеповые нуклеусы широко представлены и характерны для последних. Основное отличие 8 и 8а к.г. от 7 к.г. Усть-Каренги состоит только в отсутствии керамики в них. В.М. Ветров на этой основе 8 и 8а к.г. выделил бескерамический этап усть-каренгской культуры

возрастом около 15,4–15,0 тыс. калибров. л.н. (13 тыс. некал. л.н.) (Ветров В.М., 2011, с. 176).

3.3.1.2. 7 культурный горизонт

Палинологический анализ образцов отложений 7 горизонта, проведенный В.В. Климашевской (ИЗК СО РАН), свидетельствует о том, что «во время накопления включающей горизонт 7 пачки отложений основное пространство занимали разнотравные степи, заросли кустарниковых форм берез, ольхи и ольховника; по склонам возвышенностей распространялось сосново-лиственничное редколесье, каменистые склоны покрывали заросли плаунка сибирского. Именно этот спектр являлся характерным для рубежа плейстоцен-голоцена в конце одного из последних оледенений при сухом и холодном климате» (Ветров В.М., Кузьмин Я.В., 2005, с. 65).

Сводная стратиграфическая схема Усть-Каренги содержит пять культурных горизонтов – 3, 4, 5, 6, 7 к.г., объединенные в усть-каренгскую археологическую культуру возрастом около 12–11 – 5–4,5 тыс. некалибр. л.н. (Ветров В.М., 2011, с. 174–175). Наиболее информативными являются 7 и 4 культурные горизонты, представляющие раннюю и позднюю фазы усть-каренгской культуры. Их общими чертами являются, практически, идентичная и типологически устойчивая керамика и каменная индустрия, содержащая черты преемственности и единства.

Планиграфически в 7 к.г. выделяются округлые скопления культурных остатков диаметром 5–6 м, содержащие от 1 до 3 кострищ (рис. 57.28). Особых конструктивных элементов организации очагов и жилищ не выявлено (Башкирова Е.В., 1990; Ветров В.М., 1992, с. 10).

В.М. Ветров приводит совокупную типологическую характеристику каменной индустрии усть-каренгской культуры по 7 культурному горизонту (Ветров В.М., 2011, с. 174, Табл. 5): «основными категориями изделий являются клиновидные (рис. 58.1–2; рис. 59.1–4; рис. 60.26,29,30,33,34) и призматические (рис. 58.5,8; рис. 59.6,7,16; рис. 60.28,31,38) нуклеусы; их заготовки (рис. 58.6,9–12; рис. 59.3–5; рис. 60.27,30,35–37); трансверсальные

резцы от начальных форм до утилизированных экземпляров, иногда с сочетанием негативов поперечных и продольных сколов (рис. 58.13–17,21; рис. 59.8–12; 60.1–25); угловые резцы с продольными сколами на призматических пластинах (рис. 58.22–27; рис. 59.13–14); одно- и двулезвийные ножи из крупных пластинчатых сколов (рис. 58.18,19); ножи-бифасы (рис. 58.20,28,29; рис. 59. 24); концевые и комбинированные скребки (рис. 58.30–35; рис. 59.17–19); галечные тесла (рис. 58.36,38); топовидные изделия (рис. 58.37); скребла из односторонне обработанных уплощенных галек (рис. 58.39)». Общие статистические данные не приведены.

Отдельно дан технико-типологический анализ двух основных категорий каменной индустрии усть-каренгской культуры нуклеусов и трансверсальных резцов (Ветров В.М., 1992, с. 10–11; 1995).

В целом, каменная индустрия Усть-Каренги I-XVI на ранних этапах вполне традиционна и типична для финального палеолита – мезолита, а на поздних этапах – для финального мезолита (Ветров В.М., 2007, с. 29, 2011, с. 176–177).

Керамический комплекс 7 к.г. Усть-Каренги I-XVI представляет собой феномен, составленный двумя признаками: экстремально ранний возраст появления и нетипичная морфология декора сосудов.

Серия радиоуглеродных дат, стратиграфическое положение, термолюминесцентное датирование обеспечили возрастное определение 7 культурного горизонта и его керамики в пределах 12–11 тыс. рад. л.н. (Ветров В.М., Кузьмин Я.В., 2005; Ветров В.М., 2011, с. 175; Хоммел П.Н. и др., 2008;). Поздний этап усть-каренгской культуры контролируется датами около 6,8 – 6,1 тыс. рад. л.н. по 4 культурному горизонту. Керамика раннего и позднего этапов, практически, идентична, несколько более вариабельна в поздних горизонтах, сохраняя общие для типа признаки (рис. 61 – 64) (Ветров В.М., 2011, с. 174–175). Это параболоидной формы сосуд закрытого типа, лепленный ленточно-жгутовым способом. Поверхности внешняя и внутренняя имеют бороздчатые следы расчесывания стенок. Основной

элемент декора – это отпечатки зубчатого штампа в виде шагающей гребенки горизонтального и волнистого направления и в виде вертикального елочного штампа. В единичных случаях встречены оттиски проката колесика. Этот тип керамики был назван В.М. Ветровым «усть-каренгским» (Ветров В.М., 1992, с. 10, 2011, с. 176). Он стал отличительным признаком усть-каренгской археологической культуры. Происхождение усть-каренгской керамической традиции В.М. Ветров связал с древнейшими очагами керамического производства в Восточной Азии (Ветров В.М., 1992, 1997, 2000, 2006а, 2007, 2008б, 2010, 2011а). Для времени окончания сартанского стадиала (MIS-2) и перехода к голоцену Усть-Каренга является единственным керамическим местонахождением и на Верхнем Витиме, и в Северном Прибайкалье, в целом.

3.4. Археологические комплексы Нижнего Витима.

3.4.1. Мамакан IV.

Местонахождение Мамакан IV открыто в 1996 г. Е.М. Инешиным при осмотре карьера 36-метровой высоты над урезом воды в р. Витим, находящегося в черте одноименного поселка, в 300 м от р. Мамакан и в 570 м от р. Витим (рис. 84, 85, 86, 107) (Приложение 1). Разведочные и раскопочные работы проводились Е.М. Инешиным и А.В. Тетенькиным в 1997, 2001, 2010, 2011 гг. (Тетенькин А.В., 2014в). Общая площадь работ 2010–2011 гг. составила 15 кв. м.

«Местонахождение расположено на внешнем фесе древней дельты р. Мамакан, сформированной в позднечетвертичное (каргинское – сартанское) время, на что указывают полученные радиоуглеродные даты, а также гипсометрическое положение в системе геоморфологических тел долины Мамакана (Белоусов В.М. и др., 2002).

Отложения дельты фациально разбиваются на галечно-валунную толщу с песчаными прослоями (мощность пачки до 11 м) и пачку полимиктовых горизонтальнослоистых серых мелкозернистых окарбонированных песков (мощность 8,5–10 м). О времени начала

формирования этих отложений можно судить, исходя из радиоуглеродной даты по найденному на глубине 18 метров бивню мамонта – более 48 000 л.н. (ГИН-9066). Верхняя, песчаная пачка в разрезе относится к началу – середине сартанского оледенения – раннему голоцену, что следует на основании радиоуглеродных дат по углю из прослоек в кровле и между уровнями залегания артефактов 1 к.г. – 20900±300 л.н. (СОАН-8263), 18670±600 л.н. (СОАН-4546), 11770±110 л.н. (ГИН-14596), 7300±400 л.н. (ГИН-14595)» (Тетенькин А.В., 2014, с. 10–11).

«Памятник существенно разрушен карьером, а затем развивающимся оврагом. Верхняя часть террасы спланирована, покровные отложения позднего голоцена уничтожены. В ходе работ установлен переотложенный характер залегания артефактов в составе солифлюцированной пачки отложений (рис. 87.2, 88). Солифлюкционный снос в направлении тальвега палеоложка захватил верхнюю часть сартанского аллювия, а также голоценовые покровные отложения почвенных горизонтов В и С. Культурные остатки находятся во взвешенном состоянии в составе культуровмещающей пачки отложений легких темно-бурых, оглеенных, красно-оранжево-бурых суглинков на глубине 0,80–1,62 м от дневной поверхности. Разброс их по вертикали 82 см, разница глубин залегания двух апплицированных артефактов – 21 см, разнос по горизонтали – около 2,4 м. Костные остатки в составе культуровмещающей пачки отложений отсутствуют. Планиграфическая ситуация характеризует состояние перемещенности материала, никаких конструктивных деталей не сохранилось (рис. 89)» (Тетенькин А.В., 2014, с. 11).

«Нарушенный, переотложенный характер залегания культурных остатков делает проблематичной задачу датирования комплекса методами естественных наук. Радиоуглеродные даты получены из образцов древесного угля из растащенных солифлюкцией линз с различных уровней залегания. Наиболее ранняя дата – ок. 25167 л.н., наиболее поздняя – ок. 8169 л.н. Напрямую определить время существования ископаемой культуры на основе

этих дат мы не можем. Даты свидетельствуют о позднем, голоценовом возрасте развития солифлюксия на данном местонахождении и о захвате и деформации им отложений большого хронологического диапазона, включая раннесартанские седименты. В этой ситуации аргументами относительного датирования выступают морфология артефактов и гипсометрия местонахождения» (Тетенькин А.В, 2014, с. 21).

«Всего в коллекции 299 единиц. В том числе 2 нуклеуса, 4 скребка, в том числе 2 скребка из горного хрусталя, 1 резец, 1 отщеп с ретушью, 1 оббитый кристалл горного хрусталя (рис. 90). Материалом для всех продуктов литопроизводства послужил порфирит (95%), роговик (0,3%), кварц (горный хрусталь) (4%), дымчатый кварц (раухтопаз) (0,7%)» (Тетенькин А.В, 2014, с. 11–12).

Микронуклеусы имеют низкую пропорцию с коротким фронтом высотой до 1,5 см. Для комплексов позднего палеолита – мезолита Нижнего Витима они не характерны и аналогов не имеют. Аналоги найдены на местонахождениях Туяна в Тункинской долине, где найден клиновидный микронуклеус с аналогичными признаками (рис. 91.5), Толбор-15 (5 культ. гор.) в Северной Монголии (рис. 91.11), Усть-Менза-2 в Забайкалье, горизонты 19, 20 (рис. 91.8–10) (Козырев А.С. и др., 2012, рис. 4.1; Gladyshev S.A. et al., 2010, p. 39; Константинов М.В., 1994, с. 105, рис. 73).

«Макрорасщепление, судя по правильной пластине длиной 8 см, апплицированной из двух обломков, концевому скребку на пластине, крупному сегменту пластины (рис. 90.8-9,20), ориентировано на производство крупных пластин. Основная масса дебитажа представлена аморфными отщепами и сколами, производя впечатление экстенсивного низкопродуктивного галечного расщепления» (Тетенькин А.В., 2014, с. 22). Макропластинчатое расщепление Мамакана VI ассоциируется, в первую очередь, с традицией производства макропластин толбагинской культуры Забайкалья, например, с Восточным комплексом Подзвонкой (Константинов М.В., 1994, с. 136–141; Ташак В.И., 2016, с. 168–169), во вторую очередь, с

пластинчатыми ассамбляжами раннего – среднего этапов верхнего палеолита Западного Прибайкалья (Макарово IV, Игетейский Лог I, стоянка им. Арембовского в Южном Прибайкалье) (Аксенов М.П., 2009, с. 110–111; Стратиграфия, ..., 1990, с. 70).

«В целом, морфо-типологический анализ коллекции 1 к.г. Мамакана VI характеризует ее как экзотичную и более архаичную относительно известных финальнопалеолитических ансамблей Нижнего Витима. Беря за основу наиболее ранний надежно датированный 6 культурный горизонт Коврижки IV, возраст Мамакана VI предложен древнее 19,1 тыс. кал. л.н. Нижний предел допустимого хронологического интервала может быть связан с наиболее ранней датой 25,1 тыс. кал. л.н.» (Тетенькин А.В., 2014, с. 24).

3.4.2. Авдеиха.

Стоянка Авдеиха открыта Ю.А.Мочановым в 1973 году во время разведки ПАЭ по Витиму. Это первый открытый на Витиме палеолитический памятник. Авдеиха раскапывалась в 1973-1976 годах. Памятник был отнесен Ю.А. Мочановым к дюктайской верхнепалеолитической культуре (Мочанов Ю.А., 1975, 1977) (Приложение 1). Стоянка Авдеиха расположена на правом берегу Витима в 0,9 км ниже по течению от устья Бодайбо (рис. 1, 2, 84). Дислоцирована на 22-метровой площадке (рис. 92.1), причлененной к скальному борту долины. Общая вскрытая площадь около 1700 кв. м.

В покровных отложениях выделены культурные горизонты А, В, С (рис. 92.2). В последствии они были пронумерованы как культурные горизонты I (пахота), II (А), III (В), IV (С) с выделенными подуровнями (Мочанов Ю.А., 2007, подписи к рисункам). Для культурного горизонта С по углю были сделаны две радиоуглеродные даты: 12900±300 л.н. (ГИН-1022) и 15200±300 л.н. (ИМ-236). Культурный горизонт В Авдеихи Ю.А. Мочанов относил к похолоданию 11,4-13 тыс. некал. л.н. между таймырским и кокоревским потеплениями (Мочанов Ю.А., 1977, табл. Д). Материалы раскопок не опубликованы. В 1990-2000-х гг. галечными орудиями и галечными нуклеусами Авдеихи занималась сотрудница Ю.А. Мочанова Н.В.

Антипина (Антипина Н.В., 2001, 2005). Некоторое количество информации выдано в Полевом отчете за Ю.А. Мочанова за 1976 г. (Архив ИА РАН). В 1996 г. Ю.А. Мочановым и С.А. Федосеевой в коллективной монографии «American Beginnings. The Prehistory and Palaeoecology of Beringia» был дан лист иллюстраций Авдеихи без сопроводительных комментариев (Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A., 1996, Figure 3–36).

Серийно представлены галечные нуклеусы и чопперы, морфологически близкие друг другу (рис. 94.4). Большинство орудий изготовлено краевым ретушированием отщепов: это скребла, скребки, отщепы с ретушно выделенными шипами и выемками, отщепы с нерегулярной ретушью (рис. 93.11,12,13,15). Бифасиальные формы рассматривались Ю.А. Мочановым как признак дюктайской культуры (Мочанов Ю.А., 2007, табл., 34, 36): листовидный бифас (рис. 93.14) и сегментовидный, полулунно- («улу»-) образный бифас (рис. 94.5).

Опубликован скребок из культурного горизонта IVв округлой формы, ретушированный по всему периметру (рис. 93.10) (Мочанов Ю.А., 2007, табл. 56–1). Резцы представлены трансверсальным, угловым на отщепе, диагональным на пластине (рис. 93.5–8) и многофасеточным срединным (рис. 94.1) (Мочанов Ю.А., 2007, табл. 53–4, 54–3, 5). Клиновидный нуклеусы изготовлены из бифасиальных преформ (рис. 93.1–4, 94.2). В основном они имеют пропорции высокие в соотношении высоты к длине нуклеуса. Частым приемом является выделение выемки дистального конца фронта в виде шипа (рис. 94.1). Ударная площадка оформлена ретушно с подправками с фронта и латералей. Опубликован один экземпляр, у которого ударная площадка подживлялась одним – лыжевидным – сколом с фронта (рис. 94.1) (Мочанов Ю.А., 2007, Табл. 52–6).

Большинство изделий палеолитических горизонтов Авдеихи находят аналогии в материалах стоянок Большой Якорь I, Коврижка II, III, IV на Нижнем Витиме (см. Приложение 1).

3.4.3. Большой Якорь I.

Стоянка Большой Якорь I расположена в центральной части Байкало-Патомского нагорья, на правом берегу р. Витим в 3 км ниже по течению от впадения левого притока – р. Мамакан, на левом приустьевом мысу рч. Большой Якорь I (рис. 1, 2, 84, 85, 95, 107) (см. Приложение 1). Она открыта в 1985 г. Е.М. Инешиним, В.М. Ветровым, Н.Е. Бердниковой, тогда сотрудниками Отдела паспортизации Лаборатории палеоэкологии ИГУ. Стоянка раскапывалась Е.М. Инешиним с 1985 по 1998 гг.

Археологический памятник Большой Якорь I расположен на правом берегу реки Витим, в нижнем течении, в центральной части Байкало-Патомского нагорья, в 2 км ниже по течению от впадения в Витим его левого притока р. Мамакан (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 71–85). Памятник расположен на 13-14-метровой цокольной террасе, сохранившейся в виде небольшого фрагмента в устье речки Большой Якорь и испытывавшей разрушительные действия боковой эрозии реки (рис. 95). Верхние отложения голоценового возраста в результате дорожного строительства были снесены. Таким образом, с учетом этих разрушений на участке раскопа уровень террасы будет иметь около 15 м над современным урезом.

Культурные остатки залежали на глубину до 3,5 м (рис. 96). Они вмещены в отложения субаэрального генезиса (1, 2, 2А, 3 культурные горизонты) и в отложения пойменной фации аллювия (3А, 3Б, 3В, 4, 4А, 4Б, 4В, 5А, 5, 6, 7, 8, 9, 10 культурные горизонты). По мнению В.М. Белоусова и Е.М. Инешина, структура и состав осадков свидетельствуют о том, что они формировались в условиях развития достаточно обширной поймы Витима с озерными старицами, периодически функционирующими протоками и системой прирусловых валов (Белоусов В.М. и др., 1990; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 77–78). Верхние, 1, 2, 2А, 3 культурные горизонты относятся к эпохе неолита–палеометалла. Серия радиоуглеродных дат, определяет возраст 9–3А к.г. около 15,1 – 13,6 тыс. кал. л.н. (см. Приложение 1, табл. 1). Общая вскрытая площадь памятника составляет 104 кв.м.

Нижние 3А, 3Б, 3В, 4, 4А, 4Б, 4В, 5, 6, 7, 8, 9 культурные горизонты по морфологии каменных артефактов однородны и, видимо, однокультурны.

Они представляют собою очаги со скоплениями культурных остатков (рис. 97–100). В ряде случаев выделены парные очажные структуры (рис. 99). Аранжировка камнями очагов различна вплоть до регулярных кольцевых выкладок на угли.

Наиболее многочисленны 6 (55645 ед. каменных артефактов), 5 (28462 ед.), 4Б (17800 ед.) и 7 (16850 ед.) культурные горизонты.

3А–9 культурные горизонты Большого Якоря I отличает «устойчивое присутствие поперечных трансверсальных резцов с характерной во многих случаях вогнутой скошенностью тела резца у рабочей точки (рис. 101.1-5), клиновидных нуклеусов, полученных из бифасов снятием лыжевидных и краевых сколов (рис. 102.6), округлых скребков из отщепов (рис. 101.6) и ассиметричных листовидных бифасов – скребел, ножей и преформ для нуклеусов (рис. 102.1-5). В горизонтах с более бедной деятельностью ситуацией возможно выпадение или численное сокращение каких-то из названных типов (в частности, резцов). Но в целом, все горизонты, и прежде всего 3В, 4Б, 5, 6, 7, 8 и 9 к.г., демонстрируют единообразие типологии орудийных наборов» (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 209).

Реконструкция деятельностных ситуаций нижних 3А-9 культурных горизонтов Большого Якоря I представила сложное разнообразие картин обитания, представленное развитием процессов деятельности от простейших и кратких эпизодов в сторону усложнения. Все стоянки в той или иной степени временные, в той или иной степени имели функции разделочного лагеря. Большая сложность деятельностных ситуаций 4Б, 5, 6 и 7 культурных горизонтов в сравнении с маломощными 3А, 3Б, 3В, 4, 4А к.г. выражена в большем и более разнообразном наборе орудий, большем спектре сфер деятельности, большей продолжительности обитания, на самой стоянке обеспеченной потреблением малоценных видов наземной фауны, птиц и рыб, в то время как крупные туши добычи уносились. В отношении наиболее

насыщенного 6 культурного горизонта Е.М. Инешин и А.В. Тетенькини предположили, что за этим стоит не только большая продолжительность эпизодов обитания, но и большой половозрастной состав обитателей (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 251–255).

Ярко выраженный бифасиальный характер каменной индустрии 3А–9 культурных горизонтов Большого Якоря I вместе с общими для позднего верхнего палеолита Восточной Сибири признаками в лице скребел, скребков, ретушированных отщепов и сколов, галечных нуклеусов стал основанием для Е.М. Инешина для корреляции индустрии Большого Якоря I с дюктайской культурой Якутии (Мочанов Ю.А., 1977; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 209). Эта оценка сохранилась на последующие годы как основная. С другой стороны, на начальном этапе изучения Большого Якоря I Е.М. Инешин соотносил его также с верхоленской мезолитической культурой Западного Прибайкалья (Белоусов В.М. и др., 1990, с. 64).

3.4.4. Коврижка I–V

Первый археологический материал в урочище Коврижка был обнаружен А.В. Тетенькиным в 1995 г. во время работы Бодайбинского отряда (руководитель Е.М. Инешин) Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии ИАЭТ–ИГУ на памятнике Большой Якорь I. Руководителем последующих работ на Коврижке является А.В. Тетенькин (Тетенькин А.В., 1996, 2000, 2010). Ансамбль местонахождений Коврижка I–V находится на правом берегу р. Витим, в 15 км ниже по течению от г. Бодайбо (рис. 1, 2, 84, 107, 108). Пункты Коврижка I, Коврижка IV, Коврижка V расположены на 1-ой надпойменной 10–12-метровой террасе, Коврижка II – на 2-ой надпойменной 17–18-метровой террасе, Коврижка III – на 3-ей надпойменной 22-метровой террасе (рис. 108).

3.4.4.1. Коврижка IV

Стоянка открыта А.В. Тетенькиным в 2004 г. (см. Приложение 1). «Местонахождение Коврижка IV расположено на 9-11-метровой надпойменной террасе с цокольным основанием, представляющим собой

куэст, гипсометрически выраженный в виде гребня или гривы, вычлененного ложками (рис. 108, 109). Памятник дислоцирован на правом борту безымянного ручья, впадающего в р. Витим у мыса Коврижка (ниже по течению)» (Тетенькин А.В., 2010, с. 120).

Общая мощность пройденных рыхлых отложений более 3,10 м. В строении рыхлых отложений, вскрытых раскопом в 2007–2015 гг., читается последовательность залегания на цоколе галечной аллювиальной пачки (пачка 3) (местами выклинивающейся); ритмичнослоистых песков, супесей и алевроитов, в верхней части содержащих 3А, 3Б, 4, 5, 6, 7 культурные горизонты (пачка 2б) (рис. 110–112). На ближней к реке части террасы (участок 2) эта пачка смыта витимской паводковой деятельностью, и на размыв наложен аллювий следующего цикла, литологически аналогичный предыдущему (пачка 2а). Он включает в себя 2/1, 2А, 2Б, 2В, 2Г, 2Д, 3/1, 3/2 культурные горизонты. Эти отложения перекрыты слоем аллювиального песка, сформированного в эпизоде крупного витимского паводка. Выше по разрезу залегают супесчаные покровные отложения субаэральной пачки делювиально-солифлюкционного генезиса (пачка 1). В них выделены 1 и 2 культурные горизонты, отделенные растащенной по слою погребенной почвой. Обе пачки отложений пойменного аллювия, вмещающие в сумме четырнадцать культурных горизонтов, сформированы, судя по радиоуглеродным датам 6 и 2Б культурных горизонтов, в интервале 19,2–18,3 тыс. кал. л.н. (Таблица 1). Размыв нижней пачки произошел около 18,6 тыс. кал. л.н.

Возраст 2 культурного горизонта рассчитан исходя из того, что он перекрыт погребенной почвой с датами 11260 и 11440 л.н. Нижнюю возрастную границу интервала существования 2 культ. гор. контролирует дата по 5 культурному горизонту Коврижки II, расположенной на 17-19-метровой террасе: 11190±390 л.н. (СОАН-4543). Радиоуглеродные и стратиграфические данные определяют возрастную позицию 2 культурного горизонта в интервале около 11,5–11,2 тыс. рад. л.н.

Дата ок. 8980 л.н. по керамике получена непосредственно по углероду из глины теста сосуда. К сожалению, отданный на датирование образец не содержал ни нагара, ни органического отощителя. Поэтому полученная дата оценивается как невалидная, а именно удревшая. Более приемлемой является дата 7520 ± 140 л.н. (СОАН-8838), полученная по углю из 1 культурного горизонта Коврижки V, расположенной на этой же 9–10-метровой террасе в 90–180 метрах ниже по течению р. Витим. Возраст 1 культ. гор. на Коврижке IV оценивается около 7,5–7,0 тыс. рад. л.н. / 8,5–8,0 тыс. кал. л.н.

Всего выделено 16 культурных горизонтов: 14 горизонтов в аллювиальных отложениях возрастом около 16–15 тыс. рад. л.н., поздний верхний палеолит; 2-й культурный горизонт возрастом около 11,5–11,2 тыс. рад. л.н., финальный палеолит; 1-й культурный горизонт возрастом около 7,5–7,0 тыс. рад. л.н., ранний неолит.

3.4.4.1.1. 6-й культурный горизонт

«6 культурный горизонт залегает в кровле темно-серой прослойки тонкозернистого песка (литологический слой 8) мощностью 0,04-0,16 м» (рис. 110, 112) (Тетенькин А.В., Клементьев А.М., Анри А., 2017, с. 38). По 6 к. г. получены радиоуглеродные AMS-даты 14790 ± 35 л.н. (UGAMS-27448) (биоопатит, зуб снежного барана), 15558 ± 103 л. н. (Ua-50437) (кость), 15740 ± 100 л. н. (LTL-16562A) (уголь, ива, кострище 1), 15750 ± 60 (Beta – 453119) (уголь, ива, кострище 2).

В 6 к. г. раскопан комплекс остатков жилища круглого в плане, диаметром 4,2 м, имеющего каменную обкладку по половине контура и два кострища в центре и на входе (рис. 114–116). Ряд черт, в том числе присутствие охры, интерпретирован как свидетельства знаково-символической деятельности (Тетенькин А.В., Жмур О.В., Демонтерова Е.И. и др. 2018). Найдена первая в палеолите Витима антропоморфная фигурка из бивня мамонта.

«Коллекция находок артефактов из камня и кости 6 культурного горизонта составляет 9918 единицы. В том числе 8801 отщеп и чешуека (из них 8203 чешуйки), 391 пластины (целые и фрагменты), 7 скребков, 8 резцов, 2 скребла, 2 долотовидных, 2 ножа, 1 скобель, 1 вкладыш, 1 отщеп с шипом, 1 галечный скол с амортизационной ретушью, 1 бифас из горного хрусталя, 1 галечный отщеповой нуклеус, 4 клиновидных нуклеуса, 5 сбитых лезвий, в (т.ч. 2 бифасиальных), 4 фронтальных сколов, 1 скол поджигления ударной площадки клиновидного нуклеуса, 1 технический скол 2-го порядка, 1 фрагмент краевого скола с бифаса, 26 целых и битых галек и плиток, 390 фрагментов костей (рис. 117–119). Отдельно следует упомянуть 24 ед. кусочков графитита, 243 ед. кусочков гематита. Артефакты из экзотичных пород: горного хрусталя – 78 ед., коричневого аргиллита – 21 ед.» (Тетенькин А.В., Клементьев А.М., Анри А., 2017, с. 41)

Отмечен самый высокий среди комплексов позднего верхнего палеолита Нижнего Витима – Байкало-Патомского нагорья показатель сегментов микропластин в дебитаже (без учета чешуек) – 37 % (n=392).

Очаг внутри жилища (кострище №1), судя по мощности углистой линзы, горел менее интенсивно, чем привходовый. Он был засыпан песком и перекрыт расколотым валунчиком и плиткой, что, вероятно, означает, что из двух очагов именно он имел сакральную семантику, находясь в центре жилища.

Для выяснения факта прогрева пары «окатанный валунчик и неокатанная плитка», приуроченной к кострищу в радиальном центре (рис. 115.д) Н.В. Сальной (Институт физики Земли РАН, Москва) проведены палеомагнитные исследования (Тетенькин А.В., Жмур О.В., Демонтерова Е.И. и др., 2018, с. 10). Неокатанная плитка была подвергнута прогреву как минимум дважды. Вначале она была нагрета до высоких температур (порядка 550–600°C). Затем, она, вероятно, подвергалась прогреву до низких температур в интервале от 20 до 250°C и более не смещалась с места, т.е.

была положена на тлеющий костер, перекрытый набросом из крупнозернистого песка и черного алеврита (рис. 115.д1,д2).

Образец этого наброса подвергнут рентгенофлуоресцентному анализу. Оказалось, что по химическому составу он идентичен веществу, найденному в виде круглого диска-линзы у очага во 2Б культурном горизонте (рис. 115. ж). Материал двух образцов из перекрытия очага в жилище 6 к.г. и одного образца из черной линзы во 2Б к.г. представлен терригенным тонкозернистым хорошо слежавшимся уплотненным алевритовым осадком черного цвета с видимыми зернами разной по своему составу слюды. В сюжете жилища 6 к.г. должен быть сделан вывод о длительной практике приноса на стоянку специфического вещества и использования его в манипуляциях с очагом. Прямых аналогий этому сюжету с диском и набросом в позднем палеолите Восточной Сибири нет. Стоит упомянуть о схожем в общих чертах песчаном набросе на кострище в 4 культурном горизонте стоянки Усть-Кяхта 17 в Южном Забайкалье (Ташак В.И., 2005, с. 34–35).

«Планиграфия внутреннего пространства жилища позволяет выделять функциональные зоны. В первую очередь, отмечено залегание орудий в юго-восточной, правой половине жилища (рис. 116.1). Там были найдены 2 скребла, 4 скребка, 5 резцов, 1 нож, 1 орудие с шипом, 1 скобель, 1 скол с амортизационной ретушью. Для левой, северо-западной половины характерно как большое количество микропластин, так и в целом, пики концентрации дебитажа приходятся на эту часть жилища (рис. 116.2, 4). В этой связи можно допустить, что на правой половине жилища была зона домашней хозяйственной деятельности, а специализация левой половины заключалась в каменном производстве, нацеленном, преимущественно, на отжим микропластин и возможно также заправку вкладышевыми лезвиями охотничьего оружия» (Тетенькин А.В., Клементьев А.М., Анри А., 2017, с. 50).

Результаты порошкового дифракционного анализа образцов из 6 и 2Б к.г., показали наличие красящего минерала в виде гематита ($\alpha\text{Fe}_2\text{O}_3$) (табл. 8, 9). Только несколько образцов содержали еще и гетит ($\alpha\text{-FeOOH}$).

Найдены две поделки из бивня мамонта с признаками антропоморфных фигур (рис. 120). Первая бивневая фигура, лежала «головкой» на восток, обнаружена на правой (домашне-хозяйственной, женской?) половине жилища. Недалеко от нее раскопан нож, переломленный на три части. Все три фрагмента лежали рядом, что, скорее всего, указывает на одномоментность обоих переломов. Их поперечная кинематика слома перегибом несовместима с орудийной функцией этого ножа. Вероятно, орудие было сломано намеренно. Возможно также, что с причиной этой «порчи» связано попадание бивневой поделки на слой. Эту фигурку можно охарактеризовать как антропоморфную, с подогнутыми вправо в коленях ногами. Стерженек, вероятно, являлся насадом. Дуга на головке и уголок на туловище выступают главными аргументами в пользу трактовки поделки как антропоморфной статуэтки. Допустимо представление уголка как «венериного треугольника».

Контур второй фигурки лишь в общих чертах антропоморфен и напоминает контуры мальтинских женских статуэток (Абрамова З.А., 1966, Табл. VII, 8, 14; Abramova Z.A., 1995, Fig. 104, 3, Fig. 105, 5). Эта поделка не столь очевидна и выразительна в качестве антропоморфной фигуры как первая. Допустить версию статуэтки или заготовки будет легче, если признать намеренную символическую связь с ней найденных рядом, буквально, в изголовье кусочков охры (гематита) (рис. 120.5, табл. 8, образец 5).

Основные выводы по изучению комплекса остатков в 6 культурном горизонте следующие:

«1. Найден только один «макро-» нуклеус для получения отщепов и пластинчатых сколов. И он был найден за пределами жилища в привходовой зоне у очага №2 (рис. 114, 118.1). По сути, это означает, крайне

незначительную долю первичного расщепления в общей картине расщепления в зоне жилища. Крайне мало количество крупных сколов, в том числе первичных (n=41). Преобладание в дебитаже чешуек, микроотщепов при почти полном отсутствии признаков первичного расщепления указывает на расщепление вторичное: ретуширование, подправку лезвий, подживление микронуклеусов. Отметим, что найдены чешуйки из коричневого аргиллита, снятые в результате подживления двух найденных соответствующих скребков.

2. Значительное количество (n=392; 37% дебитажа) микропластин, фрагментированных и целых (n=13), означает соответствующий вид производственной деятельности – производство клиновидного нуклеуса, отжим микропластин, обслуживание микронуклеуса, сегментацию микропластин как подготовку их к утилизации. Один микронуклеус является, в сущности, еще преформой. Два микронуклеуса имеют апплицированные к ним технические сколы. Все четыре нуклеуса изготовлены бифасиально. Имеющиеся данные говорят, что циклы снятия микропластин чередовались с подправкой кромки ударной площадки с фронта. Судя по субстрату микропластин и технических сколов, клиновидных нуклеусов было на один или два больше, чем четыре найденных экземпляра. Технические сколы подготовки и подживления нуклеусов включают в себя четыре фронтальных скола, один скол подживления ударной площадки, один скол оформления фронта (краевой скол 2-го порядка), один фрагмент краевого скола.

3. Основной литоресурс, составляющий около 95% дебитажа, это местное галечное сырье, типичное для ансамблей Авдеихи, Большого Якоря I, Коврижки II и III: порфирит, дацит, роговик, диабаз. Экзоты в 6 к.г. также типичны в этой роли: кварц чистый и дымчатый (n=78), аргиллит (n=21), халцедон. При этом орудия из кварца (горного хрусталя, дымчатого кварца) составляют треть или 33% (n=10) всех орудий жилища.

4. Среди орудий выделяются следующие группы: 1) тщательно выделанные, оригинальные по форме скребла (n=2), 2) тщательно

выделанные округлые скребки (n=3), 3) орудия случайных форм, изготовленные краевым ретушированием отщепов без существенной модификации исходной формы (n=7), 4) орудия из осколков и отщепов кварца (резцы, долотовидные, скобель, скребок, n=11).

5. Большинство орудий найдено внутри жилища в правой, юго-юго-восточной части: два скребла, четыре скребка, одно орудие с шипом, один нож, пять резцов, один скобель, один скол галечный с амортизационной ретушью.

6. Абсолютное большинство микропластин целых и сегментированных найдено в северо-западном секторе жилища – левой части.

7. За пределами жилища найдены: а) в привходовой зоне – два скребка, резец, отщеповой нуклеус, в прилегающей с запада периферии за пределами жилища еще два скребка, б) на противоположном конце, за западным краем жилища – нуклеус из горного хрусталя, скребок, у самого внешнего контура жилища – клиновидный нуклеус, вкладыш, резец» (Тетенькин А.В., Клементьев А.М., Анри А., 2017, с. 51).

8. Трасологические исследования выявили следы использования микропластин как вкладышей охотничьих ударных орудий – наконечников (Gauvrit Roux E., Tetenkin A.V., Henry A., 2021, с. 17).

Каменная индустрия 6-го культурного горизонта имеет ясно выраженный финальнопалеолитический облик. В целом, набор орудий и индустрия жилого комплекса 6 культурного горизонта входит в ряд ансамблей типа Авдеихи. По имеющимся сегодня представлениям, стоянки этого типа формировались на нижнем Витиме около 15,7–8 тысяч радиоуглеродных лет назад (Тетенькин А.В., 2011). Наиболее выразительные индивидуальные черты индустрии 6 к.г. составляют ее крупные скребла, высокий процент орудий из хрусталя (33%), высокая доля микропластин, целых и фрагментированных, (37% в соотношении микропластины/отщепы/изделия) (в обоих случаях приведены проценты без учета количества чешуек). Последнее обстоятельство заслуживает особого

внимания. Это самый большой показатель пластинчатости среди всех известных на нижнем Витиме ансамблей палеолитического облика. Для сравнения доля микропластин во 2 к.г. Коврижки III – 12% (Тетенькин А.В., 2016, с. 290), в 2Б к.г. Коврижки IV – 26%, в 7 к.г. Большого Якоря I – 27%, в 6 к.г. Большого Якоря I – 4%, в 4Б к.г. Большого Якоря I – 4% (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 116, 135, 176).

«На общем фоне картины изученности ансамблей поздней поры верхнего палеолита Восточной Сибири индустрия 6 к.г. Коврижки IV не выглядит экзотичной. Округлые скребки из отщепов, клиновидные нуклеусы из бифасов, отщеповый галечный нуклеус известны на очень широком пространстве от Енисея до Чукотки. В том числе аналогии имеются в соседних регионах в ансамблях афонтовской и кокоревской культур Енисея, дюктайской культуры Якутии (пещера Хайергас, Усть-Тимптон I, Дюктайская пещера и др.) и южного Забайкалья (Усть-Кяхта 17, Студеное 1, 2, Усть-Менза 1, 2) (Мочанов Ю.А., 1977; Константинов М.В., 1994; Степанов А.Д. и др., 2003; Мороз П.В., 2014; Акимова Е.В., Новосельцева В.М., Стасюк И.В., 2021, с. 115)» (Тетенькин А.В., Клементьев А.М., Анри А., 2017, с. 52).

3.4.4.1.2. 5-й культурный горизонт

5-й культурный горизонт выделен в подошве прослойки темно-серого тонкозернистого песка (пачка 2а), подстилаемого слоем светло-серого песка, перекрывшего, в свою очередь, прослойку 6 культурного горизонта (рис. рис. 110.в, 112). «Найдена сланцевая плитка (56×25 см), под которой обнаружена плохо сохранившаяся кость. Рядом с плиткой обнаружены 6 микропластин, скребок и резец. Найден зуб снежного барана (*Ovis nivicola*) (определение А.М. Клементьева).

Коллекция состоит из 1 отщепа с ретушью, 1 резца, 1 обломка лыжевидного скола с бифаса, 6 микропластин, 1 пластинки и 18 отщепов и чешуек. Всего – 28 единиц.

Орудия типологически невыразительны, представляют собой одноактно утилизированные отщепы (рис. 126.11–19). Имело место снятие нескольких микропластин с принесенного нуклеуса для подправки вкладышевого лезвия. Плитку, к которой приурочены предметы, по-видимому, можно оценить как позитивный элемент организации пространства, нечто вроде рабочего столика. Наличие лыжевидного скола с редуцированного и многоактно утилизированного бифаса ставит 5 к.г. вместе с вышележащим 4 к.г., а затем с аналогичными находками во 2Б к.г. указывает на существование уже в этом возрасте техники продольного редуцирования бифаса – техники юбецу, ярко представленной в палеолитических горизонтах Большого Якоря I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 1995, 2010)» (Тетенькин А.В., 2010, с. 121). находка лыжевидного скола здесь, в 5 к.г., возрастом около 15,6–15,5 тыс. радиоуглеродн. л.н. – самая ранняя на Витиме, равно как и в целом на севере Байкальской Сибири.

3.4.4.1.3. 4-й культурный горизонт

Культурный горизонт 4 выявлен в прослойке темно-серого тонкозернистого песка между аналогичными слойками, вмещающими культурные горизонты 3Б и 5 (рис. рис. 110.в, 112). Пятно находок 4 культурного горизонта выявлено в западной части раскопа, в пикете 35 (рис. 124).

«В 4-м культурном горизонте найдено 2 скребка, 1 резец, 1 лыжевидный скол с бифаса, 3 микропластины, 1 обломок подвески из графитита, 1 краевой скол и 82 отщепа и чешуек (рис. 126.5–10). Всего 91 единицы.

Типологически значимым в характеристике 4-го культурного горизонта является лыжевидный скол с бифаса (рис. 126.6). Он воспроизводит реконструируемую для Большого Якоря I технологию деятельности редуки бифаса, в ходе которой последний проходит несколько циклов подживления или переоформления лезвия путем снятия продольных

лыжевидных сколов (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2006, 2010)» (Тетенькин А.В., 2010, с. 122).

Поделка из графитита из 4-го культурного горизонта является на сегодня вместе с бивневой антропоморфной фигурой древнейшими на Витиме и на севере Прибайкалья предметами мелкой декоративной пластики. Судя по сверленому отверстию, это подвеска.

3.4.4.1.4. 3Б культурный горизонт

Впервые материалы 3Б культурного горизонта были зафиксированы в северной-западной части участка 1 раскопа (пикете 35 – квадрате 5) (рис. 109, 125). Получена радиоуглеродная дата – 15520 ± 120 л.н. (Poz-131812). Там были найдены три артефакта в верхней части слоя темно-серого песка мощностью до 6 см (литологический слой 7), отделенного от слоя 3А к.г. стерильной прослойкой светло-серого песка (рис. 110.в, 112). На этом основании выделен 3Б культурный горизонт. В этом же горизонте был найден зуб снежного барана (*ovis nivicola*) (определение А.М. Клементьева, Институт земной коры СО РАН).

Каменные артефакты представлены 2 унифасиальными орудиями, 1 сегментом микропластины, 16 отщепами и чешуйками, 1 фрагментом кости. Всего – 20 единиц.

Под одной из массивных гнейсовых плит обнаружены каменный нож длиной 10,2 см и крупный пластинчатый скол длиной 10,7 см (рис. 126.4). Еще одно выразительное орудие представляет собой копьевидный остроконечник-унифас симметричный в плане (рис. 126.3). Трасологически это изделие определено как нож. Трасологическими исследованиями обоих орудий занималась Э. Говри Ру (Университет г. Ницца, Франция).

3.4.4.1.5. 3А культурный горизонт

В 2012 году были найдены артефакты в прослойке темно-серого песка мощностью до 3 см ниже слоя 3 к.г., отделенные от него прослойкой светло-серого песка (рис. 110.в, 112). На этом основании был выделен 3А к.г. В него вошла 21 находка: 1 скребок (рис. 110.в, 112.1), 1 отщеп с ретушированным

ножевидным прямым краем, 1 фронтальный скол с клиновидного нуклеуса (рис. 126.2), 3 фрагмента микропластин.

3.4.4.1.6. 3 (3/2 и 3/1) культурный горизонт

Третий культурный горизонт изначально, на участке раскопа 1 был выделен в кровле аллювиальной пачки отложений 3, ниже паводкового горизонта 2, на глубине около 0,45–0,70 м от дневной поверхности, в отложениях темно-серого алеврита – супеси (рис. 110.в). Однако, тафономическая «судьба» 3 культурного горизонта оказалась одной из наиболее сложных на местонахождении Коврижка IV. Вмещающий его артефакты слой алеврита сформирован вскоре после события аллювиальной эрозии 1, когда витимский паводок уничтожил часть отложений аллювиальной фазы 2. Вмещающий 3 к.г. слой темно-серой супеси лег и на неразмытую часть террасы, и на размыв (рис. 110.б, 112). Соответственно, на участке раскопа 1 (северный участок) культуровмещающий слой 3 к.г. подвергся размыву паводковым эрозионным событием 2 и компрессией с отложениями уровня 2-го культурного горизонта. Склоновые солифлюксионные движения привели к частичному смятию паводковой прослойки аллювиального эрозионного события 2 и кровли нижележащей аллювиальной пачки, затронув и уровень 3 культурного горизонта. В южной и западной части раскопа в составе слоя культуровмещающего алеврита произошло расслоение на две крупные темно-серые прослойки, в которых выделены культурные горизонты 3/1 и 3/2. Эти горизонты на участке раскопа 2 оказались в положении подстилающих пачку культурных горизонтов 2/1, 2А, 2Б, 2В, 2Г, 2Д. Пачка слойков, содержащих уровни 3/1 и 3/2 к.г. в южной части раскопа – на участке 2 ложится на цоколь. Поэтому по-разному 3 (3/1 и 3/2) культурный горизонт изучен: в северной части раскопа на участке 1 в неблагоприятной тафономической ситуации он раскопан. В южной части – лишь выявлен разведочными выработками.

По биоапатиту эмали зуба снежного барана из пикета 44 – квадрата 7 (участок 1), из 3 к.г. получена дата 14290±30 л.н. (UGAMS-27447). По 3/2

культурному горизонту по углю из очага получена дата 15310 ± 160 л.н. (Poz-106965). Следует учесть также и даты по 2Д и 2Г культурным горизонтам, стратиграфически перекрывающим 3/1 и 3/2 к.г. Культурный горизонт 2Д датирован по углю – 15350 ± 150 л.н. (Poz-106968). Выше его лежащий 2Г к.г. имеет AMS-даты по углю 15320 ± 80 л.н. (Poz-111356), 15360 ± 110 л.н. (Poz-111232). Отметим, что в специальной литературе отмечается возможность девиации дат, полученных по биоапатиту (Zazzo A., Saliège J.-F., 2011). Представляется, что дата по биоапатиту зубной эмали как не слишком надежный для датирования источник может быть омоложенной против действительного возраста, примерно, на 1000 лет. Примерно, такую же разницу в возрасте дали AMS-даты – 15558 ± 103 л.н. (Ua-50437) по кости и 15740 ± 100 л.н. (LTL-16562A), 15750 ± 60 л.н. (Beta-453119) по углю и 14790 ± 35 л.н. (UGAMS-27448) по биоапатиту зуба в 6 к.г.

На северном участке раскопа (участок 1) 3-й культурный горизонт, частично, фиксировался в стратифицированном состоянии в исходных аллювиальных отложениях, а частично, в прибровочной к ложку части, в состоянии разрушения и компрессии, вероятно, со 2-м культурным горизонтом.

В северной части раскопа удалось вычлениить «рабочие площадки» из одиночных плит и скоплений дебитажки возле них в 3 культурном горизонте. Выявлены три каменные плитки в пикете 36 квадратах 1, 6/11, 17 (рис. 127). Отмечается размыв культурного слоя. В результате многие артефакты находились на ребре. Зафиксированы два пятна охры.

В коллекции 5 скребков, 1 клиновидный нуклеус, 1 фронтальный скол с клиновидного нуклеуса, 3 фрагментов лезвия, 29 сегментов микропластин, 5 фрагментов костей и 520 отщепов и чешуек. Всего – 564 единицы.

Очажный комплекс 3/2 культурного горизонта.

В западной части местонахождения Коврижка IV раскоп вышел на четко стратифицированный участок слоя 3/2, не смешанный с к.г. 3/1, отделенный от него 5-10-сантиметровой стерильной песчаной прослойкой.

Здесь вскрыт очажный комплекс 3/2 культурного горизонта (рис. 113.4). Еще одно скопление артефактов, судя по всему, уходило в северные стенки западного раскопа.

Очаг представляет собой размытое углистое пятно неправильной овальной формы, вытянутое с ЮЗ на СВ, размерами 1,3х0,90 м. На угли выложены пять очажных камней. По северо-западному краю кострища по линии с Ю на С залегают три плитчатых обломка амфибол-гнейса. На противоположном, восточном краю кострища установлен четвертый очажный камень. У первого (южного) камня на западной окраине – лежал пятый камень (гнейс).

Почти весь дебитаж залегал компактным скоплением у южного, западного и северного края очага. Плотность артефактов у южного края достигает 230 ед. на $\frac{1}{4}$ кв. м. За пределами этого пятна концентрации количество находок резко падает.

На внешнем контуре этого комплекса на половине окружности диаметром 3,0–3,2 м залежали 4 камня. 1-я плита (60×20 см) – в 1,3 м к северо-западу от очага, 2-я плита (37×30 см) в 1,05 м к северу от очага, 3-я плита (18×15 см) в 0,75 м к северо-востоку от очага, 4-я плита (26×16 см) в 1,05 м к юго-востоку от очага. Расстояние между этими камнями – 1,30 м, 1,50 м и 1,90 м. Под первыми тремя плитами залежали немногочисленные отщепы и чешуйки.

За пределами этих плит периферия слоя 3/2 к.г. была относительно чистой, т.е. с единичными артефактами. Лишь в 2,3 м к северу от очага отмечалось увеличение концентрации, по-видимому, еще одно пятно находок, уходящее в стенку раскопа.

У первого северо-западного очажного камня расчищено на слое изделие из кости в виде подпрямоугольной формы размерами 10,5×5,4 см, с отверстием в середине размерами 2,3×2,0 см.

Всего в приочажном комплексе 2384 единиц находок из камня. Из них отщепов – 2282 ед. (в т.ч. чешуек – 1937 ед., 85%), микропластин целых и

фрагментов – 85 ед., макропластин – 2 ед., микропластинчатых торцово-клиновидных нуклеусов – 3 ед., скребел (обломков и целых) – 2 ед., скребков – 2 ед., резчик – 1 ед., отщепов с краевой ретушью – 7 ед. В том числе одно скребло найдено в северном скоплении, полностью еще не раскопанном. Доля фрагментов и целых микропластин в общем дебитаже без учета чешуек занимает 19%. Доля изделий (орудий и нуклеусов) – 1%. Субстратом почти в 80% случаев служат эффузивные породы. Около 10% занимает светло-серый кремль, около 1% жильный и чистый кварц. В единственном случае скреблом представлен дацит бардового цвета.

Орудийный набор самого очажного комплекса невелик. Формальных, т.е. морфологически выраженных, орудий нет. К числу орудий отнесены отщепы, несущие краевую нерегулярную ретушь (рис. 129.9-17). Часть из них отнесена предварительно к скребкам (2 ед.) (рис. 129.11,13), один – к резчикам (рис. 129.10). Однако, на юго-восточной периферии найден фрагмент скребла с регулярной ретушью – лезвием (рис. 129.14). А на северной периферии, у второго скопления найдено тщательно выделанное орудие суб-овальной формы, из бардового дацита (рис. 129.23). Лезвие выпуклое, нанесено по продольному краю вентрального фаса крупного отщепа, тщательно ретушировано. Узкие концы изделия закруглены и утончены по арьерфасу – вентральному фасу. Формально это скребло. Но следует учесть, что два подобных унифасиальных орудия из 3Б и 6 культурных горизонтов трасологически определены как ножи. Наиболее близкий аналог нашему орудью – это скребло из 6 к.г. (рис. 118.3) Причем повторяются и подработка узких концов по вентралу, придавая изделию бифасиальный характер, и выпуклый контур одного продольного края, вогнутый контур второго.

На северо-западной периферии, в 0,8 м к СЗ от второй плиты внешнего контура найдена макропластина длиной 10 см, с правильной трехгранной огранкой дорсального фаса, не имеющая видимых следов утилизации (рис. 129.18).

Микронуклеусов всего три. Один изготовлен из бифаса овальной формы (рис. 129.20). Фронт с заломами. Судя по найденному обломку фронтального скола, подживлялся неоднократно. Площадка в последний раз оформлена ударами с латералей, слегка вогнута, в целом, традиционна для нуклеусов Коврижки IV. Еще два нуклеуса не имеют предварительной подготовки кия и гребня, их правильнее определить, как торцовые (рис. 129.22,24).

Оценивая каменный ассамбляж очага, видимо, следует полагать небольшой объем операций орудиями, расщепление (в основном, фасиальная обработка), в небольшом объеме производство микропластин (рис. 129.1-8). Судя по скреблам, какая-то часть деятельности протекала за пределами очажного комплекса. Общий опыт раскопок 3/2 культурного горизонта указывает на то, что в целом стоянка была обширной, и очажный комплекс лишь часть ее.

Определяя функциональное значение очажного комплекса, следует обратить внимание на камни внешнего контура (рис. 113.4). Примерно равные радиусы от очага и расстояние между камнями, отсутствие приуроченных к плитам скоплений артефактов, как будто, указывают на то, что камни лежат на линии округлой жилищной конструкции, придерживая ее нижние края от ветра. Единичные находки под этими плитами позволяют предположить два этапа в развитии деятельностной ситуации: 1) жизнедеятельность у горящего костра в открытой хозяйственной зоне; 2) положение на угли, нагрев очажных камней и сооружение над очагом легкого округлого диаметром 3 м жилища с укреплением от ветра камнями. Подобный же сценарий обитания у открытого очага и затем сооружения над ним жилища реконструирован нами на материалах комплекса остатков 2Г культурного горизонта, в целом, более сложного, чем данный объект. Примечательно, что очаг/жилище 3/2 к.г. находится на бровке, над склоном, образованным промоиной части террасы. Вслед за комплексами 6 и 2Г культурных горизонтов это третий на Коврижке IV случай интерпретации

приочажных скоплений культурных остатков как жилищ. В пределах раскопанной площади очажный комплекс 3/2 к.г. и его периферия не содержали охры. Напротив, раскопанный вышележащий участок слоя 3/1 к.г. был обильно окрашен охрой.

3.4.4.1.7. 2Д культурный горизонт

Культурный горизонт 2Д был выявлен в 2018 году в южном углу раскопа в пикете 47 как «уходящий в стенку раскопа» комплекс. Он залегает в слойке темно-серого тонкозернистого песка на 6 см ниже 2Г к.г. По 2Д культурному горизонту получена дата 15350 ± 150 л.н. (Poz-106968).

3.4.4.1.8. 2Г культурный горизонт

2Г культурный горизонт был выявлен в слойке темно-серого алевролита мощностью 1–3 см, отделенным стерильным светло-серым песком от вышележащего 2В и нижележащего 2Д культурных горизонтов (Тетенькин А.В. и др., 2021).

В раскопе выявлена полигональная сеть морозобойных трещин. В пикете 44 – квадратах 21-24 трещина прошла через очажное место (рис. 131). Впоследствии по этой трещине была образована промоина. Она частично смыла культурные остатки в зоне очага (в пикете 44 – квадратах 23), 24, в том числе смыла корочку углей кострища. Часть углей оказалась затянута по трещине.

По углю из культурного горизонта 2Г получены AMS-даты 15360 ± 110 л.н. (Poz-111232), 15320 ± 80 л.н. (Poz-111356). Им соответствует календарный возраст около 18574 л.н. и 18583 л.н. (медианные значения). Еще две даты по углю 31000 ± 400 л.н. (Poz-106961) и 31200 ± 400 л.н. (Poz-106960) значительно выбиваются из общего возрастного ряда и сильно удревнены. На сегодняшний день этому может быть дано объяснение, что речь идет о собирательстве древними людьми каргинской древней древесины, которая могла быть вымыта Витимом откуда-то из береговых обнажений и принесена паводком.

«Комплекс культурных остатков 2Г к.г. (рис. 130–133) состоит из окрашенной охрой подошвы культурного слоя; кострища, рассеянного на площади диаметром около 5 м; выкладки на центре кострища четырех плит в виде полукольца и сооружения из массивной плоской плиты, оконтуренной с двух противоположных сторон массивным, стоящим на ребре валуном и гнейсовыми обломками; плит и валунов, лежащих на периферии комплекса в восточном секторе в виде дуги из 10 камней и одиночных скального обломка и валуна в северном и западном секторах; «интерьерных» выкладки из четырех камней и двух одиночных обломков в северном и северо-западном секторах; двух продавленных ямок диаметром 20 см на северной и южной окраине комплекса; подавляющая часть дебитаж залегала в северо-западной от очага зоне, фаунистические остатки – к юго-востоку от очага. Комплекс интерпретирован как остатки жилища» (Тетенькин А.В. и др., 2020, с. 37).

«Общая коллекция артефактов, связанных с описываемым комплексом 2Г к. г. включает 17 орудий, 1 битую гальку и 2 галечных осколка, 1417 отщепов и сколов: в том числе 83 отщепа, 1334 чешуек. Всего 1437 единиц. Минеральный состав коллекции – кварцы – 63 % и эффузивы – 37 %» (Тетенькин А.В. и др., 2021, с. 272).

Вся коллекция артефактов из камня, исключая чешуйки, была подвергнута трасологическому анализу Г.Н. Поплевко (ИИМК РАН). В итоге выделено 17 орудий (рис. 136). Из них семь определено как ножи по мясу. Семь – как орудия обработки кости и рога: 2 скобеля по кости и рогу, 2 скобеля-резчика, 1 долотовидное-скобель, 2 долотовидных. И три – как орудия обработки шкур: 2 скребка и 1 скребло по шкурам. Десять орудий изготовлено из жильного кварца (59%), семь – из эффузивных пород (41%).

Комплекс культурных остатков в 2Г к.г. является третьим после первого жилищного комплекса 6 к.г., раскопанного в 2012–2015 гг. и очажного комплекса 2Б к.г., раскопанного в 2016–2017 гг. Вместе эти три паттерна представляют различные деятельностные ситуации в интервале 15,7–15,3 тыс. рад. л.н. (19–18 тыс. календ. л.н.). Четвертым очажным

комплексом, раскопанным в 2020 году, является очажный комплекс/жилище в 3/2 культурном горизонте (рис. 113).

По показателям количества каменных артефактов, орудийного набора, сложности организации обитаемого пространства комплекс 2Г к.г., с одной стороны, представляет собой наиболее сложно организованное жилое пространство, с другой стороны, характеризует кратковременную и ограниченную в видах деятельность. В результате этой ограниченности орудийный инвентарь дает совершенно иной облик культуры, не имеющий каноничных для позднего верхнего палеолита Восточной Сибири категорий изделий – отщеповых и клиновидных нуклеусов, резцов, скребел, галечных орудий.

3.4.4.1.9. 2В культурный горизонт

В пикете 44 – квадрате 8 в темно-серой слоежке между слоями 2Б и 2Г культурных горизонтов обнаружено несколько фрагментов древесного угля, пятен охры и один отщеп. На этом основании выделен уровень 2В к.г.

3.4.4.1.10. 2Б культурный горизонт

«Культурные остатки 2Б к.г. залегают на глубине около 0,65 м от дневной поверхности, в подошве прослойки темно-серого алевролита мощностью 1–4 см (рис. 110.а, 112.Участок 2). В кровле этой же прослойки выделен культурный горизонт 2А. Ряд аппликаций позднее связал часть находок, отнесенных ко 2А к.г., с находками 2Б к.г. Разница в глубине залегания между ними составляет до 4 см. Культуровмещающие отложения разбиты криогенными морозобойными трещинами, формирующими полигональную сеть, заложенными из подошвы субаэральными отложениями. Кроме того, встречены блоки отседания с незначительным (первые сантиметры) смещением по вертикали и горизонтали» (Тетенькин А.В., 2017в, с. 10).

По 2Б к.г. получены AMS-даты 15320±100 л.н. (LTL-16563A), 15460±80 л.н. (Poz-106962) по углю, 14940±80 л.н. (Poz-106023) по кости.

В 2016 г. коллекция 2Б к.г. изучалась трасологом Дж. Жакье (ун-т г. Ренн, Франция) (Тетенькин А.В. и др., 2016). Древесные угли определены антракологом А. Анри (ун-т г. Ниццы – Софии-Антиполис, Франция) (Анри А. и др., 2018).

Во 2Б к. г. раскопан очажный комплекс с прилегающими к нему культурными остатками размерами около 4,5×4,5 м (рис. 113, 138) (Тетенькин А.В., 2019). В отличие от 6 и 2Г к. г., где слой за пределами комплексов-скоплений культурных остатков пуст, 2Б к. г. оказался обширной площадью, одним из структурных компонентов которой выделяется очажный комплекс. На восточной половине кострища размерами 0,90×0,65 м поверх углей залежали шесть валунов и плит. Каменные артефакты локализованы, преимущественно, на СВ–С–СЗ периферии очага. К югу от него найдены почти все крупные кости, включая две челюсти снежного барана. Обитаемая площадка вокруг очага интенсивно окрашена охрой. Повсеместно отмечается залегание охры в подошве культурного слоя. В центре кострища охра отсутствует. В северо-западной, не обложенной камнями, открытой части кострища найдены трубчатая, расколота вдоль кость длиной 15 см и рядом с ней яркое пятно охры диаметром 6 см. В 0,35 м к северу от очага лежал диск из терригенного тонкозернистого хорошо слежавшегося уплотненного алевритового осадка черного цвета, диаметром – 12 см и толщиной – 2 см». Рентгенофлуоресцентный анализ показал идентичность его образца с образцом наброски на кострище в центре жилища 6 к. г. (Тетенькин А.В., Жмур О.В., Демонтерова Е.И. и др. 2018, с. 10).

Окраска охрой выбранной для поселения территории является культурным феноменом 2Б, 2Г, 6 культурных горизонтов Коврижки IV (Тетенькин А.В. и др., 2020). «Охра и черный алеврит, возможно, свидетельствуют о знаково-символической стороне обитания людей. Допускается предположение, что «красное и черное» составляло смысловую дихотомию в символической организации пространства. Положение черного алеврита в набросе на очаге жилища в 6 к.г. позволило дать аналогичную

интерпретацию черному диску алеврита у очага во 2Б к.г. Крупный кусок охры и большая трубчатая разбитая кость, вероятно, намеренно были положены на край потухшего уже кострища. Сложенные у приочажного камня скребок и нуклеус интерпретируются как «деPOSIT», оставленный обитателями «до следующего раза». Сохранившаяся часть хозяйственной специфики очажного комплекса 2Б к.г. выражена в подготовке клиновидных нуклеусов и отжиме с них микропластин, в неясной пока работе долотовидными орудиями, в пищевом потреблении частей туш снежного барана и лося. Сезон обитания – предположительно зимний» (Тетенькин А.В., 2019, с. 45–46).

«Коллекция каменных артефактов приочажного комплекса состоит из 7243 экземпляров (рис. 146–153). Из них «изделия составляют 35 экз., фрагменты микропластин – 233 экз., технические сколы – 17 экз., отщепы – 597 экз., чешуйки – 6361 экз. В изделия входят 12 клиновидных микропластинчатых нуклеусов, 1 отщеповой нуклеус, 7 долотовидных изделий, 6 отщепов с краевой ретушью, 3 отщепа со следами амортизации, 3 бифаса и 2 фрагмента бифаса, 1 тесловидное изделие (заготовка микронуклеуса)» (Тетенькин А.В., 2017в, с. 10–12). Среди микропластин выделены 5 сегментов со следами утилизации, определенных как вкладыши.

Общей отличительной чертой всех клиновидных нуклеусов 2Б к. г. является подготовка и подживление ударной площадки мелкими сколами с латералей и торца (рис. 146.1). «По данным ремонта и по остаточным формам можно представить в основных чертах метод производства микронуклеуса: 1) использование в качестве преформы овального уплощенного бифаса, тесловидного плоско-выпуклого бифаса/унифаса и отщепа; 2) выбор под ударную площадку узкого конца и оформление ее латеральными-поперечными сколами, дооформление фронтальными короткими, в этой же манере и подживление; 3) как приемы продления срока службы нуклеуса – перенос фронта на противоположный торец и ударной площадки на дистальный конец. Эта техника, обозначенная термином

«коврижкинская техника микронуклеуса», принципиально отличается от техники юбецу, широко представленной на Большом Ягоре I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010). Однако и здесь, во 2Б к.г. найдены продукты юбецу: апплицированные друг к другу реберчатый и лыжевидный сколы с бифаса. Кроме того, по одному лыжевидному сколу найдено в 4 и 5 к.г. Коврижки IV, лежащих в вилке между 6 и 2Б к.г. (Тетенькин А.В., 2010, рис. 29.3,16). Эти материалы однозначно указывают на то, что техника юбецу, была известна древним обитателям в означенных эпизодах поселения. Оба типа микронуклеуса и обе техники коврижкинская и юбецу-большеякорская лежат в основе различия ансамблей типа Авдеихи и Большого Ягора, сосуществование которых фиксировалось со времени стоянки Большой Ягорь – около 12 тыс. л.н. Теперь, в материалах 5, 4 и 2Б к.г., возрастом около 15,5 – 15,3 тыс. рад. л.н. / 15,7 – 15,5 тыс. кал. л.н. присутствуют продукты обеих этих техник.

Второй технологический контекст составляют отщепы и сколы различной морфологии и изделия из них, полученные краевым ретушированием, либо ретушь имеет амортизационный характер как в случае с долотовидными *pièce esquillée* (рис. 150, 151). Обычно эти орудия на отщепах оценивают как «орудия быстрого приготовления» и, как правило, разовые. Морфологически невыразительные сами по себе они являются признаками-продуктами индустрии галечного расщепления, наиболее оптимальным продуктом которого является именно отщеп. Долотовидные орудия впервые составили серию в 8 экземпляров. Прежде на нижнем Витиме нигде в комплексах палеолитического облика не было столь значительной серии долотовидных. В материалах Большого Ягора I, Коврижки III и других памятников эти изделия единичны. Здесь же, в изделиях 2Б культурного горизонта они составляют самую большую долю. Очевидно, что это связано с какой-то функциональной (деятельностной) особенностью стоянки, однако, вместе с тем, не являются ли долотовидные культурно-хронологическим признаком? Рассматривая в этой связи

дюктайские стоянки Якутии и стоянки студеновской культуры Южного Забайкалья, нельзя не отметить малое количество долотовидных в первом случае и значительное их количество во втором. Особенно заметна доля долотовидных орудий в культурных горизонтах Усть-Мензы 1, 2 (Мочанов, 1977; Константинов, 1994; Мороз, 2014)» (Тетенькин А.В., 2017в, с. 23–24).

3.4.4.1.11. 2А культурный горизонт

«В южной части раскопа выявлена пара камней – валун и плита, отнесенная по залеганию в кровле алевритовой прослойки к новому культурному горизонту 2А (рис. 110, 112. Участок 2). На площади скопления культурных остатков вокруг очага 2Б к. г. находки, сделанные в кровле вмещающего слоя алеврита, также относились ко 2А к. г. Однако позднее свыше десятка этих находок было апплицировано с артефактами из 2Б к. г. Несмотря на данное обстоятельство, мы все же не склонны совсем отвергать существование более позднего эпизода обитания – 2А. Во-первых, потому что пара валун и плита этого горизонта отстоит на 1,5-2 метра от очажного комплекса 2Б к. г., и рядом с ней отщепы и охра зафиксированы в кровле алевритовой прослойки. Во-вторых, на одной из гнейсовых плит у очага 2Б к. г. отмечено налегание слоя с пятном охры и фрагментом кости, т. е. вышележащего 2А к. г.» (Тетенькин А.В., Анри О., Жакье Дж. И др., 2016, с. 12)

Коллекция 2А культурного горизонта насчитывает 49 единиц. В том числе 13 отщепов, 2 скола, 32 чешуйки, 1 фрагмент микропластины, 1 скребок.

3.4.4.1.12. 2 культурный горизонт

2-й культурный горизонт залегает в зеленовато-светло-коричневой супеси ниже маркирующего растащенного горизонта палеопочвы (рис. 110–112). По образцам угля из нее получены две AMS-даты: 11260±60 л.н. (Poz-106967) (13166±100 калибр. л.н.) и 11440±60 л.н. (Poz-106963) (13355±130 калибр. л.н.). Из подошвы слоя супеси, вмещающей 2 культ. гор., заложена генерация криогенных трещин, формирующих полигональную сеть.

Нижнюю возрастную границу интервала существования 2 культ. гор. контролирует дата по 5 культурному горизонту Коврижки II, расположенной на 17-19-метровой террасе: 11190 ± 390 л.н. (СОАН-4543) (13128 ± 384 калибр. л.н.). В это время витимские паводки еще формировали пойму на участке нынешней второй террасы. Затем произошел врез Витима, и началось субэральное осадконакопление на прежде затапливаемых уровнях борта долины, в том числе и на участке Коврижки IV, ныне 11-метровой террасы.

Общей спецификой отложений субэральной пачки является нарушивший залегание культурных остатков склоновый снос, в том числе в солифлюкционных условиях.

Первоначально 2 культурный горизонт выделялся как стратиграфический уровень залегания малодиагностичных немногочисленных артефактов. С расширением раскопчной площади было охвачено пятно концентрации культурных остатков, позволившее охарактеризовать комплекс типологически. Радиоуглеродные и стратиграфические данные определяют его возрастную позицию в интервале около 11,5–11,2 тыс. радиоуглеродн. (13,5–13,1 тыс. календарн.) л.н.

Каменная индустрия 2 культурного горизонта содержит галечный нуклеус параллельного принципа расщепления, веерный нуклеус радиального принципа расщепления, клиновидные микронуклеусы, двойное боковое скребло, концевое-боковое скребло, два скребка (один из которых акторы попытались переоформить в торцовый нуклеус), два отщепа типа цитрон с ретушированным ножевидным краем, три долотовидных орудия типа *pièce esquilée*, полиэдрический резец из дымчатого кварца, микропластины, отщепы и сколы различной морфологии (рис. 154, 155). Основной субстрат – витимская галька эффузивных пород.

Клиновидные нуклеусы изготовлены из бифасов и отщепа высоких и соразмерных пропорций соотношения длины и высоты нуклеуса. Ударная площадка образована ретушью с латерали и фронта.

Орудия были подвергнуты трасологическому исследованию одним из авторов статьи, Э. Говри-Ру (университет г. Ницца-София-Антиполис, Франция). Были подтверждены определения скребков; морфологически выраженное концевое-боковое скребло (рис. 154.10) опознано как разделочный нож с рабочим участком на боковом ретушированном краю; двойное боковое скребло (рис. 154.9) имело следы утилизации в роли скребла не на тщательно ретушированном крутой ретушью правом крае, а на противоположном, левом, выпуклом, более тонком крае, обломанном в центральной части; один из отщепов-цитрон имел следы работы в роли скобеля (рис. 154.11).

Выявлена яма размерами 80×67 см, глубиной до 25 см, заложенная с уровня 2 культ. гор. Эта яма достигла очажного кострища нижележащего ЗБ культурного горизонта и частично нарушила его. Стенки ямы окрашены углями кострища в ходе выгреба. Заполнение бесструктурное, включает немногочисленные отщепы, чешуйки, угольки и жженые косточки, что указывает на то, что яма была засыпана собственным же отвалом, т.е. самими обитателями, а не естественными процессами. По углю из очага ЗБ культ. гор. имеется дата 15310±160 л.н. (Poz-106965).

В возрасте около 11 тыс. радиоуглеродн. (13 тыс. календарн.) л.н. это четвертый комплекс после 5 культ. гор. Коврижки II и 2 и 3 культ. гор. Коврижки III (Тетенькин А.В., 2010, 2016). На Коврижке III находятся прямые аналогии всем ведущим формам изделий из 2 культурного горизонта Коврижки IV: нуклеусам, скреблам и скребкам, многофасеточному резцу из дымчатого кварца.

3.4.4.2. Коврижка III

Вслед за Авдеихой и Большим Якорем I Коврижка III стала третьим объектом на нижнем Витиме, где в стратифицированном состоянии были обнаружены культурные остатки эпохи финального палеолита, рубежа плейстоцена – голоцена.

Коврижка III была выделена в отдельный пункт в составе ансамбля местонахождений Коврижка в 2003 г. А.В. Тетенькиным (Тетенькин А.В., 2016; Teten'kin A.V., Henry, Smith, 2916). Ее составляет «часть борта долины археологического полигона Коврижка, расположенная выше от 17-19-метровой второй надпойменной террасы и пролегающей по ней автодороги. В эти пределы входят ограниченный ложками мысовидный выступ 22-метровой витимской террасы, на котором расположен основной раскоп, а также прилегающий выше борт на отметках 24, 29, 35 метров от уреза воды Витима на удалении до 260 м от берега, с археологическим материалом в шурфах, вмещенным в склоновые отложения. Рельеф борта имеет характер ступеней, осложненный цокольными куэстовыми поперечными грядами, разделенными ложками (рис. 108)» (Тетенькин А.В., 2010, с. 100).

Культурные остатки залегают в пачке субаэральных склоновых отложений, в нижней части прерываемых паводковыми эпизодами (рис. 158). Они залегают на пачке аллювиальных отложений. Общая мощность вскрытых до цоколя рыхлых отложений – 1,90 м. Выделены культурные горизонты 1, 1А, 2 (верхний и нижний уровни), 3. По углю из 1 к.г. получена дата 8095 ± 120 л.н. (СОАН-8262). По углю из 1А к.г. получены даты 8135 ± 120 л.н. (СОАН-7027), 8250 ± 190 л.н. (СОАН-7965). Прослойку 1А к.г. подстиляет светло-серая прослойка тонкозернистого песка паводкового происхождения мощностью до 1,5 см. По углю из кострищ верхнего и нижнего уровня 2 к.г. получены даты 10400 ± 200 л.н. (СОАН-7964), 10875 ± 40 л.н. (UCIAMS-135111) (верхний уровень) и 11050 ± 210 л.н. (СОАН-7966) (нижний уровень). По углю из 3 к.г. получена радиоуглеродная дата 11390 ± 230 л.н. (СОАН-8261). На основе радиоуглеродного датирования можно выделить два интервала обитания около 11,4–10,4 тыс. рад. л.н. / 13,2–12,2 тыс. кал. л.н. (3-2 к.г.) и 8,3–8,1 тыс. рад. л.н. / 9,2–9,0 тыс. кал. л.н. (1-1А к.г.), отстоящих друг от друга более, чем на две тысячи лет.

3.4.4.2.1. 3 культурный горизонт

«Коллекция 3 к.г. состоит из 4 бифасов, 2 скребел, 1 долотовидного орудия (резца?), 3 микронуклеуса, 1 комбинированного унифаса-орудия (скребок+резец?), 2 проколов, 1 унифаса-ножа, 2 чопперов, 1 графититового мелка, 2 отщепов с рабочей ретушью, 2 отбойников, 1 наковальни, 195 фрагментов микропластин, 4688 отщепов, в том числе 3760 чешуек. Всего 4905 единиц (рис. 159, 160)» (Тетенькин А.В., 2016а, с. 272).

«Выразительным признаком индустрии 3 к.г. являются бифасы. Морфологически они разнообразны, предположительно различны и их функции: это многофункциональные орудия, заготовка нуклеуса, топор, скребло. Бифасы с выемкой и бифас-топор морфологически специфичны. Последний, в частности, интересен сходством с так называемыми «сумнагинскими топорами с ушками» (Мочанов Ю.А., 1977, с. 245). Найденный топор является самым ранним на Витиме рубящим орудием с элементами крепления к топорщику» (Тетенькин А.В., 2016а, с. 303–304). Микронуклеусы (клиновидный, терминальный, призматический варианты) демонстрируют различные приемы подготовки нуклеусов для снятия микропластин в 3 и 2 к.г. (рис. 159.3) (Тетенькин А.В., 2010, с. 118). Графититовая отдельность со сглаженными, закругленными от истирания углами является признаком использования красящего вещества в знаково-символической сфере деятельности (рис. 160.3). В целом ассамбляж 3 к.г. определяется как верхнепалеолитический комплекс дюктайского облика, но с наличием признаков призматического микропластинчатого расщепления, характерного, руководящего в Якутии для другой – сумнагинской, более поздней, раннеголоценовой культуры.

3.4.4.2.2. 2 культурный горизонт

«На площади раскопа выявлено пять очажных комплексов (рис. 161). Особенностью планиграфии Коврижки III является организация пространства каменными плитами. Во-первых, имеет место оборудование очагов подчетыреугольными плитами. Во всех случаях это единичные (1-3) плиты, лежащие на периферии или в центре кострища. В одном случае (очаг

5) плита была найдена стоящей на ребре. В остальных – плашмя. Во-вторых, это одиночно экспонированные плоские плиты с прилегающими рядом культурными остатками, интерпретируемые как столики-наковальни, организующие индивидуальные рабочие площадки. В-третьих, это конструкции из плит - узких плоских сланцевых пластин, установленных на ребро. Особенностью их и линейно установленных плашмя нескольких горизонтальных плит (конструкций) является общая для всех ориентация с СЗ на ЮВ (рис. 161, 166). Такова же ориентация овально вытянутых кострищ очагов в слое» (Тетенькин А.В., 2010, с. 103).

В 2010-2012 гг. раскопана наиболее сложная из всех *Y-образная* конструкция, найденная в этой же ориентации. Конструкция принадлежит верхнему уровню 2 культурного горизонта и расположена в непосредственной близости от очага №5 (рис. 161, 163, 164, 165.В), по которому получены радиоуглеродные даты ок. 10400 и 10875 рад. л.н. Она представляет собой сложное соединение из не менее 6 стоящих на ребре узких, длинных и тонких гнейсовых плиток и двух овальных дисков из того же материала, вставленных в горизонтальном положении (рис. 163.С,Д). В плане конструкция имеет *Y-образный* стрелчатый вид двух линий, каждая из которых состоит из двух состыкованных плит, сходящихся в одну (рис. 163.А,В, 164). Общая длина конструкции – около 1,8 м, максимальная высота около 14-15 см. Длина отдельных плит-пластин, установленных на ребро, от 20 см до 1,0 м, ширина до 15 см, толщина около 1,5–3 см. Размеры плашмя лежащих плиток – 13,7×13,0×2,0 см и 18,5×13,6×2,5 см.

Изучение этого объекта указывает на то, что существовала определенная сфера деятельности по производству-обработке гнейсовых плитчатых отдельностей с целью получения строительных конструктивных материалов. Обитатели использовали приемы вертикальной поддержки плит-пластин способами вкапывания-заглубления, подпора камнями, а также составления в стыковые - пазовые соединения (рис. 164.В).

Паводковая аллювиальная линза светло-серого алевролита мощностью до 2 см, разделяющая 1А и 2 культурные горизонты, перекрывала конструкцию только частично, юго-восточная ее часть была экспонирована на дневной поверхности, по крайней мере, еще во время обитания людей и отложения артефактов 1А культурного горизонта (рис. 163.А,В,Ф). Многократно зафиксировано прилегание артефактов этого более позднего эпизода обитания к верхней части экспонированной плиты. С другой стороны, в северо-западной зоне конструкции на уровне 1А к.г. зафиксированы остатки гнейсовых плиток, лежащих на ребре вдоль оси сооружения. Сечение их показало, что эти небольшие плитки подстилаются паводковой прослойкой, а значит, были положены в эпизоде 1А к.г. (рис. 162.А,В, 165.С). Этот вышележащий уровень имеет две радиоуглеродные даты, приходящиеся на возраст около 8,2–8,1 тыс. рад. л.н. Полученные данные свидетельствуют о сохранении и подновлении конструкции в эпизоде обитания людей на стоянке, состоявшемся более 2000 лет спустя (Тетенькин А.В., 2016, с. 279–283; Tetenkin A., Smith H., Henry A., 2016, p. 7–9).

Микростратиграфические наблюдения и радиоуглеродное датирование раскопанных очагов позволяют в случае 2 культурного горизонта полагать их асинхронность и палимпсест из остатков нескольких деятельностных ситуаций.

«Коллекция 2 культурного горизонта насчитывает 15828 единиц предметов. В их числе имеются: 1 проколка, 2 долотовидных орудия, 12 скребков, 6 ножей, 3 скребла, 7 резцов, 17 отщепов с краевой ретушью, 12 обломков лезвий, 5 целых и рассеченных бифасов, 13 микронуклеусов, в т.ч. 1 из горного хрусталя, 3 преформы клиновидных нуклеусов, 7 галечных нуклеусов для снятия отщепов, 8 чопперов, 322 микропластин и их фрагментов, 2 резчика на микропластинах, 3 колотых гальки, 15326 отщепа, в т.ч. 12691 чешуек (86,4% от всех находок), 4 гальки-отбойника, 68 фрагмента жженой кости, 6 графтитовых предметов (рис. 167–170). Основной массив коллекции (98%) состоит из изверженных магматических эффузивных пород

основного (диабаз, микробазальт, микрогабро), среднего (порфирит, трахит, трахидацит), кислого (дацит) состава, осадочных пород (аргиллит/алевролит). Для микропластин даны определения вулканического стекла (<1%), аргиллита (<1%), горного хрусталя (1%). Экзотическими, т.е. немассовыми являются предметы из жильного кварца (<1%), графитита (<1%)»(Тетенькин А.В., 2016, с. 288).

В зоне очага 3 найдены три кусочка вулканической пемзы. Изучение образцов вулканической пемзы было выполнено в Институте Земной Коры СО РАН (Иркутск) вулканологами Е.И. Демонтеровой и А.В. Ивановым (Демонтерова Е.И. и др., 2014). Результаты проведенного анализа показали, что один из образцов имеет в составе трахит, а только Удоканское поле содержит трахиты. Расстояние по речной сети от Коврижки до западной части Удоканского вулканического поля составляет не менее 520 км. Нахождение Удоканского поля в системе Витимских притоков 3 порядка, за Парамским и Делюн-Оронским порогами, на большом удалении и хрупкость пемзы исключают возможность переноса ее по Витиму до Коврижки естественным путем.

Вместе с 3-м к.г. 2-й культурный горизонт Коврижки III определен как верхнепалеолитический комплекс дюктайского облика, но с наличием признаков призматического микропластинчатого расщепления, характерных в Якутии сумнагинской, более поздней, раннеголоценовой культуры. На Нижнем Витиме он демонстрирует сходство ассамбляжами стоянки Авдеиха, Коврижка II. Вместе с тем, серьезным отличием от комплексов Большого Якоря I является отсутствие техники юбецу – техники продольного рассечения бифаса и подготовки таким образом микронуклеуса. На этом основании была сформулирована проблемная ситуация культурной вариабельности на Нижнем Витиме, в финальном сартане представленная ассамбляжами типа Авдеихи и Большого Якоря. В голоцене к этим двум группировкам добавляются ассамбляжи типа Большой Северной (Тетенькин А.В., 2011, 2018).

3.4.4.3. Коврижка II

Местонахождение Коврижка II выделено на 17-19-метровой 2-й надпойменной террасе (рис. 108) (см. Приложение 1). В 1995 г. А.В. Тетенькиным были найдены первые отщепы в стенке карьера, со дна карьера и полотна дороги собран первый подъемный материал (Тетенькин А.В., 1996, 2000, 2010). Раскопочные работы велись в 1998, 2001 – 2003 гг. В 2002 г. раскопки на Коврижке II были проведены Е.М. Инешиним. Вскрытая площадь на Коврижке II составляет 34 кв. м.

«Памятник частично разрушен. На тыловой части данной террасы в конце 1980-х гг. был заложен карьер, который использовался для отсыпки полотна проходящей здесь дороги. На всей площади карьера, полотна дороги в данном распадке фиксируется археологический материал. Ненарушенной сохранилась внешняя, прибровочная часть террасы. Карьером вскрыты русловые отложения (галечники и пески) Витима. В прибровочной части террасы в раскопе зафиксирован скальный останец обтекания, к которому причленяются аллювиальные отложения (рис. 173). Судя по радиоуглеродным датам, полученным по разрезу с местонахождения, пойменная часть этой террасы накапливалась в период около 11,2–8 тыс. рад. л.н. / 14,0–8,7 тыс. кал. л.н.» (Тетенькин А.В., 2010, с. 78).

В субэкральной пачке отложений выделены 1 и 2 культурные горизонты (рис. 173). В отложениях пойменной фации аллювия – 3, 4, 4А и 5 культурные горизонты. По 3 к.г. получена ^{14}C -дата 8180 ± 130 л.н. (СОАН–5277). По 4А к.г. имеется радиоуглеродная дата 8230 ± 100 л.н. (СОАН–5276). Дата ^{14}C по 5 к.г. – 11190 ± 390 л.н. (СОАН-4543). Все даты сделаны по углю.

Общая мощность вскрытых отложений – 4,5 м.

3.4.4.3.1. 5-й культурный горизонт

«5-й культурный горизонт залегает в одной из прослоек в верхней части пачки пойменного аллювия на глубине 1,65 м. У скального останца, верхушка которого была впоследствии использована людьми в организации конструкции из плит, выявлен очаг с двумя противоположащими плитами

гнейса (рис. 174.2). Останец играл здесь, по-видимому, роль ветрового и визуального заслона со стороны р. Витим. Культурные остатки немногочисленны: 39 отщепов и чешуек, 2 куса битой породы, 3 фрагмента кости, двойной концевой скребок из гальки, всего 45 единиц (рис. 175.5). 5 чешуек найдено под очажной плитой» (Тетенькин А.В., 2010, с. 81).

3.4.5. Нирьякан I

«Местонахождение Нирьякан I (рис. 84) расположено в среднем течении реки Мама в межгорной котловине. Левый борт котловины Мама здесь высокий и крутой, прижимистый. Правый борт котловины примыкает к водоразделу Мама и Большой Конкудеры. Правый борт котловины хорошо террасирован: выделяются высокая пойма высотой 3-5 метров с заболоченной поверхностью позднеголоценового времени. Затем 6-8-метровая терраса фиксируется в устье рч. Нирьякан и Грамдани. Основное тело террасы сложено ритмичнослоистыми песками аллювиального генезиса. Следующая терраса, на которой расположено местонахождение Нирьякан I, имеет относительную высоту 25–26 м над урезом р. Мама. Терраса примыкает к террасовидному геоморфологическому телу с 40-метровыми отметками, которое хорошо прослеживается вдоль обоих бортов долины Мама на описываемом участке.

Участок террасы, на котором расположен Нирьякан I, является правым приустьевым при впадении рч. Нирьякан в р. Мама, ныне отстоящим на 0,57 км от берега Мама. Непосредственно, территория ОАН Нирьякан I с юго-запада и северо-востока, т.е. по мамскому фронту простирается длиной около 130 м, ограничена ложками, прорезающими террасу поперек и формирующими слабый перегиб.

Памятник был открыт Е.М. Инешиним (Иркутский государственный университет) в 1993 г. как стоянка с погребением эпохи раннего железного века (Инешин Е.М., 1995). В 2020 г. в ходе проведения спасательных работ А.В. Тетенькиным на Нирьякане I был выявлен верхнепалеолитический комплекс культурных остатков – 2-й культурный горизонт.

Общая площадь раскопа с палеолитическими остатками составила 173 кв. м.» (Тетенькин А.В., 2021, с. 10–12)

В основании террасы лежат галечники (рис. 185). На них залегают пачка аллювиальных песков установленной мощностью до 3,0 м. На контакте смены аллювиального режима осадконакопления на субаэральный имела место эоловая денудация (перевеивание) речных песков. «Процесс субаэрального осадконакопления, очевидно, имел сложный характер. Режим осадконакопления, по-видимому, сменялся денудацией. В истории формирования маломощного, в среднем до 0,5 м мощности, покровного чехла были многократные пертурбации отложений, обусловленные лесными пожарами, выворотами упавших деревьев, корневой деятельностью. Из нижней части субаэральных отложений (слои 4–5) заложены криогенные трещины, шириной до 0,20 м в устье. На внешнем склоне террасы в шурфе выявлено стратиграфическое несогласие – блок отседания» (Тетенькин А.В., 2021, с. 11–12).

«Артефакты палеолитического, 2-го культурного горизонта залегают во всех отложениях субаэральной пачки, от подпочвенного подзола до светло-желтого песка на контакте с аллювием (рис. 185) и имеют природу вторичного, переотложенного залегания, судя по планиграфическому рисунку, простираемым с юго-востока на северо-запад. Расстояние между нуклеусом и сбитым с него отщепом – 7,7 м, простираемое с юго-востока на северо-запад» (Тетенькин А.В., 2021, с. 13).

«Сохранность костей во 2-м к.г. плохая. Тем не менее, в основном скоплении культурных остатков найдены фрагменты жженных костей, сохранившиеся благодаря тому, что были обожжены. По ним получена радиоуглеродная дата - 11450±60 л.н. (Poz-131670) / ок. 13325 кал. л.н.» (Тетенькин А.В., 2021, с. 13)

«Ко 2-му культурному горизонту отнесены 576 единицы находок. В том числе отщепы 540 ед. (из них 235 ед. – чешуйки), пластины – 9 ед., нуклеусы – 7 ед., битые отдельные – 8 ед., орудия – 10 ед., гальки – 2 ед.

82% артефактов из метаморфизированных сланцев, 13% - из кварца. Комплекс остатков 2 культурного горизонта представляет собою растащенный склоновыми процессами шлейф переотложенного материала (Тетенькин А.В., 2021, с. 13). Тем не менее, зафиксированы два скопления артефактов, на остальной площади раскопов плотность находок низкая – в среднем менее 1 ед. на кв. м. Артефакты фиксировались по всей мощности субаэральной пачки – в подпочвенном слое подзола, в светло-палево-розоватой супеси, в оранжево-желтой супеси, в светло-желтом песке в подошве субаэральной пачки, в трещине, на глубине 0,05–0,44 м от дневной поверхности. Выявленное пятно концентрации дало 400 находок (74% от всей коллекции). Здесь скопление артефактов имело максимальный разнос по вертикали 47 см, артефакты нижних уровней были затянuty в трещину.

Определяющим общий облик ассамбляжа каменных артефактов обстоятельством стало низкое качество каменного сырья. Оно обусловило применение ударного расщепления нуклеусов радиального и субпараллельного принципа. Основной продукт каменного производства – отщеп случайной конфигурации (рис. 186).

«Среди орудий наиболее диагностичным является трансверсальный резец (рис. 186.3). Тело резца оформлено крутой краевой ретушью. Резцовый скол нанесен с правого края на левый» (Тетенькин А.В., 2021, с. 13).

«Несомненно, низкое качество каменного сырья наложило отпечаток на технико-морфологический облик всего ассамбляжа. Часть нуклеусов ситуативна, есть простейшие форма поперечного расщепления удлиненных форм. Технологически наиболее сложный нуклеус демонстрирует леваллуазский цикл подготовки фронта к снятию отщепа, радиальный принцип расщепления, фасетированные площадки под контролируемое ударное скалывание. Еще одна группа нуклеусов с торцовым снятием с удлиненных высоких форм, очевидно, позволяла получать узкие параллельно ограниченные пластинчатые снятия.

Скребки, ретушированные отщепы, комбинированное орудие (скребловидное-остроконечник) дают примеры орудийного употребления продуктов этого каменного производства.

В совокупности это расщепление по технико-морфологическим признакам может быть оценено как среднепалеолитическое или ранневерхнепалеолитическое. Кардинальную поправку на возраст дает трансверсальный резец. В Северном Прибайкалье эта форма является «руководящей» для памятников финального палеолита / финального сартана. Резец аналогичен трансверсальным резцам палеолитических горизонтов Большого Якоря I на Витиме (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 216–219), 1 и 2 объединенных донеолитических горизонтов Курлы I–III на Северном Байкале (Шмыгун П.Е., 1981, рис. 2.2, 3; Молчанов Г.Д. и др., 2020), 8, 7 культурных горизонтов Усть-Каренги I–XVI на Витиме (Ветров В.М., 1995, с. 323; 2011, с. 175). Возраст существования этих стоянок – около 13–11 тыс. радиоуглеродн. л.н. / 16–13 тыс. календарн. л.н. Эти датировки приходятся на финальный палеолит археологической шкалы времени и на финальный сартан климато-стратиграфической шкалы. Подтверждает этот возраст и полученная радиоуглеродная дата» (Тетенькин А.В., 2021, с. 16–17).

«В данном свете каменное производство имеет пережиточный облик и является примером использования архаичных технологических традиций адекватных низкому качеству доступных здесь пород камня. По-видимому, торцовое расщепление было заменой микропластинчатому производству с клиновидных нуклеусов, известному для финального сартана (финального плейстоцена). Маркерный памятник Большой Якорь I имеет в своем составе нуклеусы отщепового производства радиального принципа (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.29.7)» (Тетенькин А.В., 2021, с. 17).

«Значение открытия финальнопалеолитического комплекса местонахождения Нирякан I состоит в том, что впервые в долине р. Мама получен статистически многочисленный, типологически представительный и

хронологически определенный комплекс артефактов эпохи каменного века. Все предыдущие открытия на местонахождениях Мукадек II, Монюкан, Усть-Чукча в долине Мамы до сих пор имеют провизорный характер. Важное значение открытия финального палеолита на Нирыкане состоит еще и в том, что он указывает на обитание людьми среднего течения р. Мамы и в ее лице внутренних районов Байкальской части Байкало-Патомского нагорья в условиях дрящей еще финальной стадии оледенения» (Тетенькин А.В., 2021, с. 18).

3.5. Абсолютный и относительный возраст археологических комплексов MIS 2 Северного Прибайкалья

Основой любого диахронного археологического исследования является вопрос датировки археологических комплексов. Сегодня он в первую очередь решается методами абсолютного датирования, и если определять еще уже – радиоуглеродным методом. Однако, обстоятельства тафономизации культурных остатков и датирующих органических материалов всегда требуют общей тафономической оценки валидности источников датировки, связанности их с артефактами, будь то переотложенная древесина, датирование по биоапатиту, резервуарный эффект, или криотурбационные нарушения (об этом: Питулько В.В., Павлова Е.Ю., 2010; Плихт Й. ван дер, Шишлина Н.И., Зазовская Э.П., 2016; Кузьмин Я.В., 2017; Cherkinsky A., 2009; Zazzo A. Saliège J.-F., 2011). Потому в вопросе хронологии археологических комплексов Северного Прибайкалья этой задаче критики датировок уделялось большое внимание. Наиболее валидными являются хронологические исследования, располагающие серией абсолютных дат, датирующие стратиграфическую последовательность культуровмещающих отложений, имеющие проработанные стратиграфические и геоморфологические позиции, ландшафтно-климатические индикаторы, соответствующие возрастной оценке. Таким набором научных результатов в большей или меньшей степени обладают стоянки Большой Якорь I, Коврижка I-V, Усть-Каренга I-XVI, Нижняя

Джилинда (Сивакон) I, стоянка-могильник Старый Витим II (табл. 1). В ряде случаев предпринималась ревизия старых дат методом AMS-датирования (стоянки Алексеевск, Курла I-III). В нашей работе даты калибровались с использованием программы программа OxCal 4.3 с применением калибровочной кривой IntCal13 (Bronk Ramsey C., 2017), и в данном разделе приведены медианные значения календарного возраста.

Наиболее ранние даты около 28,23–26,71 тыс. л.н. имеет стоянка Алексеевск на Севере Верхней Лены, относимая, таким образом, к самому началу MIS 2 – сартанского оледенения. Новейшие AMS-датировки и палеонтологические исследования (работы А.М. Клементьева) подтвердили данное автором открытия О.В. Задониным возрастное определение основного комплекса культурных остатков (Задонин О.В., 1996, с. 254).

Менее валидно возрастное определение стоянки Бамовская (р. Киренга, Север Верхней Лены), около 22,21 тыс. л.н., сделанное на основе единственной даты органике из культуровмещающих отложений (Краснощеков, 2009, с. 244). Тем не менее, эта дата дает самые ранние возрастные представления о микропластинчатой индустрии на Севере Верхней Лены.

Древнейшим комплексом MIS 2 на Нижнем Витиме является Мамакан VI. Полученная серия из радиоуглеродных дат от 25,16 до 8,16 тыс. л.н. показала, что солифлюксий, нарушивший пятно артефактов, захватил и молодые отложения. В оценке возраста учитывался исключительно архаичный облик каменного ассамбляжа Мамакана VI, не имеющего черт сходства с ассамбляжами от Коврижки IV до Павловой, а также гипсометрически высокая позиция в системе долины реки. Возрастная оценка дана древнее нижних горизонтов Коврижки IV, т.е. древнее 19,0 тыс. л.н., вероятно, в районе ранних радиоуглеродных дат Мамакана VI – 25,16–22,59 тыс. л.н.

Вероятно, к первой половине – середине MIS 2 / сартана относится возраст стоянки Балышово III на Севере Верхней Лены. Из трех имеющихся

дат следует полагать наиболее валидной дату 17000 ± 300 (ГИН-7068), около 20,52 тыс. л.н., имея в виду отсутствие в ассамбляже элементов микропластинчатого производства.

На время окончания Последнего ледникового максимума приходится 14 культурных горизонтов стоянки Коврижка IV на Нижнем Витиме. Ее серия AMS-дат с учетом стратиграфического взаимоконтроля, взятых по одному материалу, углю, в ряде случаев опознанному как ива, определяет возраст в интервале 19,01–18,58 тыс. л.н. Верхний, 2-й культурный горизонт оценивается в интервале 13,5–13,1 тыс. л.н.

Близка к этому возрасту ранняя дата стоянки Авдеиха на Нижнем Витиме, 15200 ± 300 (ИМ-236), около 18,44 тыс. л.н. Вторая дата 12900 ± 300 (ГИН-1022) дает значительно более молодой возраст 15,38 тыс. л.н. Учитывая многослойный характер Авдеихи и датировки, полученные еще в конце 1970-х гг, вероятность задревнения даты по углю и получения одной из дат (молодой) в радиоуглеродной лаборатории Геологического института РАН, где работал основоположник радиоуглеродного метода в России Л.Д. Сулержицкий, возможны оба возраста, но наиболее валидной выглядит дата 12900 ± 300 (ГИН-1022).

В финальном сартане / MIS 2, 16–12 тыс. л.н. количество известных нам памятников в Северном Прибайкалье резко возрастает. Группировку дат имеют 3-й и 2-й объединенные донеолитические культурные горизонты Курлы I–III на Северном Байкале. Долгое время неопределенность вносила очевидно невалидная дата 24060 ± 5700 (СОАН-1397) по 3-му о.донеол.к.г. Недавнее передатирование двумя AMS-датами 13380 ± 70 (Poz-106025) и 13790 ± 70 (Poz-106027) поставило возраст в пределы около 16,67–16,1 тыс. л.н. и одновременно откорректировало представления о возрасте 2-го о.донеол.к.г. в пользу одной из трех дат, 13160 ± 960 (СОАН-1396-к) / 15,82 тыс. л.н. Культурно-типологически близкий 2-му 1-ый о.донеол.к.г. Курлы I–III, пока не имеющий радиоуглеродных дат, судя именно по сходству каменных ассамбляжей, должен быть близок возрасту 2-го горизонта.

На Верхнем Витиме 8-й культурный горизонт Усть-Каренги I-XVI по радиоуглеродным датам 13560 ± 1950 (ГИН-8070), 12880 ± 130 (ГИН-6469а), 12710 ± 380 (ГИН-8069) определяется около 15,39–15,04 тыс. л.н. Вышележащий 7-й к.г., содержащий керамику, по органике в ней и по углю получил серию дат, разбивающихся на три группы: а) 12180 ± 60 (АА-60210), 12175 ± 40 (ТКА-19743), 12170 ± 70 (АА-60202), б) 11870 ± 40 (ТКА-19744), 11825 ± 45 (ТКА-19745), 11240 ± 80 (ГИН-8066), в) 10870 ± 70 (АА-60667), 10750 ± 60 (ГИН-8067), 10600 ± 70 (АА-21378). Обобщая их, возрастной интервал для 7 культурного горизонта составляет 14,06–12,68 тыс. л.н.

На Нижнем Витиме опорный памятник Большой Якорь I содержит 12 культурных горизонтов этого периода. Серия из дат, отобранных в нормальной возрастной последовательности, 12700–11700 рад. л.н., указывает на возраст 15,07–13,59 тыс. л.н. Вплотную к ним примыкает возраст 3 культурного горизонта Коврижки III – 13,24 тыс. л.н., 5 культурного горизонта Коврижки II – 13,08 тыс. л.н., 2 культурного горизонта Коврижки III – 12,93–12,21 тыс. л.н. Последний датируется уже, практически, близко к рубежу голоцена.

Единственный датированный археологический комплекс Нирыкан на р. Мама, притоке Витима в нижнем его течении, имеет возраст 13,32 тыс. л.н. по датировке образца жженной кости из скопления артефактов.

3.6. Морфология инвентаря археологических комплексов финального плейстоцена Северного Прибайкалья: техники производства, вопросы культурной типологии.

Наиболее ранний археологический комплекс Северного Прибайкалья стоянка Алексеевск на севере Верхней Лены несет индустрию мелкопластинчатого производства расщеплением объемных подпризматических нуклеусов (рис. 8.5,6,8-11). С одной стороны, важно понимать, что это технология, существовавшая на Севере Верхней Лены прежде появления отжима микропластин с торцово-клиновидных нуклеусов. Эта мелкопластинчатая техника на восток, в Якутию и на Нижний Витим не

была распространена, напротив, мы видим, широкое присутствие техник единого принципа мелкопластинчатого грубопризматического расщепления в Западном Прибайкалье – на севере Верхней Лены (Шишкино VIII) и Ангаро-Бельском районе (Мальта, Буреть), в Енисейско-Красноярском реионе (мелкопластинчатая традиция) (Пержаков С.Н., 2006, рис. 2.1,3,6; Медведев Г.И. и др., 2001, рис. 19–22; Харевич В.М., Акимова Е.В., 2016, рис. 2, 3).

В Алексеевске эта техника представлена некрупными нуклеусами из расколотых галек кремнистых пород с объемно-выпуклым фронтом. Ударная площадка, как правило, скошена, часто имеет ровную, необработанную и лишь подправленную поверхность. Зачастую нуклеус имеет кареноидный облик. В Алексеевске есть нуклеус и высокий скребок из двух половинок одной гальки, оформленные идентично (рис. 8.6).

С появлением микропластинчатого производства с торцово-клиновидных нуклеусов мелкопластинчатая техника на Севере Верхней Лены не вытесняется и как зримый компонент присутствует в ассамбляжах всех последующих стоянок сартанской эпохи – Балышово III, Бамовской, Чайке II, Вешнем Ручье (рис. 10–12, 15, 18.6-11,24, 29.4-10). Мелкая пластинка была основной преформой для разнообразных орудий. На Чайке II, 17,84 тыс. л.н., благодаря полученному аппликационному блоку, удалось реконструировать процесс эксплуатации пирамидального грубопризматического нуклеуса (рис. 22). «Исходная галька изначально была выбрана так, что под ударную площадку использовался плоский фас, а нуклеарному объемному расщеплению подвергся выпуклый конический фас, предопределивший пирамидальный характер нуклеуса. Высота галечной преформы 4,5 см предопределила кривизну полученных пластинчатых снятий. Реконструируемый аппликацией блок демонстрирует четыре цикла подготовки ударной площадки – производства снятий с фронта. В каждом случае снятия велись с ограниченного участка периметра ударной площадки и количество их было 3–5. Участки фронта первых трех циклов (рис. 22.

стадии 2, 4, 6) смежные в ротации справа налево (ударная площадка – вверх). Последний цикл расщепления (рис. 22. стадии 7, 8) перенесен с левого края ударной площадки на правый» (Инешин А.В., и др., 2019, с. 39).

В рамках археологической периодизации синхронные Алексеевску Мальта и Буреть на р. Белой (Приангарье), содержащие аналогичную технику производства мелких подпризматических пластинок и разнообразный набор орудий из них, определяют собой средний или классический этап верхнего палеолита (Медведев Г.И., 1990, с. 18; Medvedev G.I., 1998, p. 122–123). Аналогично должен быть определен и Алексеевск.

К первой половине MIS 2 – сартанской эпохи мы относим появление техники отжима микропластин с торцово-клиновидных микронуклеусов в Северном Прибайкалье. Морфологически наиболее архаичные микронуклеусы, датируемые в интервале 25–22 тыс. л.н., принадлежат стоянке Мамакан VI на Нижнем Витиме. Клиновидные микронуклеусы характеризуются следующими признаками (рис. 90.2,5): 1) вытянутая подтреугольная ладьевидная преформа, 2) короткий фронт с негативами микропластинчатых снятий длиной около 1 см. Комплекс микроформ здесь интересен совпадением параметров микропластинчатого снятия с фронта нуклеуса, резцового снятия и негативов оформления лезвия кареноидного скребка (рис. 90.1-6). Такое сочетание дает образ техники отжима на самой ранней стадии зарождения, технологически еще не самостоятельной, не отделившейся от приема резцового скола или ретуширования отжимом. Имеющиеся забайкальские и монгольские аналоги, в общем, лишь подтверждают тезис раннего этапа развития подобных форм (Константинов М.В., 1994, с. 105, рис. 73; Gladyshev S.A. et al., 2010, p. 39; Козырев А.С. и др., 2012, рис. 4.1).

В развитом виде сформировавшихся технологий клиновидные микронуклеусы предстают уже во второй половине MIS 2. Эта техника, связанная с оснасткой пластинчатыми наборными лезвиями композитного охотничьего оружия, представляла собою магистральную линию

технического развития, в последующую эпоху раннего голоцена достигла расцвета, формируя основу мезолит-неолитического пластинчатого производства. Археологически наиболее ранние развитые представления о технологии подготовки и эксплуатации клиновидного нуклеуса получены на Коврижке IV при изучении 6 и 2Б культурных горизонтов, возрастом около 19,01 и 18,56 тыс. л.н.

«В семи случаях из десяти во 2Б к.г. и во всех случаях в 6 к.г. преформой микронуклеуса был бифас. В обоих к.г. есть либо аппликационный блок (рис. 146.1), позволяющий рассмотреть исходную форму бифаса-преформы, либо сам бифас в инициальной стадии редукции (рис. 119.5). Они демонстрируют оформление ударной площадки на одном из узких концов, поперек продольной оси, а не вдоль, как это характерно для юбецу-нуклеусов Большого Якоря I. Крайне интересно, что во 2Б к.г. ребра граней на латералиях нуклеусов из бифасов залощены. Весьма вероятно, что они были доставлены на стоянку уже в готовом виде. Трассологический осмотр, проведенный Ж. Жакье на микроскопе OLYMPUS BX 51, показал, что один из бифасов, сохранившийся полнее всего, имел изношенное лезвие на выпуклом продольном краю (рис. 147.1, *стадия 2*). На этапе модификации бифаса в нуклеус кривизна края была увеличена ретушью, и в результате часть первоначального лезвия удалена. Как минимум у четырех нуклеусов конечное оформление кия и гребня произошло здесь, на стоянке (рис. 119.1, 146.1, 147.2,5). На всех нуклеусах 2Б к.г. ударная площадка оформлялась поперечными сколами с левой латерали. В 6 к.г. в двух случаях с левой и в двух – с правой латерали» (Тетенькин А.В., 2017а, с. 118).

«Аппликационные сборки демонстрируют от двух до трех циклов подготовки нуклеуса – отжима микропластин (рис. 119.1, 146.1,2, 147.1). Подживление нуклеусов велось приемами снятия фронтальных сколов и переоформления ударной площадки поперечными (главным образом) и фронтальными сколами (рис. 119.6,*а*) с целью придания кромке ударной площадки и проксимальной части фронта оптимальной геометрии.

Аналогичную технику демонстрирует аппликационная сборка нуклеуса из верхнего уровня 2 к.г. Коврижки III, возраст 10,7–10,4 т.л.н. (рис. 170.1). Скол, оформивший ударную площадку, был нанесен с латерали. Судя по разнице длин его и нуклеуса, в ходе производства микропластин снято около 40-45% длины и объема. Причем, как минимум один раз фронт на участке негатива с заломом был подживлен снятием фронтального скола, и затем отжим пластинок продолжен.

Далее, мы видим во 2Б к.г. приемы продления срока эксплуатации микронуклеуса оформлением второй ударной площадки на дистальном конце (рис. 146.2) и переносом второго фронта на противоположный торец (рис. 147.4, 148.3,5). Важно, что эти варианты, наблюдаемые ранее нами в других комплексах (Коврижка II, к.г. 3, Коврижка, шурф-пикет 6), здесь встречены вместе в инситу и наиболее древнем контексте.

Отжим микропластин в челночной манере от одного края к другому демонстрирует еще одна сборка из 2Б к.г. (рис. 147.2). В ней из 20 микропластин, найденных в отдельном скоплении, 11 подобрано к нуклеусу. Линейные параметры длин микропластин варьируют в 6 и 2Б к.г. от 4,3 до 2,3 см. В апплицированной сборке нуклеуса из 2Б к.г. – от 2,3 до 3,4 см» (Тетенькин А.В., 2017а, с. 121).

«Нуклеусы 6 и 2Б к.г. Коврижки IV, 3 и 2 к.г. Коврижки III, 1-3 к.г. Коврижки II, Авдеихи обнаруживают сходство между собой, в той же мере являющееся и отличием от микроиндустрии Большого Якоря: это не нуклеусы юбецу. Хотя прием продольного скола был известен, ударные площадки оформлялись короткими сколами с латерали и фронта, а не лыжевидными сколами. Все имеющиеся данные говорят о ремонте и подживлении именно нуклеуса, а не бифаса как орудия и потенциальной преформы для микронуклеуса. Индустрии 6 и 2Б к.г. Коврижки IV являются самыми древними из поздневерхнепалеолитических асамбляжей Нижнего Витима, содержащих неюбецоидные клиновидные нуклеусы. Их возраст, более древний, чем возраст культурных горизонтов Большого Якоря I,

показывает, что техника торцового микронуклеуса с подрабатываемой площадкой не является стадийной сменой техники юбецу, а синхронна ей на протяжении длительного периода, приблизительно, от 15,7 до 6 тысяч некалиброванных радиоуглеродных лет. Индустриальный комплекс 2Б к.г. сочетает обе эти техники с преобладанием неюбецоидной, «коврижкинской» (Тетенькин А.В., 2017а, с. 121–122).

«По данным ремонтажа и по остаточным формам можно представить в основных чертах «коврижкинский» метод производства микронуклеуса: 1) использование в качестве преформы овального уплощенного бифаса, тесловидного плоско-выпуклого бифаса/унифаса и отщепа; 2) выбор под ударную площадку узкого конца и оформление ее латеральными-поперечными сколами, дооформление фронтальными короткими, в этой же манере и подживление; 3) как приемы продления срока службы нуклеуса – перенос фронта на противоположный торец и ударной площадки на дистальный конец. Эта техника, для обозначения которой мы ввели термин «коврижкинская техника микронуклеуса», принципиально отличается от техники юбецу, широко распространенной в Северо-Восточной Азии и выделенной впервые в Японии, (Nakazawa Y. et al., 2005, p. 280–282), широко представленной на более позднем памятнике Большой Якорь I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010)» (Тетенькин А.В., 2017в, с. 23–24).

«Принципиально важна находка во 2Б к.г. апплицированных друг к другу реберчатого и лыжевидного сколов с бифаса, снятых в технике юбецу (рис. 148.6). Важно, что они несут следы орудийной работы бифаса. Следует также отметить, что один лыжевидный скол был найден ранее в 4 к.г., и один – в 5 к.г. Коврижки IV (рис. 126.6,19). Возраст их определен в вилке дат 6 и 3Б к.г., т.е. 19,01–18,81 тыс. л.н. Найденные во 2Б, 4 и 5 к.г. Коврижки IV продукты юбецу указывают на то, что эта техника была известна древним обитателям в означенных эпизодах поселения» (Тетенькин А.В., 2017а, с. 121).

Самый ранний датированный, подобный коврижским клиновидный нуклеус был найден В.В. Краснощековым на стоянке Бамовская на Севере Верхней Лены, с радиоуглеродной датой около 18 тыс. л.н. (Краснощев В.В., 2009).

«Клиновидные нуклеусы стоянки Вешний Ручей (Задонин О.В., Дзюбас С.А., Луньков А.В., 2000. с. 101–105; Задонин О.В., Дзюбас С.А., 2003) представляют собой морфологически выработанные остаточные формы (рис. 29.1,13-18), их комплекс по морфо-типологическим и геостратиграфическим характеристикам представляется более поздним (12–10 тыс. л.н.). В ассамбляже нижнего слоя Чайки II (возраст около 17,84 тыс. л.н.) найдены и апплицированы терминальные нуклеусы как в самой начальной стадии подготовки и производства (рис. 21.2, 24.6,9), так и в конечной стадии в виде фронтального скола клиновидного нуклеуса (рис. 24.7) ... Два аппликационных блока клиновидных нуклеусов наглядно позволяют представить способ подготовки преформы. Используя галечный материал, древний мастер начинал с оформления дистального ребра – кия будущего нуклеуса. Его обработка имела вид или характер плоскостного расщепления: на одном фесе оформлялась короткими, широкими сколами площадка, и с ее ребра уже по другому фасу производились удлиненные снятия. Формально, это напоминает плоскофронтальный нуклеус, но, на самом деле, речь идет о декорткации в таком виде. Затем мастер поперечным ударом сносил комлеобразный дистальный конец, формируя ударную площадку будущего клиновидного нуклеуса.

Этот прием описан Г.Д. Павленок, изучавшей клиновидные нуклеусы селенгинской культуры юго-западного Забайкалья, Усть-Кяхты 3, 17 в частности (рис. 27.1) (Павленок Г.Д., 2015, рис. 3; Ташак В.И., 2005). С ее точки зрения переоформлялись именно плоскофронтальные нуклеусы. Судя по материалам Чайки II таким способом производилось оформление дистального ребра и латералей (декорткация). Тот же прием сначала оформления кия, а затем площадки встречен во 2Б к.г. стоянки Коврижка IV

на Нижнем Витиме (Тетенькин А.В., 2017, рис. 6-1,2,3; рис. 10) (рис. 148.1,2). Тщательная отделка дистального ребра придавала преформе тесловидный облик. Эти местонахождения – Чайка II, Коврижка IV и Усть-Кяхта 3, 17 с датами в диапазоне 19,01–13,0 тыс. календ. л.н. показывают широкое распространение в позднем сартане в Байкальской Сибири данного приема подготовки нуклеуса» (Инешин Е.М., и др., 2019, с. 40–41).

На Верхнем Витиме клиновидные нуклеусы неюбецоидного способа подготовки, формально близкие коврижским, известны в 8, 7, и далее в раннем голоцене – в 4 к.г. Усть-Каренги I-XVI (рис. 57.23, 58.1, 59.2,4). На Северном Байкале технологически подобный нуклеус есть в III к.г. Курлы IV раннеголоценового возраста (рис. 47.2).

«Обращение к опубликованным коллекциям дюктайской культуры (Мочанов Ю.А., 1977, 2007) приводит к выводу, что и они в аспекте техники клиновидного нуклеуса неоднородны. Восприятие финального этапа дюктайской культуры целиком как культуры с технологией юбецу ошибочно (Gomez Coutouly Y., 2011). Опубликованные нуклеусы с признаками техники юбецу в коллекциях финальнопалеолитических комплексов Алдана составляют, примерно, третью часть, среди отнесенных к дюктайской культуре клиновидных нуклеусов Олёкмы их меньше четверти, а среди нуклеусов 5 и 6 к.г. пещеры Хайыргас на Средней Лене их нет вовсе (Мочанов Ю.А., 1977; Алексеев А.А., 1987; Степанов А.С. и др., 2003).

Памятники финала плейстоцена – раннего голоцена Южного Забайкалья (Константинов М.В., 1994; Ташак В.И., 2005; Мороз П.В., 2014), Качугского района Верхней Лены (Аксенов М.П., 2009), Южного Приангарья (Мезолит ..., 1971, 1980; Лынша В.А., 1978; Лежненко И.Л., 1974), Енисея (Акимова Е.В., Новосельцева В.М., Стасюк И.В., 2021) дают множество аналогий остаточным клиновидным нуклеусам Авдеихи, Коврижек II, III, IV, что побуждает рассматривать эту неюбецоидную форму торцового микропластинчатого нуклеуса, как вполне ординарную или массовую для юга Енисея, Байкальской Сибири, на юге Забайкалья осмысленную в

терминах селенгинской и студеновской технической традиции (Константинов М.В., 1994; Ташак В.И., 2005)» (Тетенькин А.В., 2017а, с. 125–126).

Вторая техника подготовки и эксплуатации микронуклеуса, техника юбецу, изучена более всего на стоянке Большой Якорь I, однако встречена также, помимо вышеупомянутой Коврижки IV на Курле I-III (Северный Байкал) и Усть-Каренге I-XVI (Верхний Витим). По данным изучения Большого Якоря I она характерна как «техника изготовления бифаса, многофункционального использования его как орудия, редуцирования снятием краевого и лыжевидных продольных сколов с целью модификации орудия и подготовки ударной площадки для использования остаточной формы как клиновидного нуклеуса» (Тетенькин А.В., 2018, с. 184). В основе идеи изготовления нуклеуса эта технологическая линия относится к технике юбецу, известной не только в Японии, но и в регионах Средней и Восточной Сибири: в Прибайкалье, Забайкалье Японии (Morlan R., 1967, p. 98; Васильевский, Лавров, Чан Су Бу, 1982, с. 50–52; Nakazawa Y. et al., 2005, p. 280–282; Аксенов М.П., 1980, рис. 13–2, 3, 18–1-5; Медведев Г.И. и др., 2001, рис. 50–9; Лежненко И.Л., 1991, рис. 7 – 3, 4, 5; Ташак В.И., 2000, с. 174, рис. 4. 1–4; Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон, 1998, Рис. VI–А.1.1, А.1.2, VIII–А.3.1, А.3.2, IX–А.3.4, XI–Б.2, XIII–Г.10; Gómez Coutouly Y.A., 2011, p. 83; Gómez Coutouly Y.A., Ponkratova I.Y., 2016, p. 313). На Большом Якоря I она описана как бифасиально–микропластинчатая стратегия расщепления (рис. 102.6, 103, 104) (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 217–218).

Исходные бифасы были, чаще всего, асимметричной формы с выпуклым продольным краем-лезвием и противоположащим спрямленным краем-обушком. В некоторых случаях бифасиальной обработкой оформлялось только лезвие (т.е. часть периметра) изделия. Система редуки бифаса включала в себя продольный раскрой снятием краевого и лыжевидного сколов и нуклеарное – микропластинчатое терминальное расщепление с подготовленной таким образом ударной площадки.

«Аппликационные блоки и трассологический анализ, проведенный Н.А. Кононенко, показывают, что утилизация краев-кромки бифаса осуществлялась на всех стадиях его редукции. Встречены случаи: а) использование ребра исходного (внешнего) периметра бифаса в качестве лезвия ножа или скребла, б) после предварительной подготовки утилизация в роли скребла ребра между редуцированным фасом и поверхностью-негативом, полученной от снятия лыжевидного скола; в) амортизация терминальной кромки рассеченного бифаса и снятого скола в функции скребла, резца, скобеля (рис. 102.6, 103, 104). Судя по полученным данным, каждая новая операция редуцирования бифаса определялась не стержневой идеей производства нуклеуса-заготовки, а текущими потребностями, возникающими в процессе деятельности: подживлением лезвия, переоформлением орудия. В нуклеарную стадию расщепление бифаса могло быть переведено, по-видимому, при возникновении соответствующей потребности. В ряде случаев сборки не демонстрируют наступление этой стадии. С другой стороны, своеобразным явлением стал факт терминального микропластинчатого расщепления лыжевидных сколов в 7 культурном горизонте при том, что сам редуцированный остаток преформы нуклеарному расщеплению не подвергался (рис.104.5)» (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 217).

«Материалы Большого Якоря I в представленном объеме впервые дали возможность проследить многочисленные варианты модификации общего принципа расщепления. Это и 1) фасиальное дооформление латералей нуклеуса после снятия последнего лыжевидного скола (рис. 104.1), 2) дооформление латералей в ходе нуклеарного расщепления (рис. 104.3), 3) микропластинчатое расщепление с обоих терминальных концов бифаса-нуклеуса после снятия лыжевидного скола (рис. 104.2), 4) снятие лыжевидных и краевого сколов с противоположных концов бифаса (рис. 104.4), 5) нуклеарное расщепление лыжевидных сколов (рис. 104.5), 6) переоформление последних в трансверсальные резцы (рис. 104.7А), 7)

подправка полученной ударной площадки серией фронтальных коротких подживляющих сколов (рис. 104.7В), 8) использование технологии для получения нуклевидного орудия с рабочей торцевой кромкой (рис. 104.6), 9) фасиальное оформление лезвий на краю продольного рассечения бифаса (рис. 103), 10) использование обломка бифаса в качестве резца и получение резцового скола (рис. 104.8), 11) оформление скребка и трансверсального резца из отщепа утоньшения бифаса-орудия (рис. 104.9,10)» (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 218).

Осмысляя реконструируемую реальность расщепления, Е.М. Инешин и А.В. Тетенькин ввели понятие «принцип адаптивной вариабельности» (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2000, 2010, с. 217) как «потенциал решений деятельностных задач, планируемый в бифасе и арсенале используемых технических приемов, и реализуемый в системе расщепления в зависимости от потребности момента. По сути, можно вести речь о глубине планирования, заложенной в технической идее бифаса» (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 217). «Использование деятельностных схем в анализе аппликационных блоков позволило описать размерность (динамику) процессов деятельности. Например, выделено было до 15 актов изготовления-редуцирования (пассивного функционирования) и орудийной эксплуатации бифаса (активное функционирование). Число этих актов деятельности является выражением интенсивности деятельностной нагрузки, полифункциональности, ценности артефакта в системе технических и хозяйственных стратегий, контролируемой цикличности процессов деятельности» (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 217–218).

«Сравнивая в целом коврижский способ подготовки клиновидных нуклеусов с юбецу 9-3А к.г. Большого Якоря I, следует сделать ряд замечаний. Если производство микронуклеусов на Большом Якоря I являлось частью технологии многофункционального использования и многократного переоформления бифаса, то производство нуклеуса на Коврижках IV (6, 2Б к.г.), II, III (3, 2 к.г.), напротив, было самостоятельным и целевым.

Технология микронуклеуса в означенных комплексах Коврижек II-IV более вариабельна в приемах продления службы нуклеуса. Это различные способы подживления фронта и ударной площадки, ротация фронта скалывания, и перенос ударной площадки на противоположный конец нуклеуса. На уровне 11,3–11,0 тыс. л. н. (2-3 к.г. Коврижки III) как технический вариант индустрии производства микропластин мы фиксируем формы призматического нуклеуса, и его пирамидальную, трехреберную заготовку.

Наиболее полные аппликативные сборки из 7 и 3В к.г. Большого Якоря I показывают, что остаточный фрагмент, использованный как нуклеус, занимает менее или около 50% от изначальной формы бифаса (рис. 103.1) (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.13, 6.14). Сам по себе это может быть показатель незначительного расходования камня, если не учитывать орудийные эпизоды в деятельностной судьбе изделия. Напротив, технология целевого изготовления именно нуклеуса в отношении литоресурса более экономна. А в аспекте выбора артефакта для преформы она оказалась и более гибкой: есть нуклеусы из бифасов и из отщепов. Микронуклеусы из отщепов подвергались, по сути, незначительной подготовке кия (зачастую только его одного) и гребня контрфронта, повторяя логику разовых орудий быстрого изготовления из сколов краевой обработкой (так называемые, *expedient tools*, (Prentiss W.C., Kuijt I., 2004, p. 52–53)). Это своего рода «фаст-тул» каменного века» (Тетенькин А.В., 2017а, с. 122).

Первые признаки техники юбецу в Северном Прибайкалье относятся к 5, 4, 2Б культурным горизонтам Коврижки IV и датируются возрастом около 18,8–18,5 тыс. л.н. Возраст около 16,67 и 15,82 тыс л.н. имеют 3-й и 2-й объединенные донеолитические горизонты Курлы I–III на Северном Байкале, содержащие эту технику. Вероятно, хронологически близок им 1-й о. д. к.г. Курлы I–III, морфо-типологически аналогичный 2-му к.г. Возраст около 15,39–15,04 тыс. л.н. имеет содержащий в своем составе юбецу 8 культурный горизонт Усть-Каренги I-XVI (Верхний Витим), 7 к.г. датируется в пределах 14,06–12,58 тыс. л.н. Самые поздние проявления техники юбецу относятся

уже к раннему голоцену. Это 1 к.г. Инвалидного III – пункта 1 (Нижний Витим) возрастом около 10,35–7,0 тыс. л.н., 4 к.г. Усть-Каренги I-XVI – 7,73–6,96 тыс. л.н. Во всех перечисленных случаях обозначены только главные признаки юбецу: бифас как преформа, продольное рассечение скалыванием реберчатого и лыжевидных сколов, оформление таким образом ударной площадки микронуклеуса. Всего набора признаков, выявленного на Большом Ягоре I, в вышеназванных памятниках нет. Вероятно, лимитирующую роль могли играть параметры поделочного камня, в силу малых размеров, делающие невозможным многоцелевое использование бифаса. В общем случае можно говорить о юбецоидном характере оформления нуклеуса и его площадки. В 3-м о. д. к.г. Курлы I–III найдено более 80 юбецоидных микронуклеусов, специфически миниатюрных и стандартизированных. Эти микронуклеусы имеют форму близкую к клиновидной, но «клин» или «киль» выражен условно и образует с гребнем единую кривую линию (Шмыгун П.Е., 1978; 1981, с. 126). Высота фронта не превышает 3 см, ширина фронта – до 8 мм. Угол между фронтом и площадкой около 90°. Судя по апплицированным лыжевидным сколам, угол скалывания, изначально острый, имел тенденцию в процессе отжима к увеличению (рис. 38.5,6). Трасологические наблюдения П.Е. Шмыгуна и А.К. Филиппова выявили микроследы подшлифовки фронта ударной площадки микронуклеусов (Шмыгун, Филиппов, 1982, с. 21).

В соседних с Северным Прибайкальем регионах микронуклеусы, оформленные юбецоидным способом, представлены в Западном Прибайкалье на стоянках Красный Яр I (VI, III к.г.), Сосновый Бор (V, IV к.г.), Верхоленская Гора I (II-IIa к.г.), Усть-Белая (XVI к.г.), в интервале 24–13 тыс. л.н. (Золотарев Д.П., Шегутов И.С., 2020, с. 69–70), и в Якутии, на стоянках Верхнетроицкая, Усть-Миль II, Дюктайская пещера, Юбилейная (Мочанов Ю.А., 1977, 2007), примерно, этого же возрастного диапазона.

Помимо преформ для нуклеусов бифасы использовались как орудия, что, в общем, следует не только из данных трасологии аппликационных

блоков бифасов-юбецу, но и из самих бифасов, не связанных с клиновидными нуклеусами. Такие примеры больше всего дают те же Большой Якорь I и Курла I-III (рис. 37.2, 45.5,6, 102.1-5), но также и другие стоянки Усть-Каренга I-XVI на Верхнем Витиме (рис. 58.20,28,29), Авдеиха (рис. 93.9,14), Коврижка III (рис. 159.8, 169.33) на Нижнем Витиме. Как культурно-типологический показатель эти бифасы рассматривались как признак бифасиальных культур верхоленской, дюктайской (Белоусов В.М. и др., 1990, с. 64; Тетенькин А.В., 2016, с. 305; Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А., 2020, с. 34). В Забайкалье это культура Сухотино IV, или формируемая в последнее время В.И. Ташаком группировка хэнгэрэктэ-сухотино (Сухотинский геоархеологический комплекс..., 2016; Ташак В.И., 2020).

«Второй технологический контекст верхнепалеолитических стоянок Северного Прибайкалья составляют отщепы и сколы различной морфологии и изделия из них, полученные краевым ретушированием, либо ретушь имеет амортизационный характер. Морфологически невыразительные сами по себе они являются признаками-продуктами индустрии галечного расщепления, наиболее оптимальным продуктом которого является именно отщеп» (Тетенькин А.В., 2017в, с. 24). Нуклеусы, с которых получали отщепы, разнообразны. В основном исходным материалом была галька.

Ранние стадии инициации расщепления реконструированы на стоянке Чайка II (Инёшин А.В. и др., 2019). «В случае расщепления повдоль гальки (с узкого конца по вертикально ориентированной преформе) поперечным ударом сбивался узкий конец. Как правило, скол имел ныряющий характер, и ударная площадка оказывалась скошенной к фасу будущего контрфронта (рис. 20; 23, 24.8,9, 26.1,3). Затем с острого ребра повдоль гальки начиналось расщепление. В случае 1-2 негативов оно, очевидно, имело пробный и неудачный характер. В обратном, удачном случае активно развивалось, приводя нуклеус к истощенной, выработанной форме (рис. 20).

Повторная попытка эксплуатации, выразилась в поперечном раскалывании нуклеуса и начале скалывания с редуцированного остатка (рис. 23, 26.1). Дальнейшее развитие продольного расщепления нуклеуса в одном случае привело к остаточной форме двухплощадочного полюсного монофронта (рис. 26.3). В качестве пролонгации нуклеуса была попытка перенести скалывание на торец (рис. 24.8).

Реконструировано переоформление контрфронта во фронт-2 (рис. 20). Двумя ударами был скошен дистальный конец готовящегося фронта-2 (рис. 20.d), а затем ударами по периметру произведена декортикация – снятие галечной корки (рис. 20.e–h).

Поперечное расщепление продольно ориентированной гальки вело к получению коротких и широких, аморфных сколов (рис. 21.1, 25). Угол скалывания всегда острый. Ударная площадка в одном случае образована короткими широкими сколами (рис. 25). Нуклеарное расщепление могло быть перенесено на второй фас галечного нуклеуса – ударную площадку и контрфронт» (Инёшин А.В. и др., 2019, с. 38–39).

Сработанные формы нуклеусов имеют вид радиальных и веерных нуклеусов (Большой Якорь I, Коврижка III, Коврижка IV, Нирякан) (рис. 101.9, 155.1, 167.6, 168.2, 186.1), одноплощадочных нуклеусов параллельного принципа расщепления (Коврижка IV, II, Нирякан) (рис. 118.1, 155.3, 186.14), плоскофронтальных полюсных двухплощадочных нуклеусов параллельного принципа расщепления (Коврижка III) (рис. 168.3), подпризматических (Курла I–III, Коврижка III) (рис. 44.15, 167), торцовых (Нирякан) (рис. 186.9,12), битых в манере *pièce esquillée* (Коврижка IV) (рис. 153). Аналогии этим нуклеусам без труда обнаруживаются в коллекциях ассамбляжей Восточной Сибири, начиная со среднего палеолита: Бальшово III (Задонин О.В., 1992, рис. 3–10), Макарово IV (Аксенов М.П., 2009, рис. 9.4, 10.2, 12.1, 19.1, 20.1, 25.4), стоянка им. Арембовского (Стратиграфия, ... 1990, рис. 29.3).

Еще один неотщеповой технологический компонент на Нижнем Витиме представляют собой макропластины, изготовленные за пределами и принесенные на стоянки Мамакан VI, Коврижка IV, Коврижка III на Нижнем Витиме (рис. 90.8,9,20, 126.4, 167.4). На Мамакане VI пластина длиной более 8 см фрагментирована на две равные части. На Коврижке IV пластина из 3Б к.г. ретуширована и использовалась как нож. На Коврижке III – это две целые неретушированные пластины. Культурно-типологически они экзотичны для Нижнего и Верхнего Витима и по формальному признаку связываются нами с толбагинской забайкальской технической традицией производства макропластин (Константинов М.В., 1994, с. 136–141; Ташак В.И., 2016, с. 168–169), в следующей главе рассматриваются как признак культурного влияния из Забайкалья на Нижний Витим.

Одним из самых распространенных палеолитических орудий являются скребла. Они характерны, практически, для всех стоянок MIS 2 Северного Прибайкалья. В большинстве случаев это унифасиальные орудия с ретушью, наносимой по краю скола-отщеп. В ряде случаев встречается бифасиальная подправка лезвия (рис. 45.2, 105.1,2,5). На орудиях Коврижки IV и Большого Якоря I наблюдается бифасиальная подтеска узкого конца изделия (рис. 101.8, 118.3,4, 129.23). Встречаются также тщательно отретушированные по всему периметру унифасы (Курла I-III, 1 о.д.к.г., Коврижка IV, 3Б, 6 к.г., Большой Якорь I, 6 к.г.) (рис. 45.1, 105.2,4, 118.3, 126.3, 129.23). Трасологическими исследованиями ряд таких орудий, формально скребел с Коврижки IV определен как ножи (рис. 118.4, 126.3, 4, 154.10).

Следующей морфологически выработанной и повсеместной формой орудия являются скребки. Это, как правило, орудия из отщепов коротких и удлиненных пропорций с лезвием концевым, боковым или параболическим. Обломанные пяточные части скребков из 6 к.г. Коврижки IV свидетельствуют о работе скребками в рукоятях (рис. 117.11,12,14). Встречены, например, на Коврижке III, 2 к.г. скребки с плечиками и черешком (рис. 167.5, 169.19,25).

Еще одной распространенной категорией орудий являются резцы. Резец наиболее раннего на Нижнем Витиме комплекса, стоянки Мамакан VI, срединный многофасеточный (рис. 90.4). Один продольный край оформлен тщательной притупляющей скребковой ретушью. Край резца у рабочей головки заведен ретушью к оси предмета таким образом, что артефакт имеет форму срединного резца. Он не имеет аналогов в регионе и напоминает аналогичные резцы стоянки Суворово III в Приморье (Васильевский Р.С., Гладышев С.А., 1990, с. 105; Охотники-собиратели бассейна Японского моря..., 2005, с. 12; Крупянко А.А., Табарев А.В., 2011, с. 115). В совокупности с признаками ранней стадии развития техники микропластинчатого производства такая аналогия может быть аргументом в пользу архаичности и раннего возраста стоянки Мамакан VI.

Устойчивой является форма трансверсального резца. Она господствует на Нижнем Витиме в ассамбляжах Большого Якоря I (рис. 101.1-5), Авдеихи (рис. 93.5), Нирыкан (р.Мама) (рис. 186.3), в несколько видоизмененном виде на Коврижке III, 2 к.г. (рис. 169.21-24), на Верхнем Витиме в 8, 7 культурных горизонтах Усть-Каренги I-XVI (рис. 57.20, 21, 58.13-17,21, 60.1-25), на Северном Байкале на Курле I-III, 1-2 о.д.к.г. (рис.41.6-10, 43.4-8, 44.7-9). На Севере Верхней Лены на стоянке Бамовская есть трансверсальный резец, датированный наиболее ранним возрастом 22,21 тыс. л.н. В Восточной Сибири, в целом, это устойчивый тип, характерный преимущественно для времени конца MIS 2 – сартанской эпохи. Аналоги есть в Западном Прибайкалье (Верхоленская Гора, Усть-Белая), Восточном Прибайкалье (Красная Горка, Усть-Кяхта-17), Якутии (Верхнетроицкая, Усть-Миль II, Юбилейная, Сумнагин II) (Стратиграфия ..., 1990, рис. 35.9-11, рис. 37. 5-6; Медведев Г.И. и др., 2001, рис. 50.4-6; рис. 54.12-15; рис. 55.1-3, 5; рис. 59.5-10; Ташак В.И., 2005, рис. 25.1-8, рис. 33.7; Мочанов Ю.А., 2007, Табл. 52.2-5, 53.2).

Затем следует массив разнообразных угловых резцов из отщепов случайных форм (например: 93.6-7, 126.17, 169.27, 176.9,11). Иногда это резцы с рабочей точкой, образующей угол дивергентного расхождения

резцовых сколов (рис. 126.10, 160.1). Разновидностью такого резца являются изделия из кварца, найденные на Нижнем Витиме на Коврижке III, IV и Авдеихе (рис. 94.1, 117.2,3, 154.2, 169.30, 172.5).

Еще одним типом орудий являются долотовидные орудия типа *pièce esquillée*. Выразительная серия этих орудий есть на Коврижке IV в 2Б, 2Г, 6 к.г. (рис. 150.1-7, 136.6,7,14, 117.5,7,8,13, 154.3,4). Встречены они на стоянке Чайка II (рис. 24.1,2). Новосибирскими археологами Колобовой К.А., Харевицем В.М. и соавторами проделано убедительное экспериментально-трасологическое исследование долотовидных орудий типа *pièce esquillée*, результатом которого стала интерпретация подобных изделий как клиньев для расщепления кости, рога, конечная форма которых возникает в результате амортизации орудия – шелушения, выкрашивания кромок под ударами (Kolobova K.A., Kharevich V.M., Kharevich A.V., et al., 2021).

Обязательным компонентом орудийного комплекса стоянок Северного Прибайкалья являются отщепы и сколы с краевой ретушью, морфологически менее выразительные, чем скребла и скребки, именно в силу незначительной переработки ретушью скола, нерегулярного характера ретуши, короткого лезвия, или амортизационной природы ретуши. Такие орудия есть, практически, в каждом памятнике (рис. 15.5, 18.9, 29.6, 90.19, 150.16, 186.4,7).

Следует добавить также, что массивированные трасологические исследования способны значительно скорректировать представления об орудийном комплексе среднего-позднего верхнего палеолита Северного Прибайкалья. Предпринятые такие трасологические исследования на Курле I-III на Северном Байкале и на Коврижке IV на Нижнем Витиме показали использование больших серий сколов, отщепов без специальной обработки как резчиков и скобелей по кости и рогу, мясных ножей, скребков по шкурам (рис. 40, 136) (Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1982, с. 21; Тетенькин А.В. и др., 2020, с. 271–285).

Представления об орудиях из кости и рога значительно ограничены малым фондом, происходящим, практически, только из двух местонахождений: Курла I-III на Северном Байкале и Большой Якорь I на Нижнем Витиме. Тем не менее, в обоих пунктах присутствуют не только вкладышевые костяные обоймы-наконечники (рис. 37.17, 86.2, 101.13), но и наконечники с затупленным концом (рис. 46.1, 101.12), гарпуны (рис. 46.3,4, 101.10), иглы (рис. 39.1, 101.11), колотушки (рис. 39.5, 43.11, 46.6).

На Курле I-III в 3 и 1 о.д.к.г. были найдены уникальные изделия из кости и рога с линейными мотивами тонкой гравировки (рис. 39.2-4, 46.1). Помимо них к сфере искусства относятся антропоморфная фигура из пластины из бивня мамонта из 6 к.г. Коврижки IV (рис. 120.1,2,4,6), обломок заготовки подвески из графитита из 4 к.г. Коврижки IV (рис. 126.9) (см. Приложение 1).

Сюжет с бивневой фигурой, «статуэткой» является одним из самых интересных. Во-первых, примечателен контекст ее залегания в слое. находка лежала «головкой» на восток, обнаружена на правой (домашне-хозяйственной, женской?) половине жилища. Недалеко от нее раскопан нож, переломленный на три части. Все три фрагмента ножа лежали рядом, что, скорее всего, указывает на одномоментность обоих переломов. Их поперечная кинематика слома перегибом несовместима с орудийной функцией этого ножа. Иными словами, мы допускаем, что орудие было сломано намеренно. Возможно также, что с причиной этой «порчи» связано попадание бивневой поделки на слой. Эту фигурку можно охарактеризовать как антропоморфную, с подогнутыми вправо в коленях ногами. Стерженек, вероятно, являлся насадом. Дуга на головке и уголок на туловище выступают главными аргументами в пользу трактовки поделки как антропоморфной статуэтки. Допустимо представление уголка как «венериного треугольника». Поперечные борозды в районе плеч вызывают ассоциации с подобными прочерченными деталями, трактуемыми как перевязь поверх груди на женских статуэтках из стоянок восточного граветта Русской равнины

Костенки 1, Межиричи, Авдеево, Елисеевичи, Хотылево 2 (Абрамова З.А., 1966, табл. I, 1, 4; Abramova Z.A., 1995, fig. 11, 2; 21, 3; 42, 1; 43, 3; 59, 1; 73, 2; 74, 4; Гаврилов К.Н., 2012, с. 10). В Байкальской Сибири палеолитические антропоморфные, женские статуэтки открыты на стоянках Мальта, Буреть и Красный Яр (Абрамова З.А., 1966, табл. VII, VIII, 1–7, 11; Abramova Z.A., 1995, fig. 101, 6; 102–105, 115, 1–3, 5, 6; Липнина Е.А., 2008). «Найденная на Коврижке IV фигурка стилистически отличается от «Венер» Мальты и Бурети. Она почти не имеет объема, изготовлена из тонкой бивневой пластины. В этом отношении поделка ближе к антропоморфным скульптурам позднего неолита и бронзового века Прибайкалья (Студзицкая С.В., 1987, с. 346–349). Степень ее сохранности позволяет лишь указать на имеющиеся артефактные, антропоморфные и женские признаки. По контуру в сохранившемся виде можно судить о пропорциях и позе тела весьма условно» (Тетенькин А.В., Анри О., Клементьев А.М., 2017, с. 53). «Большая степень условности или абстрактности фигур является общим основанием и для сопоставления с таковыми же антропоморфными статуэтками позднепалеолитических стоянок Лиственка, слой 19, на Енисее, и Шестаково, слой 6, на р. Кия (Западная Сибирь) (Палеолит Енисея ..., 2005, рис. XXXI; Деревянко А.П. и др., 2000, рис. 4, 23)» (Тетенькин А.В. и др., 2018, с. 11). Найденная антропоморфная фигура из 6 культурного горизонта Коврижки IV является единственной в палеолите Северного Прибайкалья и в целом древнейшим предметом искусства в регионе (19,0 тыс. л.н.)

Помимо сферы искусства к знаково-символической сфере деятельности относится феномен активного использования охры в 6, 2Г и 2Б культурных горизонтах Коврижки IV около 19–18 тыс. л.н. (Тетенькин А.В. и др., 2020) и практика активного использования кусочков и артефактов из графита (Большой Якорь I, Коврижка III), около 14,5–12,2 тыс. л.н. Отдельные данные о присутствии охры в материалах стоянок поступили также с Курлы I–III, 1 о.д.к.г. и Большого Якоря I, 4А к.г. (Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А., 2020, рис. 13.3; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.68).

Отдельным культурным феноменом и экзотом на фоне всего Северного Прибайкалья выступает усть-каренгская керамика, происходящего из 7 культурного горизонта Усть-Каренги XVI на Верхнем Витиме (рис. 61–64). Ее технический декор – шнуровой отпечаток, а основной декоративный орнамент – мотив шагающей зигзагом гребенки (Ветров В.М., 2011. с. 174–175). В последнее время она рассматривается в рамках забайкальско-громатухинского ареала древнейшей керамики, начального неолита (Shoda Sh. et al., 2020, p. 8). Если керамика исключительна и экзотична, то облик каменной индустрии Усть-Каренги, напротив, вполне типичен для круга финальнопалеолитических памятников Восточной Сибири и Северного Прибайкалья.

Подводя итог морфо-типологическому описанию артефактов сфер производства орудий из камня, кости, рога и керамики, а также предметов сферы искусства и знаково-символической деятельности верхнепалеолитических памятников Северного Прибайкалья следует сделать ряд выводов.

1) Своеобразие развития материальной культуры отмечается на ранней стадии, начала MIS 2. Оно выражено в существовании на Севере Верхней Лены мелкопластинчатого алексеевского технокомплекса, наложившего отпечаток на каменную индустрию всех последующих стоянок MIS 2 этого района и не получившего распространения на Витим и в Якутию. На Нижнем Витиме появление стоянки Мамакан VI, типологически противостоящей Алексеевску, свидетельствует о миграции носителей технологии ранних микронуклеусов не из Западного, а из Восточного Прибайкалья.

2) Несмотря на это обстоятельство во второй половине – финале MIS 2 формируются стоянки с каменной индустрией сходной по большинству параметров, включая такой ключевой признак как техники подготовки клиновидных нуклеусов для отжима микропластин. Основные формы орудий без труда находят аналогии в опорных памятниках позднего

верхнего палеолита Северо-Восточной Азии, в соседних регионах – в памятниках верхоленской культуры Западного Прибайкалья, дюктайской культуры Якутии, студеновской и селенгинской культурах Восточного Прибайкалья и Забайкалья. С нашей точки зрения это означает существование в этом субконтиненте сложившегося культурного комплекса позднего верхнего палеолита, в рамках которого, или на фоне которого территориально-хронологические комплексы Северного Прибайкалья имеет смысл рассматривать как местные варианты. Каменная индустрия Большого Якоря, Курлы и Усть-Каренги, с одной стороны, типологически близка к верхоленской культуре Юго-Западного Прибайкалья, с другой стороны, в части бифасиального производства близка к дюктайской культуре Якутии и к индустрии Сухотино IV в Забайкалье. В этом смысле проницаемые для внешнего культурного влияния районы Северного Прибайкалья были связаны и друг с другом. Установленный эпизод доставки на Коврижку III вулканической пемзы с Удоканского вулканического поля, отстоящего более, чем на 500 км, указывает на способность населения к протяженной коммуникации.

3) Отдельным феноменом является появление с юго-востока около 14–12,5 тыс. л.н. керамики на Верхнем Витиме, экстремально раннее по отношению к соседним районам Северного Прибайкалья. Вопросы взаимоотношения носителей этой культурной традиции с соседями и нераспространения керамики еще не решены.

Вопросы реконструкции культурных процессов, группирующих материальную культуру территориально-хронологические культурные комплексы, рассмотрены в Главе 5.

Глава 4. Археологические комплексы раннего голоцена (финальный палеолит – мезолит) Северного Прибайкалья.

4.1. Археологические комплексы севера Верхней Лены.

4.1.1. Любавская I

Стоянка Любавская I открыта О.В. Задониным в 1985 г. Она расположена на юго-западной окраине Криволицкой излучины, на правом приустьевом мысу р. Любавской – левого притока р. Лены (рис. 1, 2, 7, 30) (Приложение 1). Артефакты выявлены в подошве покровных отложений первой надпойменной террасы, имеющей относительные отметки 8–9 м от уреза реки (рис. 30). Культуросодержащий горизонт приурочен к одной из опесчаненных прослоек в отложениях лессовидного высококарбонатного суглинка на глубине 1,80–2,00 м (рис. 31). Подстилающими отложениями являются пески аллювиальной пойменной фации. По кости из I культурного горизонта получена дата 9800 ± 250 (ГИН-7064а), календарный возраст – около 11262 л.н.

«Общая площадь раскопа 67 кв. м. Обнаружен частично уничтоженный в результате подмыва р. Леной бровки террасы очаг (рис. 32). Он представляет собой маломощное зольное пятно, насыщенное фрагментами древесного угля и жженой костью. В северо-западной части кострища в положении «плашмя» лежала окатанная плита песчаника размерами 13×18 см. В метре к востоку от кострища зафиксирован череп бизона (*Bison sp.*) (определение А.А. Хамзиной) с отчлененным левым рогом и раздробленной носовой частью. Отсеченные фрагменты верхней челюсти в свою очередь зафиксированы к западу от очага на расстоянии 0,5 м. Правая ветвь нижней челюсти найдена в 3 м к северу от кострища. У западной границы кострища обнаружен первый шейный позвонок. По площади раскопа, тяготея к зоне кострища, рассеяны мелкие фрагменты раздробленных трубчатых костей.

Каменный инвентарь представлен 63 микропластинами и их сегментами, 5 из которых обнаружены в кострище, маргинально ретушированной микропластиной (рис. 34.16), резцом на пластине (рис.

34.2), изделием с оформленными ретушью выемками и шипами (рис. 34.3), скребком на отщепе (рис. 34.1). Всего – 67 ед. Микропластины и орудия выполнены на разном субстрате: первые на микрокварците, вторые – на светло-коричневой яшмовидной породе.... Костяной инвентарь представлен острием из грифельной кости (рис. 34.21) и фрагментом трубчатой кости с оструганной и зашлифованной латералью» (Задонин О.В. и др., 2014, с. 29–31).

«Вопрос о хронологической позиции комплекса артефактов Любавской имеет противоречие: с одной стороны, остатки бизона как представителя плейстоценовой фауны, а с другой стороны, голоценовый возраст радиоуглеродной даты и согласующаяся с ней низкая гипсометрическая отметка, явно призматический, не торцово-клиновидный характер микропластинчатого расщепления. Если опираться на радиоуглеродные и технико-типологические аргументы, то эта ситуация, на наш взгляд, может быть объяснима сохранением соответствующих безлесных перигляциальных стадий и бизонов еще и в раннем голоцене в северных районах Верхней Лены. С точки зрения археологии, возраст стоянки Любавская должен быть определен как мезолит» (Задонин О.В. и др., 2014, с. 35).

4.2. Археологические комплексы Северного Байкала.

4.2.1. Курла IV, 3 культурный горизонт

Археологические остатки зафиксированы в борту склона, в отложениях, уступом обрывающихся к современному пляжу и урезу, имеющих высоту от 15 до 4 метров от современного уреза оз. Байкал (рис. 36. 1). 3-й культурный горизонт выявлен в слое светло-коричневого суглинка мощностью 0,05 м на глубине 1,1–1,4 м. Вскрыто четыре кострища. У трех кострищ зольники развееаны. Одно кострище имело размеры 1,37×0,50 м, мощность 2–9 см (Абдулов Т.А., 1989, с. 58). Коллекция каменных артефактов составляет 508 единиц. Фрагменты костей – 282 ед. А.А. Хамзиной (ИЗК СО АН СССР) даны фаунистические определения косули и благородного оленя.

В группу изделий входят три клиновидных нуклеуса (рис. 47.1,2), 11 целых и 28 фрагментов пластин (рис. 47.5,6), 8 целых и 24 фрагментов микропластин (рис. 47.3,4), 13 скребков (рис. 47.7–10), один скребок комбинирован с резцом, 6 резцов (рис. 47.14–17), в т.ч. 5 трансверсальных и 1 угловой, три проксимальных обломка листовидных унифасов (рис. 48.13,15,16), обломок ножа и крупной пластины (рис. 47.18), обломок сегментовидного в сечении остроконечника (рис. 48.14), пластины с краевой ретушью (рис. 47.11,12), проксимальный сегмент крупной пластины с краями, ретушированным по антитезе (рис. 47.19), выемчатое орудие (рис. 48.10), проколка (рис. 48.11), отщеп с противоположающей ретушью (рис. 48.12), галечное скребло (рис. 48.17), чоппер (рис. 48.18) (Абдулов, 1991, с. 58–59).

3-й культурный горизонт Курлы IV соотносится с верхоленской мезолитической культурой (Абдулов Т.А., 1991, с. 59). В частности, сопоставлен со II к.г. Верхоленской Горы I по таким основаниям как клиновидные нуклеусы, трансверсальные резцы, сегментовидное в сечении острие–унифас. Предположительный возраст около 10 тыс. л.н.

4.2.2. 2 культурный горизонт

2-й культурный горизонт залегал в супесчаной погребенной почве светло-коричневого цвета на глубине 0,9–1,0 м. Выявлено три локальных комплекса концентрации культурных остатков с кострищами. Археологическая коллекция состоит из 88 предметов. Большая часть предметов, 63 единицы, была обнаружена возле одного из кострищ. В число изделий входят скол поджигления нуклеуса, тесло с перехватом (рис. 48.1), два однолезвийных ножа из массивных пластин (рис. 48.2,3), отщеп с ретушью из отщепа (нож?), концевой скребок (рис. 48.4), Фронтальный скол с клиновидного нуклеуса (рис. 48.5), четыре отщепа с ретушью утилизации (рис. 48.6) (Абдулов Т.А., 1991, с. 57).

2-й культурный горизонт Курлы IV содержит типологически маркерный признак – тесло с перехватом, характерный для финального мезолита Приангарья (Абдулов Т.А., 1991, с. 57).

4.2.3. Лударская III

Стоянка Лударская III открыта Л.П. Хлобыстиным в 1963 г. (Хлобыстин Л.П., 1965, с. 253). Она расположена на северо-западном берегу оз. Байкал возле пос. Байкальское, в северной части Лударской бухты, на пологом склоне 11–13-метровой террасы (рис. 1, 2, 35). Стоянка нарушена перепашкой и поэтому был собран лишь подъемный материал. Однако позднепалеолитический (эпипалеолитический) облик ряда находок позволил отнести комплекс к донеолитическому времени. Это бифасиально обработанное скребло полулунной или сегментовидной формы сходное с ножами типа «уло» (рис. 49.4), имеющимися на Верхоленской Горе и Черемушнике (Хлобыстин Л.П., 1965, с. 253, 255). Кроме того, найдены объемный нуклеус параллельного принципа расщепления с тремя ударными площадками, скребок, скребло и чоппер палеолитического облика (рис. 49.5–8). Признаки неолитические – керамика, наконечники стрел, рыболовные крючки, шлифованные орудия – в пятне находок отсутствовали.

На основе проведенных морфо-типологических параллелей Л.П. Хлобыстин отнес этот комплекс к концу сартана, а по археологической шкале к эпипалеолиту (Хлобыстин Л.П., 1965, с. 253).

4.2.4. Лударская I

Стоянка Лударская I расположена на пологом склоне первой террасы в 60–70 м от береговой линии озера, в 80–100 м к юго-востоку от местонахождения Лударская III, на высоте около 5 метров от уреза воды (рис. 1, 2, 35) (Хлобыстин Л.П., 1965, с. 255). Площадь раскопа 12 кв. м.

В почвенном гумусовом горизонте встречены находки толстостенной керамики, а также артефакты из нижележащего слоя (рис. 49.1). Выделен 1-й культурный горизонт. 2-й культурный горизонт концентрировался в нижней части подпочвенного красного суглинка на границе с нижележащим суглинком.

Керамика в нижнем культурном слое отсутствовала. 40% дебитаж составляли «ножевидные пластинки», что характеризует, в целом, комплекс

как микропластинчатый. Субстратом каменного производства служил серовато-зеленый кремнистый сланец, реже – коричнево-малиновый, черный кремнистый сланец и халцедон.

Разнообразен комплекс изделий из ножевидных пластин. Это угловые резцы (рис. 50.8,13–17), продольно ретушированные вкладыши (рис. 50.22,23), проколка-провертка (рис. 50.20), пластинка со скошенным ретушью краем (рис. 50.21), скребки (рис. 50.5–7). В орудийную группу входят также концевые скребки из отщепов (рис. 50.1–4,10), срединные резцы из крупных сколов (рис. 50.11,12,18), полиэдрические резцы (рис. 50.28–34), сверловидное орудие-резчик (рис. 50.24). В группе нуклеусов один торцовый микронуклеус (рис. 50.27) и несколько сбитых ударных площадок с торцово-клиновидных нуклеусов (рис. 50.25). Галечные орудия представлены одним теслом с перехватом (рис. 49.2) и тесловидным орудием – унифасиально оббитой галькой (рис. 49.3). Найден обломок гарпуна (рис. 50.19). Сведения об общем количестве культурных остатков в коллекции в публикации отсутствуют.

Типологически значимой является находка тесла с перехватом, являющегося характерным для финального мезолита Прибайкалья типом (Медведев Г.И., 1971, с. 108). Л.П. Хлобыстин связывал 2 к.г. Лударской I с XI культурным горизонтом Улан-Хады (финальный мезолит) (Хлобыстин Л.П., 1965, с. 271).

4.2.5. Балтаханова III

Местонахождение Балтаханова III открыто в 1963 г. Л.П. Хлобыстиным на участке Губы Балтаханова (рис. 1, 2, 35) (Инешин Е.М., Карнышев И.С., 2005, с. 93). В 2004–2005 гг. ограниченные по площади раскопочные работы на стоянке Балтаханова III осуществлялись Северобайкальским отрядом Лаборатории древних технологий ИрГТУ под руководством И.С. Карнышева. В одном из шурфов (шурф №8) выявлено пятно культурных остатков палеолит-мезолитического облика, не смешанных с артефактами более поздних эпох неолита – палеометалла.

Шурф №8 дислоцируется на пологом склоне, на высоте 4 м над урезом воды оз. Байкал, в 30 м от берегового обрыва (Инешин Е.М., Карнышев И.С., 2005, с. 93–94). Артефакты второго культуросодержащего уровня были зафиксированы на глубине 0,30 м в отложениях желтой супеси на контакте с валунно-глыбовой толщей с желтым супесчаным заполнителем.

Коллекция состоит из 197 фрагментов микропластин, 5 краевых сколов, 1 лыжевидного скола, 1 микронуклеуса, 46 отщепов и 72 чешуек. Всего – 322 единицы. Нуклеус представляет собой сработанную клиновидную форму (рис. 51.6). Ударная площадка нуклеуса подрабатывалась короткими снятиями с фронта. Вместе с многочисленными микропластинами и техническими сколами он составляет единый технологический контекст палеолит-мезолитического облика (рис. 51.1–6). Е.М. Инешин охарактеризовал микропластинчатый комплекс артефактов как имеющий «общие технологические тенденции, выраженные в системе расщепления» со 2-м объединенным донеолитическим культурным горизонтом Курлы I–III, а также Большим Якорем I и Коврижкой II (Инешин Е.М., Карнышев И.С., 2005, с. 95).

4.2.6. Балтаханова V

В 2016 г. Северобайкальской археологической экспедицией ИРНИТУ (Кичигин Д.Е.) в окрестностях с. Байкальского, в срединной части губы Балтаханова был обнаружен новый археологический объект эпохи каменного века – стоянка Балтаханова V (рис. 1, 2, 35). Территория средней части губы Балтаханова имеет низкие гипсометрические отметки береговой террасы, 1-3 м.

«Археологический материал с местонахождения Балтаханова V в количестве 54 каменных предметов из кремнистых пород был собран на выгоревшей площадке (на пепелище) низкой береговой террасы высотой 1,5-2,0 м от уреза воды в озере. Площадь сбора составила около 200 кв. м» (Тетенькин А.В., Кичигин Д.Е., Коростелев А.В., 2019, с. 55).

В группу изделий входят срединный резец-скребок из массивного пластинчатого скола длиной 7 см (рис. 51.15), 4 скребка, 3 изделия из расколотых и оббитых галек, имеющих в около 6 см в поперечнике (рис. 51.16,18), 27 призматических пластин (50% от всей коллекции). Среди микропластин определены 1 вкладыш, 2 резца, 3 пластины с рабочей ретушью (рис. 51.7–11). Всего – 54 единицы.

Два из четырех скребков – из отщепов (рис. 51.13,14). Еще один скребок изготовлен из крупного пластинчатого скола длиной 7,5 см. Его лезвие находится на проксимальном конце скола (рис. 51.17). Как скребок использовался краевой реберчатый скол с бифаса. Скребковое лезвие находится на одном из узких его концов (рис. 51.12).

«Отсутствие керамики и ряд диагностичных для мезолита указывают на комплекс находок стоянки Балтаханова V как на мезолитический. ... Основными типологическим аргументами этой оценки являются срединный резец, скребок из реберчатого скола с бифаса, изделия из микропластин, галечные орудия» (Тетенькин А.В., Кичигин Д.Е., Коростелев А.В., 2019, с. 57 – 58).

4.2.7. Горячая 1–4

«Местонахождения Горячая 1–4 располагаются на юго-западном берегу Горячинской губы, в 31,3 км к югу от с. Байкальское (рис. 35) (Тетенькин А.В., Харинский А.В., 2016). Археологический материал был собран в 1996 и 1998 гг. в обнажениях 4-метровой береговой террасы, расположенной в 30 м от берега Байкала, на протяжении 520 м. Концентрация на отдельных участках террасы археологического материала и его отсутствие на других позволили выделить на берегу Горячинской губы четыре археологических объекта» (Тетенькин А.В., Харинский А.В., 2016, с. 10).

Самым северо-западным пунктом является Горячая 1. Она охватывает участок прибрежной террасы длиной 50 м и шириной 20 м, вдоль которого был собран археологический материал. Археологический материал в 1996 г.

был выявлен на глубине 2–4 см в подперной желтой супеси. Местонахождение Горячая 2 располагалось в 100 м к юго-востоку от Горячей 1. Артефакты выявлены в аналогичной стратиграфической позиции. Местонахождение Горячая 3 зафиксировано в 200 м к юго-востоку от Горячей 2. Местонахождение Горячая 4 локализуется в 100 м к юго-востоку от Горячей 3. Стратиграфия во всех случаях схожа. «Режим осадконакопления маломощной культуровмещающей эолово-делювиальной подпочвенной супеси способствовал ситуации компрессии культурных остатков. Это более всего выражено в присутствии керамики и мезолитического по облику каменного инвентаря. Сходство петрографии и морфологии литоиндустрии на всех пунктах Горячая 1–4, очевидно, свидетельствует о единой площади довольно обширного поселения» (Тетенькин А.В., Харинский А.В., 2016, с. 13–14).

«Общая коллекция археологических материалов со стоянки Горячая 1. составляет 549 экземпляров. Она включает находки из раскопа и подъемные материалы в т.ч. 2 фрагмента керамики.

Находки из камня представлены 5 нуклеусами, 4 резцами, 3 скребками, 1 комбинированным резцом+скребком, 1 проколкой, 1 вкладышем, 1 сколом с ретушью, 1 теслом, 175 пластинами, 353 отщепами и сколами, 2 битыми гальками (рис. 53)» (Тетенькин А.В., Харинский А.В., 2016, с. 14).

«В шурфе, заложенном на Горячей 3, представлены только изделия из камня. Они располагались на глубине 2–5 см в слое серой супеси. Общая коллекция подъемного материала и находок из шурфа составляет 254 экземпляров. Находки представлены 1 фрагментом призматического нуклеуса (подъемный материал) (рис. 53.26), 38 фрагментов пластин, в том числе 3 пластины с амортизационной ретушью, 212 отщепов и сколов, в том числе 14 отщепов – с краевой рабочей ретушью, 3 – фрагментами кости» (Тетенькин А.В., Харинский А.В., 2016, с. 16).

«Каменная индустрия выглядит, в целом, как поздне-финально-мезолитическая. В ней есть предметы, характерные для этого времени:

полиэдрические резцы, торцовые микронуклеусы. Такие компоненты как призматические нуклеусы, микропластины-вкладыши, скребки, галечные тесловидные орудия известны в памятниках широкого хронологического диапазона, включающего поздний мезолит и, практически, весь неолит. Отдельный компонент составляет керамика, относимая по признакам гладкостенности и некоторым элементам орнамента к широкому хронологическому диапазону: неолит – бронзовый век. В раскопе на Горячей 1 выявлены только два фрагмента керамики, залегающие, как будто, в нескольких сантиметрах выше основного слоя» (Тетенькин А.В., Харинский А.В., 2016, с. 16).

«Аналоги выявленным элементам каменной индустрии мы находим в позднемезолитических ансамблях XI (ГЗ) к. г. Улан-Хады I, Берлоги (VII–нижний, средний, верхний к. г.), Саган-Нугэ (X–IX–VIII к. г.), Итерхея (IX–VIII к. г.), Кулары III (VI–V–IV к. г.), (Савельев Н.А., Свинин В.В., 1990; Горюнова О.И., 1991; Горюнова О.И., Хлобыстин Л.П., 1992; Баруздин и др., 1992; Горюнова О.И., Новиков А.Г., 2000; Горюнова О.И., Воробьева Г.А., 1986, 1998; Воробьева Г.А., Горюнова О.И., 1997) байкальского побережья, нижнем, мезолитическом к. г. стоянки Царь-Девица на Ангаре (Медведев Г.И., 1971; Георгиевский А.М., Медведев Г.И., 1980). Для них как раз характерны торцовые псевдоклиновидные микронуклеусы в сочетании с призматическими микропластинчатыми нуклеусами, той формы, которая получила широкое распространение в последующую неолитическую эпоху» (Тетенькин А.В., Харинский А.В., 2016, с. 17).

4.2.8. Донеолитические археологические компоненты в памятниках смешанного типа северо-западного побережья Байкала

Многолетние археологические работы, ведущиеся, в частности, группой А.В. Харинского (Харинский А.В., Кичигин Д.Е., Емельянова Ю.А., Коростелев А.М. и др.) и другими археологами (Лыхин Ю.П. и др.), выявляют типично компрессионный характер культуровмещающих отложений, в которых видны не только компоненты железного, бронзового

веков, неолита, но и донеолитического времени. В этих условиях, зачастую, основным инструментом культурно-хронологической атрибуции остается морфо-типологический метод. Артефакты палеолит-мезолитического облика выделяются на этих объектах в ситуациях залегания в слое (**Красный Яр II**), в подъемном материале (**Богучанский остров III, Балтаханова II, Богучанская IV, V, Красный Яр II**), иногда в ситуации отдельного несмешанного пятна находок (**Балтаханова III**) (рис. 52) (Инешин Е.М., Карнышев И.С., 2005; Кичигин Д.Е., 2010).

Наиболее выразительной и узнаваемой мезолитической формой является галечное унифасиальное тесло «с перехватом». Впервые этот тип был описан Г.И. Медведевым как ведущий признак финального мезолита Прибайкалья (Медведев Г.И., 1971б, с. 108). Эти орудия найдены на Курле IV в верхнем мезолитическом горизонте (II к.г.), Балтаханова II, Богучанская IV (рис. 52.2,3).

Еще одной выразительной формой является «крыловидный» обушковый бифас. Его обушковая часть образована рассечением тщательно выделанного бифаса по диагонали так, что он получил асимметричный подтреугольный, остроконечный контур из слабовыпуклых длинного и короткого бифасиальных ребер и длинного обушкового края. В случае с бифасом с о-ва Богучанский со стороны обушка произведено мелкое краевое ретуширование ребра бифаса (рис. 52.1).

Еще одним выразительным типом являются трансверсальные резцы, т.н. резцы верхоленского типа. На нижнем и верхнем Витиме они выступают ведущей формой в финальноплейстоценовых культурных горизонтах Большого Якоря, Усть-Каренги I-XVI (Ветров В.М., 1995, с. 32; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 216–219). На Северном Байкале трансверсальные резцы есть в III к.г. Курлы IV, 2-м донеолитическом горизонте Курлы I-III (Абдулов Т.А., 1991, рис. 22.14, 15, 17; Шмыгун П.Е., 1981, рис. 2.2, 3). Такой резец найден в 1 к.г. стоянки Красный Яр II (Кичигин Д.Е., 2010, рис. 18–14).

Вместе с этими типами следует отметить и ряд форм артефактов, в общем-то, «сквозных» для мезолита – неолита Байкальской Сибири. Это торцово-клиновидные и призматические микронуклеусы и микропластины, скребки на отщепах и крупных пластинах, вкладыши, резцы и резчики из микропластин, долотовидные орудия, оббитые галечные тесла (рис. 52.4,5). Часто в практике археологии побережья Байкала комплексы с такими находками и без керамики по общему облику оцениваются как мезолитические (Абдулов Т.А., 1991; Тетенькин А.В., Харинский А.В., 2016).

4.3. Археологические комплексы Верхнего Витима

4.3.1. Усть-Каренга I–XVI, 6–3 культурные горизонты

3, 4, 5, 6 культурные горизонты сводной стратиграфической схемы Усть-Каренги I–XVI залегают в субаэральной пачке отложений, датируются в пределах эпохи голоцена (Ветров В.М., 1992, 1997, 2006, 2007, 2011, с. 173) (рис. 56). По наиболее многочисленному 4-му культурному горизонту имеются две радиоуглеродные даты, полученные по углю из хозяйственной ямы на Усть-Каренге III, заплечики которой прослежены от уровня 4 к.г.: 6890±80 л.н. (ЛЕ-1961), 6100±400 л.н. (ИМСОАН-922) (Ветров В.М. и др., 2000, с. 14; Ветров В.М., 2008а, с. 40). 5-й и 6-й культурные горизонты, выделенные в нижней части субаэральной пачки, немногочисленные. Усть-каренгская археологическая культура в целом датируется возрастом около 12–11 – 5–4,5 тыс. некалибр. л.н. (Ветров В.М., 2011, с. 174–175). 7 и 4 культурные горизонты, представляют раннюю и позднюю фазы усть-каренгской культуры. Их общими чертами являются, практически, идентичная и типологически устойчивая керамика и каменная индустрия, содержащая черты преемственности и единства.

Планиграфически выделяются округлые скопления культурных остатков диаметром 5–6 м, содержащие от 1 до 3 кострищ (рис. 57.28). Особых конструктивных элементов организации очагов и жилищ не выявлено (Башкирова Е.В., 1990; Ветров В.М., 1992, с. 10).

В.М. Ветров приводит совокупную типологическую характеристику каменной индустрии усть-каренгской культуры по 7 культурному горизонту:

«Основными категориями изделий являются клиновидные (рис. 58.1–2; рис. 59.1–4; рис. 60.26,29,30,33,34) и призматические (рис. 58.5,8; рис. 59.6,7,16; рис. 60.28,31,38) нуклеусы; их заготовки (рис. 58.6,9–12; рис. 59.3–5; рис. 60.27,30,35–37); трансверсальные резцы от начальных форм до утилизированных экземпляров, иногда с сочетанием негативов поперечных и продольных сколов (рис. 58.13–17,21; рис. 59.8–12; 60.1–25); угловые резцы с продольными сколами на призматических пластинах (рис. 58.22–27; рис. 59.13–14); одно- и двулезвийные ножи из крупных пластинчатых сколов (рис. 58.18,19); ножи-бифасы (рис. 58.20,28,29; рис. 59. 24); концевые и комбинированные скребки (рис. 58.30–35; рис. 59.17–19); галечные тесла (рис. 58.36,38); топорovidные изделия (рис. 58.37); скребла из односторонне обработанных уплощенных галек (рис. 58.39)» (Ветров В.М., 2011, с. 174, Табл. 5).

В 4 культурном горизонте В.М. Ветров отмечает те же категории и формы артефактов. Но наряду с этим появляются: «подромбовидные наконечники стрел (рис. 59.20,21), «даурские» остря, в том числе с боковой выемкой (рис. 59.22,23), топорovidные скребки (рис. 59.25), грузила для сетей (рис. 59.26), многофасеточные резцы на нуклеусах (рис. 59.27), тесла с подшлифовкой арьерфаса (рис. 59.28), клинки-бифасы (рис. 59.15,29), тесла с «перехватом» (рис. 59.30) (Ветров В.М., 2011, с. 175). При этом в верхних 3 и 4 к.г. увеличивается доля призматических нуклеусов и угловых резцов из призматических пластин. Общая статистика артефактов в публикациях В.М. Ветрова отсутствует.

Керамика раннего и позднего этапов, практически, идентична, несколько более вариабельна в поздних горизонтах, сохраняя общие для типа признаки (Ветров В.М., 2011, с. 174–175). Это параболоидной формы сосуд закрытого типа, лепленный ленточно-жгутовым способом. Поверхности внешняя и внутренняя имеют бороздчатые следы расчесывания стенок.

Основной элемент декора – это отпечатки зубчатого штампа в виде шагающей гребенки горизонтального и волнистого направления и в виде вертикального елочного штампа. В единичных случаях встречены оттиски проката колесика.

Этот тип керамики был назван В.М. Ветровым «усть-каренгским» (Ветров В.М., 1992, с. 10, 2011, с. 176). Он стал отличительным признаком усть-каренгской археологической культуры. Кроме Усть-Каренги I-XVI эта керамика была найдена в отложениях пребореального, бореального, атлантического периодов на местонахождениях Романовка II-IV, Усть-Кумыкта I, Усть-Конда II, III, Усть-Ингур III, Усть-Юмурчен I, III, IV, VIII, XII, XIII, Черняхя (Солонцовая), Усть-Сивакочи, Усть-Кадавун, Усть-Ендорохин, Усть-Окторокон I-V, Усть-Кадамия, Усть-Пуроно (Каренгская), Усть-Мукдакачи, Усть-Калакан I, II, Усть-Калар, все – в пределах района Верхнего Витима (Ветров В.М., 1992, с. 9). В других районах Витима, например, в среднем его течении, в Бамбуйской котловине – на стоянке Нижняя Джилинда (Сивакон) I, в Муйской котловине, на могильнике Старый Витим II ее нет.

4.3.2. Ритуальные ямы Усть-Каренги XVI.

В 1979 г. на местонахождении Усть-Каренга XVI В.М. Ветровым были открыты две ямы размерами 1,25×0,75 м и 0,70×0,47 м, глубиной до 1,0 м, на дне которых компактно лежали артефакты (рис. 65) (Ветров В.М., Смотровая В.И., 1980; Ветров В.М., 2008а, с. 28). Ямы расположены в 2-х метрах друг от друга на песчаной рёлке с отметкой 25 м над уровнем реки, возвышающейся над окружающей местностью. Донья ям оказались засыпанными охрой, поэтому объекты эти были оценены как ритуальные, в том числе, вероятно, погребения, учитывая, что кость в местных отложениях не сохраняется. Свыше 90% всех артефактов в ритуальных ямах изготовлены из темно-коричневого аргиллита, первоначально принятого за гиалодацит (Ветров В.М., Инешин Е.М., Ревенко А.Г. и др., 2000, с. 110–111). Нигде более на Усть-Каренге I-XVI аргиллит такого цвета, качества и химического состава

не встречен. Были найдены лишь несколько артефактов в 7 горизонте Усть-Каренги XII, несколько отличные по составу и цвету.

Коллекция ритуальных ям состоит из 289 предметов: 72 находок в 1-ой яме и 217 находка во 2-ой яме (Ветров В.М., 2008а, с. 28–30). Типологически аргиллитовые изделия обеих ритуальных ям представлены призматическими нуклеусами, соразмерными с ними пластинками, крупными пластинами и концевыми скребками из таких пластин, ретушированными пластинками-вкладышами, комбинированными орудиями (рис. 66, 67) (Ветров В.М., 2008а, с. 28–30). Кроме них найдены «утюжок» из вулканической пемзы, шлифованный ромбовидный артефакт из графитита.

Датировка обоих комплексов была предложена исходя из того, что заплечики ям прослежены из слоя с фрагментами погребенной почвы, датированной атлантическим оптимумом возрастом около 6,0–7,0 тыс. л.н. На это время на верхнем Витиме приходится поздняя фаза усть-каренгской неолитической культуры. Материал из ям не совсем типичен для нее. В ритуальных ямах нет усть-каренгской керамики, нет клиновидных нуклеусов и трансверсальных резцов. С другой стороны, призматические нуклеусы вполне традиционны для среднего и позднего этапов усть-каренгской культуры.

Визуально аналогичные артефактам из ритуальных ям Усть-Каренги XVI аргиллитовые предметы были найдены на местонахождении Коврижка I (рис. 68.1–5, 69.2–7). Морфо-типологически тождественны концевые скребки из пластинчатых сколов (Тетенькин А.В., 1999; 2000, с. 137–138; 2010, с. 75–76). (Тетенькин А.В., Ветров В.М., Демонтерова Е.И. и др., 2018, с. 19–23). Сопоставление отщепов, изготовленных из аргиллитов с местонахождений Коврижка I и Усть-Каренга XVI, с помощью рентгено-флюоресцентного и рентгенофазового методов, позволило сделать вывод о схожести минеральных составов, а также отношений количественного содержания фаз в образцах (табл. 6). Совпадение кривых рентгенофазового анализа означает, что каменное сырье артефактов из обоих местонахождений происходит из

одного источника в самом узком значении, вплоть до того, что это одна и та же точка взятия ресурса, либо один и тот же взятый и разделенный кусок породы. Вместе с типологией и хронологией полученные данные утверждают высказывавшуюся ранее гипотезу о связи населения нижнего и верхнего Витима (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2011).

Связь по субстрату геофизическими методами между археологическими местонахождениями верхнего и нижнего течения Витима установлена впервые. Датируется этот эпизод возрастом около 7,0 тыс. кал. л.н. / 6,0 тыс. рад. л.н. Расстояние по реке – около 700 км (рис. 69.1).

4.3.3. Нижняя Джилинда (Сивакон) I

Стоянка с погребением Нижняя Джилинда (Сивакон) I открыта В.М. Ветровым в 1977 г. (Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М., 1993) (см. Приложение 1). Памятник расположен в Каларском районе Читинской области (ныне – Забайкальский край), в 2 км ниже правого притока Витима – р. Нижняя Джилинда, в 18 км выше от д. Бамбуйка Баунтовского района Республики Бурятия, на 12-14-метровой террасе правого приустьевых мыса рч. Сивакон (рис. 1, 2, 54, 55.1).

Вскрыто 54 кв. м при общей перспективной площади в 450 кв. м. В отложениях субаэрального и аллювиального генезиса на глубине до 1,5 м выделено 8 культурных горизонтов: 1, 2, 2а, 3, 4, 5, 5а и 6 (рис. 70.1). В переслаивающихся слоях бурого (погребенные почвы) и палевого песка выделены первые семь культурных горизонтов. В средней части косослоистых супесей пойменной фации аллювия открыт последний – 6-й культурный горизонт. Из подошвы субаэральной пачки, с уровня четвертой погребенной почвы культурного горизонта 5а заложена могильная яма, перекрытая каменной кладкой. Это древнейшее на Витиме погребение. Получена серия радиоуглеродных дат: к.г. 4, уголь – 6720 ± 80 (ЛЕ-1957), к.г. 5, уголь – 7580 ± 80 (ЛЕ-1956), к.г. 5а, уголь – 7880 ± 80 (ЛЕ-1955), погребение с уровня к.г. 5а (обе даты по кости) – 7230 ± 40 (ГИН-45), 7630 ± 30 (Beta-432255), литологический слой 10, вмещающий к.г. 6, - 6470 ± 80 (ЛЕ-1954),

8920±80 (ЛЕ-1951), 11280±80 (ЛЕ-1953), 11280±120 (ЛЕ-1952) (Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М., 1993, с. 101; Ветров В.М., Инешин Е.М., 2019, с. 469).

4.3.3.1. 6 культурный горизонт

Найден 91 предмет, в том числе один призматический нуклеус, 24 пластинки (2 ретушированы), 1 скребок, 1 скребло, 1 угловой резец и др. (рис. 71. 36–40) (Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М., 1993, с. 111).

4.3.3.2. 5 культурный горизонт

Найдено 1139 предметов, в том числе 19 призматических нуклеусов, 2 бифасиально обработанных топорика, 1 остроконечник-бифас, 109 пластин, 2 чоппера, 1 скребло, 1 тесловидное изделие, 45 колотых галек, 42 обломка изделий, 904 отщепа, 10 обломков зубов животных (рис. 71.34,35) (Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М., 1993, с. 104).

4.3.3.3. 5а культурный горизонт, погребение

Погребение имело надмогильную кладку овальной формы, размерами 3,5×3,0 м, вытянутую с северо-запада на юго-восток. Могильная яма глубиной до 0,40 м была выложена по стенкам и по дну камнями. Яма имела размеры 2×1,5 м (рис. 70.2,3). Найденные в ней человеческие останки лежали в анатомическом беспорядке (Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М., 1993, с. 106). Кости располагались в разных частях ямы. Многие из них были расколоты. На ряде костей отмечены следы надрезов и надпилов. Темные пятна на костях, возможно, являются следами воздействия огня. В связи с этим предположено, что совершались обрядовые действия повторного захоронения, либо ритуальный или бытовой каннибализм (Пежемский Д.В., Рыкушина Г.В., 1998, с. 129).

В могильной яме обнаружено 1310 ед. находок. Это количественно доминирующие в изделиях 317 микропластин, часть из которых ретуширована (рис. 71.11–13,22), 110 цилиндрических бус из агальматолита (рис. 71.8–10), 13 призматических нуклеусов (рис. 71.26,33), 6 наконечников стрел (рис. 71.1–6), одна обколотая нефритовая пластина (рис. 71.17), один

выпрямитель древков (рис. 71.19), один остроконечник (рис. 71.18). Кроме того найдены выразительные изделия из кости, рога и бивня мамонта: обойма вкладышевого однопазового кинжала (рис. 72. 12), обломок вкладышевого однопазового ножа (рис. 72.15), два фрагмента вкладышевых двухпазовых орудий из бивня мамонта (рис. 72.13,14), один двухпазовый наконечник дротика (рис. 72.16), одна пластина из бивня мамонта с заточенным концом (рис. 72.11), долотовидный инструмент из рога (рис. 72.6), два острия (рис. 72.7, 9), три, предположительно, наконечника стрелы из кости (рис. 72.2,3,8), одно жало составного крючка (рис. 72.5), один фрагмент гарпуна (рис. 72.1), одна трубчатая кость с продольными пропилами (рис. 72.10) и др. Кроме этого были найдены еще 514 неопределимых фрагментов костей и 314 фрагментов костей куницы (*Martes*) и лося (*Alces alces*) (определение Е.А. Хамзиной) (Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М., 1993, с. 106–111).

В районе надмогильной ямы найдены 3 вышеупомянутых нефритовых шлифованных ножа (рис. 71.14–16), 16 призматических нуклеусов (рис. 71.29), песчаные плиты – абразивы (рис. 71.20), выпрямители древков (рис. 71.21), топорик, 3 заготовки тесел из нефрита, скребловидные орудия, скребки, 10 бусин из агальматолита и др. (Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М., 1993, с. 106).

Антропологическим исследованием остатков костяка погребения занимался Д.В. Пежемский и Г.В. Рыкушина (НИИ и Музей антропологии им. Д.Н. Анучина МГУ) (Пежемский Д.В., Рыкушина Г.В., 1998; Базалийский В.И. и др., 2012; Ветров В.М., Инешин Е.М., Пежемский Д.В., 2016). Остатки скелета принадлежат мужчине возрастом 30–40 лет (ранний зрелый возраст – *maturus*), ростом около 167 см (Пежемский Д.В., Рыкушина Г.В., 1998, с. 126; Ветров В.М., Инешин Е.М., Пежемский Д.В., 2016, с. 134–135). Сравнительный анализ установил, что наиболее близким к черепу с Нижней Джилинды является неолитический череп из Туой-Хая, и оба они принадлежат к катангскому антропологическому типу североазиатской расы,

принадлежащей большой монголоидной расе первого порядка (Пежемский Д.В., Рыкушина Г.В., 1998, с. 121).

4.3.3.4. 4 культурный горизонт

Найдены 1 призматический нуклеус, 24 пластинки, в том числе 2 ретушированные по краю, 1 скребок, 1 краевой скол с нуклеуса, 1 угловой резец, 1 скребло, 1 заготовка нуклеуса, 2 гальки, 58 отщепов, 1 фрагмент зуба. Всего – 91 предмет (Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М., 1993, с. 111).

4, 5, 5а, погребение и 6 культурные горизонты не содержат керамики. Иными словами, в комплексах возрастом от 6,7 тыс. рад. л.н. и древнее она не найдена. Это обстоятельство находится в резком контрасте с усть-каренгской группой местонахождений, где керамика усть-каренгского типа выступает как главный археологический признак в интервале 12,0–5,5 тыс. рад. л.н. Кроме того, шлифованные орудия из нефрита на Усть-Каренге также не характерны. Это дало основание автору раскопок В.М. Ветрову поставить вопрос о культурной и стадиальной принадлежности, прежде всего, погребения и 5а культурного горизонта Нижней Джилинды-1 (Ветров В.М., 1990, с. 119–120; 1992, с. 12). Джилиндинские материалы подтолкнули В.М. Ветрова к идее обособленного существования в изолированных географических районах групп населения – носителей оригинальных комплексов культурных признаков (Ветров В.М., 1992, с. 9).

4.3.4. Старый Витим II

В 1976 г. В.М. Ветровым открыта стоянка-могильник Старый Витим II (Ветров В.М., 1982, 2002, 2003, 2008а; Людников В.О., 2010; Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В., 2019, 2020) (см. Приложение 1). Она расположена в устье р. Муя, левого притока р. Витим, в средней части его течения, в пределах Муйско-Куандинской котловины, в 1,2 км к юго-западу от д. Усть-Муя, на первой, 8–10 м надпойменной аллювиальной террасе, являющейся древним правым приустьевым мысом р. Муя (рис. 1, 2, 55, 73).

Всего на этом участке выделено три пункта – Старый Витим I-III. Культурные горизонты стоянок Старый Витим I-III датированы временем позднего неолита – эпохи палеометаллов (Ветров В.М., 1982, 2002, 2003). Однако на Старом Витиме II было найдено погребение раннеолитического облика. В 1993 г. обнаружена яма с сажистыми и охристыми прослойками, но без инвентаря и костных остатков скелета человека. По ней была получена первая радиоуглеродная дата (Инешин Е.М., 1995). В 2000, 2001, 2002 и 2009 гг. В.М. Ветров продолжил исследования этого памятника. Общая вскрытая площадь на Старом Витиме II составила 273 кв. м.

Большинство артефактов связано со вторым литологическим слоем (желтовато-бурый тонкозернистый песок, простирающийся на глубине от 0,10 до 0,17 м от дневной поверхности). На основании сходства с керамикой усть-юмурченской археологической культуры (5–3,5 тыс. некал. л. н.) стояночный комплекс культурных остатков Старого Витима II отнесен к концу неолита – раннему бронзовому веку (Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В., 2019, с. 18).

За все годы исследования стоянки-могильника Старый Витим II раскопано 15 ям (рис. 74) (Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В., 2019, с. 12. Рис. 2). В восьми из них (№ 1–6, 10, 11) были выявлены остатки костяка, зубы, позволившие определить эти объекты как погребения (рис. 75–82). Еще четыре ямы (№ 7, 9, 14, 15) воспроизводили ту же ориентацию с ЮЗ на СВ и ту же подпрямоугольную форму. Эти ямы определены как кенотафы. Погребения и кенотафы образовывали в плане три линии, ориентированные с СЗ на ЮВ (рис. 74) (Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В., 2019, с. 12. Рис. 2). Три ямы № 8, 12 и 13 не имеют прямого отношения к могильнику, более поздние и не ритуальные.

Ямы могил и кенотафов подпрямоугольные, варьируют в глубине от 0,30 до 0,60 м, все ориентированы с ЮЗ на СВ. Вероятно, некоторые ямы какое-то время оставались открытыми, выкапывались заранее (как в случае с кенотафами), что привело в ряде ям к заплыванию стенок. Все погребения

засыпаны слоем чистой, темно-красной, порошкообразной охры мощностью до 5 см (рис. 75.1,10, 76.3, 80.1–4) (Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В., 2019, с. 20, рис. 6.26, с. 21, рис. 7.39, с. 23, рис. 8.4, с. 28, рис. 13.3). «Погребенные лежали на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ, лицевой частью на ЮВ (удалось проследить по ямам № 3, 4, 5). Сопроводительный инвентарь состоял из вкладышевых двулезвийных наконечников или кинжалов, вкладышами которых являлись микропластины из прозрачного, белого халцедона, заготовок и законченных оббитых и шлифованных орудий из светло-зеленого нефрита (тесел, ножей, остроконечников), цилиндрических бусин из пирофиллита. Отдельно следует отметить стерженек китойского типа от составного рыболовного крючка, обнаруженный в ходе расчистки погребения 1977 г. (№ 1) на дне могильной ямы. Найденный в погребении № 1 скребок – также единственный. Скопления погребального инвентаря регистрировались в районе черепа и сбоку от костяка, в районе груди – живота» (Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В., 2020, с. 28).

«Во всех погребениях на разных уровнях засыпки ямы, в разных дирекциях залегания фиксировались археологические материалы. Это может означать, что имело место позднее вторжение в захоронение и засыпка затем отвалом вторичной ямы, хаотично включающим в себя артефакты со дна могилы. Важнейшей чертой погребений № 1, 3, 4, 6, 7, 11, кенотафа № 14 является образование одной или нескольких (в случае с ямами № 3, 14) линз угля на неполной засыпке ямы (Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В., 2019, с. 20, рис. 6.26; 2020, рис. 7.3, 12.2). ... Линзы угля в депрессиях частично засыпанных ям интерпретированы как ритуальное событие, в неизвестной степени отстоящее от самого погребения (Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В., 2020, с. 29). Если судить по радиоуглеродным датам из углей таких линз, костры в частично засыпанных древних могилах горели на несколько тысяч лет позднее: около 5,3–4,8 и около 3,9–3,4 тыс. календ. л. н. (табл. 7).

«На сегодняшний день получено 19 дат (табл. 7). Из них девять датировок лежат в возрастном диапазоне около 8,2–7,2 тыс. календ. л. н., еще две даты находятся в диапазоне около 5,3–4,8 тыс. календ. л. н. и три даты в диапазоне около 3,9–3,4 тыс. календ. л. н. Все даты древнего интервала получены из погребений» (Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В., 2020, с. 30). Автор исследования Старого Витима П В.М. Ветров определял культурно-хронологическую принадлежность могильника как ранненеолитическую (Ветров В.М., 2008а, с. 34). По погребальному обряду и инвентарю была отмечена схожесть погребений с щукинской финальномезолитической группой Прибайкалья и ранненеолитической фофановской группой погребений южного Забайкалья (Базалийский В.И., 2012, с. 52–53; Ивашина Л.Г., 1979, с. 72; Ивашина Л.Г., 2000; Жамбалтарова Е.Д., 2005, с. 13–14).

Общее значение могильника Старый Витим II состоит в том, что его материалы в качестве опорного культурного комплекса репрезентируют материальную культуру населения региона Северного Прибайкалья рубежа мезолита – неолита.

4.5. Археологические комплексы Нижнего Витима

4.5.1. Коврижка III, 1А культурный горизонт

1А культурный горизонт выделен в бурой алевроитовой прослойке, залегающей в средней части культуровмещающей пачки выше уровня 2-го культурного горизонта (см. Глава 3; Приложение 1) (рис. 158).

Выявлено два кострища. У одного из них (кострище 2) лежал массивный обломок слюдянистого сланца (рис. 165.С). «В 6 см к югу от камня зафиксированы вытянутые линейно остатки двух гнейсовых плиток, лежащих по оси конструкции из нижнего 2 к.г., с северо-запада на юго-восток (рис. 162.А). Прослежено, что плитки подстилаются паводковой прослойкой и на конструкцию выложены во время обитания людей 1А к.г. (рис. 162.В). Верхняя часть стоящей на продольном ребре плиты конструкции из 2 к.г. паводковой прослойкой не перекрывалась и во время

обитания людей в эпизоде 1А культурного горизонта оставалась непогребенной. Многократно отмечено прилегание к ней артефактов 1А к.г. Эти данные стали основанием для положения, что во время 1А к.г. конструкция была надстроена и обновлена» (Анри О., Тетенькин А.В., 2014, с. 12).

«Коллекция составляет 2664 единиц. В том числе: 2 скребка, 1 нож, 2 долотовидных орудия, 3 технических скола с нуклеусов, 347 фрагментов микропластин, 2308 отщепов и сколов, в том числе 1777 чешуек, 1 кусочек графитита» (Тетенькин А.В., 2016а, с. 300).

«Ансамбль 1А культурного горизонта отличается от нижележащего 2 к.г. микропластинчатым характером (рис. 172.7). Доля микропластин в коллекции составляет 13%. Отщепы занимают 20%, чешуйки – 67%. Орудия и технические сколы с нуклеусов вместе взятые имеют менее 1%. В одном из наиболее насыщенных материалом 1А к.г. квадратов (пикет 26, квадрат 23) доля микропластин и их фрагментов составляет 57% (49 из 86 предметов, не считая чешуек). В корне изменился субстрат расщепления. Производство микропластин основано на эксплуатации цветных вулканических стекол – хорошего качества цветных яшмовидных кремней различных ярких цветовых оттенков: бардовых, черных, белых, розово-кремовых. Техническую основу микрорасщепления составлял отжим микропластин с призматических нуклеусов.

По этим признакам комплекс 1А к.г. сходен с 1 культурным горизонтом пункта 2 местонахождения Инвалидный III (8,9 т.л.н.), 3 пункта Инвалидного III (8,6 т.л.н.), 2 культурным горизонтом Коврижки I (6,0 т.л.н.) и со стоянкой Большая Северная на нижнем Витиме. Последняя была отнесена Ю.А. Мочановым и С.А. Федосеевой к сумнагинской культуре Якутии (Мочанов Ю.А., 1977, с. 206–209)» (Анри О., Тетенькин А.В., 2014, с. 12).

4.5.2. Коврижка III, 1-й культурный горизонт

«1-й культурный горизонт выделен в верхней части литологического слоя 4, над уровнем темно-бурой прослойки 1А культурного горизонта (см. Глава 3; Приложение 1) (рис. 158). Относительно уверенно возможно отделить 1 культурный горизонт от 1А к.г. в районе перестилания прослоек 1 и 1А к.г., в той части, где выявлены кострище и каменная конструкция 1 культурного горизонта. Найденный в этом месте материал отличается от находок 1А к.г. по субстрату: порфирит, аналогичный 2 к.г., преобладает над цветным кремнем (вулканическим стеклом). В ряде случаев компрессии, деятельности корней растений, особенно, на площади концентрации находок 1А к.г. материал обоих горизонтов в неизвестной степени смешан. Плотность находок в раскопе в целом низкая – до 5 единиц на 1 кв. м. В восточной части раскопа над очагом 2 2-го культурного горизонта было раскопано очажное пятно кострища, отнесенное к 1 к.г. По углю из него получена дата: 8095 ± 120 л.н. (СОАН-8262). От нижележащего очага из 2 к.г. (очаг 2 – верхний уровень 2 к.г.) оно отделялось четкой паводковой прослойкой. Залегание этого комплекса выше 1 А к.г. было прослежено стратиграфически по разрезу (рис. 2). Кострище размерами около $1,30 \times 0,80$ м растащено склоноводювиальными процессами. Артефакты располагались по периферии пятна кострища с севера, востока и юго-востока.

В восточной части раскопа в 1-м культурном горизонте найдена сланцевая длинная плита, стоящая на ребре (рис. 165.D, 166) по линии СЗ-ЮВ. Прослежено подстилание под нее 1А культурного горизонта. Длина плиты-пластины составила 220 см, высота 14 см. При ее разборке выявлен элемент крепиды – подпирающий короткий, широкий (40×20 см) гнейсовый обломок, противостоящий наклону пластины. На ребре большой пластины найдено несколько чешуек. Эта плита была выставлена здесь в точном продолжении направления и сразу у окончания плиты из 2 культурного горизонта (рис. 166). Кроме того, она параллельна V-образной конструкции из 2 к.г., подновленной в 1А к.г. От северо-западной части этого сооружения ее отделяет 30-35 см.

В южной части раскопа найден вытянутый плоский валун с естественным блюдцеобразным углублением (рис. 172.8). Подошва его представлена плоской поверхностью естественного раскола-расслоения. Длина валуна 21,4 см, максимальная ширина 16,6 см, толщина 7,9 см. «Блюдце» овальное, имеет размеры 16,5×11,0 см и углубление до 1 см. Оно расположено на расширенном конце валуна. Мы полагаем, что люди намеренно принесли на стоянку этот экофакт и использовали именно его блюдцеобразные физические свойства.

Всего найдено: 104 единицы отщепов, в том числе 64 чешуйки, 1 фрагмент микропластины, 2 резца, 1 остроконечник. Всего – 108 находок» (Тетенькин А.В., 2016а, с. 303).

4.5.3. Коврижка II, 4А культурный горизонт

«4А культурный горизонт Коврижки II охарактеризован ножом из отщепа горного хрусталя, 2 скребками, стругом-скобелем, медиальным сегментом микропластины (см. Глава 3; Приложение 1). В слое обнаружены эмалевые остатки зубов, определенные как зубы снежного барана (*Ovis nivicola*) (определение А.М. Клементьева). Всего в коллекции – 273 ед. Отщепов и чешуек в коллекции 224 ед., фрагментов пластин – 7, фрагментов кости – 38. В группу изделий входят нож, 2 скребка, 1 струг-скобель (рис. 175.3,6)» (Тетенькин А.В., 2010, с. 81).

4.5.4. Коврижка II, 3-4-й культурные горизонты

Наиболее массовыми на Коврижке II являются 3-й и 4-й культурные горизонты. «Дифференцировать их материал в силу тафономических причин сложно. Имеет место наложение и смешение нескольких уровней обитания, «верхи» и «низы» которых были обозначены как 3 и 4 к.г. Описание их материала приводится слитно. Аргументами для этого выступают тождественность основных технико-типологических форм не только 3-го и 4-го культурных горизонтов, но и шире – 1–4А к.г., а также представление о небольшом хронологическом разрыве, поскольку 14С дата по 3 к.г. – 8180±130 л.н. (СОАН-5277), а по 4А к.г. и 8230±100 л.н. (СОАН-5276). Ввиду

наличия в 3–4 к.г. всех типологических аналогов формам из коллекции подъемного материала у подножия карьера и с полотна автодороги на участке Коврижки последний также задействован в описании и анализе инвентаря вышеназванных горизонтов.

Коллекция собственно 3–4-го культурных горизонтов включает: отщепов и чешуек – 11039 ед., фрагментов пластин – 62 ед., кусков графмитита – 42 ед., фрагментов кости – 40 ед., терминальных микронуклеусов – 6 ед., орудий (в т.ч. сколов со следами амортизации) – 40 ед. Всего – 11229 ед. (рис. 175–179).

Расщепление представлено микропластинчатой техникой торцовых нуклеусов, ортогональным раскалыванием галек и субпараллельным широкофронтальным и торцовым скалыванием с галечных нуклеусов удлиненных отщепов и неправильных пластин средних и крупных размеров» (Тетенькин А.В., 2010, с. 82–83).

«Технически важной общей деталью всех торцовых нуклеусов для снятия микропластин является подготовка ударной площадки. Изначально исходный проксимальный конец преформы представлял собой симметричное в профиль ребро, полученное бифасиальной обработкой, или асимметричное ребро, скошенное унифасиальной ретушью. Непосредственно ударная площадка готовилась снятием короткого фронтального скола. Подживление проводилось повторными фронтальными сколами, либо несколькими мелкими чешуйчатыми снятиями с фронта и латералей. ...

Совершенно отличен от них единственный лыжевидный скол с бифасануклеуса (рис. 180.12), найденный в подъемном материале. Он является сколом подживления клиновидного нуклеуса. Скол снял предыдущую ударную площадку, также образованную одним сколом с торца (фронта). ... Это единственный на Коврижке II артефакт, технически прямо противоположный всем микронуклеусам 3–4 к.г. и подъемного материала с террасы, и аналогичный лыжевидным сколам системы расщепления бифасов

Большого Якоря I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 217–218)» (Тетенькин А.В., 2010, с. 85).

«Продукты первичного расщепления и сам способ раскалывания во многом определялись размерами витимской гальки. Как правило, подбирались порфириновые валунчики размером до 11 см в длину. В ряде случаев гальки раскалывались поперек и по диагонали. Есть несколько примеров утилизации остроугольных галечных сколов (3–4 к.г. – рис. 176.5). Зафиксированы примеры плоскостного (плоскофронтального) нуклеарного расщепления галечных нуклеусов от начальной стадии, до значительной степени сработанности. Площадка, как правило, скошена к контрфронту. Судя по негативам, снятия имеют пропорции удлинённых пластинчатых отщепов. В одном случае снятия велись с торца галечного нуклеуса. Галечная корка на латеральных, контрфронте и дистальном конце, как правило, сохранена. Снятие отщепов велось без предварительной подготовки фронта» (Тетенькин А.В., 2010, с. 85).

«Скребла представлены экземплярами на галечной, бифасиальной основе и на сколах с параболической (сегментовидной) ориентацией лезвия – длинной выпуклой основной части и коротких слабовыпуклых боковых (3 к.г. – рис. 175.4), субовальными экземплярами с концевым лезвием (подъемный материал), боковым лезвием (подъемный материал), конвергентными длинным и коротким лезвиями (подъемный материал), трансверсальным скреблом на отщепе (подъемный материал), скреблом с «ушками»-шипами в местах сопряжения боковых коротких лезвий с широким центральным (подъемный материал). Еще одно скребло из отщепа, из подъемного материала, также имеет одно широкое выпуклое и два коротких сопряженных с ним под углом прямых лезвия. База скребла – проксимальный конец скола – сбита.

Скол или отщеп являлся основой для мелких орудий, полученных вторичной обработкой. Отмечены такие приемы подготовки «бланка» как

облом, сбивание проксимального конца (3-4 к.г. – рис. 176.5, 4А к.г. – рис. 175.9), подтеска ударного бугорка (3 к.г. – рис. 176.10; 4А к.г. – рис. 175.6).

Ряд морфологически неспецифичных орудий состоит из изделий, оформленных краевой продольной ретушью, рабочий край имеет простой (прямой, слабовыпуклый) или фигурный (шиповидный, ломаный, зубчато-выемчатый) контур (3-4 к.г. – рис. 176.7,8,10,13). Типологически выразителен концевой скребок на крупной реберчатой пластине (3 к.г. – рис. 176.4). Остроконечники представлены двумя экземплярами. Один из них имеет ярко выраженную морфологию проколки-провертки (3 к.г. – рис. 176.3), другой остроконечник определен по нескольким негативам короткой ретуши у острого конца (3 к.г. – рис. 176.5). Категория резцов в 3-4 к.г. представлена угловыми резцами на отщепах разных форм без всякой предварительной отделки тела резца или рабочей точки (3 к.г. – рис. 176.9,12)»(Тетенькин А.В., 2010, с. 86).

Бусина 3-го горизонта (рис. 176.1) представляет собой «изделие с неровно округлым, слегка вытянутым контуром со слабовыраженной выемкой на одном из вытянутых краев (диаметр 1,0–1,1 см, толщина 0,2 см), с биконическим отверстием в центре (диаметр 0,3 см). Один фас «бусины» уплощен более, чем другой. На более выпуклом фасе виден слабопрофилированный желобок шириной 2 мм, идущий поперек «бусины» через отверстие от одного края к противоположному краю с выемкой. По всему периметру «бусины» по ее ребру нанесено 13 насечек. Вся поверхность ее тщательно зашлифована. Субстратом является красно-коричневый кремний, орудий и отходов производства из которого нет» (Тетенькин А.В., 2010, с. 90).

В целом индустрия 3-4А к.г., имеет выраженный верхнепалеолитический облик. «Такие категории изделий как бифасы, клиновидные нуклеусы ставят ее в ряды ансамблей дюктайской культуры Якутии (Мочанов Ю.А., 1977, 2007). Галечные нуклеусы субпараллельного принципа расщепления, зачастую морфологически близкие к чоппингам,

применявшиеся для получения пластинчатых отщепов, являются одной из ранних техник, появление которой по материалам Прибайкалья прослеживается как в местонахождениях среднего, начала верхнего палеолита, так и в финальнопалеолитических, и в мезолитических комплексах Восточной Сибири (Аксенов М.П., 1974; Аксенов М.П., Бердников М.Д. и др., 1987; Аксенов М.П., 2009; Аксенов М.П., Шуньков М.В., 1978, 1982; Задонин О.В., 1992; Медведев Г.И., 1981, Мезолит Верхнего Приангарья, 1971). Галечные орудия, скребла различной модификации, галечные нуклеусы параллельного принципа расщепления для снятия удлиненных отщепов и пластин, зубчато-выемчатые лезвия на скреблах, скребках, угловая конвергенция комбинированных лезвий скребел, в т.ч. с выделением концов сопряжения лезвий – «ушек», высокие формы скребел, скребков, головки которых напоминают фронт грубопризматических нуклеусов, а лезвия в контуре аморфны, аморфные или зубчато-выемчатые лезвия на небольших скребках из отщепов, оформление разных участков лезвия по антитезе, трансверсальная дислокация лезвий на скреблах составляет общий палеолитический фон индустрии. Существование этих ансамблей около 8–8,2 тыс. некал. л.н., т.е. в раннем голоцене, однако, выбивает Нижний Витим из схемы развития культур Якутии и делает саму эту модель (Мочанов Ю.А., 1977, с. 250) неработающей в исследуемом районе» (Тетенькин А.В., 2010, с. 94).

4.5.5. Коврижка II, 2-й культурный горизонт

«2-й культурный горизонт выделен в красно-бурой подпочвенной супеси. Артефакты встречены в верхней, средней и нижней части культуровмещающего слоя. Но комплексная их организация – кладка и наковальня со скоплением культурных остатков – пока только в верхней части. В 2001 г. была выявлена округлая в плане конструкция из плит, организованных вокруг верхушки скального останца (рис. 174.1). Верхушка останца частично составляет линию из вертикально торчащих плит, делящую кольцо кладки на две примерно равные половины и ориентированную почти

строго на север. Диаметр конструкции около 3,6 м. Площадь обеих половин заполнена камнями кладки. Среди плит кладки и на плитах найдено 33 артефакта: 1 клиновидный нуклеус, 1 фрагмент пластины, 31 отщеп и чешуйка. Нуклеус был обнаружен в центральной части конструкции. Две чешуйки найдены под большой плитой, лежащей горизонтально в северо-западной части кладки.

На другом участке слоя раскопан крупный валун-наковальня со скоплением дебитажа.

Коллекция предметов состоит из 567 единиц. В том числе она содержит вышеупомянутый нуклеус, фронтальный подживляющий скол с торцового нуклеуса. Нуклеус имеет бифасиальную основу (рис. 177.2). Площадка оформлена короткими поперечными и фронтальными сколами. Другой нуклеус из 2 к.г. морфологически однотипен предыдущему (рис. 177.3). Кроме того, к этому слою приурочена находка зуба снежного барана (*Ovis nivicola*) (определение А.М. Клементьева). Отщепов и чешуек – 552 ед., фрагментов пластин – 12 ед.

Возраст выкладки и 2-го культурного горизонта, в целом, основан на типологии клиновидных микронуклеусов, характерных для финального палеолита – мезолита, а также на радиоуглеродных датах с нижних 3-го и 4А культурных горизонтов. Предположительно конструкция может быть датирована в пределах 7-8 тыс. л.н. назад. Близость конструкции к дневной поверхности обусловили наличие пироженных пятен в слое и большое количество остатков жженой древесины молодого возраста» (Тетенькин А.В., 2010, с. 92).

4.5.6. Коврижка II, 1-й культурный горизонт

«Первые от поверхности находки были обнаружены в подпочвенном горизонте подзола. Этот уровень выделен в 1-й культурный горизонт. В коллекции насчитывается несколько десятков предметов, в том числе 1 скребок концевой на бифасе, 1 скребло, 1 отщеп с ретушью (нож), 1 клиновидный нуклеус (рис. 175.1–3)» (Тетенькин А.В., 2010. С. 92).

Скребок изготовлен на тесловидной бифасиальной преформе нанесением краевой скребковой ретуши (рис. 175.3). Скребло боковое на крупном пластинчатом сколе (рис. 175.2). Нож – отщеп с ретушью (рис. НВ-171.1). Клиновидный нуклеус изготовлен из отщепа (рис. 177.1).

4.5.7. Коврижка V

Коврижка IV выделена в отдельное местонахождение А.В. Тетенькины в 2012 году (Исаев А.В., Тетенькин А.В., 2015) (см. Приложение 1). Разведочный шурф был заложен на 10-метровой 1-ой надпойменной террасе в 30 м от береговой кромки, у подножия борта 2-ой надпойменной террасы высотой 16 – 18 метров (рис. 108). Глубина шурфа составила 1,9 м. Площадь 4 кв. м. Культурные остатки были обнаружены в двух уровнях (рис. 181.1). 1 культурный горизонт зафиксирован в углистой прослойке на глубине 0,85–0,95 м (литологический слой 8). По углю из 1 к.г. получена дата 7520±140 л.н. (СОАН-8838). 2 культурный горизонт обнаружен в составе пачки растащенных угленасыщенных прослоек черно-сизого цвета (литологический слой 10) на глубине около 1,20 м. По углю из них получена дата 9940±100 л.н. (СОАН-8837).

Материал 2 культурного горизонта насчитывает 512 единиц, в том числе 239 чешуек, 3 пластины, 3 изделия. 28 предметов из горного хрусталя (кварца), остальные артефакты из кремнистых пород (эффузивные породы среднего и основного составов). Одно из изделий представляет собою ретушированный пластинчатый скол с бифасиального орудия (рис.181.2). В отношении 2 культурного горизонта пока нет сколько-нибудь определенных типологических оснований для суждений. Интересен сам возраст этого комплекса. В хронологическом интервале 9-10 тысяч лет назад это пока единственный, хотя и переотложенный материал.

Коллекция 1 культурного горизонта состоит из 6 предметов. Из них 1 медиальный фрагмент микропластины из цветного полосчатого кремня, 1 проксимальный фрагмент микропластины из горного хрусталя (кварца), 4 мелких отщепов из горного хрусталя. Нахождение 1 культурного горизонта в

подошве субэральных отложений коррелирует с положением 1 к.г. Коврижки IV над горизонтом размыва. Возраст керамики 1 к.г. Коврижки IV был оценен на основе датировки 1 к.г. Коврижки V. Соответственно, 1 культурный горизонт Коврижки V отнесен к раннему неолиту, около 8,5–8,0 тыс. кал. л.н.

4.5.8. Коврижка IV, 1 культурный горизонт

1-й культурный горизонт Коврижки IV залегает в подпочвенной оранжево-желтой супеси над прослойкой растащенной коричневой плотной углефицированной супеси (палеопочвы) (рис. 110, 111) (см. Приложение 1). Культурные остатки залегают в чехле покровных оранжево-бурых супесей на глубине первого полуметра на всей площади археологического ансамбля Коврижка I–V. На Коврижке IV выделение 1-го культурного горизонта эпохи раннего неолита стало возможно, благодаря комплексу обстоятельств. Артефакты 1 к.г. залегают над линзой плоскостного смыва на Коврижке IV. Паводковые витимские воды, размывавшие куэстовую гряду Коврижки IV, одновременно ниже по течению продолжали формировать отложения аллювиального цикла. Судя по дате 1 к.г. Коврижки V, отстоящей на 10 м ниже, залегающего в подошве субэральной пачки, на контакте с аллювием, этот переход случился около 7,5 тыс. рад л.н. / 8,3 тыс. кал. л.н. Представляется возможным возраст 1 к.г. Коврижки V экстраполировать на 1 к.г. Коврижки IV. В значительной степени еще и благодаря находкам и датировке керамики сетки-плетенки на Коврижке IV.

Он содержит призматические нуклеусы, пластинки и микропластины, вкладыши и угловые резцы из них, тесло с перехватом, молот-пест с перехватом, фрагменты керамики с оттисками сетки-плетенки и датируется в интервале 8–7 тыс. радиоуглеродн. л.н.

В 2018 г. были найдены четыре фрагмента керамики с оттисками сетки-плетенки (рис. 157). Полученная по ним AMS-дата 8980 ± 20 л.н. (Poz-107434) была сделана не по нагару или органическому отощителю, которых в образце не было, а по углероду из теста-глины. В этой связи представляется, что дата

может быть удревнена и некорректна в неизвестной степени (Плихт Й. ван дер, Шишлина Н.И., Зазовская Э.П., 2016, с. 72; Кузьмин Я.В., 2017, с. 186). Однако, как минимум, из этой датировки, а также технического декора сетки-плетенки следует, во-первых, что никакой речи об усть-каренгской керамики Верхнего Витима не идет. Во-вторых, рассуждая о реальном возрасте керамики сетки-плетенки, до некоторой степени моложе полученной даты около 8,9 тыс. рад. л.н., возраст ок. 7,5 тыс. рад. л.н., предложенный по стратиграфическим и геоморфологическим соображениям, выглядит уместным.

Каменный комплекс артефактов, в целом, немногочисленный, содержит ряд типологически значимых изделий: призматические микропластинчатые нуклеусы (рис. 156.11,14) с микропластинами из кремнистых пород камня (рис. 156.1–9,12,13), тесло с перехватом (рис. 156.16), молот-пест (рис. 156.10). Ряд сегментов микропластин был осмотрен трасологом Г.Н. Поплевко (Институт истории материальной культуры РАН). В нескольких случаях были определены следы вкладыша – ножа по мясу. Судя по находкам призматических нуклеусов, тесел с перехватом и молота-песта на пляже Коврижки, часть пляжного подъемного материала может быть отнесена к 1-му культурному горизонту Коврижки IV – 1-му к.г. Коврижки V.

В вопросе о происхождении керамики и неолита, имея в виду сетку-плетенку и отсутствие керамики усть-каренгского типа, следует принять версию независимого от Верхнего Витима становления неолита на Нижнем Витиме, более позднего и «нормального» в условиях «классического сценария» становления неолита в Восточной Сибири около 8,5–7,6 тыс. л.н. (Савельев Н.А., 1989; Бердников И.М., 2017, с. 226; Семина Л.В., Гребенщикова О.В., 1993, с. 128; Константинов М.В., Екимова Л.В., Верещагин С.Б., 2016, с. 48–50). Следует также в качестве основной гипотезы теперь полагать трансляцию традиции сетчатой керамики из долины Лены через нижнее течение Витима. Этой идее положительно

подходит гипотеза о ленском происхождении кремневых артефактов, чьи месторождения, вероятнее всего, находятся на территории Сибирской платформы, граница которого проходит по р. Лена. По керамике 1 к.г. может быть соотнесен с сылахской культурой Якутии. Ранние даты сылахской раннеолитической культуры Якутии – около 6,8–6,7 тыс. кал. л.н. (даты по VII слою Белькачи I и XVI слою Сумнагин I) (Мочанов Ю.А., 1977, с. 103, 196, 253).

4.5.9. Коврижка I

«Первые археологические материалы на Коврижке I обнаружены А.В. Тетенькиным в 1995 г. Тогда была собрана первая коллекция подъемного материала с пляжа (Тетенькин А.В., 1996, с. 130–140) (см. Приложение 1). ... С целью определения стратифицированной позиции залегания пляжных культурных остатков на 1-й надпойменной террасе, имеющей высоту 9–11 м, поиск велся шурфовочными работами. Наиболее информативным оказался шурф-пикет 3, где было выявлено многослойное залегание артефактов. Он является основной раскопной площадью пункта Коврижка I (Тетенькин А.В., 2000; 2010; Тетенькин А.В., Ветров В.М., Демонтерова Е.И., и др., 2018).

Шурф-пикет 3, заложенный в пределах пункта Коврижка I, расположен в пришовной внутренней части 1-й надпойменной террасы на 10,9 м высоты от уреза воды р. Витим, в 60 м от кромки воды Витима (рис. 108). Общая раскопанная площадь – 15 кв. м. ... Общая глубина вскрытых до мерзлоты рыхлых отложений – 2,10 м (рис. 181.3)» (Тетенькин А.В., 2010, с. 68).

Единичные культурные остатки 1, 1А, 1Б культурных горизонтов выявлены в отложениях склонового сноса. «Возраст культуровмещающей углистой прослойки 1 к.г. – 2800±140 л.н. (ГИН-9003). ... Криогенно деформированный серовато-розовый песок, вмещающий на глубине 1,10–1,20 м 2-й культурный горизонт, имеющий относительно большую, 0,08–0,20 м, мощность, внутренне монотонный, в общем смысле непереотложенности инситен данному пункту дислокации. Его деформация, по-видимому, имеет

сложную природу склонового сноса, промоины и криогенного нарушения. В составе отложений выявлена раковина *Ostracoda* (определение С.М. Поповой, Институт земной коры СО РАН). По углю получены даты 6095 ± 135 (СОАН-4245), 5945 ± 90 л.н. (СОАН-4545). Им соответствует калиброванный возраст около 6974–6782 л.н. Единичные пока находки культуросодержащего уровня 3 залегают в верхах пойменного аллювия 9-11-метровой террасы Коврижки (Тетенькин А.В., 2010, с. 71–72).

«Коллекция 2 к.г. состоит из 2 боковых скребел, 4 скребков, 1 комбинированного орудия, 5 целых призматических пластин и фрагментов, отщепов (рис.182)» (Тетенькин А.В., 2010, с. 72).

Специальному исследованию были подвергнуты найденные во 2 к.г. артефакты из коричневого аргиллита, в том числе три скребка (рис. 182.7,8) (Тетенькин А.В., Ветров В.М., Демонтерова Е.И. и др., 2018). «Памятники на Витиме, где были встречены артефакты из этой породы, весьма немногочисленны. Среди них Большой Якорь I, Старый Витим II, Ветвистый и Усть-Каренга XVI (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2005, с. 100; 2010, с. 216; Ветров В.М. и др., 2007, с. 108). Хронологически наиболее близким 2-му культурному горизонту Коврижки I является комплекс Усть-Каренги XVI, который стратиграфически может быть отнесен к атлантическому периоду. Типологически он принадлежит усть-каренгской неолитической культуре. Изделия из аргиллита там были встречены в скоплении в искусственных ямах 1 и 2 и интерпретировались В.М. Ветровым как ритуальный комплекс (Ветров В.М., 2008а, с. 28–30)» (Тетенькин А.В., 2010, с. 75–76). На основе рентгенофлуоресцентного анализа установлено тождество химического состава породы аргиллита, из которой сделаны артефакты Коврижки I Усть-Каренги XVI (табл. 6) (Тетенькин А.В., Ветров В.М., Демонтерова Е.И. и др., 2018, с. 18–20). «Связь по субстрату между археологическими местонахождениями верхнего и нижнего течения Витима установлена впервые с привлечением физических методов исследования артефактов. Датируется этот эпизод возрастом около 6,0 тыс. рад. л.н. / 7,0–6,7 тыс. кал.

л.н. Расстояние по реке – более 800 км» (Тетенькин А.В., Ветров В.М., Демонтерова Е.И, и др., 2018, с. 22). Новые открытые материалы интерпретированы как свидетельства существовавших в эпоху раннего неолита контактов обитателей верхнего и нижнего Витима.

4.5.10. Большая Северная

Стоянка Большая Северная (рис. 84) была открыта С.А. Федосеевой в июле 1973 года во время проводимой в долине Витима археологической разведки (Мочанов Ю.А., 1977, с. 206–209) (см. Приложение 1). Памятник дислоцируется на правом приустьевом участке реки Большая Северная, правого притока Витима и приурочен к внешнему уступу 15-метровой надпойменной террасы. Культурные остатки залежали на глубине 15-18 см от дневной поверхности (Мочанов Ю.А., 1977, с. 206–209).

Раскопки носили ограниченный характер. «Общая площадь составила 6 кв. м. Найдено всего 199 предметов, из них: 52 орудия на кремневых пластинах, 1 двойной концевой скребок на отщепе, 3 мелких призматических нуклеуса из кремня и халцедона, 117 ножевидных пластин, 13 микропластин, 3 кремневых отщепов, 1 диабазовый отщеп, 9 кремневых чешуек (рис. 187). Культурные остатки концентрировались вокруг очага, обложенного кварцитовыми и диабазовыми гальками и на прилегающих к нему участках» (Мочанов Ю.А., 1977, с. 206).

На основе имеющихся представлений о каменном веке Якутии и о признаках сумнагинской раннеголоценовой палеолитической культуры С.А.Федосеева и Ю.А.Мочанов отнесли стоянку Большая Северная к сумнагинской культуре с аналогиями в слоях IX – XX стоянки Белькачи I и в слое IV стоянки Усть-Тимптон (Мочанов Ю.А., 1977, с. 209).

Последующие десятилетия работ на Нижнем Витиме показали роль стоянки Большая Северная как первого представителя группы археологических комплексов раннеголоценового возраста бескерамических, мезолитического облика. Их каменная индустрия базировалась на призматическом микропластинчатом расщеплении качественных,

изотропных пород сырья: кремня, халцедона, аргиллита. Роль и набор традиционных для финального палеолита орудий сократились до перечня из концевых скребков и галечных рубящих орудий – типологически выраженных тесел и топоров. При первом приближении, действительно, возможно соотнесение этих комплексов с сумнагинской культурой Якутии. Однако последующие работы показали «местные нюансы»: наличие тесел с перехватом, нехарактерных для Якутии, наличие признаков торцового микропластинчатого расщепления, сосуществование с комплексами палеолитического облика в раннем голоцене. Между 8 и 7 тыс. рад. л.н. именно в комплексах этого типа появляется керамика.

4.5.11. Павлова I

«Первые артефакты на территории стоянки Павлова I были найдены А.В. Тетенькиным в борту оврага в июле 2012 г. (см. Приложение 1). В 2017 году заложен разведочный шурф, выявивший культуросодержащий уровень в отложениях террасы. В 2018 г. проводились первые раскопки (Уланов А.А., Тетенькин А.В., 2019; Уланов А.А. и др., 2020). Памятник находится в 18 км ниже по течению от районного центра г. Бодайбо, на правом берегу р. Витим, на 8–9-метровой надпойменной аллювиальной террасе (рис. 84, 107). Терраса имеет прирусловой вал с превышением около 1,0 метра над тыловой и прибровочной частью, тело террасы рассечено поперечными ложбинами – промоинами временных водотоков» (Уланов А.А., и др., 2020, с. 13).

«На прирусловом валу простиранием более 50 метров шурфами выявлено залегание культурных остатков в двух уровнях: 1 культурный горизонт в подпочвенной коричнево-желтой супеси на глубине 0,16–0,30 см и 2 культурный горизонт в зеленовато-светло-бурой супеси в подошве субаэральной пачки отложений на глубине 0,40–0,43 от дневной поверхности (рис. 188).

1-й культурный горизонт представлен находками 175 артефактов: 68 фрагментов микропластин и 8 пластинок из кремня, 21 кремневой отщеп, 59

кремневых чешуек, 2 фронтальных скола с нуклеусов, 1 реберчатый скол, 16 отщепов из крупнозернистой породы (рис. 189.1–28, 190.1,2).

Во 2-м культурном горизонте выявлено углистое пятно – остатки кострища и выкладка из шести небольших камней в виде полукольца диаметром 7–8 см. К выкладке прилегали артефакты. В коллекцию артефактов входят 2 фронтальных скола с призматического нуклеуса из светло-розового кремня, оба с краевой ретушью по одному из продольных краев, 1 реберчатый скол, 32 микропластины, в основном, сегментированные, также из кремня серого, розоватого и темно-серого цветов, а также 27 отщепов и сколов из кремня и эффузивных пород камня (рис. 189.29–35, 190.3). Всего – 62 единицы.

По углю из кострища второго уровня получена AMS дата 9630 ± 50 л. н. (Poz-106864), календарный возраст около 10955 л. н. По углю из подстилающей линзы углефицированной древесины в кровле аллювиальной пачки – дата 10220 ± 50 л. н. (Poz-106966). По морфологии и петрографии артефактов оба уровня залегания культурных остатков идентичны друг другу. Возраст 1 культурного горизонта оценивается как близкий датировке 2 к. г. Артефакты обоих горизонтов представлены призматическими пластинками и микропластинами, фронтальными сколами с призматических нуклеусов, отщепами и чешуйками из кремня и окремнелых пород» (Уланов А.А. и др., 2020, с. 13). «Выборка из четырех артефактов была отправлена на порошковый дифракционный анализ, проведенный к.г.-м.н. Е.В. Каневой (Институт геохимии СО РАН, г. Иркутск). Дано общее определение для образцов кремней – скрытокристаллический кварц, содержащий в различной степени примеси альбита, каолинита, кальцита, пирита» (Уланов А.А. и др., 2020, с. 16).

При поддержке Э. Говри Ру и под общим руководством Г.Н. Поплевко (Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург) трасологическое исследование артефактов Павловой I провел А.А. Уланов (Уланов А.А. и др., 2020).

«В коллекции 1-го культурного горизонта следы использования обнаружены на 39 артефактах. 31 артефакт определен как ножи по мясу (рис. 189.1-8, 11, 13-17, 20-25, 27), 1 как нож по мясу с двумя рабочими лезвиями + микроскребок (рис. 189.18), 1 как микроскребок (рис. 189.9), 2 проколки (рис. 189.28), 1 резчик (рис. 189.19), резчик-скобель и резчик-строгальный нож (рис. 189.12) 10 ножей по мясу имеют следы на обоих лезвиях пластин» (Уланов А.А. и др., 2020, с. 16).

«В коллекции 2-го культурного горизонта следы использования обнаружены на 17 артефактах. Тринадцать из них определены как ножи для мяса, 5 из которых имеют два рабочих лезвия (рис. 189.29-35, 39-40). Орудия для обработки кости/рога представлены 1 резчиком-скобелем (рис. 189.36). Присутствует 2 комбинированных орудия на микропластинах (рис. 189.37-38). В коллекции 2 к. г. присутствует одна категория изделий, отсутствующая в 1 к. г. – строгальный нож по дереву на реберчатом сколе (рис. 189.41)» (Уланов А.А. и др., 2020, с. 19).

«подавляющее большинство орудий из микропластин определено в функциях хозяйственной стояночной деятельности – работ по мясу, шкурам, кости, рогу, минеральному материалу (мягкому камню)» (Уланов А.А. и др., 2020, с. 20).

Стоянка Павлова «интересна как самый ранний и становящийся одним из самых выразительных раннеголоценовых комплексов мезолитического облика на Нижнем Витиме, а трасологические исследования пластин и других продуктов пластинчатой индустрии этого круга стали первыми в региональной практике» (Уланов А.А. и др., 2020, с. 11). Ими было продемонстрировано многоцелевое использование вкладышевых орудий и пластин-лезвий, причем не в охотничьем оружии, а в инструментальной работе с разнообразными материалами от мяса до мягкого камня. Важно отметить, что морфологически однообразные сегменты пластин дали весьма разнообразную информацию о деятельности с ними (Уланов А.А. и др., 2020, с. 20–23).

4.5.12. Инвалидный III

Местонахождение Инвалидный III открыто в 1992 г. Е.М. Инешиным (см. Приложение 2). Оно располагается в 12 км ниже по течению р. Витим (к юго-западу) от райцентра г. Бодайбо, в 3 км ниже по течению от пригорода Колобовщина, на правом берегу р. Витим напротив устья р. Мамакан и пос. Мамакан, в районе паромной переправы через р. Витим (рис. 1, 2, 84, 191, 192). Памятник приурочен к 9-метровой надпойменной террасе, простирающейся сверху вниз по течению р. Витим от правого приустьевского мыса рч. Инвалидный до скального прижима в борту Витима. Исследования здесь проводились Е.М. Инешиным и автором многократно в течение 1992–2018 гг. (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2005; 2010, с. 211–214). В составе местонахождения Инвалидный III выделено три пункта.

4.5.12.1. Инвалидный III – Пункт 1

Пункт 1 находится в нижней по течению части археологического местонахождения Инвалидный III, в 775 м северо-западнее – ниже по течению от устья рч. Инвалидный, на участке причленения 12-метровой террасы к скальному прижиму. (рис. 191, 192).

Пункт 1 открыт Е.М. Инешиным в 2002 г. Раскопки на нем производились в 2002, 2003, 2009, 2010, 2011 гг. (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2005, с. 98–100). Выделено четыре уровня залегания культурных остатков: 1А к.г. в отложениях субаэрального генезиса, 1, 2 и 3 к.г. в отложениях аллювиального генезиса (пойменная фация) (рис. 193.1).

1А культурный горизонт имеет дату 4825 ± 85 л.н. (СОАН-8841) и относится к эпохе неолита. Он характеризуется находками призматического микропластинчатого нуклеуса, обломков тесел, вкладышами, пластинами, отщепами.

1 культурный горизонт имеет даты 9130 ± 90 л.н. (ГИН-14697) (уголь), 9160 ± 120 л.н. (СОАН-5279) (уголь) и 6120 ± 70 (СОАН-5166) (кость) и относится к эпохе мезолита.

Значительная часть стоянки уничтожена береговой эрозией. Кроме того, какую-то разрушительную роль сыграли микроложбины эпигенетического характера. Кромка берегового обрыва проходила через кострище. В раскопную площадь (30 кв. м) попал уцелевший остаток этого кострища и прилегающая к нему периферия. В материале характерно преобладание костных остатков над единичными каменными артефактами. Среди костных остатков отмечается наличие фрагментов конечностей, ребра, фрагменты челюстей, обрубок рога. Ряд костей предварительно определен как принадлежащий северному оленю (*Rangifer tarandus*).

Вскрыто кострище со скоплениями костных остатков, принадлежавших одной особи северного оленя, и немногочисленными каменными артефактами – клиновидным нуклеусом, отходами расщепления бифаса-преформы и оформления самого нуклеуса (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2005, с. 98). Отмечалось наличие в кострище большого количества чешуек и отщепов, жженной кости, галечных обломков, образованных в результате пирогенного растрескивания. Характерно залегание культурных остатков именно в зоне кострища (углистого пятна).

Археологические остатки на раскопе представлены изделиями, отщепами и чешуйками из камня, фрагментами костей, рыбьими позвонками. Найдено 233 фрагмента костей, 20 отщепов и чешуек, 1 нуклеус, 3 валуна и их обломков. В прирезке было найдено 896 отщепов и чешуек (в том числе 14 из горного хрусталя), 3 фрагмента микропластин, 4 фрагмента орудий, 1 лыжевидный скол, 2 рыбьих позвонка, 1492 фрагмента жженных и нежженных костей. Общая коллекция культурных остатков, таким образом, составила 2655 ед.

Индустрия расщепления представлена клиновидным нуклеусом-юбецу (из бифаса, с фронтальным оформлением площадки лыжевидным сколом), значительным количеством отщепов фасиального поджигления-утонышения бифасов, лыжевидным и трансверсальным сколами, микропластинами (рис. 192.1,2,4–7). Немногочисленные орудия и их фрагменты изготовлены из

отщепов краевой ретушью. Обращает на себя внимание ретуширование противоположащих краев по антитезе (рис. 194.2). В субстрате преобладает аргиллит ярко-коричневого цвета, отмечаются также отщепы из горного хрусталя.

Клиновидные нуклеусы техники юбецу и сопутствующие их производству лыжевидные сколы, отщепы утоньшения бифасов в голоценовых комплексах региона Байкало-Патомского нагорья и нижнего Витима выявлены впервые. Наиболее близкие аналоги ей находятся в 3А-12 культурных горизонтах Большого Якоря I, возрастом 12,7–11,7 тыс. рад. л.н. Сходство этого комплекса с горизонтами Большого Якоря I не ограничивается только нуклеусом, но выражается еще и в планиграфии культурных остатков (маломощные скопления культурных остатков вокруг единичных кострищ), на основе которой комплекс интерпретируется как кратковременный охотничий лагерь, и в топографии стоянок, расположенных на периодически затопляемой пойме у скального прижима. Вместе с 1 к.г. вторым комплексом, где абсолютное большинство составляет в дебитаже коричневый аргиллит, является культурный горизонт 3В Большого Якоря I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 188–197).

Архаичность выявленной индустрии играет роль и в оценке культурной специфики региона, определяемой корреляциями с сопредельными территориями Якутии, верхнего Витима, Северного Прибайкалья. По выводам Ю.А. Мочанова и С.А. Федосеевой, выстроенным, прежде всего, на материалах раскопок Авдеихи (верхний палеолит) и Большой Северной (эпипалеолит=мезолит), нижний Витим входил в ареал распространения археологических культур палеолита – железного века Якутии (Мочанов Ю.А., 1977). Финальноплейстоценовые комплексы изучаемого с 1985 г. Большого Якоря I не противоречили в целом этой схеме. В дальнейшем, материалы раскопок 3–4А культурных горизонтов Коврижки II, имевших ярко выраженный палеолитический облик, и открытие юбецу-большеякорской индустрии на Инвалидном III – пункте 1 показали, что эта

схема на нижнем Витиме не работает. Археологические комплексы палеолитического облика и палеолитические технические традиции транслировались здесь еще и в раннем голоцене. Ю.А. Мочановым и представителями якутской школы не раз утверждался тезис об отсутствии клиновидных нуклеусов и стоящей за ними технологии производства микропластин в эпипалеолите (сумнагинской культуре) и раннем неолите (сылахской культуре), приходящимися на 1-ю половину голоцена (10,5–5 т.л.н.) (Мочанов Ю.А., 1977, с. 250; Алексеев А.Н., 1987, с. 98; Соловьев П.С., 1993, с. 12–13).

4.5.12.2. Инвалидный III – Пункт 2

Пункт 2 выделен в 2003 г. в 400 м выше по течению от пункта 1 (рис. 191, 192). В 2002 и 2003 г. проводились раскопки этой стоянки (Инешин, Тетенькин, 2005, с. 98–100). В последующие годы хозяйственной деятельностью раскоп был уничтожен. В 2018 г. в непосредственной близости от уничтоженного раскопа, у бровки съезда к берегу на террасе был заложен шурф №2. Он выявил три уровня залегания находок, выше основного уровня залегания культурных остатков.

Артефакты 1-го культурного горизонта выявлены в кровле подпочвенной светло-желтой супеси (рис. 193.2). В средней части – находки 2-го культурного горизонта. В составе аллювиальных песков с слабогумусированными прослойками обнаружены единичные артефакты 3-го культурного горизонта. Ниже его на глубине около 1,40 м от дневной поверхности выявлено кострище и скопление культурных остатков 4-го культурного горизонта. Получена радиоуглеродная дата – 8925±110 л.н. (СОАН-4884).

Коллекция 2003 г. составила 3 нуклеуса, 3 скребка 1 резец, 165 фрагментов микропластин, в т.ч. 14 с рабочей ретушью, 402 отщепа, в т.ч. 287 чешуек, 18 галек целых, 8 галек битых, 1 поделка из граффитита (округлый закатанный кусок породы со следами шлифовки-скобления), 41 фрагмент кости (рис. 195.1–14). Всего – 642 единицы.

В 2020 г. технологический и трасологический анализ коллекции проводил А.А. Уланов (ИРНИТУ). Выявленные им следы на полиэдрическом резце на головке – дистальной части нуклеуса представлены тусклой кромочной микрозаполировкой. На микропластинах выделены орудия, связанные с обработкой мяса, кости/рога, растительных материалов, шкур, а также с охотничьим вооружением (метание). Ножи для мяса являются доминирующей категорией – 21 экз. с одним рабочим лезвием и 9 с двумя рабочими лезвиями. С обработкой кости связаны 1 сверло, 1 резчик–строгальный нож, пила и комбинированное орудие – пила и резчик. Следы метания обнаружены на 7 микропластинах.

Каменный ансамбль 4 культурного горизонта Инвалидного III – пункта 2 стал самым представительным паттерном группы ансамблей мезолитического облика, имеющим четкие, обеспеченные стратиграфические, хронологические, планиграфические и статистические позиции. Он в целом характеризуется как индустрия производства микропластин отжимом с призматических нуклеусов, основанная на эксплуатации качественного изотропного сырья – кремня в данном случае. Первым подобным комплексом стала стоянка Большая Северная, открытая и раскопанная С.А. Федосеевой в 1973 г. (Мочанов Ю.А., 1977, С. 206–209). Стоянка была определена как принадлежащая к сумнагинской эпипалеолитической раннеголоценовой культуре.

Роль 4 культурного горизонта Инвалидного III – пункта 2 состоит в том, что он доставил первый в этой группировке ассамбляж, актуально доступный для текущей аналитической работы. В последствии открыты и введены в научный оборот были другие комплексы этой группировки: Инвалидный III – пункт 3, 1А культ. гор. Коврижки III, 1 и 2 культ. гор. Павлова I (Тетенькин А.В., 2016а, с. 300–302; Уланов А.А. и др., 2020).

4.5.12.3. Инвалидный III – Пункт 3

Пункт 3 находится в 100 метрах выше по течению от пункта 1 (рис. 191, 192). В 2003 г. была устроена первая врезка и выделен пункт 3. В 2009 и

2018 г. заложены шурфы. Выявлено 4 уровня залегания культурных остатков (рис. 193.3). Находки 1 к.г. представлены отщепами под почвенно-дерновым горизонтом. Находки 2, 3, 4 к.г. представлены немногочисленными культурными остатками в пирогенных прослойках в составе пойменного аллювия. 2-й культурный горизонт имеет дату 8300 ± 130 л.н. (СОАН-8840). 3-й культурный горизонт – дату 8665 ± 85 л.н. (СОАН-5278).

Находки 3-го культурного горизонта залегают в нижней из трех прослоек погребенных почв. Находки 3-го культурного горизонта залегают в нижней из трех прослоек погребенных почв (лит. слой 7). Это два призматических микронуклеуса (из кремня и из халцедона), две микропластины, 25 отщепов из сиенита и халцедона (рис. 195.15–17). Во второй прослойке – 2-м культурном горизонте – найден вкладыш (микропластина с краевой ретушью). Вместе с раннеголоценовым возрастом ок. 8,6–8,3 тыс. рад. л.н. / 9,7–9,2 тыс. кал. л.н. эти находки позволяют определить комплексы 2 и 3 к.г. к ассамбляжам типа Большой Северной (Тетенькин А.В., 2011, 2018).

«Пляжный материал содержит 2 тесла, в том числе одно с “перехватом”, скребок, молот-пест, 2 призматических нуклеуса, 1 крупный нуклеус для отщепов, призматические пластины, отщепы и сколы различной конфигурации, 1 фрагмент керамики с сильно заглаженными оттисками шнура на поверхности (рис. 196, 197). Субстрат изделий: яшмовидный кремень и халцедон (призматические микропластины), микрокварцит, кристаллический сланец, сиенит, диабаз» (Тетенькин А.В., 1999б, с. 128). Большинство материала типологически коррелирует с комплексами основных культурных горизонтов 4 к.г. пункта 2 Инвалидного III, 2 и 3 к.г. пункта 3 Инвалидного III.

4.6. Радиоуглеродная и относительная хронология раннеголоценовых комплексов Северного Прибайкалья

Единственный датированный памятник эпохи раннего голоцена на Севере Верхней Лены – стоянка Любавская, возраст около 11,26 тыс. л.н.

Раннеголоценовые стоянки Северного Прибайкалья Курла IV, II и III к.г., Лударская I, III, Балтахаонова II, III, V, Богучанский остров III, Богучанская V, Красный Яр II, Горячая 1, 3 радиоуглеродных дат не имеют, и их возрастные оценки сделаны на основе культурно-типологической корреляции с опорными мезолитическими / докерамическими комплексами Западного Прибайкалья и Якутии.

На Верхнем Витиме возраст раннеголоценовых 6, 5, 4 культурных горизонтов Усть-Каренги I-XVI контролируется двумя датами около 7,73 и 6,96 тыс. л.н., полученными для 4 культурного горизонта Усть-Каренги III. Возрастом около 8,72 тыс. л.н. и 8,41–8,04 тыс. л.н. датируются 5а культурный горизонт и заложенное с его уровня погребение на стоянке Нижняя Джилинда (Сивакон) I, возраст 5 к.г. – 8,38 тыс. л.н., 4 к.г. – 7,58 тыс. л.н. По могильнику Старый Витим II получена серия радиоуглеродных дат, на основе оценки которых определен хронологический интервал могильника 8,2–7,2 тыс. л.н.

На Нижнем Витиме наиболее ранние датированные радиоуглеродным методом раннеголоценовые комплексы 2 к.г. Коврижки IV и 2 к.г. Павлова I имеют возраст 11,43 тыс. л.н. и 10,95 тыс. л.н., соответственно. Радиоуглеродные датировки возраста имеют 1 и 1А к.г. Коврижки III, ок. 9,0 тыс. л.н. и 9,08–9,20 тыс. л.н.; 3 и 4А к.г. Коврижки II, ок. 9,20 и 9,14 тыс. л.н.; Инвалидный III – пункт 1, 1 к.г., ок. 10,35–7,0 тыс. л.н.; Инвалидный III – пункт 2, 3 к.г., ок. 10,0 тыс. л.н.; Инвалидный III – пункт 3, 3 и 2 к.г., ок. 9,65 и 9,27 тыс. л.н., соответственно. Возраст стоянки Большая Северная оценивался на основе культурно-типологических показателей сходства с сумнагинской раннеголоценовой эпипалеолитической / мезолитической культурой Якутии.

4.7. Морфо-типологическая характеристика инвентаря археологических комплексов раннего голоцена Северного Прибайкалья

В раннем голоцене 12–8 тысяч лет назад ведущей новацией стало распространение техники массового производства микропластин с

призматических нуклеусов, традиционно воспринимаемых как признак мезолит – неолитических культур (Медведев Г.И., 1971б, с. 109–110; Савельев Н.А., Свинин В.В., 1990, с. 118–119). На Северном Байкале предложена ее связь с развитым мезолитом Приольхонья и Приангарья: XI (ГЗ) к. г. Улан-Хады I, Берлога (VII–нижний, средний, верхний к. г.), Саган-Нугэ (X–IX–VIII к. г.), Итерхей (IX–VIII к. г.), Кулары III (VI–V–IV к. г.), (Хлобыстин Л.П., 1965, с. 271; Савельев Н.А., Свинин В.В., 1990; Горюнова О.И., 1991; Горюнова О.И., Хлобыстин Л.П., 1992; Баруздин и др., 1992; Горюнова О.И., Новиков А.Г., 2000; Горюнова О.И., Воробьева Г.А., 1986, 1998; Воробьева Г.А., Горюнова О.И., 1997), нижний, мезолитический к. г. стоянки Царь-Девница на Ангаре (Медведев Г.И., 1971; Георгиевский А.М., Медведев Г.И., 1980). Помимо призматических нуклеусов и призматических пластинок, занимающих значительную, если не превосходящую роль в общем количестве дебитажа стоянок, ключевую роль в морфотипологических корреляциях сыграли полиэдрические резцы (резцы-дрили) (рис. 50.28–34), срединные резцы (рис. 51.15, 53.10), трансверсальные резцы (рис. 47.14,15,17), тесла с перехватом (рис. 48.1, 49.2, 52.2,3).

На Севере Верхней Лены и на Нижнем Витиме типологические корреляции связывают этот технокомплекс с сумнагинской культурой Якутии (Мочанов Ю.А., 1977). Сложность ситуации для Нижнего Витима, однако состоит в сосуществовании новых ассамбляжей со стоянками палеолитического облика типа Авдеихи и типа Большого Якоря (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2005, с. 102). С одной стороны, есть признаки выработки новой призматической формы нуклеуса в палеолитических комплексах Коврижки III еще в финале сартана (рис. 159.1,3, 170.4,5) (Тетенькин А.В., 2016, с. 305). С другой стороны, субстрат новых комплексов, обозначенных как ассамбляжи типа Большой Северной, кремль, судя по всему, происходящий с Сибирской платформы, граница которой проходит по Лене, указывает на трансляцию призматического технокомплекса с Лены и Якутии. «Их отличает массовое производство

микропластин и пластинок с призматических нуклеусов вместо клиновидных, сужение набора формальных орудий до концевых скребков и галечных тесел с перехватом, расщепление кремня, вулканического стекла, вместо эффузивных пород дацита, диабаз, порфирита и др. ... К группе стоянок типа Большой Северной помимо эпонима сегодня относятся Павлова I – 1, 2 к. г., Инвалидный III – пункт 2–3 к. г., Инвалидный III – пункт 3–2, 3 к. г., Коврижка III – 1А к. г.» (Уланов А.А. и др., 2020, с. 12) Трасологические исследования, проведенные А.А. Улановым и Г.Н. Поплевко на материалах Павлова I и Инвалидного III, полноценно демонстрируют, использование микропластин в разнообразных функциях не только в охотничьей, но и в домашней, стояночной деятельности по переработке ресурсов (Уланов А.А. и др., 2020, с. 23). На этой основе данных о разнообразном применении микропластин можно утверждать, что «в индустриях сумнагинского микропластинчатого облика имел место расцвет вкладышевой техники. Такие орудия использовались, практически, в большинстве сфер производственной деятельности. В комплексах палеолитического облика сартанского или раннеголоценового возраста эти «домашние» производственные задачи решались морфологически разнообразными сколами с унифасиальной или бифасиальной обработкой и без таковой. На стоянках типа Большой Северной и на Павловой, в частности, это разнообразие орудий исчезает» (Уланов А.А. и др., 2020, с. 20–23). О роли вкладышей-микропластин в охотничьем вооружении в раннем голоцене свидетельствуют материалы могильника Старый Витим II (рис. 83) (Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В., 2020, с. 28–29). Здесь реконструированы двулезвийные клинки-наконечники с наборными лезвиями из микропластин-вкладышей (рис. 83).

С другой стороны, на Нижнем Витиме открыты археологические комплексы раннеголоценового возраста поздневерхнепалеолитического облика, обобщенная характеристика, которого приведена в главе 3. Часть этих комплексов (Коврижка II, 2, 3, 4, 4а к.г.) содержит нуклеусы

коврижжинского типа (рис. 177), часть (Инвалидный Ш. Пункт 1, 1 к.г.) технокомплекс и нуклеусы юбецу-большеякорского типа (рис. 194.1) (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2005, с. 98–100; Тетенькин А.В., 2018, с. 184).

На Верхнем Витиме в голоцене каменная индустрия усть-каренгской культуры развивается в сторону мезолит-неолитического стандарта. При сохранении клиновидных нуклеусов и трансверсальных резцов, знаковых для раннего этапа / финального сартана, уменьшается их доля. Увеличивается «мезолитический» компонент: призматические микронуклеусы, резцы, вкладыши, остроконечники из микропластин (рис. 59) (Ветров В.М., 2011, с. 175). Сохраняется в качестве изолята усть-каренгская керамика (рис. 63). Ее нет уже в соседней верхневитимской стоянке Нижняя Джилинда (Сивакон) I (Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М., 1993). На Нижней Джилинде были найдены изделия из витимского нефрита, чего нет на Усть-Каренге. Усложняет картину единственное погребение с Нижней Джилинды. С уровня его заложения, из 5а к.г. происходят шлифованные ножи китойского ранне-неолитического типа (рис. 71.14–16). Антропологический и генетический материал погребения связывается с юго-восточной ветвью монголоидной расы (Ветров В.М., Инешин Е.М., 2019, с. 469–470).

Помимо призматической техники общим типом, проникающим в районы Северного Прибайкалья, являются тесла с перехватом, на запад распространенные в финальном мезолите вплоть до Енисея (Медведев Г.И., 1971, с. 108; Усов П.А. и др., 1992). Такие тесла встречены на Северном Байкале на местонахождениях Курла IV, к.г. II, Лударская I, Балтаханова II, Богучанская IV (рис. 48.1, 49.2, 52.2, 3), на Верхнем Витиме на Усть-Каренге I-XVI, к.г. 4 (рис. 59.31), на Нижнем Витиме на местонахождениях Коврижка I, пляж, Коврижка IV, 1 к.г., Инвалидный Ш, пляж (156.16, 183.1,3,4, 196.3,4). В Западном Прибайкалье Г.И. Медведевым тесла с перехватом определены как маркерный финально-мезолитический тип (Медведев Г.И., 1971, с. 108).

В атрибуции раннеголоценовых археологических комплексов Северного Прибайкалья к археологическим эпохам встает проблема выделения в регионе «эпипалеолита», «мезолита», «неолита».

Употребление термина мезолит на сегодняшний день является дискуссионным (Лынша В.А., 1978; 1980, с. 3–5; Медведев Г.И., 1980, с. 4; Бердникова Н.Е., 1990, 2014, с. 25–27; Бердников И.М., Бердникова Н.Е., 2018, с. 204; Ветров В.М., 1990; Медведев Г.И. и др., 2000; Генералов А.Г., 2000, с. 68). Как известно, в Восточной Сибири идея мезолита была обоснована в 1960–1970-х гг. трудами Г.И. Медведева и М.П. Аксенова (Аксенов М.П., Медведев Г.И., 1966; Аксенов М.П., 1980; Медведев Г.И., 1966, 1971а, 1971б, Георгиевский А.М., Медведев Г.И., 1980; Медведев Г.И., Михнюк Г.Н., Шмыгун П.Е., 1975; Мезолит ..., 1971, 1980). На материалах, прежде всего, опорных стоянок Усть-Белая, Верхоленская Гора была показана трансформация культуры населения в период перестроек климата в финале плейстоцена – раннем голоцене. Мезолит получил выражение в комбинированном охотничье-рыболовном хозяйственном укладе и в микропластинчатом (микролитическом) расщеплении как доминанте каменного производства (Медведев Г.И., 1971в, с. 77).

На Нижнем Витиме открыты археологические комплексы раннеголоценового возраста, имеющие финальнопалеолитический облик. Это, в частности, раннеголоценовые культурные горизонты (3, 4, 4А) Коврижики II, Инвалидного III – пункта 1 (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2005, с. 100–103; Тетенькин А.В., 2010, с. 129). Они не имеют значительных отличий от финальнопалеолитических комплексов плейстоценового возраста. С другой стороны, открыты синхронные первым раннеголоценовые комплексы, в которых микропластинчатое расщепление призматических нуклеусов, действительно, имеет массовый, доминантный характер, вполне укладывающийся в морфо-типологические критерии мезолита. Речь идет об ансамблях Большая Северная, Инвалидный III – пункты 2 и 3, Коврижка III – 1А к.г., Павлова I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2005, с. 100; Тетенькин

А.В., 2010, с. 129; 2016, с. 302). В этой исследовательской ситуации вместо совместного употребления терминов финальный палеолит и мезолит для времени раннего голоцена и для одного района более уместно говорить о комплексах палеолитического, либо мезолитического облика.

Проблема употребления термина «неолит» в археологии Верхнего Витима была вскрыта В.М. Ветровым (Ветров В.М., 1990). Керамика появляется в комплексах финального палеолита финальносартанского возраста Усть-Каренга I-XVI на Верхнем Витиме (Ветров В.М., 1986а, 1992, с. 9; Ветров В.М., 1995, с. 30; Ветров и др., 2000, с. 14; Ветров В.М., 2000, с. 29; Ветров В.М., Кузьмин Я.В., 2005, с. 61; Ветров В.М., 2006а, с. 173; Ветров В.М., 2006б, с. 12; Ветров В.М., 2007, 30; Ветров В.М., 2011, с. 175). В этом отдельном случае керамические комплексы могут быть определены скорее, как керамический финальный палеолит, чем неолит, хотя известно и определение в подобной ситуации сартанских археологических комплексов Приамурья с керамикой как начальный (инициальный) неолит (Shoda Sh. Et al., 2020, p. 3). Усть-каренгская керамика как ведущий признак усть-каренгской культуры просуществовала до времени атлантического оптимума. На этом позднем этапе каменная индустрия усть-каренгских стоянок имеет уже вполне развитый неолитический облик так, что ни возраст, ни морфотипологический состав ансамблей уже не противоречат отнесению к неолиту. В этом контексте мезолит в любом из смыслов употребления выпадает. С другой стороны, раннеголоценовые комплексы долины Витима с развитым пластинчатым инвентарем, не имеющие керамики, на этом основании формально могли быть отнесены к мезолиту. Это, прежде всего, стоянка с погребением Нижняя Джилинда (Сивакон)-I (Ветров В.М., Инешин Е.М., Задонин О.В., 1993), а также бескерамические комплексы Коврижка I – 2 культурный горизонт, Коврижка V – 1 культурный горизонт, датируемые временем, для которого появление керамики уже известно (Тетенькин А.В., 2010, с. 72; Тетенькин А.В., Ветров В.М., Демонтерова Е.И., 2018, с. 20–23; Исаев А.В., Тетенькин А.В., 2017, с. 75–77). По сути, формальное отнесение

по тем или иным признакам памятников Витима к мезолиту и неолиту порождает чересполосицу археологических эпох. В описании материала в практике археологии Нижнего Витима употребление терминов «палеолит» и «мезолит» имеет смысл в характеристике каждого отдельного комплекса культурных остатков как ансамбля палеолитического (финальнопалеолитического) или мезолитического облика. В этом смысле значение терминов имеет конвенциональный характер.

Заканчивая тему употребления основной терминологической лексики археологического времени, следует подчеркнуть различное отношение к мезолиту и неолиту севера Прибайкалья. Тема наступления неолита в смысле появления керамики, несомненно, важна как поиск и открытие важного рубежа в эволюции человеческой культуры. Употребление термина «мезолит» востребовано в задаче координации раннеголоценовых комплексов Северного Прибайкалья с объектами соседних районов, традиционно уже определенными как мезолит. Внутри исследовательской ситуации, как было показано выше, в виду вариабельности сосуществования памятников палеолитического и мезолитического обликов, бескерамических и керамических, употребление термина мезолит как обозначения общей археологической стадии невозможно и лишено на сегодняшний день смысла.

Вопросы реконструкции культурных процессов, группирующих материальную культуру территориально-хронологические культурные комплексы, рассмотрены в Главе 5.

Глава 5. Морфо-типологическая корреляция археологических комплексов и реконструкция культурных процессов Северного Прибайкалья в контексте археологии среднего верхнего палеолита – мезолита Восточной Сибири

Наиболее ранние, первые «регулярные» археологические комплексы, обладающие признаками четкой стратификации, сохранившегося планиграфического рисунка, типологического набора каменной индустрии, содержащие датирующие материалы, в Северном Прибайкалье отмечаются с начала сартанского криохрона (MIS 2). Однако накоплен и ряд археологических свидетельств более раннего возраста. Это, в основном, малочисленные или единичные находки палеолитического облика в переотложенном или экспонированном состоянии. Они указывают на существование людей в регионе в палеолите, в досартанское время.

Наиболее выразительным является местонахождение Балышово I на севере Верхней Лены, раскопанное О.В. Задониным. Комплекс кварцитовых артефактов залегал в отложениях, относимых к средней мурукте – раннему сартану, датируется средне-позднемуруктинским возрастом (более 50 тыс. л.н.) и имеет ашело-мустерский облик (Задонин О.В., 1992, с. 132). Верхнепалеолитический компонент отсутствует.

В бассейне нижнего течения Витима, в верховьях р. Мама известно местонахождение Мукадек II, открытое Е.М. Инешиним и автором в 1995 г. В нем найден нуклеус кремнистой породы (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2000, с. 143). Вмещающие артефакт отложения определены как продукты переработки процессами склонового сноса ледниковых отложений. Нуклеус монофронтальный высокий, бипродольный. Второй фронт более короткий, вероятно, имел значение подбора дистального конца для первого фронта. Морфо-типологически по таким признакам как бипродольное расщепление брусковидной отдельности для получения крупных и средних пластин этот предмет подобен нуклеусам начального верхнего палеолита Южной Сибири

и Центральной Азии от кара-бумовской индустрии Горного Алтая до комплексов Толбор-21, гор. 3А, 3В или Толбор-4, слой 4b в Северной Монголии (Белоусова Н.Е., Рыбин Е.П., Федорченко А.Ю., 2019, с. 243; Рыбин Е.П., Хаценович. А.М., 2020, с. 298).

В верхнем течении Витима В.М. Ветров нашел нуклеусы леваллуазского облика с дефлированными поверхностями на местонахождениях Усть-Юмурчен, Усть-Кадамия, Усть-Каренга (Ветров В.М., 2011, Табл. 9). С этих находок была поставлена проблема открытия на Верхнем Витиме ранних, досартанских отделов палеолита (Ветров В.М., 2011, с. 177).

На севере Байкало-Патомского нагорья автором сделаны находки археологического материала палеолитического облика, вероятно, досартанского возраста на местонахождениях Мариинское, Предвещающий, Усть-Хомолхо на р. Жуя в районе пос. Перевоз (Тетенькин А.В., 2005).

Выразительные коллекции дефлированного палеолитического по облику материала были сделаны в соседнем Олекминском районе Якутии. В частности, местонахождения Усть-Олекма и Юнкюр, Чингалах на Средней Лене оцениваются как раннепалеолитические. Единичными раннепалеолитическими находками представлены также Усть-Чара, Хара-Балык и Тимир-Хая (Алексеев А.Н., Черосов Н.М., 1992, с. 133, 142; Шараборин А.К., 2015, с. 73).

Обобщая эти провизорные данные, следует признать их как следы обитания человека в разных районах Северного Прибайкалья в различные эпохи раннего – раннего позднего палеолита, в досартанское, в целом, время.

В позднем плейстоцене все четыре района «пережили» действие климатических и геологических процессов, отрицательно сказавшееся на тафономии культуровмещающих отложений. Вместе с труднодоступностью северных территорий это сыграло роль в малочисленности и возрастной ограниченности памятников палеолита Северного Прибайкалья. На территории Сибирской платформы, куда входит и долина верхней Лены,

таким негативным фактором стал раннесартанский солифлюксий, едва ли не тотально разрушивший и замешавший культурные отложения более ранних возрастов (Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири, 1990, с. 17). На Витиме в роли такого деструктивного фактора выступило Витимское (Муйское) палеозеро, отрицательно влиявшее как на нижнее, так и на верхнее течение Витима (Margold M., et al., 2018, p. 42, Fig. 2). Подпор ледником и заполнение палеозера вел к подтоплению значительного отрезка верхнего Витима, включая первые сотни километров вверх по течению от Муйского расширения. Прорыв озера уничтожил все рыхлые отложения вниз по течению Витима. Последний такой прорыв случился около 20 тыс. л.н. На Северном Байкале развитые горно-долинные ледники, глубоко продвинутые к озеру и ныне затопленные конечные морены, переуглубленные русла притоков Байкала вместе с расчетами уменьшения речного стока при оледенениях указывают на более низкий, чем ныне, уровень воды в озере (Байкаловедение, 2012, с. 378–379). По разным оценкам уровень воды был ниже от 30–45 до 300 м. В этих условиях для поселения была пригодна относительно небольшая кромка береговой суши между глубоко выдающимися к озеру ледниками и акваторией. Большая часть этой прибрежной зоны ныне затоплена. Отсюда редки объекты археологии донеолитического возраста.

Имеющиеся палеогеографические представления должны быть осмыслены в ключе возможных перспективных и ограничивающих факторов передвижения человеческих коллективов и культурной передачи. В роли основных каналов социокультурного транзита являются главные реки региона Лена и Витим, формирующие контур Северного Прибайкалья, связывающие его с районами Южной Сибири к западу и востоку от Байкала и с районами Якутии вниз по течению Лены. Логично допустить, что существование горно-долинных ледников усиливало роль главных рек как коммуникационных путей, делая водоразделы и внутренние горные районы труднодоступными. Очевидно, что Муйское палеозеро, в тех или иных

пределах существовавшее в котловине, устанавливая береговую линию, оказывало воздействие на возможность передвижения. Северное побережье Байкала в летнее время года ландшафтом сочетания узкой полосы суши, ограниченной водной артерией и спускавшимися по долинам ледниками, может напоминать тихоокеанское побережье севера Северной Америки в районе Кордильерского ледникового щита (Fedje D., et al., 2011, p. 338; Mackie Q. et al., 2013, p. 144–145). Стоит упомянуть здесь идею Л.П. Хлобыстина о роли резервуарного эффекта озера в образовании более комфортных условий обитания в ледниковый период (Хлобыстин Л.П., 1965, с. 252). С другой стороны, в зимний период озеро, как и реки, скованно льдом, что делает возможной коммуникацию между южными и северными районами Байкала по кратчайшему, т.е. прямому пути.

5.1. Этап 1 – ранний сартан (28–21 тыс. л.н.).

Раннесартанский этап на сегодня в Северном Прибайкалье является рубежным в деле появления полноценных в вышеуказанном смысле археологических комплексов, вполне уже приложимых для построения региональной культурно-хронологической модели. С началом сартанской эпохи MIS-2 связаны местонахождения Алексеевск на севере Верхней Лены, Бамовская на р. Киренга (приток р. Лена) и Мамакан VI на Нижнем Витиме.

Стоянка Алексеевск I относится к раннесартанскому периоду, около 27–25 тыс. л.н. Ее культурные остатки залегают в пачке отложений сартанского солифлюксия. Судя по датам около 22 и 24 тыс. л.н. возможно, что в солифлюциированных культуросодержащих отложениях наложены остатки двух или более эпизодов обитания. Ведущим техническим признаком индустрии Алексеевска является производство мелких пластинок с грубопризматических нуклеусов (рис. 8). Скалывание велось, в основном, ударом через посредник, с применением приемов отжима. Характерной чертой является неторцовый характер расщепления – плоскостная дислокация фронта на нуклеусе. Под пренуклеус годился любой осколок или кусок кремнистой породы подходящих параметров угла скалывания, ударной

и фронтальной плоскостей. Грубопризматические пластинки с неровными субпараллельными краями составляли основу инструментария.

Автор открытия и раскопок Алексеевска О.В. Задонин справедливо указывал на отличие его культурного комплекса от дюктайской культуры Якутии и сходство с основным слоем Мальты, а также Буретью и Ачинской стоянкой (Задонин О.В., 1996, с. 21). Следом за ним идею контактной зоны между ареалами дюктайской бифасиальной и мальтино-афонтовской унифасиальной традиций в районе Алексеевска высказал Ю.А. Мочанов (Мочанов Ю.А., 2007, с. 83). Действительно, ключевых для дюктайской культуры бифасов и изготовленных из них клиновидных нуклеусов в Алексеевске нет. Вместо микропластинчатой техники отжима клиновидного нуклеуса существовала техническая традиция субпризматического мелкопластинчатого производства. По признаку доминирующей орудийной формы мелкой пластинки с краевой ретушью Алексеевск находится в одном ряду с Мальтой и Буретью близких ему по возрасту (Абрамова З.А., 1984, с. 315; Medvedev G.I., 1998, p. 128; Медведев Г.И. и др., 2001, с. 61–63).

В этой связи следует отметить, что существует критика отнесения Ю.А. Мочановым начала дюктайской культуры ко времени около 32 тыс. л.н., корректности датировок ранних дюктайских комплексов и отнесения стоянок древнее 20 тыс. л.н. (Эжанцы, Ихинэ I и II, Усть-Миль II) к дюктайской культуре (Абрамова, 1984, с. 325–326; Yi Seonbok, Clark G., 1985; Питулько В.В., Павлова Е.Ю., 2010, с. 194). С точки зрения критикующих «все встает на свои места» и дюктайская культура займет взаимоувязанную позицию, если мы будем признавать временем ее существования только сартанскую эпоху. Это было бы логично, например, если допустить происхождение дюктайской культуры от селемджинской (Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон, 1998, с. 75). С нашей точки зрения, признавая право на существование аргументированной критики, следует признать и такое право за Ю.А. Мочановым. Вопрос может быть разрешен работой на разрезах на самих местонахождениях, как это было сделано с передатированием VII слоя

Ушков I–V (Goebel T., Slobodin S.B., Waters M.R., 2010, p. 2646–2647). До тех пор точка зрения автора выделения дюктайской культуры Ю.А. Мочанова не может считаться опровергнутой.

Аналогичные, в принципе, алексеевским грубопризматические мелкопластинчатые нуклеусы найдены на местонахождении Шишкино VIII на Верхней Лене, в Качугском геoarхеологическом районе (на что указывал сам С.Н. Пержаков, персональная коммуникация) (Пержаков С.Н., 2006, рис. 2.1, 3, 6). Археологический материал там патинизирован, в отличие от алексеевского. По кости имеется дата 21190 ± 175 л.н. (AA-8882). Условия залегания артефактов в составе склонового пролювиального сноса в пачке смятых раннесартанским солифлюксием отложений указывает на то, что, весьма вероятно, артефакты имеют более древний возраст, и дата указывает лишь на верхнюю границу возрастной оценки, т.е. артефакты не моложе ее, а могут быть и древнее. В контексте изучения стоянки Алексеевск корреляция с материалами Качугского района Верхней Лены указывает на распространение в раннем сартане (начале MIS-2) мелкопластинчатого производства – расщепления грубопризматических нуклеусов по всей Верхней Лене. Учитывая, вероятно, более древний возраст Шишкино VIII и свидетельства пластинчатого производства в более ранних памятниках Верхней Лены Макарово III и IV, напрашивается вывод о местных корнях этой традиции, уходящих в ранний – средний отделы позднего палеолита.

Традиция призматического мелкопластинчатого производства, впервые проявленная в Алексеевске, на нем не заканчивается. На севере Верхней Лены она является доминантой в индустрии Балышово III (средне-позднесартанский возраст) и как осязаемый компонент каменной индустрии наряду с микропластинчатым расщеплением клиновидных нуклеусов сохраняется на Чайке II, Бамовской и Вешнем Ручье, III к.г.

Вторым памятником этого хронологического интервала в районе севера Верхней Лены является стоянка Бамовская (Краснощеков В.В., 2009, с. 242). Единственная радиоуглеродная дата ок. 18,4 тыс. рад. л.н. указывает

на календарный возраст ок. 22,2 тыс. л.н. В ее индустрии присутствует мелкопластичатый, условно говоря, алексеевский технический компонент. Но вместе с ним отмечается древнейшее проявление на севере Верхней Лены техники клиновидного нуклеуса и производства с него микропластин (рис. 17, 18). Оценить, интерпретировать этот научный факт возможно именно как признак проникновения в район севера Верхней Лены микропластинчатой клиновидной технической традиции. Причем, судя по одной пока датировке, в довольно раннее время. Впрочем, мы знаем о существовании этой технической традиции на юге Западного Прибайкалья в нижних горизонтах Красного Яра I уже около 23 тыс. кал. л.н. (Medvedev G.I., 1998, p. 129). Следует отметить на Бамовской и раннее, если опираться на существующую дату, время появления формы трансверсального резца. Однако, окончательные суждения о Бамовской следует строить только после верификации датировки, полученной по древесному углю и почве из вмещающих отложений (Краснощеков В.В., 2009, с. 242).

Важную, необходимую роль в оценке места Алексеевска в панораме позднего палеолита Северного Прибайкалья играет его обсуждение на фоне имеющихся синстадиальных археологических материалов Нижнего Витима, как района соседнего, соединенного единой Лено-Витимской речной сетью.

На Нижнем Витиме древнейший стратифицированный археологический комплекс расположен в Мамаканском геoarхеологическом районе. Это местонахождение Мамакан VI (Тетенькин А.В., 2014). Верхний предел интервала возможного его датирования ограничен датировкой последнего катастрофического прорыва Муйского палеозера. Согласно имеющейся модели заполнения подпрудного Муйского озера (Margold M., et al., 2018, p. 52–53), его прорывы имели катастрофический характер, каждый раз «обнуляя» долину Витима – вынося и уничтожая до цоколя покровные рыхлые отложения, включая возможные в них культурные остатки. В последние 60 тысяч лет, судя по полученным данным, такие прорывы случались, как минимум, трижды. В последний раз около 20 тыс. л.н. Возраст

археологического комплекса Мамакана VI должен быть не древнее этого времени и не моложе 19 тыс. л.н., времени существования стоянки 6 к.г. Коврижки IV. Одна из имеющихся радиоуглеродных дат – ок. 21 и 18 тыс. рад. л.н., вероятно, отражает время существования стоянки Мамакан VI.

Каменная индустрия Мамакана VI включает такие компоненты как микропластичатое микролитическое производство, производство крупных пластин, производство отщепов, расщепление кристаллов дымчатого кварца, утилизация сланцевых плиток. Микроиндустрия представлена короткими клиновидно-ладьевидными микронуклеусами с высотой фронта 1–1,5 см (рис. 90.2,5). В этой своей короткой форме они могут напоминать высокие кареноидные скребки и многофасеточные поперечные резцы (рис. 90.3,4). В таком смешанном, морфологически неспецифицированном характере микронуклеусов, по нашему мнению, проявляется архаичный, ранний характер становления техники клиновидного микронуклеуса. Прослеженные морфо-типологические аналоги уводят в Забайкалье на стоянку Усть-Менза-2, к.г. 19, 20, в Тункинскую котловину на стоянку Туяна, в Монголию на стоянку Толбор-15, к.г. 5 (Константинов М.В., 1994, с. 105, рис. 73; Gladyshev S.A. et al., 2010, p. 39; Козырев А.С. и др., 2012, рис. 4.1). Взятые вместе эти корреляты составляют траекторию вероятной трансляции технической традиции отжима коротких микропластин с торцово-ладьевидных нуклеусов из Центральной Азии (Монголии) через Забайкалье, верхний Витим. Помимо микронуклеусов следует назвать еще два резца с поперечным-трансверсальным и срединным-диагональным резцовыми сколами. В первом случае это, формально, скребок с трансверсальным сколом или сработанный трансверсальный резец с ретушированным телом (рис. 90.1). Во втором случае это типологически выразительный срединный многофасеточный резец с притупленным крутой краевой ретушью продольным краем тела (рис. 90.4), морфологически идентичный резцам основного комплекса Суворово III в Приморье. Р.С. Васильевский и С.А. Гладышев датируют этот комплекс возрастом около 10–8 тыс. л.н. (Васильевский Р.С., Гладышев С.А., 1990, с.

105), Н.А. Кононенко относит ко времени 12–11,5 т.л.н. (Охотники-собиратели бассейна Японского моря..., 2005, с. 128), Крупянко А.А., Табарев А.В. предлагают для него возраст около 23 тыс. кал. л.н./19 тыс. рад. л.н. (Крупянко А.А., Табарев А.В., 2011, с. 115).

Материалы макропластинчатой индустрии не многочисленны. Это параллельного принципа расщепления пластины и пластинчатые сколы. Уцелевшие крупные рудименты ударных площадок фасетированы. Наиболее крупная пластина имеет 8 см в длину (рис. 90,8,9). Она состоит из двух равных в длине медиальных сегментов. Равенство их позволяет предположить намеренную фрагментацию. Мы считаем возможным коррелировать эту часть индустрии с традицией производства макропластин толбагинской культуры Забайкалья, в частности, например, с Восточным комплексом Подзвонкой (Константинов М.В., 1994, с. 136–141; Ташак В.И., 2016, с. 168–169).

Интересен сюжет с использованием плиток углисто-глинистых слабометаморфизованных сланцев (рис. 91.1–4). На Витиме это единственные свидетельства утилизации палеолитическим человеком данного материала. Вместе с тем сланцы являются изобилующей, массовой породой во внутренних районах Байкало-Патомского нагорья. Если микролитический и макропластинчатый компонент индустрии Мамакана VI рассматривается как признак забайкальской культурной трансляции, то использование местного сланцевого сырья, характерного в большей степени не для долины Витима, а территорий его притоков, является примером адаптации к местной ресурсной базе.

В индустрии Мамакана VI впервые для палеолита Нижнего Витима появляется расщепление и эксплуатация такого сырья как кварц (чистый, дымчатый, жильный). Несомненно, здесь она связана с общим процессом орудийного производства, с техническими традициями эксплуатации эффузивного сырья. В частности, мы видим переключку в оформлении нуклевидно-резцово-кареноидным способом лезвия резца из раухтопаза (рис.

90.3,5). В более поздних палеолитических комплексах заметная доля кварцевого сырья всегда будет присутствовать.

После того, как выделены и описаны забайкальские корреляты, следует обратить внимание на отсутствие в индустрии Мамакана VI четких аналогий с дюктайской культурой Якутии. Отдавая отчет в остаточном характере комплекса, разрушенном и природными, тафономически негативными и техногенными процессами, стоит, тем не менее, отметить отсутствие в нем руководящих дюктайских признаков – крупных бифасов и изготовленных из них клиновидных нуклеусов (Мочанов Ю.А., 1977, с. 225; 2007, с. 109).

Идея юго-восточной, забайкальской культурной трансляции на Нижний Витим может быть усилена тем самым обстоятельством, что на севере Верхней Лены в лице археологического комплекса Алексеевска существовала совершенно другая культурная общность. Различие это выражено в Алексеевске, прежде всего, в традиции мелкопластинчатого производства расщеплением подпризматических нуклеусов. Эта традиция в раннем сартане (раннем этапе MIS-2) в Южную Якутию и на Нижний Витим, т.е. вниз по Лене развития не получила. А ось ее существования – Мальта, Шишкино VIII – Алексеевск – имеет южное от севера Верхней Лены направление. Иными словами, Алексеевск и Мамакан VI являются разнокультурными друг другу стоянками, и культурно-типологические корреляции у первой выстраиваются в юго-западное Прибайкалье, а у второй в юго-восточное Прибайкалье и Забайкалье. Судя по материалам индустрии Балышово III, характер этой антитезы сохранялся и в среднесартанское время. Следовательно, на уровне схематизации мы вправе предположить отсутствие культурной коммуникации между районами севера Верхней Лены и Нижнего Витима и существование какого-либо коммуникационного фронта между ними. Такова основная идея о развитии культурных процессов в Северном Прибайкалье в раннесартанское время – около 27–20 тыс. л.н., выстраиваемая на основе имеющихся на сегодня данных.

5.2. Этап 2 – средний сартан (21–17 тыс. л.н.).

Следующий, среднесартанский этап наиболее ярко представлен на Нижнем Витиме, где обозначен как коврижский этап по имени опорного памятника этого времени Коврижка IV (Тетенькин А.В., 2018, с. 186). Его культурные горизонты обладают выдающимся потенциалом многосторонней, комплексной характеристики палеолитической культуры. Местонахождение Коврижка IV представляет собою участок 11-метровой 1-ой надпойменной витимской террасы, сложенной ритмичнослоистыми аллювиальными отложениями и чехлом склоновых субэдральных седиментов. На данный момент выделено 16 культурных горизонтов, из которых 14 нижних относятся к хронологическому интервалу 19–18 тыс. л.н. Раскопано и наиболее изучено четыре стояночных комплекса в 6, 3/2, 2Г и 2Б культурных горизонтах (Тетенькин А.В., Анри А., Клементьев А.М., 2017; Тетенькин А.В., 2017б; Тетенькин А.В., 2019). Три из них, в 6, 3/2 и 2Б к.г. интерпретированы как остатки жилищ.

Антракологические и палеонтологические исследования позволили установить характер ландшафта как лесотундры с преобладанием в лесной растительности кустарниковой ивы, в сочетании с карликовой березой, лиственницей, можжевельником в виде островов лесной растительности (Анри А. и др., 2018, с. 586). В добытых человеком животных по фаунистическим остаткам установлены снежный баран и лось. Для поселения стереотипно, т.е. не менее 14 раз выбиралась прибрежная пляжная полоса поймы. Сезон стоянок определен как зимний, или, во всяком случае, безпаводковый, холодный. Во 2Г горизонте получены две даты по образцам угля, давшие возраст около 35 тыс. л.н. Они могут свидетельствовать о сборе обитателями вынесенной паводком Витима погребенной каргинской (MIS 3) древесины. Интересен выбор места поселения. Это куэстовая гряда, во время стоянки резким мысом выдающаяся в Витим. При этом сразу выше по течению прикрытая мощным выступающим вперед скальным мысом, получившим в наши дни название Коврижка. Роль такого скального мыса могла быть двойной. Коврижка могла служить ветровым заслоном.

Одновременно она могла быть ключевым пунктом загонной охоты. Крутосклонный борт долины Витима резко обрывался убийственно высокой скальной стенкой мыса перед самой стоянкой. По сути, это «бутылочное горло» в долине, эффективное для загонной охоты. Подобные узкие места всегда были излюбленными у сибирских охотников (Гурвич И.С., 1966, с. 176; Сыроечковский Е.Е., 1986, с. 171, 175, 209).

Раскопанные комплексы представляют собой остатки кратковременных поселений, ограниченных в видах хозяйственной активности. В частности, во всех четырех случаях (6, 3/2, 2Г и 2Б к.г.) не приходится вести речь об экстенсивном первичном расщеплении, каковое можно было бы ожидать от мастерской на речном пляже. Вероятно, снежный покров препятствовал сбору галек эффузивных пород с галечной береговой полосы. Для 6, 2Б и 2Г к.г. дана интерпретация зимнего сезона (Тетенькин А.В., Анри А., Клементьев А.М., 2017, с. 48; Тетенькин А.В. и др., 2016, с. 15; Тетенькин А.В. и др., 2021, с. 295). Во 2Б культурном горизонте значительная часть сырья была принесена в «полуфабрикатах» – бифасах, расколотых гальках. На это указывает, во-первых, сглаженность ребер артефактов, во-вторых, пропитанность поверхностей охрой. Такой эффект мог возникнуть только в результате длительного соприкосновения с порошком охры-гематита, т.е. во время переноски их вместе. Дефицит поделочного камня особо ощутим во 2Г культурном горизонте, где около 60% дебитажа приходится на жильный кварц. Его добыча возможна из скальных обнажений.

По выложенным по внешнему контуру скоплений камням и очагам в 6, 3/2 и 2Г горизонтах комплексы культурных остатков определены как остатки жилищ. Наиболее сложное жилище находилось во 2Г к.г. (рис. 130). В самом начале поселения площадка была окрашена – посыпана охрой. Разведен костер и рассеянными углями прогрет пол. В огне прокалены камни до температур 380–440оС и до 250оС, использованные затем как тепловые аккумуляторы для приготовления пищи и обогрева жилища, сложенные в виде единой конструкции, вероятно, печи или сидения. Жилищная

конструкция состояла из очажной выкладки и серии валунов и плит, выложенных дугою и одиночными камнями по краю. Использован такой прием как сооружение зазора-поддува под камнем, поставленным на угли. Выявлены продавленные ямки, предположительно, от двух противостоящих опорных жердей каркаса (Тетенькин А.В. и др., 2021, с. 296).

Второе жилище, раскопанное в 6 к.г., имело каменную обкладку по половине периметра и два очага-коstriща в центре и на входе, створ которого обозначен крайней плиткой выкладки и сдвоенными продавленными ямками (рис. 114, 115) (Тетенькин А.В., Анри А., Клементьев А.М., 2017). Интересно, что во внешней обкладке шесть из тринадцати камней лежало попарно. В каждой паре были валун и плита. Одиночные камни выкладки чередовались в ритме «валун – плита». Удовлетворительного утилитарного объяснения этому явлению не найдено. Кострище в радиальном центре жилища горело, как минимум, двукратно и пересыпалось песком. В последний раз наброс на кострище включал в себя массу черного алеврита, принесенного людьми. Поверх наброса на противоположных краях кострища уложены были валунчик и плитка небольших размеров. Археомагнитным анализом удалось установить, что плитка нагревалась дважды до температур 550–600°C и 250°C (Тетенькин А.В., Жмур О.В., Демонтерова Е.В. и др., 2017, с. 10). Черный алеврит в составе наброса на кострище оказался идентичен черному веществу, обнаруженному в виде диска диаметром 12 см у очага 2Б горизонта. Кострище на входе было более мощным и имело прокал толщиной 6 см.

В обоих жилищах просматривается специализация внутреннего пространства. В 6 к.г. в левой части находилась основная концентрация сегментов микропластин, в правой – орудия домашней хозяйственной деятельности. В правой же части жилища была найдена антропоморфная фигура из бивня мамонта (Тетенькин А.В., Жмур О.В., Демонтерова Е.В. и др., 2017, с. 7–9). Вторая, менее выразительная бивневая поделка с признаками антропоморфной фигуры найдена в привходовой зоне. Этот

контекст допускает интерпретацию левой и правой половин жилища как мужской и женской. Во 2Г к.г. все орудия найдены внутри жилища в левой, северной его половине и в центре, в районе очага. В правой половине близ очага найдены все крупные фрагменты трубчатых костей (Тетенькин А.В., 2021, с. 293).

Во 2Б горизонте скопление культурных остатков с очагом в центре имело сходные размеры диаметром около 4,5–5 м (рис. 138) (Тетенькин А.В., 2019). Также, как и во 2Г к.г. в самом начале обитания площадка была окрашена охрой. Поверх кострища на угли уложены очажные камни. Кроме них выявлено две плоские гнейсовые плиты в роли сидений или столиков и 5–6 валунов-наковален. Прямых аргументов для выделения жилищ в виде камней внешней обкладки или столбовых ямок нет. Однако, такая интерпретация полностью не исключается. В отличие от комплексов в 6 и 2Г к.г., за пределами которых периферия свободна от культурных остатков, и других комплексов в этих горизонтах пока не выявлено, во 2Б к.г. периферия несет на поверхности немногочисленный археологический материал, и, судя по всему, слой содержит еще не раскрытые стояночные структуры.

Судя по имеющимся радиоуглеродным датам, временной интервал между эпизодами обитания 2Б, 2Г и нижележащего 2Д культурных горизонтов может быть 20–40 лет. Разница в возрасте 6 и 2Б к.г. может быть около 400–500 лет. Раскопанные комплексы связаны общими сюжетами обработки охрой площадки. Принос черного алеврита в 6 и 2Б к.г. к очагу также, очевидно, свидетельствует о наличии вертикальной культурной трансляции между обитателями обоих эпизодов.

Каждая из раскопанных стояночных структур имела своеобразную деятельностную ситуацию. В эпизоде 6 к.г. обитатели занимались отжимом микропластин и заправкой вкладышами-сегментами пазовых охотничьих наконечников. Доля микропластин в 37% от всего дебитаж (без чешуек) – самая высокая в палеолите Витима. Домашняя хозяйственная деятельность включала обработку кости и рога резцами, скобелями, долотовидными

орудиями, обработку шкур скребками и скреблами, разделку добычи мясными ножами. Трасологическим анализом установлены случаи крепления орудий в рукоятях и использования сегментов микропластин как вкладышей метательных композитных охотничьих орудий (Gauvrit Roux E., Teten'kin A.V., Henry A., 2021, с. 17).

Во 2Г к.г. общее количество продуктов каменного производства почти в 7 раз меньше, чем в жилище 6 к.г., и в 5 раз меньше, чем в очажном комплексе 2Б к.г. Обычно доминирующие в палеолитических стоянках Нижнего Витима эффузивные породы здесь занимают долю около 40 %, уступая жильному кварцу. Вероятно, эта ситуация связана с наличием снежного покрова, препятствующего сбору с пляжа галечного сырья. Жесткий дефицит поделочного каменного ресурса обитатели компенсировали жильным кварцем, который был доступен в скальных выходах. По семь орудий приходится на группу мясных ножей и группу обработки кости (резчики, скобели, долотовидные), три орудия в группе обработки шкур. При ограниченном наборе изделий отсутствуют микронуклеусы, единична находка сегмента пластинки, нет резцов и чопперов. О присутствии бифаса говорит лишь один отщеп утоньшения, несущий фрагмент края бифаса. По показателям количества каменных артефактов, орудийного набора, комплекс 2Г к. г. характеризует кратковременную, ограниченную и представленную лишь в видах пищевого потребления, обработки кости, рога и шкур деятельность. В результате этой ограниченности орудийный инвентарь дает совершенно иной артефактный набор, не имеющий каноничных для позднего верхнего палеолита Восточной Сибири категорий изделий – отщеповых и клиновидных нуклеусов, резцов, галечных орудий (Тетенькин А.В. и др., 2021, с. 295–296).

Во 2Б к.г. подготовка, эксплуатация клиновидных нуклеусов и отжим с них микропластин были также, как и в 6 к.г. ведущей сферой деятельности (Тетенькин А.В., 2017в). Доля микропластин в 27% от дебитажана меньше, чем в 6 к.г., однако во 2Б горизонте найдено 12 микронуклеусов, самое большое

количество для одного палеолитического горизонта/комплекса на Нижнем Витиме. Орудийная деятельность по данным трасологического анализа не была связана с обработкой шкур или кости–рога. Большинство рабочих кромок несут следы работы по минеральному материалу. Определен один нож по мясу.

«Ведущим направлением расщепления камня во 2Б и 6 к.г. было производство микропластин – отжим клиновидных нуклеусов. Доминирующей техникой микронуклеуса является производство последнего из вертикально ориентированного бифаса (рис. 146, 147). Под площадку ударами с латерали готовился узкий конец бифаса. Для подживления нуклеуса использовались приемы переоформления ударной площадки, снятия фронтальных сколов, переноса фронта на противоположный торец и переноса площадки на дистальный конец. Различные варианты этой техники, ранее наблюдаемые в других, более поздних комплексах (Авдеиха, Коврижка III, к.г. 2, 3, Коврижка II, к. г. 1-4), здесь встречены вместе в наиболее полном и наиболее древнем контексте. Для обозначения этой техники введено рабочее название «коврижская техника микронуклеуса». Характерно при этом присутствие в одном комплексе с ней, во 2Б к.г. также и продуктов техники юбецу, широко распространенной в Северо-Восточной Азии и выделенной впервые в Японии (Nakazawa Y. et al., 2005 p. 280–282). Сегментами микропластин в роли лезвий-вкладышей оснащались охотничье оружие. Морфо-типологическая и трасологическая характеристика 6, 2Б, 2Г дополненная материалами 5, 4, 3Б, 3/2, 3/1 к.г., помимо микронуклеусов содержит унифасиальные орудия с продольными тщательно ретушированными лезвиями, трасологически определенные как скребла (6 к.г.) и ножи (6 и 3Б к.г.), морфологически выраженные концевые и округлые скребки, отщепы с краевой ретушью, трасологически определенные как скребки по шкурам, ножи, долотовидные орудия типа *pièce esquillée*, атипичные угловые резцы из отщепов, отщеповые галечные нуклеусы параллельного и радиального (веерные) принципа расщепления» (Тетенькин

А.В., 2018, с. 183). Ближайшие аналоги этой индустрии мы видим в студеновской культуре Забайкалья (Студеное-1, 2, Усть-Менза-1, 2) и дюктайской культуре Якутии (Константинов М.В., 1994; Мороз П.В., 2014; Мочанов Ю.А., 1977).

В 6 и 4 культурных горизонтах Коврижки IV представлены древнейшие для палеолита Северного Прибайкалья предметы искусства. В 6 горизонте найдены две антропоморфные фигуры, изготовленные из мамонтового бивня (рис. 120) (Тетенькин А.В., Анри А., Клементьев А.М., 2017, с. 45–48; Тетенькин А.В., Жмур О.В., Демонтерова Е.И. и др., 2018). Обе плоские, из тонких бивневых пластин. На Нижнем Витиме это пока единственные артефакты из бивня. Найденная в жилище фигура, лежащая лицом вниз, головкой на восток, с пятном охры на затылочном фесе головки допускает интерпретацию о намеренном, символическом положении. Рядом с ней найдены три фрагмента дважды переломленного каменного ножа. Вторая фигура имела в «изголовье» скопление кусочков охры, она лежала в привходовой зоне снаружи жилища «головкой» на юг – юго-восток. Первая фигура с уголком вниз в средней части «туловища» может быть определена как женское изображение. «Стилистически поделка отличается от «Венер» Мальты и Бурети. Фигурка из Коврижки IV почти не имеет объема, она изготовлена из тонкой бивневой пластины. В этом отношении поделка ближе к антропоморфным скульптурам позднего неолита и бронзового века Прибайкалья (Студзицкая С.В., 1987, с. 346–349). Степень ее сохранности позволяет лишь указать на имеющиеся артефактные, антропоморфные и женские признаки. Контур в сохранившемся виде позволяет судить о пропорциях и позе тела весьма условно. Общим с Мальтой и Буретью признаком, пожалуй, является ситуация нахождения статуэтки внутри жилища. Особо следует отметить, что найден этот предмет в той половине (правой) жилища, где найдены все орудия «домашней деятельности»: скребки, скребла и нож» (Тетенькин А.В., Анри О., Клементьев А.М., 2017, с. 53).

В 4 культурном горизонте найден обломок заготовки подвески из графита, шлифованной, сверленной и гравированной насечками по ребру (рис. 126.9).

Помимо предметов искусства к знаково-символической сфере обитателей Коврижки IV этого периода, по-видимому, относятся также если не все, то часть сюжетов использования охры, вероятно, также сюжет засыпки черным алевритом очага в жилище, парное сочетание «валун – плита» в 6 к.г.

Изучение минерального состава охры показало, что ее получали путем механического дробления принесенных кусков гематита (Тетенькин А.В. и др., 2020). Поиск источников охры показал, по имеющимся сегодня данным, что она доставлялась с железорудных месторождений, содержащих сопутствующий минерал гематит, удаленных более, чем на 500 км от Коврижки. Во всех трех горизонтах 6, 2Г и 2Б охра кварц-гематитовой ассоциации была доставлена с месторождений, расположенных к юго-востоку от Коврижки, то есть вверх по течению Витима. Но при этом во 2Г к.г. выявлена еще и охра иного состава и происхождения с месторождений Ангаро-Илимского, либо Северо-Байкальского районов, а кроме того близкой по составу оказалась охра из неолитического могильника Турука на севере Верхней Лены. Сюжет доставки охры открывает для нас способность людей того времени доставлять ресурсы из источников, удаленных на сотни километров и являет пример, так называемого, «отложенного потребления» ресурсов (Testart А., 1982), заготовленных сильно загодя. Юго-западный и юго-восточный вектора доставки гематита связывают в одном хозяйственном эпизоде районы северо-западного и северо-восточного Прибайкалья. Эту связь можно рассматривать в рамках коммуникативной сети логистических ли маршрутов похода за ресурсами, или обменных операций с населением соседних районов, например, так называемой «эстафетной коммуникации» (Зенин В.Н., 2005б, с. 350). Так или иначе, один из важных результатов изучения охры на Коврижке IV мы видим в появлении первых свидетельств

территориально широкой хозяйственной деятельности регионального масштаба.

Случай использования бивня мамонта в изготовлении фигур с антропоморфными признаками – единственный в позднем верхнем палеолите Нижнего Витима. Судя по проделанному В.В. Питулько и Е.Ю. Павловой анализу, в таежных районах Восточной Сибири мамонт исчезает после 17 тыс. рад. л.н. (Питулько В.В., Павлова Е.Ю., 2010, с. 187–189). Наиболее молодая датировка мамонтовой фауны в Байкало-Патомском нагорье, местонахождения Каверга, Нирякан, около 17,5–17,3 тыс. рад. л.н., также близка к этой возрастной оценке (Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Дементьев В.Н., 2004, с. 97). В данном контексте наиболее вероятно предположение о подборе населением мамонтового бивня и использовании его как поделочного ресурса.

В.В. Питулько и Е.Ю. Павлова развивают идею об исчезновении мамонта и выпадении из ресурсов мамонтового бивня как невозможность далее использовать технологию охотничьего копья с форешафтом и причины для развития пазового – вкладышевого композитного охотничьего оружия (Питулько В.В., Павлова Е.Ю., 2010, с. 177, 179, 190). В случае с Коврижкой IV, 6 культурным горизонтом получены достоверные трасологические наблюдения следов использования микропластин как вкладышей охотничьих ударных орудий – наконечников (Gauvrit Roux E., Tetenkin A.V., Henry A., 2021, с. 17). Вне сомнения последние составляли основу охотничьего вооружения, и производство микропластин для их оснащения имело массовый характер.

Однако, трасологическое исследование инвентаря 2Г культурного горизонта выявило и не охотничью группу орудий – мясные ножи, которые также использовались как вкладыши, будучи вставлены в обоймы-рукояти. Кроме того, в 6 к.г. найдены следы помещения скребков в оправу или рукоять. В этом контексте о вкладышевых–композитных орудиях следует, очевидно, понимать шире, имея в виду разнообразную домашнюю

деятельность и широкое употребление «рукоятей» для мелких каменных орудий. Во всяком случае, подобное использование композитных инструментов уже реконструировано, например, по материалам памятника Лианг Сарру, о. Салибабу (Островная Юго-Восточная Азия) возрастом около 35 тыс. л.н. (Fuentes R. et al., 2019, p. 9–10).

В 3/2 культурном горизонте очаг представляет собой углистое пятно неправильной овальной формы, вытянутое с ЮЗ на СВ, размерами 1,3×0,90 м. На угли по краю выложены пять очажных камней. Почти весь дебитаж залегал компактным скоплением у южного, западного и северного края очага. На внешнем контуре этого комплекса на половине окружности диаметром 3,0–3,2 м залежали 4 плиты на удалении 0,75–1,3 м от очага (рис. 113. 4). Примерно сходные радиусы от очага и расстояния между камнями, отсутствие приуроченных к внешним плитам скоплений артефактов, по-видимому, указывают на то, что камни лежат на линии округлой жилищной конструкции, придерживая ее нижние края от ветра.

Оценивая каменный ассамбляж очага, видимо, следует полагать небольшой объем операций орудиями, расщепление (в основном, фасиальная обработка), в небольшом объеме производство микропластин. Судя по скреблам, какая-то часть деятельности протекала за пределами очажного комплекса. Общий опыт раскопок 3/2 культурного горизонта указывает на то, что в целом стоянка была обширной, и очажный комплекс лишь часть ее.

В меньшей степени, чем 6, 3/2, 2Г и 2Б, изучены и представлены другие культурные горизонты интервала 19–18 тыс. л.н. на Коврижке IV. Полученные материалы дополняют общую картину. Ряд культурных горизонтов (2Д, 3/1, 3Б, 4, 5 к.г.) имеет хорошую перспективу для исследований.

Ряд аспектов раскрытой их изучением культуры уникален и не находит в регионе Северного Прибайкалья материалов для сопоставлений. Это темы строительства жилищ, искусства, применения охры, впервые открытые на

Коврижке IV. Основным объектом для сравнительного анализа выступает каменная индустрия.

Обращаясь к предшествующему ансамблю Мамакан VI, следует признать отсутствие каких-либо морфо-типологических аналогий с ним. Микронуклеусы, резцы Мамакана VI демонстрируют полное отличие от изделий этих категорий на Коврижке IV. На Мамакане VI отсутствуют присущие Коврижке IV скребла, бифасы. Вероятнее всего, это объяснимо хронологическим разрывом с комплексами Коврижки IV и разнокультурным характером обеих индустрий.

Обращаясь к более молодым памятникам, в перспективе развития материальной культуры от времени Коврижки IV мы видим, что ее комплексы стоят у истоков сложившейся в финальном плейстоцене – раннем голоцене картины развития материальной культуры. Финалом сартанской эпохи датируются две группы археологических комплексов палеолитического, в целом, облика, но при этом отличные друг от друга, прежде всего, в ведущем типологическом признаке – технике микронуклеуса. Сложившиеся две группы ансамблей получили обозначение как ансамбли (комплексы) типа Авдеихи и типа Большого Якоря (Тетенькин А.В., 2011; Тетенькин А.В., 2017а, с. 107–112). На характеристике обоих мы остановимся несколько позже, когда перейдем к следующему хронологическому этапу. Сейчас следует отметить, что в индустрии коврижского этапа присутствуют признаки обоих типов ансамблей. Доминируют материалы коврижской техники подготовки микронуклеуса, характерной для ансамблей типа Авдеихи. При этом в меньшинстве есть четкие, в виде лыжевидных сколов, признаки техники юбецу, ведущей в ансамблях типа Большого Якоря (рис. 126.6,19, 148.6). В этом смысле нижние культурные горизонты Коврижки IV являются ключом к изучению причин variability.

Выше уже отмечалось наличие сходств индустрии нижних горизонтов Коврижки IV с дюктайской культурой Якутии и студеновской и

селенгинской культурами Южного Забайкалья. Остановимся теперь на этой характеристике подробнее. Как известно, в числе ключевых признаков дюктайской культуры Ю.А. Мочанов выделил традицию изготовления бифасов, на их основе производство клиновидных нуклеусов (Мочанов Ю.А., 1977, с. 225; 2007, с. 42). Рядом исследователей, специально и изучавших микропластинчатое расщепление, дюктайские микронуклеусы определены как техника юбецу (Flenniken J.J., 1987, p. 120; Gómez Coutouly Y.A., 2011, p. 83; Gómez Coutouly Y.A., Ponkratova I.Y., 2016, p. 313). Фон для этих руководящих признаков составляет достаточно ординарный для позднего верхнего палеолита морфо-типологический комплекс из скребел, скребков, ретушированных отщеповых и пластинчатых сколов, трансверсальных и угловых резцов, нуклеусов субпараллельного и радиального принципов расщепления, чопперов. Канонический облик дюктайской культуры сложился в сартанскую эпоху и представлен в материалах стоянок Верхнетроицкая, Дюктайская пещера, Усть-Дюктай (Мочанов Ю.А., 1977, с. 58–69, 32–34, 6–32). Ближайшие памятники с дюктайским компонентом находятся на Средней Лене, пещера Хайыргас, и на Олёкме стоянки Курунг II, Новый Летен I– II (Степанов А.Д. и др., 2003, с. 98–112; Алексеев А.Н., 1987, с. 88–96).

Как известно, юбецоидные нуклеусы из бифасов, ранее называемые гобийскими, бифасы сами по себе, как категория изделий, в позднем верхнем палеолите Восточной Сибири распространены широко, в том числе и в южных районах, таких как Южное Приангарье, Южное Забайкалье, Приамурье (Аксенов М.П., 1980, Рис. 13–2, 3, 18–1-5; Медведев Г.И. и др., 2001, Рис. 50–9; Лежненко И.Л., 1991, Рис. 7 – 3, 4, 5; Ташак В.И., 2000, с. 174, Рис. 4. 1–4; Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон, 1998, Рис. VI–A.1.1, A.1.2, VIII–A.3.1, A.3.2, IX–A.3.4, XI–Б.2, XIII–Г.10). Ю.А. Мочанов рассматривал их комплексы, в частности, верхоленскую культуру, индустрию Сухотино-4 как варианты дюктайской культуры (Мочанов Ю.А., 2007, с. 49, 61). С другой стороны, авторы выделения селемджинской

культуры в Приамурье аргументируют в пользу вторичности (происхождения) дюктайской культурной общности от селемджинской (Деревянко А.П. и др., 1998, с. 75).

В этом контексте индустрия нижних горизонтов Коврижки IV не выглядит чужеродной. Хотя не найдены бифасиальные наконечники, в группе орудий, в основном, либо сколы с краевой унифасиальной ретушью, либо, что реже, тщательно выделанные фасиальной обработкой изделия – ножи и скребла. Довольно часто на них встречается локальная бифасиальная подработка – подтеска по вентральному фасу узкого края орудия. Судя по материалам 2Б и 6 культурных горизонтов, бифасы приносились на стоянку уже в готовом виде и на месте дорабатывались в нуклеусы. Установлен и факт использования бифаса в орудийной роли, предшествовавшей переподготовке под нуклеус (рис. 147.1) (Тетенькин А.В., 2017а, с. 115). Два случая в 3Б и 2Б горизонтах Коврижки IV показывают нам, что древние люди могли оставлять на стоянках сложенные или припрятанные крупные унифасиальные орудия. И имеющиеся данные подталкивают к суждению, что древние люди переносили «каменный запас» в виде заготовок-бифасов. Бифасы были тем удобным, универсальным модулем, в котором поделочный камень транспортировался.

Вписание индустрии нижних горизонтов Коврижки IV в широкий, универсальный континуум дюктайского культурного ареала должно рассматриваться лишь как первый шаг культурно-типологической атрибуции. В рамках самой дюктайской культуры нет и не может быть тождественных археологических комплексов, происходящих из разных районов и хронологических срезов. Здесь мы поддерживаем идею, высказывавшуюся С.А. Васильевым, В.В. Питулько и Е.Ю. Павловой о характеристике каменных индустрий как региональных вариантов единого, в целом, сибирского технокомплекса верхнего палеолита (Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А., 1994, с. 260; Васильев С.А., 2002, с. 120; Питулько В.В., Павлова Е.Ю., 2010, с. 74). И задача исследователя состоит в

том, чтобы выявить локальную специфику исследуемого объекта. По отношению к дюктайской культуре здесь просматривается ряд локальных специфических черт. Каменная индустрия нижних культурных горизонтов Коврижки IV содержит довольно существенную серию долотовидных орудий типа *pièce esquillée*, слабо представленную в дюктайской культуре. Не характерны для дюктайской культуры и найденные на Коврижке IV крупные изделия – унифасы с лезвием по продольному краю, с подтеской по вентральному фасу (рис. 118.3,4, 129.23). На Коврижке IV мы не видим такого выразительного признака как трансверсальные резцы.

Обращаясь к южному Забайкалью, в материалах Студеного-1, 2, Усть-Мензы-1, 2, Усть-Кяхты-3, 17 мы находим аналогии большинству типов изделий. Практически, аналогичны микронуклеусы. Мы видим, что в большинстве случаев они имеют ударную площадку, оформленную также сколами с латерали и фронта. На Усть-Кяхте-3, 17 реконструирован способ подготовки клиновидного нуклеуса, начинающийся с оформления дистального гребня приемом, подобным оформлению плоскофронтального нуклеуса, переворот его полученным ребром вниз и снос поперечным ударом дистального окончания, оформление таким образом ударной площадки, завершающее процесс изготовления клиновидного нуклеуса (рис. 27.1) (Ташак В.И., 2005, с. 119; Павленок Г.Д., 2015, с. 182). На Усть-Кяхте-3, 17 этот прием датирован возрастом около 12,6–11,4 тыс. рад. л.н. Аналогичный способ производства микронуклеуса выявлен во 2Б к.г. Коврижки IV и во 2 к.г. Чайки II на Севере Верхней Лены (рис. 28) (Тетенькин А.В., 2017в, с. 16, 20; Инёшин А.В. и др., 2019, с. 40). На Студеном-1, 2, Усть-Мензе-1, 2 морфо-типологически подобны или аналогичны скребки, долотовидные орудия, скребла (Константинов М.В., 1994, с. 132–134). Толбагинскую аналогию находит крупная ретушированная пластина, трасологически определенная как нож, из 3Б к.г. (рис. 126.4). Впечатление от аналогий орудий и нуклеусов нижних горизонтов Коврижки IV со студеновской культурой усиливается благодаря обстоятельству открытия жилищ на

Нижнем Витиме. Основным коррелятом для них являются именно жилища южного Забайкалья.

Существует немало примеров интерпретации локальных концентрических пятен культурных остатков с очагами или необорудованными кострищами в центре. Например, это исследования Соснового Бора, Макарово II, Усть-Кяхты-17, Большого Якоря I, Усть-Каренги I–XVI (персональная коммуникация с В.М. Ветровым) (Лежненко И.Л., 1991, с. 27; Аксенов М.П., 2009, с. 150–153; Ташак В.И., 2005, с. 32–33; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 232–234). Как правило, аргументом выступает контрастная граница пятна сосредоточения находок, в отношении которой предполагается существование контура жилища. Однако, именно серия жилищ в сартанских горизонтах Студеного-1, 2, Усть-Мензы-1, 2, Косой Шиверы-1, 2 создала уникальный феномен разнообразных оборудованных, конструктивно выразительных жилищ (Константинов М.В., 1994; Константинов А.В., 2002; Константинов А.В., Филатов Е.А., 2016; Разгильдеева И.И., 2018). И эти жилища выступают основным корреляционным планом для комплексов 6, 3/2, 2Г и 2Б горизонтов Коврижки IV.

Выделенные комплексы остатков жилищ на Коврижке IV близки забайкальским по признакам: 1) очага-кострища в радиальном центре, 2) серии крупных камней, уложенных по контуру окружности диаметром 3–5 м, 3) концентрации культурных остатков вокруг очага, внутри окружности, обозначенной выкладкой камней. Отличительной особенностью жилищ 6, 2Г к.г. Коврижки IV и очажного комплекса 2Б к.г. является окрашивание охрой площадки. По всей видимости, она являлась частью деятельности по прагматической и символической организации жилого пространства. Нагрев камней в костре, прием, который мог быть использован в приготовлении пищи и обогреве жилого пространства, активно применялся обитателями на Коврижке IV. По забайкальским жилищам таких измеренных данных нет, но ситуации залегания камней на углях кострищ говорят об этом же. Сюжет

перекрытия кострища набросом с черным алевритом в жилище 6 к.г. напоминает наброс на кострище в 4 к.г. Усть-Кяхты-17 (Ташак В.И., 2005, с. 34). Возможно, их объединяют те же причины и тот же характер манипуляций с костром.

В совокупности, конструктивно сложные жилища и морфотипологически близкий облик орудий и нуклеусов нижних горизонтов Коврижки IV и комплексов южного Забайкалья работают на версию культурной близости и, в конечном счете, культурной трансляции из южного Забайкалья на Нижний Витим в рассматриваемый хронологический период.

В данном сюжете изучения жилищных сооружений на Коврижке IV возрастом 19–18 тыс. кал. л.н., по сути, мы реконструируем культурно-технологический комплекс, выработанный обитателями Витима в условиях последнего ледникового максимума (LGM). Это важно отметить, поскольку в палеолитоведении существует преодолеваемая уже точка зрения о депопуляции Северной Сибири в период LGM (Goebel T., 2002, p. 127; Питулько В.В., 2019, с. 129).

На севере Верхней Лены в первой половине – середине сартанского периода известна стоянка Балышово III. Ее возраст ориентируется около 20,5 тыс. кал. л.н. / 17 тыс. рад. л.н. (Задонин О.В. и др., 2014, с. 18). Кроме того, в оценке возраста принималось во внимание, что отсутствие клиновидных микропластинчатых нуклеусов указывает на возраст более ранний, чем, например, возраст 2 к.г. Чайки II около 17,8 тыс. кал. л.н., где такие микронуклеусы есть (Инёшин А.В. и др., 2019, с. 38–41). Ассамбляж Балышово III воспроизводит мелкопластинчатую грубопризматическую технику (рис. 10–16), составляющую ядро индустрии Алексеевска I. В индустрии 2 к.г. Чайки II эта техника также уверенно представлена. Выявлены и реконструированы примеры инициации нуклеуса, циклического процесса расщепления грубопризматического нуклеуса, продления срока «жизни» истощенного нуклеуса.

О наличии межрайонных контактов, т.е. коммуникаций между территорией долины Лены и Нижним Витимом мы впервые говорим, получив результаты–данные о близости, сопоставимости охры и гематита из 2Г культурного горизонта Коврижки IV и могильника Турука на р. Лене, возле г. Усть-Кут, а также расположенных сравнительно недалеко от последнего Ангаро-Илимских железорудных месторождений. Эти данные выводят нас на рабочую гипотезу доставки гематита – охры с Верхоленья в центральную часть Байкало-Патомского нагорья, на Витим и, следовательно, существовавших коммуникационных отношений между палеолитическим населением обоих районов. Конкретно для севера Верхней Лены это означает, что, сохраняя в лице алексеевского технокомплекса автохтонную производственную традицию, население испытывало технологическое влияние в лице клиновидных микронуклеусов и имело контакты с соседями. В частности, с населением Нижнего Витима.

5.3. Этап 3 – поздний (финальный) сартан (17–12 тыс. л.н.).

Следующий, финально-сартанский этап, около 17–12 тыс. л.н., содержательно представлен во всех четырех районах Северного Прибайкалья. Роль опорного, эталонного памятника, во многих аспектах представляющего культуру населения, играет стоянка Большой Якорь I на Нижнем Витиме (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010). Результаты ее изучения в той или иной мере могут быть экстраполированы на весь регион и весь этап.

Памятник Большой Якорь I содержит 16 культурных горизонтов, из которых 11 нижних относятся к финальному плейстоцену и датируются около 15–13 тыс. л.н. Также, как и в случае Коврижки IV погребение стояночных остатков пойменным аллювием, практически, исключило фактор компрессии и сохранило археологические комплексы в состоянии близком к идеалу *in situ*.

Основным структурным элементом в горизонтах являлись очаги со скоплениями культурных остатков (рис. 97–100). Выделено 6 типов очагов от

простых кострищ до обложенных кольцевой выкладкой (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 40–43). Археомагнитным анализом установлены для ряда случаев температуры нагрева камней, в среднем до 250°C, свидетельствующие, что камни выкладывали, практически, уже на угли. Отмечен повторяющийся в 5, 6, 7 культурных горизонтах паттерн парно – близко расположенных друг к другу очагов. На основе предпринятой реконструкции высказано мнение о одновременности обоих очагов в парах в смысле принадлежности к единой для обоих деятельностной ситуации. При этом, вероятно, один из очагов был более ранним, и на его периферию приходится большая часть и остатков, и орудий. В 7 и 8 к.г. ситуация интерпретирована как легкое жилище с прилегающей хозяйственной зоной. По ростовым структурам зубов животных для ряда горизонтов определен сезон поздней осени – ранней зимы, для других – весна.

Редкой особенностью Большого Якоря I является хорошая сохранность кости. Это позволило охарактеризовать зооархеологический аспект стоянки и в плане ландшафтно-климатической реконструкции, и в плане охотничьей деятельности.

Сочетание таких видов как лошадь, бизон, овцебык, снежный баран и лось, соболь, волк указывает на, преимущественно, тундро-степной холодный ландшафт с островами лесной придолинной растительности, в целом имеющий мозаичный характер (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 99–104). Все основные горизонты дали остатки 1–3 особей из списка лошади, бизона, лося, овцебыка, снежного барана, благородного и северного оленя. Подсчет полезного веса по горизонтам дал 400–800 кг. При этом, крупные млекопитающие представлены, практически, только нижними конечностями и краниологическими остатками, что говорит за то, что на стоянке имела место разделка, основные части туш были унесены. Вместе с тем найдены все отделы скелетов зайца, песца, а также кости птиц и рыб. Очевидно, их потребление решало пищевую задачу на время проживания на стоянке. В целом, охота не была специализирована на добыче какого-то одного вида.

Есть целый пазовый наконечник с сохранившимися в пазу вкладышами–микропластинами. Тупоконечные наконечники ассоциированы с пушной охотой на песца. Найден гарпун. Хотя по основной, охотничьей функции горизонты Большого Якоря I должны быть определены как кратковременные охотничьи лагеря, набор орудий свидетельствует и о домашней хозяйственной деятельности. Это резцы, скребки, скребла, костяные иглы.

В морфологии изделий культурные горизонты гомогенны и, формально, однокультурны, вероятно, оставлены людьми в этническом смысле родственными.

В технико-типологическом отношении наиболее выразителен комплекс артефактов техники юбецу (рис. 102–104). Эта, широко известная в Северо-Восточной Азии техника, впервые на Нижнем Витиме представлена во 2Б к.г. Коврижки IV, около 18,5 тыс. л.н. Техника, в общем виде, является подготовкой листовидного бифаса, продольным его рассечением – скалыванием реберчатого и лыжевидного сколов и отжимом с полученной поверхности – ударной площадки микропластин, начиная с торца усеченного бифаса. Большой Якорь I предоставил богатый материал для реконструкции технических цепочек. Применение трасологии в их изучении выявило использование бифаса в роли орудия, практически, на каждом шаге редуцирования (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 217–218). Лишь в финале процесса бифас превращали в клиновидный нуклеус. Под орудия переоформлялись и лыжевидные сколы, и отщепы фасиальной обработки – утоньшения бифаса. Отмечен случай обращения лыжевидных сколов в торцовые микронуклеусы. В целом, система расщепления предстала как технология мультифункционального, многократного использования бифаса и производных с него сколов и в этом качестве как феномен планирования деятельности, рачительного использования ресурса, высокой степени управляемости расщепления. Впервые эта идея была высказана Н.Н. Кононенко, изучавшей юбецу технику и бифасы VI слоя Ушков I-V (Диков Н.Н., Кононенко Н.Н., 1990, с. 171–174). На Большом Якоря I эта идея была

развита максимально. Опыт ее изучения дает повод для ожидания подобных результатов и в изучении других памятников, где представлена юбецу техника.

Своего рода логической антитезой этой технической стратегии представлена техника производства скола и орудийного его использования с минимальной подготовкой в виде краевой ретуши или без нее вовсе. Это реализация логики «фаст-тула», технически простого орудия быстрого изготовления и одноразового использования, эффективная в условиях доступного каменного ресурса.

Помимо клиновидных нуклеусов техники юбецу в ассамбляже Большого Якоря I типологически выразительными являются трансверсальные резцы и скребки (рис. 101.1–6). Резцы формируют значительную серию, они лучше представлены в стоянках зимнего сезона. В целом, можно говорить о них как об устойчивом типе. Скребки все из отщепов, в вариациях от концевых до форм с параболическим лезвием. Прочие орудия из камня устойчивых морфотипов не имеют и могут быть охарактеризованы как различные варианты бифасиальной, либо унифасиально–отщеповой линий производства.

Каменная индустрия Большого Якоря I отнесена к дюктайской культуре Якутии (Белоусов В.М. и др., 1990, с. 64; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 209). Одновременно с этим автор раскопок Е.М. Инешин соотнес памятник также с верхоленской культурой юго-западного Прибайкалья. В рамках местной типологической систематики комплексов Нижнего Витима нижние культурные горизонты были объединены в группу «ассамбляжи типа Большого Якоря» (Тетенькин А.В., 2011, с. 94–95).

Близкой по возрасту Большому Якорю I является стоянка Авдеиха (Мочанов Ю.А., 1975; 1977, табл. Д; Mochanov Y.A., Fedoseeva S.A., 1996, Fig. 3–36). Однако, она демонстрирует хотя и дюктайскую по облику, но иную по типологическому комплексу индустрию (рис. 93, 94). Ее обитатели были знакомы с приемами юбецу, но преобладают клиновидные нуклеусы

коврижкинской техники подготовки. Единичны трансверсальные резцы. Преобладают угловые резцы из отщепов случайных форм. В целом же, еще раз повторимся, индустрия имеет дюктайский и поздневерхнепалеолитический облик. Представлены и бифасы, и скребки, скребла, орудия из сколов с краевой ретушью, чопперы. Этот тип индустрии получил обозначение как «ассамбляжи типа Авдеихи» (Тетенькин А.В., 2011, с. 94–95). В финальном плейстоцене, в несколько более позднее время около 13,5–12,2 тыс. л.н. существовали стоянки, оставившие комплексы этого типа в 2, 3 к.г. Коврижки III, 5 к.г. Коврижки II.

Костные остатки на этих объектах не сохранились. Но о ландшафтной обстановке можно судить, благодаря антракологическому анализу древесных углей 2 к.г. Коврижки III. Определена только лиственница. Радиоуглеродная датировка относит 2 к.г. к интерстадиалу Аллерёд (13580/13350 – 12700 л.н.), для которого палинологические данные подтверждают расширение древесной растительности в Якутии и Прибайкалье (Анри О. и др., 2018, с. 587).

Наиболее представительными для времени, следующего за стоянкой Большой Якорь I, являются 2 и 3 культурные горизонты Коврижки III (Тетенькин А.В., 2016). Во 2-м к.г. раскопаны остатки очагов, оборудованных 1–2 гнейсовыми обломками, являющихся наложением, по-видимому, разновременных эпизодов обитания. Но вместе с тем выявлен многократно повторяемый феномен ориентации гнейсовых плит в направлении на юго-восток, на выдающийся скальный выступ на линии горизонта на противоположном борту Витима. Наиболее сложная конструкция из плит имела Y-образную форму и была сооружена с приемами вкапывания, поддержки камнями в вертикальном положении, пазового соединения горизонтальных и вертикальных элементов (рис. 161–166) (Тетенькин А.В., 2016, с. 279–283). Важно отметить, что деталям конструкции была придана искусственная форма. «Замковые» камни имели форму овальных дисков (рис. 163, 164, 171). Впервые в палеолите Восточной

Сибири мы говорим о таком виде деятельности как обработка строительного камня – гнейсовых плит. Еще одной важной особенностью этой конструкции было то, что, оказавшись непогребенным, верхний край плиты сооружения спустя 3 тыс. лет обитателями 1А культурного горизонта был достроен положением новой гнейсовой плитки в ее продолжение. В следующем эпизоде 1 культурного горизонта возрастом около 9,0 тыс. л.н. была сооружена подобная конструкция из длинной плиты на ребре, с подпоркой. Назначение их не ясно. Но столь специфический и повторяемый паттерн, по нашему убеждению, является выдающимся, уникальным примером культурной трансляции, связывающей эпизоды обитания около 12 и 9 тыс. л.н., т.е. отстоящие друг от друга на 3 тыс. лет.

2-й культурный горизонт Коврижки III представил и сюжет мобильности древнего населения в деле доставки ресурсов с удаленных источников. Были найдены куски вулканической пемзы и установлено, что она происходит с Удоканского вулканического поля, удаленного от Коврижки более чем на 500 км по речной сети (Демонтерова Е.И. и др., 2014, с. 170). Вектор доставки предполагает движение вверх по течению Витима. Поскольку пемза является хрупким материалом, а прохождение по речной сети означает преодоление двух порогов, Парамского и Делюн-Оронского, версия естественной транспортировки пемзы, например, льдом рассматривается как маловероятная. Вслед за полученными данными по транспортировке охры в 6, 2Г и 2Б к.г. Коврижки IV эти материалы говорят о способности обитателей преодолевать многие сотни километров для доставки специфических минеральных ресурсов, а кроме того, о способности к ведению или возможности коммуникаций с населением Верхнего Витима.

Каменная индустрия 2–3 к.г. Коврижки III, сочетая признаки бифасов, микронуклеусов коврижкинского типа, отщеповых нуклеусов параллельного и радиального принципов расщепления, скребков, скребел, резцов, отщепов с краевой ретушью, чопперов, является сегодня самым выразительным на Нижнем Витиме ансамблем типа Авдеихи (рис. 159, 160, 167–170)

(Тетенькин А.В., 2016, с. 303–306). Эта полнота представительности дала возможности для выделения и ряда специфических черт. Заметной особенностью 2 к.г. является присутствие на стоянке принесенных извне макропластин длиной до 12 см. Возможно их производство имеет происхождение от забайкальской толбагинской традиции производства макропластин. Отмечены элементы леваллуазской – целевой подготовки конечного снятия пластины с нуклеуса (рис. 167.4). В дюктайской культуре прямых аналогий этому нет. Затем следует сказать о появлении первых призматических микропластинчатых нуклеусов (рис. 159.3, 170.4,5,16). В общем контексте каменной индустрии 2 и 3 к.г. Коврижки III они выглядят как результаты проявления опыта управления расщеплением микронуклеуса – переноса фронта на латераль, ударной площадки на противоположный конец. Вместе с тем, принципиально отметить появление уже не торцевой, а двухреберной для инициации фронта трехгранной призматической заготовки нуклеуса. В этом качестве 2 и 3 к.г. Коврижки III выступают в роли аналога 5 к.г. Усть-Тимптона I, где присутствуют дюктайский и сумнагинский компоненты, оцененные Ю.А. Мочановым как механически смешенные (Мочанов Ю.А., 1977, с. 191).

Еще одним интересным элементом индустрии 3 к.г. Коврижки III является бифасиальный топорик с ушком и утоньшением тела в районе крепления (рис. 159.8) (Тетенькин А.В., 2016, с. 303–304). Это древнейший на Витиме образец рубящего орудия, сделанного под крепление рукояти. В раннем голоцене в Якутии топоры и тесла с ушками, а на Витиме тесла с перехватом станут типичными рубящими орудиями.

На Большом Ягоре I и Коврижке III выразительно представлены артефакты из графита (рис. 106, 160.3, 169.1). Они свидетельствуют об активном использовании его как краски и специализированном изготовлении «карандашей», «мелков», «пудрениц» (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 227–228). Во 2 к.г. Коврижки III выявлены вместе такой отшлифованный «мелок» и крупные куски графитосодержащего сланца (Тетенькин А.В.,

2016, с. 298). Вместе они указывают, по всей видимости, на специализацию в нанесении контура рисунка и закрашивании. Здесь мы видим традицию активного использования графита как источника краски. В более древнем 4 к.г. Коврижки IV возрастом около 18,6 тыс. л.н. найден обломок подвески из графита (рис. 126.9).

На Верхнем Витиме финальносартанское время отмечено ранними горизонтами 8а, 8, 7 Усть-Каренги I– XVI. В 7 культурном горизонте В.М. Ветровым открыта керамика (Ветров В.М., 2011, с. 174–175). Датированная возрастом около 15–13 (12–11) тыс. л.н. она является древнейшей в Байкальской Сибири. Каменная индустрия 8а, 8 и 7 к.г. может быть охарактеризована как финальнопалеолитическая (рис. 57, 58) (Ветров В.М., 2006, с. 12), типологически близкая к дюктайской культуре. В выделенной В.М. Ветровым усть-каренгской археологической культуре 8а и 8 к.г. возрастом ок. 16–15 (13–12) тыс. л.н. составили докерамический этап, а 7 к.г. – керамический этап, продлившийся до ок. 7,0 тыс. л.н. и содержащийся кроме 7-го в 6, 5 и 4 к.г. Усть-Каренги.

Керамика представляет собой остатки параболоидных сосудов с приостренным дном, с основным мотивом декора в виде шагающей гребенки (рис. 61–64) (Ветров В.М., 2011, с. 174–175). Происхождение этого феномена до конца не ясно. На Нижнем Витиме в синхронных памятниках за все годы не было найдено ни одного фрагмента керамики усть-каренгского типа. Открытие местонахождений с керамикой финальноплейстоценового возраста в Приамурье, Приморье, в северо-восточном Китае, Японии, Корее побуждает искать В.М. Ветрова, а ныне и Е.М. Инешина юго-восточное происхождение этой традиции (Derevianko A.P., Medvedev V.E., 1995; Лапшина З.С., 1999, 2000; Окладников А.П., Медведев В.Е., 1983; Шевкомуд И.Я., Чернюк А.В., Кузьмин Я.В., 2001; Шевкомуд И.Я., 2004, 2005; Гарковик А.В., 2005, с. 129; Деревянко А.П. и др., 2017, с. 6; Гарковик А.В. 2000, 2005, с. 125–126; Гарковик А.В., Кадзивара Х., 2003; Деревянко А.П., Зенин В.Н., 1996; Кузьмин Я.В., Алкин С.В. и др., 1998; Джалл Э., О’Малли

Ж. и др., 1998; Джалл Э., Бурр Дж. и др., 2001; Кузьмин Я.В., 2002; Гарковик А.В., 2005, с. 126; Lixin W., Sebilaud P., 2018; Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Х., 1998, с. 98; Гарковик А.В., 2005, с. 126; Ли Х., 1996; Гарковик А.В., 2005, с. 126; Аксенов М.П. и др., 2000, с. 14–15; Ветров В.М., 2006а, с. 174–175; 2007, с. 132; 2011, с. 176; Vetrov V.M., Ineshin E.M., 2019, с. 470–471). К тому же, на ряде памятников отмечается мотив «шагающей гребенки» (Лапшина З.С., 2000, с. 189; Shoda S. et al., 2020, fig. 2). В Забайкалье керамика финальноплейстоценового возраста обнаружена на стоянках Усть-Менза-1(8 горизонт), Студеное-1(8, 9 горизонты) и Красная Горка (Разгильдеева И.И., Куникита Д., Яншина О.В., 2013, с. 170–173; Разгильдеева И.И., Яншина О.В., 2014, с. 339–341; Tsydenova N. et al., 2017, р. 87–89). Плейстоценовые местонахождения с керамикой в Восточном Китае и открытия таких комплексов в Приамурье и Забайкалье указывают на юго-восточный вектор происхождения усть-каренгской керамики. Однако нерешенным сегодня делом будущего остаются вопросы происхождения ее орнамента шагающей гребенки и отсутствия этой керамики где-либо в других районах Северного Прибайкалья.

Ведущими технико-типологическими признаками каменной индустрии нижних горизонтов Усть-Каренги являются клиновидные нуклеусы, трансверсальные резцы и скребки. В нижнем 8а к.г. есть два микронуклеуса, имеющих ладьевидную форму, напоминающую технику хороко (рис. 57.13,14). Большинство же нуклеусов изготовлено из бифасов с применением характерного для юбецу приема оформления ударной площадки снятием продольного реберчатого и лыжевидного сколов (рис. 60.26,29,30,33,34) (Ветров В.М., 1995, с. 39–41). В этом качестве они подобны нуклеусам Большого Якоря I, но такой развитой системы эксплуатации бифаса на Усть-Каренге нет. Возможно, это объясняется небольшими размерами галек яшмовидного кремня – основного поделочного ресурса. Тем не менее, действительно, в триаде «клиновидный нуклеус – трансверсальный резец – скребок» нижние комплексы Усть-Каренги близки 3А–9 к.г. Большого Якоря

I. Это побудило одного из ведущих исследователей Витима Е.М. Инешина утверждать версию единства усть-каренгских и большеякорских стоянок как принадлежащих к одному хозяйственному циклу базовых и временных охотничьих лагерей (Ветров В.М., Инешин Е.М., Пежемский Д.В., 2016, с. 137–138; Ветров В.М., Инешин Е.М., 2019, с. 467–468). Против этой версии работают, однако, расстояние в 800 км и отсутствие керамики усть-каренгского типа на Нижнем Витиме вообще: и в комплексах финального плейстоцена, и в комплексах раннего голоцена. Тем не менее, за исключением керамики, культура, или точнее каменная индустрия Усть-Каренги и ансамблей типа Большого Якоря близки. А выявленный сюжет доставки на Коврижку III пемзы с источника, расположенного, примерно посередине между Большим Якорем, Коврижкой и Усть-Каренгой показывает принципиальную возможность контактов и досягаемость населения обоих районов друг до друга.

На Северном Байкале, как сейчас установлено, древнейшие следы человеческой деятельности представлены в 1–3 объединенных донеолитических культурных горизонтах Курлы I–III возрастом около 16,7–15,0 тыс. л.н. (Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А., 2019, с. 7) Нижний, 3-й горизонт содержит юбецоидную технику, развитую в другом, отличном от большеякорского варианте направлении на микролитизацию (рис. 38.1–8) (Шмыгун П.Е., 1978; 1981, с. 126). Более 70 микронуклеусов сделаны из бифасов в манере техники юбецу и сработаны весьма значительно. Аналогов этот вариант микрорасщепления не имеет, и в этом смысле является феноменом. Вторым техническим компонентом является группа орудий обработки кости и рога – скобели и резцы (рис. 40) (Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1982, с. 21). В изделиях из кости и рога есть вкладышевая обойма-наконечник, пластины и стержни из рога с гравировкой, иглы, колотушка (рис. 39) (Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1982, с. 15). Параллельно нанесенные тонкой гравировкой с использованием инструмента типа линейки прямые линии, орнамент или рисунок в виде пера,

несомненно, являются объектом сферы искусства. И гравировка, и расщепление микронуклеусов демонстрируют высокое мастерство на общем фоне. 3-й объединенный горизонт в этом отношении остается выдающимся памятником культуры финального палеолита Северного Прибайкалья.

Гораздо понятнее материал 1 и 2 объединенных горизонтов Курлы I–III (рис. 41–46) (Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А., 2019). С нашей точки зрения, близкие друг другу они и в типологии, и в перечне категорий орудий из камня и кости, практически, идентичны стоянкам Большого Якоря I. Ведущими типами являются юбецоидные клиновидные нуклеусы, трансверсальные резцы, скребки. Помимо них показательно совпадение в бифасах, группе скребел, в том числе с полной фасиальной обработкой, и в группе костяных орудий. И на Большом Якоре I, и на Курле I–III есть однотипные гарпуны, тупоконечные наконечники, пазовые обоймы-наконечники, иглы, колотушки. Судя по датам около 15,8 тыс. л.н., 2-й культурный горизонт Курлы I–III и, скорее всего, и 1-й к.г. несколько древнее стоянок Большого Якоря I. Вместе с нижними комплексами Усть-Каренги они формируют, практически, уже ареал бытования технических традиций – каменной индустрии типа Большого Якоря в трех районах Северного Прибайкалья – на Нижнем и Верхнем Витиме, и Северном Байкале в интервале около 15,8–12 тыс. л.н. Следует вспомнить в этой связи стоянку 2 культурного горизонта Красной Горки, расположенной на Еравнинских озерах в Забайкалье, в междуречье рр. Уда и Витим. Этот комплекс содержит гладкостенную грубую керамику, а вместе с ней набор из клиновидных нуклеусов, трансверсальных резцов, скребков, бифасиальных клиновидных орудий, пластинчатых отщепов с краевой ретушью. Датируется этот комплекс около 12–11 тыс. кал. л.н. В триаде признаков клиновидных нуклеусов, трансверсальных резцов, скребков он близок Большому Якорю I, Усть-Каренге, а с другой стороны, Студеному-1, 2, Усть-Мензе-1, 2 (Tsydenova N. et al., 2017, p. 88–89). Нет техники юбецу, но и качество камня исходной преформы для микронуклеусов, по-видимому, не

соответствовало требованиям этой техники. Наличие бифасов во 2 к.г. Красной Горки является тем признаком, что «роднит» ее с Усть-Каренгой и с юбецоидным комплексом Аршан-Хундуй в Забайкалье (Tsydenova N. et al., 2017, Fig. 4–9, 10; Ветров В.М., 2011, Табл. 8–16, 29; Ташак В.И., 2000, рис. 3–1).

В данной связи необходимо подробнее остановиться на значении этого типа археологических комплексов, поскольку взгляд на ассамбляжи типа Большого Якоря в контексте археологии Нижнего Витима отличается от возникающей картины специфического культурного ареала в Северном Прибайкалье.

Действительно, на Нижнем Витиме ассамбляжи типа Авдеихи и типа Большого Якоря составили антитезу на общем дюктайском/верхнепалеолитическом фоне. В качестве объяснения различий техник клиновидного нуклеуса была предложена идея более гибкой в отношении микронуклеуса коврижжинской техники подготовки, подновления и переоформления, и юбецу–большеякорской техники, нацеленной больше на гибкую эксплуатацию бифаса, а не нуклеуса (Тетенькин А.В., 2017а, с. 122). При этом различия виделись не культурного, а функционального плана. Тем более, что в стоянках типа Авдеихи также фиксировались единичные реберчатые и лыжевидные сколы, характерные для юбецу, начиная уже с самой ранней стадии, с нижних горизонтов Коврижки IV, около 18,5 тыс. л.н. То есть ассамбляжи типа Большого Якоря в этом контексте являются скорее техническим адаптивным ответом на определенные обстоятельства вроде дефицита каменного сырья, возможности эксплуатации высококачественного поделочного камня, зимнего-снежного сезона и др.

Второй тип «триады», скребки из отщепов являются универсальным и, в этом смысле, малоговорящим типом. Но поперечные трансверсальные резцы для стоянок типа Авдеихи не характерны. На самой Авдеихе и во 2 к.г. Коврижки III есть диагональные трансверсальные резцы (рис. 169.21–24), в целом уже отличные от трансверсальных поперечных, о которых идет речь.

Характеризуя 1 и 2 объединенные горизонты Курлы I–III культурно-типологически, П.Е. Шмыгун, а позднее Г.Н. Молчанов и соавторы отнесли их к верхоленской культуре юго-западного Прибайкалья и к дюктайской культуре Якутии, соотнося и с Большим Якорем I (Шмыгун П.Е., 1981, с. 125; Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А., 2019, с. 33). Вопрос в этой связи, чем являются ансамбли типа Большого Якоря, функционально-техническим вариантом единого финальнопалеолитического технокомплекса, или самостоятельным культурным комплексом, имевшим территориальную и хронологическую историю, сейчас может быть только поставлен. В соседней Якутии, например, на данном уровне представлений о месте техники юбецу в дюктайских памятниках и времени ее появления там известно не много (Мочанов Ю.А., 1977; Flenniken J.J., 1987; Gómez Coutouly Y.A., 2011; Gómez Coutouly Y.A., 2018). В целом, тема изучения юбецу выходит далеко за пределы Северного Прибайкалья (Coutouly Y.A., 2018). Но по меньшей мере, следует признать, во-первых, что именно стоянки большеякорского культурного комплекса в финальном сартане формально-типологически связывают районы Нижнего, Верхнего Витима и Северного Байкала. Во-вторых, именно у носителей большеякорского культурного комплекса на Верхнем Витиме появляется первая керамика. Близка им в признаке трансверсальных резцов индустрия 2 к.г. Красной Горки с керамикой того же возраста. Далее на юг Забайкалья отмечен только недатированный чикойский юбецоидный технический комплекс Аршан-Хундуя (Ташак В.И., 2000, с. 174–177). Для селенгинской и студеновской культур техника юбецу для клиновидного нуклеуса не характерна.

«В роли такого связующего Северный Байкал и Нижний Витим звена предстаёт финальнопалеолитической комплекс стоянки Нирякан I в среднем течении р. Мама, датируемый около 13,32 тыс. л.н. Нирякан I удален от Коврижки III и Большого Якоря I на 127–130 км на по прямой юго-запад, и от Курлы I–III – на 245 км на северо-восток. Таким образом, территориально Нирякан I занимает промежуточное положение между обоими

археологическими районами на Нижнем Витиме и Северном Байкале. Впрочем, с Большим Якорем I и Коврижкой III Нирьякан I связан единой речной сетью, а от Курлы I–III отделен водоразделами Верхнеангарского хребта» (Тетенькин А.В., 2021, с. 17–18).

«Низкое качество каменного сырья (метаморфизированные сланцы) наложило отпечаток на технико-морфологический облик всего ассамбляжа Нирьякана I. Часть нуклеусов ситуативна. Есть простейшая форма поперечного расщепления удлинённых отдельностей. Технологически наиболее сложный нуклеус демонстрирует леваллуазский цикл подготовки фронта к снятию отщепы (Гладилин В.Н., 1989), радиальный принцип расщепления, фасетированные площадки под контролируемое ударное скалывание (рис. 186.1). Ещё одна группа нуклеусов с торцовым снятием с удлинённых высоких форм, очевидно, позволяла получать узкие параллельно ограниченные пластинчатые снятия (рис. 181.9,12). Можно предположить, что в условиях отсутствия качественного сырья для производства микропластин расщепление таких торцовых нуклеусов способно было дать пластинку-вкладыш для оснастки вкладышевого охотничьего оружия, о существовании которого мы знаем по материалам близких по возрасту Курлы I–III и Большого Якоря I (Medvedev G.E., 1998, fig. 127.17; Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А., 2019, 14.1, 14.3; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.43).

Скребки, ретушированные отщепы, скребловидное орудие из пластинчатого сырья дают примеры орудийного употребления продуктов этого каменного производства. ... В совокупности это расщепление по технико-морфологическим признакам могло бы быть оценено как среднепалеолитическое или ранневерхнепалеолитическое. Аналоги ему без труда мы находим в описании индустрий этих эпох юга Сибири (Медведев Г.И., Алаев С.Н., Сокальский А.А., 1978, рис. 2, 4, 7; Рыбин Е.П., 2020). Однако здесь кардинальную поправку на возраст даёт трансверсальный резец (рис. 186.3). Как выше уже отмечалось, в Северном Прибайкалье эта форма

является «руководящей» для памятников финального палеолита / финального сартана. Резец аналогичен трансверсальным резцам палеолитических горизонтов Большого Якоря I на Витиме (Инешин, Тетенькин, 2010, с. 216–219), 1 и 2 объединенных донеолитических горизонтов Курлы I–III на Северном Байкале (Шмыгун П.Е., 1981, рис. 2.2, 3; Молчанов Г.Д. Молчанов Д.Н., Липнина Е.А., 2019), 8, 7 культурных горизонтов Усть-Каренги I–XVI на Витиме (Ветров В.М., 1995, с. 32–33; 2011, с. 175). Несколько отличные, но в целом подобные трансверсальные резцы есть во 2 к.г. стоянки Коврижка III на Витиме (Тетенькин А.В., 2016, рис. 16.21–24). Возраст существования этих стоянок – около 13–11 тыс. радиоуглеродн. л.н. / 16–13 тыс. календарн. л.н.

В данном свете каменное производство на Нирыкане I имеет пережиточный облик и является примером использования архаичных технологических традиций адекватных низкому качеству доступных здесь пород камня. Несмотря на архаичный облик каменной индустрии, обусловленный низким качеством сырья, самые типологически выразительные формы – трансверсальный резец, округлый скребок и бифас-нуклеус (рис. 186.1, 3, 6), коррелируют именно с финальнопалеолитическими комплексами Курлы I–III (1 и 2 объедин. донеол. к.г.) и Большого Якоря I. Кроме них Большой Якорь I также имеет в своем составе нуклеусы отщепового производства радиального принципа (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.28.1, 6.29.5, 7). Производство отщепов как бланка для орудий составляет здесь одну из основных технологических–адаптационных линий. В 1-м объединенном донеолитическом к.г. Курлы I–III «отщеповая индустрия» представлена низкофронтальными объемными подпризматическими нуклеусами и разнообразными изделиями из отщепов, морфологически устойчивыми из которых являются как раз трансверсальные резцы, скребки и скребла (Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А., 2019, рис. 4, 8.4, 8.5, 11, 12)» (Тетенькин А.В., 2021, с. 16–17).

«Выявление территориально промежуточного комплекса с одним из маркерных типов, трансверсальным резцом, важно, как аргумент в пользу единого культурного ареала, или культурной трансляции, связывающей в финальном сартане в Северном Прибайкалье районы Нижнего Витима и Северного Байкала» (Тетенькин А.В., 2021, с. 17).

«Новый археологический комплекс Нирыкан I, датируемый временем Бёллинг-Аллерёд, около 13,3 тыс. л.н. стоит осмыслить в контексте освоения древними людьми территорий внутренней части Байкальского (Байкало-Патомского) нагорья в конце ледниковой эпохи. В нижнем – среднем течении рек Конкудера, Теса, Нирыкан, правых притоков р. Мама, опознаны и картированы следы оледенения (рис. 6) (Margold M., Jansson K.N., 2011). Ко времени около 16 тыс. л.н. относятся датированные М. Марголдом и соавторами конечные морены в системе р. Амалык, правого притока р. Витим, показывающие присутствие ледников в горных районах нагорья (Margold M. et al., 2016, p. 170). Исследования Е.В. Безруковой и соавторов в районе оз. Большое Иняптукское, расположенного в высокогорной части Байкальского нагорья, коррелированные с результатами изучения оз. Котокель, Баунт, Арахлей, и др., позволили выделить общий тренд ландшафтно-климатических изменений (Безрукова Е.В. и др., 2012). Послеледниковое потепление в районе оз. Байкал наступило около 11–10 тыс. л.н. (Безрукова Е.В. и др., 2012, с. 7–8). Однако, в высокогорных районах в это время сохраняются условия влажной, холодной кустарниковой тундры с еловыми редколесьями на многолетнемерзлых грунтах. Запаздывание в развитии растительности относительно побережья оз. Байкал составляло 2 – 1,5 тыс. лет (Безрукова Е.В. и др., 2012, с. 10). Появление людей в среднем течении р. Мама, на удалении порядка 130 км вверх по течению от устья и от Витима свидетельствует об обживании этих внутренних территорий нагорья, приближенных к окраинам горно-долинных ледников на расстояния порядка первой сотни километров» (Тетенькин А.В., 2021, с. 18).

На Севере Верхней Лены финальный сартан представлен памятником Вешний Ручей (рис. 29) (Задонин О.В., Дзюбас С.А., 2003). Его каменный комплекс продолжает специфику местных стоянок, выявленную уже в предыдущем этапе среднего сартана. А именно сочетание традиций мелкопластинчатого производства, восходящего еще к Алексеевску и Шишкино VIII, т.е. к раннему сартану, и производства клиновидного нуклеуса и отжима с него микропластин, также появившегося ранее. Микронуклеусы Вешнего Ручья не юбецоидны. Они изготовлены из бифасов, с площадкой, оформленной и подживлявшейся многими сколами.

5.4. Этап 4 – ранний голоцен (12–7 тыс. л.н.).

На рубеже и в начале голоцена происходят значительные перемены в материальной культуре населения и в климате региона. Под знаком активной деградации ледников наступает лесная растительность (Анри А. и др., 2018, с. 587). Наиболее теплый и влажный климат с господством лесной темнохвойной растительности на побережье Байкала существовал около 10–7 тыс. л.н., в районе оз. Б. Иняптук (высокогорная часть Байкальского нагорья) – 8–4,3 тыс. л.н. Безрукова Е.В. и др., 2012, с. 10). Открываются для хозяйственной эксплуатации территории, прежде занятые ледниками. Происходит подъем уровня воды в озере Байкал (Воробьева Г.А., Горюнова О.И., 2013, с. 25). Окончательно спускается Муйское палеозеро (Margold M. et al., 2018, p. 52–53). На новых уровнях появляются поселения (Балтаханова III, V, Лударская I–IV, Горячая I–III и др. на Байкале). В каменной индустрии Байкальской Сибири расцветает микропластинчатая индустрия призматических нуклеусов. Массовый характер производства микропластин был оценен как приход мезолитической стадии (Медведев Г.И., 1971, с. 106; Медведев Г.И., и др., 1971, с. 77; Генералов А.Г., 1995, с. 86). В Якутии на Алдане смена технокомплекса клиновидных нуклеусов на комплекс призматических нуклеусов произошла резко на рубеже голоцена, что было воспринято как смена населения (Мочанов Ю.А., 1977, с. 250). К рубежу появления керамики во всех уже районах Северного Прибайкалья около 8000

лет вырабатывается культурный комплекс, получивший дальнейшее развитие в неолитическую эпоху, в среднем и позднем голоцене (Медведев Г.И., 1971, с. 110). Это, обобщенно характеризуя, вкладышевая техника, микропластинчатое призматическое производство, комплекс орудий из пластин (преимущественно) и отщепов – резцы, скребки, ножи, проколки и пр., шлифованные орудия – тесла и ножи, галечные оббитые тесла и топоры, рыболовные крючки и гарпуны. В конце мезолитической эпохи, к рубежу неолита появляются первые могильники (Базалийский В.И., 2011, с. 96). С них начинается археология погребений, развившаяся в альтернативную стояночную, часто ведущую археологию неолита и бронзового века.

На Нижнем Витиме в раннем голоцене продолжают существовать носители традиций позднепалеолитической культуры. Причем открыты комплексы обоих типов индустрий – типа Авдеихи (Коврижка II – 3, 4, 4а к.г., Коврижка V – 2 к.г.) и типа Большого Якоря I (Инвалидный III – пункт 1 – 1 к.г.) (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2005, с. 102). Это обстоятельство прямо противоречит концепции Ю.А. Мочанова о полном уходе со сцены дюктайской культуры в голоцене. Во 2 к.г. Коврижки V возрастом около 11,4 тыс. кал. л.н. (9940±100 л.н. (СОАН-8837)) найден пластинчатый скол с ретушью у проксимального конца подобный остроконечникам усть-кяхтинского типа, характерным как для селенгинской, так и студеновской культур Забайкалья (рис. 181.2) (Ташак В.И., 2012, рис. 4).

Появление на Нижнем Витиме комплексов сумнагинского облика, начиная с 11,0 тыс. кал. л.н., довершает ситуацию культурной variability. По первому такому комплексу, раскопанному С.А. Федосеевой в 1970-х гг., памятники этого типа были обозначены как ассамбляжи типа Большой Северной (рис. 172.1,2,3,7, 187, 189, 195) (Мочанов Ю.А., 1977, с. 207–209; Тетенькин А.В., 2017а, с. 110). Они занимают участки первой надпойменной террасы. В каменном производстве доминирует микропластинчатое расщепление. Трасологический анализ, который впервые недавно начали применять в изучении этих комплексов,

показал, что призматические пластины активно использовались не только как вкладыши охотничьего ударного оружия, но и в разнообразных «домашних» видах как резчики, скобели, ножи, резцы, провертки и прочее, заменив собой, по сути, позднепалеолитический комплекс орудий (Уланов А.А. и др., 2020). Пожалуй, из прежнего сохраняются только скребки, но и они уже, в основном, изготавливаются как концевые на пластинчатых сколах (рис. 172.2). Активно утилизируются фронтальные сколы с призматических нуклеусов. Вторым ощутимым компонентом этого комплекса являются галечные тесла с перехватом (рис. 183.1,3,4, 196.3,4). Этот тип орудий для сумнагинских стоянок Якутии не характерен. Напротив, основной ареал существования тесел с перехватом – это Ангаро-Енисейский регион (Медведев Г.И., 1971, с. 108; Усов П.А. и др., 1992). На востоке они достигают побережья Байкала, Витима, и далее устьев Малого Патома и Жуи, р. Олекмы (Горюнова О.И., 1991, с. 63; Ветров В.М., 2011, с. 175; Алексеев А.Н., 1987, с. 96; Тетенькин А.В., 2010, с. 77), В Западном Прибайкалье Г.И. Медведевым тесла с перехватом определены как маркерный финальномезолитический тип (Медведев Г.И., 1971, с. 108). Особенностью ансамблей типа Большой Северной является совершенно иной тип каменного сырья. Если комплексы типа Большого Якоря и Авдеихи связаны с местным эффузивным сырьем, то здесь эксплуатировались кремний, вулканическое стекло, яшма, халцедон, аргиллит. Это разноцветные изотропные породы, хорошо управляемые и предсказуемые в расщеплении. Появление «цветных» пород открыло новую возможность изучения коммуникаций населения. В частности, сформулирована гипотеза, что поскольку основные источники яшмовидных пород и халцедона находятся в Восточном Прибайкалье (Забайкалье), в районе истоков и верхнего течения Витима, а кремни происходят из чехла Сибирской платформы, край которой проходит по долине Лены, то принос на стоянки Нижнего Витима этих пород означает мобильность населения в сторону Верхнего Витима и долины Лены и, следовательно, коммуникацию с их населением. Важно здесь отметить, что

смену сырья на кремневое в раннем голоцене, неолите на Севере Верхней Лены отмечал и О.В. Задонин (Задонин О.В., 1990, с. 118).

На местонахождениях Коврижка II–V комплексы типа Большой Северной и типа Авдеихи залегают смежно и относительно синхронно. Отдельные общие формы артефактов встречаются и там, и там. В этой ситуации для наблюдаемой вариабельности комплексов было предложено объяснение в виде зависимости каменного производства от типа сырья. Последнее, в свою очередь, может быть связано с сезоном. Наличие или отсутствие, условно говоря, «кремневого» ресурса связывается с препятствующим сбору снежным покровом, кратковременностью пребывания, принесенным запасом с удаленных источников и т.п. Однако, обращая внимание на то, что контраст комплексов типа Большой Северной и типов Большого Якоря и Авдеихи столь явен в технологии расщепления и сырья, особенно, на фоне контраста между сумнагинскими и дюктайскими ассамбляжами в Якутии, в качестве альтернативной или дополнительной версии должен быть поставлен вопрос о трансляции технокомплекса производства микропластин отжимом с призматических микронуклеусов извне.

Если, как мы уже отметили, в Якутии, а стало быть, и на Средней Лене постулирован полный «призматический переход» в начале голоцена, то в юго-восточном Прибайкалье (Бурятии) и Забайкалье в раннем голоцене – мезолите отмечается сохранение и развитие финальнопалеолитических технических традиций (Константинов М.В., 1994, с. 149–150), в т.ч. техники клиновидного нуклеуса. «Вызревание» формы призматического нуклеуса шло через развитие эксплуатации клиновидного (История Бурятии, Т. 1, 2001, с. 73–74). Возможно, что под влиянием транслируемых идей призматической технологии. «Синтетическая» версия объяснения (гипотеза) призматической инновации на Нижнем Витиме может быть сформулирована как следующая:

К появлению новой технологии местное население уже было подготовлено существованием в культурном багаже зачатков подобной техники, вызревших на местной индустриальной основе (на это указывают самые ранние призматические микронуклеусы 2 и 3 к.г. Коврижки III, рис. 159.1,3, 170.4,5). Поэтому «призматическую инновацию» население восприняло легко. Новый технологический комплекс обогатил местную культуру. Ее вариабельность является возросшей адаптивной мощью или способностью. С другой стороны, сосуществование традиций всех трех типов ассамбляжей на Нижнем Витиме и выявленные примеры их пересечения и трансляции не дают повода, как в Якутии, полагать смену населения (Мочанов Ю.А., 1977, с. 241–253). Однако, что касается трансляции призматической микропластинчатой технологии, то версия прихода ее с Приленья является более предпочтительной, чем версия инновации из Забайкалья через Верхний Витим. Во-первых, потому что сумнагинский призматический микропластинчатый технический комплекс является более «чистым», чем раннеголоценовый забайкальский производственный комплекс, имея ввиду, что в нем нет артефактов финальнопалеолитического облика, в частности, нет клиновидных нуклеусов. Во-вторых, на Нижнем Витиме он базируется на эксплуатации кремневого сырья неместного, предположительно, ленского происхождения.

Верхняя граница докерамического каменного века на Нижнем Витиме отбивается именно в комплексе сумнагинского облика – в 1-м культурном горизонте Коврижки IV, содержащем керамику (рис. 156, 157). Возраст ее около 8,5–8,0 тыс. л.н.

На Верхнем Витиме усть-каренгская культура продолжала существовать вплоть до 5,7–5,1 тыс. кал. л.н. / 5–4,5 тыс. рад. л.н. (Ветров В.М., 2011, с. 177). Раннеголоценовое время слабо представлено малочисленными материалами 5 и 6 культурных горизонтов Усть-Каренги, но обильный 4 культурный горизонт дает представление о финальной стадии развития усть-каренгской культуры (рис. 59). Керамика осталась неизменной.

В каменном комплексе расщепление призматических микропластинчатых нуклеусов стало доминирующим. Сохраняется присутствие клиновидных нуклеусов. За счет увеличения толщины нуклеуса, захода фронта на латерали разница между призматическим и клиновидным нуклеусом становится условной. Сохраняются трансверсальные резцы. Но наряду с ними большое место занимают угловые резцы из пластинок. Появляются тесла с перехватом. Есть несколько листовидных бифасов в виде клинков или наконечников. Сходство с ассамбляжами типа Большой Северной на Нижнем Витиме констатируется только на уровне общих для Северо-Восточной Азии призматических микронуклеусов, да, пожалуй, еще и тесел.

Между усть-каренгским и мамаканским геоархеологическими районами существует еще раннеголоценовое местонахождение Нижняя Джилинда (Сивакон)-1 (рис. 70–72). Его нижние горизонты 4, 5, 5а и 6 возрастом 10–7,5 тыс. кал. л.н. не имеют керамики (Ветров В.М., Инешин Е.М., Задонин О.В., 1993, с. 104–111). Особенностью Сивакон-1 являются артефакты из витимского нефрита, на Усть-Каренге таковые не найдены. На Сиваконе-1 открыто погребение, заложенное из 5а к.г., возрастом около 8,4–8,0 тыс. кал. л.н. На сегодняшний день оно древнейшее на Витиме. Антропологический и генетический материал исследователями связывается с юго-восточной ветвью монголоидной расы (Ветров В.М., 1992, с. 12; Vetrov V.M., Ineshin E.M., 2019, с. 469). Можно ли из этого делать вывод о миграции на Витим, на наш взгляд, до накопления новых данных остается вопросом дискуссионным, а ответ преждевременным. Связь на этом юго-восточно-азиатском основании Сивакон-1 с Усть-Каренгой и ее керамикой, которой Е.М. Инешин придает значение культурно-исторического единства, на наш взгляд, эфемерна. Прежде всего, из-за отсутствия керамики, клиновидных нуклеусов, трансверсальных резцов на Сиваконе-1. Доводы В.М. Ветрова о своеобразии сиваконских культурных комплексов и нетождественности усть-каренгским более весомы (Ветров В.М., 1990, с. 119–120; 1992, с. 12; 2006, с. 12) Интересно еще и появление угловых шлифованных нефритовых ножей

китайского типа в докерамическом 5а к.г., с уровня которого заложено погребение (рис. 71.14,15). Особо следует подчеркнуть появление этого типа вдали и древнее китайских могильников юго-западного Прибайкалья.

На Северном Байкале к раннему голоцену относится 3-й культурный горизонт Курлы IV, соотносимый с верхоленской мезолитической культурой юго-западного Прибайкалья (рис. 47, 48). Ведущими признаками выступили клиновидные нуклеусы, трансверсальные резцы и некоторые ножевидные орудия. К поздней стадии мезолита относится Курла IV – 2, 3 к.г., компоненты местонахождений Лударская, Балтаханова II, III, V, Богучанская IV, Горячая I, III, о-в Богучанский, Красный Яр II – 1 к.г. В условиях бедной стратиграфии памятников учитывается типология каменного комплекса и отсутствие керамики. Основным коррелятом выступают позднемезолитические комплексы Малого моря и Приольхонья (Байкал) (Улан-Хада I (XI (Г3) к. г.), Берлога (VII–нижний, средний, верхний к. г.), Саган-Нугэ (X–IX–VIII к. г.), Итерхей (IX–VIII к. г.), Кулары III (VI–V–IV к. г.)) (Хлобыстин Л.П., 1965, с. 271; Савельев Н.А., Свинин В.В., 1990; Горюнова О.И., 1991; Горюнова О.И., Хлобыстин Л.П., 1992; Баруздин и др., 1992; Горюнова О.И., Новиков А.Г., 2000; Горюнова О.И., Воробьева Г.А., 1986, 1998; Воробьева Г.А., Горюнова О.И., 1997). Первым этот характер сходств отметил еще Л.П. Хлобыстин (Хлобыстин Л.П., 1965, с. 271). И, по-видимому, в финальном мезолите северное побережье Байкала входило в культурную зону байкальской мезолитической культуры.

На Севере Верхней Лены опорным памятником раннего голоцена – мезолита является стоянка Любавская I (Задонин О.В. и др., 2014, с. 29–35). Она датируется возрастом около 9 тыс. л.н. В каменной индустрии Любавской I мы видим произошедший переход на призматическое микропластинчатое расщепление (рис. 33, 34).

Обобщая характеристику комплексов каменного века раннего голоцена Северного Прибайкалья, мы приходим к ряду выводов.

А) Сохранение индустрий дюктайского палеолитического облика в несмешанном виде самостоятельных комплексов в ситуации культурной вариабельности на Нижнем Витиме и в виде традиций в одном составе с призматическим компонентом и керамикой в Усть-Каренге на Верхнем Витиме, в виде комплексов облика верхоленской культуры на Северном Байкале.

Б) Распространение в регионе технологий призматического микропластинчатого производства.

В) Сырьевые связи Нижнего Витима с Северной Верхней Леной и Верхним Витимом, типологические связи стоянок Северного Байкала с юго-западным Прибайкальем, проницаемость всего региона для распространения технологии расщепления призматических микронуклеусов и такого типа как тесла с перехватом являются аргументами в пользу разнообразной и многовекторной культурной трансляции и контактов населения всех четырех районов между собой и с сопредельными районами.

Реальная картина культурной истории региона в значительной степени еще сокрыта и, в первую очередь, только этим можно объяснить «выплывшие из тумана неизвестности» уникальные комплексы Сивакона и Усть-Каренги. Пока на сегодняшнем уровне наших знаний они воспринимаются как культурные изоляты, занимавшие локальную географическую нишу возможные «пришельцы издалека».

5.5. Проблема «неолитического перехода» культуры населения Северного Прибайкалья.

Тема древнейшей усть-каренгской керамики в рамках проблемы зарождения очага керамического производства в Восточной Азии остается экстраординарным сюжетом, локальным и выбивающимся из общей картины развития неолита. Важным пунктом в изучении докерамической эпохи каменного века Северного Прибайкалья является вопрос появления керамики в его районах и в этом смысле повсеместного наступления неолита. А именно привязка к этой общей картине позволит определить верхний

хронологический рубеж мезолита и, соответственно, рамки нашего исследования. Как известно, начало «регулярного» неолита с самой ранней керамикой в Юго-Западном Прибайкалье датируется временем около 8,5–8,0 тыс. кал. л.н. (Бердников И.М., 2017, с. 226), в Восточном Прибайкалье (Бурятии) и Забайкалье около 7,8–7,4 тыс. кал. л.н. / 7,0–6,5 тыс. рад. л.н. (Семина Л.В., Гребенщикова О.В., 1993, с. 128; Константинов М.В., Екимова Л.В., Верещагин С.Б., 2016, с. 48–50). Основные типы ранней керамики – это сосуды с оттисками сетки-плетенки и шнура (Савельев Н.А., 1989; Бердников И.М., 2013, с. 207–212).

Стоянки с керамикой сеткой-плетенкой известны на севере Верхней Лены (Назарово I, Марково I, II, Олонцево I) (Задонин О.В., 1990, с. 118). На Северном Байкале ранненеолитический компонент выявляется на стоянках с компрессионным, смешанным культурным слоем. Это местонахождения Байкальское III, Богучанская XIII, Красный Яр II – 2 к.с., Усть-Рель 1 (Емельянова Ю.А., Харинский А.В., 2008, с. 150; Харинский А.В., Емельянова Ю.А., Рыков Г.К., 2009, с. 88, 89, 100, 102; Кичигин Д.Е., 2010, с. 166). По нагару с керамики с оттисками сетки-плетенки со стоянки Усть-Рель 1 получена дата 6965 ± 47 л.н. (Ua-50439) (Харинский А.В., Емельянова Ю.А., Иванов Г.Л., 2021, с. 82). Ей соответствует календарный возраст 7870–7685 л.н.

Для Нижнего Витима вопрос появления керамики до недавнего времени оставался открыт. В конце 1960-х – 1970-е гг. первые сборы керамики в составе подъемного материала Ю.А. Мочановым и С.А. Федосеевой сделаны на местонахождениях Синюга, Прониha (Мочанов Ю.А., 1970, с. 63). На местонахождениях Усть-Витим I и II, Большая Северная II ими были найдены фрагменты керамики сетки-плетенки (неопубликованные материалы, с любезного разрешения Ю.А. Мочанова и С.А. Федосеевой автор отсматривал эти коллекции в фондах ЦААПЧ НА РС (Я)). В конце 1980-х гг. в 3-м культурном горизонте Большого Якоря I Е.М. Инешинным обнаружены фрагменты керамики сетки-плетенки (Инешин Е.М.,

Тетенькин А.В., 2010, с. 203). В разные годы в течение 1990–2000-х гг. на Инвалидном III были подъемные сборы фрагментов шнуровой керамики. Но долгое время проблема начала неолита не могла получить развитие, поскольку верхние, голоценовые горизонты Большого Якоря были уничтожены дорожным строительством еще в 1980-е гг., а больше памятников с залеганием керамики в стратифицированных условиях не было.

Однако, значимость проблемы перехода культуры населения Нижнего Витима к неолиту возрастала в связи с феноменом усть-каренгской керамики и культуры соседнего верхнего течения Витима. На ранней стадии развития усть-каренгской археологической культуры ассамбляжи 8, 8а и 7 культурных горизонтов Усть-Каренги I–XVI демонстрировали сходство с каменной индустрией 3А–9 горизонтов Большого Якоря I (Ветров В.М., 2011, с. 174–175). Очень близкие, юбецоидные в общем случае, системы расщепления клиновидных нуклеусов, трансверсальные резцы, концевые скребки из отщепов на фоне общего верхнепалеолитического облика пробуждали интерес к открытию усть-каренгской керамики на Нижнем Витиме. Е.М. Инешин неоднократно высказывал свою точку зрения на этот вопрос как на хозяйственно-деятельностное и культурное единство групп населения Большого Якоря и Усть-Каренги (Ветров В.М., Инешин Е.М., Пежемский Д.В., 2016, с. 138; Ветров В.М., Инешин Е.М., с. 464). Интерес к усть-каренгской керамике на Витиме сочетался с начатой разработкой тематики диахронных связей населения нижнего и верхнего Витима (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2011, с. 96–103). Поскольку речь идет об одной реке и ее долине, то логично было бы ожидать возникавших по долине коммуникаций с районом Верхнего Витима и далее, с Забайкальем. В этом направлении морфо-типологические аналогии в качестве вероятных таких свидетельств предлагались, практически, для всех этапов позднего верхнего палеолита – мезолита Нижнего Витима: а) для Мамакана VI, б) для нижних горизонтов с остатками жилищ Коврижки IV, в) палеолитических комплексов Большого Якоря I, г) для 2 к.г. Коврижки V (Тетенькин А.В., 2017г).

Такой сюжет установления археологической связи аргиллитовых артефактов Коврижки I и Усть-Каренги XVI выявлен и для времени около 7,0 тыс. л.н. (Тетенькин А.В., Ветров В. М., Демонтерова Е.И. и др., 2017) Естественным (рентгено-флуоресцентным) методом было установлено тождество сырья морфологически идентичных скребков атлантического в обоих случаях возраста. Установленное тождество принято, как доказательство существовавшего коммуникационного эпизода между двумя группами населения, одна из которых, усть-каренгская, была неолитической. Вместе с тем обзор истории развития культуры населения обоих районов в раннем голоцене показал их различие. На Нижнем Витиме сложилась ситуация культурной варибельности трех типов археологических комплексов: типа Авдеихи, типа Большого Якоря, типа Большой Северной. На Верхнем Витиме демонстрировались переход от ранней к поздней стадии усть-каренгской культуры на самой Усть-Каренге и культурно инородные комплексы Сивакона (Нижней Джилинды) и Старого Витима II, стоящие между Усть-Каренгой и Коврижкой (Ветров В.М., 2011, с. 175–176; Ветров В.М., 2006, с. 12).

В 2018 г. керамика с оттисками сетки-плетенки была открыта в 1 культурном горизонте Коврижки IV (рис. 157). По углероду из глины теста сосуда получена радиоуглеродная дата 8980 ± 20 л.н. (Poz-107434), но в виду того, что она сделана ни по нагару, ни по отощителю, а по углероду, содержащемуся в тесте керамики, дата была признана переудревненной. На основе стратиграфических данных возраст 1-го горизонта с керамикой Коврижки IV был привязан к возрасту 1-го культурного горизонта Коврижки V, расположенной на этой же 10–11-метровой террасе в 90 м ниже по течению, около 8,3 тыс. л.н. На сегодняшний день это единственный стратифицированный керамический комплекс на Нижнем Витиме, крайне важный в разработке проблемы становления неолита.

В итоге приходится констатировать, что на Нижнем Витиме усть-каренгская керамика обнаружена так и не была. Вместо нее на Коврижке IV

открыли керамику сетку-плетенку. Керамика этого же типа найдена в 3 культурном горизонте Большого Якоря I. В обоих случаях это раннеголоценовый возраст. Предложенная датировка около 8,3 тыс. кал. л.н. для 1 к.г. с керамикой Коврижки IV, в принципе, нормально соотносится со временем появления керамики сетки-плетенки и становления неолита на юге Западного Прибайкалья (Бердников И.М. и др., 2017, с. 226).

До открытия керамики 1 к.г. Коврижки IV определялся как докерамический типа Большой Северной. Он характеризуется призматическими нуклеусами конической и цилиндрической формы, призматическими пластинками и изготовленными из них вкладышами пазовых орудий, теслом с перехватом и молотом-пестом с пояском перехвата, выполненным пикетажной техникой (рис. 156). Субстратом производства пластин является серый кремнь. Рабочей гипотезой сегодня является его происхождение с Сибирской платформы, граница которой проходит по долине р. Лена. Это выступает дополнительным аргументом в пользу культурных коммуникаций в это время, направленных от Мамаканского георхеологического района (Коврижка I–V, Большой Якорь I, Мамакан VI, Инвалидный III, Павлова I) вниз по течению Витима к северу Верхней Лены и Якутии.

Отдельный сюжет составляют топоры с ушками. «В пределах Байкало-Патомского нагорья известны без стратиграфической привязки четыре топора с ушками с пришлифованным лезвием. “Ушки” у этих предметов выполнены в пикетажной технике. Два из них происходят с местонахождения Каколда на Витиме (рис. 198.1), один - с местонахождения Собачьи Норы и один - с местонахождения Луговка на Маме» (Тетенькин А.В., 1999б, с. 198). Один топор с ушками, хранящийся в Мамском краеведческом музее, происходит с Усть-Чуи (правый берег р. Лена выше по течению устья Витима) (рис. 198.2). «Отсутствие стратиграфической привязки этих предметов не позволяет их определенно датировать. На Верхнем Витиме, Олекме, Алдане, Средней Лене они не характерны.

Аналогичные изделия данного типа топоров “с ушками”, известны на Нижней Ангаре, и Илеме, Южном Прибайкалье, в Канско-Енисейской лесостепи, к сожалению, в большинстве случаев без стратиграфической привязки» (Тетенькин А.В., 1999б, с. 198). Хроно-стратиграфическую позицию имеют топоры “с ушками” из погребения 5 могильника Хоторук и III культурного горизонта стоянки Саган-Заба на Байкале (Конопацкий А.К., 1982). Погребения могильника Хоторук датируются возрастом 7,7–7,1 тыс. кал. л.н. (Горюнова О.И. и др., 2018, с. 64–65). III-й культурный горизонт Саган-Забы, в котором найден топор с ушками в контексте с керамикой с оттисками сетки-плетенки и пришлифованным теслом, имеет радиоуглеродную дату 6000 ± 40 л.н. (СОАН-1572) (Конопацкий А.К., 1982). В 2016 г. топоры с ушками были найдены в раскопках стоянки Бугульдейка I на Байкале, в VIII и VII культурных слоях, датируемых возрастом 7,7–7,3 тыс. кал. л.н. и относимых к раннему неолиту (Булавко В.Д., 2020, с. 90). В целом топоры с ушками изделий может рассматриваться как западно-прибайкальский тип. Дополнительным аргументом трансляции этого типа на Нижний Витим с Лены является субстрат топора с Каколды – базальт. По мнению Е.И. Демонтеровой (Институт Земной коры СО РАН), базальт может происходить только с территории Сибирской платформы, чья восточная граница пролегает вдоль долины Лены с юга на север. Поэтому исключено местное происхождение базальта для топора с Каколды, напротив, практически, доказано происхождение с долины верхней Лены.

Таким образом, проблема становления неолита на Нижнем Витиме получила развитие в виде рабочей версии, выражаемой в следующих тезисах:

1. Появление керамики сетки-плетенки около 8,5 – 8,3 тыс. кал. л.н. из районов долины р. Лены из Западного Прибайкалья, либо из Якутии через низовье Витима. В этом качестве становление неолита проходило по «классическому», а не усть-каренгскому варианту.

2. Продолжение коммуникационных контактов с населением Верхнего Витима еще и в неолитическую эпоху, на что указывает сюжет с коричневым аргиллитом, около 7 тыс. л.н.

Стоит отметить, что на сегодняшний момент датировки раннего неолита на юге Западного Прибайкалья указывают на появление керамики 8,5–8,3 тыс. кал. л.н. (даты по Холмушино 3) (Бердников И.М. и др., 2017, с. 226). Они древнее ранних дат сылахской раннеолитической культуры Якутии около 6,8–6,7 тыс. кал. л.н. (даты по VII слою Белькачи I и XVI слою Сумнагин I) (Мочанов Ю.А., 1977, с. 103, 196, 253). Датировка керамики 1 к.г. Коврижки IV, привязанная к дате 1 к.г. Коврижки V около 8,3 тыс. кал. л.н., ближе к датам юга Западного Прибайкалья. В этом контексте, возможно, она отражает движение (трансляцию) инновации керамики сетки-плетенки с юга на север – северо-восток.

Из данных выводов вытекает вопрос: если на нижнем Витиме в Мамаканском геоархеологическом районе нет усть-каренгской культуры, то до какого предела вниз по течению Витима она распространяется? Существует эпизод коммуникационной связи между Усть-Каренгой XVI и Коврижкой I (Тетенькин А.В., Ветров В.М., Демонтерова Е.И., и др., 2017) а, следовательно, должен быть сформулирован вопрос, следует ли данный конкретный археологический комплекс 2 горизонта Коврижки I атрибутировать как усть-каренгский? При условии тождественности по сырью и морфологии скребков его материалов материалам Усть-Каренги XVI (рис. 69), а именно ритуальных ям этого пункта, следует сказать, что инвентарь этих ям сам не вполне усть-каренгский. В нем отсутствуют усть-каренгская керамика, клиновидные нуклеусы, трансверсальные резцы (Ветров В.М., 2008; с. 28–30; Тетенькин А.В., Ветров В.М., Демонтерова Е.И., и др., 2017, с. 22–23). Таким образом, однозначно характеризовать 2 культурный горизонт Коврижки I как усть-каренгский нельзя.

На Витиме между Мамаканским и Усть-Каренгским археологическими районами существуют памятники раннего голоцена Нижняя Джилинда

(Сивакон) и Старый Витим II (Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В., 2019; Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М., 1993). Автор открытия и изучения В.М. Ветров определял их как своеобразные культурные феномены, не коррелируемые с усть-каренгской культурой, и на этом строил концепцию культурных изолятов (Ветров В.М., 1992, 2006, с. 12). Ареал усть-каренгской культуры по этим данным не доходит до района следующей по течению Бамбуйской котловины и ее памятника Нижняя Джилинда.

Рассмотрим, далее вопрос, как могут быть соотнесены с мезолитом и неолитом Западного Прибайкалья нижние горизонты Усть-Джилинды (Сивакона) и могильника Старый Витим II. В отношении Сивакона данные, как будто, противоречивы. С одной стороны, керамики нет ни в погребении, ни в культурном горизонте 5а, из которого погребальная яма заложена. Вместе с имеющимися датами этот комплекс попадает на мезолит в терминах западно-прибайкальской (Иркутской) периодизации. Но в нем были найдены шлифованные нефритовые ножи китойского типа, т.е. раннеолитический тип. С другой стороны, антропологический анализ черепа человека с Нижней Джилинды однозначно, по мнению Д.В. Пежемского и соавторов, указывает на принадлежность к совершенно другой этнической / популяционной группе, чем, например, синхронный ему череп из могилы R-8 (Райсовет) в Иркутске (Базалийский В.И. и др., 2012, с. 115–116).

Могильник Старый Витим II по таким признакам, как засыпка охрой могильной ямы, положение умершего на боку с подогнутыми ногами, преобладание в инвентаре призматических пластин–вкладышей, затем наличие скребков, бусин, сближает с могильником Ерши и шукинской погребальной традицией под Иркутском, на р. Ангаре (Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В., 2020; Базалийский В.И., 2012, с. 52–58). Могильник Ерши ведущий исследователь погребальных комплексов Западного Прибайкалья В.И. Базалийский определяет к стадии финального мезолита. Судя по датам, Старый Витим II как могильник существовал несколько моложе Нижней Джилинды. Рассматривая археологические материалы обоих

раннеголоценовых комплексов, следует указать на совершенно иной погребальный обряд на Нижней Джилинде: в нем есть надмогильная кладка и внутримогильная вымостка из плит на подобие ящика (отсутствуют на Нижнем Витиме II), человеческий костяк намеренно разрушен, гораздо более разнообразен сопроводительный инвентарь (Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М., 1993, с. 106–111). Общими признаками являются вкладышевые орудия, скребки и светло-зеленый витимский нефрит, из которого на Старом Витиме II изготовлены тесла, ножи, остроконечники и разные заготовки орудий, а на Нижней Джилинде – только ножи и пластина-заготовка. Ножи Старого Витима II иные, чем ножи Нижней Джилинды (Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В., 2019, Рис. 13. 4; Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М., 1993, Рис. 6. 1, 2). Таким образом, по совокупности признаков могильник Старый Витим II обнаруживает веские отличия от погребения и нижних горизонтов Нижней Джилинды, и оба они отличны от усть-каренгской неолитической культуры.

И в случае со Старым Витимом II, и в случае с Нижней Джилиндой (Сиваконом), в каждом по-своему, отмечены типологические корреляты с погребальными традициями южного Западного Прибайкалья рубежа мезолит – неолита.

5.6. Заключение к главе 5

Выстраиваемая культурная история населения Северного Прибайкалья эпохи среднего – позднего – финального палеолита – мезолита – древнейшего неолита, т.е. около 25 – 7 тыс. календ. л.н., с одной стороны, представляет собой композицию из процессов культурной трансляции из районов юга Западного и Восточного Прибайкалья, Забайкалья, Якутии, в разное время и различным образом оказывавших влияние на районы Северного Прибайкалья.

Для первого этапа, начала сартанского стадиала, реконструируются культурные связи севера Верхней Лены с южным Западным Прибайкальем при отсутствии связей с Якутией и Нижним Витимом. Культура каменного

производства на Нижнем Витиме формировалась под влиянием, исходящем из Восточного Прибайкалья – Южного Забайкалья (рис. 200).

На этапе среднего сартана эти тенденции продолжились. Производственная культура Нижнего Витима представляет местный вариант восточносибирского поздневерхнепалеолитического технокомплекса, близкого как дюктайскому, так и студеновскому/селенгинскому его эталонам. По-видимому, существовали ресурсные-хозяйственные отношения, связывающие население Нижнего Витима также и с населением севера Верхней Лены. На севере Верхней Лены появляется инновация техники клиновидного микронуклеуса (рис. 201).

На финальном этапе сартана в районах Северного Байкала, Нижнего и Верхнего Витима появляются культурно близкие комплексы каменной индустрии Большого Якоря I, Курлы I–III, Усть-Каренги I–XVI. На Верхний Витим из Забайкалья и далее из Восточной Азии проникает технология изготовления керамики (рис. 202).

В раннем голоцене реконструируются трансляции мезолитического технического комплекса и затем керамики с бассейна Лены на Нижний Витим, с южного (юго-западного) побережья Байкала на северное побережье. Перекрестные типологические корреляции и сырьевые хозяйственные связи между четырьмя районами Северного Прибайкалья друг с другом и с соседними регионами Восточной Сибири в постледниковый период раннеголоценового оптимума, выработка общего мезолитического, пренеолитического «стандарта» или облика свидетельствуют о развитии межрайонных коммуникационных связей и регулярной культурной трансляции по этим сетям (рис. 203).

С другой стороны, мы представляем ситуацию не только как сумму факторов, пришедших извне, но и видим культурное развитие в самом регионе Северного Прибайкалья, выработку местных культурных феноменов. Особенностью местного культурного развития являются культурная специфика жилищных стояночных комплексов Коврижки IV, отличная от

збайкальских образцов, сложившаяся техническая вариабельность на Нижнем Витиме, усть-каренгский тип керамики на Верхнем Витиме, микролитический производственный комплекс нижнего объединенного горизонта Курлы I–III.

Важнейшие технологические инновации – вкладышевая техника; микропластинчатое производство на основе расщепления а) клиновидных нуклеусов, б) призматических нуклеусов; изготовления керамической посуды – были заведены в регион Северного Прибайкалья извне. Вопросы их происхождения, сугубо в рамках археологии региона Северного Прибайкалья не имеют решения и должны быть выведены на широкий субконтинентальный уровень.

Существует, в частности, убеждение, что изменение внешних условий имело роль управляющего фактора «вызывающего культурный ответ, фактически, predetermined ограниченным набором возможностей» (Питулько В.В., Павлова Е.Ю., 2010, с. 177). В частности, В.В. Питулько и Е.Ю. Павловой принадлежит идея развития торцово-клиновидного расщепления (там же, с. 179, 190) как адаптации к условиям исчезновения популяции мамонтов и мамонтового бивня как поделочного сырья для изготовления элементов охотничьего оружия (форешафтов-стержней). Т. Гейбл высказывал идею микропластинчатой адаптации к условиям сартанского криохрона и распространения охоты на северного оленя (Goebel T., 2002).

Предпринятые в последние годы палеоклиматические реконструкции Е.В. Безруковой и соавторами для горного пояса Байкальской Сибири демонстрируют, в общем, достаточно ясный отклик на глобальные климатические тренды MIS 1–2: последний ледниковый максимум около 22–17 тыс. кал. л.н. (Bezrukova E.V. et al., 2010, p. 194), потепление Бёллинг-Аллерёд около 14,7–12,6 тыс. л.н., похолодание Позднего Дриаса около 12,6–11,6 тыс. л.н., раннеголоценовый оптимум около 10–7 тыс. л.н. (Безрукова Е.В., Тарасов П.Е., Ридель Ф., 2009, с. 136–137). Судя по самым поздним

датам по мамонту в Байкало-Патомском нагорье около 21 тыс. л.н. (Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Дементьев В.Н., 2004, с. 97), окончание последнего ледникового максимума он не пережил здесь. В этом первом приближении положительно коррелирует со значимой границей окончания позднего дриаса – рубежа плейстоцен-голоцена только появление комплексов сумнагинского облика, о чем писал еще Ю.А. Мочанов (Мочанов Ю.А., 1977, с. 241). Чего нельзя сказать о технике клиновидного нуклеуса и вкладышевого оружия. Для Большого Якоря I и Коврижки IV нет данных о том, что северный олень был основным промысловым видом 19–15 тыс. л.н.

Нет положительной корреляции между крупными климатическими интервалами и появлением керамики типа сетки-плетенки около 8,5–8,0 тыс. л.н. Пожалуй, только начало традиции усть-каренгской керамики на Верхнем Витиме совпадает с потеплением аллерёда. Но убедительного объяснения этому совпадению нет. Резюмируя все вышеизложенное, задача корреляции крупных технологических событий с колебаниями природной обстановки сегодня решения не имеет и может быть сформулирована на будущее как научная проблема.

Вместе с тем, абсолютно правильно будет утверждать, что все найденные археологические комплексы были культурным – адаптивным откликом на условия обитания. В наибольшей степени такие представления дают нам самые информативные стоянки Коврижка IV, III, II, Большой Якорь I, характеризующие время 19–12 тыс. л.н. в аспектах выбора места поселения, строительства жилищ, организации жилого пространства, охотничьего промысла, эксплуатации минеральных ресурсов.

Практически все известные стоянки приурочены к береговой линии, в современном положении занимая уровни от 35 до 7 м от уреза воды. Большой Якорь I и Коврижка IV дают нам представления о поселении в холодный период года на пляжной береговой линии. Лестница из трех террас 11, 18 и 22 метрового уровня на Коврижке, как сейчас реконструируется,

имела сложную историю формирования. При этом поселение людей на всех этих уровнях прямо учитывало и зависело от сезонно-паводковой угрозы.

Приспособление к локальной ландшафтной топике ярко выражено в поселении на Коврижке IV под самой скалой мыса Коврижки и в случае 5-го культурного горизонта Коврижки II – за стенкой скального останца, по всей видимости, избранного как ветровой заслон.

Начиная с самых кратковременных эпизодов обитания, представленных на Большом Якоре I (3А, 3Б, 3В, 4, 4А, 4В к.г.) и на Коврижке II (5 к.г.), люди создавали комфортную зону устройством очага. Широко применялся нагрев камней для длительного сохранения тепла. Наиболее сложное в этом отношении жилище 2Г к.г. Коврижки IV сооружалось в течение нескольких часов. Обитатели обработали охрой площадку, прожгли обширный костер, прогрели пол, прокалили камни и сложили из них очаг-печь. Данные показывают, что при сооружении устраивался и поддув под один из камней. Затем сооружалась крытая конструкция жилища. Для укрепления стенок «чума», они обкладывались по периметру пунктирно камнями. В 6 к.г. Коврижки IV система обогрева жилища состояла из более или менее постоянного кострища на входе и кратковременного кострища в центре, внутри жилища, пересыпаемого песком и черным алевритом. Возможно, это кострище также имело задачу прогрева пола. Внутри жилища 6 к.г. выявлена зональность левой половины со скоплением микропластин, имеющих отношение к охоте, и правой с орудиями домашней деятельности. В жилище 2Г к.г. в левой половине – орудия обработки кости и шкур, в правой – крупные пищевые отбросы. Легкие наземные конические жилища типа чумов были предложены в интерпретации не имевших внешних обкладок очажных комплексов в 3В, 7 и 8 к.г. Большого Якоря I.

Повторяющийся паттерн двух сближенных очагов в 5, 6, 7 к.г. Большого Якоря I получил интерпретацию как специфический способ организации открытой хозяйственной зоны в эпизодах развития

деятельностной ситуации от устройства первого очага к организации рядом второго.

Сложную и до конца не понятную строительную деятельность продемонстрировала стоянка Коврижка III. Речь идет о конструкциях из гнейсовых плит. При сооружении самой сложной из них были применены вкапывание, поддержка в вертикальном положении на ребре камнями, стыковое пазовое соединение. Обитатели обрабатывали гнейсовые плиты. соединительные части имели искусственную форму овальных дисков. А это значит, что в строительных целях имела место обработка камня коренной породы низкой твердости.

Особо следует подчеркнуть разнообразную знаково-символическую деятельность в виде открытых на Коврижке II и IV предметов искусства (антропоморфной фигуры, графитовой подвески, бусины), активного использования охры, использования графита как краски на Большом Ягоре I и Коврижке III, гравировки кости на Курле I-III, декора на усть-каренгской керамике. Эти явления трактуются нами как свидетельства знаково-символического, идеологического обеспечения жизнедеятельности древнего населения Северного Прибайкалья.

Наибольшие сведения об охотничьем промысле доставила стоянка Большой Якорь I. Она представляла собой периодически устраиваемый на одном месте охотничий лагерь. Основной была неспециализированная охота на крупных млекопитающих, туши которых после разделки уносились. Пропитание самих охотников на стоянке обеспечивалось промыслом мелких животных – зайца, песца, птиц и рыб. Обитатели Коврижки IV, по-видимому, использовали мыс с обрывом Коврижку в загонной охоте на снежного барана. Композитные вкладышевые наконечники составляли основу охотничьего вооружения. Найденные на Большом Ягоре I и Курле I тупоконечные наконечники, по-видимому, были предназначены для пушной охоты. На Большом Ягоре I и Курле I- III найдены также и гарпуны.

Судя по антропоморфным фигурам из 6 к.г. Коврижки IV и пластине из погребения Нижняя Джилинда I из бивня мамонта, практиковался сбор бивневого поделочного сырья.

Изучение происхождения экзотических минеральных ресурсов позволило охарактеризовать мобильность населения в деле доставки материалов из источников, удаленных на сотни километров. Такие результаты были получены по охре, вулканической пемзе, коричневым аргиллитам, кремням. Они показали, что 18,6–7,0 тыс. л.н. маршрутами этих доставок Верхний и Нижний Витим, север Верхней Лены были связаны между собой. По мнению А.П. Секерина, ведущего специалиста по витимскому нефриту, в неолитическую эпоху нефрит с местопроявлений в среднем течении Витима доставлялся на Олёкму (Джикимдинское погребение) и р. Лену в районе современного г. Якутск (Вилюйское шоссе, Владимирова II) (Алексеев А.Н. и др., 2006, с. 77). Эти данные интерпретируются как свидетельства существования территориально широких коммуникативных сетей, по каналам которых проходили процессы горизонтальной культурной трансляции.

Ряд свидетельств, таких как использование черного алеврита в 6 и 2Б к.г. Коврижки IV (19,1 и 18,5 тыс. л.н.), подновление в 1А к.г. конструкции из 2 к.г. Коврижки III (12,7 и 9,2 тыс. л.н.), равно как и культурно-типологически гомогенные комплексы 9–3А к.г. Большого Якоря I (12,7–11,7 тыс. рад. л.н.), 1 и 2 объед. донеолит. к.г. Курлы I–III, усть-каренгская керамика раннего (7 к.г., 13–12 тыс. л.н.) и позднего (4 к.г., ок. 8–7 тыс. л.н.) этапов, указывают на вертикальную – межпоколенную трансляцию большой возрастной глубины – до нескольких тысяч лет.

В особом облике каменной индустрии нашли выражение культурные механизмы экстенсивного и ресурсосберегающего поведения (Большой Якорь I, Коврижка III, IV), планирования трудовых операций и отложенного потребления (многофункциональные транспортируемые бифасы на Большом Ягоре I и Коврижке IV и депозиты на Коврижке IV и Усть-Каренге XVI,

принос охры из разных, удаленных друг от друга источников на Коврижку IV), технологической зависимости расщепления от видов и качества породы каменного сырья (сюжет 3-4 к.г. Коврижки II и 1А к.г. Коврижки III, палеолитический комплекс Нирыкана, комплексы сумнагинского и дюктайского облика на Нижнем Витиме в голоцене). В качестве управляющих факторов действовали обстоятельства сезонности, доступности сырья, пищевых ресурсов, продолжительности обитания, ландшафтной топики. Интегрированный вектор деятельности определялся в рамках принципа адаптивной вариабельности, выражающего мобильность древних людей в выборе в наличном культурном арсенале актуальных технологических знаний, приемов, способов (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2000). Реконструируемые нами отношения между практикой и техническими культурными нормами комплиментарны введенному П. Бурдые в социологии понятию «габитус». Габитус есть тип поведения или стратегия как «продукт практического чувства, как чувства игры, особой социальной игры, исторически определенной, которая усваивается с детства через участие в социальной деятельности. ... Это предполагает постоянное изобретение, необходимое, чтобы адаптироваться к бесконечно разнообразным ситуациям, никогда не бывающим совершенно идентичными. Это не обеспечивает механическое подчинение эксплицитному, кодифицированному правилу» (Бурдые П., 1994, с. 98).

Из двух стоянок Коврижки IV и Большого Якоря I, дающих нам наиболее многоаспектные интерпретации, культурный комплекс, представленный нижними горизонтами Коврижки IV, может быть интересен в широких географических пределах, поскольку имеет довольно ранний, среднесартанский возраст около 19–18 тыс. кал. л.н. и предшествует не только остальным поздне-, финально-верхнепалеолитическим стоянкам Большой Якорь I, Авдеиха, Усть-Каренга I–XVI на Витиме, Курла I–III на Северном Байкале, но и опорным памятникам этого возраста далее на северо-восток Азии – Дюктайской пещере, Берелеху, Ушкам I–V. В рамках

берингийской археологии культурный комплекс нижних горизонтов Коврижки IV представляет собой тот выработанный в континентальной части Северо-Восточной Азии культурный багаж, с которым первые мигранты из Сибири пришли в Восточную Берингию – на Аляску.

6. Заключение

Археологическое изучение эпох среднего – позднего верхнего палеолита – мезолита в Северном Прибайкалье ведется уже более 50 лет. С ней связана деятельность многих специалистов и научных коллективов, большая часть из которых является представителями иркутского археологического сообщества. Фактически, эта история начиналась как самостоятельное изучение четырех районов – севера Верхней Лены, Северного Байкала, Верхнего и Нижнего Витима. Наряду с общей географической связью принадлежности к Северному Прибайкалью их объединяет общая специфика работ в удаленных, северных, таежных территориях: в основном, разведочная, поисковая, пионерная. Растянутость и разрозненность во времени обусловила различия подходов, методов и степени изучения памятников – от провизорной до высокой. Данная диссертационная работа является первым подходом к обобщению результатов археологических изысканий и построению единого научного дискурса истории докерамических культур Северного Прибайкалья. Начиная со времени первого устойчивого археологического сигнала – информативно репрезентативных археологических комплексов Алексеевск на Лене и Мамакан VI на Витиме, примерно, около 28–25 тыс. л.н. В задачу нашей работы входит разработка культурно-хронологической схемы как направления научной систематизации для нынешних и будущих исследований – общей канвы реконструкции культурно-исторического развития региона Северного Прибайкалья.

Представленная культурно-хронологическая схема состоит из ряда следующих позиций.

1. На протяжении всего периода 28–8 тыс. л.н. возникают гетерохронные связи культурной трансляции населения Северного Прибайкалья с населением сопредельных районов, прежде всего, Юго-Западного, Юго-Восточного Прибайкалья, Забайкалья и Якутии.

2. Важную, лимитирующую роль в развитии процессов культурной трансляции в течение всего времени играл ландшафт в виде горно-долинных оледенений, горных массивов, береговых линий Байкала и основных рек Лены, Витима, Мамы, Киренги, Каренги и др. Основная наша версия заключается в палеогеографическом факторе направления культурной передачи в рамках «естественных коридоров» и изменяющейся в течение последнего ледникового максимума – постледниковья обстановки, а также с ней связанной доступности территорий для хозяйственного освоения.

3. В этих условиях культурно-исторический процесс имел характер гетерогенного происхождения культур обитателей четырех районов Северного Прибайкалья в течение 28–8 тыс. л.н. и культурных контактов, частота связей которых увеличивается в финальном плейстоцене и раннем голоцене, т.е. к концу докерамической эпохи.

4. На этапе первой половины сартанского оледенения (MIS 2: Sr¹⁻², 28–21 тыс. л.н.) на севере Верхней Лены и Нижнем Витиме обитали носители различных культурных комплексов, имеющих юго-западные генетические связи в первом случае и юго-восточные связи во втором. Они представлены стоянками Алексеевск на Лене и Мамакан VI на Витиме.

5. На этапе окончания Последнего Ледникового Максимума (MIS 2: Sr²⁻³, 21–17 тыс. л.н.) на Нижнем Витиме появляется коврижский культурный комплекс, генетически не связанный с предшествующей культурной традицией Мамакана VI. Для него прослеживаются признаки культурной трансляции из Забайкалья, прежде всего, студеновской культуры в виде традиций строительства жилищ и каменного производства. На севере Верхней Лены ассамбляжи Балышово III и Чайки II воспроизводят традицию алексеевского мелкопластинчатого технокомплекса. Гематит, использовавшийся как охра на Коврижке IV указывает на доставку ресурса с юго-западного и юго-восточного направлений, с источников, удаленных на сотни километров. На этой основе и на технико-типологических корреляциях

строится суждение о возможной коммуникации населения севера Верхней Лены и Нижнего Витима.

6. На этапе окончания сартанского оледенения (MIS 2: Sr⁴, 17–12 тыс. л.н.) происходит распространение во всех районах Северного Прибайкалья восточно-сибирского варианта техники клиновидного нуклеуса, на Нижнем Витиме, представленной коврижским типом. Наряду с этим происходит развитие технической традиции производства микронуклеуса юбецу, впервые выявленной на Коврижке IV в предшествующий период и в этот период представленной в ассамбляжах Большого Якоря I, Курлы I–III – 1–3 объедин. культ. гор., Усть-Каренги – 8а, 8, 7 культ. гор. На Нижнем Витиме на основе дихотомии этих двух технических традиций складывается ситуация культурной вариативности ассамбляжей типа Авдеихи и типа Большого Якоря, получившая развитие и в голоценовое время. На Верхнем Витиме, на Усть-Каренге появляется традиция керамического производства, имеющая юго-восточное происхождение из Приамурья – Северо-Восточного Китая.

7. В раннем голоцене (12–7 тыс. л.н.) транслируются традиции финальнопалеолитического каменного производства. Одновременно с ними появляется и развивается технокомплекс микропластинчатого расщепления призматических нуклеусов мезолитического облика, на Нижнем Витиме близкого к сумнагинской культуре Якутии, на Северном Байкале – к позднемезолитической культуре Юго-Западного Прибайкалья – Приангарья. Происходит расцвет транслируемой с позднего верхнего палеолита техники вкладышевого охотничьего вооружения. С последней неразрывно связана техника производства микропластин.

8. С появлением керамики около 8,5–7,8 тыс. л.н. повсеместно в Северном Прибайкалье начинается неолит. Его нижняя граница сейчас определяется по находкам керамики на Коврижке IV на Нижнем Витиме и стоянке Усть-Рель 1 на Северном Байкале. Это время, в принципе, синхронно времени становления неолита в Юго-Западном Прибайкалье и Якутии и

может рассматриваться как «классический сценарий». Отмечаются процессы культурной трансляции (кремль, керамика, шлифованные топоры с ушками) с Лены на Витим, распространение витимского нефрита в Западное Прибайкалье и в Якутию, проникновение отдельных «маркерных» типов Прибайкальского – Приангарского неолита на среднее течение Витима, эпизодическая коммуникация населения Нижнего и Верхнего Витима. Таково по имеющимся данным начало эпохи неолита в Северном Прибайкалье, в нашем исследовании – верхняя граница предметной области.

Мы отмечаем появление в разное время культурных феноменов 3 культурного горизонта Курлы I–III, усть-каренгской керамической культуры, нижних горизонтов с погребением Нижней Джилинды, чье своеобразие, вероятно, объясняется относительной изолированностью и замкнутостью развития культуры локальных групп населения, или миграцией последних извне региона. С другой стороны, наиболее изученные и информативные стоянки Коврижка IV и Большой Якорь I дают опорное представление о культуре населения широкого географического охвата, находящее корреляционный отклик в большинстве опорных памятников восточносибирского позднего верхнего палеолита: Красного Яра I, Верхоленской Горы, Усть-Кяхты-17, Студеного-1, 2, Усть-Мензы-1, 2, Сухотино-4, Дюктайской пещеры, Ушков I–VII и других. Совокупное суждение о культуре Северного Прибайкалья строится как суждение о региональном варианте восточносибирского позднего верхнепалеолитического культурного комплекса или багажа, с которым пришли в Берингию первые сибиряки-американцы, и на основе которого в Восточной Сибири наступила неолитическая эпоха.

Дальнейшие исследования прольют свет на нерешенные вопросы, неизученные стороны культурной истории населения Северного Прибайкалья. Они будут опираться на научные достижения предшествующих археологов.

Список литературы

1. **Абдулов Т.А.** Мезолитические горизонты многослойной стоянки Курла IV // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1991. – С. 55–62.
2. **Абдулов Т.А., Генералов А.Г.** Палеолит Канско-Енисейского региона // Исторический опыт освоения восточных районов России. Владивосток, 1993. С.73-75.
3. **Абрамова З.А.** Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии / З.А. Абрамова. М.-Л.: Наука, 1966. – 224 с.
4. **Абрамова З.А.** Палеолит Южной Сибири // Сибирь и ее соседи в древности. – Новосибирск: 1970. – С. 9–16.
5. **Абрамова З.А.** Поздний палеолит Азиатской части СССР // Палеолит СССР. – М.: Наука., 1984. – С. 302–346.
6. **Акимова Е.В., Новосельцева В.М., Стасюк И.В.** Кокоревские стоянки Афонтовой Горы // Записки Института истории материальной культуры РАН. – СПб: ИИМК РАН, 2021. – №24. – С. 104–119.
7. **Аксенов М.П.** Многослойный археологический памятник Макарово II // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск, 1974. – Вып. 1. – С. 91–126.
8. **Аксенов М.П.** Археологическая стратиграфия и послышное описание инвентаря Верхоленской горы I // Мезолит Верхнего Приангарья. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1980. – Вып. 2: Памятники Иркутского района. – С. 45–93.
9. **Аксенов М.П.** Аппликативный метод в анализе археологических источников // Описание и анализ археологических источников. – Иркутск, 1981. – С.34–43.
10. **Аксенов М.П.** К истории изучения докерамических местонахождений (Верхняя Лена) // Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири: К XIII Конгрессу ИНКВА. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1990. – С. 111–113. – С. 88–89.

11. **Аксенов М.П.** Исследования донеолитических комплексов на Верхней Лене // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск, 1995. – С.8–29.
12. **Аксенов М.П.** Донеолитические местонахождения Качугско-Верхоленского участка Верхней Лены // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана, использование: Сб. науч. тр. – Иркутск, 1996. – Вып. 1. – С. 12–22.
13. **Аксенов М.П.** Исследования донеолита Верхней Лены // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий (Материалы международного симпозиума). Том. 2. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 6–9.
14. **Аксенов М.П.** Итоги и перспективы археологических исследований в бассейне Верхней Лены // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. – Вып.2, ч.1. – С.4–35.
15. **Аксенов М.П.** Палеолит и мезолит Верхней Лены. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2009. – 370 с.
16. **Аксенов М.П., Бердников М.А., Медведев Г.И., Пержаков С.Н., Федоренко А.Б.** Морфология и археологический возраст каменного инвентаря «макаровского палеолитического пласта» // Проблемы антропологии и археологии каменного века Евразии: тез. докл. к регион. конф. – Иркутск, 1987. – С.26–30.
17. **Аксенов М.П., Ветров В.М., Инешин Е.М., Тетенькин А.В.** История и некоторые результаты археологических исследований в бассейне р.Витим (Витимское плоскогорье и Байкало-Патомское нагорье) // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. пед.ун-та, 2000. – Вып. 2, ч. 1. – С.4–35.
18. **Аксенов М.П., Медведев Г.И.** Новые данные по донеолитическому периоду Приангарья // Изв. ВСОГО. – 1966. – Т. 65. – С. 153–165.
19. **Аксенов М.П., Шуньков М.В.** Новое в палеолите Верхней Лены (предварительные данные об исследовании Макарово IV) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск, 1978. – Вып.4. – С.31–55.

20. **Аксенов М.П., Шуньков М.В.** Возраст и место стоянки Макарово III в палеолите Верхней Лены // палеолит и мезолит юга Сибири. – Иркутск, 1982. – С.108–126.
21. **Алексеев А.Н.** Каменный век Олекмы. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1987. – 128 с.
22. **Алексеев А.Н., Ветров В.М., Дьяконов В.М., Секерин А.П., Тетенькин А.В.** Витимский нефрит в археологии Восточной Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2006. – Вып. 4. – С.74-79.
23. **Анри О., Тетенькин А.В.** Анализ образцов древесного угля с местонахождения Коврижка III на Витиме (Байкало-Патомское нагорье, Иркутская область) // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2014. – № 1(10). – С. 9–38.
24. **Анри А., Безрукова Е.В., Тетенькин А.В., Кузьмин М.И.** Новые данные к реконструкции растительности и климата в Байкало-Патомском нагорье (Восточная Сибирь) в максимум последнего оледенения – раннем голоцене // Доклады Академии Наук. – 2018, – т. 478, № 5. – С. 584–587.
25. **Антипина Н.В.** К вопросу о технологии обработки камня в позднем палеолите Северо-Восточной Азии (применение метода сборки галечных нуклеусов на многослойной стоянке Авдеиха) // Современные проблемы палеолитоведения. – Новосибирск, 2001. – С.23–25.
26. **Антипина Н.В.** К вопросу о технике обработки камня в позднем палеолите Северо-Восточной Азии (Применение метода сборки чопперов на многослойной стоянке Авдеиха) // Истоки формирования и развития евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. – Иркутск, 2005. – С.93.
27. **Археологические памятники Якутии.** Бассейны Алдана и Олекмы / Ю.А. Мочанов, С.А. Федосеева, А.Н. Алексеев и др. – Новосибирск: Наука, 1983. – 392 с.

28. **Археологические памятники Якутии.** Бассейны Вилюя, Анабара и Оленека. – М.: Наука, 1991. – 224 с.
29. **Археология СССР. Мезолит СССР.** – М.: Наука, 1989. – 352 с.
30. **Асо М., Сирайси Х.** Керамика Дземон. Начальная и ранняя стадии // Знание. №1 (Токио). – 1986. – 165 с. (на яп. яз.)
31. **Атлас Иркутской области.** – Москва-Иркутск, 1962. – 182 с.
32. **Атлас «Иркутская область: экологические условия развития».** – М.: Роскартография; Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2004. – 90 с.
33. **Афанасьев А.Н.** Водные ресурсы и водный баланс бассейна озера Байкал. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1976. – 238 с.
34. **Базалийский В.И.** Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. – Вып. 9. – С. 43–101.
35. **Базалийский В.И., Лозей Р.Д., Пежемский Д.В., Гарвье-Лок С., Жермонпре М., Леонард Д.А.** Позднемезолитический погребально-ритуальный комплекс с погребением волка на Кайской Горе в Иркутске // Известия лаборатории древних технологий. – 2012. – № 1 (9). – С. 102–121.
36. **Байбурин А.К.** Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Л.: Наука, 1989. – С.63-88.
37. **Байкал.** Атлас / Ред. Г.И. Галазий. М., Федеральное агентство геодезии и картографии России, 1993. – 160 с.
38. **Байкаловедение:** в 2 кн. – Новосибирск: Наука, 2012. – Кн. 1. – 468 с.
39. **Баруздин Ю.Д., Горбунова Н.Г., Пшеницына М.Н.** Поселение и могильник бухты Саган-Нугэ // Древности Байкала: сб. науч. тр. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. – С. 56–59.
40. **Башкирова Е.В.** Анализ скоплений артефактов на усть-каренгских раннеолитических местонахождениях // Палеоэтнология Сибири: Тез. докл

к XXX регион. археол. студ. конф. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1990. – С. 120–122.

41. **Безрукова Е.В., Андерсон Д.Дж., Виньковская О.П., Харинский А.В., Кулагина Н.В.** Изменение растительности и климата в котловине озера Большое Иняптукское (Северо-Байкальское нагорье) в голоцене // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 3 (51). – С. 2–11.

42. **Безрукова Е.В., Белов А.В., Летунова П.П., Кулагина Н.В.** Отклик природной среды Ангаро-Ленского плато на глобальные изменения климата в голоцене // Геология и геофизика. – 2014. – Т. 55. – № 4. – С. 594–604.

43. **Безрукова Е. В., Кривоногов С. К., Абзаева А. А., Вершинин К. Е., Летунова П. П., Орлова Л. А., Такахара Х., Миеси Н., Накамура Т., Крапивина С. М., Кавамуро К.** Ландшафты и климат Прибайкалья в позднеледниковье и голоцене по результатам комплексных исследований торфяников // Геология и геофизика. – 2005. – Т. 46, № 1. – С. 21–33.

44. **Безрукова Е. В., Тарасов П. Е., Ридель Ф.** Климатически обусловленные изменения природной среды юга Восточной Сибири в МИС 1-3 // Геология морей и океанов: Материалы XVIII международной научной конференции (Школы) по морской геологии. Т.1. – М.: ГЕОС, 2009. – С. 134–138.

45. **Безрукова Е.В., Тарасов П.Е., Кулагина Н.В., Абзаева А.А., Летунова П.П., Кострова С.С.** Палинологическое исследование донных отложений озера Котокель: (район озера Байкал) // Геология и геофизика. – 2011. – Т. 52. – № 4. – С. 586–595.

46. **Белоусов В.М., Инешин Е.М., Бураков К.С., Начасова И.Е.** Некоторые итоги изучения плейстоценовых отложений археологических памятников Нижнего Витима // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. – Новосибирск, 1990. – С.60–65.

47. **Белоусов В.М., Инешин Е.М., Сулержицкий Л.Д., Тетенькин А.В.** Модель формирования рельефа Мамаканского геoarхеологического

субрайона // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. – Иркутск, 2002. – Вып.2. – С.21–42.

48. **Белоусова Н.Е., Рыбин Е.П., Федорченко А.Ю.** Стратегия обработки каменного сырья в начале верхнего палеолита Горного Алтая (по материалам культурного горизонта ВП2 стоянки Кара-Бом) // *Stratum plus*. – 2019. - № 1. – С. 225–250.

49. **Бердников И.М.** Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». – 2013. - № 1(2). – С. 203–229.

50. **Бердников И.М., Бердникова Н.Е.** Мезолит Байкальской Сибири: 100 лет исследования // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2018. – Выпуск 7. – С. 200–207.

51. **Бердников И.М., Роговской Е.О., Лохов Д.Н., Кузнецов А.М., Когай С.А., Липнина Е.А., Бердникова Н.Е., Савельев Н.А., Соколова Н.Б., Уланов И.В.** Новые радиоуглеродные данные для неолитических комплексов многослойных местонахождений Тункинской долины и Приангарья // Евразия в Кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2017. – Вып. 6. – С. 220–230.

52. **Бердникова Н.Е.** Еще раз о сибирском «мезолите» // Палеоэтнология Сибири: Тез. докл. к XXX регион. студ. конф. – Иркутск: Иркут ун-т, 1990. – С. 108–110.

53. **Бердникова Н.Е.** Новое местонахождение Мальта-Мост 1 (Прибайкалье, р.Белая) / Н. Е. Бердникова, Г. А. Воробьева // Природные ресурсы и социальная среда Прибайкалья. – Иркутск. 1995. – Т.3. – С. 89–93.

Бердникова Н.Е. Геоархеологический объект Усть-Белая. Культурные комплексы // Каменный век Южного Приангарья: Путеводитель междунаро. Симпозиума «Современные проблемы палеолитоведения Евразии». – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2001. – Т. 2: Бельский геоархеологический район. – С. 113–146, 210–240.

54. **Бердникова Н.Е.** Мезолит как исследовательская традиция. Часть 1. В поисках идентификации // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». – 2014. Т. 8. – С. 15–30.
55. **Бердникова Н.Е., Воробьёва Г.А.** Новое местонахождение Мальта-Мост I (Прибайкалье, р. Белая) // Природные ресурсы и социальная среда Прибайкалья. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1995. – Т. 3. – С. 89–93.
- Большая Советская Энциклопедия.** – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1975. – Т. 20. – 607 с.
56. **Булавко В.Д.** Анализ каменного инвентаря ранненеолитических комплексов поселения Бугульдейка I (озеро Байкал) // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых с международным участием / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; отв. ред.: И.М. Бердников, Д.Н. Лохов. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. – С. 89–91.
57. **Бураков К.С., Начасова И.Е.** Палеомагнитное исследование археологического памятника Большой Якорь // Геомагнетизм и аэрономия. – Москва, 1992. – Т. 32, № 6. – С. 153–158.
58. **Бурдьё П.** Начала. Choses Lites: Пер. с фр. / Pierre Bourdieu. Choses Lites. Paris, Minuit, 1987. Перевод Шматко Н.А. – М.: Socio-Logos, 1994. – 288 с.
59. **Василевский А.А.** Поздний палеолит Сахалина. 33 000–11 000 л.н. / А.А. Василевский // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Монография. Отв. ред. Ж.В. Андреева. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 86–115.
60. **Василевский А.А.** Каменный век острова Сахалин. – Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 2008. – 412 с.
61. **Васильев С.А.** Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны) / С.А. Васильев. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. – 224 с.

62. **Васильев С.А.** Палеолит Сибири: новые факты, новые концепции // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научно конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Ответственный редактор М.Б. Пиотровский. – 2002. – С. 118–120.
63. **Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И.** Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 225 с.
64. **Васильевский Р.С. Лавров Е.Л., Чан Су Бу.** Культуры каменного века Северной Японии – Новосибирск : Наука, 1982. – 208 с.
65. **Васильевский Р.С., Гладышев С.А.** Стратиграфия и хронология стоянки Устиновка I в Приморье // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии, и Америки. – Новосибирск, 1987. – С. 85–89.
66. **Ветров В.М.** Археологические исследования в Муйской котловине 1976–1978 гг. // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. – Иркутск: Иркут ун-т, 1982. – С. 86–100.
67. **Ветров В.М.** Стратиграфия и проблемы периодизации археологических памятников Верхнего Витима // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: Тез. докл. – Улан-Удэ, 1986а. – Ч. 2. – С. 49–53.
68. **Ветров В.М.** Некоторые проблемы археологии Витима // Археологические и этнографические исследования Восточной Сибири (итоги и перспективы): Тез. докл. – Иркутск, 1986б. – С. 9–11.
69. **Ветров В.М.** Проблемы хронологии и периодизации раннеголоценовых комплексов Верхнего Витима // Палеоэтнология Сибири: Тез. докл. К XXX регион. археолог. студ. конф. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1990. – С. 118–120.
70. **Ветров В.М.** Каменный век Верхнего Витима : автореф. дис. ... канд. ист наук. – Новосибирск, 1992. – 17 с.
71. **Ветров В.М.** Резцы и нуклеусы усть-каренгской археологической культуры // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск, 1995. – С.30–45.
72. **Ветров В.М.** Усть-Каренгская культура и ее место в системе археологических памятников сопредельных территорий // Взаимоотношения

народов России, Сибири, и стран Дальнего Востока / Докл. Второй Междунар. науч.-практ. конф. Кн.2. – Иркутск–Тэгу, 1997. – С. 176–180.

73. **Ветров В.М.** Археология каменного века Витимского плоскогорья (культуры и хронология) // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей: Программа и мат-лы Междунар. науч. семинара. – Иркутск, 2000. – С.28-36.

74. **Ветров В.М.** Работы Иркутского педагогического университета в Муйской котловине // Археологические открытия в 2001 года. – М.: Наука, 2002. – С. 403–404.

75. **Ветров В.М.** Работы на местонахождении Старый Витим II в Муйской котловине // Археологические открытия в 2002 года. – М.: Наука, 2003. – С. 345–346.

76. **Ветров В.М.** Проблемы сходства в технике изготовления и орнаментации сосудов ранних керамических комплексов Северной Евразии // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2006а. – Т.1. – С. 173–176.

77. **Ветров В.М.** Финальноплейстоценовые – среднеголоценовые культуры Верхнего Витима // II Северный Археологический Конгресс. – Екатеринбург: «Чароид», 2006б. – С. 11–13.

78. **Ветров В.М.** Древнейшие следы керамического производства в Восточной Азии (проблемы возникновения, периодизации, терминологии) // Антропоген. Палеоантропология, геоархеология, этнология Азии. – Иркутск : Оттиск, 2007. – С. 29–34.

79. **Ветров В.М.** Ритуальный комплекс в устье р.Каренга (долина р.Витим) и некоторые проблемы неолита Восточной Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008а. – Вып. 6. – С. 28–43.

80. **Ветров В.М.** Древнейшие следы керамического производства в Восточной Азии (проблемы возникновения, периодизации, терминологии) // Антропоген. Палеоантропология, геоархеология, этнология Азии. – Иркутск: Оттиск, 2008б. – С. 29–34.

81. **Ветров В.М.** Древнейшая керамика на Витиме. Некоторые вопросы датирования и периодизации в каменном веке Восточной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы междунар. науч. конф. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – С. 37–44.
82. **Ветров В.М.** Археология Витимского плоскогорья: Усть-каренгская культура (13000 – 5000 л.н.) // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока: Сб. науч. ст. / Отв. ред. В.А. Лынша, В.Н. Тарасенко. – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2011а. – С. 173–187.
83. **Ветров В.М.** Археология Витимского плоскогорья: усть-юмурченская культура (5–4,6 – 3,5 тыс. л.н.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. (Иркутск, 3-7 мая, 2011 г.) / под общ. Ред. А.В. Харинского. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011б. – Вып.2. – С. 34–41.
84. **Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М.** Многослойное местонахождение Нижняя Джилинда (Сивакон)–1 в Бамбуйской котловине // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 98–112.
85. **Ветров В.М. Инешин Е.М.** Археологические памятники верхней и средней долины р. Витим // Науч.–теорет. конф.: Секция археологии: Тез. докл. – Иркутск, 1977. – С. 40–42.
86. **Ветров В.М. Инешин Е.М.** К вопросу о возрасте культуросодержащих отложений Усть-Каренгского археологического комплекса // Отчетн. науч.–теорет. конф.: Археология. Этнография. Источниковедение: Тез. докл. – Иркутск, 1979. – С. 24–25.
87. **Ветров В.М. Инешин Е.М.** Древнейшая керамика Байкальской Сибири в контексте традиций керамики Восточной Азии // Вестник СПбГУ. История. 2019. – Т. 64. Вып. 2. – С. 453–473. (на англ. яз.)
88. **Ветров В.М., Инешин Е.М., Кононов Е.Е., Тетенькин А.В., Туркин Г.В.** Новые объекты археологии на севере Республики Бурятия // Известия

Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2007. – Вып. 5. – С.100–117.

89. **Ветров В.М., Инешин Е.М., Пежемский Д.В.** Человек из Нижней Джилинды (новые данные) // Вестник международного центра азиатских исследований. – Вып. 20 / отв. ред. Н.Е. Кутищев. – Иркутск: Оттиск, 2016. – С. 132–142.

90. **Ветров В.М., Инешин Е.М., Ревенко А.Г., Секерин А.П.** Артефакты из экзотических видов сырья на археологических памятниках Витимского бассейна // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. – Вып.2, ч.1. – С.98–116.

91. **Ветров В.М., Инешин Е.М., Тетенькин А.В., Демонтерова Е.И., Иванов А.В., Лебедев В.А.** Геологические источники и возможные пути транспортировки манупортов из вулканической пемзы стоянок конца позднего плейстоцена – среднего голоцена р. Витим // Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: мат-лы IX Всерос. совещ. по изучению четвертичного периода. – Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2015. – С. 93–95.

92. **Ветров В.М., Кузьмин Я.В.** К истории изучения древней керамики на Верхнем Витиме // Социогенез в Северной Азии: Сборник научных трудов / Под ред. А.В. Харинского. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – Ч. 1. – С. 59–63.

93. **Ветров В.М., Самуилова О.В.** Новое направление в археологии Верхнего Витима // Палеоэтнология Сибири: Тез. – Иркутск, 1990. – С. 122–124.

94. **Ветров В.М., Смотрова В.И.** Ритуальный комплекс в устье р. Каренги // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии: Тез. докл. к регион. конф., 25 - 27 марта 1980 г. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1980. – С. 28–30.

95. **Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В.** Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия).

Часть 1. Погребально-ритуальные комплексы № 1–6 // Известия Лаборатории древних технологий. – 2019. – Т. 15, № 4. – С. 9–34.

96. **Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В.** Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия).

Часть 2. Погребально-ритуальные комплексы № 7–15 // Известия Лаборатории древних технологий. – 2020. – Т. 16, № 1. – С. 9–34.

97. **Водные пути** бассейна Р. Лены. Под редакцией Б. Зонова. – Иркутск: Иркутское областное издательство, 1938. – 590 с.

98. **Волокитин А.В., Инешин Е.М.** Новый докерамический комплекс Среднего Приангарья // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1991. – С. 51–55.

99. **Воробьева Г.А.** Почва как летопись природных событий Прибайкалья: проблемы эволюции и классификации почв / Г.А. Воробьева. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 2010. – 205 с.

100. **Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е.** Палеогеография Сартанского времени в Прибайкалье // Труды III (XIX) всероссийского археологического съезда. Т.1. – СПб-М-Великий Новгород, 2011. – С. 39–40.

101. **Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е., Вашукевич Н.В., Арсланов Х.А., Рыжов Ю.В.** Каргинский мегаинтерстадиал Прибайкалья: Характер отложений и проблемы датирования // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2010. – Т. 16. – С. 33–36.

102. **Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е., Липнина Е.А., Роговской Е.О.** Каргинский мегаинтерстадиал в Прибайкалье: почвообразование, осадконакопление // Евразия в кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2015. – № 4. – С. 58–71.

103. **Воробьева Г.А., Горюнова О.И.** Особенности природной обстановки и материальная культура Приольхонья в голоцене // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск, 1986. – С. 40–54.

104. **Воробьева Г.А., Горюнова О.И.** Ранний – средний голоцен Приольхонья (в свете новых данных) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1997. – Т. 3. – С. 179–183.
105. **Воробьева Г. А., Горюнова О. И.** Палеоуровни Байкала во второй половине позднего неоплейстоцена и голоцене (по геоархеологическим данным) // Известия ИГУ. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». – 2013. – № 1 (2). – С. 3–29.
106. **Воробьева Г.А., Горюнова О.И., Савельев Н.А.** Хронология и палеогеография голоцена юга Средней Сибири // Геохронология четвертичного периода. – М., 1992. – С. 174–181.
107. **Воробьева Г.А., Медведев Г.И.** Низкие террасы долин рек Байкало-Енисейской Сибири и оз. Байкал // Генезис рельефа. – Новосибирск, 1998. – С. 144–153.
108. **Воробьева Г.А., Медведев Г.И., Савельев Н.А.** Геологическая стратификация каменного века Южного Прибайкалья // XI Конгресс ИКВА. – М., 1982. – Т. 3. – С. 220.
109. **Воробьева Г.А., Савельев Н.А., Свинин В.В.** Озеро Байкал. Краткие сведения по географии, геоморфологии и геологии // Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири: К XIII Конгрессу ИНКВА. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1990. – С. 111–113.
110. **Воронин В. И., Осколков В. А., Буянтуев В. А., Мориц Р. С., Швецов С. Г.** Многовековая цикличность динамики природных условий, зафиксированная в сверхдлинной древесно-кольцевой хронологии «Муя» / Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2017. – Вып. 6. – С. 78–81.
111. **Воскресенский С.С.** Рельеф // Атлас Иркутской области. Москва – Иркутск: Главное управление геодезии и картографии, – 1962. – С. 37–52.

112. **Вулканические стекла** Дальнего Востока России: геологические и археологические аспекты / Отв. ред. Кузьмин Я.В., Попов В.К. – Владивосток: ДВГИ ДВО РАН, 2000. – 168 с.
113. **Гаврилов К.Н.** Двойная статуэтка из раскопок стоянки Хотылёво 2: контекст, иконография, композиция // *Stratum plus*. – 2012. – №1. – С. 279–292.
114. **Гарковик А.В.** Архаические керамические комплексы Приморья // *Вперед ... в прошлое*. – Владивосток: Дальнаука, 2000. – С. 252–271.
115. **Гарковик А.В.** Некоторые особенности переходного периода от палеолита к неолиту // *Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы*. Отв. ред. Ж.В. Андреева. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 116–131.
116. **Гарковик А.В., Кадзивара Х.** Керамический комплекс стоянки Устиновки-3 // *Охотники собиратели Японского моря на рубеже плейстоцена–голоцена*. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – С. 116–126.
117. **Генералов А.Г.** Технические приемы расщепления камня в докерамических комплексах южной Сибири // *Природные ресурсы и социальная среда Прибайкалья*. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1995. – Т. 3. – С. 85–88.
118. **Генералов А.Г.** Геоархеологический объект Стрижова Гора (стратиграфия, хронология, типология, технология). – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2000. – 153 с.
119. **Георгиевская Г.М.** Китайская культура Прибайкалья. – Новосибирск: Наука, 1989. – 152 с.
120. **Георгиевский А.М., Медведев Г.И.** Мезолитическая стоянка Царь-Девуца // *Мезолит Верхнего Приангарья*. – Иркутск: Изд-во Иркут ун-та, 1980. – Вып. 2: Памятники Иркутского района. – С. 103–115.

121. **Герасимов М.М.** Мальта. Палеолитическая стоянка: (Предварит. данные). Результат работ 1928/29 гг. / М.М. Герасимов – Иркутск, 1931а. – 18 с.
122. **Герасимов М.М.** Палеолитическая стоянка в Мальте // Сообщ./ ГАИМК. – 1931б. – № 11–12. – С.55–57.
123. **Герасимов М.М.** Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальта // Изв. ГАИМК. – М.-Л., 1935. – Вып.118. – С.78–124.
124. **Герасимов М.М.** Палеолитическая стоянка Мальта: (Раскопки 1956-1958 гг.) // СЭ. – 1958. – № 3. – С.28–52.
125. **Гладилин В.Н.** Что же такое «техника леваллуа»? // Каменный век: памятники, методика, проблемы / Сб. науч. тр. ИА АН УССР – Киев: «Наукова думка», 1989. – С. 30–45.
126. **Голованова Л.В.** Формирование и развитие культурных традиций в верхнем палеолите Кавказа // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том I. – Казань: Отечество, 2014. – С. 53-55.
127. **Горюнова О.И.** Ранние комплексы поселения Итерхей // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1978. – Вып. 4. – С. 70–89.
128. **Горюнова О.И.** Бескерамические комплексы многослойного поселения Берлога // Палеолит и мезолит юга Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. – С. 174–191.
129. **Горюнова О.И.** Многослойная стоянка Сага-Нугэ // Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири: К XIII Конгрессу ИНКВА. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1990а. – С. 133–137, рис. 78–81.
130. **Горюнова О.И.** Многослойная стоянка Берлога // Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири: К XIII Конгрессу ИНКВА. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1990б. – С. 137–140, рис. 81–83.
131. **Горюнова О.И.** Мезолитические памятники Ольхонского района (к археологической карте Иркутского области) // Палеоэтнологические

исследования на юге Средней Сибири: сб. науч. тр. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1991. – С.62–70.

132. **Горюнова О.И., Воробьева Г.А.** Особенности природной обстановки и материальная культура Приольхонья в голоцене // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск, 1986. – С. 40–54.

133. **Горюнова О.И., Воробьева Г.А.** Ранний голоцен побережья оз. Байкал: археология и природная обстановка // Главнейшие итоги в изучении четвертичного периода и основные направления исследований в XXI веке. – СПб, 1998. – С. 256.

134. **Горюнова О.И., Новиков А.Г.** Бескерамические комплексы Приольхонья (оз. Байкал) // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей: Программ и мат-лы докл. Международ. Науч. семинара. – Иркутск, 2000. – С. 51–57.

135. **Горюнова О.И., Савельев Н.А.** Многослойная стоянка Улан-Хада // Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири: К XIII Конгрессу ИНКВА. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1990б. – С. 127–140, рис. 65–77.

136. **Горюнова О.И., Хлобыстин Л.П.** Датировка комплексов поселений и погребений бухты Улан-Хада // Древности Байкала: Сб. науч. тр. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. – С. 41–56.

137. **Горюнова О.И., Новиков А.Г., Туркин Г.В., Вебер А.** Результаты изучения и датирования погребальных комплексов раннего неолита Приольхонья (оз. Байкал) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2018. – Т. 23. – С. 44–70.

138. **Гричук М.П., Гричук В.П.** О приледниковой растительности на территории СССР // Перигляциальные явления на территории СССР. - М.: Изд-во МГУ, 1960. - С.66-101.

139. **Грязнов М.П., Комарова М.Н.** Раскопки многослойного поселения Улан-Хада // Древности Байкала: Сб. науч. тр. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. – С. 13–32.
140. **Губин М.С., Инешин Е.М.** Проблема сезонных циклов древних поселений человека по фаунистическим остаткам // Палеоэтнология Сибири: Тез. докл. к XXX РАСК / Отв. ред. Г.И.Медведев, Н.А.Савельев. – Иркутск, 1990. –С.159–161.
141. **Девирц А.Л., Рассказов С.В., Поляков А.И., Добкина Э.И.** Радиоуглеродный возраст молодых вулканов хребта Удокан (Северо-восточное Прибайкалье) // Геохимия. – 1981. – № 8. – С. 1250–1253.
142. **Демонтерова Е.И., Иванов А.В., Инешин Е.М., Тетенькин А.В.** К вопросу о мобильности древнего населения севера Байкальской Сибири в конце плейстоцена // Stratum plus. – 2014. – №1. – С. 165–180.
143. **Деревянко А.П.** Палеолит Японии / А.П. Деревянко. – Новосибирск: Наука, 1984. – 272 с.
144. **Деревянко А.П., Волков П.В. Хонджон Ли.** Селемджинская позднепалеолитическая культура. – Новосибирск, 1998. – 336 с.
145. **Деревянко А.П., Деревянко Е.И., Нестеров С.П., Табарев А.В., Учида К., Куникита Д., Морисаки К., Мацудзаки Х.** Новые радиоуглеродные даты гromатухинской культуры начального этапа неолита в Западном Приамурье // Археология, этнография и антропология Евразии. – Т. 45, № 4. – 2017. – С. 3–12.
146. **Деревянко А.П., Зенин В.Н.** Палеолит Селемджи и проблема перехода к неолиту // Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. – Владивосток, 1996. – С. 78–82.
147. **Деревянко А.П., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Машенко Е.Н.** Особенности аккумуляции костей мамонтов в районе стоянки Шестаково в Западной Сибири // Археология, этнография и этнография. – 2000. - № 3(3). – С. 42–55.

148. **Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А.** Палеолитоведение: Введение и основы. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. – 288 с.
149. **Деревянко А.П., Маркин С.В., Кулик Н.А., Колобова К.А.** Эксплуатация каменного сырья представителями сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. –2015. – № 3. – С. 3–16.
150. **Деревянко А.П., Молодин В.Н., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Мащенко Е.Н.** Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 168 с.
151. **Деревянко А.П., Рыбин Е.П.** Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3 (15). – С. 27–50.
152. **Джалл Э.Дж.Т., Бурр Дж.С., Деревянко А.П., Кузьмин Я.В., Шевкомуд И.Я.** Радиоуглеродная хронология перехода от палеолита к неолиту в Приамурье (Дальний Восток России) // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 140–142.
153. **Джалл Э.Дж.Т., О’Малли Ж.М., Биддульф Д.Л., Деревянко А.П., Кузьмин Я.В., Медведев В.Е., Табарев А.В., Зенин В.Н., Ветров В.М., Лапшина З.С., Гарковик А.В., Жущиховская И.С.** Радиоуглеродная хронология древнейших неолитических культур юга Дальнего Востока России и Забайкалья по результатам прямого датирования керамики методом ускорительной масс-спектрометрии // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: Матер. межд. симпозиума. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 2. – С. 63–68.
154. **Диков Н.Н.** Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки / Н.Н. Диков – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1993. – 68 с.

155. **Диков Н.Н., Кононенко Н.А.** Результаты трассологического исследования клиновидных нуклеусов из шестого слоя стоянок Ушки I-V на Камчатке // Древние памятники Севера Дальнего Востока (новые материалы и исследования Северо-Восточно-Азиатской комплексной археологической экспедиции). – Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1990. – С.170–175.
156. **Дороничева Е.В.** Сырьевые стратегии древнего человека в среднем и позднем палеолите на Северо-Западном Кавказе: авторефер. дис. ... канд. ист. наук. – СПб, 2013а. – 26 с.
157. **Дороничева Е.В.** Модели использования каменного сырья в среднем и позднем палеолите Северного Кавказа // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том I. – Казань: Отечество, 2014. – С. 65-67.
158. **Думитрашко Н.В.** Геоморфологический очерк долины верхней Лены. – М.: Ин-т геогр. АН СССР, 1955. – Вып. 65. – 150 с.
159. **Ендрихинский А.С.** Границы и геоморфологическое районирование Станового нагорья // Рельеф и четвертичные отложения Станового нагорья. – М.: Наука, 1981. – С. 6–17.
160. **Ендрихинский А.С.** Последовательность основных геологических событий на территории Южной Сибири в позднем плейстоцене и голоцене // Поздний плейстоцен и голоцен юга Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1982. – С.6–35.
161. **Емельянова Ю.А., Харинский А.В.** Древнейшее городище-святилище на побережье озера Байкал // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИРГТУ, 2008. – Вып. 6. – С. 145–166.
162. **Ермолова Н. М.** Териофауна долины Ангары в позднем антропогене – Новосибирск: Наука, 1978. – 222 с.
163. **Жамбалгарова Е.Д.** Погребальные обряды населения Забайкалья в эпоху неолита – раннего бронзового века (опыт семантического исследования) / Автореф. канд. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2005. – 26 с.

164. **Железорудные месторождения Ангаро-Илимского района.** – М: Изд. Акад. Наук СССР, 1953. – 174 с.
165. **Железорудные месторождения Сибири.** – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1981. – 233 с.
166. **Задонин О.В.** К проблеме генетического соотношения комплексов мезолита и неолита севера Верхней Лены (по данным поделочного сырья) // Палеоэтнология Сибири : Тез. докл. к XXX РАСК / Отв. ред. Г.И. Медведев, Н.А. Савельев. – Иркутск, 1990. – С.117–118.
167. **Задонин О.В.** Палеолитическое местонахождение Балышово I на Лене // Раннепалеолитические комплексы Евразии. – Новосибирск : Наука, 1992. – С. 124–133.
168. **Задонин О.В.** Палеолитическое местонахождение Алексеевск-1 // Изучение, охрана и использование археологического наследия Байкальской Сибири. – Иркутск, 1996. – Вып. 1. – С. 23–27.
169. **Задонин О.В., Дзюбас С.А.** К истории изучения археологических объектов палеолитического возраста на севере Верхней Лены // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. – Иркутск, 2002. – Вып.2. – С.43–45.
170. **Задонин О.В., Дзюбас С.А.** Археологический памятник Вешний Ручей на севере Верхней Лены // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. – С.74–77.
171. **Задонин О.В., Дзюбас., Луньков А.В.** Археологический памятник Вешний Ручей на севере Верхней Лены // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1991–1996 гг. – Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2000. – С. 101–105.
172. **Задонин О.В., Хомик С.Н., Инёшин А.В.** Палеолитическое местонахождение Балышово III на севере Верхней Лены // Палеоэтнология Сибири : Тез. докл. к XXX РАСК / Отв. ред. Г.И. Медведев, Н.А. Савельев. – Иркутск, 1990. – С.115–117.

173. **Задонин О.В., Хомик С.Н., Аксенов М.П., Пержаков С.Н., Тетенькин А.В.** Геоархеологические местонахождения палеолита и мезолита севера верхней Лены Балышово III и Любавская I // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2014. – № 1(10). – С. 9–38.
174. **Зенин В.Н.** Охотники за мамонтами // Наука из первых рук. – 2005а. – №1. – С.66-69.
175. **Зенин В.Н.** Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005б. – С. 332–354.
176. **Зиновьев А.А.** На пути к сверхобществу. — М.: Центрполиграф, 2000. — 638 с.
177. **Золотарев А.Г.** Рельеф и новейшая структура Байкало-Патомского нагорья / А.Г. Золотарёв. – Новосибирск: Наука, 1974а. – 120 с.
178. **Золотарев А.Г.** Байкало-Патомское нагорье // Нагорья Прибайкалья и Забайкалья. – М.: Наука, 1974б. – С. 297–340.
179. **Золотарев А.Г.** Стратиграфия и условия накопления поздне-плиоцен-четвертичных отложений внутренней области Байкало-Патомского нагорья // Поздний плейстоцен и голоцен юга Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1982. – С.35–57.
180. **Золотарев Д.П., Шегутов И.С.** Техника юбецу в финальнопалеолитических комплексах Байкало-Енисейской Сибири (МИС-2) // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых с международным участием / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; отв. ред.: И. М. Бердников, Д. Н. Лохов. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. – С. 68–71.
181. **Зубков В.С.** Неолит и ранний бронзовый век верхней Лены : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1982. – 18 с.
182. **Ивашина Л.Г.** Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. – Новосибирск, 1979. – 154 с.

183. **Ивашина Л.Г.** О раннем неолите Западного Забайкалья // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 81–88.
184. **Ивашина Л.Г.** Элементы китойской культуры в неолите Забайкалья // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. 1: Археология. Этнология. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – С. 55–63.
185. **Инешин Е.М.** Деятельностный подход к изучению планиграфии археологического памятника Большой Якорь // Исторический опыт освоения Восточных районов России: Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. – Владивосток, 1993. – С.61–64.
186. **Инешин Е.М.** Некоторые аспекты создания модели деятельности человека в плейстоцене в горно-таежной зоне (Байкало-Патомское нагорье, нижнее течение р.Витим) // Обзорение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. – Новосибирск, 1995. – С.187–189.
187. **Инешин Е.М.** Динамика развития ледниковых обстановок и заселение человеком Байкало-Патомского нагорья в плейстоцене – раннем голоцене (новые данные по гляциологии) // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. – Вып. 1. – С.50–57.
188. **Инешин Е.М., Карнышев И.С.** Новые данные по каменному веку Северного Байкала (Балтаханова III – новый памятник позднего плейстоцена) // Социогенез в Северной Азии: Сборник науч. трудов / Под ред. А.В. Харинского. – Иркутск: ИрГТУ, 2005. – Ч. 1. – С. 91–96.
189. **Инешин Е.М., Клементьев А.Н., Мартынович Н.В., Тернер–П К.Дж., Тетенькин А.В., Хензыхенова Ф.И.** Проблематика и вопросы методологии зооархеологических исследований Большого Якоря I // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. – Вып. 2. – С.49–86.

190. **Инешин Е.М., Клементьев А.М., Тетенькин А.В.** Планиграфический анализ культурных горизонтов многослойного местонахождения Большой Якорь 1 на Нижнем Витиме // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – Вып. 3. – С.74–108.
191. **Инешин Е.М., Ревенко А.Г., Секерин А.П.** Экзотические виды сырья артефактов позднего плейстоцена бассейна реки Витим (Байкальская Сибирь) и пути его транспортировки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, Декабрь, 1998 г.). – Новосибирск, 1998. – С.108–114.
192. **Инешин Е.М., Тетенькин А.В.** Введение к системно-деятельностному подходу в практике археологических исследований // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. - ч.1. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1995а. – С.5–10.
193. **Инешин Е.М., Тетенькин А.В.** Модель системы расщепления по материалам Большого Якоря в рамках системно-деятельностного подхода // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск, 1995б. – С.8–29.
194. **Инешин Е.М., Тетенькин А.В.** Новые данные к модели деятельности человека на рубеже плейстоцен-голоцена в бассейне р.Витим в пределах Байкало-Патомского нагорья // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. –Новосибирск, 1996. – С.100–102.
195. **Инешин Е.М., Тетенькин А.В.** Некоторые аспекты применения системно-деятельностного подхода в планиграфических исследованиях // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток, 1998. – С.11–22.
196. **Инешин Е.М., Тетенькин А.В.** К проблеме теоретических оснований интеграции археологических и этнографических исследований // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. / Под ред. А.Г.Селезнева, С.С. Тихонова, Н.А. Томилова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. – С.55–57.

197. **Инешин Е.М., Тетенькин А.В.** К проблематике геоархеологических исследований Байкало-Патомского нагорья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000а. – Т.IV. – С.141–147.
198. **Инешин Е.М., Тетенькин А.В.** Адаптивная вариабельность в системах расщепления в финально-плейстоценовых отложениях Нижнего Витима // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей. – Иркутск, 2000б. – С.57–24.
199. **Инешин Е.М., Тетенькин А.В.** Категория «артефакт» в системно-деятельностном подходе в археологии // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. – Вып. 1. – С.34–49.
200. **Инешин Е.М., Тетенькин А.В.** Проблемы изучения археологических памятников раннего голоцена на Нижнем Витиме // Социогенез в Северной Азии: Сборник научных трудов / Под ред. А.В.Харинского. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – Ч.1. – С.96–104.
201. **Инешин Е.М., Тетенькин А.В.** Каменный и костяной инвентарь культурных горизонтов археологического местонахождения Большой Якорь I: сюжеты морфологической и функциональной характеристики // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2006. – Вып.4. – С.104–119.
202. **Инешин Е.М., Тетенькин А.В.** Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. – Новосибирск: Наука, 2010. – 270 с.
203. **Инешин Е.М., Тетенькин А.В.** Проблема определения археологических связей в бассейне р.Витим (Витимское плоскогорье, Байкало-Патомское нагорье) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. (Иркутск, 3-7 мая, 2011 г.) / под общ. Ред. А.В. Харинского. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. – Вып.2. – С.96–104.

204. **Инёшин А.В., Тирских Е.Ю., Карнаухова О.М.** Палеолитическое местонахождение Чайка-2 // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока, т. 1. – Красноярск, 1991. – С. 99–100.
205. **Инёшин А.В., Задонин О.В., Инёшина Т.М., Пержаков С.Н., Тетенькин А.В.** Палеолитический комплекс геоархеологического местонахождения Чайка II на севере Верхней Лены // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИРНТУ, 2019. – Т. 15, № 1. – С. 20–45.
206. **Исаев А.В., Тетенькин А.В.** Новое археологическое местонахождение Коврижка V на Нижнем Витиме // Материалы LV Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2015. – С. 74–77.
207. **История Бурятии:** в 3 т. Т.1 – Древность и средневековье. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 328 с.
208. **Казакевич Ю.П.** Условия образования и сохранения сложных погребенных россыпей золота. – М.: Недра, 1972. – 216 с.
209. **Казакевич Ю.П., Ревердатто М.В.** Ленский золотоносный район. Т.2. Геология кайнозойских отложений и типы золотоносных россыпей Ленского района. - М.: Недра, 1972. - 145 с. (Тр. ЦНИГРИ, вып.88)
210. **Кичигин Д.Е.** Стоянка Красный Яр II северо-западного побережья озера Байкал: итоги и перспективы // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИРГТУ, 2010. – Вып. 8. – С. 154–192.
211. **Клевезаль Г.А.** Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. – М: Наука, 1988. – 285 с.
212. **Клейн Л.С.** Археологические источники. - Л., 1978. –120 с.
213. **Клейн Л.С.** Проблема смены культур и теория коммуникации // Количественные методы в гуманитарных науках. М.: Изд-во МГУ, 1981. С.18-23.
214. **Клейн Л.С.** Археологическая типология. - Ленинград, 1991. – 448 с.

215. **Клейн Л.С.** История археологической мысли. В 2 т. Т.2. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2011б. – 624 с.
216. **Ковалева В.Т., Устинова Е.А., Хлобыстин Л.П.** Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Конды // Древние поселения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1984. – С. 32–44.
217. **Козырев А.С., Щетников А.А. Клементьев А.М., Филинов И.А., Федоренко А.Б., Хензыхенова Ф.И.** География и возраст ископаемых артефактов верхнего неоплейстоцена в Тункинской рифтовой долине // Известия ИГУ. Серия «Геоархеология, этнология, антропология». – 2012. – №1(1). – С.106–125.
218. **Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Павленок К.К.** Кареноидные тзделя в палеолитических индустриях Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. - № 4(60). – С. 13–29.
219. **Кононенко Н.А.** Динамика освоения Юга Дальнего Востока России в конце плейстоцена // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 59 – 85.
220. **Кононов Е. Е.** Высокие террасы оз. Байкал / Е. Е. Кононов // Геология и геофизика. – 1993. – № 10, т. 34. – С. 201–209.
221. **Конопацкий А.К.** Древние культуры Байкала (о. Ольхон). – Новосибирск: Наука, 1982. – 176 с.
222. **Константинов А.В.** Древние жилища Забайкалья: палеолит, мезолит. – Новосибирск: Наука, 2001. – 224 с.
223. **Константинов А.В.** Древние жилища Забайкалья (палеолит, мезолит) / Автореф. на соиск. учен. степ. докт. ист. наук. – СПб, 2004. – 41 с.
224. **Константинов М.В.** Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ – Чита: Изд-во ИОН БНЦ СО РАН, 1994. – 180 с.
225. **Константинов М.В.** Возраст древнейшей керамики Забайкалья: реальный и абсурдный // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики: Мат-лы междунар. науч. конф. – 2016. – С. 183– 187.

226. **Константинов М.В., Васильев С.Г., Филатов Е.А., Викулова Н.О., Маслодудо С.В.** Древняя история Забайкальского края в свете новых археологических открытий // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИРННТУ, 2018. – Т. 14. № 1. – С. 9–19 с.
227. **Константинов М.В., Екимова Л.В., Верещагин С.Б.** Таежный Чикой на рубеже камня и бронзы. – Чита : ЗабГУ, 2016. – 247 с.
228. **Константинов А. В., Филатов Е. А.** Изучение палеолитического жилища на поселении Косая Шивера-2 (Западное Забайкалье) / А. В. Константинов, Е. А. Филатов // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: Материалы VII Международной научной конференции: в 2 т.Т.1. / Отв. Ред. П. В. Мандрыка. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – С.59–66.
229. **Коржуев С.С.** Геоморфология долины Средней Лены и прилегающих районов. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 150 с.
230. **Крайнов М.А., Безрукова Е.В., Щетников А.А., Левина О.В., Иванов Е.В., Филинов И.А.** Физические и петромагнитные свойства донных отложений озёр Северного Забайкалья как индикаторы изменений природной среды (на примере оз. Баунт) // // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Междунар. науч. конф.: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. П.В. Мандрыка. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – С. 231–238.
231. **Крайнов М.А., Щетников А.А., Безрукова Е.В., Иванов Е.В., Филинов И.А., Кербер Е.В.** Запись магнитного сигнала в осадках оз. Баунт // Евразия в кайнозое. – Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2015. – № 4. – С. 127–135.
232. **Краснощеков В.В.** Объекты палеолита в бассейне реки Киренги // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ, 2001. – С. 181–186.

233. **Краснощеков В.В.** Археологический объект Усть-Берея (среднее течение р. Киренги) // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. – Иркутск, 2002. – Вып. 2. – С. 62–73.
234. **Краснощеков В.В.** Место стоянки Бамовская в кругу позднеплейстоценовых объектов севера Верхнеленского региона // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. – Иркутск : Изд-во «Амтера», 2009. – С. 243–248.
235. **Крижевская Л.Я. Гаджиева Е.А.** Неолитическое поселение Сумпалья IV и его место в неолите Восточного Зауралья // Неолитические памятники Урала. – Свердловск: УрО АН СССР, 1991. – С. 80–99.
236. **Крупянюк А.А., Табарев А.В.** Новые результаты исследования стоянки Суворово III в контексте устиновской верхнепалеолитической индустрии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. (Иркутск, 3-7 мая, 2011 г.) / под общ. Ред. А.В. Харинского. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. – Вып.2. – С.110–116.
237. **Кузнецов А.М.** Проблема микропластинчатых индустрий в каменном веке Дальнего Востока и Сибири: Автореф. дис. ... док. ист. наук / А.М. Кузнецов. – С-Пб, 1997. – 30 с.
238. **Кузьмин Я.В.** Изучение древнейшей в мире керамики и начало неолита в Евразии (обзор международных симпозиумов в Великобритании и Словении, 2001 г.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. - №4. – С. 154–157.
239. **Кузьмин Я.В.** Геоархеология: естественнонаучные методы в археологических исследованиях. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. – 396 с.
240. **Кузьмин Я.В. Алкин С.В., Оно А., Сато Х., Сакаки Т., Матсумото Ш., Оримо К., Ито Ш.** Радиоуглеродная хронология древних культур каменного века Северо-Восточной Азии. – Владивосток, 1998. – 127 с.
241. **Кузьмин С.Б., Безрукова Е.В., Данько Л.В.** Палеогеографические события Прибайкалья в позднем плейстоцене и голоцене / Структура,

функционирование и эволюция горных ландшафтов Западного Прибайкалья. – Иркутск: Изд-во Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2005. – С. 64–75.

242. **Кулаков В.С., Юргенсон Г.А.** Становое нагорье [Электронный ресурс] // Малая энциклопедия Забайкалья: Природное наследие / гл. ред. Р. Ф. Гениатулина. – Новосибирск: Наука, 2009. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=2536> (дата обращения: 06.03.2020).

243. **Кулик Н.А., Маркин С.В.** Петрография индустрии пещеры им. Окладникова (Северо-Западный Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX. – С. 148–153.

244. **Кулик Н.А., Шуньков М.В.** Предварительные результаты петрографического изучения палеолитических изделий стоянки Ануй-3 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 156–160.

245. **Кульчицкий А.А.** Плейстоценовые оледенения Северо-Западного Прибайкалья в зоне Байкало-Амурской магистрали // Геология и геофизика. – 1985. - № 2. – С. 60–65.

246. **Кульчицкий А.А., Сквитина Т.М., Уфимцев Г.Ф.** Плотинные озера в днищах рифтов Восточной Сибири: свидетельства из прошлого и вероятность в будущем. // География и природные ресурсы. – 1997. – №1. – С.61–65.

247. **Лапшина З.С.** Древности Хумми. – Хабаровск: Приамурское географ. общество, 1999. – 206 с.

248. **Лапшина З.С.** Древности финала плейстоцена – начала голоцена на Амуре // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. – Вып.2, ч.1. – С. 189–206.

249. **Лбова Л.В.** Предметы персональной орнаментации в контексте знаковых систем палеолита Сибири // *Universum Humanitarium*. – 2016. – №1(2). – С. 37–50.
250. **Лбова Л.В.** Пигменты и пигментосодержащие материалы в Мальтинской коллекции // *Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры*. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. – Вып. 7. – С. 134–141.
251. **Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д.** Архетипы в первобытной культуре (дихотомия сознания в материалах раннего неолита Забайкалья) // *Евразия: культурное наследие древних цивилизаций*. – Вып. 3: Парадоксы археологии. Новосибирск, 2004. – С. 200–210.
252. **Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П.** Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2008. – 248 с.
253. **Лбова Л.В., Кулик Н.А., Губар Ю.С.** Петрографический и спектральный анализ пигментосодержащих материалов в составе коллекции Малой Сзы // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. – 2018. – Т. 24. – С. 115–118.
254. **Лебедев Г.С.** История отечественной археологии. – СПб, 1992. – 464 с.
255. **Левин К.Г., Мирошниченко А.И., Ружич В.В., Саньков В.А., Алакшин А.М., Кириллов П.Г., Колман С., Лухнев А.В.** Современное разломообразование и сейсмичность в Байкальском рифте // *Физическая мезомеханика*. – 1999. – Т. 2. – № 1-2. – С. 171-180.
256. **Лежненко И.Л.** Итоги исследования позднепалеолитических памятников Кулаково I и Черемушник II / И.Л. Лежненко // *Древняя история народов юга Восточной Сибири*. – Иркутск, 1974. – Вып.2. – С.65–115.
257. **Лежненко И.Л.** Итоги изучения мезолитического памятника Верхоленская Гора II // *Мезолит Верхнего Приангарья*. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1980. – Вып. 2: Памятники Иркутского района. – С. 94–102.

258. **Лежненко И.Л.** Палеолитические горизонты стоянки Сосновый Бор // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири: Сб. науч. тр. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. – С. 26–36.
259. **Лежненко И.Л., Медведев Г.И. Михнюк Г.Н.** Исследования палеолитических и мезолитических горизонтов стоянки Сосновый Бор на реке Белой в 1966–1971 гг. // Палеолит и мезолит юга Сибири. - Иркутск, 1982. – С.80–108.
260. **Леонова Н.Б., Миньков Е.В.** Возможности планиграфического метода исследований при изучении фаунистических остатков // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. – Иркутск : Изд-во Иркут. Ун-та, 1991. – С. 36–47.
261. **Лещиков Ф.Н.** Мерзлотные породы Приангарья и Прибайкалья // Материалы VIII Всесоюзного междуведомственного совещания по геокриологии (мерзлотоведению). – Вып. 3. – Якутск: Якуткнигоиздат, 1966. – С. 43–45.
262. **Ли Х.** Новый подход к проблеме переходного периода от палеолита к неолиту на Дальнем Востоке // Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. – Владивосток, 1996. – С. 155–158.
263. **Липнина Е.А.** Построение структурной схемы системы расщепления на материалах памятника Большой Якорь I (к проблеме построения динамической модели) / Е.А. Липнина, Е.М. Инешин // Палеоэтнология Сибири: Тез. докл. к XXX РАСК / Отв. ред. Г.И.Медведев, Н.А.Савельев. – Иркутск, 1990. – С.161–162.
264. **Липнина Е.А.** Антропоморфные и зооморфные скульптурные изображения палеолитического ансамбля Мальты // Антропоген. Палеонтология, геoarхеология, этнология Азии: Сб. науч. тр. – Иркутск: Изд-во Оттиск, 2008. – С. 112–132.
265. **Литвин В.М.** О распространении многолетнемерзлых пород в центральной части Байкало-Патомского нагорья // Вопросы геологии Прибайкалья и Забайкалья. - Вып.6 (XXXVII). – Ч.3. – Чита, 1969. – С.65–70.

266. **Логачев Н.А.** Саяно-Байкальское становое нагорье. Развитие рельефа // Нагорья Прибайкалья и Забайкалья. – М.: Наука, 1974. – С. 56–162.
267. **Логачев Н.А.** История и геодинамика Байкальского рифта // Геология и геофизика. – 2003. – №44 (5). – 391–406.
268. **Лотман Ю.М., Успенский Б.А.** О семиотическом механизме культуры // Ю.М. Лотман. С.-Петербург: Искусство, 2004. – С. 485–504.
269. **Лынша В.А.** Мезолит - понятие технологической периодизации // Археология и этнография Восточной Сибири : Тез. докл. науч.-теор. конф. – Иркутск, 1978. – С.93–96.
270. **Лынша В.А.** Мезолит юга Средней Сибири / Автореферат на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. – Л., 1980. – 28 с.
271. **Людников В.О.** Могильник Старый Витим II в Муйской котловине // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: Мат-лы докл. V (L) РАЭСК, Иркутск, 4–9 апреля 2010 г. – Иркутск: Изд-во «Отгиск», 2010. – С. 154–155.
272. **Маев Н.А.** Саяно-Байкальское становое нагорье. Становление рельефа // Нагорья Прибайкалья и Забайкалья. – М.: Наука, 1974. – С. 56–162.
273. **Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д.** Опыт датирования по 14С погребений Прибайкалья эпохи голоцена // Советская археология. – 1989. – № 1. – С. 19–32.
274. **Мац В. Д., Уфимцев Г. Ф., Мандельбаум М. М.** Кайнозой Байкальской рифтовой впадины: Строение и геологическая история. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2001. – 252 с.
275. **Медведев Г.И.** К итогам исследования мезолита на многослойном поселении Усть-Белая (1957–1964 гг.) // Изв. ВСОГО. – 1966а. – Т. 65. – С. 133–152.
276. **Медведев Г.И.** Археологические исследования многослойной палеолитической стоянки Красный Яр I на Ангаре в 1964–1965 гг. // Отчеты археологических экспедиций за 1963 – 1965 годы: (мат-лы и докл. на науч.

сессии Ин-та археологии АН СССР). – Иркутск: Иркут. обл. краевед. музей, 1966б. – С. 5–25.

277. **Медведев Г.И.** К истории исследования мезолита Приангарья // Мезолит Верхнего Приангарья. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1971а. – Ч. 1: Памятники Ангаро-Бельского и Ангаро-Идинского района. – С. 5–25.

278. **Медведев Г.И.** Резюме // Мезолит Верхнего Приангарья. – Иркутск: Иркутский ун-т, 1971б. – Ч. I: Памятники Ангаро-Бельского и Ангаро-Идинского района. – С. 104–110.

279. **Медведев Г.И.** Хозяйственный уклад мезолитического поселения Усть-Белая // Мезолит Верхнего Приангарья. – Иркутск: Иркутский ун-т, 1971в. – Ч. I: Памятники Ангаро-Бельского и Ангаро-Идинского района. – С. 104–110.

280. **Медведев Г.И.** Мезолитический комплекс стоянки «Царь-Девница» // Учен. зап. / ВСОГО СССР, Иркут. обл. музей краеведения. – 1971. – Вып. 4., ч. 1: Вопросы истории Сибири. – С. 30–44.

281. **Медведев Г.И.** Некоторые замечания о докерамическом периоде Японии и некоторые вопросы археологии палеолита и мезолита Северной Азии Археология и этнография Восточной Сибири : Тез. докл. науч.-теор. конф. – Иркутск, 1978. – С. 16–24.

282. **Медведев Г.И.** Предисловие // Мезолит Верхнего Приангарья. – Иркутск, 1980. – Ч.2: Памятники Иркутского района. – С. 3–7.

283. **Медведев Г.И.** Палеолит Южного Приангарья: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. –Новосибирск, 1981. – 44 с.

284. **Медведев Г.И.** Состояние изученности и проблемы палеолита юга Средней Сибири // Стратиграфия, палеогеография и археология Юга Средней Сибири: К XIII Конгрессу ИНКВА. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1990. – С. 17–21.

285. **Медведев Г.И., Алаев С.Н., Сокальский А.А.** О топографии раннепалеолитических местонахождений на высоких террасах Южного Приангарья // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1978. – Вып. 4. – С. 5–30.

286. **Медведев Г.И., Георгиевский А.М., Лежненко И.Л., Михнюк Г.Н., Савельев Н.А.** Стоянки Ангаро-Бельского района («Бадайский» комплекс) // Мезолит Верхнего Приангарья. – Иркутск: Иркут. Ун-т, 1971. – Ч. I: Памятники Ангаро-Бельского и Ангаро-Идинского района. – С. 31–90.
287. **Медведев Г.И., Михнюк Г.Н., Шмыгун П.Е.** **Мезолит Юга Восточной Сибири // Древняя история народов Юга Восточной Сибири.** – Иркутск: Иркут. ун-т, 1975. – Вып. 3. – С. 74–80.
288. **Медведев Г.И., Слагода Е.А., Липнина Е.А., Бердникова Н.Е., Генералов А.Г., Роговской Е.О., Ошепкова Е.Б., Воробьева Г.А., Шмыгун П.Е.** Каменный век Южного Приангарья. Бельский георхеологический район / Путеводитель международного симпозиума "Современные проблемы палеолитоведения Евразии", 1-9 августа 2001 г., г. Иркутск / Отв. ред. Г.И. Медведев. – Иркутск: изд-во Иркут, ун-та, 2001. – Т. 2. – 242 с.
289. **Медведев Г. И., Липнина Е. А., Новосельцева В. М., Шмыгун П. Е.** О мезолите – в который раз?... // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2000. – С. 69–81.
290. **Мезолит** Верхнего Приангарья / Отв. ред. Г.И. Медведев. Ч.1. – Иркутск, 1971. – 242 с.
291. **Мезолит** Верхнего Приангарья / Отв. ред. М.П. Аксенов. – Иркутск, 1980. – Ч.2: Памятники Иркутского района. – 140 с.
292. **Мороз П.В.** Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья. – Чита : ЗабГУ, 2014. – 182 с.
293. **Молчанов Г.Н.** Каменные изделия верхних горизонтов местонахождений Курла I–III: дипломная работа. – Иркутск: Библиотека Лаборатории археологии и палеоэкологии ИГУ, 2007. – 46 с.
294. **Молчанов Г.Н.** Техноморфологический анализ процессов микрорасщепления на местонахождениях Курла I–III: дипл. работа

(диссертация магистра истории). – Иркутский государственный университет, Иркутск, 2019. – 107 с.

295. **Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А.** Техноморфологический анализ каменной и костяной индустрии из культуросодержащего горизонта 2 многослойного местонахождения Курла I на Северном Байкале // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этноархеология. Антропология. – 2019. – Т. 28. – С. 3–37.

296. **Мочанов Ю.А.** Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. – М.: Наука, 1969. – 253 с.

297. **Мочанов Ю.А.** Древнейшие этапы каменного века Северо-Восточной Азии // Изв. ВСОГО. – Иркутск, 1970. – т.67. – С.60–64.

298. **Мочанов Ю.А.** Стратиграфия и абсолютная хронология палеолита Северо-Восточной Азии (по данным работ 1963-1973 гг.) // Якутия и ее соседи в древности. – Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1975. – С.9–31.

299. **Мочанов Ю.А.** Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 264 с.

300. **Мочанов Ю.А., Федосеева С.А.** Основные итоги археологического изучения Якутии // Новое в археологии Якутии. – Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. – С.3–13.

301. **Мочанов Ю.А.** Дюктайская бифасиальная традиция палеолита Северной Азии (история ее выделения и изучения) / Ю.А. Мочанов; Академия наук Республики Саха (Якутия); Центр арктической археологии и палеоэкологии человека. – Якутск, 2007. – 200 с.

302. **Нагорья Прибайкалья и Забайкалья.** – М.: Наука, 1974. – 359 с.

303. **Наумов Е., Инёшина Т.М., Инёшин А.В.** Аппликация камня – результат мониторинга археологического памятника Чайка II (Усть-Кутский район, Верхняя Лена) // Байкальское кольцо: материалы обл. краеведч. конф. учащихся. – Иркутск, 2010. – С. 4–11.

304. **Наумов Е., Инёшина Т.М., Инёшин А.В.** Реконструкция первичной обработки камня на палеолитическом памятнике Чайка 2 // Историко-культурное и природное наследие Сибири: материалы V межрегион. краеведч. конф. школьников. – Иркутск, 2012. – С. 153–161.
305. **Наумов Е., Инёшина Т.М.** Реконструкция первичной обработки камня на палеолитическом памятнике Чайка II // Материалы XV Российской научной конференции школьников «Открытие»: сб. тез. (Ярославль, 20–22 апреля 2012 г.). – Ярославль, 2012. – С. 94–95.
306. **Неолит** Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – 379 с.
307. **Окладников А.П.** Палеолитические жилища в Бурети (по раскопкам 1936 – 1940 гг.) // КСИИМК. – 1941. – №10. С. 17–31.
308. **Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.-Л., 1950. – Ч.1–2. – 412 с. (МИА, № 18).
309. **Окладников А.П.** Следы палеолита в долине р. Лены // Палеолит и неолит СССР. – М.-Л., 1953. – С. 227–265.
310. **Окладников А.П.** К изучению древнейших следов деятельности человека на озере Байкал: «Кварцевый палеолит» // Археология Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 11–21.
311. **Окладников А.П.** Неолитические памятники Ангары. – Новосибирск, 1974. – 317 с.
312. **Окладников А.П.** Неолитические памятники Средней Ангары. – Новосибирск, 1975. – 318 с.
313. **Окладников А.П.** Неолитические памятники Нижней Ангары. – Новосибирск, 1976. – 327 с.
314. **Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Дементьев В.Н.** История «мамонтной фауны» Таймыра по радиоуглеродным данным (с обзором хронологии мамонтов Сибири) // Известия Лаборатории древних технологий. – 2004. – Вып. 2. – С. 87–102.
315. **Отчет ВСОРГО** за 1911 г.: Протокол заседания 12 октября 1911 г. – Иркутск, 1914.

316. **Окладников А.П.** Палеолитическая стоянка в Бурети: (По раскопкам 1936 – 1940 гг.) // КСИИМК. – 1941. - № 2. – С. 104–108.
317. **Окладников А.П.** Следы палеолита в долине р. Лены // Палеолит и неолит СССР. – М., 1953. – С. 227–266. (МИА, № 39).
318. **Окладников А.П.** Якутия до присоединения к русскому государству. - М., Л.: Изд-во АН СССР, 1955. - 432 с. - (История Якутской АССР; т.1).
319. **Окладников А.П., Медведев В.Е.** Исследование многослойного поселения Гася на Нижнем Амуре // Изв. СО РАН СССР. Сер. обществ, наук. – 1983. – №1, вып.1. – С.93–97.
320. **Осипов Э.Ю., Грачев М.А., Мац В.Д., Хлыстов О.М., Брайтенбах С.** Реконструкция горных ледников последнего плейстоценового оледенения в северо-западной части Баргузинского хребта (Северное Прибайкалье) // Геология и геофизика. – 2003. – т. 44, № 7. – С. 652–663.
321. **Охотники-собиратели** бассейна Японского моря на рубеже плейстоцена – голоцена / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Кононенко. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – 176 с.
322. **Оценка воздействия** на окружающую среду (ОВОС) при строительстве параметрической скважины № 177 Усть-Орлингской (Южно-Усть-Кутский лицензионный участок). – Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2001. – 177 с.
323. **Павленок Г.Д.** Технологии изготовления клиновидных нуклеусов в селенгинской культуре каменного века западного Забайкалья (по материалам стоянки Усть-Кяхта 3) // Известия АГУ. – 2015. – № 3–2 (87). – С. 178–184.
324. **Палеолит Енисея.** Лиственка / Акимова Е.В., Дроздов Н.И., Чеха В.П., Лаухин С.А., Орлова Л.А., Санько А.Ф., Шпакова Е.А. – Красноярск – Новосибирск: «Универс–Наука», 2005. – 184 с.
325. **Палеомагнитология** /Храмов А.Н., Гончаров Г.И., Комиссарова Р.А. и др. Недра, Л., 1982, 312 с.
326. **Палинология** четвертичного периода / Ред. В.П.Гричук, Е.Д.Заклинская. - М.: Наука, 1985. - 228 с.

327. **Пежемский Д.В., Рыкушина Г.В.** Человек из Нижней Джилинды I (предварительное сообщение) // Вестник антропологии. Альманах. – М.: Старый сад, 1998. – Вып. 4. – С. 115–135.
328. **Пержаков С.Н.** Шишкинский археологический комплекс (итоги и задачи дальнейших исследований) // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири : тез. докл. всесоюзн. конф. – Улан-Удэ, 1986. – Ч. II. – С. 25–27.
329. **Пержаков С.Н.** Морфологические характеристики каменного инвентаря Шишкино IX (Верхняя Лена) // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2006. – Вып. 4. – С. 178–184.
330. **Пержаков С.Н., Аксенов М.П., Куклина С.Л.** Палеолитическое местонахождение Кистенева-9 (Верхняя Лена): (предварительные стратиграфические и палеогеографические характеристики верхнеплейстоценовых отложений) // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: Материалы международ. симп. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 2. – С. 161–169.
331. **Петри Б.Э.** Сибирский палеолит // Сб. тр. профессоров и преподавателей. – Иркутск, 1923. – Вып. 5. – С. 209–253 / Отд. оттиск. – Иркутск, 1923. – 47 с.
332. **Питулько В.В.** Гонка со временем: в поисках начального этапа освоения человеком Сибирской Арктики // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии). – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. – С. 103–136.
333. **Питулько В.В., Павлова Е.Ю.** Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. – СПб. : Наука, 2010. – 264 с.
334. **Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Никольский П.А., Иванова В.В.** Янская стоянка: материальная культура и символическая деятельность

верхнепалеолитического населения Сибирской Арктики // Российский археологический ежегодник. №2. 2012 / под ред. д-ра ист. Наук Л. Вишняцкого. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2012. – С. 33–102.

335. **Плихт Й. ван дер, Шишлина Н.И., Зазовская Э.П.** Радиоуглеродное датирование: хронология археологических культур и резервуарный эффект // Труды ГИМ. – М.: Палеограф, 2016. Вып. 203. – 112 с.

336. **Поплевко Г.Н., Уланов А.А., Тетенькин А.В.** Хозяйственный комплекс стоянки Павлово 1 в Иркутской области // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной конференции, посвященной 80-летию старшего научного сотрудника ИИМК РАН, кандидата химических наук Ганны Ивановны Зайцевой. Под редакцией Н.Д. Буровой, А.А. Выборнова, М.А. Кульковой. – Санкт-Петербург: Изд-во ИИМК РАН, 2020. – С. 70–71.

337. **Попов В.К., Кузьмин Я.В., Шевкомуд И.Я., Гребенников А.В., Гласюк М.Д., Зайцев Н.Н., Петров В.Г., Наумченко Б.В., Конопацкий А.К.** Обсидиан в археологических памятниках Среднего и Нижнего Приамурья: геохимический состав и источники // Пятые Гродековские чтения: Материалы Межрегион. науч.-практич. конф. «Амур – дорога тысячелетий» / Под ред. С.В. Гончаровой. Хабаровск: Хабаровский краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2006. – Ч. I. – С. 99–108.

338. **Разгильдеева И.И.** Планиграфический анализ жилищно-хозяйственных комплексов верхнего палеолита Забайкалья. – Чита : ЗабГУ, 2018. – 208 с.

339. **Разгильдеева И.И., Куникита Д., Яншина О.В.** Новые данные о возрасте древнейших керамических комплексов Западного Забайкалья // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 2. Фундаментальные проблемы формирования разнообразия палеосреды и палеокультур Евразии. Смена парадигм: материалы II Всерос. науч. конф. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – С. 168–178.

340. **Разгильдеева И.И., Яншина О.В.** Керамические комплексы Западного Забайкалья: проблемы хронологии // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том I. – Казань: Отечество, 2014. – С.339–342.
341. **Рассказов С.В.** Базальтоиды Удокана. – Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отд-е, 1985. – 142 с.
342. **Рассказов С.В.** Магматизм Байкальской рифтовой системы. – Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отд-е, 1993. – 288 с.
343. **Рассказов С.В., Бовен А., Андре Л., Лиежуа Ж.-П., Иванов А.В., Пунзалан Л.** Эволюция магматизма северо-востока Байкальской рифтовой системы // Петрология. – 1997. – т. 5. – № 2. – С. 115–136.
344. **Рассказов С.В., Логачев Н.А., Брандт И.С., Брандт С.Б., Иванов А.В.** Геохронология и геодинамика позднего кайнозоя: (Южная Сибирь – Южная и Восточная Азия). – Новосибирск: Наука, 2000. – 288 с.
345. **Резанов И.Н.** Кайнозойские отложения и морфоструктура Восточного Прибайкалья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 128 с.
346. **Решетова С.А., Безрукова Е.В.** Динамика растительности и климата Забайкалья в позднеледниковье и голоцене: региональные корреляции // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2016. – № 5. – С. 70–76.
347. **Решетова С.А., Безрукова Е.В., Паниzzo В., Хендерсон Э., Птицын А.Б., Дарьин А.В., Калугин И.А.** Растительность Центрального Забайкалья в позднеледниковье и голоцене // География и природные ресурсы. – 2013. – №2. – С. 110–117.
348. **Роговской Е.О., Кузнецов А.М.** Депозиты многослойного местонахождения Остров Лиственничный (Северное Приангарье) // Изд-во. ИГУ. СГЭА, 2014. – Т.9. – С. 77–102.
349. **Рудные месторождения Сибири.** – Т.1. – М.: Изд. Недра, 1978. – 352 с.

350. **Рыбин Е.П.** Региональная вариабельность каменных индустрий начала верхнего палеолита в Южной Сибири и восточной части Центральной Азии / Автореф. дис. ... док. ист. наук. – Новосибирск, 2020. – 46 с.
351. **Рыбин Е.П., Хаценович А.М.** Макаровская загадка: самый ранний верхний палеолит Евразии или прибайкальский вариант технокомплекса начального верхнего палеолита периода MIS-3? // *Stratum plus*. – 2020. - №1. – С. 279–303.
352. **Савельев Н.А.** Неолит юга Средней Сибири (история основных идей и современное состояние проблемы) / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1989. – 26 с.
353. **Савельев Н.А.** Вклад Б.Э.Петри в изучение сибирского неолита // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. – Иркутск, 1991. – С.75–92.
354. **Савельев Н.А., Горюнова О.И., Генералов А.Г.** Раскопки многослойной стоянки Горелый Лес: (предварит. сообщ.) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1974. – Вып. 1. – С. 160–199.
355. **Савельев Н.А., Свинин В.В.** **К истории изучения каменного века побережья Байкала // Стратиграфия, палеогеография и археология Юга Средней Сибири: К XIII Конгрессу ИНКВА.** – Иркутск: Иркут. ун-т, 1990. – С. 113–120.
356. **Савельев Н.А., Тетенькин А.В., Игумнова Е.С., Абдулов Т.А., Инешин Е.М., Осадчий С.С., Ветров В.М., Клементьев А.М., Мамонтов М.П., Орлова Л.А., Шибанова И.В.** **Многослойный археологический объект Усть-Хайта – предварительные данные // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения.** – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. – С.338–347.
357. **Салинз М.** Экономика каменного века. – М.: ОГИ, 1999. – 296 с.
358. **Свинин В.В.** **Археологические исследования на Северном побережье озера Байкал в 1963 и 1965 годах // Отчеты археологических**

экспедиций за 1963-1965 годы: (мат-лы и докл. на науч. сессии Ин-та археологии АН СССР). – Иркутск: Иркут. обл. краевед. музей, 1966. – С. 50–69.

359. **Семина Л.В., Гребенщикова О.В.** Памятники раннего неолита Западного Забайкалья // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 113–128.

360. **Секерин А.П., Секерина Н.В.** Нефриты и их распространение в Южной Сибири // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск, 2000. – вып. 2, ч.1. – С. 146–160.

361. **Сериков Ю.Б.** К вопросу об орудиях для высекания огня // Петербургская трассологическая школа и изучение древних культур Евразии: В честь юбилея Г.Ф. Коробковой. – СПб: ИИМК РАН, 2003. – С. 254–263.

362. **Синюгина Е.Я.** О четвертичных отложениях в бассейне р.Бодайбо // Тр.ЦНИГРИ. - 1960. – вып.30. – С.58–87.

363. **Соловьев П.С.** К вопросу о хронологических границах клиновидных нуклеусов на стоянках долины Алдана // Исторический опыт освоения Восточных районов России: Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. – Владивосток, 1993. – С.12–13.

364. **Станевич А.М., Переляев В.И.** К стратиграфии позднего докембрия Средневитимской горной страны (Делюн-Уранский хребет) // Геология и геофизика. – 1997. – Т.38. – №10. – С.1642–1652.

365. **Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири** : сб. науч. тр. (К XIII конгрессу ИНКВА) / отв. ред.: Г. И. Медведев, Н. А. Савельев, В. В. Свинин. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – 165 с.

366. **Степанов А.Д., Кириллин А.С., Воробьев С.А., Соловьева Е.Н., Ефимов Н.Н.** Пещера Хайыргас на Средней Лене (результаты исследований 1998–1999 гг. // Древние культуры Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 98–113.

367. **Студзицкая С.В.** Искусство Восточной Сибири в эпоху бронзы // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 344-350.
368. **Ступак Ф.М.** Кайназойский вулканизм хребта Удокан. – Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отд-е, 1987. – 168 с.
369. **Сухотинский геoarхеологический комплекс:** научный путеводитель по палеолитическим памятникам Сухотинского геoarхеологического комплекса / сост. Е.А. Филатов; Забайкальский гос. ун-т. – Чита: ЗабГУ, 2016. – 44 с.
370. **Ташак В.И.** Местонахождение Аршан-Хундуй: (опыт исследования и интерпретации) // Байкальская Сибирь в древности: сб. науч. трудов. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. Пед. ун-та, 2000. – Вып. 2, ч. 1. – С. 161–180.
371. **Ташак В.И.** Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 130 с.
372. **Ташак В.И.** Очаг как объект культовой деятельности в позднем палеолите Забайкалья (по археологическим данным) // Stratum plus. 2011. – №1. – С. 303–318.
373. **Ташак В.И.** Остроконечники усть-кяхтинского типа и орудия на дивергентных сколах // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. – Вып.9. – С. 31–42.
374. **Ташак В.И., Антонова Ю.Е.** Локальная организация пространства как отражение мировоззрения человека в финале верхнего палеолита Забайкалья // «Номо Eurasicus» у врат искусства: Сб. науч. тр. – СПб.: Астерион, 2009. – С. 383–392.
375. **Тетенькин А.В.** Коврижка - новый многослойный объект Нижнего Витима // Археология и палеоэкология Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск, 1996. – Ч.1. – С.104–107.
376. **Тетенькин А.В.** Геoarхеологические местонахождения плейстоцен-голоцена в Бодайбинском районе Байкало-Патомского нагорья: хроностратиграфия, морфотипология, периодизация / Автореф. на соиск. учен степ. канд. ист. наук. – Новосибирск, 1999а. – 21 с.

377. **Тетенькин А.В.** Геоархеологические местонахождения плейстоцен-голоцена в Бодайбинском районе Байкало-Патомского нагорья: хроностратиграфия, морфотипология, периодизация / Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. – Новосибирск, 1999б. – 261 с.
- 378.
379. **Тетенькин А.В.** Исследования многослойного объекта Коврижка на Нижнем Витиме // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. – Вып.2, ч.1. – С.117–146.
380. **Тетенькин А.В.** От «хозяйственного уклада» до «геоархеологии»: реконструкция научного дискурса иркутской школы // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003а. – Вып. 1. – С.8–25.
381. **Тетенькин А.В.** К вопросу о выборе способа изображения объекта археологического исследования // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003б. – Вып. 1. – С.26–33.
382. **Тетенькин А.В.** Развитие археологии Нижнего Витима в контексте исследований группы местонахождений Коврижка I-IV // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918-1937 гг. – Иркутск: Изд-во «Амтера», 2009а. – С.322–332.
383. **Тетенькин А.В.** Проблематика вторичного семиозиса в археологии // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009б. – Вып.7. – С.9-13.
384. **Тетенькин А.В.** Материалы исследований ансамбля археологических местонахождений Коврижка на Нижнем Витиме (1995-2009 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2010. – Вып.8. – С. 64–134.
385. **Тетенькин А.В.** Проблема определения археологической специфики Байкало-Патомского нагорья в конце плейстоцена – первой половине голоцена // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т.1. – СПб-М-Великий Новгород, 2011а. – С.94–95.

386. **Тетенькин А.В.** Процессуальный подход к типам в археологии: постановка проблемы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011б. – №8(14): в 4-х ч. Ч. IV. – С.197–200.
387. **Тетенькин А.В.** Поздний палеолит и мезолит Нижнего Витима в свете проблем археологического районирования // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. Ун-та, 2012а. – Вып.3. – С.112–121.
388. **Тетенькин А.В.** О семиотической природе типов артефактов // Вестник ИГЛУ. – 2012б. – №2(19). – С.65–72.
389. **Тетенькин А.В.** Проблема культурной вариабельности археологических комплексов финального плейстоцена – раннего голоцена Нижнего Витима // Вестник ТГУ. История. 2013. – №2(22). – С. 104–107.
390. **Тетенькин А.В.** Стоянка Коврижка III в археологии Нижнего Витима и Байкало-Патомского нагорья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том I. – Казань: Отечество, 2014. – С.163–168.
391. **Тетенькин А.В.** Предварительное сообщение о раскопках жилого комплекса 6-го культурного горизонта стоянки Коврижка IV на Нижнем Витиме / А. В. Тетенькин // Евразия в Кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. – Вып. 3. – С. 159–165.
392. **Тетенькин А.В.** Геоархеологическое местонахождение эпохи позднего палеолита Мамакан VI на Витиме // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2014в. – № 4(12). – С. 9-26.
393. **Тетенькин А.В.** Предварительное сообщение о раскопках жилого комплекса 6-го культурного горизонта стоянки Коврижка IV на Нижнем Витиме // Евразия в Кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014г. – Вып. 3. – С. 159–165.

394. **Тетенькин А.В.** На пути к теории культурной трансляции // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2015а. – № 2(15). – С. 9-61.
395. **Тетенькин А.В.** Микропластинчатое расщепление в ансамбле археологических местонахождений Коврижек I–IV на Нижнем Витиме / А. В. Тетенькин // Мультидисциплинарные исследования в археологии. – Вып. 2. Городища и поселения. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015б. – С. 155–186.
396. **Тетенькин А.В.** Многослойный памятник Коврижка III на Нижнем Витиме // *Stratum plus*. – 2016а. – №1. – С. 265–315.
397. **Тетенькин А.В.** Результаты исследований многослойного геoarхеологического местонахождения Коврижка IV на Нижнем Витиме в 2014–2015 гг. // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Междунар. науч. конф.: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. П.В. Мандрыка. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016б. – С. 94–98.
398. **Тетенькин А.В., Анри О., Жакье Дж., Клементьев А.В., Уланов А.А.** Исследования нового палеолитического комплекса культурного горизонта 2Б стоянки Коврижка IV на Витиме в 2015-2016 гг. (предварительное сообщение) // Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИРНТУ, 2016. – №4(21). – С. 9–18.
399. **Тетенькин А.В.** Технологический контекст производства и расщепления микропластинчатых нуклеусов по материалам культурных горизонтов 2Б и 6 стоянки Коврижка IV (Витим, Байкало-Патомское нагорье) // Известия ИГУ. Серия «Геoarхеология. Этнология. Антропология» – 2017а. – Т. 21. – С. 107–135.
400. **Тетенькин А.В.** Поздний палеолит Витима в материалах многослойного местонахождения Коврижка-IV (Байкало-Патомское нагорье, Восточная Сибирь) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе [Текст]: сборник научных статей : в 3 т. / отв.

ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. – Баранул : Изд-во Алт. ун-та, 2017б. – Т. I. – С. 101–105.

401. **Тетенькин А.В.** Каменный инвентарь 2Б культурного горизонта стоянки Коврижка IV на Витиме // Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИРНИТУ, 2017в. – Т. 13. №4. – С. 9–26. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-9-26

402. **Тетенькин А.В.** Проблема поиска и изучения феноменов культурной трансляции в эпоху каменного века между населением нижнего Витима и Забайкалья // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии материалы II международной научной конференции, посвященной 80-летию д.и.н., проф. П.Б. Коновалова. – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. 2017г. – С. 71–73.

403. **Тетенькин А.В.** Комплекс 2-3 культурных горизонтов стоянки Коврижка IV на Нижнем Витиме // Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИРНИТУ, 2017д. – Т. 13. №1. – С. 9–30. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-9-30

404. **Тетенькин А.В.** Археология позднего верхнего палеолита и мезолита Нижнего Витима и Байкало-Патомского нагорья // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2018. - №2 (100). – С. 182–187.

405. **Тетенькин А.В.** Планиграфический анализ очажного комплекса 2Б культурного горизонта Коврижки IV: реконструкция деятельностной ситуации // Мультидисциплинарные исследования в археологии. – 2019. – №2. – С. 26–51.

406. **Тетенькин А.В.** Что стоит за типами? // Лев Клейн [Путеводитель]: Сборник статей памяти Льва Самуиловича Клейна / отв. ред. Е.И. Матяш, М.Т. Кашуба. – Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН, 2020. – С. 129–144.

407. **Тетенькин А.В.** Новый палеолитический комплекс местонахождения Нирякан I на р. Мама (Байкало-Патомское нагорье) // Известия Лаборатории древних технологий. – 2021. – Т. 17. № 3. – С. 9–21.

408. **Тетенькин А.В., Анри А., Клементьев А.М.** Коврижка IV: позднепалеолитический комплекс 6 культурного горизонта // Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. – 2017. – Вып. 23. – СПб, 2017. – С. 33–55.
409. **Тетенькин А.В., Ветров В.М., Демонтерова Е.И., Пашкова Г.В., Канева Е.В.** Аргиллитовые артефакты как источник информации о связях населения бассейна Витима в эпоху финального плейстоцена – среднего голоцена // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – №2. – С. 16–24.
410. **Тетенькин А.В., Жмур О.В., Демонтерова Е.И., Канева Е.В., Сальная Н.В.** Фигуры из бивня мамонта и знаково-символический контекст палеолитического жилища на стоянке Коврижка IV в низовье Витима // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46. №4. – С. 3–12.
411. **Тетенькин А.В., Кичигин Д.Е., Коростелев А.М.** Новое археологическое местонахождение эпохи каменного века Балтаханова V (Северный Байкал) // Известия Лаборатории древних технологий. – 2019. – Т. 15, № 1. – С. 46–63.
412. **Тетенькин А.В., Демонтерова Е.И., Канева Е.В., Анри О., Говри Ру Э.** Охра в позднепалеолитических контекстах стоянки Коврижка IV на Байкало-Патомском нагорье // Археология, этнография и антропология Евразии. – т. 48, №3. – 2020. – С. 33–42.
413. **Тетенькин А.В., Аржанников С.Г., Аржанникова А.В., Демонтерова Е.И., Поплевко Г.Н., Разгильдеева И.И., Сальная Н.В., Анри (Henry) А.** Исследования стоянки 2Г культурного горизонта Коврижки IV на р. Витим (Байкало-Патомское нагорье) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в самаре. В 3-х т. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. – Самара : СГСПУ, 2020. – Т. I. – С. 91–93.

414. **Тетенькин А.В., Демонтерова Е.И., Поплевко Г.Н., Разгильдеева И.И., Сальная Н.В., Анри О.** Позднепалеолитический комплекс культурного горизонта 2Г стоянки Коврижка IV на р. Витим (Байкало-Патомское нагорье) // *Stratum Plus*. – 2021. – С. 259–300.
415. **Тетенькин А.В., Харинский А.В.** Археологические местонахождения Горячая 1–4 на северном Байкале // *Известия лаборатории древних технологий*. – Иркутск: Изд-во ИРНТУ, 2016. – №1(18). – С. 9–18.
416. **Тищенко Е.И.** Некошторые вопросы истории позднечетвертичного осадконакопления в пределах Байкало-Патомского нагорья // *Поздний плейстоцен и голоцен юга Восточной Сибири*. – Новосибирск: Наука, 1982. – С.70–84.
417. **Топчий П.В.** Микроиндустрия нижних горизонтов Курлинского докерамического комплекса: дипломная работа. – Иркутск: Библиотека Лаборатории археологии и палеоэкологии ИГУ, 2007. – 34 с.
418. **Туголуков В.А., Тураев В.А., Спевиковский Б.А., Кочешков И.Р.** История и культура эвенов / В.А. Туголуков и др. – СПб: Наука, 1997. – 180 с.
419. **Уланов А.А., Канева Е.В., Поплевко Г.Н., Тетенькин А.В.** Первые результаты трасологического исследования раннегоголоценовой пластинчатой индустрии стоянки Павлова I на Нижнем Витиме // *Известия Лаборатории древних технологий*. – 2020. – Т. 16, № 2. – С. 9 – 28.
420. **Уланов А.А., Тетенькин А.В.** Новые данные о местонахождении Павлова I. Технологический контекст каменного производства // *Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Благовещенск – Хэйхэ, 8–12 апреля 2019 г.* / Науч. ред. О.А. Шеломихин. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. – С. 310–312.
421. **Унифицированная** региональная стратиграфическая схема четвертичных отложений Средней Сибири (Таймыр, Сибирская платформа): объяснит. зап. / под ред. В. С. Волковой, Б. А. Борисова, В. А. Камалетдинова. – Новосибирск: СНИИГГиМС, 2010. – 90 с.

422. **Усачева И.В.** Стратиграфические позиции неолитических типов керамики поселения «VIII пункт» на Андреевском озере и некоторые общие вопросы неолита Зауралья // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. – С. 116–133.
423. **Усачева И.В., Адаев В.Н., Косинская Л.Л., Юдина Е.А.** Охра в жилищах каменного века таежной зоны Зауралья и севера Западной Сибири: адаптивный аспект // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всероссийской научной конференции, г. Тюмень, 2–6 апреля 2018 г. – Тюмень: ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018. – Вып. 4. – С. 254–258.
424. **Усов П.А., Вдовин А.С., Макаров Н.П., Мандрыка П.В.** К вопросу о мезолите Красноярского района // Новое в археологии Сибири: тез. докл. к XXXII РАСК под ред. Л.А. Чиндиной. – Томск, 1992. – С.12–14.
425. **Уфимцев Г.Ф.** Байкальская тетрадь. Очерки теоретической и региональной геоморфологии. – М.: Научный мир, 2009. – 240 с.
426. **Формозов А.А.** Микролитические памятники Азиатской части СССР // СА. – Изд-во АН СССР. – 1959. – № 2. – С. 47–59.
427. **Харевич В.М., Акимова Е.В.** Сравнительный анализ техники первичного расщепления в индустриях «мелких пластин» Среднего Енисея (по материалам стоянки Малтат и 19-го культурного слоя стоянки Лиственка) // Известия ИГУ. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». – 2016. – Т. 16. – С. 24–36.
428. **Харинский А.В., Емельянова Ю.А., Рыков Г.К.** Северо-западное побережье озера Байкал в бронзовом веке: по материалам стоянок // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИРГТУ, 2009. – С. 86–112.
429. **Харинский А.В., Емельянова Ю.А., Кичигин Д.Е.** Археологические объекты северо-западного побережья озера Байкал: по материалам разведок 1996, 1998 и 2015 годов // Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2015. – № 4 (17). – С. 15–51.

430. **Харинский А.В., Емельянова Ю.А., Иванов Г.Л.** Святилище Лысяя Сопка на северном побережье озера Байкал: материалы исследований 1963 и 1965 гг. // Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2021. – № 1 (17). – С. 63–89.
431. **Хлобыстин Л.П.** Древнейшие памятники Байкала // Палеолит и неолит СССР. – М., Л.: Наука, 1965. – Т. 5. – С. 252–279.
432. **Хлобыстин Л.П.** Древняя история Таймырского Заполярья и вопрос формирования культур севера Евразии. – СПб., 1998. – 341 с.
433. **Хоммел П.Н., Ветров В.М., Джордан П., Дэй П.М., Мюллер Н.** Древнейшая керамика усть-каренгской археологической культуры (предварительные результаты анализов) // Вестник Международного центра азиатских исследований. 14/2008. – Иркутск: Изд-во Ирк. Гос. Пед. ун-та, 2008. – С. 237–248.
434. **Хохлов С.Ю.** Исследования палеолита А.П. Окладниковым на территории Байкало-Енисейской Сибири // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых с международным участием / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; отв. ред.: И.М. Бердников, Д.Н. Лохов. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. – С. 65–68.
435. **Чаро-Токкинская** кремнисто-железородная формация / Тр. Института геологии и геофизики. Вып. 594. Отв. Ред. В.А. Кузнецов – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1984. – 160 с.
436. **Шараборин А.К.** Раннепалеолитическое местонахождение Чингалах на Средней Лене (Якутия): технико-морфологический анализ // Известия Лаборатории древних технологий. – 2015. – № 2(15). – С. 62–74.
437. **Швецов С.Г., Воронин В.И.** Субфоссильная древесина в песчаных отложениях Муйско-Куандинской котловины // Евразийское Научное Объединение. – 2018. – Т. 4. – № 5 (39). – С. 245-246.
438. **Швецов С.Г., Осколков В.А., Буянтуев В.А.** Ископаемая древесина в пойменных отложениях реки Муя // European research: сборник статей XII

Международной научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2017. – С. 287-291.

439. **Шевкомуд И.Я.** Поздний неолит Нижнего Амура. – Владивосток: ДВО РАН, 2004. – 156 с.

440. **Шевкомуд И.Я.** Археологические комплексы финала плейстоцена – начала голоцена в Приамурье и проблема древнейшей керамики: археология Дальнего Востока России // Вестник КРАУНЦ. Сер. Гуманитарные науки». – 2005. – №2. – С. 3–18.

441. **Шемкомуд И.Я., Чернюк А.В., Кузьмин Я.В.** Стратиграфия, хронология, палеогеографическая реконструкция обстановки финального плейстоцена – голоцена Хехцирского геoarхеологического района в Приамурье // Четвертичные отложения юга Дальнего Востока и сопредельных территорий. – Хабаровск: ФГУГПП «Хабаровскгеология», 2001. – С. 107–111.

442. Шмыгун П.Е. **Работы на Северном Байкале // Археологические открытия 1977 года.** – М.: Наука, 1978а. – С. 285.

443. **Шмыгун П.Е.** Микронуклеусы нижних горизонтов стоянок Курла II–III // Археология и этнография Восточной Сибири : Тез. докл. к регион. конф. – Иркутск : Иркут. ун-т, 1978б. – С. 14–16.

444. **Шмыгун П.Е.** Докерамические комплексы из четвертичных отложений Северного Байкала // Рельеф и четвертичные отложения Станового нагорья. – М.: «Наука», 1981. – С. 120–128.

445. **Шмыгун П.Е., Ендрихинский А.С.** Курлинский бескерамический комплекс на Северном Байкале: (предварит. сообщ.) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск : Иркут. ун-т, 1978. – Вып. 4. – С. 56–69.

446. Шмыгун П.Е., Сизиков А.М. **Работы на Северном Байкале // Археологические открытия 1976 года.** – М.: Наука, 1977. – С. 254–255.

447. **Шмыгун П.Е., Филиппов А.К.** Нижний комплекс стоянок Курла на Северном Байкале // Проблемы археологии и этнографии Сибири и

- Центральной Азии: Тез. докл. к регион. конф. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1980. – С. 113–114.
448. Шмыгун П.Е., Филиппов А.К. **Нижний комплекс стоянок Курла // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири.** – Иркутск: Иркут ун-т, 1982. – С. 15–24.
449. **Щедровицкий Г.П.** Синтез знаний: проблемы и методы // На пути к теории научного знания. – М.: Наука, 1984. – С.67–109.
450. **Щедровицкий Г.П.** Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк. Культ. Полит., 1995а. С. 233-280.
451. **Щедровицкий Г.П.** Мышление, понимание, рефлексия. – М.: «Наследие ММК», 2005. – С.341–390.
452. **Щукин И.С.** Четырёхязычный энциклопедический словарь терминов по физической географии. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – 703 с.
453. **Эко У.** Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.
454. **Ясько В.Г.** К вопросу о подземных (ископаемых) льдах Северо-Западного Забайкалья // Труды Северо-Восточного отделения Института мерзлотоведения. – 1960. – Вып.2. – с.32–49.
455. **Abramova Z.A.** L'art paléolithique d'Europe orientale et de Sibérie. – Grenoble: Jérôme Millon, 1995. – 367 p.
456. **American Beginnings.** The Prehistory and Palaeoecology of Beringia. Edited by West C.F. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1996. – 576 p.
457. **Andrefsky W.Jr.** Raw-Material Availability and the Organization of Technology // American Antiquity. – 1998. – Vol. 59(1). – P. 21–34.
458. **Arzhannikov S.G., Ivanov A.V., Arzhannikova A.V., Demonterova E.I., Jansen J.D., Preusser F., Kamenetsky V.S., Kamenetsky M.B.** Catastrophic events in the Quaternary outflow history of Lake Baikal // Earth-Science Reviews. – 2018. – No.177. – P. 76–113.

459. **BDP-96** (Baikal Drilling Project) Members. Continuous paleoclimate record recovered for last 5 million years // *EOS Trans. Am. Geophys. Union* 78. – 1997. – P. 597–604.
460. **Bezrukova E.V., Tarasov P.E., Solovieva N., Krivonogov S.K., Riedel F.** Last glacial-interglacial vegetation and environmental dynamics in southern Siberia: Chronology, forcing and feedbacks // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. – 2010. – No. 296. – P. 185–198.
461. **Bezrukova E.V., Tarasov P.E., Kulagina N.V., Abzaeva A.A., Letunova P.P., Kostrova A.A.** Palynological study of Lake Kotokel, bottom sediments (Lake Baikal region) // *Russian Geology and Geophysics*. – 2011. – No. 52. – P. 458–465.
462. **Bezrukova E.V., Schetnikov A.A., Kuzmin M.I., Sharova O.G., Kulagina N.V., Letunova P.P., Ivanov E.I., Kraynov M.A., Kerber E.V., Filinov I.A., Levina O.V.** First data on the environment and climate change within the Zhom-Bolok Volcanic Field (Eastern Sayan Mountains) in the Middle – Late Holocene // *Doklady Earth Sciences*. – 2016. – Vol. 468, Part 1. – P. 527–531.
463. **Binford L.** *In Pursuit of the Past*. London. Thames and Hudson, 1983. – 255 p.
464. **Boyd R., Richerson P.J.** *Culture and the Evolutionary Process*. – Chicago and London: The University of Chicago, 1985. – 331 p.
465. **Boyd R., Richerson P.J.** *The Origin and Evolution of Cultures*. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 456 p.
466. **Bradley B.A.** *Clovis Technology* / B.A. Bradley, M.B. Collins, A. Hemmings. – Ann Arbor, Michigan: International Monographs in Prehistory, 2010. – 220 p.
467. **Bronk Ramsey C.** OxCal 4.3.2. 2017, available at: <http://c14.arch.ox.ac.uk>. (date of access: 15.12.2017).
468. **Butzer K.W.** *Archaeology as Human Ecology*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – 365 p.

469. **Cavalli-Sforza L.L., Feldman M.N.** Cultural Transmission and Evolution: A Quantitative Approach. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1981. – 389 p.
470. **Cherkinsky A.** Can we get a good radiocarbon age from “bad bone”? Determining the variability of radiocarbon age from bioapatite / Cherkinsky A. // Radiocarbon. – 2009. – Vol. 51, Nr. 2. – P. 647–655.
471. **Derevianko A.P., Medvedev V.E.** The Amur River Basin as one of the earliest centers of the ceramics in the Far East // The Origin of Ceramics in the Far East: International symposium. – Sendai, 1995. – P. 13–25.
472. **Didier M.E.** The Argillite Problem Revisited: An Archaeological and Geological Approach to a Classical Archaeological Problem // Archaeology of Eastern North America. – Vol. 3 (SPRING 1975). – P. 90-101.
473. **Eerkins J.W., Lipo C.P.** Cultural Transmission, copying errors, and the generation of variation in material culture and the archaeological record // Journal of Anthropological Archaeology. 2005. №24. P. 316-334.
474. **Eerkens, J. W., Lipo C. P.** Cultural Transmission Theory and the Archaeological Record: Providing Context to Understanding Variation and Temporal Changes in Material Culture // Journal of Archaeological Research. 2007 . №5. P. 239-274.
475. **Feblot-Augustus Jehanne.** Comments. In: Brantingham J.P. Measuring Forager Mobility // Current Anthropology. – 2006. – Vol. 47, No. 3. – P. 435–459.
476. **Fedje D., Mackie Q., Smith N., McLaren D.** Function, visibility, and interpretation of archaeological assemblages at the Pleistocene/Holocene Transition in Haida Gwaii // From the Yenisei to the Yukon. – College Station: Texas A&M University Press, 2011. – P. 323 –341.
477. **Fischer A., Hansen P.V., Rasmussen P.** Macro and micro wear traces on lithic projectile points. Experimental results and prehistoric samples // Journal of Danish Archaeology. – 1984. – № 3. – P. 19–46.
478. **Flenniken J.J.** The Paleolithic Dyuktai Pressure Blade Technique of Siberia // Arctic Anthropology. – 1987. – Vol. 24, No. 2. – P. 117–132.

479. **Formal definition** and dating of the GSSP (Global Stratotype Section and Point) for the base of the Holocene using the Greenland NGRIP ice core, and selected auxiliary records / M. Walker, S. Johnsen, S. O. Rasmussen, T. Popp, J-P. Steffensen, P. Gibbard, W. Hoek, J. Lowe, J. Andrews, S. Bjorck, L. C. Cwynar, K. Hughen, P. Kershaw, B. Kromer, T. Litt, D. J. Lowe, T. Nakagawa, R. Newnham, J. Schwander // *Journal of Quaternary Science*. – 2009. – № 24 (1). – P. 3–17.
480. **Fuentes R., Ono R., Nakajima N., Nishizawa H., Siswanto J., Aziz N., Sriwigati, Sofian H.O., Miranda T., Pawlik A.** Technological and behavioral complexity in expedient industries: The importance of use-wear analysis for understanding flake assemblages // *Journal of Archaeological Science*. – 2019. – Nr. 112 (105031). – P. 1–14.
481. **Gauvrit Roux E., Teten'kin A.V., Henry A.** Which uses for the Late Glacial microblades of Eastern Siberia? Functional analysis of the lithic assemblage of the lithic assemblage of Kovrizhka IV, level 6 // *Известия Лаборатории древних технологий*. – 2021. – Т. 17, № 2. – С. 9–22.
482. **Gibbard P. L.** Global chronostratigraphical correlation table for the last 2.7 million years / P. L. Gibbard, K. M. Cohen // *Episodes*. – 2008. – Vol. 31, N 2. – P. 43–247.
483. **Gladyshev S., Tabarev A., Olsen J.W.** Origin and evolution of the Late Paleolithic Microindustry in Northern Mongolia // *Current Research in the Pleistocene*. – 2010. – №27. – P. 38–40.
484. **Glascok M.D., Braswell G.E., Cobean R.H.** A Systematic Approach to Obsidian Source Characterization // *Arhaeological Obsidian Studies* / Shackly M.S. Eds. New York and London. Plenum Press, 1998. – P.15-65.
485. **Goebel T.** The «Microblade Adaptation» and Recolonization of Siberia during the Late Upper Pleistocene // *Archeological Papers of the American Anthropological Association*. – 2002. – Vol. 12. – P. 117–131.

486. **Goebel T., Waters M.R., O'Rourke D.H.** The Late Pleistocene Dispersal of Modern Humans in the Americas // *Science*. – 2008. – Vol. 319. – P. 1497–1502.
487. **Goebel T., Slobodin S.B., Waters M.R.** New dates from Ushki-1, Kamchatka, confirm 13,000 cal BP age for earliest Paleolithic occupation // *Journal of Archaeological Science*. – 2010. – No. 37. – P. 2640–2649.
488. **Goffer Z.** *Archaeological chemistry*. – Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, Inc., 2007. – 623 p.
489. **Gómez Coutouly Y.A.** Identifying pressure flaking modes at Dyuktai Cave: a case study of the Siberian Upper Paleolithic microblade tradition // *From the Yenisei to the Yukon: Interpreting Lithic Assemblage Variability in Late Pleistocene/Early Holocene Beringia* / Ed. By Goebel T., Buvit I. – College Station (TX): Texas A&M University Press, 2011. – P. 75–90.
490. **Gómez Coutouly Y.A.** The emergence of pressure knapping microblade technology in Northeast Asia // *Radiocarbon*. – 2018. – P. 1–35.
491. **Gómez Coutouly Y.A., Ponkratova I.Y.** The Late Pleistocene microblade component of Ushki Lake (Kamchatka, Russian Far East) // *PaleoAmerica*. – 2016. – №2. – P. 303–331.
492. **Hayden B.** *Pathways to Power Principles for Creating Socioeconomic Inequalities Foundations of social inequality*. – New York and London: Plenum Press, 1995. –P. 15–86.
493. **Hayden B., Eldridge M., Eldridge A., Cannon A.** Complex hunter-gatherers in Interior British Columbia // *The emergence of cultural complexity*. Edited by T.D.Price, J.A.Brown. – Orlando: Academic Press, Inc, 1985. – P. 181–199.
494. **Holmes C. R.** The Beringian and Transitional Periods in Alaska. Technology of the East Beringian Tradition as viewed from Swan Point // *From the Yenisei to the Yukon* / Goebel T. and Buvit I. (editors). – College Station: Texas A&M University Press, 2011. – 179–191.

495. **Jochim M.A.** Strategies for survival. Cultural behavior in an ecological context. – London: Academic Press, 1981. – 233 p.
496. **Ineshin E.M., Teten'kin A.V.** Prolegomena of the System-Activity Approach in the Problem of Splitting Modelling (upon the findings from the archaeological site Bolshoi Yakor – I // The Journal of Korean Ancient Historical Society. – Seoul, 1995. –vol.#19. – P.193–221.
497. **Ineshin E.M., Teten'kin A.V.** Late Paleolithic and Mesolithic technological variability in the Lower Vitim Valley, Eastern Siberia // From the Yenisei to the Yukon. – College Station: Texas A&M University Press, 2011. – P.58–74.
498. **Ineshin, E.M., Tetenkin A.V.** Humans and the environment in the Late Pleistocene of Northern Baikalian Siberia. Trans. and ed. P. Hommel and N. Reynolds. – Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2017. – 337 p.
499. **Izuho M.** Geoarchaeological investigation at the Upper Paleolithic site of Kamihoronai-Moi, Hokkaido, Japan / M. Izuho, Y. Nakazawa, F. Akai, T. Soda, H. Oda // Geoarchaeology. – 2009. – Vol. 24, Nr. 4. – P. 492–517.
500. **Kılınc G. M., Kashuba N., Yaka R. et al.** Investigating Holocene human population history in North Asia using ancient mitogenomes // Scientific Reports. – 2018. – Vol. 8 (1). – P. 8969.
501. **Kimura H.** Obsidian Humans Technology // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий (материалы международного симпозиума) / Под ред. А.П.Деревянко. – Новосибирск: изд-во ИАиЭТ СО РАН, 1998. – т.2. – С.302–314.
502. **Kolobova K.A., Kharevich V.M., Kharevich A.V., Fedorchenko A.Yu., Bocharova E.V., Kurbanov R., Flas D., Krivoshapkin A.I., Olsen J.W.** Archaeological and experimental studies of splintered pieces in the Central Asian Upper Paleolithic // Archaeological and Anthropological Sciences. – 2021. – Vol. 13, Issue 2. – P. 13–28. doi.org/10.1007/s12520-020-01256-2
503. **Krивonogov, S.K., Takahara, H., Kuzmin, Ya.V., Orlova, L.A., Timothy Jull, A.J., Nakamura, T., Miyoshi, N., Kawamuro, K., Bezrukova, E.V.**

- Radiocarbon chronology of the Late Pleistocene-Holocene paleogeographic events in lake Baikal region (Siberia) // Radiocarbon. – 2004. – No. 2, – P. 745–754.
504. **Kuzmin Y.V., Vetrov V.M.** The earliest Neolithic complex in Siberia: the Ust-Karenga 12 site and its significance for the Neolithisation process in Eurasia // Documenta Praehistorica. – 2007. – Vol. XXXIV. – P. 9–20.
505. **Lazuén T.** Please do not shoot the pianist. Criteria for recognizing ancient lithic weapon use // Journal of Archaeological Science. – 2015. – V. 46. – P. 1–5.
506. **Levi K.G., Mats V.D., Kusner Yu.S., Kirillov P.G., Alakshin A.M., Tolstov S.V., Osipov E.Yu., Efimova I.M., Bak S.** Postglacial Tectonics of the Baikal Rift // Russian Journal of Earth Sciences. – 1998. – Т. 1. – № 1. – С. 59-85.
507. **Lixin W., Sebillaud P.** New discoveries and perspectives on early pottery in northeast Asia – filling the gap of the northeast China Plain // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: мат-лы IX междунар. науч. конф. (г. Улан-Удэ, 10–14 сентября 2018 г.) В 2-х т. Т. 1 / отв. ред. Акад. РАН Б.В. Базаров, чл.-кор. РАН Н.Н. Крадин. – Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2018. – С. 70.
508. **Locke M.** Bone, Ivory, and Horn: Identifying Natural Materials. – Atglen, Pennsylvania: Schiffer Publishing, Ltd, 2013. – 280 p.
509. **Mackie Q., Davis L., Fedje D., McLaren D., Gusick A.** Locating Pleistocene-age submerged archaeological sites on the Northwest Coast: Current status of research and future directions // Paleoamerican Odyssey. – College Station: Texas A&M University Publ., – 2013. – P. 133–147.
510. **Mandal, S., Cooney, G., Meighan, I. and Jamison, D.** Using geochemistry to discriminate the porcellanite sources for stone axe production in Ireland // Journal of Archeological Science, 1997. – №24. – P. 757–763.
511. **Margold M., Jansson K.N.** Glacial geomorphology and glacial lakes of central Transbaikalia, Siberia, Russia // Journal of Maps. – 2011. – Nr. 7. – P. 18–30.

512. **Margold M., Jansson K.N., Stroeven A.P., Jansen J.D.** Glacial Lake Vitim, a 3000-km³ outburst flood from Siberia to the Arctic Ocean // *Quaternary Research*. – 2011. – Nr.76. – P. 393–396.
513. **Margold M., Jansen K.N., Gurinov A.L., Codilean A.T., Fink D., Preusser F., Reznichenko N.V., Mifsud C.** Extensive glaciation in Transbaikalia, Siberia, at the Last Glacial Maximum // *Quaternary Science Review*. – 2016. – No. 132. – P. 161–174.
514. **Margold M., Jansen J.D., Codilean A.T., Preusser F., Gurinov A.L., Fujioka T., Fink D.** Repeated megafloods from glacial Lake Vitim, Siberia, to the Arctic Ocean over past 60,000 years // *Quaternary Science Review*. – 2018. – No. 187. – P. 41–61.
515. **Mayewski P.A., Rohling E.E., Stager J.C., Karlen W., Maasch K.A., Meeker L.D., Meyerson E.A., Gasse F., van Kreveld Sh., Holmgren K., Lee-Thorp J., Rosqvist G., Rack F., Staubwasser M., Schneider R.R., Steig E.J.** Holocene climate variability // *Quaternary Research*. – 2004. – v. 62. – P. 243–255.
516. **Medvedev G.** **Upper Paleolithic sites in South-Central Siberia // Paleolithic of Siberia: New Discoveries and Interpretations.** / Eds. **A.P. Derevyanko, D.B. Shimkin, W.R. Powers.** – Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1998. – P. 122–132.
517. **Mochanov Y.A., Fedoseeva S.A.** Chapter 3. Aldansk: Aldan River Valley, Sakha Republic // *American Beginnings. The Prehistory and Palaeoecology of Beringia*, Edited by West C.F. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1996. – P. 157–214.
518. **Mochanov Y.A., Fedoseeva S.A.** Chapter 4. Berelekh, Allakhovsk Region // *American Beginnings. The Prehistory and Palaeoecology of Beringia*. Edited by West C.F. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1996. – P. 215–218.
519. **Morlan R.E.** Technological Characteristics of Stone Wedge-shaped Cores in North western North America and Northern Asia // *Asian Perspectives*. – 1976. – Nr.19. – P.96–106.

520. **Muller S., Tarasov P.E., Andreev A.A., Tutken T., Gartz S., Diekmann B.** Late Quaternary vegetation and environments in the Verkhoyansk Mountain region (NE Asia) reconstructed from a 50-kyr fossil pollen record from Lake Billyakh // *Quaternary Science Reviews*. – 2010. – No. 29. – 2071–2086.
521. **Muller S., Tarasov P.E., Hoelzmann P., Bezrukova E.V., Kossler A., Krivonogov S.K.** Stable vegetation and environmental conditions during the Last Glacial Maximum: New results from Lake Kotokel (Lake Baikal region, southern Siberia, Russia) // *Quaternary International*. – 2014. – No. 348. – P. 14–24.
522. **Nakazawa Y., Izuhō M., Takakura J., Yamada S.** Toward an understanding of technological variability in microblade assemblages in Hokkaido, Japan // *Asian Perspectives*. – 2005. – Vol. 44. – N 2. – P. 276–292.
523. **Odgaard U.** Paleo-Eskimoic Shamanism // *North Atlantic Studies*. – 2001. – No. 4(1-2). – P. 25–30.
524. **Odgaard U.** Hearth and Home of the Palaeo-eskimos // *Inuit Studies*. – 2003. – No. 27 (1-2). – P. 349–374.
525. **Pitulko V.V., Kuzmin Ya.V., Glascock M.D., Pavlova E.Yu., Grebennikov A.V.** ‘They came from the ends of the earth’: long-distance exchange of obsidian in the High Arctic // *Antiquity*. – 2019. – No. 93 (367). – P. 28–44.
526. **Prentiss W.C., Kuijt I.** The evolution of collectors on the Canadian Plateau // *Complex Hunter-Gatherers. Evolution and Organization of Prehistoric Communities on the Plateau of Northwestern North America*. Edited by W.C.Prentiss and I.Kuijt. – Salt Lake City: University of Utah Press, 2004. – P.49–63.
527. **Rasmussen S.O., Bigler M., Blockley S.P., Blunier T., Buchardt S.L., Clausen H.B., Cvijanovic I., Dahl-Jensen D., Johnsen S.J., Fischer H., Gkinis V., Guillevic M., Hoek W.Z., Lowe J.J., Pedro J.B., Popp T., Seierstad I.K., Steffensen J.P., Svesson A.M., Vallelonga P., Vintner B.M. Walker M.J.C., Wheatley J.J., Winstrup M.** A stratigraphic framework for abrupt changes during the Last Glacial period based on three synchronized Greenland ice-core records:

refining and extending the INTIMATE event stratigraphy // *Quaternary Science Reviews*. – 2014. – No. 106. – C. 14–28.

528. **Reuther J.D., Slobodina N.S., Rasic J.T., Cook J.P., and Speakman R.J.** Gaining Momentum: Late Pleistocene and Early Holocene archaeological obsidian source studies in Interior and Northeastern Beringia // *Late Pleistocene/Early Holocene Beringia*. Edited by Goebel T., and Buvit I. – College Station: Texas A&M University Press, 2011. – P. 270–288.

529. **Richerson P., Boyd R.** Not by Genes Alone. How Culture Transform Human Evolution. – Chicago and London: University of Chicago Press, 2005. – 332 p.

530. **Shchetnikov A.A., Bezrukova E.V., Krivonogov S.K.** Late Glacial to Holocene volcanism of Jom-Bolok Valley (East Sayan Mountains, Siberia) recorded by microtephra layers of the Lake Kaskadnoe-1 sediments // *Journal of Asian Earth Sciences*. – 2019. – No. 173. – P. 291–303.

531. **Shoda Sh., Lucqin A., Yanshina O., Kuzmin Y., Shevkomud I., Medvedev V., Derevianko E., Lapshina Z., Craig O.E., Jordan P.** Late Glacial hunter-gatherer pottery in the Russian Far East: Indications of diversity in origins and use // *Quaternary Science Reviews*. – 2020. – Nr. 229. – <https://doi.org/10.1016/j.quascirev.2019.106124>

532. **Sikora M., Pitulko V.V., Sousa V. et al.** The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene // *Nature*. – 2019. – No. 570 (7760). – P. 182–188.

533. **Sitlivy V., Medvedev G.I., Lipnina E.A.** Les civilisations préhistoriques d'Asie centrale. 1. Le Paleolithique de la rive occidentale du lac Baikal – Bruxelles: Musees Royaux d'Art et d'Histoire, 1997. – 87 p.

534. **Smith H.L., Rasic J.T., Goebel T.** Biface Traditions of Northern Alaska and Their Role in the Peopling of the Americas // *Paleoamerican Odyssey*. – College Station: Texas A&M University, 2013. – P. 105–123.

535. **Schiffer M.B.** Behavioral Archaeology. – New York, San Francisco, London: Academic Press, 1976. – 222 p.

536. **Schiffer M.B.** Formation Processes of Archaeological Record. – Albuquerque: University of New Mexico Press, 1987. – 429 p.
537. **Svensson, A., Andersen, K.K., Bigler, M., Clausen, H.B., Dahl-Jensen, D., Davies, S.M., Johnsen, S.J., Muscheler, R., Parrenin, F., Rasmussen, S.O., Rothlisberger, R., Seierstad, I., Steffensen, J.P., Vinther, B.M.** A 60 000 year Greenland stratigraphic ice core chronology // *Climate of the Past*. – 2008. – №4. – P.47–57.
538. **Tarasov P., Bezrukova E., Krivonogov S.** Late Glacial and Holocene changes in vegetation cover and climate in southern Siberia derived from a 15 kyr long pollen record from Lake Kotokel // *Climate of the Past*. – 2009. – Vol. 5. – P. 285–295.
539. **Testart A.** The significance of food storage among hunter-gatherers: residence patterns, population densities, and social inequalities // *Current Anthropology*. – 1982. – Nr. 23(5). – P. 523–537.
540. **Teten'kin A.V.** Sign, Type, Artifact // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. – 2015. – No. 4(8). – p. 639–648.
541. **Teten'kin A.V, Smith H.L., Henry A.** Archaeological Evidence for the Construction of Features at the Kovrizhka Site, Siberia, during the Pleistocene-Holocene Transition // *PaleoAmerica*. – 2016. – DOI: 0.1080/20555563.2016.1204842
542. **Tian F., Cao X., Dallmeyer A., Lohmann G., Zhang X., Ni J., Andreev A., Anderson P.M., Lozhkin A.V., Bezrukova E., Rudaya N., Xu Q., Herzsuh U.** Biome changes and their inferred climatic drivers in northern and eastern continental Asia at selected times since 40 cal ka BP // *Vegetation History and Archaeobotany*. – 2017. – <https://doi.org/10.1007/s00334-017-0653-8>
543. **Trigger B.G.** A History of Archaeological Thought. – Cambridge University Press, 1990. – 500 p.
544. **Tsydenova N., Piezonka H.** The transition from the Late Paleolithic to the Initial Neolithic in the Baikal region: Technological aspects of the stone industries // *Quaternary International*. – 2015. – Nr. 355. – P. 101–113.

545. **Tsydenova N., Andreeva D., Zech W.** Early pottery in Transbaikal Siberia: New data from Krasnaya Gorka // *Quaternary International*. – 2017. – Nr. 441. – P. 81–90.
546. **Vetrov V.M., Ineshin E.M.** The Most Ancient Ceramics of the Baikal Siberia in the Context of the Traditions of Ceramics of East Asia // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. – 2019. – Т. 64. – Вып. 2. – С. 453–473.
547. **Vetrov V.M., Kuzmin Y.V., Burr G.S.** The Final-Pleistocene Pottery of Siberia: Ust'-Karenga 12 Site Case Study // *Current Research in Pleistocene*. – 2006. – Nr. 23. – P. 49–51.
548. **Wang N., Li Z., Li Y., Cheng H., Huang R.** Younger Dryas event recorded by the mirabilite deposition in Huahai lake, Hexi Corridor, NW China // *Quaternary International*. – 2012. – Vol. 250. – P. 93–99.
549. **Weber A.W., Creaser R.A., Goriunova O.I., Haverkort C.M.** Strontium Isotope Tracers in Enamel of Permanent Human Molars Provide New Insights into Prehistoric Hunter-Gatherer Procurement and Mobility Patterns: A Pilot Study of a Middle Holocene Group from Cis-Baikal // *Prehistoric Foragers of the Cis-Baikal Siberia. Baikal Archaeology Project. Conference (1st: 2002: Banff, Alta.) Prehistoric Foragers of the Cis-Baikal, Siberia: Proceedings of the First Conference of the Baikal Archaeology Project / Andrzej Weber and Hugh Mackenzie, editors.* – Canadian Circumpolar Institute Press, University of Alberta, 2003. – Pp. 133-154.
550. **Weber A.W., Katzenberg M.A.** New evidence for subsistence change in the Cis-Baikal Neolithic and Early Bronze Age // *Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума): В 2 т.* – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 124–130.
551. **Ufimtsev G.F., Skovitina T.M., Kulchitsky A.A.** Rockfall-dammed lakes in the Baikal Region: evidence from the past and prospects for the future // *Natural Hazards*. – 1998. – № 18. – P. 167–183.

552. **Zazzo A. Saliège J.-F.** Radiocarbon dating of biological apatites: A review // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. – 2011. – Nr. 310 – P. 52–61.
553. **Yi Seonbok, Clark G.** The “Duktai Culture” New World Origins // *Current Anthropology*. – 1985. – V. 26, No. 1. – P. 1–20.

Список сокращений

- АН – Академия наук
- БНЦ – Бурятский научный центр
- ВСОРГО – Восточносибирское отделение Русского географического общества
- ГИН – Геологический институт РАН (г. Москва)
- ИА – Институт археологии
- ИАЭТ – Институт археологии и этнографии
- ИГУ – Иркутский государственный университет
- ИИМК – Институт истории материальной культуры
- ИЗК – Институт земной коры
- ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет
- ИРНТУ – Иркутский национальный исследовательский технический университет
- КАЭ ИГУ – Комплексная археологическая экспедиция Иркутского государственного университета
- К.г. – культурный горизонт
- Кал. л.н. – калиброванных (календарных) лет назад
- ЛГУ – Ленинградский государственный университет
- МАЭ – Музей антропологии и этнографии
- МГУ – московский государственный университет
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
- НГУ – Новосибирский государственный университет
- ПАЭ ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР – Приленская археологическая экспедиция Института языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР
- Рад. л.н. – радиоуглеродных лет назад
- РАН – Российская академия наук
- СА – Советская археология
- СО – Сибирское отделение

ЦААПЧ НА РС (Я) – Центр арктической археологии и палеоэкологии
человека Академии наук Республики Саха (Якутия)

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский национальный исследовательский технический университет»

На правах рукописи

Тетенькин Алексей Владимирович

**СРЕДНИЙ ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ – МЕЗОЛИТ СЕВЕРНОГО
ПРИБАЙКАЛЯ**

Том 2
ПРИЛОЖЕНИЯ

Специальность 5.6.3. Археология.

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант
Доктор исторических наук,
Профессор Харинский Артур Викторович

Иркутск – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Приложение 1. Свод археологических памятников среднего позднего палеолита – мезолита Северного Прибайкалья (текстовые материалы).....	1
Часть 1. Памятники Севера Верхней Лены.....	2
Часть 2. Памятники Северного Байкала.....	43
Часть 3. Памятники Верхнего Витима.....	89
Часть 4. Памятники Нижнего Витима.....	142

**Приложение 1. Свод археологических памятников
среднего позднего палеолита – мезолита Северного Прибайкалья
(текстовые материалы).**

Часть 1. Памятники Севера Верхней Лены.

1. Местонахождение Алексеевск-I.

Местонахождение Алексеевск-I расположено на правом берегу р. Лена, на западной окраине пос. Алексеевск в 30 км северо-восточнее г. Киренска, в Киренском районе Иркутской области (рис. 1, 2, 7).

Памятник открыт О.В. Задониным в 1990 г. Раскопки пятна концентрации культурных остатков велись в 1990–1991 гг. и, практически, исчерпали его. Поиски, предпринимаемые в последующие годы, результата не дали. Публикация материалов состоялась в 1996 году (Задонин О.В., 1996).

Алексеевск-I расположен в пределах зоны сочленения северо-восточной окраины Лено-Ангарского плато, Тунгусской синеклизы и Предбайкальской депрессии. В геоморфологическом отношении площадь памятника приурочена к выположенной оконечности склона правого борта долины р. Лены с отметками 11–14 м от уреза реки (рис. 8.1). Площадь вскрытых в 1990–1991 гг. отложений составила 135 кв. м. Выявлена следующая стратиграфия (Задонин О.В., 1996, с. 23–24) (рис. 8.2):

Сверху вниз

1. Серовато-бурая супесчано-суглинистая пачка. В подошве оглеенная, трещиноватая при высыхании. На контакте с подстилающими отложениями прослежен горизонт концентрации гумусовых остатков. Мощность до 0,75 м.
2. Лессовидный высококарбонатный легкий-средний суглинок. При высыхании имеет тенденцию к вертикальному растрескиванию. Отмечены зоны концентрации карбонатов. Мощность до 0,9 м.
3. Переслаивающийся светло-коричневый средний суглинок, бурая супесь, серый среднезернистый песок. Отчетливо прослежены

структуры облекания, скольжения, сплыва, ситуации «размыва» подстилающих отложений. Предполагаемый генезис – солифлюкционный. Мощность до 0,4 м.

4. Комковатый пористый коричневый средний суглинок с редкими включениями выветрелых фрагментов песчаника. **В кровле выявлено залегание артефактов.** В кровле фиксируются ситуации отмыва фрагментов суглинка линзами («языками») и перемещение их вниз по склону с амплитудой – десятки сантиметров – 1-2 метра. Механический состав, наличие почвенной структуры, насыщенность органикой – позволили предположить, что данный седимент является своеобразной палеопочвой, кровля которой солифлюцирована. Мощность до 0,80 м.
5. Тонкослоистые зеленовато-бежевые суглинки. Мощность до 0,55 м.
6. Светло-коричневый пористый легкий суглинок. Кровля подчеркнута гумусовым горизонтом. Мощность до 0,20 м.
7. Параллельно слоистые желтовато-серые средне-крупнозернистые пески, переслаивающиеся с прослойками бежевого пылеватого суглинка. Залегание пологонаклонное, вниз по склону. Вскрытая мощность до 0,8 м. В обнажениях строительных котлованов видимая мощность пачки достигает 2,5 м.

Культурные остатки залегали в кровле слоя 4.

На основе почвенно-химических анализов образцов, отобранных из разреза, выявлено развитие процессов почвообразования в слоях 4–6 (Н.И. Гранина, Н.В. Вашукевич, Иркутский госуниверситет). Эта пачка была отнесена О.В. Задониным к каргинскому интерстадиалу (МИС 3). Слой 3 как солифлюкционный отнесен раннесартанскому времени (МИС 2). Высококарбонатный слой 2 – к поздне-сартанскому времени. Пачка слоя 1 имеет, соответственно, голоценовый возраст. Стратиграфически, таким образом, культурные остатки залегали в кровле каргинских отложений. Не противоречили этому выводу фаунистические находки, которые О.В. Задонин

разделял на «кухонные остатки», имеющие культурный контекст, и фаунистические остатки, залегающие в условиях естественного погребения. Среди «кухонных остатков» И.Е. Гребневым (Иркутский госуниверситет) были определены олень, косуля, мамонт и, предположительно, благородный олень. Солифлюкционные процессы стадии формирования слоя 3 затронули и кровлю слоя 4. Движение по склону имело блоковый характер. Из линзы смещенного таким образом кострища, содержащего жженые фрагменты костей и артефакты, была получена радиоуглеродная дата 22415 ± 480 л.н. (JЕ-3931) (Задонин О.В., 1996, с. 24). Ей соответствует календарный возраст ок. 27,5–25,8 тыс. л.н. Автор исследований О.В. Задонин относил на основе датировки и стратиграфической позиции комплекс культурных остатков к концу каргинского термохрона, конкретно, к липовско-новоселовскому потеплению. В 2020 г. получены даты: по кости северного оленя 22550 ± 150 л.н. (Poz-120204), по кости снежного барана 24200 ± 180 л.н. (Poz-120205), по кости лошади 33200 ± 600 л.н. (Poz-120207). Первые две даты близки к радиоуглеродному определению, полученному ранее.

Обработка палеонтологических остатков показала присутствие костей трех видов копытных млекопитающих, ископаемой лошади, северного оленя и снежного барана. Все определимые остатки единичны. Помимо млекопитающих определены также единичные остатки птицы. Большое количество неопределимых остатков (94,7 %) характерно для мест локализации хозяйственной деятельности древнего человека. Все три обнаруженных вида являются промысловыми для палеолитических обитателей Восточной Сибири.

Северному оленю принадлежали фрагменты рогов, лопаточной и большой берцовой костей, второй фаланги. В основном все они (кроме лопаточной) являются малоценными в пищевом отношении и обычно характерны для кратковременных охотничьих лагерей (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010). Кроме того, на фрагменте рога имеются следы искусственных воздействий: забитость нижнего края и поперечные насечки на

отростке. Определимые остатки снежного барана относятся к дистальным отделам конечностей. Очень характерный элемент для разделочных лагерей охотников – голеностопный сустав. Анатомическая целостность этого сустава обеспечивается особенностями разделки, сустав выбрасывался как малопитательный элемент. Хорошая сохранность обеспечивается также замковым соединением костей. Размеры снежного барана из Алексеевска-1 входят в размах изменчивости толсторогов позднепалеолитического комплекса окружающих территорий и довольно близки размерам современного кодарского толсторога. Прямые датировки по остаткам северного оленя и снежного барана показывают очень близкие значения (Табл. 1), и не противоречат первой датировке по углю. Таким образом, они вполне могут относиться к одному эпизоду обитания. Остатки ископаемой дикой лошади были представлены также малоценным в питательном отношении нижнечелюстным фрагментом. Заметно более древняя датировка может быть объяснена разными причинами. Среди них такие, как переотложение материала из более ранних слоев или искусственное попадание в слой принесенного людьми объекта.

Разница в полученных датах также подтверждает и различия в составе фаун каргинского и сартанского времени. Лошади (наряду с бизонами) были доминирующей группой на территории Иркутского амфитеатра в каргинское время (Клементьев А.М., 2013), а северный олень – в сартанское (Ермолова Н.М., 1978).

Раскопochная площадь составила 100 кв. м. Коллекция артефактов насчитывает 647 ед. Субстратом для расщепления были гальки кремня и микрокварцита. Изделия представлены нуклеусами, пластинами с ретушью и неретушированными, скребловидными формами, проколками, чопперами и др. Группа нуклеусов состоит из 14 экземпляров. Наиболее устойчивыми, выработанными формами являются монофронтальные одноплощадочные грубопризматические нуклеусы – девять экземпляров. Для них «характерны фронтальная уплощенность, скошенность площадок, оформленных одним

сколом, либо сохраняющих галечную корку, отсутствие следов предварительной подготовки фронта, наличие на поверхности фронта негативов снятий пластинок неправильных очертаний средних размеров (4–2,5 × 1,5–0,5 см)» (Задонин О.В., 1996, с. 24–25). Получено 8 аппликативных блоков. На их основе зафиксирован прием рассечения исходной заготовки – гальки на несколько сегментов и изготовления на полученных отдельностях нуклеусов и орудий, подживление ударной площадки фронтальным сколом (рис. 8.6,10). Общим случаем является выбор в качестве фронта слабовыпуклого широкого, не торцового фаса желвачной или галечной заготовки. Высота фронта варьирует в размерах от 2,0 до 4,4 см. Ударная площадка образует остроугольное ребро в сопряжении с фронтом. Для нее либо подбирались преформа с естественными поверхностями соответствующих параметров (рис. 8.11), либо площадка формировалась поперечно-диагональным рассечением гальки, всегда образующим острое ребро (рис. 8.6), либо готовилась сколами с фронтального фаса (рис. 8.5,9,10). В последнем случае мелкие негативы придавали ей фасетированный облик (один экземпляр). Во всех остальных случаях площадка плоская, нефасетированная. Важно отметить наблюдаемый во всех случаях такой прием как подбор карнизов нависания на фронте скалывания. Негативы подборки карнизов нависания мы видим на двух подживляющих сколах, входящих в один аппликационный блок (рис. 8.10). Стереотипность этих параметров морфологии нуклеуса, этого способа расщепления поддерживается еще одной формой, апплицированной к нуклеусу (рис. 8.6). Она изготовлена из второй половины сбитой поперечным ударом гальки-преформы. Морфология площадки и фронта скалывания у этого изделия аналогичны таковым у нуклеуса. Лишь короткий фронт, давший снятия длиной 1,5 см и менее, побудил О.В. Задонина определить это изделие как скребок высокой формы. Один из таких нуклеусов находится в самой начальной стадии расщепления, которое стартовало со скалывания трех пластинок с правого (если смотреть на нуклеус сверху) края на левый.

Сработанным вариантом такого мелкопластинчатого нуклеуса является бифронтальный полюсной двухплощадочный экземпляр (рис. 8.5). Была попытка продлить эксплуатацию удачного нуклеуса оформлением рабочего ребра расщепления по антитезе: новый фронт на контрфронте и новая ударная площадка на дистальном конце.

Пластины как продукт мелкопластинчатого расщепления вышеописанных нуклеусов, составляют 212 экземпляров или 28% от общего числа находок. Одиннадцать экземпляров пластин имеют маргинальную ретушь, и они являются самой представительной группой орудий. Вместе с нуклеусами эта серия пластинок образует единой технологический контекст. Семнадцать пластинок апплицированы к нуклеусам. Блоки насчитывают от 1 до 6 подобранных к фронту пластинок. Они наглядно демонстрируют призматический принцип расщепления: параллельное скалывание по объемному фронту, снятие каждой предшествующей пластины обеспечивает геометрию последующей. Пластинки двух-трехгранные, с неровными краями, с точечной ударной площадкой (рис. 8.7,13–16). Проксимальные сегменты также, как и фронты нуклеусов несут негативы подбора карнизов. Изделия из пластин оформлены краевым ретушированием (рис. 8.7,13–16): а) вдоль всей длины маргинала, б) на части маргинала, в) на поперечном проксимальном, либо дистальном краю, г) комбинированно в сочетании вышеуказанных признаков. В том числе на проксимальном и дистальном конце ретушно выделен шип проколки (рис. 8.4,16). Среди пластин выделяются несколько экземпляров (более 5 ед.) большими размерами: длиной 5,2–7,2 см и шириной 1,5–2,6 см, очевидно, снятые с более крупных нуклеусов. Они также ретушированы краевой ретушью по маргиналам. На одной крупной пластине оформлен шип проколки (рис. 8.4). Расщепление призматических нуклеусов, производство мелких пластинок, орудийное их использование составляют первый и основной технологический контекст стоянки Алексеевск-І.

Следующий технологический контекст составляют галечные нуклеусы параллельного принципа расщепления, составляющие серию из четырех

нуклеусов. Это подкубовидные валунчики высотой 6,0–10,5 см и шириной 5,4–8 см, сохраняющие галечную корку на всех плоскостях кроме фронта. Плоскость ударной площадки несет негативы только у края ударного ребра. Негативы отщеповых снятий, в том числе удлинённых пропорций.

Еще одной формой галечного расщепления являются два чоппера, однотипных друг другу. Их лезвия оформлены широкими отщеповыми снятиями поперек уплощенной гальки, причем, ориентированы таким образом, чтобы в качестве пятки иметь окатанный угол гальки (рис. 8.3). По этим признакам оба предмета отнесены не к нуклеусам, а к группе орудий, но ряд других подобных артефактов О.В. Задонин рассматривал как нуклеусы (Задонин О.В., 1996, с. 25).

Среди фрагментов костей есть один предмет со следами обработки. Это фрагмент рога северного оленя со следами надрубов на глазничном отростке.

Культурно-типологическая корреляция каменной индустрии

Алексеевска-I.

О.В. Задонин указывал на наибольшее сходство индустрии Алексеевска-I с Усть-Ковой (поздний комплекс 3-го к.г.), Мальтой, Буретью, Ачинском и отмечал контрастное отличие от дюктайской культуры Якутии (Задонин О.В., 1996, с. 25).

Беря во внимание мелкопластинчатое производство и ретушированную пластинку как основную орудийную форму, с этими выводами нельзя поспорить. Однако, имеет смысл рассмотреть аналогии для второй технологической группы макронуклеусов и привлечь для морфо-типологической корреляции памятники Верхней Лены – для того, чтобы сформировать местный палеолитический дискурс для севера Верхней Лены. Крупные галечные нуклеусы параллельного принципа расщепления для получения удлинённого отщепа, прото- или грубопризматические, являются характерной формой для индустрии опорного памятника раннего верхнего палеолита Верхней Лены Макарово IV (Аксенов М.П., 2009, рис. 11–22). Ведущей формой они являются и на Макарово III (Аксенов М.П., 2009, рис.

55–59). На Балышово III, памятнике сартанского возраста также наличествуют формы грубопризматического расщепления галек (Задонин О.В., Хомик С.Н. и др., 2014, с. 22). В этой траектории описываемые нуклеусы следует признать как характерный элемент ленского палеолита.

Такой прием как сбивание узкого конца гальки ударом сбоку для оформления ударной площадки встречен на Балышово III, весьма характерен и для Чайки II (рис. 23), памятника севера Верхней Лены с палеолитическим горизонтом возрастом около 17,8 тыс. кал. л.н. / 14,7 тыс. рад. л.н.

На Чайке II есть аппликационный блок, демонстрирующий оформление на сработанном нуклеусе второго фронта скалывания по антитезе, т.е. с противоположного конца по противоположному фасу, аналогично таковому нуклеусу на Алексеевске-I (рис. 20). Нуклеусы для производства мелких призматических пластин близкие по морфологии, т.е. по параметрам ориентации фронта на широком слабовыпуклом фасе преформы, рабочего ребра ударной площадки, грубопризматическим нуклеусам Алексеевска-I встречены на Балышово III (рис. 15.6). Выразительный аппликационный блок конического грубопризматического нуклеуса, демонстрирующий несколько циклов подготовки площадки – скалывания пластин, есть на Чайке II (рис. 22) (Инёшин А.В., Задонин О.В. и др., 2019, с. 7). Таким образом, во-первых, на севере Верхней Лены на протяжении Алексеевска-I, Балышово III, Чайки II, т.е. ок. 27–17 тыс. рад. л.н. / 22–14 тыс. рад. л.н. существовала традиция параллельного, грубопризматического макрорасщепления крупных объемных галечных нуклеусов, вероятно, как наследие ленского раннего верхнего палеолита; во-вторых, существовала традиция техники мелкопластинчатого призматического расщепления. На Алексеевске-I, Балышово III еще без сопровождения нуклеусами торцово-клиновидными, на Чайке II уже с ними.

2. Местонахождение Балышово III

Местонахождение Балышово III открыто О.В. Задониным в 1988 г. (Задонин О.В. и др., 2014) Оно расположено в 700 м западнее с. Балышово, приурочено к восточному склону выположенного в современном рельефе

увала левого борта долины с относительными отметками 17–22 м и ограничено с юга круто обрывающимся к реке уступом склона, с востока и запада – логами (рис. 1, 2, 7, 9).

Раскопом вскрыт полный профиль рыхлых отложений на глубину до 3 м, залегающих на цоколе. Кровля цоколя подвержена полигональному растрескиванию. На поверхности блоков и в трещинах зафиксированы хорошо окатанные гальки кварцитовых пород, часть галечника эолово-коррадирована. Общая вскрытая площадь – 62 кв. м.

Рыхлые отложения представлены тремя пачками (рис. 9), сверху вниз:

1. Супесчано-суглинистая сильно гумусированная пачка бурого цвета, кровля горизонта нарушена перепашкой (НЛпах).

2. Высококарбонатная лессовидная супесь, в средней части и в подошве прослежены опесчаненные горизонты, кровля разбита морозобойными трещинами меньшей мощности, чем отмеченные для нижней генерации трещин. Фиксируется определенное наложение полигональной сети трещин верхней и нижней генераций. На контакте пачки 2 и 3 зафиксирован горизонт гумусированного среднего суглинка, имеющего почвенную структуру (погребенная почва) культурный горизонт 2. Мощность пачки до 1,2 м.

3. Параллельнослоистые пески, супеси желтого и серого цвета с прослойками галечных линз в подошве. Кровля толщи разорвана мощными криогенными трещинами, проникающими на глубину до 1,5 м, заполненными темно-серой средней супесью, видимая мощность до 1,5 м.

Палинологический анализ показал присутствие в горизонтах 2 и 3 единичных зерен березы и сосны (определения А.Д. Попялковской).

Голоценовый возраст пачки 1 подтверждается находками в ее средней части единичных фрагментов неолитической керамики и немногочисленных каменных изделий того же периода – культурный горизонт 1.

Литологически пачка 2 может быть сопоставлена с широко представленными на территории юга Средней Сибири отложениями средне-позднесартанского времени, характерной особенностью которых является

ярко выраженная карбонатность и лессовидность (Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири, 1990).

Возраст формирования песчаной пачки проблематичен. Археологический материал приурочен к горизонту погребенной почвы. Раскопом вскрыт участок погребенной почвы, содержащий культурные остатки 2-го культурного горизонта. Выяснено, что современный рельеф в деталях наследует палеомикрорельеф. Культурный слой плавно понижается к тальвегу лога. На 6 м перепад составляет 0,4 м. По кости из культуросодержащего слоя в разных лабораториях радиоуглеродного датирования были получены три датировки: 11260 ± 300 (ИМ-1077), 17000 ± 300 (ГИН-7068), 25079 ± 940 (ЛЕ-3950). Во всех анализах отмечалось значительное обогащение образцов мертвым бензолом. Учитывая стратиграфическую позицию комплекса артефактов (в подошве позднесартанских отложений (Sr4-3) и состав сопровождающих фаунистических остатков, представляется наиболее приближенной к реальному возрасту стоянки датировка, полученная в Геологическом Институте РАН.

Среди фаунистических остатков И.Е. Гребневым и А.А. Хамзиной определены северный олень (*rangifer tarandus*), лошадь (*equus caballus*), бизон (*bison sp.*), шерстистый носорог (*coelodonta antiquitas*), в единственном экземпляре зафиксирован небольшой фрагмент бивня мамонта (*mammuthus primigenius*).

Культурные остатки основного, 2-го культурного горизонта по площади раскопа распределены неравномерно. Они концентрируются в два неравнозначных по характеру и размерам скопления. Аппликационные связи смонтированных блоков не выходят за пределы скопления, что, в частности, подтверждает инситуальность культурных остатков.

Коллекция изделий из камня насчитывает 839 экземпляров. В ней представлены нуклеусы и их преформы, скребки, пластины и отщепы с ретушью, пластины, отщепы и сколы различных модификаций. Субстрат

расщепления – галька кремнистая, кварцитовая, эффузивных пород (Задонин О.В., 1990, с. 118).

Нуклеусы и их заготовки – 12 экз. Монофронтальные, фронт, как правило, размещен на узкой стороне галечной заготовки. Два экземпляра двухплощадочные (рис. 11, СВЛ-13.1), остальные – одноплощадочные. Подготовка нуклеусов к расщеплению ограничивалась оформлением площадки (угол близкий 90 град.). Поверхность фронта не подготавливалась. Аппликативный метод позволил восстановить несколько своеобразных приемов изготовления и переоформления в процессе расщепления нуклеусов: 1) зафиксирован прием рассечения исходной гальки-заготовки на несколько фрагментов, на одном из которых в дальнейшем оформлялся нуклеус (рис. 11). Этот прием во многом напоминает технические операции, отмеченные при анализе коллекции местонахождения Алексеевск I (Задонин О.В., 1996); 2) Выявлено наличие двух циклов расщепления, сопровождающихся сменой расположения площадок и фронта на поверхности нуклеуса (рис. 10). В этом последнем случае благодаря аппликационной сборке установлено, что после отказа от расщепления с первоначального фронта его сторона была преобразована в ударную площадку для второго, нового фронта. Сделано это было снятием нескольких сколов с дистального конца нуклеуса (рис. 10.4,5,6). Затем новый фронт был ориентирован от дистального конца по контрфронтну предыдущей стадии нуклеуса. К новому фронту апплицировано три пластинчатых снятия (рис. 10.7,8,9). Это короткие пластинки длиной 2,2-2,8 см и шириной 0,6–1,0 см, с краями неправильной формы.

В целом зафиксированные на вскрытом участке местонахождения Балышово III нуклеусы оставлены на начальных стадиях расщепления, что затрудняет проведение с ними сравнительных операций.

Скребки – 4 экз. Выполнены на отщепах, причем три из них сохраняют на дорсальной поверхности галечную корку. Один экземпляр – однолезвийный с сильно залощённым рабочим краем (рис. 14.6). Два изделия выполнены на массивных галечных отщепах (рис. 15.7,8). Общим для них

является наличие зубчато-выемчатого, оформленного крупными нерегулярными снятиями рабочего края. Единственным экземпляром представлен двулезвийный скребок. Форма его рабочих краев – выпуклая (рис. 14.5).

Пластины с ретушью – 2 экз. Один из них – это двухгранная, массивная, прямая в профиль пластина с притупливающей крутой ретушью по правому краю (рис. 16.1). 2) Медиальный сегмент полупервичной пластины с оформленной ретушью выемкой на правом маргинале (рис. 14.2).

Отщепы с ретушью – 2 экз. Отщепы случайной формы с участками локальной ретуши (рис. 15.1,5).

Пластины – 44 экз. Доминируют в основном целые пластины и проксимальные сегменты. Ширина – 0,7–1,2 см (Рис. 15.2,3).

Отщепы и осколки различной конфигурации и параметров занимают 92% коллекции – 775 экз.

Доминирование в составе каменного инвентаря продуктов расщепления и нуклеусов подтверждает вывод о том, что раскопом вскрыт (частично?) участок стоянки со специализированной производственной функцией – площадка по подготовке и оформлению заготовок нуклеусов и их расщеплению.

Единственным предметом костяной индустрии является фрагмент остроконечника плохой сохранности (рис. 12.4).

Скупой типологический набор орудий коллекции 2-го культурного горизонта, к сожалению, не позволяет проводить широкие и глубоко обоснованные корреляции. По отдельным элементам техники расщепления и оформления орудий материалы Балышово III находят некоторые аналоги в инвентарном комплексе Алексеевска (Задонин О.В., 1996). Все нуклеусы галечные, параллельного принципа расщепления, площадка, как правило, скошенная к контрфронт, подготовленная фронтальными сколами. Фронт предварительно не подготавливался. Снятия с нуклеусов – короткие пластинчатые, с неровной огранкой краев. Имеющиеся изделия изготовлены

из отщепов и пластинчатых снятий краевой ретушью. В целом очень похожими оказались аппликационные блоки галечных нуклеусов местонахождения Чайка II под Усть-Кутом (Инёшин А.В. и др., 2019).

На данном этапе изученности объекта следует констатировать отсутствие бифасиальных форм, а также такого важного культурно-типологического маркера как клиновидные микронуклеусы. В районах северного Приленья наиболее раннее присутствие последних отмечено на стоянке Бамовская (Краснощеков В.В., 2009). Возраст последней по единственной радиоуглеродной дате определяется около 22,2 тыс. кал. л. н. / 18,4 тыс. рад. л. н. Первоначально комплекс 2 к. г. Балышово III был датирован финалом плейстоцена (Задонин О.В., Инёшин А.В., Хомик С.Н., 1990). Однако, учитывая имеющиеся более древние радиоуглеродные даты около 17 и 25 тысяч лет назад (из которых более валидна первая, имеющая меньший допуск погрешности, полученная в ГИНе), стратиграфическую позицию в подошве карбонатизированной супеси, ниже уровня заложения криогенных трещин, и соображения технико-типологического порядка (прежде всего, отсутствие признаков микропластинчатого расщепления), скорее всего, следует согласиться с отнесением автором раскопок О.В. Задониным 2-го культурного горизонта Балышово III к первой половине сартанского оледенения.

3. Стоянка Бамовская

Местонахождение Бамовская находится в среднем течении р. Киренга, правого притока верхней Лены (рис. 1, 2, 7). Памятник открыт В.В. Краснощековым в 2007 г. близ пос. Улькан (Казачинско-Ленский район Иркутской области), на правой приустьевой части р. Улькан, правого притока р. Киренги (рис. 17.1) (Краснощеков В.В., 2009). Культурные остатки выявлены на выположенной части склона борта долины высотой 20–25 м. На базе одного из шурфов с археологическим материалом был развернут раскоп площадью 16 кв. м. Выявлена следующая стратиграфия (рис. 17.6):

«1Ад. – Дерново-почвенный горизонт – темно-серая супесь с преобладанием органических остатков и с угольками. Мощность – 0,04–0,09 м;

1АВ. – Горизонт серой супеси с угольками. Мощность – 0,07–0,10 м;

2 – Горизонт светло-коричневой средней супеси с угольками в кровле и прослойками ожелезнения в подошве. Мощность – 0,2–0,23 м;

3 – Горизонт желто-коричневой легкой супеси с угольками, с прослойками ожелезнения в подошве. Мощность – 0,35–0,48 м;

4 – Горизонт коричневой средней супеси с прослойками ожелезнения в подошве. Мощность – 0,14–0,62 м;

5 – Горизонт серо-коричневой средней супеси с карбонатными новообразованиями в подошве. Мощность – 0,05–0,61 м;

6 – Горизонт карбонатной светло-коричневой легкой супеси с почвенными образованиями и культурными остатками. Мощность – 0,04–0,81 м;

7 – Горизонт сероватой карбонатизированной легкой супеси. Мощность до 0,24 м» (Краснощеков В.В., 2009, с. 243–244).

Культурные остатки выявлены в слое 6 – карбонатизированной светло-коричневой легкой супеси на глубине 1,4–1,6 м. Культуровмещающий включал каменные и артефакты с разносом до 15 см по вертикали, костные остатки, костные и древесные остатки, кусочки охры. По фрагментам древесных углей получена дата 18370±340 л.н. (СОАН-6910). Найденные в культуросодержащем слое костные остатки не определимы. Выше по склону найден фрагмент корня зуба шерстистого носорога (*Coelodonta antiquitatis*) (определение А.М. Клементьева, ИЗК СО РАН). Коллекция артефактов из камня состоит из 420 единиц. Преобладает серый желвачный кремль (369 ед.), присутствуют также изделия из цветного кремня (26 ед.), халцедона (16 ед.), эффузивных пород (8 ед.), яшмы (1 ед.) (Краснощеков В.В., 2009, с. 245). Среди изделий представлен один клиновидный микропластинчатый нуклеус (СВЛ-Бам-23.2). Это сработанный экземпляр с высотой фронта более 3 см и

длиной ударной площадки более 1 см. Преформа нуклеуса бифасиальная. Сохранилось дугообразное ребро контрфронта, сходящееся с фронтом в дистальной точке. Ударная площадка несет один негатив последнего оформления. Около трети коллекции составляют предметы микропластинчатой индустрии – целые и фрагментированные микропластины, со следами использования и без следов, технические сколы оформления и подживления не менее 8 клиновидных нуклеусов (Рис. 18.12-16,19-22,25-28). Изделия из отщепов и мелких пластинчатых сколов представлены 5 резцами с резцовыми сколами на острых углах, 1 трансверсальным резцом, 2 долотовидными изделиями, 1 скребком, 2 комбинированными изделиями (скребками?), 1 отщепом с ретушью. Среди микропластин есть проколка, оформленная на дистальном конце сегмента (Рис. 18.26). Ряд микропластин несет следы вкладышевых охотничьих орудий, в том числе негативы сколов, ошибочно отнесенных В.В. Краснощековым к резцовым на микропластинах (рис. 18.15,20) (Краснощеков В.В., 2009, с. 244–245, рис. 1, 2).

В.В. Краснощеков рассматривает комплекс стоянки Бамовская в контексте донеолитической археологии севера Верхней Лены: местонахождений Алексеевск I, Балышово III, Вешний Ручей I, Любавская I (Краснощеков В.В., 2009, с. 245–246), помещая Бамовскую между Алексеевском I и Балышово III и обсуждая два технологических контекста. Сопоставляя с вышеназванными стоянками, автор рассматривает контекст производства мелких пластинок неправильных очертаний средних размеров с грубопризматических нуклеусов. На стоянке Бамовской этот контекст присутствует в виде нескольких соответствующих снятий. Второй контекст, основной для Бамовской, – производство микропластин с клиновидных нуклеусов. В долине северной части верхней Лены он представлен на Вешнем Ручье и, добавим от себя, Чайке II – 2 к.г. При этом радиоуглеродный возраст около 18,4 тыс. л.н. ставит стоянку Бамовскую в статус одной из наиболее ранних, содержащих клиновидные нуклеусы и микропластины не только на

севере Верхней Лены, но и в целом в западной части Прибайкалья. В этой связи следует обратить внимание на характер датирующего образца. Речь идет о культуровмещающем слое темно-серой супеси с разносом артефактов по вертикали до 15 см, с многочисленными включениями древесных и костных углей. В этой характеристике она может быть определена как погребенная почва, а культурные остатки как в неизвестной степени перемещенные и неинситуальные. В.В. Краснощеков отмечает промежуточное положение культуровмещающего слоя, залегающего ниже кровли финальносартанских карбонатизированных супесей и выше отложений, сопоставимых с раннесартанскими, с предполагаемой автором среднесартанской датировкой (Краснощеков В.В., 2009, с. 245). В этой связи, не ставя в целом под сомнение культурно-типологическую оценку и хроностратиграфическое определение возраста Бамовской, мы полагаем, что радиоуглеродное датирование с целью уточнения возраста должно быть продолжено, и вероятна его корректировка. В качестве еще одного типологически значимого элемента стоит выделить трансверсальный резец. Вместе с клиновидными нуклеусами они характерны для нижнего комплекса Красного Яра I (радиоуглеродный возраст около 19,0 тыс. л.н.), и 2-го донеолитического горизонта Курлы I–VII (радиоуглеродный возраст около 13 тыс. л.н.). В этой возрастной вилке находится возраст стоянки Бамовской.

4. Чайка II

История изучения местонахождения Чайка II

Местонахождение Чайка II было открыто в 1990 г. А.В. Инёшиным, руководителем Археологического клуба Усть-Кутского дома пионеров (Инёшин А.В. и др., 2019). Первый подъемный материал был найден в береговом обнажении по правому берегу реки Лены, в 3-х км ниже впадения р. Куты, возле пионерского лагеря «Чайка» (рис. 1, 2, 7, 19). С западной стороны лагеря, в край террасы была заложена врезка площадью 8 кв. м (рис. 19). На глубине 2,70 м зафиксированы культурные остатки палеолитического периода (Инёшин А.В., Тирских Е.Ю., Карнаухова О.М., 1991). Данный

памятник примыкает к обрыву, который постоянно осыпается, поэтому к моменту открытия он уже был частично разрушен: часть археологического материала ушла в обрыв и была утеряна.

В 1992 г. сотрудники Центра по сохранению историко-культурного наследия (ЦСН) г. Иркутска О.В. Задонин, М.П. Аксенов, С.Н. Пержаков, М.Ю. Семин, В.В. Краснощеков проводили дополнительные исследования по установлению границ памятника Чайка II. Было вскрыто еще 16 кв. м, общая площадь раскопа составила 24 кв. м. Кроме этого, были заложены 4 шурфа (2×1 м) на расстоянии 50–200 м в глубину от берегового обнажения на прилегающей придолинной поверхности. Тогда было выявлено залегание культурных остатков в эрозионной части берегового обнажения и отсутствие их в шурфах на площади, расположенной выше и вглубь от берегового обнажения (рис. 19.3).

В течение последующего периода времени 1992–2013 гг. местонахождение Чайка II периодически осматривалось А.В. Инёшиным и руководимыми им школьниками г. Усть-Кут, а также специалистами ЦСН С.Н. Пержаковым, С.А. Дзюбасом, А.В. Луньковым, А.В. Краснощековым и др. (в рамках программы мониторинга). Первая публикация о памятнике появилась в 1991 г. (Инёшин А.В., Тирских Е.Ю., Карнаухова О.М., 1991). К сожалению, после трагического ухода из жизни О.В. Задонина в 1996 г., а затем и А.В. Инёшина в 2015 г., результаты исследований Чайки II не были полноценно введены в научный оборот. Особенно ценны результаты изучения ее палеолитического комплекса. В 2011 и 2012 гг. аппликационные сборки представлены Е. Наумовым, учеником А.В. Инёшина и Т.М. Инёшиной, на межрегиональных краеведческих конференциях школьников в Иркутске в 2010 г. и 2012 г., на российской конференции школьников «Открытие» (Наумов Е., Инёшина Т.М., Инёшин А.В., 2010; Наумов Е., Инёшина Т.М., Инёшин А.В., 2012; Наумов Е., Инёшина Т.М., 2012).

Наиболее важным результатом последнего этапа истории исследований Чайки II стало применение метода аппликации каменных артефактов.

Аплицировались материалы, происходящие не только из культуросодержащих отложений, но и из подъемных сборов разных лет. За все годы исследования собрана коллекция из 324 экз. Из них около 50 предметов – это сборы подъемного материала из берегового обнажения.

*Геолого-геоморфологическая, геостратиграфическая характеристика
Усть-Кутского участка долины р. Лены*

Месторасположение стоянки Чайка II, приурочено к горно-таежным массивам с наличием крупных водотоков и хорошо разработанных речных долин р. Куты, р. Якурим и более мелких притоков. На схеме структурно-геоморфологического районирования Восточно-Сибирской возвышенной платформенной равнины исследуемый участок долины р. Лены расположен в северо-восточной части Верхоленского сводообразного поднятия (плато) (Атлас Иркутской области, 2004. с. 18). Плато имеет форму уплощенного купола длиной до 500 км и шириной до 250 км и относительной высотой 500–900 м. Абсолютные высоты плато постепенно возрастают с юго-запада на северо-восток, достигая максимальных отметок в бассейне р. Орлинги (до 1464 м).

Верхоленское сводообразное поднятие (плато) – положительно унаследованная морфоструктура, со сложной геологической историей. В кристаллическом цоколе платформы ей соответствует древний жесткий архейский массив, ограниченный со всех сторон зонами дробления и разломов. Разнонаправленный характер движения этого массива предопределен сложной историей становления морфоструктуры плато, значительной расчлененностью рельефа, спецификой формирования современных речных долин, особенностью их геоморфологических характеристик.

Плато отчетливо распадается на два самостоятельных валлообразных поднятия северо-восточной ориентации, разделенных линейным прогибом. Северный (Усть-Кутский) блок имеет более высокие абсолютные отметки, активнее расчленен, характеризуется относительно меньшим развитием чехла

рыхлых отложений на бортах речных долин. Глубина вреза достигает в бассейнах Орлинги и Лены 600–1000 м (Воскресенский С.С., 1962). Рекам данного региона свойственны каньонообразные долины. Они обычно хорошо разработаны, имеют довольно пологий продольный профиль, большей частью ассиметричны, почти лишены террасирования, за исключением узких серповидных участков сохранившихся в устьевых участках боковых притоков, на обрамлении крупных излучин.

Большая часть территории Усть-Кутского района занята реками Ленского бассейна и дренируется системой рек 3–4 порядка. Для этого района характерна высокая расчлененность рельефа. Здесь развиты горные породы и отложения архея и протерозоя (кристаллический фундамент, вендский комплекс), палеозоя (кембрийская и ордовикская системы) и кайнозоя (аллювиальные и делювиальные образования четвертичного возраста) (Оценка воздействия на окружающую среду, 2001. с. 73).

Отложения четвертичной системы (Q) представлены средне-верхнечетвертичными и современными отложениями. По генезису выделены аллювиальные, элювиальные и делювиальные образования. Среднечетвертичные отложения (Q2) представлены композитными, сложно организованными разрезами, аллювиально-делювиальными отложениями придолинных поверхностей высотой 25–35 м, сложенных мелко- и среднезернистыми глинистыми песками красновато- и желтовато-коричневых цветов, с тонкими прослоями серых и коричневых опесчаненных глин. Пески иногда сменяются супесью и мелкими полимиктовыми (смешанными) галечниками (Щукин И.С., 1980, с. 457). Верхнечетвертичные отложения (Q3) слагают аккумулятивную 8–9-метровую террасу и образуют аллювиальный плащ цокольных террасовидных поверхностей 14–18 и 20–22 м. Аллювий сложен гравийно-галечным материалом, мелкими валунами, бурым грубозернистым песком, суглинком и супесью буровато-серого цвета. Современные отложения (Q4) представлены аллювием пойм и придолинных

надпойменных возвышенностей. Эти уровни сложены галечниками, песками, суглинками.

Элювиально-деллювиальные образования приурочены к плоским водоразделам. Они представлены тяжелыми суглинками, глинами разных расцветок, близких к материнским породам, с обломками щебнистых песчаников и алевролитов на породах верхней подсвиты усть-кутской свиты. Мощность элювия 0,5–1,5 м, достигает иногда 3,5–4 м, в зависимости от рельефа.

Деллювиальные отложения развиты на склонах. Они состоят из супесей, суглинков и глин с большим количеством обломочного материала. Мощность делювия 1,0–2,0 м, местами достигая 3,5–4 м (Оценка воздействия на окружающую среду, 2001, с. 77).

Склоны долины преимущественно прямые, редко выпуклые, умеренно крутые, а в местах излучин – очень крутые. Преобладающая высота склонов 250–350 м. Склоны рассечены долинами притоков, падами и короткими распадками.

В районе проведения работ выражен рельеф эрозионно-денудационный (склоновый), эрозионно-аккумулятивный (нижних частей пологих склонов и подгорных шлейфов) и флювиальный (речных долин).

Согласно мерзлотному районированию территории Приангарья и Прибайкалья (Лещиков Ф.Н., 1978, с. 113), рассматриваемый участок относится к области островного распространения многолетнемерзлых пород на стыке районов распространения многолетнемерзлых пород на всех элементах рельефа и района, где многолетнемерзлые породы встречаются на заболоченных участках. Мерзлыми являются рыхлые породы в долинах рек, на заболоченных участках. Верхние участки склонов и водоразделы имеют положительные температуры горных пород. Мощность мерзлых пород колеблется в пределах первых 10 м, достигая иногда в долинах рек 30–40 м; температура их от 0,2 до 0,5 °С (Лещиков Ф.Н., 1978. с. 116).

Все многообразие форм рельефа обязано своим происхождением трем главным рельефообразующим факторам: колебательным движениям земной коры, структурно-литологическими особенностям субстрата и эрозионно-денудационным процессам (Лещиков Ф.Н., 1978. с. 80).

Все перечисленные особенности геоморфологического строения долины р. Лены достаточно ярко представлены на участке проведения археологических исследований на местонахождении Чайка II.

Ширина долины р. Лены на рассматриваемом участке редко превышает 1–1,5 км, при этом верхняя часть крутых склонов зачастую увенчана скалистыми вертикальными обрывами. Сложены они плотными песчаниками или доломитами усть-кутского яруса ордовика. Большинство террасовидных поверхностей цокольные и несут маломощный рыхлый покров. В устьевых участках боковых притоков р. Лены наиболее четко выражены террасовидные придолинные уровни нижнего яруса: 1-й надпойменный уровень (6–8 м), 2-й надпойменный (10–14 м) и террасовидный уровень (20–25 м) (Уфимцев Г.Ф., 2009). Яркой особенностью для рассматриваемого участка долины р. Лены является чередование суженных каньонообразных отрезков с обширными расширениями (Усть-Кутское, Турукское, Марковское и др.), образующее разновидность речных долин. К подобным участкам расширения долины приурочены комплексы разновозрастных археологических объектов (стоянки, могильники).

Геоморфологический профиль места расположения объекта, характеризует данный участок ленской долины, как симметричный. По высотным показателям правым и левый борта имеют одинаковое гипсометрическое строение подтрапецевидной формы, но левый борт все же более протяженный с несколькими террасовидными площадками. Первоначальный рельеф левого борта долины р. Лены на гипсометрических уровнях, в диапазоне 10–60 м от уреза р. Лены сильно изменен в результате антропогенной деятельности (современная территория г. Усть-Кута).

Наиболее насыщенными археологическими остатками стоянки Чайка II являются отложения нижнего уровня, именно с ними связаны находки, выявленные в предшествующие годы полевых работ.

Местонахождение Чайка II дислоцируется на правом берегу р. Лены в 3 км от впадения р. Куты (левый приток р. Лены) и в 1,5 км ниже по течению от окраины п. Зыряновка (район бывшего пионерского лагеря «Чайка») (рис. 19.1,3). Площадь стоянки Чайка II расположена, на террасовидном уступе 12–14 м от уровня реки. С севера террасовидный уступ ограничен ручьем Поконечным, а с юга небольшим логом. Общий стратиграфический разрез приводится по восточной стенке раскопа. При вскрытии отложений выявлена следующая стратиграфическая ситуация (сверху вниз, мощность в м) (рис. 19.2):

1. Маломощный современный дерново-почвенный гумусовый горизонт (HL⁴) (Адер.), по литологическим свойствам ближе к супесям, нарушен антропогеном (пешеходной тропой). (0,02–0,03 м).

2. Почвенный горизонт (HL³), (A1, A2), супесь светло-серого цвета, кровля подвержена антропогенному изменению (0,10–0,15 м).

3. Горизонт (B) (HL²⁻¹) ярко-бурой средней супеси, в верхней части фиксировались антропогенные остатки (1 к. г.) (0,25–0,30 м).

4. Горизонт (Sr⁴) высококарбонатных песков светло-серого цвета (0,25–0,30 м).

5. Пачка (Sr³) полихромных песчаных прослоек (0,2–0,03 м), в низах пачку подстилает горизонт карбонатизированного песка, серого цвета (0,90–1,00 м).

6. Мощная пачка (Sr²⁻¹) переслаивающихся песков и лессовидных супесей, в средней части с прослойками параллельных песков сероватого цвета и горизонтом погребенной почвы (слой 7) (1,70–1,75 м).

7. Ярко выраженный горизонт погребенной почвы светло-коричневого цвета, в горизонте зафиксированы антропогенные остатки (2 к. г.), ниже горизонт светло-серых лессовидных супесей (0,30–0,40 м).

Находки зафиксированы в двух уровнях: 1-й на глубине 0,25–0,40 м и 2-й – 2,70 м от дневной поверхности в горизонте погребенной палеопочвы.

Предварительная датировка верхнего комплекса культурных остатков, 1 к. г., осторожно дана в пределах неолита – раннего железного века, т. е. 7–2 тыс. л. н.

Первое возрастное определение 2 культурного горизонта было сделано О.В. Задониным. Стратиграфическое положение залегания артефактов и их морфология позволили отнести этот памятник к эпохе палеолита и датировать его примерно 14–12 тыс. л. н. В 2018 г. по образцу из челюсти северного оленя (*rangifer tarandus*), найденной в составе скопления культурных остатков, получена дата 14660 ± 80 л.н. (Poz-106024). Он, фактически, подтвердила датировку О.В. Задонина. Календарный возраст составил 18053–17612 л.н.

Палеолитический комплекс 2 культурного горизонта

Планиграфически 2 к. г. представляет собой скопление дебитажа у плитки песчаника размерами 30×15 см и на некотором удалении более 10 нуклеусов и нуклевидно оббитых галек. Каменные артефакты лежали компактно, причем около 60 % из них имеют галечную корку. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что вскрытый участок обитаемой поверхности был рабочей площадкой по первичной обработке камня. Материалом для изготовления предметов являлась речная галька. По петрографическому составу в основном это тонкослоистая кремнистая туфогенная порода. Цветом от сероватого до серо-зеленого и структурой большинство нуклеусов отличалось друг от друга, что позволило систематизировать артефакты по группам и провести аппликацию (ремонтаж). Для реконструкции преформ использовался материал, не только лежащий в слое, но и собранный в разные годы с поверхности разрушающегося памятника.

В слое также была найдена ветвь нижней челюсти северного оленя (*rangifer tarandus*) (определение дано А.М. Клементьевым, Институт земной коры СО РАН).

Блок № 1. Заготовка бифронтального нуклеуса кремнистой породы желтого цвета (рис. 20). Размеры 7,5×5,5 см. Состоит из 10 апплицирующихся частей. Блок демонстрирует две стадии расщепления. Стадия I – нуклеус параллельного принципа расщепления, галечный. Снятия произведены по продольной оси гальки. Пластины длиной до 8,5 см. Две краевые пластины (а, б) апплицированы. Стадия II – перенос расщепления на контрфронт. Шесть апплицированных первичных сколов, снятых по периметру по часовой стрелке сверху вниз (d–h), являют собой декортикацию (снятие галечной корки) этого второго фаса, по-видимому, обращение контрфронта во второй фронт. Ударная площадка первого фронта была сбита двумя сколами, один из которых апплицирован (d), и в конечном виде скошена от фронта-1 к фронту-2, по отношению к которому она является дистальной частью. Первый и единственный вторичный пластинчатый отщеп (h) был снят с фронта-2 с конца, противоположного проксимальному концу фронта-1. Угол скалывания острый. По-видимому, неудачный исход первого после декортикации снятия, не достигшего дистального конца нуклеуса, остановил расщепление.

Блок № 2. Нуклеус из черной кремнистой породы (рис. 21.1). Размеры 7,5×5,5 см. Состоит из 8 апплицирующихся частей. Аппликация представляет расщепление гальки по длинной стороне поперечно ее продольной оси. Снятия имеют пропорции коротких и широких отщепов. Ремонтным восстановлено снятие трех сколов с одного фаса (стадия I, а, б, с), и затем с другого (стадия II, d, e, f). Угол сопряжения обоих фасаов острый.

Блок № 3. Является пирамидальным нуклеусом (6×5 см) кремнистой породы темно-серого цвета (рис. 22). Состоит из 10 апплицирующихся частей. Под площадку был выбран плоский фас плоско-выпуклой гальки. Широким первичным галечным снятием была в первый раз оформлена ударная площадка (стадия I). С нее по выпуклому коническому фасу на неширокой полосе фронта было произведено 3–4 пластинчатых снятия (стадия II). После чего с площадки был снят еще один первичный отщеп (стадия III). С этого нового участка площадки сбито еще 4–5 снятия по фронту (стадия IV). Новый

цикл снятий по фронту нуклеуса примыкает к предыдущим снятиям слева. Далее ударная площадка двумя вложенными один в другой сколами была подживлена – удалены остатки галечной корки (стадия V). После этого был проведен новый, третий цикл 3–4 снятий по фронту, удлиняя его периметр влево (стадия VI). Далее последовала подготовка нового участка ударной площадки (стадия VII) и затем четвертый и последний цикл снятий по фронту справа от предыдущих снятий (стадия VIII). В результате фронт занимает $2/3$ периметра пирамидального нуклеуса. Оставшийся участок конуса сохранил галечную корку. Снятия с этого нуклеуса в силу особенностей геометрии невысокого конического в начале – пирамидального в исходе нуклеуса имеют подтреугольные контуры коротких пластинчатых снятий искривленного в дистальной трети профиля. Восстановлено четыре цикла подготовки ударной площадки → снятий по фронту: цикл 1 – стадии I и II, цикл 2 – стадии III и IV, цикл 3 – стадии V и VI, цикл 4 – стадии VII и VIII. Каждая серия снятий с фронта нуклеуса предварялась подготовкой площадки у соответствующего участка фронта.

Блок № 4. Торцовый нуклеус кремнистой породы темно-серого цвета (рис. 21.2). В качестве преформы была выбрана галька с одной отслоенной ровной поверхностью. На этой поверхности поперечными короткими сколами была подготовлена ударная площадка, с которой произведены удлиненные снятия, частично удалившие галечную корку на втором фазе и подготовившие ребро дистального конца будущего торцового нуклеуса. Двумя короткими сколами с торца подготовлена ударная площадка. К фронту апплицирована одна двухгранная пластина длиной 5,1 см и шириной 1,7 см.

Блок № 5. Заготовки нуклеусов (6×5 см и 5×4 см) кремнистой породы темно-серого цвета (рис. 23). Состоит из 7 частей. Расщеплению подверглась продолговатая галька. Изначально поперечным ударом был сбит узкий конец гальки. Затем образованная плоскость была подработана тремя параллельными сколами. Оформленная таким образом ударная площадка скошена к контрфронту. Произведено 3–4 первичных снятия. Одно из них,

собранные из трех частей, имеет параметры пластины длиной 6,5 см. Затем нуклеус был вновь разбит поперек, практически, пополам. Верхняя часть (а) вновь подвергнута нуклеарному расщеплению с противоположного конца. Сбито 3–4 отщеп. Со второй половины (дистальная часть исходного нуклеуса) (b) также был сбит короткий отщеп, и дальнейшие попытки оставлены.

Блок № 6. Реконструирует процесс изготовления клиновидного нуклеуса (6,5×4,5 см) кремнистой породы темно-серого цвета (рис. 24.9). Состоит из 6 апплицирующихся частей. Исходной формой была продолговатая галька. Один узкий край ее был оформлен в дистальное ребро нуклеуса. Для этого короткими сколами оформлена ударная площадка на одном фасе гальки, затем с нее были произведены два пластинчатых по пропорциям снятия (а, b), удалившие галечную корку с преформы на 2/3 длины. Затем получившееся комлеобразное окончание (с) было сбито ударом с торца – предстоящего фронта. Кромка ударной площадки подправлена мелкими краевыми сколами. Цикл снятия пластин не был продолжительным. В центре фронта даже сохранился рудимент галечной корки.

Блок № 7. Представляет расщепление поперечное продольной оси гальки (7,5×6 см) кремнистой породы темно-серого цвета (рис. 25). Состоит из 6 апплицирующихся частей. Ударная площадка образована двумя крупными сколами. Она скошена к контрфронт. Расщепление производилось по широкому фасу. Реконструируемые четыре снятия имеют контуры пропорционально коротких аморфных отщепов. До 50 % поверхности нуклеуса сохранило галечную корку.

Блок № 8. Заготовка нуклеуса (6,8×4,5 см) кремнистой породы темно-серого цвета (рис. 26.1). Состоит из двух апплицирующихся частей. Галечная корка на обоих фрагментах. С первой площадки по узкой торцевой стороне гальки произведено одно пластинчатое первичное снятие, после чего нуклеус расколот поперек по диагонали, и была попытка эксплуатировать как нуклеус

нижнюю, дистальную часть. Нуклеус является техническим аналогом блока № 5.

Блок № 9. Является сборкой двухплощадочного полюсного нуклеуса (5×6 см) кремнистой породы серо-желтого цвета (рис. 26.3). Скальвания пластинчатых отщепов производились по торцовому краю. Обе площадки скошены к контрфронт так, что почти смыкаются в этой части друг с другом. К одной из ударных площадок апплицированы три скола, снятые со стороны фронта.

Нуклеус радиального принципа расщепления в начальной стадии, захватившей одну боковую длинную и одну узкую сторону гальки, который можно представить как веерный нуклеус (рис. 26.4).

Еще один нуклеус (рис. 24.8) представляет собой гальку, расколотую по диагонали поперек, с которой с одного фаса сколото три длинных пластинчатых снятия, достигающих дистальной трети или конца нуклеуса и три коротких. После этого была попытка перевести расщепление на торец, закончившаяся тремя короткими негативами с заломами.

Один клиновидный нуклеус оставлен в самом начале расщепления (рис. 24.6). Оба фаса (латерали) обработаны полностью. Одна латераль более плоская. Она несет негативы встречных полюсных снятий с проксимального и дистального конца. Вторая латераль более выпуклая. Именно на нее наложены негативы коротких краевых снятий оформления дистального конца и гребня контрфронта. Фронт, по сути, только начат одним скошенным к левой латерали пластинчатым снятием. Ударная площадка образована поперечными сколами с латерали и короткими снятиями с торца.

Другой клиновидный нуклеус представлен сбитым фронтом с регулярными микропластинчатыми снятиями (рис. 24.7).

Два нуклеуса являются микропластинчатыми призматическими полюсными-двухплощадочными (рис. 24.4,5). К одному из них апплицирован микропластина (длина 2,9 см), сбитая со второй полюсной (нижней на

рисунке) площадки (рис. 24.5a). В обоих нуклеусах расщепление велось с одного или двух торцов, в меньшей степени захватывая латеральные части.

В категории орудий следуют два долотовидных типа *piece esquillee* (рис. 24.1,2), концевой скребок (рис. 24.3). Последний изготовлен из первичного пластинчатого скола. Отретуширована была его проксимальная часть. Отщеп апплицирован к широкой короткой пластине.

*Реконструкция приемов каменного производства палеолитического
комплекса стоянки Чайка II*

Материалы палеолитического слоя Чайки II представили разнообразные приемы расщепления камня, разные стадии и виды каменного производства. Наличие плиты-наковальни в центре скопления дебитажа, преобладание в изделиях нуклеусов, немногочисленные орудия, значительная доля первичных отщепов и сколов с галечной коркой относят этот комплекс к типу стоянок-мастерских. Ударное скалывание твердым отбойником было ведущим методом расщепления. Разнообразны принципы раскалывания гальки.

В случае расщепления повдоль гальки (с узкого конца по вертикально ориентированной преформе) поперечным ударом сбивался узкий конец. Как правило, скол имел ныряющий характер, и ударная площадка оказывалась скошенной к фасу будущего контрфронта (рис. 20, 23, 24.9, 26.1,3, 24.8). Затем с острого ребра повдоль гальки начиналось расщепление. В случае 1 2 негативов оно, очевидно, имело пробный и неудачный характер. В обратном, удачном случае активно развивалось, приводя нуклеус к истощенной, выработанной форме (рис. 20).

В двух случаях мы встретили повторную попытку эксплуатации, выразившуюся в поперечном раскалывании нуклеуса и начале скалывания с редуцированного остатка (рис. 23, 26.1). В роли ударной площадки – поверхность раскалывания. Дальнейшее развитие продольного расщепления нуклеуса в одном случае привело к остаточной форме двухплощадочного полюсного монофронта (рис. 26.3).

В качестве пролонгации нуклеуса была попытка перенести скалывание на торец (рис. 24.8).

Еще в одном случае реконструировано переоформление контрфронта во фронт-2 (рис. 20). Двумя ударами был скошен дистальный конец готовящегося фронта-2 (рис. 20.d), а затем ударами по периметру произведена декорткация – снятие галечной корки (рис. 20.e–h). Следует обратить внимание на прием скашивание фронтального фаса нуклеуса в дистальной части, целью которого должно быть обеспечение такой оптимальной геометрии, что пластинчатый скол должен бы заканчиваться не ныряющим комлеобразным окончанием и не заломом затухшего импульса, а перообразным тонким дистальным концом.

Поперечное расщепление продольно ориентированной гальки вело к получению коротких и широких, аморфных сколов (рис. 21.1, 25). Угол скалывания всегда острый. Ударная площадка в одном случае образована короткими широкими сколами (рис. 25). В другом случае нуклеарное расщепление было перенесено на второй фас галечного нуклеуса – ударную площадку и контрфронт.

Сложный процесс расщепления имел место в случае с пирамидальным нуклеусом (рис. 22). Исходная галька изначально была выбрана так, что под ударную площадку использовался плоский фас, а нуклеарному объемному расщеплению подвергся выпуклый конический фас, предопределивший пирамидальный характер нуклеуса. Высота галечной преформы 4,5 см предопределила кривизну полученных пластинчатых снятий. Реконструируемый аппликацией блок демонстрирует четыре цикла подготовки ударной площадки – производства снятий с фронта. В каждом случае снятия велись с ограниченного участка периметра ударной площадки и количество их было 3–5. Участки фронта первых трех циклов (рис. 22. стадии II, IV, VI) смежные в ротации справа налево (ударная площадка – вверх). Последний цикл расщепления (рис. 22. стадии VII, VIII) перенесен с левого края ударной площадки на правый.

Важным технико-типологическим признаком палеолитического комплекса Чайки II являются терминальные нуклеусы в вариации клиновидного и призматического ядрища. Два аппликационных блока (рис. 21.2, 24.9) представляют, в общем, один способ подготовки преформы. Исходным материалом была целая или расслоенная галька. В первую очередь готовилось дистальное ребро (киль). Эта подготовка имела «нуклевидный» характер: с ребра по одному фасу наносились короткие снятия, оформлявшие ударную площадку для переноса расщепления на второй фас. Снятия с него имели уже удлиненный, пластинчатый характер (рис. 21.2а, 24.9а,б). Это расщепление, по виду и методу нуклеарное, имело характер декортикации фаса преформы и оформления дистального ребра (киля). Затем готовилась ударная площадка: короткими сколами с фронтального торца, в одном случае. В другом случае для этого ударом с торца было сбито комлеобразное окончание преформы (рис. 24.9с).

Третий торцово-клиновидный нуклеус (рис. 24.6) также имеет нуклевидный облик подготовки преформы: одна латераль оформлена встречными продольными снятиями. Короткие сколы оформления дистального конца нанесены с этой латерали на другую. Ударная площадка обработана с латерали и торца.

Призматические нуклеусы (рис. 24.4,5) изначально имели узкую брусковидную преформу, предопределившую в значительной степени ровную огранку пластин. В одном случае расщепление с торца было заведено на латераль (рис. 24.4). В другом случае пластины отжимались с обоих торцов (рис. 24.5). Кроме того, на обоих нуклеусах есть негативы пластинчатых снятий с полюсно-противоположного конца (рис. 24.5а).

Обсуждение. Культурно-типологическая оценка палеолитического комплекса 2 культурного горизонта стоянки Чайка II

Палеолитический комплекс 2 культурного горизонта стоянки Чайка II входит в один ряд с геоархеологическими местонахождениями севера Верхней Лены Алексеевск I, Балышово III – памятниками с детально представленной

индустрией каменного производства эпохи позднего палеолита (Задонин О.В., 1996. с. 229–248; Задонин О.В., Хомик С.Н., Аксенов М.П., Пержаков С.Н., Тетенькин А.В., 2014, с. 18–29). Обращает на себя внимание сходство методов инициации продольного и поперечного расщепления гальки, объемного подпризматического расщепления. Ряд галечных нуклеусов находит аналоги и в более ранних комплексах Балышово I (Задонин О.В., 1992, с. 126–127). Объемное расщепление субпризматических, субконических нуклеусов имеет место в Алексеевске I и Балышово I (Задонин О.В., 1992. с. 129; Задонин О.В., 1996), однако приемы эксплуатации такого нуклеуса, выявленные на Чайке II, получены впервые для археологии этого района.

Новацией по отношению к Балышово III и Алексеевску I являются терминально-клиновидные нуклеусы. Здесь важная роль Чайки II состоит именно в демонстрации преформ и метода изготовления таких нуклеусов. Ближайший по хронологии объект Балышово III не содержит торцово-клиновидных нуклеусов (Задонин О.В., Хомик С.Н., Инёшин А.В., 1990; Задонин О.В. и др., 2014).

Самый ранний на севере Верхней Лены датированный клиновидный нуклеус был найден В.В. Краснощековым на стоянке Бамовская на р. Улькан, притоке р. Киренги, с радиоуглеродной датировкой около 18 тыс. л. н. (Краснощев В.В., 2009). Единичные клиновидные нуклеусы происходят из открытых в бассейне р. Киренга местонахождений Усть-Берея, Марьина Тропа и Брикачан, стоянки Вешний Ручей на р. Лена (Краснощев В.В., 2001; Краснощев В.В., 2002; Задонин О.В., Дзюбас С.А., Луньков А.В., 2000; Задонин О.В., Дзюбас С.А., 2003). Эти археологические комплексы по стратиграфическим показателям оценены как палеолитические, радиоуглеродных определений не имеют. Клиновидные нуклеусы стоянки Вешний Ручей (Задонин О.В., Дзюбас С.А., Луньков А.В., 2000. с. 101–105; Задонин О.В., Дзюбас С.А., 2003) представляют собой морфологически выработанные остаточные формы (рис. 29.1,13-18), их комплекс по морфотипологическим и геостратиграфическим характеристикам представляется

более поздним (12–10 тыс. л. н.). В морфокомплексе нижнего слоя Чайки II мы имеем дело с терминальными нуклеусами как в самой начальной стадии подготовки и производства (рис. 21.2, 24.9, 24.6), так и в конечной стадии в виде фронтального скола клиновидного нуклеуса (рис. 24.7). Еще более интересно то, что есть два торцово-призматических микропластинчатых нуклеуса (рис. 24.4,5). Важное значение имеет радиоуглеродное определение палеолитического комплекса Чайки II около 14,7 тыс. л.н., закрепившее прежнее определение ее позднесартанского возраста. На стоянке Любавская (радиоуглеродный возраст около 9,8 тыс. л.н.) мы видим уже выраженный микропластинчатый комплекс мезолитического облика, основанный на технике расщепления призматического нуклеуса (Задонин О.В. и др., 2014, с. 29–35).

Два аппликационных блока клиновидных нуклеусов наглядно позволяют представить способ подготовки преформы. Используя галечный материал, древний мастер начинал с оформления дистального ребра – кия будущего нуклеуса. Его обработка имела вид или характер плоскостного расщепления: на одном фасе оформлялась короткими, широкими сколами площадка и с ее ребра уже по другому фасу производились удлиненные снятия. Формально, это напоминает плоскофронтальный нуклеус, но, на самом деле, речь идет о декорткации в таком виде. Затем мастер поперечным ударом сносил комлеобразный дистальный конец, формируя ударную площадку будущего клиновидного нуклеуса.

Этот прием описан Г.Д. Павленок, изучавшей клиновидные нуклеусы селенгинской культуры юго-западного Забайкалья, Усть-Кяхты 3, 17 в частности (Павленок Г.Д., 2015, рис. 3; Ташак В.И., 2005). С ее точки зрения переоформлялись именно плоскофронтальные нуклеусы (рис. 27.1). Судя по материалам Чайки II, повторимся еще раз, таким способом производилось оформление дистального ребра и латералей (декорткация). По сути тот же прием сначала оформления кия, а затем площадки мы встретили во 2Б к.г. стоянки Коврижка IV на нижнем Витиме, возрастом около 15,3 тыс. л.н.

(некалиброванных) (Тетенькин А.В., 2017, рис. 6.1,2,3; рис. 10) (рис. 27.2). Тщательная отделка дистального ребра придавала преформе тесловидный облик. Эти местонахождения – Чайка II, Коврижка IV и Усть-Кяхта 3, 17 с датами в диапазоне 15,3–11,5 тыс. л.н. показывают широкое распространение в позднем сартане в Байкальской Сибири данного приема подготовки нуклеуса (рис. 28).

Как и в случае с Балышово III на Чайке II, 2 к. г. нет очевидных корреляций с геоархеологическими объектами самого верхнего участка Лены, так называемой «Качугско-Верхоленской» группой памятников (Аксенов М.П., 2009). Не прослеживаются аналогии также и с «дюктайской» культурой Якутии, «студеновской» культурой Забайкалья, палеолитическими памятниками этого круга на Нижнем Витиме (Коврижка IV, Авдеиха, Большой Якорь I, Коврижка II, III), т. е. в районе, смежном по речной сети Лена–Витим (Задонин О.В. и др., 2014; Мочанов Ю.А., 1977; Константинов М.В., 1994; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010; Тетенькин А.В., Анри А., Клементьев А.М., 2017; Тетенькин, 2011, 2016). Отдельная аналогия отмечена только в вышеназванных клиновидных нуклеусах. Каменный инвентарь 2 к. г. Чайки II сочетает в себе технические традиции, восходящие к раннему – среднему палеолиту (Балышово I), среднему этапу верхнего палеолита (Алексеевск I), позднему этапу верхнего палеолита (Балышово III). Местные древние корреляты как будто указывают на исходно автохтонный характер культуры каменного производства, стадийно наращиваемый с появлением технологий мелкопластинчатого субпризматического, торцово-клиновидного и микропризматического расщепления. Чайка II – 2 к. г. наряду с Балышово III укладывается в этом ряду между Алексеевском I и палеолитическим слоем стоянки Вешний Ручей в рамки сартанского криохрона.

5. Вешний Ручей

Местонахождение Вешний Ручей расположено на правом берегу р. Лена, в 60 км ниже по течению от г. Усть-Кут, в Усть-Кутском районе Иркутской области (рис. 1, 2, 7). Памятник открыт О.В. Задониным и С.А.

Дзюбасом в 1994 г. во время осмотра осыпи береговой бровки террасы и дорожной колеи (Задонин О.В., Дзюбас С.А., 2003). Стоянка дислоцирована на оконечности правого устьевого мыса руч. Вешнего, правого притока р. Лены. Был заложен разведочный раскоп площадью 9 кв. м.

Выявлена следующая стратиграфия (Задонин О.В., Дзюбас С.А., 2003, с. 74–75):

1. Техногенно переработанные отложения. Мощность – 0,04–0,32 м.
2. Супесь средняя, серая, в кровле гумусированная. Мощность – 0,22–0,25 м.
3. Супесь слабоглинистая, красно-бурая. Мощность – 0,24–0,40 м.
4. Суглинок лессовидный, средний, окарбоначенный. С подошвы слоя заложены устья мелких криогенных трещин, заполненных пылеватыми карбонатами. Мощность – 0,20–0,30 м.
5. Суглинок средний, белесый, карбонатный, пористый, лессовидный, трещиноватый. Мощность – до 0,40 м и более.

Археологический материал обнаружен в трех уровнях: 1-й культурный горизонт в кровле серой гумусированной средней супеси (слой 2) и отнесен к эпохе развитой бронзы – раннего железного века; 2-й культурный горизонт – в средней части красно-бурой супеси (слой 3), отнесен к позднему неолиту – раннему бронзовому веку; 3-й культурный горизонт – в подошве серого окарбоначенного лессовидного суглинка (слой 4), определен как финальнопалеолитический археологический комплекс. Суглинок, вмещающий 3 культ. гор., окарбоначен, из его подошвы заложены криогенные трещины. По этим признакам он был определен как финальносартанский. Соответственно, возраст для культурных остатков был предложен около 14–12 тыс. л.н.

В раскопе артефакты образовывали два скопления. Обнаружено 403 артефакта. В том числе 9 орудий, 12 нуклеусов, 1 заготовка нуклеуса, 6 технических сколов, 61 фрагментированных и целых призматических пластин, 314 отщепов, осколков и чешуек.

В группе орудий представлены одно выпукло лезвийное скребло из первичного галечного скола, один концевой скребок на крупной пластине, два острия на маргинально ретушированных пластинах (рис. 29.4,5), три ретушированные по краю призматические пластины (рис. 29.9,10), двусторонне ретушированный по противоположным маргиналам отщеп (рис. 29.6), один чоппер.

В группе нуклеусов – 9 клиновидных нуклеусов, два одноплощадочных монофронтальных плоских нуклеуса, один галечный грубопризматический нуклеус.

Клиновидные нуклеусы все имели бифасиальную преформу, у всех ударные площадки оформлены короткими сколам с латералей и фронта (рис. 29.1,11-18). Пропорции соотношения высоты нуклеуса к длине – высокие у шести нуклеусов, либо близкие к средним. Один нуклеус, по сути, являлся еще преформой, пластинчатый отжим на нем еще не инициирован (рис. 29.19). Мы видим одну латераль, более выпуклую, сохраняющую частично галечную корку. Она обработана со стороны кия и со стороны площадки. Вторая латераль обработана вся, она более плоская. В ее оформлении другая латераль играла роль ударной площадки. Такой способ оформления нуклеуса – с кия, подобный плоскофронтальному нуклеусу, представлен на севере Верхней Лены на Чайке II, культурном горизонте 2.

Два плоско- монофронтальных нуклеуса имеют дугообразную ударную кромку фронта–площадки (рис. 29.11,12). Фронт имеет слабовыпуклый объем. Площадка сильно скошена к контрфронт. Контрфронт несет негативы центростремительных снятий со стороны латеральных ребер. Негативы снятий пластинок субпараллельны. Оба этих нуклеуса могут быть определены как мелкопластинчатые грубопризматические, сработанные. Прямые аналоги им мы находим в материалах уже Алексеевска-1, индустрии более древней, примерно, на 10 000 лет, а также в палеолитическом комплексе Балышово III, среднесартанским возрастом.

Изделия в большинстве демонстрируют приверженность к мелкой призматической пластинке как основной заготовке, обретающей тот или иной вид орудия благодаря мелкому краевому ретушированию. В этом качестве мелкопластинчатая индустрия Вешнего Ручья, 3 культурного горизонта имеет сходство с индустрией Алексеевска-I.

6. Любавская I

Местонахождение Любавская I открыто в 1985 г., дислоцировано на юго-западной окраине Криволуцкой излучины и приурочено к правому приустьевому мысу левого притока р. Лены – р. Любавской (рис. 1, 2, 7, 30).

Артефакты зафиксированы в подошве покровных отложений первой надпойменной террасы, имеющей относительные отметки 8–9 м от уреза реки (рис. 30). В стратиграфическом строении террасы отчетливо выделяются три пачки отложений сверху вниз (рис. 31):

1. Темно-серая пылеватая супесь с прослоями погребенных почв и галечно-гравийными линзами в подошве. В погребенных почвах зафиксированы культурные остатки неолита и ранней бронзыдо 1,0 м

2. Лессовидный высококарбонатный суглинок. Вертикально трещиноватый. В подошве опесчанен. К одной из опесчаненных прослоек на глубине 1,80–2,00 м приурочен культуросодержащий горизонт. до 1,20 м

3. Пачка параллельно слоистых желтовато-серых разномерных песков. Хорошая сортированность песчаного материала, наличие галечных прослоев позволяют соотнести происхождение пачки с аллювиальными процессами (пойменная фация). Раскопом вскрыта кровля пачки на глубину до 1 м

По кости из 1 культурного горизонта получена дата 9800 ± 250 (ГИН-7064a).

Общая площадь раскопа 67 кв. м. Зафиксирована оригинальная планиграфическая ситуация: в квадратах 56–58 обнаружен и расчищен частично уничтоженный в результате подмыва р. Леной бровки террасы очаг (рис. 32). Он представляет собой маломощное зольное пятно, насыщенное

фрагментами древесного угля и жженой костью. В северо-западной части кострища в положении «плашмя» лежала окатанная плита песчаника размерами 13 × 18 см. В метре к востоку от кострища зафиксирован череп бизона (*Bison sp.*) (определение А.А. Хамзиной) с отчлененным левым рогом и раздробленной носовой частью. Отсеченные фрагменты верхней челюсти в свою очередь зафиксированы к западу от очага на расстоянии 0,5 м. Правая ветвь нижней челюсти найдена в 3 м к северу от кострища. У западной границы кострища обнаружен первый шейный позвонок. По площади раскопа, тяготея к зоне кострища, рассеяны мелкие фрагменты раздробленных трубчатых костей.

Каменный инвентарь представлен 63 микропластинами и их сегментами, 5 из которых обнаружены в кострище, маргинально ретушированной микропластиной (рис. 34.16), резцом на пластине (рис. 34.2), изделием с оформленными ретушью выемками и шипами (рис. 34.3), скребком на отщепе (рис. 34.1). Всего – 67 ед. Микропластины и орудия выполнены на разном субстрате: первые на микрокварците, вторые – на светло-коричневой яшмовидной породе.

Следует отметить, что апплицированные блоки микропластин демонстрируют, что их снятие производилось с призматических нуклеусов с широким фронтом (рис. 33).

Костяной инвентарь представлен острием из грифельной кости (рис. 34.21) и фрагментом трубчатой кости с оструганной и зашлифованной латералью.

Отсутствие частей посткраниального скелета, следы проведения операций по расчленению, явная кратковременность существования стоянки, позволяют, на наш взгляд, интерпретировать функциональное назначение вскрытого комплекса как стоянку по расчленению туши убитого животного – бизона, т. е. как объект, именуемый в американской англоязычной литературе *kill site* (Binford L., 1983; Леонова Н.Б., Миньков Е.В., 1991). Основной компонент коллекции – микропластины - в этой связи объяснимы как

свидетельство оснащения или подправки вкладышевых лезвий охотничьего вооружения.

Подобный своеобразный вариант функциональной принадлежности археологического объекта донеолитического возраста выявлен на севере верхней Лены впервые. Вопрос о хронологической позиции комплекса артефактов Любавской имеет противоречие: с одной стороны, остатки бизона как представителя плейстоценовой фауны, а с другой стороны, голоценовый возраст радиоуглеродной даты и согласующаяся с ней низкая гипсометрическая отметка, явно призматический, не торцово-клиновидный характер микропластинчатого расщепления. Если опираться на радиоуглеродные и технико-типологические аргументы, то эта ситуация, на наш взгляд, может быть объяснима сохранением соответствующих безлесных перигляциальных стадий и бизонов еще и в раннем голоцене в северных районах Верхней Лены. С точки зрения археологии, возраст стоянки Любавская должен быть определен как мезолит.

О.В. Задониным была высказана идея специфики палеолита и мезолита севера Верхней Лены, выраженной в смене субстрата артефактов, пришедшейся на рубеж начала неолита (Задонин О.В., 1990). Вместо галек кремня, кварцита, эффузивных пород с местных речных пляжей и склонов в неолите – бронзовом веке преобладает желвачный кремль светлых тонов. Эта перемена была осмыслена как резкая смена традиций отбора поделочного сырья каменных индустрий, на основе чего был поставлен вопрос о наличии или отсутствии преемственности неолитических комплексов Северной Лены местной мезолитической традиции (Задонин О.В., 1990, с. 118).

Заключение к Части 1 «Памятники позднего верхнего палеолита – мезолита севера Верхней Лены»

Наиболее ранний верхнепалеолитический комплекс севера Верхней Лены Алексеевск-1 стадияльно представляет средний этап верхнего палеолита. По данным стратиграфии и радиоуглеродного датирования он относится ко времени рубежа каргинского / сартанского стадиалов (MIS 3 /

MIS 2). Особенностью индустрии этого комплекса является технология производства мелких пластинок с грубопризматических широкофронтальных нуклеусов. Далее, в материалах Балышово III, Чайки II – 2 к.г., Вешнего Ручья – 3 к.г. мы прослеживаем технику мелкопластинчатого грубопризматического производства вплоть до финала сартана. В таком контексте ее следует признать специфически автохтонной для района Севера Верхней Лены технической культурной традицией. Заметную долю составляют орудия из пластинок более крупных размеров, до 7 см в длину. Это ретушированные мелкой краевой ретушью изделия, которые мы видим после Алексеевска-1 в материалах Балышово III и Вешнего Ручья.

Оценивая данный феномен, во-первых, вслед за первооткрывателем ленских памятников О.В. Задониным следует признать принципиальное отличие этого технокомплекса от дюктайской культуры Якутии и ее вариантов на Нижнем Витиме. Этот, условно обозначая, «алексеевский» технокомплекс отличает от дюктайского отсутствие бифасов и производных с них клиновидных нуклеусов. Во-вторых, вслед за О.В. Задониным корреляции для этого технокомплекса следует искать в Западном Прибайкалье: в Мальте, Бурети и памятниках этого круга.

Аналогичные, в принципе, алексеевским грубопризматические мелкопластинчатые нуклеусы найдены на местонахождении Шишкино VIII на Верхней Лене, в Качугском геоархеологическом районе (Пержаков С.Н., 2006, рис. 2.1, 3, 6). Археологический материал там патинизирован, в отличие от алексеевского. По кости имеется дата 21190 ± 175 л.н. (AA-8882). Условия залегания артефактов в составе склонового пролювиального сноса в пачке смятых раннесартанским солифлюксиям отложений указывает на то, что, весьма вероятно, артефакты имеют более древний возраст, и дата указывает лишь на верхнюю границу возрастной оценки, т.е. артефакты не моложе ее. В контексте изучения стоянки Алексеевск корреляция с материалами Качугского района Верхней Лены указывает на распространение в раннем сартане (начале MIS-2) мелкопластинчатого производства – расщепления

грубопризматических нуклеусов по всей Верхней Лене. Учитывая, вероятно, более древний возраст Шишкино VIII и свидетельства пластинчатого производства в более ранних памятниках Верхней Лены Макарово III и IV, напрашивается вывод о местных корнях этой традиции, уходящих в ранний – средний отделы позднего палеолита.

Инновация клиновидных нуклеусов произошла в сартанское время. На Балышово III их еще нет. На Чайке II клиновидные нуклеусы найдены. Они датируются около 18,12–17,68 тыс. кал. л.н. / 14,7 тыс. рад. л.н. Судя по дате ок. 18 тыс. рад. л.н. стоянки Бамовской, расположенной на р. Киренга, притоке р. Лены, возможно и более раннее их появление (Краснощеков В.В., 2009). Реконструируемый на Чайке II способ подготовки клиновидного нуклеуса аналогичен таковым, установленным на Усть-Кяхте-3 – 1, 2 к.г., Усть-Кяхте-17 – 3, 4, 5 к.г. в южном Восточном Прибайкалье (Южная Бурятия) и на Коврижке IV, 2Б к.г. на Нижнем Витиме (Ташак В.И., 2005; Павленок Г.Д., 2015). Тем не менее, появление клиновидных нуклеусов не сделало поздний верхний палеолит Севера Верхней Лены в лице Чайки II и Вешнего Ручья морфологически близким Коврижке IV, III, Большому Якорю I, Усть-Каренге I–XVI, Курле I–III и стоящим за ними дюктайским и студеновским культурными кругами: по-прежнему сохраняется в большой доле алексеевский технокомплекс и отсутствует триада признаков «клиновидные нуклеусы – трансверсальные резцы – скребки». В этой связи бросающееся в глаза отличие каменной индустрии Балышова III, Чайки II, Вешнего Ручья от синстадиальных им памятников Нижнего Витима и Северного Байкала наталкивает на мысль о существовании фронта или коммуникационного барьера между этими районами. В качестве гипотезы может быть предложена идея горно-ледниковых обстановок, изолирующих друг от друга эти районы.

С другой стороны, имеется пока единственный результат геохимического анализа образцов охры из 2Г горизонта Коврижки IV и могильника Турука на севере Верхней Лены, под г. Усть-Кутом, обозначивший их сходство, а, следовательно, вероятный ленский источник

для части охры 2Г к.г. Коврижки IV. Речь идет об эпизоде возрастом около 18,6 тыс. кал. л.н. На данный момент этот зафиксированный результат может поставить вопрос о контактах населения Нижнего Витима и Севера Верхней Лены в позднем верхнем палеолите, в средне- позднесартанское время.

Ситуация меняется с началом голоцена. Стоянка Любавская II с датой около 11,3 тыс. кал. л.н. / 9,8 тыс. рад. л.н. демонстрирует призматическое микропластинчатое расщепление, укладываемое в представления о мезолите и сумнагинском технокомплексе Якутии. О.В. Задонин опубликовал отмеченные им факты и идею смены на рубеже мезолита – неолита субстрата каменного производства с эффузивных пород на кремь (Задонин О.В., 1990). На Нижнем Витиме в раннеголоценовых комплексах Коврижки I, III, IV, V, Инвалидного III, Павлова I появляется светло-серый кремь происхождения с Сибирской платформы, т.е. ленского. Около 8,5–8,3 тыс. кал. л.н. на Нижнем Витиме появляется керамика с оттисками сетки-плетенки. Учитывая то, что на Верхнем Витиме в это время существовала традиция (культура) усть-каренгской керамики, а в раннем неолите Бурятии сетка-плетенка отсутствует, в качестве источника можно предположить только ленское происхождение керамики с оттисками сетки-плетенки на Нижнем Витиме. Вывод, который из этого следует, ведет к полаганию, что в раннеголоценовое время ситуация коммуникационного барьера принципиально изменилась: открылись и развивались контакты населения Севера Верхней Лены и Нижнего Витима.

Часть 2. Памятники Северного Байкала

Северо-западное побережье Байкала является вторым по концентрации памятников древности районом байкальского побережья после Приольхонья. Он выделяется географически и имеет естественные границы (рис. 1, 2, 35). Этот участок побережья ограничен на юго-западе м. Елохин и устьем р. Кичера на северо-востоке. Байкальский хребет, ограждающий побережье с запада, в районе м. Елохин отходит от береговой полосы на север, образуя пологий участок побережья шириной до 20 км. В административном отношении эта часть байкальского побережья входит в состав Северобайкальского района Республики Бурятия.

1. Группа местонахождений Курла I–VI

Группа местонахождений Курла I–VI расположена в бухте Курла на северо-западном побережье оз. Байкал, в 1,2–2,5 км к северо-востоку от г. Северобайкальска. Местонахождения выделены на берегу Губы Курла к юго-западу (Курла I, II, III, IV, VI) и к северо-востоку (Курла V) от рч. Курла (рис. 1, 2, 35, 36.1). Археологические остатки зафиксированы в борту склона, в отложениях, уступом обрывающихся к современному пляжу и урезу, имеющих высоту от 15 до 4 метров от современного уреза оз. Байкал (рис. 36.1) (Шмыгун П.Е., 1981, с. 122).

Памятники были открыты в 1975 г. Северо-Байкальским отрядом Комплексной археологической экспедиции ИГУ. Автором открытия и раскопок является П.Е. Шмыгун (Шмыгун П.Е., 1978а, 1978б, 1981; Шмыгун П.Е., Сизиков А.М., 1977; Шмыгун П.Е., Ендрихинский А.С., 1978; Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1980, 1982). Разведка, принеся открытия, состоялась в рамках обследования зоны строительства БАМа. Все пункты в различной степени подверглись эрозионному береговому разрушительному воздействию. Перспективными для изучения были признаны пункты Курла I–III. В 1977–1978 гг. на них были проведены аварийно-спасательные работы, по мнению П.Е. Шмыгуна, в основном исчерпавшие археологический потенциал этих объектов. На основе корреляции разрезов Курлы I–III был составлен

сводный стратиграфический разрез, в который поверстана также стратиграфия Курлы VI (рис. 36. 2). В нем выделено три донеолитических горизонта.

В 1979 г. спасательные работы на памятнике Курла IV провел Т.А. Абдулов (Абдулов Т.А., 1991). Выделено три культурных горизонта, из которых два докерамических отнесены к эпохе мезолита, раннему голоцену. Однако, в силу отличной стратиграфической ситуации они не были вписаны в сводную для Курлы I–III стратиграфическую схему. Корреляция была проведена Т.А. Абдуловым на основе морфо-типологических и возрастных оценок.

Сводный стратиграфический разрез Курлы I–III приведен по публикации П.Е. Шмыгуна (сверху вниз) (рис. 36. 2) (Шмыгун П.Е., 1991, с. 122–123).

	Мощность, м
1. Современная почва – мелкозернистые пески, супеси черного цвета	0,2–0,5
2. Красно-коричневые супеси, содержащие остатки бронзового века.....	0,08
3. Склоновые отложения – щебень с включениями глыб. Заполнитель – мелкозернистые пески, дресва. Цвет пород от желтого до коричневатого-серого. Отмечаются прослой и линзы разнозернистых песков, дресвы. Зафиксировано несколько горизонтов погребенных почв.....	1,5–2,0
4. Средне- и мелкозернистые пески, супеси от желто-серого до белесоватого цвета. Содержат культурные остатки двух верхних докерамических горизонтов.....	0,2–1,2
5. Древние пляжные галечники с валунами. Заполнитель – разнозернистые пески различной окраски. В кровле слоя – нижний докерамический горизонт.....	до 0,5 и более

Первый сводный донеолитический культурный горизонт зафиксирован только на Курле I, где проходил как 2-й к.г. Его возраст оценен в рамках 9–12

тыс. рад. л.н. (Шмыгун П.Е., 1981, с. 125). Ко второму сводному донеолитическому культурному горизонту отнесены первые культурные горизонты местонахождений Курла II–III и VI, а также 3-й к.г. Курлы I. Для него получены даты по углю $15\ 200 \pm 1\ 250$ (СОАН-1396), по кости – $13\ 160 \pm 960$ (СОАН-1396-К), по углю – $14\ 150 \pm 960$ (СОАН-1398) (Шмыгун П.Е., 1981, с. 126; Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина, 2019, с. 7). Третий сводный донеолитический культурный горизонт составлен из 2-х культурных горизонтов Курлы II, III, VI. Первоначально по нему была по углю получена дата $24\ 060 \pm 5700$ л. н. (СОАН-1396). Недавно с нашим участием получены две даты по кости из 2 к.г. Курлы II 13380 ± 70 (Poz-106025) и 13790 ± 70 (Poz-106027) (Шмыгун П.Е., 1981; Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А., 2019, с. 7).

На Курле IV Т.А. Абдуловым описана следующая стратиграфическая ситуация, сверху вниз (Абдулов Т.А., 1991, с. 56–57):

	Мощность, м
1. Современный почвенно-растительный горизонт.....	0,04–0,10
2. Супесь красно-бурого цвета с постепенным осветлением к нижней границе.....	0,25–0,50
3. Пачка чередующихся прослоек светло-серого мелкозернистого песка и плотной белесоватой супеси. Верхняя прослойка песка с включением дресвы. Зафиксировано три уровня супесчаных погребенных почв светло-коричневого цвета. Пачка деформирована морозобойной трещиной, устье которой заложено с уровня верхней погребенной почвы. Длина трещины – 1,5 м, ширина устья – 0,5 м. Заполнение – светло-серые пески. Мощность прослоек песка снизу вверх уменьшается, супеси – возрастает. В нижней погребенной почве – культурный горизонт II.....	0,50–0,75
4. Пачка чередующихся прослоек светло-серого мелкозернистого песка и супеси палевого цвета. Пачка деформирована трещиной, заложеной из вышележащей пачки. В нижней прослойке песка –	

включения дресвы. Прослойки супеси и песка равномерно чередуются, мощность их 0,10 м. С седьмого метра вглубь террасы появляется прослойка светло-коричневого суглинка мощностью 0,05 м, которой приурочен культурный горизонт Ш.....0,15 – 0,50

5. Галька крупных, средних и мелких размеров, хорошо окатанная, уплощенной формы. Заполнение – песок палевого цвета. Слой примыкает к галечному пляжу оз. Байкал. До седьмого метра вглубь террасы поверхность слоя повышается, затем понижается и отделяется от прослойки суглинка мощностью до 0,10 м. С первыми семью метрами поверхности галечника связан культурный горизонт Ш.....вскрыто до 0,40

Выделенные II и III культурные горизонты по совокупности стратиграфических и мофро-типологических представлений датированы возрастом около 7 и 8–10 тыс. рад. л.н., соответственно (Абдулов Т.А., 1991, с. 57).

Третий объединенный донеолитический культурный горизонт

Третий объединенный донеолитический культурный горизонт представлен на Курле II, III и IV 2-м культурным горизонтом. Значительное время его возраст оценивался, исходя из даты 24 060±5700 л. н. (СОАН-1396). Хотя П.Е. Шмыгун и Г.И. Медведев высказывали осторожные сомнения относительно ее валидности, эта дата порождала, в целом, отношение к 3-му горизонту как к древнейшей в Прибайкалье микролитической индустрии (Лынша В.А., 1980; Medvedev G.I., 1998). Полученные недавно даты по кости из 2 к.г. Курлы II, входящего в 3 объединенный донеолитический горизонт, 13380±70 л.н. (Poz-106025) и 13790±70 л.н. (Poz-106027) существенно изменили возрастную оценку. Общая вскрытая площадь 3 к.г. на двух пунктах Курлы II и III составляет более 60 кв. м. (Шмыгун П.Е., 1981, с. 126).

Палеонтологические определения костным остаткам были даны Л.Н. Иваньевым (Шмыгун П.Е., 1981, с. 127). Это изюбрь, горный баран, мелкий хищник (лиса или песец) и крупный грызун (заяц?). Палинологическое

заклучение, составленное В.М. Климановой (Шмыгун П.Е., 1981, с. 127) рисует картину светлохвойной тайги с редким подлеском и густым травянистым покровом.

Первую выразительную группу изделий образуют микронуклеусы – 87 экземпляров (рис. 38.1–8). В общем с ним контексте состоят технические сколы с микронуклеусов (236 экз.), фрагментированные и целые микропластины (2024 экз.). Первый технологический анализ микронуклеусов был сделан автором их открытия П.Е. Шмыгуном. Эти микронуклеусы имеют форму близкую к клиновидной, но «клин» или «киль» выражен условно и образует с гребнем единую кривую линию (Шмыгун П.Е., 1978; 1981, с. 126). Высота фронта не превышает 3 см, ширина фронта – до 8 мм. Угол между фронтом и площадкой около 90°. Судя по апплицированным лыжевидным сколам, угол скалывания, изначально острый, имел тенденцию в процессе отжима к увеличению (рис. 38.5,6). Трасологические наблюдения П.Е. Шмыгуна и А.К. Филиппова выявили микроследы подшлифовки фронта ударной площадки микронуклеусов (Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1982, с. 21).

Вторым исследователем, занимавшимся анализом техники микронуклеусов 3 культурного горизонта, был В.А. Лынша (Лынша В.А., 1980). Он описал и выделил на этой основе курлинскую технику и курлинскую индустрию как тип. Курлинская техника микронуклеуса имеет в качестве исходной формы отщеп с двусторонней подправкой по всему периметру (Лынша В.А., 1980, с. 8). С него продольными ударами отделялись краевой и лыжевидный технические сколы. Полученная после снятия плоскость использована как отжимная площадка. Сработанный нуклеус имеет высокий, гребневой, сегментовидный профиль.

Г.И. Медведев, характеризовал микронуклеусы нижнего (третьего) комплекса Курлы как наивысшую в регионе манифестацию «стандартизированных» микронуклеусов. Производство большого объема микропластин было основано на технике «резцового скола», конечная цель

которого остается неясной: получение ли это микропластин, или подготовка нуклеуса, резцов, резчиков для каких-то операций вроде скобления кости и дерева (Medvedev G.I., 1998, с. 132).

Еще один подход к технологическому микронуклеусов 3 к.г. был сделан Дж. Фленникеном и опубликован в статье «Дюктайская палеолитическая техника отжима микропластин в Сибири» (Flenniken J.J., 1987). Дж. Фленникен связал курлинские нуклеусы с клиновидными нуклеусами Дюктайской пещеры, Усть-Миля, Эжанцев, Ихине II, Верхне-Троицкой, Макарово II, Верхоленской Горы и описал по схеме производства бифаса – тепловой обработки – снятия лыжевидного скола – отжима микропластин (Flenniken J.J., 1987, fig. 2, 3, 4). Однако, нетрудно заметить, что эта схема аналогична технологической схеме производства нуклеуса типа юбецу (Васильевский Р.С., Лавров Е.Л., Чан Су Бу, с. 52; Nakazawa Y. et al., 2005, fig. 3).

Такая же характеристика микронуклеусов нижнего комплекса Курлы как нуклеусов юбецу была дана в монографии Ситливого В., Медведева Г.И., Липниной Е.А. (Sitlivy V., Medvedev G.I., Lipnina E.A., 1976, p. 76).

Вторая группа изделий, придающая своеобразную специфику нижнему, третьему горизонту, состоит из орудий обработки кости и рога, изготовленных из мелких отщепов микрокварцита (рис. 38.10–13,17, 40). Формально, это разнообразные в контуре изделия с выемками, шипами, резцовыми сколами. Трасологический анализ позволил атрибутировать их как орудия разнообразной кинематики – скобления, резания, провертывания – в работе с костью, рогом и шкурами. Наблюдаемые на них микроследы – ретушь фасеточного изнашивания (Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1982, с. 21). В совокупности с коллекцией изделий из кости и рога эта группа определяет деятельность по обработке кости и рога как руководящую в оценке функции стоянки. Вместе с микропластинчатым производством и пазовыми обоймами этот технологический контекст свидетельствует об изготовлении композитного вкладышевого охотничьего вооружения.

Группа макроформ орудий немногочисленна и не образует устойчивых серий. В нее входят обломок бифаса (рис. 37.2), скребловидная форма из плитки (рис. 37.1), продольно ретушированные удлиненные отщепы – скребки (рис. 38.20, 21).

Костяная коллекция состоит из 26 предметов, в том числе 12 обломков игл, пластин из рога благородного оленя, колотушки из рога, вкладышевого орудия (рис. 39) (Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1982, с. 15). В изготовлении их применены приемы расчленения, резания, скобления, абразивной шлифовки, истирания, пропиливания, гравировки (Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1982, с. 17). Вкладышевое орудие изготовлено из рога, имеет два паза, уплощенный насад, снабженный большим количеством поперечных насечек (рис. 37.17).

Гравированных предметов пять. Первые два – это сегментовидные пластины из рога с изображениями нанесенными на выпуклом фесе (рис. 39.2,3). У обеих пластин один конец уплощен, вероятно, как насад, другой конец обломан. На выпуклой стороне одной из них нанесены – прорезаны параллельные прямые линии, всего 12–13) с шагом отступления от предыдущей линии менее 1 мм (рис. 39.2). Длина линий – 11–13 см. Вторая орнаментированная пластина имеет рисунок в виде «пера» или «ветки» (рис. 39.3) (Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1982, с. 15–16, рис. 1–1, 2; Medvedev, 1998, fig. 129–1, 2). Это комбинация из одной длинной (около 8 см) прорезанной V-образной линии и сходящихся под острым углом к ней частых коротких линий длиной до 2 см. Эти сопряжения приходятся лишь на часть, примерно, половину длины основной линии.

Еще одно орнаментированное изделие – фрагмент трубчатой кости. «Композиция его такова: в средней части на выпуклой стороне четко прослеживаются 18 параллельных коротких линий. Затем две линии сходятся под углом. После этого рисунок постепенно перемещается к правой грани и представляет собой зигзагообразную линию. Рисунок выполнен пропилами.

Следов утилизации, кроме облома, на изделии не обнаружено» (Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1982, с. 16, рис. 1–4; Medvedev, 1998, fig. 129–3).

Найдены два стержневых изделия из рога, орнаментированные короткими поперечными пропилами. В том числе на одном стержне – пересекающиеся (рис. 39.4) (Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1982, с. 16, рис. 1–3).

Еще один пример орнаментации дает обрубок прикорневой части рога. По периметру его тела «очень тонкими продольными линиями нанесены группы параллельных или почти параллельных бороздок. Сами же группы ориентированы в диагональных направлениях. Корневой торец изделия несет следы работы. Изделие выполняло функции песта-разминателя» (Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1982, с. 15–16, рис. 1–5).

Иглы также были подвергнуты трасологическому обследованию (рис. 39.1) (Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1982, с. 17). Определено, что ушки их – биконические просверленные отверстия, имеющие следы легкого износа от «нити».

Обсуждение

П.Е. Шмыгун характеризовал нижний, третий объединенный донеолитический горизонт Курлы I–III как экзотичный, не имеющий прямых аналогов ни в микронуклеусах, ни в группе микроорудий по кости и рогу, ни в группе орудий из этой самой кости и рога. Гравировки на последних возможны были только с применением такого инструмента как «линейка». На основе этих аргументов, в частности, выдающихся материалов костяной индустрии, а также данных о возрасте он предлагал в одной из своих работ выделить курлинскую донеолитическую археологическую культуру (Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1982, с. 22). В отношении 3 к.г с 1 и 2 объединенными донеолитическими горизонтами Курлы I–III подчеркивались резкий контраст, отсутствие каких-либо аналогий (Шмыгун П.Е., 1981, с. 127).

В.А. Лынша, также оценивая нижний курлинский комплекс как оригинальный, выделил его как тип в кругу мезолитических индустрий юга Средней Сибири (Лынша В.А., 1980, с. 11).

Г.И. Медведев соотносил этот комплекс с нижними горизонтами Красного Яра и стоянкой Икарал в Забайкалье и в целом с палеолитическими памятниками Южной Сибири, противопоставляя дюктайской культуре (Medvedev G.I., 1998, p. 132).

С нашей точки зрения, оценка нижнего комплекса должна строиться на совокупности позиций его характеристики: костяной индустрии, группы микроорудий костяной обработки, микропластинчатых нуклеусов, макроформ и новых датировок.

Ближайшим источником для сопоставлений с костяной индустрией 3 к.г. Курлы I-III является коллекция изделий из кости и рога 5–9 к.г. Большого Якоря I, судя по радиоуглеродным датам, на 1–2 тыс. лет более поздняя. В ней также есть один целый вкладышевый наконечник и несколько фрагментов пазовых обойм, иглы, перекликающиеся с подобными находками здесь, в 3 к.г. Более поздние вкладышевые орудия в регионе представлены уже голоценовыми погребениями Старого Витима II и Нижней Джилинды I (Сивакона). Гравировки роговых пластин в виде параллельных прямых тонких линий с минимальным шагом интервала, встреченные в 3 к.г. Курлы I-III, безусловно, уникальны для палеолита Северного Прибайкалья. Они могут быть определены в первом приближении как не-иконические знаки, и в этом отношении вряд ли может быть предложена надежная база для интерпретаций. Однако, как минимум, находки демонстрируют знаковую деятельность и с нею связанное сложное социальное поведение в аспекте установления некоего уровня идентичности (Лбова Л.В. 2016, с. 41). Одновременно с этим, как справедливо отмечал сам П.Е. Шмыгун, тонкая гравировка была возможна только с использованием такого инструмента как «линейка» (Шмыгун П.Е., 1982, с. 22). Само появление этих рисунков есть свидетельство уровня достижения технических возможностей человека эпохи финального

плейстоцена. За этим исключением, однако, следует упомянуть находки костяных изделий в 1-м объединенном донеолитическом горизонте Курлы I-III. Среди них также есть артефакт с выгравированным ритмическим рисунком (Шмыгун П.Е., 1981, рис. 2–5).

Орудия сферы обработки кости и рога (резцы, резчики, скобели, провертки), по нашему мнению, в первую очередь отражают специфическую деятельностьную ситуацию, имевшую место на стоянке и наложившую неповторимый отпечаток. Сколь сильно специфическая по роду деятельности, кратковременности, сезону и наличию каменного орудийного ресурса может возникать ситуация, оставляя после себя исключительно своеобразный археологический комплекс, мы можем видеть в случае с 2Г к.г. Коврижки IV, контрастно отличающимся от 2Б и 6 к.г. этой же стоянки. Общая черта резцов-скобелей 3 горизонта Курлы I-III – многофункциональное использование различных подходящих участков случайного контура отщепа. Принципиально подобные резчики, скобели встречены и изучены трасологически во 2Г к.г. Коврижки IV. Там были определены отщепы из жильного кварца, точно также несущие на различных углах и сторонах следы резания и скобления кости и рога.

Микронуклеусы составляют третий ключевой контекст 3 объединенного донеолитического горизонта Курлы I-III. П.Е. Шмыгуном, В.А. Лыншей, Дж. Фленниконом описана техническая цепочка подготовки и эксплуатации нуклеуса. П.Е. Шмыгуном подмечены такие детали как подшлифовка фронтальной кромки ударной площадки, увеличение в ходе отжима рабочего угла от острого к прямому. Дж. Фленникен предположил, что микронуклеусы проходили перед отжимом тепловую обработку. Миниатюрная форма нуклеуса, подобная уже трансверсальному резцу, побудила Г.И. Медведева предложить идею техники резцового скола в отжиме микропластин. Во всяком случае, реконструируемая последовательность «бифас – снятие продольного краевого и лыжевидного сколов – отжим микропластин» демонстрирует юбечу-технология, быть может, в одном из самых рафинированных

(стандартизированных, управляемых, миниатюрных) вариантов. Хронологически ближайшими аналогиями юбецу-техники являются ее варианты на Большом Ягоре I, в 7 к.г. Усть-Каренги I–XVI, а также 2 к.г. Курлы I–III, но, конечно, не столь миниатюрные. Наиболее ранние продукты техники юбецу, краевые и лыжевидные сколы с бифасов в Северном Прибайкалье зафиксированы во 2Б к.г. Коврижки IV, около 15,3 тыс. рад. л.н. / 18,5 тыс. кал. л.н.

Наличие большого листовидного бифаса формально выступает аргументом для корреляционной связи 3 горизонта с дюктайско-верхоленским технокомплексом.

Радиоуглеродный возраст 3 к.г около 13,8–13,4 тыс. л.н. незначительно древнее даты по кости 2-го объединенного донеолитического горизонта, около 13,2 тыс. л.н. На этой основе вновь возвращаясь к оценке данной П.Е. Шмыгуном, принципиальной инокультурности 3 и 2 горизонтов Курлы I–III, мы полагаем, что в защиту этой идеи может быть положено сейчас то отличие, которое мы видим в юбецоидных нуклеусах и технике их исполнения в обоих горизонтах. Остальные же аспекты, связанные с костяным производством, скорее отражают деятельностьную специфику стоянки 3 горизонта, чем принципиальную инокультурность, особенно в новых обстоятельствах близкого радиоуглеродного возраста.

В целом, по признакам юбецоидной техники микронуклеуса, наличию традиции бифасиальной обработки мы считаем, что 3-й объединенный донеолитический горизонт следует определять как локальный вариант верхоленско-дюктайского технокомплекса.

Второй объединенный донеолитический культурный горизонт

Второй объединенный донеолитический культурный горизонт самого начала исследований был лучше обеспечен радиоуглеродными датировками. По нему имеются две даты по углю 15 200±1 250 (СОАН-1396), по углю – 14 150±960 (СОАН-1398) и дата по кости – 13 160±960 (СОАН-1396-К), (Шмыгун П.Е., 1981, с. 126; Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А., 2019).

Учитывая новые даты по 3 к.г. около 13,8–13,4 тыс. рад. л.н. валидной следует трех дат признать наиболее молодую дату по кости.

2-й объединенный донеолитический горизонт является наиболее разрушенным. На пунктах Курла I–II установлено, что разрушения случились еще в древности и имели природу склонового сноса (Шмыгун П.Е., 1981, с. 126). В коллекцию входят 5 клиновидных нуклеусов, 26 резцов, 5 чопперовидных изделий, 3 скребка 273 фрагментированных и целых микропластины, колотушка и пластина из рога оленя (Шмыгун П.Е., 1981, с. 125–126; Мочанов Г.Н., 2019).

Все пять клиновидных нуклеусов изготовлены либо из бифасов, либо имеют бифасиальную краевую подработку скола-преформы (1 случай) (рис. 41.1–5). Во всех пяти случаях ударная площадка образована одним продольным лыжевидным или краевым сколом. Кроме того, в коллекции имеются реберчатые (4 экз.) и лыжевидные (4 экз.) скола, причем в двух случаях есть аппликации двух лыжевидных и лыжевидного с реберчатым сколов (рис. 42.1–6). Один нуклеус в начальной стадии эксплуатации демонстрирует исходную форму (рис. 41.1). Это горизонтально ориентированный бифас. Его обушковый продольный край, предназначенный под ударную площадку и несущий негатив продольного скола, имеет слабовыпуклый контур, более длинный. Второй край сегментовидный или полулунный, оформляет основной контур нуклеуса, включая киль, фронт и контрфронт.

Самую массовую серию образуют трансверсальные резцы (рис. 41.7–10, 43.4–9). Три из них – двойные альтернативные. Тело резцов, в большинстве случаев, обработано крутой ретушью. Участок головки, как правило, имеет несколько скошенный к резцовой точке край.

Третью серию образуют три скребка: два округлых из отщепов и один концевой из пластинчатого отщепа (рис. 41.11–13, 43.1–2).

Галечные орудия представлены пятью чопперами.

Обсуждение

Клиновидные нуклеусы, реберчатые и лыжевидные сколы, бифасы составляют единый контекст техники юбецу. Трансверсальные резцы обнаруживают полную аналогию с таковыми же резцами 4Б–9 к.г. Большого Якоря I и резцами 7–8 к.г. Усть-Каренги I–XVI (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., с. 218–219; Ветров В.М., 1995, с. 35). Прямые аналоги в этих комплексах находят и скребки.

В отношении этих трех ведущих признаков – юбецоидных нуклеусов, трансверсальных резцов и округлых, морфологически выраженных скребков – 2 к.г. Курлы I–III следует признать подобным плейстоценовым горизонтам Большого Якоря и Усть-Каренги I–XVI. Более того, триаду этих признаков (впрочем, нуклеусы не юбецоидны) мы обнаруживаем во 2 к.г. Красной Горки на Еравнинских озерах в Восточном Прибайкалье (Бурятии), изучение которой ведет Н.В. Цыденова (Tsydenova N., Piezonka H., 2015, p. 109; Tsydenova N., Andreeva D., Zech W., 2017, p. 85).

Первый объединенный донеолитический культурный горизонт

1-й объединенный донеолитический культурный горизонт выявлен только на местонахождении Курла I, на котором он именуется как 2-й культурный горизонт. Раскопом вскрыта часть жилого комплекса: остатки кладки, кострища и археологический материал в ее пределах (Шмыгун П.Е., 1981, с. 124).

Коллекция каменных артефактов состоит из грубопризматических (4 ед.) и торцово-клиновидных (5 ед.) нуклеусов, бифасов (3 ед.), скребков (40 ед.), резцов (10 ед.), скребел (10 ед.) и скребловидных орудий (6 ед.), ножевидных орудий (4 ед.), комбинированного унифасиального орудия (1 ед.), чопперов (8 ед.), тесловидных орудий (8 ед.), отщепов и сколов с краевой ретушью различных модификаций (10 ед.), шлифованного абразивного орудия, технических сколов (82 ед.), отщепов различной конфигурации и размерности (1536 ед.). В списке поделочных пород камня состоят сливной микрокварцит, кварциты разной зернистости, серпентинит, кремнь разных цветовых вариаций, кварц и опаловидный кварц, сургучная яшма,

метабазальты, метадиабазы, метапесчаники, кремнистый сланец, гнейс (Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А., 2019, с. 8–21).

Четыре грубопризматических нуклеуса морфологически однотипны друг другу (рис. 44.15). Они изготовлены из крупных плоских галек или плиток. Скалывание велось по периметру или его части в поперечном направлении с одной из плоскостей, служивших ударной площадкой без предварительной подготовки.

Микропластинчатые нуклеусы менее выразительны, чем микронуклеусы 2-го объединенного горизонта. Среди приводимых в публикации Г.Н. Молчанова, Д.Н. Молчанова и Е.А. Липниной форм, на наш взгляд, однозначно выраженными являются только три экземпляра. Один предмет, вероятно, может быть преформой для торцового микронуклеуса (рис. 44.13), один отщеп с двумя негативами на торце поперечного края спорен как нуклеус (рис. 44.14), и один артефакт из жильного кварца, скорее, может быть атрибутирован как *pièce esquilée*. Первые два выраженных микронуклеуса изготовлены из бифаса, имеют скошенную к контрфронт ударную площадку, образованную одним фронтальным ударом, несомненно, они являются юбецоидными нуклеусами (рис. 44.11, 12). Третий нуклеус, на первый взгляд, парадоксален (рис. 44.10). Он также изготовлен из бифаса. Но фронт микропластинчатых снятий ориентирован с реберчатого бифасиального гребня на дистальный край, образованный продольным реберчатым или лыжевидным снятием, обычно таким оформляют ударную площадку микронуклеуса в манере техники юбецу. По нашему мнению, вероятнее всего, нынешнее положение фронта вторично. Изначально вышеназванная плоскость и была ударной площадкой, но в силу возникшего брака отжим был переориентирован на 180° , т.е. продолжен с противоположного конца – бифасиального ребра, получившего минимальную подготовку под площадку.

Наиболее многочисленная серия скребков представляет собою различные варианты дислокации лезвия на короткой отщеповой основе (рис. 44.1–6).

Все резцы трансверсальные, один из них двойной альтернативный (рис. 44.7–9).

В группе бифасов два из микрокварцита можно отнести к макроформам с размерами более 10 см в длину. Один бифас подчетыреугольной формы со слабовыпуклыми продольными краями (рис. 45.5). Второй бифас подтреугольной остроконечной формы с выпуклыми боковыми конвергентно сходящимися боковыми краями (рис. 45.6). В обоих случаях формально можно говорить о бифасиальных скреблах. Третий бифас является, вероятно, пяточным фрагментом крупного изделия из кварца. Бифасиальной подработке подверглось орудие, отнесенное Г.Н. Молчановым, Д.Н. Молчановым и Е.А. Липниной к ножам (рис. 45.2). Это орудие из крупного отщеп субовального контура со скошенным обушком, тщательно обработанное по одному фасу (дорсальному), в том числе и с обушка, и получившего по второму фасу только краевую обработку узких краев.

Среди орудий морфологически выраженных, т.е. получивших в результате вторичной обработки модифицированную, существенно измененную против исходной форму следует описать помимо вышеназванного изделия еще три.

Одно из них представляет собою тщательно выделанный из крупного пластинчатого скола унифас (лимас) с продольными обработанными ретушью краями, сходящимися в узком конце (рис. 45.3). Второй противоположный конец имеет скребковую головку, асимметрично выделенную выемкой-плечиком с более выпуклого края.

Еще одно модифицированное обработкой орудие – это остроконечник равнобедренной треугольной формы, изготовленный унифасиальной обработкой отщеп (рис. 45.1). Сохранен рудимент ударной площадки – фрагмент проксимального конца на углу орудия. Рабочая точка остроконечника приходится на правый угол сопряжения трансверсального и бокового ретушированных краев. С левого бокового края нанесены несколько негативов, уплощающих высокий реберчатый профиль. Рабочий угол

остроконечника имеет короткий плоский негатив на вентральном фасе, вероятно, амортизационного происхождения.

Третье орудие, формально, скребло – унифас (лимас), изготовлено из крупного галечного скола (рис. 45.4). Тщательно обработан по всему периметру его вентральный фас. Дорсальный фас полностью сохраняет галечную корку. Конур вытянутый. Два продольных выпуклых края сходятся в двух узких концах.

Отдельно следует упомянуть плоскую гальку со следами растирания охры и кусок гематита.

Коллекция изделий из кости и рога 1 к.г. весьма представительна. Она включает одну пазовую обойму, два фрагмента пазовых обойм с насадами, один целый гарпун и два обломка, одну колотушку, два фрагмента острий, одно изделие с глубоким пазом из фрагмента рога, пять изделий из пластин рога, фрагменты рога и костей со следами обработки. Всего – 22 ед.

Целое вкладышевое орудие имеет один паз (рис. 46.1). Рабочий конец затуплен. Насад двусторонне уплощен. На одном из фасов выгравирован рисунок ««обратная елочка»: продольный «ствол» на котором расположены семь парных симметричных «лап», концы «лап» ориентированы на дистальную часть орудия. Кроме «елочки» менее глубоким прорезом нанесена тонкая местами параллельная, в двух местах пересекающая (обвивающая) ствол «елочки» линия» (Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А., 2019, с. 21–22). То обстоятельство, что уплощающие плоскости насада перекрывают и паз, и рисунок, притупление также перекрывает паз, по нашему мнению, является свидетельством переоформления пазового орудия (наконечника?) в тупоконечник, подобно тем, которые найдены в 6 к.г. Большого Якоря I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.41 – 3, 9).

Интересную, прежде нигде не встреченную деталь насада демонстрирует фрагмент двухпазовой обоймы (рис. 46.2). Помимо поперечных насечек он снабжен еще и двумя желобчатыми выемками, идущими от края вдоль продольной оси по центру обоих фасов.

Два обломанных гарпуна позволяют судить о двух рядном асимметричном характере зубцов (рис. 46.3,4). Один фрагмент сохранил насад (рис. 46.3). Он имеет форму равнобедренного треугольника или высокой трапеции с поперечными насечками. Этот гарпун, практически идентичен опубликованному гарпуну из III слоя Верхоленской Горы I (Аксенов М.П., 1980, рис. 10 – 1). В регионе Северного Прибайкалья единственный функциональный аналог этим гарпунам составляет гарпун из 6 к.г. Большого Якоря I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.41 – 8, 6.42 – 1).

Колотушка изготовлена из рога северного оленя (рис. 46.6). В роли рукояти выступает нижний надглазничный отросток (Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А., 2019, с. 23).

Еще одно специфичное изделие изготовлено из прикорневого фрагмента рога (рис. 46.5). «Размеры: 86×31×45 мм. От дистального окончания фрагмента рога (противолежащего корню) на 2/3 длины изделия прорезан продольный паз шириной около 10 мм. Глубина паза в основании 10 мм, постепенно уменьшается до 2 мм. Паз ограничивает V-образная в поперечном сечении канавка, глубиной 3–4 мм, проходящая диагонально по окружности рога. Прикорневой участок рога от канавки скруглен, на его торце оформлена площадка. Поверхность рога, противолежащая пазу, также уплощена. На изделии фиксируются следы функционального износа: разрушение компактного вещества на одном из бортов паза приведшее к отслоению края орудия; неравномерное разрушение губчатого вещества внутри паза» (Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А., 2019, с. 24). Авторами публикации коллекции было сделано предположение, что этот артефакт работал в качестве удерживающего приспособления, например, при отжиме пластин с нуклеуса (там же).

Обсуждение

Автор раскопок П.Е. Шмыгун отмечал сходство 1-го и 2-го объединенных донеолитических горизонтов Курлы I–III по всем основным позициям микронуклеусов, резцов, скребков, макроорудий (Шмыгун П.Е.,

1981, с. 126). Различия отмечались в степени представительности основных групп изделий: в 1 к.г. лучше представлены скребки, скребла, унифасиальные орудия. Во 2 к.г. – трансверсальные резцы. П.Е Шмыгун относил и 1-й, и 2-й к.г. к верхоленской мезолитической культуре. Возраст 1 к.г. определял в диапазоне 9–12 тыс. рад. л.н. (Шмыгун П.Е., 1981, с. 125).

В.А. Лынша на основе обоих горизонтов сформулировал северобайкальский тип индустрии (Лынша В.А., 1980, с. 12).

Авторы публикации материалов 1 к.г., ученики П.Е. Шмыгуна Г.Н. и Д.Н. Молчановы, а также Е.А. Липнина продолжили идею соотнесения с Верхоленской Горой, но при этом также в качестве основного коррелята указали на 3А–9 к.г. Большого Якоря I (Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А., 2019, с. 33). Пойдя дальше, они определили 1 к.г. Курлы I–III к дюктайской культуре. Логика этой атрибуции, во-первых, может быть объяснена тем, что один из опорных коррелятов, Большой Якорь I уже был отнесен Е.М. Инешиним к дюктайской и верхоленской культурам (Белоусов и др., 1990, с. 64). Позднее, основным типологическим фоном для характеристики Большого Якоря I выступала именно дюктайская культура (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 209). Во-вторых, Ю.А. Мочанов, автор выделения дюктайской культуры, выступал за продление ее ареала на юг Сибири за счет включения памятников верхоленско-кистеневского круга (Мочанов Ю.А., 2007, с. 49).

Появление опорного памятника Большой Якорь I в регионе Северного Прибайкалья открыло то «окно возможностей», какого еще не было, когда завершили спасательные работы на Курле: стоянка Большой Якорь была открыта на 6 лет позже, в 1985 году, и сравнительно недавно монографически издана (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010). Наиболее ранний ее горизонт – 9 к.г. – датирован около 12,7 тыс. рад. л.н., т.е. несколько моложе 2-го о. д-н. к.г. и, вероятно, близок возрасту 1-го о. д-н. к.г. Курлы I–III. С нашей точки зрения Г.Н., Д.Н. Молчановы и Е.А. Липнина правы, указывая на их общее сходства в материале (Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А., 2019, с.

33). Но, при этом, они не дали развернутого анализа сходства, имеющего значение в деле изучения материальной культуры Северного Прибайкалья. Такой анализ должен быть дан.

В первую очередь, остановимся на микронуклеусах. В 1 и 2 к.г. Курлы I–III это нуклеусы техники юбецу, однотипные микронуклеусам Большого Якоря I. Следует отметить, что ранее определение курлинских микронуклеусов как соответствующих технике юбецу сделано также Ситливым В., Медведевым Г.И., Липниной Е.А. (Sitlivy V., Medvedev G.I., Lipnina E.A., 1976, p. 76). Во 2-м к.г. микронуклеусы представлены лучше, в нем найдены также лыжевидные и краевые технические сколы, обязательные компоненты этой техники. Во 2-м же горизонте есть нуклеус в начальной стадии эксплуатации, позволяющий увидеть исходную форму – асимметрично выпуклый бифас, с одним слабовыпуклым обушковым краем, предназначенным под ударную площадку, и другим краем полулунного или сегментовидного контура, тонкого сечения, охватывающим фронт, контрфронт и киль. В материалах 3А – 9 культурных горизонтов Большого Якоря I эта форма является основной для нуклеусов юбецу. Наиболее обеспеченные горизонты 3В, 6, 7 многократно демонстрируют ее (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.10–1, 6.11–1,2, 6.26–5,7, 6.73–1, 6.77–1,3).

Практически полную идентичность обнаруживают трансверсальные резцы 1 и 2 к.г. Курлы I–III и 3А–9 к.г. Большого Якоря I. Наибольшее их количество – в 6 к.г., 31 экз. (27 трансверсальных). Однозначно можно расценивать их как руководящий признак для стоянок обоих местонахождений.

Третьим общим признаком являются скребки. Они имеют параболическое, либо эллипсоидное лезвие. Под основу выбирались отщепы, иногда удлинённых пропорций. Лезвия вариативны в дислокации от концевой, дистального края до полного периметра.

Устойчивую группу на Большом Якоря I образуют скребла. В том числе в 6-м и 5-м культурных горизонтах представлены поперечные

(трансверсальные) скребла (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.29–4, 6.38–3,4), продольные-боковые скребла (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.29–3, 6.49–5,9). Аналог двойного бокового скребла – унифаса-лимаса из 1 к.г. Курлы I–III мы видим в подобном орудии из 6 к.г. Большого Якоря I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.38–2).

Примечательно бифасиально обработанное орудие из 1 к.г. Курлы I–III. Во-первых, оно изготовлено в манере, весьма характерной для Большого Якоря I тщательной полной обработки дорсального фаса и приостряющей краевой обработки ретушью вентрального фаса (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.1–7, 6.8–2,3). Но еще более интересна конфигурация обушка и лезвия. К одному краю обушка ребро примыкает под острым углом. К другому – под тупым, являясь окончанием параболического контура узкого края бифаса. Общий вид, таким образом, крыловидный. Это сочетание обушка и лезвия довольно устойчиво. Примеры есть в 9, 7, 6 культурных горизонтах Большого Якоря I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.1–7,9, 6.8–3, 6.26–4). На нижнем Витиме подобный бифас найден в 3 к.г. Коврижки II (Тетенькин А.В., 2010, рис. 12.6). На Северном Байкале – в подъемном материале на о-ве Богучанский (Тетенькин А.В., Кичигин Д.Е., 2018, рис. 2–1). Морфологически подобные изделия мы находим в III к.г. Соснового Бора (Медведев Г.И., 1971, табл. 46–4), V к.г. Соснового Бора (Лежненко И.Л., Медведев Г.И., Михнюк Г.Н., 1982, рис. 8–6), в III к.г. Верхоленской Горы (Аксенов М.П., 1966, рис. 6–2, 3; Аксенов М.П., 1980, рис. 52, 77), в 3 к.г. Коврижки II (Тетенькин А.В., 2010, рис. 12–6). М.П. Аксенов описывал такие орудия как разновидности ножа «улу».

Весьма близка курлинским и коллекция костяных изделий Большого Якоря I. Здесь следует перечислить вкладышевые обоймы из 7, 6, 5 культурных горизонтов (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.19–24, 6.41–5, 6.49–1,2), наконечники с притупленным концом из 6 к.г. (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.41–3,9), иглы из 6 и 4Б к.г. (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.41–2, 6.62–1,2), гарпун из 6 к.г. (Инешин Е.М.,

Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.41–8), колотушку из 6 к.г. (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.41–6), костяные стерженьки-остроконечники из 6 к.г. (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.41–1,7).

В совокупности перечисленных аналогов следует признать 1 и 2-й объединенные донеолитические культурные горизонты Курлы I–III и 3A–9 культурные горизонты Большого Якоря I однокультурными, или, как минимум, комплексами с каменной и костяной индустрией весьма высокой степени подобия, именно, во всех ключевых признаках. Более того, на наш взгляд, на сегодня нет комплексов более близких плейстоценовым горизонтам Большого Якоря I, чем 1 и 2 к.г. Курлы I–III.

Курла IV.

Культурный горизонт 3.

3-й культурный горизонт выявлен на глубине 1,1–1,4 м. Вскрыто четыре кострища. У трех кострищ зольники развееаны. Одно кострище имело размеры 1,37×0,50 м, мощность 2–9 см (Абдулов Т.А., 1989, с. 58). Коллекция культурных остатков составляет 790 единиц. В том числе 282 ед. – фрагменты костей. А.А. Хамзиной (ИЗК СО АН СССР) даны фаунистические определения косули и благородного оленя.

В группу изделий входят три клиновидных нуклеуса (рис. 47.1,2), 11 целых и 28 фрагментов пластин (рис. 47.5,6), 8 целых и 24 фрагментов микропластин (рис.47.3,4), 13 скребков (рис. 47.7–10), из них 6 из пластин и 7 из отщепов, один скребок комбинирован с резцом, 6 резцов (рис. 47.14–17), в т.ч. 5 трансверсальных и 1 угловой, три проксимальных обломка листовидных унифасов (рис. 48.13,15,16), обломок ножа и крупной пластины (рис. 47.18), обломок сегментовидного в сечении остроконечника (рис. 48.14), пластины с краевой ретушью (рис. 47.11, 12), проксимальный сегмент крупной пластины с краями, ретушированным по антитезе (рис. 47.19), выемчатое орудие (рис. 48.10), проколка (рис. 48.11), отщеп с противоположающей ретушью (рис. 48.12), галечное скребло (рис. 48.17), чоппер (рис. 48.18) (Абдулов Т.А., 1991, с. 58–59).

Клиновидные нуклеусы средних пропорций соотношения высоты к длине. Изготовлены из сколов с бифасиальной подготовкой дистального ребра. Площадки оформлены серией коротких сколов с латерали и фронта и тем самым скошены к латерали.

Культурный горизонт 2.

2-й культурный горизонт залегал на глубине 0,9–1,0 м. Раскопами и шурфами выявлено три локальных комплекса концентрации культурных остатков с кострищами. Археологическая коллекция состоит из 88 предметов. Большая часть предметов, 63 единицы, была обнаружена возле одного из кострищ. В число изделий входят скол поджигления нуклеуса, тесло с перехватом (рис. 48.1), два однолезвийных ножа из массивных пластин (рис. 48.2, 3), отщеп с ретушью из отщепа (нож?), концевой скребок (рис. 48.4), Фронтальный скол с клиновидного нуклеуса (рис. 48.5), четыре отщепа с ретушью утилизации (рис. 48.6) (Абдулов Т.А., 1991, с. 57).

Обсуждение

Давая культурно-типологическую оценку докерамических 2-го и 3-го культурных горизонтов Курлы IV, Т.А. Абдулов соотнес их с верхоленской мезолитической культурой (Абдулов Т.А., 1991, с. 59). Нижний, 3-й культурный горизонт, в частности, сопоставлен со II к.г. Верхоленской Горы I по таким основаниям как клиновидные нуклеусы, трансверсальные резцы, сегментовидное в сечении острие–унифас. Вслед за датировкой этого комплекса Т.А. Абдулов полагал приемлемым датировать и 3 к.г. Курлы IV возрастом около 10 тыс. л.н. Второй культурный горизонт Курлы IV содержит такой типологически маркерный признак как тесло с перехватом, характерный для финального мезолита Приангарья (Абдулов Т.А., 1991, с. 57).

Сопоставляя ранний докерамический комплекс (3 к.г.) Курлы IV с верхними, 1 и 2 объединенными горизонтами Курлы I–III, Т.А. Абдулов указывал на ряд отличий и сходств. Отличия состоят в отсутствии на Курле IV бифасов, клиновидных нуклеусов юбецоидного облика, т.е. изготовленных из бифасиальных преформ, с ударными площадками, формленными одним

продольным сколом с торца–фронта. Примечательно также наличие на Курле IV крупных пластин, пластинчатых сколов и унифасиальных изделий из них, ретушированных по краю. Скребки, в большинстве, концевые, такая вариабельность среди скребков, какая есть во 2-м объединенном горизонте Курлы I–III, здесь отсутствует. Сходство наблюдается в большом количестве микропластин, листовидных унифасах и скреблах на гальках. В итоге эксплицировано «определенное технико-типологическое сходство» материалов 3 к.г. Курлы IV и 2 к.г. Курлы I (1-й объединенный донеолитический к.г. Курлы I–III) в виде принадлежности «к той технологической общности, ярким представителем которой является верхоленская мезолитическая культура в Южном Приангарье» (Абдулов Т.А., 1991, с. 60–61).

С точки зрения Г.Н., Д.Н. Молчановых и Е.А. Липниной (Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А., 2020, с. 33), различия между 3 к.г. Курлы IV и 2 к.г. Курлы I (1-й объединен. донеолитич. к.г.) – унифасиальная vs бифасиальная отделка орудий, пластинчатый vs отщеповый характер скола-заготовки – не позволяют рассматривать оба этих комплекса как однокультурные, не смотря на выдвинутые в обоих случаях аналогии с Верхоленской Горой I.

Учитывая близость, вплоть до тождественности, 1 и 2 объединенных горизонтов Курлы I–III, вероятнее всего, возраст 1-го к.г. близок возрасту 2-го к.г., т.е. окажется финальноплейстоценовым, около 13–12 тыс. рад. л.н. А это означает, что между им и 3 к.г. Курлы IV возможен хронологический разрыв.

Оба эти горизонта, 2 и 3 к.г. Курлы IV, представляя донеолитическую материальную культуру раннего голоцена на Северном Байкале, демонстрируют существование таких типов как трансверсальный резец, тесло с перехватом. С нашей точки зрения, это обстоятельство ценно тем, что в комплексах смешанного, компрессионного облика на Северном Байкале время от времени встречаются и те, и другие. Фиксация трансверсальных резцов и тесла с перехватом в стратифицированном положении во 2-м к.г. Курлы IV

дает типологическое основание для определения этих артефактов как мезолитических признаков или мезолитической компоненты смешанного слоя местонахождений Балтаханова II и III, Красный Яр II и Богучанский остров III (Тетенькин А.В., Кичигин Д.Е., 2018; Тетенькин А.В., Кичигин Д.Е., Коростелев А.М., 2019).

2. Лударская III

Стоянка Лударская III была открыта Л.П. Хлобыстиным в 1963 г. (Хлобыстин Л.П., 1965, с. 253). Она расположена на северо-западном берегу оз. Байкал возле пос. Байкальское, в северной части Лударской бухты, на пологом склоне 11–13-метровой террасы (рис. 1, 2, 35). Стоянка нарушена перепашкой и поэтому был собран лишь подъемный материал. Однако позднепалеолитический (эпипалеолитический) облик ряда находок позволил отнести комплекс к донеолитическому времени.

В первую очередь Л.П. Хлобыстин охарактеризовал бифасиально обработанное скребло полулунной или сегментовидной формы. Он определил это орудие как сходное с ножами типа «уло» (рис. 49.4), имеющимися на Верхоленской Горе и Черемушнике и отсутствующие «на памятниках иного времени и иного культурного облика» (Хлобыстин Л.П., 1965, с. 253, 255). Кроме того, найдены объемный нуклеус параллельного принципа расщепления с тремя ударными площадками, скребок, скребло и чоппер палеолитического облика (рис. 49.5–8). Следует также отметить, что в пятне находок Лударской III отсутствовали признаки неолитические – керамика, наконечники стрел, рыболовные крючки, шлифованные орудия.

На основе проведенных морфо-типологических параллелей Л.П. Хлобыстин отнес этот комплекс к концу сартана, а по археологической шкале к эпипалеолиту (Хлобыстин Л.П., 1965, с. 253).

3. Лударская I

Стоянка Лударская I расположена на пологом склоне первой террасы в 60–70 м от береговой линии озера, в 80–100 м к юго-востоку от

местонахождения Лударская III, на высоте около 5 метров от уреза воды (рис. 1, 2, 35) (Хлобыстин Л.П., 1965, с. 255).

Раскоп площадью 12 кв. м вскрыл следующую стратиграфическую ситуацию (рис. 49.1) (Хлобыстин Л.П., 1965, с. 255):

1. Черный, изредка сизый дерново-почвенный слой, мощность 0–0,10 м.
2. Красный суглинок, насыщенный щебенкой и галькой, мощность 0,10–0,26 м.
3. Плотный суглинок желтого цвета.

В почвенном гумусовом горизонте встречены находки толстостенной керамики, а также артефакты из нижележащего слоя. Выделен 1-й культурный горизонт. 2-й культурный горизонт концентрировался в нижней части красного суглинка на границе с нижележащим суглинком.

Керамика в нижнем культурном слое отсутствовала. 40% дебитажа составляли «ножевидные пластинки», что характеризует, в целом, комплекс как микропластинчатый. Сведения об общем количестве культурных остатков в коллекции в публикации отсутствуют. Субстратом каменного производства служил серовато-зеленый кремнистый сланец, реже – коричнево-малиновый, черный кремнистый сланец и халцедон.

Разнообразен комплекс изделий из ножевидных пластин. Это угловые резцы (рис. 50.8,13–17), продольно ретушированные вкладыши (рис. 50.22,23), проколка-провертка (рис. 50.20), пластинка со скошенным ретушью краем (рис. 50.21), скребки (рис. 50.5–7). В орудийную группу входят также концевые скребки из отщепов (рис. 50.1–4,10), срединные резцы из крупных сколов (рис. 50.11,12,18), полиэдрические резцы (рис. 50.28–34), сверловидное орудие-резчик (рис. 50.24). В группе нуклеусов один торцовый микронуклеус (рис. 50.27) и несколько сбитых ударных площадок с торцово-клиновидных нуклеусов (рис. 50.25). Галечные орудия представлены одним теслом с перехватом (рис. 49.2) и тесловидным орудием – унифасиально оббитой галькой (рис. 49.3). Найден обломок гарпуна (рис. 50.19).

Типологически значимой является находка тесла с перехватом, являющегося характерным для финального мезолита Прибайкалья типом (Медведев Г.И., 1971, с. 108). Важно отметить и то, что такое тесло с перехватом есть в 1-м донеолитическом горизонте Курлы IV (Абдулов Т.А., 1991, рис. 21.1). Торцовый-клиновидный микронуклеус, полиэдрические резцы и срединные резцы также являются характерными, руководящими типами финального мезолита. На момент публикации статьи Л.П. Хлобыстина для сравнительных операций имелись материалы Улан-Хады. С XI культурным горизонтом последней он связывал 2 к.г. Лударской I и относил к докерамическому неолиту (Хлобыстин Л.П., 1965, с. 271). Историографической особенностью этой работы Л.П. Хлобыстина является то, что она написана и вышла в свет еще до «мезолитической революции» конца 1960-х – начала 1970-х гг., приведшей к принятию концепции сибирского мезолита (Медведев Г.И., 1966а, 1971а, 1971б, 1971в; Медведев Г.И., Михнюк Г.Н., Шмыгун П.Е., 1975; Аксенов М.П., 1980).

Исследования Л.П. Хлобыстиным на Северном Байкале интересно рядом значений. Это была первая разведка, когда в поле зрения археологов на Северном Байкале несмешанные с неолитическим материалом палеолит-мезолитические по облику комплексы культурных остатков экспонированного или компрессионного залегания. Их археологическая оценка была дана исключительно на основе морфо-типологических суждений. В последствии (Балтаханова III, V, Красный Яр II, Богучанская IV, V). Эта ситуация будет повторяться. Если в последующие годы в характеристике мезолитических комплексов Северного Байкала акцент будет смещен на верхоленскую культуру (Шмыгун П.Е., 1981, с. 125; Абдулов Т.А., 1991, с. 61), то в работе Л.П. Хлобыстина была подчеркнута близость 2 к.г. Лударской I с байкальским финальным мезолитом, а именно с XI горизонтом Улан-Хады. Этот тезис впоследствии сохранит свою ценность.

4. Балтаханова III

Местонахождение Балтаханова III выделено на участке Губы Балтаханова (рис. 1, 2, 35). В 2004–2005 гг. ограниченные по площади раскопочные работы на стоянке Балтаханова III осуществлялись Северобайкальским отрядом Лаборатории древних технологий ИрГТУ под руководством И.С. Карнышева. В одном из шурфов (шурф №8) выявлено пятно культурных остатков палеолит-мезолитического облика, не смешанных с артефактами более поздних эпох неолита – палеометалла.

Шурф №8 дислоцируется на пологом склоне, на высоте 4 м над урезом воды оз. Байкал, в 30 м от берегового обрыва (Инешин Е.М., Карнышев И.С., 2005, с. 93–94). Артефакты второго культуросодержащего уровня были зафиксированы на глубине 0,30 м в отложениях желтой супеси на контакте с валунно-глыбовой толщей с желтым супесчаным заполнителем.

Коллекция состоит из 197 фрагментов микропластин, 5 краевых сколов, 1 лыжевидного скола, 1 микронуклеуса, 46 отщепов и 72 чешуек. Всего – 322 единицы.

Нуклеус представляет собой сработанную клиновидную форму (рис. 51.6). Ударная площадка нуклеуса подрабатывалась короткими снятиями с фронта. Вместе с многочисленными микропластинами и техническими сколами он составляет единый технологический контекст палеолит-мезолитического облика (рис. 51.1–6).

По мнению Е.М. Инешина, давшего возрастную и технико-типологическую оценку этого материала, склон губы Балтаханова сложен отложениями переработанной морены ледника, спускавшегося по долине р. Рель в позднем плейстоцене (Инешин Е.М., Карнышев И.С., 2005, с. 93). Субстратом в подавляющем большинстве является серо-зеленый микрокварцит, характерный и для донеолитических горизонтов Курлы I–VI. «Чистый» микропластинчатый облик выявленного скопления вместе с субстратом артефактов и предположением, что артефакты погребены отложениями переработанной плейстоценовой морены, послужил аргументом в выводе о донеолитическом – палеолитическом возрасте комплекса. Е.М.

Инешин охарактеризовал микропластинчатый комплекс артефактов как имеющий «общие технологические тенденции, выраженные в системе расщепления» со 2-м объединенным донеолитическим культурным горизонтом Курлы I–III, а также Большим Якорем I и Коврижкой II (Инешин Е.М., Карнышев И.С., 2005, с. 95).

5. Балтаханова V

Летом 2016 г. усилиями Северобайкальской археологической экспедиции ИРНИТУ проводились раскопочные и разведочные работы в окрестностях с. Байкальского. Одной из основных задач экспедиции, помимо раскопок городища-святилища Байкальское II и многослойной стоянки Усть-Рель (Байкальское VIII), выявления и фиксации петроглифов мыса Лударь, было проведение мониторинга известных археологических местонахождений губы Богучанская и губы Балтаханова. Маршрут мониторинга, протяженностью около 13 км, пролегал вдоль береговой линии озера с севера на юг – от мыса Тонкий до мыса Лударь. На заключительном отрезке пути в срединной части губы Балтаханова был обнаружен новый археологический объект эпохи каменного века – стоянка Балтаханова V (рис. 1, 2, 35).

Сама территория срединной части губы Балтаханова с момента появления первых археологов на северо-западном побережье Байкала никогда не вызывала особый интерес у исследователей далекого прошлого: местность, где в Байкал впадают два небольших ручья, характеризуется низкими гипсометрическими отметками береговой террасы и, как следствие, высокой подтопляемостью, кочкообразным рельефом и редколесьем, заболочен.

Археологический материал с местонахождения Балтаханова V в количестве 54 каменных предметов из кремнистых пород был собран на выгоревшей площадке (на пепелище) низкой береговой террасы высотой 1,5-2,0 м от уреза воды в озере. Площадь сбора составила около 200 кв. м. При этом наибольшая концентрация предметов отмечена на меньшей площади в 2-3 м от галечной косы.

Среди находок выделяются несколько диагностических изделий. Наиболее интересен срединный резец-скребок (рис. 51.15). Он изготовлен из массивного пластинчатого скола, имеет длину 7 см. Резцовая грань образована микропластинчатыми резцовыми снятиями в обоих направлениях, влево и вправо. Тело резца отретушировано крутой маргинальной ретушью в пяточной части настолько тщательно, что последняя имеет форму концевой скребка и, вероятно, таковым и являлась. Находки срединных резцов, однако, более миниатюрных, на севере Байкальской Сибири известны на стоянках Купреев ручей 3 на Средней Ангаре и Мамакан VI на Нижнем Витиме (Волокитин А.В., Инешин Е.М., 1991, рис. 18; Тетенькин А.В., 2014, рис. 7.4), они отнесены к позднему палеолиту. С другой стороны, похожий срединный многофасеточный резец из массивного пластинчатого скола, отретушированный вдоль тела крутой ретушью, известен в I мезолитическом горизонте Усть-Белой (Мезолит Верхнего Приангарья, 1971, Табл. 38–1).

Среди изделий следует назвать 4 скребка. Два из них – из отщепов (Рис. 51.13,14). Краевая ретушь нанесена на дистальный край. Пятки скребков представлены поперечным обломом. Еще один скребок изготовлен из крупного пластинчатого скола длиной 7,5 см (Рис. 51.17). Его лезвие находится на проксимальном конце скола. Сам предмет окатан. Как скребок использовался краевой реберчатый скол с бифаса. Скребок лезвие находится на одном из узких его концов (рис. 51.12).

Призматические пластины, 27 ед., составляют 50% от всей коллекции. Среди микропластин определены 1 вкладыш, 2 резца, 3 пластины с рабочей ретушью (рис. 51.7–11). Резцы все угловые с резцовыми сколами по продольному краю пластинок. Один из резцов имеет два резцовых скола на двух углах проксимального конца пластины (рис. 51.8).

Вкладыш имеет регулярную краевую ретушь на обоих маргиналах по вентральному фасу. Кроме того, ретушно по дорсальному фасу обработан один поперечный край (рис. 51.11).

Один предмет, формально микропластина, был определен как трансверсальный резцовый скол (рис. 51.7).

Разнообразное модифицирование пластин с помощью краевой ретуши, использование их в роли резцов и резчиков является характерным признаком раннеголоценовых ансамблей мезолитического круга (Горюнова О.И., 1982, 1991, с. 66; Стратиграфия, палеогеография ..., 1990, с. 139). Этот признак является ведущим и для сумнагинской культуры Якутии (Мочанов Ю.А., 1977, с. 246). Во всяком случае, массовым явлением ретуширование микропластин становится только с началом голоцена.

Ширина призматических пластин от 4 мм до 11 м свидетельствует о том, что, как минимум, самые широкие из них, скорее всего, были сняты не с торцово-клиновидных, а с призматических нуклеусов. В выборе между финально-плейстоценовым и голоценовым возрастом это аргумент в пользу раннеголоценового варианта.

Еще одна группа орудий состоит из 3 изделий из расколотых и оббитых галек, имеющих в около 6 см в поперечнике (рис. 51.16, 18). Общей их чертой является забитость тупого высокого рабочего края, несущего широкие и короткие негативы и мелкую краевую выкрошенность. Очевидно, эти следы образованы в результате ударной кинематики по твердым материалам – дереву, или кости. Эти артефакты мы определяем как тесловидные – чопперы-струги. Первое изделие имеет один поперечный рабочий край. Второе изделие имеет два сопряженных рабочих края (рис. 51.16). Третье изделие имеет два рабочих края на противоположащих продольных краях расколотой гальки и один забитый рабочий край на узком конце (рис. 51.18). Аналогичное изделие найдено на местонахождении Красный Яр II, находящемся в 1,5 км к югу от Балтаханова V (Тетенькин А.В., Кичигин Д.Е., 2018, рис. 2-5).

Обсуждение

Вся коллекция Балтаханова V является бескерамической. Приступая к оценке возраста этого материала, следует принять во внимание уже имеющиеся бескерамические культурные остатки в бухте Балтаханова. В 2004

г. в северной части губы шурфами на глубине 30 см было выявлено в подошве подпочвенной супеси, перекрывающей валунно-галечные отложения, пятно бескерамических культурных остатков (Инешин Е.М., Карнышев И.С., 2005). Высота этого участка губы, получившего обозначение Балтаханова III, над Байкалом составляет 4 м. Е.М. Инешин, рассуждая о возрасте этих артефактов, связал их археологизацию со склоновыми процессами переработки конечной морены позднекаргинского – раннесартанского возраста (Инешин Е.М., Карнышев И.С., 2005, с. 93).

Мы же, свою очередь, обращаем внимание на типологически палеолит-мезолитические артефакты в коллекциях смешанных памятников этого района: тесло с перехватом с Балтаханова II, Богучанская IV (рис. 52.2,3), галечное орудие Красного Яра II (рис. 52.5), бифас с Богучанского острова III (рис. 52.1) (Тетенькин А.В., Кичигин Д.Е., 2018). Так называемые тесла с перехватом являются широко распространенным в Средней Сибири типом, бытовавшим в период раннего голоцена – мезолита (Медведев Г.И., 1971б, с. 108). Галечное орудия с Красного Яра II аналогично находкам на Балтаханова V, определенным нами как чопперы-струги. На наш взгляд, эти вещи ложатся в канву широкого распространения галечных ударных орудий в мезолите, предшествуя появлению неолитических рубящих форм.

Бифас с Богучанского острова III охарактеризован как позднепалеолит-мезолитическая форма (рис. 52.1). Этот вывод мы строим на типологии достаточно распространенных в Байкальской Сибири обушковых бифасов с лезвием, вытянутым остроконечным на одном конце и широким округлым на другом конце. Этот контур подобен форме продольно усеченной капли. Общие аналоги мы видим, например, в бифасах 7 к.г. Большого Якоря I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.8.3.), Верхоленской Горы I (Аксенов М.П., 1980: рис. 7 – 1,4, 20 – 1, 21 – 1), III, Па к.г. Верхоленской Горы II (Лежненко И.Л., 1980: рис. 37 – 7), Кистенева 3 (Аксенов М.П., 2009: рис. 90 – 7), 3 к.г. Коврижки II (Тетенькин А.В., 2010: рис. 12-6). Одним из характерных типов Верхоленской Горы I являются полулунные обушковые

бифасы-ножи, так называемые «улу». Ряд таких бифасов имеет асимметричную – остроконечно зауженную на одном конце и расширенную закругленную на другом – форму. М.П. Аксенов описывал такие ножи как разновидности «улу» (Аксенов М.П., 1980: 52,77). На Северном Байкале такой бифас есть в 1 объединенном донеолитическом горизонте Курлы I–III (Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А., 2020, рис. 10.3).

Чистыми докерамическими комплексами на Северном Байкале являются Курла II–IV, Лударская (Шмыгун П.Е., 1978, 1981; Шмыгун П.Е., Ендрихинский А.С., 1978; Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1981; Абдулов Т.А., 1991; Хлобыстин Л.П., 1965а). Вместе взятые эти комплексы являются аргументом перспективности разработки тематики позднего верхнего палеолита – мезолита в бухте Балтаханова и на Северном Байкале в целом.

Отсутствие керамики и ряд диагностичных для мезолита вещей выступают в качестве доводов в пользу оценки возраста комплекса находок на Балтаханова V как мезолитического. Обнаружение локального пятна из нескольких орудий, предметов дебитаж в нашем случае позволяет рассматривать ситуацию как остатки специализированной хозяйственной площадки.

Нахождение артефактов мезолитического облика у самого уреза воды Байкала совпадает с существующими представлениями о повышении уровня озера до соответствующего нынешнему, с сартанского периода до, примерно, рубежа плейстоцена-голоцена (Байкаловедение, 2012, с. 378–379; Воробьева Г.А., Горюнова О.И., 2013, с. 26; Arzhannikov S.G. et al., 2018, p. 107). Важным выводом для будущих археологических поисков на байкальском побережье является сам результат открытия материала на низком уровне: вероятно, комплексы позднего палеолита и мезолита могут находиться сегодня и ниже современного зеркала воды в озере Байкал.

Открытый в 2016 г. новый пункт Балтаханова V вслед за находками на Балтаханова III, по нашему мнению, свидетельствует о пребывании в финале плейстоцена – раннем голоцене на побережье бухты древнего населения, чья

археологическая культура имеет мезолитический, бескерамический облик. Наряду с отсутствием керамики основными типологическими аргументами этой оценки являются срединный резец, скребок из реберчатого скола с бифаса, изделия из микропластин, галечные орудия. Новое местонахождение Балтаханова V находится всего в 0,57 км к ЮЮВ от стоянки Балтаханова III и в 1,07 км от Балтаханова II, где было найдено тесло с перехватом. По-видимому, пятна культурных остатков мезолитического (докерамического) возраста занимали значительную часть одноименной губы. Находки мезолитического облика на соседних местонахождениях Богучанский остров III и Красный Яр II со смешанными комплексами культурных остатков, скорее всего, также свидетельствуют о присутствии человека в эпоху мезолита в районе губы Балтаханова.

6. Горячая 1–4

Местонахождения Горячая 1–4 располагаются на юго-западном берегу Горячинской губы, в 31,3 км к югу от с. Байкальское (рис. 35) (Тетенькин А.В., Харинский А.В., 2016). Археологический материал в 1996 и 1998 гг. был собран в обнажениях 4-метровой береговой террасы, расположенной в 30 м от берега Байкала, на протяжении 520 м. Концентрация на отдельных участках террасы археологического материала и его отсутствие на других позволили выделить на берегу Горячинской губы четыре археологических объекта.

Самым северо-западным пунктом является Горячая 1. Она охватывает участок прибрежной террасы длиной 50 м и шириной 20 м, вдоль которого был собран археологический материал. В районе памятника фиксировался маломощный дерн (темно-серая супесь), плохо скрепляемый редкими корнями травянистой растительности и слабоустойчивый к разрушению в результате природного воздействия или вытаптывания людьми и животными. Толщина слоя составляет 2–3 см. Под дерном залегает желтая супесь с камнями размером от 3 × 5 до 5 × 8 см. Её зачистка на глубину 30 см проводилась у берегового обнажения. Археологический материал в 1996 г. был собран на глубине 2–4 см в поддерновой желтой супеси. Находки представлены 6

фрагментами от керамического сосуда светло-коричневого цвета, 44 отщепами из светло-серого и серого кремня, целой призматической двухгранной пластиной, проксимальным сегментом двухгранной пластины; проксимальным сегментом двухгранной пластины с амортизационной ретушью, возможно резец (Харинский А.В. и др., 2015, рис. 8 – 6-8). В 1998 г. был разбит раскоп площадью 5 кв. м. Археологический материал залегал на глубине 8–15 см в кровле желтой супеси и был преимущественно представлен изделиями из камня. В северном углу квадрата № 1 на глубине 5 см было обнаружено два фрагмента гладкостенного керамического сосуда. Они залежали на 6–10 см выше, чем кремневые изделия, располагавшиеся поблизости. Разные уровни залегания керамики и артефактов из камня свидетельствует о принадлежности их к разным временным периодам. Остатков угля и костей в раскопе не найдено.

Местонахождение Горячая 2 располагалось в 100 м к юго-востоку от Горячей 1. Береговое обнажение террасы в районе памятника имеет схожую с предыдущим участком стратиграфию. Между дерном и желтой супесью здесь можно выделить слой светло-серой (пепельной) лессовидной супеси мощностью 3–4 см с камнями размером от 3 × 5 см до 10 × 15 см. В 1996 г. археологический материал зафиксирован под дерном на глубине 3–5 см в светло-серой супеси с камнями. Среди находок 4 фрагмента керамического гладкостенного сосуда толщиной 3–4 см, снаружи коричневого, изнутри темно-серого цвета; 1 фрагмент гладкостенного керамического сосуда толщиной 4–5 см, снаружи коричневого цвета, изнутри серо-коричневого; 4 отщепа из светло-серого кремня.

Местонахождение Горячая 3 зафиксировано в 200 м к юго-востоку от Горячей 2. Стратиграфия обоих памятников схожа. В 1996 г. на Горячей 3 найдено три кремневых отщепа. Во время осмотра береговых обнажений на стоянке Горячая 3 в 1998 г. был обнаружен обломок нуклеуса (рис. 53.26). В 20 м к юго-востоку от места его находки, на более ровном участке террасы заложен шурф размером 1 × 2 м, ориентированный длинными стенками по

линии с азимутом 15° , а короткими параллельно береговой полосе озера Байкал. Отсчет высот при нивелировочных работах велся от поверхности земли у юго-западного угла шурфа. В районе шурфа склон понижается с юго-запада на северо-восток. Перепад высот между северо-восточным и юго-западным углами составляет 16 см. Археологический материал, представленный только изделиями из камня, располагался на глубине 3–5 см в светло-серой (пепельной) лессовидной супеси.

На вскрытой раскопом и шурфом площади каких-либо планиграфических структурных элементов не выявлено. Режим осадконакопления маломощной культуровмещающей эолово-делювиальной подпочвенной супеси способствовал ситуации компрессии культурных остатков. Это более всего выражено в присутствии керамики и мезолитического по облику каменного инвентаря. Сходство петрографии и морфологии литоиндустрии на всех пунктах Горячая 1–4, очевидно, свидетельствует об единой площади довольно обширного поселения. Керамика найдена также на всех пунктах, кроме Горячей 3.

Местонахождение Горячая 4 локализуется в 100 м к юго-востоку от Горячей 3. Её протяженность вдоль берега Байкала 30 м. Стратиграфия памятника идентична двум предыдущим стоянкам. Обнаруженный в 1996 г. археологический материал залегал под дерном на глубине 3–5 см в светло-серой (пепельной) лессовидной супеси. Находки представлены 67 фрагментами керамического гладкостенного сосуда светло-коричневого цвета с внешней стороны и темно-серого цвета с внутренней стороны. Отощителем служил мелкий песок. Изделия из камня включают 2 пластинчатых скола; проксимальный сегмент трехгранной; медиальный сегмент трехгранной пластины; медиальный сегмент двухгранной пластины; проксимальный сегмент двухгранной пластины (Харинский А.В. и др., 2015, рис. 8 – 10-13).

Материалы местонахождений

Горячая 1. Общая коллекция археологических материалов со стоянки составляет 549 экземпляров. Она включает находки из раскопа и подъемные материалы, в т.ч. 2 фрагмента керамики.

Находки из камня представлены 5 нуклеусами, 4 резцами, 3 скребками, 1 комбинированным резцом+скребком, 1 проколкой, 1 вкладышем, 1 сколом с ретушью, 1 теслом, 175 пластинами, 353 отщепами и сколами, 2 битыми гальками.

Нуклеусы. 2 целых призматических (рис. 53.18,25) и 2 обломка призматических микропластинчатых нуклеуса (рис. 53.21,24); 1 торцовый полюсной, двухплощадочный (рис. 53.19). Последний изготовлен из отщепа. Площадки оформлены поперечной ретушью. Снятия пластин встречные, по одному торцу.

Резцы. 2 резца полиэдрических (рис. 53.10,11). Тело одного из них несет крутую тщательную маргинальную ретушь по дорсальному фасу (рис. 53.10). Исходной формой был пластинчатый скол. Еще два резца по аналогии с торцовыми микронуклеусами можно охарактеризовать как торцовые, причем двойные полюсные (рис. 53.12,20). Снятия резцовых сколов произведены с одного торца отщеповой преформы, с противоположных концов. В одном случае резец комбинирован со скребковым лезвием (рис. 53.20).

Еще один резец угловой из пластины (рис. 53.6).

Скребки. 2 экземпляра концевые из пластинчатых сколов (рис. 53.15,16). Один скребок из отщепа, пропорционально короткий, имеет помимо концевого рабочего лезвия левое боковое (рис. 53.17). Один скребок, как уже упоминалось, комбинирован с резцом (рис. 53.20).

Проколка из пластины имеет выделенное мелкой ретушью жальце на дистальном конце (рис. 53.7).

Один вкладыш из пластины имеет края, тщательно отретушированные ретушью по вентральному фасу (рис. 53.5). Этот предмет отличается по субстрату. Он изготовлен из темно-коричневого (сургучного) яшмовидного кремня.

На ряде фрагментов пластин различима краевая амортизационная ретушь, что позволяет полагать, что эти сегменты использовались как вкладыши без специальной вторичной подготовки (рис. 53.1,2,3,4). Одна микропластина имеет рабочую ретушь, но в силу изогнутого и довольно высокого профиля, по-видимому, утилизировалась как-то иначе, чем вкладыши (рис. 51.9).

Крупный сегмент пластинчатого скола несет по краю мелкую ретушь (рис. 53.13). Крупная пластина длиной 6,3 см и шириной 2,4 см имеет амортизированный продольный край (рис. 53.22).

Галечные орудия представлены двусторонним тесловидным предметом с обломанным боковым краем (рис. 53.23). Изготовлено тесло из крупнозернистой породы. Лезвия оформлены по двум противоположащим коротким краям. Арьерфас галечный. Левый край сбит.

Горячая 3. В шурфе, заложенном на Горячей 3, представлены только изделия из камня. Они располагались на глубине 2–5 см в слое серой супеси. Общая коллекция подъемного материала и находок из шурфа составляет 254 экземпляров. Находки представлены 1 фрагментом призматического нуклеуса (подъемный материал) (рис. 53.26), 38 фрагментов пластин, в том числе 3 пластины с амортизационной ретушью, 212 отщепов и сколов, в том числе 14 отщепов – с краевой рабочей ретушью, 3 – фрагментами кости.

Обсуждение

Наиболее представительная коллекция археологического материала во время исследований на берегах Горячинской губы была получена со стоянки Горячая 1. Однако мы полагаем, что выделение на этом участке северо-западного побережья Байкала отдельных археологических объектов имеет условный характер. По-видимому, стоянки, локализующиеся вдоль берега Горячинской губы, можно оценивать как единое обширное археологическое местонахождение, полнее всего представленное материалами пункта Горячая 1. Каменная индустрия Горячей 1–4 характеризуется как микропластинчатая. В коллекции имеются два целых призматических микронуклеуса и три

обломка. Кроме них найден торцовый полюсной двухплощадочный микронуклеус, преформой для которого послужил отщеп, и еще один подобный же артефакт, который из-за малых размеров пластинчатых снятий мы склонны отнести к резцам (рис. 53.20). Среди резцов один – угловой, из пластины и два резца полиэдрические. Микропластины все фрагментированы. Небольшая их часть имеет следы амортизационной рабочей ретуши. На дистальном конце одной из пластинок оформлено жальце проколки. Кроме микропластин есть еще одна целая и один сегмент макропластин. Оба предмета несут маргинальную рабочую ретушь. Найдены также три скребка. Два из них – концевые на пластинах, один – концевой-боковой, из отщепа. Галечные орудия представлены двусторонним тесловидным предметом с обломанным боковым краем.

Анализируя эту коллекцию, мы склонны выделять три компонента, обладающих культурно-типологической характеристикой.

1. Каменная индустрия выглядит, в целом, как поздне-финально-мезолитическая. В ней есть предметы, характерные для этого времени: полиэдрические резцы, торцовые микронуклеусы.

2. Такие компоненты как призматические нуклеусы, микропластины-вкладыши, скребки, галечные тесловидные орудия известны в памятниках широкого хронологического диапазона, включающего поздний мезолит и, практически, весь неолит.

3. Наконец, третий компонент составляет керамика, относимая по признакам гладкостенности и некоторым элементам орнамента к широкому хронологическому диапазону: неолит – бронзовый век. В раскопе на Горячей 1 выявлены только два фрагмента керамики, залегающие, как будто, в нескольких сантиметрах выше основного слоя.

Аналоги выявленным элементам каменной индустрии мы находим в позднемезолитических ансамблях XI (ГЗ) к. г. Улан-Хады I, Берлоги (VII–нижний, средний, верхний к. г.), Саган-Нугэ (X–IX–VIII к. г.), Итерхея (IX–VIII к. г.), Кулары III (VI–V–IV к. г.), (Савельев Н.А., Свинин В.В., 1990;

Горюнова О.И., 1991; Горюнова О.И., Хлобыстин Л.П., 1992; Баруздин и др., 1992; Горюнова О.И., Новиков А.Г., 2000; Горюнова О.И., Воробьева Г.А., 1986, 1998; Воробьева Г.А., Горюнова О.И., 1997) байкальского побережья, нижнем, мезолитическом к. г. стоянки Царь-Девница на Ангаре (Медведев Г.И., 1971; Георгиевский А.М., Медведев Г.И., 1980). Для них как раз характерны торцовые псевдоклиновидные микронуклеусы в сочетании с призматическими микропластинчатыми нуклеусами, той формы, которая получила широкое распространение в последующую неолитическую эпоху.

В этой связи важен вопрос, насколько типологически и литологически однороден ансамбль каменный. Практически все артефакты изготовлены из серого и серо-желтого желвачного кремня. Типологически комплекс также вполне однороден, то есть диссонирующих вещей в нем нет. Единственный петрографически отличный предмет в комплексе – это вкладыш с вентральной ретушью по обоим маргиналам, изготовленный из яшмовидного темно-коричневого кремня хорошего качества (рис. 53.5). Но подобные «экзоты» на стоянках каменного века тоже вполне обычны, и в этом смысле находка трактоваться может двояко: и как импорт, и как примесь более поздняя.

Беря во внимание мезолитический, в целом, облик каменного компонента коллекции Горячей 1–4, с одной стороны, и наличие керамики неолита – бронзового века – с другой, авторы оценивают памятник как смешанный, скорее всего, двухкомпонентный. Ранний этап, в археологическом выражении более массовый, может относиться к позднему мезолиту, поздний этап – к неолиту – бронзовому веку.

В условиях, когда стратиграфия малоинформативна, нет возможности для радиоуглеродного датирования и разделения смешанного материала, единственным путем остается морфо-типологическое разделение коллекции по облику, проводимое на основе соотношений с эталонными, хорошо стратифицированными, датированными и изученными ансамблями региона.

4.7. Донеолитические археологические компоненты в памятниках смешанного типа северо-западного побережья Байкала

Начиная с первых археологических работ Л.П. Хлобыстина в 1963 г. по сегодняшний день здесь насчитывается 114 разнотипных археологических объектов, среди которых 74 стоянки (Хлобыстин Л.П., 1965). Наибольшее их количество археологических местонахождений север-западного побережья Байкала приходится на береговой участок от м. Лударь до м. Тонкий – окрестности с. Байкальское, Лударская и Богучанская губы. Большая часть археологических материалов происходит из подъемных сборов, осуществляемых в разные годы и разными исследователями в процессе разведочных работ или же планового мониторинга. Раскопочные работы в целях выяснения привязки археологических комплексов к конкретным почвенным образованиям, как правило, положительных результатов не дают, поскольку стоянки носят смешанный характер включения культурных остатков – от неолита до средневековья – в маломощные геологические слои. Лишь в редких случаях (стоянки Балтаханова III, Красный Яр II, Усть-Рель и др.) удается выделить хронологические группы отдельных категорий находок (в частности, керамики) по уровням залегания в границах одного геологического слоя. Из подъемных сборов ряда стоянок происходят каменные орудия явно донеолитического времени.

Уже в 1966 г. В.В. Свинин обратил внимание на смешанный характер слоя Лударской I и III, по сути, отрефлексирав основную тафономическую специфику стоянок северо-байкальского побережья – компрессионный характер культурного слоя большинства из них (Свинин В.В., 1966, с. 56). На сегодняшний день лишь Курлинская группа стоянок дала выразительные стратифицированные, «чистые» комплексы культурных остатков: это два раннеголоценовых мезолитических горизонта (II и III к.г.) Курлы IV (Абдулов Т.А., 1991), раннеголоценового же возраста 1-й донеолитический к.г. Курлы I-III, 2-й и 3-й донеолитический к.г. Курлы I-III, датируемые плейстоценовым возрастом (Шмыгун П.Е., 1981, Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1982). Однако, раскопанные около 40 лет назад эти опорные комплексы так и остались уникальными в своем роде. В последующие годы активные археологические

работы, ведущиеся, в частности, группой А.В. Харинского (Харинский А.В., Кичигин Д.Е., Емельянова Ю.А., Коростелев А.М. и др.) и другими археологами (Лыхин Ю.П. и др.) вновь и вновь выявляли компрессионный характер культуровмещающих отложений, в которых видны не только компоненты железного, бронзового веков, неолита, но и донеолитического времени. В этих условиях, зачастую, основным инструментом культурно-хронологической атрибуции остается морфо-типологический метод. Так, в частности, дело обстоит с керамическими традициями Северного Байкала (Кичигин Д.Е., 2010, 2012; Емельянова Ю.А., 2010). Артефакты палеолит-мезолитического облика также выделяются на этих объектах в ситуациях залегания в слое (**Красный Яр II**), в подъемном материале (**Богучанский остров III, Балтаханова II, Богучанская IV, V, Красный Яр II**), иногда в ситуации отдельного несмешанного пятна находок (**Балтаханова III**) (рис. 52) (Инешин Е.М., Карнышев И.С., 2005; Кичигин Д.Е., 2010).

Наиболее выразительной и узнаваемой мезолитической формой является галечное унифасиальное тесло «с перехватом». Впервые этот тип был описан Г.И. Медведевым как ведущий признак финального мезолита Прибайкалья (Медведев Г.И., 1971б, с. 108). На Курле IV найденное в верхнем мезолитическом горизонте (II к.г.) тесло «с перехватом» стало одним из оснований отнесения его к финальному мезолиту. В Приольхонье тесла «с перехватом» найдены, например, в VIII культурном горизонте (поздний мезолит) стоянки Берлога (Горюнова О.И., 1982, с. 176). В контексте с керамикой тесла «с перехватом» известны только в усть-каренгской археологической культуре, чья керамика уникальна своей древностью вплоть до 12 тыс. л.н. (Ветров В.М., 2011, с. 175). На северо-западном побережье оз. Байкал находки тесел «с перехватом» происходят помимо Курлы IV с Балтаханова II, Богучанская IV (рис. 52.2,3). Ареал этих орудий простирается на северо-восток и дальше на верхний и нижний Витим (Коврижка I, Инвалидный III) и Олекму (Курунг V) (Алексеев А.Н., 1987, с. 97; Ветров В.М., 2011, с. 175; Тетенькин А.В., 2010).

Еще одной выразительной формой является «крыловидный» обушковый бифас. Его обушковая часть образована рассечением тщательно выделанного бифаса по диагонали так, что он получил асимметричный подтреугольный, остроконечный контур из слабовыпуклых длинного и короткого бифасиальных ребер и длинного обушкового края. В случае с бифасом с о-ва Богучанский со стороны обушка произведено мелкое краевое ретуширование ребра бифаса (рис. 52.1). Морфологически подобные изделия мы находим в III к.г. Соснового Бора (Медведев Г.И., Георгиевский А.М., Лежненко И.Л. и др., 1971, табл. 46–4), V к.г. Соснового Бора (Лежненко И.Л., Медведев Г.И., Михнюк Г.Н., 1982, рис. 8–6), в III к.г. Верхоленской Горы (Аксенов М.П., 1966, рис. 6–2, 3; Аксенов М.П., 1980, рис. 52, 77), в 3 к.г. Коврижки II (Тетенькин А.В., 2010, рис. 12–6). М.П. Аксенов описывал такие орудия как разновидности ножа «улу». Хронологические рамки встреченных «крыловидных» обушковых бифасов – финальный плейстоцен – ранний голоцен. В частности, бифас из 3 к.г. Коврижки II имеет радиоуглеродный возраст около 8,1 тыс. л.н.

Еще одним выразительным типом являются трансверсальные резцы, т.н. резцы верхоленского типа. На нижнем и верхнем Витиме они выступают ведущей формой в финальноплейстоценовых культурных горизонтах Большого Якоря, Усть-Каренги I–XVI (Ветров В.М., 1995, с. 32; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 216–219). На Северном Байкале трансверсальные резцы есть в III к.г. Курлы IV, 2-м донеолитическом горизонте Курлы I–III (Абдулов Т.А., 1991, рис. 22.14, 15, 17; Шмыгун П.Е., 1981, рис. 2.2, 3). Такой резец найден в 1 к.г. стоянки Красный Яр II (Кичигин Д.Е., 2010, рис. 18–14).

Вместе с этими типами следует отметить и ряд форм артефактов, в общем-то, «сквозных» для мезолита – неолита Байкальской Сибири. Это торцово-клиновидные и призматические микронуклеусы и микропластины, скребки на отщепах и крупных пластинах, вкладыши, резцы и резчики из микропластин, долотовидные орудия, оббитые галечные тесла (рис. 52.4,5). Часто в практике археологии побережья Байкала комплексы с такими

находками и без керамики по общему облику оцениваются как мезолитические (Абдулов Т.А., 1991; Тетенькин А.В., Харинский А.В., 2016).

Таким образом, несмотря на смешанный компрессионный характер слоя или ситуации обнажения археологических материалов на дневной поверхности, стоянки такого рода не должны быть списаны со счетов. Морфотипологический анализ коллекции дает аргументы в пользу выделения финальнопалеолит–мезолитических компонентов культурных остатков, расширяя тем самым в целом представления об обитании людей на северобайкальском побережье в донеолитическое время, указывая на обитание древнего населения на данных береговых участках, формируя перспективу дальнейших поисков и исследований.

Заключение к Части 2

Древнейшие следы пребывания человека на Северном Байкале на текущий момент принадлежат 3-му донеолитическому культурному горизонту Курлы I–III. Судя по последнему радиоуглеродному датированию, они имеют возраст около 16,9–15,8 тыс. кал. л.н. /13,8–13,3 тыс. рад. л.н., т.е. значительно моложе предлагавшегося ранее возраста 24 – 20 тыс. л.н. (Шмыгун П.Е., 1981; Medvedev G.I., 1998). Культура каменного производства 3 горизонта сочетает выразительный технический комплекс производства микропластин с микронуклеусов выдающихся малых размеров и набор мелких отщепов различной конфигурации, использовавшихся в роли резчиков и скобелей в обработке кости и рога. Существовало вкладышевое охотничье вооружение. Комплекс имеет, в целом, микролитический облик, поэтому на этапе осмысления характеризовался как микролитический (Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1982). С позиций сегодняшнего дня материалы 3-го и последующих 2-го и 1-го донеолитических горизонтов могут быть осмыслены на фоне появившихся представлений о позднем палеолите соседних районов – Верхнего и Нижнего Витима, Севера Верхней Лены. Однако, как и тридцать лет назад, этот комплекс выглядит уникальным и не находит прямых аналогий. Основным выразительным атрибутом 3-го горизонта является техника

клиновидного нуклеуса. На фоне того, что мы знаем о производстве микронуклеусов на Усть-Каренге I–XVI, к.г. 7, 8, Большом Якорь I, к.г. 3А–9, эту технику на Курле I–III, 3 к.г. можно охарактеризовать как местный, северобайкальский вариант юбецойдных технологий редуцирования бифасов и подготовки микронуклеусов. Общим техническим приемом для всего круга юбецойдных технологий является продольное редуцирование бифаса снятием реберчатого и лыжевидных сколов и использование затем полученной плоскости как ударной площадки для торцового-клиновидного нуклеуса. Уникальной чертой является именно серийно устойчивый миниатюрный или микролитический облик этой техники клиновидного нуклеуса 3 горизонта Курлы I–III. Очевидно, в связи с этим нужно говорить о высокоразвитых навыках расщепления отжимом и ударом через посредник.

Следующий, 2-й донеолитический культурный горизонт имеет возраст около 15,8 тыс. кал. л.н. / 13,2 тыс. рад. л.н., близкий возрасту предыдущего комплекса 3 к.г. Однако, по облику индустрии они отличаются. Ведущими морфологическими признаками 2-го горизонта являются: а) юбецойдные нуклеусы более крупных размеров, привычных по восприятию клиновидных нуклеусов Усть-Каренги и Большого Якоря, т.е., вообще говоря, нормальных для этой категории изделий позднего палеолита Восточной Сибири; б) трансверсальные резцы; в) морфологически выраженные скребки.

1-й объединенный донеолитический горизонт близок 2-му горизонту Курлы I–III. Прямые аналогии есть во всех категориях изделий из камня: микронуклеусах, подготовленных в юбецойдной технике, трансверсальных резцах скребках, скреблах, чопперах. По-видимому, должен быть близок и возраст обоих горизонтов, около 13–12 тыс. рад. л.н. Оба комплекса следует признать однокультурными. Среди финальнопалеолитических памятников Северного Прибайкалья наиболее близким аналогом является стоянка Большой Якорь I на Нижнем Витиме.

Рассматривая археологические памятники сопредельных районов, мы обнаруживаем в качестве действенных корреляционных признаков триаду из

клиновидных (юбецоидных) нуклеусов, трансверсальных резцов и скребков из отщепов. Эти три типа изделий являются ведущими в комплексах 3А–9 к.г. Большого Якоря I (Нижний Витим), нижних горизонтов Усть-Каренги I–XVI (Верхний Витим) и нижнего горизонта Красной Горки, расположенной на Еравнинских озерах Восточного Прибайкалья (Бурятия) (Инешин Е.М., Тетенькин А.В.; Ветров, 2011а; Tsydenova N., Piezonka H., 2015; Tsydenova N., Andreeva D., Zech W., 2017). По датировкам этих комплексов возраст установленных корреляционных связей определяется около 13–11 тыс. рад. л.н. Основной вывод, который должен быть сделан в отношении 2-го горизонта: отличаясь от нижнего, 3-го к.г., он ассоциирован с археологическими комплексами этого возраста Северо-Восточного Прибайкалья.

В 245 км к северо-востоку от Курлы I–III трансверсальный резец найден в палеолитическом комплексе на местонахождении Нирыкан I, в среднем течении р. Мама, отделенном от побережья Байкала хребтами Байкальского (Байкало-Патомского) нагорья. Тем не менее, это ближайшее к Курле археологическое местонахождение с трансверсальным резцом

Третий и второй культурные горизонты Курлы IV относятся к раннему голоцену. Между ними и тремя донеолитическими горизонтами Курлы I–III существует хронологический разрыв. Как черту преемственности можно рассматривать сохраняющуюся традицию трансверсальных резцов. Вместе с тем 3-й к.г. Курлы IV содержит принципиально отличные клиновидные нуклеусы с ретушной подготовкой и подработкой ударной площадки и пластины крупных и средних размеров как основу для различных орудий. Вторым культурным горизонтом Курлы IV имеет тесло с перехватом, рассматриваемое уже как финально-мезолитический признак. На этапе ввода в научный оборот эти материалы были охарактеризованы Т.А. Абдуловым как вариант развития верхоленской культуры Прибайкалья (Абдулов Т.А., 1991, с. 61).

Следующие за курлинскими горизонтами памятники Лударская, Балтаханова II, III, V, Горячая 1, 3, Богучанская IV, о-в Богучанский, Красный Яр II – 1 к.г. не обладают условиями четкой стратификации культурных остатков. В компрессионном залегании единственной возможностью было выделение палеолит–мезолитической компоненты по морфо-типологическим признакам. В этом качестве мы видим трансверсальные резцы, полиэдрические резцы, обушковые асимметричные бифасы, тесла с перехватом. Судя по ним, вышеуказанные пункты свидетельствуют об обитании людьми северо-западного побережья Байкала в финальноплейстоценовое – раннеголоценовое время.

Особым фактором, оказавшим влияние на археологию палеолита и мезолита Северного Байкала, является нынешний уровень озера с погруженной береговой линией сартанского – финальноплейстоценового возраста. Вероятно, многие донеолитические объекты оказались под водой.

Часть 3. Памятники Верхнего Витима

1. Группа стоянок Усть-Каренга I-XVI

Первые находки артефактов в районе устья р. Каренга были сделаны в начале 1970-х гг. читинским геологом В.Х. Шамсутдиновым (Ветров В.М., 2011, с. 173). Символически 1-й номер Усть-Каренги отдан пункту этих первых находок. В 1974 г. к исследованию Верхнего Витима приступили иркутские археологи. По инициативе М.П. Аксенова состоялась первая археологическая разведка Комплексной археологической экспедиции ИГУ. В ней принял участие ученик М.П. Аксенова Виктор Михайлович Ветров, на все последующие годы до самой смерти (1974–2015 гг.) возглавивший исследования этого обширного района. С первых же лет, т.е. 1974–1975 гг., устье р. Каренги стало важнейшим участком археологических изысканий. Проводившиеся в течение 40 лет В.М. Ветровым исследования привели к выделению 16 пунктов Усть-Каренги. В разные годы в раскопках принимали участие А.П. Трифонов, Е.М. Инешин, О.В. Задонин, В.И. Смотрова, А.И. Уваров, Д.Л. Шергин, П. Хоммел (Великобритания) и другие. Раскопки проводились под эгидой Иркутского государственного университета (1974–1976 гг. и 1985–1993 гг.), Иркутского областного краеведческого музея (1976–1985 гг.), Бурятского института общественных наук БФ СО АН СССР (1977–1982 гг.), Иркутского государственного педагогического университета (1994–2015 гг.).

Наиболее изученными стали пункты Усть-Каренга III, VI, VIII, X, XII, XIV и XVI, выделенные в кандидатской диссертации В.М. Ветрова «Каменный век Верхнего Витима» (Ветров В.М., 1992). К началу 1980-х гг. была выработана сводная стратиграфическая схема и предложен возраст для семи открытых культурных горизонтов (Ветров В.М., Инешин Е.М., 1979, с. 25). В том числе к рубежу плейстоцен-голоцена отнесен был возраст нижнего, 7-го культурного горизонта (Ветров В.М., 1986б, с. 9). В 1990-е гг. получены радиоуглеродные даты по углю и керамике из 7 к.г., подтвердившие возрастную оценку около 11 тыс. л.н. (Vetrov V.M., 1995; Ветров В.М., 1995,

с. 30, 2000, с. 29; Кузьмин Я.В., Ветров В.М. и др., 2000, с. 14; Ветров, Кузьмин Я.В., 2005, с. 60–61). Финальноплейстоценовый возраст керамики затем получил подтверждение термолюминесцентным датированием (Хоммел, П.Н. Швенингер Ж.Л., Инешин Е.М., Ветров В.М., 2017, с. 40). Дополнительно датировка 7 к.г. подкрепляется радиоуглеродными датами по 8 и 8а к.г. и археомагнитным датированием кладки, залегающей между ними (Ветров В.М. и др., 2000, с. 15; Ветров В.М., Кузьмин Я.В., 2005, с. 61).

К началу 1980-х гг. была намечена культурно-хронологическая схема из усть-каренгской культуры, сменившей ее усть-юмурченской культуры и стоящих особняком 5, 5а, 6 культурных горизонтов и погребения Нижней Джилинды (Сивакона) I (Ветров В.М., 1986б, с. 9–10). После 1992 г. – года защиты кандидатской диссертации – В.М. Ветровым были открыты 8 и 8а культурные горизонты, где керамика не найдена. Эти нижние горизонты были определены как докерамический этап усть-каренгской археологической культуры.

С публикацией в 1980–1990-х гг. плейстоценовых датировок керамических комплексов Дальнего Востока (Гася, Гончарка-1, Громатуха, Хумми и др.) появился дополнительный аргумент в пользу возможности раннего датирования усть-каренгской керамики. Вопрос ее происхождения, связи с дальневосточными центрами–очагами возникновения неолитического производства стал одной из приоритетных тем в последний период научной деятельности В.М. Ветрова (Ветров В.М. и др., 2000, с. 14–15; Ветров В.М., Кузьмин Я.В., 2005, с. 60; Ветров В.М., 2006а, с. 174–175; Ветров В.М., 2007, с. 27, 32; Ветров В.М., 2011, с. 176 – 177; Vetrov V.M., Kuzmin Y.V., Burr G.S., 2006, p. 50).

Специальные работы в разные годы посвящены технико-типологическому анализу клиновидных нуклеусов и трансверсальных резцов – основных типов каменного инвентаря усть-каренгской культуры (Ветров В.М., 1995), планиграфии комплексов культурных остатков (Башкирова Е.В., 1990), экзотическим видам минеральных пород артефактов (Ветров В.М.,

Инешин Е.М., Ревенко А.Г. и др., 2000; Алексеев А.Н., Ветров В.М., Дьяконов В.М. и др., 2006; Тетенькин А.В., Ветров В.М., Демонтерова Е.И. и др., 2018), ритуальным ямам Усть-Каренги XVI (Ветров В.М., 2007). Отдельно разрабатывался сюжет поздних комплексов культурных остатков Усть-Каренги, принадлежащих эпохе палеометалла – средневековью (Ветров В.М., Самуилова О.В., 1990). Последняя статья В.М. Ветрова и соавторов была посвящена результатам геохимического анализа аргиллитовых артефактов из Усть-Каренги XVI и Коврижки I и теме коммуникаций населения Нижнего и Верхнего Витима в раннем – среднем голоцене (Тетенькин А.В., Ветров В.М. и др., 2018).

*Геоморфология и стратиграфия местонахождений Усть-Каренга I-
XVI.*

Стоянки усть-каренгской группы выделены в правом борту долины Витима, на левой (Усть-Каренга III, V, VII, IX, XI, XV), правой приустьевой части р. Каренга (Усть-Каренга II, IV, VI, VIII, X, XII, XIV, XVI) и на левом берегу Витима напротив устья р. Каренга (Усть-Каренга XIII) (рис. 1, 2, 54, 55.2) (Ветров В.М., 2011, табл. 1). Правый берег Витима представлен цокольной 20-25-м террасой. Культурные остатки залегают на различных уровнях высоты над рекой от 10 до 25 м (Ветров В.М., 1992, с. 9). Всего выделено 16 пунктов. 20-25-метровая терраса имеет понижение цоколя вглубь от берега Витима. Она перекрыта аллювиальными-субаквальными и субаэральными отложениями. Единообразие стратиграфических разрезов на всех памятниках позволило В.М. Ветрову выработать единую стратиграфическую схему залегания рыхлых культуровмещающих отложений (Ветров В.М., 1992, 1997, 2006, 2007, 2011, с. 173) (рис. 56):

1. Таёжная почва (1-й культурный горизонт), мощность – 0,04–0,08 м.
2. Песок желтовато-бурого цвета (2-й культурный горизонт), мощность – 0,10–0,12 м.
3. Песок мелко- и тонкозернистый палевый с буроватым оттенком (3-й культурный горизонт), мощность – 0,06–0,08 м.

4. Песок мелко- и тонкозернистый бурого цвета (погребенная почва) (4-й культурный горизонт), мощность – 0,04–0,06 м (на иных участках достигает мощности 0,20–0,25 м).
5. Песок мелко- и тонкозернистый палевый (5-й культурный горизонт), мощность – 0,06–0,08 м.
6. Песок тонко- и мелкозернистый палевый с зеленоватым оттенком (6-й культурный горизонт), мощность – 0,06–0,08 м.
7. Пачка параллельно слоистых темно- и светло-серых мелко- и тонкозернистых песков, быстро высыхающих после вскрытия; в кровле заложены устья морозобойных трещин. В подошве отложений 7-й культурный горизонт). Мощность – 0,90 м.
8. Пачка параллельно слоистых мелко- и тонкозернистых песков темно- и светло-серого цвета; в нижней части заиленные и ожелезненные; встречаются вкрапления марганца. Отложения после вскрытия дольше, чем вышележащие, сохраняют свою структуру за счет повышенной влажности и плотности. В их пределах выявлен малоинформативный горизонт 7а (несколько отщепов) и горизонты 8 и 8а. Мощность - с большим количеством материала. Мощность – до 1,20 м и более.

В 1 культурном горизонте размещены археологические остатки железного века, по этому горизонту имеются даты 3250±40 л.н. (ЛЕ-2561), 3340±40 л.н. (ЛЕ-2652), 3670±40 л.н. (ЛЕ-2650), 1890+40 л.н. (ЛЕ-2653) (Ветров В.М., 1992, с. 8; Ветров В.М., Самуилова О.В., 1990; Ветров В.М. и др., 2000, с. 13). Материалы 2 культурного горизонта принадлежат усть-юмурченской археологической культуре позднего неолита (Ветров В.М., 1995б, с. 35). Ниже, от 3 до 7 культурного горизонта идет усть-каренгская археологическая культура. Ее поздний отдел наиболее полно представлен в 4 культурном горизонте, залегающем в погребенной почве в субэкральной пачке отложений эолово-делювиального генезиса. По нему имеются две радиоуглеродные даты, полученные по углю из хозяйственной ямы на Усть-

Каренге III, заплечики которой прослежены от уровня 4 к.г.: 6890±80 л.н. (ЛЕ-1961), 6100±400 л.н. (ИМСОАН-922) (Ветров В.М. и др., 2000, с. 14; Ветров В.М., 2008а, с. 40). 5-й и 6-й культурные горизонты, выделенные в нижней части субаэральной пачки, немногочисленные. 7-й культурный горизонт содержит богатый археологический материал. Он представлен во всех основных археологических аспектах: планиграфическом, технико-типологическом, статистическом (Ветров В.М., 1992, с. 9–11, 2011а, с. 174–177; Ветров и др., 2000, с. 14–15). 7 к.г. залегает в ритмичнослоистых песках пойменной фации аллювия, в верхней части пачки. Особенностью этого горизонта является залегание между двумя генерациями трещин, верхней из которых он разбит (Ветров В.М., 1992, с. 7). Это положение горизонта между двух уровней трещин задолго до первых радиоуглеродных дат подвигло В.М. Ветрова и Е.М. Инешина отнести его возраст к рубежу плейстоцена – голоцена (Ветров В.М., 1981; 1986б, 1992, с. 7–8; Ветров В.М., Инешин Е.М., 1977, 1979). Основная проблема заключалась в том, что по существовавшим в 1980-е гг. представлениям время появления керамики в Восточной Сибири не должно быть древнее 7–6 тыс. некалибров. л.н. Радиоуглеродное датирование 7 к.г. дало серию дат по углю – около 12,1–10,7 тыс. радиоуглеродн. л.н., по органическим включениям в керамике – 11,1–10,6 тыс. радиоуглеродн. л.н. и в целом оценен в пределах 11–12 тыс. некалибров. л.н.

Палинологический анализ образцов отложений 7 горизонта, проведенный В.В. Климашевской (ИЗК СО РАН), свидетельствует о том, что «во время накопления включающей горизонт 7 пачки отложений основное пространство занимали разнотравные степи, заросли кустарниковых форм берез, ольхи и ольховника; по склонам возвышенностей распространялось сосново-лиственничное редколесье, каменистые склоны покрывали заросли плаунка сибирского. Именно этот спектр являлся характерным для рубежа плейстоцен-голоцена в конце одного из последних оледенений при сухом и холодном климате» (Ветров В.М., Кузьмин Я.В., 2005, С. 65).

Ниже 7 к.г. залегает 7а к.г. В нем обнаружено лишь несколько отщепов (Ветров В.М., 2006, с. 173).

В 1990-е гг. на Усть-Каренге XII были открыты культурные горизонты, залегающие ниже 7 и 7а к.г. в аллювиальной пачке отложений, разделенные между собой стерильной прослойкой песка мощностью до 0,2 м. По горизонту 8 получена серия радиоуглеродных дат возрастом около 13 тыс. л.н. Оба культурных горизонта бескерамические. Между 8 и 8а к.г. выявлена кладка обожженных камней. Археоманитным анализом К.С. Бураков и И.Е. Начасова (ИФЗ РАН) определили время обжига камней в интервале 12,6 – 11,2 тыс. л.н. Нижняя дата близка радиоуглеродным датам 8 к.г. (Ветров В.М. и др., 2000, с. 15).

8 и 8а культурные горизонты.

Культурный горизонт 8 зафиксирован на глубине 2,2–2,5 м (Ветров В.М., 2011, с. 174). 8а культурный горизонт – под ним, на глубине 2,4–2,5 м. Сразу под 8 к.г. была выявлена очажная кладка, подошва которой – 8а к.г. Общая вскрытая площадь 8 и 8а культурных горизонтов на Усть-Каренге XII составила 25 кв. м. Оба культурных горизонта представлены пятнами находок диаметром около 5 кв. м, расположенными, практически, друг над другом.

В 8а культурном горизонте количество находок составило около 1600 ед. В группе изделий приведены (Ветров В.М., 2011, Табл. 3) 8 скребков из отщепов, резцовый трансверсальный скол, угловой резец из отщепа, концевой скребок из лыжевидного скола, 2 одноплощадочных бифронтальных микронуклеуса, реберчатый краевой скол с бифаса, нуклеовидно оббитая галька – подпризматический нуклеус в начальной стадии расщепления (Рис. ВВ-3).

Скребки из отщепов – концевые и комбинированные концевые-боковые, все вытянутых пропорций (рис. 57.1–8).

Оба торцовых микронуклеуса выполнены на ладьевидных сколах (рис. 57.13–14). Ударной площадкой служила вентральная поверхность скола-преформы. Оба нуклеуса не имеют дистального гребня – кия. Кромка

ударной площадки не имеет подработки. Фронты размещены на проксимальном и дистальном сколов-преформ. У обоих нуклеусов фронты короткие – около 1,0 и 1,5 см. У одного из нуклеусов латерали несут фрагменты негативов крупных продольных и диагональных, нанесенных с проксимальной стороны сколов, т.е. по сути, специально не подрабатывались (рис. 57.13). У второго нуклеуса таким образом оформлена только одна латераль (рис. 57.14). Другая подработана по всей длине крутой высокой ретушью. Галечный нуклеус имеет сбитую – оформленную поперечным ударом с торца по продолговатой гальке скошенную ударную площадку (рис. 57.15). С нее с узкого конца сбито 4–5 отщепов – два крупных и два мелких в проксимальной трети длины фронта. Остальные поверхности сохранили галечную корку.

Количество артефактов 8 культурного горизонта составило около 1800 ед. Изделия представлены 3 скребками, один из которых на противоположном скребковой головке конце имеет резцовый скол (рис. 57.19), 1 трансверсальным резцом и 1 резцом с рабочей кромкой, образованной трансверсальным и продольным сколами, 1 резцовым и трансверсальным сколом, 1 пластинчатым отщепом с продольной краевой ретушью по левому маргиналу (ножом), 1 пластинчатым отщепом с небольшой ретушной выемкой по вентральному фасу (скобелем), 1 клиновидным нуклеусом, 1 преформой клиновидного нуклеуса и 2 подпризматическими нуклеусами из галек (рис. 57.16–26).

Все три скребка – концевые, лезвие размещено на дистальном краю (рис. 57.16–19). Клиновидный нуклеус имеет тщательно обработанные латерали, его преформой был бифас (рис. 57.23), очевидно, аналогичный найденному (рис. 57.24). В сохранившихся после эксплуатации параметрах нуклеус имеет высокую форму незначительного превышения своей высоты над длиной. Площадка оформлена короткими сколами с латерали и фронта. Судя по заходящей на фронт дуге кия, нуклеус находится в начальной стадии эксплуатации – пластинчатого расщепления.

Бифасиальная преформа имеет вытянутую форму (рис. 57.24). В гребень-ребро отделаны предполагаемый фронт и дистальный край готовящегося клиновидного нуклеуса. Ударная площадка оформлена одним продольным сколом, нанесенным с фронт-торца.

Галечные нуклеусы сделаны из небольших галек (рис. 57.26–27). Ударные площадки скошены. Субпараллельные снятия велись по широкому уплощенному фасу.

В обоих горизонтах В.М. Ветров обращал внимание на отсутствие призматических пластин и некоторого количества отщеповых нуклеусов, снятия с которых апплицировались между собой (Ветров В.М., 2011, с. 174).

Культурно-типологическая оценка 8 и 8а культурных горизонтов

В.М. Ветров в первую очередь соотнес материал 8 и 8а к.г. с каменной индустрией усть-каренгской культуры и с 7 к.г., в частности. Практически все основные формы – скребки, трансверсальные резцы, клиновидные нуклеусы из бифасов и галечные отщеповые нуклеусы широко представлены и характерны для последних. В сущности, основное отличие 8 и 8а к.г. от 7 к.г. Усть-Каренги состоит только в отсутствии керамики в них. В.М. Ветров на этой основе 8 и 8а к.г. выделил бескерамический этап усть-каренгской культуры возрастом около 15,4–15,0 тыс. калибров. л.н. (13 тыс. некал. л.н.) (Ветров В.М., 2011, с. 176).

Как необычный элемент, не встреченный больше нигде, выступают два торцовых микронуклеуса. Их ладьевидная, неклиновидная форма, короткие торцовые фронты как формальные признаки сближают с кареноидными нуклеусами, с одной стороны, и нуклеусами-хороко, с другой [Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Павленок К.К., 2014, с. 15–16; Morlan R.E., 1976; Васильевский Р.С., Лавров Е.Л., Чан Су Бу, 1982, с. 50; Nakazawa Y. et al., 2005, p. 185]. В археологии Витима отдаленный аналог можно увидеть в двух нуклеусах из лыжевидных сколов с бифаса из 7 культурного горизонта Большого Якоря I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, Рис. 6.12, 6.18). Эти

микронуклеусы также имеют короткий, не более 1,5 см, неклиновидный – торцовый фронт.

Реберчатый продольный скол с бифаса (рис. 57.11) и лыжевидный скол со скребковым лезвием на торце (рис. 57.12) показывают существование в данных эпизодах обитания техники продольного раскрытия бифаса и практики орудийного применения технических сколов. Найденный в 8 к.г. бифас имеет сбитый таким образом один продольный край, приготовленный, судя по всему, под ударную площадку нуклеуса (рис. 57.24). В сущности, это элементы техники юбецу-большеякорской. Юбецоидный прием снятия продольного и лыжевидного скола с целью оформления ударной площадки клиновидного нуклеуса из бифаса, как мы увидим далее, был характерным и далее в 7–4 к.г. Усть-Каренги. То же самое следует констатировать, говоря о приеме подработки площадки короткими сколами с латерали и фронта: характерный для усть-каренгской культуры, этот прием представлен уже в 8 культурном горизонте (рис. 57.23).

Территориально и хронологически близким комплексом для 8 и 8а к.г. является 2 донеолитический горизонт Курлы I–III, возрастом около 15,8 тыс. кал. л.н. Сопоставление с ним позволяет выделить одну общую «типологическую триаду» – клиновидные микронуклеусы, трансверсальные резцы, скребки.

7–3 культурные горизонты: усть-каренгская археологическая культура.

Сводная стратиграфическая схема Усть-Каренги содержит пять культурных горизонтов – 3, 4, 5, 6, 7 к.г., объединенные в усть-каренгскую археологическую культуру возрастом около 12–11 – 5–4,5 тыс. некалибр. л.н. (Ветров В.М., 2011, с. 174–175). Наиболее информативными являются 7 и 4 культурные горизонты, представляющие раннюю и позднюю фазы усть-каренгской культуры. Их общими чертами являются, практически, идентичная и типологически устойчивая керамика и каменная индустрия, содержащая черты преемственности и единства.

Планиграфически выделяются округлые скопления культурных остатков диаметром 5–6 м, содержащие от 1 до 3 кострищ (рис. 57.28). Особых конструктивных элементов организации очагов и жилищ не выявлено (Башкирова Е.В., 1990; Ветров В.М., 1992, с. 10).

В.М. Ветров приводит совокупную типологическую характеристику каменной индустрии усть-каренгской культуры по 7 культурному горизонту:

«Основными категориями изделий являются клиновидные (рис. 58.1–2; рис. 59.1–4; рис. 60.26,29,30,33,34) и призматические (рис. 58.5,8; рис. 59.6,7,16; рис. 60.28,31,38) нуклеусы; их заготовки (рис. 58.6,9–12; рис. 59.3–5; рис. 60.27,30,35–37); трансверсальные резцы от начальных форм до утилизированных экземпляров, иногда с сочетанием негативов поперечных и продольных сколов (рис. 58.13–17,21; рис. 59.8–12; 60.1–25); угловые резцы с продольными сколами на призматических пластинах (рис. 58.22–27; рис. 59.13–14); одно- и двулезвийные ножи из крупных пластинчатых сколов (рис. 58.18,19); ножи-бифасы (рис. 58.20,28,29; рис. 59. 24); концевые и комбинированные скребки (рис. 58.30–35; рис. 59.17–19); галечные тесла (рис. 58.36,38); топорovidные изделия (рис. 58.37); скребла из односторонне обработанных уплощенных галек (рис. 58.39)» (Ветров В.М., 2011, с. 174, Табл. 5).

В 4 культурном горизонте В.М. Ветров отмечает те же категории и формы артефактов. Но наряду с этим появляются: «подромбовидные наконечники стрел (рис. 59.20,21), «даурские» острия, в том числе с боковой выемкой (рис. 59.22,23), топорovidные скребки (рис. 59.25), грузила для сетей (рис. 59.26), многофасеточные резцы на нуклеусах (рис. 59.27), тесла с подшлифовкой арьерфаса (рис. 59.28), клинки-бифасы (рис. 59.15,29), тесла с «перехватом» (рис. 59.30) (Ветров В.М., 2011, с. 175). При этом в верхних 3 и 4 к.г. увеличивается доля призматических нуклеусов и угловых резцов из призматических пластин.

В диссертации и затем в отдельной статье В.М. Ветров дал технико-типологический анализ двух основных категорий каменной индустрии усть-

каренгской культуры нуклеусов и трансверсальных резцов (Ветров В.М., 1992, с. 10–11; 1995). Детально по остаточным формам реконструирована техника клиновидного нуклеуса.

Редко, когда преформой являлся скол. В большинстве случаев пренуклеус изготавливался из гальки бифасиальной обработкой (Ветров В.М., 1995, с. 39). Преформы нуклеусов имели горизонтально вытянутую, асимметричную, обушковую форму (рис. 58.11,12; рис. 59.3–5; рис. 60.35–37). Более прямой продольный край – обушок – отводился под ударную площадку. В ряде случаев он галечный, либо частично с одного фаса поперечными сколами оббитый и скошенный. Противолежащий ему край – будущий дистальный конец нуклеуса – дугообразный и выпуклый. Он сведен ретушью в ребро. Основным приемом оформления ударной площадки было снятие ударом с фронт-торца продольного краевого скола. В случае ныряющего импульса ударная площадка получалась скошенной к контрфронт (рис. 60.26,34). Подживление ударной площадки проводилось двояко – как снятием лыжевидных сколов, так и обработкой несколькими короткими сколами с латерали и фронта, вплоть до полного переоформления (рис. 60.29,33). Как минимум, в двух случаях с образованной лыжевидным сколом площадки производилось фасиальное утоньшение латерали (рис. 60.29,34). Заход фронта с торца глубоко на латераль, по сути, приводил к призматической уже форме нуклеуса (рис. 60.38). Сработанный, истощенный клиновидный нуклеус с преобладанием ширины фронта над длиной латерали также, в сущности, является призматической формой (рис. 60.31).

Кроме того, В.М. Ветров описал заготовку собственно призматического нуклеуса (Ветров, 1995 В.М., с. 41–43). Она имеет высокую пропорцию вертикально ориентированной гальки. Фронт подготовлен сколами по уплощенному фаса с длинных краев. С фронт-фаса в направлении на ось контрфронт-фаса сколами оформлены латеральные ребра. Площадка подготовлена сколами с фронта и латералей (рис. 60.27,28). Принципиальное отличие этой формы от клиновидной в том, что расщепление нуклеуса

начинается не с одного ребра (торца), а с двух ребер, чем заведомо обеспечивается значительный охват периметра и, следовательно, призматический характер нуклеуса.

Еще одна массовая для усть-каренгской культуры категория изделий, резцы, была проанализирована В.М. Ветровым (Ветров В.М., 1995, с. 32–39) (рис. 60.1–25). Имея большую коллекцию резцов, он реконструировал идеальную форму (тип) трансверсального и углового резцов и выделил разнообразные технические и производственные варианты. Основным типом для ранних горизонтов Усть-Каренги является трансверсальный резец (тип I). Идеальная модель состоит из удлиненного отщепы как преформы; тело резца ретушировано крутой краевой ретушью по одному или обоим маргиналам. Головка у рабочей точки, как правило, оформлена более пологой ретушью и имеет склонение в сторону продольной оси. Головка резца скошена противоположному маргиналу естественным образом или ретушью. Рабочая точка находится в сопряжении с вентральным фасом. Поэтому негативы резцовых сколов, как правило, скошена на дорсал и противоположный маргинал (край). Варианты представляют различные комбинации двух трансверсальных сколов, трансверсального и продольного углового резцового скола с одной или разных точек. Помимо отщепы трансверсальные и комбинированные резцы могли иметь нуклевидную преформу (тип II). Вторую группу резцов (тип III–V) образуют угловые резцы с продольным сколом на крупных пластинах, призматических пластинках и поперечно-сегментированных пластинчатых сколах (рис. 59.13,14). Эти формы доминируют в верхних горизонтах Усть-Каренги при том, что сохраняются и трансверсальные резцы (Ветров В.М., 2011, Табл. 8, 9–11).

Весьма существенна экспериментальная часть работы с резцами В.М. Ветрова. Его опыт действия трансверсальным резцом по рогу показал, что трансверсальные сколы отжимались непреднамеренно в ходе рабочей кинематики. Притупление рабочей части резца вело к увеличению усилия. «Следствием увеличения давления на рабочую точку и, соответственно,

увеличения сопротивления обрабатываемого объекта является произвольное отделение резцового скола от тела орудия и соответствующее этому этапу подживление его рабочей части» (Ветров В.М., 1995, с. 34).

Керамика Усть-Каренги I-XVI

Если каменная индустрия Усть-Каренги I-XVI на ранних этапах вполне традиционна и типична для финального палеолита – мезолита, а на поздних этапах – для финального мезолита (Ветров В.М., 2007, с. 29, 2011, с. 176–177), то керамический комплекс представляет собой совершенно нетипичный и уникальный феномен. Который составляют два выдающихся признака: экстремально ранний возраст появления и нетипичная морфология декора сосудов.

Серия радиоуглеродных дат, стратиграфическое положение, термолюминесцентное датирование обеспечили возрастное определение 7 культурного горизонта и его керамики в пределах 12–11 тыс. рад. л.н. Поздний этап усть-каренгской культуры контролируется датами около 6,8 – 6,1 тыс. рад. л.н. по 4 культурному горизонту. Керамика раннего и позднего этапов, практически, идентична, несколько более вариабельна в поздних горизонтах, сохраняя общие для типа признаки (рис. 61 – 64) (Ветров В.М., 2011, с. 174–175). Это параболоидной формы сосуд закрытого типа, лепленный ленточно-жгутовым способом. Поверхности внешняя и внутренняя имеют бороздчатые следы расчесывания стенок. Основной элемент декора – это отпечатки зубчатого штампа в виде шагающей гребенки горизонтального и волнистого направления и в виде вертикального елочного штампа. В единичных случаях встречены оттиски проката колесика.

Этот тип керамики был назван В.М. Ветровым «усть-каренгским» (Ветров В.М., 1992, с. 10, 2011, с. 176). Он стал отличительным признаком усть-каренгской археологической культуры. Кроме Усть-Каренги I-XVI эта керамика была найдена в отложениях пребореального, бореального, атлантического периодов на местонахождениях Романовка II-IV, Усть-Кумыкта I, Усть-Конда II, III, Усть-Ингур III, Усть-Юмурчен I, III, IV, VIII,

ХII, ХIII, Черняхя (Солонцовая), Усть-Сивакочи, Усть-Кадавун, Усть-Ендорохин, Усть-Окторокон I-V, Усть-Кадамия, Усть-Пурона (Каренгская), Усть-Мукдакочи, Усть-Калакан I, II, Усть-Калар, все – в пределах района Верхнего Витима (Ветров В.М., 1992, с. 9). В других районах Витима, например, в среднем его течении, в Бамбуйской котловине – на стоянке Нижняя Джилинда (Сивакон) I, в Муйской котловине, на могильнике Старый Витим II ее нет. В целом, для раннего неолита сопредельных территорий – Восточного и Западного Прибайкалья, Якутии характерна керамика с оттисками сетки-плетенки и шнура (Археологические памятники Якутии, 1983, с. 16–17; Савельев Н.А., 1989; Бердников И.М., 2013, с. 207–212; Константинов М.В., Екимова Л.В., Верещагин С.Б., 2016, с. 48–50).

Ритуальные ямы Усть-Каренги XVI

В 1979 г. на местонахождении Усть-Каренга XVI В.М. Ветровым были открыты две ямы размерами 1,25×0,75 м и 0,70×0,47 м, глубиной до 1,0 м, на дне которых компактно лежали артефакты (рис. 65) (Ветров В.М., Смотрова В.И., 1980; Ветров В.М., 2008а, с. 28). Ямы расположены в 2-х метрах друг от друга на песчаной рёлке с отметкой 25 м над уровнем реки, возвышающейся над окружающей местностью. Донья ям оказались засыпанными охрой, поэтому объекты эти были оценены как ритуальные, в том числе, вероятно, погребения, учитывая, что кость в местных отложениях не сохраняется. Свыше 90% всех артефактов в ритуальных ямах изготовлены из темно-коричневого аргиллита, первоначально принятого за гиалодацит (Ветров В.М., Инешин Е.М., Ревенко А.Г. и др., 2000, с. 110–111). Нигде более на Усть-Каренге I-XVI аргиллит такого цвета, качества и химического состава не встречен. Были найдены лишь несколько артефактов в 7 горизонте Усть-Каренги XII, несколько отличные по составу и цвету.

Коллекция ритуальных ям состоит из 289 предметов: 72 находок в 1-ой яме и 217 находка во 2-ой яме (Ветров В.М., 2008а, с. 28–30). Типологически аргиллитовые изделия обеих ритуальных ям представлены призматическими нуклеусами, соразмерными с ними пластинками, крупными пластинами и

концевыми скребками из таких пластин, ретушированными пластинками-вкладышами, комбинированными орудиями (рис. 66, 67) (Ветров В.М., 2008а, с. 28–30). Кроме них найдены «утюжок» из вулканической пемзы, шлифованный ромбовидный артефакт из графитита.

Датировка обоих комплексов была предложена исходя из того, что заплечики ям прослежены из слоя с фрагментами погребенной почвы, датированной атлантическим оптимумом возрастом около 6,0–7,0 тыс. л.н. На это время на верхнем Витиме приходится поздняя фаза усть-каренгской неолитической культуры. Материал из ям не совсем типичен для нее. В ритуальных ямах нет усть-каренгской керамики, нет клиновидных нуклеусов и трансверсальных резцов. С другой стороны, призматические нуклеусы вполне традиционны для среднего и позднего этапов усть-каренгской культуры.

Визуально аналогичные артефактам из ритуальных ям Усть-Каренги XVI аргиллитовые предметы были найдены на местонахождении Коврижка I (рис. 68.1–5, 69.2–7). Морфо-типологически тождественны концевые скребки из пластинчатых сколов. Этот сюжет подобия отмечался во всех публикациях, затрагивающих археологию Коврижки I (Тетенькин А.В., 1999; 2000, с. 137–138; 2010, с. 75–76).

Артефакты из коричневого аргиллита в археологии бассейна Витима выразительны и легко узнаваемы по цвету. Встречены они уже на ряде местонахождений: Большой Якорь I, Инвалидный III, Коврижка II и IV (нижний Витим), Ветвистый (бассейн среднего Витима), Усть-Каренга XII и XVI (верхний Витим) (Рис. 69.1). В таких комплексах как 3В культурный горизонт Большого Якоря I, 1-й культурный горизонт Инвалидного 3, пункта 1, Ветвистый они составляют большинство археологического материала (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2005, с. 100; 2010, с. 216; Ветров В.М. и др., 2007, с. 108). В остальных случаях коричневый аргиллит является экзотичным. Возраст (некалиброванный, радиоуглеродный) ансамблей, содержащих вещи из этого субстрата, варьирует от 12,7 до 4,5 тыс. л.н. (таблица 7).

Типологически артефакты из аргиллита разнообразны. В 3В к.г. Большого Якоря I и 1 к.г. Инвалидного III, пункта 1 это клиновидные нуклеусы (Рис. 68.6,8), продукты обработки бифасиальных преформ, технические лыжевидные и краевые сколы, микропластинки, скребловидные и ножевидные изделия из сколов. В 6 к.г. Коврижки IV это только два округлых скребка (Рис. 68.7). В невыразительной коллекции Ветвистого артефакты из темно-коричневого аргиллита представлены только отщепами и микропластинами. В 7 к.г. Усть-Каренги XII это также единичные отщепы. «Типологическая пара» концевых скребков из крупных пластинчатых сколов Усть-Каренги XVI и Коврижки I, таким образом, единственная (Рис. 68.1–5, 69.2–7). И в том и в другом случае предложен возраст атлантического оптимума, около 6,0 тыс. радиоуглеродн. л.н. В связи с этим была поставлена задача идентификации изделий из аргиллита из стоянок Коврижка I на нижнем Витиме и Усть-Каренга XVI на верхнем Витиме. Для ее решения привлечены результаты изучения артефактов из аргиллита с помощью рентгенофазового и рентгенофлуорисцентного методов (Тетенькин А.В., Ветров В.М., Демонтерова Е.И. и др., 2018, с. 18–20).

Сопоставление отщепов, изготовленных из аргиллитов с местонахождений Коврижка I и Усть-Каренга XVI, с помощью рентгенофлюоресцентного и рентгенофазового методов, позволило сделать вывод о схожести минеральных составов, а также отношений количественного содержания фаз в образцах (таблица 6). Их близкий химический состав говорит о том, что артефакты из коричневого аргиллита происходят из одного геологического источника. Следует подчеркнуть, что идентичность образцов со стоянки Коврижка I (образец С2-5) и образца со стоянки Усть-Каренга XVI установлена не только по минеральному составу, но и по содержанию каждой минеральной фазы. Это позволяет предположить, что оба артефакта изготовлены из одного и того же куска породы. Совпадение кривых рентгенофазового анализа следует считать уникальным. Оно означает, что каменное сырье артефактов из обоих местонахождений происходит из одного

источника в самом узком значении, вплоть до того, что это одна и та же точка взятия ресурса, либо один и тот же взятый и разделенный кусок породы. Вместе с типологией и хронологией полученные данные утверждают высказывавшуюся ранее гипотезу о связи населения нижнего и верхнего Витима (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2011).

Рассматривая «тройное тождество» субстрата, морфологии и возраста артефактов из Коврижки I и Усть-Каренги XVI как свидетельства археологической связи, теоретически мы можем предполагать различные варианты контактов. Либо это уникальные следы пребывания и мобильности на верхнем и нижнем Витиме одной группы населения, либо это следы существовавших в Привитимье путей общения (культурных коммуникативных связей), по которым осуществлялся обмен информацией об источниках ресурса, или обмен самим ресурсом, а также технико-типологическими знаниями об артефактах из него. И на Усть-Каренге, и на Коврижке аргиллит, очевидно, ценился. На Коврижке I скребок из пластины был переломлен, и на оставшемся обломке вновь оформлено скребковое лезвие. Абсолютное преобладание аргиллита на дне ритуальных ям является аргументом ценности этого ресурса на Усть-Каренге.

Связь по субстрату геофизическими методами между археологическими местонахождениями верхнего и нижнего течения Витима установлена впервые. Датируется этот эпизод возрастом около 7,0 тыс. кал. л.н. / 6,0 тыс. рад. л.н. Расстояние по реке – около 700 км (рис. 69.1).

2. Нижняя Джилинда (Сивакон) I

Стоянка с погребением Нижняя Джилинда (Сивакон) I была открыта В.М. Ветровым в 1977 г. и раскапывалась в последующие годы (Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М., 1993). В раскопках принимали участие Е.М. Инешин и О.В. Задонин. Памятник расположен в Каларском районе Читинской области (ныне – Забайкальский край), в 2 км ниже правого притока Витима – р. Нижняя Джилинда, в 18 км выше от д. Бамбуйка Байнцовского

района Республики Бурятия, на 12-14-метровой террасе правого приустьевых мыса рч. Сивакон (рис. 1, 2, 54, 55.1).

Было вскрыто 54 кв. м при общей перспективной площади в 450 кв. м. В отложениях субаэрального и аллювиального генезиса на глубине до 1,5 м выделено 8 культурных горизонтов: 1, 2, 2а, 3, 4, 5, 5а и 6 (рис. 70.1). В переслаивающихся слоях бурого (погребенные почвы) и палевого песка выделены первые семь культурных горизонтов. В средней части косослоистых супесей пойменной фации аллювия открыт последний – 6-й культурный горизонт. Из подошвы субаэральной пачки, с уровня четвертой погребенной почвы культурного горизонта 5а заложена могильная яма, перекрытая каменной кладкой. Это древнейшее на Витиме погребение, вместе с многослойным характером залегания культурных остатков поставившее Нижнюю Джилинду в разряд выдающихся объектов Верхнего Витима. Была получена серия радиоуглеродных дат: к.г. 4, уголь – 6720 ± 80 (ЛЕ-1957), к.г. 5, уголь – 7580 ± 80 (ЛЕ-1956), к.г. 5а, уголь – 7880 ± 80 (ЛЕ-1955), погребение с уровня к.г. 5а (обе даты по кости) – 7230 ± 40 (ГИН-45), 7630 ± 30 (Beta-432255), литологический слой 10, вмещающий к.г. 6, - 6470 ± 80 (ЛЕ-1954), 8920 ± 80 (ЛЕ-1951), 11280 ± 80 (ЛЕ-1953), 11280 ± 120 (ЛЕ-1952) (Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М., 1993, с. 101; Ветров В.М., Инешин Е.М., 2019, с. 469).

В 3 культурном горизонте найдены фрагменты гладкостенной и шнуровой керамики, всего 288 ед. Нижележащие культурные горизонты керамики не имеют. Стояночный инвентарь культурных горизонтов 1–6 сходен в наборе призматических микропластинчатых нуклеусов, пластинок с продольной и локальной ретушью, угловых резцов из них, бифасиально оформленных остроконечников, скребков из отщепов, скребел, чопперов, галек-отбойников (рис. 71). В 1–3 к.г. встречены наконечники стрел треугольной формы с вогнутой базой. В 3, 5 и 5а культурных горизонтах найдены топоры, тесловидные орудия и их заготовки (рис. 71.34), в том числе в 5а к.г. – из нефрита. Особенностью Нижней Джилинды являются артефакты из белого нефрита. Среднее течение Витима как раз и является

зоной проявления этого материала (Секерин А.П., Секерина Н.В., 2000, с. 155; Алексеев А.Н. и др., 2006, с. 74–76). Помимо заготовок тесел нефрит представлен шлифованными ножами в 2а и 5а культурных горизонтах (рис. 71.14,15), а также оббитыми сколами из нефрита в других горизонтах и в погребении. В 5 к.г. есть обломок шлифованного сланцевого изделия. В 5а к.г. найдены и орудия шлифовки: плиты песчаника – абразивы и выпрямители древков. Из уровня 5а к.г. заложено погребение. (рис. 71.19–21).

Погребение имело надмогильную кладку овальной формы, размерами 3,5×3,0 м, вытянутую с северо-запада на юго-восток. Могильная яма глубиной до 0,40 м была выложена по стенкам и по дну камнями. Яма имела размеры 2×1,5 м (рис. 70.2,3). Найденные в ней человеческие останки лежали в анатомическом беспорядке (Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М., 1993, с. 106). Кости располагались в разных частях ямы. Многие из них были расколоты. На ряде костей отмечены следы надрезов и надпилов. Темные пятна на костях, возможно, являются следами воздействия огня. В связи с этим предположено, что совершались обрядовые действия повторного захоронения, либо ритуальный или бытовой каннибализм (Пежемский Д.В., Рыкушина Г.В., 1998, с. 129).

В могильной яме обнаружен богатый археологический материал, всего 1310 ед. Это количественно доминирующие в изделиях 317 микропластин, часть из которых ретуширована (рис. 71.11–13,22), 110 цилиндрических бус из агальматолита (рис. 71.8–10), 13 призматических нуклеусов (рис. 71.26,33), 6 наконечников стрел (рис. 71.1–6), одна обколотая нефритовая пластина (рис. ВВ-18. 17), один выпрямитель древков (рис. 71.19), один остроконечник (рис. 71.18). Кроме того найдены выразительные изделия из кости, рога и бивня мамонта: обойма вкладышевого однопазового кинжала (рис. 72. 12), обломок вкладышевого однопазового ножа (рис. 72.15), два фрагмента вкладышевых двухпазовых орудий из бивня мамонта (рис. 72.13,14), один двухпазовый наконечник дротика (рис. 72.16), одна пластина из бивня мамонта с заточенным концом (рис. 72.11), долотовидный инструмент из рога (рис. 72.6),

два острия (рис. 72.7, 9), три, предположительно, наконечника стрелы из кости (рис. 72.2,3,8), одно жало составного крючка (рис. 72.5), один фрагмент гарпуна (рис. 72.1), одна трубчатая кость с продольными пропилами (рис. 72.10) и др. Кроме этого были найдены еще 514 неопределимых фрагментов костей и 314 фрагментов костей куницы (*Martes*) и лося (*Alces alces*) (определение Е.А. Хамзиной).

В районе надмогильной ямы найдены 3 вышеупомянутых нефритовых шлифованных ножа (рис. 71.14–16), 16 призматических нуклеусов (рис. 71.29), песчаные плиты – абразивы (рис. 71.20), выпрямители древков (рис. 71.21), топорик, 3 заготовки тесел из нефрита, скребловидные орудия, скребки, 10 бусин из агальматолита и др.

Результаты антропологического изучения останков.

Антропологическим исследованием остатков костяка погребения занимался Д.В. Пежемский и Г.В. Рыкушина (НИИ и Музей антропологии им. Д.Н. Анучина МГУ) (Пежемский Д.В., Рыкушина Г.В., 1998; Базалийский В.И. и др., 2012; Ветров В.М., Инешин Е.М., Пежемский Д.В., 2016). Остатки принадлежат мужчине возрастом 30–40 лет (ранний зрелый возраст – *maturus*), ростом около 167 см (Пежемский Д.В., Рыкушина Г.В., 1998, с. 126; Ветров В.М., Инешин Е.М., Пежемский Д.В., 2016, с. 134–135). По сравнению с умеренной мускулатурой рук мускулатура ног развита сильно, что указывает на длительные переходы. Высокое содержание азота в костях $\delta^{15}\text{N} = +12,2 \text{ ‰}$ указывает на значимую роль рыбы в диете (Ветров В.М., Инешин Е.М., 2019, с. 469).

Сравнительный анализ установил, что наиболее близким к черепу с Нижней Джилинды является неолитический череп из Туой-Хая, и оба они принадлежат к катангскому антропологическому типу североазиатской расы, принадлежащей большой монголоидной расе первого порядка (Пежемский Д.В., Рыкушина Г.В., 1998, с. 121). «В морфологическом отношении джилиндинский человек может быть описан либо в категориях выделенного Г.Ф. Дебецем катангского антропологического типа, либо в рамках расовых

особенностей южных монголоидов. Достаточно даже беглого взгляда на краниометрические характеристики черепов из Нижней Джилинды и Локомотива R-8, чтобы понять, что эти находки относятся к совершенно разным, можно сказать, полярным морфологическим вариантам. Это позволяет сделать предположение, что уже в эпоху позднего мезолита в Восточной Сибири обитали популяции различного происхождения, принадлежащие, как минимум, к двум древним антропологическим пластам» (Базалийский В.И. и др., 2012, с. 115–116). Высказано также мнение, что катангский антропологический тип, представленный черепами с Нижней Джилинды и Туой Хая, удаленными друг от друга на расстояние более 770 км по прямой, бытовал в Восточной Сибири в мезолитическое время на широком ареале, и возможность локального варианта Нижней Джилинды исключается (Пежемский Д.В., Рыкушина Г.В., 1998, с. 133).

В 6 культурном горизонте найден 91 предмет, в том числе один призматический нуклеус, 24 пластинки (2 ретушированы), 1 скребок, 1 скребло, 1 угловой резец и др. (рис. 71.36–40).

Памятник Нижняя Джилинда (Сивакон)-I внес значительный вклад в развитие археологии Привитимья. Значимость этого объекта обуславливается его многослойностью, датированностью, единичным, уникальным погребением, связанным со стояночным культурным слоем, и, в конечном счете, уникальном характере каменного и костяного инвентаря.

4, 5, 5а, погребение и 6 культурные горизонты не содержат керамики. Иными словами, в комплексах возрастом от 6,7 тыс. рад. л.н. и древнее она не найдена. Это обстоятельство находится в резком контрасте с усть-каренгской группой местонахождений, где керамика усть-каренгского типа выступает как главный археологический признак в интервале 12,0–5,5 тыс. рад. л.н. Кроме того, шлифованные орудия из нефрита на Усть-Каренге также не характерны. Это дало основание автору раскопок В.М. Ветрову поставить вопрос о культурной и стадийной принадлежности, прежде всего, погребения и 5а культурного горизонта Нижней Джилинды-1: бескерамический неолит?

мезолит? локальная культура? (Ветров В.М., 1990, с. 119–120; 1992, с. 12). По сути, больше, чем какие-то другие, джилиндинские материалы подтолкнули В.М. Ветрова к идее обособленного существования в изолированных географических районах групп населения – носителей оригинальных комплексов культурных признаков (Ветров В.М., 1992, с. 9).

Позднее, в статье 2008 года В.М. Ветров костяное жало составного рыболовного крючка с тремя выступами-бородками по вогнутому краю (рис. 72.5) из погребения и шлифованные ножи из 5а культурного горизонта (рис. 71.14–16) соотносил с китойскими типами и на этой основе определял и погребение, и 5а горизонт, из которого оно было заложено как раннеолитические (Ветров В.М., 2008, с. 34–35).

В 2006 г. группой археологов из Иркутска (В.М. Ветров, А.В. Тетенькин), Якутска (А.Н. Алексеев, В.М. Дьяконов) совместно с геологом-специалистом по нефриту А.П. Секериным (ИЗК СО РАН) был проведен сравнительный анализ артефактов из белого (светло-зеленого) нефрита из Джикимдинского погребения на р. Олёкме, местонахождений Виллюйское шоссе и Владимировка II на р. Лене в районе г. Якутска, и образцов артефактов из нефрита с Нижней Джилинды I, Усть-Каренги XII, могильника Старый Витим II (Алексеев А.Н. и др., 2006). По оценке, прежде всего, А.П. Секерина, все взятые в анализ образцы происходят из Средневитимской горной страны. На этом основании высказана идея маркированных средневитимским нефритом протяженных межрегиональных коммуникаций, существовавших длительное время в раннем и позднем голоцене (Алексеев А.Н. и др., 2006, с. 77).

Джилиндинское погребение было проанализировано В.И. Базалийским, ведущим специалистом в археологии погребений мезолита – неолита – раннего бронзового века Восточной Сибири (Базалийский В.И., 2012, с. 52–53). Нефритовые ножи с угловым лезвием из 5А к.г. были определены им как ножи китойского типа и наконечники в погребении как острия даурского типа. Сама могила отнесена к щукинской хронологической группе погребений

позднего мезолита. Одновременно В.И. Базалийский указывал на сходство джилиндинского погребения с хиньской традицией Южного Прибайкалья по таким признакам как остря из пластин и костяной наконечник. Проводя сравнительную характеристику щукинской хронологической группы В.И. Базалийский указывал на разнородность признаков всех включенных объектов, где общей чертой являются лишь возраст и сочетание отдельных мезолитических и неолитических признаков, когда уже не мезолит, но еще не неолит» (Базалийский В.И., 2012, с. 58).

По мнению Е.М. Инешина, комплекс 5–5а к.г. и погребения принадлежит к кругу носителей усть-каренгской культуры. Отсутствие усть-каренгской керамики в могиле не должно быть препятствием также, как общая для Прибайкалья редкость находок керамики в погребениях не останавливает археологов перед культурно-хронологической атрибуцией. Имеющиеся научные представления о коммуникативных связях между населением Верхнего и Нижнего Витима позволяет считать, что население Нижней Джилинды, находящейся «на полдороги», было вовлечено в эти контакты, а, следовательно, и культурно, и этнически с носителями усть-каренгской культуры однородно (Ветров В.М., Инешин Е.М., Пежемский Д.В., 2016, с. 137–139; Ветров В.М., Инешин Е.М., 2019, с. 469).

Рассмотрим вопрос, насколько археологически подобен материал нижних горизонтов (5, 5а, 6 к.г.) и погребения усть-каренгской археологической культуре? Первую оценку дал сам автор обоих открытий В.М. Ветров (Ветров В.М., 1990; Ветров В.М., 1992, с. 8). Его точка зрения заключалась в несходстве обоих культурных комплексов, на Нижней Джилинде, выраженном в отсутствии керамики и в наличии шлифованных изделий из нефрита и кости, чего нет на Усть-Каренге. Продолжая этот сравнение, следует упомянуть, что для усть-каренгской культуры характерными типами являются клиновидные нуклеусы и трансверсальные резцы. На позднем этапе наблюдается сочетание техник клиновидного и призматического нуклеуса. На Нижней Джилинде клиновидных нуклеусов и

трансверсальных резцов нет, как нет и ключевого аргумента – керамики усть-каренгского типа. Вслед за В.М. Ветровым эти доводы не дают нам оснований отождествлять культуру нижних горизонтов погребения с усть-каренгской культурой Верхнего Витима.

3. Старый Витим II

В 1976 г. В.М. Ветровым открыта стоянка-могильник Старый Витим II (Ветров В.М., 1982, 2002, 2003, 2008а; Людников В.О., 2010; Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В., 2019, 2020). Она расположена в устье р. Муя, левого притока р. Витим, в средней части его течения, в пределах Муйско-Куандинской котловины (рис. 1, 2, 55, 73). Памятник находится на одном из прирусловых валов относительной высотой 8–9 м, в системе заболоченных стариц-рукавов левой протоки Витима. Всего на этом участке выделено три пункта – Старый Витим I–III. Культурные горизонты стоянок Старый Витим I–III датированы временем позднего неолита – эпохи палеометаллов (Ветров В.М., 1982, 2002, 2003). Однако на Старом Витиме II было найдено погребение ранненеолитического облика. В 1993 г. при археологическом обследовании, связанным с ремонтом подъездной автодороги к д. Усть-Муя, Е.М. Инешиным и А.В. Тетенькиным была сделана прирезка к раскопу 1977 г. на Старом Витиме II. В результате обнаружена яма с сажистыми и охристыми прослойками, но без инвентаря и костных остатков скелета человека. По ней была получена первая радиоуглеродная дата (Инешин Е.М., 1995). В 2000, 2001, 2002 и 2009 гг. В.М. Ветров продолжил исследования этого памятника.

Местонахождение Старый Витим II расположено в 1,2 км к юго-западу от д. Усть-Муя, на первой, 8–10 м надпойменной аллювиальной террасе, являющейся древним правым приустьевым мысом р. Муя. Выявлена следующая стратиграфия, сверху вниз:

Стратиграфия археологического местонахождения Старый Витим II (рис. 80.1):

1. Таежная почва – темно-серый гумусированный тонкозернистый песок, насыщенный корневой системой деревьев, кустарников и травы. Мощность 0,03–0,06 м.

2. Тонко- и мелкозернистый песок желтовато-коричневого цвета; из слоя заложена верхняя генерация морозобойных трещин. Мощность 0,04–0,42 м.

3. Песок тонко- и мелкозернистый коричневого цвета. Мощность 0,04–0,24 м

4. Пески тонко- и мелкозернистые серые, неслоистые. Мощность 0,02–0,16 м.

5. Пески тонко- и мелкозернистые, неслоистые. Мощность 0,16–0,24 м.

6. Прослой мелко и тонкозернистого песка желто-серого цвета, ожелезненный, густо насыщенный корневой «паутиной» деревьев и кустарников, а также остатками растительного детрита; из слоя заложена нижняя генерация морозобойных трещин. Мощность 0,04–0,08 м.

7. Пески тонко и мелкозернистые серого цвета различных оттенков, горизонтально-слоистые; встречаются заиленные прослой и прослой хорошо отмытого крупнозернистого песка; вскрытая мощность до 0,80 м и более.

Колебание мощности тех или иных отложений в значительной мере зависит от криогенных нарушений в виде морозобойных трещин. Обычно, составляющие слоев скапливаются в устьях последних, за счет чего хорошо читаются. Стояночный материал дислоцируется в 1-ом и 2-ом слоях. Заплечики ям читались из 4 стратиграфического уровня.

Большинство артефактов связано со вторым литологическим слоем (желтовато-бурый тонкозернистый песок, простирающийся на глубине от 0,10 до 0,17 м от дневной поверхности). Археологический материал дислоцировался в верхах 2 слоя. Найдено 10 наконечников стрел, 9 резцов, 17 скребков, 7 изделий и их обломков из бифасиально обработанных галек, 3 проколки, 48 призматических пластин, одна из которых локально

ретуширована, три имеют резцовые сколы по одному из маргиналов, 1 долотовидное изделие с резцовым сколом по одному из маргиналов, 10 вкладышей – бифасов, семь имеют четырехугольную форму, один с закругленным концом, пластинчатый первичный скол с выемчатой ретушью со стороны вентральной поверхности, бифас, 4 крупных пластинчатых скола, один из них без следов утилизации, один с поперечным резцовым сколом, один с утилитарной ретушью, один с локальной ретушью, 1090 отщепов, один из которых с двумя шипами на дистальном конце, 53 нуклеуса и их заготовок, ножи-бифасы, 5 галек; 29 колотых гальки; 6 кусочков песчаника; кусочек бронзового сплава; 406 обломков кости; 366 фрагментов керамики, как гладкостенной, так и с отпечатками рубчатой лопаточки, (из них 6 фрагментов с отпечатками витого шнура на внешней поверхности, 4 с отпечатками грубой плетёной ткани) (Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В., 2019, с. 15, рис. 3–5). Керамика находит аналогии с керамикой усть-юмурченской археологической культуры (5–3,5 тыс. некал. л. н.) (Ветров В.М., 2011б, рис. 3).

За все годы исследования стоянки-могильника Старый Витим II раскопано 15 ям (рис. 74) (Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В., 2019, с. 12, Рис. 2). В восьми из них (№ 1–6, 10, 11) были выявлены остатки костяка, зубы, позволившие определить эти объекты как погребения (рис. 75–82). В них был и самый выразительный погребальный инвентарь. Еще четыре ямы (№ 7, 9, 14, 15) воспроизводили ту же ориентацию с ЮЗ на СВ и ту же подпрямоугольную форму. Эти ямы определены как кенотафы. Две из них (№ 7 и 15) равно как и погребения содержали археологический материал (инвентарь?) охру, были потревожены более поздним вторжением. В этой связи допустимо предположить, что эти ямы являются разрушенными могилами. А еще две ямы (№ 9 и 14) инвентаря не имели, были, практически, пустыми. Вероятно, они вырыты впрок и не использованы по погребально-ритуальному назначению.

Погребения и кенотафы образовывали в плане три линии, ориентированные с СЗ на ЮВ (рис. 74) (Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В., 2019. С. 12. Рис. 2). 1-я линия состояла с ЮВ на СЗ из трех могил № 5, 1, 2 и одного кенотафа № 14, расположенного между могилами № 1 и 2, на один корпус выбиваясь из линии на ЮЗ. 2-я линия, самая многочисленная, состояла из погребений № 10, 6, 3, кенотафа № 9, погребений № 3, 4, кенотафа № 7. Эта линия отстоит от первой на 3–4 м к северо-востоку. 3-я линия расположена на 2,5 – 3 м северо-восточней второй линии, состояла из погребения № 11 и кенотафа № 15. Пустые кенотафы № 14 и 9 расположены, практически, напротив друг друга в 1-й и 2-й линиях, по отношению друг к другу – по одной линии, совпадающей с ориентацией ям – с ЮЗ на СВ. Между ними расстояние – 7,10 м.

Три ямы № 8, 12, 13 отличаются и от погребений, и от кенотафов тем, что не имеют общей с ними ориентации на ЮЗ – СВ, в них не было ни остатков костяка, ни охры, ни характерного для могильника инвентаря. В этих трех ямах зафиксированы единичные находки в заполнении, судя по некоторым из них, более поздние, скорее, происходящие из стояночных культурных горизонтов. Поскольку яма № 13 нарушила яму (кенотаф) № 7, велика вероятность, что пятно охры и единичные находки оказались в ее заполнении из более ранней ямы № 7. Ямы № 12 и 13 овальные, вытянутые с Ю на С. Яма № 8 – округлая. Яма № 8, примерно, на 4 метра отстоит к югу от ближайшей к ней 1-й линии ям. Яма № 12 расположена между 1-й и 2-й линиями и юго-восточнее самых крайних их погребений. Яма № 13 наложена на юго-западный угол ямы кенотафа № 7, самого крайнего во 2-й линии могильника. По всей видимости, ямы № 8, 12 и 13 не имеют прямого отношения к могильнику, более поздние и не ритуальные.

Ямы могил и кенотафов подпрямоугольные, варьируют в глубине от 0,30 до 0,60 м, все ориентированы с ЮЗ на СВ. Вероятно, некоторые ямы какое-то время оставались открытыми, выкапывались заранее (как в случае с кенотафами), что привело в ряде ям к заплыванию стенок. Все погребения

засыпаны слоем чистой, темно-красной, порошкообразной охры мощностью до 5 см (рис. 75.1,10, 76.3, 80.1–4) (Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В., 2019. с. 20. Рис. 6.26; с. 21. Рис. 7.39; с. 23. Рис. 8.4; с. 28. Рис. 13.3). По характеристике Е.И. Демонтеровой (Институт земной коры СО РАН, Иркутск), охра представлена мономинеральным веществом (без примесей), состоящем из шариковых отдельностей гематита, создающих мажущий след. Охра подстилала и перекрывала костяки. Погребенные лежали на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ, лицевой частью на ЮВ (удалось проследить по ямам № 3, 4, 5). Сопроводительный инвентарь состоял из вкладышевых двулезвийных наконечников или кинжалов, вкладышами которых являлись микропластины из прозрачного, белого халцедона, заготовок и законченных оббитых и шлифованных орудий из светло-зеленого нефрита (тесел, ножей, остроконечников), цилиндрических бусин из пиррофиллита. Отдельно следует отметить стерженек китойского типа от составного рыболовного крючка, обнаруженный в ходе расчистки погребения 1977 г. (№ 1) на дне могильной ямы. Найденный в погребении № 1 скребок – также единственный. Скопления погребального инвентаря регистрировались в районе черепа и сбоку от костяка, в районе груди – живота.

Основу охотничьего вооружения могильника Старый Витим II составляют вкладышевые двулезвийные клинки. Изделия представляли собой двулезвийные вкладышевые орудия, предположительно, шириной от 1 до 1,7 см, и длиной клинка от 9 до 18 см (рис. 83). Предварительный трасологический осмотр вкладышей, проведенный А.А. Улановым (ИРНИТУ) под биноклем МБС-10, показал наличие на них следов ударного воздействия. Характерной чертой этих сложносоставных, композитных орудий является заправка левого и правого лезвий пластинами-вкладышами по антитезе, т. е., если одно лезвие несло пластины дорсальным фасом вверх, то другое – дорсалом вниз (рис. 83). Окончание лезвий оформлено, как правило, асимметрично-остроконечными вкладышами, ретушированными мелкой краевой ретушью. Всего найдено 64 концевых вкладыша. Если

рассчитывать количество орудий, исходя из четырех концевых вкладышей на два лезвия – одну обойму, то их должно быть 16. Наконечники были сложены в районе живота – груди погребенного, и если это охотничьи наконечники, а не кинжалы, то они были сняты с древков. Исключение составляет погребение № 4, где скопление вкладышевых орудий находилось за спиной костяка. В наиболее богатых на наконечники могилах № 6 и 4 эти орудия, похоже, были уложены компактно, параллельно друг другу.

На могильнике Старый Витим II найдена самая большая на Витиме серия изделий из светло-зеленого витимского нефрита – 17 предметов. Это два шлифованных тесла в погребении № 5; пять тесловидных оббитых форм, две овальные оббитые, две остроконечные оббитые формы, один шлифованный нож, один обломок шлифованного лезвия тесла в погребении № 6 (всего 11 предметов) (рис. 75.11–13, 76.1,2,4,5, 77); одно шлифованное тесло в яме-кенотафе № 7; одно оббитое тесло и один обломок шлифованного ножа в погребении № 10; шлифованный нож в яме-кенотафе № 15. Два шлифованных ножа отличаются друг от друга. Один – широкий с прямым лезвием и выпуклым обушком происходит из погребения № 6, определен В.И. Базалийским (Иркутский государственный университет) как так называемый строгальный нож (рис. 76.4). Другой нож из кенотафа № 15 имеет узкую прямую форму. Оба несут следы работы. Все оббитые предметы первоначально были восприняты как заготовки шлифованных тесел и ножей. Однако предварительный трасологический осмотр их А.А. Улановым под биноклем МБС-10 показал, что часть оббитых вещей уже была в работе: это один остроконечник (рис. 76.1) и овальное изделие со следами скребковой работы одним продольным краем (рис. 77.4). Шлифованные тесла также уже были амортизированы. В погребении № 6 оббитые нефритовые изделия лежали скоплением в районе головы (рис. 75.1,10). В погребении № 10 оббитое тесло – в районе живота.

Практически, во всех могилах на разных уровнях засыпки ямы, в разных дирекциях залегания фиксировались археологические материалы. Это может

означать, что имело место позднее вторжение в захоронение и засыпка затем отвалом вторичной ямы, хаотично включающим в себя артефакты со дна могилы. Важнейшей чертой погребений № 1, 3, 4, 6, 7, 11, кенотафа № 14 является образование одной или нескольких (в случае с ямами № 3, 14) линз угля на неполной засыпке ямы (Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В., 2019. С. 20. Рис. 6.26; 2020, рис. 7.3; 12.2). Линзы угля в депрессиях частично засыпанных ям интерпретированы как ритуальное событие, в неизвестной степени отстоящее от самого погребения.

Если судить по радиоуглеродным датам из углей таких линз, костры в частично засыпанных древних могилах горели на несколько тысяч лет позднее: около 5,3–4,8 и около 3,9–3,4 тыс. календ. л. н. (таблица 7). Имея стояночные материалы 1 и 2 культурных горизонтов, мы допускаем их связь и рассматриваем версию вмешательства в погребения обитателей эпизодов этих горизонтов. Следует отметить, что материалы погребений и культурных горизонтов отличны друг от друга по ряду признаков. Если в погребениях доминирует белый халцедон, то на стоянке – оранжевый и желтый халцедон. На стоянке нет нуклеусов и пластин, соразмерных длинным (до 4 см) пластинам из могил. На стоянке нет орудий из нефрита. В погребениях нет бифасиальных вкладышевых изделий и бифасиальных наконечников стрел, нет и керамики. В этом отношении выделяется яма № 13, в засыпке которой найден такой бифас-вкладыш. Стратиграфически яма более поздняя по отношению к нарушенному ею кенотафу № 7. Вероятно, она, а также ямы № 8 и № 12 (третья группа ям) возникли в одном из эпизодов обитания людей здесь на стоянке, более поздних по отношению к могилам.

Автором раскопок В.М. Ветровым неоднократно предпринимались усилия по датированию могильника (таблица 7). Однако, крайне плохая сохранность костей привела к низкому содержанию коллагена и в итоге к разбросу дат. А угли из засыпки не обеспечивают «прямого датирования», поскольку, как удалось выявить, засыпка ям не являлась одноактным погребальным действием. Наличие двух явно более древних дат может

указывать на попадание в ямы древней углефицированной древесины, в том числе в качестве дров. Следует отметить, что песчаные отложения Муйской долины насыщены древней погребенной древесиной. Поэтому единственным решением проблемы определения возраста стало накопление статистики радиоуглеродных дат. На сегодняшний день получено 19 дат (таблица 7). Из них девять датировок лежат в возрастном диапазоне около 8,2–7,2 тыс. календ. л. н., еще две даты находятся в диапазоне около 5,3–4,8 тыс. календ. л. н. и три даты в диапазоне около 3,9–3,4 тыс. календ. л. н. Все даты древнего интервала получены из погребений.

Автор исследования Старого Витима П В.М. Ветров определял культурно-хронологическую принадлежность могильника как ранненеолитическую (Ветров В.М., 2008а, с. 34). На начальном этапе исследований в основу датировки могильника Старый Витим П были положены стратиграфическое наблюдение и типологический анализ сопроводительного инвентаря по аналогиям с погребальными комплексами и со стоянками долины Витима и Западного и Восточного Прибайкалья в целом (Базалийский В.И., 2012; Ветров В.М., 2008а; Георгиевская Г.М., 1989; Горюнова О.И., 1997; Ивашина Л.Г., 1979; Конопацкий А.К., 1982; Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П., 2008; Окладников А.П., 1950, 1974, 1975, 1976).

Морфо-типологический поиск обнаруживает наибольшие параллели по ритуалу захоронений и набору сопроводительного инвентаря с шукинской западнобайкальской хронологической группой погребений (Базалийский В.И., 2012, с. 52–53). Схожие черты могильников Щукино, Долгополова, Ерши проявляются в идентичном скорченном на боку трупоположении, наличии охры. Их сопроводительный инвентарь также имеет схожесть с инвентарем могильника Старый Витим П в таких позициях как призматические пластины, вкладышевые лезвия, шлифованные рубящие орудия. Радиоуглеродный возраст данной группы определяется в интервале 7500–7000 л. н. (Базалийский В.И., 2012. с. 58).

С другой стороны, обсуждая характерные особенности погребального обряда могильника Старый Витим II, следует отметить, что для юга Забайкалья подобное положение костяков с наличием охры относится к наиболее ранним (Константинов М.В., 1994, с. 157; Жамбалтарова Е.Д., 2005, с. 14–15). В четырех погребениях, отнесенных к китойскому времени, могильника Бухусан на оз. Исинга в Еравнинской котловине отмечена подобная практика. По ним имеются даты в диапазоне от 6650 ± 90 л. н. (ГИН–444) до 4520 ± 50 л. н. (ГИН–4803) (Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д., 1989). Причем в трех погребениях отмечается охра и скорченное на правом боку положение костяка (Ивашина Л.Г., 1979, с. 72; Ивашина Л.Г., 2000; Жамбалтарова Е.Д., 2005, с. 13–14). К признакам погребальных комплексов фофановской (восточнобайкальской) раннеолитической группы относятся «труположение на боку с подогнутыми ногами, юго-западная ориентировка погребенных, отсутствие составных рыболовных крючков китойского типа, бифасиально обработанных наконечников стрел и керамики» (Базалийский В.И., 2012. с. 69). По признакам засыпки погребенных охрой и труположения на правом боку с подогнутыми ногами аналогию мы находим и в хоторукской группе захоронений (приольхонский вариант китойской погребальной практики) (Горюнова О.И., Новиков А.Г., 2018. с. 65), по комплексу остальных признаков (ориентация, надмогильные и внутримогильные сооружения, инвентарь и др.) отличной от Старого Витима II.

Ближайшее к Старому Витиму II погребение с местонахождения Нижняя Джилинда (Сивакон) I хронологически несколько древнее или близко возрасту могильника Старый Витим II (рис. 70–72). Общими для обоих погребальных памятников (Старый Витим II и Сивакон I) являются вкладышевые орудия, цилиндрические бусины, а также сам факт использования витимского светло-зеленого нефрита. Различия отмечаются в отсутствии каменной кладки в погребениях Старого Витима II, в положении костных остатков, наличии и отсутствии отдельных категорий инвентаря

(например, костяное жало рыболовного крючка на Нижней Джилинде, тёсла на Старом Витиме II).

И на Старом Витиме II, и на Нижней Джилинде I найдены артефакты, относимые к китойскому комплексу: это стерженек рыболовного крючка «китойского типа» из погребения № 1 Старого Витима II и треугольные шлифованные ножи из перекрытия погребения на Сиваконе I (рис. 71.14–16). Хронологически Старый Витим II близок, а Сивакон I несколько древнее ранней возрастной границы китойской группы (Базалийский В.И., 2012, с. 96). По общему облику труположения и погребального инвентаря, в целом, погребения Старого Витима II контрастно отличаются от «классических» китойских могил Южного Прибайкалья.

Две ямы с охрой и инвентарём местонахождения Усть-Каренга XVI на Витиме являются еще одним ритуальным комплексом (Ветров В.М., 2008а) (рис. 64–69). Артефакты в них сконцентрированы компактными группами (рис. 65). Остатков скелета человека не обнаружено, и В.М. Ветров предполагал, что это кенотафы, либо погребения с несохранившимися костяками (Ветров В.М., 2008а, с. 30). Ямы датированы атлантическим периодом. Аналогии с ритуальными ямами, в частности, с погребением № 11 (рис. 80–82), кенотафом № 15, расположенными на археологическом объекте Старый Витим II, выражаются в засыпке ям охрой, наличии «запаса» призматических нуклеусов и микропластин).

Сопоставление с погребением человека с Нижней Джилинды ни в надмогильной и внутримогильной конструкции, ни в труположении и присутствии охры, ни в инвентаре, за исключением вкладышей-микропластин, аналогий не находит. В этом качестве могильник Старый Витим II ложится положительным аргументом в гипотезу В.М. Ветрова о географических нишах в бассейне Витима, выступавших в роли культурных рефугиумов. С другой стороны, нельзя не отметить увиденные на Старом Витиме II типологические аналогии в вещах и в погребальном обряде, тянущиеся к югу Западного и Восточного Прибайкалья.

Судя по возрастной оценке керамики с оттисками сетки-плетенки на Коврижке IV около 8,5–8,3 тыс. кал. л.н., керамика и неолит уже существовали во время формирования могильника Старый Витим II и в верхнем, и в нижнем течении Витима. В этом, местном региональном контексте археологический возраст могильника следует определить как ранний неолит.

Для характеристики хозяйственной культуры Северного Прибайкалья его материалы интересны в нескольких аспектах. Не смотря на почти нулевую сохранность кости, могильник Старый Витим II дал богатые представления о вкладышевых охотничьих орудиях, игравших важную роль в жизнеобеспечении древних людей. Мы знаем о вкладышевых орудиях в Северном Прибайкалье уже, начиная с Алексеевска на р. Лена, ок. 25 тыс. кал. л.н. Вкладышевые обоймы есть на Курле I–III, 3 к.г., ок. 16,5 тыс. кал. л.н., на Курле I–III, 1 к.г., ок. 15,5 тыс. кал. л.н., на Большом Ягоре I, 6 к.г., ок. 15 тыс. кал. л.н., на Нижней Джилинде I, ок. 8,9 тыс. л.н. А производство микропластин для композитных составных орудий, за редким исключением вроде 2Г к.г. Коврижки IV, имело место на всех стоянках, объятых данной работой. Здесь, на Старом Витиме II, мы видим двухлезвийные, кинжалообразные формы, лежавшие в могилах компактными скоплениями, если это были наконечники, то, несомненно, снятые с древков. Пластины-вкладыши имели краевую ретушную подработку ситуативного характера, т.е. вызванную подгонкой вкладыша в наборное лезвие – в паз. Ретушью скошены остроугольные краевые вкладыши. Интересна манера оснащения обойм вкладышами по антитезе: дорсальными и вентральными фасадами пластин вверх на левом и правом лезвии. Если искать в этом какую-то рациональную причину, то можно предположить, что она кроется в баллистической необходимости иметь сбалансированное в поперечном сечении орудие.

Еще одним важным сюжетом являются артефакты из светло-зеленого нефрита (рис. 75.11–13, 76.1,2,4,5, 77.1–4). Многочисленность их, разнообразие форм и функций указывают на активное использование древними и ресурса-нефрита, и орудий неолитического набора (топоры, тесла,

ножи), и техники шлифовки. В этом отношении могильник дал самый богатый для Витима материал. Стоит отметить, что только на Старом Витиме II найдены полностью отшлифованные орудия – тесла и ножи. На Нижней Джилинде-I (рис. 71.14–16) и на Коврижке I (подъемный материал) известны оббитые орудия со шлифовкой только рабочей части.

Общее значение могильника Старый Витим II для истории развития хозяйственной культуры Северного Прибайкалья состоит в том, что его материалы в качестве опорного культурного комплекса репрезентируют материальную культуру населения региона рубежа мезолита – неолита. В нашем научном дискурсе изучения позднего палеолита – мезолита Северного Прибайкалья они высвечивают верхний возрастной рубеж.

Выводы по Части 3.

Корреляция каменной индустрии Усть-Каренги с индустриями финального палеолита – раннего неолита Западного Прибайкалья, Восточного Прибайкалья и Якутии.

Следует рассмотреть вопрос о корреляции каменной индустрии Верхнего Витима с соседними регионами Восточной Сибири: Западным Прибайкальем, Якутией, Восточным Прибайкальем (Забайкальем).

Сам автор исследований усть-каренгской культуры В.М. Ветров характеризовал ее каменную индустрию как ассамбляж палеолит-мезолитического облика (Ветров В.М., 1992, с. 11) и видел сходство раннего ее этапа с дюктайской культурой верхнего палеолита Якутии. Такие признаки как бифасы и изготовленные из них клиновидные нуклеусы, скребла, скребки, отщеповый галечные нуклеусы, чопперы выступают в роли основания для такого соотнесения. Бифасы, ключевой для Ю.А. Мочанова признак дюктайской культуры, на Усть-Каренге встречены в большей степени как заготовки-преформы клиновидных нуклеусов (рис. 57.11,23,24, 58.1, 59.2,3,4, 60.26,29,30,33–38), но есть также и находки бифасов-орудий – ножей и клинков (рис. 58.20,28,29, 59.15,24,25,29).

С нашей точки зрения, усть-каренгская культура ранней стадии в лице 8, 8а, 7 культурных горизонтов в той же мере может быть соотнесена с дюктайской культурой, какой и нижневитимские памятники типа Авдеихи и типа Большого Якоря. Названный набор признаков присутствует везде в плейстоценовых комплексах нижнего и верхнего Витима. Однако детальное рассмотрение их позволяет выявить местную специфику. Нижневитимскую проблему вариабельности каменных ассамбляжей мы будем обсуждать в главе о Нижнем Витиме, здесь возможно указать на следующие признаки местные признаки, отличные от дюктайской общности. Во-первых, уже в 7 культурном горизонте мы видим наряду с клиновидными призматическими микронуклеусами и специфическую преформу-заготовку призматического нуклеуса. Как известно, Ю.А. Мочанов резко разделяет дюктайскую культуру с клиновидными нуклеусами и сумнагинскую культуру с призматическими (Мочанов Ю.А., 1977, с. 222). Рубеж приходится на границу плейстоцена – голоцена. Во-вторых, уникальным признаком является усть-каренгская керамика возрастом около 12–11 тыс. радиоуглеродн. л.н.

Кроме собственно витимских памятников, о которых речь пойдет ниже, ближайшими к усть-каренгской группе стоянок местонахождениями финальноплейстоценового – раннеголоценового возраста являются стоянки Курла I–IV на Северном Байкале и Красная Горка на Большом Еравнинском озере в междуречье верхней части рр. Витим и Уда (Шмыгун П.Е., 1978а, 1978б, 1981; Шмыгун П.Е., Сизиков А.М., 1977; Шмыгун П.Е., Ендрихинский А.С., 1978; Шмыгун П.Е., Филиппов А.К., 1980, 1982; Tsydenova N., Piezonka N., 2015; Tsydenova N., Andreeva D., Zech W., 2017).

Местонахождения Курла I–III, содержащие остатки единой стоянки, имеют 3 и 2 объединенные культурные горизонты позднесартанского возраста. Это 2-й объединенный докерамический к.г. с тремя датами в диапазоне 15–13 тыс. рад. л.н. (18,6–15,8 тыс. кал. л.н.) и подстилающий 3-й о.д.к.г., по которому недавно были получены две даты возрастом 13,8–13,4 тыс. л.н. (16,7–16,1 тыс. кал. л.н.), значительно омолаживающие прежние

представления. Комплекс каменной индустрии 3 о.д.к.г. довольно своеобразен, о чем мы уже писали в Главе 4. 2-й о.д.к.г. Курлы I–III изначально П.Е. Шмыгуном коррелировался с 1 о.д.к.г. раннего голоцена и вместе они – с верхоленской мезолитической культурой Прибайкалья (Шмыгун П.Е., 1981, с. 125–126). Основные его корреляционные типологические признаки – клиновидные микронуклеусы, трансверсальные резцы и короткие, в основном, концевые скребки из отщепов – имеют полные аналоги в ранних 8а, 8 и 7 к.г. Усть-Каренги. Особо стоит отметить клиновидные нуклеусы 2 о.д.к.г. Курлы I–III, сделанные из бифасиальных преформ. Ударная площадка этих нуклеусов изготовлена одним фронтальным сколом, т.е. представлены юбецоидные нуклеусы. По этим признакам вышеназванные индустрии Усть-Каренги и Курлы следует оценить как близкие.

Важную роль в сравнительных – аналитических операциях с верхневитимскими комплексами играет стоянка Красная Горка, изучение которой ведет Н.В. Цыденова (Tsydenova N., Piezonka N., 2015; Tsydenova N., Andreeva D., Zech W., 2017). Это местонахождение расположено на берегу оз. Большое Еравное в междуречье истоков рр. Витим и Уда. Нижний, 2-й культурный горизонт Красной Горки имеет серию радиоуглеродных дат от 6,1 до 12,0 тыс. л.н. Н.В. Цыденова с соавторами полагает, что по ряду причин голоценовые даты омоложены и истинный возраст археологически гомогенного комплекса 2 к.г. близок датам 11,5 тыс. рад. л.н. (по пищевому нагару на керамике), 12,0 тыс. рад. л.н. (по углю) и 12,0 тыс. рад. л.н. (по кости) (Tsydenova N., Andreeva D., Zech W., 2017, p. 84). Опираясь на эту датировку следует признать 2-й культурный горизонт Красной Горки синхронным 8а, 8, 7 культурным горизонтам Усть-Каренги.

Каменная индустрия 2 к.г. Красной Горки представлена в изделиях клиновидными и торцово-призматическими микропластинчатыми нуклеусами, бифасиально оббитыми желваками, трансверсальными резцами, скребками, пластинчатыми и отщеповыми снятиями с краевой ретушью, микропластинами. Объемные бифасиально оббитые куски (желваки) кремня

(кремнистой породы) оценены как преформы для нуклеусов. Большинство микронуклеусов соответствует этим преформам. Организованный на торце фронт микропластинчатых снятий в зависимости от степени сработанности может придать нуклеусу облик торцово-клиновидный, либо торцово-призматический. Ударные площадки во всех случаях оформлены и ситуативно подправлены мелкими сколами с латералей и фронта. Один клиновидный нуклеус оформлен из тщательно выделанного листовидного бифаса. Его ориентация вытянутая – горизонтальная. Один продольный край поперечными сколами оформлен под обушок – ударную площадку. Отжим пластин велся с короткого края поперек продольной оси бифаса. Трансверсальные резцы образуют устойчивую выразительную серию из 17 экземпляров (Tsydenova N., Andreeva D., Zech W., 2017, p. 83). Тела резцов несут крутую маргинальную ретушь. Исследователь сообщает, что один резец комбинирован со скребковым лезвием. Скребки (33 экз.) описаны как концевые, боковые, периметральные округлые (3 экз.).

Выдающейся особенностью 2 к.г. Красной Горки является керамика. Коллекция ее содержит 91 фрагмент (Tsydenova N., Andreeva D., Zech W., 2017, p. 84). Это гладкостенная керамика, либо с затертыми следами шнура, имеющая толщину от 0,4 до 0,7 см, без орнамента. Лишь один фрагмент имеет насечки по венчику. Реконструируемая форма сосуда – закрытая, остродонная.

Обращает на себя внимание сходство Красной Горки и Усть-Каренги в сочетании признаков микропластинчатых нуклеусов, трансверсальных резцов, скребков, уплощенных выделанных бифасов. Оба типа заготовок – объемную оббитую форму, ведущую к торцовому – призматическому нуклеусу, и уплощенную бифасиальную преформу классического клиновидного нуклеуса – мы видим в 7 к.г. Усть-Каренги. Трансверсальные резцы, как выше уже отмечалось, являются характерным типом усть-каренгских изделий из камня, равно как и скребки различной модификации. Уплощенные, тщательно выделанные бифасы миндалевидно-листовидной, либо клинковидной формы,

либо асимметрично-обушковой формы также характерны для нижних и верхних горизонтов усть-каренгской культуры.

Пожалуй, наибольшие отличия обнаруживаются в керамике Усть_Каренги и Красной Горки, хотя именно керамика плейстоценового возраста выводит оба памятника в группу «древнейшего неолита». Керамика Красной Горки более грубой выделки, более толстостенная. Она не имеет декора шагающей гребенки – основного усть-каренгского мотива. Формально общими признаками, по мнению Н.В. Цыденовой, являются остродонная форма сосуда, ленточный способ лепки, штриховые или шнуровые отпечатки на поверхности керамики (Tsydenova N., Andreeva D., Zech W., 2017, p. 89).

Обобщая приведенные выше характеристики нижнего слоя Красной Горки, важно выделить три вывода:

- 1) Красная Горка – это еще один забайкальский памятник с керамикой плейстоценового возраста, синхронный в возрасте 12–11 тыс. рад. л.н. раннему этапу усть-каренгской культуры.
- 2) Каменная индустрия 2 к.г. Красной Горки в основных пунктах сходна с индустрией раннего этапа усть-каренгской культуры.
- 3) Стоянка Красная Горка расположена на водоразделе рек Витим и Уда, т.е. на выходе из Витимской речной системы в южное Забайкалье. Географически это звено промежуточное или связующее с районами устья рр. Кяхты и Чикоя, где расположены памятники студеновско-селенгинской культуры.

Корреляции каменной индустрии Усть-Каренги с ансамблями долины Витима: проблема культурных связей древнего населения районов Витима.

Река Витим является одним из крупнейших притоков средней Лены, течет в субмеридиональном и субширотном направлении с юга на север-северо-запад и проходит через два крупных физико-географических района – Витимское плоскогорье и Байкало-Патомское нагорье, оформляя северо-восточный контур региона Байкальской Сибири. Существование в древности миграционных, культурных путей с юга на север Сибири, в районы Якутии,

Енисейской Сибири по долинам крупных рек традиционно рассматривается исследователями как один из ведущих факторов культурной истории Северо-Восточной Азии (Абрамова З.А., 1970; Мочанов Ю.А., 1977, с. 250; Хлобыстин Л.П., 1998, с. 174–177; Питулько В.В., Павлова Е.Ю., 2010, с. 196–200 и др.). Эти доводы выступают в роли общетеоретической предпосылки для поиска связей древнего населения внутри долины Витима.

На основе изучения, прежде всего, усть-каренгских и мамаканских местонахождений для верхнего и нижнего Витима были выстроены культурно-хронологические модели, характеризующие оба района в финале плейстоцена – раннем и среднем голоцене (Ветров В.М., 1992; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010; Тетенькин А.В., 2011, 2018). Как одно из направлений исследований в археологии бассейна Витима ставилась задача выявления территориальных связей древнего населения, которые позволили бы в аспекте добычи ресурсов охарактеризовать ареалы хозяйствования и ответить на вопрос, были ли группы населения на верхнем и нижнем Витиме связаны между собой (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2011; Демонтерова Е.И. и др., 2014)? Расстояние между этими двумя опорными археологическими районами составляет около 800 км. Поэтому корреляция археологических комплексов Верхнего и Нижнего Витима является приоритетной задачей.

Синхронные 8а, 8, 7 культурным горизонтам Усть-Каренги финальноплейстоценовые комплексы на Витиме известны только в нижнем течении, в районе притоков рр. Мамакан и Бодайбо (Мамаканский геоархеологический район). Это памятники Авдеиха, Большой Якорь I, Коврижка III–IV. С середины 1980-х гг., когда Е.М. Инешин и В.М. Ветров открыли Большой Якорь I, этот памятник обращал на себя наибольшее внимание как содержащий очевидные аналогии усть-каренгской индустрии. Интервал его палеолитических горизонтов, 12,6–11,5 тыс. рад. л.н. приблизительно совпадает со временем обитания 8а и 8 культурных горизонтов и несколько древнее 7-го горизонта с керамикой (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010). Ведущие типы изделий 8а, 8 и 7 к.г. Усть-Каренги –

бифасы, клиновидные нуклеусы, трансверсальные резцы, скребки – активно представлены на Большом Ягоре I в плейстоценовых 9–3Б культурных горизонтах. Наиболее интересен технический сюжет редукции бифаса и клиновидного нуклеуса. Асимметрично выпуклые обушковые бифасы – преформы для нуклеуса – имеются и на Большом Ягоре I. И на Усть-Каренге в 8 и 7 к.г., и на Большом Ягоре I бифас редуцировался продольным снятием реберчатого и лыжевидного сколов и ориентирован продольной осью горизонтально, в начале имеет низкую и длинную пропорцию соотношения длины нуклеуса к высоте. Общая «юбецоидная» идея продольного раскрытия и редукции бифаса снятием краевого и лыжевидного сколов здесь очевидна. Наиболее раннее свидетельство наличия такого технического приема обнаружено во 2Б культурном горизонте Коврижки IV возрастом около 15,3 тыс. рад. л.н. Однако, на Усть-Каренге нет данных о том, что снятие лыжевидного скола служило делу оживления рабочего края орудия. В 8а к.г. есть пример модификации лыжевидного скола – оформления на его конце скребкового лезвия (рис. 57.12). В 7 к.г. Усть-Каренги все аппликационные сборки нуклеусов с техническими сколами свидетельствуют, как будто, только о подготовке и подживлении ударной площадки (рис. 60.26,29,33,34). В 7-м и более поздних культурных горизонтах часты случаи, приемы снятия реберчатого или лыжевидного скола в оформлении ударной площадки чередовались с короткими сколами с латерали и фронта и периметральной обработкой (рис. 60.29) (Ветров В.М., 1995, с. 41).

Хронологически наиболее близкими 7-му к.г. Усть-Каренги являются 2 и 3 к.г. Коврижки III возрастом около 11,3–10,4 тыс. рад. л.н., 2 культурный горизонт Коврижки IV, около 11,5–11,2 тыс. рад. л.н. На Нижнем Витиме они входят в группу ансамблей типа Авдеихи, отличающуюся от горизонтов Большого Ягора I отсутствием юбецоидной техники модификации бифаса и подготовки нуклеуса. Вместо этого представлена коврижская техника ординарного нуклеуса из бифаса и отщепы с ретушной подготовкой площадки (Тетенькин А.В., 2017а). Но, вместе с тем, отмечены и самые ранние на

Нижнем Витиме призматические микропластинчатые нуклеусы в тех же описанных В.М. Ветровым для Усть-Каренги вариантах перевода фронта с торца на латераль и эксплуатации призматического фронта с трехреберной заготовки, где инициируют фронт не с одного ребра, а с двух (рис. 60.27,28,38). Если большекорской техники модификации-утилизации бифаса на Усть-Каренге и нет, то мы видим в нижнем 7-м и верхнем 4-м к.г. самостоятельную (без признаков редукции) форму небольшого бифасиального орудия с асимметричным овальным контуром с суженным концом, интерпретированную В.М. Ветровым как нож (Рис. 58.20,28,29, 59.24,25). Кроме того, есть листовидные остроконечные формы бифаса, традиционно определяемые как наконечники копий или дротиков (Рис. 59.15,29).

По совокупности данных следует признать, что бифасиальная обработка речных галек на Усть-Каренге играла существенную роль и входит в число признаков, определяющих лицо индустрии. Юбецоидные приемы подготовки ударной площадки клиновидного нуклеуса и трансверсальные резцы сближают ее с горизонтами Большого Якоря I, а призматические нуклеусы синхронны и подобны первым призматическим нуклеусам Коврижки III.

Следующий представительный 4-й культурный горизонт Усть-Каренги демонстрирует преемственность в традициях каменного и керамического производства ранних горизонтов. Однако он датирован около 7,7–6,9 тыс. кал. л.н. / 6,8–6,1 тыс. рад. л.н. и имеет, таким образом, хронологический разрыв с 7 к.г. около 5 тысяч лет. Этот разрыв, по сути, лишь номинально заполнен 6 и 5 культурными горизонтами Усть-Каренги немногочисленными и в силу этого маловыразительными.

Ранненеолоценовый возраст 10–7,5 тыс. кал. л.н. имеют 6, 5а, 5 и 4 культурные горизонты стоянки Нижняя Джилинда (Сивакон) I. Специфическим признаком Сивакона являются шлифованные изделия из нефрита, в том числе китойского типа шлифованные ножи из 5а к.г. (рис. 71.14–16). На Усть-Каренге шлифованных изделий из нефрита нет. Лишь в поздних горизонтах обнаружены единичные нефритовые отщепы (Алексеев

А.Н. и др., 2006, с. 75). Вместе с отсутствием на Нижней Джилинде усть-каренгской керамики это побудило В.М. Ветрова писать об отличии культуры Нижней Джилинды от усть-каренгской (Ветров В.М., 1990, с. 119; 1992, с. 12; 2006, с. 12).

В этом же смысле отличия от усть-каренгской культуры стоит культурно-типологическая оценка могильника Старый Витим II возрастом около 8,2–7,2 тыс. календ. л. н.: нет усть-каренгской керамики и ключевых типов каменного ансамбля. С другой стороны, интересно, что погребения содержат признаки, обнаруживающие параллели в могильниках финального мезолита южного Прибайкалья, в обоих, западной и восточной частях. Это аналогии по труположению на боку с подогнутыми ногами, вкладышевым орудиям, шлифованным теслам и ножам, рыболовному стерженьку.

Наконец, выразительную типологическую пару образуют концевые скребки из крупных пластин коричневого аргиллита из 2 к.г. Коврижки I и с ритуальных ям Усть-Каренги XVI (Тетенькин А.В., Ветров В.М. и др., 2018). Оба археологических комплекса синхронно датируются около 7,0 тыс. кал. л.н. / 6,0 тыс. рад. л.н. Рентгено-флюоресцентное изучение образцов показало, практически, полное геохимическое и минералогическое совпадение этой уникальной типологической и хронологической пары, предельно приблизившее нас к утверждению о том, что выявлен единый коммуникативный эпизод, связавший население Коврижки и Усть-Каренги. Дополнительным аргументом к этому выводу следует установление происхождения пемзы утюжка из ритуальной ямы Усть-Каренги XVI с Удоканского вулканического поля, расположенного, примерно, посередине, между Усть-Каренгой и Коврижкой. Обитателям 2-го культурного горизонта Коврижки III этот ресурс был известен уже около 12,9 тыс. кал. л.н. / 11,0 тыс. рад. л.н.

Представление о культурной (коммуникативной) связи населения, оставившего следы на верхнем и нижнем Витиме, обостряет вопрос об археологической специфике обоих районов. На нижнем Витиме не найдена

керамика усть-каренгского типа. Одними из наиболее характерных типов усть-каренгской археологической культуры являются клиновидные нуклеусы и трансверсальные резцы (Ветров В.М., 1995, с. 30). Элементы производства первых и наличие вторых создают финально-палеолитический–мезолитический облик индустрии. Наиболее полные аналоги эти категории артефактов находят в материалах стоянки Большой Якорь I, чей возраст датируется в рамках 15–13 тыс. кал. л.н. / 12,7–11,3 тыс. рад. л.н. Ярче всего усть-каренгская культура представлена ранними 8 и 7 к.г. (финальный плейстоцен) и поздними 4 и 3 культурными горизонтами (атлантический оптимум). Малочисленные комплексы 5 и 6 к.г., раннего голоцена представлены на верхнем Витиме и, соответственно, изучены слабее. Напротив, на нижнем Витиме за последние двадцать лет открыто и изучается около двух десятков стратифицированных комплексов раннеголоценового возраста (Коврижка I-V, Инвалидный III, пункты 1-3, Павлова). В результате сложилась картина культурной вариабельности, выраженная в синхронном сосуществовании ансамблей палеолитического облика (ансамбли типа Авдеихи и типа Большого Якоря) и мезолитического, сумнагинского облика (ансамбли типа Большой Северной) (Тетенькин А.В., 2011). Среди отличительных признаков находятся техники клиновидного нуклеуса юбецу (ансамбли типа Большого Якоря), неюбецоидного клиновидного нуклеуса (ансамбли типа Авдеихи), призматического микропластинчатого нуклеуса (ансамбли типа Большой Северной). Последние отличает также и сырье – приносные цветные кремни и халцедон. Формально 2 культурный горизонт Коврижки I ложится в канву ансамблей типа Большой Северной. На верхнем Витиме археологическая картина сегодня выглядит более гомогенно. На позднем этапе усть-каренгской культуры отмечено появление призматических нуклеусов. Пожалуй, именно ямы Усть-Каренги XVI с аргиллитовыми артефактами на общем фоне выглядят несколько инородно. Таким образом, можно констатировать, что при множестве общих для ансамблей верхнего и нижнего Витима черт, большая часть из которых типична для мезолита и

неолита Восточной Сибири в целом, полного тождества в археологической культуре рубежа плейстоцена – середины голоцена обоих районов нет. На этом фоне новые открытые материалы выглядят скорее как свидетельства контактов, чем остатков деятельности единой для Витима группы древнего населения.

Общим местом в археологии раннего голоцена Восточной Сибири является широкое распространение производства микропластин с призматических нуклеусов, имевшего везде массовый пластинчатый характер. Соответственно увеличивается спектр орудийных функций микропластин, помимо вкладышей пазовых охотничьих орудий это резцы, резчики, остроконечники, наконечники стрел, ретушированные вкладыши, составные элементы не только копий, но разнообразных по функции орудий. Эта картина в голоцене характерна и для ансамблей типа Большой Северной в нижнем течении Витима, и для материалов могильника Старый Витим II, и для Нижней Джилинды, и для Усть-Каренги. Перекликаются с поздним отделом усть-каренгской культуры открытые на Нижнем Витиме тесла «с перехватом» и пришлифовкой (Коврижка I, IV, Инвалидный III).

Из всех вышеприведенных рассуждений следует, что при наличии ряда общих признаков стадияльно характерных для финального плейстоцена и раннего голоцена, при наличии ряда индивидуальных черт сходства материалов Нижнего и Верхнего Витима для каждого из районов конструируется своя собственная культурно-хронологическая схема, и эти схемы полностью друг другу не тождественны. Наконец, на Нижнем Витиме отсутствует такой ключевой признак как усть-каренгская керамика. Она отсутствует и выше по течению Витима – на Нижней Джилинде (Сиваконе) I и Старом Витиме II. Объяснения этому отсутствию на данном уровне знания мы не имеем. В целом, по нашему мнению, имеющаяся картина представлений более удовлетворяет объяснению эпизодических контактов разных групп населения с самостоятельной историей культурного развития. В этой связи стоит вновь вернуться к идее В.М. Ветрова об изолированном характере

развития культуры населения витимских районов. Сегодня против этой идеи мы имеем аргументы сходства каменной индустрии как на раннем (Большой Якорь I и нижние горизонты Усть-Каренги), так и на позднем этапе (ансамбли типа Большой Северной и 4 к.г. Усть-Каренги); эксплуатации населением Мамаканского и Усть-Каренгского районов Удоканского вулканического поля как источника пемзы; типологического и петрографического тождества аргиллитовых артефактов с Коврижки I и Усть-Каренги XVI. Таким образом, наша точка зрения на эту проблему заключается в том, что не было единой культурной истории населения районов Витима, но и не было культурной изоляции.

Происхождение керамики усть-каренгского типа

Довольно долго, с конца 1970-х до 1-ой половины 1990-х гг. потребовалось для решения вопроса о возрасте 7 культурного горизонта Усть-Каренги I-XVI и первой керамики на Витиме. Впрочем, и сегодня финальноплейстоценовый возраст ее не получил признания повсеместно. Активным его противником является, например, читинский археолог М.В. Константинов (Константинов М.В., 2016, с. 185; Константинов М.В. и др., 2018, с. 15). Свою роль в осознании научным сообществом древности усть-каренгской керамики сыграло открытие финальноплейстоценовых керамических комплексов на Амуре в 1980-е гг. (Гася, Хумми, Гончарка-1), затем – в Манчжурии и, наконец, на памятниках Забайкалья – Студеное, Красная Горка (Аксенов М.П. и др., 2000, с. 14–15; 2006а, с. 174–175; 2007, с. 132; 2011, с. 176; Vetrov V.M., Ineshin E.M., 2019, с. 470–471; Разгильдеева И.И., Куникита Д., Яншина О.В., 2013, с. 170–173; Гарковик А.В., 2005, с. 129; Tsydenova N. et al., 2017, p. 87–89).

Затем, на этапе осмысления усть-каренгского феномена перед В.М. Ветровым встал ряд научных проблем:

Проблема 1. Происхождение усть-каренгского типа керамики, в частности, мотива «шагающей гребенки» и елочного гребенчатого штампа.

Проблема 2. Отношение усть-каренгской керамики к другим древним центрам керамического производства в Восточной Азии.

Проблема 3. Проблема объяснения отсутствия усть-каренгской керамики в соседних районах бассейна Витима, в частности, уже в близлежащих Бамбуйской и Муйской котловинах и далее, в Мамаканском районе нижнего течения Витима.

Проблема 4. Вытекающая из предыдущей задача определения появления керамики в соседних районах бассейна Витима и возможной в том роли усть-каренгской керамической традиции.

Проблема 5. Терминологический вопрос определения археологического времени усть-каренгской культуры: керамический палеолит / эпипалеолит / неолит, древнейший неолит, инициальный неолит?

Рассмотрим очерченную проблематику в предложенном порядке.

Занимаясь поисками аналогий для мотива «шагающей гребенки», В.М. Ветров допускал возможность переноса его на керамику с других носителей – берестяных, костяных, кожаных (Ветров В.М., 2011, с. 176). С одной стороны, была указана стоянка Гончарка-1 на Амуре (Шевкомуд И.Я., 2004, 2005) как одна из древнейших керамических памятников с «шагающей гребенкой». С другой стороны, выразительный аналог мотиву шагающей гребенки был найден в керамике сумпаньинского облика в бассейне р. Иртыш (Зауралье) (Ветров В.М., 2006, с. 174; Ковалева В.Т., Устинова Е.А., Хлобыстин Л.П., 1984; Крижевская Л.Я., Гаджиева Е.А., 1991; Усачева И.В., 2001).

Древнейшие очаги керамического производства возраста финального плейстоцена – рубежа голоцена были открыты во 2-ой половине 20 – начале 21 века:

- на Амуре (стоянки Гася, Хумми, Усть-Ульма I, Гончарка-1, Громатуха, Черниговка-на-Зее) (Derevianko A.P., Medvedev V.E., 1995; Лапшина З.С., 1999, 2000; Окладников А.П., Медведев В.Е., 1983; Шевкомуд И.Я., Чернюк А.В., Кузьмин Я.В., 2001; Шевкомуд И.Я., 2004, 2005; Гарковик А.В., 2005, с. 129; Деревянко А.П. и др., 2017, с. 6);

- в Приморье (стоянки Черниговка, Устиновка-3, Горный Хутор) (Гарковик А.В. 2000, 2005, с. 125–126; Гарковик А.В., Кадзивара Х., 2003; Деревянко А.П., Зенин В.Н., 1996; Кузьмин Я.В., Алкин С.В. и др., 1998; Джалл Э., О’Малли Ж. и др., 1998; Джалл Э., Бурр Дж. и др., 2001);

- в Северо-Восточном Китае (Мяоян, Сярендун, Сяонаньшань, Хотомуга, Ючаньан) (Кузьмин Я.В., 2002; Гарковик А.В., 2005, с. 126; Lixin W., Sebilaud P., 2018);

- и Японии (пещера Фукуи, о. Хонсю, ущелье Камикуроива, о. Сикоку, Одай Ямамото-1, о. Кюсю) (Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Х., 1998, с. 98; Гарковик А.В., 2005, с. 126);

- в Корее (Косанри, о. Чейчжу) (Ли Х., 1996; Гарковик А.В., 2005, с. 126).

Плейстоценовый возраст на основе радиоуглеродного датирования был предложен керамике 8, 9 горизонтов Студеного-1 и 8 горизонта Усть-Мензы-1 в Забайкалье (Разгильдеева И.И., Куникита Д., Яншина О.В., 2013, с. 170–173). В последние годы керамика плейстоцен-раннеголоценового диапазона была определена во 2 культурном горизонте стоянки Красная Горка на оз. Большое Еравное на водоразделе рр. Уда и Витим в Восточном Прибайкалье (Западном Забайкалье) (Tsydenova N. et al., 2017, p. 87–89). Были проанализированы сходства и различия керамики Усть-Каренги, Усть-Мензы-1 и Студеного-1: «Во всех трех случаях мы имеем минералогенную технологию составления формовочных масс с добавлением незначительной фракции растительной органики. Для всех комплексов характерна также и общая морфология посуды, сосуды имели параболическую форму, простой венчик и приостренное дно. Керамике всех трех памятников свойственны также общие и при этом очень специфичные принципы обработки поверхностей. С внешней стороны они покрывались жидкой глиной, выравнивающей дефекты формовки, а сверху для уплотнения стенки осуществлялся прокат по этому слою цилиндрического инструмента, обмотанного веревкой или нитями. Один из сосудов из горизонта 9Г поселения Студёное-1 имел внутри горизонтальные гребенчатые трасы,

характерный признак керамики из Усть-Каренги. Кроме того, венчик этого сосуда был оформлен, как и у каренгских сосудов, наклонными оттисками гребенчатого орнамента. Признаки, разделяющие керамику памятников чикойского бассейна и Усть-Каренги, в основном касаются степени развития керамической технологии – чикойская посуда выглядит гораздо менее развитой на фоне усть-каренгской. Это проявляется буквально во всех показателях. Чикойские мастера хуже промешивали тесто, использовали более грубую минеральную примесь, не имели они и устойчивых приемов оформления венчиков и в целом формовки (на Каренге отчетливо фиксируется формовка сосудов горизонтальными зонами, с четкими повторяющимися спаями), полностью отсутствовал здесь и орнамент, который на Каренге уже отличался сложностью и опять же устойчивостью» (Разгильдеева И.И., Куникита Д., Яншина О.В., 2013, с. 177).

На сегодняшний день присутствие к востоку от Байкала памятников древнейшей керамики выступает аргументом реальности древнего возраста усть-каренгского керамического феномена, к осознанию которого В.М. Ветров и Е.М. Инешин подошли еще в конце 1970-х гг. Но на этой имеющейся фактологической основе трудно сказать, возникло ли керамическое производство на Верхнем Витиме независимо или под влиянием восточных очагов. Уникальный и сравнительно развитый облик усть-каренгской керамики не имеет в них прямых аналогий. Широко в Евразии распространенный мотив шагающей гребенки и зубчатого штампа в целом (Ветров В.М., 2011, с. 176; Асо М., Сирайси Х., 1986; Формозов А.А., 1959, с. 59; Неолит Северной Евразии, 1996, с. 221, 228, 238, 243, 253, 263, 269) может быть объяснен как независимым происхождением, так и древностью возникновения самого мотива, принадлежащего к «общей субстратной «генетической памяти», корни которой теряются в глубинах каменного века» (Неолит Северной Евразии, 1996, с. 269). Если исходить из допущения единого источника возникновения мотива декора, логика расходящихся кругов от первоначального импульса, как будто подтверждает глубокую древность

декора гребенчатого штампа проявлением его на широком географическом пространстве.

Отсутствие усть-каренгской керамики в соседних районах Витима, в частности, уже в Бамбуйской котловине, следующей по течению от усть-каренгского района, В.М. Ветров интерпретировал вкуче со спецификой каменных изделий обоих районов. Он сформулировал идею географических ниш как причины длительной изоляции и своеобразия культурных традиций местного населения (Ветров В.М., 1992, с. 9). Эта проблема, переосмысленная под другим углом, формулируется как проблема характера культурных коммуникаций в долине Витима в течение тысячелетий финала плейстоцена – раннего голоцена (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2011, с. 99). Отсутствие ниже по течению Витима усть-каренгской керамики является краеугольным вопросом, не находящем скорого ответа.

Вопрос о появлении керамики на Нижнем Витиме, по сути, только теперь приблизился к разрешению. Долгое время единственным объектом, где удалось найти керамику в слое, оставался Большой Якорь I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 203). В 3 культурном горизонте была зафиксирована керамика с оттисками сетки-плетенки. Но уничтоженная дорожным строительством верхняя пачка отложений сделала невозможным изучение керамики на этом памятнике. Фрагменты шнуровой керамики известны в подъемных сборах с местонахождения Инвалидный III. В 2018 г. впервые за последние годы керамика в стратифицированном положении была найдена на стоянке Коврижка IV в 1 культурном горизонте. Вопрос ее абсолютного датирования пока еще не решен окончательно, но, как минимум, можно утверждать, что это раннеголоценовая керамика возрастом около 8–7 тыс. рад. л.н., и это тип «сетка-плетенка», характерный для раннего неолита всей Восточной Сибири и неподобный усть-каренгской керамике. Следовательно, появление неолита на Нижнем Витиме произошло по «классическому сценарию» и не связано с усть-каренгской керамической традицией. Вопрос

возможных культурных коммуникаций между группами населения по Витиму дальше должен уже обсуждаться на материалах каменной индустрии.

Характеризуя усть-каренгскую культуру, В.М. Ветров указывал на финальнопалеолитический – мезолитический облик ее каменной индустрии (Ветров В.М., 1992, с. 11, 2007, с. 29; Ветров В.М. и др., 2000, с. 14). Лишь на позднем этапе появляются типы артефактов, ожидаемые для финального мезолита – раннего неолита: тесла «с перехватом», полиэдрические резцы, даурские остроконечники, отмечается преобладание техники призматического микропластинчатого нуклеуса. На этом фоне усть-каренгская керамика сохранила на протяжении 11–5 тыс. рад. л.н. основное ядро типологических признаков. В соседних районах Витима развитие культуры имело вплоть до, примерно, 8 тыс. календ. л.н. бескерамический характер. На протяжении около четырех тысячелетий усть-каренгский культурный феномен существовал в докерамическом окружении соседних районов, где традиции каменной индустрии имели верхнепалеолитические корни. Учитывая это обстоятельство, мы считаем возможным говорить о наступлении неолита лишь с рубежа 8–7 тыс. л.н., т.е. времени реализации «классического сценария», обнаруженного нами на Нижнем Витиме, в среднем течении Витима представленного могильником Старый Витим II. А до этого говорить о керамическом палеолите/мезолите сугубо в рамках усть-каренгского района Витима.

Гипотеза Е.М. Инешина о населении Витима в финальном плейстоцене – раннем голоцене.

Иной взгляд на историю населения Витима высказал Е.М. Инешин (Ветров В.М., Инешин Е.М., Пежемский Д.В., 2016; Ветров В.М., Инешин Е.М., 2019). Его гипотеза состоит, во-первых, в общности обитателей стоянок Большой Якорь I и Усть-Каренга I–XVI в едином хозяйственном цикле (Ветров В.М., Инешин Е.М., Пежемский Д.В., 2016, с. 138; Ветров В.М., Инешин Е.М., 2019, с. 467–468), во-вторых, в принадлежности к одной группе населения обитателей Нижней Джилинды (Сивакона) I и Усть-Каренги

(Ветров В.М., Инешин Е.М., Пежемский Д.В., 2016, с. 138–139; Ветров В.М., Инешин Е.М., 2019, с. 468–469), в-третьих, в связанном происхождении митохондриальной гаплогруппы человека из Нижней Джилинды и усть-каренгской керамики из Юго-Восточной Азии (Ветров В.М., Инешин Е.М., 2019, с. 469–470).

С нашей точки зрения, здесь есть ряд противоречий. Часть дат 7 к.г. Усть-Каренги совпадает, а часть несколько моложе диапазона возраста горизонтов Большого Якоря I около 15–13 тыс. кал. л.н. Между ними около 800 км по Витиму, что с трудом позволяет предположить одну и другую стоянки как кратковременную-охотничью (Большой Якорь) и базовую-резидентную (Усть-Каренга) (Ветров В.М., Инешин Е.М., Пежемский Д.В., 2016, с. 138; Ветров В.М., Инешин Е.М., 2019, с. 467–468). Не смотря на, действительно, четкие аналогии в клиновидных нуклеусах и трансверсальных резцах, полного совпадения морфо-типологического облика каменных индустрий, как это можно видеть в паре Большого Якоря I с Курлой I–III 1–2 о.д.к.г., здесь нет. Выше уже отмечалось отличие 5, 5а и 6 к.г. Нижней Джилинды I от Усть-Каренги, в них нет и усть-каренгской керамики. Если гипотеза юго-восточного происхождения усть-каренгской керамики имеет уже немало аргументов в виде открытых стоянок с керамикой финальносратанского возраста в Восточной Азии, Приамурье, Забайкалье, то генетические исследования, объективно, находятся на стадии разработки метода и накопления данных, сегодня пока еще единичных. В этой связи к первым результатам (Kilinç G. M., Kashuba N., Yaka R. et al., 2018) следует относиться осторожно. С нашей точки зрения, они еще нуждаются в валидации – подтверждении дополнительными данными и исследованиями. Хотя бы потому, что они противоположны осторожно высказываемой физическими антропологами Д.В. Пежемским и Г.В. Рыкушиной идее о принадлежности черепов из Нижней Джилинды и Туой Хая (Виллой) к одному антропологическому типу наиболее древнему, бытовавшему на территории

Восточной Сибири уже в мезолите (Пежемский Д.В., Рыкушина Г.В., 1998, с. 133).

Часть 4. Памятники Нижнего Витима

1. Мамакан VI

В 1986 г. Е.М. Инешиним по подъемному материалу на левом приустьевом участке р. Мамакан, на территории поселка на 9-12-метровой террасе было выделено местонахождение Мамакан II. Ввиду плотной застроенности поселковой территории обследование местонахождения не проводилось. В 1996 году им были найдены единичные артефакты при осмотре близлежащего карьера 36-метровой высоты относительно уреза воды в р. Витим, находящегося на поселковой окраине в 300 м от р. Мамакан и в 570 м от р. Витим (рис. 84, 85, 86, 107). Карьером в данном пункте вскрываются дельтовые отложения Мамакана. В обнажении карьера и в зачистке в песчаных отложениях верхней части карьера были найдены преформа-заготовка с негативами бифасиальной оббивки, медиальный сегмент микропластинки шириной 0,4 см и длиной 0,5 см, отщеп. Все предметы из микрокварцита. В 1997 году местонахождение осматривал А.В. Тетенькин. Им была произведена зачистка стенок карьера, в двух уровнях зафиксировано залегание артефактов.

В 2001 г. Е.М. Инешин и А.В. Тетенькин заложили врезку в борту карьера. Артефакты были найдены в пяти уровнях залегания в слоистых песках на глубине до 1,5 м от дневной поверхности. По углю из линзы в песках в культуровмещающей пачке отложений получена дата – 18670 ± 600 л.н. (СОАН-4546).

В 2002 г. в ходе работы над геоморфологической моделью Мамаканского геоархеологического субрайона находки в карьере были выделены в отдельный от Мамакана II, дислоцированного на 9-11-метровой примыкающей террасе, самостоятельный пункт – местонахождение Мамакан VI (Белоусов В.М. и др., 2002). Объект расположен на левом приустьевом участке р. Мамакан, левого притока р. Витим, в составе отложений террасовидной формы борта долины (палеodelьты) высотой 36 м от уреза Витима (рис. 86).

В 2010 г. А.В.Тетенькин в шурфе-врезке на глубине 1,5 м нашел проксимальный сегмент крупной пластины в косослоистых солюфлюцированных отложениях (рис. 90.20). По углю из стратиграфически перекрывающей ее прослойки получена дата 20900 ± 300 л.н. (СОАН-8263).

В ходе всех предшествующих разведок было установлено, что местонахождение Мамакан VI в значительной степени разрушено карьером, впервые открытым при строительстве Мамаканской ГЭС в 1950-е годы, но действующем и по сей день.

В 2011 году А.В. Тетенькиным и Е.М. Инешиним были произведены раскопочные работы на объекте. В задачу входило выявление пятна культурных остатков, выяснение стратиграфии залегания культурных остатков, условий тафономии, морфо-типологическая характеристика ансамбля. Интерес к нему, важность в контексте проблематики археологии донеолита нижнего Витима обуславливались представлениями о Мамакане VI как о древнейшем стратифицированном местонахождении в районе. Была произведена врезка в борт оврага (рис. 86, 87) фронтом в 4 м и шириной от 1,5 до 0 м, примыкающая к шурфу 2010 года. Она дала массовый археологический материал, поэтому вслед за ней, в продолжение, вглубь тела террасы была заложена следующая прирезка шириной в 1 м и фронтом в 4 м. Общая площадь врезки вместе с шурфом 2010 года составила 15 кв.м.

Геоморфология и стратиграфия.

Местонахождение расположено на внешнем фесе древней дельты р.Мамакан, сформированной в позднечетвертичное (каргинское - сартанское) время, на что указывают полученные радиоуглеродные даты, а также гипсометрическое положение в системе геоморфологических тел долины Мамакана (Белоусов В.М. и др., 2002).

Отложения дельты фациально разбиваются на галечно-валунную толщу с песчаными прослоями (мощность пачки до 11 м) и пачку полимиктовых горизонтальнослоистых серых мелкозернистых окаربоначенных песков (мощность 8,5–10 м). Валунно-галечниковые отложения черепицеобразно

сортированы и ориентированы субперпендикулярно течению Витима, что указывает на направление выноса материала из Мамакана в Витим. В петрографическом составе встречаются граниты (преобладают), гнейсы, диабазы, порфириты, а также редко метаморфические сланцы и известняки. Формирование галечно-валунной толщи происходило в условиях, когда верхняя часть основных, питающих Витим, притоков находилась под ледниками. Валунно-галечные отложения дельты залегают на прослое песка (мощностью около 1 м), который лежит, в свою очередь, на скальном ложе долины Витима с отметками 230 метров, что всего на 4 метра выше коренного ложа современного русла. Полимиктовые серые слоистые пески, перекрывающие галечно-валунные отложения, окаربоначены. В галечнике известны находки бивня мамонта, трогонтериевого слона, короткорогого зубра, благородного оленя (Золотарев А.Г., 1982). О времени начала формирования этих отложений можно судить, исходя из радиоуглеродной даты по найденному на глубине 18 метров бивню мамонта – более 48 000 л.н. (ГИН-9066). Для бивня мамонта было установлено, что он помещался в линзе иловатых песков в нижней части галечно-валунных отложений, что способствовало его хорошей сохранности и синеватому налету из кристаллов вивианита. Таким образом, учитывая дату и то обстоятельство, что в кровле полимиктовых криогенно деформированных аллювиальных песков, суглинков, перекрывающих валунно-галечные отложения, зафиксирован в нескольких уровнях 1 культурный горизонт, мы склонны относить время накопления данных отложений к каргинскому этапу. Каргинский возраст галечно-валунной толщи согласуется с типом самих отложений, маркирующих интенсивные аллювиальные процессы с повышенной обводненностью. Данное обстоятельство подтверждается еще целой серией датированных разрезов в Патомской и Байкальской частях нагорья, в которых с аналогичными датами представлены сходные по литологии и генезису рыхлые осадки (Тищенко Е.И., 1982; Золотарев А.Г., 1982). Верхняя, песчаная пачка в разрезе относится к началу – середине сартанского оледенения –

раннему голоцену, что следует на основании радиоуглеродных дат по углю из прослоек в кровле и между уровнями залегания артефактов 1 к.г. – 20900±300 л.н. (СОАН-8263), 18670±600 л.н. (СОАН-4546), 11770±110 л.н. (ГИН-14596), 7300±400 л.н. (ГИН-14595).

Памятник существенно разрушен карьером, а затем развивающимся оврагом. По нашим оценкам, полученным в ходе работ 2011 г., большая часть культурных остатков уничтожена. Верхняя часть террасы спланирована, покровные отложения позднего голоцена уничтожены. Вторым негативным тафономическим фактором сохранности древней стоянки является развитый солифлюксий, нарушивший инситное залегание материала. В ходе работ установлен переотложенный характер залегания артефактов в составе солифлюцированной пачки отложений. Солифлюкционный снос в направлении тальвега палеоложка захватил верхнюю часть сартанского аллювия, а также голоценовые покровные отложения почвенных горизонтов В и С. Культурные остатки находятся во взвешенном состоянии в составе культуровмещающей пачки отложений. Разброс их по вертикали 82 см, разница глубин залегания двух апплицированных артефактов – 21 см, разнос по горизонтали – около 2,4 м. Костные остатки в составе культуровмещающей пачки отложений отсутствуют.

Стратиграфия приводится по продольной - северной стенке (рис. 87.2, 88):

№	Отложения	Мощность, м
1.	Дерново-почвенный горизонт	0,04-0,08
2.	Светло-серый песок техногенный.	0,04-0,10
3.	Погребенный дерново-почвенный горизонт	0,04-0,08
4.	Техногенный наброс песков, супесей, суглинков	0,60-0,70
5.	Погребенный почвенный горизонт углефицированный	0,02-0,05
6.	Подзол	0,01-0,08
7.	Суглинок красно-оранжево-бурый легкий, смятый, солифлюцированный (?)	0,04-0,28

8. Песок светло-желтый, на контактах ожелезненный, тонкозернистый, солифлюцированный 0,02-0,25

9. Суглинок легкий темно-бурый, криогенно деформированный. По частицам угля из слоя получена дата - 7300 ± 400 л.н. (ГИН-14595) 0,01-0,06

10. Линза суглинка легкого темно-бурого, пирогенно-прокаленного, с обильными включениями древесного угля, с обломками плитчатых отдельностей. 0,025-0,40

11. Суглинок легкий, сизый, оглеенный, солифлюцированный. Из угленасыщенных прослоек в нижней части слоя получены даты 20900 ± 300 л.н. (СОАН-8263), 18670 ± 600 л.н. (СОАН-4546) 0,02-0,35

12. Суглинок тяжелый комковатый темно-коричневый с включениями древесного угля, по которому получена дата 11770 ± 110 л.н. (ГИН-14596). 0,01-0,04

13. Пески сизые, желтые, смятослоистые 0,05-0,18

14. Пески ритмичнослоистые, тонкие прослои – сизые, заполнение – серо-желтый песок среднезернистый с дресвой и мелкой галькой 0,25 м и более

Смятый характер слоистости, растащенность прослоек, нарушения нормального характера залегания слоев определены нами как результат действия солифлюкционных процессов, деструктивно воздействовавших на верхнюю часть рыхлых отложений данного террасовидного тела. Судя по тому, что деформированными оказались и верхние покровные отложения почвенного горизонта В – красно-бурые и красно-желтые суглинки, солифлюкционный процесс имел довольно поздний возраст. Наиболее поздняя полученная дата указывает, как минимум на возраст около 7 – 8 тыс.л.н. Культурные остатки (1 культурный горизонт) зафиксированы в слоях 7-12.

Планиграфическая ситуация характеризует состояние перемещенности материала, никаких конструктивных деталей не сохранилось (рис. 89). В восточной, внешней к борту карьера части прирезки выявлено темно бурое

пятно ломанной конфигурации с обильным включением остатков древесного угля. К нему приурочено пять крупных плитчатых обломков. Примечательно, что все они залежали с субгоризонтальным положением верхних плоскостей. Первоначальное предположение, что мы имеем дело с очагом, пришлось отставить, поскольку в пределах этой линзы не было найдено ни одного артефакта, а сама она оказалась значительно большей мощности – до 24 см.

Каменные артефакты.

Всего в коллекции 299 единиц. В том числе 2 нуклеуса, 4 скребка, в том числе 2 скребка из горного хрусталя, 1 резец, 1 отщеп с ретушью, 1 оббитый кристалл горного хрусталя. Материалом для всех продуктов литопроизводства послужил порфирит (95%), роговик (0,3%), кварц (горный хрусталь) (4%), дымчатый кварц (раухтопаз) (0,7%).

Первый из найденных микронуклеусов (рис. 90.2) имеет исключительно мелкие размеры: длина – 2,1 см, ширина у площадки – 1,4 см, высота фронта – 1,5 см. Нуклеус торцовый – клиновидный. Площадка несет негативы одного длинного фронтального скола, покрывающего всю длину, одного фронтального скола среднего размера, четырех мелких заломистых скольчиков также с фронта. Кроме того, один короткий, широкий скол, занимающий почти всю длину площадки, нанесен с латерали.

Одна из латералей оформлена тщательно. Негативы встречного направления, со стороны кия и площадки, покрывают ее полностью. Вдоль собственно кия идет мелкая ретушь. Ребра ее негативов заметно залощены.

Вторая латераль представляет собою выпуклую вентральную поверхность отщепа-преформы, подправленную лишь со стороны кия несколькими широкими и короткими заломистыми сколами, также залощенными.

Фронт имеет подтреугольную форму. Он несет негативы веерообразно сходящихся от проксимального конца к дистальному пяти микропластинчатых снятий. Максимальная ширина снятий – 0,4 см, максимальная измеренная длина – 1,9 см. В общем, исходя из наблюдений

тщательности и намеренности оформления одной из латералей, площадки, сработанности фронта, мы можем заключить, что этот крайне малый микронуклеус является намеренно выработанной формой. Судя по нижеприведенным артефактам с микроснятиями, он не является и остаточным продуктом на последнем цикле микропластинчатого расщепления, имевшего прежде бóльшие параметры.

Второй микронуклеус (рис. 90.5) имеет вытянутые пропорции: длина – 3,3 см, ширина – 1,1 см, высота – 1,8 см, высота фронта – 1,2 см. Киль обработан ретушью бифасиальной, нерегулярной, не слишком тщательно. Гребень-контрфронт имеет форму головки скребка, негативы ретуши залощены. Площадка первоначально оформлялась поперечными сколами с латерали, в финале – тремя длинными сколами с фронта. Фронт имеет большой залом, о который пресеклись два микропластинчатых снятия. Ширина снятий – 1,5-3 мм, максимальная длина – 1,3 см.

Следующий артефакт с микроснятиями – срединный многофасеточный резец (рис. 90.4). Изготовлен из широкого, короткого отщепа светло-зеленого порфирита. Один продольный край оформлен тщательной притупляющей скребковой ретушью. Ребра-края негативов залощены. Край резца у рабочей головки заведен ретушью к оси предмета таким образом, что артефакт имеет форму срединного резца. По противоположному продольному краю с рабочего угла нанесены два продольных микропластинчатых резцовых снятия длиной 8 и 12 мм и шириной 3,5-4 мм. Противоположный конец имеет шиповидный выступ. Края его несут следы мелкой амортизационной ретуши, возникшей, предположительно, в результате использования шипа как сверла.

Четвертый артефакт с микроснятием – микроскребок округлой-ногтевидной формы черной кремнистой (роговик) породы диаметром 1,4 см (рис. 90.1). На проксимальном конце нанесен трансверсальный резцовый скол. Учитывая короткую остаточную форму, иначе как в условиях крепления резца в рукояти, получение такого резцового скола представить нельзя.

Еще один скребок – концевой на крупной двухгранной пластине. Ретушь занимает дистальный конец и сопряженный с ним участок левого продольного края, в силу чего контур лезвия скошен влево (рис. 90.7). Длина – 3,6 см, ширина – 2,2 см, толщина – 0,9 см. Рудимент ударной площадки – галечный.

Два медиальных сегмента пластин (рис. 90.8-9) имеют практически идентичные параметры длины – 4,0-4,2 см, ширины – 2,0 см, толщин – 0,4 см. Они апплицируются – состыковываются в одну пластину длиной 8,1 см. Проксимальный и дистальный концы в обоих случаях одинаково обломаны. Один из сегментов несет следы краевой амортизационной ретуши по обоим продольным краям. Один из краев пластины выпуклый, другой имеет естественную выемку.

Отщеп с ретушью (скребок, остроконечник?) является орудием с обломанным рабочим концом (рис. 90.19). На вентральном фасе у облома сохранилась скребковая краевая ретушь длиной 1,0 см. Сагиттальная и продольная линии отщепа не совпадают.

Одним из компонентов коллекции являются артефакты из горного хрусталя – 10 ед. Из них 2 скребка, 1 оббитый кристалл, 7 отщепов.

Один скребок из горного хрусталя – комбинированный, многолезвийный (рис. 90.3). Он имеет асимметричную каплевидную форму. Два основных лезвия – боковые, оформлены тщательной ретушью. По узкому краю с одной грани бокового лезвия на ребро противоположного бокового лезвия поперек продольной оси произведено несколько заломистых микропластинчатых снятия таким образом, что артефакт имеет вид клиновидного микронуклеуса. Обращает внимание практически полное совпадение контуров и размеров его с одним из двух вышеописанных микронуклеусов (рис. 90.5). Собственно негативы снятий крайне малы и заломисты, вероятнее всего, таким образом было оформлено еще одно скребковой лезвие. Более широкий, противоположащий конец скребка имеет мелкие негативы, но не по фасу, а аррьерфасу, свидетельствующие о какой-то иной кинематике действий этим рабочим концом.

Второй скребок изготовлен из оббитого кристалла дымчатого хрусталя (раухтопаз) (рис. 90.6). Как и предыдущий скребок, он имеет в сечении трехгранный профиль. Негативы ретуши, как и в предыдущем случае, имеют продольные края.

В ходе разборки культуросодержащей толщи были найдены четыре плитки углисто-глинистых слабометаморфизованных сланцев остроконечной формы (рис. 91.1-4). Они лежали в непосредственном соприкосновении с отщепами и сколами. Общей особенностью этих сланцевых предметов являются длинные продольные края, конвергентно сходящиеся и имеющие грань – фаску шириною 4-8 мм. На трех плитках оба края имеют фаску по одному фасу, на одной плитке – по антитезе. Три предмета имеют остроконечную точку схождения краев с фаской, у одной плитки этот край обломан. Размеры плиток 10,0×4,1 см, 9,3×5,1 см, 3,9×1,8 см. Толщина – 7-9 мм. Следов искусственной заточки этих сланцевых отдельностей нет. В этой связи, можно сказать, что нет и прямых указаний на то, что это артефакты. Однако, сходная для всех четырех находок форма конвергенции длинных краев с фаской – гранью и обнаружение в контексте с дебитажом позволяют видеть в них вещи, намеренно подобранные человеком, принесенные и использованные в какой-то функции. Осмотр этих предметов трасологом Г.Н. Поплевко (ИИМК РАН, Санкт-Петербург) показал, что два из них несут следы работы скребком (рис. 91.2,4).

Обсуждение.

Нарушенный, переотложенный характер залегания культурных остатков делает проблематичной задачу датирования комплекса методами естественных наук. Радиоуглеродные даты получены из образцов древесного угля из растащенных солифлюксиям линз с различных уровней залегания. Наиболее ранняя дата – ок. 25167 л.н., наиболее поздняя – ок. 8169 л.н. Напрямую определить время существования ископаемой культуры на основе этих дат мы не можем. Даты свидетельствуют о позднем, голоценовом возрасте развития солифлюксия на данном местонахождении и о захвате и

деформации и отложений большого хронологического диапазона, включая раннесартанские седименты.

В этой ситуации аргументами относительного датирования выступают морфология артефактов и гипсометрия местонахождения. Остановимся сначала на последней. Исходя из общих представлений о формировании лестницы аллювиальных террас и из локальной модели динамики развития рельефа долины Витима в пределах Мамаканского геоархеологического района, в системе аллювиальных тел более высокие мы рассматриваем как более древние. В соответствии с динамикой развития долины более молодые стоянки, особенно в случае вмещения в аллювиальные пойменные отложения, связаны с более низкими террасами. На Нижнем Витиме объекты финально-сартанского возраста дислоцированы на отметках 22 м – Коврижка III, Авдеиха, 17-18 м – Коврижка II, 13-14 м – Большой Якорь I (Белоусов В.М. и др., 2002; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010). Наиболее близкую гипсометрическую отметку – 33 метра – занимают находки шурфа 4 на Коврижке III. Они не датированы, залегают в совершенно иной ситуации маломощных склоновых отложений, покрывающих цоколь (Тетенькин А.В., 2010, с. 126). Местонахождение Мамакан VI (36 м) – самое высокое известное на сегодняшний день на Нижнем Витиме.

Обратимся теперь к морфологии артефактов. Она охарактеризована по двум позициям: 1) микроорудия и микрорасщепление; 2) макропластинчатая индустрия.

В первой части, поразительны, прежде всего, микронуклеусы с высотой фронта до 1,5 см. Параметры микроснятий исключительно малы, что позволяет усомниться в возможности утилитарного применения микропластинок в качестве вкладышей-лезвий. Найденный срединный многофасеточный резец имеет негативы резцовых снятий 12×4 мм, вполне сопоставимые с негативами с фронтов найденных микронуклеусов (рис. 90.2,4,5), наталкивая на мысль о резцовом происхождении техники отжима в производстве микропластин с торцовых нуклеусов. Интересен и резцовый

трансверсальный скол на ногтевидном микроскребке (рис. 90.1). Диаметр скребка 1,4 см иначе как в рукояти возможности для производства резцового скола не допускает.

Следует обратить внимание и на совпадение форм одного из микронуклеусов и скребка из горного хрусталя (рис. 90.3,5). Один из ретушированных рабочих краев последнего имеет торцово-клиновидную позицию, весьма сходную в параметрах с фронтом микронуклеуса. Это может свидетельствовать о принадлежности обоих к одному культурному комплексу при зафиксированной разнице глубины залегания в 32 см (рис. 89) и о многоцелевом использовании выработанной формы, технического приема. В частности, мы полагаем, что имеем свидетельства применения торцового микропластинчатого снятия в производстве микронуклеуса, резца, скребка. На наш взгляд, такое отсутствие специализации в производстве микропластинчатого снятия является признаком начальной стадии, зарождения навыков-традиций этой техники.

Макрорасщепление, судя по правильной пластине длиной 8 см, апплицированной из двух обломков (и отсутствуют при этом ее проксимальный и дистальный сегменты), концевому скребку на пластине, крупному сегменту пластины (рис. 90.8-9,20), ориентировано на производство пластин. Одним из приемов форматирования заготовки являлся облом проксимального и дистального концов. Тот факт, что длинная 8-сантиметровая пластина (без учета длины удаленных ее концов) была переломлена ровно посередине и обе половинки-сегмента имеют равную длину, позволяет предположить и намеренный характер сегментации пластин под какой-то определенный стандарт. Нуклеусов не найдено. Отмечены несколько проксимальных и дистальных сегментов. Основная масса дебитажа представлена аморфными отщепами и сколами, производя впечатление экстенсивного низкопродуктивного галечного расщепления.

Обратимся теперь к известным на Нижнем Витиме ансамблям финального плейстоцена – раннего голоцена. Ведущим показателем развития

археологически выраженной культуры позднего палеолита – неолита является микрорасщепление. Последнее как процесс отмечено этапами возникновения приема микропластинчатого терминального снятия, становления техник подготовки преформ, ротации, модификации торцового-клиновидного нуклеуса, перехода на призматическое микропластинчатое расщепление. Наиболее ранние микропластинчатые ансамбли Коврижка IV, 6–2Б к.г. (19,1–18,1 тыс. л.н.), Авдеиха (18,4–15,3 тыс. л.н.), Большой Якорь I (15,1–13,6 тыс. л.н.) имеют уже развитые, сложившиеся системы подготовки преформы – снятия микропластин – модификации нуклеуса (рис. 93.1–4, 103, 146).

В 6–2Б культурных горизонтах Коврижки IV представлена техника подготовки клиновидного нуклеуса из бифаса, унифаса, или отщепа, с оформлением ударной площадки поперечными и короткими фронтальными сколами. Эта техника, обозначенная как коврижская, получила распространение и позднее, найденная на Авдеихе, Коврижке II, III – 2, 3 к.г., IV – 2 к.г., т.е. в финальном плейстоцене – раннем голоцене (Тетенькин А.В., 2017а). Вместе с тем уже в 5, 4 и 2Б к.г. Коврижки IV найдены элементы техники юбецу, представленной на Большом Ягоре I.

На Большом Ягоре I, в частности, изучена технология редуцирования бифаса продольным краевым и лыжевидными сколами и последующего терминального микропластинчатого расщепления, известная в палеолитоведении Северо-Восточной Азии как техника «юбецу» (рис. 103) (Васильевский Р.С., Лавров Е.Л., Чан Су Бу, 1982; Nakazawa Y. et al., 2005 p. 280–282; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010). В 7 культурном горизонте найдены два лыжевидных скола с негативами торцовых микропластинчатых снятий. Высота их фронта – 1 и 1,4 см (рис. 104.5) (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.12). Это единственный, самый близкий коррелят по высоте фронта микронуклеусам Мамакана VI, но в целом нуклеусы из лыжевидных сколов, конечно, специфичны и больше на Нижнем Витиме не встречены.

На финальноплейстоценовых стоянках Авдеиха, Коврижка III (2-3 культурные горизонты) клиновидные нуклеусы изготовлены из бифасов, либо

из сколов (рис. 199.1,2,3,4,5,9,10) (Тетенькин А.В., 2010; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010). Общим их признаком, отличающим от большинства нуклеусов 3А-9 культурных горизонтов Большого Якоря I, является подготовка ударной площадки несколькими короткими латеральными и фронтальными сколами. Традиция изготовления подобных нуклеусов прослежена и в раннем голоцене по материалам местонахождений Коврижка II, IV (рис. 199.8,15). В составе культурных остатков Коврижки III найдены и самые ранние призматические микропластинчатые нуклеусы (11,0-11,4 т.л.н.).

В раннеголоценовых ассамбляжах типа Большой Северной (Инвалидный III, пункты 2-3, Коврижка III, 1А к.г. и др.), имеющих ярко выраженный микропластинчатый облик, доминируют призматические микронуклеусы (Рис. 199.3,4,6,7) (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2005, 2010; Тетенькин А.В., 2011).

В целом же следует констатировать, что микронуклеусы Мамакана VI не имеют себе подобных аналогов среди ординарных нуклеусов ансамблей финального плейстоцена – голоцена Нижнего Витима. Их отличает, во-первых, исключительно малая высота фронта и длина микропластинчатых снятий, во-вторых, отчетливо выраженный вытянутый характер соотношения длины нуклеуса к его высоте, в-третьих отсутствие устоявшейся, стандартно выработанной, как мы видим в материалах всех известных нам ансамблей района, формы клиновидного нуклеуса. Не находят аналогов микронуклеусы Мамакана VI и среди материалов других донеолитических комплексов севера Байкальской Сибири, прежде всего, Усть-Каренги I-XVI – 7 и 8 культурных горизонтов (Ветров В.М., 1995, 2010) и Курлы II-III – 2 и 3 культурных горизонтов (Шмыгун П.Е., 1978, 1981; Шмыгун П.Е., Ендрихинский А.С., 1978).

Резцы вышеупомянутых памятников Нижнего Витима также отличаются от найденного срединного резца Мамакана VI. Резцы Большого Якоря I, главным образом, трансверсальные. Известны трансверсальные – диагональные резцы и во 2 к.г. Коврижки III. Для Авдеихи, Коврижки II

характерны угловые резцы на отщепах случайных форм. Кроме того, в финале плейстоцена – раннем голоцене распространены были многофасеточные резцы из осколков горного хрусталя (2, 1А и 1 к.г. Коврижки III, 6 к.г. Коврижки IV).

Отсутствие бифасов в добавок к отличиям в микронуклеусах и резцах ставит ансамбль Мамакана VI в оппозицию в целом к дюктайской культурно-технической общности, к коей финальнопалеолитические комплексы Нижнего Витима принадлежат (Мочанов Ю.А., 1977; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 209–212).

Аналогии микронуклеусам были найдены нами в местонахождениях более древних, расположенных южнее. В недавно открытом и опубликованном А.С. Козыревым и соавторами местонахождении Туяна в Тункинской долине имеется клиновидный микронуклеус с аналогичными признаками (рис. 91.5): 1) вытянутая подтреугольная ладьевидная преформа, 2) короткий фронт с негативами микропластинчатых снятий длиной около 1 см (Козырев А.С. и др., 2012, рис. 4.1). Авторы исследований Туяны датируют по 14С AMS-дате по кости из культуровмещающего слоя – 35900 ± 750 л.н. (OxA-25896), отмечая, впрочем компрессионный и смешанный характер культурных остатков во вмещающих отложениях. Подобный же нуклеус найден С.А. Гладышевым, А.В. Табаревым и Дж. Олсеном в 5-м культурном горизонте местонахождения Толбор-15 в Северной Монголии (рис. 91.11) (Gladyshev S.A. et al., 2010, p. 39). По фрагменту яичной скорлупы страуса из этого слоя есть дата 28460 ± 310 л.н. (AA-84137). Подобные микронуклеусам Мамакана VI артефакты были найдены в Забайкалье на стоянках Усть-Менза-2, горизонт 19, 20 (рис. 91.8–10) (Константинов М.В., 1994, с. 105, рис. 73) с датировками около 17,0 тыс. некал. л.н.

Близкие морфологические аналогии микронуклеусам и резцу есть в Приморье, в коллекции верхнепалеолитической стоянки Суворово III (раскопки А.А. Крупянко). В ее материалах имеются, во-первых, серия аналогичных срединных многофасеточных резцов с притупленными крутой

краевой ретушью одним или двумя продольными краями тела, во-вторых, микронуклеусы идентичных размеров и пропорций. Р.С. Васильевский датирует основной комплекс Суворово III возрастом около 13–15 тыс. некал. л.н. (Васильевский Р.С., Гладышев С.А., 1990, с. 105), Н.А. Кононенко относит ко времени 12–11,5 тыс. некал. л.н. (Охотники-собиратели бассейна Японского моря..., 2005, с. 12), Крупянко А.А., Табарев А.В. предлагают для него возраст около 19 тыс. некал. л.н. (Крупянко А.А., Табарев А.В., 2011, с. 115).

Макрорасщепление всех известных комплексов финала плейстоцена – Авдеихи, Большого Якоря I, Коврижки III – имело целью производство отщепов как основной орудийной преформы (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 209–212, 219–220; Тетенькин А.В., 2010, с. 127–128). Стандартной целью галечного нуклеарного расщепления раннеголоценовых комплексов 3, 4, 4А к.г. Коврижки II (около 8,2–8,1 тыс. некал. л.н.) также являлся удлиненный отщеп. Лишь 2-й культурный горизонт Коврижки III доставил первые очевидные свидетельства технологии производства макропластин длиной до 11 см (Тетенькин А.В., 2016, с. 289–290). Макропластинчатое расщепление Мамакана VI ассоциируется, в первую очередь, с традицией производства макропластин толбагинской культуры Забайкалья, например, с Восточным комплексом Подзвонкой (Константинов М.В., 1994, с. 136–141; Ташак В.И., 2016, с. 168–169), во вторую очередь, с пластинчатыми ансамблями ранней – средней поры верхнего палеолита Западного Прибайкалья (комплексами Макарово IV, Игетейского Лога I, Арембовского в Южном Прибайкалье) (Аксенов М.П., 2009, с. 110–111; Стратиграфия, ..., 1990, с. 70).

Таким образом, морфо-типологический анализ коллекции 1 к.г. Мамакана VI характеризует ее как экзотичную и более архаичную относительно известных финальнопалеолитических ансамблей Нижнего Витима. Беря за основу наиболее ранний надежно датированный 6 культурный горизонт Коврижки IV, мы полагаем вероятный возраст Мамакана VI древнее 19,1 тыс. кал. л.н. Нижний предел допустимого хронологического интервала

может быть связан с наиболее ранней датой 25,1 тыс. кал. л.н., отмечающей возраст вовлеченных в солифлюкционный процесс отложений. Не противоречит этому выводу и наиболее высокое гипсометрическое положение комплекса среди всех известных местонахождений на Нижнем Витиме.

Вероятный вопрос о смешанности разновременных, позднего и раннего компонентов может быть парирован доводами, что микроформы встречены как в низах, так и в верхах культуросодержащей пачки отложений, и петрографически комплекс однороден, признаков индустрий рубежа плейстоцена – раннего голоцена не обнаружено, а аналоги микроизделиям Мамакана VI в последних отсутствуют.

Заключение.

Полученные радиоуглеродные даты противоречивы в оценке возраста, свидетельствуют о голоценовом времени развития солифлюксия на данном местонахождении и о захвате и деформации им отложений большого хронологического диапазона, включая раннесартанские седименты. На этом фоне ведущим аргументом в определении культурно-хронологической позиции комплекса артефактов являются морфо-типологический их анализ и корреляция. Главным выводом стало определение экзотического облика на фоне всех изученных донеолитических ансамблей Нижнего Витима и оценка вероятного возраста Мамакана VI как более древнего, чем самые ранние датированные комплексы финального плейстоцена. Аналогии микронуклеусам и резцу найдены в памятниках Северной Монголии, юга Байкальской Сибири и Дальнего Востока. Вопрос о стоящих за аналогиями возможных культурных процессах в Центральной, Восточной Сибири, Дальнем Востоке возраста первой половины сартана и ранее на имеющемся уровне исследований может быть лишь обозначен. В задаче характеристики Мамакана VI эти аналогии привлечены в качестве аргументов в пользу относительно древнего возраста последнего.

2. Авдеиха.

Стоянка Авдеиха расположена на правом берегу Витима в 0,9 км ниже по течению от устья Бодайбо (рис. 1, 2, 84). Открыта стоянка была Ю.А. Мочановым в 1973 году во время разведки ПАЭ по Витиму. Это первый на Витиме палеолитический памятник. Авдеиха раскапывалась в 1973-1976 годах. В ее раскопках принимали участие А.М. Кузнецов, якутские археологи А.Н. Алексеев, Н.М. Черосов и др. Памятник был отнесен Ю.А. Мочановым к дюктайской верхнепалеолитической культуре (Мочанов Ю.А., 1975, 1977).

Местонахождение Авдеиха дислоцировано на 22-метровой площадке (рис. 92.1), причлененной к скальному борту долины. На участке впадения река Бодайбо бежит в скальном каньоне, и долина Витима испытывает прижим. На выходе долины из этого прижима, на границе ее расширения и расположена стоянка. Ю.А. Мочанов описывал культуровмещающее тело как аллювиальную надпойменную террасу, соответственно в пойменных аллювиальных отложениях погребены археологические остатки. Е.С.Ендрихинский (Ендрихинский А.С., 1982, с. 15) классифицировал террасу стоянки Авдеиха как 2-ю надпойменную. Общая вскрытая площадь около 1700 кв.м. По Ю.А. Мочанову (Мочанов Ю.А., 1975), стратиграфия Авдеихи выглядит следующим образом (рис. 92.2):

О т л о ж е н и я, сверху вниз:

- 1.Дерн.
- 2.Перепашка.
- 3.Оранжевая комковатая супесь делювиального генезиса, вмещающая культурный горизонт А.
- 4.Аллювиальная опесчаненная супесь с гравием и дресвой, содержащая культурный горизонт В. Из нижней части слоя заложены криогенные трещины.
- 5.Горизонтальнослоистая супесь, содержащая культурный горизонт С. Культурные остатки располагаются в верхней части слоя и нарушены мерзлотными клиньями, заложенными из вышележащего слоя 4
- 6.Комковатая супесь с щебенкой.

7.Разнозернистый песок с щебенкой, включающий отдельные прослойки заиленной супеси.

8.Крупнозернистый песок.

Для культурного горизонта С по углю были сделаны две радиоуглеродные даты: 12900 ± 300 (ГИН-1022) и 15200 ± 300 (ИМ-236). Материалы раскопок не опубликованы. Культурный горизонт В Авдеихи Ю.А. Мочанов относил к похолоданию 11,4-13 тыс. некал. л.н. между таймырским и кокоревским потеплениями (Мочанов Ю.А., 1977, табл. Д). Из опубликованных материалов известно также нахождение остатков лошади (*Equus caballus*).

В полевом отчете за 1976 год (Архив ИА РАН) Ю.А. Мочановым дано описание раскопок на тот момент. Раскопочная площадь составляла 30 кв.м. Культурные горизонты получили обозначение А, В и С. В последствии они были пронумерованы как культурные горизонты I (пахота), II (А), III (В), IV (С) с выделенными подуровнями (Мочанов Ю.А., 2007, подписи к рисункам).

Стоянка Авдеиха в результате раскопок, произведенных Ю.А. Мочановым во 2-ой пол. 1970-х гг., вошла в группу стоянок дюктайской культуры Якутии. Вместе со стоянкой Большая Северная, отнесенной к сумнагинской раннеголоценовой эпипалеолитической (донеолитической) культуре, эти две стоянки вписали нижний Витим в культурно-хронологическую схему Северо-Восточной Азии – схему Мочанова–Федосеевой (Мочанов Ю.А., 1977). По палеолитическому горизонту «С» получены две радиоуглеродные даты 15200 ± 300 л.н. (ИМ-236) и 12900 ± 300 л.н. (ГИН-1022), которые, хотя и дали немалый, около 2000 лет разброс, в целом, конечно, показали позднесартанский возраст. К сожалению, Авдеиха автором открытия Ю.А. Мочановым не была опубликована. Она опоздала к выходу знаменитой монографии «Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии» (Мочанов Ю.А., 1977), не вошла в каталоги «Археологические памятники Якутии (Археологические памятники ..., 1983, 1991). Отрывочно в публикациях даны гипсометрия, стратиграфия,

радиоуглеродная хронология, сведения о фаунистических находках Авдеихи (Мочанов Ю.А., 1975, 1977, с. 220). В монографии Ю.А. Мочанова «Дюктайская бифасиальная традиция палеолита Северной Азии (Мочанов Ю.А., 2007) в качестве иллюстраций артефактов, характерных для дюктайской культуры приведены девять находок с Авдеихи. В 1990-2000-х гг. галечными орудиями и галечными нуклеусами Авдеихи занималась сотрудница Ю.А. Мочанова Н.В. Антипина. Ею опубликованы две небольшие статьи (Антипина Н.В., 2001, 2005). Некоторое количество информации выдано в Полевом отчете за Ю.А. Мочанова за 1976 г. В 1996 г. Ю.А. Мочановым и С.А. Федосеевой в коллективной монографии «American Beginnings. The Prehistory and Palaeoecology of Beringia» был дан лист иллюстраций Авдеихи без сопроводительных комментариев (Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A., 1996, Figure 3–36). Археологическая коллекция дана совокупно, без разделения на горизонты. В 2005 г. автору удалось с любезного разрешения Ю.А. Мочанова и С.А. Федосеевой познакомиться с коллекцией Авдеихи в Якутске, в фондах и музейной экспозиции Центра арктической археологии и палеоэкологии человека АН РС (Я). Не смотря на многослойный характер залегания палеолитических культурных остатков Авдеиха производит впечатление монокультурного по облику, в основном, несмешанного комплекса.

На основе всех вышеприведенных данных можно составить общую морфо-типологическую характеристику индустрии палеолитических горизонтов Авдеихи. Субстратом для каменного производства, в основном, послужило местное витимское галечное сырье эффузивных пород: порфирит, микрогабро, диабаз, дацит, микрокварцит. Эти виды сырья типичны для всех палеолитических комплексов нижнего Витима, исключая 3В культурный горизонт Большого Якоря I и 1 культурный горизонт Инвалидного III – пункта 1, где преобладает коричневый аргиллит (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 189–197; Демонтерова Е.И. и др., 2014). Серийно представлены галечные нуклеусы и чопперы, морфологически близкие друг другу (рис. 94.4). Большинство орудий изготовлено краевым ретушированием отщепов: это

скребла, скребки, отщепы с ретушно выделенными шипами и выемками, отщепы с нерегулярной ретушью (рис. 93.11,12,13,15). Отдельно следует упомянуть бифасиальные формы. Наиболее выразительные из них опубликованы Ю.А. Мочановым как признак дюктайской культуры (Мочанов Ю.А., 2007, табл., 34, 36). Это крупный листовидный слегка асимметричный бифас (рис. 93.14) и сегментовидный, полулунно- («улу»-) образный бифас с прямым галечным обушком и полукруглым бифасиально обработанным контуром (рис. 94.5).

Опубликован морфологически выразительный скребок из культурного горизонта IVв округлой формы, ретушированный по всему периметру (рис. 93.10) (Мочанов Ю.А., 2007, табл. 56–1). Резцы представлены трансверсальным, угловым на отщепе, диагональным на пластине (рис. 93.5–8) и многофасеточным срединным (рис. 94.1) (Мочанов Ю.А., 2007, табл. 53–4, 54–3, 5). Последний из халцедона (кварца?). Клиновидный нуклеусы изготовлены из бифасиальных преформ (рис. 93.1–4, 94.2). В основном они имеют пропорции высокие в соотношении высоты к длине нуклеуса. Частым приемом является выделение выемки дистального конца фронта в виде шипа (рис. 94.2). Ударная площадка оформлена ретушно с подправками с фронта и латералей. Опубликован один экземпляр, у которого ударная площадка подживлялась одним – лыжевидным – сколом с фронта (рис. 94.2) (Мочанов Ю.А., 2007, Табл. 52–6).

Второй после Авдеихи палеолитический памятник Большой Якорь I, раскапывавшийся в 1980–1990 гг., по ряду признаков отличался от Авдеихи. Его ключевым признаком явились бифасы, аппликационные блоки из клиновидных нуклеусов, лыжевидных и реберчатых сколов, полученных в технике юбецу (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010). В палеолитических горизонтах Авдеихи известен только один вышеупомянутый нуклеус, площадка которого оформлена лыжевидным сколом (рис. 94.2). Этот нуклеус может свидетельствовать о том, что такой прием ретуширования бифасиальной формы был известен обитателям. Об этом мы знаем также по

присутствию лыжевидных сколов в 5, 4 и 2Б культурных горизонтах Коврижки IV, радиоуглеродным возрастом около 15,5–15,3 тыс. л.н. Однако, как техническая система модификации и подживления бифаса-орудия и переоформления его в нуклеус методом снятия лыжевидных сколов элементы техники юбецу представлены только на Большом Ягоре I. Еще один ведущий признак ассамбляжей Большого Ягора I, трансверсальные резцы, также не характерен для Авдеихи.

Третьим этапом в развитии археологии палеолита нижнего Витима стали исследования в 1990–2000 гг. Коврижки II и III. Они показали высокую степень сходства, практически, по всем позициям каменной индустрии 4А, 4, 3 культурных горизонтов Коврижки II (8,3–8,0 тыс. рад. л.н.) и 3–2 культурных горизонтов Коврижки III (11,4–10,4 тыс. рад. л.н.) с каменным ассамбляжем Авдеихи. В том числе и в сюжете ключевого признака отсутствия характерных для Большого Ягора I элементов техники юбецу. Итогом стало формулирование проблемы культурной вариабельности – сосуществования в финальном плейстоцене – раннем голоцене двух групп ансамблей типа Авдеихи и типа Большого Ягора I (Тетенькин А.В., 2011, 2013, 2017). Авдеиха стала эпонимом для обозначения соответствующей группировки археологических комплексов как первый памятник с культурными горизонтами палеолитического и не-юбецоидного облика.

В 2010-е гг. состоялось открытие нижних палеолитических культурных горизонтов Коврижки IV возрастом около 15,7–15,3 тыс. рад. л.н., более древних, чем ранняя датировка Авдеихи. Они показали формально принадлежность наиболее представительных 6 и 2Б культурных горизонтов к линии развития ансамблей типа Авдеихи. Но при этом показали и единичные признаки присутствия техники юбецу в 5, 4 и 2Б горизонтах.

За сорок лет палеолитических исследований на нижнем Витиме научный дискурс ушел далеко в сторону от идеи прямой ассоциации района нижнего Витима с Приленской культурной областью и ее культурно-хронологической схемой развития в сторону определения района как контактного,

испытывавшего влияние не только со стороны Якутии, но и со стороны Прибайкалья и Забайкалья (Белоусов В.М. и др., 1990, с. 64; Тетенькин А.В., 1999; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 209–214; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2011; Тетенькин А.В., 2017; Тетенькин А.В. и др., 2018).

Отдельного внимания заслуживают корреляционные связи морфологического сходства отдельных видов изделий каменной индустрии Авдеихи. Листовидные бифасы помимо такового из IVв культурного горизонта Авдеихи (НВ-Авд-вещи-1.14) на нижнем Витиме найдены в 8, 7 и 6 культурных горизонтах Большого Якоря I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.5–2, 6.9–2, 6.26–1, 2, 6.32). Весьма похожий бифас был найден в 14 горизонте Усть-Мензы-1 (Мороз П.А., 2014, рис. 8.3). Полулунный бифас (Мочанов Ю.А., 2007, табл. 36) находит аналогии в асимметричных бифасах 6 и 4Б культурных горизонтов Большого Якоря I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.9–1, 6.26–5, 7, 6.61–1), в подъемном материале с Коврижки II (Тетенькин А.В., 2010, с. 17–8). Интерпретированы они различно: как скребла, ножи, заготовки клиновидных нуклеусов.

Выразительной формой является округлый скребок из IVв культурного горизонта (НВ-Авд-вещи-1.10) (Мочанов Ю.А., 2007, табл. 56–1). Подобные короткие скребки из отщепов, с лезвием, занимающим от половины до полного периметра, весьма характерны для палеолитических комплексов нижнего Витима: они есть, например, в 6 культ. гор. Коврижки IV (Тетенькин А.В., Анри А., Клементьев А.М., 2017, с. 5–11, 12, 14), 6 и 4Б культ. гор. Большого Якоря I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.39–19, 20, 24, 6.49–6), 2 культ. гор. Коврижки III (Тетенькин А.В., 2016, рис. 16–17, 18). Устойчивую серию образуют многофасеточные срединные резцы из осколков кристаллов горного кварца (хрусталя), в том числе и дымчатого. Один такой резец найден в горизонте IVг Авдеихи (рис. 94.1) (Мочанов Ю.А., 2007, табл. 54–5). Аналогичные резцы найдены в 2 культ. гор. Коврижки IV и 2, 1 культ. гор. Коврижки III (Тетенькин А.В., 2016, рис. 16–30, 20–5). Еще один резец из III-нижнего горизонта Авдеихи имеет диагональный резцовый скол (рис. 93.8)

(Мочанов Ю.А., 2007, табл. 54–3). Этот резец и его резцовый скол отличаются от трансверсальных резцов Большого Якоря I, у которых трансверсальный скол слабонаклонный, близкий к поперечному по отношению к продольной оси резца (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 39). Зато во 2 культ. гор. Коврижки III есть четыре резца с диагональными трансверсальными сколами (Тетенькин А.В., 2016, рис. 16–21, 22, 23, 24).

Ученица Ю.А. Мочанова Н.В. Антипина, занимаясь изучением чопперов и галечных нуклеусов Авдеихи, отмечала сходство последних с аналогичными изделиями стоянки Ихинэ II (Антипина Н.В., 2005, с. 93).

Подводя итог экскурсу о роли и месте палеолитических горизонтов Авдеихи в позднем палеолите нижнего Витима, всегда следует понимать значение Авдеихи как первого палеолитического памятника на нижнем Витиме и как эпонима, объединяющего группу стоянок с однотипными морфо-типологическими признаками, линия существования которых сегодня определяется в возрастном интервале около 15,7–8,2 тыс. рад. л.н. / 19,0–9,1 тыс. кал. л.н.

3. Большой Якорь I.

Стоянка Большой Якорь I расположена в центральной части Байкало-Патомского нагорья, на правом берегу р. Витим в 3 км ниже по течению от впадения левого притока – р. Мамакан, на левом приустьевом мысу рч. Большой Якорь I (рис. 1, 2, 84, 85, 95, 107). Она была открыта в 1985 г. Е.М. Инешиним, В.М. Ветровым, Н.Е. Бердниковой, тогда сотрудниками Отдела паспортизации Лаборатории палеоэкологии ИГУ. Выход с археологической разведкой В.М. Ветрова и Е.М. Инешина в нижнее течение Витима носил логичный и плановый характер продолжения археологического изучения долины Витима, начатого с его верховьев в 1974 г. под руководством В.М. Ветрова (Аксенов М.П. и др., 2000; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010).

Стоянка раскапывалась Е.М. Инешиним с 1985 по 1998 гг. В течение разных лет на объекте побывали и работали с его материалами различные исследователи: К.С. Бураков и И.Е. Начасова (Институт Физики Земли РАН,

Москва), Л.Д. Сулержицкий (Геологический институт РАН, Москва), Г.А. Клевезаль (Институт Биологии Развития РАН, Москва), д.и.н. Г.И. Медведев (Иркутский Госуниверситет), к.г.н. В.М. Белоусов (Иркутский Госуниверситет), к.г.н. Ласточкин (Иркутский Госуниверситет), О.Е. Роговской (Иркутский Госуниверситет), Е.А. Липнина (Иркутский Госуниверситет), Х. Като (Университет Цукуба, Япония). С 1992 г. в исследовании Большого Якоря I участвует А.В. Тетенькин.

Большой Якорь I стал «полевой лабораторией» для выработки оптимальной для изучения многослойных аллювиальных объектов методики раскопок, кластера естественно-научных методов анализа культурных, палеонтологических и минеральных материалов. Этот научный опыт в дальнейшем был перенесен на другие объекты каменного века нижнего Витима: Коврижку I-V, Мамакан VI, Инвалидный III и другие. Одной из ведущих задач было поставлено радиоуглеродное датирование. Получено 27 радиоуглеродных, в основном, в Лаборатории радиоуглеродного датирования Л.Д. Сулержицкого (ГИН, Москва). На основе полученных в ГИН датировок определен возраст основной пачки плейстоценовых культурных горизонтов в интервале 12,7–11,7 тыс. радиоуглеродн. л.н. (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, табл. 3.1).

Уникальной особенностью Большого Якоря I является удовлетворительная сохранность костных остатков. Благодаря этому Е.М. Инешиным были предприняты усилия по привлечению к сотрудничеству палеонтологов Н.В. Мартыновича, А.М. Клементьева, Ф.И. Хензыхеновой, Г.А. Клевезаль (Институт Биологии Развития РАН, Москва), М.С. Губина (Научно-исследовательский институт биологии развития ИГУ), К.Дж. Тернера (Университет штата Аризона, США). В результате был составлен широкий спектр определенных представителей террио-, орнито- и ихтиофауны: 27 видов (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, табл. 5.1). Эти данные позволили, во-первых, составить представление о ландшафте и климате времени существования стоянок горизонтов Большого Якоря I, во-вторых, построить

развернутую зооархеологическую характеристику раскапываемых комплексов культурных остатков, определить функциональную специфику и охарактеризовать деятельность древних людей в аспектах охоты, проживания, разделки, пищевого и иного потребления зооресурсов (Инешин Е.М. и др., 2004; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 241–249). Впервые в археологии Восточной Сибири Г.А. Клевезаль, автором изобретения самого метода, был применен метод определения сезона гибели животных по ростовым структурам зубов (Клевезаль Г.А., 1988).

Еще один новационный метод был применен на Большом Ягоре I – палеомагнитный анализ определения температуры нагрева очажных камней, разработанный и проведенный также авторами открытия К.С. Бураковым и И.Е. Начасовой (Институт Физики Земли РАН, Москва). Это позволило обоснованно реконструировать функциональную специфику очагов, динамику их формирования и развития вокруг них деятельностных ситуаций.

Геолого-геоморфологические вопросы изучения Большого Ягора I и прилегающего участка долины Витима отрабатывались с помощью В.М. Белоусова (Иркутский государственный университет) (Белоусов В.М., Инешин Е.М., Бураков К.С. и др., 1990; Белоусов В.М., Инешин Е.М., Сулержицкий Л.Д. и др., 2002).

Е.М. Инешиным были начаты исследования экзотичных пород каменного сырья (Инешин Е.М., Ревенко А.Г., Секерин А.П., 1998; Ветров В.М., Инешин Е.М., Ревенко А.Г. и др., 2000). Результаты их изучения давали материал к реконструкциям мобильности древнего населения: направлений передвижений, миграций и коммуникаций

Особенностью полевой методики Е.М. Инешина стала поквadratная разборка культуровмещающих отложений малыми площадями по вертикали с постоянным контролем стратиграфии культурного слоя (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 90–92). В случае с периферийными участками культурных комплексов таким методом велись раскопки одновременно всех культурных горизонтов на данной площади. В случае выхода на очажные и

иные конструкции делалась площадная расчистка. Второй особенностью раскопок стала тотальная промывка культуровмещающих отложений. Она свела к нулю возможные потери, качественно и количественно дополнила коллекции каменного и фаунистического материала.

Выигрышной особенностью изучения материалов Большого Якоря I стало сочетание аппликационного и трасологического методов. Метод аппликации (ремонтажа) в какой-то мере стал традиционным в иркутской школе археологии (Аксенов М.П., 1981). Трасологическое изучение аппликационных сборок бифасов, проведенное Н.Н. Кононенко, позволило сформировать новые представления о технике юбецу в ситуации стояночных комплексов Большого Якоря I.

Сложный, многокомпонентный характер Большого Якоря I, с одной стороны, и привлечение специалистов и методов разных естественно-научных дисциплин, с другой стороны, побудили Е.М. Инешина и А.В. Тетенькина к разработке объемлющего теоретико-методологического подхода, получившего название «системно-деятельностный подход» (Инешин Е.М., 1993, 1995; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 1995а, 1995б, 1998, 1999, 2003, 2010; Тетенькин А.В., 2003). Это название отражает попытку применения в археологии идей Московского методологического движения во главе с Г.П. Щедровицким (Щедровицкий Г.П., 1984, 2005). Развивавшаяся с 1950-х гг. в СССР, а затем в России, эта научно-философская школа, и прежде всего, сам Г.П. Щедровицкий создали богатый интеллектуальный багаж в направлениях теории деятельности, мышления, педагогики, семиотики, организационно-деятельностных игр и др. (Щедровицкий Г.П., 1995). Ряд идей Е.М. Инешин и А.В. Тетенькин взяли на вооружение.

В основу идеологии в отношениях со специалистами смежных естественнонаучных дисциплин геoarхеологического и палеoэкологического блока легло понимание недопустимости ведения по разным направлениям теоретически несвязанных работ. Необходима выработка единого научного предмета (подхода) и, исходя из него, постановка научных задач

привлекаемым смежникам, а также особая методологическая и эпистемологическая обработка естественнонаучных знаний и интеграция их в комплексные научные интерпретационные представления (Щедровицкий Г.П., 1984). Например, это рефлексия разномасштабности геологического, палеоэкологического, с одной стороны, и деятельностного времени, с другой. Последнее в масштабе хроностратиграфической шкалы выступает как точечный эпизод кратковременного, сезонного обитания людей на стоянке (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 25–26).

Был сформулирован ряд эпистемологических принципов.

- 1) Подход к объекту как в неизвестной степени разрушенному тафономическими процессами остаточному комплексу культурных остатков (принцип неполноты знания).
- 2) Восприятие артефактов, их скоплений, очажных структур и иных построек как разрозненных фрагментов эпизодов обитания и поиск аргументов для связи и сведения их в итоге к одному или нескольким эпизодам.
- 3) Работа по теоретическим (онтологическим) схемам, выводимым из представлений об «идеальном объекте» одновременно на нескольких уровнях: акта деятельности, сферы деятельности, деятельностной ситуации, годового деятельностного (хозяйственного) цикла (Тетенькин А.В., 2003б; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 29–38).
- 4) Синтагматический и парадигматический уровни исследовательского цикла: характеристика (атрибутация) артефактов по уровням от акта деятельности до деятельностного цикла (синтагматический этап), затем последующая парадигматизация представлений – переход от состояния их формирования к статусу достаточной репрезентативности для формулирования характеристики и проведения сравнительных операций со знаниями других археологических объектов и интерпретационными моделями,

взятыми, например, из этноархеологических работ; периодический возврат в синтагматическое состояние дополнения характеристики интерпретационных уровней (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 29).

- 5) Пазловый характер знания: сопряжение дискретных знаний происходит за счет выбора из множества возможных определений – взаимно удовлетворительных, за счет чего происходит усиление категоричности суждений (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 27).

Под влиянием идей Г.П. Щедровицкого сложился ряд теоретических (онтологических) представлений. В частности, в восприятии объекта как системы предполагается выделение, в первую очередь, процесса, задающего целостность системы, затем выделение структуры, механизма, материальной организованности (Щедровицкий Г.П., 1995, с. 255). В качестве процесса развития археологического объекта было взято представление о формировании его гетерогенными и гетерархизированными процессами палеодеятельности, тафономическими процессами геотического и биотического блоков, неодеятельностью хозяйственного и научного освоения.

Деятельность, представленная как метапроцесс, составленный из субпроцессов конкретных видов и сфер деятельности, по сути, определяет ориентацию научного подхода в русле процессуальной археологии (Тетенькин А.В., 2003б). Указание на человеческую деятельность как на главного агента формирования объекта археологии подчеркивает в геоархеологическом исследовательском кластере приоритет археологии и археолога как ключевой фигуры научного проектирования и менеджмента научной кооперации.

Эпизод обитания людей на локальной территории в рамках системно-деятельностного подхода определяется как деятельностная ситуация – эпизод состоявшихся здесь актов деятельности, направленных на жизнеобеспечение путем эксплуатации, переработки и потребления ресурсов.

Формализовать представления о процессе деятельности стало возможно, прибегнув к идее Г.П. Щедровицкого о представлении механизма деятельности как кооперационной цепочки актов деятельности (Щедровицкий Г.П., 1995, с. 267). Г.П. Щедровицкому принадлежит и идея схемы акта деятельности, в которой позиционированы «исходный материал», «продукт», «орудие», «цель», «знание» (Щедровицкий Г.П., 1995, с. 241). С дополнением схемы новой позицией «отходы» стало возможно ее применение как инструмента атрибутации продуктов каменной индустрии по схемам акта деятельности как преформ (исходного материала), продуктов, отходов и орудий. Оборачивание от акта к артефакту привело к выводу о существовании деятельностных процессуальных позиций: «активное функционирование» артефакта (орудие) vs пассивное функционирование артефакта (исходный материал, продукт, отход); позитивный артефакт (являющийся целевым продуктом) vs негативный артефакт (отход). Кооперация актов деятельности выражается в переводе продукта в орудие, орудия в преформу, отхода в исходный материал, отхода в орудие (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 34–36).

Вслед за вещественными артефактами Е.М. Инешин и А.В. Тетенькин стали рассматривать как артефакт пространство, организованное человеком, с экспонированными на поверхности предметами. В деятельности по организации пространства также продуктивно выделение эпизодов преднамеренной работы по созданию комфорта обитания и канализации видов человеческого поведения (позитивный пространственный артефакт, пассивное функционирование) и самого этого разнообразного поведения в организованном пространстве (активное функционирование позитивного пространственного артефакта).

Отсюда каждый вещественный артефакт обладает дополнительной позиционной характеристикой позитивного, либо негативного структурирования пространства. В первом случае это, например, очаг, жилище, наковальня, «мебельные» интерьерные выкладки камней. Во-втором

случае – оставленные вокруг них, рядом с ними, относительно них отходы, отбросы. Вторые (отходы, отбросы) негативны относительно первых – позитивных. Вторичные позитивные элементы пространства, устанавливаемые в рамках, предзаданных предыдущими позитивами пространства, негативны относительно них. Искусственно организованное пространство развивается как появление позитивных элементов следующих порядков. Например, очаг + наковальни + сидения возле очага + очаг-2 + мебельные камни вокруг них.

Среди всей совокупности планиграфических сюжетов Большого Якоря I в качестве модульных были взяты очажные структуры, т.е. комплексы очагов со скоплениями культурных остатков вокруг них. Такие очажные структуры понимались как фрагменты деятельностных ситуаций. Задача планиграфического анализа должна стоять, во-первых, в атрибуции к фрагментам деятельностных ситуаций соответствующих негативных элементов структуры (отбросов, позитивов 2-го порядка - наковален), во-вторых, в определении, являются ли они фрагментами одной деятельностной ситуации или нескольких.

В 1998 году состоялись последние на сегодняшний день раскопки Большого Якоря I. Большая часть пятна культурных остатков выбрана. Вслед за этим полевым этапом изучения памятника Е.М. Инешин и А.В. Тетенькин приступили к анализу и подготовке его к публикации. В 1999 и 2006 гг. в различных объемах материалы Большого Якоря I вошли в диссертационные работы А.В. Тетенькина (Тетенькин А.В., 1999) и Е.М. Инешина (Инешин Е.М., 2006). По темам геоморфологии, зооархеологии, планиграфии, морфотипологии опубликованы отдельные статьи (Белоусов В.М. и др., 2002; Инешин Е.М. и др., 2004; Инешин Е.М., Клементьев А.М., Тетенькин А.В., 2005; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2006). В 2010 г. вышла в свет монография «Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I» (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010). В 2011 г. в США отдельной статьей опубликован обзор

материалов раскопок Большого Якоря I (Ineshin E.M., Teten'kin A.V., 2011). В 2017 г. монография вышла в Великобритании (Ineshin E.M., Tetenkin A.V., 2017).

Геоморфология и стратиграфия

Археологический памятник Большой Якорь I расположен на правом берегу реки Витим, в нижнем течении, в центральной части Байкало-Патомского нагорья, в 2 км ниже по течению от впадения в Витим его левого притока р. Мамакан (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 71–85). Памятник расположен на 13-14-метровой отметке цокольной террасы, сохранившейся в виде небольшого фрагмента в устье речки Большой Якорь и испытывавшей разрушительные действия боковой эрозии реки (рис. 95). Цоколь террасы представлен углистыми сланцами, амфибол-гнейсами с прожилками пегматита. В рамках разработанной модели осадконакопления в Мамаканском геoarхеологическом районе культуровмещающие отложения на местонахождении Большой Якорь I формировались в позднесартанское время – этап 3: время, в целом, угнетенного стока Витима с высокими паводками, одновременно формировавшими террасовые уровни 22, 18, 14, 11 метров над современным урезом, с последующим врезом Витима в финальносартанское время (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 63).

Одновременно с этим Е.М. Инешин высказал мнение, что фрагмент террасы местонахождения Большой Якорь I был смещённым в результате тектонической подвижки на более нижние по склону коренного ложа отметки (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 71).

Верхние отложения голоценового возраста в результате дорожного строительства были снесены. Таким образом, с учетом этих разрушений на участке раскопа уровень террасы будет иметь около 15 м над современным урезом.

Стратиграфия отложений местонахождения следующая (рис. 96) (по: Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 71–77):

О т л о ж е н и я :

1. Дерн, гумусированная черная супесь с включением остатков деятельности современного человека (осколки стекла, фарфоровой посуды, железа). Мощность – 0,07–0,15 м
2. Перепаханный слой серой супеси. Содержит в себе остатки 1 культурного горизонта. Мощность – 0,10–0,25 м
3. Ярко-желтая плотная супесь, кровля частично обработана перепашкой. Мощность – 0,08–0,18 м
4. Погребенная почва, представленная бледной красно-коричневой с белесым оттенком плотной супесью. Мощность – 0,04–0,08 м
5. Желто-серая плотная супесь. Мощность – 0,03–0,08 м
6. Погребенная почва, представлена красно-коричневой супесью. Содержит культурные остатки (2 к.г.). Мощность – 0,04–0,10 м
7. Желтовато-зеленая плотная супесь, вмещающая культурный горизонт 2А. Мощность – 0,02–0,15 м
8. Погребенная почва, представлена красно-коричневой плотной супесью с включениями угля. Содержит 3 к.г. Отложения данной и выше лежащих слоёв имеют субаэральный генезис. Мощность – 0,04–0,10 м
9. Пачка аллювиальных буровато-зеленоватых плотных прослоек наилок мощностью до 0,05–0,07 м. Включает 3А, 3Б, 3В культурные горизонты. Особенностью данных культуровмещающих прослоек по отношению к стерильным является их плотность и тонкий плотный поверхностный коричневатый налёт на артефактах, дислоцирующийся на нижней стороне. Прослойки отличаются от стерильных прослоек песков и более повышенной гумусированностью, что может свидетельствовать о процессах первоначального почвообразования. В верхней части пачки читается граница плоскостного смыва, а сама пачка сохраняется только на части раскопанной площади, прилегающей к тыловой части фрагмента террасы. По углю из очагов в культурных горизонтах 3А и 3В получены радиоуглеродные даты 11750 ± 190 л.н. (ГИН-8980) и 12000 ± 250 л.н. (ГИН-

6460) соответственно. Для горизонта 3В дата повторена – 12080 ± 220 л.н. (ГИН-6459). Мощность – 0,35–0,42 м

10. Пачка светло-серых с тонкими (0,01–0,03 м) темно-серыми прослоями песков ритмичной слоистости. Тёмно-серые прослойки отличаются большей плотностью и гумусированностью. Одна из прослоек содержит 4 культурный горизонт. Она хорошо читается по всему простиранию в раскопанной площади, однако, как и верхняя пачка сохранилась фрагментарно. По углю из очага в этом горизонте получена радиоуглеродная дата – 11740 ± 140 л.н. (ГИН-6461). Мощность – 0,18–0,22 м

11. Пачка ритмично слоистых суглинков и песков с выраженной опесчаненностью культуровмещающих прослоев и слабыми следами оглеения в подошвенной части суглинистых прослоев. Слоистость визуальна выражена в виде чередующихся более тёмных прослоев с более светлыми и более опесчаненными слоями. Горизонты оглеения представлены в виде более плотных голубовато-серых более суглинистых уровней, приуроченных к подошве более тёмных прослоев. К оглеённому уровню одного из таких выраженных тёмных (почти чёрному) прослоев приурочен 4А культурный горизонт. Внутри данного прослоя хорошо читается микрослоистость. В стерильном прослое песка, лежащем ниже 4А горизонта, хорошо читаются структуры русловой ряби. По углю из очага 1 в 4А горизонте получены две радиоуглеродные даты в лабораториях Института мерзлотоведения СО РАН (Якутск) и ЛО ИА АН (ныне ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург) – 10320 ± 140 л.н. (ИМСОАН-968) и 10070 ± 540 л.н. (ЛЕ-4173А). На части раскопанной площади отложения данной пачки размывы плоскостным смывом и отсутствуют. Мощность – 0,30–0,40 м

12. Пачка суглинистых плотных оглеенных прослоев, чередующихся со светлыми песчаными прослоями. Внутри тёмных коричневатых слоев отмечается присутствие микроконкреций железистых окислов ржаво-коричневого цвета. Контактные части прослоев (кровля и подошва) имеют ярко выраженные следы оглеения сизо-серого цвета с приуроченными к

подошвенной части культурными остатками. Таким образом, цветность внутри прослоев меняется от кровли к средней части и подошве от светло-серого к жёлто-коричневому с переходом в сизо-серые цвета. Ритмика слоистости, начиная со стерильной прослойки песка под 4Б горизонтом, по поперечному простиранию в раскопе меняется с субгоризонтального на наклонный в сторону тыловой части террасы. В тёмных прослоях отмечается повышенная гумусированность. Накопление осадков данной пачки происходило в условиях функционирования пойменной старицы, а со стерильной прослойки под 4Б культурным горизонтом накопление вышележащих отложений участвовало в формировании прируслового вала. Возможно, этим фактом и объясняется наличие среди культурных остатков горизонтов многочисленных костей рыб, живущих в как в проточных, так и озёрных водоёмах (щука и окунь). К подошвам прослоев приурочены 4Б, 4В и 5 культурные горизонты, к кровле – 5А культурный горизонт, имеющие радиоуглеродные даты: 11970 ± 170 л.н. (ГИН-6464А) (уголь из очага 4Б к.г.) и 12200 ± 80 л.н. (ГИН-8471) (уголь из очага 1 5 к.г.). С уровня 4Б культурного горизонта, точнее, его подошвы, наблюдается заложение мощных криогенных трещин, разрывающих все нижележащие отложения до галечно-валунной толщи. Культуровмещающие отложения самого 4Б горизонта проседают с частичной деформацией в устьях трещин, а все нижележащие культуровмещающие прослойки в местах разрыва трещинами подвёрнуты вниз. С уровня 4Б культурного горизонта отмечается окисленность отложений, выражающаяся вскипанием от соляной кислоты (HCl). Для 5 культуровмещающего горизонта характерна невыдержанность мощности, которая колеблется от 0,03 до 0,15 м по простиранию в раскопе. Контакт с вышележащей стерильной прослойкой песка неровный, указывающий на частичную локальную денудацию при накоплении вышележащих отложений. Отложения, начиная со стерильной прослойки над 4Б культуровмещающим горизонтом и выше, судя по поперечному сечению тела террасы, принимали

участие в образовании валообразного продольно ориентированного по течению Витима тела – прируслового вала. Мощность – 0,45–0,50 м

13. Пачка тонкослоистых (0,03-0,08 м) легких и средних сильно оглеенных суглинков тёмно-сизо-серого цвета. В прослойках отмечается повышенное содержание гумуса. Стерильные светло-серые или белёдые опесчаненные прослойки меньшей мощности (0,02–0,04 м). Культуровмещающие прослойки сильно окаربоначены, вплоть до образования тонкой корочки на артефактах с нижней стороны. В 7 культурном горизонте зафиксированы сохранившиеся хитиновые надкрылья 2 особей жука-долгоносика (*Dactylopus globosus Geblp.*, определение В.Г. Шиленкова, ИГУ), откладывающего свои коконы в норках на горных лугах и в горных лесах. К подошвам прослоек приурочены 6, 7, 8 и 9 культурные горизонты, имеющие радиоуглеродные даты: 12380±200 л.н. (ГИН-6425) (кость 6 к.г.), 12380±250 л.н. (ГИН-6467) (кость 7 к.г.), 12630±230 л.н. (ГИН-6468) (кость 8 к.г.), 12700±140 л.н. (ГИН-8470) (уголь из очага 9 к.г.). Мощность – 0,58–0,64 м

14. Пачка суглинистых тонкослоистых оглеенных отложений буро-сизого цвета. Слоистость в данной пачке неясно выражена, оглеённые прослойки существенно тоньше, чем в выше лежащей пачке. Содержит 10 и 11 культурные горизонты, культурные остатки которых малочисленны, и в раскопанной площади не выявлено структур деятельности в виде очагов или скоплений изделий из камня и кости. Абсолютные датировки на сегодняшний момент отсутствуют. Мощность – 0,38–0,45 м

15. Легкие и средние суглинки светло-бурого цвета с тонкими (0,01–0,02 м) оглеенными прослойками. В светлых прослойках встречаются уплощенные мелкие галечки углистых сланцев. В верхней части пачки содержится 12 культурный горизонт. Литологически слои пачки 15 выделены в разведочном шурфе. Мощность – 0,40–0,50 м

16. Галечно-валунная толща с песчано-суглинистым заполнением. Отдельные валуны имеют размеры 1×2 м и несколько более. Толща налагается

непосредственно на коренные отложения углистых сланцев витимской серии с резко выраженным наклонным положением и несогласием слоёв. На 17 метров продольной стенки раскопа падение кровли галечно-валунной толщи составляет 1,4 м, в поперечном простирании на 11 метров падение кровли галечно-валунной толщи составляет 1,1 м. Аллювиальные рыхлые осадки в нижней части имеют наклоны, в простирании совпадающие с наклоном коренного основания и кровли галечно-валунной толщи. Вверх по разрезу тонкие осадки постепенно выравнивают террасовое тело за счёт выклинивания к тыловому шву прослоек и увеличению их мощности по мере простирания в направлении к внешним бровкам. Мощность – до 0,50 м и более.

Между 7 (12380+250 л.н. – ГИН-6467) и 8 (12630+230 л.н. – ГИН-6468), а также между 4Б (11740+120 л.н. – ГИН-6462) и 4В (не позднее 12050+120 л.н. – ГИН-8472) культурными горизонтами фиксируются две генерации морозобойных трещин, причем верхняя, более мощная разрывает культуровмещающие отложения на глубину до 2 м.

Общая мощность разреза – более 3,5 м.

По мнению В.М. Белоусова и Е.М. Инешина (Белоусов В.М. и др., 1990; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 77–78), структура и состав осадков свидетельствуют о том, что они формировались в условиях развития достаточно обширной поймы Витима с озерными старицами, периодически функционирующими протоками и системой прирусловых валов. В ее пределах в течение конца верхнего плейстоцена – раннего голоцена происходило ритмичное накопление тонкослоистых мелкозернистых отложений с горизонтами облессования и формирования зачаточных погребенных почв. В гидрологическом отношении водный поток был слабее современного. В раннеголоценовое (бореальное) время в связи с интенсивным таянием ледников, выбросом в Витим значительных объёмов воды и рыхлого материала через притоки Мамакан, Бисяга и Бодайбо происходила миграция русла Витима от правого борта долины к левому, с образованием системы прирусловых валов, причленяющихся иногда к коренным останцам обтекания.

В отложениях этих причлененных террас залегают местонахождения Мамакан III–IV (рис. 85). В раннем голоцене в данном районе на Витиме существовала обширная пойменная долина с открытым облужованным пространством, которое служило природной нишей для обитания стадных животных, таких как лошадь, бизон.

Результаты последних лет изучения стратиграфии рыхлых культуровмещающих отложений на местонахождениях Коврижка I–V, расположенных в 2 км ниже по течению от рч. Большого Якоря позволяют дополнить хроностратиграфическую характеристику памятника.

На 11-метровой террасе Коврижки IV, на отметках 8–10 м над урезом Витима залегают отложения пойменного аллювия, датированные по культурным остаткам возрастом около 16–15 тыс. радиоуглеродн. л.н. Они перекрыты паводковыми горизонтами, размывшими все, что могло накопиться после этого возраста. Пачка пойменных отложений Большого Якоря I залегает на уровне 12–14 метров над урезом Витима. Значит в этот период, когда на Коврижке IV преобладал смыв над осадконакоплением аллювиальное накопление имело место на Большом Ягоре I. Затем новый эпизод витимских паводков после 11,7 и до 11,4 тыс. радиоуглеродн. л.н. эродировал террасу Большого Якоря и формировал пойменный аллювий на 17–18-метровой второй надпойменной террасе Коврижки II, в которые вошел 5 культурный горизонт. В эпизоде этих новых высоких паводков на террасе Большого Якоря также имела место эрозия. Последний эпизод витимских паводков высокого подъема документирует разрез Коврижки V, расположенной на 10–11-метровой террасе. Он прекратился около 7,5 тыс. радиоуглеродн. л.н., судя по дате 1 культ. гор. из подошвы субаэральной пачки. После это началось формирование пачки субаэральных отложений на Большом Ягоре I.

В пачке аллювиальных отложений выделено 20 культурных горизонтов. Верхние, 1, 2, 2А, 3 культурные горизонты, относящиеся к эпохе неолита–палеометалла, залегают в отложениях субаэрального генезиса. Возраст

основной массы культурных горизонтов (3А, 3Б, 3В, 4, 4А, 4Б, 4В, 5, 5А, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 к.г.) по радиоуглеродным датам, укладывается в хронологические пределы 11,5-12,7 тыс. рад. л.н. (табл. 1). Таким образом, пойменная часть аллювия мощностью 3,2 м накапливалась за временной промежуток немногим более 1200 лет. Отложения, вмещающие культурные остатки, являются пойменным аллювием, сформировавшимся Витимом при участии рч. Большой Якорь. Общая вскрытая площадь памятника составляет 104 кв. м.

Устьевой мыс рч. Большой Якорь и р. Витим представлен 9–10-метровой террасой, состыкованной с 13–14-метровой террасой местонахождения Большой Якорь I. В траншее, заложенной на стыке этих двух террасовых тел, фиксируется неровный стык террасовых тел, носящий зигзагообразный характер с деформацией прослоев вызванных процессами перемывов и замывов.

Верхние 1, 2, 2А, 3 культурные горизонты Большого Якоря I относились к неолиту – эпохе бронзы. Нижний, 3 культурный горизонт содержал одно скребло, один скребок, 106 призматических пластинок, 516 отщепов, галька кварцита, 28 фрагментов керамики крайне плохой сохранности, 47 фрагментов костей млекопитающих. Фрагменты керамики имели отпечатки сетки-плетенки (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 203). К сожалению, Пачка верхних, субаэральных отложений, содержащих комплекс голоценовых культурных горизонтов, была уничтожена дорожным строительством в конце 1980-х гг.

Палеолитические комплексы Большого Якоря I

Нижние 3А, 3Б, 3В, 4, 4А, 4Б, 4В, 5, 6, 7, 8, 9 культурные горизонты по морфологии каменных артефактов однородны и, видимо, однокультурны. Судя по радиоуглеродным определениям, за основу которых мы берем серию дат, выполненных в Радиоуглеродной лаборатории ГИН, некалиброванный хронологический интервал их формирования составляет 12,7–11,7 тыс. л.н., или около 15,1–13,6 тыс. календарных лет назад.

Они представляют собою очаги со скоплениями культурных остатков (рис. 97–100). В ряде случаев выделены парные очажные структуры (рис. 98, 99). Аранжировка камнями очагов различна вплоть до регулярных кольцевых выкладок на угли.

Наиболее многочисленны 6 (55645 ед. каменных артефактов), 5 (28462 ед.), 4Б (17800 ед.) и 7 (16850 ед.) культурные горизонты.

3А–9 культурные горизонты Большого Якоря I отличает «устойчивое присутствие поперечных трансверсальных резцов с характерной во многих случаях вогнутой скошенностью тела резца у рабочей точки (рис. 101.1-5), клиновидных нуклеусов, полученных из бифасов снятием лыжевидных и краевых сколов (рис. 102.6), округлых скребков из отщепов (рис. 101.6) и ассиметричных листовидных бифасов – скребел, ножей и преформ для нуклеусов (рис. 102.1-5). В горизонтах с более бедной деятельностной ситуацией возможно выпадение или численное сокращение каких-то из названных типов (в частности, резцов). Но в целом, все горизонты, и прежде всего 3В, 4Б, 5, 6, 7, 8 и 9 к.г., демонстрируют единообразие типологии орудийных наборов» (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 209).

Характерна техника изготовления бифаса, затем многофункционального использования его как орудия, редуцирования снятием краевого и лыжевидных продольных сколов с целью модификации орудия и подготовки ударной площадки для использования остаточной формы как клиновидного нуклеуса. В основе идеи изготовления нуклеуса эта технологическая линия относится к технике юбецу, она описана как бифасиально–микропластинчатая стратегия расщепления (рис. 102.6, 103, 104) (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 217–218).

Исходные бифасы были, чаще всего, ассиметричной формы с выпуклым продольным краем-лезвием и противолежащим спрямленным краем-обушком. В некоторых случаях бифасиальной обработкой оформлялось только лезвие (т.е. часть периметра) изделия. Система редукиции бифаса включала в себя продольный раскрой снятием краевого и лыжевидного сколов

и нуклеарное – микропластинчатое терминальное расщепление с подготовленной таким образом ударной площадки. Аппликационный блок и трассологический анализ, проведенный Н.А. Кононенко, показывают, что утилизация краев-кромки бифаса осуществлялась на всех стадиях его редукиции. Встречены случаи: а) использование ребра исходного (внешнего) периметра бифаса в качестве лезвия ножа или скребла, б) утилизация в роли скребла после предварительной подготовки ребра между редуцированным фасом и поверхностью-негативом, полученной от снятия лыжевидного скола; в) амортизация терминальной кромки рассеченного бифаса и снятого скола в функции скребла, резца, скобеля (рис. 102.6, 103, 104). Судя по полученным данным, каждая новая операция редукирования бифаса определялась не стержневой идеей производства нуклеуса-заготовки, а текущими потребностями, возникающими в процессе деятельности: подживлением лезвия, переоформлением орудия. В нуклеарную стадию расщепления бифаса могло быть переведено, по-видимому, при возникновении соответствующей потребности. В ряде случаев сборки не демонстрируют нам наступление этой стадии. С другой стороны, своеобразным явлением стал факт терминального микропластинчатого расщепления лыжевидных сколов в 7 культурном горизонте при том, что сам редуцированный остаток преформы нуклеарному расщеплению не подвергался.

Материалы Большого Якоря I в представленном объеме впервые дали возможность проследить многочисленные варианты модификации общего принципа расщепления. Это и 1) фасиальное дооформление латералей нуклеуса после снятия последнего лыжевидного скола (рис. 104.1), 2) дооформление латералей в ходе нуклеарного расщепления (рис. 104.3), 3) микропластинчатое расщепление с обоих терминальных концов бифаса-нуклеуса после снятия лыжевидного скола (рис. 104.2), 4) снятие лыжевидных и краевого сколов с противоположных концов бифаса (рис. 104.4), 5) нуклеарное расщепление лыжевидных сколов (рис. 104.5), 6) переоформление последних в трансверсальные резцы (рис. 104.7А), 7) подправка полученной

ударной площадки серий фронтальных коротких подживляющих сколов (рис. 104.7В), 8) использование технологии для получения нуклеидного орудия с рабочей торцевой кромкой (рис. 104.6), 9) фасиальное оформление лезвий на краю продольного рассечения бифаса (Рис. 103.1,2), 10) использование обломка бифаса в качестве резца и получение резцового скола (рис. 104.8), 11) оформление скребка и трансверсального резца из отщепа утоньшения бифаса-орудия (рис. 104.9,10).

Осмысляя реконструируемую реальность расщепления, Е.М. Инешин и А.В. Тетенькин ввели понятие «принцип адаптивной вариабельности» (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2000, 2010, с. 217) как потенциал решений деятельностных задач, планируемый в бифасе и арсенале используемых технических приемов, и реализуемый в системе расщепления в зависимости от потребности момента. По сути, можно вести речь о глубине планирования, заложенной в технической идее бифаса. Использование деятельностных схем в анализе аппликационных блоков позволило описать размерность (динамику) процессов деятельности. Например, выделено было до 15 актов изготовления-редуцирования (пассивного функционирования) и орудийной эксплуатации бифаса (активное функционирование). Число этих актов деятельности является выражением интенсивности деятельностной нагрузки, полифункциональности, ценности артефакта в системе технических и хозяйственных стратегий, контролируемой цикличности процессов деятельности.

Характерной типологической чертой ряда бифасов из 9, 8, 6 и 5 культурных горизонтов является скошенный к лезвию обушок-пятка (рис. 102.1,2). Все данные бифасы найдены в остаточных формах, т.е. не были подвержены дальнейшему расщеплению. Возможно, здесь специфическая морфология является исключительно орудийной специализацией данного типа бифасов. По наблюдениям В.Г. Аргунова (Якутский госуниверситет; устное сообщение), бифасы со скошенным к лезвию обушком довольно часто встречаются в дюктайских комплексах археологических памятников Якутии.

В целом, систему расщепления бифаса можно сравнивать с техникой «юбецу», известной, конечно, не только в Японии, но и в регионах Средней и Восточной Сибири: в Прибайкалье, Забайкалье Японии (Morlan R., 1967; Васильевский, Лавров, Чан Су Бу, 1982, с. 50–52; Nakazawa Y. et al., 2005, p. 280–282; Аксенов М.П., 1980, Рис. 13–2, 3, 18–1-5; Медведев Г.И. и др., 2001, Рис. 50–9; Лежненко И.Л., 1991, Рис. 7 – 3, 4, 5; Ташак В.И., 2000, с. 174, Рис. 4. 1–4; Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон, 1998, Рис. VI–А.1.1, А.1.2, VIII–А.3.1, А.3.2, IX–А.3.4, XI–Б.2, XIII–Г.10; Gómez Coutouly Y.A., 2011, p. 83; Gómez Coutouly Y.A., Ponkratova I.Y., 2016, p. 313).

Унифасиально-отщеповая стратегия расщепления, также в различной степени представленная в 9–3В к.г. Большого Якоря I, состоит в технически простом производстве отщепа, лаконичном краевом ретушировании по одному фасу и скоротечном, одноактном орудийном использовании (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 219–220).

Этот, отличный от бифасов тип адаптационной стратегии представляет собой производимое на месте расщепление галек с получением сколов, отщепов, или пластинчатых отщепов как исходной орудийной преформы. Изготовление орудия в этом случае далее ограничивалось нанесением ударной краевой ретуши, не меняя существенно общего контура заготовки. В ряде случаев ретушь имеет рабочий характер, то есть скол использовался как орудие без вторичной обработки. Оформление лезвия, как правило, производилось по более выпуклому фасу, дорсальному или вентральному в зависимости от изначальной формы скола. В большинстве случаев для дислокации лезвия выбирался выпуклый длинный край скола/отщепа – дистальный, либо маргинальный-боковой. Единичные случаи из 6 к.г. (рис. 105.2,4) демонстрируют существенное переоформление фаса вторичной обработкой и модификацию, таким образом, контуров и размеров орудия. В ряде случаев наблюдалась подправка арьерфаса локальной ретушью в районе ударного бугорка или рабочего лезвия (рис. 101.8, 105.2,5). В двух случаях 4Б и 7 к.г. (рис. 105.1,3) лезвие на скол нанесено бифасиальной краевой ретушью.

Отщепы среднего размера (т.е. до 5 см в длину) становились также заготовками морфологически выраженных скребков и резцов.

Первичное расщепление, в целом, имело непластинчатый характер. С помощью аппликации и морфологического анализа реконструируются бессистемный, радиальный, параллельный принципы расщепления галек. Характерно при этом отсутствие в коллекции 3А-9 культурных горизонтов Большого Якоря I типичных чопперов и чоппингов, вообще говоря, обязательных для верхнего палеолита Восточной Сибири, дюктайской культуры Якутии, в частности, и найденных на соседних стоянках Авдеиха и Коврижка II и III (рис. 178, 160, 167, 168). Аппликационные сборки дают возможность представить нуклеусы в начальной стадии расщепления как чопперовидные формы, но характерно отсутствие конечных таких форм среди орудий.

Технологическая цепочка «отщеповое расщепление галек-нуклеусов – изготовление из сколов унифасиальных орудий» имела ряд адапционных особенностей. Во-первых, она предполагала экстенсивное расходование доступного местного каменного сырья. Во-вторых, способы оформления орудий одной лишь краевой ретушью могут быть отнесены к числу наиболее простых, быстрых и наиболее архаичных. Быстрота оформления орудия, доступность сырья не предполагают рачительного использования орудий (то есть реутилизации, переоформлений артефакта). По всей видимости, такие орудия были одноразовыми и за пределы стоянки не уносились.

Технология расщепления – орудийно-нуклеарной утилизации бифасов – орудийной утилизации технических отходов как способ адаптации также имеет свои специфические характеристики. Во-первых, эта технологическая линия предполагает рачительный ресурсосберегающий подход к сырью, что выразилось, в частности, в многократном переоформлении и реутилизации бифасов, использовании качественного сырья – аргиллита и горного хрусталя. Во-вторых, это приход людей на местонахождение с уже изготовленными орудиями, расщепление на стоянке означало лишь их утилизацию –

переоформление. В-третьих, как выше уже упоминалось, в саму идею расщепления бифаса заложено планирование возможных деятельностных ситуаций и, соответственно, некоторый расчет длительности использования бифаса. В-четвертых, основная задача микропластинчатого расщепления редуцированных бифасов была в получении лезвий-вкладышей для составных пазовых охотничьих орудий. Об этом очевидно свидетельствует находка пазового наконечника с сохранившимися в нем вкладышами в 6 к.г. Идея утилизации бифаса была, прежде всего, связана с охотой и первичной разделкой добычи, причем в местах, не обеспеченных в достаточной мере поделочным каменным сырьем, либо в ситуациях отсутствия времени на поиск сырья и первичное расщепление. Иными словами, ситуации эти – суть охота, кратковременный лагерь мобильных групп, зима.

В рамках предложенной аргументации бифасиальная и унифасиальная линии имеют различия адаптационного характера. Но при этом они не являются взаимоисключающими. Наличие обеих стратегий расщеплений в культуре древних охотников давало возможность выбора технического решения, наиболее подходящего для каждого конкретного случая. В материалах Большого Якоря I зафиксирован ряд случаев «смежных» для обеих технологических комплексов: 1) изготовление бифасов из сколов; 2) техническую близость дисковидных нуклеусов и плоских бифасов и эпизодичное использование бифасов как дисковидных нуклеусов для получения отщепов утоньшения бифаса. Коллекции культурных горизонтов демонстрируют наличие в разных пропорциях как бифасиальных, так и унифасиальных орудийных наборов, в частности, в 4Б, 5, 6 к.г.

Среди костяных орудий Большого Якоря следует отметить пазовый наконечник копья с сохранившимися в пазах пятью лезвиями из микропластин, наконечники с притупленным концом, иголки и гарпун (рис. 101.10–13). Ряд артефактов из графита (графитита) в виде «мелка», «пудреницы», грушевидной формы с высверленным отверстием

характеризует вид деятельности, использовавшей графит как красящий пигмент (рис. 106).

Инвентарь, планиграфия, фауна плейстоценовых культурных горизонтов Большого Якоря I демонстрируют деятельностные ситуации в различной степени развития от простейших эпизодов кратковременных остановок с организацией одного очага (например, 3А, 3Б, 3В, 4, 4А, 4В к.г.), до относительно долговременных стоянок со сложной многоочажной структурой жилого пространства. Наиболее сложный комплекс 6 культурного горизонта имеет 6 очагов (рис. 98). Характерной особенностью планиграфии являются пары близкорасположенных друг к другу очагов, так называемые, парные очажные структуры. Они были зафиксированы в 5, 6 и 7 культурных горизонтах (рис. 97–99). Была предложена аргументация принадлежности очагов в парных структурах к единым для них эпизодам обитания, в которых один очаг был более ранний, стягивал на себя большее количество деятельностных операций, разворачивавшихся вокруг него. Второй очаг возникал со временем в результате расширения обитаемого пространства как дополняющий элемент развития деятельностной ситуации. Для 5, 6 и 7 к.г. выявлена также резцовая специализация более ранних очагов в парных структурах. По характеру отсутствия культурных остатков у очагов, либо наоборот компактного их наличия высказано предположение о существовании легких наземных жилищ в 3В, 7 и 8 культурных горизонтах.

Наличие краниальных остатков (череп, челюсти, зубы, рога) и костей нижних конечностей крупных животных выступило основанием для вывода о функциональной специфике культурных горизонтов как кратковременных охотничьих лагерей типа *kill-site* с разделкой и подготовкой к транспортировке добытых туш. Однако, для стоянок 4Б, 5, 6, 7 культурных горизонтов эта функция была не единственной. Наличие в них немногочисленных определенных костных остатков от мясных частей туши северного оленя, промысел и потребление мелких видов животных говорят о более сложной функциональной картине стоянок этих четырех наиболее презентативных

горизонтов. Именно эти материалы выступают в качестве аргументов для предположений о большей продолжительности обитания, возможно большем числе обитателей, ином половозрастном профиле первобытных коллективов, чем просто охотничья группа взрослых мужчин, занимающаяся заготовкой мяса. На стоянках этих горизонтов осуществлялся большой набор видов деятельности, в том числе и «жилых», то есть не связанных прямо с добычей ресурсов в пределах оперативного промыслового доступа со стоянки. Аргументами в их пользу являются и более представительные наборы каменных и костяных орудий из этих культурных горизонтов. Заготовка мяса впрямую была основным видом деятельности обитателей Большого Якоря. По определенным костям Е.М. Инешин и А.В. Тетенькин произвели расчет, что добыто и унесено было от 300 кг (8, 4Б культурные горизонты) до 700 кг полезного веса туш крупных животных (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 253). Однако при этом вопрос питания на самой стоянке, в основном, решался за счет добычи мелкой фауны: рыб, зайца, песца, птиц. Лишь в случаях наиболее продолжительных и сложных деятельностных ситуаций 7, 6 и 5 культурных горизонтов выявлено также и потребление отдельных мясных частей крупных туш (северного оленя, овцебыка).

Судя по видам животных, промысловой эксплуатации подвергались все доступные виды животных и все существовавшие типы ландшафтов, размещенные в пределах оперативного охотничьего доступа со стоянки – от водораздела до днищ долин собственно Витима и его притока Большого Якоря. Специализация охоты на каком-либо виде не прослеживается. В непосредственной близости от стоянки был реализован рыболовный промысел по старицам и протокам на реке на щуку и окуня. Лошадь, бизон и овцебык, характеризующие собой открытый степной ландшафт, с включениями тундровых пятен, могли добываться по долине Витима. Лось, благородный олень, волк, заяц свидетельствуют об освоении людьми и редколесных ландшафтов. Северный олень и снежный баран и благородный олень, могли

быть добыты в пределах водораздельных или близких к водораздельным тундровым или альпийским типам ландшафтов.

Добыча и потребление в пищу малоценных видов – песца и, возможно, лемминга, характеризующее практически тотальным расщеплением трубчатых костей с целью получения костного мозга, позволили сделать вывод о предельно полной эксплуатации всех доступных зооресурсов.

Реконструкция деятельностных ситуаций нижних 3А-9 культурных горизонтов Большого Якоря I позволила увидеть сложную, нюансированную картину обитания, представленную развитием процессов деятельности от простейших и кратких эпизодов в сторону усложнения. При этом все стоянки в той или иной степени временные, в той или иной степени имели функции разделочного лагеря. Определение их в одну для всех категорию временного лагеря типа *kill-site* будет существенным упрощением реальной картины. Большая сложность деятельностных ситуаций 4Б, 5, 6 и 7 культурных горизонтов в сравнении с маломощными 3А, 3Б, 3В, 4, 4А к.г. выражена в большем и более разнообразном наборе орудий, большем спектре сфер деятельности, большей продолжительности обитания, обеспеченной потреблением малоценных видов наземной фауны, птиц и рыб. Е.М. Инешин и А.В. Тетенькини предположили, что за этим стоит не только большая продолжительность эпизодов обитания, но и больший половозрастной состав обитателей (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 251–255).

Ярко выраженный бифасиальный характер индустрии 3А–9 культурных горизонтов Большого Якоря I вместе с общими для позднего верхнего палеолита Восточной Сибири признаками в лице скребел, скребков, ретушированных отщепов и сколов, галечных нуклеусов стал основанием для Е.М. Инешина для корреляции индустрии Большого Якоря I с дюктайской культурой Якутии (Мочанов Ю.А., 1977; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 209). Эта оценка сохранилась на последующие годы как основная. С другой стороны, на начальном этапе изучения Большого Якоря I Е.М. Инешин

соотносил его также с верхоленской мезолитической культурой Западного Прибайкалья (Белоусов В.М. и др., 1990, с. 64).

После последних на Большом Ягоре I раскопок 1998 года исследования были перенесены на Инвалидный III, Мамакан VI, Коврижку I-V. Эти новые материалы позволили составить представления о культуре населения нижнего Витима до и после времени существования палеолитических стоянок Большого Ягора I. Практически, сразу за их временем, около 11,5–10,4 тыс. радиоуглеродн. л.н. датируются 2 и 3 культурные горизонты Коврижки III, 5 культурный горизонт Коврижки II, 2 культурный горизонт Коврижки IV. К раннему голоцену, около 9–8 тыс. радиоуглеродн. л.н. принадлежат 3, 4, 4А культурные горизонты Коврижки II, 1 и 1А культурные горизонты Коврижки III, 1-е культурные горизонты Инвалидного III – пунктов 1, 2 и 3. Время, предшествовавшее эпизодам обитания на Большом Ягоре I, представлено четырнадцатью культурными горизонтами Коврижки IV (16–15 тыс. радиоуглеродн. л.н.). В этой хронологической схеме горизонты Большого Ягора I занимают определенную возрастную позицию, разнообразно характеризуя культуру древнего населения. Тафономическое богатство Большого Ягора I и пристальное к нему научное внимание позволили составить комплексную, многоаспектную характеристику, в последующем ставшую эталонной для археологии нижнего Витима.

Однако стоянки 2 и 3 культурных горизонтов Коврижки III продемонстрировали отсутствие юбецу-большеякорской техники расщепления бифаса и подготовки клиновидного нуклеуса. Они содержали иные формы клиновидных нуклеусов с ретушированной площадкой, аналогичные нуклеусам из коллекции стоянки Авдеиха. 3, 4 и 4А культурные горизонты Коврижки II в этом вопросе также были близки им. Эти комплексы составили группу ансамблей типа Авдеихи. А в 2003 году на Инвалидном III – пункте 1 в 1 культурном горизонте возрастом около 6,0 тыс. радиоуглеродн. л.н. был открыт комплекс с юбецу-большеякорской индустрией расщепления бифасов и подготовки нуклеусов. Стало ясно, что эта техническая традиция

существовала и в начале голоцена. В итоге возникла ситуация вариабельности финального палеолита на нижнем Витиме (Тетенькин А.В., 2011, 2018). В 2015–2016 гг. во 2Б культурном горизонте Коврижки IV были найдены реберчатый и лыжевидный сколы с бифаса, снятые в технике юбецу вместе с многочисленными материалами коврижской техники подготовки клиновидных нуклеусов. Этот горизонт датируется временем около 15,3 тыс. радиоуглеродн. л.н. (18,4 тыс. календарн. л.н.). Таким образом, время появления юбецу-большеякорской технической было удревнено. При этом она была обнаружена в одном комплексе с коврижской техникой, ключевой для ансамблей типа Авдеихи (Тетенькин А.В., 2011, 2017).

На верхнем Витиме в 7 культурном горизонте Усть-Каренги I-XVI клиновидные микропластинчатые нуклеусы, оформленные из бифасов в технике юбецу, также найдены (Ветров В.М., 1995). Вместе с ними устойчиво коррелируемым типом стали трансверсальные резцы. Вместе с данными по эксплуатации на Усть-Каренге и Большом Якорь экзотических пород графитита, аргиллита из, вероятно, одних источников эти аналогии послужили Е.М. Инешину основанием для выдвижения гипотезы о принадлежности обоих памятников к одной группе населения (об этом, например: Ветров В.М., Инешин Е.М., Пежемский Д.В., 2016, с. 138).

4. Группа стоянок Коврижка I–V

Первый археологический материал на местонахождении Коврижка был обнаружен А.В. Тетенькиным в 1995 г. во время работы Бодайбинского отряда (руководитель Е.М. Инешин) Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии ИАИЭ - ИГУ на памятнике Большой Якорь I. Руководителем всех последующих работ на ансамбле местонахождений Коврижка является А.В. Тетенькин. Первые артефакты были найдены на пляже, а также в борту и на дне карьера на 17-19-метровой террасе, на правом берегу Витима, в 2,5 км ниже по течению от Большого Якоря I (рис. 1, 2, 84, 107, 108) (Тетенькин А.В., 1996, 2000). На этом основании были выделены Коврижка I и II. Шурфовочные разведочные работы, проводившиеся в последующие годы, показали

залегание артефактов на всех уровнях борта долины от 9 до 33 метров относительной высоты (рис. 108). В 2003 г. на базе шурфа 1 на 22-метровой террасе выделен пункт Коврижка III. В 2007 г. на базе шурфа 10 на 9-11-метровой террасе выделен пункт Коврижка IV. В 2002 г. урочище Коврижка было вписано в модель развития рельефа Мамаканского геоархеологического микрорайона, разрабатываемого Е.М. Инешиным, В.М. Белоусовым и автором (Белоусов В.М. и др., 2002), который в субординационной схеме геоархеологического районирования Байкальской Сибири занял статус геоархеологического субрайона в структуре «Бодайбинского геоархеологического района оперативной перспективы» (Медведев Г.И. и др., 1996). В 2012 г. на базе шурфа 12 на участке 1-ой надпойменной 9-11-метровой террасы ниже по течению от пункта Коврижка I выделено местонахождение Коврижка V.

В исследовании археологических комплексов Коврижки принимали участие специалисты различных естественно-научных дисциплин. Вопросами геоморфологии, геологии, петрографии существенную помощь оказали В.М. Белоусов (географический ф-т ИГУ), Е.Е. Кононов (кафедра геологической съемки, поиска и разведки месторождений полезных ископаемых ИрГТУ), С.Г. и А.В. Аржанниковы (Институт Земной коры СО РАН), петрографическим анализам артефактов занимались А.С. Механошин (кафедра геологии и геохимии полезных ископаемых ИрГТУ), Е.И. Демонтерова и А.В. Иванов (Институт Земной коры СО РАН), Е.В. Канева (Институт геохимии СО РАН), споро-пыльцевые образцы были изучены Н.В. Кулагиной (ИЗК СО РАН), палеонтологические определения произведены А.М. Клементьевым (ЛДТ ИрГТУ), энтомологические определения сделаны В.Г. Шиленковым (биологический ф-т ИГУ). Антракологическими определениями пород древесины занималась А. Анри (Университет Ниццы–Софии–Антиполиса, Франция). Палеомагнитные исследования очажных камней стоянки Коврижка IV сделаны Н.В. Сальной (Институт физики Земли РАН), Трассологические исследования проводили в разное время Н.Ю.

Кунгурова (НПЦСИКН, Барнаул), Ж. Жакье (Университет г. Ренн, Франция) и Э. Говри Ру (Университет Лазурного Берега, Ницца, Франция), Г.Н. Поплевко (ИИМК РАН). Большую и всестороннюю поддержку и помощь в организации работ и исследованиях на начальном периоде оказал Е.М. Инешин (ИЛАП ИАЭТ–ИГУ, ЛДТ ИрГТУ). В ряде сезонов в раскопках принимали участие Х. Смит (Техасский А&М университет, США), А. Анри (Университет Ниццы–Софии–Антиполиса, Франция), Ж. Жакье (Университет г. Ренн, Франция), Э. Говри Ру (Университет Лазурного Берега, Ницца, Франция), А.А. Уланов (ИГУ), Д.Л. Шергин (ИГУ). Ряд сезонов на Коврижке работали школьники гг. Бодайбо и Томска под руководством Н.А. Егоровой.

4.1. Коврижка IV

Стоянка открыта А.В. Тетенькиным в 2004 г. в ходе проведения разведочных шурфовочных работ. Тогда был забит шурф (получивший общий порядковый номер 10), в котором выявлены первые культурные остатки: единичные отщепы. В 2007 г. разведочные работы на шурфе 10 были продолжены. Выявлены 5 уровней залегания археологического материала, из которых три нижних – в пойменных аллювиальных отложениях. Данное местонахождение отделено ложком от участка террасы, содержащего шурф 3, по которому в свое время был выделен пункт Коврижка I. Стратиграфия шурфа 10 показала наличие стратифицированных культурных горизонтов в аллювиальных отложениях в ситуации относительно спокойного залегания, стратиграфически ниже культурных остатков Коврижки I, вмещенных в отложения субаэральной пачки. На этих основаниях шурф 10 с прилегающим участком террасы был выделен в отдельное местонахождение Коврижка IV. На уровне 5 к.г. на глубине 1,15 м был обнаружен столбик норы землеройного животного высотой около 8 см, перекрытый аллювием. Из угля в его заполнении получена первая радиоуглеродная дата - 7940 ± 205 л.н. (СОАН-7294). В 2009 г. опубликованы первые сведения о памятнике (Тетенькин, 2009).

В 2012 г. в ходе расширения площади пикета на базе изначального шурфа в аллювиальных отложениях были выделены 3А и 3Б культурные горизонты. В раскопках приняла участие Х. Смит, аспирантка Центра по изучению первых американцев Техасского А&М Университета. В 6 культурном горизонте выявлен фрагмент жилой площадки, определенный теперь как наиболее перспективный на памятнике. По валовой пробе угля со слоя была получена дата 8350 ± 120 л.н. (СОАН-8839).

В 2014–2015 гг. были продолжены раскопки выявленного комплекса остатков жилища в 6 культурном горизонте (Тетенькин А.В., 2014а, 2016). В его пределах была найдена бивневая антропоморфная фигура. Еще одна фигура из бивневой пластины с менее очевидными признаками была найдена в привходовой зоне. Обе отреставрированы Заведующим Лабораторией реставрации Кунсткамеры О.В. Жмур. Отдельный сюжет составило изучение охры, черного алеврита в наброске на очаг в центре жилища геохимическими методами, вместе с обеими антропоморфными фигурами связанное общей темой знаково-символической деятельности (Тетенькин А.В., Анри А., Клементьев А.М., 2017; Тетенькин, Жмур, Демонтерова и др., 2018).

Новый разворот исследования на Коврижке IV получили в результате значительного удревнения возраста культуровмещающих отложений на основе радиоуглеродного датирования. Была получена серия из 12 AMS дат в интервале 14,3–15,7 тыс. радиоуглеродн. л.н. В результате пачка культурных горизонтов в отложениях пойменного аллювия получила статус древнейших стратифицированных археологических комплексов в долине Витима.

В 2015 г. по завершению раскопок остатков жилища в 6 культурном горизонте были заложены шурфы для выяснения характера простираения культурных остатков по площади террасы. В результате принято решение о расширении раскопочной площади в направлении к реке.

В 2016 г. в результате прирезки новой раскопочной площади выявлен размыв пачки культуровмещающих аллювиальных отложений и наложение на размыв новой фации пойменного аллювия. В ней были выделены 2/1, 2А, 2Б,

2В, 2Г культурные горизонты. Произведены раскопки очажного комплекса 2Б культурного горизонта (Тетенькин А.В., Анри А., Клементьев А.В. и др., 2016). В них принимал участие археолог-трассолог Ж. Жакье (Университет г. Ренн, Франция).

В 2016–2018 гг. проведены раскопки остатков жилища в культурном горизонте 2Г. Первоначально этот комплекс был принят за 6-й культурный горизонт, не попавший под размыв. Однако, полученные радиоуглеродные даты около 15,32 и 15,36 тыс. радиоуглеродн. л.н., а затем полноценная стратиграфическая привязка, показали, что это новый, более молодой археологический комплекс, получивший обозначение 2Г. В 2017 г. в раскопках приняли участие А. Анри (Университет Ницца-София-Антиполис, Франция), в 2018 г. – Дж. Блонг (Университет г. Ньюкастл, Великобритания). В 2018 г. найдены первые фрагменты керамики в 1 культурном горизонте.

В 2019 г. в исследовании стратиграфии отложений Коврижки IV приняли участие геоморфологи из Лаборатории современной геодинамики Института Земной коры СО РАН С.Г. и А.В. Аржанниковы. Изучение стратиграфии и хронологии культуровмещающих отложений Коврижки IV велось с учетом стратиграфии и радиоуглеродных дат остальных Коврижек I–III, V, а также стоянки Большой Якорь I. Были сняты вопросы характера размыва плейстоценовых аллювиальных отложений, характера и возраста субаэральных отложений, порядка залегания. В этом же году благодаря выходу на пятно концентрации впервые был охарактеризован 2 культурный горизонт. В итоге общее количество культурных горизонтов составило 16.

В исследовании Коврижки IV приняла участие антраколог А. Анри из Университета Ницца-София-Антиполис, Франция. Она – автор определения пород деревьев по углям из культурных горизонтов Коврижки III, IV. Геохимические исследования проводились коллективом специалистов Е.И.В, Демонтеровой, Г.В. Пашковой (Институт земной коры СО РАН, Иркутск), Е.В. Каневой (Институт геохимии СО РАН, Иркутск). Палеонтологические определения сделаны А.М. Клементьевым (Институт земной коры СО РАН,

Иркутск). Палеомагнитные исследования проведены Н.В. Сальной (Институт физики Земли, Москва). Консультации по геологии проводил Е.Е. Кононов (Институт географии СО РАН, Иркутск).

*Геоморфология, стратиграфия и радиоуглеродная хронология
местонахождения Коврижка IV.*

Рельеф имеет ступенчатый профиль, нижние формы которого представлены 1-й (9-11-метровой), 2-й (17-19-метровой) и 3-й (22-метровой) надпойменными террасами (рис. 108). Выше рыхлые отложения образованы склоновыми осадками, лежащими на цоколе. Ступенчатый характер борта долины осложнен поперечным ложково-грядовым рельефом куэстового, по мнению к.г.-м.н. Е. Е. Кононова (Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, Иркутск), происхождения: селективной денудацией моносинклинально залегающих горных пород. Коренные отложения представлены амфибол-гнейсами и пегматитами.

Местонахождение «Коврижка IV» расположено на 9-11-метровой надпойменной террасе с цокольным основанием, представляющим собой куэст, гипсометрически выраженный в виде гребня или гривы, вычлененного ложками (рис. 108, 109). Памятник дислоцирован на правом борту безымянного ручья, впадающего в р. Витим у мыса Коврижка (ниже по течению).

Общая мощность пройденных рыхлых отложений более 3,10 м. В северо-восточной части раскопа цоколь встречен на глубине 0,90 м, в южной – на глубине 1,20 м. В ходе стратиграфических работ установлен следующий порядок залегания рыхлых отложений (снизу вверх) (рис. 111).

1. Цоколь террасы перекрыт пачкой руслового галечного аллювия (аллювиальная фаза 1) состоящего из двух слоев. Слой 1 – песчано-гравийно-галечные отложения рыжего цвета с включениями разных валунов до 30 см в диаметре. Отложения несортированы. Мелкие разновидности слабоокатаны. Гальки и валуны окатаны хорошо. Видимая мощность – до 0,30 м и более. Слой 2 – песчано-галечно-гравийные отложения. Гальки хорошо окатаны, до

5 см в диаметре. Лежат хаотично, не сортированы. В заполнении песок хорошо сортированный, крупнозернистый, серого цвета. Из верхней части получена OSL-дата 39400 ± 4100 л.н. (Riso-208499).

2. На аллювий русловой фации наложена пачка пойменной аллювиальной фации, на части террасы размытая эрозионной паводковой деятельностью Витима (аллювиальная фаза 2). Слой 3 – пачка перемежающихся прослоев светло-серого песка и темно-серых супесей и алевритов. Мощность прослоев 2–4 см. В нижней части с обильным включением мелких окатанных сланцев в отдельных горизонтах. В верхней части в слойках темно-серой супеси, алеврита залегают сверху вниз 3А, 3Б, 4, 5, 6, 7 культурные горизонты. По 6 к.г. получены даты – 14790 ± 35 л.н. (UGAMS-27448), 15558 ± 103 л. н. (Ua-50437), 15740 ± 100 л. н. (LTL-16562A), 15750 ± 60 (Beta-453119), по 3Б к.г. получена дата 15520 ± 150 л.н. (Poz-131812). По простиранию пачка размыта (эрозионная фаза 1). Эрозионная линия ориентирована с запада на восток, на кончик мыса Коврижка. Поверхность размыва четкая, неровная, ступенчатая. Мощность 0,70–1,50 м.

3. На размыв наложен пойменный аллювий следующего цикла (аллювиальная фаза 2), литологически и структурно аналогичный предшествующему – ритмично и горизонтально слоистые пески, супеси и алевриты. Включают в себя в составе темно-серых слоев сверху вниз 2/1, 2А, 2Б, 2В, 2Г, 2Д, 3/1, 3/2 культурные горизонты. Получены даты по 2Б к.г. – 14940 ± 80 л.н. (Poz-106023), 15320 ± 100 л.н. (LTL-16563A), 15460 ± 80 л.н. (Poz-106962), по 2Г к.г. – 15360 ± 110 л.н. (Poz-111232), 15320 ± 80 л.н. (Poz-111356), 31000 ± 400 л.н. (Poz-106961) и 31200 ± 400 л.н. (Poz-106960), по 2Д к.г. - 15350 ± 150 л.н. (Poz-106968), по 3/2 к.г. – 15310 ± 160 л.н. (Poz-106965). Слои темно-серой супеси, содержащие 3/1 и 3/2 к.г., наложены на размыв, в северной части раскопа они наложены на неразмытую пачку 2, ближе к северному углу раскопа (пикет 36) и внешней бровке ложка они компрессионно сливаются в недифференцированный 3 культурный горизонт. Мощность 0,30–0,90 м.

4. Горизонт песка желтоватого, мелкозернистого, с окатанными кусочками черного сланца, подвержен криогенным деформациям. Является паводковым событием (эрозионная фаза 2). Горизонт растащен солифлюкционными процессами и проявляется в виде самостоятельного слоя, либо в виде инъекций – пятен. Мощность – 0,01–0,30 м.

5. Супесь светло-зеленая, светло-коричневая, неяснослоистая, субаэрального делювиально-солифлюкционного генезиса (субаэральная фаза 1). Содержит 2 культурный горизонт. Из подошвы заложена генерация криогенных трещин, формирующих полигональную сеть. В кровле растащенный горизонт погребенной почвы – плотной ярко-темно-коричневой супеси мощностью 0,02–0,05 м, содержащей древесные угли в большом количестве. По углям получены даты – 11260±60 л.н. (Poz-106967), 11440±60 л.н. (Poz-106963). В пикете 40 над горизонтом палеопочвы отмечается слоек светло-серой супеси паводкового происхождения (эрозионная фаза 3). Мощность – 0,05–0,20 м.

6. Супесь оранжево-желтая неяснослоистая, субаэрального делювиально-солифлюкционного генезиса (субаэральная фаза 2). Содержит 1 культурный горизонт. По фрагменту керамики получена дата – 8980±20 л.н. (Poz-107434). Мощность – 0,15–0,25 м.

7. Почвенно-растительный горизонт, оподзоленный в подошве. Мощность – 0,10–0,15 м.

Для аллювиальных отложений (слои 2–3) отмечены блоки отседания с вертикальным и горизонтальным смещением с амплитудой до 10 см.

Изначально отношение к возрасту культуровмещающих отложений на Коврижке IV строилось из общих представлений о голоценовом возрасте формирования 1-ой надпойменной 9–11-метровой террасы Витима. Об этом свидетельствовали все предшествующие археологические работы на памятниках, расположенных на этой террасе: Инвалидный III – пункты 1–3, Мамакан I–V, Коврижка I (Белоусов В.М. и др., 2002). Не противоречила этой возрастной оценке дата 7940±205 л.н. (СОАН-7294), полученная из углей

кротовины с уровня 5 культурного горизонта. Следующая дата, полученная осцилляционным методом с валового образца угля с 6 культурного горизонта 8350 ± 120 л. н. (COAH-8839), подтверждала эти представления. Однако, неожиданно первая AMS-радиоуглеродная дата 15558 ± 103 л. н. (Ua-50437) по кости из 6 культ. гор. значительно удревняла возраст. Для решения возникшего вопроса о возрасте 6 культурного горизонта были предприняты две неудачные попытки получить осцилляционным методом по валовым образцам угля еще две даты по 6 и 3 культурным горизонтам – 4400 ± 240 л.н. (JE-11117) и 3880 ± 140 л.н. (JE-11120) соответственно. Дальнейшим шагом было AMS-датирование двух образцов зубной эмали снежного барана из 6 и 3 культ. гор.: 14790 ± 35 л.н. (UGAMS-27448) и 14290 ± 30 л.н. (UGAMS-27447). Даты были сделаны по биоапатиту. Несмотря на то, что в специальной литературе биоапатит рассматривается как не слишком надежный источник, новые даты легли на чашу весов в пользу плейстоценовой датировки (Cherkinsky A., 2009; Zazzo A., Saliège J.-F., 2011). Более того, дата по 3 культ. гор. показала, что, по-видимому, не только 6 культ. гор. плейстоценового возраста, но и вся пачка культуровмещающих аллювиальных отложений. Участие в исследованиях Коврижки IV антраколога А. Анри принесло новые плоды. Были отдатированы образцы углей ивы, составляющей большинство определенных углей в горизонтах 6 и 2Б: 15740 ± 100 л.н. (LTL-16562A) и 15320 ± 100 л.н. (LTL-16563A). Затем из 2-го кострища в жилище 6 культурного горизонта по углю ивы была получена еще одна AMS-дата 15750 ± 60 л.н. (Beta-453119), оказавшаяся, практически, идентичной с предыдущей. Таким образом, три даты 15,55, 15,74 и 15,75 тыс. л.н. по 6 культ. гор. и дата 15,32 тыс. л.н. по 2Б культ. гор. поставили точку в вопросе о плейстоценовом возрасте аллювиальной культуровмещающей пачки. Эти горизонты оказались самыми древними в бассейне Витима четко стратифицированными археологическими комплексами. Следующим вкладом в радиоуглеродную хронологию стала новая серия из 12 AMS-дат:

- образец керамики из 1 культ. гор. (слой 6) - 8980 ± 20 л.н. (Poz-107434);

- два образца древесных углей из погребенной почвы между 1 и 2 культ. гор. (слой 5) - 11260±60 л.н. (Poz-106967), 11440±60 л.н. (Poz-106963);

- образцы кости 14940±80 л.н. (Poz-106023) и угля 15460±80 л.н. (Poz-106962) из 2Б культ. гор. (слой 3);

- уголь ивы 15320±80 л.н. (Poz-111356), уголь ивы из-под очажной плиты 15360±110 л.н. (Poz-111232), два образца угля 31000±400 л.н. (Poz-106961) и 31200±400 л.н. (Poz-106960) по 2Д культ. гор.;

- образец угля 15350±150 л.н. (Poz-106968) из 2Д культ. гор.;

- образец угля 15310±160 л.н. (Poz-106965) из 3/2 культ. гор.

- образец угля 15520±150 л.н. (Poz-131812) из 3Б культ. гор.

Даты по 2Б, 2Г, и 2Д культурным горизонтам ок. 15320, 15320 и 15360, 15350 л.н. показывают весьма незначительный хронологический разрыв между горизонтами и удовлетворительно согласуются друг с другом. Даты 32,0 и 32,1 тыс. л.н. по 2Г культурному горизонту на данный момент могут быть объяснены попадением в слой каргинской древесины, вымытой и принесенной рекой, подобранной людьми. Дата 15310±160 л.н. по 3/2 культурному горизонту должна быть удревнена в сторону +160 лет, поскольку 3/2 культ. гор. залегает стратиграфически ниже 2АБВГД горизонтов. Дата по кости 14940 л.н. из 2Б культ. гор. несколько моложе дат по углю из того же горизонта. Точно также дата 15558 л.н. по кости из 6 культурного горизонта моложе двух дат 15740 и 15750 л.н. Поскольку основная линия радиоуглеродных датировок построена по углю, и для 6, 2Б и 2Г культурных горизонтов образцы были определены как ива, и кустарниковая ива определена как абсолютно доминирующая в приочажных скоплениях углей, линия из дат по углю принята как опорная в радиоуглеродной хронологии Коврижки IV.

Возраст 2 культурного горизонта рассчитан исходя из того, что он перекрыт погребенной почвой с датами 11260 и 11440 л.н. Нижнюю возрастную границу интервала существования 2 культ. гор. контролирует дата по 5 культурному горизонту Коврижки II, расположенной на 17-19-метровой

террасе: 11190 ± 390 л.н. (СОАН-4543). В это время витимские паводки еще формировали пойму на участке нынешней второй террасы. Затем произошел врез Витима, и началось субаэральное осадконакопление на прежде затапливаемых уровнях борта долины, в том числе и на участке Коврижки IV, ныне 11-метровой террасы. Радиоуглеродные и стратиграфические данные определяют возрастную позицию 2 культурного горизонта в интервале около 11,5–11,2 тыс. л.н. / 13,2 – 13,0 тыс. кал. л.н.

Дата ок. 8980 л.н. по керамике получена непосредственно по углероду из глины теста сосуда. К сожалению, отданный на датирование образец не содержал ни нагара, ни органического отощителя. Поэтому полученная дата оценивается как невалидная, а именно удревненная. Гораздо более приемлемой является дата 7520 ± 140 л.н. (СОАН-8838), полученная по углю из 1 культурного горизонта Коврижки V, расположенной на этой же 9–10-метровой террасе в 90–180 ниже по течению р. Витим. В разрезе Коврижки V выявлено, что ее слагает пойменный аллювий раннеголоценового возраста. Например, дата по углю из 2 культурного горизонта в погребенном аллювиальном углефицированном горизонте почвы – 9940 ± 100 л.н. (СОАН-8837). В подошве субаэральной пачки находится 1 культурный горизонт с датой около 7,5 тыс. л.н. Из этого следует, что вплоть до данного возраста витимские паводки формировали пойменную фацию на участке Коврижки V. На участке Коврижки IV в это время имел место размыв, отмеченный паводковым слойком в кровле слоя 5 (эрозионная фаза 3). Следовательно, возраст 1 культ. гор. на Коврижке IV можно оценить около 7,5–7,0 тыс. л.н., когда возобновляется режим субаэрального осадконакопления, начатый на Коврижке IV около 11,5–11,2 тыс. л.н. и прерванный в раннем голоцене.

Паводковый горизонт (слой 4) уничтожил отложения, которые могли накопиться после 15 тыс. л.н. Сам эпизод возрастом до 11,5 тыс. л.н. логично связывать с перерывом осадконакопления на Большом Ягоре I. Там существует перерыв между аллювиальными плейстоценовыми отложениями и средне – позднеголоценовой субаэральной пачкой (Инешин Е.М., Тетенькин

А.В., 2010). Последний культурный горизонт в пойменной аллювиальной фации – 3А к.г. – имеет дату $11\ 750 \pm 190$ л.н. (ГИН-8980). Вероятно, возраст паводковой эрозионной фазы 2 (слой 4) может быть около 11,7 – 11,5 тыс. л.н.

Наиболее раннее эрозионное событие (эрозионная фаза 1) стратиграфически приходится между 3/2 и 3А культурными горизонтами. Его возраст около 15,5–15,4 тыс. л.н. Фиксируемая в разрезе линия размыва является эрозионной береговой кромкой. Вместе с 14-ю культурными горизонтами, из которых шесть отложены до размыва, а восемь – после, свидетельствуют о предпочтении людей селиться на пляжной береговой линии, непосредственно у уреза воды. В этой ландшафтной ситуации безопасно сезонные долговременные базовые лагеря могли существовать только во времена года с нулевой паводковой активностью – с осени по раннюю весну.

Нерешенным остается вопрос времени формирования руслового галечного аллювия (слой 1).

В итоге история осадконакопления на Коврижке IV реконструируется в следующих стадиях развития (рис. 111):

1. Отложения русловой фации аллювия, около 40 тыс. л.н.
2. Первая пачка пойменного аллювия, 16–15,5 тыс. рад. л.н.
3. Первая фаза (событие) размыва, 15,5–15,4 тыс. рад. л.н.
4. Вторая пачка пойменного аллювия, 15,4–15,3 тыс. рад. л.н.
5. Вторая фаза размыва, 11,7–11,5 тыс. рад. л.н.
6. Первая фаза субаэрального осадконакопления, 11,5–11,2 тыс. рад. л.н.
7. Третья фаза размыва, ранний голоцен – до 7,5 тыс. рад. л.н.
8. Вторая фаза субаэрального осадконакопления, 7,5 тыс. рад. л.н. – наши дни.

Выделено 16 культурных горизонтов: 14 горизонтов в аллювиальных отложениях возрастом около 16–15 тыс. рад. л.н., поздний верхний палеолит; 2-й культурный горизонт возрастом около 11,5–11,2 тыс. рад. л.н., финальный

палеолит; 1-й культурный горизонт возрастом около 7,5–7,0 тыс. рад. л.н., ранний неолит.

7-й культурный горизонт выделен по трем отщепам, найденным в подстилающем 6 к.г. слое сизого тонкозернистого песка, отделенном стерильной песчаной прослойкой мощностью не более 2 см.

6-й культурный горизонт

Тафономия

6 культурный горизонт залегает в кровле темно-серой прослойки тонкозернистого песка (литологический слой 8) мощностью 0,04-0,16 м. Собственно, толщина культурного слоя составляет около 1 см, в наиболее насыщенных участках достигает 2 см (рис. 110, 112). Все культурные остатки залегают в горизонтальной позиции. В пределах основного пятна концентрации слой насыщен частицами угля и гематита (рис. 113, 114). В результате присутствия последнего слой в большей или меньшей степени имеет розоватый прокрас. Через 1-е кострище и через всю радиальную структуру скопления культурных остатков проходит блок отседания, опустивший на своем полигоне поверхность культурного слоя на глубину до 9 см. Примечательно, что трещины отседания прошли через центр кострища, что дает повод полагать, что этот эпигенетический процесс развивался именно через пирогенно (техногенно) ослабленное место с измененными геофизическими свойствами. Второе кострище несет несколько значительно более мелких складок-трещин, сформировавших «морщинистую» поверхность культурного слоя (рис. 115).

Негативной особенностью тафономической ситуации является неудовлетворительная, слабая сохранность костных остатков, потребовавшая выработки особого подхода в раскопках. Относительно неплохо, благодаря эмали, сохранились зубы.

Погребение аллювием прошло достаточно спокойно. Подтверждением этому выводу служат тафономические данные по вышележащему 3 культурному горизонту, демонстрирующие, напротив, размыв водным

потоком, чему доказательством служит разноориентированное положение находок на ребре. Некоторой степени размыва как легкая фракция подверглись древесные углистые остатки.

Планиграфический рисунок 6 к.г., в котором выделяются те или иные зоны, структурирующие горизонт, нами оценивается как «несмазанный», избежавший палимпсеста наложенных проекций деятельностных ситуаций.

По 6 к.г. получены радиоуглеродные AMS-даты 14790±35 л.н. (UGAMS-27448) (биоапатит, зуб снежного барана), 15558±103 л. н. (Ua-50437) (кость), 15740±100 л. н. (LTL-16562A) (уголь, ива), 15750±60 (Beta – 453119) (уголь, ива). Наиболее валидными и опорными, по нашему мнению, являются даты по углям, идентифицированным как ива. Оба образца были взяты из двух кострищ жилища. Дата по биоапатиту оценивается как наименее надежная из приведенных здесь дат (Zazzo A., Saliège J.-F., 2011).

Планиграфия

Центральной частью композиции 6 к.г. является дуга из камней, задающая контур скопления культурных остатков (рис. 113.1, 114, 115). Она состоит из тринадцати камней, имеет вид полуокружности, крайние камни которой лежат по отношению друг к другу по линии «север – юг», и дуга выгнута на запад. Диаметр ее около 4,2 м. Внутри дуги в положении центра окружности радиусом около 1,5-1,8 м выявлено кострище (кострище №1) овальной формы размерами 1 × 0,80 м. Меньше чем в метре от него к северо-востоку и к бровке борта ложка находилось еще одно кострище №2 близких размеров.

Особенностью дугообразной каменной выкладки является, во-первых, ее пунктирный характер, во-вторых, наличие в ее составе трех пар камней (рис. 115. а, б, в). В каждой такой паре левый, по отношению к радиальному центру дуги, камень – это окатанный валун, а правый камень – неокатанная плоская плита. В каждой паре камни ориентированы под углом друг к другу и вершиной угла направлены в центр окружности. Крупные одиночные камни повторяют последовательность «плита–валун». К западу от дуги, на

расстоянии около метра от пары камней № 7 и 8 выявлена еще одна пара «плита–валун» (рис. 115.г). Средние размеры камней 0,28–0,35 × 0,17–0,27 м. Гнейсовая плитка №13 имеет размеры 0,11×0,7 м. Гнейсовые плитчатые отдельности № 4 и 5 имеют еще меньшие размеры 0,12×0,4 м (№4), 0,9×0,6 м (№5). Трудно сказать, было ли их появление в дуге выкладки намеренным, но нельзя не отметить их нахождение в линии. Плита №1 имеет длину 70 см. Окатанные валуны, как правило, гранитные, плиты – гнейсовые (слюдянисто-гнейсовые). Расстояние между отдельными камнями и каменными парами, в среднем, около 0,35 м, с максимальным и минимальными показателями 0,95 и 0,20 м.

Кострище в центре дуги (№1) имеет неясную периферию благодаря разносу углей в пределах всего «пола» жилого комплекса, внутри дуги выкладки (рис. 114). Скорее, его края можно маркировать по границе увеличения / уменьшения культурных остатков – чешуек, отщепов, фрагментов кости. «Жилая» зона между краями камней, обращенными внутрь дуги выкладки, и краем кострища-очага имеет длину радиуса около 1,4–1,6 метров. Разрезы очага показали в основании две углисто-сажистые микропрослойки и поверх них линзу жженного крупнозернистого песка с массовыми включениями мелких фрагментов жженной кости (рис. 115.д). Центр кострища, по-видимому, намеренно был засыпан обитателями черным алевритом. В составе наброски многочисленны фрагменты жженной кости и обожженные каменные артефакты. Размер неправильного по форме пятна песчаного наброса – около 1,0×1,20 м. По центру этого пятна, на противоположных его краях, по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток были положены два небольших камня до 15 см в поперечнике – плитка и расколота галька (рис. 115.д). Расстояние между ними 66 см. Положение этих камней поверх песчаной засыпки очага-кострища установлено благодаря наблюдению залегания линзы песка под ними (рис. 115.д2).

Второе кострище (кострище №2) находилось на расстоянии около 0,7–0,8 м к северо-востоку от кострища №1, на удалении около 0,70 м от крайней

северной плитки дуги (№13), практически на краю обозначенного выкладкой круга (рис. 114; 115.е). С другой стороны, в 0,50 м к юго-востоку от кострища №2 выявлено две ямки (ямка №1), лежащие в контуре окружности. Эти ямки и плитка №13 образуют створ длиной 1,80 м, относительно которого кострище №2 занимает промежуточную позицию (рис. 115.з).

Кострище №2 имеет пятно прокала мощностью до 6 см и диаметром до 25 см, асимметрично смещенное к северо-западному (левому) краю (рис. 115.е). Размеры кострища – 0,92×0,95 м.

В процессе раскопок были выявлены три ямки. Первая ямка найдена в 40 см к югу – юго-востоку от края (0,85 м от края прокала) кострища № 2 (рис. 115.з). Ямка №1 имела овальную форму, вытянутую в направлении центра жилища, размеры 0,13×0,11 м в створе и глубину 7–8 см. К внешнему (восточному) ее краю примыкает чуть меньшее по размерам углубление (0,11×0,7 м), ориентированное аналогично с запада на восток. Глубина его – до 3 см. Между ним и основной ямкой пролегла трещина шириной до 1,5 см. Особенностью этой ямки является то обстоятельство, что культурный слой выстилает ее днище, и обнаружены на дне и стенках все основные компоненты культурного слоя: отщепы и чешуйки, уголь, гематит. Разрез показал чашеобразное прогибание под ямкой всего культуросодержащего слоя (рис. 115.з). Образование такой отрицательной формы возникло, по-видимому, как продавливание слоя вниз под грузом столба-жерди. Более мелкое углубление возможно является следом от второй, прилегающей сверху к стенке жилища жерди. В целом, поскольку ямка расположена на умозрительной линии окружности жилища, а прокал кострища находится как раз между ямкой и плиткой №13, дно ямы выстлано культурными остатками, мы предполагаем искусственное ее происхождение как ямки под жердь жилища (чума). Рассуждая далее, можно предложить либо намеренное выкапывание углубления, либо образование его в результате продавливания грунта. Аналогичную ямку асимметричной глубины мы выявили в жилище 2Г культурного горизонта.

Ямка № 2, размерами 0,23 × 0,12 м и глубиной 0,07 м, выявлена в 20 см к СЗ от кострища №1, в центре жилища. Заполнена она светло-серым вышележащим песком. Данное обстоятельство послужило основанием полагать, что ямка не имеет отношения к жилищному комплексу и является, вероятно, воронкообразным размывом, поскольку в противном случае, находясь рядом с очагом, она неизбежно бы выстилалась фрагментами угля и иными культурными остатками.

В 1,4 м к северо-западу от конструкции выявлена овальная яма №3 размерами 0,47×0,27 м, глубиной до 0,18 м (рис. 115.и). По верхним краям ее борта занесены единичные фрагменты угольков, при промывке заполнения ямы обнаружена одна чешуйка. Особенностью ее является то, что перед ней на расстоянии меньше 1 метра ранее была раскопана первая пара «валун – плита». В отношении этой ямки возможно допустить искусственное происхождение только в силу близости расположения к жилищу. В 1,3 м от ямы к северо-востоку, также за пределами дуги конструкции, расчищена ветвь челюсти снежного барана (*Ovis nivicola*), определение А.М. Клементьева).

Культурные остатки образуют пятно концентрации радиальной формы внутри дуги вокруг кострищ и на северо-восточной, внешней периферии кострища №2. Вся поверхность («пол») усеяна частицами угля, количество которых увеличивается к очагу. Пол усеян также частицами охры и кусками гематита, в результате в большей или меньшей мере отмечен розоватый прокрас культурного слоя (рис. 114). Орудия, связанные с домашней хозяйственной деятельностью, скребла, скребки, нож, резцы, отщепы с ретушью найдены к югу – юго-западу от кострища № 1 (рис. 114, 116.1). Противоположная же северная – северо-западная зона характеризуется исключительно высокой долей микропластин, преимущественно, сегментированных (Рис. 116.2). Крупный галечный скол с амортизационной краевой ретушью, найденный у восточного края кострища, апплицирован к битой гальке, лежащей на кострище, на северо-западном его краю. Непосредственно в пределах очагов не было найдено ни одного орудия. Общее

количество находок на площади этой структуры составляет 9918 единиц, включая чешуйки, полученные промывкой культурного слоя на сите.

Результаты подсчета находок по четвертям (0,5×0,5 м) квадратов показали, что наиболее насыщенной каменным дебитажем является северо-западная периферия обоих кострищ как внутри дуги, так и на выходе из нее (рис. 116.4). Эта полоса максимальной концентрации характеризуется показателями в 326–469 единиц каменного дебитажа (преимущественно, чешуек и отщепов) на одну четверть квадрата. К северу от камней № 12 и 13 дуги и от кострища №2, то есть за пределом концентрической структуры на примыкании к периферии кострища, слой насыщен культурными остатками с показателями 36–101 единиц на кв. четверть. Для этого участка характерно относительно большое число крупных фрагментов кости (около 20 единиц). Еще дальше по линии северо-западной периферии за дугой, за камнями № 9 и 10 найдена ветвь челюсти снежного барана.

Искусственная дуга из камней окаймляет западную половину окружности пятна культурных остатков («комплекса»). Восточный его край имеет только ямку №1 у кострища №2. Тем не менее, культурные остатки (уголь, гематит и артефакты) и на юго-восточном участке от плиты №1 до кострища №2 образуют концентрический край комплекса, за которым материал, практически, единичен.

Специально был разобран и промыт через сито подошвенный культуровмещающий слой под камнями, входящими в дугообразную выкладку. Промывки показали незначительное количество чешуек, залежавших под камнями: 2 (валун №12), 14 (валун №10), 4 (валун №8), 4 (валун №3) и 40 (плита №2) единиц. Наибольшее количество находок (чешуек, частиц гематита и угля) было выявлено под камнем – плитой №2 (40 единиц) и имело характер промоины. Это позволяет рассматривать замыв чешуек в качестве основной причины и в случае попадания материала под остальные камни обкладки. Иными словами, данных для утверждения, что валуны и плиты были уложены на слой позднее формирования негативной структуры

отбросов, нет. Наоборот, последняя складывалась в условиях существования концентрической дуги выложенных камней, одного кострища в радиальном центре и одного на выходе.

В северо-восточном углу раскопа установлено, что цокольные плиты имели выход на дневную поверхность на уровне 6 культурного горизонта на удалении около 1,5 м к северу от камня №12 дуги. Находки среди расчищенных плит цоколя были единичны.

Коллекция культурных остатков

Коллекция находок артефактов из камня и кости 6 культурного горизонта составляет 9918 единицы. В том числе 8801 отщепов и чешуек (из них 8203 чешуйки), 391 пластины (целые и фрагменты), 7 скребков, 8 резцов, 2 скребла, 2 долотовидных, 2 ножа, 1 скобель, 1 вкладыш, 1 отщеп с шипом, 1 галечный скол с амортизационной ретушью, 1 бифас из горного хрусталя, 1 галечный отщеповой нуклеус, 4 клиновидных нуклеуса, 5 сбитых лезвий, в (т.ч. 2 бифасиальных), 4 фронтальных сколов, 1 скол поджигления ударной площадки клиновидного нуклеуса, 1 технический скол 2-го порядка, 1 фрагмент краевого скола с бифаса, 26 целых и битых галек и плиток, 390 фрагментов костей. Отдельно следует упомянуть 24 ед. кусочков графитита, 243 ед. кусочков гематита.

Нуклеусы. Найдены 4 клиновидных нуклеуса. Первый клиновидный нуклеус из диабаза сделан из бифаса, имеет высокие пропорции соотношения фронта к длине (рис. 119.1). Его киль и гребень по одной, правой латерали имеют тщательную обработку. Гребень, в результате, скошен к левой латерали. Ударная площадка оформлялась и подживлялась мелкими, короткими сколами с правой латерали и фронта. К нуклеусу апплицирован ряд сколов. Аппликационная сборка демонстрирует последовательность этапов изготовления, эксплуатации и ремонта нуклеуса:

1) исходный этап подготовки нуклеуса, представлен одним отщепом, апплицированным к левой латерали (а);

2) этап отжима микропластин (1-й в сборке), представлен одной апплицированной микропластиной (b);

3) этап «ремонта» нуклеуса, включавший в себя снятие фронтального скола (c);

4) этап отжима микропластин (2-й в сборке) (d);

5) подживление ударной площадки микросколами с фронта;

6) этап «ремонта» нуклеуса снятием фронтального (e) и краевого сколов (f). Оба они апплицированы.

Отжим микропластин после этого не возобновляли (g).

Второй клиновидный нуклеус (рис. 119.4) имеет бифасиальную, в целом, преформу. Киль-гребень образует единую дугу, асимметричную оси нуклеуса, скошенную к одной из латералей в результате краевой унифасиальной оббивки. Ударная площадка несет многократные негативы забитости-оформления с левой латерали и фронта.

Третий нуклеус в начальной стадии эксплуатации представляет собой бифасиальную преформу с ударной площадкой, скошенной поперечными сколами к одной из латералей и дооформленной в конечном итоге коротким фронтальным сколом (рис. 119.5). Фронт оформлен одним краевым продольным сколом, снесшим исходное ребро. Пропорции нуклеуса высокие: высота больше длины.

Четвертый клиновидный микронуклеус также изготовлен из бифаса (рис. 119.6). Его ударная площадка оформлена одним фронтальным сколом, занимающим $2/3$ длины. К ней апплицирован подживляющий скол. Первоначальная ударная площадка несет негативы поперечных снятий. Фронтальный скол подправлен коротким боковым сколом. Фронт в проксимальной части у ребра ударной площадки несет мелкие негативы, вероятно возникшие в результате подбора карнизов нависания. Разница длины сработанности нуклеуса между 1-м фронтом, остаток которого сохранился на подживляющем сколе, и 2-м фронтом составляет 4 мм.

Судя по находкам технических сколов, эксплуатировалось еще один-два микронуклеуса.

Галечный нуклеус имеет два фронта и две площадки, ортогональные друг другу (рис. 118.1). Один его фронт расположен на широком фесе, имеет негативы отщеповых пропорций. Второй фронт организован на торцевой части. Его два негатива снятий – удлиненных пропорций пластинчатых отщепов.

Из восьми скребков три имеют округлую либо параболическую форму, скребок концевой на сколе из кварца, угловой на отщепе, два концевые на отщепках случайных форм и боковой на пластинчатом отщепе (рис. 117.10–12,14–16,20). Два скребка изготовлены из экзотичного темно-коричневого аргиллита (рис. 117.11,12). Один скребок окрашен охрой на обоих фасах, кроме ретушированного лезвия (рис. 117.15). Трасологическое изучение выявило следы крепления концевого скребка из кварца в рукояти.

Оба найденных унифасиальных орудия, формально, скребла тщательно выделаны. Одно скребло подтреугольной формы имеет два ретушированных края (рис. 118.4). Один из них оформлен тщательной высокой крупной ударной ретушью и дооформлен мелкой заломистой ретушью. Другой край до половины длины имеет бифасиальную обработку, остатков длины имеет мелкие амортизационные негативы. Ударный бугорок скола удален вентральными снятиями. Поверхности орудия сильно залощены. Это орудие было трасологически изучено Э. Говри Ру (Университет Лазурного Берега, г. Ницца, Франция). Оно было определено как нож со следами по основному, левому краю. На вентральной поверхности отмечено под микроскопом несколько микропятен охры.

У второго скребла унифасиально отретуширован полный периметр (рис. 118.3). Один продольный край имеет выпуклый контур, а второй продольный край – вогнутый. Короткие, торцовые края отретушированы бифасиально. Профиль узких краев симметричный, ножевидный, лезвия продольных краев

крутые. Эта оригинальная форма встречена впервые в археологии нижнего Витима. Обращает на себя тщательность изготовления этого орудия.

Нож изготовлен из первичного отщепа, имеет лезвие с вогнутым контуром по длинной стороне (рис. 118.2). Рабочая часть оформлена мелкой краевой разнофасеточной ретушью. Орудие было сломано поперек на три части. Все они были найдены рядом. Характер слома, наличие язычка говорят о том, что орудие было переломлено с силой, направленной на фас орудия, а не на ребро, то есть безотносительно к рабочей функции ножа. Все это, на наш взгляд, является возможным аргументом в пользу намеренного действия по уничтожению орудия.

Вкладыш имеет подчетыреугольную форму, изготовлен из плиточки сланца (рис. 117.17). Края оформлены мелкой краевой ретушью.

Из двух резцов один двойной угловой (срединный) на отщепе (рис. 117.18). Второй – двойной угловой и трансверсальный (рис. 117.19). Его боковые продольные края несут следы забитости в стиле *piece esquilee*. Часть поверхности окрашена охрой.

Массивный галечный первичный скол на выпуклом краю имеет мелкую краевую забитость. Он апплицируется к валунчику, лежащему на кострище №1. Еще два галечных скола являются фрагментами разбитой гальки. На обоих узкие высокие утюгообразные края скруглены в результате работы с твердыми материалами. На поверхностях сохранились пятна охры.

Десять найденных предметов из кварца (8 из горного хрусталя, 1 из дымчатого кварца) являются битыми формами, колотыми в технике *piece esquilee* (рис. 117.1–7,9,13). Вероятно, часть из них была использована как долотовидные орудия, в некоторых случаях мы допускаем также использование этих артефактов как резцов. Еще один битый в этой же манере кварцевый артефакт, найденный вместе с 396 мелкими отщепами и чешуйками из этого же материала, определен как нуклеус (рис. 117.8).

Найдена также плоская окатанная галечка диаметром около 1,5 см, одна из ее сторон имеет лимонитовую корку темно-бордового цвета. Несомненно избирательный характер попадания ее в пределы жилого комплекса.

Изделия из кости. Найдено около 390 фрагментов кости. Ввиду плохой сохранности их сложно диагностировать. Тем не менее, в ряде случаев можно сделать выводы об искусственной обработке.

Один предмет из кости имеет вид кососрезанного остроконечника. С одного края на другой сделан длинный прямой срез, образующий на конце остроугольное острие. Несомненно, срез искусственный, что, в принципе, допускает трактовку предмета как костяного остроконечника.

Второй предмет из пикета 36 – квадрата 7 определен как несущий следы искусственной обработки, благодаря почти правильному подчетыреугольному абрису размерами 9,3×1,8 см.

Изделия из бивня

В правом секторе в 0,8 м к юго-востоку от края центрального кострища залегала первая бивневая поделка с признаками антропоморфной скульптуры (рис. 114) (Тетенькин А.В., Жмур О.В., Демонтерова Е.И. и др., 2018). Она была ориентирована «головкой» на восток. В положении на слое «головка» вместе с «шеей и плечами» залегала на 3 мм ниже, отделяясь в виде ступеньки от «грудного отдела». Фигурка воспринималась, тем не менее, как единое целое (рис. 120.1,4–6). Верхний край «головки» на слое был приподнят на 7 мм по отношению к нижнему краю. Впоследствии, в процессе лабораторной расчистки поделка распалась на отдельные фрагменты: «головка», «шея – плечи», «туловище – ноги», «стерженек». Первые два преднамеренно или в силу тафономических причин были отделены от «туловища» еще до обнаружения, и на слое смещены по вертикали на 3 мм вниз. На головке было пятно охры. Вторая бивневая поделка найдена на внешней периферии кострища в привходовой зоне (рис. 114). Возле «головки», обращенной на юго-восток, выявлено скопление крупных частиц гематита, единственное в

таком роде в 6 к.г. (рис. 120.3,5). Обе находки имеют очень малый объем, практически плоские, изготовлены из тонких пластин толщиной до 5 мм.

О том, что обе поделки изготовлены из бивня мамонта, первыми высказались В.В. Питулько (ИИМК РАН) и Е.Ю. Павлова (Арктический и антарктический НИИ, Санкт-Петербург). Этот вывод впоследствии получил подтверждение, соответствуя выявленным в процессе реставрации структурным особенностям, идентификационным признакам и характеру повреждений бивневого материала (Goffer Z., 2007; Locke M., 2013).

Обе фигуры отреставрированы О. В. Жмур – заведующей Лабораторией реставрации и консервации Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Уже в момент обнаружения, при первичном осмотре состояние сохранности материала оценивалось как неудовлетворительное, и в обоих случаях находки снимались со слоя укрепленными монолитами, дальнейшая расчистка которых проводилась в лабораторных условиях. В процессе реставрационных работ мы столкнулись с очень высокой степенью разрушения бивня, на отдельных участках - вплоть до порошкообразного состояния. К сожалению, такие характеристики сохранности материала практически исключают возможность проведения полноценного трасологического исследования предметов. Из-за столь значительных повреждений с самых начальных этапов расчистки применялись промежуточные консолидирующие пропитки, временные дублирующие проклейки и эластичные фиксирующие формы. Но даже при таком осторожном подходе некоторые мельчайшие фрагменты (в частности, на краях «головы» и в области «глаза» первой поделки) в процессе расчисток и укреплений сохранить не удалось. На завершающих этапах работы наиболее разрушенные, тонкие и хрупкие участки поделок были продублированы чайной бумагой. Это позволило обеспечить целостность форм, избежать постоянной фиксации на жёстких подложках, и сохранить доступными к осмотру и изучению все поверхности предметов. Для сохранения максимально

возможного объема информации процесс работы сопровождался очень подробной фотофиксацией и сканированием.

Первая фигурка имеет длину около 15 см (рис. 120.1,2,4,6). «Головка» в дошедшем до нас виде размерами 1,8×1,5 см субовальной формы, нижний ее участок утрачен. На плоскости, обращенной на слое вниз, на головке выявлена выгнутая вверх дугообразная выемка с достаточно четкими краями, шириной около 1,5 мм, в виде брови или глаза, приподнятая в правой части. На правом краю головки к моменту реставрации сохранилась небольшая выемка, которая, возможно, была частью второй дуги. Фрагмент «плечи» имеет форму трапеции расширяющейся книзу. «Туловище» размерами max. 8,8×2,4 см от верхнего конца вниз слегка расширяется, сужаясь в средней части. Правый край сужен больше левого и, по-видимому, несколько разрушен на перегибе сужения. Ширина фигуры в этой части – не менее 1,5 см. Далее оба края фигуры изгибаются вправо и затем влево. На среднем участке «туловища» в районе сужения обоих краев выделяется углубленный, обращенный вниз уголок с плавно сходящимися от краев фигуры границами. Верхний край фрагмента «туловище» имеет ровный, почти прямой контур. На расстоянии 1,5 мм от этого края просматривается прямая линия параллельная ему и поперечная «туловищу». Через 1,5 мм вниз прослеживается еще одна линия, параллельная первым двум. В основании второго, «плечевого» фрагмента частично сохранилась аналогичная прямая линия, поперечная «туловищу». На возможную искусственность их указывает наблюдаемый ритм повтора и отчетливое несовпадение с направлениями трещин на остальной части бивневой фигуры. На наружной от земли плоскости, выделяются две линии, идущие параллельно краям верхней половины «туловища» вниз к сужению. Они имеют неясный характер: либо, действительно, искусственной гравировки, обозначения рук, либо непреднамеренного рельефа бивневого отщепа, либо постдепозиционной деформации. Следует отметить более четкий и глубокий характер канала правой линии. Заканчивается поделка стерженьком, сохранившаяся часть которого имеет длину 2 см.

Вторая поделка имеет округлую «головку» 4×2,4 см, плавное расширение – «плечики», основную часть размером 5,7×4,5 см с симметричными слабовыпуклыми краями, сходящимися к точке противоположного от головки конца (рис. 120.3,5). Длина поделки – 9 см, максимальная толщина – 4 мм. Степень сохранности ее хуже предыдущей. Следов гравировки на ней нет.

Палеонтологические материалы

Относительно удовлетворительно, благодаря эмали, сохранились зубы. Поэтому все имеющиеся палеонтологические (зооархеологические) определения сделаны только по зубам. А.М. Клементьевым даны пять определений снежного барана (*Ovis Nicola*) и три определения резцов лося (*Alces alces*) (Тетенькин А.В., Анри А., Клементьев А.М., 2017, с. 48). Снежный баран представлен тремя отдельными зубами и двумя фрагментами челюстей. Сохранившиеся зубы разной степени стертости позволяют предполагать зимний период добычи животных. Лось, как и особи снежного барана добыт в молодом возрасте, поскольку резцы его не стерты. Взаимоисключающие экологические требования снежного барана (открытые скалистые местообитания) и лося (тайга и пойменная урема) свидетельствуют о многообразии битопов в районе Коврижки, в полной мере освоенных древними обитателями с охотничьими целями.

Антракологические остатки

Антракологическому изучению подверглись 229 фрагментов древесных углей из 6-го культурного горизонта (Тетенькин А.В., Анри А., Клементьев А.М., 2017, с. 49). Наиболее распространенным таксоном является ива (тип *Salix*). Разнородность радиальных лучей указывает на иву. Судя по высоте луча, виды были представлены кустарниками или кустарничками. Кроме того, есть фрагменты в виде полуколец пористой древесины, присущих лишь некоторым кустарниковым видам, таким как ива мохнатая или карликовая ива ползучих видов, таких как *S. reticulata*. Четыре фрагмента принадлежат

хвойным породам. Один из фрагментов соответствует лиственнице или ели (*Larix/Picea*), два других могли быть можжевельником (cf. *Juniperus*).

Значительное преобладание кустарниковой/карликовой ивы указывает на открытый ландшафт при очень холодных климатических условиях, сходных с современной кустарниковой тундрой; этот вывод релевантен дате, полученной по одному из фрагментов ивы, 15740 ± 100 лет назад (19256–18772 кал. лет назад), попадая в принятый диапазон для самой холодной и засушливой фазы сартанского оледенения (Müller S. et al., 2009; 2014). С палинологической точки зрения, в этот период на юго-востоке Сибири ива, береза и ольха являются основными таксонами деревьев в очень открытой среде с высокой долей полыни (Krivonogov S.K. et al., 2004; Takahara H. et al., 2000). Особенно интересным является наличие одного фрагмента угля ель/лиственница, который вместе с находками зубов лося может свидетельствовать о наличии изолированных лесных сообществ в непосредственной близости.

Интерпретация

Полученные данные, по нашему мнению, являются остатками наземного легкого жилища округлого в плане, с одним очагом в центре и еще одним на входе. Основными признаками во всех этих случаях служат: 1) концентрическая сплошная или пунктирная каменная выкладка, 2) очаг в центре ее окружности, 3) скопление культурных остатков в зоне вокруг очага в пределах обозначенной камнями внешней окружности и за ее пределами в зоне, понимаемой как привходовая (Константинов А.В., 2001, с. 80–84).

Измеренный диаметр дуги и жилища составляет 4,2–4,5 м. Соответственно, площадь его – около 14 кв. м. Наличие двух кострищ говорит о своеобразной двухочажной системе обогрева жилища. Подобный аналог открыт в 7 к.г. стоянки Уй II, на Енисее, одно подобное жилище со вторым очагом с внешней стороны у входа раскопано в 8 слое Сухотино-4 (Васильев С.А., 1996, с. 120–121; Константинов А.В., 2001, с. 142). Прокал кострища в привходовой зоне достигает 6 см в то время, как кострище в центре жилища

его не имеет. В этой связи мы полагаем, что привходовый очаг горел, условно говоря, постоянно, создавая комфортную зону как внутри, так и снаружи жилища, образуя тепловой экран, препятствующий проникновению холодного воздуха со стороны входа. Характерно смещение углистой линзы кострища вправо, к юго-востоку от центра прокала и напротив, большая насыщенность культурными остатками левого по отношению к кострищу примыкающего участка. По этим данным мы реконструируем основной вектор перемещения обитателей через входное пространство именно слева (северо-запада) от привходового очага.

Очаг внутри жилища (кострище №1), судя по мощности углистой линзы, горел менее интенсивно, чем привходовый. Тем не менее, он был засыпан песком и перекрыт расколотым валунчиком и плиткой, что, вероятно, означает, что из двух очагов именно он имел сакральную семантику, находясь в центре жилища.

Для выяснения факта прогрева пары «окатанный валунчик и неокатанная плитка», приуроченной к кострищу в радиальном центре (рис. 1д) Н.В. Сальной (Институт физики Земли РАН, Москва) проведены палеомагнитные исследования (Тетенькин А.В., Жмур О.В., Демонтерова Е.И. и др., 2018, с. 10). Предварительно валунчик и плитка ориентировались в пространстве. По результатам изучения вектора естественной остаточной намагниченности, «зафиксированной» в находках можно сделать вывод, что, вероятно, неокатанная плитка была подвергнута прогреву как минимум дважды. Вначале она была нагрета до высоких температур (порядка 550–600°C). Об этом свидетельствует высокотемпературная компонента естественной остаточной намагниченности, выделенная в интервале 250–550°C, ее направление ($N=5$, $D=260^\circ$, $I=59^\circ$, $K=29$, $\alpha_{95}=14$) значительно отличается от направления современного геомагнитного поля ($D=350^\circ$, $I=75^\circ$) в районе местонахождения ($57^\circ 48'$ с.ш., $113^\circ 56'$ в.д.). Последнее, говорит о том, что впоследствии плитка, была повернута вокруг вертикальной оси примерно на 90° . Затем, она, вероятно, подвергалась прогреву до низких температур, и

более не смещалась с места. Направление низкотемпературной компоненты ($N=5$, $D=347.5^\circ$, $I=71^\circ$, $K=31$, $\alpha_{95}=14$), выделенной в интервале от 20 до 250°C по образцам из плитки, совпадает, в рамках погрешностей, с современным направлением геомагнитного поля ($D=350^\circ$, $I=75^\circ$). По результатам палеомагнитных исследований валунчика однозначного вывода сделать не удалось.

Результаты палеомагнитных исследований неокатанной плитки свидетельствуют о том, что она, вероятно, подвергалась обжигу до высоких температур, возможно неоднократно, поскольку палеомагнитным методом можно выявить лишь последнюю «запись» вектора естественной остаточной намагниченности в том или ином температурном интервале. Затем плитка была смещена с места и подверглась «низкотемпературному прогреву, предположительно, была положена на тлеющий костер, перекрытый набросом из крупнозернистого песка и черного алеврита (рис. 115. д1, д2).

Образец этого наброса подвергнут рентгенофлуоресцентному анализу. Оказалось, что по химическому составу он идентичен веществу, найденному в виде круглого диска-линзы у очага во 2Б культурном горизонте (рис. 115.ж). Несомненно, что форма диска искусственная. Материал двух образцов из перекрытия очага в жилище 6 к.г. и одного образца из черной линзы во 2Б к.г. представлен терригенным тонкозернистым хорошо слежавшимся уплотненным алевритовым осадком черного цвета с видимыми зернами разной по своему составу слюды. На диаграммах петрогенных т.е. основных химических элементов, видна полная сходимость вещества всех трех образцов ((рис. НВ-слб-черный алеврит). Незначительное отличие образца «IV-2016 2Б к.г.» по содержанию K_2O связано с тем, что оба образца «IV-2014 6 к.г.» заражены при отборе песчинками полевых шпатов и кварца. В этих образцах с загрязнением связано и увеличение содержания Ga, Pb, V и Ba. В свою очередь, образец «IV-2016 2Б к.г.» является наиболее чистым представителем материала. Общая сходимость пиков и трогов на элементных диаграммах и подобие по содержанию основной группы элементов позволяют сделать вывод

об идентичности всех трех образцов. В сюжете жилища 6 к.г. должен быть сделан вывод о длительной практике приноса на стоянку специфического вещества и использования его в манипуляциях с очагом. Прямых аналогий этому сюжету с диском и набросом в позднем палеолите Восточной Сибири нет. Стоит упомянуть о песчаном набросе на кострище в 4 культурном горизонте стоянки Усть-Кяхта 17 в Южном Забайкалье (Ташак В.И., 2005, с. 34–35). На противоположных краях кострища найдены «фаллосовидная» галька и фигурка из песчаника, определенная В.И. Ташаком как поделка с антропоморфными, женскими признаками.

Разрез кострища показал, что оно имеет две углистые прослойки, разделенные линзой песка мощностью около 1 см. Учитывая разброс углей по площади жилища, можно предположить, что кострище внутри жилища использовалось для прогрева пола – спальных мест. Для этой цели, т.е. для ночлега, оно засыпалось песком.

Линия из двух очагов, привходовая зона отбросов ориентированы на северо-восток, на ближайшую береговую бровку, удаленную не более, чем на 5 метров. Сегодня это бровка ложка, по дну которого течет ручей, через 30 метров впадающий в Витим. Противоположный борт удален на расстояние около 30 метров. Он является частью отвесной стены большого куэстового тела мыса Коврижка. Все это означает, что жилище было ориентировано входом к берегу и к отвесной скальной стене, обеспечивавшей укрытие от ветра.

Две спаренные ямки, находящиеся на входе в жилище, образованные в результате продавливания грунта жердями, вероятно, свидетельствуют о том, что край крыши жилища у входа был усилен с одной стороны второю, прикрывающей внахлест жердью.

Планиграфия внутреннего пространства жилища позволяет выделять функциональные зоны. В первую очередь, отмечено залегание орудий в юго-восточной, правой половине жилища (рис. 116.1). Там были найдены 2 скребла, 4 скребка, 5 резцов, 1 нож, 1 орудие с шипом, 1 скобель, 1 скол с

амортизационной ретушью. Для левой, северо-западной половины характерно как большое количество микропластин, так и в целом, пики концентрации дебитажки приходятся на эту часть жилища (рис. 116.2,4). В этой связи можно допустить, что на правой половине жилища была зона домашней хозяйственной деятельности, а специализация левой половины заключалась в каменном производстве, нацеленном, преимущественно, на отжим микропластин и возможно также заправку вкладышевыми лезвиями охотничьего оружия. В выводе о том, что микропластина использовалась как лезвие-вкладыш охотничьего наконечника, мы исходим, прежде всего, из найденного такого оружия с сохранившимися вкладышами в пазу в 6 культурном горизонте Большого Якоря I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 150). Выход из жилища, судя по концентрации культурных остатков, происходил также через левую половину, т.е. слева от очагов.

По имеющимся зимним сезонным определениям двух зубов снежного барана, возможно допустить зиму и как сезон существования стоянки и жилища. Летнее время к тому же менее предпочтительно, поскольку по первую половину голоцена включительно летние сезонные паводки заливали уровень нынешней 11-метровой террасы. Добыты, как минимум, две особи снежного барана и один лось, и эти данные, а также данные по углям кострищ совпадают с результатами исследований культурного горизонта 2Б. Вероятно, снежный баран и лось, обитающие в кустарниковой тундре с островами лесной растительности, являлись основными промысловыми видами для обитателей стоянок культурных горизонтов 6 и 2Б. Кусты ивы, росшие поблизости, были основным источником дров.

Ряд данных указывает на идеологическое, знаково-символическое сопровождение деятельности на стоянке. Это, во-первых, повторяющиеся парные выкладки окатанного валуна и неокатанной плиты, во-вторых, посыпка пола гематитом, в-третьих, по-видимому, также перекрытие очага в центре жилища, в-четвертых, бивневые антропоморфные фигуры (Тетенькин А.В., Жмур О.В., Демонтерова Е.И. и др., 2018, с. 11–12).

В первую очередь мы обращаем внимание на повторяющийся стереотип «валун + плита». Три таких пары составляют часть полукольца внешней обкладки жилища. Одна пара была выложена на периферии за западным краем дуги. Как этот же стереотип мы видим выложенные на противоположных краях очага в центре жилища валунчик и плитку. Причем в качестве окатанного валуна взят расколотый камень, скол с которого с амортизационной ретушью был найден рядом у восточного края кострища (очага). Как минимум, можно утверждать, что таким стереотипным образом организованы функционально различные элементы структуры стоянки: жилище, очаг, индивидуальная рабочая зона. В этом смысле пара «окатанный валун и неокатанная плита» выглядит как универсальный культурный стереотип интериоризации пространства. Нечто вроде «культурного кодирующего ядра» по Ю.М. Лотману и Б.А. Успенскому, задающего «структурную организацию мира» (Лотман Ю.М., Успенский Б.А., 2004, с. 487, 501). Окатанный валун и плита с неокатанными ребрами, возможно, выражают собою некую логическую оппозицию поливалентную как всякая исходная абстракция. Если связать каждый камень на очаге со своей половиной жилища, то неокатанная плитка оказывается на той части, где найдены все орудия, а также костяная поделка с признаками антропоморфной женской статуэтки. Окатанный валунчик лежит на стороне расщепления камня, в том числе отжима микропластин, за которыми возможно предполагать и следующую в кооперативной цепочке деятельность по заправке лезвиями и ремонту охотничьего вооружения. Суммируя эти суждения как аргументы, мы делаем предположение о том, что «валун – плита» означают помимо прочего «мужское – женское» начала.

Валунчик и плитка на очаге, как установлено, залегают на песчаной присыпке кострища. Примеры специфической деятельности, осуществленной над очагом после его горения, дают стоянки раннего верхнего палеолита Подзвонкая в Забайкалье (Ташак В.И., 2011), Янская в северо-восточной Якутии (Питулько В.В., 2012, с. 73), стоянка позднего этапа верхнего

палеолита Усть-Кяхта 17 в Забайкалье (Ташак В.И., 2005, с. 37). На Подзвонкой очаги были перекрыты камнями. На Янской стоянке поверх кострища лежал череп волка. На Усть-Кяхте 17 в 4 культурном горизонте кострище было присыпано песком, и по его краям выложены галька и фигурный камень, интерпретированные как символы мужского и женского начала (Ташак В.И., 2005, с. 35, 59–60; Ташак В.И., Антонова Ю.Е., 2009, с. 386–387). В III культурном горизонте стоянки Мальта-Мост I Н.Е. Бердникова как процедуру сакрального закрытия не очага, но стоянки в целом интерпретирует выкладку плит на культурный слой, посыпанный к тому же охрой (Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., 1995, с. 92). Здесь, в случае Коврижки IV подобной, вероятно, сакральной операции подвергся именно очаг внутри жилища, несмотря на то, что он «работал» явно меньше, чем привходовый. По-видимому, следуя этому дискурсу, именно очаг в центре жилища играл центральную семантическую роль.

Посыпка охрой жилой поверхности является следующим видом сакральной, знаково-символической деятельности. Пятна охры, частицы гематита и общий бледно-розовый окрас пола отмечены на площади жилища и в привходовой зоне. Микропятна охры зафиксированы на одном из скребел. Один скребок имеет окрашенные охрой оба фаса, охры нет только на негативах ретуши рабочего края. Пятна охры были на верхнем фесе головки первой фигуры (на затылочной части) и на ее средней части на нижнем, обращенном к земле фесе, скопление гематита – в изголовье второй. Допуская возможный утилитарный смысл использования охры в качестве красителя в каком-то из названных контекстов, мы рассматриваем также и как основную, в какой-то мере традиционную для археологии верхнего палеолита версию неутилитарного символического ее значения, в частности, в контексте залегания фигур из бивня (Тетенькин А.В., Жмур О.В., Демонтерова Е.И. и др., 2018, с. 9). Исследования 2Б и 2Г культурных горизонтов Коврижки IV, возрастом около 15,32–15,35 тыс. радиоуглеродн. л.н., дали представления об окрашивании охрой обитаемой площадки в самом начале поселения. С

большой долей вероятности этот вывод может быть экстраполирован на жилищный комплекс культурного горизонта 6.

Результаты порошкового дифракционного анализа образцов из 6 и 2Б к.г., показали наличие красящего минерала в виде гематита ($\alpha\text{Fe}_2\text{O}_3$) (табл. 8, 9). Только несколько образцов содержали еще и гетит ($\alpha\text{-FeOOH}$). Во всех пробах охры кроме минералов железа сопутствующим минералом является кварц, что позволяет нам предполагать добычу охры из железистых кварцитов. Мусковит и полевые шпаты встречены в единичных образцах и связаны с контаминацией при отборе. Таким образом, можно сделать вывод о том, что охра на стоянке Коврижка IV представлена природным комплексом минералов, образованных без дополнительного воздействия человеком.

Пятна охры были найдены в 4А к.г. Коврижки II, датированной возрастом около 8,2 тыс. рад. л.н. (Тетенькин А.В., 2010, с. 78). В палеолите Северо-Восточной Азии охра отмечена в жилище 7 культурного горизонта стоянки Уй II на верхнем Енисее (Васильев С.А., 1996, с. 120–121), 6 и 7 к.г. Ушки I–VII на Камчатке (Диков Н.Н., 1993, с. 11, рис. 4 и 8). Вывод Н.Е. Бердниковой о посыпке охрой обитаемой поверхности на стоянке Мальта-Мост I (III к.г.) как прецедент ставит и перед нами вопрос, не была ли посыпка слоя гематитом также сакральной процедурой «закрытия сезона» перед уходом со стоянки? На этот счет однозначных свидетельств нет. Есть несколько наблюдений окрашенных охрой верхних поверхностей отщепов, костей (рис. 116.1). Особо следует обратить внимание на случай с костяной фигурной поделкой, найденной в правой, юго-восточной половине жилища. Окрашенность охрой верхнего фаса ее «головки» отмечалась сразу в процессе раскопок (рис. 120.4). В ходе реставрационных работ установлено и присутствие окраса охрой на нижней поверхности поделки.

В качестве альтернативной версии утилитарного объяснения наличия охры и гематита в слое, а также небольшого количества графитита, пожалуй, можно назвать использование их как краски для кожи и дерева, наблюдавшееся, например, у эвенов (Туголуков В.А. и др., 1997, с. 76).

Сюжет с первой бивневой фигурой, «статуэткой» является одним из самых интересных. Во-первых, примечателен контекст ее залегания в слое. Находка лежала «головкой» на восток, обнаружена на правой (домашне-хозяйственной, женской?) половине жилища. Недалеко от нее раскопан нож, переломленный на три части. Все три фрагмента лежали рядом, что, скорее всего, указывает на одномоментность обоих переломов. Их поперечная кинематика слома перегибом несовместима с орудийной функцией этого ножа. Иными словами, мы допускаем, что орудие было сломано намеренно. Возможно также, что с причиной этой «порчи» связано попадание бивневой поделки на слой. Эту фигурку можно охарактеризовать как антропоморфную, с подогнутыми вправо в коленях ногами. Стерженек, вероятно, являлся насадом. Дуга на головке и уголок на туловище выступают главными аргументами в пользу трактовки поделки как антропоморфной статуэткой. Допустимо представление уголка как «венериного треугольника». Поперечные борозды в районе плеч вызывают ассоциации с подобными прочерченными деталями, трактуемыми как перевязь поверх груди на женских статуэтках из стоянок восточного гравейта Русской равнины Костенки 1, Межиричи, Авдеево, Елисеевичи, Хотылево 2 (Абрамова З.А., 1966, табл. I, 1, 4; Abramova Z.A., 1995, fig. 11, 2; 21, 3; 42, 1; 43, 3; 59, 1; 73, 2; 74, 4; Гаврилов К.Н., 2012, с. 10). В Байкальской Сибири палеолитические антропоморфные, женские статуэтты открыты на стоянках Мальта, Буреть и Красный Яр (Абрамова З.А., 1966, табл. VII, VIII, 1–7, 11; Abramova Z.A., 1995, fig. 101, 6; 102–105, 115, 1–3, 5, 6; Липнина Е.А., 2008). Публикуемая фигурка стилистически отличается от «Венер» Мальты и Бурети. Она почти не имеет объема, изготовлена из тонкой бивневой пластины. В этом отношении поделка ближе к антропоморфным скульптурам позднего неолита и бронзового века Прибайкалья (Студзицкая С.В., 1987, с. 346–349). Степень ее сохранности позволяет лишь указать на имеющиеся артефактные, антропоморфные и женские признаки. По контуру в сохранившемся виде можно судить о пропорциях и позе тела весьма условно.

Контур второй фигурки лишь в общих чертах антропоморфен и напоминает контуры мальтинских женских статуэток (Абрамова З.А., 1966, Табл. VII, 8, 14; Abramova Z.A., 1995, Fig. 104, 3, Fig. 105, 5). Эта поделка не столь очевидна и выразительна в качестве антропоморфной фигуры как первая. Допустить версию статуэтки или заготовки будет легче, если признать намеренную символическую связь с ней найденных рядом, буквально, в изголовье кусочков охры (гематита) (рис. 120.5, табл. 8, образец 5).

Большая степень условности или абстрактности обеих фигур является общим основанием и для сопоставления их с таковыми же антропоморфными статуэтками позднепалеолитических стоянок Лиственка, слой 19, на Енисее, и Шестаково, слой 6, на р. Кия (Западная Сибирь) (Палеолит Енисея ..., 2005, рис. XXXI; Деревянко А.П. и др., 2000, рис. 4, 23).

Анализируя комплекс найденных каменных артефактов, делаем ряд замечаний:

1. Найден только один «макро-» нуклеус для получения отщепов и пластинчатых сколов. И он был найден за пределами жилища в привходовой зоне у очага №2 (рис. 114, 118.1). По сути, это означает, крайне незначительную долю первичного расщепления в общей картине расщепления в зоне жилища. Крайне мало количество крупных сколов, в том числе первичных (n=41). Преобладание в дебитаже чешуек, микроотщепов при почти полном отсутствии признаков первичного расщепления указывает на расщепление вторичное: ретуширование, подправку лезвий, подживление микронуклеусов. Отметим, что найдены чешуйки из коричневого аргиллита, снятые в результате подживления двух найденных соответствующих скребков.

2. Значительное количество (n=392; 37% дебитажа) микропластин, фрагментированных и целых (n=13), означает соответствующий вид производственной деятельности – производство клиновидного нуклеуса, отжим микропластин, обслуживание микронуклеуса, сегментацию микропластин как подготовку их к утилизации. Один микронуклеус является,

в сущности, еще преформой. Два микронуклеуса имеют апплицированные к ним технические сколы. Все четыре нуклеуса изготовлены бифасиально. Имеющиеся данные говорят, что циклы снятия микропластин чередовались с подправкой кромки ударной площадки с фронта. Судя по субстрату микропластин и технических сколов, клиновидных нуклеусов было на один или два больше, чем четыре найденных экземпляра. Технические сколы подготовки и подживления нуклеусов включают в себя четыре фронтальных скола, один скол подживления ударной площадки, один скол оформления фронта (краевой скол 2-го порядка), один фрагмент краевого скола.

3. Основной литоресурс, составляющий около 95% дебитажа, это местное галечное сырье, типичное для ансамблей Авдеихи, Большого Якоря I, Коврижки II и III: порфирит, дацит, роговик, диабаз. Экзоты в 6 к.г. также типичны в этой роли: кварц чистый и дымчатый (n=78), аргиллит (n=21), халцедон. При этом орудия из кварца (горного хрусталя, дымчатого кварца) составляют треть или 33% (n=10) всех орудий жилища.

4. Среди орудий выделяются следующие группы: 1) тщательно выделанные, оригинальные по форме скребла (n=2), 2) тщательно выделанные округлые скребки (n=3), 3) орудия случайных форм, изготовленные краевым ретушированием отщепов без существенной модификации исходной формы (n=7), 4) орудия из осколков и отщепов кварца (резцы, долотовидные, скобель, скребок, n=11).

5. Большинство орудий найдено внутри жилища в правой, юго-юго-восточной части: два скребла, четыре скребка, одно орудие с шипом, один нож, пять резцов, один скобель, один скол галечный с амортизационной ретушью.

6. Абсолютное большинство микропластин целых и сегментированных найдено в северо-западном секторе жилища – левой части.

7. За пределами жилища найдены: а) в привходовой зоне – два скребка, резец, отщеповый нуклеус, в прилегающей с запада периферии за пределами жилища еще два скребка, б) на противоположном конце, за западным краем

жилища – нуклеус из горного хрусталя, скребок, у самого внешнего контура жилища – клиновидный нуклеус, вкладыш, резец.

Каменная индустрия 6-го культурного горизонта имеет ясно выраженный финальнопалеолитический облик. Все клиновидные нуклеусы 6 к.г. из бифасов. Во всех случаях ударная площадка подготовлена многочисленными поперечными сколами с одной из латералей и с фронта. По этим признакам они сходны с клиновидными нуклеусами 1–4А культурных горизонтов Коврижки II (~7–8,2 тыс. радиоуглеродн. л.н.), 2 культурного горизонта Коврижки III (10,4–11,0 тыс. радиоуглеродн. л.н.) и 2 культурного горизонта Коврижки IV (ок. 11,2–11,5 тыс. радиоуглеродн. л.н.). Если в 2Б, 4 и 5 культурных горизонтах Коврижки IV имеются лыжевидные сколы, что позволяет их соотнести ансамблями Большого Якоря I, яркой спецификой которых являются бифасы и нуклеусы в технике продольного раскрыя – юбецу (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 217), то в 6 к.г. таких оснований нет. Как нет и типичных для ансамблей Большого Якоря трансверсальных резцов. Найденные в 6 к.г. угловые и многофасеточные резцы на осколках кристаллов горного хрусталя типичны для 1 и 2 культурных горизонтов Коврижки III (Тетенькин А.В., 2010, рис. 22–1, 2, рис. 24–29, 32). Округлые скребки с параболическим лезвием находят аналогии во 2 к.г. Коврижки III (Тетенькин А.В., 2010, рис. 24–19, 20) и 5 и 6 к.г. Большого Якоря I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.39–19, 20, рис. 6.49–6). Бифасиальная обработка краев (лезвий) унифасиальных в целом орудий – скребел из 6 к.г. Коврижки IV – находит аналогии в материалах Большого Якоря I, где данный прием полной обработки одного фаса и обработки вдоль края второго фаса орудия также частый случай 5, 6, 7 и 8 культурных горизонтов (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.4–7, рис. 6.8–2, 3, рис. 6.29–4, рис. 6.49–5, рис. 6.50–3). В целом, набор орудий и индустрия жилого комплекса 6 культурного горизонта входит в ряд ансамблей типа Авдеихи. По имеющимся сегодня представлениям, стоянки этого типа формировались на нижнем Витиме около 15,7–8 тысяч радиоуглеродных лет назад (Тетенькин А.В., 2011). Наиболее

выразительные индивидуальные черты индустрии 6 к.г. составляют ее крупные скребла, высокий процент орудий из хрусталя (33%), высокая доля микропластин, целых и фрагментированных, (37% в соотношении микропластины/отщепы/изделия) (в обоих случаях приведены проценты без учета количества чешуек). В пиковом квадрате 12, пикет 36, доля микропластин составляет 58% (n=83).

Последнее обстоятельство заслуживает особого внимания. Это самый большой показатель пластинчатости среди всех известных на нижнем Витиме ансамблей палеолитического облика. Для сравнения доля микропластин во 2 к.г. Коврижки III – 12% (Тетенькин А.В., 2016, с. 290), в 2Б к.г. Коврижки IV – 26%, в 7 к.г. Большого Якоря I – 27%, в 6 к.г. Большого Якоря I – 4%, в 4Б к.г. Большого Якоря I – 4% (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 116, 135, 176).

На общем фоне картины изученности ансамблей поздней поры верхнего палеолита Восточной Сибири индустрия 6 к.г. Коврижки IV не выглядит экзотичной. Округлые скребки из отщепов, клиновидные нуклеусы из бифасов, отщеповый галечный нуклеус известны на очень широком пространстве от Енисея до Чукотки. В том числе аналогии имеются в соседних регионах в ансамблях дюктайской культуры Якутии (пещера Хайергас, Усть-Тимптон I, Дюктайская пещера и др.) и южного Забайкалья (Усть-Кяхта 17, Студеное 1, 2, Усть-Менза 1, 2) (Мочанов Ю.А., 1977; Константинов М.В., 1994; Степанов А.Д. и др., 2003; Мороз П.В., 2014).

Тема палеолитических жилищ Сибири наибольшее развитие получила в археологии Южного Забайкалья (Константинов М.В., 1994; Константинов А.В., 2004). На фоне известных жилищ Усть-Мензы 1–3, Студеного 1, 2, Косой Шиверы 1, 2 мы отмечаем ряд отличий. В случае Коврижки IV отсутствует типичная для забайкальских жилищ каменная обкладка очага. Количество материала внутри жилища Коврижки IV значительно превосходит данный параметр в Южном Забайкалье. Возможно, это результат сезонного фактора: в зимнем жилище, по логике, деятельность большей частью протекает в

интерьере. Летний сезон, наоборот, выводит хозяйственную деятельность за пределы стен жилища. Наконец, особенностью Коврижки IV является ярко-выраженный сакрально-символический аспект деятельностной ситуации, нигде особо не выделяемый читинскими коллегами.

Вероятный сценарий формирования стоянки 6 культурного горизонта Коврижки IV, выстроенный на основе представленных материалов, отражает символическую деятельность на разных этапах данного эпизода обитания:

- использование стереотипа парных камней в постройке жилища;
- посыпка толченым гематитом (охрой) обитаемой зоны внутри и на входе жилища;
- «закрытие» очага в центре жилища – наброс приносного черного алевролита и укладка сверху валунчика и плитки;
- в финале обитания, вероятно, намеренное положение бивневой статуэтки лицом вниз, головой на восток, с окрашенным охрой затылком, переломленной в районе шеи и плеч.

Наиболее близкий аналог дает комплекс 4 культурного горизонта Усть-Кяхты 17 (Ташак В.И., 2005, с. 34–35; Ташак В.И., Антонова Ю.Е., 2009). В нем В.И. Ташак выявил, что кострище было перекрыто тонкой прослойкой песка с золой и углями, а затем на противоположных краях выложены фаллосообразная галька и фигурка из песчаника, интерпретируемая как женская статуэтка (Ташак В.И., Антонова Ю.Е., 2009, с. 386). В этих аспектах интерпретации женского и мужского начала, ритуала консервации очага, по мнению В.И. Ташака, разделяемому и нами, аналогия между 6 к.г. Коврижки IV и 4 к.г. Усть-Кяхты 17, действительно, яркая. Внешняя обкладка жилища в забайкальских стоянках интерпретируется как функция придавливания покрытия чума к земле (Константинов А.В., 2004, с. 27). В 6 к.г. Коврижки IV обкладка, возможно, и имеет практическое значение укрепления стенок конического жилища с подветренной западной стороны, тем не менее, имеет характер и сакральной защиты. Она занимает лишь западный полупериметр, имеет вышеописанную логику чередования валуна и плиты.

За одним исключением (Сухотино-4, 8 слой) в Южном Забайкалье отсутствуют двухочажные жилища с одним из очагов на входе (Константинов А.В., 2001, с.141–143). Аналог мы находим в 7 к.г. Стоянки Уй II на Енисее (Васильев С.А., 1996). Среди всех жилых структур палеолитических стоянок Майнинского района верхнего Енисея это наиболее выразительный комплекс. Внешняя каменная обкладка маркирует овальное пятно размерами 4×2 м (Васильев С.А., 1996, с. 120–121). Один очаг был расположен в центре, второй по линии контура, то есть на входе. Культурные остатки концентрировались в привходовой части жилища и на выходе из него, у очага. В полу отмечались пятна охры и желтой краски. Поверх очага внутри жилища лежала каменная плита. Дальняя от входа половина жилища, свободная от находок, интерпретировалась как спальное место. С.А. Васильев обращает также внимание на то, что отсутствие целых вещей в пределе жилой линзы может свидетельствовать о том, что при перекочевке все вещи были унесены (Васильев С.А., 1996, с. 187). В нашем случае, напротив, в интерьере жилища найдены тщательно выделанные орудия (скребла, скребки), в том числе оригинальные по форме. То есть эти «личные вещи» были оставлены, и при этом проведены процедуры закрытия жилища (очага).

В Прибайкалье, на Верхней Лене М.П. Аксеновым в нижнем культурном горизонте Макарово I раскопан и интерпретирован как жилище комплекс, имеющий кольцевую пунктирную каменную обкладку диаметром 7 м, очаг в центре обозначенной окружности и немногочисленные артефакты вокруг него. Датируется он возрастом около 11,4–11,8 тыс. л.н. (Аксенов М.П., 2009, с. 150–153).

Далее на северо-восток от Коврижки IV известны остатки жилищ в 5 к.г. стоянки Усть-Тимптон I на Алдане, в Якутии и в 6 и 7 к.г. стоянок Ушки I–V на Камчатке (Мочанов Ю.А., 1977, с. 187; Диков Н.Н., 1993).

Забайкальские жилища географически находятся ближе всего к Коврижке IV. Они являются ярчайшим культурным признаком верхнего палеолита этого региона. Истоки Витима расположены сравнительно недалеко

от опорных забайкальских объектов. Техничко-типологические характеристики ансамбля 6 к.г. Коврижки IV, также близки таковым показателям комплексов Студеного I–II, Усть-Мензы I–II. Основываясь на этих доводах, мы полагаем, что вопрос о возможных культурных связях между нижним Витимом и Южным Забайкальем должен быть поставлен как еще одно направление будущих поисков.

Заключение по 6 культурному горизонту

Открытие жилищного комплекса 6 к.г. Коврижки IV выходит за рамки региональной научной повестки. Выделяемое жилище, антропоморфная статуэтка являются значимыми событиями уже в масштабах всего палеолитоведения Северо-Восточной Азии. Они позволяют внести вклад в научные представления о целом ряде «глубоких» археологических сюжетов: адаптации человека к локальным ландшафтно-климатическим условиям периода Последнего Ледникового Максимума, сакрально-символическом сопровождении деятельности, технологии строительства и эксплуатации жилищ, развития искусства. Источники для этих знаний крайне редки и разбросаны по всей Северо-Восточной Азии. Именно это обстоятельство побуждает в аналитических операциях выходить на широкий географический простор. С другой стороны, оно дает материал для представлений об универсуме культуры человека позднего палеолита, «длинной» истории культурных традиций сооружения жилищ, изображения человека.

5-й культурный горизонт

5-й культурный горизонт выделен в подошве прослойки темно-серого тонкозернистого песка (пачка 2а), подстилаемого слоем светло-серого песка, перекрывшего, в свою очередь, прослойку 6 культурного горизонта (рис. 110.в, 112). Пятно находок 5 культурного горизонта выявлено в юго-западной части раскопа. (рис. 123). В 5-м культурном горизонте в пикете 35 – квадратах 13/18 была найдена сланцевая плитка (56×25 см), под которой обнаружена плохо сохранившаяся кость. Рядом с плиткой обнаружены 6 микропластин,

скребок и резец. Найден зуб снежного барана (*Ovis nivicola*) (определение А.М. Клементьева).

Коллекция состоит из 1 отщепа с ретушью, 1 резца, 1 обломка лыжевидного скола с бифаса, 6 микропластин, 1 пластинки и 18 отщепов и чешуек.

Из 6 микропластин (рис. 126.11–16) 5 экземпляров одного, серо-зеленого цвета, по-видимому, сняты с одного нуклеуса (рис. 126.12–16), 1 пластинка краевая, а четыре другие – «классические», трехгранные, обычно оценивающиеся исследователями как целевые для микропластинчатого расщепления. Все четыре пластинки имеют одни пропорции (длина 3,3-3,5 см, ширина 0,4-0,5 см). Все четыре микропластинки не фрагментированы и сохранили свой первичный выгнутый профиль. Последняя, шестая микропластина изготовлена из светло-зеленого порфирита (рис. 126.11). Дистальный конец удален, её профиль прямой, на краю пластины видны мелкие выщерблины. В данном случае, по-видимому, имела место деятельность по починке вкладышевого охотничьего оружия: замене изношенных вкладышей лезвия на новые из микропластин, тут же, на месте полученных расщеплением нуклеуса.

Отщеп с ретушью представляет собой первичный отщеп с краевой мелкой ретушью по одному из слабовыпуклых краев (рис. 126.18). Рабочий край тонкий (толщина орудия у тылового края ретуши чуть больше 1 мм). Морфологически такие артефакты обычно описываются как скрепки, либо ножи.

Резец представляет собой отщеп случайной формы, не несущий никакого оформления тела резца, с резцовым сколом на выдающемся углу (рис. 126.17).

Фрагмент лыжевидного скола (рис. 126.19) менее выразителен, но, в сущности, аналогичен лыжевидному сколу из 4-го культурного горизонта. Он несет на себе фрагмент ребра бифаса и фрагмент лезвия с амортизационными следами рабочей ретуши по краю бифаса, сопряженному с гранью

поверхности, образованной снятием предшествующего продольного технического скола с бифаса. Ширина скола и, соответственно, бифаса – 1,2 см.

На уровне 5 к.г. на глубине 1,15 м был обнаружен столбик норы землеройного животного высотой около 8 см, перекрытый аллювием. Из угля в его заполнении получена дата 7940 ± 205 л.н. (СОАН-7294). Полученная в последствии серия AMS-радиоуглеродных дат в интервале 14,3–15,7 тыс. некал. л.н. показала, что дата по углю из кротовины не является валидной для датирования культурного горизонта.

Находки плитки, микропластин и скребка с резцом в 5-м культурном горизонте интересны. Примечательно, что ни отщепов, ни чешуек среди них не было. Орудия типологически невыразительны, представляют собой одноактно утилизированные отщепы. Имело место снятие нескольких микропластин с принесенного нуклеуса для подправки вкладышевого лезвия. Плитку, к которой приурочены предметы, по-видимому, можно оценить как позитивный элемент организации пространства, нечто вроде рабочего столика. Наличие лыжевидного скола с редуцированного и многоактно утилизированного бифаса ставит 5 к.г. вместе с вышележащим 4 к.г., а затем с аналогичными находками во 2Б к.г. указывает на существование уже в этом возрасте техники продольного редуцирования бифаса – техники юбецу, ярко представленной в палеолитических горизонтах Большого Якоря I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 1995, 2010). находка лыжевидного скола здесь, в 5 к.г., возрастом около 15,6–15,5 тыс. радиоуглеродн. л.н. – самая ранняя на Витиме, равно как и в целом на севере Байкальской Сибири.

4-й культурный горизонт

Культурный горизонт 4 выявлен в прослойке темно-серого тонкозернистого песка между аналогичными слоями, вмещающими культурные горизонты 3Б и 5, т.е. ниже 3 к.г. и над 5 к.г. (рис. 110.в, 112). Пятно находок 4 культурного горизонта выявлено в западной части раскопа, в пикете 35 (рис. 124).

В 4-м культурном горизонте найдено 2 скребка, 1 резец, 1 лыжевидный скол с бифаса, 3 микропластины, 1 обломок подвески из графитита, 1 краевой скол и 82 отщепа и чешуек.

Скребки сходны в пропорциях между собой (рис. 126.7,8). Это изделия размерами, примерно, 2,5 см в длину и ширину. Оба скребка из светло-зеленого порфирита, найдены были на расстоянии 72 см друг от друга. Один скребок концевой, другой – боковой. Сходство в пропорциях обоих скребков дает основание предполагать, что поперечные сломы пластинчатых отщепов-преформ в этих двух случаях были намеренным результатом фрагментации под стандарт. Поперечный слом бокового скребка несет на себе еще и слабовыемчатые следы-заломы от утилизации.

Резец представляет собой первичный отщеп с не менее, чем двумя вложенными друг в друга резцовыми сколами на остром углу, образованном поперечными сломы или рассечением (рис. 126.10). Один из длинных краев резца имеет небольшую выемку по вентральному фасу.

Лыжевидный скол имеет длину 9 см, ширину 1,7 см (рис. 126.6). Это скол продольного рассечения бифаса. Дорсальная поверхность его на $\frac{3}{4}$ представлена негативом предыдущего продольного технического скола и на $\frac{1}{4}$ - ребром самого бифаса. Скол несет на дорсальном фасе фрагменты лезвия бифаса на исходном ребре и на ребре, полученном в результате снятия предыдущего продольного скола. Острый трехгранный дистальный конец скола по одному из маргинальных краев имеет несколько мелких негативов рабочей ретуши.

Фрагмент графититовой поделки (рис. 126.9) представляет собой обломок, судя по всему, подвески с одной лицевой, уплощенной шлифовкой стороной. Фрагмент имеет часть конического сверленного отверстия диаметром 6 мм. Ребро изделия образовано плоской шлифованной лицевой поверхностью и фаской-гранью вдоль края на противоположащей, обратной стороне, не несущей, в целом, следов оформления. По ребру изделия просматриваются 7 поперечных насечек. Длина обломка 3,5 см, ширина 2,3

см. Учитывая то, что одна из сторон подвески не отшлифована, а две насечки едва намечены, можно предположить, что подвеска была сломана в процессе изготовления.

В пикете 35 – квадрате 19 найдена каменная (сланцевая) плита в наклонном положении с СВ на ЮЗ (рис. 124). Размерами 32x30 см.

Важную роль в характеристике 4-го культурного горизонта играет найденный в нем лыжевидный скол с бифаса. Он фактически воспроизводит реконструируемую для Большого Якоря I технологию деятельности редуки бифаса, в ходе которой последний проходит несколько циклов подживления или переоформления лезвия путем снятия продольных лыжевидных сколов (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2006, 2010). В нашем случае лыжевидный скол несет следы двукратного функционирования бифаса в роли орудия и следы активного (орудийного) использования самого лыжевидного скола. В данном контексте важно то, что мы фиксируем существование в сартанских комплексах 5-го и, затем, 4-го и далее 2Б культурных горизонтов Коврижки IV деятельностно-технологической традиции, описанной на материалах индустрии Большого Якоря I около 12000 л.н.

Поделка из графитита из 4-го культурного горизонта является на сегодня вместе с бивневой антропоморфной фигурой древнейшими на Витиме и на севере Прибайкалья предметами мелкой декоративной пластики. Судя по сверленому отверстию, это подвеска. Использование древними людьми графитита в знаково-символической деятельности известно широко. Все основные, раскапываемые ансамбли финального плейстоцена – раннего голоцена (Большой Якорь I, Коврижка II-III, Инвалидный III – пункт 2) содержат такие свидетельства. Но украшение из графитита встречено здесь впервые. Следует также отметить, подвеска выполнена теми же приемами, что и бусина из 3-го культурного горизонта Коврижки II, то есть найденная в отложениях 17-18-метровой террасы Коврижки всего в 70 м. И графититовая

подвеска, и кремневая бусина обработаны шлифовкой поверхностей, сверлением отверстия и насечками по ребру.

3Б культурный горизонт

Впервые материалы 3Б культурного горизонта были зафиксированы в северной-западной части участка 1 раскопа (пикете 35 – квадрате 5) (рис. 109). Там были найдены три артефакта в верхней части слоя темно-серого песка мощностью до 6 см (литологический слой 7), отделенного от слоя 3А к.г. стерильной прослойкой светло-серого песка (рис. 110.в, 112). На этом основании выделен 3Б культурный горизонт. В этом же горизонте был найден зуб снежного барана (*ovis nivicola*) (определение А.М. Клементьева, Институт земной коры СО РАН).

Вдоль северо-восточной стенки раскопа в пикете 36 – квадратах 4, 9, 14, 19 были найдены 6 каменных плит (рис. 125). Под одной из них – массивной гнейсовой плитой в кв. 4 – обнаружены каменный нож длиной 10,2 см (рис. 126.4) и крупный пластинчатый скол длиной 10,7 см. 6 отщепов найдено рядом с этой плитой. Кроме того, еще три гнейсовых обломка лежало рядом. В квадрате 19 выявлены еще две массивные плиты, возле которых фиксировались частицы угля и 7 чешуек. Каменные артефакты представлены 2 унифасиальными орудиями, 1 сегментом микропластины, 16 отщепами и чешуйками, 1 фрагментом кости.

Одно орудие представляет собой копьевидный остроконечник-унифас симметричный в плане (рис. 126.3). Изготовлен из отщепа. Дорсальный фас тщательно и полностью обработан. Левый край помимо крупной оформляющей ретуши имеет ряд «нижней» мелкой ретуши подтески лезвия. Правый край имеет тщательную отделку лишь на половине лезвия, прилегающей к концу конвергенции лезвий. База остроконечника имеет негативы удаления ударного бугорка на вентральном фесе и желобчатый негатив широкого подпрямоугольного снятия, продольного оси орудия, смещенного к левому краю. Лезвие левого края имеет выемку амортизационного происхождения и несколько негативов той же природы на

вентральном фасе. По-видимому, это нож, имевший и рукоять. Предмет имеет ярко выраженную тщательно выработанную форму, встреченную в археологии Витима впервые. Найден был в слое в положении плашмя, вентральным фасом вниз. Осматривавший предмет трасолог Ж. Жакье (Университет г. Ренн, Франция), определил его как нож.

Второе орудие, формально, скребло изготовлено из массивной двухгранной пластины длиной 10,0 см и шириной до 4,4 см (рис. 126.4). Один продольный край слабовыпуклый, почти прямой, обработан тщательной дорсальной ретушью. Эта ретушь заходит на узкий дистальный край. Другой продольный край сегментовидно-выпуклый, на одну треть длины отретуширован от проксимального края по вентральному фасу. Остальные две трети края сильно залощены и несут негативы мелкой рабочей ретуши. Все ребра этого артефакта также залощены. Орудие было найдено под каменной плитой. Можно полагать, что это был преднамеренный «депозит» под массивный камень. Осматривавший предмет трасолог Ж. Жакье (Университет г. Ренн, Франция), определил его как нож.

Тафономические (микростратиграфические) наблюдения указывают на инситуальный характер культурного слоя: строгая принадлежность к слойку, горизонтальное положение находок, дошедший до нас эпизод «клада». ЗБ культурный горизонт на сегодняшний день предстает как комплекс остатков кратковременной деятельностной ситуации. Артефакты немногочисленны, но они вместе со скальными обломками («плитами») составляют некую выраженную стояночную структуру, перспективную для изучения. Выразительны и индивидуальны имеющиеся два орудия – «ножи». Обнаружение одного из них под плитой воспроизводит сюжет припрятывания, трактуемый в терминах «клада» или «депозита» (Мочанов Ю.А., 1977, с. 74; Роговской Е.О., Кузнецов А.М., 2014).

3А культурный горизонт

В 2012 году в северной-западной части участка 1 раскопа (пикете 35 – квадрате 4) (рис. 109) были найдены артефакты в прослойке темно-серого

песка мощностью до 3 см ниже слоя 3 к.г., отделенные от него прослойкой светло-серого песка (рис. 110.в, 112). На этом основании был выделен 3А к.г. В него вошла 21 находка: 1 скребок (рис. 126.1), 1 отщеп с ретушированным ножевидным прямым краем, 1 фронтальный скол с клиновидного нуклеуса (рис. 126.2), 3 фрагмента микропластин.

3 (3/2 и 3/1) культурный горизонт

Третий культурный горизонт изначально, на участке раскопа 1 был выделен в кровле аллювиальной пачки отложений 3, ниже паводкового горизонта 2, на глубине около 0,45–0,70 м от дневной поверхности, в отложениях темно-серого алеврита – супеси (рис. 110.в). Однако, тафономическая «судьба» 3 культурного горизонта оказалась одной из наиболее сложных на местонахождении Коврижка IV. Вмещающий его артефакты слой алеврита сформирован вскоре после события аллювиальной эрозии 1, когда витимский паводок уничтожил часть отложений аллювиальной фазы 2. Вмещающий 3 к.г. слой темно-серой супеси лег и на неразмытую часть террасы, и на размыв (рис. 110.б, 112). Соответственно, на участке раскопа 1 (северный участок) культуровмещающий слой 3 к.г. подвергся размыву паводковым эрозионным событием 2 и компрессией с отложениями уровня 2-го культурного горизонта. Склоновые солифлюксионные движения привели к частичному смятию паводковой прослойки аллювиального эрозионного события 2 и кровли нижележащей аллювиальной пачки, затронув и уровень 3 культурного горизонта. В южной части раскопа в составе слоя культуровмещающего алеврита произошло расслоение на две крупные темно-серые прослойки, в которых выделены культурные горизонты 3/1 и 3/2. Эти горизонты на участке раскопа 2 оказались в положении подстилающих пачку культурных горизонтов 2/1, 2А, 2Б, 2В, 2Г, 2Д. Пачка слоев, содержащих уровни 3/1 и 3/2 к.г. в южной части раскопа – на участке 2 ложится на цоколь. Поэтому по-разному 3 (3/1 и 3/2) культурный горизонт изучен: в северной части раскопа на участке 1 в неблагоприятной

тафономической ситуации он раскопан. В южной части – лишь выявлен разведочными выработками.

По биоапатиту эмали зуба снежного барана из пикета 44 – квадрата 7 (участок 1), из 3 к.г. получена дата 14290 ± 30 л.н. (UGAMS-27447). По 3/2 культурному горизонту по углю получена дата 15310 ± 160 л.н. (Poz-106965). Следует учесть также и даты по 2Д и 2Г культурным горизонтам, стратиграфически перекрывающим 3/1 и 3/2 к.г. Культурный горизонт 2Д датирован по углю – 15350 ± 150 л.н. (Poz-106968). Выше его лежащий 2Г к.г. имеет AMS-даты по углю 15320 ± 80 л.н. (Poz-111356), 15360 ± 110 л.н. (Poz-111232). Отметим только, что в специальной литературе отмечается возможность девиации дат, полученных по биоапатиту (Zazzo A., Saliège J.-F., 2011). Представляется, что дата по биоапатиту зубной эмали как не слишком надежный для датирования источник может быть омоложенной против действительного возраста, примерно, на 1000 лет. Примерно, такую же разницу в возрасте в 6 к.г. дали AMS-даты – 15558 ± 103 л.н. (Ua-50437) по кости и 15740 ± 100 л.н. (LTL-16562A), 15750 ± 60 л.н. (Beta-453119) по углю и 14790 ± 35 л.н. (UGAMS-27448) по биоапатиту зуба.

На северном участке раскопа (участок 1) 3-й культурный горизонт, частично, фиксировался в стратифицированном состоянии в исходных аллювиальных отложениях, а частично, в прибровочной к ложку части, в состоянии разрушения и компрессии, вероятно, со 2-м культурным горизонтом. Здесь мы приведем сведения о несмешанном стратифицированном участке 3 к.г. и, затем, о находках 3/2 к.г. в южной части раскопа.

В полосе квадратов 1, 2, 6, 7, 11, 12, 16, 17, 21, 22 (пикет 36) принятое стратиграфическое разделение работало, удалось вычлениить «рабочие площадки» из одиночных плит и скоплений дебитаж в 3 культурном горизонте. Выявлены три каменные плитки в пикете 36 квадратах 1, 6/11, 17 (рис. 127). Отмечается размыв культурного слоя. В результате многие артефакты находились на ребре. Больше всего находок было вокруг

средней из плиток, лежащей в квадратах 6/11. Рядом зафиксированы два пятна охры.

В коллекции 5 скребков, 1 фронтальный скол с клиновидного нуклеуса, 3 фрагментов лезвия, 29 сегментов микропластин, 5 фрагментов костей и 520 отщепов и чешуек.

Среди скребков – 1 микроскребок размером около 1 см в поперечнике с лезвием по всему периметру (рис. 128.1); один концевой скребок (рис. 128.2); один концевой-боковой скребок (рис. 128.3); один боковой скребок составлен из двух фрагментов на противоположном боковом крае имеет три шипа, выделенные выемчатыми негативами (рис. 128.4).

Фронтальный скол с клиновидного нуклеуса (рис. 128.5). Судя по нему, дистальный конец нуклеуса был скошен унифасиальной обработкой к одной из латералей. Другой вариант объяснения предполагает попытку переоформить в торцовый нуклеус унифасиальное скребловидное орудие.

Среди находок в хорошо стратифицированной части раскопа, на участке 2, следует упомянуть концевой скребок из горного хрусталя (кварца) (рис. 128.7) и клиновидный нуклеус из овального тщательно выделанного бифаса, с ударной площадкой, оформленной поперечными ударами (рис. 128.8).

Ни скребки, ни сбитые лезвия и технические краевые сколы не выводят наши представления за пределы круга памятников поздне-верхнепалеолитического облика. Типологически выразительным является клиновидный нуклеус из бифаса. Определенную надежду на развитие представлений о 3/1 и 3/2 культурных горизонтах дает не раскопанная, уцелевшая стратифицированная и инситная часть площади стоянки.

Очажный комплекс 3/2 культурного горизонта.

В западной части местонахождения Коврижка IV раскоп вышел на четко стратифицированный участок слоя 3/2, не смешанный с к.г. 3/1, отделенный от него 5-10-сантиметровой стерильной песчаной прослойкой. Здесь шурфом и затем раскопом был вскрыт очажный комплекс 3/2 культурного горизонта

(рис. 113.4). Еще одно скопление артефактов, судя по всему, уходило в северные стенки западного раскопа.

Очаг представляет собой размытое углистое пятно неправильной овальной формы, вытянутое с ЮЗ на СВ, размерами 1,3x0,90 м. На угли выложены пять очажных камней. По северо-западному краю по линии с Ю на С залегают три плитчатых обломка амфибол-гнейса. На противоположном, восточном краю костыща установлен четвертый очажный камень. У первого (южного) камня на западной окраине – лежал пятый камень (гнейс).

Почти весь дебитаж залегал компактным скоплением у южного, западного и северного края очага. Плотность артефактов у южного края достигает 230 ед. на $\frac{1}{4}$ кв. м. За пределами этого пятна концентрации количество находок резко падает.

На внешнем контуре этого комплекса на половине окружности диаметром 3,0 – 3,2 м залежали 4 камня. 1-я плита (60x20 см) – в 1,3 м к северо-западу от очага, 2-я плита (37x30 см) в 1,05 м к северу от очага, 3-я плита (18x15 см) в 0,75 м к северо-востоку от очага, 4-я плита (26x16 см) в 1,05 м к юго-востоку от очага. Расстояние между этими камнями – 1,30 м, 1,50 м и 1,90 м. Под первыми тремя плитами залежали немногочисленные отщепы и чешуйки.

За пределами этих плит периферия слоя 3/2 к.г. была относительно чистой, т.е. с единичными артефактами. Лишь в 2,3 м к северу от очага отмечалось увеличение концентрации, видимо, еще одно пятно находок, уходящее в стенку раскопа. К северу – северо-западу, в 1,6 м от очага, сразу за 2-й внешней плитой залегало скопление углей (2,5x1,0 м) без прокала и артефактов из камня. Радиоуглеродная дата по этим углям 19810 ± 220 л.н. (Poz-131669) значительно древнее полученных по углям из очага дат 15310 ± 160 л.н. (Poz-106965) и 14860 ± 310 л.н. (Poz-131813). В совокупности угли этого скопления без прокала и культурных остатков были признаны как принесенные и отложенные паводком во время начала погребения культурного слоя, т.е. перекрытия аллювием пойменной фации. Вероятнее

всего, эти угли были подняты и перемещены паводком с исходного места, находящегося где-то поблизости. Возможно даже эти угли были смыты как раз с очага 3/2 к.г. В истории изучения Коврижки IV это уже третья древняя датировка, значительно выбивающаяся из общего ряда радиоуглеродных дат. Две древние даты 31000 ± 400 л.н. (Poz-106961) и 31200 ± 400 л.н. (Poz-106960) были получены по углям 2Б к.г., который датируется около 15350 – 15320 тыс. рад. л.н. Этот древний возраст углей поднимает вопрос, не использовали ли обитатели как дрова древнюю древесину, погребенную и переотложенную. В планиграфии 3/2 культурного горизонта, благодаря полученному возрасту, это скопление углей рассматривается как наносное и в интерпретации не учитывается.

Сохранность кости плохая. Фиксировались единичные фрагменты, которые при взятии рассыпались. Тем не менее, у первого северо-западного очажного камня расчищено на слое изделие из кости в виде подпрямоугольной формы размерами 10,5×5,4 см, с отверстием в середине размерами 2,3×2,0 см. Несмотря на принятые меры по консервации, сохранить предмет не удалось.

Всего в приочажном комплексе 2384 единиц находок из камня. Из них отщепов – 2282 ед. (в т.ч. чешуек – 1937 ед., 85%), микропластин целых и фрагментов – 85 ед., макропластин – 2 ед., микропластинчатых торцово-клиновидных нуклеусов – 3 ед., скребел (обломков и целых) – 2 ед., скребков – 2 ед., резчик – 1 ед., отщепов с краевой ретушью – 7 ед. В том числе одно скребло найдено в северном скоплении, полностью еще не раскопанном. Доля фрагментов и целых микропластин в общем дебитаже без учета чешуек занимает 19%. Доля изделий (орудий и нуклеусов) – 1%. Субстратом почти в 80% случаев служат эффузивные породы. Около 10% занимает светло-серый кремний, около 1% жильный и чистый кварц. В единственном случае скреблом представлен дацит бардового цвета.

Орудийный набор самого очажного комплекса невелик. Формальных, т.е. морфологически выраженных, орудий нет. К числу орудий отнесены отщепы, несущие краевую нерегулярную ретушь (рис. 129.9-17). Часть из них

отнесена предварительно к скребкам (2 ед.) (рис. 129.11,13), один – к резчикам (рис. 129.10). Однако, на юго-восточной периферии найден фрагмент скребла с регулярной ретушью – лезвием (рис. 129.14). А на северной периферии, у второго скопления найдено тщательно выделанное орудие суб-овальной формы, из бардового дацита (рис. 129.23). Лезвие выпуклое, нанесено по продольному краю вентрального фаса крупного отщепа, тщательно ретушировано. Узкие концы изделия закруглены и утончены по арьерфасу – вентральному фасу. Формально это скребло. Но следует учесть, что два подобных унифасиальных орудия из 3Б и 6 культурных горизонтов трасологически определены как ножи. Наиболее близкий аналог нашему орудью – это скребло из 6 к.г. (рис. 118.3) Причем повторяются и подработка узких концов по вентралу, придавая изделию бифасиальный характер, и выпуклый контур одного продольного края, вогнутый контур второго.

На северо-западной периферии, в 0,8 м к СЗ от второй плиты внешнего контура найдена макропластина длиной 10 см, с правильной трехгранной огранкой дорсального фаса, не имеющая видимых следов утилизации (рис. 129.18).

Микронуклеусов всего три. Один изготовлен из бифаса овальной формы (рис. 129.20). Фронт с заломами. Судя по найденному обломку фронтального скола, подживлялся неоднократно. Площадка в последний раз оформлена ударами с латералей, слегка вогнута, в целом, традиционна для нуклеусов Коврижки IV. Еще два нуклеуса не имеют предварительной подготовки кия и гребня, их правильнее определить, как торцовые (рис. 129.22,24).

Оценивая каменный ассамбляж очага, видимо, следует полагать небольшой объем операций орудиями, расщепление (в основном, фасиальная обработка), в небольшом объеме производство микропластин (рис. 129.1-8). Судя по скреблам, какая-то часть деятельности протекала за пределами очажного комплекса. Общий опыт раскопок 3/2 культурного горизонта указывает на то, что в целом стоянка была обширной, и очажный комплекс лишь часть ее.

Теперь, определяя функциональное значение очажного комплекса, следует обратить внимание на камни внешнего контура (рис. 113.4). Примерно равные радиусы от очага и расстояние между камнями, отсутствие приуроченных к плитам скоплений артефактов, как будто, указывают на то, что камни лежат на линии округлой жилищной конструкции, придерживая ее нижние края от ветра. Единичные находки под этими плитами позволяют предположить два этапа в развитии деятельности ситуации: 1) жизнедеятельность у горящего костра в открытой хозяйственной зоне; 2) положение на угли, нагрев очажных камней и сооружение над очагом легкого округлого диаметром 3 м жилища с укреплением от ветра камнями. Подобный же сценарий обитания у открытого очага и затем сооружения над ним жилища реконструирован нами на материалах комплекса остатков 2Г культурного горизонта, в целом, более сложного, чем данный объект. Примечательно, что очаг/жилище 3/2 к.г. находится на бровке, над склоном, образованным промоиной части террасы. Вслед за комплексами 6 и 2Г культурных горизонтов это третий на Коврижке IV случай интерпретации приочажных скоплений культурных остатков как жилищ. В пределах раскопанной площади очажный комплекс 3/2 к.г. и его периферия не содержали охры. Напротив, раскопанный вышележащий участок слоя 3/1 к.г. был обильно окрашен охрой.

2Д культурный горизонт

Культурный горизонт 2Д был выявлен в 2018 году в южном углу раскопа в пикете 47 как «уходящий в стенку раскопа» комплекс. Он залегает в слойке темно-серого тонкозернистого песка на 6 см ниже 2Г к.г. По 2Д культурному горизонту получена дата 15350 ± 150 л.н. (Poz-106968).

2Г культурный горизонт.

Тафономия

2Г культурный горизонт был выявлен в слойке темно-серого алевролита мощностью 1–3 см, отделенным стерильным светло-серым песком от вышележащего 2В и нижележащего 2Д культурных горизонтов.

В раскопе выявлена полигональная сеть морозобойных трещин. В пикете 44 – квадратах 21-24 трещина прошла через очажное место (рис. 131). Впоследствии по этой трещине была образована промоина. Она частично смыла культурные остатки в зоне очага (в пикете 44 – квадратах 23), 24, в том числе смыла корочку углей кострища. Часть углей оказалась затянута по трещине.

Датирование

По углю из культурного горизонта 2Г получены AMS-даты 15360 ± 110 л.н. (Poz-111232), 15320 ± 80 л.н. (Poz-111356). Им соответствует календарный возраст около 18574 л.н. и 18583 л.н. (медианные значения). Еще две даты по углю 31000 ± 400 л.н. (Poz-106961) и 31200 ± 400 л.н. (Poz-106960) значительно выбиваются из общего возрастного ряда и сильно удревнены. На сегодняшний день этому может быть дано объяснение, что речь идет о собирательстве древними людьми каргинской древней древесины, которая могла быть вымыта Витимом откуда-то из береговых обнажений и принесена паводком.

Планиграфия

Комплекс культурных остатков 2Г культурного горизонта является скоплением диаметром около 6,0 метров. По центру скопления через очаг прошел блок отседания шириной 20–25 см, опустившийся на глубину до 5 см. Позднее он был разбит криогенной трещиной, прошедшей с ЮЗ на СВ и имеющей в центре комплекса ответвление на ЮВ. По трещине на СВ, т.е. к ложку, по которому сегодня течет ручей, была образована промоина, смывшая часть углей кострища.

Культурный слой за счет прокраса охрой имеет мощность от 1 до 3 см, но в целом не выходит за пределы темно-серой прослойки алеврита, перекрытой и подстилаемой тонкозернистым светло-серым стерильным песком (рис. 121.ж). За исключением морозобойных и тектонических нарушений археологический материал можно оценить как инситуальный. Следует отметить плохую сохранность кости, худшую, чем в первом комплексе 6 к.г.

Повсеместно в подошве культурного слоя отмечается охра в виде ярких пятен, кусков гематита и более или менее монотонного окраса ярко-красного, вишневого, розового оттенков (рис. 131, 134). Окрас охрой слоя встречен нами на всех участках этого комплекса за некоторыми исключениями в виде пятен разреженной концентрации или почти полного отсутствия охры и углей. Одно такое пятно размером 0,60 м в поперечнике находилось сразу за очагом, за валуном №5 в восточной части комплекса, другое – на противоположной стороне, к западу от очага, от плиты №1 размером до 0,40 м в поперечнике (?).

Вторым основным компонентом культурного слоя являются древесные угли, обильно рассеянные по всей площади (рис. 134). Основная концентрация углей имеет характер пятна размером около 4,0 м в поперечнике. Массовый характер углей в слое вместе с темно-серым цветом заполнения, а также розоватыми, вероятно, в результате прокала оттенками песка наводят на предположение о том, что в этих пределах угли были рассеяны по площади в горячем состоянии и прогрели грунт.

Камни описываемого комплекса лежали на углях (рис. 131). Под несколькими камнями очага найдены единичные отщепы. Камни конструкции, во-первых, состоят из очажного сооружения, во-вторых из выкладок на периферии комплекса (рис. 130).

Очажное сооружение образовано из полукольца выложенных плит (№1–4) в северной части и конструкции из плит и валунов (№5–13) в южной части (рис. 132). Полукольцо или дуга состоит из двух плоских и массивных вытянутых в длину гранитных плит (№1, 2), уложенных концами почти перпендикулярно друг другу, и двух гнейсовых плитчатых обломков (№ 3, 4), лежащих у обоих внешних концов больших плит (рис. 133.б). В 20 см к югу от камня №3 лежал валунчик №14. За большими плитами в 8–25 см к северу просматривается разреженность в слое близкая по форме геометрии состыкованных плит. У этого контура лежал еще один гнейсовый обломок (№15). Возможно, он остался на этом месте после того, как плиты были передвинуты на горячие угли ближе к центру кострища. У северо-восточного

края полукольца этой выкладки сохранилась углистая черная корочка кострища, не смытая промоиной. Вместе с ней в подошве отмечены яркие пятна охры.

С юго-востока к очагу примыкает /формирует вторую половину очага конструкция из 11 плит и валунов (рис. 131, 132). Эта выкладка состоит из большого валуна (№5) размерами 42×30 см и высотой не менее 30 см (рис. 133.а,г). За ним (к югу от него) впритык лежит плоская плита (№6) размерами 36×33 см. С южного края на нее налегает еще одна плитка (№13а). С южной стороны к обеим плиткам примыкают скальный обломок (№7) размерами 46×22 см, валун (№12) и еще один валун (№13). За скальным обломком (№7), к югу, не соприкасаясь с ним, лежат гнейсовая плитка (№11), и впритык к нему – гранитная плита (№10) и гнейсовая плитка (№9). У северо-восточного кончика скального обломка (№7) есть еще одна малая гнейсовая плитка (№8), лежащая как подпорка большого камня.

Яйцевидный валун (№5) имеет обожженную боковую поверхность, обращенную к очагу (рис. 133.б,г). Однако нижняя часть стоящего на ребре валуна не обожжена. Скорее всего, на очаге он лежал плашмя, а затем был поставлен на ребро в композицию с плашмя уложенной плитой (№6). Эта плита с обеих противоположных сторон имеет возвышающиеся в виде бортиков края камней №5 и 7. В радиальном центре – очаге и в пределах всей радиальной зоны, ограниченной дугой из камней (№ 21, 22, 23, 24), одиночными камнями (№ 31, 32, 34, 20) культурный слой насыщен охрой и фрагментами древесного угля. Максимум углей приходится на участок под и рядом с плитами (№1, 2) и под каменной конструкцией (№5-13) к югу от них. В ходе раскопок конструкции установлено, что под скальным обломком подтреугольной формы (№7) под всеми тремя углами находились небольшие плитки (12×7 см, 15×7 см, 15×11 см, толщиной до 3 см) (рис. 133.д,е).

В северном секторе на удалении 1,5 м от плиты №2 найден скальный продолговатый обломок (№20) (рис. 132). Ориентирован по линии ЮЗ-СВ.

Несколько ближе, на удалении 1,0 м от плиты №2 находилась группа из четырех состыкованных камней (рис. 133.ё), лежащих по линии З-В, поперек общему направлению конструкции. Первый в группе камень является поперечно расколотым валуном (№16), плоской расколотой гранью примыкающим к следующему камню. Второй (№17) и четвертый камни (№19) в выкладке являются подчетыреугольными неокатанными скальными обломками, лежащими в направлении С-Ю. Находящийся между ними камень (№18), третий в выкладке, напротив, лежал по линии З-В.

Следующий камень (№15) залегал на удалении 0,3 м от плиты №2 в промежуточной позиции между предыдущей выкладкой и очажной обкладкой (рис. 132). Это также скальный обломок.

К востоку от очага с конструкцией идет дуга из камней: гнейсовая плитка (№21), и три валуна (№22, 23, 24) (рис. 133.ж). Их радиус до очага составляет 90-120 см. За ними следуют плита (№25), большая плита (№26) и плита (№27) (рис. 130.а,б). Они лежат в виде второй дуги, удаленной от первой (и от радиального центра комплекса) на 25-30 см. Два валуна (№ 28 и 29) сходных размеров находились за плитой №26 по линии ЮЗ-СВ. За плитой №25 в 36 см к СВ лежала небольшая гнейсовая плитка № 30. Расстояние между валунами №22, 23 и одиночным плоским валуном №34 на западной периферии комплекса составляет 5 метров (рис. 131, 132).

В 40 см к югу от этой выкладки лежал одиночный скальный обломок (№31) высотой 10 см, ориентирован по линии СВ-ЮЗ. В 50 см к ЮЗ от него по линии С-Ю найдена гнейсовая плитка (№32) (рис. 132). С юга к ней примыкает расколотая галька (№33). Впритык к плите проходит морозобойная трещина. Эта трещина шириной до 30 см уходит к трещине, разбившей очаг, ударившей по блоку отседания. За трещиной, в 33 см к ЮЗ от приочажного валунчика №13 лежит еще одна галька (8×8 см).

В западном секторе на периферии комплекса на удалении 2,27 м к ЮЗ от плиты №1 выявлен плоский окатанный валун (№34) подчетыреугольной формы, лежащий по линии север-юг. Северо-восточнее его, на удалении 1,12

м к 3 от плиты №1 залегал узкий вытянутый скальный (гнейсовый) обломок (№35), ориентированный по линии СЗ-ЮВ (рис. 132).

Еще одной конструктивной деталью слоя является две ямки (рис. 133.е,г). Первая ямка находилась в 1,15 м к СЗ от плиты №1, в 0,5 м западнее от выкладки камней №16–19. Она была диаметром около 20 см, глубиной 6 см, заполнена основными компонентами слоя – углем и пятнами охры. Наибольшая глубина ямки прослежена в части, удаленной от очага – радиального центра. Вторая ямка также диаметром 20 см имела глубину 1-1,5 см. Она находилась за очагом (камнем №11) и перед скальным обломком (№31). Обе ямки расположены на противоположных концах комплекса по линии СЗ–ЮВ (рис. 130.б). Расстояние между ними – 3,5 м.

Орудия были найдены: группа I – к северу от очага (скребок, скребло, долотовидное орудие); группа II – северо-западу от очага (мясной нож, скобель-резчик, скребло и долотовидное), причем долотовидное орудие было найдено на скребле; группа III – к юго-западу от очажного полукольца плит отщеп с ретушью (мясной нож), скребок и долотовидное орудие-скобель; группа IV – у южного края очага скребок, два мясных ножа; группа V – к северо-востоку от очага отщеп с ретушью-скобель, отщеп поджигления бифаса (скобель-резчик), мясной нож (рис. 132). Отдельно от всех, на внешней периферии комплекса культурных остатков найдена пластинка-вкладыш со следами лезвия ножа по мясу.

Все крупные фрагменты трубчатых костей найдены южной – юго-восточной части комплекса (рис. 132).

Сразу за пределами камней дальней периферии (№ 20, 25, 26, 27, 31, 32, 34) отмечались только отдельные знаки углей и охры, один небольшой гранитный обломок, найден в 0,85 м к северу от плиты №20.

Обсуждение

Микростратиграфические наблюдения над компонентами слоя – охрой, углем, дебитажем, костными остатками, плитками и валунами позволяют

реконструировать последовательность организации данного комплекса как этапов обитания.

1. Охра в подошве слоя, подстилающая и угли, и камни конструкции, повторяет аналогичный паттерн 2Б культурного горизонта. Мы видим, что в самом начале обитания на стоянке люди рассеяли толченый до консистенции порошка охры гематит на площадке, выбранной для поселения диаметром около 4,5–5 метров. Судя по отсутствию охры – «белому пятну» около валуна №5, т.е. к востоку от приочажной конструкции, возможно, на этом месте уже лежали какие-то вещи к началу акта деятельности с охрой, поэтому оно осталось неокрашенным (рис. 134).

2. Затем был разведен костер. Его угли рассеяны в радиусе 1,5–2 м (рис. 134). Темно-серый окрас вмещающего их «поля», по нашему мнению, свидетельствует о том, что угли рассеяны в горячем состоянии, и «пол» был прогрет. В течение этой операции с костром, длившейся, очевидно, несколько часов, было произведено несколько актов расщепления камня, судя по тому, что единичные отщепы попали под камни конструкции (рис. 135).

3. После операции с охрой и углями были выложены камни конструкции (рис. 134, 135). Приочажные камни №1–12 выложены именно на центр кострища. Они использовались как тепловые аккумуляторы, возможно, для приготовления еды и длительного сохранения тепла. Для этого обломок плиты №7 был приподнят над «полом», установлен на небольшие плитки. Предположительно, этим был устроен поддув и доступ воздуха к лежащим под плитой углям. Валун №5 после нагрева был перевернут на ребро. Вместе с камнем №7 они окантовали в виде двух противоположащих бортиков плоскую плиту №6. По своим размерам данное сооружение подходит под интерпретацию кресла – теплого сидения со спинкой.

4. На дальней периферии обитатели установили камни – лежащие дугой в юго-восточном секторе (№21, 27, 31–33) и одиночные в западном (№34) и северном (№20) секторах (рис. 132, 135). Камни №20 и 34 похожи между собой в характеристиках вытянутости, уплощенности. Они лежат, как бы, по

касательной к окружности комплекса. Камни в восточном секторе образуют две дуги. Одна состоит из четырех камней №21–24. Вторая из трех более крупных плит №25–27. Расстояние между двумя этими линиями – 25–30 см. Камни №31 и 32 возможно трактовать как продолжение обеих дуг. Перед камнем №31 в юго-восточном секторе и перед камнем №20 в северо-западном секторе находились ямки диаметром около 20 см, образованные, вероятно, продавливанием пола наклонно к центру и друг другу стоящими жердями. Вместе очаг, камни на периферии и ямки, как будто, указывают на сооружение жилища.

Камни в северном секторе №20 и №16–19, удаленные от края очага (плиты №2) на 1,5 и 1 м, соответственно, и камни №21–24 по дальней дуге, удаленные от края очага (валуна №5) на 1,5 и 1,9 м, как будто, указывают на существование ближнего и дальнего радиуса сооружений (рис. 135). Помимо названных камней №20 и 25–27 на дальний радиус приходится камень №34 (западный сектор). И, как будто, в окружность ближнего радиуса вписываются камень №35 (западный сектор) и камни №31, 32 (юго-восточный сектор). Диаметр внешнего круга по расстоянию между камнями №26 и 34 имеет 5,5 м. Диаметр малого круга по расстоянию между камнями №24 и 35 и №18 и 32 насчитывает 3,90 м. В этой связи мы видим две версии сооружения. Либо две дуги в восточном секторе отражают некий «усиленный» способ крепления конструкции жилища типа «чума», а камни №31, 32, 34 и 20 лежат по внешнему его контуру, и, возможно, камни «31 и 35 сдвинуты со своих служебных позиций. Либо жилище имело внутреннюю камеру – полог, т.е. было двухстеночным.

5. Анализ статистических данных показал преобладание микродебитажа в площади северного, северо-западного и западного секторов периметра комплекса (рис. 132). Основное скопление чешуек в северном секторе тяготело к группе камней № 15-20. Максимальная концентрация (47 чешуек, из них 27 из кварца на $\frac{1}{4}$ кв. м) приходилась на участок с приочажной плитой № 2 и

камнем № 15. В эту же сторону от очага вытягивалось пятно окрашенного микрочастицами охры и угля грунта.

Продукты каменного производства

Общая коллекция артефактов, связанных с описываемым комплексом 2Г к. г. включает 17 орудий, 1 битую гальку и 2 галечных осколка, 1417 отщепов и сколов: в том числе 83 отщепа, 1334 чешуек. Всего 1437 единиц. Минеральный состав коллекции – кварцы – 63 % и эффузивы – 37 %.

Вся коллекция артефактов из камня, исключая чешуйки, была подвергнута трасологическому анализу Г.Н. Поплевко (ИИМК РАН). В итоге выделено 17 орудий (рис. 136). Из них семь определено как ножи по мясу. Семь – как орудия обработки кости и рога: 2 скобеля по кости и рогу, 2 скобеля-резчика, 1 долотовидное-скобель, 2 долотовидных. И три – как орудия обработки шкур: 2 скребка и 1 скребло по шкурам. Десять орудий изготовлено из жильного кварца (59%), семь – из эффузивных пород (41%).

Орудия группы ножей по мясу представляют собой отщепы с острым краем, не имеющим вторичной обработки (4 из кварца и 3 из эффузива) (рис. 136.1-5,8,9). В двух случаях выявлены два лезвия на противоположных краях (рис. 136.3,4). Четыре ножа определены как вкладыши (рис. 136.1,2,3,5). Один из вкладышей представляет собой неправильную пластинку с обломанным дистальным краем (рис. 136.1). Данный артефакт является мелкокристаллическим кварцитом белого цвета. Интересен тем, что, возможно, является представителем пород, слагающих осадочный чехол Сибирской платформы. Коренной источник пород находится вниз по р. Витим от расположения стоянок Коврижка I–V.

Группа орудий по кости и рогу состоит из семи предметов (рис. 136.6,7,10-14). Один скобель из эффузива может быть определен как первичный отщеп с краевой ретушью по левому маргиналу, или боковой скребок (рис. 136.12). Второй скобель из эффузива формально является поперечным (трансверсальным) скреблом с лезвием, оформленным по дорсальному фасу и подработанным ретушью по вентралу. Однако следов

работы на нем не выявлено. Следы работы скобелем по кости и рогу найдены на ребре узкого обушкового края на вентральной поверхности (рис. 136.13). Один комбинированный резчик-скобель из кварца имеет боковой скребковый край со следами скобления кости и рога и два угловатых участка на противоположном краю, определенных в функции резчик и резчик-скобель (рис. 136.10). Как еще одно многофункциональное орудие определены два апплицирующихся фрагмента отщепы утоньшения бифаса из кварца, на проксимальном конце несущего часть бифасиального ребра. Выступающие углы на обоих продольных необработанных краях идентифицированы в функции резчика и скобеля (рис. 136.11). Три долотовидных орудия из кварца (рис. 136.6,7,14) представляют собой изделия типа *pièce esquillée*. На одном из них на выемчатом крае обнаружены следы скобления (рис. 136.14).

Орудия обработки шкур состоят из скребла и двух скребков, все из эффузивов. Скребло с крутой ретушью, оформляющей в лезвие широкий проксимальный край первичного скола (рис. 136.17). Второе орудие представляет собой морфологически выраженный короткий концевой скребок с ретушью, заходящей на правый край, изготовленный из высокого в поперечнике трехгранного отщепы (рис. 136.16). Третий предмет – это медиальный сегмент тонкого первичного отщепы со следами скребковой работы по шкурам на остром боковом краю (рис. 136.15).

Из 83 отщепов 22 – из кварца. При количестве орудий из него в 10 единиц, соотношение неамортизированных артефактов из кварца к амортизированным (орудиям) – 2:1. Это высокий показатель. 61 отщеп изготовлен из эффузивных пород. Соотношение не-орудий к орудиям в этой группе 9:1. Однако следует отметить, что крупных сколов размерами более 2 см в длину, не имеющих следов работы, имеется всего два. 59% всех орудий изготовлено из жильного кварца. Одно, определенное как долотовидное-скобель, возможно также определить как истощенный нуклеус, битый в манере *pièce esquillée*, реутилизированный затем как скобель (рис. 136.14). Расщепление в группе эффузивов, если и велось, то имело крайне

ограниченный масштаб: крупные отщепы были принесены извне. Чешуйки являются продуктами амортизации, либо подправки. Почти все крупноразмерные отщепы и сколы обеих групп были востребованы в роли орудий. Большинство из них – с амортизированным краем без вторичной отделки. Судя по преобладанию доли кварца в отходах и в орудиях над эффузивными породами, самой большой, кстати, среди палеолитических комплексов Витима, люди испытывали дефицит в сборе галечного эффузивного сырья.

Четыре ножа по мясу, три из отщепов и одно лезвие из пластинки, судя по трасологическим данным, были вкладышами. При этом вкладышей-микропластин, массовых в 6 и 2Б к.г., здесь нет. Как нет и нуклеусов. Нет резцов. О присутствии бифасов говорит лишь отщеп утоньшения бифаса (*biface thinning flake*) с реберчатым краем (рис. 136.11).

Малое количество каменных артефактов отличает данный комплекс от ранее изученного на Коврижке IV в 6 к. г. жилищного комплекса (более 9 тыс. ед.). В тоже время, коллекция имеет самый высокий среди нижневитимских палеолитических комплексов показатель 63% жильного кварца, преобладающего над обычно основными эффузивными породами (диабаз, микрогабро, трахит, дацит, порфирит и др.). По семь орудий приходится на группу мясных ножей и группу обработки кости, три орудия в группе обработки шкур. При ограниченном наборе орудий отсутствуют микронуклеусы, единична находки сегмента пластинки (рис. 136.1), нет резцов и чопперов. О присутствии бифаса говорит лишь один отщеп утоньшения, несущий фрагмент края бифаса (рис. 136.11). Камни № 13 и № 14 являются небольшими валунами кварца, вероятно, подобранными с перспективой использования как поделочный ресурс. Во всяком случае, на камень № 13 нанесен один скол, после этого опробования он был оставлен у очага. В совокупности данные указывают на минимальную и, вероятно, кратковременную в этом эпизоде обитания деятельность в сфере каменного

производства, ограниченность в сборе галечного сырья, вынуждавшую опираться на жильный кварц.

6. Негативы мелких фрагментов кости размером до 2 см в длину отмечались к северу от очага. Но все найденные фрагменты трубчатых костей крупнее 2 см (всего не более 12 фрагментов) располагались в южной – юго-восточной части комплекса, где дебитаж почти нет. В этом виде просматривается специализация приочажного пространства: северного в каменном производстве (в основном, мелкие дебитажные работы) и орудийной деятельности (обработка шкур и работа долотовидными орудиями), южного в пищевом потреблении и выбросе сколько-то крупных костей (наиболее крупные фрагменты были не более 8 см в длину).

7. О входе жилища судит сложно. Жилище в 6 к.г. входом было обращено на СВ, к ручью (тогда рукаву протоки). В нынешнем случае промоина в этом секторе, смыла культурные остатки. Возможно, крупные валуны №28 и 29, установленные под углом к дугообразной выкладке камней, являются остатками какого-либо привходового сооружения. В этом случае вход должен был быть на СВ-В. Выразительный привходовый шлейф культурных остатков в данном случае отсутствует.

8. Совокупность представлений о прогреве пола, сооружении очажных теплосберегающих конструкций, постройки жилища, лимитированности в галечном сырье, а также интерпретаций зимнего сезона для комплексов 6 и 2Б к.г., и данных об активном аллювиальном осадконакоплении, имевшем паводковый характер в этот период, когда вся пачка, вмещающая 6–2Б к.г., сформировалась в течение 15,7–15,0 тыс. рад. л.н., побуждает предложить для данного комплекса зимний сезон обитания.

Сравнительный анализ хозяйственно-бытовых комплексов 2Г, 2Б и 6 к.г.

Комплекс культурных остатков в 2Г к.г. является третьим после первого жилищного комплекса 6 к.г., раскопанного в 2012–2015 гг. и очажного комплекса 2Б к.г., раскопанного в 2016–2017 гг. Вместе эти три паттерна

представляют различные деятельностные ситуации в интервале 15,7–15,3 тыс. рад. л.н. (19–18 тыс. календ. л.н.).

Как и во 2Б к.г. в комплексе 2Г к.г. в подошве слоя читается охра, и в обоих случаях мы видим намеренную деятельность по окрашиванию охрой выбранной к обитанию площадки в самом начале поселения.

Во всех трех случаях обитатели нагревали на костре камни и использовали их в качестве аккумуляторов тепла. В комплексе 6 к.г. об этом говорит лишь одна плитка, по которой получен палеомагнитный анализ. Во 2Б и 2Г к.г. комплексах технология сохранения тепла в камнях применена гораздо шире. В обоих случаях есть данные о перемещении приочажных камней. Об этом говорят результаты палеомагнитного анализа. Это отражают белые пятна – негативы прежних позиций плит и валунов, относительно которых в слой упали культурные остатки.

В нынешнем комплексе 2Г к.г. приочажная специализация северного сектора в расщеплении и орудийной деятельности, а южного сектора в пищевом потреблении или в кухонном отбросе в целом аналогична зональному распределению культурных остатков у очага во 2Б к.г.

Конструктивно, в совокупности охры в подошве слоя, обширного углистого пятна кострища, камней очажных и лежащих по периметру комплекса, ямок этот комплекс 2Г к.г. самый сложный из всех трех раскопанных нами структур. Что можно объяснить наибольшими усилиями и наибольшей технологичной сложностью сооружения жилища.

По показателям количества каменных артефактов, орудийного набора, сложности организации обитаемого пространства комплекс 2Г к.г., с одной стороны, представляет собой наиболее сложно организованное жилое пространство, с другой стороны, характеризует кратковременную и ограниченную в видах деятельность. В результате этой ограниченности орудийный инвентарь дает совершенно иной облик культуры, не имеющий каноничных для позднего верхнего палеолита Восточной Сибири категорий

изделий – отщеповых и клиновидных нуклеусов, резцов, скребел, галечных орудий.

Сопоставление с опытом раскопок забайкальских жилищ Студеного-1, 2, Усть-Мензы-1, 2, Косой Шиверы, Сухотино-4 выводит на ряд параллелей и отличий (Константинов М.В., 1994; Константинов А.В., 2002; Разгильдеева И.И., 2018). Большинство из них – это остатки одноочажных конических жилищ. Для забайкальских остатков жилищ также, как и в случае комплекса 2Г к.г., характерна скудность каменных и костных культурных остатков. В нашем случае обилие охры и угля в слое позволяют рассуждать о микростратиграфической и операционной деятельности последовательности. В забайкальских памятниках отсутствуют примеры широкого площадного присутствия охры. В отдельных случаях, в частности, в 4/4 к.г. Студеного-2 пятно охры размером около 1,1×0,5 м сопровождало выкладку камней в виде угла, интерпретированную как сооружение для растяжки шкур, в обработке которых применяли охру (Разгильдеева И.И., 2018, с. 159). В целом, забайкальские памятники с остатками жилищ являются единственными в регионе Восточного Прибайкалья – Забайкалья и потому ближайшими аналогами остаткам жилых комплексов 6 и 2Г к.г. Коврижки IV. В возрасте 15,7–15,3 тыс. рад. л.н. они синхронны. Типологически в инвентаре каменных изделий подобны.

2В культурный горизонт

В пикете 44 – квадрате 8 в темно-сером слое между слоями 2Б и 2Г культурных горизонтов обнаружено несколько фрагментов древесного угля, пятен охры и один отщеп. На этом основании выделен уровень 2В к.г.

2Б культурный горизонт

Культурные остатки 2Б к.г. залегают на глубине около 0,65 м от дневной поверхности, в подошве прослойки темно-серого алеврита мощностью 1–4 см (рис. 110.а, 112.Участок 2). В кровле этой же прослойки выделен культурный горизонт 2А. Ряд аппликаций позднее связал часть находок, отнесенных ко 2А к.г., с находками 2Б к.г. Разница в глубине залегания между ними составляет

до 4 см. У северо-западного края кострища выявлены землеройные ходы грызунов, заполненные углем. Культуровмещающие отложения разбиты криогенными морозобойными трещинами, формирующими полигональную сеть, заложенными из подошвы субаэральными отложениями. Кроме того, встречены блоки отседания с незначительным (первые сантиметры) смещением по вертикали и горизонтали.

По 2Б к.г. получены AMS-даты 15320 ± 100 л.н. (LTL-16563A), 15460 ± 80 л.н. (Poz-106962) по углю, 14940 ± 80 л.н. (Poz-106023) по кости.

В 2016 г. коллекция 2Б к.г. изучалась трасологом Дж. Жакье (ун-т г. Ренн, Франция) (Тетенькин А.В. и др., 2016). Древесные угли определены антракологом А. Анри (ун-т г. Ниццы – Софии-Антиполис, Франция) (Анри А. и др., 2018).

Для культурного горизонта 2Б стоянки Коврижка IV определены два таксона: ива и берёза. Специфические анатомические индикаторы указывают на то, что остатки ивы и берёзы соответствуют кустарниковым или карликовым видам. Определённая по фрагменту ивы калиброванная дата в 18575 л.н. соответствует финалу максимума оледенения. Присутствие кустарников хорошо соотносится с общей картиной господства кустарниковых тундр и степей в холодных и сухих климатических условиях этого времени в регионе.

Планиграфия

Общий размер скопления культурных остатков очажного комплекса 2Б к. г. составляет около $4,5 \times 4,5$ м (рис. 113, 138). Кострище имеет вид пятна размерами $0,90 \times 0,65$ м, вытянутого с запада на восток. Большой контур, интенсивно насыщенный частицами угля, прилегающими к очагу, имеет размеры около $1,6 \times 1,4$ м. На восточном полупериметре кострища залегало шесть крупных камней – 4 валуна (№4, 5, 7, 11) и 2 гнейсовых скальных обломка (№6, 8) (рис. 140.1). Мощность углистой линзы кострища около 2 см (рис. 140.2). Прокала под ней нет. В западной от кострища части комплекса лежали еще два валуна (№1, 17). На одном из них (№17) и на небольшом

валуне, с севера примыкающем к кострищу (№ 4), верхние плоскости несут следы забитости.

В 35 см к северу от очага, в 8 см к северо-западу от валуна №5 лежал диск (№3) из терригенного тонкозернистого хорошо слежавшегося уплотненного алевритового осадка черного цвета, диаметром – 12 см и толщиной – 2 см (рис. 140.1; рис. 137.1; рис. 139.7).

В 20–40 см к юго-востоку от края кострища залегала массивная плоская гнейсовая плита (№12). С юго-запада к ней примыкал скальный обломок (№13). Под северным углом гнейсовой плиты вертикально подоткнута плитка углистого сланца максимальной длиной до 10 см (рис. 139.3). Под плитой среди других культурных остатков было найдено долотовидное орудие типа *pièce esquilée* и сегмент микропластины с следами по одному из краев.

В 1,7 м к юго-востоку от кострища залегала еще одна массивная плоская гнейсовая плита (№14) и рядом с ней продолговатый окатанный валун (№15) с двумя крупными выбоинами на торце. Под плитой и рядом с плитой у ее южного угла найдено 20 микропластин из черного камня, снятых с одного нуклеуса, большей частью целых (8 под плитой) (рис. 141.1).

В 25–30 см к юго-западу от кострища лежал валун (№ 16). В этой части комплекса между ним и валуном № 11 была повышенная концентрация дебитаж.

Особенностью 2Б культурного горизонта является интенсивный прокрас охрой обитаемой площади (рис. 137.2, 138, 139.5,6). Охра в виде кусков гематита, дающих в результате дезинтеграции яркие пятна, и в виде равномерного прокраса слоя представлена повсеместно на площади обитания вокруг очага. Несомненно, что была осуществлена особая работа, нацеленная на производство красящего вещества и специфическую обработку территории. Установлено, что эта деятельность протекала в самом начале обитания, т. к. большинство артефактов, валунов и плит залегает на окрашенном слое (рис. 139.5,6). У многих предметов нижняя поверхность несет следы охры. Охра отсутствует только в эпицентре кострища, из чего следует, что посыпка пола

(дневной поверхности) стоянки охрой и гематитом произведена вслед за разведением огня. В северо-западной, не обложенной камнями, открытой части кострища, на его окраине найдены трубчатая, расколота вдоль кость длиной 15 см и рядом с ней яркое пятно охры диаметром 6 см, по-видимому, разложившийся кусок гематита (рис. 140.2).

В результате разборки подошвы валунов и плит установлено, что только один крупный валун у южного края кострища (№ 11) и один плитчатый обломок к юго-востоку от кострища (№ 13) не имеют под собой культурных остатков. Из этого можно предположить, что вышеназванные камни занимают первоначальное положение и присутствуют на слое с самого начала развития деятельности ситуации. Остальные крупные камни заняли свою последнюю позицию на каком-то этапе уже текущего обитания. Камни на очаге за единственным исключением вышеупомянутого валуна также залегают поверх углей. Два скальных обломка № 6 и № 8 лежат параллельно друг другу на расстоянии около 15 см, окаймляя восточный край очага. К дальнему от очага, восточному концу обломка №6 плотно, перпендикулярно подогнан валун №7. Слабо наклонные к очагу плоские фасы обеих камней сопряжены. Под камнем (№ 6), под линзой угля кострища обнаружено тесловидная заготовка клиновидного нуклеуса (рис. 139.1). Песок под артефактом стерилен. Следовательно, данная находка отражает самый первый эпизод обитания, предшествующий разведению костра. К изделию апплицировано шесть артефактов (рис. 142), что указывает на некоторый объем производственной деятельности в самом начале пребывания людей на стоянке.

У южного края кострища за гнейсовым обломком №8, в угол между ним и большим валуном №11 были положены галечный отщеповый нуклеус и крупный отщеп с ретушированным дистальным рабочим краем – скребок (рис. 137.2, 151). Вплотную к ним прилегал еще один обломок валуна (№10), апплицированный к валуну №7 на кострище, а также чопперовидная битая галька, в положении «стоя» вплотную прижатая к большому очажному камню №8 малым гнейсовым обломком №9. Эта выкладка, по всей видимости, была

произведена после пика горения очага. Выкладка у края очага нуклеуса и скребка, вероятно, была совершена в финале обитания людей на стоянке. Орудия в данной ситуации формально можно оценить как «депозит» – оставленные перед покиданием стоянки вещи, годные для того, чтобы воспользоваться ими позднее.

Наряду с залеганием плит и валунов на культурных остатках, обращают на себя внимание два участка, имеющие контрастный характер «белых пятен», свободных от охры, гематита, угольков, отщепов почти полностью (рис. 138). Один из таких участков находится в 0,5 м к югу от очага и имеет размеры 55×35 см. Другое «белое пятно» – у северного края кострища, примыкая к камням №4 и 6 очага. Размер пятна 30×15 см. По нашему мнению, происхождение этих пятен связано с тем, что изначально там были камни, после, в какой-то момент перемещенные. В первом случае это, скорее всего, плита №12, во втором – валун №5.

Еще одной чертой планиграфии очажного комплекса является зональное разделение продуктов каменного производства и костных остатков (рис. 140.1). Дебитаж малочислен к югу от очага, и напротив, многочислен и вплотную прилегает к очагу с запада, севера и востока (рис. 143). Пик скопления каменных артефактов, преимущественно, чешуек приходится на участок у юго-западного края очага в районе валунов №11 и №16. Численные показатели здесь 413–511 единиц на четверть кв.м. Планиграфия аппликационных связей показывает, как «челночные» связи артефактов в направлении от западного приочажного пространства к восточному, так, по-видимому, и существование самих этих двух рабочих зон 1 и 2 у западного и восточного края очага. Большая часть микронуклеусов и фрагментов микропластин приходится на рабочую зону 1 к западу от очага (рис. 141.1, 142). Отдельно можно говорить о зоне (рабочая зона 3) отжима черных микропластин с клиновидного нуклеуса из диабазы, часть из которых была придавлена плитой №14, к юго-востоку от очага. Учитывая, что один из

отщепов подправки этого нуклеуса находился в восточной от очага рабочей зоне, вероятно перемещение мастера из зоны 2 в зоны 3.

Костные остатки в большинстве сосредоточены в северо-восточной (кухонная зона 1) и южной (кухонная зона 2) от очага части площадки, в последней каменные находки единичны (рис. 141.1).

Обсуждение

Микростратиграфические и планиграфические наблюдения над компонентами слоя – охрой, углем, дебитажем, костными остатками, плитками и валунами позволяют реконструировать последовательность этапов обитания в организации данного комплекса.

Стадия 1 (рис. 144). Приход людей, начало деятельности. Определяется по появлению на площадке первых артефактов до разведения костра и окрашивания охрой: заготовка клиновидного нуклеуса на стерильном песке под очаговым камнем №6 и апплицированные к заготовке отщепы; валун №11 и камень №13, подошвы которых стерильны; белое пятно отсутствия охры в 0,5 м к югу от очага, предположительно, негатив первоначального положения плиты №12.

Стадия 2. Разведение костра и затем окрашивание охрой площадки (рис. 144). О том, что охрой территория была обработана не раньше разведения огня, говорит отсутствие пятен охры – окраса и присутствие лишь единичных кусочков гематита в кострище.

Стадия 3 (рис. 144). Деятельность у очага до выкладки большинства очажных и периферийных плит и валунов. Например, отжим 20 микропластин, из которых 11 оказалось затем накрыто плитой №14.

Стадия 4 (рис. 145). Организация очага камнями №4–8, 11, положение у очага валунов №16, 17, перенос плиты №12 на последнюю позицию, передвижение от очага валуна №5, положение на пластины плиты №14.

Стадия 5 (рис. 138, 145). Деятельность позднего этапа обитания, протекавшая в окончательно сложившейся топике приочажного пространства: продолжение каменного расщепления и пищевого потребления. К этой стадии

отнесены зажатая между приочажным камнем №8 и плиткой №9 в вертикальном положении галька поделочной эффузивной породы и оставленные за очаговым камнем №8 скребок и отщеповый нуклеус. Последние, а также кусок гематита-охры и расщепленная крупная трубчатая кость на западной окраине очага, вероятно, относятся уже ко времени покидания очага (рис. 145).

Если иметь в виду отсутствие прокала кострища в данном 2Б к.г. и 6-сантиметровый прокал одного из кострищ жилища 6 к. г. Коврижки IV, то, вероятно, относительно эпизода 6 к.г. это был кратковременный эпизод обитания.

Камни на очаге можно определить, как уложенные для кухонных целей и, возможно, аккумуляции тепла. Валуны №1, 4, 16, 17, вероятнее всего, служили наковальнями. Они находятся в зоне скопления каменного дебитажа (рабочая зона 1) и сами несут следы забитости. Плоские гнейсовые плиты №12 и 14 возможно служили столиками для обитателей, вероятно, также предположение об их роли как сидений.

Доминирующей задачей каменного расщепления было производство микропластин. Некоторый объем дебитажа связан с обслуживанием клиновидных микронуклеусов. Среди орудий преобладают долотовидные – *pièce esquillée*, чья функция в силу трасологической непригодности этих изделий не очевидна. Деятельностная задача, обеспечиваемая маргинально ретушированными отщепами, вероятно, связана с обработкой каких-то твердых, возможно, минеральных материалов. Следует отметить отсутствие деятельности, связанной с орудиями обработки шкур и резцами, которых в ходе трасологического исследования изделий не найдено. Зажатая между двумя камнями на очаге галька эффузивной породы позволяет предполагать, что в расщеплении использовался прием нагрева камня.

Сюжет с «черным веществом» – алевритом, найденным у очага в виде диска весьма интересен. Ясно выраженный округлый контур и плоская форма диска свидетельствуют, по нашему мнению, что вещество содержалось в

контейнере типа тусса (рис. 139.7). Аналогичное черное вещество – черный алеврит было обнаружено в перекрытии кострища в жилище 6 культурного горизонта Коврижки IV (рис. 139.8). Рентгенофлуоресцентный анализ обоих образцов показал их идентичность (Тетенькин А.В., Жмур О.В., Демонтерова Е.И. и др., 2018). Этот результат позволяет предположить, что черный алеврит и здесь был принесен для аналогичной цели – засыпки очага. Разница в датировках обоих горизонтов 6 к.г. (15740 ± 100 л. н. (LTL-16562A)) и 2Б к.г. (15320 ± 100 л. н. (LTL-16563A)) по образцам угля, определенным как остатки ивы (антракологические определения А. Анри) составляет около 400 лет. Уникальный этот сюжет идентичности экзотичного вещества является аргументом существования культурной передачи (трансляции) между двумя данными эпизодами обитания.

Изучены образцы охры (Тетенькин А.В., Жмур О.В., Демонтерова Е.И. и др., 2018). Результаты порошкового дифракционного анализа образцов из горизонтов 2Б показали наличие гематита ($\alpha\text{-Fe}_2\text{O}_3$). Только несколько проб содержали еще и гётит ($\alpha\text{-FeOOH}$). Почти во всех образцах кроме минералов железа сопутствующим является кварц, что позволяет предполагать добычу охры из железистых кварцитов. Сделан вывод, что охра на стоянке Коврижка IV представлена природным комплексом минералов.

Обильно окрашенный охрой слой 2Б, а затем и раскопанного следом 2Г культурных горизонтов Коврижки IV на палеолитических стоянках севера Байкальской Сибири встречен впервые. Очаг 2Б к.г. залегает над структурой 2Г к.г. Их разделяет стерильный песок и тонкий слой алеврита, в котором по единичным находкам выделен 2В к.г., общей мощностью в среднем 8 см. Валун №15 2Б к.г. лежал, практически, на приочажной плите 2Г к.г. (Рис. 7–4), и отмечены еще три случая соприкосновения валунов и плит 2Б и 2Г к.г. Радиоуглеродный возраст, полученный по образцу угля ивы, в 2Б к.г., около 15320 л.н., контролируется датами по углю из ивы 15320 ± 80 л.н. (Poz-111356), 15360 ± 110 л.н. (Poz-111232) по нижележащим 2Г культ. гор. и 15350 ± 150 л.н. (Poz-106968) по углю из 2Д культ. горизонта. Даты указывают на разрыв в этих

эпизодах обитания в пределах жизни одного человеческого поколения, т.е. 30–40 лет. Эти рассуждения ведут к тому, что обитатели 2Б к.г., обработавшие охрой площадку, вероятнее всего, понимали, что пришли на прежде обитаемое место. То же, с большой долей вероятности касается людей 2Г к.г., поскольку непосредственно ниже существует 2Д культурный горизонт. Возможно, в этом обстоятельстве лежит ключ к объяснению охры как символической меры предосторожности по отношению к предшествующим обитателям. Вероятно, ритуальный характер имеет мощное пятно охры рядом с крупной разбитой трубчатой костью на западном краю очага (Рис. 140.2). Альтернативное объяснение охры на слое по рациональным причинам как антисептика или средства подсушивания влажного пола также имеет право на существование. В археологической литературе известны такие примеры интерпретаций (Усачева И.В. и др., 2018, с. 256–257).

А.М. Клементьевым (Институт земной коры СО РАН) были определены фрагменты двух нижних челюстей снежного барана (*ovis nivicola*) и два зуба лося (*alces alces*). По челюстным остаткам барана установлено наличие двух разновозрастных особей (зубы различной степени стертости). По степени стертости и порядку выроста моляров снежного барана был сделан вывод о первой половине зимы как сезона существования этой деятельностной ситуации (Тетенькин А.В. и др., 2016, с. 48).

Стоянка 2Б культурного горизонта наряду с эпизодами обитания, сохранными в остальных, как минимум, одиннадцати культурных горизонтах пойменной фации аллювия, свидетельствует о предпочтении обитателей в выборе места для поселения, практически, у самой береговой кромки, на речном пляже. Безопасно селиться долговременно здесь можно только во время года с нулевой паводковой активностью – с осени по раннюю весну.

Коллекция каменного инвентаря

Коллекция каменных артефактов причажного комплекса состоит из 7243 экземпляров (Тетенькин А.В., 2017в). Из них изделия составляют 35 экз.,

фрагменты микропластин – 233 экз., технические сколы – 17 экз., отщепы – 597 экз., чешуйки – 6361 экз. В изделия входят 12 клиновидных микропластинчатых нуклеуса, 1 отщеповой нуклеус, 7 долотовидных изделий, 6 отщепов с краевой ретушью, 3 отщепа со следами амортизации, 3 бифаса и 2 фрагмента бифаса, 1 тесловидное изделие (заготовка микронуклеуса). Среди микропластин выделены 5 сегментов со следами утилизации, определенных как вкладыши.

Основной литоресурс, из которого состоит абсолютное большинство дебитаж, это типичное для ансамблей Авдеихи, Большого Якоря I, Коврижки II и III, а также других 2-6 к.г. Коврижки IV, местное галечное сырье эффузивных пород среднего и основного состава – микрокварцит, порфирит, дацит, роговик, диабаз, микрогабро. Экзоты во 2Б культурном горизонте также типичны в этой роли: кварц чистый и дымчатый (91 экз.), аргиллит (21 экз.).

Наиболее многочисленная категория изделий – торцово-клиновидные микропластинчатые нуклеусы, 12 единиц. Это самая большая серия микронуклеусов в ансамблях местонахождений Коврижка I–V. Для сравнения, 6 культурный горизонт на площади жилищного комплекса содержал 4 микронуклеуса, 2 к.г. Коврижки III – 11 микронуклеусов. Общей отличительной чертой всех клиновидных нуклеусов 2Б к. г. является подготовка и подживление ударной площадки мелкими сколами с латералей и торца.

Нуклеус клиновидный №1 имеет 4 апплицированных подживляющих скола (a, b, c, d) к ударной площадке и 2 отщепа к правой латерали (e,f) (рис. 146.1). Судя в целом по аппликационной сборке, нуклеус изготовлен из бифаса, ударная площадка трижды оформлялась поперечными сколами с левой латерали. Высота фронт изменилась с 4,3 см к 3,7 и 2,6 см. Изначально контур нуклеуса был высоким, в последней версии соотношение высоты нуклеуса к длине стало 1:1. Последовательность модификации и расщепления нуклеуса реконструируется следующая: изготовление бифаса – 1-е оформление ударной площадки (УП) – 1-й отжим микропластин – 2-е

оформление УП – 2-й отжим микропластин – 3-е оформление УП и снятие отщепов с ребра правой латерали – 3-й отжим микропластин.

Нуклеус клиновидный №2 сделан из бифаса (рис. 146.2). Под ударную площадку, ударами с левой латерали сбивался узкий конец преформы (а, б). Далее был начат отжим микропластин, вскоре приведший к заломам на фронте. После чего у нуклеуса дистальный конец (с) был сбит ударом с правой латерали и тем самым оформлена полюсно-противолежащая ударная площадка и начат непродолжительный отжим микропластин с противоположащего конца (d).

Нуклеус клиновидный №3 (рис. 147.1). Аппликационная сборка дала нам единственную возможность представить бифасиальную преформу в полном исходном контуре. Бифас имеет овальную форму длиной 6,5 см и шириной 4,3 см (стадия 1). Оба фаса оформлены тщательно стелющейся ретушью. Продольные слабовыпуклые края обработаны особенно тщательно, один из них имеет ретушь и микроследы утилизации: бифас использовался в качестве орудия (стадия 2). Один конец несколько заужен. Он (а) был сбит с того фаса, что в номенклатуре нуклеуса станет левым. Затем примыкающая к ударной площадке часть края бифаса, ставшего гребнем контрфронта, была ретушью сужена к площадке (стадия 3). Эта ретушь перекрывает микроследы утилизации продольного края. Далее следует начало нуклеарной эксплуатации (стадия 4). Первыми продольными сколами с торца или сразу после них был получен залом. После этого снят подживляющий скол с левой же латерали (b) (фаза 5). Новая ударная площадка подправлена короткими сколами с фронта. Новая фаза производства микропластин (стадия б) привела к новому залому в проксимальной трети. На этом попытки были оставлены, благодаря чему нуклеус из бифаса имеет, практически, не израсходованную форму (с). Ребра бифаса на обоих фасах сглажены. По-видимому, он был принесен на стоянку в готовом уже виде.

Нуклеус клиновидный №4 (рис. 147.2). Изготовлен из бифаса. Ребра на его фасах / латералиях заглажены. К левому фасу, к гребню контрфронта

аплицирован один широкий и короткий отщеп (а). После чего ретушированием значительный объем преформы с края был снят. Площадка оформлена с левой латерали поперечными сколами. Одна такая чешуйка аплицирована (b).

К фронту нуклеуса подобрано 11 микропластин (с-1-11). Примечательно место их находки. Нуклеус отстоял от скопления микропластин на удалении около 1 м к северо-западу. Подобранные микропластины демонстрируют 5 циклов челночной ротации отжима от одного края (левого) на другой. Часть пластин в этой сборке отсутствует. Следует отметить, что угол между фронтом и ударной площадкой в процессе расщепления «истощился» с 650 до 720.

Нуклеус клиновидный №5 изготовлен из бифаса (рис. 147.3). Гребень дуги кия – дистального ребра оформлен ретушью по левой латерали. Ударная площадка образована поперечными сколами, нанесенными с левой латерали, и подправлена короткими сколами с фронта и левой же латерали. Угол между площадкой и фронтом (угол скалывания) близок к 900.

Нуклеус клиновидный №6 бифронтальный (рис. 147.4). Изготовлен из бифаса. Латерали сильно залощены. Оба торцовых фронта сильно сработаны. Остаточная ударная площадка несет на себе негатив одного скола, каково было ее первоначальное оформление, судить затруднительно.

Нуклеус клиновидный №7 (рис. 147.5). Изготовлен из бифаса. Левая латераль относительно плоская. Окрашена охрой. Контрфронт оформлен крутой ретушью с заломами по правой латерали. Гребень дистального конца оформлен ретушью по левому фасу. К правому фасу аплицирована чешуйка. Была неудачная попытка подживить ударную площадку сколом с левого фаса, приведшая нуклеус в дальнейшую негодность.

Нуклеус клиновидный №8 изготовлен из бифасиальной преформы, ударная площадка оформлена поперечными ударами и подправлена с фронта (рис. НВ-сл2Б-вещи-3.1). Особенностью этого экземпляра является плоско-выпуклый характер его латералей. Одна из них уплощенная, другая выпуклая,

тщательно оформленная длинной и широкой и затем краевой мелкой ретушью. Контрфронт плавно дугою переходит в дистальный край.

Нуклеус был найден в 2017 г., тогда было замечено, что тщательностью отделки выпуклого фаса и округлым контуром ретушированного конца этот нуклеус совпадает с тесловидным изделием, также найденным во 2Б к.г. (рис. 148.1-а,2). Учитывая то, что под микроскопом следы утилизации тесловидного изделия обнаружены не были, мы считаем, то это заготовка клиновидного нуклеуса.

Нуклеус клиновидный №9 изготовлен из отщепа-унифаса (рис. 148.3). Нуклеус бифронтальный: фронты размещены на противоположных торцах, в результате конечная форма кельтовидна. Дистальный конец оформлен несколькими поперечными сколами. К одному, основному фронту апплицированы дистальный конец реберчатого скола (а) и микропластина (b). Второй фронт реализован, скорее, как попытка: снят один реберчатый скол и два коротких пластинчатых снятия по краю фронта. По характеру тесловидного оформления кия этот нуклеус аналогичен и предыдущему нуклеусу, и тесловидной преформе.

Нуклеус клиновидный №10 изготовлен из отщепа (рис. 148.4). Киль подработан ретушью по вентральному фасу, гребень контрфронта – по дорсалу. Ударная площадка оформлялась и подживлялась (а, b) ударами с левой латерали. К фронту апплицированы 2 микропластины (с, d), одна из них короткая (d), вызвавшая залом на проксимальной трети фронта нуклеуса.

Нуклеус клиновидный №11 (рис. 148.5). Преформа по одной, правой латерали обработана полностью. Левая латераль на поверхности расслоения гальки. Краевые сколы на ней единичны. Площадка оформлена поперечными сколами с левой латерали. Нуклеус имеет высокую пропорцию: соотношение высоты к длине 2:1. К фронту апплицирован один, дистальный сегмент микропластины. Контрфронт имеет два негатива торцовых краевых искривленных снятий. Вероятно, была попытка образовать второй фронт скалываний.

Клиновидный нуклеус №12 из светло-коричневой породы (рис. 148.7). Обработаны обе латерали. Площадка оформлена поперечными сколами, микропластинчатые негативы (всего не менее 3-х) имеют чуть ниже половины высоты нуклеуса. Две его отличительные особенности состоят в повышенной широте нуклеуса и в том, что все его ребра в сильной степени забиты и заглажены. По мнению Дж. Жакье, эти следы могут появиться в результате использования нуклеуса как кресала для разведения огня.

Аппликативная сборка краевого реберчатого скола и лыжевижного скола (рис. 148.6). АС состоит из краевого и лыжевидного сколов с бифаса длиной 6,7 см. Они несут на себе сбитое лезвие. Оба фаса тщательно обработаны. Ребра граней сглажены. Микроследы, обнаруженные под микроскопом, свидетельствуют о распиливании минерального материала. Эта аппликационная сборка типична для техники редукции бифаса снятием технических сколов с последующим микропластинчатым расщеплением – технике «юбецу».

Галечный отщеповый нуклеус веерный (рис. 149) изготовлен из черной крупнозернистой породы. К фронту апплицированы три коротких и широких отщепа. Половина площади фронта и большая часть контрфронта заняты галечной коркой. Очевидно, нуклеус находится на начальной стадии расщепления.

Долотовидные орудия представлены восемью экземплярами (рис. 150.1-7,11).

Два бифасиальных изделия (рис. 150.8,9) имеют морфологию сходную в таких деталях как выпуклый бифасиально оббитый реберчатый (рабочий) край, обушковый второй продольный край, остроконечное их сопряжение, противоположный узкий конец имеет «рукояточный» вид. Один фас более выпуклый, второй более плоский.

Осколок скребка с фрагментом лезвия, оформленного крупной высокой ретушью (рис. 150.10). Трасологический осмотр не выявил следов работы по

шкуре, однако показал закатанность граней не только лезвия, но и всего осколка.

Нож из отщепа (рис. 150.11). Отщеп тонкий, пластинчатый. Левый слабовыпуклый край несет следы утилизации в функции ножа без специальной вторичной подготовки.

Отщеп «крылообразный» с краевой ретушью по выпуклому краю (рис. 150.12). По заключению трасолога, этот артефакт использовался в качестве скребка по твердому материалу (кость, дерево).

Пластинчатый отщеп с микроследами пиления минерального материала по левому слабовыпуклому продольному краю (рис. 150.13).

Крупная пластина с нерегулярной краевой ретушью по правому краю, по дорсальному фасу (рис. 150.14).

Следующие два изделия являются унифасом и отщепом с лезвием, оформленным краевой ретушью (рис. 150.15,16).

Отщеп с краевой ретушью, формально, скребок (рис. 151). Крупный первичный округлый отщеп получил краевую обработку приостряющей ретушью. Левый край лезвия был подживлен тремя отщепами (аплицированными теперь), двумя по дорсальному фасу, одним – по вентральному. Обушковый край отретуширован крупной заломистой ретушью. По дорсальному фасу с левого края и правого, практически, напротив друг друга нанесены крупные сколы: один по левому и два по правому, тем самым как бы выделяя головную часть орудия. Трасолог, осматривавший это орудие, не выявил следов работы по шкуре. Вместо этого, по заключению Дж. Жакье, материалом, обрабатываемым этим орудием, были некие минеральные ресурсы. Характерно, что кромки аплицированных отщепов несут аналогичную ретушь, то есть речь идет о подживлении лезвия. Орудие было найдено вместе с единственным отщеповым нуклеусом у края очага за его очажными камнями.

Тесловидное изделие изготовлено из расслоившейся гальки (рис. 152). К нему аплицировано 15 отщепов. Под арьерфас «тесла» приспособлена была

поверхность расслоения. Лезвие выпуклое полукруглое. Обушковая часть сужена сколами по торцовым сторонам – по правой и затем с нее по левой. Один из сколов, снятых по правому торцу, использовался как долотовидное орудие (*pièce esquillée*). К лезвию апплицирован один длинный первичный пластинчатый отщеп, разбитый на 3 фрагмента, и еще три скола. Последовательность в оббивке лезвия, наблюдаемая по этим отщепам, по часовой стрелке. Дугообразный край обработан тщательной ретушью. Противоположный фас (отслоение) имеет по краю также несколько коротких широких негативов с заломами. Как выше уже отмечено, тесловидный обработанный дугообразный, узкий конец изделия схож с одним из клиновидных нуклеусов по размерам и характеру отделки выпуклого фаса. На этом основании сделан вывод о данном тесловидном изделии как о заготовке клиновидного нуклеуса.

Следующий аппликационный блок состоит из оббитой плоской отслоенной гальки (рис. 153). Второй ее, негалечный фас является поверхностью отслоения. Собранная из 16 частей форма имеет подквадратный контур. Ее редукция началась с торцовой оббивки противоположных углов. Причем каждый раз после откалывания очередного отщепа площадкой для удара становилась новая грань негатива. В итоге был сбит массивный диагональный скол, на 1/3 уменьшивший объем нуклеовидного остатка. С последнего затем было сбито несколько (апплицировано 7) отщепов с плоских фасов с противоположных ребер в манере *pièce esquillée*. Оба ребра несут и характерную для долотовидного орудия забитость.

Обсуждение. Каменный инвентарь как характеристика деятельностной ситуации эпизода обитания

Судя по тому, что в изделиях доминируют клиновидные микропластинчатые нуклеусы, доминирующей задачей каменного расщепления было производство микропластин как необходимого расходного компонента вкладышевого охотничьего оружия. Некоторый объем дебитаж связан с обслуживанием клиновидных микронуклеусов. Технике

производства и поджигания микронуклеусов 2Б и 6 к.г. будет посвящена отдельная статья. Здесь же остановимся на ключевых моментах, имеющих отношение к деятельностной характеристике стоянки. Большая часть нуклеусов, 9 из 12, сделана из бифасов. Судя по залощенности ребер негативов на обоих фасах, бифасы принесены на стоянку извне. Одна из бифасиальных преформ (рис. 147.1) и реберчатый с лыжевидным сколом, снятые с еще одного бифаса (рис. 148.6), несут на себе фрагменты рабочего края орудия. Здесь, на стоянке производилась конечная подготовка бифаса в пренуклеус, поджигание его ударных площадок и фронтов, перенос площадки и, конечно, расщепление. Три микронуклеуса сделаны из сколов. По всей вероятности, изготовлены они уже были на месте. Установлено данными ремонтажа, что найденная тесловидная преформа микронуклеуса была изготовлена уже здесь (рис. 152, 139.1). Доля сегментированных и целых микропластин в общем объеме дебитажу (без учета чешуек) составляет 26%, что меньше доли микропластин в 6 культурном горизонте Коврижки IV, (37 %), при том, что в 6 к.г. найдено всего 4 микронуклеуса и еще 2 можно предполагать, судя по дебитажу. Из этого следует, что значительная часть микропластин, снятых с 12 нуклеусов, была вынесена со стоянки. По какой-то причине остались на месте 20 микропластин из темно-серого диабазы, снятые с одного микронуклеуса (рис. 147.2,с-1-11). Сам нуклеус лежал в 1,10 м к северо-западу от скопления из 20 снятых с него микропластин. В самом скоплении пластин отсутствовали чешуйки, т.е., по всей видимости, расщепление микронуклеуса – отжим микропластин – происходило в другом месте. И размеры скопления компактны, примерно 30×30 см. Восемь микропластин позднее оказались перекрытыми гнейсовой плитой, положенной поверх них.

Вторая деятельностная задача, обеспечиваемая долотовидными изделиями и маргинально ретушированными сколами и отщепами, вероятно, связана с обработкой каких-то твердых, возможно, минеральных материалов.

Расщепление галек представлено одним веерным нуклеусом и одной аппликационной сборкой, остаточная форма которой имеет вид крупного *pièce*

esquilée. Последняя сборка является расслоенной повдоль галькой, подвергшейся затем обработке. Вторая отслоенная половина была оббита в виде тесловидного унифасиального орудия (рис. 152). Осматривавший этот предмет трассолог Дж. Жакье (Реннский ун-т, Франция) не увидел следов износа. Это тесловидное изделие было найдено под линзой кострища, в свою очередь, в подошве изделия был уже чистый стерильный песок, т.е. оно выпало из процесса деятельности в самом начале обитания на стоянке. Аналогичность форм двух микронуклеусов выступает аргументом в пользу определения тесловидного изделия как заготовки клиновидного микропластинчатого нуклеуса.

Еще одна галька, вероятно, была приготовлена к расщеплению. Она найдена в положении вертикальном, и была зажата между скальным гранитным обломком, лежавшим на углях очага, и гнейсовой плитой. Эта галька из порфирита. Сбит ее короткий конец. К моменту раскопок, она отшелушивалась на множество мелких аморфных отдельностей. Такое расслоение допустимо объяснить как тафономический результат пирогенного и, в целом, температурного воздействия. Несомненны намеренная установка гальки на ребро и зажим ее двумя камнями.

Один тонкий отщеп с синусоидным краем опознан трассологом как разделочный нож (рис. 150.11).

Сравнение с инвентарем жилища 6 культурного горизонта Коврижки IV позволяет понять, чего нет в комплексе 2Б к.г., и в этом смысле, внести поправки в представления о деятельностной ситуации на этой стоянке. Во 2Б к.г. нет скребел, скребков, резцов, соответственно не было и связанных с ним видов деятельности по обработке шкур и кости. Отсутствуют изделия из кварца (горного хрусталя), значительно меньше и число чешуек из этого материала.

В сущности, все имеющиеся данные ведут к заключению о производстве микропластин и неясном, пока, виде деятельности по обработке минеральных материалов. Поскольку микропластины использовались как вкладышевые

лезвия составных охотничьих орудий, и мы знаем об этом, например, по находке наконечника копья с вкладышами в 6 к.г. Большого Якоря I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.43), то речь идет о ремонте или заправке лезвиями охотничьего вооружения.

Технико-типологическая характеристика каменной индустрии

Наиболее морфо-типологически выраженными являются микронуклеусы 2Б культурного горизонта, это первый технологический контекст. По данным ремонтажа и по остаточным формам можно представить в основных чертах метод производства микронуклеуса: 1) использование в качестве преформы овального уплощенного бифаса, тесловидного плоско-выпуклого бифаса/унифаса и отщепа; 2) выбор под ударную площадку узкого конца и оформление ее латеральными-поперечными сколами, дооформление фронтальными короткими, в этой же манере и подживление; 3) как приемы продления срока службы нуклеуса – перенос фронта на противоположный торец и ударной площадки на дистальный конец. Эта техника, для обозначения которой мы предлагаем термин «коврижкинская техника микронуклеуса», принципиально отличается от техники юбецу, широко представленной на Большом Ягоре I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010). Однако и здесь, во 2Б к.г. найдены продукты юбецу: апплицированные друг к другу реберчатый и лыжевидный сколы с бифаса. Кроме того, по одному лыжевидному сколу найдено в 4 и 5 к.г. Коврижки IV, лежащих в вилке между 6 и 2Б к.г. (Тетенькин А.В., 2010, рис. 29.3,16). Эти материалы однозначно указывают на то, что техника, которую мы обозначаем термином «юбецу», была известна древним обитателям в означенных эпизодах поселения. Оба типа микронуклеуса и обе техники коврижкинская и юбецу-большаякорская лежат в основе различия ансамблей типа Авдеихи и Большого Якоря, сосуществование которых мы фиксировали со времени стоянки Большой Якорь – около 12 тыс. л.н. Теперь, в материалах 2Б к.г., возрастом около 15,3 тыс. л.н. присутствуют продукты обеих этих техник.

Второй технологический контекст составляют отщепы и сколы различной морфологии и изделия из них, полученные краевым ретушированием, либо ретушь имеет амортизационный характер как в случае с долотовидными *pièce esquillée*. Обычно эти орудия на отщепах оценивают как «орудия быстрого приготовления» и, как правило, разовые. Морфологически невыразительные сами по себе они являются признаками-продуктами индустрии галечного расщепления, наиболее оптимальным продуктом которого является именно отщеп. Долотовидные орудия впервые составили серию в 8 экземпляров. Прежде на нижнем Витиме нигде в комплексах палеолитического облика не было столь значительной серии долотовидных. В материалах Большого Якоря I, Коврижки III и других памятников эти изделия единичны. Здесь же, в изделиях 2Б культурного горизонта они составляют самую большую долю. Очевидно, что это связано с какой-то функциональной (деятельностной) особенностью стоянки, однако, вместе с тем, не являются ли долотовидные культурно-хронологическим признаком? Рассматривая в этой связи дюктайские стоянки Якутии и стоянки студеновской культуры Южного Забайкалья, нельзя не отметить малое количество долотовидных в первом случае и значительное их количество во втором, особенно заметна доля долотовидных орудий в культурных горизонтах Усть-Мензы 1, 2 (Мочанов Ю.А., 1977, с. 225; Константинов М.В., 1994, рис. 55–7, 24, 25; 58–6; 59–21, 30; Мороз П.В., 2014, с. 59).

Аппликативная сборка двух половин гальки, одна из которых была обработана и превращена в тесловидную заготовку микронуклеуса (рис. 152), а другая – в долотовидное изделие (рис. 153), связывает оба вышеназванных контекста. Стоит отметить, что один отщеп оббивки пренуклеуса также был использован как *pièce esquillée*. В обоих блоках отмечен характерный прием торцевой оббивки, когда предыдущий негатив скола становился ударной площадкой для следующего, и скалывание производилось попеременно с одного и другого торца, сопряженных под углом.

Интересны два морфологически сходных бифасиальных изделия во 2Б к.г. (рис. 150.8,9). Поскольку трассологическое исследование Ж. Жакье не показало следов их утилизации, назначение этих изделий не ясно.

Сравнивая 2Б и 6 к.г. Коврижки IV, мы видим в последнем аналогичные клиновидные нуклеусы из бифасов, а за ними производство и утилизацию бифасов, отщеповый, в целом, характер изготовления орудий, наличие в обоих культурных горизонтах долотовидных форм. В 4 и 5 к.г. Коврижки IV найдено по одному лыжевидному сколу, что вместе со сборкой лыжевидного и реберчатого сколов во 2Б к.г. говорит о технике юбецу.

Наиболее выразительный вклад индустрии 2Б к.г. в наши представления о технической культуре позднего верхнего палеолита Нижнего Витима – Байкало-Патомского нагорья состоит в микропластинчатых нуклеусах, технике их изготовления, расщепления и подновления. На нижнем Витиме возрастом около 15,3 тыс. л.н. мы отмечаем большую вариабельность в выборе преформы микронуклеуса, методов его редуцирования. Найдена самая многочисленная на нижнем Витиме серия долотовидных орудий. Принимая во внимание функционально специфичный характер деятельностной ситуации 2Б к.г., культурно-типологическая характеристика палеолита периода 16–15 тыс. радиоуглеродн. л.н. должна быть дополнена материалами других, близких по возрасту горизонтов Коврижки IV.

Заключение по 2Б культурному горизонту

Среди трех наиболее изученных на Коврижке IV комплексов 6, 2Г и 2Б к.г. последний выделяется бóльшей площадью обитания, в которой очажный комплекс составляет лишь часть композиции (рис. 113). В 6 и 2Г культурных горизонтах были раскопаны комплексы, которые мы полагаем остатками жилищ. В числе аргументов были выкладки из камней по окружности приочажного скопления культурных остатков, ямки, вероятно, оставшиеся от жердей. В случае представленного здесь очажного комплекса 2Б к.г. таких данных нет. Кроме того, на данный момент жилищные комплексы 6 и 2Г к.г. выглядят как компактные скопления с чистой периферией. Примерно так дело

обстоит на Студеном-1, 2, Усть-Мензе-1, 2, Косой Шивере-1, 2 (Константинов М.В., 1994; Константинов А.В., 2001; Константинов А.В., Филатов Е.А., 2019; Разгильдеева И.И., 2018). Своеобразие 2Б и 6 к.г. добавляет большое количество каменных артефактов (включая чешуйки) – 7,5 и более 9,5 тыс. единиц, соответственно. Во 2Б к.г. раскопки показывают обширный культурный слой, лишь частью которого был очажный комплекс остатков. Есть определенные признаки открытия еще, как минимум, одного скопления во 2Б к.г. Микростратиграфическая и планиграфическая последовательность «первые артефакты – кострище – охра – дебитаж и кухонные отбросы – очажные и интерьерные камни – дебитаж, кухонные отбросы, преднамеренно оставленные артефакты» и данные аппликации позволили реконструировать последовательность формирования приочажного комплекса развивавшейся деятельностью людей. В том числе видеть «историю» появления и перемещения «мебельных» плит и валунов на слое. Окраска охрой выбранной для поселения территории является культурным феноменом 2Б, 2Г, 6 культурных горизонтов Коврижки IV. Охра и черный алеврит, возможно, свидетельствуют о знаково-символической стороне обитания людей. Мы позволим себе предположить, что «красное и черное» составляло смысловую дихотомию в символической организации пространства. Положение черного алеврита в набросе на очаге жилища в 6 к.г. позволило дать аналогичную интерпретацию черному диску алеврита у очага во 2Б к.г. Крупный кусок охры и большая трубчатая разбитая кость, вероятно, намеренно были положены на край потухшего уже кострища. Сложенные у приочажного камня скребок и нуклеус интерпретируются как «депозит», оставленный обитателями «до следующего раза». Сохранившаяся часть хозяйственной специфики очажного комплекса 2Б к.г. выражена в подготовке клиновидных нуклеусов и отжиме с них микропластин, в неясной пока работе долотовидными орудиями, в пищевом потреблении частей туш снежного барана и лося. Сезон обитания – предположительно зимний. Серии клиновидных нуклеусов и долотовидных

изделий приочажного комплекса 2Б к.г. – самые большие для стоянок позднего палеолита нижнего Витима.

Вместе с 6 и 2Г культурными горизонтами Коврижки IV описываемый 2Б к. г. составляет тройку наиболее изученных стратифицированных, инситуальных, информативных археологических комплексов, возрастом древнее 15 тыс. радиоуглеродных лет, в этом качестве – наиболее древних в долине Витима. Все три комплекса обладают сходством в признаках наличия охры, углефицированных остатках ивы, имеют археологически близкий возраст. 2Б и 6 к.г. сходны также в аспектах добытых видов животных и клиновидных нуклеусов. Эти комплексы представляют собой различные деятельностные ситуации с различным орудийным набором и планиграфическим рисунком структур обитания, задавая, таким образом, самые ранние образцы хозяйственной вариабельности стоянок позднего верхнего – финального палеолита Нижнего Витима, в которых очажный комплекс 2Б культурного горизонта являет собою своеобразный паттерн.

Исследования охры в 6, 2Г и 2Б культурных горизонтах

Раскопки наиболее представительных 6, 2Г и 2Б культурных горизонтов в 2012–2018 гг. впервые в археологии палеолита для региона нижнего течения р. Витим вскрыли ситуации широкого, массового применения охры в стояночных контекстах. В задаче ее изучения совместно с Е.И. Демонтеровой (Институт земной коры СО РАН), Е.В. Каневой (Институт геохимии им. А.П. Виноградова СО РАН) был проведен ряд исследований различных зафиксированных контекстов использования охры. Данные дифракционного анализа образцов охры показали, что красящим минералом является гематит (Тетенькин А.В. и др., 2018, с. 9). Проведено исследование минеральной ассоциации кусочков охры с разных культурных горизонтов Коврижки IV, нацеленное на поиск взаимосвязи с рудопроявлениями железа территории Северного Прибайкалья и характера приготовления красящего пигмента.

Охра в 6-м культурном горизонте

Кусочки охры и слабый розовый прокрас присутствуют в основных местах концентрации культурных остатков внутри жилища и в привходовой хозяйственно-бытовой зоне (рис. 113.1). Охра является одной из основных четырех категорий культурных остатков наряду с каменным дебитажем, фрагментами костей и частицами древесного угля.

В результате трасологического анализа, проведенного под микроскопами МФУ МБС-10 ($\times 4,8-\times 98$), Olympus BH2-UMA ($\times 100-\times 200$), Dino-Lite Digital Microscope Premier ($\times 30-\times 250$) охра обнаружена и на обращенных вниз поверхностях отдельных артефактов. Одно из двух тщательно изготовленных орудий, типологически, скребло, трасологически определенное как нож, несет на вентральном фазе, в зоне ретуширования – подтески базальной части орудия микроскопические пятна охры (рис. 121.д).

Антропоморфная костяная поделка, найденная в юго-восточной, правой половине жилища, лежащая головкой на восток, имела хорошо отличимое пятно охры на головке (рис. 121.а). В ходе реставрационных работ отмечены и пятна охры на обращенной вниз поверхности поделки (рис. 121.б). У второй фигурной поделки из кости, найденной у входа в жилище, у условного изголовья лежало 6–8 кусочков охры (рис. 121.в) (Тетенькин А.В. и др., 2018, с. 7–8).

Охра во 2Г культурном горизонте

Выразительным признаком является окрас охрой площадки повсеместно в подошве культурного слоя – «пола» данного комплекса (рис. 121.ж). Охра встречена и под очажной конструкцией (рис. 121.з). Наиболее крупный кусочек гематита несет следы абразионного скругления углов (рис. 121.е). Комплекс интерпретирован как остатки жилища.

Охра во 2Б культурном горизонте

Обитаемая площадка вокруг очага интенсивно окрашена охрой. Большинство находок вокруг очага залегало на культурном слое, имеющем уже охристый прокрас (рис. 113.в, 121.л,м). Очевидно, это стало причиной охристого окраса нижних плоскостей находок. В ряде случаев мы наблюдали

охристые пятна как результат дезинтеграции кусочков охры. Есть участки с интенсивным сплошным красным окрасом, на которых кусочки охры немногочисленны. Отмечены артефакты с остатками охры на поверхностях.

У северного края очага и на южной периферии за очагом были участки свободные от охристого окраса и от культурных остатков вообще (рис. 113.в). Эти площадки соответствуют размеру валуна 30×40 см, лежащего в 30 см к северо-востоку, и гнейсовой плиты размерами 63×45 см, лежащей в 0,4–0,5 м к северо-востоку от второго «пустого пятна». Вероятно, белые пятна отражают предыдущие позиции плиты и валуна.

В центре кострища охра отсутствует. В северо-западной, не обложенной камнями, открытой части кострища, на его окраине найдены трубчатая, расколотая вдоль кость длиной 15 см и рядом с ней яркое пятно диаметром 6 см – дезинтегрированный кусочек охры (рис. 121.к).

Состав охры

Первые результаты по охре, встреченной в группе стоянок Коврижка, представлены в статье (Тетенькин А.В. и др., 2018, с. 9). В данной работе показано, что красящим минералом для охры является гематит ($\alpha\text{-Fe}_2\text{O}_3$). Образцы охры встречаются во всех описанных выше культурных горизонтах. Из всего количества образцов охры (19 шт., табл. 1) видно, что по минеральному составу охра представлена несколькими группами. По внешнему облику кусочки охры бывают как плотные, монолитные с шариковой отдельностью гематита или мажущего «порошкового» гематита, так и кусочки охры с видимыми другими минеральными фазами вместе с гематитом. С помощью метода порошковой рентгеновской дифракции установлено, что содержание гематита в охре варьирует от 21 до 96 %. Часто в ассоциации с гематитом присутствует кварц от 4 до 64 % (табл. 12). Второстепенные минералы в охре редки и представлены слюдой (мусковит), полевым шпатом, гетитом, хлоритом, еще реже кальцитом, фторapatитом и кардиеритом. Анализ минеральной ассоциации образцов охры с трех культурных горизонтов показывает, что есть тип охры, встречающийся во всех

трех культурных горизонтах. Это кусочки охры кварц-гематитовой ассоциации. Часто в этих кусочках видно шариковую отдельность гематита в виде оолитов и окатанные частички (песчинки?) кварца (рис. 121.е). Данный тип охры характерен для культурных горизонтов 2Б и 6. От культурных горизонтов 2Б и 6 по разнообразию минерального состава охры выделяется горизонт 2Г. В этом горизонте встречены охры не только кварц-гематитовой ассоциации, подобные охрам из 2Б и 6, но и охры, в которых второстепенные минералы такие, как кальцит и хлорит, составляют до 12%.

Обсуждение

Использование древними людьми красящих пигментов и, прежде всего, охры является одной из ключевых тем в изучении позднего палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Этот сюжет традиционно привлекает внимание, поскольку связывается со знаково-символической деятельностью людей современного вида *homo sapiens*. Охра и другие цветовые пигменты отмечаются археологами в различных контекстах на памятниках всего хронологического диапазона позднего палеолита Сибири. В раннем верхнем палеолите Сибири свидетельства приноса охры и окрашивания предметов, в том числе украшений, есть в Горном Алтае – на стоянках Кара-Бом, Малояманская, в Забайкалье – на стоянках Подзвонкая, Каменка А, Хотык, Варварина Гора (Деревянко А.П., Рыбин Е.П., 2003, с. 44–46). На стоянке Кара-Бом, 5 к.г., возрастом около 43 тыс. л.н. выявлен сюжет окрашивания охрой подвесок (Деревянко А.П., Рыбин Е.П., 2003, с. 38–41). На севере Сибири наиболее ранний, возрастом около 32,0 тыс. л.н., пример использования минерального вещества охры мы находим на Янской стоянке (Питулько В.В. и др., 2012). В.В. Питулько и соавторы отмечают, что охрой, смешанной с жиром, люди на стоянке окрашивали бусы, которые здесь же изготавливали. Кроме того, исследователи предположили, что эта смесь использовалась и в качестве репеллента против кровососущих насекомых (Питулько В.В. и др., 2012, с. 82). Охра встречена в 6 культурном горизонте с антропоморфной фигуркой на стоянке Шестаково в Западной Сибири

(Деревянко А.П. и др., 2003, рис. 46). В виде отдельных цветowych пятен – охра в 16 к.г. Лиственки, охра и желтая краска в 7 к.г. стоянки Уй II на Енисее, охра в культурном слое стоянки Малая Сья в Хакасии (Палеолит Енисея, 2005, с.114–115; Васильев С.А., 1996, с. 187; Лбова Л.В., Кулик Н.А., Грубар Ю.С., 2018). Красящие вещества выявлены Мальте в виде пигментов-красителей статуэток и в виде отдельных комочков вещества в слое (Герасимов М.М., 1931, 1958; Лбова Л.В. и др., 2017). Еще один пример использования охры древними в Прибайкалье – это III культурный горизонт Мальты-Моста I возрастом около 17,8 тыс. л.н. (Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., 1995, с. 92). Как сообщает автор раскопок, окрашивание стоянки люди произвели в момент покидания. В виде локальных цветowych пятен и кусочков охры есть в слое и на поверхности камней в 3 и 5 к.г. Усть-Кяхты 17, 4 к.г. Усть-Мензы-3, 11 и 19/4 к.г. Студеного-1 (Ташак В.И., 2005, с. 32, 35–37; Константинов М.В., 1994, с. 75, 79, 91). На Ушках I–V, на Камчатке в 6 и 7 к.г. есть примеры окрашенного охрой пола жилищ, вылепленного из охры геоглифа в виде рыбы и посыпки охрой доньев могильных ям человеческих погребений (Диков Н.Н., 1993, с. 10–11, 24, 25, 32). На восток от Ушков существует стоянка с погребением Upward Sun River на Аляске возрастом около 11,5 тыс. л.н., где в погребении также есть охра (Potter V. et al., 2014, fig. 2).

На Витиме феномен обработки охрой обитаемой приочажной площадки пока известен только в рассматриваемом времени 19,2–18,3 тыс. л.н. (возраст калиброванный). Содержащие охру 6, 2Г и 2Б культурные горизонты Коврижки IV являются самыми древними на сегодня в долине Витима.

В раскопанных очажных комплексах 9, 8, 7, 6, 5, 4В, 4Б, 4А, 4, 3В, 3Б к.г. Большого Якоря I (15,0–13,6 тыс. л.н.), 8а, 8, 7 к.г. Усть-Каренги I–XVI (15,4–12,7 тыс. л.н.), 2 к.г. Коврижки III (13,0–12,2 тыс. л.н.) ничего подобного нет. На Большом Якоря I в 4А к.г. найдена плитка со следами растирания охры. Во 2 к.г. Коврижки IV (13,5–13,1 тыс. л.н.) выявлены растащенные пятна в слое и галька со следами растирания охры. В 4А к.г. Коврижки II (9,2 тыс. л.н.) отмечены точечные пятна охры в слое. Массово охра встречена лишь только

на могильнике Старый Витим II и на стоянке Усть-Каренга XVI в доньях ритуальных ям (могил) (Ветров В.М., 2008; Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В., 2020). Эти памятники соответствуют времени рубежа мезолита – неолита и датируются около 8–7 тыс. л.н., т.е. на более чем 9000 лет моложе 6, 2Б и 2Г горизонтов Коврижки IV. В Прибайкалье на рубеже мезолита – неолита охра появляется погребениях могильников Щукинский, Ерши, китойской культуры (Базалийский В.И., 2012, с. 55, 67).

В интерпретации охры и других красок традиционно преобладает ритуальная или знаково-символическая версия. Однако есть и работы отечественных и зарубежных исследователей, направленные на поиск и иных, утилитарных интерпретаций (Delibes G., 2000; Domingo I, Garcia-Borja P., Roldan C. 2012; Pradeau J.-V. et al., 2014; Усачева И.В. и др., 2018). Выбор той или иной версии в значительной степени зависит от археологического контекста пигментов.

На Коврижке IV был изучен ряд сюжетов использования древними людьми охры.

Пол был интенсивно окрашен во 2Б и 2Г горизонтах. В 6-м к.г. площадка внутри жилища и в привходовой зоне не имеет интенсивного окраса охрой. В ходе разборки культурного слоя (мощностью, в среднем, 1 см) наблюдался лишь бледно-розовый оттенок. Вывод об окрашивании «пола» можно только экстраполировать из сюжетов с охрой в 2Б и 2Г к.г. Дополнительно о рассеивании охры на обитаемой площади свидетельствуют микропятна, обнаруженные под микроскопом на обращенных к земле поверхностях артефактов в случайном порядке.

Микроследы охры на вентральном фасе ножа–унифаса (рис. 121.д) могут быть остатками какого-то состава крепления орудия к рукояти. Альтернативный вариант объяснения с указанием на отсутствие систематических следов охры, то есть на случайный характер локализации микропятен на этом и других артефактах, предполагает случайное появление таких следов на ноже.

Пятна охры на нижней плоскости, на корпусе фигурки, найденной в жилище 6 к.г., могут быть естественным результатом залегания на окрашенном слое (рис. 121.б). В тоже время, «головка» ее на верхнем фасе (условно, затылочном) имела яркий цвет охры (рис. 121.а). У второй фигурки в «изголовье» лежало несколько (6-8) комочков охры (рис. 121.в). Оба этих обстоятельства представляются намеренными.

Наличие культурной трансляции, связывающей 6 и 2Б горизонты, демонстрируется сюжетом со специфическим черным алевритом, принесенным к очагу в эпизоде 2Б к.г. Это осадочное вещество имело форму диска диаметром 12 см и, вероятно, находилось в контейнере-туесе. Оно оказалось идентичным с веществом, перекрывшем в виде наброса центральный в жилище 6 к.г. очаг. Сведенные в один сюжет посыпка красной охрой жилой зоны в момент появления людей и засыпка черным порошком очага перед уходом выглядят как ритуально связанные операции.

Во 2Г культурном горизонте охрой окрашена вся площадка. Отчетливо наблюдается охра в подошве культурного слоя, в том числе под всеми центральными элементами структуры – очажными выкладками (рис. 121.ж, з). Наиболее яркое пятно охры отмечалось у северо-восточного края северной очажной выкладки (рис. 113.2). Напротив, к северо-востоку от южной очажной выкладки была зона почти полного отсутствия охры размером 0,60 м в поперечнике. Ее можно объяснить тем, что во время рассеивания порошка толченого гематита на этом месте лежало нечто вроде подстилки. Пятно охры в юго-восточной части выходит за пределы конструкции из плит и валунов, рассеивание явно произошло раньше, сооружение камней (жилища) сделано на уже окрашенной охрой площадке.

В принципе такая же картина с охрой в полу обитаемой площадки была и во 2Б культурном горизонте с той разницей, что непосредственно зона кострища окраса охрой не имела, отмечены только мелкие кусочки охры. Но обращает на себя внимание найденный на западной окраине очага крупный разрушенный кусок охры вместе с трубчатой расколотой нежженой костью

(рис. 121.к). Допустимо предположение о символическом характере оставления на очаге этих двух предметов в финале обитания.

Найденный во 2Г к.г. кусочек охры размером 1,5 см в поперечнике имеет абразивно скругленные ребра (рис. 121.е). Это может быть объяснено как результат переноса предмета, так и его истирания. В слое в районе данного манупорта следов разрушения, растворения пигментного вещества не было. Поэтому версия механического истирания этого предмета при формировании культурного горизонта в относительно спокойных условиях погребения пойменным аллювием исключается.

В исследованиях охры в археологических и этнографических контекстах среди разных объяснений ее роли есть и версии использования в качестве красителя для различных категорий вещей и как компоненты химической обработки в выделывании шкур (Domingo I., Garcia-Borja P., Roldan C., 2012, p. 888–889; Pradeau J.-V. et al., 2014, p. 653–655). В случае 2Б горизонта с каменными изделиями работал трасолог Ж. Жакье (университет г. Ренн, Франция). Орудия обработки шкур им не выявлены. Было сделано заключение о работе с минеральными материалами, однако, следы охры на лезвиях отсутствуют. Орудия обработки шкур определены в 6 к.г., но и их лезвия охры не несут.

Все три комплекса горизонтов 6, 2Г и 2Б определены как стоянки зимнего сезона. В этой связи может быть выдвинуто еще одно предположение об антисептическом, сорбентном использовании охры в задаче «защиты деревянных конструкций от гнили и поддержания в более сухом состоянии внутреннего пространства дома». Такая версия использовалась в интерпретации жилищ мезолита – энеолита Зауралья и Севера Западной Сибири (Усачева И.В. и др., 2018, с. 257). Следует отметить в этой связи, что ни в 6-м, ни во 2Б к.г. продавленные ямки, вероятно, оставленные жердями конструкции жилища, не имели специальной обработки охрой.

Ценной особенностью 2Б и 2Г культурных горизонтов является их хронологическая и территориальная близость. Очаг 2Б к.г. залегает над

структурой 2Г к.г. Их разделяет стерильный песок и 2В к.г. с единичными пока находками, общей мощностью в среднем 8 см. Один из камней-валунов 2Б к.г. лежал, практически, на приочажной плите 2Г к.г., и отмечены еще три случая соприкосновения плит 2Б и 2Г к.г. Календарный возраст, полученный по образцам ивы, в 2Б к.г., ок. 18576 л.н., и в 2Г к.г., ок. 18574 и 18583 к.г., контролируется датой ок. 18600 л.н. по 2Д культ. горизонту. Даты указывают на разрыв в этих эпизодах обитания в пределах жизни одного человеческого поколения. Эти рассуждения ведут к тому, что, вероятно, обитатели 2Б к.г., обработавшие охрой площадку, понимали, что пришли на прежде обитаемое место. То же, с большой долей вероятности касается людей 2Г к.г., поскольку непосредственно ниже существует 2Д культурный горизонт. Возможно, в этом обстоятельстве лежит ключ к объяснению охры как символической меры предосторожности по отношению к предшествующим обитателям.

Красящим минералом в охрах стоянки Коврижка IV является гематит. Это рудный минерал, широко распространенный на железорудных месторождениях. На территории Восточной Сибири существуют десятки проявлений и месторождений железных руд (Железорудные месторождения..., 1981). Они различны по возрасту и минеральным ассоциациям, последние зависят от генезиса железной руды. Анализируя минеральный состав охр, имеется возможность определить источник материала для них. Однако, в бассейне нижнего течения р. Витим такие месторождения не встречаются (рис. 122). Нами проведено опробование ожелезненной части гнейсов, скальные выходы которых находятся в непосредственной близости от стоянки. Рентгенофазовый анализ образца ожелезненного гнейса показал отсутствие в нем гематита. Таким образом, охра – это материал, принесённый на стоянку людьми, источником которой являются районы распространения магнетитовых и гематитовых руд на железо. Наиболее крупные проявления железных руд связаны с осадочными породами докембрийского возраста – железистыми кварцитами, встречающимися в пределах Сибирского кратона (рис. 122). Разные

генетические типы месторождений обнаружены в верхних течениях притоков бассейна р. Витим, на северной оконечности оз. Байкал, верховьях рек Чара и ее правого притока Токко.

Опираясь на минеральную ассоциацию, видны, по крайней мере, два ярко диагностируемые вида охр. Первая, это кварц-гематитовая ассоциация с редкими примесями слюды и полевого шпата, оолитовой текстуры. Этот вид охр наблюдается во всех трех рассматриваемых культурных горизонтах стоянки Коврижка IV и представлен на рис. 121.е. Оолитовая текстура, где гематит представлен шариковой отдельностью, встречается на Талойском месторождении (верховья р. Витим, междуречье рек Талой и Усой), в одном из Чаро-Токкинских месторождений и в месторождениях Ангаро-Илимского района (Иркутская обл.). Но в месторождениях Ангаро-Илимского района оолитовые руды без кварца и встречаются в ассоциации с хлоритом и кальцитом (Железорудные месторождения..., 1953; с. 16-20, 70; Рудные месторождения СССР, 1978; Чаро-Токкинская..., 1984). Таким образом, источником охр первого вида могут быть районы Талойского и Чаро-Токкинских месторождений.

Второй вид охры зафиксирован только при раскопах культурного горизонта 2Г. Эта охра кроме кварца и гематита, имеет более широкий минеральный состав, чем первый вид охр. В ней присутствуют хлорит, слюды, полевой шпат и кальцит. Такая минеральная ассоциация гематитовой руды образует второй вид охр, принесенных с месторождений скарного типа. Данный вид месторождений развит в Ангаро-Илимском и Северо-Байкальском районах (рис. 122). Привлеченные для сравнения кусочки охры из неолитического могильника Турука (недалеко от г. Усть-Кут, р. Лена) показали сходимость минеральной ассоциации нескольких образцов охры второго вида из культурного горизонта 2Г и кусочков охры могильника Турука (раскопки В.И. Базалийского) (рис. 122; табл. 12). Оценивая вероятность происхождения охры из этих источников, в отношении возраста 18 тыс. календ. л.н. следует иметь в виду существовавшие в период MIS 2 в

южной части Байкало-Патомского нагорья горно-долинные ледники. Ленский – Ангаро-Илимский вариант происхождения образцов охры 2Г горизонта представляется более вероятным, поскольку этот район связан с местонахождением Коврижка единой речной сетью.

В соответствии с этими выделяемыми двумя видами охр и на основе сравнения их с наиболее вероятными геологическими источниками следует вывод-предположение о том, что: а) этот ресурс доставлялся с расстояний в несколько сотен километров (более 500), б) из различных районов восточного (юго-восточного) и западного (юго-западного) направлений.

В итоге основными выводами по изучению охры стали следующие. Действия с охрой производились: а) в отношении всей площадки, т.е. «пола», 2) очага, в этом случае следует указать еще черный алеврит, 3) антропоморфных бивневых фигур, 4) отдельного артефакта-орудия. Соответственно, вариативно должно быть и значение этих манипуляций с охрой, в сумме относимое как к ритуальным действиям, так и утилитарным.

Источником охры был природный минерал – гематит, а способом получения – дробление и истирание породы с высоким содержанием гематита до 94%.

Гематит доставлялся с месторождений, удаленных от Коврижки IV на сотни (500–800 ?) километров. В случае 2Г горизонта – с принципиально отличных источников, предположительно, западного (ленского) и восточного происхождения.

2А культурный горизонт

В пикете 40 – квадратах 23, 24, в траншее раскопана пара камней – валун и плита, отнесенная по залеганию в кровле алевритовой прослойки к новому культурному горизонту 2А (рис. 110, 112. Участок 2). На площади скопления культурных остатков вокруг очага 2Б к. г. находки, сделанные в кровле вмещающего слоя алеврита, также относились ко 2А к. г. Однако позднее свыше десятка этих находок было апплицировано с артефактами из 2Б к. г. Несмотря на данное обстоятельство, мы все же не склонны совсем отвергать

существование более позднего эпизода обитания – 2А. Во-первых, потому что пара валун и плита этого горизонта отстоит на 1,5-2 метра от очажного комплекса 2Б к. г., и рядом с ней отщепы и охра зафиксированы в кровле алевроитовой прослойки. Во-вторых, на одной из гнейсовых плит у очага 2Б к. г. отмечено налегание слоя с пятном охры и фрагментом кости, т. е. вышележащего 2А к. г.

Коллекция 2А культурного горизонта насчитывает 49 единиц. В том числе 13 отщепов, 2 скола, 32 чешуйки, 1 фрагмент микропластины, 1 скребок.

2/1 культурный горизонт

В пикете 44 – квадрате 2 в прослойке темно-серого песка, залегающей сразу под слоем крупнозернистого речного песка и над песчаным слойком, вмещающем 2А и 2Б к.г., найден отщеп (рис. 112. Участок 2). Субстрат его – микрогабро. Залегание отщепа в слойке темно-серого песка, отделенного сверху и снизу стерильными песчаными отложениями, позволяет выделить отдельный 2/1 культурный горизонт. Возраст его, вероятно, близок возрасту 2Б к.г., т.е. около 14-15 тыс. л.н.

2 культурный горизонт

2-й культ. гор. залегает в зеленовато-светло-коричневой супеси ниже маркирующего растащенного горизонта палеопочвы (рис. 110–112). По образцам угля из нее получены две AMS-даты: 11260±60 л.н. (Poz-106967) (13166±100 калибр. л.н.) и 11440±60 л.н. (Poz-106963) (13355±130 калибр. л.н.). Из подошвы слоя супеси, вмещающей 2 культ. гор., заложена генерация криогенных трещин, формирующих полигональную сеть. Нижнюю возрастную границу интервала существования 2 культ. гор. контролирует дата по 5 культурному горизонту Коврижки II, расположенной на 17-19-метровой террасе: 11190±390 л.н. (СОАН-4543) (13128±384 калибр. л.н.). В это время витимские паводки еще формировали пойму на участке нынешней второй террасы. Затем произошел врез Витима, и началось субэральное осадконакопление на прежде затапливаемых уровнях борта долины, в том числе и на участке Коврижки IV, ныне 11-метровой террасы.

Общей спецификой отложений субаэральной пачки является нарушивший залегание культурных остатков склоновый снос, в том числе в солифлюкционных условиях.

Первоначально 2 культурный горизонт выделялся как стратиграфический уровень залегания малодиагностичных немногочисленных артефактов. С расширением раскопной площади было охвачено пятно концентрации культурных остатков, позволившее охарактеризовать комплекс типологически. Радиоуглеродные и стратиграфические данные определяют его возрастную позицию в интервале около 11,5–11,2 тыс. радиоуглеродн. (13,5–13,1 тыс. календарн.) л.н.

Каменная индустрия 2 культурного горизонта содержит галечный нуклеус параллельного принципа расщепления (рис. 155.3), веерный нуклеус радиального принципа расщепления (рис. 155.1), клиновидные микронуклеусы (рис. 154.5–7), двойное боковое скребло (рис. 154.9), концевое-боковое скребло (рис. 154.10), два скребка (один из которых акторы попытались переоформить в торцовый нуклеус) (рис. 154.1,5), два отщепа типа цитрон с ретушированным ножевидным краем (рис. 154.11, рис. 155.2), три долотовидных орудия типа *pièce esquillée* (рис. 154.3,4), полиэдрический резец из дымчатого кварца (рис. 154.2), микропластины, отщепы и сколы различной морфологии. Основной субстрат – витимская галька эффузивных пород.

Клиновидные нуклеусы изготовлены из бифасов и отщепа высоких и соразмерных пропорций соотношения длины и высоты нуклеуса. Ударная площадка образована ретушью с латерали и фронта.

Орудия были подвергнуты трасологическому исследованию одним из авторов статьи, Э. Говри-Ру (университет г. Ницца-София-Антиполис, Франция). Были подтверждены определения скребков; морфологически выраженное концевое-боковое скребло (рис. 154.10) опознано как разделочный нож с рабочим участком на боковом ретушированном краю; двойное боковое скребло (рис. 154.9) имело следы утилизации в роли скребла не на тщательно ретушированном крутой ретушью правом крае, а на

противоположном, левом, выпуклом, более тонком крае, обломанном в центральной части; один из отщепов-цитрон имел следы работы в роли скобеля (рис. 154.11).

Выявлена яма размерами 80×67 см, глубиной до 25 см, заложенная с уровня 2 культ. гор. Эта яма достигла очажного кострища нижележащего 3Б культурного горизонта и частично нарушила его. Стенки ямы окрашены углями кострища в ходе выгреба. Заполнение бесструктурное, включает немногочисленные отщепы, чешуйки, угольки и жженные косточки, что указывает на то, что яма была засыпана собственным же отвалом, т.е. самими обитателями, а не естественными процессами. По углю из очага 3Б культ. гор. имеется дата 15520±120 л.н. (Poz-131812) (18410±312 калибр. л.н.).

В возрасте около 11 тыс. радиоуглеродн. (13 тыс. календарн.) л.н. это четвертый комплекс после 5 культ. гор. Коврижки II и 2 и 3 культ. гор. Коврижки III (Тетенькин А.В., 2010, 2016). На Коврижке III находятся прямые аналогии всем ведущим формам изделий из 2 культурного горизонта Коврижки IV: нуклеусам, скреблам и скребкам, многофасеточному резцу из дымчатого кварца.

1 культурный горизонт

1-й культурный горизонт залегает в подпочвенной оранжево-желтой супеси над прослойкой растащенной, коричневой, плотной, углефицированной супеси (палеопочвы). Он содержит призматические нуклеусы, пластинки и микропластины, вкладыши и угловые резцы из них, тесло с перехватом, молот-пест с перехватом, фрагменты керамики с оттисками сетки-плетенки и датируется в интервале 8–7 тыс. радиоуглеродн. л.н.

Выделенный на площади местонахождения Коврижка IV 1-й культурный горизонт имеет сложную стратиграфическую и тафономическую ситуацию. Культурные остатки залегают в чехле покровных оранжево-бурых супесей на глубине первого полуметра на всей площади археологического ансамбля Коврижка I–V. В разных ситуациях им была дана различная

возрастная оценка. Последняя, однако, затруднена обстоятельствами гравитационного склонового движения субаэральных отложений, приводящего к сносу и переотложению артефактов. Сюда следует добавить также компрессию, образование промоин, плоскостной смыв и денудационный снос рыхлых. В этой связи оценка возраста пятен культурных остатков в подпочвенных отложениях Коврижки I–V различна.

На Коврижке IV выделение 1-го культурного горизонта эпохи раннего неолита стало возможно, благодаря комплексу обстоятельств. Артефакты 1 к.г. залегают над линзой плоскостного смыва на Коврижке IV (рис. 111). Паводковые витимские воды, размывавшие куэстовую гряду Коврижки IV, одновременно ниже по течению продолжали формировать отложения аллювиального цикла. Судя по дате 1 к.г. Коврижки V, отстоящей на 10 м ниже, залегающего в подошве субаэральной пачки, на контакте с аллювием, этот переход случился около 7,5 тыс. рад л.н. / 8,3 тыс. кал. л.н. Представляется возможным возраст 1 к.г. Коврижки V экстраполировать на 1 к.г. Коврижки IV. В значительной степени еще и благодаря находкам и датировке керамики сетки-плетенки на Коврижке IV.

В 2018 г. были найдены четыре фрагмента керамики с оттисками сетки-плетенки (рис. 157). Полученная по ним AMS-дата 8980 ± 20 л.н. (Poz-107434) была сделана не по нагару или органическому отощителю, которых в образце не было, а по углероду из теста-глины. В этой связи представляется, что дата может быть удревнена и некорректна в неизвестной степени (Плихт Й. ван дер, Шишлина Н.И., Зазовская Э.П., 2016, с. 72; Кузьмин Я.В., 2017, с. 186). Однако, как минимум, из этой датировки, а также технического декора сетки-плетенки следует, во-первых, что никакой речи об усть-каренгской керамике Верхнего Витима не идет. Во-вторых, рассуждая о реальном возрасте керамики сетки-плетенки, до некоторой степени моложе полученной даты около 8,9 тыс. рад. л.н., возраст ок. 7,5 тыс. рад. л.н., предложенный по стратиграфическим и геоморфологическим соображениям, выглядит уместным.

Каменный комплекс артефактов, в целом, немногочисленный, содержит ряд типологически значимых изделий: призматические микропластинчатые нуклеусы (рис. 156.11,14) с микропластинами из кремнистых пород камня (рис. 156.1–9,12,13), тесло с перехватом (рис. 156.16), молот-пест (рис. 156.10). Ряд сегментов микропластин был осмотрен трасологом Г.Н. Поплевко (Институт истории материальной культуры РАН). В нескольких случаях были определены следы вкладыша – ножа по мясу. Судя по находкам призматических нуклеусов, тесел с перехватом и молота-песта на пляже Коврижки, часть пляжного подъемного материала может быть отнесена к 1-му культурному горизонту Коврижки IV – 1-му к.г. Коврижки V.

Без керамики этот типологический комплекс был бы отнесен к ассамбляжам типа Большой Северной. С керамикой он может быть соотнесен с сылахской культурой Якутии. Самые ранние даты последней, однако, несколько моложе предложенной датировки 1 к.г. Коврижки IV. Ранние даты сылахской ранненеолитической культуры Якутии – около 6,8–6,7 тыс. кал. л.н. (даты по VII слою Белькачи I и XVI слою Сумнагин I) (Мочанов Ю.А., 1977, с. 103, 196, 253).

Следует указать на то, что ранее Е.М. Инешиным были найдены фрагменты керамики сетки-плетенки в 3 культурном горизонте Большого Якоря I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 203). Разрушение дорожным строительством в 1980-е гг. верхней пачки памятника не позволило тогда развить эту тему появления керамики на Нижнем Витиме. Однако, сам факт комплиментарен нашим находкам.

Теперь, в вопросе о происхождении керамики и неолита мы должны, имея в виду стеку-плетенку и отсутствие керамики усть-каренгского типа, принять версию независимого от Верхнего Витима становления неолита на Нижнем Витиме, более позднего и «нормального» в условиях «классического сценария» становления неолита в Восточной Сибири около 8,5–7,6 тыс. л.н. (Савельев Н.А., 1989; Бердников И.М., 2017, с. 226; Семина Л.В., Гребенщикова О.В., 1993, с. 128; Константинов М.В., Екимова Л.В.,

Верещагин С.Б., 2016, с. 48–50). Следует также в качестве основной гипотезы теперь полагать трансляцию традиции сетчатой керамики из долины Лены через нижнее течение Витима. Этой идее положительно подходит гипотеза о ленском происхождении кремневых артефактов, чьи месторождения, вероятнее всего, находятся на территории Сибирской платформы, граница которого проходит по р. Лена.

Общие замечания по стоянке Коврижка IV

Шестнадцать выявленных культурных горизонтов Коврижки IV приходятся на три хронологических отрезка: 1) конец последнего ледникового максимума MIS-2, около 19–18 тыс. л.н., 2) аллерёд, около 13,5–13,1 тыс. л.н., 3) ранний голоцен, около 8,5–8,0 тыс. л.н. В первом интервале четырнадцать культурных горизонтов (2/1, 2А, 2Б, 2В, 2Г, 2Д, 3/1, 3/2, 3А, 3Б, 4, 5, 6, 7 к.г.) характеризуют археологическую культуру впервые для бассейна Витима. Впервые были охарактеризованы жилища, сфера искусства, охра, наиболее полно описана неюбецоидная – «коврижкинская» техника подготовки клиновидного микронуклеуса. Реконструированы стояночные деятельностные ситуации. По сути, для этого времени выявлен полноценный культурный комплекс, который мы обозначаем, как «коврижжинский этап позднего верхнего палеолита на Нижнем Витиме». Важно и то, что открытые культурные горизонты сохраняют в полной мере перспективу продолжения изучения.

Второй этап финальносартанского возраста представлен на Коврижке IV 2-м культурным горизонтом, четвертым в ансамбле Коврижка I–V в данном возрастном интервале, после 5 к.г. на Коврижке II, 2 и 3 к.г. на Коврижке III. Он характеризует материальную культуру, каменное производство, прежде всего, на рубеже окончания плейстоцена, в финальном палеолите.

Третий этап представлен 1-м культурным горизонтом, вклад которого в археологию Нижнего Витима состоит в открытии единственных на момент находки стратифицированных остатков керамики, позволив подойти к вопросу о появлении неолита на Нижнем Витиме.

4.2. Коврижка III

Вслед за Авдеихой и Большим Якорем I Коврижка III стала третьим объектом на нижнем Витиме, где в стратифицированном состоянии были обнаружены культурные остатки эпохи финального палеолита, рубежа плейстоцена – голоцена.

Коврижка III была выделена в 2003 г. на 22-метровой террасе (рис. 108).

Первый шурф на площади, впоследствии определенной как Коврижка III, заложен А.В. Тетенькиным, Е.М. Инешиним, К.Е. Инешиним, П.А. Новиковым в 1996 г. Было выявлено два уровня залегания культурных остатков, изначально отнесенных ко времени раннего – среднего голоцена (Тетенькин А.В., 1999). В 2003 г. разведочные работы дали массовый археологический материал, типология которого указывала на палеолитический возраст. Объект был выделен как местонахождение Коврижка III. В 2007, 2009, 2010 и 2012 гг. на нем проводились раскопки под руководством автора. Площадь раскопа составляет 44 кв. м, а вместе с шурфами, заложенными вверх по склону, подтвердившими археологическую перспективу, - 50 кв.м. На сегодняшний день на Коврижке III выделено шесть культуросодержащих уровней: 0-й, 1, 1А, 2-й верхний, 2-й нижний, 3-й культурные горизонты. Они обеспечены восемью радиоуглеродными датами (таблица 1). В 1, 1А, 2-верхнем и 2-нижнем культурных горизонтах фиксируются остатки организации жилого пространства, как отдельными каменными плитами, так и конструкциями из них. В результате шурфовочных работ 1996-2007 гг. залегание археологического материала было установлено на прилегающем склоне борта долины на различных отметках вплоть до 35 м от уреза воды Витима на площади до 20 000 кв. м.

В местонахождение Коврижка III выделена часть борта долины археологического полигона Коврижка, расположенная выше от 17-19-метровой второй надпойменной террасы и пролегающей по ней автодороги (рис. 108). В его пределы входят ограниченный ложками мысовидный выступ 22-метровой витимской террасы, на котором расположен основной раскоп, а

также прилегающий выше борт на отметках 24, 29, 35 метров от уреза воды Витима на удалении до 260 м от берега с археологическим материалом в шурфах, вмещенным в склоновые отложения. Рельеф борта имеет характер террасовидных ступеней, осложненный цокольными куэстовыми поперечными грядами, разделенными ложками (рис. 108).

Стратиграфия, тафономия, радиоуглеродная хронология

Раскоп был заложен на террасовом образовании на высоте 22,5 метра от уреза воды р. Витим, в 176 м от кромки берега, ориентирован по линии С-Ю. Описание приводится по восточной стенке (рис. 158):

1. Дерново-почвенный горизонт, мощность 0,10–0,12 м
2. Подзолистый горизонт. Подошва слоя имеет изломанный вид благодаря уходящим в нижележащий слой клиньям, подогнутым вверх по склону. В корнях деревьев, под пнями, встречены первые артефакты – 0-й культурный горизонт, мощность 0,02–0,05 м
3. Красно-бурая супесь неяснослоистая. Подошва волнообразная, мощность 0,08–0,20 м
4. Зеленовато-светло-бурый алеврит с растащенными бурыми прослойками, к которым последовательно приурочены 1, 1А культурные горизонты. По углю из 1 к.г. получена дата 8095 ± 120 л.н. (СОАН-8262). По углю из 1А к.г. получены даты 8135 ± 120 л.н. (СОАН-7027), 8250 ± 190 л.н. (СОАН-7965). Прослойку 1А к.г. – в средней части слоя - подстилает светло-серая прослойка тонкозернистого песка паводкового происхождения мощностью до 1,5 см. Прослежено загибание этой прослойки вниз в тыловой части раскопа и контакт ее с нижележащим песком слоя 5. Ниже прослойки вплоть до подошвы слоя выделен 2 культурный горизонт. В нем фиксированы линзы кострищ в верхней и нижней части. По углю из них получены даты 10400 ± 200 л.н. (СОАН-7964) и 11050 ± 210 л.н. (СОАН-7966) соответственно. Выделены верхний и нижний уровни 2

- культурного горизонта. Из подошвы слоя заложены криогенные трещины. Мощность 0,24–0,28 м
5. Прослойка среднезернистого песка, деформированная трещинами, местами ожелезненная. К бровке террасы слой теряет мощность, поднимается к дневной поверхности и выклинивается. Мощность 0,20–0,04 м
 6. Белесовато-палево-серый, зеленовато-светло-бурый алеврит, криогенно деформированный. В ней залегает 3 культурный горизонт. Получена радиоуглеродная дата 11390 ± 230 л.н. (СОАН-8261). Мощность 0,04–0,12 м
 7. Прослойка среднезернистого песка, деформированная трещинами, с прослойкой белесовато-палевой супеси (0,02 м). Мощность 0,04–0,20 м
 8. Белесовато-палево-серый алеврит, криогенно деформированный. Мощность 0,03–0,10 м
 9. Криогенно деформированная прослойка светло-серого среднезернистого песка. Мощность 0,04–0,16 м
 10. Алеврит слабослоистый белесовато-серый, криогенно деформированный. Мощность 0,52–0,66 м
 11. Ожелезненные прослойки среднезернистого песка. Мощность 0,02–0,06 м
 12. Алеврит белесовато-серый, криогенно-деформированный, с пятнами ожелезнения. Мощность 0,20–0,40 м
 13. Пачка бурых, оглеенных, ожелезненных криогеннодеформированных прослоек тяжелой супеси с включениями мелкой гальки (диаметром до 2,5 см) и дресвы. Мощность 0,08–0,26 м
 14. Песок светло-серый среднезернистый слоистый. Мощность 0,07–0,26 м
 15. Цоколь

Общая мощность вскрытых рыхлых отложений – 1,90 м.

В задаче понимания специфики культуросодержащих отложений (1-й, 1А, 2-й, 3-й культурные горизонты) может быть высказан ряд стратиграфических наблюдений тафономического характера, полученных в ходе раскопок.

Изначально в 1996 г. были выделены основной, наиболее массовый - 2-й культурный горизонт, залегающий в подошве светло-зеленого алеврита (слой 4), перекрывающего пачку аллювиальных отложений. Выше него, в средней части субэдральной пачке отложений в темно-бурой прослойке фиксировался 1-й культурный горизонт. Впоследствии стало ясно, что мы имеем дело не с одной, а, как минимум, с двумя растащенными по склону такими прослойками, в которых были стратифицированы 1 и 1А культурные горизонты. В восточной части раскопа обе эти прослойки четко стратиграфически отделялись паводковой прослойкой мощностью до 2 см от нижележащего 2 культурного горизонта.

Прослойка, вмещающая 1А к.г., залегала прямо поверх паводкового седимента. В ее составе были выявлены два пятна кострищ, по которым получены две радиоуглеродные даты возрастом около 8135-8250 л.н. / 9084–9202 кал. л.н. (табл. 1). В восточной части раскопа была зафиксирована перекрывающая темно-бурая прослойка алеврита, к которой приурочена самая верхняя выявленная конструкция из плит. По углю из растащенного кострища из этой прослойки получена дата 8090 л.н. / около 9009 кал. л.н.

В силу тафономических постдепозиционных обстоятельств культурные остатки в различной степени претерпели изменения первоначального положения. Разделить их по 1 и 1А культурным уровням в значительной части случаев не представляется возможным. Петрографически отмечено преобладание материала из разноцветного кремня (вулканического стекла) в 1А к.г. в юго-восточной части раскопа, а артефактов из светло-зеленого порфирита в 1 к.г. в восточной и центральной части раскопа.

Единичные находки отщепов и сколов в корнях деревьев в подошве почвенно-растительного горизонта атрибутированы как 0-й культурный горизонт.

Основной массив артефактов – 2-й культурный горизонт – располагался ниже паводковой прослойки и лежащей над ней буровой прослойки, в теле которой были кострища 1А культурного горизонта (рис. 158). В пределах 2-го культурного горизонта отмечается вертикальный разброс артефактов по вертикали в пределах 8-10 см. Наблюдения за нивелировочными отметками экзотов - сегментов микропластин из светло-коричневого аргиллита показывают наличие их как в верхах культурного слоя, так и в низах его (большей частью). Выявленные кострища очагов в верхней и нижней части культурного слоя позволили получить радиоуглеродное определение хронологических рамок формирования культурных остатков в пределах 10,4–11,0 тыс. л.н. / около 12211–12937 кал. л.н. Разборка кострищ показала именно проседание культурных остатков ниже очажного пятна. Об этом говорит не только основной массив артефактов приочажного скопления, но и жженая кость, обнаруженная также в подошве линзы кострища или ниже ее. В одном случае раскопан просевший приочажный камень, под которым обнаружен фрагмент жженой кости. Характерно, что тяжелые фракции (плитки, чопперы, гальки-отбойники, обломки галек) располагались в самом низу культурного слоя. На этих уровнях чешуйки в промывке уже не фиксировались, или фиксировались только под самими плитками.

Факт наличия разновозрастных очагов верхнего и нижнего уровня 2-го культурного горизонта говорит о наложении стояночных структур если не на всей площади раскопа, то, по крайней мере, в его восточной части. Установлена также организация обитаемого пространства плитами в нижнем, и в верхнем уровнях 2 к.г. Таким образом, в формировании культуросодержащего слоя приняли участие процессы вертикального проседания артефактов и наложения разновозрастных деятельностных ситуаций. По нашему мнению, проседание связано с полигенетическими

постдепозиционными процессами, прежде всего, с ежегодной мерзлотной оттайкой и имело ту же природу, что и отмеченное вертикальное проседание культурных остатков в 3-4-м культурных горизонтах Коврижки II (Тетенькин 2010).

С другой стороны, вряд ли случайными результатами постдепозиционных пертурбаций явилось обнаружение двух микронуклеусов, вертикально стоящих у торца плиты в западной (рис. 162.F) и юго-восточной (рис. 162.E) частях раскопа, еще одного микронуклеуса, лежавшего на поверхности плитки в восточной части раскопа (в пикете 25 - квадрате 20). Отдельные детали планиграфического рисунка – композиция параллельных линий из ряда плит, рисунок планиграфии культурных остатков, локализованных относительно позитивных элементов стояночного пространства (очагов, наковален), остатки конструкций из плит, участки скоплений специализированных орудий (рис. 161) – говорят о сохранении каких-то участков стояночной структуры в относительной инситуности.

Отдельно следует отметить неудовлетворительную сохранность узких плиток из слюдянистого сланца и гнейса. Мы полагаем, что это может быть объяснимо вертикальным положением плиток и попаданием воды в структуру камня. Горизонтально лежавшие плитки имеют относительно лучшую сохранность.

Кость на Коврижке III сохранилась только в виде мелких неопределимых жженных фрагментов. В отличие от нее удовлетворительно сохранились в культуровмещающих отложениях частицы угля, по которым удалось определить породы деревьев. Анализ этот был проделан О. Анри (Национальный музей естественной истории, Париж, Франция).

Работы 2010 года выявили в юго-восточном углу раскопа ситуацию подъема пачки отложений, вмещающих 1, 1А и 2 к.г., вверх вплоть до выклинивания под почвенно-растительным горизонтом (рис. 158). Это связано, как мы предполагаем, со сформированным в конце сарганской эпохи прирусловым валом (?) на внешней бровке террасы. В последующее за этим

время нивелировка рельефа происходила за счет осадконакопления преимущественно в локальной отрицательной форме рельефа – тыловой части террасы за прирусловым валом. От вышележащего 2-нижнего культурного горизонта 3 к.г. отделяет прослойка белесо-серого аллювиального песка, поднимающаяся вверх и выклинивающаяся в юго-восточном углу раскопа. Из нее заложены криогенные трещины, разбивающие нижележащие отложения, содержащие остатки 3 культурного горизонта. Часть материала 3 к.г. отмечена втянутой в трещины и опущенной по ним. Из нижележащей подстилающей песчаной прослойки также заложена еще одна генерация трещин. Вскрыто плотное скопление культурных остатков мощностью свыше 20 см. Аппликацией выявлено вертикальное проседание артефактов амплитудой в 12 см. Наблюдалось волнообразное залегание бурой линзы, насыщенной углем, очевидно, растащенного или размытого кострища, из которого получена радиоуглеродная дата. В общем случае можно утверждать о постдепозиционном разрушении культурного слоя криогенными процессами. Компрессия вышележащих отложений, расположенных выше уровня 3 к.г. близко к дневной поверхности, и наличие деревьев являются факторами, побуждающими допускать возможность археологической компрессии и смешения с культурными остатками 1А к.г. (в частности) (более всего в крайнем юго-восточном угловом квадрате раскопа: пикете 33 – квадрате 7). В связи с этим нами в определении аутентичности археологического материала 3-му культурному горизонту принимались во внимание следующие обстоятельства.

Учитывалось залегание артефактов ниже уровня трещин, заложённых из прослойки между 2 и 3 к.г., «спокойное» горизонтальное положение находок на полигоне, не затронутом трещинами (в частности, во всех случаях обнаружения бифасов). Вышележащие культурные уровни Коврижки III трещинами не разбиты.

Прилегающие с севера, с тыловой части террасы раскопанные площади содержат стратифицированные уровни 1, 1А, 2-верхнего, 2-нижнего и 3

культурных горизонтов. В 1А к.г. выявлено скопление артефактов, отличающееся от нижних 2 и 3 к.г. доминированием артефактов из цветного вулканического стекла (розовых, белых, бардовых, черных, коричневых, оттенков) и высокой долей микропластин из них. Визуально определенное сходство выразительных петрографических признаков у артефактов с изделиями из 1А к.г. «спокойной» стратиграфической раскладки позволяет говорить о присутствии в 3 к.г. в прирвовочной юго-восточной части раскопа смешанного более позднего компонента: микропластин и дебритажа из цветного вулканического стекла. С другой стороны, ряд наблюдений за «спокойными» участками 2 и 3 культурных горизонтов позволяет полагать присутствие и в них некоторого количества микропластин и отщепов из «цветного» качественного изотропного сырья.

Дата 3 культурного горизонта 11390 ± 230 л.н. (СОАН-8261) / 13652 – 12793 кал. л.н. получена по образцу угля. В разрезах читалось линзовидное сечение угленасыщенной прослойки, замещаемое на удалении темно-бурой прослойкой алеврита. Как выше уже было сказано, мы полагаем, что имеем дело с растащенным кострищем очага. В пределах углистого пятна выявлены крупный вертикально позиционированный расколотый валун, крупная овальная галька с ямкообразной выбоиной на верхнем фасе (наковальня?), небольшая сланцевая плитка, лежащая горизонтально, под ней найдены две чешуйки.

Полученная серия из 8 радиоуглеродных дат (табл. радиоуглеродных дат) образует нормальную хронологическую последовательность, согласованную со стратиграфией культуровмещающих отложений (рис. 158). На основе радиоуглеродного датирования можно выделить два интервала обитания около 11,4–10,4 тыс. рад. л.н. / 13,2–12,2 тыс. кал. л.н. (3-2 к.г.) и 8,3–8,1 тыс. рад. л.н. / 9,2–9,0 тыс. кал. л.н. (1-1А к.г.), отстоящих друг от друга более, чем на две тысячи лет. Один образец угля из 2-го культурного горизонта был разделен, первая его часть датирована – 10875 ± 40 л. н. (UCIAMS-135111), другая поступила на антракологический анализ. Датировка, выполненная в

независимой лаборатории, оказалась несколько древнее датировки этого же 5 очага из верхнего уровня 2-го культурного горизонта, полученной ранее – 10400±200 л. н. (СОАН-7964), но в целом мы считаем ее вполне приемлемой, укладывающейся в возрастные рамки 2 к. г. (11,0–10,4 тыс. рад. л. н.) и поддерживающей уже имеющийся ряд радиоуглеродной хронологии Коврижки III. Разница между двумя датами может быть объяснима самой точностью (погрешностью) датирования в обеих лабораториях.

3 культурный горизонт

На сегодняшний день коллекция 3 к.г. состоит из 4 бифасов, 2 скребел, 1 долотовидного орудия (резца?), 3 микронуклеуса, 1 комбинированного унифаса-орудия (скребок+резец?), 2 проколов, 1 унифаса-ножа, 2 чопперов, 1 графититового мелка, 2 отщепов с рабочей ретушью, 2 отбойников, 1 наковальни, 195 фрагментов микропластин, 4688 отщепов, в том числе 3760 чешуек. Всего 4905 единиц.

Наиболее выразительны в коллекции бифасы. Один из них (рис. 159.2) имеет четырехугольный контур. Он определен как комбинированное, многофункциональное орудие. Второй бифас имеет параболический-полуовальный контур, усеченный поперечно выемчатым краем (рис. 159.5), определен как преформа клиновидного нуклеуса. Третий бифас имеет подчетыреугольный контур (рис. 159.8). Продольные края прямые и параллельные, поперечные – выпуклые. Поперечными широкими снятиями с продольных краев по обоим фасам бифас утончен. Лезвие тщательно оформлено на узком крае изделия по одному фасу. Профиль симметричный. Угол сопряжения лезвия с продольным краем сбит сколом, по-видимому, амортизационным. На одном из продольных краев орудия в приобушковой части оформлен небольшой выступ. Бифас определен как топор или тесло. Выступы, именуемые «ушками», на топорах и теслах являются ключевым признаком для сумнагинской культуры Якутии (Мочанов Ю.А. 1977, с. 245). Четвертый бифас имеет асимметричный субовальный контур (рис. 159.10). Формально (морфологически) бифас определен как скребло. Ближайшие

аналогии ему находятся в 6 культурном горизонте Большого Якоря I, в том числе и аналоги такой детали, как бифасиальная подработка узкого рабочего конца изделия (Инешин Е.М., Тетенькин А.В. 2010, рис. 6.38: 2).

Нуклеусы для снятия микропластин были найдены в количестве 3 экземпляров. Первый экземпляр – клиновидный (рис. 159.6). Вторым нуклеусом – торцовый (терминальный) (рис. 159.9). Третий нуклеус был брошен в самом начале расщепления (рис. 159.3). Судя по преформе, это призматический, а не торцовый нуклеус. Преформа имела высокий пирамидальный, трехгранный вид. Одна из сторон (латералей) представлена естественной галечной плоской поверхностью. Ретушью специально подработана только точка схождения трех ребер заготовки. Площадка оформлена короткими сколами с латерали и фронта. Снятия микропластин были начаты с одного из ребер преформы. Очевидно, фронт должен был захватить оба ребра, ограничивающих плоскость фронта, и занять, таким образом, до половины периметра нуклеуса. Данный нуклеус свидетельствует о существовании ранее 11000 рад. лет назад на Витиме, наряду с терминальным, навыков собственно призматического микропластинчатого расщепления. В материалах Большого Якоря I возрастом около 12,7–11,7 тыс. рад. л.н. этих признаков еще нет, и, стало быть, призматический микронуклеус из 3 к.г. на данный момент самый ранний. Характерно, также, что и во 2-нижнем культурном горизонте Коврижки III возрастом около 11,0 тыс. рад. л.н. были найдены 2 микронуклеуса призматических. И один пренуклеус призматического типа, во многом сходный с описанным выше нуклеусом из 3 к.г., был найден 2 к.г. (рис. 159.1).

Следующее изделие, по-видимому, до полноценного трассологического исследования следует определить как комбинированное, многофункциональное. Это унифас (рис. 159.9), изготовленный из отщепа микрогабро, имеющий два противоположных скребковых лезвия. Одно из них плавновыпуклое, а другое выемчатое. От края выемчатого лезвия был осуществлен один краевой скол в сторону выпуклого скребковидного ретушированного края, в этом смысле, дистального. Предположение о том, что

мы имеем дело с микронуклеусом в начальной стадии расщепления, наталкивается на наблюдения об изношенности кромки сопряжения негатива пластинчатого краевого скола с выемчатым краем. В проксимальной трети с этого негатива снят был поперечный мелкий скол, возможно, амортизационного характера. Таким образом, мы предполагаем, что угол сопряжения негатива краевого скола и выемки, оформленной скребковой крутой ретушью, использовался в каких-то инструментальных задачах. Обращает на себя внимание и повторение такого элемента как выемка. Ударный бугорок отщеп-преформы сбит двумя негативами.

Еще одно изделие атрибутировано как отщеп с ретушью – скребок (?) (рис. 160.4). Контур лезвия параболический, оно занимает более половины периметра артефакта, одним концом примыкая к непреднамеренной выемке, образованной одним сколом, предшествующим снятию этого отщепа.

Следующее изделие является утилизированным обломком скола (рис. 160.1). В качестве лезвия использовано было ребро схождения двух граней поперечного облома и талона скола шириною 7 мм. От кромки по обоим граням лежат несколько негативов снятий, которые можно было бы определить формально и как резцовые, а предмет, в целом, как срединный многофасеточный резец.

Еще один предмет описан как нуклеус, переоформленный в скребло (рис. 160.5). Скалывание производилось по галечному выпуклому фасу. Площадка оформлена разноформатными сколами. Снятия отщеповые, центростремительные веерообразные. Максимально длинный негатив около 5 см. В какой-то момент, после того как в результате одного неудачного снятия был получен высокий залом, мелкой ретушью образовано боковое скребловидное лезвие. На одном из его краев тщательно оформлен угол.

Две проколки имеют короткое жало в 3-5 мм, выделенное краевой ретушью по плечикам (рис. 160.2).

Предмет из графитита имеет подчетыреугольную плитчатую форму размерами 2,7×2,3×1,1 см (рис. 160.3). Два угла его значительно скруглены в результате истирания в качестве мелка – источника красящего вещества.

Скребло изготовлено на небольшом первичном отщепе однорядной краевой ретушью. На двух концах лезвия выемками выделены небольшие выступы-«ушки» (рис. 160.8).

Формальной разновидностью чопперов являются галечные орудия с высоким рабочим фасом, имеющим угол сопряжения с арьерфасом близкий к прямому. Рабочий край наблюдается благодаря сильной забитости, выраженной в широкой и короткой амортизационной ретуши, завальцованности и заломах, вызванных работой по твердым материалам. Этого рода орудия обозначен термином «струги».

Один чоппер-струг является простым поперечным вариантом (рис. 160.7). Другой является комбинированным орудием (рис. 160.6).

2 культурный горизонт. Планиграфия

На площади раскопа выявлено пять очажных комплексов (рис. 161). Нумерация очагов дана согласно последовательности их открытия. Очаги 1, 3, 4 отнесены к 2-му нижнему к.г., очаги 2 и 5 – к 2-му верхнему к.г. Разделение 2-го культурного горизонта на верхний и нижний уровни, прослеженное по стратиграфии в восточной части раскопа, подтверждено и радиоуглеродными датами (табл. 1). Особенностью планиграфии Коврижки III является организация пространства каменными плитами (рис. 161). Во-первых, имеет место оборудование очагов подчетыреугольными плитами. Во всех случаях это единичные (1-3) плиты, лежащие на периферии или в центре кострища. В одном случае (очаг 5) плита была найдена стоящей на ребре. В остальных – плашмя. Во-вторых, это одиночно экспонированные плоские плиты с прилегающими рядом культурными остатками, интерпретируемые как столики-наковальни, организующие индивидуальные рабочие площадки. В-третьих, это конструкции из плит - узких плоских сланцевых пластин, установленных на ребро. Интереснейшей особенностью их и линейно

установленных плашмя нескольких горизонтальных плит (конструкций) является общая для всех ориентация с СЗ на ЮВ (рис. 161, 166). Такова же ориентация овално вытянутых кострищ очагов в слое.

Ориентация отдельных узких плит и композиций из них примерно совпадает с ориентацией цокольных плит скальника, выходящего на поверхность поблизости. Кроме того, отмечено залегание узкой пластины сланца выше 2 к.г. – в 1-м культурном горизонте (рис. 162.C,D, 165.D). В этой связи мы видим необходимость специального приведения доказательств антропогенного появления однозначно ориентированных плит в культурном слое, а не в результате процессов склонового сноса обломочного материала.

Раскопки в шурфах 11 и 12 выше по склону от раскопа показали, что снос обломочного материала имеет хаотичный характер перемещения разноформатных и разноориентированных фракций на совершенно различных уровнях. Замеры азимута ориентации плит скальных выходов и плит-пластин в слое показали разницу в 10-15°. Ориентация СЗ-ЮВ не соответствует локальному характеру понижения борта долины с севера на юг.

Плоскостной смысв как вероятная причина однообразной ориентации пятен кострищ, гнейсовых плит, представляется маловероятным хотя бы потому, что во 2-м культурном горизонте два микронуклеуса были найдены в вертикальном положении «стоя» у каменной плиты и на торце гнейсовой конструкции (рис. 162.E,F), да и ориентированы на юго-восток далеко не все плиты в слое.

Главные же доказательства антропогенного характера представляют собой особенности организации плит в слое. Рассмотрим скопление из узких сланцевых пластин в юго-восточном углу раскопа (рис. 161, 162.E, 165.A). Оно представляет собой залегание плит в двух уровнях. Нижний уровень представлен двумя узкими пластинами на уровне и между очагами 3 и 4 нижнего уровня 2-го к.г. Две пластины с сохранившимися размерами длины 110 и 50 см, высоты до 8 см и толщины до 3 см сведены юго-восточными концами друг к другу. Верхний уровень композиции состоит из двух пластин

длиной не менее 90 см, параллельных друг другу и большой нижней пластине. Одна из верхних пластин – из слюдянистого сланца, другая – из углистого сланца. Положение обеих пластин соответствует уровню 2-верхнего культурного горизонта, и, в принципе, их можно было бы отнести к этому более позднему эпизоду обитания, тем более, что под пластиной углистого сланца были зафиксированы артефакты 2-го нижнего к.г. Но вторая пластина из слюдянистого сланца залегает ребром фактически строго на ребре нижележащей пластины. Объяснений этому мы видим два: либо это конструкция с надстройкой второй плиты над первой, либо это совпадение конструкций двух уровней – 2-го нижнего и 2-го верхнего культурных горизонтов. Чрезвычайно интересной деталью стало обнаружение в процессе разборки микронуклеуса, стоящего вертикально на нижней пластине (рис. 162.E). Здесь следует упомянуть, что в западной части раскопа был также найден вертикально стоящий микронуклеус у торца горизонтально лежащей широкой плиты (рис. 162.F).

Узкие плитки длиной 80 и 70 см обрамляют очаг 3 в юго-восточном углу раскопа (рис. 165.A). Артефакты были найдены как под ними, так и на них. Данное обстоятельство может быть принято, как аргумент в пользу того, что эти плитки попали на дневную поверхность стоянки во время эпизода обитания на ней людей, а не до и не после.

Интересна ситуация с плитами в северо-восточной части раскопа. Здесь раскопан ряд из 7 плит, также ориентированный с СЗ на ЮВ (рис. 161). Северо-западная его часть состоит из 6 плит, лежащих плашмя близко расположенных друг к другу. Юго-восточная часть представлена одной длинной сплошной узкой плитой. Длина этой плиты-пластины 140 см, ширина в поперечнике 16-25 см. Плита имеет наклон в сторону очага 1 (на юго-запад).

У юго-восточного окончания длинной массивной плиты-пластины, над ней, словно в ее продолжение, раскопана сланцевая узкая длинная плита-пластина, стоящая на ребре, но уже не во 2-м, а в 1-м культурном горизонте (рис. 161, 165.D, 166). По образцу угля из 1 к.г., взятому рядом с плитой,

получена дата 8095 ± 120 л.н. (СОАН-8262). Нами было прослежено подстиление ниже ее 1А культурного горизонта. Практически под ней в 1А к.г. обнаружено кострище, по которому получена дата 8250 ± 190 л.н. (СОАН-7965).

Как мы полагаем, представленные ситуации доказывают искусственный характер появления в культуросодержащих отложениях стоящих на ребре узких сланцевых пластин. Еще более веские аргументы были получены в 2010-2012 гг. в ходе изучения наиболее сложной из конструкций, найденной в восточной части раскопа.

Y-образная конструкция

В 2012 г. автором при участии Х.Л. Смит (Техасский А&М Университет, г. Колледж-Стэйшн, США) была раскопана наиболее сложная из выявленных на Коврижке III конструкций из камня. Она принадлежит верхнему уровню 2 культурного горизонта и расположена в непосредственной близости от очага №5 (рис. 161, 163, 164, 165.В), по которому получены радиоуглеродные даты ок. 10,400 и 10,875 рад. л.н. Как и все остальные сооружения конструкция состоит из гнейсовых плит. Она представляет собой сложное соединение из не менее 6 стоящих на ребре узких, длинных и тонких гнейсовых плиток и двух овальных дисков из того же материала, вставленных в горизонтальном положении (рис. 163.С,Д). В плане конструкция имеет Y-образный стрелчатый вид двух линий, каждая из которых состоит из двух состыкованных плит, сходящихся в одну (рис. 163.А,В, 164). Две горизонтально вложенные овальные плитки, по-видимому, выполняли замковую соединительную роль в поддержке стыков и вертикального положения плит-пластин. Несмотря на то, что стоящие на ребре плиты сохранились очень плохо и фактически разрушены, вероятно, в результате просачивания воды по структуре гнейса, удалось установить, что для крепления в горизонтальном положении, по крайней мере, одного из дисков было сделано пазовое крепление. На это указывает полное, единое сечение большой длинной плиты, завершающей сооружение в юго-восточной части

(рис. 163.G,H). Разница в высоте горизонтально вложенных дисков относительно друг друга составляет 7 см (рис. 163.C,D). Кроме того, выявлен прием вкапывания-углубления на 5 см стоящей на ребре плиты-пластины и подпорки ее обломком валуна (рис. 163.E). На это указывает высотная разница подошвы камня подпорки и гнейсовой плиты конструкции. Сечения ее указывают на прием надстраивания второй сходной в размерах гнейсовой плитой, сохранившейся, к сожалению, также плохо (рис. 163.E). Второй и меньший в размерах обломок того же валуна подпирает в вертикальном положении длинную одиночную плиту на ребре. В заполнении под горизонтальными плитками и в подошве под стоящими на ребре плитами были найдены отщепы, чешуйки, сегменты микропластин, в том числе медиал, снятый с найденного ранее во 2-м к.г. клиновидного микронуклеуса (рис. 170.1). Общая длина конструкции – около 1,8 м, максимальная высота около 14-15 см. Длина отдельных плит-пластин, установленных на ребро, от 20 см до 1,0 м, ширина до 15 см, толщина около 1,5–3 см. Размеры плашмя лежащих плиток – $13,7 \times 13,0 \times 2,0$ см и $18,5 \times 13,6 \times 2,5$ см. Если сохранность первых крайне плохая, то состояние горизонтально установленных плиток удовлетворительное. На рисунке 171 хорошо видна ретушь краевой обработки дисков. Она является прямым доказательством искусственного оформления этих плиток. Мы полагаем также, что эта ретушь на сохранившихся дисках является аргументом и для утверждения об искусственном оформлении сохранившихся плохо плит, стоящих на ребре. Развивая этот тезис дальше, мы полагаем, что существовала определенная сфера деятельности по производству-обработке гнейсовых плитчатых отдельностей с целью получения строительных конструктивных материалов. Для археологии каменного века нижнего Витима этот вывод сделан впервые.

Следующий вывод состоит в утверждении о наличии у обитателей технологических приемов вертикальной поддержки плит-пластин способами вкапывания-заглубления, подпора камнями, а также составления в стыковые - пазовые соединения (рис. 164.B).

Выгодной особенностью местонахождения Коврижка III является залегающая в восточной части раскопа паводковая аллювиальная линза светло-серого алеврита мощностью до 2 см, разделяющая 1А и 2 культурные горизонты. На исследуемом участке она перекрывает конструкцию только частично, юго-восточная ее часть была экспонирована на дневной поверхности, по крайней мере, еще и во время обитания людей и отложения артефактов 1А культурного горизонта (рис. 163.А,В,Ф). Многократно зафиксировано прилегание артефактов этого более позднего эпизода обитания к верхней части экспонированной плиты. С другой стороны, в северо-западной зоне конструкции на уровне 1А к.г. зафиксированы остатки гнейсовых плиток, лежащих на ребре вдоль оси сооружения. Сечение их показало, что эти небольшие плитки подстилаются паводковой прослойкой, а значит, были положены в эпизоде 1А к.г. (рис. 162.А,В, 165.С). Рядом с этими плитками также на паводковой прослойке залегал большой скальный обломок, служивший, по-видимому, в роли наковальни. Рядом с ним найдено большое количество дебитажа 1А к.г. Этот вышележащий уровень имеет две радиоуглеродные даты, приходящиеся на возраст около 8,2–8,1 тыс. рад. л.н. Они получены по образцам угля, взятым из кострищ очагов, в том числе из линзы кострища, находящейся в непосредственной близости (рис. 165.С). По нашему мнению, эти данные свидетельствуют о сохранении и подновлении конструкции в эпизоде обитания людей на стоянке, состоявшемся более 2000 лет спустя.

Очажные комплексы

Очажные комплексы выражают некий цельный фрагмент деятельностной ситуации, сумма этих фрагментов – очажных комплексов – представляет либо кратность эпизодов обитания, если нет доказательств связанности очагов в одну ситуацию, либо результат усложнения процесса жизнедеятельности в рамках одного эпизода обитания. Микростратиграфические наблюдения и радиоуглеродное датирование трех из пяти раскопанных очагов позволяют в случае 2 культурного горизонта

полагать их асинхронность и палимпсест из остатков нескольких деятельностных ситуаций. Орудийные наборы и оборудование очагов камнями имеют в каждом случае свою специфику. В рамках аппликации системно-деятельностного подхода к задачам планиграфического анализа нами в соавторстве с Е.М. Инешиным (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 36–44) были разработаны представления о позитивных и негативных элементах искусственно обустройстваемого пространства.

1. Среди всей совокупности деятельности, осуществленной на стоянке (в пространстве) мы различаем акты деятельности, направленные на искусственную организацию обитаемого (жилого) пространства и все иные акты, протекаемые в этом пространстве и использующие его. Первые преднамеренно (позитивно) формируют территорию стоянки, вторые – непреднамеренно (негативно). В сумме они задают искусственную структуру пространства (структурируют пространство).

2. Позитивными элементами структуры стоянки могут быть, например, жилища, очаги, наковальни, вымостки, хозяйственные ямы и другие сооружения. Их назначение (функция) состоит в «стягивании» на себя отдельных видов деятельности (например, расщепление камня на наковальне) или множества видов деятельности (например, огонь очага дает тепло, свет и дым, создавая в целом условия комфортные для жизни). Негативными элементами структуры пространства стоянки являются культурные остатки – исходные материалы, отходы, каменные и костяные орудия, задействованные в различных видах деятельности, не связанных с организацией пространства: приготовление пищи, обработка шкур, дерева и др.

3. Мы полагаем, что суть пространственных взаимоотношений между позитивами и негативами структуры стоянки состоит в том, что вторые так или иначе «приурочены» к первым, поскольку человек проживал под крышей жилища, у стен жилища, у теплого очага, работал у наковальни, двигался от очага к жилищу и т.п. При этом пространственное поведение человека ориентировано (сфокусировано) как на специализированный позитивный

объект (элемент), так и на всю структуру пространства. Проецирование артефактов – негативных элементов в «открытой позитивной зоне» зависит от проксемических факторов удаления / приближения человека к объекту-позитиву. Такими факторами являются психофизические характеристики человека, различия социальных статусов между обитателями, функциональные характеристики объекта-позитива, особенности видов деятельности (стоя, сидя, «чистые», «грязные» виды деятельности и др.). В «закрытой позитивной зоне» на указанные факторы налагается лимитирующее воздействие «стен жилища». Некоторые виды деятельности, такие как первичная выделка шкур, разделка туш животных, требуя для себя большего пространства, внутри жилища невозможны.

4. Вряд ли все позитивные элементы пространства были организованы одновременно, одним актом деятельности. Мы можем представить себе процесс формирования структуры стоянки разорванным во времени на чередующиеся и повторяющиеся акты такой организации и периоды пользования созданным пространством. Развитие процесса позитивной организации стоянки идет по линиям усложнения структуры появлением новых объектов, модернизации и переоформления, уборки территории от мусора и ненужных позитивных элементов. Задача исследования отсюда должна состоять в определении динамики разворачивания деятельности на стоянке – организации ее пространственной структуры.

5. Ряд закономерностей в иерархии – последовательности в организации позитивных элементов пространства может быть выделен через наблюдения эмпирически. Изначально появление и поведение человека лимитируется естественной структурой пространства: растительностью, скальными останцами, пещерными полостями, положительными и отрицательными формами рельефа и др. Организация долговременных позитивов, например, жилищ, может предваряться организацией временных позитивов: жилищ-временок, временных очагов, подготовленных строительных площадок и т.п. Усложнение структуры появлением новых объектов может быть «замкнуто»

на общий для поселения некий центр, может быть предопределено наличием у обитателей особого стереотипа организации поселений. При всем при этом хронологически каждый последующий позитив негативен относительно всех предшествующих в смысле стянутости наряду с отбросами, мусором, экспонированными вещами на позитивы (позитивные элементы структуры стоянки) предыдущих порядков.

6. Понимание возможности механического смешения на дневной поверхности культурных остатков разных деятельностных ситуаций на этапе предепозиции (танатоценоза) ведет к задаче определения принадлежности ископаемых археологических комплексов к одной или нескольким стоянкам. Существенной особенностью такого смешения является палимпсест (наложение) фокальных стояночных структур.

Среди всей совокупности планиграфических сюжетов в качестве модульных были взяты очажные структуры, т.е. комплексы очагов со скоплениями культурных остатков вокруг них. Такие очажные структуры понимались нами как фрагменты деятельностных ситуаций. Задача планиграфического анализа должна стоять, во-первых, в атрибуции к фрагментам деятельностных ситуаций соответствующих негативных элементов структуры (отбросов, позитивов 2-го порядка – наковален), во-вторых, в определении, являются ли они фрагментами одной деятельностной ситуации или нескольких.

Очаг 1.

В первом случае очаг 1 (2-й нижний к.г.) расположен посередине между двумя параллельными северо-восточной и юго-западной линиями плит (рис. 161). В 1,80-2,0 м к югу – юго-западу от него найдены две параллельно друг другу установленные на ребро узкие пластины во все той же ориентации с СЗ на ЮВ. Длина пластин – 75 и 60 см, высота до 8 см, толщина – до 5 см. В продолжение направления этих пластин выявлены две уходящие в западную стенку горизонтально лежащие широкие плиты. Толщина большей плиты 7 см. У выступа на ее торце был найден торцовый нуклеус, вплотную

прислоненный в вертикальном положении (рис. 162.F). К северу от этой плиты были найдены два отбойника. Расстояние между этими парами плит 1,10 м. Вдоль воображаемой линии, их соединяющей, найдены два отщепа. Один клиновидный нуклеус в начальной стадии расщепления (рис. 170.12) и две преформы (рис. 170.14,15) лежали компактно в южной части раскопа, в 1,10 м к юго-востоку от стоящих на ребре плит-пластин. Характерно, что и здесь, на этом участке слоя, как и в случае с предыдущим микронуклеусом отходов производства не было. Указанные находки микронуклеусов можно охарактеризовать как элементы сберегательного поведения (*curate behavior*) людей. Термин *curate behavior* был введен М. Шиффером для обозначения «процесса перемещения еще годных или доступных починке предметов... для продолжающегося использования» (Schiffer M., 1987, p. 90). Иными словами, мы допускаем, что эти готовые к использованию вещи (нуклеусы) были отложены в сторонку или прислонены к плитам до момента их востребования.

К северо-востоку от очага раскопан ряд из 7 плит, также ориентированный с СЗ на ЮВ. Эта линия плит и линия в юго-западном углу раскопа параллельны друг другу (рис. 161). Расстояние между ними 3,60 м. Очаг расположен примерно посередине. Очажное пятно имеет аморфный контур, вытянутый также с СЗ на ЮВ размерами 1,6×1,6 м. Он оборудован одной плитой, лежащей плашмя. По очагу получена дата 10940±150 л.н. (СОАН-7029). В 1,5-2,7 м северо-западу от очага найдены аморфные разрушенные куски гнейса. С ними рядом, под ними, на них не было зафиксировано ни одной находки. Окружающее пространство также не содержало археологического материала. Единственная находка – каплевидный скребок из жильного кварца – залегал в 4 см выше кровли этих гнейсов (рис. 169.20). Это тот случай, когда нет достаточных признаков антропогенного появления скальных конкреций в слое.

К югу от очага найдена плита-наковальня со скоплением материала в секторе, противоположащем очагу, т.е. к югу и востоку. На самой плите была найдена микропластина, в зоне у плиты обнаружены два резца, резцовые

сколы, микропластины, отщепы, чешуйки. Под плитой обнаружена углистая прослойка, 12 чешуек и фрагмент микропластины. К западу от очага 1 найдены две узкие плиты плохой сохранности, вытянутые также по линии СЗ-ЮВ. Между ними и очагом отмечено гумусированное пятно размерами 50х20 см, глубина его залегания – 0,55 м. В 1 м к северу от очага 1 у края линии из шести плит, тянущихся с СЗ на ЮВ в северо-восточной части раскопа, выявлена конструкция из семи небольших плиток, наклонно полурозеткой выложенных в небольшом углублении. Конструкция открытой частью обращена к очагу. Размеры ее 30×20 см, высота 20 см.

Характерно, что трансверсально-диагональные резцы (4 экз. – рис. 169.21-24) были найдены по обе стороны (СЗ и ЮВ) и только у очага 1. Следует отметить, что продукты микрорасщепления (микропластины) находились только на юго-восточной периферии очага 1. В противоположном скоплении на северной - северо-западной периферии очага их нет. Галечные отщеповые нуклеусы (3 ед.) и дебитаж их расщепления, наоборот, локализованы к северу от очага. Причем, довольно компактно. Участок, прилегающий к плитам северо-восточной линии относительно пуст.

Очаг 2.

Очаг 2 принадлежит верхнему уровню 2 культурного горизонта (рис. 161). Его прокол зафиксирован сразу под паводковой прослойкой. Это небольшое округлое пятно кострища диаметром около 0,50 м. Небольшая плитка лежала в зоне кострища, причем просела до уровня кровли. Под ней были найдены фрагменты угля и жженной кости. Очаг находился менее чем в 0,40 м к северу от массивной длинной плиты северо-восточной линии. Обильное скопление артефактов, большей частью, конечно, отходов производства зафиксировано к северу и северо-востоку от очага. Найдены чоппер, клиновидный нуклеус, бифас.

Очаги 3 и 4.

Очаги 3 и 4 залегали в нижнем уровне 2 культурного горизонта, в юго-восточном углу раскопа (рис. 161, 165.А). Пятна кострищ имеют овальный

контур, вытянутый с СЗ на ЮВ, размерами 1,20×0,56 и 1,40×0,85 м соответственно. Очаг 3 имеет три плиты, аранжирующие кострище. Две вытянутые плитки гнейса, расположены параллельно друг другу, обрамляя очаг по длинным сторонам по все той же линии с СЗ на ЮВ, подчетырехугольная короткая плитка, примыкая к одной из длинных плиток, ориентирована перпендикулярно ей. К северу – северо-западу от очага найдены все ассоциированные с ним изделия – два клиновидных нуклеуса, один галечный отщеповой нуклеус, резчик из микропластины, два скребка, остроконечник-провертка с плечиками, обломок унифасиального лезвия, тщательно оформленное овальное скребло, чоппер. Клиновидные нуклеусы имеют сходную морфологию: они изготовлены из отщепов-унифасов. Если скребло производит впечатление формального орудия (рис. 167.3), оно имеет правильный овальный контур благодаря регулярной краевой ретуши, то скребки имеют случайную форму и нерегулярную краевую ретушь рабочего края, чем, кстати, отличаются от вполне формальных скребков комплекса очага 4.

Противоположная, юго-западная периферия очага 3 имеет следы какого-то другого вида деятельности, представленные тремя кусочками вулканической пемзы. Последние имеют выдающееся значение характеристики мобильности древнего населения в эпоху рубежа плейстоцена, на которой остановимся ниже. По углю получена дата 11050±210 л.н. (СОАН-7966).

Очаг 4 имеет камни на северо-западной периферии: две плоские плитки слева и справа от СЗ конца кострища и две V-образно сходящиеся узкие гнейсовые плитки в том же СЗ-ЮВ направлении посередине между ними (рис. 161, 165.А). Меньше чем в 1,0 м от очага залежали плашмя три небольшие плитки, служившие, по-видимому, в роли рабочих столиков-наковален. В ассоциации с двумя из них найдены два микронуклеуса.

Орудийный набор очажного комплекса №4 имеет свою специфику. В него входят 5 скребков, 3 микропластинчатых нуклеуса, 1 галечный

отщеповой нуклеус, 1 обломок лезвия чоппера, 1 резец угловой из осколка горного хрусталя, 2 преформы предположительно для клиновидных нуклеусов, 1 массивный отбойник. Три скребка субовальной формы с параболическим лезвием (рис. 169.16,17,18). Два скребка из горного хрусталя (кварц и дымчатый кварц), один из которых имеет рабочую головку, выделенную плечиками (рис. 169.25). Все три микронуклеуса – призматические. На их характеристике остановимся ниже, здесь же важно подчеркнуть приуроченность их к одному очажному комплексу как аргумент принадлежности к одной деятельностной ситуации. Все изделия залегали на северо-западной половине пятна кострища очага и прилегающей периферии.

Пространства очагов 3 и 4 разделяет описанная выше конструкция из гнейсовых плит-пластин. Расстояние от плит до края этих очагов – 15-20 см. На торце стоящей на ребре одной из узких длинных плит найден один из двух призматических микронуклеусов с широким заходом фронта с торца на латераль (рис. 162.А, 170.4). Второй такой нуклеус найден в 1,20 м к северо-востоку от него (рис. 170.5). К западу и северо-западу вблизи от этой композиции выявлены еще три одиночные узкие гнейсовые плитки на ребре, ориентированные параллельно друг другу с северо-запада на юго-восток.

Очаг 5 залегал сразу под паводковой прослойкой в верхней части 2 культурного горизонта (рис. 161, 165.В). По углю получены даты 10400±200 л.н. (СОАН-7964), 10875±40 л. н. (UCIAMS-135111). Очаг 5 залегал всего в 0,50 м к юго-востоку от очага 2. Кострище имеет неправильную вытянутую двумя языками с СЗ на ЮВ форму размерами 2,40×0,95 м (рис. 161). По-видимому, такой ее контур является результатом размыва или разноса ногами людей. Восстановить первоначальную форму очага, вероятно, можно проследив контур пустого, свободного от артефактов места в центре кострища, обрамленного культурными остатками. Такая зона, действительно, прочитывается, и она имеет овальную с севера на юг форму размерами 1,0×0,60 м. В северо-западной части кострища найден стоящий на ребре скальный обломок размерами 0,26×0,14 м и высотой 0,15 м. Впритык к нему с

внешней к кострищу стороны были найдены бифас, двойное боковое скребло и скол с ретушированным краем. В 0,15 м от него к югу, уже за пределом пятна кострища найдено скопление из трех скальных обломков длиной до 0,20 м и шириной до 0,15 м. Важно отметить, что перекрывающие очаг, плиту и скопление обломков породы осадки алевроита и, что важно, паводковая прослойка обтекают, повторяя рельеф и кровлю камней. Данное свидетельство, на наш взгляд, является аргументом в пользу вывода о том, что вертикальное положение плиты не является результатом постдепозиционных процессов, и плитчатый обломок был элементом оборудования очага, также как, по-видимому, и залегавшее рядом скопление обломков. Юго-восточные языки пятна кострища вплотную примыкают к описанной выше сложносоставной конструкции из гнейсовых плит.

У северо-западного края очага найдено скопление артефактов, среди которых были два клиновидных нуклеуса, два скребка, бифас, скребло, 5 сколов с ретушированными краями, 1 многофасеточный резец из горного хрусталя. В восточной части очажного комплекса выявлено еще одно скопление, том числе 6 ножевидных орудий, 5 скребков, 1 резец, 1 медиальный сегмент микропластины, 1 долотовидное орудие, переоформленное из сбитого лезвия, 5 графититовых предметов, 1 клиновидный нуклеус.

Ножевидные орудия объединены общим признаком наличия прямого или слабовыпуклого рабочего края, образованного плавным схождением под острым углом граней, плоским сечением, рабочей ретушью по краю. Помимо 6 таких артефактов есть еще ножевидный рабочий край, комбинированный на орудии со скребковой головкой (рис. 167.5). Несомненно, они отражают интенсивную специализированную деятельность, связанную с переработкой органических ресурсов. Среди ножевидных орудий два – апплицирующиеся меж собой подтреугольные удлиненные крупные отщепы. Ремонтируемые друг к другу фрагменты разнесены на расстояние до 2,15 м общим направлением с СЗ на ЮВ. Еще два ножевидных орудия являются макропластинами длиной 11 и 9,5 см, шириной 3,2 и 3,0 см (рис. 167.4).

Морфо-технологически они тождественны друг другу, но по субстрату отличны (порфирит и роговик), и, следовательно, сняты с двух разных нуклеусов, нами не найденных. Свидетельства технологии макропластинчатого галечного расщепления за шесть сезонов раскопок на Коврижке III встречены впервые. До сих пор макрорасщепление характеризовалось исключительно как отщеповое. Отсутствие сопутствующего производству этих пластин дебитаж и нуклеусов дает основание полагать, что были принесены уже готовые пластины, сделанные по единому стандарту. Острый продольный край одной из пластин был использован как лезвие без дополнительной вторичной обработки. В результате амортизации орудие сломано (рис. 167.4). Расстояние между пластинами – 0,60 м.

Из трех клиновидных нуклеусов очажного комплекса № 5 два объединены по признакам морфологии и субстрата. Они изготовлены из плитчатых отдельностей аргиллита. Оба имеют асимметрично скошенный тщательным ретушированием гребень, узкий дистальный конец, бифасиально подработанный. Ударная площадка оформлена ударами сбоку (с латерали) и подработана с фронта. Один из этих двух нуклеусов найден на западной окраине очага 5 (рис. 170.1). Продукты редукции нуклеуса – подживляющий скол, фронтальный скол, микропластины были найдены к юго-востоку от него на удалении до 2,15 м. В том числе медиальный сегмент микропластины обнаружен под одной из горизонтально уложенных овальных плиток (нижней) каменной конструкции. Второй аналогичный по форме и субстрату, но менее сработанный микронуклеус найден у юго-восточного окончания конструкции. Расстояние между двумя нуклеусами – 3,25 м. Нуклеус, расположенный рядом с конструкцией, сегмент микропластины между ее составными частями, само обстоятельство прилегания конструкции к очагу 5 позволяют нам рассматривать ее как позитивный элемент второго порядка, ориентированный (сфокусированный) на очаг как основной позитивный элемент структуры пространства.

К скоплению культурных остатков восточной периферии очажного комплекса №5 принадлежат пять предметов из графитита. Во-первых, это изделие, имеющее форму кончика ножа, зашлифованное по всей поверхности и, в том числе, имеющее ребра схождения граней (рис. 169.1). Во-вторых, в 50 см от него было найдено скопление из четырех графитосодержащих сланцевых отдельностей (кусков). На двух из них наблюдается заглаженная поверхность. По нашему мнению, все эти графититовые предметы должны быть отнесены к одному эпизоду деятельности.

Коллекция каменных артефактов 2 культурного горизонта

Коллекция 2 культурного горизонта насчитывает 15828 единиц предметов. В их числе имеются: 1 проколка, 2 долотовидных орудия, 12 скребков, 6 ножей, 3 скребла, 7 резцов, 17 отщепов с краевой ретушью, 12 обломков лезвий, 5 целых и рассеченных бифасов, 13 микронуклеусов, в т.ч. 1 из горного хрусталя, 3 преформы клиновидных нуклеусов, 7 галечных нуклеусов для снятия отщепов, 8 чопперов, 322 микропластин и их фрагментов, 2 резчика на микропластинах, 3 колотых гальки, 15326 отщепа, в т.ч. 12691 чешуек (86,4% от всех находок), 4 гальки-отбойника, 68 фрагмента жженой кости, 6 графититовых предметов (Тетенькин А.В., 2016, с. 288).

Основной массив коллекции (98%) состоит из изверженных магматических эффузивных пород основного (диабаз, микробазальт, микрогабро), среднего (порфирит, трахит, трахидацит), кислого (дацит) состава, осадочных пород (аргиллит/алевролит). Для микропластин даны определения вулканического стекла (<1%), аргиллита (<1%), горного хрусталя (1%). Экзотическими, т.е. немассовыми являются предметы из жильного кварца (<1%), графитита (<1%).

Эксплуатация каменного сырья и литопроизводство (индустрия) 2-го культурного горизонта характеризуются такими основными сферами как: 1) производство отщепов и сколов как основных преформ для орудий, 2) краевое и фасиальное ретуширование сколов с целью производства разнообразных унифасиальных орудий, 3) изготовление бифасов как преформ для

клиновидных нуклеусов и как орудий, 4) микропластинчатое расщепление торцово-клиновидных и призматических нуклеусов, 5) производство резцов и долотовидных орудий из обломков кристаллов горного хрусталя, 6) производство чопперов и чоппингов, 7) принос, использование и изготовление шлифованием рисующих артефактов из графитита, 8) принос и использование кусков вулканической пемзы, 9) обработка гнейсовых плит, изготовление элементов строительных конструкций.

Производство отщепов являлось основным технологическим контекстом. Все орудия выделаны из отщепов, часто удлиненных пластинчатых пропорций, и все расщепление галек, галечных нуклеусов ориентировано на производство отщепов и сколов. 11 изделий несут фрагмент галечной корки и, следовательно, изготовлены из первичных снятий. Помимо морфологически выраженных нуклеусов следует вести речь и об ортогональном, простом поперечном, диагональном раскалывании галек. Это расщепление также можно рассматривать как нуклеарное, поскольку его продукты зачастую утилизировались. Собственно, нуклеусов с выраженной поверхностью фронта, несущей негативы нескольких снятий, во 2-м культурном горизонте 7 экземпляров. Это нуклеус одноплощадочный грубопризматический (рис. 167.1), плоскофронтальный двухплощадочный полюсной (рис. 168.3), веерообразный (рис. 167.6), плоскофронтальные двухплощадочные с сопряженными площадками (рис. 168.1,2). Еще два нуклеуса в начальной стадии расщепления. Весьма выразительны два плоскофронтальных сработанных нуклеуса. Один из них (рис. 168.3) подквадратной во фронте формы, плоскофронтальный, двухплощадочный, полюсной. Форма нуклеуса сработана. На фронте представлены негативы отщеповых широких снятий. Ударные площадки оформлены ретушью, заваленной к контрфронту. Угол между фронтом и ударной площадкой в обоих случаях острый. Контрфронт плоский, покрыт галечной коркой. На левом маргинальном ребре после того как был сработан нуклеус, мелкой краевой ретушью по контрфронту оформлено лезвие. Причем, правый край

лезвия имеет заметный выступ, несущий следы износа. По нашему мнению, это рудимент предыдущего лезвия, сбитого при оформлении нового рабочего края. По-видимому, через какое-то время после того как нуклеус был истощен, переоформили и использовали как орудие.

Другой нуклеус (рис. 168.2) также представлен крайне сработанной, подтреугольной во фронте, отщеповой плоскофронтальной формой. Ударные площадки почти перпендикулярны друг другу и сопряжены. Они оформлены (ретушированы) серией мелких и средних сколов. Контрфронт представлен плоской галечной поверхностью. Это единственный дацитовый бардово-коричневый нуклеус.

В общем случае можно вести речь о минимальной предварительной подготовке галечного отщепового нуклеуса к расщеплению. Контрфронт в той или иной мере сработанного нуклеуса всегда представлен остаточным объемом гальки. Оформлена только ударная площадка. Нуклеарное расщепление начиналось со снятия первых галечных отщепов, за которым в том же порядке следовали вторичные отщепы. Не слишком долгий цикл расщепления галечного нуклеуса вел к довольно большой доле именно первичных отщепов. Нуклеусы демонстрируют параллельный призматический, плоскостной параллельный и радиальный принципы расщепления. Следует добавить также ортогональное расщепление галек. Два орудия на отщепах (рис. 167.3,5) указывают также на наличие долечного расщепления галек (типа цитрон).

В последний сезон работ (2012 г.) впервые во 2-м культурном горизонте были найдены первые свидетельства макропластинчатого производства – две пластины длиной 11 и 9,5 см, шириной 3,2 и 3,0 см. Одна из пластин из порфирита (рис. 167.4), другая из роговика. Нуклеусы, с которых данные пластины могли быть сколоты, не найдены. Как не найдено и других сопутствующих продуктов их расщепления. Очевидно, пластины были принесены на стоянку извне. Общей отличительной их чертой является предшествующая снятию самой пластины трехгранная огранка малыми

вложенными по центру дорсала пластинчатыми сколами. Один пластинчатый негатив огранки занимает $\frac{3}{4}$ длины пластины. В него вложен второй, короткий негатив снятия. В этом смысле наличия специальной процедуры оформления одного целевого скола многими техническими снятиями данный принцип расщепления может быть охарактеризован как леваллуазский. Одна из граней (правая) дорсального фаса наиболее крупной пластины несет галечную корку. Ее прямой край имеет нерегулярные негативы краевой амортизационной ретуши. В результате использования пластины в роли орудия (ножа) произошел слом и выкол подтреугольного кусочка лезвия. Дистальный конец пластины несет ребро противоположной ударной площадки и один короткий и узкий негатив встречного снятия. Вторая пластина, более короткая, имеет аналогичную огранку. Дистальный конец ее имеет корковое окончание на дорсальном фесе. Присутствие этих пластин в слое говорит о наличии в одном из эпизодов обитания в интервале 2 к.г. у людей технических навыков производства макропластин. Хотя нуклеусы не найдены, субстрат идентичен основным – местным - видам поделочного сырья на Коврижке III.

Технологически рядом с нуклеарным галечным расщеплением располагается производство чопперов на Коврижке III. Найдено 8 экземпляров. Два чоппера имеют поперечное продольной оси гальки лезвие (рис. 168.5). Третий чоппер (рис. 168.7) имеет V-угольный (остроконечный) контур лезвия, полученный двумя сопряженными поперечными сколами. Один струг (чоппер) изготовлен из продольно расколотовой гальки (рис. 167.2).

Отщепы и сколы в коллекции 2 к.г. морфологически вполне соответствуют найденным нуклеусам. Первичные сколы с фрагментами галечной поверхности составляют 28% от общего числа отщепов и сколов без учета чешуек. Чешуйки (менее 1 см длины), в основном, взятые при промывке культурного слоя, составляют 88% всего дебитаж. Краевые сколы, сколы подживления лезвия, фронтальные сколы, битая галька каждый представляют менее 1% дебитаж. Микропластины, в основном сегментированные, составляют долю в 2%. Эти данные позволяют полагать, что на Коврижке III

имел место полный цикл расщепления от начальных этапов до конечного изготовления орудий и подживления их краев. Какая-то часть снятий является продуктами фасиальной обработки чопперов, орудий – бифасов и унифасов, преформ клиновидных нуклеусов.

Первая, большая часть орудий изготовлена оформлением краевой ретушью лезвия на заготовке - отщепе, сколе, осколке - без существенной модификации преформы. Вторая группа орудий включает в себя изделия, чье производство привело к существенному изменению всей формы предмета в сторону придания условно правильного контура ли, или соответствия формальному типу. Соотношение первой и второй групп орудий друг к другу - 61% и 39%.

Группа орудий с существенной модификацией бланка-заготовки объединяет такие изделия, как скребло и скребки овальные с параболическим лезвием, занимающим половину и более периметра, скребок с оформленными плечиками, скребок с черешком, трансверсальные резцы с ретушно оформленным телом и головкой, каплевидно оформленный скребок, провертка с оформленным жалом и плечиками, бифасы. Серийно-типологически выраженными среди них можно назвать овальные скребки (3 ед.) и трансверсальные резцы (4 ед.). Остальные изделия сугубо индивидуальны и нестандартны. Такие элементы как плечики скребка, геометрически правильный каплевидный или овально-параболический контур скребка, вероятно, выражают и эстетические запросы древних мастеров в производстве геометрически совершенных симметричных форм. В случае с каплевидным скребком особо следует отметить, что изготовлен он из экзотичного внешне эффектного жильного кварца, его фас полностью ретуширован. И орудие было принесено откуда-то извне.

Орудия на первичных сколах составляют 14% от всех орудий на сколах и отщепах. Очевидно, что при сочетании всех удобных для орудия параметров в качестве преформы использовались и первичные снятия.

Орудия на немодифицированных или слабо модифицированных отщепах и сколах, оформленные лишь краевой ретушью или вовсе имеющие только следы амортизации, являются по сути «разовыми» орудиями быстрого изготовления и кратковременного использования (“*expedient tools*” в англоязычной литературе, например: Prentiss W.C., Kuijt I., 2004, с. 52–53). Вряд ли и то, что такие орудия изготавливались впрок. Как следствие экспромтного характера производства значительной доли орудий из отщепов можно рассматривать в высокой степени нестандартность, индивидуальность изделий. Доля этой группы в 61% к общему числу орудий вместе с общей 1%-й долей изделий в составе всей коллекции 2 к.г. характеризуют литопроизводство как экстенсивное, не испытывающее ограничений в сырье, судя по всему, доступном древним людям.

Основные категории орудий.

Скребки (n=12). К категории скребков мы относим орудия морфологически выраженные, с выпуклым или параболическим контуром лезвия, оформленного крутой регулярной ретушью.

Резцы (n=7). В коллекции выделяются два типа резцов: 1) диагонально-трансверсальные (4 экз.), 2) многофасеточные резцы из горного хрусталя (3 экз.).

Ножи (n=7). В группу ножей формально отнесены изделия невысокого профиля, с тонким рабочим краем, образованным плавным схождением под острым углом граней. Рабочий край прямой или плавно выпуклый. Оформлен мелкой краевой ретушью, либо имеет лишь амортизационные следы износа.

Провертка (рис. 169.15) представляет собою остроконечник с плечиками, оформленными выемчатыми-вогнутыми ретушированными краями.

К долотовидным изделиям (n=2) (рис. 169.10) отнесен осколок горного хрусталя с негативами долотовидной утилизации узкого прямого края и переоформленный в долотовидное орудие сбитый рабочий край унифасиального скребловидного орудия.

Скребла (n=3). Один из них – двойное боковое скребло из первичного скола. (рис. 169.29). Другое скребло имеет почти правильный овальный контур (рис. 167.3).

Атипичные отщепы с ретушью (n=17).

Следующий технологический контекст представляют собой бифасы (n=5). Их роль в дюктайской культуре верхнего палеолита Якутии всегда подчеркивается Ю.А.Мочановым (Мочанов, 1977, с. 227–235; 2007). Ведущую роль они играют и в комплексах Большого Якоря I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2006, с. 152 – 153; 2010, с. 217–218). Здесь, во 2 к.г. бифасы занимают 7% от всех орудий и 5% от всех изделий, включая нуклеусы. Для сравнения, их доля в 3 культурном горизонте Коврижки III значительно выше – 29%. Иными словами, бифасы присутствуют, но не являются ключевым и ярким показателем индустрии 2 культурного горизонта. Три бифаса использовались как орудия, один обращен в клиновидный нуклеус, и один мы трактуем как возможную заготовку для микронуклеуса.

Важное место в технологических традициях древних обитателей и в системе жизнеобеспечения играло производство микропластин. Всего во 2-м культурном горизонте обнаружено 11 нуклеусов для снятия микропластин. К заготовкам микронуклеусов отнесены еще пять артефактов. Они составляют 16% от всех изделий.

Общим признаком всех клиновидных нуклеусов является оформление ударной площадки несколькими сколами с латералей и фронта. Апплицированный подживляющий скол к одному из нуклеусов говорит о том, что и в циклах подживления воспроизводился этот же прием. Хотя найдено несколько продольных краевых сколов (рис. 170.8,9), свидетельств, что они сбиты с нуклеусов, нет, как нет и нуклеусов с подготовленной снятием лыжевидного скола площадкой. Один апплицируемый к нуклеусу фронтальный скол (рис. 170.10) свидетельствует, что, в общем, прием продольной редукции бифаса был известен и использовался, как в данном случае, для подживления фронта скалывания.

В одном случае в изготовлении нуклеуса был использован тщательно оформленный плоский бифас (рис. 170.12). Специально унифасиальной ретушью по краю оформлена линия киль-гребень. Пять нуклеусов изготовлено из отщепов (рис. 170.3,6,10,11,13). Подтеска кия нанесена по двум ($n=2$), одной ($n=2$) латерали, или отсутствовала совсем ($n=1$). Соотношение высоты нуклеуса к длине примерно равно 1:1. В одном случае длина несколько больше высоты (рис. 170.11). Еще два нуклеуса из плитчатых отдельностей аргиллита имеют сходные внешние данные (рис. 170.1). Линии гребня и фронта сходятся к дистальному концу, киль, практически, отсутствует. В одном случае, гребень и дистальный конец тщательно обработаны бифасиально. В другом случае, бифасиально подтесан только дистальный конец.

Два нуклеуса являются уже не клиновидными, а призматическими нуклеусами для снятия микропластин (рис. 170.4,5). Важнейшей отличительной чертой обоих нуклеусов является заход фронта с торца на латераль таким образом, что формально это уже не торцовые-клиновидные, а призматические нуклеусы. Более того, на одном из нуклеусов (рис. 170.4) есть два микропластинчатых снятия по краю фронта с противоположного – дистального конца.

Еще один микронуклеус (рис. 170.16) из обломка кристалла горного хрусталя. По части выпуклой поверхности подпризматической преформы без какой-либо предварительной подготовки нуклеуса были произведены не менее трех микропластинчатых снятий. Данные находки вместе с пирамидальным призматическим нуклеусом в начальной стадии расщепления из 3 культурного горизонта являются самыми ранними на Витиме свидетельствами появления техники призматического микропластинчатого нуклеуса. Важно отметить, что здесь развитие этой важной, определяющей впоследствии характер ансамблей сумнагинского мезолитического облика техники состоялось в рамках и на основе местной верхнепалеолитической индустрии.

Продукты расщепления клиновидных и призматических микронуклеусов – микропластины (n=322) – составляют 2% от общего числа коллекции 2 к.г. или 12%, если не брать во внимание чешуйки. Абсолютное большинство из них представлено в сегментах. Сегментирование, по-видимому, являлось способом подготовки геометрически правильных вкладышей. Ряд таких медиальных сегментов был найден в слое.

Отдельный технологический контекст составляет производство резцов и долотовидных орудий из обломков кристаллов горного хрусталя (кварца). Доля отщепов и чешуек из горного хрусталя в коллекции 2 культурного горизонта составляет 1%, доля орудий из горного хрусталя среди всех изделий – 7%. Судя по всему, из-за исходных размеров конкреций горного хрусталя, его твердости, первичное расщепление не было особо управляемым и в результате имело аморфные осколки и отщепы, которые затем утилизировались различным образом. В 1 и 1А к.г. Коврижки III найдены 2 аналогичных резца (рис. 172.5) и 1 долотовидное орудие из горного хрусталя. В целом, эксплуатация горного хрусталя (кварца), дымчатого хрусталя (раухтопаза), занимая небольшую долю в каменной индустрии плейстоцена – начала голоцена, тем не менее, неизменно присутствует. Изделия и отходы их производства мы фиксируем на всех стоянках верхнепалеолитического облика на нижнем Витиме, начиная с Мамакана VI и Большого Якоря I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 216).

Определенно важное отдельное место в деятельности древних людей занимало использование граффитита в роли красящих «мелков» и «карандашей». Во 2 к.г. вместе с граффитистыми сланцевыми отдельностями найден шлифованный артефакт из граффитита. Этот предмет имеет форму кончика ножа, зашлифованного по всей поверхности (рис. 169.1). Размеры его – 2,0×1,5×0,4 см. Базальная часть обломана либо представлена необработанным обломком преформы. Проведение ребром этого граффититового изделия оставляет тонкую линию. Рядом найдены четыре графитосодержащих сланцевых отдельности размерами от 9,8×5,5×1,8 см до

4,0×2,8×1,6 см. На двух из них наблюдается заглаженная поверхность, полученная, как мы полагаем, в результате работы. Нахождение этих вещей в одном контексте впервые дает нам основание говорить о специализации красящих графмитов в ширине оставляемого следа и в соответствующих трудовых операциях. В целом, эту деятельность мы характеризуем как особую знаково-символическую сферу, устойчиво представленную в донеолитических ансамблях Нижнего Витима. Наиболее ранние ее артефакты происходят из 4 культурного горизонта Коврижки IV (15,7–15,3 тыс. рад. л.н.), где найден обломок подвески из графмитита, 6, 4В, 3Б культурных горизонтов Большого Якоря I (12,3–11,7 тыс. рад. л.н.), наиболее поздние – из 1 культурного горизонта пункта 1 местонахождения Инвалидный III (6,1 тыс. рад. л.н.) (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 211).

Отдельный контекст эксплуатации литоресурсов образуют находки вулканической пемзы. Они были найдены в зоне очага 3. Изучение образцов вулканической пемзы было выполнено в Институте Земной Кору СО РАН (Иркутск) вулканологами Е.И. Демонтеровой и А.В. Ивановым (Демонтерова Е.И. и др., 2014). Найденные предметы – это три кусочка вулканической пемзы неправильной формы со скругленными краями светло-коричневого цвета размерами до 5 см в поперечнике. В качестве районов, откуда могут брать свое начало найденные предметы, среди ряда молодых вулканических полей Байкало-Монгольского региона в первую очередь предположены Витимское или Удоканское вулканические поля. Витимское поле находится примерно в 920–1000 км от местонахождения Коврижка III вверх по долине р. Витим, а Удоканское поле – около 520 км вверх по долинам р. Витим, его притока р. Куанда, Эймнах и Сыни. Результаты проведенного анализа показали, что один из образцов имеет в составе трахит, а только Удоканское поле содержит трахиты.

В археологическом плане данные результаты ведут к нескольким важным выводам. Расстояние по речной сети от Коврижки до западной части Удоканского вулканического поля составляет не менее 520 км. Речной перенос

мягкого, легко разрушимого материала как вулканическая пемза исключен, и может быть рассмотрен только вариант искусственного переноса. Факт доставки с такого расстояния 11 тысяч лет назад (некалиброванный радиоуглеродный возраст) сырья или заготовок артефактов для археологии севера Байкальской Сибири выявлен впервые. Установленный новый источник каменного сырья на восточной окраине Муйско-Куандинской котловины – самый удаленный в регионе из всех известных нам на рубеже плейстоцена – голоцена. Он расположен за пределами Байкало-Патомского нагорья, в бассейне среднего течения Витима. Даже если предположить, что значительную часть пути до Удоканского вулканического поля люди «срезали» через водоразделы, все равно какую-то часть пути они проходили вдоль Витима, и в целом вектор маршрута доставки пемзы - витимский. А это свидетельствует о важной коммуникационной роли основного водотока региона – Витима.

Оценивать способ приноса пемзы на Коврижку III можно двояко: либо Удоканское вулканическое поле входило в зону хозяйственного освоения людьми, остановившимися на Коврижке, и это ресурс удаленного прямого доступа, полученный в результате перемещения населения от источников сырья (пемзы) до стоянки. Либо пемза попала к обитателям стоянки в результате обмена с населением, жившим выше по течению Витима, и это ресурс удаленного непрямого доступа.

Стоянки рубежа плейстоцена-голоцена помимо района Мамакана-Бодайбо на Витиме известны только в верхнем течении. Это исследуемая В.М. Ветровым группа стоянок Усть-Каренга I-XVI. От бодайбинской группы позднеплейстоценовых стоянок Усть-Каренга отстоит на расстояние около 800 км по речной сети. К концу плейстоцена – 13-10,5 т.л.н. - относятся нижние горизонты 8а, 8, 7 Усть-Каренги XII - XVI. В 7 к.г. этого археологического комплекса найдена уникальная древнейшая в регионе керамика, названная по эпониму усть-каренгской (Ветров В.М., 1992, 1997, 2000). Усть-каренгские археологические комплексы с керамикой

финальноплейстоценового возраста входят в группу экстраординарно древних керамических ансамблей Восточной Азии, представляя собой ее самое крайнее северо-западное проявление (Ветров В.М., 1997, 2010). По морфотипологическому облику изделия из камня из культурных горизонтов с керамикой не выходят за рамки бифасиальной микролитической традиции, представленной и на Большом Ягоре I аналогичными системами расщепления и номенклатурным набором (продольное расщепление бифаса – микронуклеусы клиновидного типа, микропластины, трансверсальные резцы и др.). На нижнем Витиме в синхронных комплексах керамики пока не найдено. На наш взгляд, если люди с Коврижки могли в это время осваивать территории на удалении порядка 500 километров, то вполне допустимо, что и люди с Усть-Каренги были способны на это. Контакты населения обоих районов были принципиально возможны, и, следовательно, обладая уникальной керамической традицией, население усть-каренгского района Верхнего Витима не было изолятом в коммуникационном смысле (Демонтерова Е.И. и др., 2014, с. 175–176).

Еще один контекст каменного производства связан с конструкциями из плиток амфибол-гнейса. Линейные сооружения, найденные во 2-м к.г., составляют характерную черту его планиграфического рисунка (Тетенькин А.В., 2010, с. 103–106; 2012, с. 223–225). В ряде случаев это установленные на продольное ребро тонкие пластинообразные плитчатые отдельности. К сожалению, сохранность большинства из них неудовлетворительная. Восстанавливаемые размеры плит – от 20 до 100 см в длину, до 14 см в ширину и до 4 см в толщину. В составе наиболее сложной Y-образной конструкции были обнаружены описанные выше два обработанных по периметру овальных диска, находящиеся в горизонтальном положении (рис. 163.C,D, 171). Вывод об особой сфере деятельности по обработке гнейсовых плит-пластин строится на аргументах явной искусственной обработки овальных дисков и фиксируемой пластинчатой формы стоящих на ребре руинированных плит.

1А культурный горизонт выделен в бурой алевритовой прослойке, залегающей в средней части культуровмещающей пачки (литологический слой 4) выше уровня 2-го культурного горизонта (рис. 158). В восточной части раскопа выявлена тонкая паводковая прослойка, разделяющая 1-й и 1А культурные горизонты от 2 к.г. У южной и восточной стенок раскопа встречены кострища, по которым получены радиоуглеродные даты: 8135 ± 120 л.н. (СОАН-7027) (кострище 1), 8250 ± 190 л.н. (СОАН-7965) (кострище 2). Им соответствует календарный возраст 9549–8641 л.н.

Кострище 2 в восточной части раскопа залегало практически сразу на аллювиальной прослойке. Оно имело овальную форму размерами 85×70 см по линии С-Ю. В 35 см к востоку от кострища лежал массивный обломок скальной породы (сланца) размерами $44 \times 28 \times 17$ см (рис. 165.С). Сам камень не обожжен. К северу, востоку и в особенности югу-юго-востоку от него дислоцировано скопление культурных остатков 1А культурного горизонта. Забитости на поверхности и ассоциация скального обломка с дебитажем у кострища позволяют оценивать его как наковальню. Кострище в этой ситуации сочетания с камнем и скоплением культурных остатков квалифицировано как очаг. В 6 см к югу от камня зафиксированы линейно вытянутые остатки двух гнейсовых плиток, лежащих по оси конструкции из нижнего 2 к.г., с северо-запада на юго-восток (рис. 162.А). Прослежено, что плитки подстилаются паводковой прослойкой и на конструкцию выложены во время обитания людей 1А к.г. (рис. 162.В). Как отмечалось выше, верхняя часть юго-восточной вертикально стоящей на продольном ребре плиты конструкции паводковой прослойкой не перекрывалась и во время обитания людей в эпизоде 1А культурного горизонта оставалась непогребенной. Многократно отмечено прилегание к ней артефактов 1А к.г. Эти данные стали основанием для положения, что во время 1А к.г. конструкция была надстроена и обновлена.

Коллекция составляет 2664 единиц. В том числе: 2 скребка, 1 нож, 2 долотовидных орудия, 3 технических скола с нуклеусов, 347 фрагментов

микропластин, 2308 отщепов и сколов, в том числе 1777 чешуек, 1 кусочек графитита.

Ансамбль 1А культурного горизонта отличается от нижележащего 2 к.г. микропластинчатым характером (рис. 172.7). Доля микропластин в коллекции составляет 13%. Отщепы занимают 20%, чешуйки – 67%. Орудия и технические сколы с нуклеусов вместе взятые имеют менее 1%. В одном из наиболее насыщенных материалом 1А к.г. квадратов (пикет 26, квадрат 23) доля микропластин и их фрагментов составляет 57% (49 из 86 предметов, не считая чешуек). В корне изменился субстрат расщепления. Производство микропластин основано на эксплуатации цветных вулканических стекол – хорошего качества цветных яшмовидных кремней различных ярких цветовых оттенков: бардовых, черных, белых, розово-кремовых. Орудийный набор ограничен. Судя по предварительным пока данным, значительная часть микропластин имеет следы утилизации. Микропластинчатый характер индустрии этого горизонта выражается, очевидно, не только в преобладании этого типа производства, но и в ограниченном наборе непластинчатых орудий, переносе основной тяжести орудийных функций на составные орудия с микропластинчатыми вкладышами. Техническую основу микрорасщепления составлял отжим микропластин с призматических нуклеусов. Найдены фронтальный скол, скол дистального конца призматических нуклеусов и один диагонально расколотый двухплощадочный полюсной призматический нуклеус (рис. 172.4). Этот последний сохранил фронт и часть одной из его ударных площадок. Высота фронта около 2 см. Этот осколок – сбитый фронт – был переоформлен затем в долотовидное орудие. Его ребро проксимального конца приострено краевой ретушью по вентральному фасу. Характерно, что рядом с ним было найдено еще одно долотовидное орудие из горного хрусталя.

Найденные два скребка – концевые. Один из них изготовлен на случайном отщепе (рис. 172.1). Второй скребок имеет классическую для сумнагинских скребков форму: концевое лезвие на призматической

пластинчатой основе, либо фронтальном сколе, судя по ширине (рис. 172.2). Аналогичные скребки были найдены нами во 2 культурном горизонте Коврижки I (Тетенькин А.В., 2010, рис. 4: 6-9), где они датируются возрастом около 6,0 тыс. рад. л.н.

По этим признакам комплекс 1А к.г. сходен с 1 культурным горизонтом пункта 2 местонахождения Инвалидный III (8,9 тыс. рад. л.н.), 3 пункта Инвалидного III (8,6 т.л.н.), 2 культурным горизонтом Коврижки I (6,0 тыс. рад. л.н.) и со стоянкой Большая Северная на нижнем Витиме. Последняя была отнесена Ю.А. Мочановым и С.А. Федосеевой к сумнагинской культуре Якутии (Мочанов Ю.А., 1977, с. 206–209).

С другой стороны, важным признаком 1А к.г. Коврижки III являются найденные продольный краевой реберчатый скол и микропластина из светло-желтого аргиллита. Оба они, и скол, в частности, указывают на клиновидный-торцовый характер микронуклеуса с площадкой, оформленной сходно с техникой юбецу, характерной для финальноплейстоценовых комплексов Большого Якоря I, раннеголоценовых 1 к.г. пункта 1 Инвалидного III и в 4 и 5 к.г. Коврижки IV (комплексы типа Большого Якоря). Признаки этой техники в ансамблях типа Большой Северной на нижнем Витиме встречены впервые.

Еще одной выразительной находкой является артефакт из жильного кварца (нож?), имеющий вид подтреугольного отщепы с тщательно отретушированной одной из длинных сторон (рис. 172.3). Он морфологически тождествен изделию из горного хрусталя из 4А к.г. Коврижки II. Последний комплекс расположен на 17-18 метровой террасе, на 4 м ниже, в 40-50 м от пункта Коврижка III. Дата его по ^{14}C 8230 ± 100 л.н. (СОАН-5276). В обоих случаях использовался редкий, твердый материал (горный хрусталь и жильный кварц). Возраст комплексов весьма близок. Но по всем остальным признакам ансамбли отличны друг от друга. 4А к.г. Коврижки II имеет выраженный верхнепалеолитический-дюктайский облик, субстрат, в основном, порфирит. Отнесен он к ансамблям типа Авдеихи (Тетенькин А.В., 2010, с. 95–95).

1-й культурный горизонт

1-й культурный горизонт выделен в верхней части литологического слоя 4, над уровнем темно-бурой прослойки 1А культурного горизонта (рис. 158). Относительно уверенно возможно отделить 1 культурный горизонт от 1А к.г. в районе перестилания прослоек 1 и 1А к.г., в той части, где выявлены кострище и каменная конструкция 1 культурного горизонта. Найденный в этом месте материал отличается от находок 1А к.г. по субстрату: порфирит, аналогичный 2 к.г., преобладает над цветным кремнем (вулканическим стеклом). В ряде случаев компрессии, деятельности корней растений, особенно, на площади концентрации находок 1А к.г. материал обоих горизонтов в неизвестной степени смешан. Плотность находок в раскопе в целом низкая – 0-5 единиц на 1 кв. м. В восточной части раскопа над очагом 2 2-го культурного горизонта было раскопано очажное пятно кострища, отнесенное к 1 к.г. По углю из него получена дата: 8095 ± 120 л.н. (СОАН-8262). От нижележащего очага из 2 к.г. (очаг 2 – верхний уровень 2 к.г.) оно отделялось четкой паводковой прослойкой. Залегание этого комплекса выше 1 А к.г. было прослежено стратиграфически по разрезу (рис. 2). Кострище размерами около $1,30 \times 0,80$ м растащено склоново-делювиальными процессами. Артефакты располагались по периферии пятна кострища с севера, востока и юго-востока.

В восточной части раскопа в 1-м культурном горизонте найдена сланцевая длинная плита, стоящая на ребре (рис. 165.D, 166) по линии СЗ-ЮВ. Прослежено подстилание под нее 1А культурного горизонта. Практически под ней в 1А к.г. обнаружено кострище, по которому получена дата 8250 ± 190 л.н. (СОАН-7965). Длина плиты-пластины составила 220 см, высота 14 см. При ее разборке выявлен элемент крепиды – подпирающий короткий, широкий (40×20 см) гнейсовый обломок, противостоящий наклону пластины. На ребре большой пластины найдено несколько чешуек. Любопытно, что эта плита была выставлена здесь в точном продолжении направления и сразу у окончания плиты из 2 культурного горизонта (рис. 166). Кроме того, она

параллельна V-образной конструкции из 2 к.г., подновленной в 1А к.г. От северо-западной части этого сооружения ее отделяет 30-35 см.

В южной части раскопа найден вытянутый плоский валун с естественным блюдцеобразным углублением (рис. 172.8). Подошва его представлена плоской поверхностью естественного раскола-расслоения. Длина валуна 21,4 см, максимальная ширина 16,6 см, толщина 7,9 см. «Блюдце» овальное, имеет размеры 16,5×11,0 см и углубление до 1 см. Оно расположено на расширенном конце валуна. Мы предполагаем, что люди намеренно принесли на стоянку этот экофакт и использовали именно его блюдцеобразные физические свойства.

Всего найдено: 104 единицы отщепов, в том числе 64 чешуйки, 1 фрагмент микропластины, 2 резца, 1 остроконечник.

Проколка-остроконечник изготовлена из пластинчатого отщепа (рис. 172.6). Рабочий участок дислоцирован на дистальном конце. Левая прилегающая к нему кромка несет крутую краевую притупляющую ретушь.

Многофасеточные резцы из обломков кристаллов горного хрусталя (рис. 172.5) однотипны таковым же резцам из 2 к.г. (рис. 169.27,30), описанным выше.

Обсуждение

Полученные результаты исследования Коврижки III позволяют сделать ряд заключений.

3-й культурный горизонт залегает стратиграфически ниже 2 к.г., перекрыт алевроито-песчаной прослойкой и разбит трещинами, заложенными из нее. Наличие трещин выступает в роли маркера слоя. Датируется 3 к.г. возрастом около 11,4 тыс. рад. л.н. / 13,2 тыс. кал. л.н. За ним следует 5 культурный горизонт Коврижки II с датой около 11,2 тыс. рад. / 13,1 тыс. кал. л.н. (Тетенькин А.В., 2010, с. 81, 94).

Выразительным признаком индустрии 3 к.г. являются бифасы. Морфологически они разнообразны, предположительно различны и их функции: это многофункциональные орудия, заготовка нуклеуса, топор,

скребло. Бифасы с выемкой и бифас-топор морфологически специфичны. Последний, в частности, интересен сходством с так называемыми «сумнагинскими топорами с ушками» (Мочанов Ю.А., 1977, с. 245). Найденный топор является самым ранним на Витиме таковым рубящим орудием с элементами крепления к топорщику. Прежде мы в качестве рубящих орудий описывали галечные чопперы и чоппинги, не имеющие признаков крепления рукояти. Такие орудия характерны для Авдеихи, 3 и 2 культурных горизонтов Коврижки III, 3–4А культурных горизонтов Коврижки II (последние относятся к 8,1–8,3 тыс. рад. л.н. / 9,2–9,1 тыс. кал. л.н.) (Антипина Н.В., 2001, 2005; Тетенькин А.В., 2010, с. 94, 118). Ряд рубящих орудий с рукоятью может быть продолжен галечным теслом с перехватом со стоянки Инвалидный III / пункт 2 (возраст 8,9 тыс. рад. л.н.). Имеется большая серия не датированных галечных тесел с перехватом с пляжей местонахождений Коврижка I, Инвалидный III, Мамакан I, а также тесло с перехватом из ранненеолитического 1-го культурного горизонта Коврижки IV возрастом около 8,5–8,0 тыс. кал. л.н. (Тетенькин А.В., 1999, 2010). Судя по всему, они должны быть отнесены к первой половине голоцена.

В 3 к.г. нами выделены такие повторяющиеся морфологические элементы как выемка, ретушированная на бифасе и унифасе, и использованная случайная неретушированная выемчатая форма; ретушно выделенный угол сопряжения лезвий на бифасе и скребле-унифасе; долотовидные амортизационные следы на ребре бифаса и на случайном обломке скола. Подобный повторяющийся элемент, выемчатый узкий край изделия, автору довелось увидеть в материалах коллекции Сван Пойнт, на Аляске (Holmes S.R., 2011). Там в 4 культурном горизонте (культурной зоне) с радиоуглеродными датами в районе 12,0–12,2 т.л.н. серия предметов с продольными снятиями с выемчатого узкого края, в основном, интерпретируется как резцы.

Разнообразны микронуклеусы: клиновидный, терминальный, призматический варианты. Они, в целом, подтверждают тезис о различных

приемах подготовки нуклеусов для снятия микропластин во 2 к.г. (Тетенькин А.В., 2010, с. 118). В том числе, и в данном, более раннем 3 культурном горизонте находятся свидетельства развития призматического микрорасщепления (рис. 159.3).

Графититовая отдельность со сглаженными, закругленными от истирания углами является признаком использования красящего вещества в знаково-символической сфере деятельности (рис. 160.3). Практически во всех комплексах финального плейстоцена – раннего голоцена Нижнего Витима, отмечаются следы наличия этого вида деятельности.

Характеризуя 2 культурный горизонт Коврижки III, мы определяем его как верхнепалеолитический комплекс дюктайского облика, но с наличием признаков призматического микропластинчатого расщепления, приписываемых в Якутии другой – сумнагинской, более поздней, раннеголоценовой культуре. Новый 3 культурный горизонт, несмотря на то, что более древний, имеет ту же специфику и аналогичен в основных признаках.

Ансамбль 2 культурного горизонта представил весьма многообразную картину технических навыков древнего населения в установленных пределах около 11,0–10,4 тыс. рад. л.н. / 12,8–12,2 тыс. кал. л.н. Это время интересно, во-первых, тем, что оно приходит именно вслед за периодом существования ярко выраженных и относительно неплохо изученных ансамблей Большого Якоря I (12,7–11,5 тыс. рад. л.н.) (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 107–202, 251–255). Во-вторых, именно в это время для соседней Якутии Ю.А. Мочановым обозначен конец существования дюктайской верхнепалеолитической культуры и появление новой сумнагинской культуры. Этот процесс сопровождался резким исчезновением клиновидных нуклеусов и появлением призматических, что было интерпретировано как этнический признак и сигнал смены населения (Мочанов Ю.А., 1977, с. 241–253). Комплексы Большого Якоря I выступают основным корреляционным фоном для материалов Коврижки III.

Для индустрии 2 к.г. характерно преимущественное производство отщепов с галечных нуклеусов, изготовление унифасиальных краевых орудий на основе отщепа и скола, микропластинчатое расщепление торцово-клиновидных и призматических нуклеусов, фасиальное расщепление галек – производство чопперов. 39% орудий имеют обработку, значительно модифицировавшую всю форму артефакта. К таковым относятся оформление плечиков, ушек, черешка, геометрически правильного параболического контура, выемки, носика-выступа, полная фасиальная и бифасиальная обработка.

Скребок с выработанной субовальной или субокруглой формой с лезвием по значительной части периметра аналогии имеются в материалах Большого Якоря I, в 5-м и 6-м культурных горизонтах (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.39: 20, 24; 6.49: 6).

Диагонально-трансверсальные резцы довольно необычны именно диагональным характером скола. В культурных горизонтах Большого Якоря I трансверсальные резцы составляют одну из самых выразительных категорий изделий (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 218, рис. 6.39). Все они выглядят несколько иначе: трансверсальный скол почти поперечен продольной оси резца.

Интересны многофасеточные резцы из обломков кристаллов горного хрусталя. Найдены аналогичные орудия в 6 к.г. Коврижки IV радиоуглеродным возрастом 15,7–15,5 тыс. л.н. Один подобный резец есть в 6 к.г. Большого Якоря I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 147). Два аналогичных многофасеточных резца были найдены в 1 культурном горизонте, который должен быть датирован возрастом около 8,1 тыс. л.н. Мы видим здесь устойчивую традицию утилизации отдельностей (осколков кристаллов) горного хрусталя, благодаря твердости материала, в качестве резца без какой-либо специальной типологически выраженной подготовки.

Экзотами индустрии являются принесенные в одном из эпизодов 2 культурного горизонта (комплекс очага 5, верхний уровень) две

макропластины, предназначенные к орудийной деятельности без дополнительной вторичной подготовки. Техника их изготовления имеет интересную специфику утончения сечения пластины предшествующими ее скалыванию двумя вложенными друг в друга мелкими пластинчатыми снятиями ребра между двумя гранями участка фронта нуклеуса – будущего дорсального фаса пластины. В терминах археологической культурно-типологической оценки данные пластины являются архаичным палеолитическим признаком, восходящим к леваллуазскому принципу расщепления. Аналоги усматриваются в материалах ранневерхнепалеолитической толбагинской культуры Забайкалья, в частности, Восточного комплекса Подзвонкой (Константинов М.В., 1994, с. 136–141; Ташак В.И., 2016, с. 168–169).

Во 2-м культурном горизонте отсутствуют типичные для Большого Якоря I нуклеусы «юбецу», получаемые в результате продольного рассечения бифаса. Хотя нельзя сказать, что обитатели Коврижки III не были знакомы с техникой продольного краевого и лыжевидного скола с бифаса. И те, и другие сколы были найдены в слое. При отсутствии нуклеусов «юбецу» мы отмечаем техническое разнообразие микронуклеусов, сводимое к нескольким вариантам. 1-й вариант: нуклеусы из бифасов. 2-вариант: нуклеусы из отщепов с подработанным в гребень-киль дистальным концом. 3-й вариант: призматические нуклеусы с дислокацией фронта на торце и латерали. 4-й вариант: призматическое микропластинчатое расщепление обломка кристалла горного хрусталя. Общей для всех терминальных микронуклеусов технической особенностью является подготовка ударной площадки с латерали с последующим дооформлением по необходимости короткими сколами с фронта. Примеры цикличности расщепления-подживления ударной площадки несут на себе три нуклеуса, один из них имеет сильно заношенные латерали, но это примеры рачительного использования именно нуклеусов, а не бифаса-преформы, как было выявлено на Большом Якоре I. Нуклеусы, изготовленные из отщепов, имеют, по сути, ту же логику, что и краткосрочные

(«экспидиентные») орудия, составляющие здесь большинство. Это логика быстрого изготовления, сокращенных трудовых и временных на это затрат, неоткладываемого быстрого использования и выбрасывания (Prentiss W.C., Kuijt I., 2004, с. 52–53).

Важным маркером технологических перемен являются призматические нуклеусы. Судя по преформе из 2 к.г. и найденному в 3 к.г. нуклеусу в начальной стадии расщепления, переход от торцовой-клиновидной формы к призматической был связан с подготовкой под фронт уже не ребра, а плоскости, образованной поперечными снятиями. На этой фактической основе мы делаем вывод о том, что техника расщепления призматического нуклеуса, постулированная как признак сумнагинской культуры (Мочанов Ю.А., 1977, с. 222, 242), на Нижнем Витиме появляется не позднее 11,4–10,4 тыс. рад. л.н. в ансамблях дюктайского палеолитического облика наряду с различными вариантами торцовых микропластинчатых нуклеусов. По-видимому, переход на трехгранную заготовку микронуклеуса вкупе с наработанными навыками циклического управления расщеплением через различные приемы редукции, подживления и переход на использование высококачественных цветных кремней подтолкнули древних к принятию на вооружение техники призматического нуклеуса и к скачку массового производства микропластин, изменивших весь облик индустрии. В 3 и 2 культурных горизонтах уже появляются, пока еще в меньшинстве, материалы, получившие широкое распространение в культуре раннего-среднего-позднего голоцена. Распространена намеренная фрагментация микропластин для избавления от искривленного контура.

Роль бифасов как культурозначимых признаков была постулирована для дюктайской культуры Якутии (Мочанов Ю.А., 1977, с. 221–222). Принципиально важна она и в технологической линии расщепления и типологии ансамблей Большого Якоря I. В материалах 2 к.г. Коврижки III, как представляется, бифасы не столь выразительны, но достаточны для

констатации их наличия в культуре как в роли инструментальной (орудийной), так и в роли преформы для терминального-клиновидного микронуклеуса.

В расщеплении галек, остановленном на первых, инициальных стадиях, мы видим несколько различных, но, в общем, простых вариантов. Морфотипологически выражены сработанные плоскофронтальные нуклеусы со встречным полюсным и радиальным принципами снятия. Аналогии этим ярким предметам без труда обнаруживаются в коллекциях ансамблей, начиная со среднего палеолита: Балышово III (Задонин О.В., 1992, рис. 3 – 10), Макарово IV (Аксенов М.П., 2009, рис. 9: 4, 10: 2, 12: 1, 19: 1, 20: 1, 25: 4), стоянка им. Арембовского (Стратиграфия, ... 1990, рис. 29: 3).

Выразительную серию в составе 2 культурного горизонта составляют галечные орудия – чопперы и чопперы-струги. Характерно, что в коллекции ЗА-9 культурных горизонтов Большого Якоря I нет типичных чопперов и чоппингов, обязательных в целом для верхнего палеолита Восточной Сибири, дюктайской культуры Якутии, в частности, и найденных на соседних стоянках Авдеиха и Коврижка II. Аппликационные сборки с Большого Якоря I дают возможность представить нуклеусы в начальной стадии расщепления как чопперовидные формы, но конечные такие формы среди орудий отсутствуют (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 145, 220).

Выше мы уже отмечали отличия индустрии 2 культурного горизонта Коврижки III от материалов плейстоценовых горизонтов Большого Якоря I. Обратимся теперь к поиску сходных ансамблей. Первым таким комплексом, обладающим сходными типологическими чертами является памятник Авдеиха, раскапывавшийся Ю.А. Мочановым (Мочанов Ю.А., 1975, 1977, 1980, 1982). Судя по двум радиоуглеродным датам, он имеет возраст 15-12 тысяч некал. лет. Материалы, к сожалению, практически, не опубликованы. То, что довелось видеть автору благодаря любезно предоставленной Ю.А. Мочановым и С.А. Федосеевой возможности, говорит об однотипности ансамблей по таким важным признакам как малая доля бифасов, экспедиентные орудия из отщепов, микронуклеусы с ударной площадкой,

обработанной с латерали и фронта несколькими снятиями (хотя на Авдеихе есть и единственный юбеоидный нуклеус (рис. 94.2), чопперы, отсутствие трансверсальных-поперечных резцов.

Сопоставим теперь материалы 2 к.г. с коллекцией изделий из камня из 3-4А к.г. Коврижки II, дополненной подъемным материалом, происходящим с той же террасы (17-18 м). Между этими двумя коллекциями лежит около 3 тыс. лет. Между тем мы видим, что материальная культура более поздняя сохраняет ряд черт более ранней. Прежде всего, сохраняется сходство в технологии и типологии торцовых микронуклеусов. Те же формы нуклеусов из бифасов и отщепов и тот же тип ударной площадки сходный между обеими Коврижками и Авдеихой и принципиально отличный от комплексов Большого Якоря I. Общим признаком являются чопперы, имеющие сильно забитое от работы с твердыми материалами лезвие. Сохраняются способы первичного раскалывания гальки. В принципе, можно увидеть сходство в плоскофронтальных нуклеусах параллельного принципа расщепления. Далее, общими для всех ансамблей позднего палеолита региона следуют бифасы, весьма, впрочем, разные сами по себе. Отщеповая основа для мелких орудий сохраняется. Таким образом, на Коврижке II, около 9,2–9,1 тыс. кал. л.н., вслед за Коврижкой III, около 13,2–12,2 тыс. кал. л.н., сохраняются признаки как общие для верхнего палеолита (дюктайской культуры), так и специфические для технологической линии микрорасщепления, отличной от ассамбляжей Большого Якоря I и Инвалидного III–пункта 1, 1 к.г. (Инешин, Тетенькин А.В., 2005, 2006, 2010, с. 209–213).

Отдельный сюжет составляют найденные на Коврижке III конструкции из длинных, узких гнейсовых пластинчатых плит, установленных на ребро всегда в одном направлении с СЗ на ЮВ, на скальный выступ на линии горизонта на противоположном берегу Витима. Раскопанная в 2012 году конструкция является самой сложной среди всех выявленных нами сооружений из гнейсовых плит. Первый важный вывод, который мы можем сделать, состоит в констатации производства самих элементов конструкции.

Обработанные овалы являются этому свидетельством. Основываясь на них, мы полагаем, что существовало целенаправленное производство стандартных плоских «дощатых» пластин из гнейсовых плит. Судя по отсутствию в слое разрушенных в массовом количестве частиц породы кроме тех, что представляют собой сами плиты в конструкции, обработка их производилась где-то за пределами стоянки, но вряд ли далеко. Выходы гнейсов мы наблюдаем здесь же, поблизости. Обрабатывать и транспортировать этот материал не должно было составлять большого труда. Вместе с тем, насколько нам известно, нигде прежде в археологии позднего палеолита – мезолита Восточной Сибири не отмечается такой вид деятельности как обработка и производство каменных строительных материалов. Свидетельства, полученные на Коврижке III, являются первыми в этом роде. Конструкция из сланцевых плит демонстрирует сложное сочетание таких технических приемов, как вкапывание, поддержка камнями в вертикальном положении, пазовое стыковое соединение, надставление одной плиты над другой. В сумме это дает один из самых сложных образцов строительной деятельности в регионе севера Байкальской Сибири. Сама по себе конструкция дает дополнительную возможность оценивать предыдущие линейные сооружения из 1 и 2 к.г. как искусственные.

Сооружения найдены во 2-нижнем, 2-верхнем, 1 культурных горизонтах, а в 1А к.г., мы полагаем, сохранившаяся Y-образная конструкция из 2-верхнего к.г. была подновлена (рис. 165, 166). Судя по радиоуглеродным датам, эти объекты лежат в интервале ~11,0-8,1 тыс. рад. л.н. / 12,8 – 9,1 тыс. л.н., т.е. между ними около 2,7 тысяч лет. Выявленный феномен столь хронологически долгого существования (вертикальной трансляции) весьма специфической строительной традиции уникален для каменного века Восточной Сибири. Чрезвычайно интересно и то, что он связывает между собой и ансамбли типологически различного облика – дюктайского/палеолитического и сумнагинского/мезолитического. На данном уровне изученности района нижнего Витима мы знаем о сосуществовании

вплоть до середины голоцена трех типов комплексов культурно-технических традиций: ансамблей типа Авдеихи, Большого Якоря и Большой Северной. Первые два появляются в конце сартанской эпохи, а третий в начале голоцена. Здесь на Коврижке III истоки индустрии сумнагинского облика (типа Большой Северной) прослеживаются в дюктайских палеолитических традициях (типа Авдеихи), и более того, выявлено, что носители обоих типов индустрий связаны общим местом обитания и весьма своеобразной традицией организации жилого пространства. Эти результаты отнюдь не являются аргументами в пользу идеи длительного сосуществования этнически различных резидентных групп. Напротив, мы полагаем, что они могут быть аргументом в пользу суждения об обитании в столь долгое время в этом месте населения преемственного и в культурном, и в демографическом смысле. Корреляция Коврижки III с комплексами нижних террас – пунктами Коврижка I, II, IV, V, как увидим далее, дает дополнительные данные к разработке этой темы.

Назначение самих конструкций не ясно. С одной стороны, долгая межпоколенная передача традиции их сооружения и ориентация на выступающий на линии горизонта, в наши дни антропоморфный скальный объект говорят в пользу идеологического назначения. По логике вещей, религиозные, духовные, экстраутилитарные традиции должны обладать большей устойчивостью. С другой стороны, эти линейные сооружения залегали в контексте очажных комплексов со скоплениями культурных остатков. Какой-либо выделенной сакральной зоны нет. Нельзя не обратить внимания, что вслед за конструкциями общее пятно конфигурации культурных остатков 2 к.г. имеет то же направление с СЗ на ЮВ. В этой же дирекции растащены угли кострищ очагов, выложены плашмя плиты, аранжирован очаг 3. Отсюда мы полагаем, что общая жизнедеятельность, движение людей на стоянке были подчинены этому направлению. Возможно, на юго-запад был ориентирован спуск с террасы к реке. В наше время кратчайший путь имеет дирекцию север-юг. Склон борта долины здесь также

южной экспозиции. Терраса стоянки Коврижка III формировалась на куэстовом цокольном гребне, с востока она ограничена распадком-ложком. Возможно, в исследуемое время в нем был водоток. Ориентация СЗ-ЮВ объектов стоянки направлена приблизительно на мыс слияния распадка и внешнего борта террасы. Ранее нами рассматривались версии остатков жилища, тепловых экранов у очагов (Тетенькин А.В., 2010, с. 106), возможно, конструкции были основаниями сооружений из органических материалов – дерева, кости. Камни, выложенные полурозеткой в зоне очага 1, допускают наличие столбового крепления, но не более. Как нет и однозначной ясности в отношении наиболее сложных конструкций из гнейсовых плит-пластин, установленных на ребрах.

Обратимся теперь к вопросу о функциональном определении стоянки наиболее полно представленного 2 культурного горизонта. Коврижка III занимает верхнюю позицию в лестнице из трех аллювиальных террас на данном участке Витима. С точки зрения угрозы паводковых вод это наиболее безопасное место. Единственный заметный паводковый эпизод фиксируется в интервале между 12,2 и 9,2 тыс. кал. л.н. У подножия Коврижки III на 17-18-метровой террасе раскопан очажный комплекс 5 культурного горизонта Коврижки II с датой 11190 ± 390 л.н. (СОАН-4543) (Тетенькин А.В., 2010, с. 81). Он представляет собою кратковременный очаг с очень малочисленными культурными остатками, погребенный активно накапливаемыми песками и алевритами пойменного аллювия.

Сооружение конструкций из плит, по крайней мере, в одном случае Y-образной постройки было сопряжено со вкапыванием в грунт. Если в эпизоде 1А к.г. люди действительно наблюдали эту конструкцию «в остатке», это возможно было только при условии отсутствия снежного покрова. Проведенный А. Анри антракологический анализ фрагментов угля из 2-верхнего и 1А к.г. позволил ей прийти к выводу о том, что люди собирали как топливо сухую, мертвую древесину, что, скорее всего, возможно было делать в бесснежный период (Анри А., Тетенькин А.В., 2014, с. 17).

Анализ коллекции 2 культурного горизонта привел нас к выводам о том, что на стоянке существовал полный цикл расщепления камня. Последнее было нацелено на получение отщепа как основной орудийной заготовки. Большинство изделий имеет краткосрочный («экспидиентный») характер утилизации без серьезной модификации отщепов, в том числе и первичных, не только в роли орудий, но и в роли торцовых микропластинчатых нуклеусов. Сырье для каменного производства было местным, и оно было доступным. Орудийный набор показывает разнообразную домашнюю деятельность, связанную с работой скребками и скреблами, ножами, резцами, рубящими галечными орудиями, какими-то специфическими операциями с графтитами и вулканическими пемзами. Кроме того, имела место технически сложная строительная деятельность и связанная с ней камнеобработка строительных материалов. Небольшая часть орудий принесена на стоянку в готовом виде откуда-то извне. Эти данные говорят, как будто, в пользу летней базовой стоянки полного демографического профиля и спектра домашних, стояночных видов деятельности.

С другой стороны, в случае 2 культурного горизонта Коврижки III, по сути, речь идет о палимпсесте из пяти эпизодов обитания, обозначенных пятью очажными комплексами. При этом в каждом случае мы наблюдаем довольно четкую, несмазанную картину асимметричного прилегания негативных элементов структуры пространства (дебитажа, орудий) относительно позитивной топки (очагов, наковален, линейных сооружений). Интересно сравнение количества каменного материала в коллекциях 2 к.г. Коврижки III и 5, 6, 7 культурных горизонтов Большого Якоря I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 249, табл. 9.8). Оно вполне правомерно, поскольку объекты раскапывались по единой методике, включающей обязательную промывку культурного слоя через сито (около 90% материала коллекций – чешуйки). Пятый культурный горизонт Большого Якоря I, состоящий из парной очажной композиции, имеет 28 тысяч единиц каменных находок. Шестой культурный горизонт с шестью очажными скоплениями насчитывает

около 55 тысяч единиц предметов. Седьмой культурный горизонт с тремя очажными комплексами имеет свыше 16,5 тысяч единиц каменного материала. Во всех случаях комплексы интерпретировались как кратковременные охотничьи лагеря. Представляется, что количество дебитаж является показателем продолжительности обитания людей на месте, особенно при экстенсивном, экспидиентном характере производства. 2 культурный горизонт Коврижки III насчитывает 15824 единицы находок. На основании этого, гораздо меньшего, чем в случаях Большого Якоря I, показателя следует, что эпизоды очажных комплексов 2 к.г. не были продолжительными, имели кратковременный характер.

В качестве гипотезы, также нуждающейся в дальнейшей разработке, мы предполагаем, что различия в дюктайском и сумнагинском облике ансамблей типа Авдеихи, Большого Якоря и Большой Северной имеют сезонный, возможно, зимне-летний характер. Например, летняя «сумнагинская» стоянка 1А к.г. Коврижки III на 3-й террасе *versus* зимняя «дюктайская» стоянка 3 к.г. Коврижки II на 2-й террасе. Не трудно заметить, что комплексы палеолитического облика базируются на местное галечное сырье, а более «прогрессивные», «мезолитические» комплексы основаны на эксплуатации приносного сырья. С начала голоцена, когда в результате масштабной дегляциации стали доступны к эксплуатации удаленные внутренние районы Байкало-Патомского нагорья, были открыты источники цветного кремня (вулканического стекла) и началась эксплуатация этого ресурса на основе техники микропластинчатого отжима призматических нуклеусов. В ситуациях сезонной нехватки этого производственного сырья люди переходили к эксплуатации местного галечного ресурса, неизбежно приводившего к более архаичным способам расщепления: отщеповому производству и технике клиновидно-торцового микронуклеуса.

Мы знаем при этом, судя по находке вулканической пемзы во 2 культурном горизонте, возрастом около 12,9 тыс. кал. л.н., что обитатели Коврижки III доставляли ресурсы, удаленные более чем на 500 км.

Существенную роль как канал транспортировки ресурсов и передвижения людей играла долина Витима. Осваивались районы, по крайней мере, к востоку-юго-востоку, расположенные в том числе и за пределами Байкало-Патомского нагорья, в бассейне среднего течения Витима (Удоканское вулканическое поле). Для сравнения укажем последние данные по длинной транспортировке каменного ресурса во Франции для Ориньяка – Перигора: в 38 случаях – более 100 км, в 15 случаях – более 200 км, с максимальными дистанциями от 320 до 380 км (Feblot-Augustus J., 2006, p. 451). Дистанции доставки обсидиана с источника Батца Тена (Batza Tena) на стоянки Путу (Putu) – 400 км, Серпантин Хот Спрингс (Serpentine Hot Springs) – 450 км на Аляске в период финала плейстоцена – начала голоцена (Smith H.L., Rasic J.T., Goebel T., 2013).

Ландшафтная реконструкция стоянки Коврижка III строится на ограниченном пока количестве данных. Информативные споро-пыльцевые и фаунистические материалы на ней отсутствуют тафономически. Согласно 14С датировкам, 3 к.г. и нижний уровень 2 к.г. приходятся на окончание интерстадиала Беллинг-Аллеред (~13,3-12,9 тыс. кал. л.н.), верхний уровень 2 к.г. – на период похолодания Позднего Дриаса (~12,2 тыс. кал. л.н.). Возраст 1А к.г. приходится на бореальный период раннего голоцена (~9,0 тыс. кал. л.н.). Климатические тренды похолодания-потепления, происходившие в это время рубежа плейстоцен-голоцена по мнению Е.В. Безруковой и соавторов (Безрукова Е.В., Тарасов П.Е., Ридель Ф., 2009, с. 136–137; Bezrukova E.V. et al., 2010, p. 194–196) имели глобальный, континентальный масштаб. В этом смысле они могут быть экстраполированы в реконструкции локальной экологической обстановки в долине Витима в Байкало-Патомском нагорье. Изученная палеонтологическая коллекция Большого Якоря I показала мозаичное сосуществование таежного и тундростепного ландшафтов с преобладанием последнего в интервале 12,7–11,7 тыс. рад. л.н. / ~13,3–12,9 тыс. кал. л.н., т.е. накануне первых остановок людей на Коврижке. Сохранившиеся угли кострищ 2-верхнего и 1А культурных горизонтов были

определены как виды древесной растительности: лиственница во 2 к.г. и лиственница, сосна, ель, пихта в 1А к.г. (табл. 13) (Анри А., Тетенькин А.В., 2014, с. 14; Анри А. и др., 2018, с. 586).

В принципе, более богатый состав пород деревьев во втором эпизоде согласуется с общим представлением о потеплении в раннем голоцене и распространении лесной растительности (Безрукова Е.В., Тарасов П.Е., Ридель Ф., 2009, с. 136–137; Безрукова Е.В. и др., 2012, с. 7–8; Анри А. и др., 2018, с. 587).

В культуровмещающей пачке Коврижки III на уровне 1А и 2 к.г. найдены коконы одиночных пчел (*Apidae sp.*) (энтомологическое определение сделаны В.Г. Шиленковым (биологический ф-т ИГУ)). Они свидетельствуют о существовании непосредственно на территории стоянки открытого, слабозадернованного ландшафта, что может быть объяснено положением ее в свое время, фактически, на внешней береговой бровке. На Коврижке II во 2 и 3 к.г. (17-18-м терраса) и на Коврижке IV (9-11-м терраса) в 2Б, 3, 5 и 6 к.г. в разное время были найдены единичные зубы снежного барана (*Ovis nivicola*) (определение А.М. Клементьева). Этот вид – обитатель альпийских высокогорий. Лесистых мест и зарослей кедрового стланика бараны избегают (Медведев Д.Е., 2001). Ограничение глубины снежного покрова для добывания корма – 15–20 см.

Таким образом, есть данные, что около 8,0 тыс. рад. л.н. (около 9,0–9,1 тыс. кал. л.н.) в районе стоянок Коврижка I–V долина Витима имела мозаичный ландшафт пойменной речной, лесной и тундростепной растительности, унаследованный от эпохи конца плейстоцена. Непосредственно территория стоянки Коврижки III не была залесена.

4.3. Коврижка II

Местонахождение Коврижка II выделено на 17-19-метровой 2-й надпойменной террасе (рис. 108). Памятник частично разрушен. На тыловой части данной террасы в конце 1980-х гг. был заложен карьер, который использовался для отсыпки полотна проходящей здесь дороги. На всей

площади карьера, полотна дороги в данном распадке фиксируется археологический материал. Ненарушенной сохранилась внешняя, прибровочная часть террасы. Карьером вскрыты русловые отложения (галечники и пески) Витима. В прибровочной части террасы в раскопе зафиксирован скальный останец обтекания, к которому причленяются аллювиальные отложения (рис. 173). Судя по радиоуглеродным датам, полученным по разрезу с местонахождения, пойменная часть этой террасы накапливалась в период около 11,2-8 тыс. рад. л.н. / 14,0–8,7 тыс. кал. л.н.

В 1995 г. автором были найдены первые отщепы в стенке карьера, со дна карьера и полотна дороги собран первый подъемный материал. Раскопочные работы велись в 1998, 2001 – 2003 гг. В 2002 г. раскопки на Коврижке II были проведены Е.М. Инешиным. Все эти годы работы носили характер спасательных и производились по фронту стенки карьера. Вскрытая площадь на Коврижке II составляет 34 кв. м.

Стратиграфия раскопа сверху вниз следующая (рис. 173):

1. Почвенно-растительный горизонт. Мощность 0,13–0,24 м
2. Подзолистый горизонт. На контакте с нижележащим слоем залегает 1-й культурный горизонт. Мощность 0,07–0,02 м
3. Горизонт оранжево-желтых, обохренных глинисто-, тонкопесчаных, деформированных отложений со следами оподзоливания. Подошва слоя солифлюцирована. Вмещенные в него культурные остатки выделены во 2-й культурный горизонт, Основные материалы залегают в верхней части слоя, немногочисленные находки встречены по всей глубине слоя. Мощность 0,19–0,28 м
4. Фрагменты разорванного деформированного горизонта темнопалевого тонкозернистого алеврита. Кровля уничтожена вышележащим слоем 3. Мощность 0,03–0,12 м
5. Горизонт микрослоистого тонкого иловатого светло-зеленого алеврита. В нижней части горизонта проявляется слабое ожелезнение. В высохшем состоянии слоя наблюдается горизонтальная слоистость по

микрослоям мощностью до 0,01 м. В верхней части слоя вмещает в себя два уровня залегания культурных остатков – 3-й, 4-й культурные горизонты. По 3 к.г. получена ^{14}C -дата 8180 ± 130 л.н. (СОАН-5277). В средней части слоя залегает насыщенная частицами угля прослойка мощностью до 2-3 см. В ней открыт 4А культурный горизонт. По нему имеется радиоуглеродная дата 8230 ± 100 л.н. (СОАН-5276). На верхней поверхности артефактов в 3–4А к.г. отмечается наилок. Из верхней части слоя и из подошвы заложены не крупные криогенные трещины, вложенные одна в другую. Отмечено западение культурных остатков в трещину. Верхняя трещина читается в разрезе плохо, поэтому определить выше или ниже лежат заплечики верхней трещины относительно 3–4А к.г. сложно. В подошве слоя отмечаются светло-серые песчаные прослойки мощностью до 2 см. Мощность 0,60– 0,65 м.

6. Горизонтально-слоистый светло-серый песок с прослоями иловатого алеврита, аналогичного слою 5. Слои разорваны криогенными трещинами из вышележащего слоя 5. Мощность 1,05–1,08 м.

7. Пачка голубовато-темно-серых горизонтально-слоистых тонкозернистых песков мощностью до 2 см с прослойками светло-серого среднезернистого песка. В нижней части слоя светло-серая песчаная прослойка имеет мощность до 6 см. Отложения разорваны трещинами из слоя 5. В верхней части слоя залегает 5-й культурный горизонт. Дата ^{14}C по нему – 11190 ± 390 л.н. (СОАН-4543). Мощность 0,24–0,70 м.

8. Светло-серый средне- и крупнозернистый ритмичнослоистый песок с включениями дресвы. Мощность 0,60–0,70 м.

9. Валунно-галечный слой несортированный, с дресвой и песком в заполнении. Мощность 0,10–0,50 м.

10. Слои крупнозернистого песка с дресвой. В средней части слоя отмечена мощная линза тонкослоистого песка (слой 11). Мощность 0,60– 0,80 м.

11. Линза иловатых косослоистых тонкозернистых песков с прослойками серого крупнозернистого песка. Мощность 0,01– 0,50 м.

12. Слой иловатых косослоистых ритмичнослоистых тонкозернистых песков с прослойками серого крупнозернистого песка. Мощность 0,55–0,70 м.

13. Слой крупнозернистого песка с дресвой. Мощность 0,05–0,20 м.

14. Пески серые ритмичнослоистые крупнозернистые с прослойками иловатых тонкозернистых песков. Отмечается несогласие – противоположная ориентация слоистости со слоями 11 и 12. Мощность до 0,80 м и более.

Общая мощность вскрытых отложений – 4,5 м

По мнению к.г.н. геоморфолога В.М. Белоусова (ИГУ) отложения 14-8 принадлежат русловой фации аллювия, слои 7-6 представляют собой пойменную фацию аллювия, отложения 5 – пойменную фацию, формировавшуюся в спокойных условиях; отложения 3 формировалась в субаэральных условиях, испытывая процессы пирогенеза, криотурбации, оподзоливания; отложения 1 – почвенный слой.

В светло-зеленом слое алеврита (слой 5), в верхней его части изначально зачистками были выделены два уровня залегания находок. Они получили обозначение как 3-й и 4-й культурные горизонты. Однако в ходе раскопок 2002 и 2003 гг. результаты нивелировок показали отсутствие четкого линейного простирания культурных горизонтов, «провисания» артефактов на промежуточных глубинах между выделенными 3 и 4 к.г. Ряд случаев аппликации предметов с разных глубин позволил говорить о вертикальном опускании тяжелых предметов относительно более мелких. Аппликацией сколов отмечена амплитуда таких перемещений на глубину 6-13 см. Был раскопан, в частности, очаг, чья углистая линза лежала на уровне макушек скопления камней у очага. С другой стороны, большая плотность культурных остатков в 3-4 культурных горизонтах давала основание предполагать некоторую степень компрессии. Тем не менее то, что артефакты были обнаружены ниже скопления просевших по вертикали камней у очага, в общем, подтверждает выделение, как минимум, двух уровней обитания (т.е. 3 и 4 к.г.). Расчленив, однако, полученную коллекцию оказывается проблематично, и ее описание приводится ниже совокупно.

Учитывая то, что радиоуглеродный возраст 3 к.г. незначительно моложе возраста 4А к.г., возможно полагать, что культуровмещающая пачка отложений пойменного аллювия сформировалась в относительно короткое время – между 9 и 8 тыс. рад. л.н., и большого хронологического разрыва между уровнями обитания 3-4 к.г. нет. Ансамбль каменного инвентаря выглядит также вполне однородно как в морфологии изделий, так и в их петрографии.

Нижележащий 4А культурный горизонт был открыт только в самый последний год работ на Коврижке II (в 2003 г.) и исследован на площади в 3 кв.м. Имеющиеся данные говорят о линейном его залегании, маркированном вкраплениями угля. Интересной особенностью его является наличие в слое пятен и кусочков охры. В вышележащих 3–4 к.г., напротив, охры не найдено, зато многочисленны находки кусочков графитита со следами истирания.

Причину вертикального провисания артефактов из 3–4-го культурных горизонтов мы склонны видеть в нахождении артефактов в деятельном слое сезонной оттайки мерзлоты. Вопрос, почему нижележащий 4А к.г. не пострадал таким же образом (если эти выводы будут в дальнейшем подтверждены), может быть объяснен высокой скоростью пойменного аллювиального осадконакопления, в результате которой уровень 4А к.г. «проскочил» через глубины сезонной оттайки мерзлоты.

5-й культурный горизонт

5-й культурный горизонт залегает в одной из прослоек в верхней части пачки пойменного аллювия на глубине 1,65 м. У скального останца, верхушка которого была впоследствии использована людьми в организации конструкции из плит, выявлен очаг с двумя противоположащими плитами гнейса (рис. 174.2). Останец играл здесь, по-видимому, роль ветрового и визуального заслона со стороны р. Витим. Культурные остатки немногочисленны: 39 отщепов и чешуек, 2 куса битой породы, 3 фрагмента кости, двойной концевой скребок из гальки, всего 45 единиц (рис. 175.5). 5 чешуек найдено

под очажной плитой. Радиоуглеродная дата комплекса – 11190±390 л.н. (СОАН-4543).

4А культурный горизонт

4А культурный горизонт охарактеризован ножом из отщепа горного хрусталя, 2 скребками, стругом-скобелем, медиальным сегментом микропластины. В слое обнаружены эмалевые остатки зубов, определенные как зубы снежного барана (*Ovis nivicola*) (определение А.М. Клементьева). Всего в коллекции – 273 ед. Отщепов и чешуек в коллекции 224 ед., фрагментов пластин – 7, фрагментов кости – 38. В группу изделий входят нож, 2 скребка, 1 струг-скобель.

Нож из хрусталя изготовлен нанесением однорядной ретуши по одному из длинных краев подтреугольного отщепа (рис. 175.6). Скребки оформлены краевой ретушью из крупных сколов. Орудие, условно названное стругом-скобелем, изготовлено из отщепа долечного вида, сохраняющего галечный талон (галечную поверхность на рудименте ударной площадки и боковой поверхности) (рис. 175.3). Лезвие дислоцировано на сопряженном с галечным талоном краю, имеющем прямой контур.

3-4-й культурные горизонты

Уже первые раскопки на Коврижке II показали, что наиболее массовыми являются 3-й и 4-й культурные горизонты. Дифференцировать их материал в силу тафономических причин сложно. По-видимому, имеет место наложение и смешение нескольких уровней обитания, «верхи» и «низы» которых были обозначены как 3 и 4 к.г. В настоящий момент описание их материала приводится слитно. Аргументами для этого выступают тождественность основных технико-типологических форм не только 3-го и 4-го культурных горизонтов, но и шире – 1–4А к.г., а также представление о небольшом хронологическом разрыве, поскольку ¹⁴С дата по 3 к.г. – 8180±130 л.н. (СОАН-5277), а по 4А к.г. и 8230±100 л.н. (СОАН-5276). Ввиду наличия в 3–4 к.г. всех типологических аналогов формам из коллекции подъемного материала у подножия карьера и с полотна автодороги на участке Коврижки последний

также задействован в описании и анализе инвентаря вышеназванных горизонтов.

Коллекция собственно 3–4-го культурных горизонтов включает: отщепов и чешуек – 11039 ед., фрагментов пластин – 62 ед., кусков граффитита – 42 ед., фрагментов кости – 40 ед., терминальных микронуклеусов – 6 ед., орудий (в т.ч. сколов со следами амортизации) – 40 ед. Всего – 11229 ед.

Расщепление представлено микропластинчатой техникой торцовых нуклеусов, ортогональным раскалыванием галек и субпараллельным широкофронтальным и торцовым скалыванием с галечных нуклеусов удлиненных отщепов и неправильных пластин средних и крупных размеров.

Торцовые нуклеусы для снятия микропластин в коллекции представлены 14 экземплярами, в том числе 8 в подъемном материале. 5 предметов уверенно интерпретируются как заготовки-преформы торцовых (клиновидных) нуклеусов. За одним исключением это нуклеусы с высотой фронта не менее 3,5 см.

Выделено три варианта преформ. Первый вариант (3–4 к.г. – рис. 177.8,9; подъемный материал (п.м.) – рис. 180.8–11) – это скол со сплошной фасиальной обработкой одной из латералей и бифасиальной подтеской лишь киля и проксимального – площадочного конца. Последние в результате обращены в гребень-ребро. Дистальный конец вогнут. Три пренуклеуса имеют вид обушкового «уло»-видного или сегментовидного бифаса (п.м. – рис. 180.8,10,11). На них фронт дислоцирован по обушку. Нуклеус приобретал высокую ориентацию, т.е. преобладание высоты над длиной. Площадка оформлена короткими фронтальными сколами, снимающими часть ребра бифаса. Второй вариант (3-4 к.г. – рис. 177.4,6) – пренуклеус представляет собой скол со сплошной фасиальной обработкой одной из латералей (дорсального фаса скола). Площадка в этом варианте оформлена поперечными с латерали и короткими фронтальными сколами. Третий вариант представлен бифасом в роли преформы (3-4 к.г. – рис. 177.7; п.м. – рис. 180.1–5).

Своеобразен резко выделенный шиповидный дистальный конец нуклеуса, фиксируемый в преформе и нуклеусах из 3 к.г. (рис. 177.4) и подъемного материала (рис. 180.6,8). В ряде других случаев наблюдается небольшая вогнутость кия, выделяющая дистальный конец собственно фронта нуклеуса (3-4 к.г. – рис. 177.9, подъемный материал – рис. 180.1–5,9–11).

Гребень в трех случаях (рис. 177.4,6,8) отделан тщательной краевой ретушью и внешне выглядит как рабочий край скребка.

Технически важной общей деталью всех торцовых нуклеусов для снятия микропластин является подготовка ударной площадки. Изначально исходный проксимальный конец преформы представлял собой симметричное в профиль ребро, полученное бифасиальной обработкой, или асимметричное ребро, скошенное унифасиальной ретушью. Непосредственно ударная площадка готовилась снятием короткого фронтального скола. Подживление проводилось повторными фронтальными сколами, либо несколькими мелкими чешуйчатыми снятиями с фронта и латералей.

В одном случае из 3 к.г. (рис. 177.5) и в одном экземпляре из подъемного материала (рис. 180.7) процесс расщепления торцового нуклеуса был доведен до образования второй, полюсной площадки и скалывания с противоположного конца фронта.

Совершенно отличен от них единственный лыжевидный скол с бифаси-нуклеуса (рис. 180.12), найденный в подъемном материале. Он является сколом подживления клиновидного нуклеуса. Скол снял предыдущую ударную площадку, также образованную одним сколом с торца (фронта). Найденный лыжевидный скол получился диагональным, захватившим еще и гребень нуклеуса (ребро бифаса). На проксимальном конце скола сохраняется рудимент фронта нуклеуса. Судя по сколу, нуклеус (и бифас) был вытянут в длину. Это единственный на Коврижке II артефакт, технически прямо противоположный всем микронуклеусам 3–4 к.г. и подъемного материала с

террасы, и аналогичный лыжевидным сколам системы расщепления бифасов Большого Якоря I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 217–218).

Продукты первичного расщепления и сам способ раскалывания во многом определялись размерами витимской гальки. Как правило, подбирались порфириновые валунчики размером до 11 см в длину. В ряде случаев гальки раскалывались поперек и по диагонали. Есть несколько примеров утилизации остроугольных галечных сколов (3–4 к.г. – рис. 176.5). Зафиксированы примеры плоскостного (плоскофронтального) нуклеарного расщепления галечных нуклеусов от начальной стадии, до значительной степени сработанности. Площадка, как правило, скошена к контрфронту. Судя по негативам, снятия имеют пропорции удлинённых пластинчатых отщепов. В одном случае снятия велись с торца галечного нуклеуса. Галечная корка на латералях, контрфронте и дистальном конце, как правило, сохранена. Снятие отщепов велось без предварительной подготовки фронта.

К числу галечных орудий отнесены чопперы из 3–4 к.г. и из подъемного материала (3–4 к.г. – рис. 178.1), чоппинг, галечное скребло (3 к.г. – рис. 175.4), струговидные орудия.

Одно орудие (3-4 к.г. – рис. 178.2), условно названное стругом-скобелем, аналогично приведенному выше изделию из 4А культурного горизонта (рис. 175.8). Оно также изготовлено из скола долечного вида, сохраняющего галечный талон (галечную поверхность на рудименте ударной площадки). Лезвие дислоцировано на сопряженном с галечным талоном краю, имеющем прямой контур и острый угол схождения фасов скола. Морфологически аналогичное им орудие найдена во 2-м к.г. Коврижки IV. Осмотр трассологом Э. Говри Ру (Университет Лазурного Берега, г. Ницца, Франция) показал, что орудие использовалось именно в качестве скобеля (рис. 154.11).

Скребла представлены экземплярами на галечной, бифасиальной основе и на сколах с параболической (сегментовидной) ориентацией лезвия – длинной выпуклой основной части и коротких слабовыпуклых боковых (3 к.г. – рис. 175.4), субовальными экземплярами с концевым лезвием (подъемный

материал), боковым лезвием (подъемный материал), конвергентными длинным и коротким лезвиями (подъемный материал), трансверсальным скреблом на отщепе (подъемный материал), скреблом с «ушками»-шипами в местах сопряжения боковых коротких лезвий с широким центральным (подъемный материал). Еще одно скребло из отщепа, из подъемного материала, также имеет одно широкое выпуклое и два коротких сопряженных с ним под углом прямых лезвия. База скребла – проксимальный конец скола – сбита.

Скол или отщеп являлся основой для мелких орудий, полученных вторичной обработкой. Отмечены такие приемы подготовки «бланка» как облом, сбивание проксимального конца (3-4 к.г. – рис. 176.5, 4А к.г. – рис. 175.9), подтеска ударного бугорка (3 к.г. – рис. 176.10; 4А к.г. – рис. 175.6).

Ряд морфологически неспецифичных орудий состоит из изделий, оформленных краевой продольной ретушью, рабочий край имеет простой (прямой, слабовыпуклый) или фигурный (шиповидный, ломаный, зубчатый-выемчатый) контур (3-4 к.г. – рис. 176.7,8,10,13). В двух случаях по амортизированной выемке и характеру микроследов изношенности лезвия Н.Ю. Кунгуровой был определен скобель (рис. 176.8,13). В подъемном материале 6 подобных предметов описаны как скрепки. Типологически выразителен концевой скребок на крупной реберчатой пластине (3 к.г. – рис. 176.4).

Найден один медиальный сегмент призматической пластинки с краевой дорсальной ретушью у конца облома – резчик (рис. 176.2).

Остроконечники представлены двумя экземплярами. Один из них имеет ярко выраженную морфологию проколки-провертки благодаря наличию выемки соответственно плечика по одному краю (3 к.г. – рис. 176.3). По мнению трассолога Н.Ю. Кунгуровой, осматривавшей предмет, это сверло по дереву. Другой остроконечник определен по нескольким негативам короткой ретуши у острого конца (3 к.г. – рис. 176.5).

Категория резцов в 3-4 к.г. представлена угловыми резцами на отщепах разных форм без всякой предварительной отделки тела резца или рабочей точки (3 к.г. – рис. 176.9,12). В подъемном материале есть один нетипичный трансверсальный резец из отщепа. Тела резца не подготовлено, лишь правый край у рабочей точки резца подретуширован по вентральному фасу. Трансверсальный резцовый скол захватывает 2/3 поперечного края резца и скошен на вентральный фас. Морфо-типологически резец не похож ни на трансверсальные резцы Большого Якоря I, ни на трансверсально-диагональные резцы 2 к.г. Коврижки III.

Бифасы. Ряд бифасов (не менее 5) из подъемного материала определен как преформы для нуклеусов и рассмотрен выше. В 3-м культурном горизонте и в подъемном материале имеются три выразительных бифаса, служивших в качестве орудий и несколько экземпляров обломков бифасов.

Долотовидное орудие имеет практически точную прямоугольную в плане форму (3 к.г. – рис. 176.12).

«Бусина» 3-го горизонта (рис. 176.1) представляет собой изделие с неровно округлым, слегка вытянутым контуром со слабовыраженной выемкой на одном из вытянутых краев (диаметр 1,0–1,1 см, толщина 0,2 см), с биконическим отверстием в центре (диаметр 0,3 см). Один фас «бусины» уплощен более, чем другой. На более выпуклом фасе виден слабопрофилированный желобок шириной 2 мм, идущий поперек «бусины» через отверстие от одного края к противоположному краю с выемкой. По всему периметру «бусины» по ее ребру нанесено 13 насечек. Вся поверхность ее тщательно зашлифована. Субстратом является красно-коричневый кремний, орудий и отходов производства из которого нет.

В слое 3 культурного горизонта найден многофронтальный, многоплощадочный – бессистемный нуклеус из кварцевой гальки подкубовидной формы, раннепалеолитического облика, в значительной мере окатанный (рис. 179). Его фронтальные поверхности несут негативы снятия широких отщепов во встречном и конвергентном направлении. Самих снятий

с него, определяемых по поверхностям и субстрату, в слое не обнаружено. Нуклеус несет на двух плоских поверхностях относительно свежие следы забитости, что свидетельствует о подборе его обитателями Коврижки и использовании в функции наковальни.

2-й культурный горизонт

2-й культурный горизонт выделен в красно-бурой супеси. Артефакты встречены в верхней, средней и нижней части культуровмещающего слоя. Но комплексная их организация – кладка и наковальня со скоплением культурных остатков – пока только в верхней части. В 2001 г. была выявлена округлая в плане конструкция из плит, организованных вокруг верхушки скального останца (рис. 174.1). Верхушка останца частично составляет линию из вертикально торчащих плит, делящую кольцо кладки на две примерно равные половины и ориентированную почти строго на север. Диаметр конструкции около 3,6 м. Площадь обеих половин заполнена камнями кладки. Среди плит кладки и на плитах найдено 33 артефакта: 1 клиновидный нуклеус, 1 фрагмент пластины, 31 отщеп и чешуйка. Нуклеус был обнаружен в центральной части конструкции. Две чешуйки найдены под большой плитой, лежащей горизонтально в северо-западной части кладки.

На другом участке слоя раскопан крупный валун-наковальня со скоплением дебитажа.

Коллекция предметов состоит из 567 единиц. В том числе она содержит вышеупомянутый нуклеус, фронтальный подживляющий скол с торцового нуклеуса. Нуклеус имеет бифасиальную основу (рис. 177.2). Площадка оформлена короткими поперечными и фронтальными сколами. Другой нуклеус из 2 к.г. морфологически однотипен предыдущему (рис. 177.3). Кроме того, к этому слою приурочена находка зуба снежного барана (*Ovis nivicola*) (определение А.М. Клементьева). Отщепов и чешуек – 552 ед., фрагментов пластин – 12 ед.

Возраст выкладки и 2-го культурного горизонта, в целом, основан на типологии клиновидных микронуклеусов, характерных для финального

палеолита – мезолита, а также на радиоуглеродных датах с нижних 3-го и 4А культурных горизонтов. Предположительно конструкция может быть датирована в пределах 7-8 тыс. л.н. назад. Близость конструкции к дневной поверхности обусловили наличие пироженных пятен в слое и большое количество остатков жженой древесины молодого возраста.

1-й культурный горизонт

Первые от поверхности находки были обнаружены в подпочвенном горизонте подзола. Этот уровень выделен в 1-й культурный горизонт. В коллекции насчитывается несколько десятков предметов, в том числе 1 скребок концевой на бифасе, 1 скребло, 1 отщеп с ретушью (нож), 1 клиновидный нуклеус (рис. 175.1–3).

Скребок изготовлен на тесловидной бифасиальной преформе нанесением краевой скребковой ретуши (рис. 175.3). Скребло боковое на крупном пластинчатом сколе (рис. 175.2). Нож – отщеп с ретушью (рис. 175.1). Клиновидный нуклеус изготовлен из отщепа (рис. 177.1). Одна латераль его оформлению не подверглась, другая (дорсальный фас отщепа) оформлена центростремительными снятиями по периметру полностью. Площадка образована серией поперечных и одним завершающим фронтальным коротким снятием. Дистальный край нуклеуса имеет мелкие негативы рабочей контрударной ретуши.

Обсуждение

Наиболее древним культурным компонентом является, по всей видимости, единичный подобранный обитателями 3-го культурного горизонта Коврижки II нуклеус, чья архаичность выражена в морфо-типологических, петрографическом признаках и состоянии поверхностей артефакта. Относительно свежими на нем являются только следы забитости на ровных поверхностях, что говорит об использовании его в качестве наковальни. И в данном случае мы можем говорить о подборе древними людьми еще более древнего артефакта и приноса их на поселение.

Наиболее ранний датированный по 14С комплекс 5-го культурного горизонта, по-видимому, представляет собой функционально-деятельностный и хронологический аналог верхних финальноплейстоценовых горизонтов 3А, 3Б, 3В, 4, 4А, 4В Большого Якоря I (Инешин Е.М., Клементьев А.М., Тетенькин А.В., 2005; Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010). Во всех названных случаях мы предполагаем наличие остатков кратковременных деятельностных ситуаций, связанных с поведением подвижных немногочисленных охотничьих групп. В отношении 5 к.г. Коврижки II можно говорить о намеренном выборе обитателями места у скального останца, используемого в роли «ветрового заслона», т.е. естественного укрытия, отделяющего жилое пространство от реки.

Рассматривая индустрию 3-4А к.г., следует признать ее ярко выраженный верхнепалеолитический облик. Такие категории изделий как бифасы, клиновидные нуклеусы ставят ее в ряды ансамблей дюктайской культуры Якутии (Мочанов Ю.А., 1977, 2007). Галечные нуклеусы субпараллельного принципа расщепления, зачастую морфологически близкие к чоппингам, применявшиеся для получения пластинчатых отщепов, являются одной из ранних техник, появление которой по материалам Прибайкалья прослеживается как в местонахождениях среднего, начала верхнего палеолита, так и в финальнопалеолитических, и в мезолитических комплексах Восточной Сибири (Аксенов М.П., 1974; Аксенов М.П., Бердников М.Д. и др., 1987; Аксенов М.П., 2009; Аксенов М.П., Шуньков М.В., 1978, 1982; Задонин О.В., 1992; Медведев Г.И., 1981, Мезолит Верхнего Приангарья, 1971). Галечные орудия, скребла различной модификации, галечные нуклеусы параллельного принципа расщепления для снятия удлиненных отщепов и пластин, зубчато-выемчатые лезвия на скреблах, скребках, угловая конвергенция комбинированных лезвий скребел, в т.ч. с выделением концов сопряжения лезвий – «ушек», высокие формы скребел, скребков, головки которых напоминают фронт грубопризматических нуклеусов, а лезвия в контуре аморфны, аморфные или зубчато-выемчатые лезвия на небольших

скребках из отщепов, оформление разных участков лезвия по антитезе, трансверсальная дислокация лезвий на скреблах составляет общий палеолитический фон индустрии. Существование этих ансамблей около 8–8,2 тыс. некал. л.н., т.е. в раннем голоцене, однако, выбивает Нижний Витим из схемы развития культур Якутии и делает саму эту модель неработающей в исследуемом районе. Как известно, Ю.А. Мочанов постулирует четкую смену дюктайского типа индустрии сумнагинским на рубеже плейстоцен-голоцена – 11–10 тыс. некал. л.н. (Мочанов Ю.А., 1977, с. 250). Впоследствии факт существования в раннем голоцене на Нижнем Витиме культуры с бифасами и клиновидными нуклеусами нашел подтверждение во вновь открытых комплексах Инвалидного III – пункта 1 (1-й культурный горизонт – около 9,2–6,1 тыс. рад. л.н. / 10,3–7,0 тыс. кал. л.н.) (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2005, с. 98–100).

Наиболее изученным памятником верхнего палеолита финала плейстоцена является Большой Якорь I. На его фоне ясно прорисовывается специфика индустрии Коврижки II. В первую очередь следует отметить отличие в технике микронуклеуса. На Большом Якорь I большинство микронуклеусов является остаточными продуктами редукции бифасов (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 217–218). Эта технология представляет собою многоцелевое использование бифасов в роли орудий с переоформлением и редуцированием вплоть до изготовления клиновидных микронуклеусов. В целом, систему расщепления бифаса можно сравнивать с техникой юбецу. На Коврижке II все микронуклеусы до единого демонстрируют другую технику подготовки нуклеуса. При существующих вариантах употребления скола-унифаса, бифаса, подготовки проксимального и дистального, контрфронтального гребней общим является оформление ударной площадки коротким фронтальным сколом, удаляющим часть ребра преформы. Хотя, судя по имеющимся продольным сколам, прием скалывания продольного краевого и лыжевидного скола с бифаса обитателям был известен.

Существенное отличие наблюдается также в резцах. На Коврижке II нет типичных для Большого Якоря I трансверсальных резцов. Ее резцы – угловые на отщепах разной конфигурации без выраженного оформления орудия. Специфику индустрии Коврижки II составляют также струговидные орудия, ненаблюдаемые в комплексах Большого Якоря I.

Такие категории как бифасы, простые ординарные скребла являются общими для Коврижки II и Большого Якоря I. Общим местом является и эксплуатация одних и тех же основных и экзотичных пород камня: порфирита, диабазы, горного хрусталя, гиалоцита, графитита.

Наиболее хронологически близок к Большому Якорю I, а возможно, и несколько более древний объект на Нижнем Витиме – стоянка Авдеиха. Имеются две радиоуглеродные даты 12900 ± 300 л.н. (ГИН-1022) и 15200 ± 300 л.н. (ИМ-236) (Мочанов Ю.А., 1975, 1977). В материале Авдеихи есть небольшая доля клиновидных нуклеусов, полученных с бифасов путем снятия продольных лыжевидных сколов. Один из таких нуклеусов опубликован (Мочанов Ю.А., 2007: Табл. 52 – 6). Но большинство клиновидных – торцовых нуклеусов имеют площадку, оформленную несколькими короткими сколами, снимающими лишь часть ребра бифаса-преформы на проксимальном конце. Характерно также, что резцы Авдеихи тоже отличны от большеякорских. Они угловые из отщепов, практически не несущих специального оформления режущей головки и тела краевой ретушью. По этим пунктам сходство с Авдеихой обнаруживают 3-4А культурные горизонты Коврижки II.

Завершая характеристику индустрии 3-4А культурных горизонтов Коврижки II, следует обратить внимание на шлифовку, сверление и гравировку как техники, известные древним обитателям и употребленные в изготовлении, в частности, кремневой бусины. Бусина определена нами как артефакт из знаково-символической сферы деятельности. К этой сфере отнесены также куски графитита со следами истирания, являющиеся весьма массовым материалом в 3-4-м культурных горизонтах.

Интересен сюжет использования ландшафта стоянки в случае скального останца. Люди 5-го культурного горизонта, пришедшие около 11 тыс. некал. л.н., использовали его как визуальный и ветровой заслон со стороны Витима. У подножия «каменной стенки» высотой около 1,20 м они соорудили очаг с двумя противоположными плоскими плитами. Деятельностная ситуация, выражаемая несколькими отщепами и одним орудием, была весьма кратковременна. После 8 тыс. некал. л.н. обитатели 2-го культурного горизонта использовали этот же останец, когда он был уже почти полностью погребен пойменными и субаэральными отложениями. Торчащие камни верхушки были задействованы как элементы кладки. Останец был, по-видимому, частично разобран на плиты конструкции, крупные торчащие вертикально монолиты использованы в качестве части центральной линии, секущей выкладку пополам и ориентированной на север. Знакомившаяся с материалами датская исследовательница Улла Одгаард пришла к выводу, что данная конструкция могла быть жилищем и имеет сходства с эскимосскими жилищами типа *mid-passage*. По ее мнению, жилища этого типа бытовали у эскимосов на протяжении всей их истории в Гренландии (Odgaard U., 2001, 2003). Эта культурная традиция имеет сибирское происхождение, и ее корни следует искать в каменном веке.

На вопрос, чем являлась раскопанная конструкция, нет прямого ответа. На наш взгляд, несомненно, это искусственный объект. Найденный в ней клиновидный нуклеус идентичен нуклеусам из 1-4-го культурных горизонтов, и на этом основании конструкция не должна быть моложе 1-й половины голоцена. Наиболее вероятные ее возрастные рамки – 6-8 тыс. некал. л.н. Нахождение кладки близко от дневной поверхности, чуть ниже подзола, обусловило наличие большого количества древесного угля и пироженных пятен – следов лесных пожаров. Поэтому, если и были остатки маломощного очага-кострища, выявить их не удалось. Единичные мелкие отщепы и чешуйки, найденные между плитами, и клиновидный нуклеус без признаков какого-либо расщепления на месте однозначно могут быть истолкованы в том

смысле, что производственной площадки здесь не было. Нуклеус был принесен и оставлен (брошен?). В археологии Прибайкалья такого типа конструкции (кладки с археологическим материалом, без погребения) в неолите – железном веке традиционно рассматриваются как кенотафы, ритуальные конструкции, поминальники и т.п. С другой стороны, наверное, не может быть полностью исключена версия жилища, предложенная датской исследовательницей, но прямых доказательств тому нет. В качестве третьей возможной версии мы видим хозяйственную вымостку, своеобразный каменный настил, на котором могли храниться вещи или охотничья добыча. Такая трактовка допустима, если не придавать значения видимому рисунку конструкции: округлому плану, центральной поперечной линией, ориентированной на север.

4.4. Коврижка V

В сезон 2012 года в рамках цикла разведочных работ был заложен очередной шурф с порядковым номером 13, выявивший новую ситуацию вмещения культурных остатков.

Шурф заложен на 10-метровой 1-ой надпойменной террасе в 30 м от береговой кромки, у подножия борта 2-ой надпойменной террасы высотой 16 – 18 метров (рис. 108). Глубина шурфа составила 1,9 м. Площадь 4 кв. м. На глубине 0,8 м была встречена мерзлота, и шурф копался с протайкой. В ходе работ выявлена следующая стратиграфия (рис. 181.1):

1. Почвенно-растительный горизонт, мощность 0,10–0,16 м.
2. Подзолистая супесь, мощность 0,02–0,08 м.
3. Оранжевая неяснослоистая супесь, мощность 0,13–0,20 м.
4. Светло-желтая супесь, частично сохранившаяся меж языков подошвы и в разрывах вышележащего слоя, мощность 0,01–0,26 м.
5. Песок зелено-серый тонкозернистый, мощность 0,05–0,25 м.
6. Розовато-белесо-светло-коричневая тонкопесчаная прослойка редуцированной погребенной почвы с включениями угля, мощность 0,04–0,06 м

7. Песок желто-серый тонкозернистый, мощность 0,16–0,20 м.
8. Две пирогенные, интенсивно насыщенные углем прослойки мощностью до 0,05 м с темно-желто-серым песком между ними. В северо-восточном углу шурфа прослойки слипаются друг к другу. В верхней прослойке – находки 1 культурного горизонта. Мощность – 0,02–0,12 м.
9. Песок светло-желтый, среднезернистый, мощность – 0,10–0,24 м.
10. Пачка пирогенных, интенсивно насыщенных углем, размытых (расташенных) прослоек с желто-серым, красно-бурым, зелено-серым тонкопесчаным заполнением. В верхней части – 2 культурный горизонт. Мощность – 0,30–0,40 м.
11. Песок белесо-серый, тонкозернистый, косослоистый с линзой ожелезнения в верхней части

Культурные остатки были обнаружены в двух уровнях. 1 культурный горизонт зафиксирован в углистой прослойке на глубине 0,85–0,95 м (литологический слой 8). По углю из слоя получена дата 7520 ± 140 л.н. (СОАН-8838). 2 культурный горизонт обнаружен в составе пачки расташенных угленасыщенных прослоек черно-сизого цвета (литологический слой 10) на глубине около 1,20 м. По углю из них получена дата 9940 ± 100 л.н. (СОАН-8837).

Изначально выявленный шурфом 13 участок культуровмещающих отложений воспринимался как юго-западная часть местонахождения Коврижка I, выделенного по раскопу на базе шурфа 3. В первые годы исследований вся первая надпойменная терраса на протяжении подъемного материала, встречаемого у ее подножия на бичевнике, была определена как площадь местонахождения Коврижка I. В 2007 году северо-восточная ее часть, отделенная ложками, содержащая принципиально иные от литологии шурф-пикета Коврижки I по типу и по возрасту отложения, была выделена в самостоятельное местонахождение Коврижка IV. Выявленные в сезон 2012 года в шурфе 13 культуровмещающие отложения также отличны от

седиментов опорного для Коврижки I шурф-пикета 3. В первую очередь этот вывод основывается на радиоуглеродном датировании отложений. Для Коврижки I имеется радиоуглеродная дата 2800 л.н. для первого культуровмещающего уровня (1 к.г.) и две даты в районе 6000 л.н. для второго культуровмещающего уровня (2 к.г.), залегающего на глубине около 1,6 м, практически, в низах субаэральной пачки отложений. В целом культуровмещающую пачку Коврижки I можно охарактеризовать как накопления склонового делювиального сноса, деформированные эпигенетическими криогенными пертурбациями, вложенные в тальвеге ложка на аллювиальные отложения.

Судя по радиоуглеродным датам и характеру слоистости, культуровмещающие отложения шурфа 13 формировались в раннеголоценовое время, т.е. раньше таковых в шурф-пикете 3 (Коврижка I) и в более спокойной обстановке. Хотя характер слоистости углистых прослоек 2 к.г. показывает, по-видимому, их интенсивный размыв. В целом, ни разрезы, ни вмещенные культурные остатки обоих пунктов по возрасту (прежде всего) не сопоставимы. На этом основании юго-западная часть 9-11-метровой террасы выделена в отдельное местонахождение Коврижка V.

Коллекция 1 культурного горизонта состоит из 6 предметов. Из них 1 медиальный фрагмент микропластины из цветного полосчатого кремня, 1 проксимальный фрагмент микропластины из горного хрусталя (кварца), 4 мелких отщепов из горного хрусталя.

Материал 2 культурного горизонта насчитывает 512 единиц, в том числе 239 чешуек, 3 пластины, 3 изделия. 28 предметов из горного хрусталя (кварца), остальные артефакты из кремнистых пород (эффузивные породы среднего и основного составов). Одно из изделий представляет собою ретушированный пластинчатый скол с бифасиального орудия (рис. 181.2). Слегка расширенная дистальная часть этого снятия несет фрагмент ребра рабочего края бифасиального орудия. Скол был снят поперек исходной формы (бифаса) со стороны обушка. На левом маргинале в проксимальной трети скола нанесена

краевая ретушь, занимающая до половины длины продольного края. В основных признаках – расширенной дистальной части и сужающемся проксимальному концу, краевой ретуши, локализованной в проксимальной трети, - предмет имеет аналогии с выделенным В.И. Ташаком для финального палеолита Забайкалья усть-кяхтинском типом остроконечника (Ташак В.И., 2012).

Второе орудие представляет собой подтреугольный осколок отщепы горного хрусталя с ретушью на одной из сторон. Еще один предмет является дистальным сегментом пластинчатого снятия с мелкими негативами краевой, вероятно, амортизационной ретуши.

В 1-м культурном горизонте выразительна призматическая пластина из цветного кремня. Этот субстрат доминирует на Нижнем Витиме в ансамблях типа Большой Северной, на Коврижке представленный 1А к.г. пункта Коврижка III (9,2–9,0 тыс. кал. л.н.). Для них как раз более всего характерно производство микропластин с призматических микронуклеусов на основе эксплуатации цветных качественных яшмовидных кремней. На этом основании 1 к.г. предварительно можно отнести к линии существования ансамблей типа Большой Северной на Нижнем Витиме. Однако, нахождение 1 культурного горизонта в подошве субаэральные отложений коррелирует с положением 1 к.г. Коврижки IV над горизонтом размыва. Возраст керамики 1 к.г. Коврижки IV был оценен на основе датировки 1 к.г. Коврижки V. Соответственно, 1 культурный горизонт Коврижки V отнесен к раннему неолиту, около 8,5–8,0 тыс. кал. л.н.

В отношении 2 культурного горизонта пока нет сколько-нибудь определенных типологических оснований для суждений. Интересен сам возраст этого комплекса. В хронологическом интервале 9-10 тысяч лет назад это пока единственный, хотя и переотложенный материал. В этом может быть его научная востребованность на сегодняшний момент.

4.5. Коврижка I

Первые археологические материалы на Коврижке I обнаружены автором в 1995 г. Тогда была собрана первая коллекция подъемного материала с пляжа (Тетенькин А.В., 1996, с. 130–140). В последующие годы эта коллекция дополнялась.

С целью определения стратифицированной позиции залегания пляжных культурных остатков на 1-й надпойменной террасе, имеющей высоту 9–11 м, поиск велся шурфовочными работами. Наиболее информативным оказался шурф-пикет 3, где было выявлено многослойное залегание артефактов. Он является основной раскопной площадью пункта Коврижка I.

Шурф-пикет 3, заложенный в пределах пункта Коврижка I, расположен в пришовной внутренней части 1-й надпойменной террасы на 10,9 м высоты от уреза воды р. Витим, в 60 м от кромки воды Витима (рис. 108). Общая раскопанная площадь – 15 кв. м. Шурф-пикет ориентирован по линии СЗ-ЮВ, перпендикулярно р. Витим.

Стратиграфия шурф-пикета приведена по юго-западной стенке (рис. 181.3):

Таблица 2

№	О т л о ж е н и я	Мощность, м
1.	Дерново-почвенный горизонт	0,14-0,26
2.	Углистая, ярко-черная средняя супесь	0,03-0,16
3.	Бледно-оранжево-желтые, серо-желтые легкие супеси ожелезненные слоистые, криогеннодеформированные, разорванные, с углистыми прослойками толщиной до 0,04 м, содержащими линзы детрита. Слоистость прослоек нечеткая вследствие размывости. В средней части слоя - углистой прослойке зафиксирован 1 культурный горизонт. Ниже 1 к.г. на 50 см найден скребок – 1А культурный горизонт. Мощность – 0,48–1,10 м.	
4.	Серая криогенно деформированная супесь неяснослоистая с пятнами ожелезнения, углистыми прослойками толщиной до 0,04 м, с включениями мелких плоских галечек углистого сланца, лежащих плашмя,	

размером до 0,008 м. В приподошвенной части найдены 3 отщепы – 1Б культурный горизонт. Мощность – 0,35–0,60 м.

5. Культуросодержащий (2 к.г.) криогенно деформированный серовато-розовый песок. В кровле его на контакте со слоем 5 - углистая прослойка, содержащая также детрит. Мощность прослойки – 0,01 м. Мощность – 0,10–0,50 м.

6. Светло-серый песок, криогенно деформированный, с нарушенной вследствие этого слоистостью. Мощность – до 0,60 м и более

7. Светло-темно-серый неяснослоистый криогеннодеформированный песок с включениями угля, с линзами темно-серого угленасыщенного песка. В одной из них залегал нуклеус - 3 к.г. Мощность – до 0,35 м и более

Общая глубина вскрытых шурф-пикетом рыхлых отложений – 2,10 м. На глубине 1,25 м зафиксирована кровля многолетней мерзлоты.

Возраст культуровмещающей углистой прослойки 1 к.г. – 2800 ± 140 л.н. (ГИН-9003). Учитывая склоновый золово-делювиальный характер отложений литологических слоев 3-4, прерывистость культуровмещающих прослоек, характеризующую их растащенность, вертикальное и наклонное положение находок и их единичность, должен быть сделан вывод о том, что верхние – 1,1А и 1Б уровни залегания культурных остатков образованы в результате сноса артефактов склоновыми процессами с вышележащих отметок. Литологический слой 5, вмещающий 2-й культурный горизонт, имеющий относительно большую, 0,08-0,20 м, мощность, внутренне монотонный, в общем смысле непереотложенности инситу данному пункту дислокации. Его деформация, по-видимому, имеет сложную природу склонового сноса, промоины и криогенного нарушения. В составе отложений выявлена раковина *Ostracoda* (определение С.М. Поповой, Институт земной коры СО РАН). По углю получены даты 6095 ± 135 (СОАН-4245), 5945 ± 90 л.н. (СОАН-4545). Им соответствует калиброванный возраст около 6974–6782 л.н. (таблица 1). Единичные пока находки культуросодержащего уровня 3 залегают в верхах

пойменного аллювия 9-11-метровой террасы Коврижки. Исследование этих культуровмещающих отложений осложнено положением ниже границы многолетней мерзлоты.

1-й культурный горизонт представлен тремя отщепами из порфирита. Два из них апплицируются. Расстояние между ними - 1,58 м. Вектор разноса артефактов - вниз по склону, субперпендикулярно Витиму.

В 1А культуросодержащем уровне найден скребок концевой из серого яшмовидного кремня (рис. НВ-К1-вещи.6). В 1Б культуросодержащем уровне зафиксировано три отщепа из темно-серого аргиллита.

2-й культурный горизонт залегает в серовато-розовом песке (слой 5), криогенно деформированном - втянутым в трещину. Материал фиксировался в самой трещине и на ее плече. Ниже этого слоя 5 залегает серый среднезернистый песок аллювиального генезиса, насыщенный мелкой плоской галечкой диаметром около 1 см, отложение которой можно наблюдать на современных песчаных береговых линиях.

Коллекция 2 к.г. состоит из 2 боковых скребел, 4 скребков, 1 комбинированного орудия, 5 целых призматических пластин и фрагментов, отщепов.

Одно скребло (рис. 182.12) изготовлено из гальки конгломерата вытянутой, узкой формы. Лезвие боковое, оформленное крутой крупной ударной и дооформлено мелкой краевой ретушью. находка этого изделия важна как аргумент для увязки с серией галечных орудий – тесел и топоров – из пляжа. Другое скребло (рис. 182.10) изготовлено из первичного крупного порфиритового отщепа. Лезвие боковое, выпуклое.

Скребки концевые (рис. 182.7-9). Два из них апплицируются друг с другом. Первоначально это был один концевой скребок на пластине длиной 6,1 см и шириной 2,1(рис. 182.8). Лезвие оформлено на дистальном конце. Левый маргинал пластины у проксимального конца подретуширован (притуплен) краевой ретушью и на 2/3 длины имел негативы мелкой рабочей ретуши. Очевидно, при использовании скребка он был сломан пополам, судя

по направлению облома с вентрального фаса. Затем оставшийся проксимальный фрагмент пластины был вновь отретуширован как концевой скребок. Третий скребок (рис. 182.7) изготовлен и краевого скола из коричневого аргиллита. Четвертый скребок представлен обломком - головкой скребка, изготовлен из кремня (рис. 182.9).

Комбинированное орудие (рис. 182.11) из порфирита изготовлено из бифаса, преформой которого, в свою очередь, служил крупный отщеп. Изделие можно описать как клиновидный нуклеус на начальной стадии расщепления, но тщательная отделка лезвий – ребра ударной площадки, контрфронта кия, ребра дистальной части фронта скалывания, негативы рабочей ретуши – позволили предполагать, что прежде изделие использовалось как скребловидно-долотовидное орудие. Торцовые снятия завалены на один из фасов и представлены двумя негативами снятия пластин и одним коротким негативом неудавшегося скола.

В 3-м культуросодержащем уровне найден нуклеус торцовый (рис. 182.13). Преформой послужил крупный галечный скол, рассеченный поперек, в результате чего была образована ударная площадка. Затем без всякой дальнейшей предварительной подготовки с одного из торцов было начато пластинчатое скалывание. Фронт нуклеуса скошен на левую латераль - вентральный фас скола-преформы.

Анализ аргиллитовых артефактов из 2 культурного горизонта.

Специальному исследованию были подвергнуты найденные во 2 к.г. артефакты из коричневого аргиллита, в том числе три скребка (рис. 182.7,8) (Тетенькин А.В., Ветров В.М., Демонтерова Е.И. и др., 2018). Памятники на Витиме, где были встречены артефакты из этой породы, весьма немногочисленны. Среди них Большой Якорь I, Старый Витим II, Ветвистый и Усть-Каренга XVI (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2005, с. 100; 2010, с. 216; Ветров В.М. и др., 2007, с. 108). Хронологически наиболее близким 2-му культурному горизонту Коврижки I является комплекс Усть-Каренги XVI, который стратиграфически может быть отнесен к атлантическому периоду.

Типологически он принадлежит усть-каренгской неолитической культуре. Изделия из аргиллита там были встречены в скоплении в искусственных ямах 1 и 2 и интерпретировались В.М. Ветровым как ритуальный комплекс (Ветров В.М., 2008а, с. 28–30). На основе рентгенофлуоресцентного анализа установлено тождество химического состава породы аргиллита, из которой сделаны артефакты Ковриэки I Усть-Каренги XVI (Тетенькин А.В., Ветров В.М., Демонтерова Е.И. и др., 2018, с. 18–20). Подробно этот сюжет разобран в главе «Донеолитические памятники Верхнего Витима».

Связь по субстрату между археологическими местонахождениями верхнего и нижнего течения Витима установлена впервые с привлечением физических методов исследования артефактов. Датируется этот эпизод возрастом около 6,0 тыс. рад. л.н. / 7,0–6,7 тыс. кал. л.н. Расстояние по реке – около 700 км. Новые открытые материалы интерпретированы как *свидетельства существовавших в эпоху раннего неолита контактов обитателей верхнего и нижнего Витима.*

Второй важный вывод следует из сходства химического состава аргиллитов из разновременных комплексов Ковриэки I (2 культ. гор.) и IV (6 культ. гор.) и пемзы из Ковриэки III (культ. гор. 2) и Усть-Каренги XVI. Эти данные мы рассматриваем как свидетельства многократной эксплуатации обеими группами населения с верхнего и нижнего Витима одних и тех же, локально близких друг другу источников ресурсов в течение длительного времени конца плейстоцена – среднего голоцена.

Тема коммуникаций древнего населения, места обитания которого отстоят друг от друга на десятки, а то и на сотни километров не нова, но до сих пор в истории и археологии остается чрезвычайно интересной и актуальной (Вулканические стекла ..., 2000; Feblot-Augustus J., 2006, p. 451; Smith H.L., Rasic J.T., Goebel T., 2013; Pitulko V.V. et al., 2019, p. 41). Одним из направлений в получении информации в этой области знаний является прослеживание связей по линии археологический памятник – источник сырья, предпочтительно на базе редкой, экзотической породы для входящего в

определенный район археологического объекта. Достижением в этом плане следует считать совпадение параметров аргиллитов из Коврижки I и Усть-Каренги XVI, расстояние между которыми только по Витиму около 700 километров. При допущении иных путей перехода через горно-таежную зону это расстояние увеличивается в разы. И в том, и в другом случае большое значение имеет наличие промежуточных археологических объектов, в которых бы присутствовал аналогичный материал. Пока к таковым относится лишь стоянка на ручье Ветвистый, правом притоке р. Мудириккан, впадающей в р. Муя, левый приток Витима (Ветров В.М. и др., 2007).

Пляжный материал

На пляже протяженностью около 200 м была собрана коллекция подъемного материала, включающая в себя 1 концевой скребок, тесла с перехватами – 5 ед., тесла без перехватов – 4 ед., чопперы – 2 ед., топоры – 2 ед., фрагменты рубящих орудий – бифасиальный – 1 ед., унифасиальный – 1 ед., скребла – 3 ед., нуклеусы призматические – 2 ед., призматическая пластины – 2 ед., молот с перехватом, выполненным в пикетажной технике – 1 ед., сколы различной морфологии – 31 ед. (рис. 183, 184). Керамики в подъемном материале обнаружено не было (Тетенькин А.В., 2010, с. 72–73).

Пляж является подножием к 1-ой террасе, содержащей пункты Коврижка I и V. Оба памятника многослойны. Соответственно, формально пляжные материалы могут быть результатом палимпсеста всех существующих культурных комплексов.

Большинство изделий с пляжа представляют собой галечные рубящие орудия – тесла и топоры (рис. 184). Имеющим выраженную культурно-хронологическую определенность здесь является тип тесел с перехватом. Наиболее раннее их появление отмечено в финально-сартанских комплексах Канско-Рыбинской котловины (Абдулов Т.А., Генералов А.Г., 1993). В Прибайкалье тесла с перехватом характерны для среднего – финального мезолита (Горюнова О.И., 1991, с. 64; Медведев Г.И. ..., 1971б, с. 108). На запад они распространены в мезолитическое время до Енисея (Усов П.А. и др.,

1992), на северо-запад до нижнего течения Ангары (Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И., 1988, с. 137). На Северном Байкале тесло с перехватом представлено в мезолитическом горизонте Курлы IV (Абдулов Т.А., 1991, с. 57). На Верхнем Витиме тесла с перехватом характерны для позднего этапа усть-каренгской неолитической культуры, в геологическом выражении – в атлантическом времени – 8000-4500 рад. л.н. (Ветров В.М., 2011, с. 176). В Якутии исследователи не отмечали отдельно тесла с перехватом, выделяя как характерный признак сумнагинской культуры топоры с «ушками» (Мочанов Ю.А., 1977, с. 245). В материалах экспозиции сумнагинской культуры археологического музея Центра арктической археологии и палеоэкологии человека АН РС(Я) тесел с перехватом нет. Однако в материалах стоянок юго-западных районов Якутии, приграничных с Байкало-Патомским нагорьем, несколько тесел с перехватом встречено. В частности, на Олекме Н.А. Алексеевым отмечается одно тесло с перехватом в V мезолитическом комплексе стоянки Курунг II (Алексеев, 1987, с. 97). Тесла с перехватом автору довелось увидеть в 2005 г. в материалах стоянки Малопатомская (Музей археологии и этнографии ЯГУ). К сожалению, они еще не опубликованы. Исходя из этого, северо-восточную границу распространения тесел с перехватом в ранне-среднеголоценовое время следует намечать где-то в юго-западной части Якутии в бассейнах рек Олекмы, Средней Лены. В неолите Прибайкалья на смену этому типу рубящих орудий приходят шлифованные изделия. Неолит же усть-каренгской культуры характерен отсутствием шлифованных тесел и топоров (Ветров В.М., 1990, 1992). В неолите Якутии также появляются шлифованные топоры и тесла. Помимо топора из подъемного материала с пляжа Коврижки I на Нижнем Витиме известен еще один случай пришлифовки поверхностей топора, оформленного ударной ретушью (оббитого). Это топор «с ушками» из подъемных сборов с местонахождения Каколда, хранящийся в Бодайбинском краеведческом музее.

Конический и цилиндрический нуклеусы, концевые скребки из призматических пластин, а также молот-пест являются формами, существовавшими в Якутии в течение всего голоценового времени в составе всех – от сумнагинской до усть-мильской – культур, также представлены и на Верхнем Витиме в усть-каренгской и усть-юмурченской культурах, и датирующими типами не являются. Единым для всех отличительным типологическим признаком является то, что морфологически эти вещи не относятся к дюктайской (верхнепалеолитической в этом смысле) культуре. Примечательно наличие тех же типов изделий – тесло с перехватом, призматический цилиндрический нуклеус, молот с перехватом – в подъемном материале местонахождения Инвалидный III, в 6 км выше по течению. На Инвалидном III – пункте 2 тесло с перехватом было найдено в 1 к.г., имеющем радиоуглеродную дату 8925 ± 140 л.н. (СОАН-4884) (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2005, с. 98). Это первый подобный датированный артефакт в северо-восточном углу ареала их проявления.

Наконец, в 2016 г. на местонахождении Коврижка IV в слое, в 1 культурном горизонте было найдено первое тесло с перехватом (рис. 156.16). Находка расположена в непосредственной близости пункт Коврижка I от пункта Коврижка IV отделен небольшим ложком, они оба находятся на 9-11-метровой террасе. Тесло было найдено в подпочвенной оранжевой супеси на глубине около 20 см от дневной поверхности. В принципе, как это было показано выше, в разделе, посвященном Коврижке IV, нахождение в подпочвенной супеси мало что дает для датирования, поскольку, как мы знаем, хронологический диапазон накопления этих склоновых отложений широк, и он захватывает и конец плейстоцена. Поэтому неизбежна компрессионная ситуация наложения разновременных культурных остатков.

4.6. Радиоуглеродная хронология и стратиграфия культурных горизонтов

Коврижки I–V: реконструкция истории обитания.

Этап обитания I

Наиболее ранние следы обитания людей в урочище Коврижка обнаружены на местонахождении Коврижка IV, на 11-метровой террасе (этап обитания I) (рис. 108). Четырнадцать культурных горизонтов залегают в отложениях пойменной фации аллювия возрастом около 19,2–17,9 тыс. кал. л.н. Пойменный аллювий разбит на две пачки, состоящие из ритмично- и горизонтально слоистых песков, супесей и алевроитов мощностью слойков – 0,1–0,4 м (рис. 110, 111, 112). Первая пачка содержит в верхней части 3А, 3Б, 4, 5, 6 и 7 культурные горизонты. На части террасы она уничтожена береговой паводковой эрозией, случившейся около 18,9–18,7 тыс. кал. л.н. На размыв наложена следующая пачка пойменного аллювия, в составе которой выявлены культурные горизонты 2/1, 2А, 2Б, 2В, 2Г, 2Д, 3/1, 3/2. Судя по линии размыва, видимой в разрезе, это была нормальная береговая эрозионная кромка. Вместе с 14-ю горизонтами она свидетельствует о предпочтении обитателей в выборе места для поселения, практически, у самой береговой кромки, на речном пляже. Безопасно селиться долговременно здесь можно только во время года с нулевой паводковой активностью – с осени по раннюю весну. На основе определения по углям пород деревьев, сделанных А. Анри определено преобладание в локальной растительности кустарниковой ивы с небольшими вкраплениями карликовой березы, можжевельника, лиственницы. По зубам А.М. Клементьевым определены снежный баран и лось. Снежный баран, вероятно, мог быть добыт наскальных прижимах мыса Коврижка и прилегающей части борта долины. Лось, как обитатель лесных ландшафтов, свидетельствует о наличии лесных рефугий. В целом, это время характеризуется как холодный климатический этап конца последнего ледникового максимума с преобладанием тундростепного ландшафта с островками лесной растительности. Наличие среди AMS-дат по Коврижке IV двух дат для 2Г культ. гор. возрастом ок. 35,2–35,0 тыс. рад. л.н., вероятно, свидетельствуют о сборе обитателями принесенного паводками плавника погребенных деревьев каргинского (MIS 2) возраста.

Этап обитания II

Следующий этап (этап обитания II) обитания Коврижки состоялся около 14,3–12,1 тыс. кал. л.н., время соответствующее позднему дриасу – раннему аллерёду. Он начинается высокими подъемами витимских паводков, перекрывавших эпизодически уровень нынешних 22-метровой и 17–19-метровой террас и формировавших на них пойменную фацию аллювия (рис. 158, 173). Уровень 22-метровой третьей надпойменной террасы испытывал паводковую нагрузку в меньшей степени, чем уровень 17–19-метровой террасы. На нем раньше начались субаэральные процессы осадконакопления, после 13,4–13,0 тыс. кал. л.н. лишь изредка прерываемые экстраординарными паводковыми событиями и сопровождающими их паводковыми горизонтами и горизонтами смыва. На третьей террасе появляется первое на этом местонахождении Коврижка III поселение – 3-й культурный горизонт, датированный ок. 13,4–13,0 тыс. кал. л.н.

На участке Коврижка II, на уровне нынешней 17–19 м террасы, витимские паводки формировали пойменную фацию аллювия (рис. 173). К ним приурочен 5-й культурный горизонт возрастом ок. 13,5–12,7 тыс. кал. л.н. Он представляет собой кратковременный эпизод обитания в виде очага с малочисленными культурными остатками за ветровым заслоном скальной стенки останца обтекания. Интенсивные витимские паводки в этот период, вероятно, смыли на Коврижке IV отложения, которые могли накопиться после 18 тыс. рад. л.н. С этой же фазой высоких и мощных витимских паводков связан перерыв осадконакопления на местонахождении Большой Якорь I. На этом памятнике пачка субаэральных отложений поздне-, среднеголоценового возраста залегает на отложениях пойменной аллювиальной фации финальноплейстоценового возраста. Последний культурный горизонт в данной пачке, 3А к.г., имеет дату ок. 13,7 тыс. кал. л.н. Следовательно, паводковая фаза и смыв были начаты позднее этого возраста.

Вскоре за событием обитания людей на стоянке 5-го культурного горизонта Коврижки II произошел врез реки. Паводковые подъемы уровня воды прекращаются. Начинается формирование субаэральные склоновых

отложений, в частности, на участке Коврижки IV, на 11-метровой террасе (рис. 110, 111). Они сформированы процессами делювиально-солифлюкционного генезиса. В подошве светло-зеленых супесей заложена генерация криогенных трещин, образующих полигональную сеть. На участке Коврижка IV вновь возникает стоянка 2-го культурного горизонта. Ее артефакты перекрыты растащенным слоем погребенной почвы, ярко-темно-коричневой супеси, богато насыщенной древесными углями. Возраст этих углей – ок. 13,3–13,1 тыс. кал. л.н. Несколько позднее на 3-й террасе существовала стоянка 2 культурного горизонта Коврижки III, ок. 12,9–12,1 тыс. кал. л.н. Судя по читаемым стратиграфически и датированным радиоуглеродным методом верхнему и нижнему уровню 2 культурного горизонта, в рамках его выделения наложено несколько эпизодов обитания (рис. 158). В целом, во втором хронологическом интервале обитаемы были все три террасовых уровня. Паводковая фаза состоялась, примерно около 13,5 – 13,3 тыс. кал. л.н. / 11,7–11,5 тыс. рад. л.н. и завершилась эрозионным врезом и развитием субаэральных покровных отложений на прежде периодически затапливаемых уровнях.

Этап обитания III

Новая фаза высоких паводков имела место в раннем голоцене. Судя по стратиграфии Коврижки V, на ее участке нынешней 1-й, 10–11 метровой террасы шло формирование пойменных аллювиальных отложений вплоть до времени близкого возрасту 1-го культурного горизонта, ок. 8,3 тыс. кал. л.н. (рис. 181.1). Эти пойменные отложения погребают артефакты 2-го культурного горизонта Коврижки V, ок. 11,8–11,2 тыс. кал. л.н. В это время на Коврижке IV, на ее участке ныне 11-метровой террасы преобладал смыв над осадконакоплением, отмеченной паводковой линзой серо-желтой супеси над растащенной погребенной почвой (рис. 111: паводковая эрозия 2). На Большом Ягоре I, по-видимому, смыв этой фазы наложился на предыдущий, финальнопалеолитический, поскольку голоценовые отложения, примерно одновозрастные 1-му культурному горизонту Коврижки IV и V, ложатся

прямо на пачку пойменных аллювиальных отложений возраста 15,6–13,2 тыс. рад. л.н.

Паводки этого периода регулярно перекрывали уровень нынешней 17–19-метровой террасы, в активной фазе устроив перерыв в осадконакоплении, смыв отложения, которые могли быть накоплены после 12,7 тыс. кал. л.н., и в фазе затухания формировавшие пачку пойменного аллювия раннеголоценового возраста, включившую остатки 3, 4 и 4А культурных горизонтов Коврижки II, ок. 9,5–8,6 тыс. кал. л.н. (этап обитания III) (рис. 173).

В это время 22-метровая терраса Коврижки III почти не затрагивалась этими паводками. Лишь единожды в разрезе фиксируется линза паводкового смыва, отделившая 1А от 2-го культурного горизонта (рис. 158). 4А культурный горизонт Коврижки II и 1А культурный горизонт Коврижки III, практически синхронны в возрасте ок. 9,5–8,6 тыс. кал. л.н. В них есть однотипные артефакты, выступающие в роли маркеров культурной и деятельности близости этих комплексов, однако общий облик индустрии этих горизонтов различный. 3, 4 и 4А культурные горизонты Коврижки II имеют дюктайский палеолитический облик индустрии, основанной на эксплуатации местного галечного сырья. 1А культурный горизонт Коврижки III имеет мезолитический, сумнагинский облик, и его каменное производство основано на использовании импортного, приносного сырья – кремня, вулканического сырья, аргиллита. Вероятно, и сырьевые, и технико-типологические отличия, с одной стороны, и разные уровни поселения, на 2-й и на 3-й террасе, связаны с сезоном обитания – осенне-зимне-весенним и летним паводкоопасным, соответственно.

Этап обитания IV

После 8,7 тыс. кал. л.н. (после времени 3 культ. гор. Коврижки II, 9,4–8,7 тыс. кал. л.н.) произошел врез Витима, его паводки больше не достигали уровня 11-метровой нынешней 1-ой террасы. Соответственно, наконец, из пойменной фазы вышли обе – 10–11 и 17–19-метровые террасы. На всех уровнях развиваются субаэральные склоновые отложения (рис. 111, 158, 173,

181.1). В это время складываются 1-е культурные горизонты Коврижки IV и V, ок. 8,6–8,0 тыс. кал. л.н., 2-й культурный горизонт Коврижки I, ок. 7,3–6,6 тыс. кал. л.н., и уровни 1, 1А и 1Б залегания культурных остатков в отложениях склонового сноса Коврижки I. Это – эпоха раннего неолита, этап обитания IV.

4.7. Основные итоги изучения археологического ансамбля местонахождений Коврижка I–V.

Исследование группы стоянок Коврижка I–V позволило установить, что этот участок долины был периодически обитаем в течение более 10 000 лет, примерно, 19–6 тыс. л.н. Эту историю обитания мы разделяем на 5 этапов: **этап 1** – 19–18 тыс. л.н.; представлен 2/1, 2А, 2Б, 2В, 2Г, 2Д, 3/1, 3/2, 3А, 3Б, 4, 5, 6, 7 к.г. Коврижки IV; **этап 2** – 13,5–12,1 тыс. л.н.; представлен 5 к.г. Коврижки II, 2 и 3 к.г. Коврижки III, 2 к.г. Коврижки IV; **этап 3** – 11–9 тыс. л.н.; представлен 3, 4, 4А к.г. Коврижки II, 1, 1А к.г. Коврижки III, 2 к.г. Коврижки V; **этап 4** – 8–6 к.г.; представлен 2 к.г. Коврижки I, 1 к.г. Коврижки IV, 1 к.г. Коврижки V; **этап 5** – после (моложе) 6 тыс. л.н.; представлен 1, 1А, 1Б к.г. Коврижки I.

В течение 25 лет изучения Коврижки I–V менялось значение вклада в археологию Нижнего Витима. Открытие в 1995–2003 гг. археологических комплексов палеолитического, дюктайского облика раннеголоценового возраста на Коврижке II впервые показало феномен существования таких ассамбляжей в раннем голоцене, переживание этих культурных традиций рубежа голоцена – плейстоцена. Исследования в 2003–2012 гг. Коврижки III, в первую очередь, дали представления о финальном палеолите рубежа плейстоцена вслед за временем обитания стоянок изученного многослойного памятника Большой Якорь I. Четырнадцать нижних культурных горизонтов Коврижки IV в 2012–2020 гг. впервые для бассейна Витима открыли культуру позднего верхнего палеолита второй половины последнего ледникового максимума. Открытие в 2018 г. керамики на Коврижке IV позволило обоснованно выделять начало неолита на Нижнем Витиме. Многие сюжеты археологического изучения на Коврижке I–V были подняты впервые для

археологии Северного Прибайкалья – такие как строительство жилищ, обработка строительных каменных деталей, доставка на стоянку с расстояний в сотни километров охры, пемзы, аргиллита, искусство в лице бивневой антропоморфной фигуры и подвесок, вертикальная культурная трансляция, превышающая 1000 лет. В этом совокупном смысле ансамбль Коврижка I–V стал опорным для археологии Северного Прибайкалья. Изучение Коврижки I–V продолжается.

5. Нирякан I

Местонахождение Нирякан I (рис. 84) расположено в среднем течении реки Мама в межгорной котловине. Левый борт котловины Мамы здесь высокий и крутой, прижимистый. Правый борт котловины примыкает к водоразделу Мамы и Большой Конкудеры. Правый борт котловины хорошо террасирован: выделяются высокая пойма высотой 3-5 метров с заболоченной поверхностью позднеголоценового времени. Затем 6-8-метровая терраса фиксируется в устье рч. Нирякан и Грамдани. Основное тело террасы сложено ритмичнослоистыми песками аллювиального генезиса. Поверхность террасы сухая и занята сосновым и лиственничным лесом. Следующая терраса, на которой расположено местонахождение Нирякан I, имеет относительную высоту 25–26 м над урезом р. Мама. Терраса примыкает к террасовидному геоморфологическому телу с 40-метровыми отметками, которое хорошо прослеживается вдоль обоих бортов долины Мамы на описываемом участке.

Участок террасы, на котором расположен Нирякан I, является правым приустьевым при впадении рч. Нирякан в р. Мама, ныне отстоящим на 0,57 км от берега Мамы. Непосредственно, территория ОАН Нирякан I с юго-запада и северо-востока, т.е. по мамскому фронту простирания длиной около 130 м, ограничена ложками, прорезающими террасу поперек и формирующими слабый перегиб.

Памятник был открыт Е.М. Инешиным (Иркутский государственный университет) в 1993 г. как стоянка с погребением эпохи раннего железного века (Инешин Е.М., 1995). В 2020 г. в ходе проведения спасательных работ

А.В. Тетенькиным на Нирьякане I был выявлен верхнепалеолитический комплекс культурных остатков – 2-й культурный горизонт.

Общая площадь раскопа с палеолитическими остатками (раскоп 2) составила 173 кв. м. В задаче изучения стратиграфии местонахождения был задокументирован поперечный профиль – юго-западная стенка раскопа длиной 19 м. В составе разреза заложен стратиграфический шурф глубиной 3 м. Шурф пробит на всю мощность песчаных отложений до галечника.

Выявлена следующая стратиграфия (рис. 185):

1. Современный почвенно-растительный горизонт, местами разрушенный техногенной деятельностью. Мощность – 0,05–0,25 м

2. Слой подзола, подстилающий дерн, проникающий вглубь по корням растений, в результате выворотов упавших деревьев, различных пертурбаций. Мощность – 0,01–0,25 м.

3. Супесь бледно-розовая – палевая, местами светло-красная, пирогенная, насыщенная корнями и углефицированными кусочками деревьев, с включениями дресвы и песчаных линз, пертурбированная почвенными процессами, жизнедеятельностью лесной растительности. Мощность – 0,02–0,30 м.

4. Супесь светло-оранжевая неслоистая, пертурбированная почвенными процессами, жизнедеятельностью лесной растительности, насыщенная корнями деревьев, с включениями дресвы и песка. Края кровли и подошвы рваные, прерываемые слоями 2 и 3. Мощность – 0,02–0,40 м. Из подошвы заложены криогенные трещины.

5. Песок светло-желтый, мелкозернистый, с включениями дресвы, неслоистый. Края кровли и подошвы рваные, слой прерываем вышележащими слоями. Мощность – 0,01–0,12 м.

6. Песок зеленовато-серый, неслоистый, мелкозернистый. Мощность – 0,10–0,25 м

7. Пески светло-серые тонко- и горизонтальнослоистые, мелкозернистые. Мощность – 0,20–0,25 м.

8. Песок зеленовато-серый, неслоистый, мелкозернистый. Цветность слегка темнее, чем у слоя 6. Мощность 0,20–0,24 м.

9. Пески светло-серые, горизонтально- и ритмичнослоистые, мелкозернистые. Мощность – 1,20–1,30 м.

10. Пески белесоватые, ритмичнослоистые, тонкозернистые. Мощность – 0,14–0,16 м.

11. Песок светло-желтый, ожелезненный, тонкозернистый. Мощность – 0,12–0,16 м.

12. Песок сизовато-серый, тонкозернистый, неяснослоистый. Мощность – 0,08–0,12 м.

13. Пески чередующиеся, темновато-серые и сизовато-серые, тонкослойчатые, тонкозернистые. Мощность – 0,44–0,48 м.

14. Пески светло-серые с тонкими сизо-серыми слоями. Мощность – 0,40–0,45 м.

15. Галечник слабоокатанный, в заполнении темно-серый песок. Порода камней – метаморфизированные сланцы, кварц.

Пачка отложений слоев 7-15 имеет аллювиальный генезис и представляет собой нормальную последовательность «галечник в подошве – пачка песков». Слои 5 и 6 – контактные, формировавшиеся в результате смены аллювиального режима осадконакопления на субэраальный, преимущественно эоловый. Имела место эоловая денудация (перевейвание) речных песков. Процесс субэраального осадконакопления, очевидно, имел сложный характер. Режим осадконакопления, по-видимому, сменялся денудацией. В результате почвообразования и различной степени аэрации в пачке слоев 5–6, верхний слой 5 окрашен в светло-желтый цвет, контакт между слоями 5 и 6 нечеткий. В истории формирования маломощного, в среднем до 0,5 м мощности, покровного чехла были многократные пертурбации отложений, обусловленные лесными пожарами, выворотами упавших деревьев, корневой деятельностью. В новейшее время верхняя часть

покровных отложений была нарушена во многих местах наблюдения маневрами бульдозерной – вездеходной тяжелой техники и вырубкой леса.

Из нижней части субэральных отложений (слои 4–5) заложены криогенные трещины, шириной до 0,20 м в устье. На внешнем склоне террасы в шурфе выявлено стратиграфическое несогласие – блок отседания.

Артефакты палеолитического, 2-го культурного горизонта залежали во всех отложениях слоев 2–5 и имеют природу вторичного, переотложенного залегания, судя по планиграфическому рисунку, простираемым с юго-востока на северо-запад. Расстояние от нуклеуса в пикете 1 – квадрате 1 до сбитого с него отщепы в пикете 4 – квадрате 14 - № 2 – 7,7 м, простираемое с юго-востока на северо-запад.

Найденные фрагменты костей различаются в своей сохранности. Кости из 1 культурного горизонта имеют относительно удовлетворительную сохранность. Во 2-м культурном горизонте сохранность костей плохая. В одном случае фрагмент кости имеет сохранность в виде органического седимента желтого цвета. Отправленный в Радиоуглеродную лабораторию Познанского университета (Польша) этот образец показал отсутствие в нем коллагена. В основном скоплении культурных остатков найдены фрагменты жженых костей, сохранившиеся благодаря карбонатизации неплохо.

Артефакты, отнесенные к 1-му культурному горизонту, залежали в подошве дерна, подзоле и в отложениях слоев 3 и 4 (бледно-розовой и светло-оранжевой супесях).

Ко 2-му культурному горизонту отнесены 576 единицы находок. В том числе отщепы 540 ед. (из них 235 ед. – чешуйки), пластины – 9 ед., нуклеусы – 7 ед., битые отдельности – 8 ед., орудия – 10 ед., гальки – 2 ед. 82% артефактов из метаморфизированных сланцев, 13% - из кварца. Комплекс остатков 2 культурного горизонта представляет собою растащенный склоновыми процессами шлейф переотложенного материала. Тем не менее, зафиксированы два скопления артефактов в пикете 5 – квадратах 11, 12, 13, 16, 17 (415 ед.) и в пикетах 11, 12, 14, 15 – в районе шурфа 6 (57 ед.). На их

периферии, на остальной площади раскопов плотность находок низкая – в среднем менее 1 ед. на кв. м. Артефакты фиксировались по всей мощности субаэральной пачки – в подпочвенном слое подзола, в светло-палево-розоватой супеси, в оранжево-желтой супеси, в светло-желтом песке в подошве субаэральной пачки, в трещине, на глубине 0,05–0,44 м от дневной поверхности. Пятно концентрации было выявлено в пикете 5 – квадратах 11, 12, всего – 400 единиц (74% всей коллекции). Здесь скопление артефактов имело максимальный разнос по вертикали 47 см, артефакты нижних уровней были затянuty в трещину. В этих обстоятельствах стратиграфическая позиция артефактов не может быть определяющей в их возрастной оценке. Основную роль в ней сыграли типологические признаки дебитажа – каменных орудий, сколов и нуклеусов. Определяющим общий облик ассамбляжа каменных артефактов обстоятельством стало низкое качество каменного сырья. Оно обусловило применение ударного расщепления нуклеусов радиального и субпараллельного принципа. Основной продукт каменного производства – отщеп случайной конфигурации.

Нуклеусов – 7 предметов. Два нуклеуса радиального принципа расщепления. Один из них веерный дисковидный, овальной формы (рис. 186.1). Длина – 12,2 см, ширина – 10,3 см, толщина – 5,3 см. Нуклеус имеет два фронта–фаса. Один фас плоский. Он оббит по всему периметру центростремительными снятиями. Боковые негативы короткие и широкие. Как минимум, негатив одного удлиненного снятия направлен с одного узкого конца. Ударная площадка для этого снятия оформлена по другому фасу короткими широкими сколами с ребра. Обследование периметра ребра нуклеуса показывает, что последние сколы были по этому, первому фасу – короткие поперечные и один большой продольный. В совокупности это указывает на леваллуазский принцип расщепления. В коллекции есть скол подтреугольной формы, снятый с этой же площадки, по этому же фронту, но принадлежащий более раннему циклу подготовки снятия и скалывания (рис. 186.10). Дистальная дуга окончания этого фаса обработана мелкими

короткими снятиями и является, в свою очередь, фасетированной ударной площадкой для снятий с противоположного фаса – второго фронта. Негативы этих снятий удлиненные, конвергентные в дистальном окончании (радиальные). Этот фронт можно охарактеризовать как веерный.

Второй радиальный нуклеус в остаточном виде имеет удлиненную форму. Контрфронт галечный, площадка оформлена только по краю ударного ребра. Снятия по всему периметру – центростремительные.

Еще с двух нуклеусов снятия коротких отщепов производились ударами поперек продолговатой формы. В одном случае это была уплощенная подчетыреугольная галька метаморфизированного сланца (рис. 186.14). Поперечным ударом получен скос, подправлен с краю мелкими снятиями, и с него уже как с ударной площадки произведены два отщеповых снятия. Второй нуклеус из кварца можно охарактеризовать как ситуативный, со снятиями, на разных гранях продольными и поперечными. С параметрами этого нуклеуса соразмерна двухгранная пластина из кварца длиной 6,9 см.

Три нуклеуса следующей группы могут быть охарактеризованы как торцовые или нуклеусы-резцы на узких, высоких отдельностях породы (рис. 186.12). Снятия с торца предопределяли форму – параллельную огранку пластинчатого снятия. Найден один такой сегмент пластинки с мелкими амортизационными следами на продольном крае (рис. 186.5).

Наиболее выдающимся орудием является остроконечник из пластины (рис. 186.13). Он имеет длину 9,0 см, ширину 5,0 см. Один продольный край имеет слабовогнутое тонкое ребро. Другой продольный край слабовыпуклый, обработан крутой краевой притупляющей ретушью. Дистальный край ретушью скошен, слабой выемкой выделен шип, обломанный на конце. На проксимальном окончании вентральный фас подтесан. В сумме изделие представляет, вероятно, комбинированное орудие – остроконечник+нож+скребло.

Наиболее многочисленная орудийная форма – скребки. Два скребка из кварца. Один из короткого отщепа (рис. 186.6), другой из расколотой повдоль

гальки (рис. 186.8) имеют округлое скребковое лезвие, в первом случае, занимающее более половины периметра (и скребок ногтевидный), во втором случае скругляющее край скола, другой его край дооформленный резцевидным коротким торцовым сколом, имеет шиповидное окончание.

Два скребка, или скорее, отщеп с ретушью имеют мелкую краевую ретушь на проксимальном и на дистальном конце (рис. 186.7). Один отщеп с ретушью, или скребок имеет краевую ретушь по вентральному фасу в дистальном окончании отщепа (рис. 186.4).

Другое изделие представляет собой почти симметричный двухгранный проксимальный сегмент пластинчатого снятия (длина сегмента – 2,1 см, ширина – 1,8 см) с тщательной мелкой краевой ретушью по обоим краям и, скорее, является базальной частью какого-то орудия (остроконечник, резец?) (рис. 186.2).

Крупные удачные отщепы имеют подтреугольную, пластинчатую с субпараллельной огранкой форму и форму отщепов, снятых с нуклеусов леваллуа или дисковидных, т.е. с радиальной огранкой (рис. 186.11). Один из подтреугольных отщепов имеет мелкую вторичную подработку в виде крутой ретуши на рудименте ударной площадки, нанесенной с ударного ребра и оформляющей край скребка, заканчивающийся на одном конце шипом (рис. 186.10). Другой отщеп несет следы мелкой краевой нерегулярной ретуши по одному из краев (рис. 186.11).

Еще один обломок с ретушированным краем напоминает, скорее, тесловидное лезвие: мелкая крутая короткая ретушь нанесена с необработанного галечного края.

Среди орудий наиболее диагностичным является трансверсальный резец (рис. 186.3). Тело резца оформлено крутой краевой ретушью. Резцовый скол нанесен с правого края на левый.

Общая характеристика индустрии 2 культурного горизонта

Несомненно, низкое качество каменного сырья наложило отпечаток на технико-морфологический облик всего ассамбляжа. Часть нуклеусов

ситуативна, есть простейшие форма поперечного расщепления удлинённых форм. Технологически наиболее сложный нуклеус демонстрирует леваллуазский цикл подготовки фронта к снятию отщепа, радиальный принцип расщепления, фасетированные площадки под контролируемое ударное скалывание. Ещё одна группа нуклеусов с торцовым снятием с удлинённых высоких форм, очевидно, позволяла получать узкие параллельно ограниченные пластинчатые снятия.

Скребки, ретушированные отщепы, комбинированное орудие-остроконечник из пластинчатого сырья дают примеры орудийного употребления продуктов этого каменного производства.

В совокупности это расщепление по технико-морфологическим признакам может быть оценено как среднепалеолитическое или ранневерхнепалеолитическое. Аналоги ему без труда мы находим в описании индустрий этих эпох, например, Горного Алтая (Рыбин Е.П., 2020).

Однако здесь кардинальную поправку на возраст даёт трансверсальный резец. В Северном Прибайкалье эта форма является «руководящей» для памятников финального палеолита / финального сартана. Резец аналогичен трансверсальным резцам палеолитических горизонтов Большого Якоря I на Витиме (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 216–219), 1 и 2 объединённых донеолитических горизонтов Курлы I–III на Северном Байкале (Шмыгун П.Е., 1981, рис. 2.2, 3; Молчанов Г.Д. и др., 2020), 8, 7 культурных горизонтов Усть-Каренги I–XVI на Витиме (Ветров В.М., 1995, с. 323; 2011, с. 175). Возраст существования этих стоянок – около 13–11 тыс. радиоуглеродн. л.н. / 16–13 тыс. календарн. л.н. Эти датировки приходятся на финальный палеолит археологической шкалы времени и на финальный сартан климато-стратиграфической шкалы.

В данном свете каменное производство имеет пережиточный облик и является примером использования архаичных технологических традиций адекватных низкому качеству доступных здесь пород камня. По-видимому, торцовое расщепление было заменой микропластинчатому производству с

клиновидных нуклеусов, известному нам для финального сартана (финального плейстоцена). Маркерный памятник Большой Якорь I имеет в своем составе нуклеусы отщепового производства радиального принципа (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, рис. 6.29.7).

Нами были отобраны два образца кости на радиоуглеродное датирование. До получения этих дат мы опираемся на типологически определенный возраст 16–13 тыс. календарн. л.н. Несомненно, радиоуглеродное датирование внесет коррективы в возрастную оценку этого ассамбляжа. По типологическим основаниям он должен быть оценен как финальнопалеолитический комплекс с адаптивными к низкокачественному сырью техническими приемами первичного расщепления среднепалеолитического – ранневерхнепалеолитического облика. Единообразие сырья, единый шлейф находок не дают достаточного основания предполагать смешанный характер 2-го культурного горизонта: как состоящий из ранне- и финально-верхнепалеолитического компонентов.

Значение открытия финальнопалеолитического комплекса местонахождения Нирыкан I состоит в том, что впервые в долине р. Мама получен статистически многочисленный, типологически представительный и хронологически определенный комплекс артефактов эпохи каменного века. Все предыдущие открытия на местонахождениях Мукадек II, Монюкан, Усть-Чукча в долине Мамы до сих пор имеют провизорный характер. Важное значение открытия финального палеолита на Нирыкане состоит еще и в том, что он указывает на обитание людьми среднего течения р. Мамы и в ее лице внутренних районов Байкальской части Байкало-Патомского нагорья в условиях длящейся еще финальной стадии оледенения.

6. Большая Северная

Стоянка Большая Северная (рис. 84) была открыта С.А. Федосеевой в июле 1973 года во время проводимой в долине Витима археологической разведки (Мочанов Ю.А., 1977, с. 206–209). Памятник дислоцируется на правом приустьевом участке реки Большая Северная, правого притока Витима

и приурочен к внешнему уступу 15-метровой надпойменной террасы. Подъемный материал собирался также на песчано-галечном бичевнике Витима и на перекопанной поверхности поймы. Культурные остатки залежали на глубине 15-18 см от дневной поверхности. Стратиграфия отложений стоянки следующая (Мочанов Ю.А., 1977, с. 206–209):

О т л о ж е н и я:

1. Дерн
2. Красновато-коричневая супесь. Мощность 0,12–0,15 м
3. Желтовато-коричневая супесь. В верхней части залегал культурный слой. Мощность 0,15–0,17 м.
4. Серый мелкозернистый песок

Раскопки носили ограниченный характер. Общая площадь составила 6 кв.м. Найдено всего 199 предметов, из них: 52 орудия на кремневых пластинах, 1 двойной концевой скребок на отщепе, 3 мелких призматических нуклеуса из кремня и халцедона, 117 ножевидных пластин, 13 микропластин, 3 кремневых отщепа, 1 диабазовый отщеп, 9 кремневых чешуек. Культурные остатки концентрировались вокруг очага, обложенного кварцитовыми и диабазовыми гальками и на прилегающих к нему участках.

Описание материала приведено по публикации Ю.А.Мочанова (Мочанов Ю.А., 1977, с. 206–209).

Нуклеусы представлены цилиндрическим одноплощадочным экземпляром, с которого сняты тонкие правильные пластины по всей окружности (рис. 187.21); цилиндрическим двухплощадочным экземпляром, с которого сняты пластины по всей окружности (рис. 187.20) и призматическим одноплощадочным односторонним экземпляром (рис. 187.31).

Призматические пластины имеют правильную огранку. Целых пластин – 16 ед. Их длина колеблется от 1,5 до 5,1 см. Целая микропластина 1, ее длина - 1,8 см. Ширина микропластин - 0,2-0,4 см. Ширина 60 ножевидных пластин – 0,5-0,7 см, 49 пластин – 0,71 - 1 см, 5 пластин - 1,1-1,5 см.

Почти все обнаруженные в слое орудия сделаны на кремневых ножевидных пластинах (42 экз.) и микропластинках (10 экз.). Орудия из пластин включают 4 концевых скребка (рис. 187.15,25,26,33), 5 угловых резцов (рис. 187.6,10,11,29), 1 двойной угловой резец (рис. 187.12), 3 однолезвийных ретушированных вкладыша на микропластинах (рис. 187.1,9), 25 неретушированных вкладышей на средних сечениях микропластин (рис. 187.2,3,13), 1 пластину со скошенным краем (рис. 187.14), 2 резчика (рис. 187.16), 1 комбинированное орудие, совмещающее лезвия резчика и долота (рис. 187.17).

Двойной концевой скребок на первичной кремневом отщепе имеет овальную форму. Краевой ретушью, направленной с брюшка на спинку, оформлены оба лезвия скребка, а у одного из них выработано приостренное "ушко" (рис. 187.35).

На основе имеющихся представлений о каменном веке Якутии и о признаках сумнагинской раннеголоценовой палеолитической культуры С.А.Федосеева и Ю.А.Мочанов отнесли стоянку Большая Северная к сумнагинской культуре с аналогиями в слоях IX – XX стоянки Белькачи I и в слое IV стоянки Усть-Тимптон (Мочанов Ю.А., 1977, с. 209).

Осмотр, проведенный Инешиным Е.М. и автором в 1995 г., не позволил выявить дислокацию памятника из-за интенсивной хозяйственной деятельности на территории поселка Большой Северный и прилегающих территориях. Последующие десятилетия работ на Нижнем Витиме показали роль стоянки Большая Северная как первого представителя группы археологических комплексов раннеголоценового возраста бескерамических, мезолитического облика. Их каменная индустрия базировалась на призматическом микропластинчатом расщеплении качественных, изотропных пород сырья: кремня, халцедона, аргиллита. Трасологические исследования, начатые на материалах стоянки Павлова, показали разнообразные функции в использовании микропластин. Роль и набор традиционных для финального палеолита орудий сократились до перечня из концевых скребков и галечных

рубящих орудий – типологически выраженных тесел и топоров. В эту группу помимо Большой Северной вошли Инвалидный III – пункты 2 и 3, Коврижка III – 1А к.г. По имени первой такой стоянки группа ансамблей получила название «ансамбли типа Большой Северной» (Тетенькин А.В., 2011, 2018, с. 184–185). При первом приближении, действительно, возможно соотнесение этих комплексов с сумнагинской культурой Якутии. Однако последующие работы показали «местные нюансы»: наличие тесел с перехватом, нехарактерных для Якутии, наличие признаков торцового микропластинчатого расщепления, сосуществование с комплексами палеолитического облика в раннем голоцене. Между 8 и 7 тыс. рад. л.н. именно в комплексах этого типа появляется керамика.

7. Павлова I

Первые артефакты на территории стоянки Павлова I были найдены А.В. Тетенькиным в борту оврага в июле 2012 г. В 2017 году им же был заложен разведочный шурф, выявивший культуросодержащий уровень в отложениях террасы. Памятник находится в 18 км ниже по течению от районного центра г. Бодайбо, на правом берегу р. Витим, на 8–9-метровой надпойменной аллювиальной террасе (рис. 84, 107). Терраса имеет прирусловой вал с превышением около 1,0 метра над тыловой и прибровочной частью, тело террасы рассечено поперечными ложбинами – промоинами временных водотоков.

В 2018 году на стоянке Павлова I Витимским отрядом им. В.М. Ветрова Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИРНИТУ проведены шурфовочные работы по уточнению границ памятника, ситуации залегания культурных остатков (Уланов А.А., Тетенькин А.В., 2019; Уланов А.А. и др., 2020).

В шурфах №1–3 на прирусловом валу простиранием более 50 метров выявлено залегание культурных остатков в двух уровнях: 1 культурный горизонт в подпочвенной коричнево-желтой супеси на глубине 0,16–0,30 см и 2 культурный горизонт в зеленовато-светло-бурой супеси в подошве

субаэральной пачки отложений на глубине 0,40–0,43 от дневной поверхности. На глубину до 2,10 м пройдены аллювиальные песчано-супесчаные отложения. Они представлены ритмичнослоистыми криогенно деформированными светло- и темно-серыми, оглеенными и ожелезненными прослойками с включениями углефицированных линз и слоев (рис. 188).

1-й культурный горизонт представлен находками 175 артефактов: 68 фрагментов микропластин и 8 пластинок из кремня, 21 кремневой отщеп, 59 кремневых чешуек, 2 фронтальных скола с нуклеусов, 1 реберчатый скол, 16 отщепов из крупнозернистой породы.

Во 2-м культурном горизонте выявлено углистое пятно – остатки кострища и выкладка из шести небольших камней в виде полукольца диаметром 7–8 см. К выкладке прилегали артефакты. В коллекцию артефактов входят два фронтальных скола с призматического нуклеуса из светло-розового кремня, оба с краевой ретушью по одному из продольных краев, 1 реберчатый скол, 32 микропластины, в основном, сегментированные, также из кремня серого, розоватого и темно-серого цветов, а также 27 отщепов и сколов из кремня и эффузивных пород камня. Всего – 62 единицы.

По углю из кострища второго уровня получена AMS дата 9630 ± 50 л. н. (Poz-106864), календарный возраст около 10955 л. н. По углю из подстилающей линзы углефицированной древесины в кровле аллювиальной пачки – дата 10220 ± 50 л. н. (Poz-106966). По морфологии и петрографии артефактов оба уровня залегания культурных остатков идентичны друг другу. Возраст 1 культурного горизонта оценивается как близкий датировке 2 к. г.

Артефакты обоих горизонтов представлены призматическими пластинками и микропластинами, фронтальными сколами с призматических нуклеусов, отщепами и чешуйками из кремня и окремнелых пород (рис. 190). С нашей точки зрения, разделение пластинок и микропластин принципиально в рамках настоящего исследования. К микропластинам, в данном случае относятся снятия, размеры которых составляют не более 50 мм в длину, 7 мм в ширину и около 2 мм в толщину. Кроме того, микропластины

характеризуются такими свойствами как стандартизация и регулярность снятий. Пластинки обладают большими размерами и меньшей регулярностью.

Выборка из четырех артефактов была отправлена на порошковый дифракционный анализ, проведенный к.г.-м.н. Е.В. Каневой (Институт геохимии СО РАН, г. Иркутск). Дано общее определение для образцов кремней – скрытокристаллический кварц, содержащий в различной степени примеси альбита, каолинита, кальцита, пирита (табл. 14) (Уланов А.А. и др., 2020).

Результаты трасологического анализа

Разведка показала два уровня залегания артефактов мезолитического облика, без керамики. Полученные две радиоуглеродные даты позволили отнести материал к началу голоцена. В группе памятников мезолитического, сумнагинского облика на Нижнем Витиме стоянка Павлова оказалась самой ранней. Масса найденных в раскопках призматических пластин побудила приступить к трасологическому анализу их.

Трасологическое направление исследований на Нижнем Витиме впервые начато Н.Н. Кононенко, работавшей на рубеже начала 1990-х гг. с материалами раскопок Е.М. Инешиным Большого Якоря I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010). В 2010-е гг. трасологией артефактов Коврижки IV стали заниматься Ж. Жакье (Университет г. Ренн, Франция) и Э. Говри Ру (Университет Лазурного Берега, Ницца, Франция) (Тетенькин А.В., Анри А., Жакье Ж., Клементьев А.М., Уланов А.А., 2016). При поддержке Э. Говри Ру и под общим руководством Г.Н. Поплевко (Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург) трасологическое исследование артефактов Павловой I провел А.А. Уланов (Уланов А.А. и др., 2020).

Трасологические исследования раннеголоценовой пластинчатой индустрии инициированы впервые в археологии Нижнего Витима. Однако актуальность интереса к функциональному анализу призматических пластин и микропластин может быть и шире рамок Витима, поскольку и в археологии Прибайкалья такие исследования ранее не проводились.

Давно и широко известен сформулированный Г.И. Медведевым тезис о микропластине как эквиваленте геометрического вкладыша мезолита (Медведев Г.И., 1978). Призматические микропластины как вкладыши охотничьего оружия, начиная с появления микропластинчатого производства на Красном Яру I и др. и заканчивая вкладышевыми орудиями в могильниках неолита, т.е. около 19–5 тыс. некал. л. н., также являются устоявшимся стереотипом восприятия (Медведев Г.И., 1966. С. 11. Рис. 8. 1–5, 9. 15–22; Медведев Г.И., 1978; Лынша В.А., 1980, с. 5; Базалийский В.И., 2012). Однако, научные шаблоны не только не отрицают, а, пожалуй, усиливают стремление к инструментальному – трасологическому исследованию пластин и, в конечном итоге, к верификации самих стереотипов.

Поэтому, не смотря на начальный еще, по сути, этап изучения стоянки Павлова, она интересна как самый ранний и становящийся одним из самых выразительных раннеголоценовых комплексов мезолитического облика на Нижнем Витиме, а трасологические исследования пластин и других продуктов пластинчатой индустрии этого круга стали первыми в региональной практике.

В коллекции 1-го культурного горизонта следы использования обнаружены на 39 артефактах. 31 артефакт определен как ножи по мясу (рис. 189.1-8,11,13-17,20-25,27), 1 как нож по мясу с двумя рабочими лезвиями + микроскребок (рис. 189.18), 1 как микроскребок (рис. 189.9), 2 проколки (рис. 189.28), 1 резчик (рис. 189.19), резчик-скобель и резчик-строгальный нож (рис. 189.12) 10 ножей по мясу имеют следы на обоих лезвиях пластин.

В 1 к. г. оба фронтальных скола с призматических микронуклеусов имеют следы использования (рис. 189.9-10). На первом следы присутствуют в дистальной части на дорсальном фасе (рис. 189.9). Фасетки амортизационной микроретуши имеют трапециевидную, квадратную и треугольную форму. В левой половине рабочего лезвия фасетки изолированы, в правой компактно примыкают друг к другу в один ярус. Направление фасеток перпендикулярное, сечение скалярное, реже отраженное. Глубина низкая, начало изогнутое, скругление межфасеточных ребер слабое. Внутри фасеток налегающая

тусклая, пятнистая, контрастная микрозаполировка. Таким образом функция орудия интерпретируется как скребок по кости/рогу. Изогнутое начало фасеток и отсутствие следов на вентральном фазе позволяет определить угол работы $\sim 90^\circ$.

Второй фронтальный скол представляет собой комбинированное орудие с двумя рабочими участками (рис. 189.10). Дистальный конец обломлен, грани скруглены, что позволяет определить функцию этого участка как проколку по шкурам. Второй рабочий участок локализован на углу схождения проксимальной части и левого маргинала. Следы представлены полулунными фасетками, перпендикулярными линейными следами и тусклой желобчатой заполировкой с глянецом. Таким образом этот рабочий участок интерпретируется как резчик по мягкому минеральному сырью.

Орудия на пластинках представлены несколькими категориями. Категория ножей для мяса, самая массовая, имеет следы в виде полукруглых и полулунных изолированных фасеток (рис. 189.10). Направление фасеток перпендикулярное, сечение отраженное, начало коническое, глубина большая. Промежутки между изолированными микрофасетками образуют «зубцы», окончание которых скруглены. Присутствует характерная «мясная» заполировка – умеренно яркая, обволакивающая, бугристая.

К другой категории относится пластинка, интерпретируемая как резчик по кости/рогу (рис. 189.19). Следы износа представлены изолированными полукруглыми, трапециевидными и треугольными фасетками. Направление фасеток диагональное. Сечение тонкое, в отдельных случаях скалярное, начало коническое, глубина крайне низкая. Заполировка распространяется не глубоко нитевидно вдоль рабочего лезвия.

Также на одной пластинке обнаружены следы использования в качестве проколки по шкурам (рис. 189.28). Следы представлены на дистальном перовидном конце пластинки. Амортизационная микроретушь в виде полукруглых, полулунных, реже трапециевидных фасеток, прилегающих друг к другу в один ярус, распространяется на обоих фазсах. Направление

диагональное, сечение тонкое, начало коническое, глубина низкая. Заполировка матовая. Следы неутилитарного износа в виде плоской яркой заполировки на этом орудии обнаружены в медиальной части дорсального фаса, на ребре пластинки. С наибольшей вероятностью они связаны с креплением пластинки в рукояти.

Единственное орудие на микропластине, не связанное с обработкой мяса, это резчик-строгальный нож (рис. 189.12). Следы использования локализуются на торце микропластины. Представлены тусклой пятнистой объемной микрозаполировкой и скруглением граней. Микрозаполировка распространяется от угла схождения боковых граней неглубоко. Таким образом, эта микропластина интерпретируется как орудие с продольной кинематикой для обработки кости/рога.

Кроме этого присутствует комбинированное орудие на микропластине с тремя рабочими участками, оба маргинала которого имеют следы разрезания мяса, а на дистальной части присутствуют следы скобления кости/рога (рис. НВ-Пав-вещи.18). Картина следов этого рабочего участка сходна со следами на фронтальном сколе, использовавшегося в качестве микроскребка по кости/рогу. Отличием является группировка фасеток микроретуши, в данном случае многоярусная.

В коллекции 2-го культурного горизонта следы использования обнаружены на 17 артефактах. Тринадцать из них определены как ножи для мяса, 5 из которых имеют два рабочих лезвия (рис. 189.29-35,39-40). Орудия для обработки кости/рога представлены 1 резчиком-скобелем (рис. 189.36). Присутствует 2 комбинированных орудия на микропластинах (рис. 189.37-38). В коллекции 2 к. г. присутствует одна категория изделий, отсутствующая в 1 к. г. – строгальный нож по дереву на реберчатом сколе. Об использовании в качестве орудия именно скола, а не преформы нуклеуса говорит топография следов работы (рис. 189.41). На вентральной поверхности они представлены амортизационной микроретушью. Фасетки имеют полулунную и полукруглую формы, расположены отдельно, нерегулярно. выступающие грани фасеток

сильно скруглены. На дорсальной поверхности отмечается глубоко распространяющаяся, плоская яркая заполировка, непрерывная на прикромочном участке. Яркость и глубина заполировки позволяют предположить ошкуривание свежей древесины в качестве функции.

Общее число артефактов со следами работы в 1 к. г. – 39, что составляет 22,41 % от общего числа предметов. Из них 30 (17,24 %) микропластины, 7 (4%) пластинки, 2 (1 %) фронтальные сколы без ретуши. Во 2-м культурном горизонте следы обнаружены на 17 артефактах, 27,42 % от общего количества. Из них 1 реберчатый скол (1,61 %), 2 фронтальных скола с ретушью (3,33 %), 14 микропластин (22,58 %). Превалирующей категорией для обоих горизонтов являются ножи для мяса. Полные данные о соотношении форм и функций, соотношению форм и обрабатываемого материала приведены в таблице №3. Таким образом можно заключить, что микропластины использовались для обработки всех категорий материалов (мясо, кость/рог, минеральное сырье, шкуры) за исключением древесины. Обнаружено пока лишь одно орудие, связанное с обработкой этого материала.

Обсуждение

Подавляющее большинство орудий из микропластин определено в функциях хозяйственной стояночной деятельности – работ по мясу, шкурам, кости, рогу, минеральному материалу (мягкому камню). Вероятный вопрос о том, что отнесенные к категории мясных ножей пластины могли быть вкладышами охотничьего метательного – ударного оружия, авторы допускают лишь частично, а частично снимают, в виду того, что существуют достаточно разработанные методики опознания таких вкладышей ударных орудий, описаны их трасологические признаки (Fischer A., Hansen P.V., Rasmussen P., 1984; Lazuén T., 2015). Трасологическими наблюдениями вкладыши-микропластины охотничьих ударных наконечников были выявлены Э. Говри Ру в 6 культурном горизонте Коврижки IV (ок. 19,0 тыс. кал. л. н.) и одним из авторов данной статьи в 3 к. г. пункта 2 – Инвалидного III (ок. 10,0 тыс. кал. л. н.) и в 1А к. г. Коврижки III (9,2 тыс. кал. л. н.). На стоянке Павлова пластины

с такими признаками не обнаружены. Таким образом, микропластины со следами утилизации в материалах стоянки Павлова были не вкладышами охотничьего оружия, а лезвиями стояночного набора орудий. Они полноценно демонстрируют, что в индустриях сумнагинского микропластинчатого облика имел место расцвет вкладышевой техники. Такие орудия использовались, практически, в большинстве сфер производственной деятельности. В комплексах палеолитического облика сартанского, или раннеголоценового возраста эти «домашние» производственные задачи решались морфологически разнообразными сколами с унифасиальной или бифасиальной обработкой и без таковой. На стоянках типа Большой Северной, и на Павловой, в частности, это разнообразие орудий исчезает. Следует отметить, что здесь, на Павловой были утилизированы в роли случайных орудий фронтальные и краевые реберчатые сколы с призматических микронуклеусов (рис. 189,9-10,39-41). Сам ресурс (кремь, скрытокристаллический кварц) является приносным для Мамаканского участка долины нижнего Витима. Можно предположить, что в условиях техники пластинчатого расщепления призматического микронуклеуса материал транспортировался в виде обработанных (пре)-нуклеусов, или галек и кусков кремня, которые были невелики в размерах. Ресурс расходовался экономно, и с этой точки зрения микропластинчатое расщепление было оптимальным. На ту же экономию указывает то, что в ряде случаев отмечены следы работы на обоих маргиналах микропластин, присутствуют комбинированные орудия, имеющие два и три рабочих лезвия.

Локализация рабочих участков позволяет выделить два варианта крепления микропластин в рукояти. Первый вариант параллельный, предполагает наличие паза, в который погружается часть микропластины. В качестве рабочего участка используется маргинал микропластины или пластинки. Вторым вариантом крепления, концевой, используется в случае, если в роли рабочего лезвия выступает дистальный или проксимальный конец микропластины (Уланов А.А. и др., 2020, с. 23). Микропластина находится на

центральной оси составного орудия, служит его окончанием. Противолежащий рабочему лезвию конец погружается в рукоять, фиксируется в полный обхват. В случае смещения микропластины с центральной линии составного орудия или неполного захвата противолежащего рабочему лезвию конца орудие не сможет осуществлять работу в поперечной кинематике. В особенности это касается орудий для сверления. Микропластины связаны, в том числе, и с охотничьим вооружением, однако на данный момент невозможно утверждать, что эта функция является основной.

Категорию резчиков-строгальных ножей с нашей точки зрения можно связать с изготовлением/обслуживанием пазовых вкладышевых орудий, поскольку значительная часть вкладышевых орудий, обнаруженных на территории Байкало-Патомского нагорья (местонахождения Большой Якорь I, к. г. 5, 6, 7) имеют паз U-образной формы сечения (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 6.19, 22, 24; 6.41, 5; 6.49, 1, 2).

О форме пазовых обойм можно судить лишь предположительно, экстраполируя знания об имеющихся в распоряжении археологов вкладышевых основ близкого, раннеголоценового возраста. Таковыми, например, являются стержневидные одно- и двухпазовые обоймы стоянки Белькачи I – слоя XX, пещеры Хайыргас, уплощенный однопазовый нож с рукоятью из 9А к. г. Усть-Хайты, разнообразные вкладышевые обоймы «объединенного», V мезолитического горизонта Усть-Белой (Мочанов Ю.А., 1977. Табл. 50.27; Степанов А.Д., Кириллин А.С., Воробьев С.А. и др., 2003. Рис. 5. 12, 6. 8–12; Медведев Г.И., Слагода Е.А., Липнина Е.А. и др., 2001, рис. 57.18, рис. 60.22,30).

Трасологическим изучением пластинчатой призматической индустрии стоянки Павлова впервые для района Нижнего Витима было продемонстрировано многоцелевое использование вкладышевых орудий и пластин-лезвий, причем не в охотничьем оружии, а в инструментальной работе с разнообразными материалами от мяса до мягкого камня. Важно отметить, что морфологически однообразные сегменты пластин дали весьма

разнообразную информацию о деятельности с ними, и в этом смысле «заговорили». Можно ожидать, что трасологический анализ позволит выявить функциональную вариабельность применения пластинок и микропластин, а за ними хозяйственную специфику стоянок этой внешне–морфологически однообразной группы.

8. Инвалидный III

Местонахождение Инвалидный III открыто в 1992 г. Е.М.Инешиным в результате осмотра уже известных археологических памятников Инвалидный I, II в связи с проводящимися там дорожно-строительными работами на трассе до г. Бодайбо. Оно располагается в 12 км ниже по течению р. Витим (к юго-западу) от райцентра г. Бодайбо, в 3 км ниже по течению от пригорода Колобовщина, на правом берегу р. Витим напротив устья р. Мамакан и пос. Мамакан, в районе паромной переправы через р. Витим (рис. 1, 2, 84, 191, 192). Памятник приурочен к 9-метровой надпойменной террасе, простирающейся сверху вниз по течению р. Витим от правого приустьевых мыса рч. Инвалидный до скального прижима в борту Витима. Исследования здесь проводились Е.М. Инешиным и автором многократно в течение 1992-2018 гг. Подъемный материал собирался на берегу р. Витим у подножия террасы, в промоинах и оврагах, в проделанных съездах к реке. В составе местонахождения Инвалидный III выделено три пункта.

8.1. Инвалидный III – Пункт 1

Пункт 1 находится в нижней по течению части археологического местонахождения Инвалидный III, в 775 м северо-западнее – ниже по течению от устья рч. Инвалидный, на участке причленения 12-метровой террасы к скальному прижиму. (рис. 191, 192).

Пункт 1 открыт Е.М. Инешиным в 2002 г. Раскопки на нем производились в 2002, 2003, 2009, 2010, 2011 гг. (Инешин, Тетенькин, 2005, с. 98–100). Выделено четыре уровня залегания культурных остатков: 1А, 1, 2 и 3. Стратиграфия отложений следующая (рис. 193.1):

Сверху вниз

1. Дерновый горизонт черной гумусированной супеси. Мощность 0,10–0,12 м.
2. Красно-бурая супесь. Мощность 0,02–0,06 м
3. Пачка светло-оранжевой супеси с прослойками коричневого плотного суглинка с включениями угля в виде примазок и растащенных прослоек в приподошвенной части. В составе слоя 1А культурный горизонт. Мощность 0,25–0,30 м
4. Суглинки светло-серый легкой и средней фракции с горизонтами оглеения, включениями детрита, приуроченными к кровле и подошве прослоев. Слоистость выражена в чередовании суглинистых прослоев с внутренней неясной слоистостью и прослоек светлого тонкозернистого песка. Мощность 0,08–0,28 м.
5. Прослойка супеси светлой, желтовато-серой, плотной, неяснослоистой. Мощность 0,20–0,30 м
6. Ритмично слоистые суглинки и пески желтовато-серого цвета с горизонтами оглеения в подошве и кровле прослоек; в нижней части пачки фиксируется черная тонкая прослойка суглинка, маркирующая кровлю горизонта размыва рыхлых отложений. В прослойках средней и нижней части пачки залегают 1 и 2 культурные горизонты. Мощность 0,20–0,24 м.
7. Пачка ритмично слоистых легких суглинков и песков желтовато-серого и голубоватого цветов с горизонтами оглеения и ожелезнения. Мощность 0,22–0,26 м
8. Пачка оглеенных суглинков в кровле и подошве и ритмичнослоистых серых песков в средней части. В подошвенной прослойке легкого суглинка зафиксирован 3 культурный горизонт. Мощность 0,12–0,18 м.
9. Прослой светло-серого песка со следами перемыва. Мощность 0,18–0,28 м.
10. Пески, переслаивающиеся, светло-серого и коричневатого-темно-серого цвета, слоистость выражена чередованием более мощных прослоев

темного песка и более светлых тонких песчаных прослоек; отмечаются горизонты оглеения. Мощность 0,67–0,70.

11. Слой светло-серого тонкозернистого песка. Мощность 0,08–0,10 м.

12. Пески, переслаивающиеся светло-серого и темно-серого цвета; слоистость выражена чередованием более мощных прослоек темного песка и более светлых тонких песчаных прослоек. В слое встречено залегание многолетней мерзлоты. Мощность 0,36 м и более.

Слои 1–3 имеют склоновый субаэральный генезис. Слои 4–12 являются отложениями пойменной фации аллювия.

Среди следов деформационных эпигенетических процессов можно отметить разрывы блоков отседания, амплитуда перепада которых, судя по западной стенке раскопа и по береговой врезке, достигает 8–11 см. Существенной положительной особенностью тафономии памятника является сохранность костных остатков, обеспеченная благодаря суглинистому характеру вмещающих прослоек.

1А культурный горизонт имеет дату 4825 ± 85 л.н. (СОАН-8841) и относится к эпохе неолита. Он характеризуется находками призматического микропластинчатого нуклеуса, обломков тесел, вкладышами, пластинами, отщепами.

1 культурный горизонт имеет даты 9130 ± 90 л.н. (ГИН-14697) (уголь), 9160 ± 120 л.н. (СОАН-5279) (уголь) и 6120 ± 70 (СОАН-5166) (кость) и относится к эпохе мезолита.

Значительная часть стоянки уничтожена береговой эрозией. Кроме того, какую-то разрушительную роль сыграли микроложбины эпигенетического характера, одна из которых пролегает в 10 м выше по течению от раскопа 1. Кромка берегового обрыва проходила через кострище. В раскопочную площадь (30 кв. м) попал уцелевший остаток этого кострища и прилегающая к нему периферия. В материале характерно преобладание костных остатков над единичными каменными артефактами. Среди костных остатков отмечается

наличие фрагментов конечностей, ребра, фрагменты челюстей, обрубков рога. Ряд костей предварительно определен как принадлежащий северному оленю (*Rangifer tarandus*).

Врезкой была вскрыта, судя по прокалу, центральная часть кострища. Слой угля, мощностью 0,5–1,5 см фиксировался на всем протяжении врезки (2,2 м). Во врезке отмечалось наличие большого количества чешуек и отщепов, жженной кости, галечных обломков, образованных в результате пирогенного растрескивания. Характерно залегание культурных остатков именно в зоне кострища (углистого пятна). Большая площадь углистого пятна, значительно перекрывающего пятно прокала, возможно, объясняется размывом кострища.

Раскопом вскрыто кострище со скоплениями костных остатков, принадлежавших одной особи северного оленя, и немногочисленными каменными артефактами – клиновидным нуклеусом, отходами расщепления бифаса-преформы и оформления самого нуклеуса (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2005, с. 98).

Археологические остатки представлены изделиями, отщепами и чешуйками из камня, фрагментами костей, рыбьими позвонками.

В раскопе 1 найдено 233 фрагмента костей, 20 отщепов и чешуек, 1 нуклеус, 3 валуна и их обломков.

В прирезке было найдено 896 отщепов и чешуек (в том числе 14 из горного хрусталя), 3 фрагмента микропластин, 4 фрагмента орудий, 1 лыжевидный скол, 2 рыбьих позвонка, 1492 фрагмента жженных и нежженных костей. Общая коллекция культурных остатков, таким образом, составила 2655 ед.

Нуклеус клиновидный из темно-коричневого аргиллита (рис. 194.1). Изготовлен из бифаса. Площадка оформлена одним фронтальным лыжевидным сколом. Киль имеет негативы двух сколов утоньшения бифаса.

Фрагмент лыжевидного скола из двух частей (рис. 194.4). Проксимальный конец отсутствует. Изготовлен из темно-коричневого

аргиллита. Еще один предмет из темно-коричневого аргиллита – фрагмент лезвия на отщепе (рис. 194.6).

Следующее изделие – фрагмент орудия из пластинчатого скола из темно-коричневого аргиллита (рис. 194.2). Два лезвия оформлены краевой крутой мелкой ретушью, расположены по антитезе на обоих продольных краях. Одно лезвие обломано, и сохранился только его фрагмент на проксимальном конце скола.

Обработанный остроконечный стерженек из кости – фрагмент изделия. Длина его – 1,5 см, диаметр – 0,2 см. Изделие обожжено.

Индустрия расщепления представлена клиновидным нуклеусом-юбецу (из бифаса, с фронтальным оформлением площадки лыжевидным сколом), значительным количеством отщепов фасиального подживления-утонышения бифасов, лыжевидным и трансверсальным сколами, микропластинами. Немногочисленные орудия и их фрагменты изготовлены из отщепов краевой ретушью. Обращает на себя внимание ретуширование противоположных краев по антитезе (рис. 194.2). В субстрате преобладает аргиллит ярко-коричневого цвета, отмечаются также отщепы из горного хрусталя.

8.2. Инвалидный III – Пункт 2

Пункт 2 выделен в 2003 г. в борту нижнего, старого съезда к парому в 400 м выше по течению от пункта 1 (рис. 191, 192). В 2002 и 2003 г. проводились раскопки этой стоянки. В последующие годы в хозяйственной деятельностью раскоп был уничтожен. В 2018 г. в непосредственной близости от уничтоженного раскопа, у бровки съезда к берегу на террасе был заложен шурф №2. Он выявил три уровня залегания находок, выше основного уровня залегания культурных остатков. Стратиграфия отложений следующая (рис. 193.2):

1. Дерн. Мощность – 0,04–0,06 м.
2. Супесь светло-желтая неяснослоистая, пронизанная корнями растений, в кровле оподзоленная. В кровле выявлены артефакты 1-го

культурного горизонта. В средней части – находки 2-го культурного горизонта. Мощность – 0,20–0,30 м.

3. Пески светло- и темно-серые, горизонтально- и ритмичнослоистые, с единичными слабогумусированными прослойками. В нижней части – артефакты 3-го культурного горизонта. Мощность – 1,10–1,20 м.

4. Супеси и пески сизоватые и светло- и темно-серые, горизонтально- и ритмичнослоистые, с единичными углефицированными прослойками. В верхней части выявлено кострище и скопление культурных остатков 4-го культурного горизонта. Получена радиоуглеродная дата – 8925 ± 110 л.н. (СОАН-4884). Мощность – до 1,60 м и более.

Коллекция 2003 г. составила 3 нуклеуса, 3 скребка 1 резец, 165 фрагментов микропластин, в т.ч. 14 с рабочей ретушью, 402 отщепа, в т.ч. 287 чешуек, 18 галек целых, 8 галек битых, 1 поделка из графтитита (округлый закатанный кусок породы со следами шлифовки-скобления), 41 фрагмент кости. Всего – 642 единицы.

262 отщепа (65% от общего числа отщепов) из крупнозернистой породы – мигматит, сиенит, андезит. Они являются продуктами производства галечных рубящих орудий – тесел, обработанных унифасиально, сохраняющих галечную корку на одном фасе. Такие тесла были в разные годы найдены как подъемный материал на пляжах Инвалидного III и Коврижки I, V (рис. 196.3,4). Остальные 141 отщеп и все фрагменты микропластин, скребки и нуклеусы изготовлены из светло-серого и белого кремня. Соотношение кремневых отщепов к фрагментам микропластин – 54% к 46%.

Нуклеусы призматические микропластинчатые (рис. 195.13,14,18).

Из трех скребков (рис. 195.10–12) выделяется концевой скребок, тело которого бифасиально обработано (рис. 195.11).

Полиэдрический резец изготовлен из дистального фрагмента конического микронуклеуса (рис. 195.9).

В 2020 г. технологический и трасологический анализ коллекции проводил А.А. Уланов (ИРННТУ). Выявленные им следы на полиэдрическом резце на головке – дистальной части нуклеуса представлены тусклой кромочной микрозаполировкой. На микропластинах выделены орудия, связанные с обработкой мяса, кости/рога, растительных материалов, шкур, а также с охотничьим вооружением (метание). Ножи для мяса являются доминирующей категорией – 21 экз. с одним рабочим лезвием и 9 с двумя рабочими лезвиями. С обработкой кости связаны 1 сверло, 1 резчик–строгальный нож, пила и комбинированное орудие – пила и резчик. Следы метания обнаружены на 7 микропластинах.

8.3. Инвалидный III – Пункт 3

Пункт 3 находится в 100 метрах выше по течению от пункта 1, в районе нынешнего съезда к паромной переправе и автобусной остановки (рис. 191, 192). В 2003 г. была устроена первая врезка и выделен пункт 3. В 2009 и 2018 г. заложены шурфы. Выявлено 4 уровня залегания культурных остатков. Стратиграфия следующая (рис. 193.3):

1. Почвенно-растительный горизонт. Мощность – 0,10–0,12 м.
2. Супесь темно-оранжево-бурая, 1-й культурный горизонт. Мощность – 0,12–0,15 м.
3. Супесь светло-оранжево-желтая. Мощность – 0,08–0,12 м.
4. Супесь зеленоватая неслоистая. Мощность – 0,06–0,14 м.
5. Прослой погребенных почвенных углефицированно-гумусированных песчаных горизонтов (2-3 слоя), разделенные прослойками светло-серого песка; неяснослоистые. Мощность – 0,08–0,12 м.
6. Песок светло-серый, среднезернистый, неяснослоистый. Из подошвы заложена трещина блока отседания. Она опустила подошву слоя в северной части шурфа на 6-9 см. Мощность – 0,13–0,20 м.
7. Три гумусированно-углефицированные прослойки погребенных почв, разделенные прослойками светло-серого песка. В средней погребенной почве найдена ретушированная призматическая пластина в шурфе 2009 года,

2-й культурный горизонт. Слой имеет дату 8300 ± 130 л.н. (СОАН-8840). В нижней погребенной почве в данном шурфе найдены призматический микронуклеус и две микропластины, 3-й культурный горизонт. По углю из него получена дата – 8665 ± 85 л.н. (СОАН-5278). Мощность – 0,07–0,12 м.

8. Пески неясно-слоистые, желтовато-темно-серые, тонкозернистые, разорванные трещиной блока отседания. Мощность – 0,18–0,22 м.

9. Пески ритмичнослоистые, тонкозернистые, с углефицированными прослойками, разорванные блоком отседания. В одном из углистых прослоев найдены 2 отщепы, 4-й культурный горизонт. Мощность – до 0,95 м и более.

Находки первого уровня представлены отщепами под почвенно-дерновым горизонтом. Находки второго, третьего и четвертого уровней представлены немногочисленными культурными остатками в пирогенных прослойках в составе пойменного аллювия. Установлено, что внешняя часть террасы в раннем голоцене была разбита сетью трещин на блоки отседания.

Находки 3-го культурного горизонта залегают в нижней из трех прослоек погребенных почв (лит. слой 7). Это два призматических микронуклеуса (из кремня и из халцедона), две микропластины, 25 отщепов из сиенита и халцедона (рис. 195.15–17). Во второй прослойке – 2-м культурном горизонте – найден вкладыш из кремня (микропластина с краевой ретушью). Вместе с раннеголоценовым возрастом ок. 8,6–8,3 тыс. рад. л.н. / 9,7–9,2 тыс. кал. л.н. эти находки позволяют определить комплексы 2 и 3 к.г. к ансамблям типа Большой Северной (Тетенькин А.В., 2011, 2018).

Пляжный материал содержит 2 тесла, в том числе одно с “перехватом”, скребок, молот-пест, 2 призматических нуклеуса, 1 крупный нуклеус для отщепов, призматические пластины, отщепы и сколы различной конфигурации, 1 фрагмент керамики с сильно заглаженными оттисками шнура на поверхности (рис. 196, 197). Субстрат изделий: яшмовидный кремень и халцедон (призматические микропластины), микрокварцит, кристаллический сланец, сиенит, диабаз. Большинство материала типологически коррелирует с

комплексами основных культурных горизонтов 4 к.г. пункта 2 Инвалидного III, 2 и 3 к.г. пункта 3 Инвалидного III.

Выводы

1. Выявленные в 1 к.г. Инвалидного III – пункта 1 типы изделий заставили по-новому взглянуть на имеющуюся схему развития материальной культуры нижнего Витима. Данная индустрия микрорасщепления клиновидных нуклеусов – расщепления бифасов характерна для более ранних памятников. Клиновидные нуклеусы техники юбецу и сопутствующие их производству лыжевидные сколы, отщепы утоньшения бифасов в голоценовых комплексах региона Байкало-Патомского нагорья и нижнего Витима выявлены впервые. Наиболее близкие аналоги ей находятся в 3А-12 культурных горизонтах Большого Якоря I, возрастом 12,7–11,7 тыс. рад. л.н. Сходство этого комплекса с горизонтами Большого Якоря I не ограничивается только нуклеусом, но выражается еще и в планиграфии культурных остатков (маломощные скопления культурных остатков вокруг единичных кострищ), на основе которой комплекс интерпретируется как кратковременный охотничий лагерь, и в топографии стоянок, расположенных на периодически затопляемой пойме у скального прижима. Вместе с 1 к.г. вторым комплексом, где абсолютное большинство составляет в дебитаже коричневый аргиллит, является культурный горизонт 3В Большого Якоря I (Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010, с. 188–197).

Архаичность выявленной индустрии играет роль и в оценке культурной специфики региона, определяемой корреляциями с сопредельными территориями Якутии, верхнего Витима, Северного Прибайкалья. По выводам Ю.А. Мочанова и С.А. Федосеевой, выстроенным, прежде всего, на материалах раскопок Авдеихи (верхний палеолит) и Большой Северной (эпипалеолит=мезолит), нижний Витим входил в ареал распространения археологических культур палеолита – железного века Якутии. Финальноплейстоценовые комплексы изучаемого с 1985 г. Большого Якоря I не противоречили в целом этой схеме. В дальнейшем, материалы раскопок 3–

4А культурных горизонтов Коврижки II, имевших ярко выраженный палеолитический облик, и открытие юбецу-большаякорской индустрии на Инвалидном III – пункте 1 показали, что эта схема на нижнем Витиме не работает. Археологические комплексы палеолитического облика и палеолитические технические традиции транслировались здесь еще и в раннем голоцене. Ю.А. Мочановым и представителями якутской школы не раз утверждался тезис об отсутствии этой техники расщепления и этого типа изделий в эпилеполите (сумнагинской культуре) и раннем неолите (сылахской культуре), приходящимися на 1-ю половину голоцена (10,5–5 т.л.н.) (Мочанов Ю.А., 1977, с. 250; Алексеев А.Н., 1987, с. 98; Соловьев П.С., 1993, с. 12–13).

2. Каменный ансамбль 4 культурного горизонта Инвалидного III – пункта 2 стал самым представительным паттерном группы ансамблей мезолитического облика, имеющим четкие, обеспеченные стратиграфические, хронологические, планиграфические и статистические позиции. Он в целом характеризуется как индустрия производства микропластин отжимом с призматических нуклеусов, основанная на эксплуатации качественного изотропного сырья – кремня в данном случае. Первым подобным комплексом стала стоянка Большая Северная, открытая и раскопанная С.А. Федосеевой в 1973 г. (Мочанов Ю.А., 1977, С. 206–209). Стоянка была определена как принадлежащая к сумнагинской эпилеполитической раннеголоценовой культуре.

Однако группировка комплексов типа Большой Северной на Нижнем Витиме, и прежде всего, 4 к.г. Инвалидного III – пункта 2 не является полностью аутентичной сумнагинскому технокомплексу. В 4 культ. гор. Инвалидного III – пункта 2 найден концевой скребок, изготовленный из небольшого бифаса (рис. НВ-Инв3-3-вещи.11). В составе 1А культ. гор. Коврижки III есть реберчатый скол и микропластина из одного материала аргиллита, указывающие на существование техники клиновидных нуклеусов. В пляжных комплексах Коврижки I, V и Инвалидного III, в 1 культ. гор.

Коврижки IV есть тесла с перехватом, очевидно, раннеголоценового возраста, также, в целом, не типичные для сумнагинской культуры. Кроме того, пара культурных горизонтов 4А Коврижки II (с ассамбляжем дюктайского палеолитического облика) и 1А Коврижки III (сумнагинского мезолитического облика) одного возраста (ок. 8,2–8,3 тыс. рад. л.н.), лежащих на 17-18 м и 22-м террасах вблизи друг от друга, типологически отличные, но при этом имеющие и ряд перекрестных аналогий, побудили предложить в качестве причины такой вариабельности сезонно-деятельностную специфику и связанный с этим различный доступ к сырьевому ресурсу, различные техники эксплуатации разных видов сырья. По всем этим причинам прямое отнесение стоянок типа 4 культ. гор. Инвалидного III – пункта 2 к сумнагинской культуре проблематично. Возможна лишь обобщенная оценка тех или иных материалов или комплексов как объектов сумнагинского облика. Для группировки стоянок, характеризующихся микропластинчатым производством, техникой призматического нуклеуса, галечными теслами, в т.ч. с перехватом, бескерамических, было введено обозначение «стоянки типа Большой Северной». Роль 4 культурного горизонта Инвалидного III – пункта 2 состоит в том, что он доставил первый в этой группировке паттерн, актуально доступный для текущей аналитической работы. В последствии открыты и введены в научный оборот были другие комплексы этой группировки: Инвалидный III – пункт 3, 1А культ. гор. Коврижки III, 1 и 2 культ. гор. Павлова I (Тетенькин А.В., 2016а, с. 300–302; Уланов А.А. и др., 2020). С открытием керамики в 1 культурном горизонте Коврижки IV ряд комплексов, прежде относимых к стоянкам сумнагинского облика типа Большой Северной был переопределен как неолитические: 1 культ. гор. Коврижки IV, 1 культ. гор. Коврижки V, 2 культ. гор. Коврижки I.

9. Заключение к Части 4

Первые относительно надежно датированные свидетельства пребывания человека на Нижнем Витиме относятся к местонахождению Мамакан VI. Артефакты заключены в пачке солифлюцированных

раннесартанских – раннеголоценовых отложений, вмещающих углистые линзы широкого диапазона с датами от 21 до 7 тыс. рад. л.н. Ансамбль каменных артефактов имеет архаичный облик. Орудийный набор ограничен 2 нуклеусами, 3 скребками, 2 резцами, 1 отщепом с ретушью. Большинство отщепов аморфно, вместе с тем есть несколько фрагментов крупных пластин параллельной огранки. Общая оценка состоит в нетипичности, несходстве каменного материала по отношению ко всем последующим донеолитическим комплексам каменной индустрии на Нижнем Витиме. Торцовые микронуклеусы удлиненных пропорций, с коротким фронтом, морфологически сходны с нуклеусами 19, 20 горизонтов Усть-Мензы-2, микронуклеусами Туяны (Тункинская котловина, Южное Прибайкалье), нуклеусом из 5 горизонта стоянки Толбор-15, имеющими раннесартанский возраст. Этот архаичный облик в совокупности с археологическими датами около 20,9 и 18,7 тыс. рад. л.н. и самым высоким относительно нынешнего уровня Витима положением (36 м) выступают аргументами в пользу датирования Мамакана VI первой половиной сартана, около 21–16 тыс. рад. л.н.

Следующий, среднесартанский этап позднего палеолита Нижнего Витима представлен культурными горизонтами (к.г.) Коврижки IV, из которых наиболее репрезентативны 6, 2Б и 2Г к.г., датируемые около 15,7–15,3 тыс. рад. л.н. Благодаря открытиям последних лет получены свидетельства, раскрывающие культуру древнего населения в аспектах строительства жилищ, знаково-символической деятельности, искусства, каменного производства.

Ведущим направлением расщепления камня в 6 и 2Б к.г. является производство микропластин – отжим клиновидных нуклеусов. Доминирующей техникой микронуклеуса является производство последнего из вертикально ориентированного бифаса. Под площадку ударами с латерали готовился узкий конец бифаса. Для поджигления нуклеуса использовались приемы переоформления ударной площадки, снятия фронтальных сколов,

переноса фронта на противоположный торец и переноса площадки на дистальный конец. Для обозначения этой техники введено рабочее название «коврижкинская техника микронуклеуса». Характерно при этом присутствие в одном комплексе с ней, во 2Б к.г. также и продуктов техники юбецу, широко распространенной в Северо-Восточной Азии и выделенной впервые в Японии. Морфо-типологическая характеристика 6, 2Б, дополненная материалами 5, 4, 3Б, 3/2, 3/1 к.г., помимо микронуклеусов содержит унифасиальные орудия с продольными тщательно ретушированными лезвиями, трассологически определенные как скребла (6 к.г.) и ножи (3Б к.г.), морфологически выраженные концевые и округлые скребки на коротких отщепках, отщепы с краевой ретушью, трассологически определенные как скребки по шкурам, ножи и инструменты по минеральному материалу, долотовидные орудия типа *pièce esquillée*, атипичные угловые резцы из отщепов, отщеповые галечные нуклеусы параллельного и радиального принципа расщепления.

В 6, 3/2 и 2Г к.г. раскопаны комплексы остатков жилища круглого в плане. В 6 к.г. это структура диаметром 4,2 м, имеющая каменную обкладку по половине контура и два кострища в центре и на входе. Ряд черт, в том числе присутствие охры, интерпретирован как свидетельства знаково-символической деятельности. Найдена первая в палеолите Витима антропоморфная статуэтка из кости. В 4 к.г. открыт обломок подвески из графитита, вместе с костяной поделкой они представили сферу искусства. Ближайшими аналогами жилищу из 6 культурного горизонта являются забайкальские жилища Усть-Мензы 1-3, Студеного 1, 2, Косой Шиверы 1, 2, Сухотино 4.

Финальносартанский этап представлен стоянками Авдеиха, Большой Якорь I, Коврижка III, 2–3 к.г., Коврижка II, 5 к.г., Нирьякан I. Местонахождение Большой Якорь I содержит 12 культурных горизонтов, датируемых в интервале 12,7–11,7 тыс. рад. л.н. Они представляют собою очаги со скоплениями культурных остатков. В ряде случаев выделены парные очажные структуры. Аранжировка камнями очагов различна вплоть до

регулярных кольцевых выкладок на угли. Культурные горизонты Большого Якоря интерпретированы как кратковременные в разной степени охотничьи лагеря.

Ведущими типами изделий из камня являются клиновидные микронуклеусы из бифасов, бифасы в различной функции заготовок для нуклеусов, ножей и скребел, унифасиальные скребла, скребки, трансверсальные резцы. Характерна техника изготовления бифаса, затем многофункционального использования его как орудия, редуцирования снятием краевого и лыжевидных продольных сколов с целью модификации орудия и подготовки ударной площадки для использования остаточной формы как клиновидного нуклеуса. В основе идеи изготовления нуклеуса эта технологическая линия относится к технике юбецу, она описана как бифасиально-техническая стратегия расщепления.

Унифасиально-отщеповая стратегия расщепления, также в различной степени представленная в 9–3В к.г. Большого Якоря I, состоит в технически простом производстве отщепа, лаконичном краевом ретушировании по одному фасу и скоротечном, одноактном орудийном использовании.

Среди костяных орудий Большого Якоря следует отметить пазовый наконечник копья с сохранившимися в пазах пятью лезвиями из микропластин, и гарпун. Ряд артефактов из графита (графитита) в виде «мелка», «пудреницы», грушевидной формы с высверленным отверстием характеризует вид деятельности, использовавшей графит как красящий пигмент.

Однотипные друг другу в морфологическом отношении 3Б–9 к.г. Большого Якоря I формируют группировку «ансамблей типа Большого Якоря».

Стоянки Авдеиха и Коврижка III, 2–3 к.г. сходны между собой в облике каменной индустрии. На стоянке Авдеиха выделены палеолитические горизонты А, В, С. По нижнему горизонту С получены даты около 15,2 и 12,9 тыс. рад. л.н. 3-й к.г. Коврижки III имеет радиоуглеродный возраст около 11,4

тыс. рад. л.н. 2-й к.г. делится на нижний и верхний уровни с датами 11,0 и 10,8–10,4 тыс. рад. л.н. соответственно. Их общей ведущей отличительной чертой является отсутствие техники юбецу, характерной для Большого Якоря. Техника клиновидного нуклеуса, присущая Авдеихе и Коврижке III, 2–3 к.г., – это *коврижская техника подготовки микронуклеуса*, эталонно представленная на Коврижке IV – 6, 2Б к.г. В изделиях представлены чопперы, отщеповые галечные нуклеусы параллельного и радиального принципа расщепления, бифасы, унифасиальные скребла, скребки из коротких отщепов, диагональные и угловые резцы, сколы с краевой нерегулярной ретушью. В индустрии Коврижки III, 2–3 к.г. появились первые нуклеусы, свидетельствующие о переходе от торцового расщепления к призматическому. Эта группа была обозначена как «ансамбли типа Авдеихи». По признаку наличия / отсутствия технологического контекста типа юбецу они резко отличаются от группировки «ансамблей типа Большого Якоря». В остальных чертах ансамбли обеих групп обнаруживают много сходств между собой и имеют верхнепалеолитический облик.

Во 2-м к.г. Коврижки III раскопана Y-образная конструкция из гнейсовых плит, стоящих на ребре. При ее сооружении использовались приемы вкапывания, подпорки камнями, надстраивания, пазового стыкового соединения. Две горизонтально лежавшие плитки имели искусственную обработку в форме дисков. Традиция сооружения линейных конструкций из гнейсовых плит на Коврижке III, сохранялась и в раннем голоцене. Около 8,2 тыс. л.н., в 1А к.г., была попытка подновления этой конструкции. На Коврижке III найдена также как и на Большом Ягоре, серия графитовых артефактов: мелок, куски графитита и графитосодержащих сланцев с истертыми ребрами и поверхностями. У одного из очагов 2 к.г. Коврижки III найдены кусочки вулканической пемзы, происходящие с Удоканского вулканического поля, удаленного на расстояние около 500 км. Речной перенос мягкого, легко разрушимого материала как вулканическая пемза исключен, и может быть

рассмотрен только вариант искусственного переноса, свидетельствующий о важной коммуникационной роли основного водотока региона – Витима.

В раннем голоцене традиции каменного производства, имеющие палеолитический облик, продолжают, причем в обоих вариантах: типа Авдеихи и типа Большого Якоря. Возрастом около 8,3–8,0 тыс. рад. л.н. датированы 3, 4, 4А культурные горизонты Коврижки II, по всем основным признакам сходные с Коврижкой III и Авдеихой. В вилке радиоуглеродных дат 8–6 тыс. рад. л.н. лежит комплекс 1 к.г. Инвалидного III – пункта 1, содержащий компоненты техники юбецу, главного признака ансамблей Большого Якоря I.

Около 9,6 тыс. рад. л.н., по датировке 2 к.г. Павлова I определяется появление археологических комплексов мезолитического, сумнагинского облика. Первый такой памятник раскапывала С.А. Федосеева, это стоянка Большая Северная. Ее именем обозначена группировка, в которую также входят Инвалидный III – пункты 2 и 3, Коврижка III – к.г. 1А, Павлова I. Эти стоянки характеризуются интенсивным производством микропластин с призматических нуклеусов. Произошла смена каменного сырья с эффузивов (диабаз, микробазальт, микрогабро, порфирит, трахидацит, дацит) на яшмовидные кремни и халцедон (в общем случае, вулканическое стекло) более качественные с точки зрения изотропных свойств каменные породы. Изменяется и сужается набор орудий. Теперь появляются концевые скребки из пластин и отщепов, резцы, резчики и ретушированные вкладыши из микропластин. Появляются также галечные тесла, в том числе «с перехватом».

Верхняя граница донеолитической истории каменного века Нижнего Витима определяется на сегодняшний день по керамике из 1 к.г. Коврижки IV, 3 к.г. Большого Якоря и находкам керамики в подъемных сборах на местонахождении Инвалидный III. Первый комплекс датируется временем 7,5–7,0 тыс. рад. л.н. Второй комплекс стратиграфически определен к атлантическому времени. Найденная в обоих пунктах керамика – с негативами сетки-плетенки. На местонахождении Инвалидный III поднятая в береговых

обнажениях керамика может быть соотнесена с культурными горизонтами, датированными возрастом 8,9–6,0 тыс. рад. л.н. Здесь обнаружены фрагменты с оттисками шнура. Вопрос с датировкой ранних керамических комплексов актуален еще и потому, что на Верхнем Витиме на местонахождениях Усть-Каренга I–XVI ранняя керамика датируется возрастом около 11 тыс. рад. л.н. Бескерамический комплекс Коврижки I – к.г. 2 коррелируется с Усть-Каренгой, где неолитическая усть-каренгская культура существовала уже несколько тысячелетий. Коврижка I – к.г. 2, возрастом около 6,0 тыс. рад. л.н., содержит три концевых скребка из пластин коричневого аргиллита. Эти скребки оказались по морфологии и субстрату идентичны таковым же артефактам из ритуальных ям Усть-Каренги XVI, находящихся на Верхнем Витиме, на расстоянии около 800 км. Они датированы атлантическим временем. Проведенный рентгено-флуоресцентный анализ дал полное совпадение образцов из Коврижки I и Усть-Каренги XVI, что объяснимо происхождением из одного, практически, точечного источника.

Пионеры исследования Нижнего Витима Ю.А. Мочанов и С.А. Федосеева отнесли Авдеиху к дюктайской культуре, а Большую Северную к сумнагинской. На этом основании район Нижнего Витима был вписан в Приленскую культурно-историческую область, концепция развития которой состоит из дюктайской, сумнагинской, сылахской, белькачинской, ымыяхтахской культур каменного века, этапно сменяющих друг друга. Стоянка Большой Якорь Е.М. Инешиным была соотнесена с дюктайской культурой Якутии и верхоленской культурой Прибайкалья.

На сегодняшний день важнейшей особенностью палеолита и мезолита района Нижнего Витима – Байкало-Патомского нагорья является ситуация сосуществования, начиная с финальносартанского периода ансамблей двух типов – типа Авдеихи и типа Большого Якоря, а с начала голоцена еще и ансамблей третьего типа – типа Большой Северной. Культура среднего этапа сартанского времени, представленная на Коврижке IV, объединяет ведущие технико-типологические признаки обоих типов палеолитических комплексов

– типа Авдеихи и типа Большого Якоря. Но при этом она содержит и уникальные пока такие культурные признаки как строительство жилищ, антропоморфная пластика, активное использование охры в хозяйственных и ритуальных целях. В наборе каменных орудий большой вес имеют долотовидные изделия, что пока также является индивидуальным признаком Коврижки IV и представленного ею периода. Раннесартанский комплекс Мамакана VI имеет совершенно иной облик и, по нашему мнению, не может рассматриваться как культурная предтеча – источник развития культурных традиций последующего времени среднего – финального сартана – раннего голоцена. Он не может быть определен как дюктайский, по признаку микронуклеусов обнаруживает сходства с позднекаргинскими – раннесартанскими комплексами Северной Монголии, Тункинской котловины и Южного Забайкалья. Ансамбли типа Авдеихи и типа Большого Якоря в общих чертах могут быть определены как дюктайские, верхнепалеолитические. Обратный вывод ведет к признанию неоднородности археологических комплексов внутри дюктайской культуры, по крайней мере, на территории района Нижнего Витима. Продление времени существования ансамблей типа Авдеихи и типа Большого Якоря до начала голоцена включительно привело в противоречие со схемой Мочанова–Федосеевой, в которой постулируется четкая смена дюктайской культуры на сумнагинскую на рубеже плейстоцена – голоцена.

Ансамбли типа Большой Северной по облику соотнесены с сумнагинской культурой Якутии. По общепринятым на юге Сибири представлениям они могут быть определены как мезолитические. Такой признак как тесла «с перехватом» не характерен для Якутии и, наоборот, присущ мезолиту юга Енисейской и Байкальской Сибири.

При большом списке сходств якутская схема каменного века не работает в районе Нижнего Витима. На опорных памятниках мы видим яркие индивидуальные признаки, маркерные в отношении сходств с Забайкальем. Здесь следует назвать микронуклеусы Мамакана VI, жилище Коврижки IV –

к.г. 6, 3/2 и 2Г, подобные пластинам толбагинской культуры макропластины в Коврижке III – к.г. 2, орудие, близкое «усть-кяхтинским» остроконечникам Забайкалья из Коврижки V – к.г. 2, или концевые скребки из аргиллитовых пластин из Коврижки I – к.г. 2. Этот комплекс данных позволяет рассматривать версию периодических контактов с населением Верхнего Витима и Забайкалья как рабочую, а «витимский коридор» как основной путь культурной трансляции.

На сегодняшний день выстраиваемая культурно-хронологическая схема для Нижнего Витима обретает следующий вид:

1. *Мамаканский этап* (25–19 тыс. кал. л.н. / 21–16 тыс. рад. л.н.), представленный единственной стоянкой Мамакан VI, занимает первую половину сартанского времени.

2. *Коврижский этап* (19–16 тыс. кал. л.н. / 16–13 тыс. рад. л.н.) составляют археологические комплексы 2/1–7 культурных горизонтов Коврижки IV. Он приходится на середину сартанской эпохи оледенения – окончание Последнего Ледникового Максимума.

3. *Большаякорский этап* (16–12 тыс. кал. л.н. / 13–10 тыс. рад. л.н.) выражен археологическими комплексами финальнопалеолитического облика стоянок Авдеиха, Большой Якорь – к.г. 3Б–9, Коврижка III – к.г. 2–3, Коврижка II – к.г. 5, Коврижка IV – к.г. 2, Коврижка V – к.г. 2, Нирыкан I – к.г. 2. Это время финала плейстоцена – рубежа голоцена. Стоянки этого этапа принадлежат ансамблям типа Авдеихи и типа Большой Якоря.

4. *Инвалидный этап* (12–7 тыс. кал. л.н. / 10–6 тыс. рад. л.н.) приходится на ранний голоцен. Опорными стоянками этого этапа являются Большая Северная, Инвалидный III, Коврижка II – к.г. 1–4А, Коврижка III – к.г. 1–1А, Коврижка V – к.г. 2, Павлова I. Для него характерно существование палеолитических комплексов обоих типов и наряду с ними появление ансамблей мезолитического облика типа Большой Северной.

Особняком в этой схеме стоит памятник Мамакан VI, действительно, по морфологии каменных артефактов другой, нежели чем все остальные, более

поздние комплексы. Возможно, это связано со сменой населения, а возможно, с большим хронологическим разрывом, скрывшим трансформацию традиций каменного производства. В течение всего последующего времени 16–7 тыс. рад. л.н. в археологических ансамблях усматриваются черты сходства и преемственности в традициях расщепления камня, позволяющие видеть общую для всех культурную историю или культурный процесс, сутью которого стало становление культурной вариабельности в финале плейстоцена – раннем голоцене. Многочисленные корреляты с Верхним Витимом и Забайкальем, а также Прибайкальем и Якутией, показывают, что этот культурный процесс не был замкнутым или закрытым.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский национальный исследовательский технический университет»

На правах рукописи

Тетенькин Алексей Владимирович

**СРЕДНИЙ ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ – МЕЗОЛИТ СЕВЕРНОГО
ПРИБАЙКАЛЬЯ**

Том 3
ПРИЛОЖЕНИЯ

Специальность 5.6.3. Археология.

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант
Доктор исторических наук,
Профессор Харинский Артур Викторович

Иркутск – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Приложение 2. Таблицы и диаграммы.....	2
Приложение 3. Иллюстрации.....	41

Приложение 2. Таблицы и диаграммы.

Таблица 1. Радиоуглеродные даты археологических местонахождений Северного Прибайкалья

Археол. комплекс	¹⁴ C л.н.	Кал. л.н. (95,4%)	Медиана, л.н.	Материал	Номер образца	Источник
Север Верхней Лены						
Алексеевск I	22415±480	27579-25865	26712	уголь	ЛЕ-3931	Задонин, 1996
	22550±150	27271-26454	26868	кость	Poz-120204	
	24200±180	28641-27848	28237	кость	Poz-120205	
	33200±600	38895-36035	37447	кость	Poz-120207	
Бамовская	18370±370	23024-21390	22212	уголь	СОАН-6910	Краснощевков, 2009
Балышово III	25079±940	31084-27661	29317	кость	ЛЕ-3950	Задонин и др., 2014
	17000±300	21356-19787	20527	кость	ГИН-7068	
	11260±300	13753-12647	13134	кость	ИМ-1077	
Чайка II	14660±80	18053-17612	17842	кость	Poz-106024	Инёшин и др., 2019
Любавская I	9800±250	12129-10505	11262	кость	ГИН-7064а	Задонин и др., 2014
Северный Байкал						
Курла I-III, 2 объед. донеол. к.г.	14150±960	19761-14421	17173	уголь	СОАН-1398	Шмыгун, 1981
	15200±1250	22226-15506	18604	уголь	СОАН-1396	
	13160±960	18474-13388	15827	кость	СОАН-1396-к	
Курла I-III, 3 объед. донеол. к.г.	13380±70	16310-15854	16100	кость	Poz-106025	Молчанов и др., 2019
	13790±70	16961-16395	16679	кость	Poz-106027	
	24060±5700	49542-22564	32920	кость	СОАН-1397	Шмыгун, 1981
Верхний Витим						
Усть-Каренга I-XVI, 8 к.г.	16430±240	20445-19236	19832	уголь	ГИН-8068	Ветров, 2011
	13560±1950	23405-11975	16811	уголь	ГИН-8070	
	12880±130	15835-15005	15398	уголь	ГИН-6469а	
	12710±380	16185-13840	15044	уголь	ГИН-8069	

OxCal v4 3.2 Bronk Ramsey (2017); IntCal 13 atmospheric curve (Reimer et al., 2013)

Продолжение таблицы 1

Археол. комплекс	¹⁴ C л.н.	Кал. л.н. (95,4%)	Медиана, л.н.	Материал	Номер образца	Источник
Усть-Каренга I-XVI, 7 к.г	12175±40	14197-13932	14065	Органика в керам.	ТКА-19743	Ветров, Инешин, 2019
	11870±40	13768-13573	13673	Органика в керам.	ТКА-19744	
	11825±45	13760-13550	13652	Органика в керам.	ТКА-19745	
	11065±70	13075-12765	12926	Органика в керам.	АА-38101	Ветров, 2011
	10870±70	12931-12675	12757	Органика в керам.	АА-60667	
	10600±70	12704-12415	12580	Органика в керам.	АА-21378	
	12180±60	14245-13835	14066	уголь	АА-60210	
	12170±70	14251-13794	14050	уголь	АА-60202	
	11240±80	13285-12931	13109	уголь	ГИН-8066	
	10750±60	12743-12582	12685	уголь	ГИН-8067	
Усть-Каренга III, 4 к.г.	6890±80	7868-7590	7733	Обуглен. береста	ЛЕ-1961	
	6100±400	7793-6177	6962	Обуглен. береста	ИН СОАН-922	
Усть-Каренга I-XVI, 1 к.г	3670±40	4095-3888	4003	уголь	ЛЕ-2650	
	3340±40	3645-3470	3577	уголь	ЛЕ-2652	
	3250±40	3566-3389	3476	уголь	ЛЕ-1961	
Нижняя Джилинда (Сивакон) I, 10-й литол. слой, вмещающий 6 к.г.	11280±120	13391-12862	13145	Уголь из прослоек	ЛЕ-1952	Ветров, Задонин, Инешин, 1993
	11280±80	13299-13008	13145	Уголь из прослоек	ЛЕ-1953	
	8980±80	10266-9884	10087	Уголь из прослоек	ЛЕ-1951	
	6740±80	7732-7459	7602	Уголь из прослоек	ЛЕ-1954	
5а к.г.	7880±80	8995-8540	8722	Уголь из слоя	ЛЕ-1955	
Погребение из 5а к.г.	7230±40	8160-7970	8042	Кость человека	ГИН-405	Ветров, Инешин, 2019
	7630±30	8461-8378	8416		Beta-432255	
5 к.г.	7580±80	8543-8278	8388	уголь	ЛЕ-1956	Ветров, Задонин, Инешин, 1993
4 к.г.	6720±80	7692-7438	7585	уголь	ЛЕ-1957	

OxCal v4 3.2 Bronk Ramsey (2017); IntCal 13 atmospheric curve (Reimer et al., 2013)

Продолжение таблицы 1

Археол. комплекс	¹⁴ C л.н.	Кал. л.н. (95,4%)	Медиана, л.н.	Материал	Номер образца	Источник
Старый Витим II, погребение 2	7280±65	8204-7962	8095	уголь	СОАН-4434	Ветров, 2008а
	6830±70	7826-7571	7669	кость	ТО-11562	Ветров и др., 2019
погребен. 3	6500±60	7510-7287	7411	уголь	СОАН-4435	Ветров, 2008а
	23140±270	27842-26881	27415	кость	ТО-11563	Ветров и др., 2019
Погребение 4	6415±70	7443-7239	7344	уголь	СОАН-4433	Ветров, 2008а
	6350±70	7429-7158	7286	уголь	ТО-11572	Ветров и др., 2019
Погребение 5	3070±310	4090-2651	3276	кость	ТО-11565	
	1890±70	1992-1692	1829	уголь	ТО-11573	
Погребение 6	6630±80	7659-7420	7517	уголь	ТО-11574	
	5860±430	7595-5877	6718	кость	ТО-11566	
Погребение 7	3320±70	3713-3387	3553	уголь	ТО-11575	
Яма 8	3480±60	3896-3593	3754	уголь	ТО-11576	
Кенотаф 9	9320±80	10711-10721	10519	уголь	ТО-11577	
Погребение 10	4340±60	5064-4823	4928	уголь	ТО-11578	
Погребение 11	5520±70	6452-6186	6324	кость	ТО-11567	
Яма 13	1460±60	1424-1285	1360	кость	ТО-11569	
Нижний Витим						
Мамакан VI	20900±300	25813-24425	25167	уголь	СОАН-8263	Тетенькин, 2014в
	18670±600	24065-21151	22596	уголь	СОАН-4546	Белюсов и др., 2002
	11770±110	13825-13361	13603	уголь	ГИН-14596	Тетенькин, 2014в
	7300±400	9093-7428	8169	уголь	ГИН-14595	
Авдеиха, горизонт С	15200±300	19116-17776	18444	уголь	ИМ-236	Мочанов, 1975
	12900±300	16250-14243	15382	уголь	ГИН-1022	
Большой Якорь I, Культурный горизонт 9	12700±140	15606-14398	15079	Уголь из очага	ГИН-8470	Инешин, Тетенькин, 2010
Культурный горизонт 8	12630±230	15694-14105	14903	кость	ГИН-6468	
Культурный горизонт 7	12380±250	15317-13750	14527	кость	ГИН-6467	
	12330±250	15279-13725	14456	Уголь из очага	ГИН-6466	
Культурный горизонт 6	11800±180	14074-13285	13647	Уголь из очага	ГИН-7714	
	12400±150	15117-14031	14530	Уголь из очага	ЛЕ-4172А	

OxCal v4 3.2 Bronk Ramsey (2017); IntCal 13 atmospheric curve (Reimer et al., 2013)

Продолжение таблицы 1

Археол. комплекс	¹⁴ C л.н.	Кал. л.н. (95,4%)	Медиана	Материал	Номер образца	Источник
Большой Якорь I						
Культурный горизонт 6	11100±400	13865-12008	12990	Уголь из очага	ГИН-7716	Инешин, Тетенькин, 2010
	14260±650	18947-15615	17311	Уголь из очага	ИМСОА Н-1026	
	10400±650	13598-10295	12077	Уголь из очага	ЛЕ-4172	
	12380±200	15179-13836	14514	Кость	ГИН-6425	
Культурный горизонт 5	12700±90	15422-14705	15111	Уголь из очага	ГИН-8473	
	12050±120	14205-13579	13912	Уголь из очага	ГИН-8472	
	17840±290	22338-20871	21591	Уголь из очага	ГИН-7711	
	15900±270	19886-18655	19217	Уголь из очага	ГИН-7712	
	12530±90	15140-14275	14776	Уголь из очага	ГИН-7713	
Культурный горизонт 4В	11970±170	14321-13431	13838	Уголь из очага	ГИН-6464а	
	11770±120	13848-13326	13605	Уголь из очага	ГИН-6462	
Культурный горизонт 4А	10320±150	12620-11601	12122	Уголь из очага	ИМСОА Н-968	
Культурный горизонт 4	11740±140	13857-13283	13576	Уголь из очага	ГИН-6461	
Культурный горизонт 3В	12000±250	14850-13327	13928	Уголь из очага	ГИН-6460	
	12080±220	14865-13464	14016	Уголь из очага	ГИН-6459	
Культурный горизонт 3А	11750±190	14050-13214	13597	Уголь из очага	ГИН-8980	
	10100±100	12048-11287	11685	Уголь из очага	ИМСОА Н-920	
Коврижка IV						
Культурный горизонт 6	15750±60	19178-18851	19014	Уголь ивы, Salix	Beta-453119	Тетенькин, Анри, Клементьев, 2017
	15740±100	19257-18773	19015	Уголь ивы, Salix	LTL-16562A	
	15558±103	19025-18596	18810	кость	Ua-50437	

OxCal v4 3.2 Bronk Ramsey (2017); IntCal 13 atmospheric curve (Reimer et al., 2013)

Продолжение таблицы 1

Археол. комплекс	¹⁴ C л.н.	Кал. л.н. (95,4%)	Медиана, л.н.	Материал	Номер образца	Источник
Коврижка IV						
Культурный горизонт 6	14790±35	18141-17841	17991	Биоапатит, зуб снежного барана, <i>Ovis nivicola</i>	UGAMS-27448	Тетенькин, Анри, Клементьев, 2017
	8350±120	9534-9075	9331	Уголь из слоя	СОАН-8839	
Культурный горизонт 5	7940±205	9320-8388	8823	Уголь из кротовины	СОАН-7294	Тетенькин, 2010
Культурный горизонт 3Б	15520±150	19136-18612	18817	Уголь из кострища	Poz-131812	
Культурный горизонт 3/2	15310±160	18899-18197	18548	Уголь из кострища	Poz-106965	
Культурный горизонт 3	14290±35	17578-17224	17401	Биоапатит, зуб снежного барана, <i>Ovis nivicola</i>	UGAMS-27447	Тетенькин, 2017д
Культурный горизонт 2Д	15350±150	18917-18283	18600	Уголь	Poz-106968	
Культурный горизонт 2Г	31200±400	36014-34402	35208	Уголь	Poz-106960	
	31000±400	35787-34181	34984	Уголь	Poz-106961	
	15360±110	18847-18376	18574	Уголь ивы, <i>Salix</i>	Poz-111232	
	15320±80	18771-18395	18583	Уголь ивы, <i>Salix</i>	Poz-111356	
Культурный горизонт 2Б	15460±80	18888-18558	18723	Уголь	Poz-106962	
	15320±100	18796-18357	18576	Уголь ивы, <i>Salix</i>	LTL-16563A	Тетенькин и др., 2016
	14940±80	18376-17934	18155	Кость	Poz-106023	
Палеопочва между 1 и 2 к.г.	11440±60	13422-13143	13282	Уголь	Poz-106963	
	11260±60	13263-13034	13148	Уголь	Poz-106967	
Культурный горизонт 1	8980±20	10226-10157	10192	Уголь из теста керамики	Poz-107434	

OxCal v4 3.2 Bronk Ramsey (2017); IntCal 13 atmospheric curve (Reimer et al., 2013)

Продолжение таблицы 1

Археол. комплекс	¹⁴ С л.н.	Кал. л.н. (95,4%)	Медиана, л.н.	Материал	Номер образца	Источник
Коврижка III						
Культурный горизонт 3	11390±230	13652-12793	13244	уголь	СОАН-8261	Тетенькин, 2016
Культ. гор. 2-нижний	11050±210	13329-12599	12937	уголь	СОАН-7966	
Культ. гор. 2-нижний	10940±150	13107-12623	12852	уголь	СОАН-7029	
Культ. гор. 2-верхний	10875±40	12810-12695	12744	уголь	UCIAMS-135111	
Культ. гор. 2-верхний	10400±200	12713-11601	12211	уголь	СОАН-7964	
Культурный горизонт 1А	8250±190	9549 - 8641	9202	уголь	СОАН-7965	
	8135±120	9436 - 8661	9084	уголь	СОАН-7027	
Культурный горизонт 1	8095±190	9470 - 8555	9009	уголь	СОАН-8262	
Коврижка II						
Культурный горизонт 5	11190±390	13995-12365	13082	уголь	СОАН-4543	Тетенькин, 2010
Культурный горизонт 4А	8230±100	9461 - 9002	9209	уголь	СОАН-5276	
Культурный горизонт 3	8180±130	9472 - 8754	9145	уголь	СОАН-5277	
Коврижка V						
Культурный горизонт 2	9940±100	11806 - 11195	11438	Уголь из слоя	СОАН-8837	Исаев, Тетенькин, 2015
Культурный горизонт 1	7520±140	8585 - 8035	8323	Уголь из слоя	СОАН-8838	
Коврижка I						
Культурный горизонт 2	6095±135	7287 - 6656	6974	Уголь из слоя	СОАН-4245	Тетенькин, 2000
	5945±90	7006 - 6536	6782	Уголь из слоя	СОАН-7965	
Культурный горизонт 1	2800±140	3358-2702	2946	Уголь из слоя	ГИН-9003	
Нирякан I						
Культурный горизонт 2	11450±60	13455-13226	13325	Жженная кость	Poz-131670	
Павлова I						
Уголь из прослойки в кровле аллювия ниже 2 к.г.	10220±50	12133-11752	11932	уголь	Poz-106966	Уланов, Тетенькин, 2019
Культурный горизонт 2	9630±50	11040-10775	10955	Уголь из кострища	Poz-106864	

Продолжение таблицы 1

Археол. комплекс	¹⁴ С л.н.	Кал. л.н. (95,4%)	Медиана, л.н.	Материал	Номер образца	Источник
Инвалидный III						
Пункт 1 – 1 к.г.	9130±90	10566-10162	10322	Уголь из кострища	ГИН-14697	
	9160±120	10684-10135	10356	Уголь из кострища	СОАН-5279	
	6120±70	7175-6795	7009	кость	СОАН-5166	Инешин, Тетенькин, 2005
Пункт 1 – 1А к.г.	4825±85	5730-5443	5544	Уголь из слоя	СОАН-8841	
Пункт 2 – 3 к.г.	8925±110	10255-9659	10009	уголь	СОАН-4884	Инешин, Тетенькин, 2005
Пункт 3 – 3 к.г.	8665±85	9917-9491	9656	уголь	СОАН-5278	
Пункт 3 – 2 к.г.	8300±130	9528-9010	9278	уголь	СОАН-8840	

OxCal v4 3.2 Bronk Ramsey (2017); IntCal 13 atmospheric curve (Reimer et al., 2013)

Таблица 2. Статистика коллекций археологических местонахождений Северного Прибайкалья

1. Статистика коллекций археологических местонахождений Севера Верхней Лены

Алексеевск (по: Задонин О.В., 1996)	
Кол-во	Группы артефактов
14	нуклеусы
212	пластины
4	пластины с ретушью
1	проколка
2	чопперы
414	отщепы и сколы
647	всего

Продолжение таблицы 2

Бамовская (по: Краснощеков В.В., 2009)	
Кол-во	Группы артефактов
1	клиновидный нуклеус
5	резцы угловые
1	трансл. резец
2	долотовидные
1	скребок
2	комбинированные
1	отщеп с ретушью
1	проколка
420	всего из камня

Балышово III (по: Задонин О.В. и др., 2014)	
Кол-во	Группы артефактов
775	отщепы с ретушью
44	пластины с ретушью
2	отщепы с ретушью
2	пластины с ретушью
4	скребки
12	нуклеусы
839	всего
1	остроконечник из кости

Чайка II, культурный горизонт 2 (по: Инёшин А.В., 2019)	
Кол-во	Группы артефактов
2	долотовидные
1	скребок
15	нуклеусов
324	всего

Продолжение таблицы 2

Вешний Ручей, культурный горизонт 3 (по: Задонин О.В., Дзюбас С.А., 2003)	
Кол-во	Группы артефактов
9	орудий
12	нуклеусы
1	заготовка нуклеуса
6	тех сколы
61	пластина
314	отщепы
403	всего

Любавская (по: Задонин О.В. и др., 2014)	
Кол-во	Группы артефактов
63	микропластины
1	пластина с ретушью
1	орудие с выемками и шипами
1	скребок
1	резец на пластине
67	всего

Продолжение таблицы 2

2. Статистика коллекций археологических местонахождений Северного Байкала

Курла I-III, 3 объедин. донеолит. к.г. (по: Шмыгун П.Е., 1981)	
Кол-во	Группы артефактов
87	микронуклеусы
236	тех сколы с микронуклеусов
2024	микропластины
30	изделия с выемками
8	резцы
1	бифас
1	скребло
2	скребки
4574	отщепы
12	иглы
1	вкладышевая обойма
5	гравированные изделия из кости
2	стержневые из кости
1	пест-разминатель
1	колотушка
4	пластины из кости
6989	всего

Курла I-III, 2 объедин. донеолит. к.г. (по: Шмыгун П.Е., 1981)	
Кол-во	Группы артефактов
5	клиновидные нуклеусы
26	резцы
5	чопперовидные
3	скребка
273	пластины из кости
1260	отщепов
4	реберчатые сколы
4	лыжевидные
1	колотушка
1	пластина из рога
2718	всего

Продолжение таблицы 2

Курла I-III, 1 объедин. донеолит. к.г. (по: Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А., 2019)	
Кол-во	Группы артефактов
4	грубопризматические нуклеусы
5	клиновидные нуклеусы
3	бифасы
40	скребки
10	резцы
10	скребла
6	скребловидные
4	ножевидные
1	комбинированный унифас
8	чопперы
8	тесловидные
10	отщепы с ретушью
1	шлифованное абразив. орудие
82	технические сколы
1536	отщепы
1	галька с охрой
1	гематит
2035	всего из камня
3	вкладыш обойма
3	гарпун
1	колотушка
2	острия
1	изделие с пазом
5	пластины из рога
22	всего из кости

Продолжение таблицы 2

Курла IV, 3 культурный горизонт (по: Абдулов Т.А., 1991)	
Кол-во	Группы артефактов
3	клиновидные нуклеусы
39	пластин
13	скребки
6	резцов
3	фрагменты унифасов
1	обломок ножа
1	обломок остроконечника
3	пластины с ретушью
1	выемчатое орудие
1	проколка
1	отщеп с ретушью
1	галечн. скребло
1	чоппер
474	отщепы
508	всего

Курла IV, 2 культурный горизонт (по: Абдулов Т.А., 1991)	
Кол-во	Группы артефактов
1	скол поджигления нуклеуса
1	тесло с перехватом
2	ножи из пластин
1	отщеп с ретушью
1	скребок
1	фронт скол с нуклеуса
4	отщепы с амортизац. ретушью
77	отщепы
88	всего

Продолжение таблицы 2

Лударская III (по: Хлобыстин Л.П., 1965)	
Кол-во	Группы артефактов
1	скребло "уло"
1	нуклеус
1	скребок
1	скребло
1	чоппер
5	всего
Лударская I (по: Хлобыстин Л.П., 1965)	
Кол-во	Группы артефактов
5	угловые резцы
2	вкладыши
1	провертка
1	пластинка со скошенным краем
7	скребки
3	срединные резцы
7	полиэдрические резцы
1	сверловидный резчик
1	торцовый микронуклеус
3	ударные площадки
1	тесло с перехватом
1	тесловидный галечный унифас
1	обломок гарпуна
34	всего

Балтаханова III (по: Инешин Е.М., Карнышев И.С., 2005)	
Кол-во	Группы артефактов
1	микронуклеус
1	лыжевидный скол
5	краевых сколов
46	отщепов
72	чешуйки
197	фрагменты микропластин
322	всего

Продолжение таблицы 2

Балтаханова V (по: Тетенькин А.В., Кичигин Д.Е., Коростелев А.М., 2019)	
Кол-во	Группы артефактов
1	резец-скребок
4	скребки
3	галечные струги-тесла
1	вкладыш
2	резцы
3	пластины с рабочей ретушью
21	пластина
19	отщепы
54	всего

Горячая 1 (по: Тетенькин А.В., Харинский А.В., 2016)	
Кол-во	Группы артефактов
5	нуклеусы
4	резцы
3	скребки
1	резец-скребок
1	проколка
1	вкладыш
1	скол с ретушью
1	тесло
175	пластины
2	битые гальки
353	отщепы
547	всего

Горячая 3 (по: Тетенькин А.В., Харинский А.В., 2016)	
Кол-во	Группы артефактов
1	фрагмент нуклеуса
38	пластин
14	отщепы с амортизационной ретушью
198	отщепы
3	фрагменты кости
254	всего

Продолжение таблицы 2

3. Статистика коллекций археологических местонахождений Нижнего Витима

Мамакан VI (по: Тетенькин А.В., 2014в)	
Кол-во	Группы артефактов
2	нуклеусы
4	скребки
1	резец
1	отщеп с ретушью
1	оббитый кристалл горного хрусталя
2	пластины
288	отщепы
4	сланцы
303	всего

Авдеиха	
данные о статистике отсутствуют	

Коврижка IV, 6 культурный горизонт (по: Тетенькин А.В., Анри А., Клементьев А.М., 2017)	
Кол-во	Группы артефактов
8801	отщепы
391	пластины
7	скребки
8	резцы
2	скребла
2	долотовидные
2	ножи
1	скобель
1	вкладыш
1	отщеп с шипом
1	скол с амортизац. ретушью
1	бифас из горного хрусталя
1	отщеповый нуклеус
4	клиновидные нуклеусы
5	сбитые лезвия/реберчатые края
4	фронтальные сколы

Продолжение таблицы 2

Коврижка IV, 6 культурный горизонт (по: Тетенькин А.В., Анри А., Клементьев А.М., 2017), продолжение	
1	скол подживления ударной площадки
1	технич. скол с нуклеуса
1	фрагмент краевого скола с бифаса
26	гальки и плитки
24	графитит
243	гематит
390	фрагменты костей
9918	всего

Коврижка IV, 5 культурный горизонт (по: Тетенькин А.В., 2010)	
Кол-во	Группы артефактов
1	отщеп с ретушью
1	резец
1	фрагмент лыжевидного скола
6	микропластины
1	пластинка
18	отщепы
28	всего

Коврижка IV, 4 культурный горизонт (по: Тетенькин А.В., 2010)	
Кол-во	Группы артефактов
2	скребки
1	резец
1	лыжевидный скол
3	микропластины
1	краевой скол
82	отщепы
1	обломок подвески из графита
91	всего

Коврижка IV, 3Б культурный горизонт	
Кол-во	Группы артефактов
2	унифасы
1	микропластина
16	отщепы
1	фрагмент кости
20	всего

Продолжение таблицы 2

Коврижка IV, 3А культурный горизонт	
Кол-во	Группы артефактов
1	скребок
1	отщеп с ретушью
1	фронтальный скол с клиновидного нуклеуса
3	микропластины
15	отщепы
21	всего

Коврижка IV, 3 культурный горизонт (по: Тетенькин А.В., 2017д)	
Кол-во	Группы артефактов
5	скребки
1	фронтальный скол с клиновидного нуклеуса
3	фрагменты лезвия
29	микропластины
520	отщепы
5	фрагменты костей
1	клиновидный нуклеус
564	всего

Коврижка IV, 3/2 культурный горизонт	
Кол-во	Группы артефактов
1	резчик
2	скребки
2	скребла
7	отщепы с ретушью
3	микронуклеусы
2	макропластины
85	микропластины
2282	отщепы
2384	всего

Продолжение таблицы 2

Коврижка IV, 2Г культурный горизонт (по: Тетенькин А.В. и др., 2021)	
Кол-во	Группы артефактов
17	орудий
1	битая галька
2	галечных скола
1417	отщепы
1437	всего

Коврижка IV, 2Б культурный горизонт (по: Тетенькин А.В., 2017в)	
Кол-во	Группы артефактов
12	клиновидные нуклеусы
1	отщеповый нуклеус
7	долотовидные орудия
6	отщепы с ретушью
3	отщепы с амортизац. ретушью
3	бифасы
2	фрагменты бифасов
1	заготовка клиновидного нуклеуса
233	микропластины
17	технические сколы
6958	отщепы
7243	всего

Коврижка IV, 2А культурный горизонт	
Кол-во	Группы артефактов
1	скребок
1	микропластина
47	отщепы
49	всего

Продолжение таблицы 2

Коврижка IV, 2 культурный горизонт	
Кол-во	Группы артефактов
2	отщеповые нуклеусы
3	клиновидные нуклеусы
2	скребла
2	скребки
2	отщепы с ретушью
3	долотовидные
1	резец из кварца
>20	пластины
>1200	отщепы
>1315	всего

Коврижка III, 3 культурный горизонт (по: Тетенькин А.В., 2016а)	
Кол-во	Группы артефактов
4	бифасы
2	скребла
1	долотовидное
3	микронуклеусы
1	скребок+резец
2	проколки
1	унифас-нож
2	чопперы
1	мелок из графита
2	отщепы с рет
2	отбойники
1	наковальня
195	микропластины
4688	отщепы
4905	всего

Продолжение таблицы 2

Коврижка III, 2 культурный горизонт (по: Тетенькин А.В., 2016а)	
Кол-во	Группы артефактов
1	проколка
2	долотовидные
12	скребки
6	ножи
3	скребла
7	резцы
17	отщепы с ретушью
12	обломки лезвий
5	бифасы
13	микронуклеусы
3	преформы микронуклеусов
7	галечные нуклеусы
8	чопперы
2	резчики из микропластин
322	микропластины
3	колотые гальки
4	гальки-отбойники
6	графититовые
15326	отщепы
69	фрагменты костей
15828	всего

Коврижка III, 1А культурный горизонт (по: Тетенькин А.В., 2016а)	
Кол-во	Группы артефактов
2	скребки
1	ножи
2	долотовидные
3	сколы с нуклеусов
347	микропластины
1	графитит
2308	отщепы
2664	всего

Продолжение таблицы 2

Коврижка III, 1 культурный горизонт (по: Тетенькин А.В., 2016а)	
Кол-во	Группы артефактов
1	остроконечник
2	резцы
1	фрагмент микропластины
104	отщепы
108	всего

Коврижка II, 5 культурный горизонт (по: Тетенькин А.В., 2010)	
Кол-во	Группы артефактов
1	скребок
2	битые отдельные
39	отщепов
3	фрагменты костей
45	всего

Коврижка II, 4А культурный горизонт (по: Тетенькин А.В., 2010)	
Кол-во	Группы артефактов
1	нож
2	скребки
1	струг-скобель
7	пластины
224	отщепы
38	фрагменты костей
273	всего

Коврижка II, 3-4 культурные горизонты (по: Тетенькин А.В., 2010)	
Кол-во	Группы артефактов
6	микронуклеусы
40	орудия
42	графитит
62	пластины
40	фрагменты костей
11039	отщепы
11229	всего

Продолжение таблицы 2

Коврижка II, 2 культурный горизонт (по: Тетенькин А.В., 2010)	
Кол-во	Группы артефактов
2	микронуклеусы
1	подживляющий скол
12	пластины
552	отщепы
567	всего
1	фрагмент зуба

Коврижка II, 1 культурный горизонт (по: Тетенькин А.В., 2010)	
Кол-во	Группы артефактов
1	скребок
1	скребло
1	отщеп с ретушью
1	микронуклеус
>50	отщепы
>55	всего

Коврижка V, 2 культурный горизонт (по: Исаев А.В., Тетенькин А.В., 2015)	
Кол-во	Группы артефактов
2	орудия
3	пластины
507	отщепов
512	всего

Коврижка V, 1 культурный горизонт (по: Исаев А.В., Тетенькин А.В., 2015)	
Кол-во	Группы артефактов
2	пластины
4	отщепы
6	всего

Продолжение таблицы 2

Изделия и отходы расщепления камня 3А-9 культурных горизонтов **Большого Якоря I** (по: Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010).

Культурный горизонт	Отходы расщепления камня			Изделия		
	Общее кол-во	В т.ч. чешуйки	Первичные	Пластины	Нуклеусы	Орудия
9 к.г.	2344	2043	5	77	1	10
8 к.г.	1946	1257	-	28	4	7
7 к.г.	16850	15562	4	470	7	45
6 к.г.	55645	42082	136	609	17	77
5 к.г.	28462	25919	103	32	4	29
4В к.г.	581	555	1	1	-	4
4Б к.г.	17800	15522	74	96	6	28
4А к.г.	168	120	3	12	-	1
4 к.г.	303	126	1	5	2	2
3В к.г.	231	103	-	382	5	8
3Б к.г.	12	-	-	-	-	2
3А к.г.	137	-	-	9	1	2

Продолжение таблицы 2

Орудия и нуклеусы 3А-9 культурных горизонтов **Большого Якоря I**. (В числителе даны количественные данные, в знаменателе – процентная доля к общему числу орудий из камня и нуклеусов) (по: Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010)

Культурный горизонт	Скребла	Скребки	Резцы	Бифасы	Долотовидные	Клиновидные нуклеусы	Отщеповые нуклеусы	Костяные орудия	Изделия из графита
9 к.г.	3/23%	-	4/30,7%	3/23%	-	3(1 целый)/23%	-	1	-
8 к.г.	1/9%		1(+1преформа)/20%	4/36%	-	3(+1фронт.скоп)/36%	-	1	-
7 к.г.	1/2%	2/3,8%	14/27%	14/27%	2/3,8%	7/13%	-	5	-
6 к.г.	23/24,5%	8/8,5%	31/29%	14/15%	-	9/9,6%	8/8,5%	7	1/1%
5 к.г.	17 (11 целых)/64,7%	1/1%	1/1%	7(2 целых)/21%	1/1%	-	4/12%	2	-
4В к.г.	1/25%	1/25%	1/25%	1/25%	-	-	-	-	1/25%
4Б к.г.	10(9 целых)/29%	-	4/11,7%	8(2 целых)/23,5%	-	5/14,7%	1/3%	2	-
4А к.г.	-	-	-	-	-	-	-	-	-
4 к.г.	1/25%	1/25%	-	1/25%	-	1/25%	1/25%	-	
3В к.г.	-	-	2/25%	5/62,5%		5/62,5%	-	-	1/12,5%
3Б к.г.	-	-	1/50%	-	-	-	-	-	1/50%
3А к.г.	1/33,3%	2(1 целый)/66,6%	-	-	-	-	-	1	-

Продолжение таблицы 2

Нирьякан I, 2 культурный горизонт	
Кол-во	Группы артефактов
9	пластины
7	нуклеусы
8	битые отдельности
10	орудия
2	гальки
540	отщепы
576	всего

Большая Северная (по: Мочанов Ю.А., 1977)	
Кол-во	Группы артефактов
52	орудия на пластинах
1	скребок
3	нуклеусы
130	пластины
13	отщепы
199	всего

Павлова I, 1 культурный горизонт (по: Уланов А.А. и др., 2020)	
Кол-во	Группы артефактов
68	микропластины
8	пластины
2	фронт скол с нуклеуса
1	реберчатый скол
96	отщепы
175	всего

Павлова I, 2 культурный горизонт (по: Уланов А.А. и др., 2020)	
Кол-во	Группы артефактов
2	фронтальные сколы с нуклеуса
1	реберчатый скол
32	микропластины
27	отщепы
62	всего

Продолжение таблицы 2

Инвалидный III - пункт 1, 1 культурный горизонт	
Кол-во	Группы артефактов
1	нуклеус
3	микропластины
4	фрагменты орудий
1	лыжевидный скол
916	отщепы
3	валуны
1727	фрагменты костей
2655	всего

Инвалидный III - пункт 2, 4 культурный горизонт	
Кол-во	Группы артефактов
3	скребки
3	нуклеусы
1	резец
165	микропластины
402	отщепы
26	гальки
1	поделка из графита
41	фрагменты костей
642	всего

4. Статистика коллекций археологических местонахождений Верхнего Витима

Усть-Каренга I-XVI, 8a культурный горизонт (по: Ветров В.М., 2011a)	
Кол-во	Группы артефактов
9	скребки
1	трансверсальный скол
1	резец
2	микронуклеусы
1	реберчатый скол с бифаса
1	подпризматический нуклеус
>1600	всего

Продолжение таблицы 2

Усть-Каренга I-XVI, 8 культурный горизонт (по: Ветров В.М., 2011а)	
Кол-во	Группы артефактов
3	скребки
2	резцы
2	резцовые сколы
1	нож
1	скобель
1	клиновидный нуклеус
1	заготовка клиновидного нуклеуса
2	подпризматические нуклеусы
>1800	всего

Усть-Каренга I-XVI, 7-3 культурные горизонты	
данные в публикациях отсутствуют	

Усть-Каренга XVI, яма 1 (по: Ветров В.М., 2008а)	
Кол-во	Группы артефактов
30	пластины
12	вкладыши
2	пластинчатый отщеп
1	острие из пластины
2	скребки
2	нуклеусы
1	изделие из графитита
1	изделие из пемзы
3	отщепы
3	кусочки вулканич. породы
9	кусочки обожжен. глины
6	обломки галек подсыпки
72	всего

Продолжение таблицы 2

Усть-Каренга XVI, яма 2 (по: Ветров В.М., 2008а)	
Кол-во	Группы артефактов
126	пластины
4	пластины с ретушью
40	нуклеусы
1	провертка-скребок
1	орудие из пластинч. скола
40	отщепы
2	гальки
1	ретушер
1	кусок кварцита
1	ожелезненная конкреция
217	всего

Нижняя Джилинда (Сивакон) I, 6 культурный горизонт (по: Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М., 1993)	
Кол-во	Группы артефактов
1	нуклеус
24	пластины
1	скребок
1	скребло
1	резец
63	отщепы
91	всего

Продолжение таблицы 2

Нижняя Джилинда (Сивакон) I, 5 культурный горизонт (по: Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М., 1993)	
Кол-во	Группы артефактов
19	нуклеусов
2	бифасиальные топорики
1	остроконечник-бифас
109	пластины
2	чопперы
1	скребло
1	тесловидное
45	колотые гальки
42	обломки изделий
904	отщепы
10	обломки зубов
1139	всего

Нижняя Джилинда (Сивакон) I, погребение (по: Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М., 1993)	
Кол-во	Группы артефактов
317	микропластины
110	бусы из агальматолита
13	нуклеусы
6	наконечники стрел
1	нефритовая пластина
1	выпрямитель древков
1	остроконечник
5	вкладышевые целые обоймы и фрагменты
1	пластина из бивня с заточенным концом
1	долотовидное из рога
2	острия
3	наконечники стрел из кости
1	жало рыболовного крючка
1	фрагмент гарпуна
1	трубчатая кость с пропилами
828	фрагменты костей
1310	всего

Продолжение таблицы 2

Нижняя Джилинда (Сивакон) I, 5a культурный горизонт, в районе погреб. Ямы (по: Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М., 1993)	
Кол-во	Группы артефактов
3	шлифованный ножи из нефрита
3	заготовки для нефитовых ножей
16	нуклеусы
4	песчаные абразивы
2	выпрямители древков
1	топорик
1	острие из отщепа
2	тесловидные орудия
3	заготовки тесел
1	скребловидные
2	скребки
2	чоппинги
1	резец из пластины
3	пластины с ретушью
508	пластины
2	заготовки изделий
2	краевый сколы с нуклеусов
3	отбойники
6	гальки
13	халцедоновые гальки
13	бусины из агальматолита
647	отщепы
1238	всего

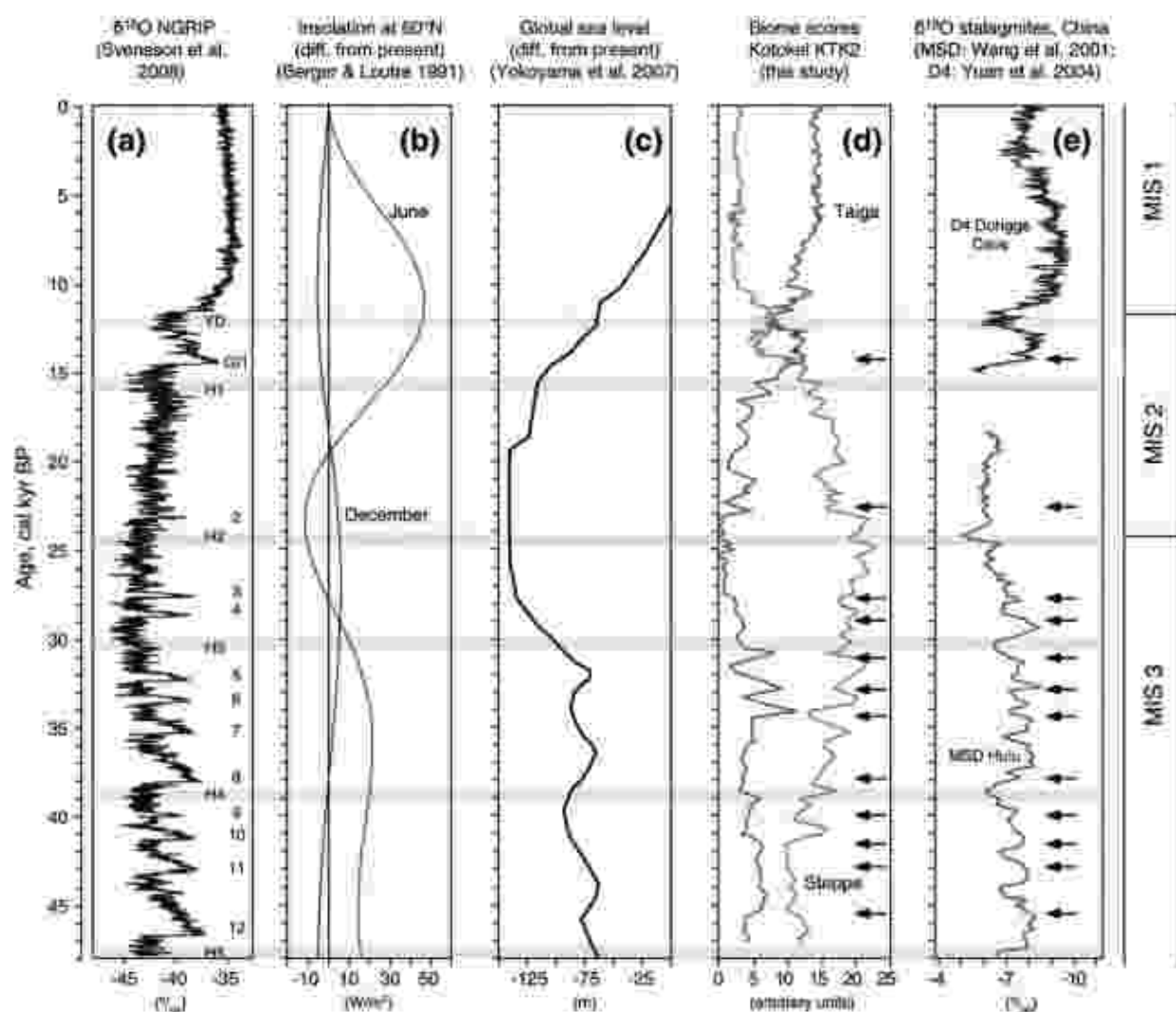
Продолжение таблицы 2

Нижняя Джилинда (Сивакон) I, 4 культурный горизонт (по: Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М., 1993)	
Кол-во	Группы артефактов
1	нуклеус
24	пластинки
1	скребок
1	краевой скол с нуклеуса
1	резец
1	скребло
1	заготовка нуклеуса
2	гальки
58	отщепы
1	фрагмент зуба
91	всего

Старый Витим II, могильник (по: Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В., 2019, 2020)											
Комплекс	Пластины	Бусины	Нефрит. Тесла	Нефрит. ножи	Нефрит. заготовки	Отщепы	Нуклеусы и заготовки	Стерженек рыболовн. крючка	Скребки	Плитка	Гальки
Яма 1 погребение	88	28						1	1		
Яма 2 погребение	1										
Яма 3 погребение	1										
Яма 4 погребение	61										
Яма 5 погребение	4	230	2			1					
Яма 6 погребение	178		1	1	9	2					
Яма 7 кенотаф		1	1								
Яма 9 кенотаф											
Яма 10 погребение	36			1	1						
Яма 11 погребение	39			1		8	16			1	
Яма 12 кенотаф						1					2
Яма 14 кенотаф											1
Яма 15 кенотаф	185			1							2

Примечание: ямы 8 и 13 определены как поздние, в таблицу не включены.

Таблица 3. Диаграммы климатических индикаторов

Сопоставление (а) $\delta^{18}\text{O}$ кернов Гренландии, как индикаторов температуры воздуха Северной Хемисферы (по: Svensson et al., 2008) и (е) китайских сталагмитов (по: Wang et al., 2001; Yuan et al., 2004), как индикатора интенсивности Тихоокеанских муссонов, (б) уровня мирового океана (по: Yokoyama et al., 2007), как индикатора объема глобального льда, и (д) числовой оценки биома для степи и тайги, как палеоклиматических индикаторов в регионе Озера Байкал (данное исследование), нанесенных на их соответствующие временные рамки. Стрелочки указывают на Гренландские Интерстатналы (GI 1 - 12), показанные в левой графе. Серые барьеры обозначают приблизительные позиции Позднего Дриаса (YD) и событий Хайнриха H1 - H5 (по: Tierney et al., 2008) (по: Bezrykova E.V. et al., 2010, fig. 7).

Таблица 4. Диаграмма колебания климата Прибайкалья в позднем плейстоцене (по педолитологическим данным) (Воробьева Г.А., 2010, рис. 1)

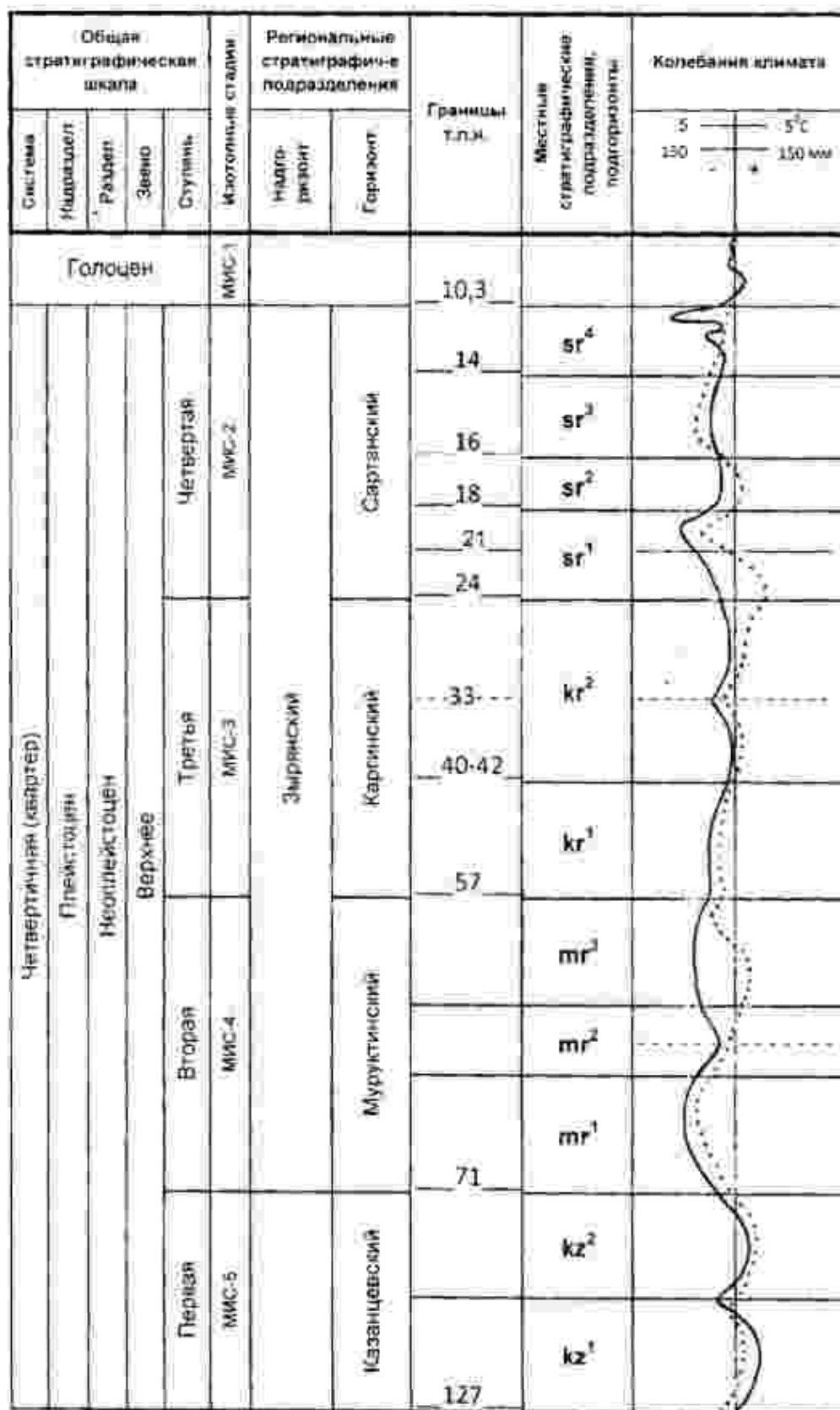

Таблица 5. Диаграмма колебания климата Прибайкалья в голоцене (по педолитологическим данным) (по: Воробьева Г.А., 2010, рис. 24).

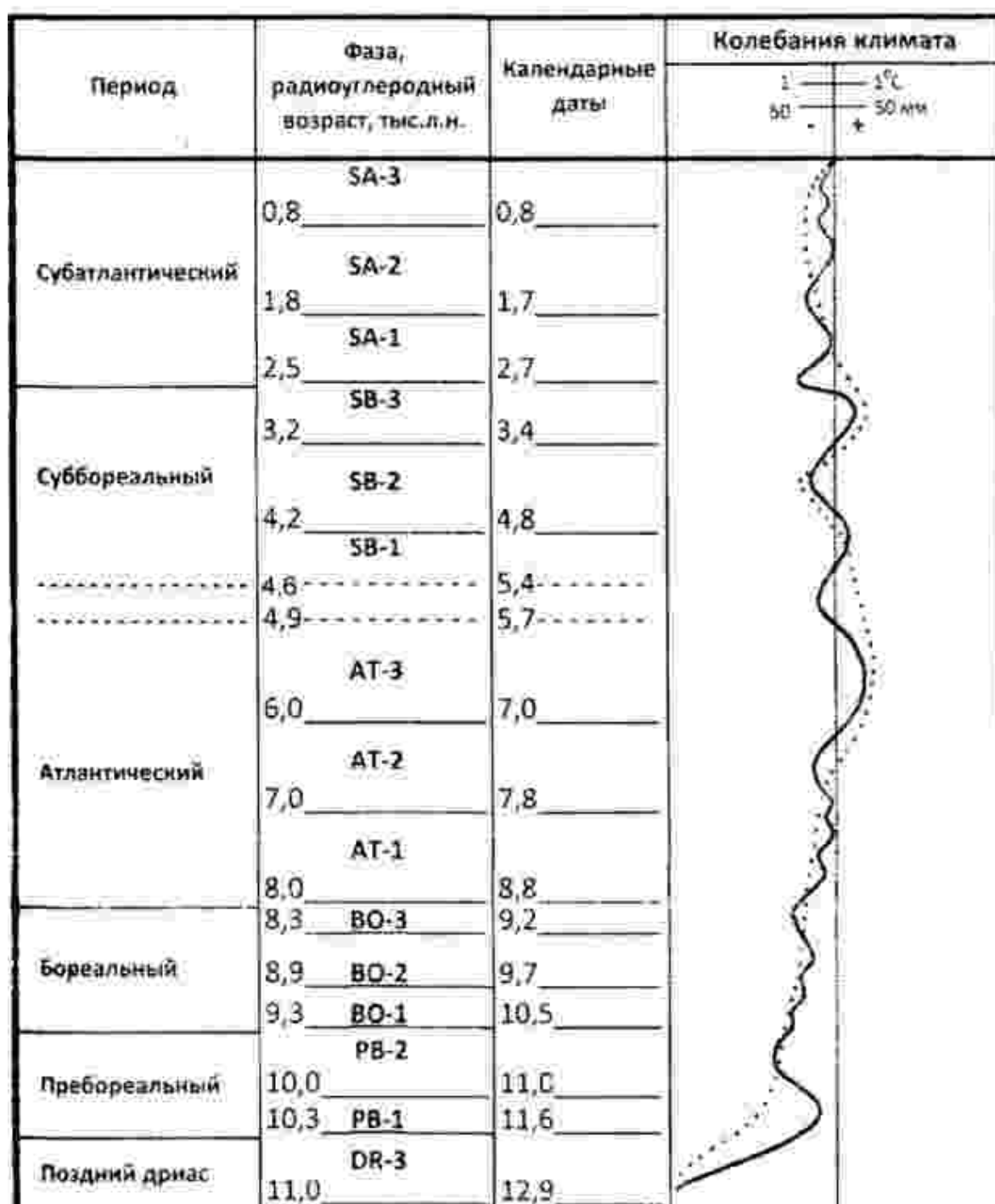

Таблица 6. Дифрактограммы образцов Усть-Каренги XVI, Коврижки I и Коврижки IV (по: Тетенькин А.В., Ветров В.М., Демонтерова Е.И. и др., 2018).

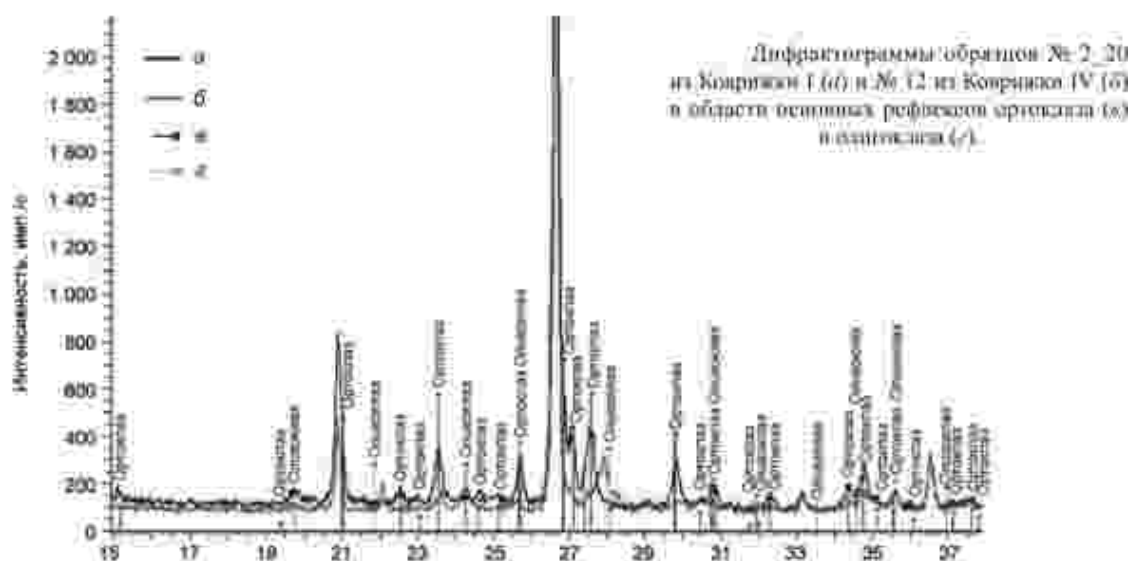
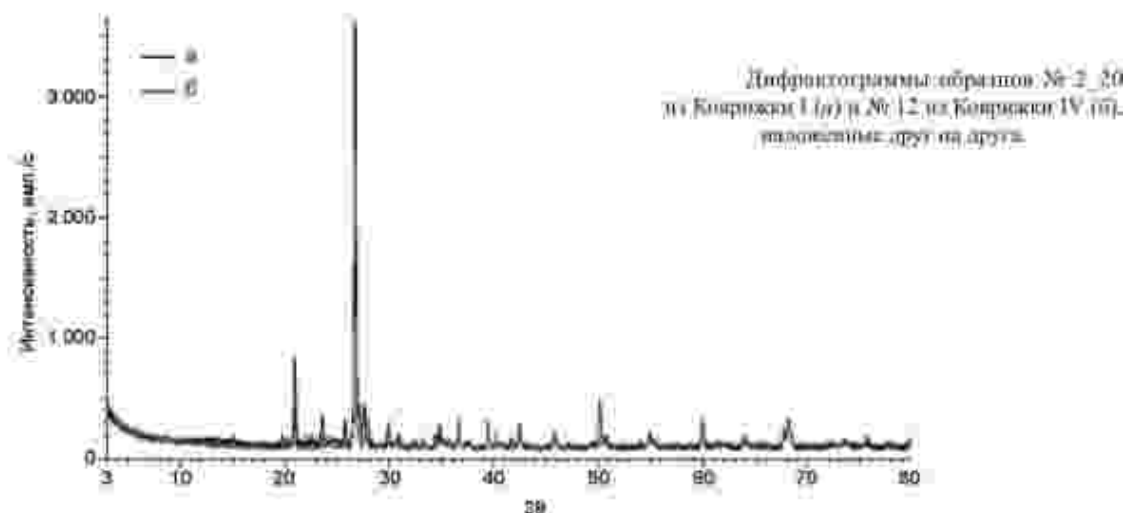
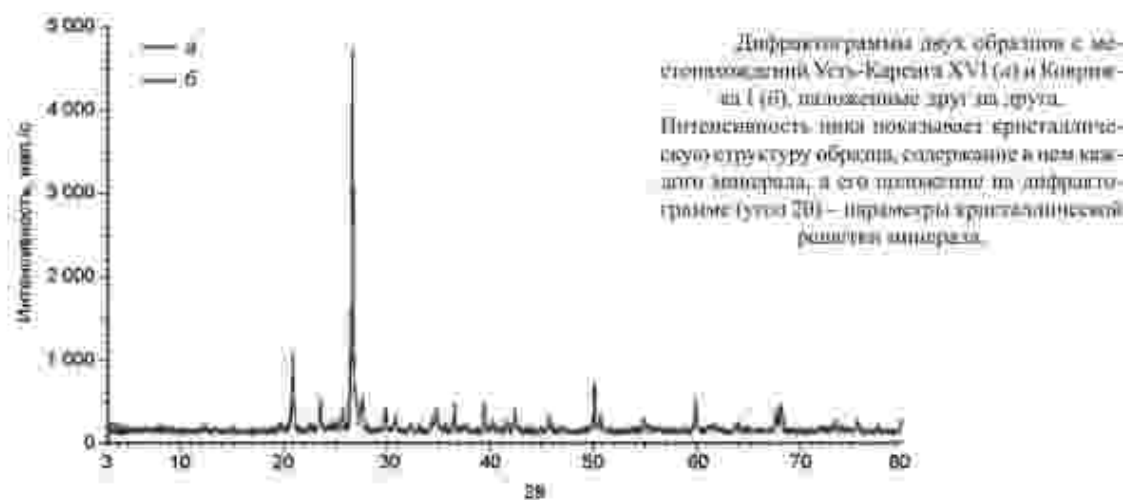

Таблица 7. Радиоуглеродное датирование ям (погребений, кенотафов и хозяйственных ям) стоянки-могильника Старый Витим II. (по: Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В., 2019).

Номер	14C дата	Календарный возраст, л. н. (95,4%)	Медиана, л. н.	Образец	Погреб./ритуал. комплекс
TO-11562	6830±70	7826-7571	7669	кость	2
TO-11563	23140±270	27842-26881	27415	кость	3
TO-11565	3070±310	4090-2651	3276	кость	5
TO-11566	5860±430	7595-5877	6718	кость	6
TO-11567	5520±70	6452-6186	6324	кость	11
TO-11569	1460±60	1424-1285	1360	кость	13
TO-11570	6730±70	7691-7467	7594	уголь	1
TO-11571	6630±80	7659-7420	7517	уголь	3
TO-11572	6350±70	7429-7158	7286	уголь	4
TO-11573	1890±70	1992-1692	1829	уголь	5
TO-11574	6630±80	7659-7420	7517	уголь	6
TO-11575	3320±70	3713-3387	3553	уголь	7
TO-11576	3480±60	3896-3593	3754	уголь	8
TO-11577	9320±80	10711-10721	10519	уголь	9
TO-11578	4340±60	5064-4823	4928	уголь	10
SOAN-4433	6415±70	7443-7239	7344	уголь	4
SOAN-4434	7280±65	8204-7962	8095	уголь	2
SOAN-4435	6500±60	7510-7287	7411	уголь	3
GIN-9002	4550±90	5470-4958	5192	уголь	

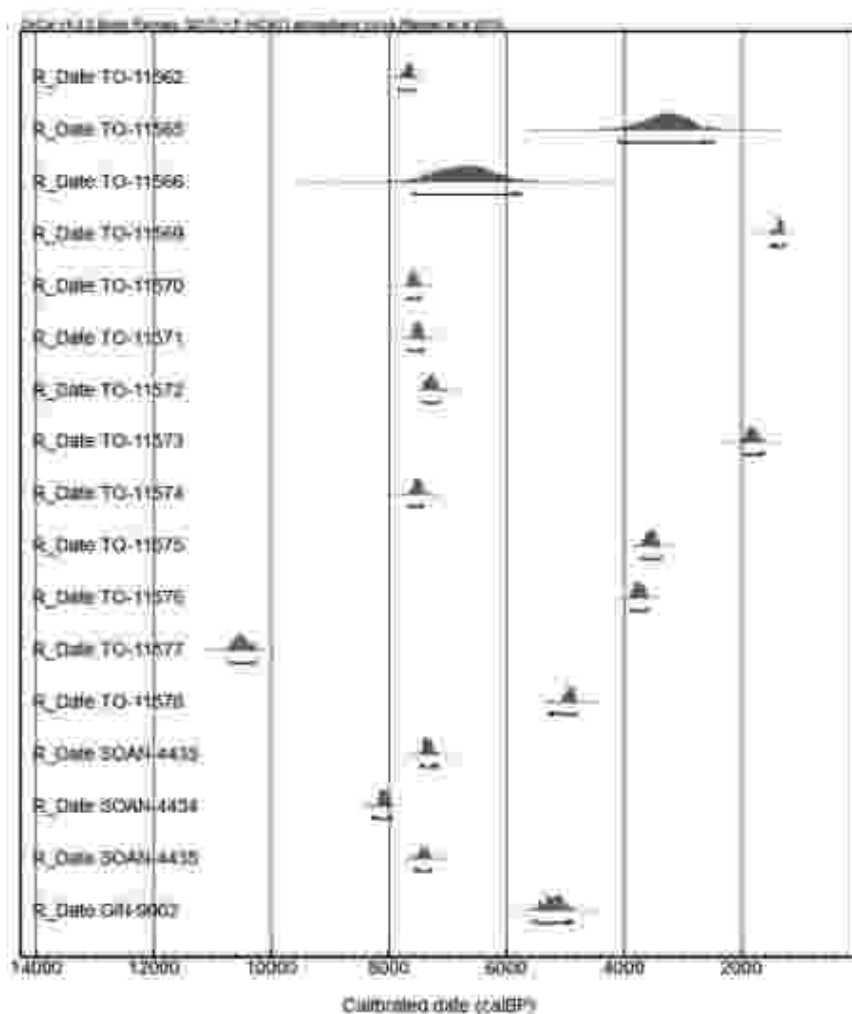

Таблица 8. Результаты порошкового дифракционного анализа охры стоянки Коврижка IV (по: Тетенькин А.В., Жмур О.В., Демонтерова Е.И. и др., 2018).

№	Место отбора	Минеральный состав охры, %				
		Гематит	Кварц	Мусковит	Полевой шпат	Гетит
1	Коврижка IV 2016 – шпелет 44 – кв. 12 – к.г. 2Б	72	28	–	–	–
2	Коврижка IV 2016 – шпелет 44 – кв. 6 – к.г. 2Б	89	11	–	–	–
3	Коврижка IV 2015 – шпелет 40 – кв. 4 – к.г. 6	96	4	–	–	–
4	Коврижка IV 2015 – шпелет 36 – кв. 23 – к.г. 6	58	42	–	–	–
5	Коврижка IV 2015 – шпелет 36 – кв. 19 – четв. 4 – к.г. 6 (у битниевой фигурой)	67	29	4	–	–
6	Коврижка IV 2016 – шпелет 44 – кв. 18 – четв. 3 – к.г. 2Б	21	32	–	47	–
7	Коврижка IV 2016 – шпелет 44 – кв. 13 – четв. 1 – к.г. 2Б	42	–	–	–	58
8	Коврижка IV 2015 – шурф 14 – к.г. 2Б	45	44	–	–	11

Примечание: Минералогический состав охры определялся с помощью порошковой рентгеновской дифракции с использованием дифрактометра D8 ADVANCE Bruker, оснащенного детектором VANTEC -1 PSD и зеркалом Göbel. Обработка полученных данных выполнялась с использованием пакета программных средств DIFFRACplus. Минеральные фазы в образцах были идентифицированы с помощью Базы данных порошковой дифрактометрии PDF-2 (ICDD, 2007) с применением программного обеспечения EVA (Bruker, 2007). В программе TOPAS 4 (Bruker, 2008) определялось количественное соотношение фаз образца.

Таблица 9. Стоянка Коврижка IV, культурные горизонты 6 и 2Б. Результаты порошкового дифракционного анализа охры. а – гематит; б – кварц; в – мусковит; г – полевой шпат; д – гетит (по: Тетенькин А.В., Жмур О.В., Демонтерова Е.И. и др., 2018).

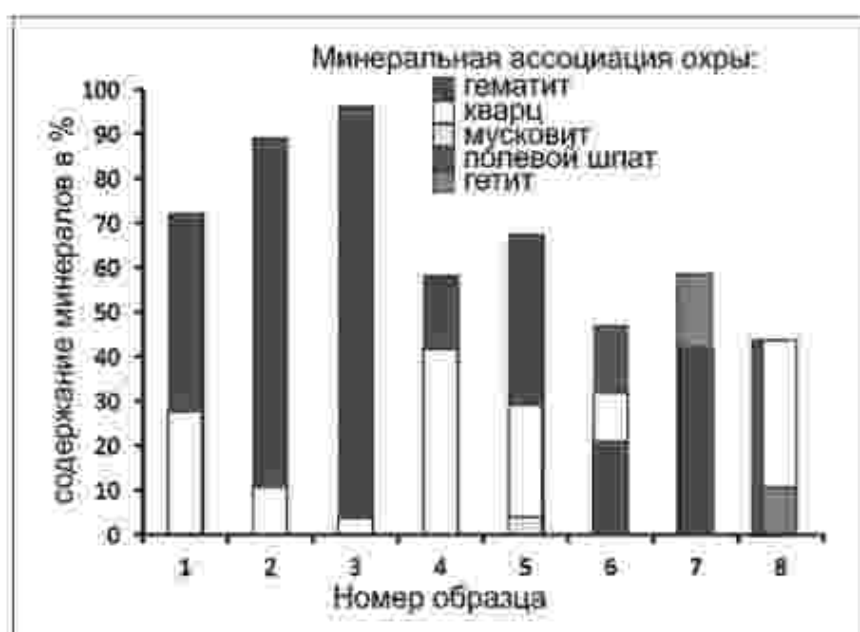

Таблица 10. Диаграммы сравнения химического состава образцов черного алеврита из диска 2Б и наброса на козрище 6-го культурных горизонтов стоянки Коврижка IV (по: Тетенькин А.В., Ветров В.М., Демонтерова Е.И. и др., 2018).

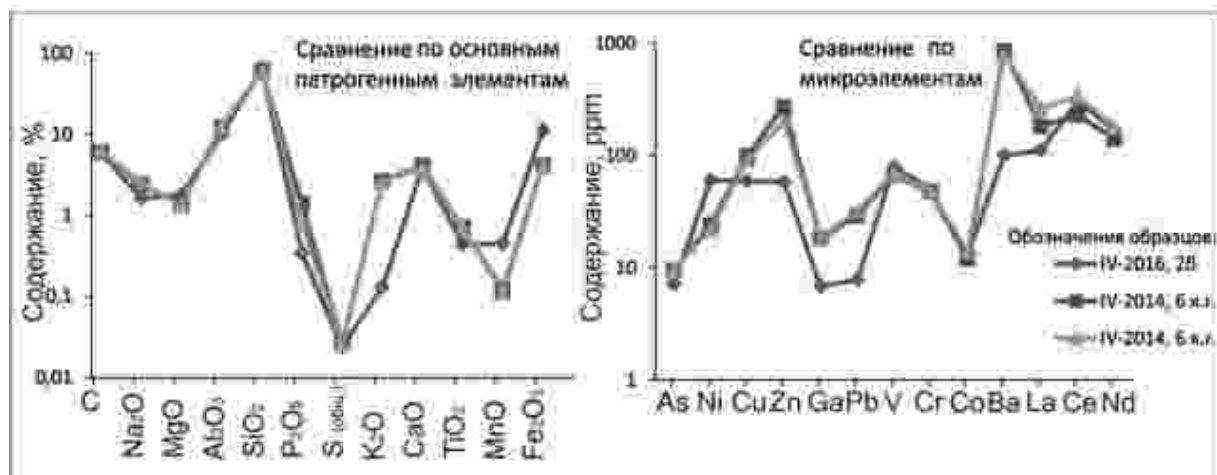

Таблица 11. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа для образцов черного алеврита из диска 2Б и наброса на козрище 6-го культурных горизонтов стоянки Коврижка IV (по: Тетенькин А.В., Ветров В.М., Демонтерова Е.И. и др., 2018).

Коврижка IV черный алеурит	Содержание петрогенных элементов, мас. %												
	C	Na ₂ O	MgO	Al ₂ O ₃	SiO ₂	P ₂ O ₅	S (обн.)	K ₂ O	CaO	TiO ₂	MnO	Fe ₂ O ₃	
IV-2016 2Б	58,2	1,63	1,8	9,83	64,7	0,34	0,02	0,13	3,84	0,44	0,45	11,17	
IV-2014 6 к.г.	6,01	2,4	1,37	13,4	59,7	1,38	0,03	2,64	4,06	0,71	0,12	4,11	
IV-2014 6/ к.г.	6,19	2,83	1,35	12,4	62,7	0,84	0,03	2,65	3,74	0,71	0,11	4,02	
Коврижка IV черный алеурит	Содержание микроэлементов в образцах, ppm												
	As	Ni	Cu	Zn	Ga	Pb	V	Cr	Co	Ba	La	Ce	Nd
IV-2016 2Б	7,2	69	39	38	6,8	7,8	79	30	13	100	110	300	170
IV-2014 6 к.г.	9,4	24	99	270	18	29	67	47	12	850	180	230	140
IV-2014 6 к.г.	9,5	22	91	200	18	32	69	46	14	790	260	340	180

Примечание: Для анализа рентгенофлуоресцентным методом пробы с фракцией больше 0,3мм, очищенные от зерен полевых шпатов, кусочков угля и кварца, негашеные. Измерения проведены на рентгеновском спектрометре с волновой дисперсией S8 TIGER (Bruker).

Приложение 4. Иллюстрации

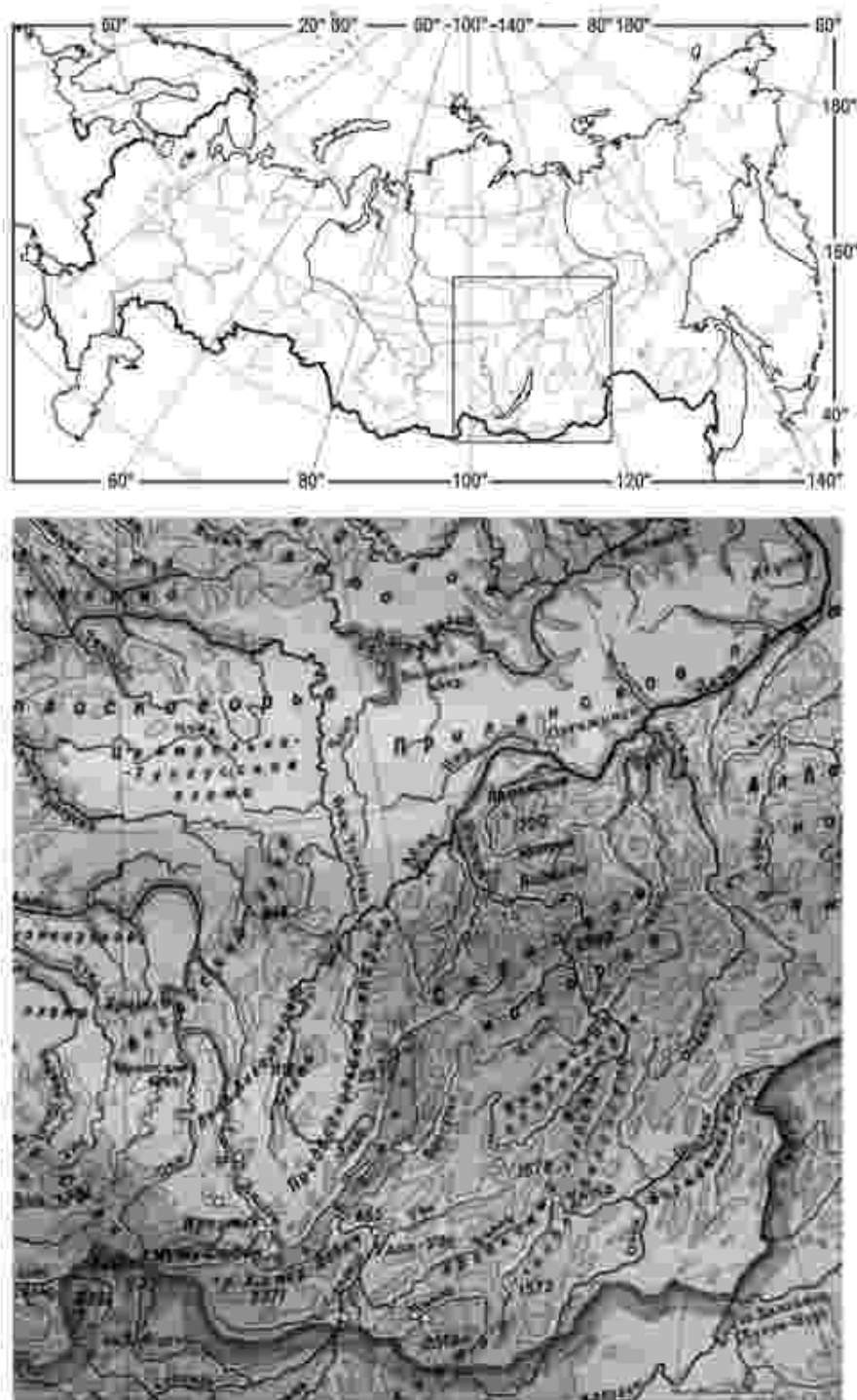
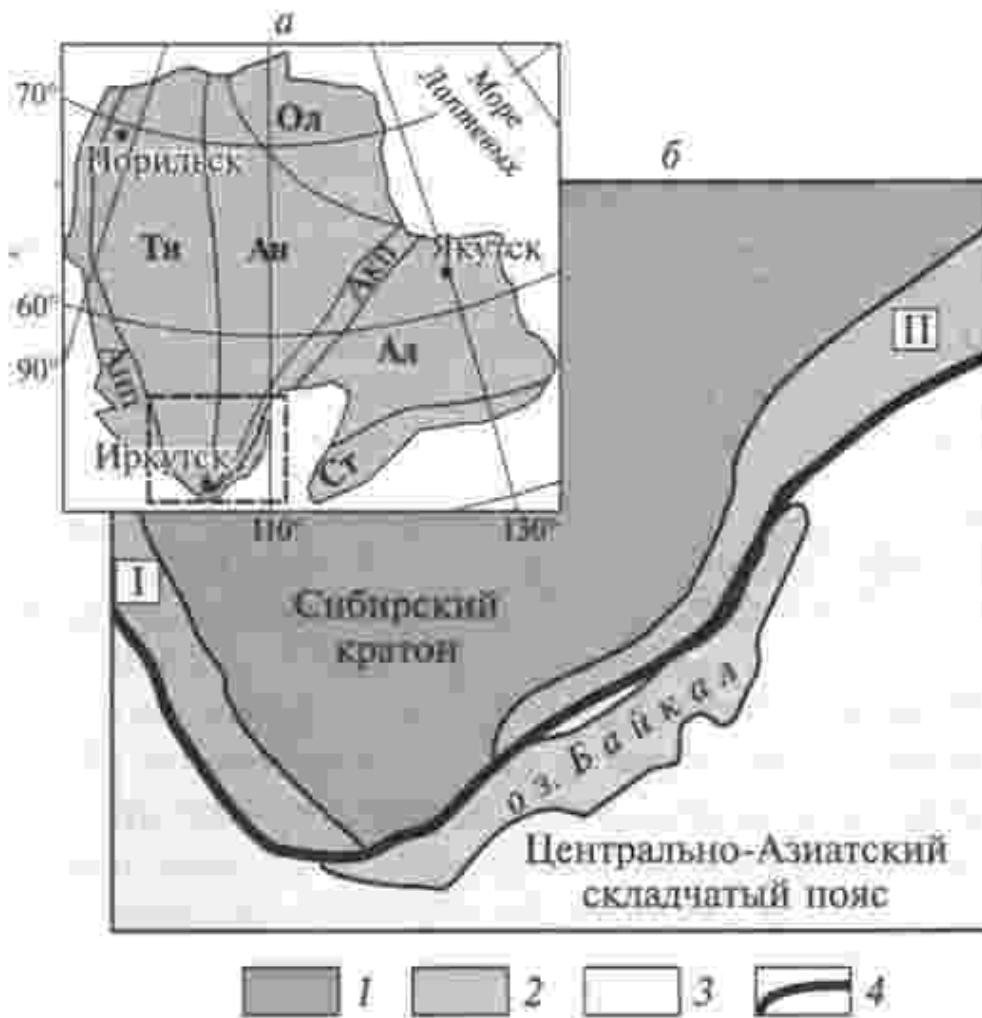

Рис. 1. Карта археологических местонахождений среднего верхнего палеолита - мезолита - раннего неолита Северного Прибайкалья: **памятники севера Верхней Лены** 1 - Бамовская, 2 - Чайка II, 3 - Вешний Ручей, 4 - Любавская I, 5 - Большово III, 6 - Алексеевск, 7 - Частинская I-III; **памятники Северного Байкала** 8 - Горячая I-IV, 9 - Лударская I, III, Балгаханова II, III, V, Красный Яр II, 10 - Курла I-VI; **памятники Верхнего Витима** 11 - Усть-Каренга I-XVI, 12 - Нижняя Джиллинга (Сивакон) I, 13 - Старый Витим II; **памятники Нижнего Витима** 14 - Авденха, Инвалидный III, Мамакан VI, Большой Якорь I, Коврижка I-V, Павлова, 15 - Большая Северная, 16 - Нириякан; **оторные памятники соседних районов** 17 - Красный Яр I, 18 - Мальта, 19 - Верховенская Гора I, 20 - Ошурково, 21 - Усть-Кяхта III, XVII, 22 - Студеное I, II, 23 - Усть-Менза I, II, 24 - Красная Горка, 25 - Сухотино IV, 26 - Хайбыргас.

Рис. 2. Опорные памятники среднего верхнего палеолита - мезолита - раннего неолита Северного Прибайкалья: **памятники севера Верхней Лены** 1 - Бамовская, 2 - Чайка II, 3 - Вешний Ручей, 4 - Любавская I, 5 - Большое III, 6 - Алексеевск, 7 - Чагинская I-III; **памятники Северного Байкала** 8 - Горячая I-IV, 9 - Лударская I, III, Балтаханова II, III, V, Красный Яр II, 10 - Курла I-VI; **памятники Верхнего Витима** 11 - Усть-Карезга I-XVI, 12 - Нижняя Джалинда (Сивакон) I, 13 - Старый Витим II; **памятники Нижнего Витима** 14 - Авдееха, Иншадный III, Мамакан VI, Большой Яжорь I, Коврижка I-V, Павлова, 15 - Большая Северная, 16 - Нирьякан;

1 — Сибирский кратон, перекрытый осадочным чехлом; 2 — краевые выступы фундамента Сибирского кратона: I — Присаянский; II — Прибайкальский; 3 — Центрально-Азиатский складчатый пояс (ЦАСП); 4 — граница Сибирского кратона.

Супертеррейны: Ан — Анабарский; Ал — Алланский; Ол — Оленекский; Ст — Становой; коллизионные пояса: Акп — Ахитканский; Анп — Ангарский; Тн — Тунгусский.

Рис. 3. Схемы террейнового строения Сибирского кратона (а) и основных тектонических единиц южной Сибири (б) (по: Байкаловедение, 2012)

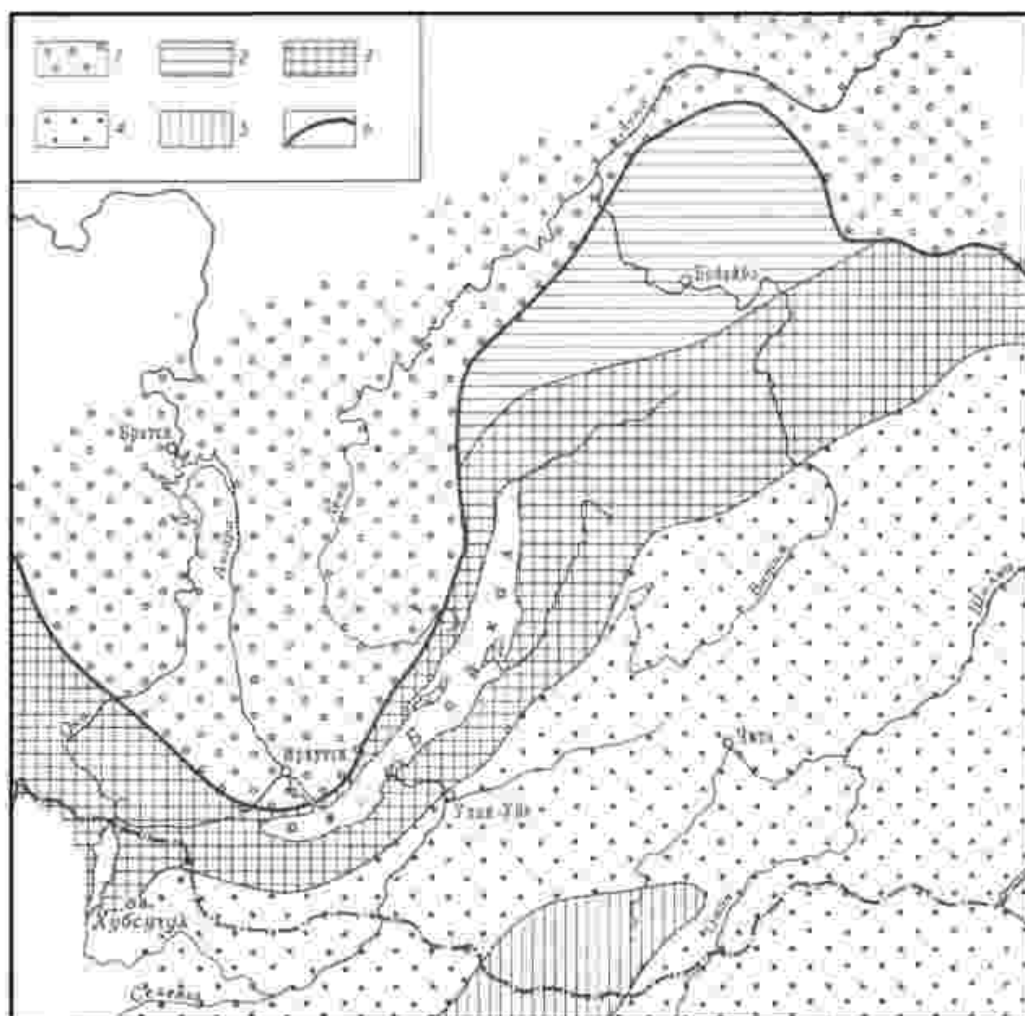
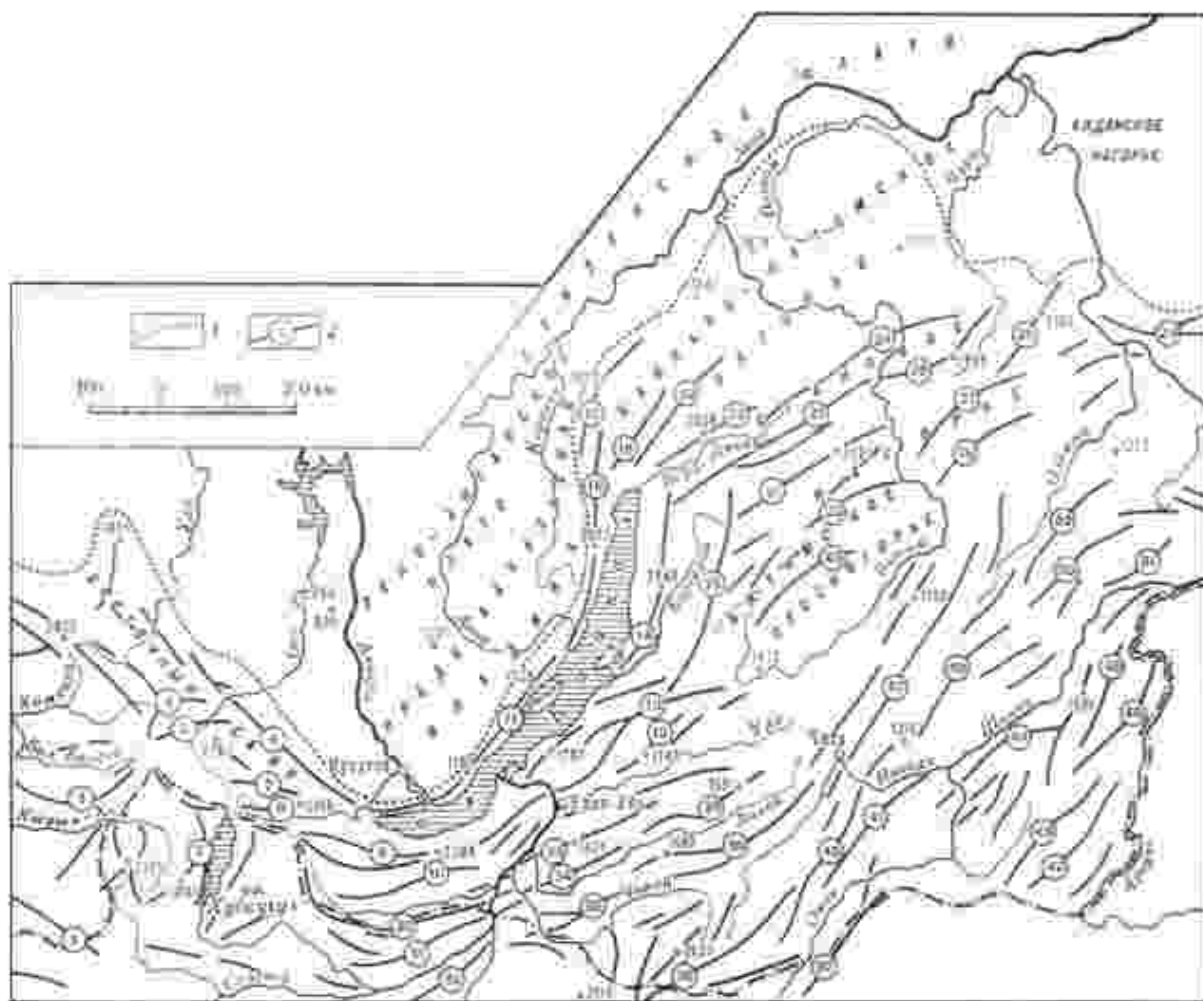

Рис. 4. Схема геоморфологического районирования Прибайкалья и Зabayкалья (по: Логачев Н.А., 1974): 1 - геоморфологическая провинция «плато и низменности Сибирской платформы». Геоморфологические области провинции горы Южной Сибири: 2 - Байкало-Патомское нагорье, 3 - Саяно-Байкальское стеновое нагорье, 4 - Зabayкальское среднегорье, 5 - Хэнгэй-Даурское нагорье, 6 - граница между геоморфологическими провинциями.

1 — граница между плато и низменностями Сибирской платформы и нагорьями Прибайкалья и Забайкалья; 2 — главные горные хребты с отметками высот на гребнях хребтов:
 1 — Сангилей, 2 — Баян-Ула, 3 — Академика Обручева, 4 — Окисный, 5 — Кропоткина, 6 — Шэнь, 7 — Китайский, 8 — Тулунский, 9 — Хамар-Дабан, 10 — Мал. Хамар-Дабан, 11 — Приморский, 12 — Курбатовский, 13 — Улан-Бургасы, 14 — Баргузинский, 15 — Нейтский, 16 — Байкальский, 17 — Аунтханский, 18 — Унгтар, 19 — Сынгар, 20 — Верхнеангарский, 21 — Южно-Мудянский, 22 — Бабоны, 23 — Северо-Мудянский, 24 — Делан-Уранский, 25 — Калар, 26 — Яйкан, 27 — Каларский, 28 — Удокан, 29 — Сунный, 30 — Дамдинский, 31 — Вугулай-Нуру, 32 — Вурэн-Нуру, 33 — Цахи-Дабан, 34 — Зигитский, 35 — Мхалхонский, 36 — Хэнгэй, 37 — Эрнэн, 38 — Яблоновский, 39 — Цаган-Хуртай, 40 — Даунский, 41 — Могойтуйский, 42 — Ключинский, 43 — Нерчинский, 44 — Борщевочный, 45 — Урломанский, 46 — Гаденурский, 47 — Черского, 48 — Кузнецкий, 49 — Амадатский, 50 — Черонный, 51 — Ангарский, 52 — Тулунский

Рис. 5. Орографическая схема Прибайкалья и Забайкалья (по: Нагорья Прибайкалья и Забайкалья, 1974).

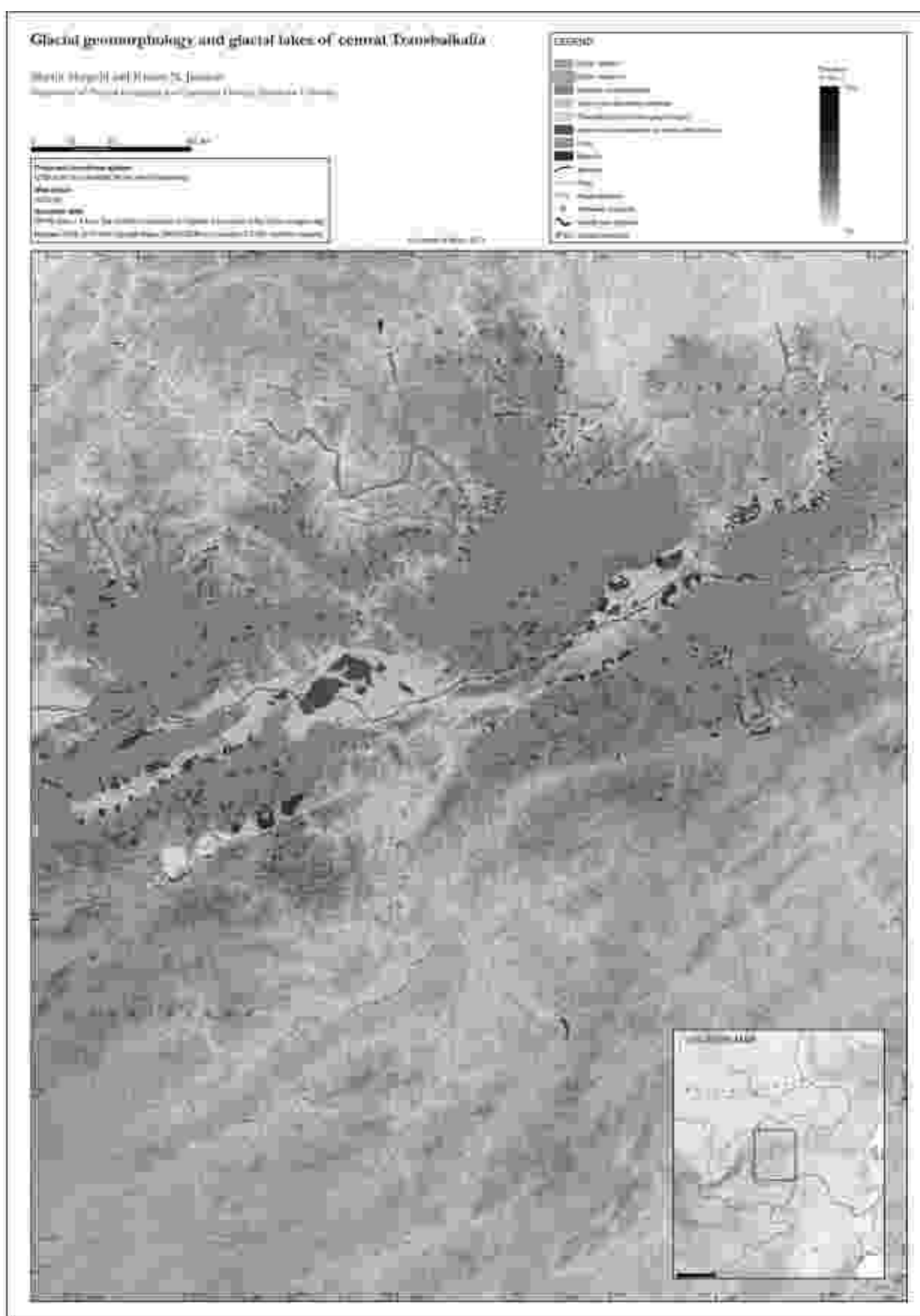

Рис. 6. Карта оледенения MIS 2 в юго-восточной части Байкало-Патомского нагорья, Муйско-Куандинской, Чарской котловинах, Становом нагорье (по Margold M., Jansen K.N., 2011).

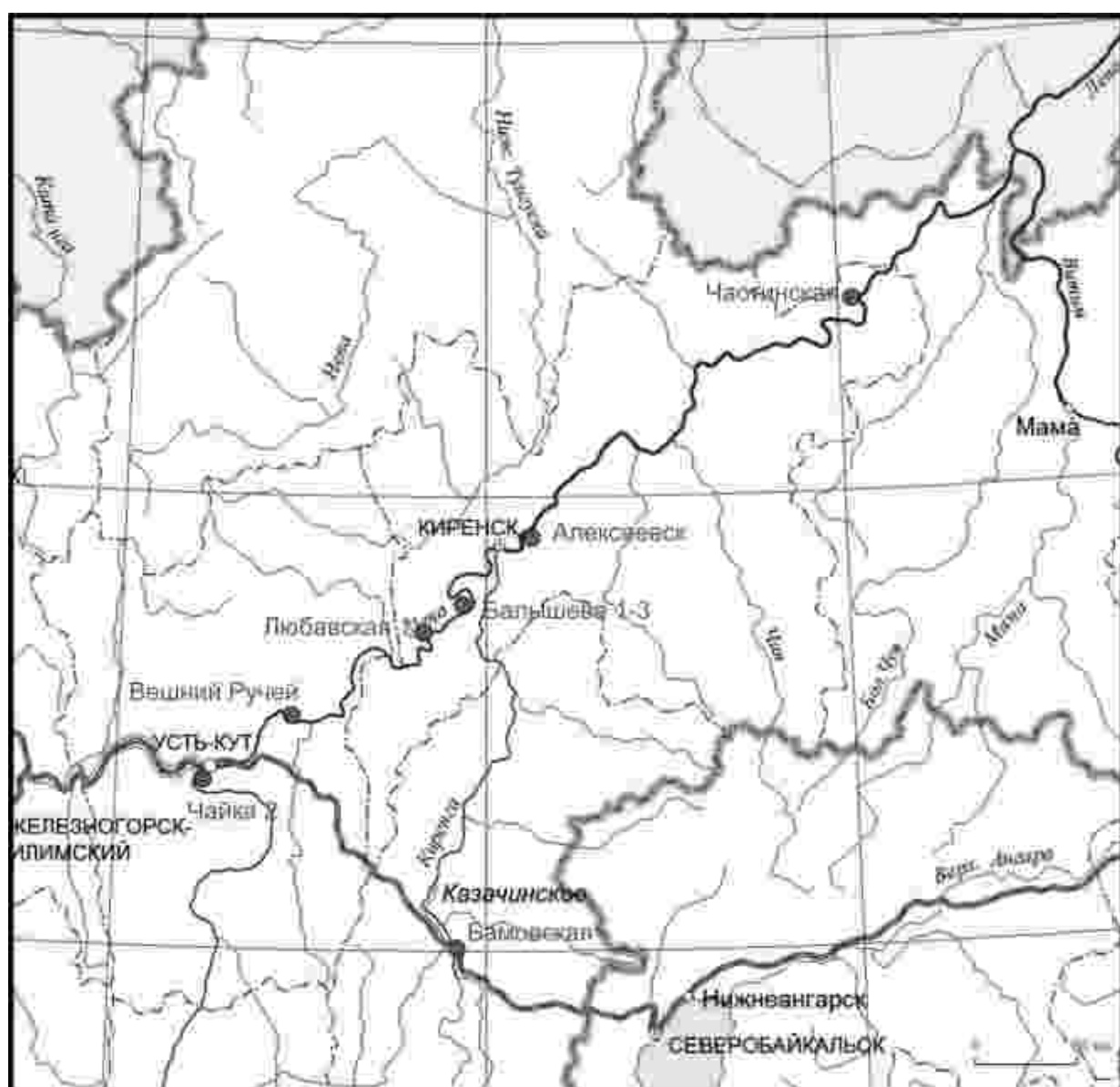

Рис. 7. Карта-схема палеолит-мезолитических местонахождений Севера Верхней Лены.

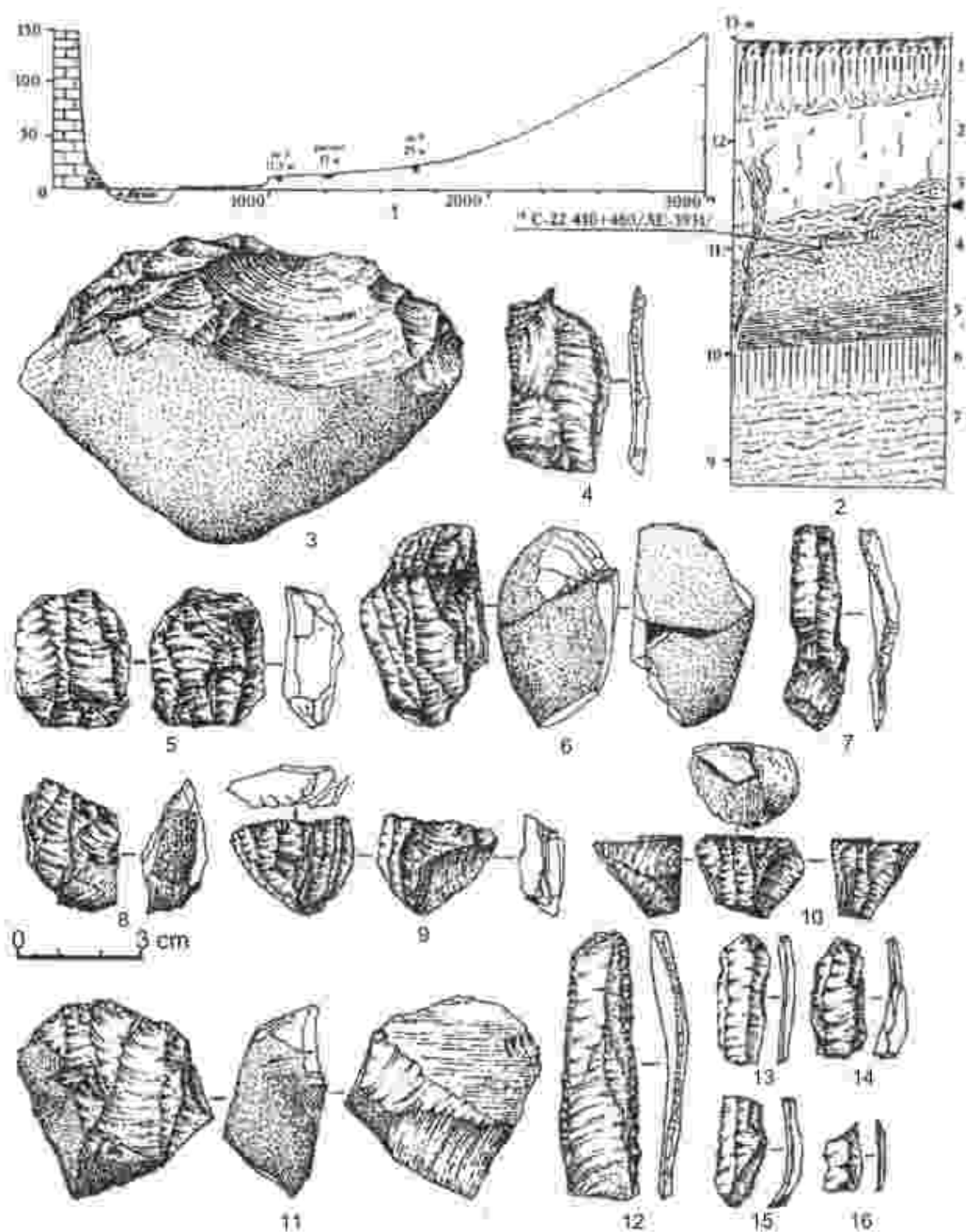

Рис. 8. Местонахождение Алексеевск I. 1 - профиль рельефа долины р. Лены, 2 - сводный разрез рыхлых отложений, 3-16 - изделия из камня (по: Залозина О.В., 1996).

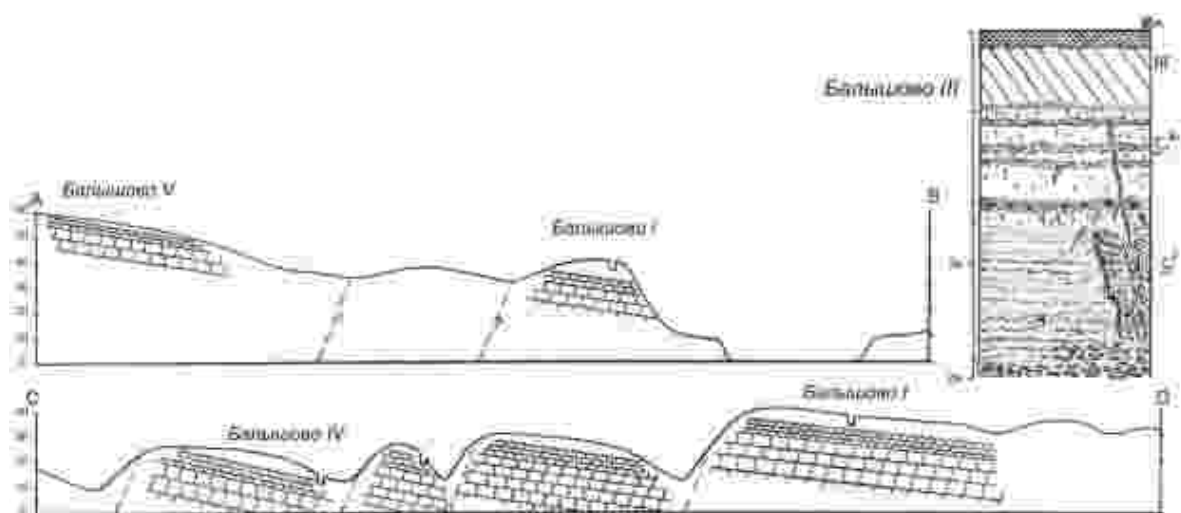
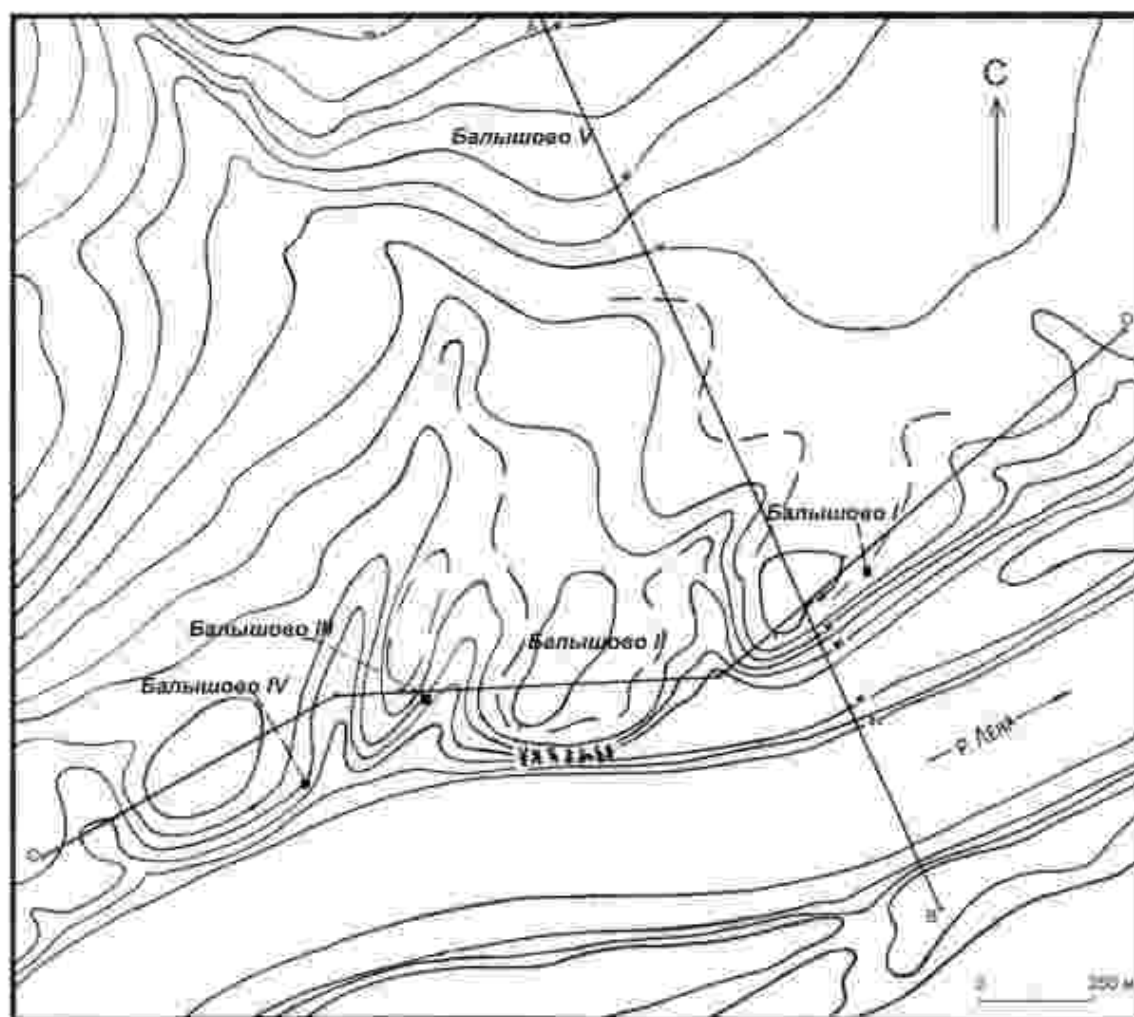

Рис. 9. Група местонахождений Балашово I-V. Карта-схема, поперечный и продольный профили, стратиграфический разрез Балашово III. (по: Задонни О.В. и др., 2014).

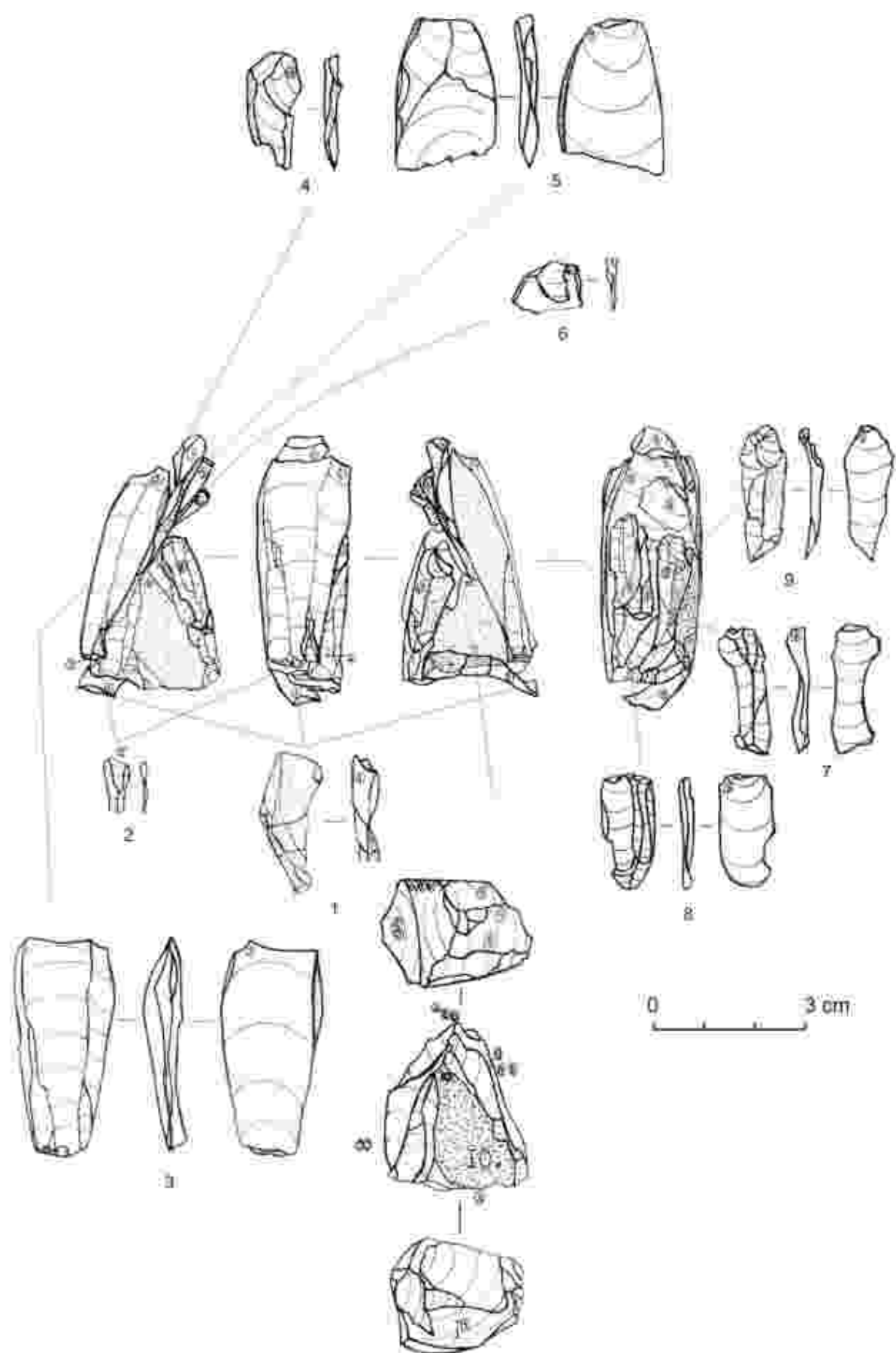

Рис. 10. Местонахождение Большово III, Апликационный блок ядра. (по: Задонин О.В. и др., 2014).

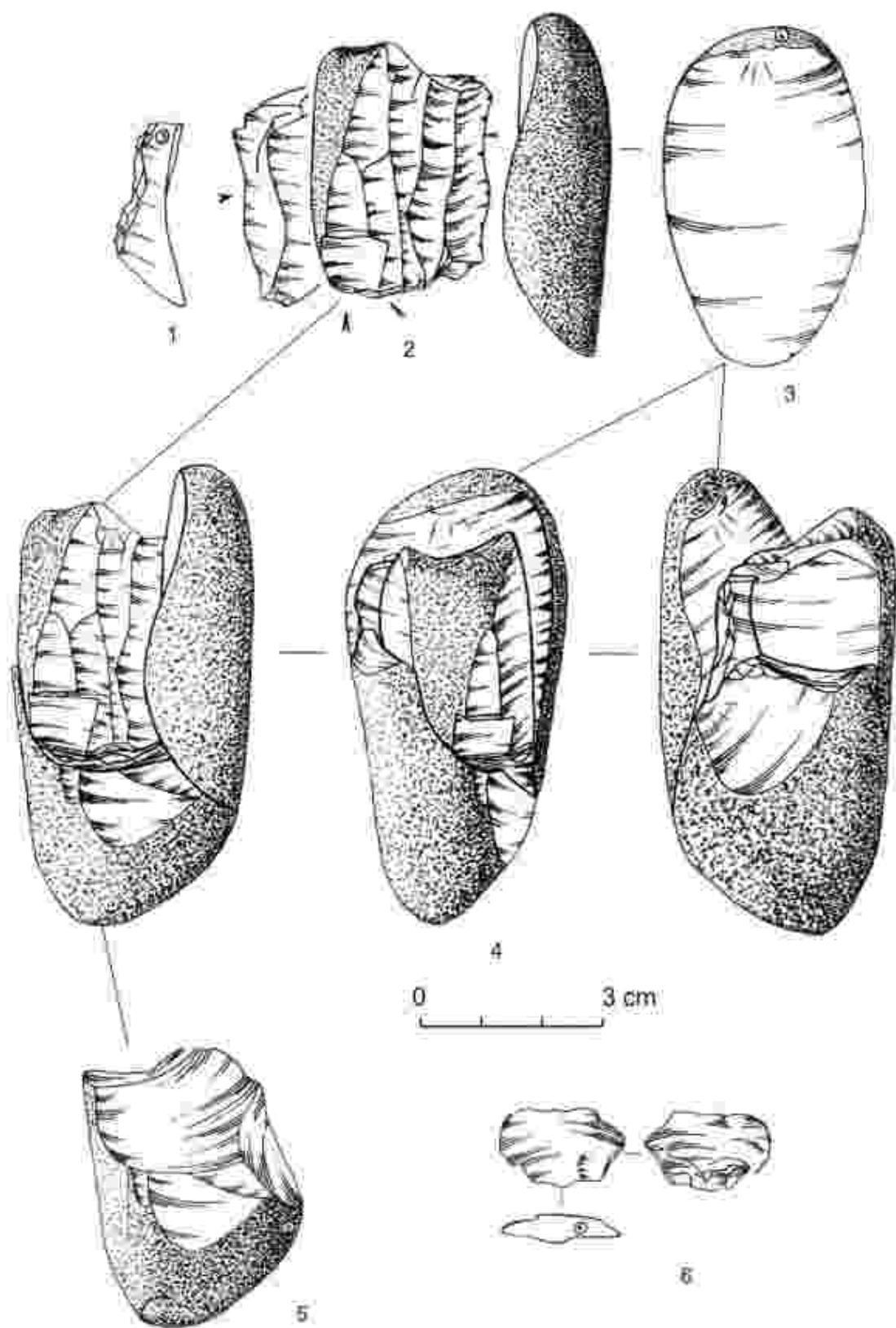

Рис. 11. Местонахождение Балашово III. Аппликационный блок ядра. (по: Задонин О.В. и др., 2014).

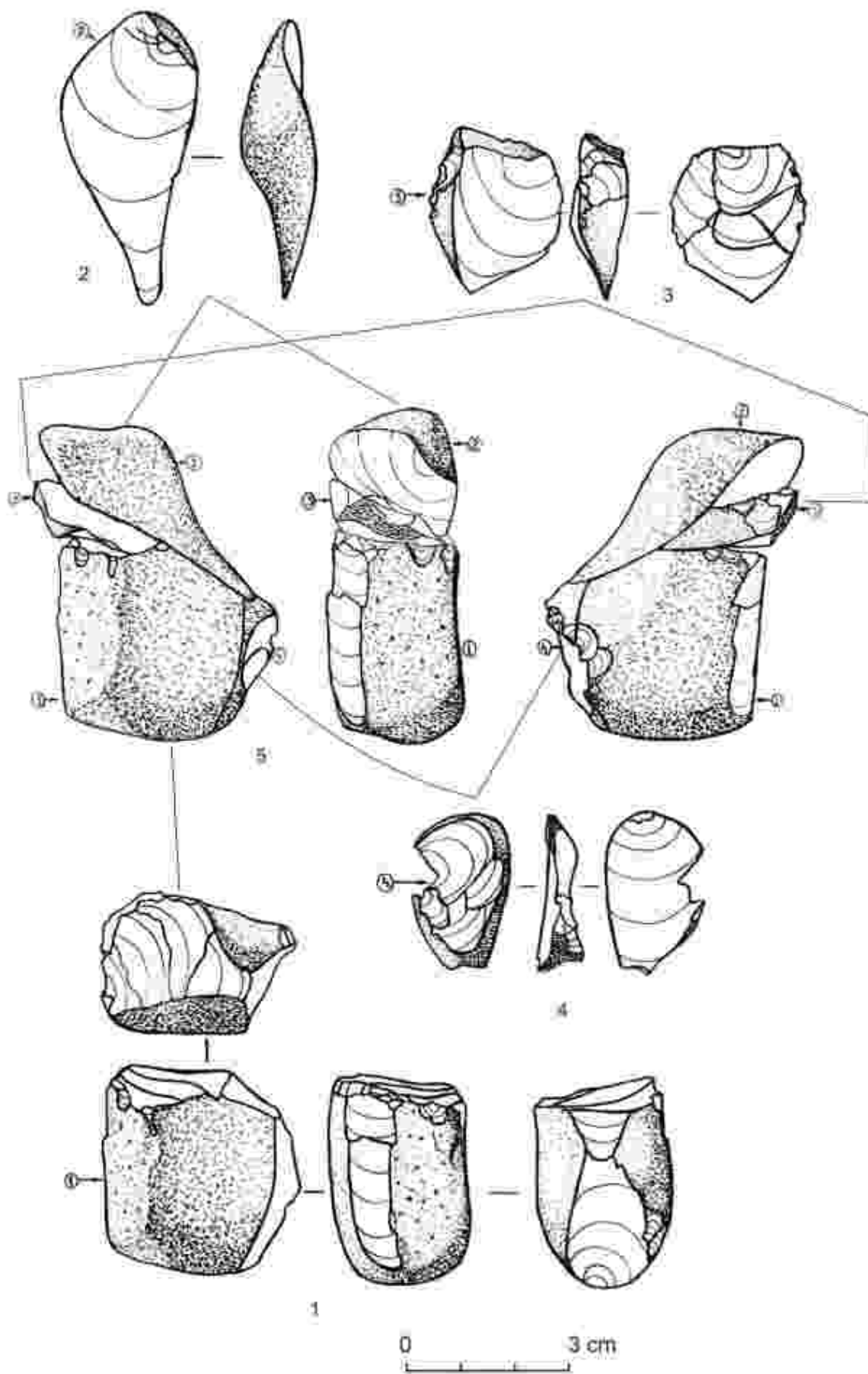

Рис. 12. Местонахождение Большово III. Аншлакционный блок нуклеуса. (по: Задонин О.В. и др., 2014).

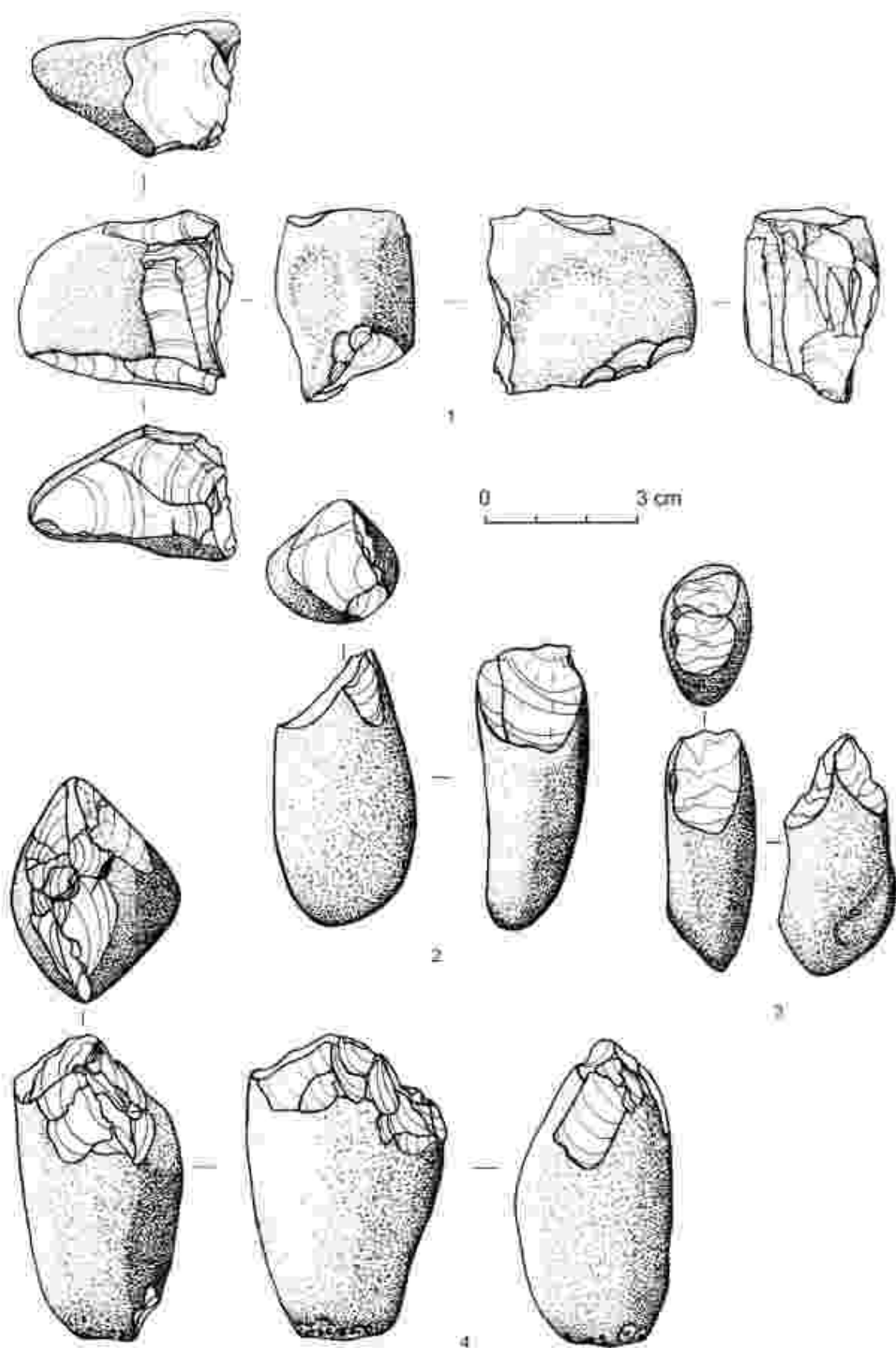

Рис. 13. Местонахождение Балашово III. Нуклеусы и их зиготы. (по: Задонин О.В. и др., 2014).

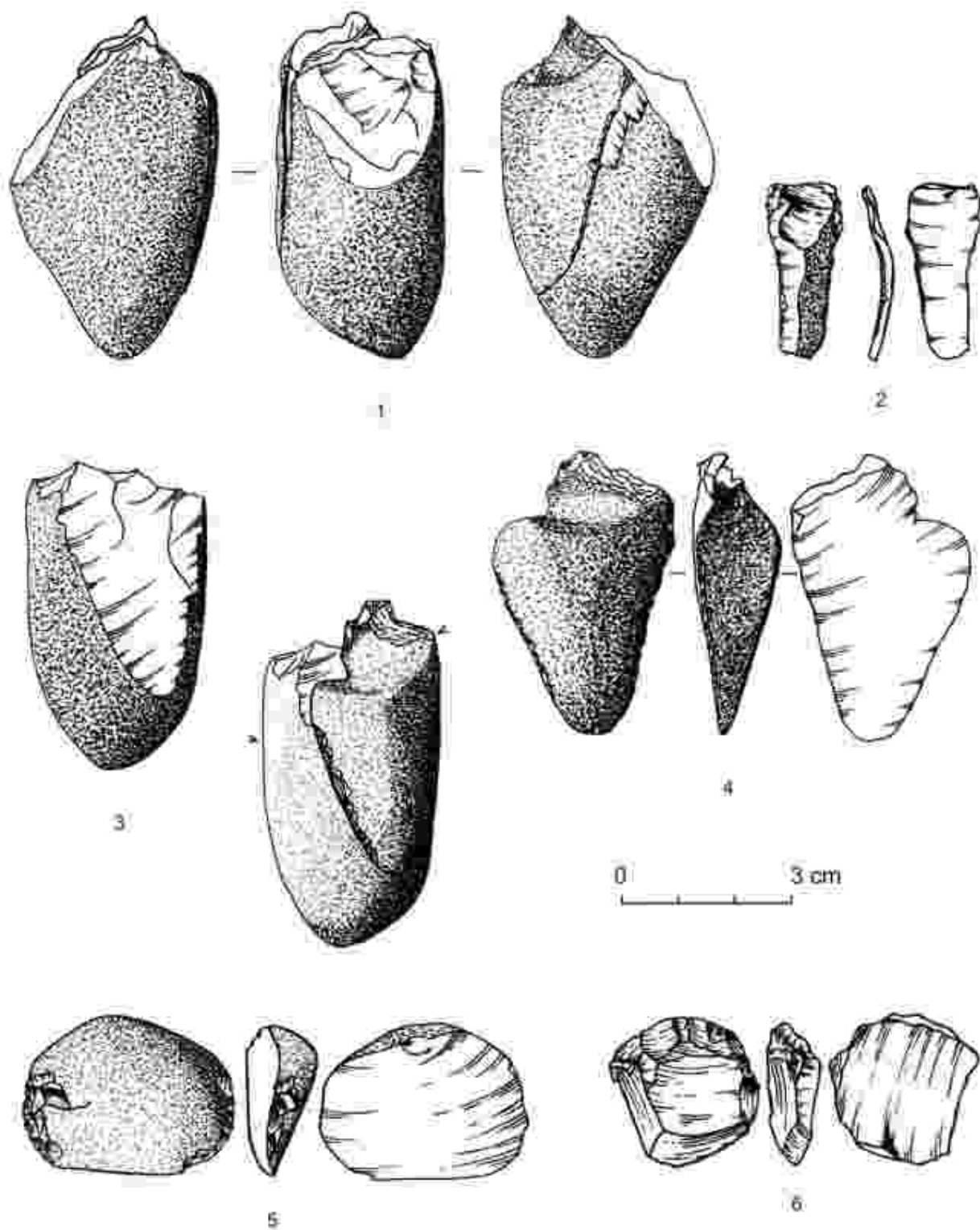

Рис. 14. Местонахождение Балашово III. 1, 3, 4 - аппликационный блок нуклеуса, 2 - ретушированная пластина, 5, 6 - скребки (по: Задонин О.В. и др., 2014).

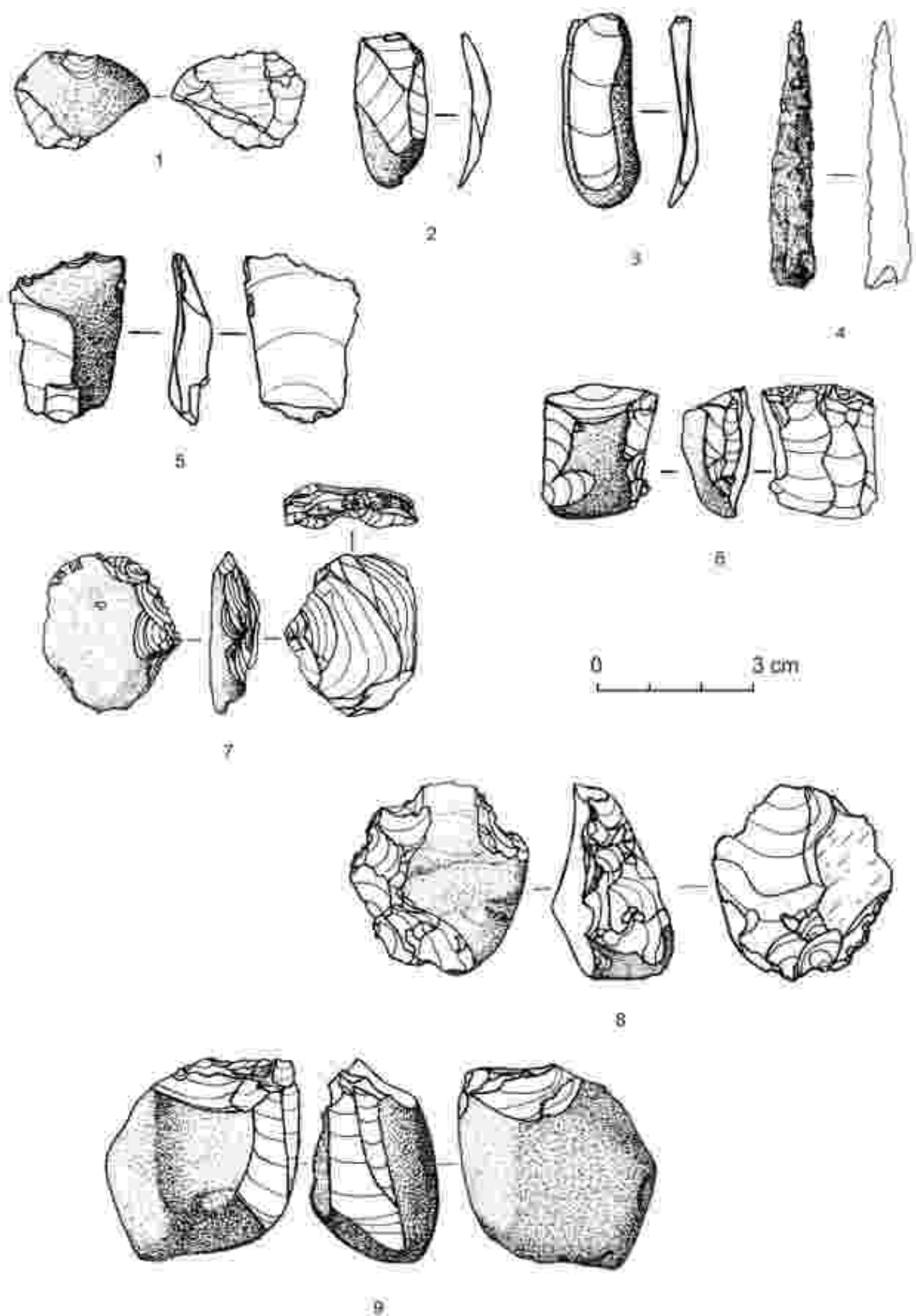

Рис. 15. Местонахождение Бальшово III. 1, 5, 7, 8 - отщепы с ретушью, 2, 3 - пластины, 6, 9 - нуклеусы, 4 - костяной остроконечник (по: Задонин О.В. и др., 2014).

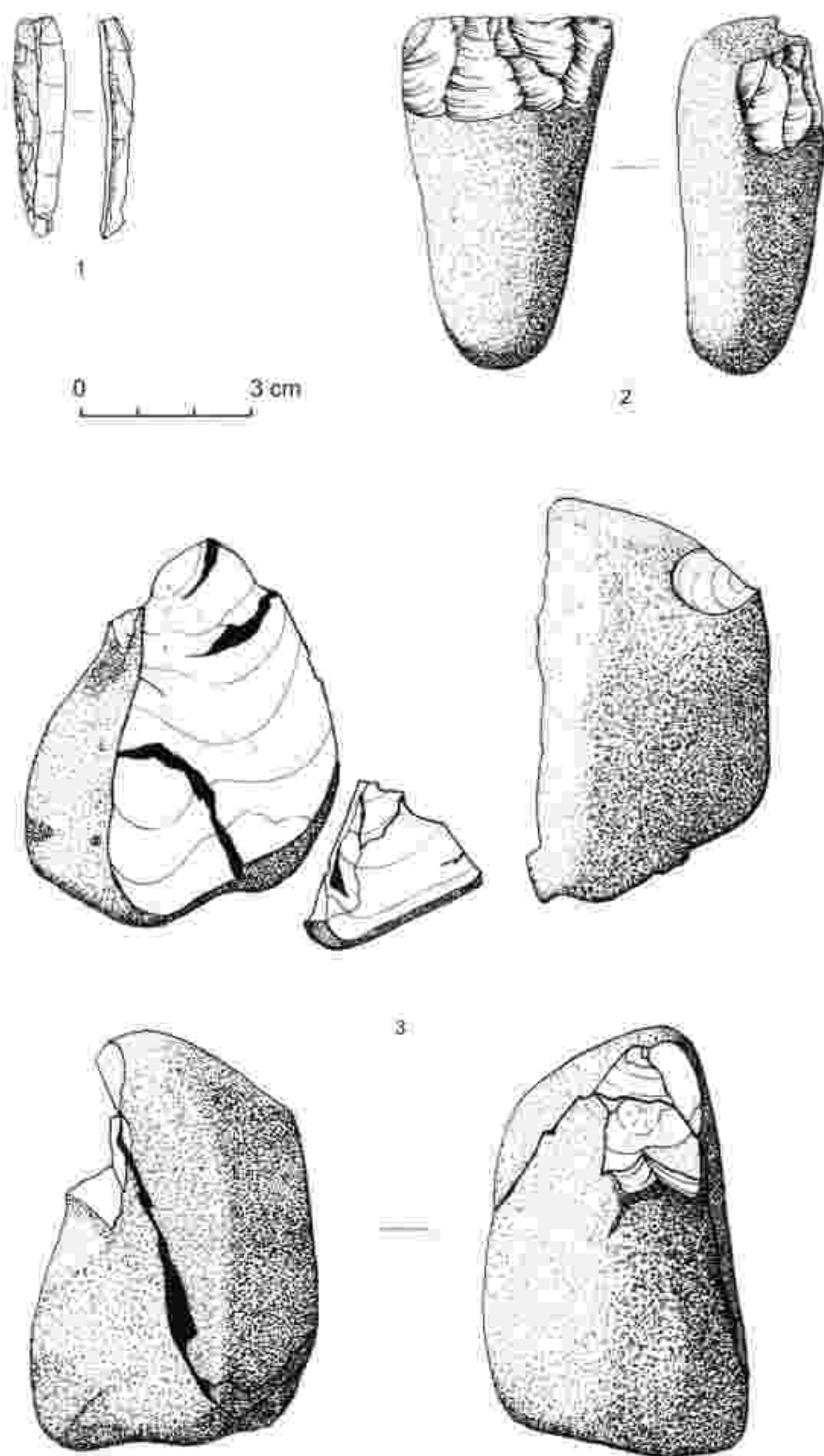

Рис. 16. Местонахождение Бальшово III. 1 - ретушированная пластина, 2 - нуклеус, 3 - колотая галька (по: Задонин О.В. и др., 2014).

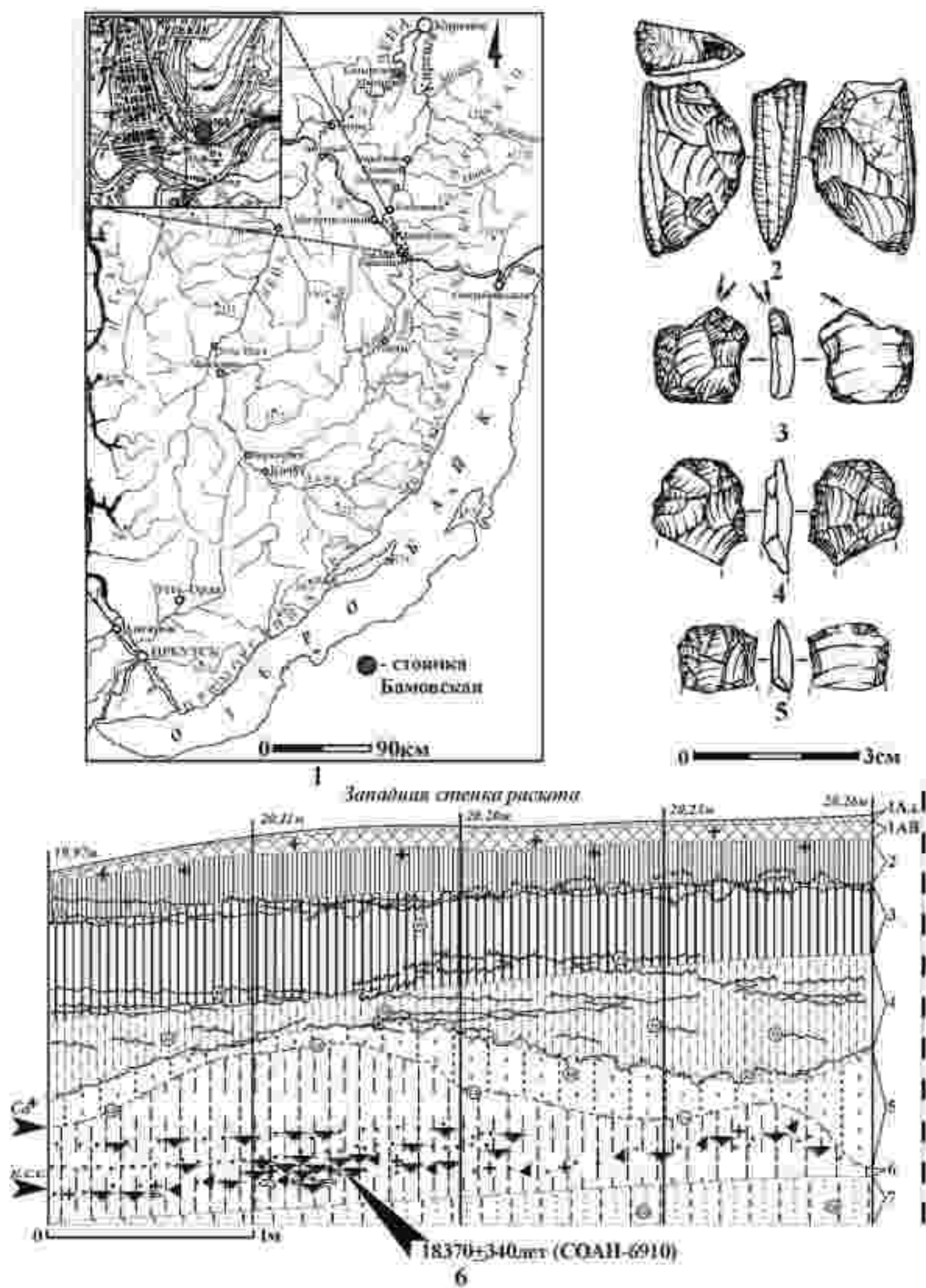

Рис. 17. Стоянка Бамовская: 1 - карта Прибайкалья с указанием местонахождения Бамовская; 2 - клиновидный нуклеус, 3 - комбинированное изделие, 4 - фрагмент бифасального обработанного изделия, 5 - фрагмент бифасального обработанного изделия, 6 - стратиграфия отложений (по: Краснощеков В.В., 2009).

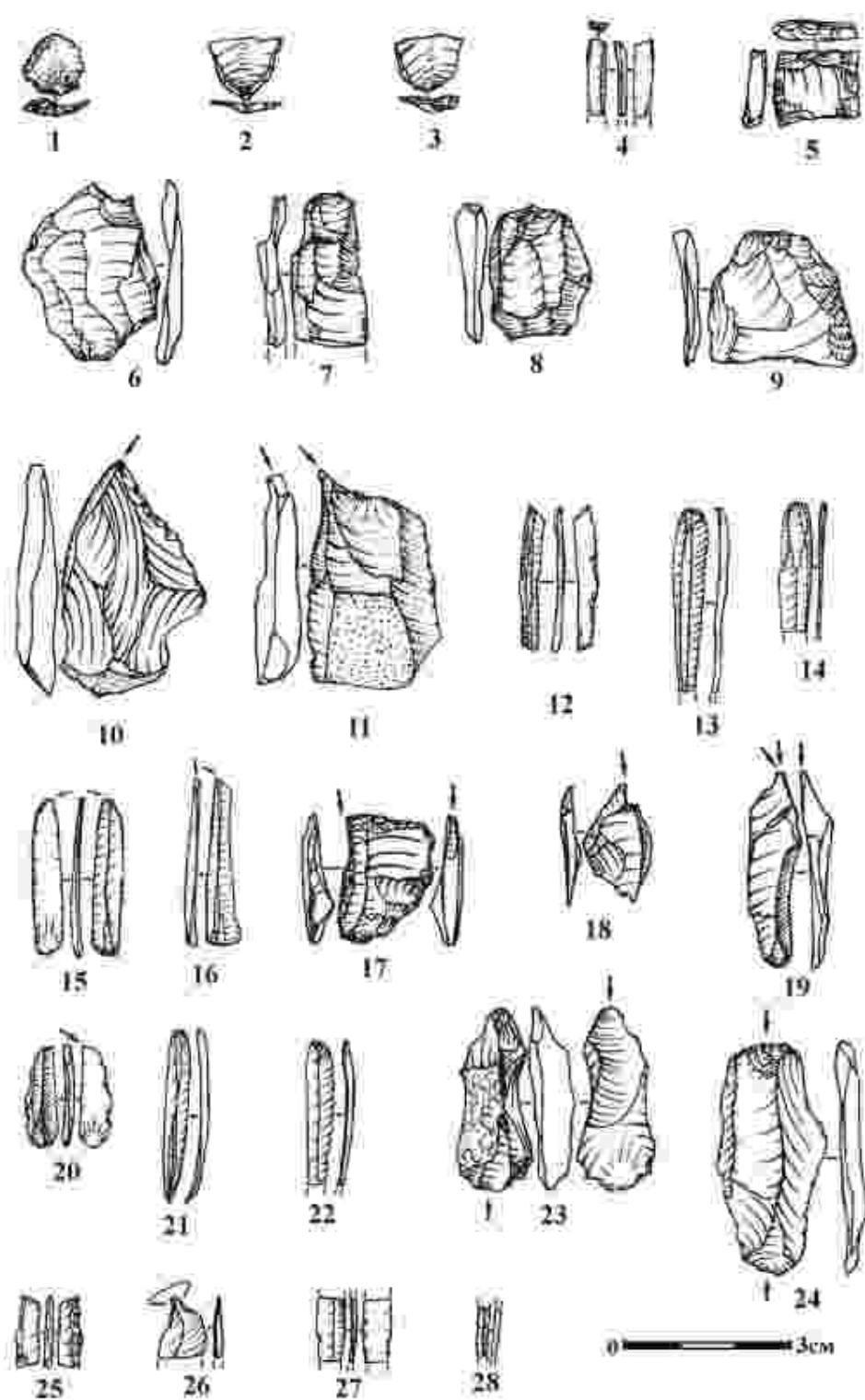
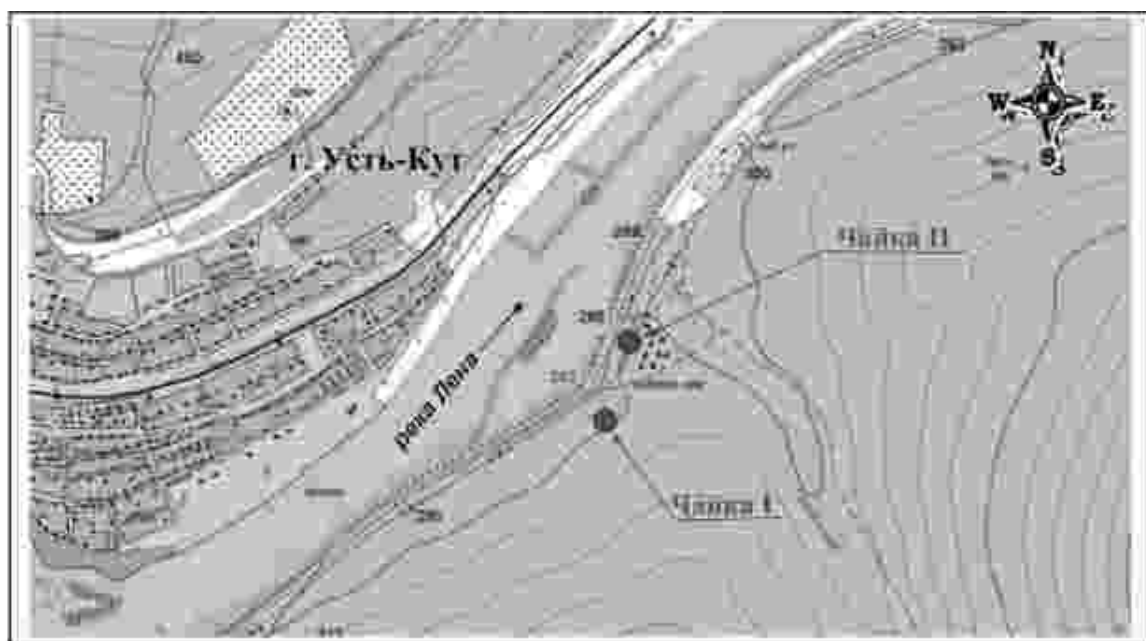
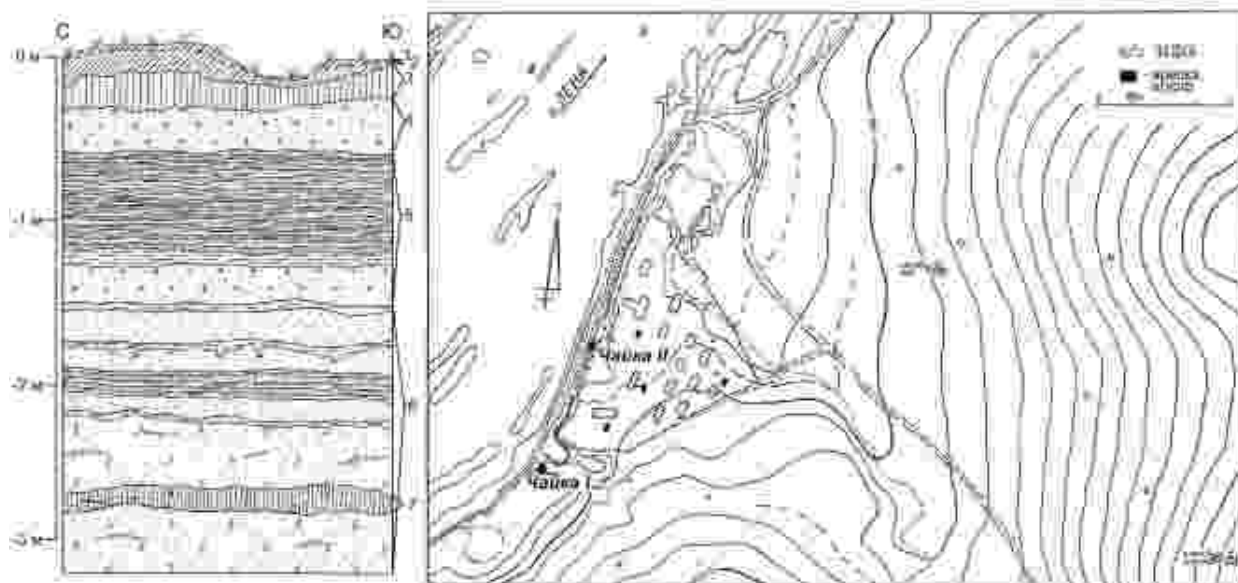

Рис. 18, Стоянка Бамовская: 1, 2, 3 - сколы подживления площадки клиновидных нуклеусов; 4 - концевой микропластинчатый скребок из медиального фрагмента, 5 - скребок; 6-9 - фронтальные сколы с нуклеусов с ретушью утилизации, 10, 11, 15-20 - резцы, 12, 25, 27 - ретушированные микропластинки, 21 - целая микропластинка, 13, 14, 22, 28 - фрагментированные микропластинки, 23, 24 - долотовидные изделия, 26 - проколка (по: Красноподкоп В.В., 2009).

1

2

3

Рис. 19. 1-2 - карты местонахождений Чайка I-II. 3- стратиграфия Чайки II. (по: Инёшин А.В. и др., 2019).

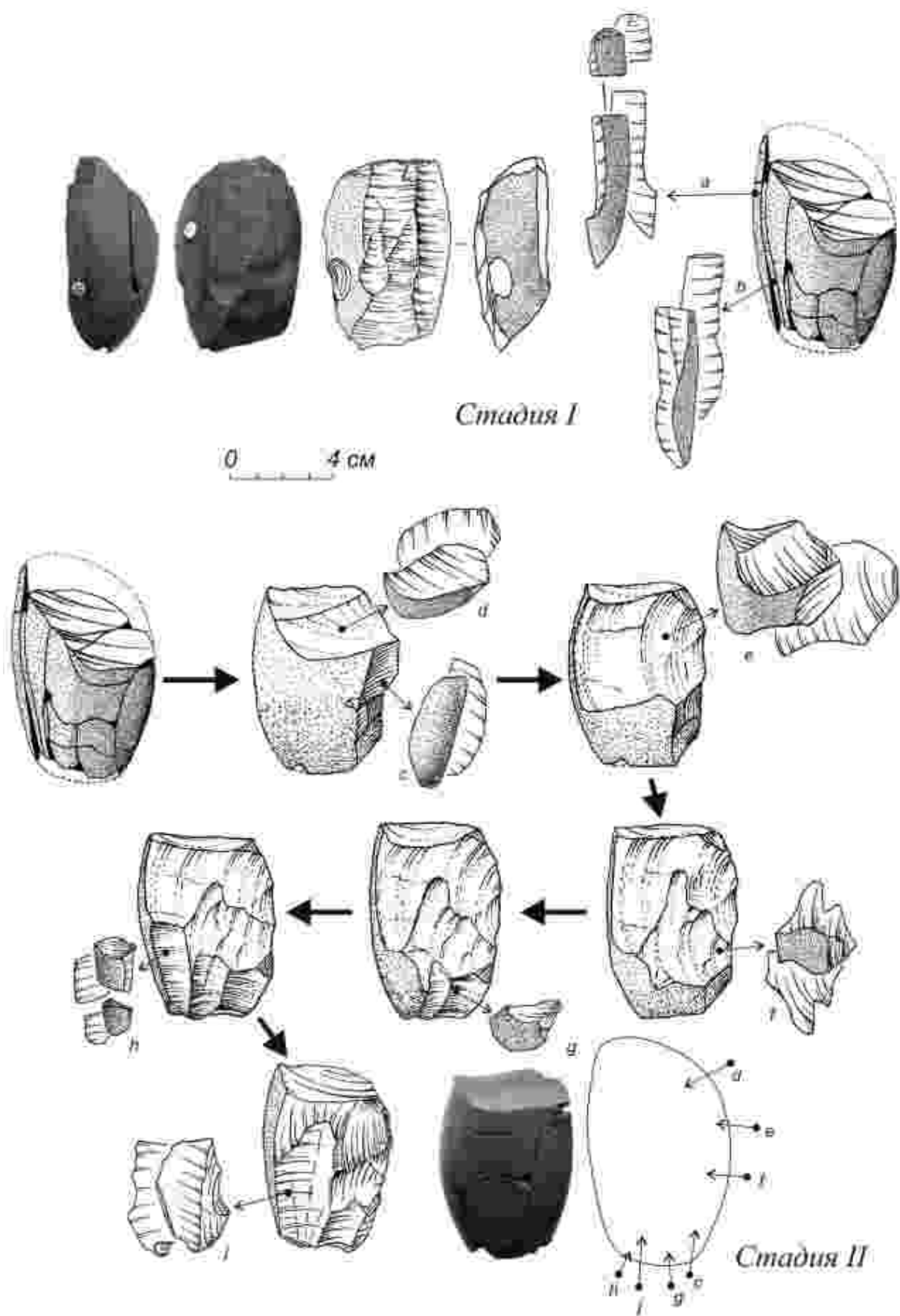

Рис. 20. Стоянка Чайка II, Культурный горизонт 2. Анпланкационный блок №1 (по: Ивёшин А.В. и др., 2019).

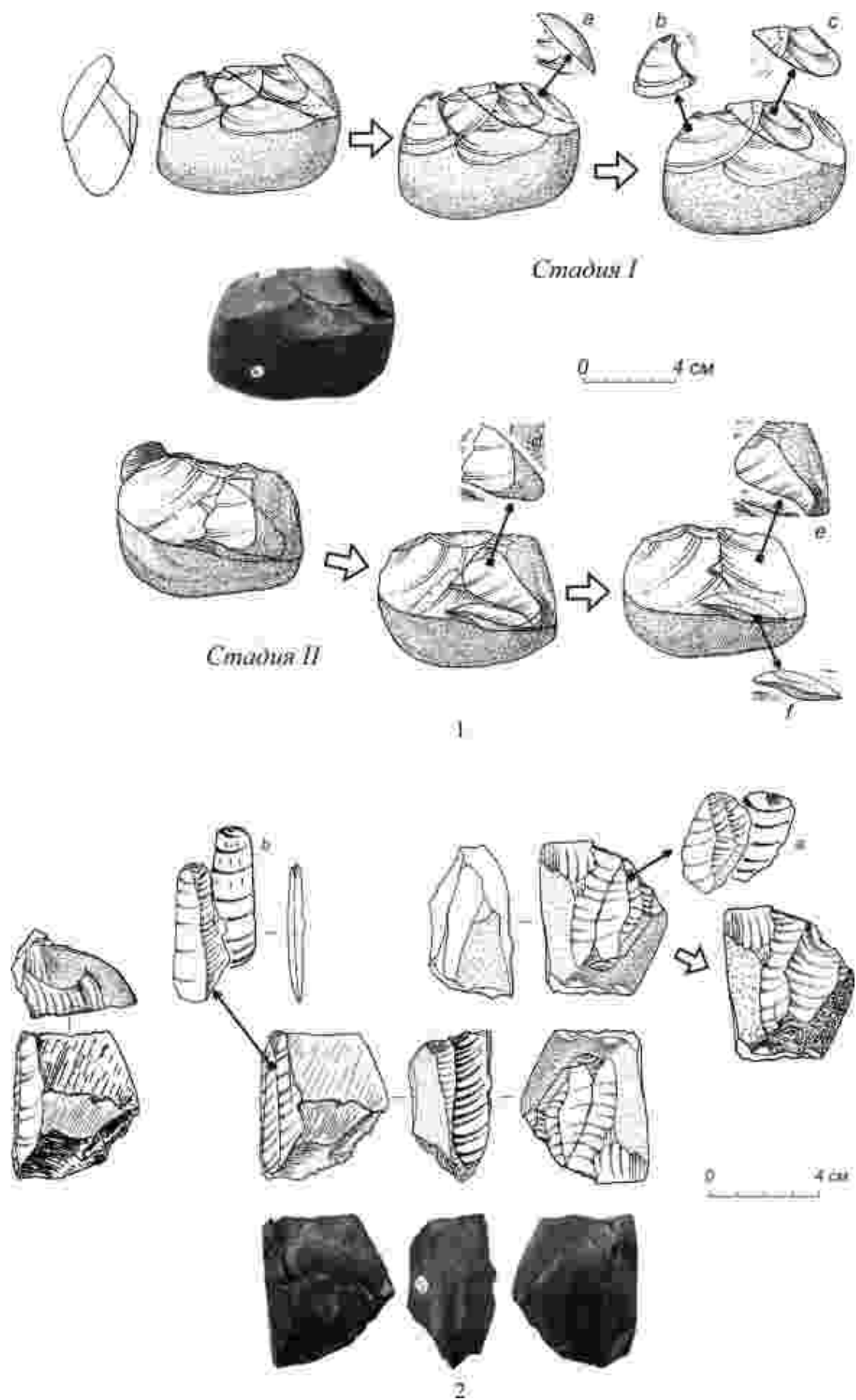

Рис. 21. Стоянка Чайка II. Культурный горизонт 2, 1 - аппликационный блок №2, 2 - аппликационный блок №4 (по: Ивешин А.В. и др., 2019).

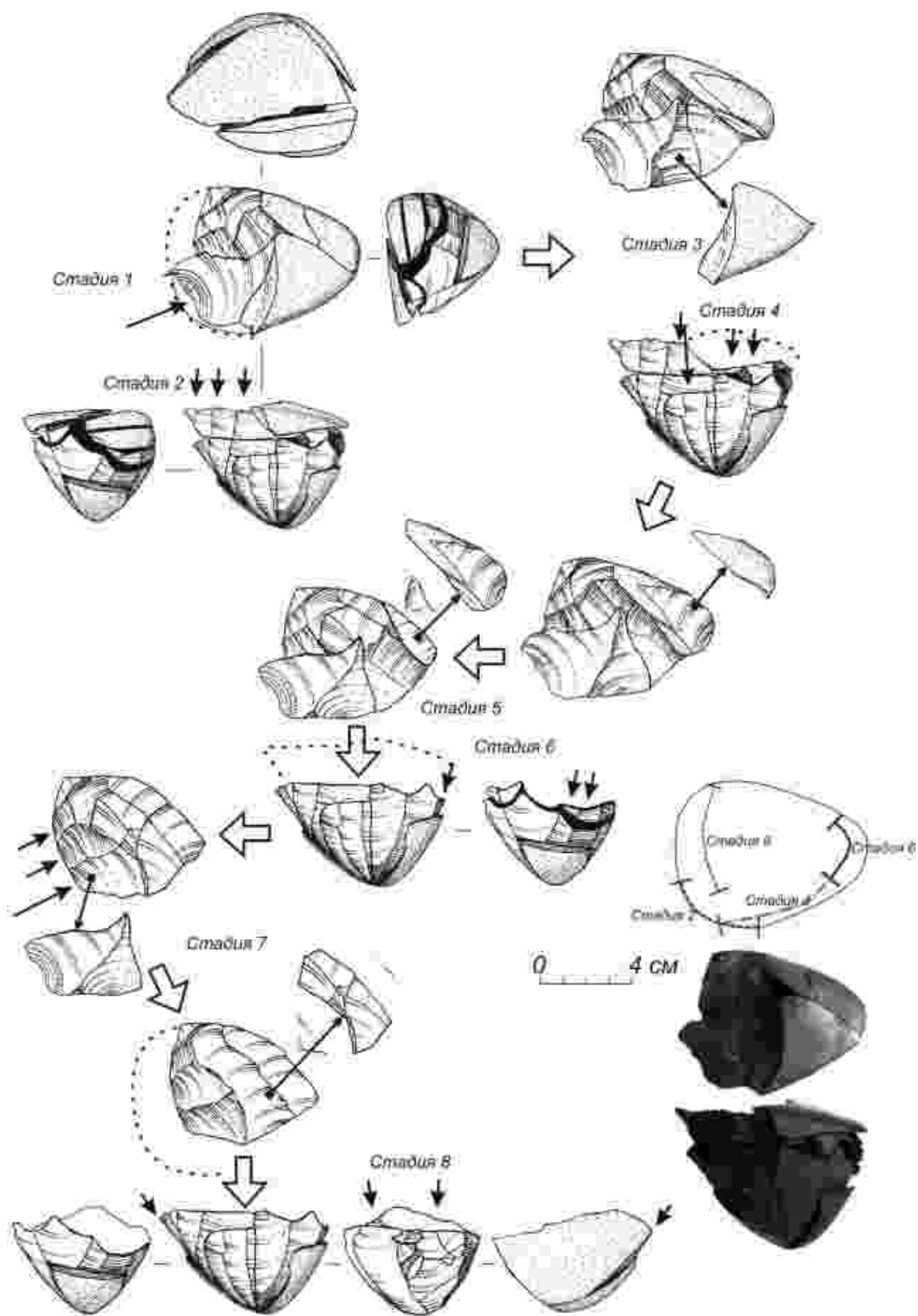

Рис. 22. Стаянка Чайка II. Культурный горизонт 2. Аппликационный блок №3 (по: Ивёшнн А.В. и др., 2019).

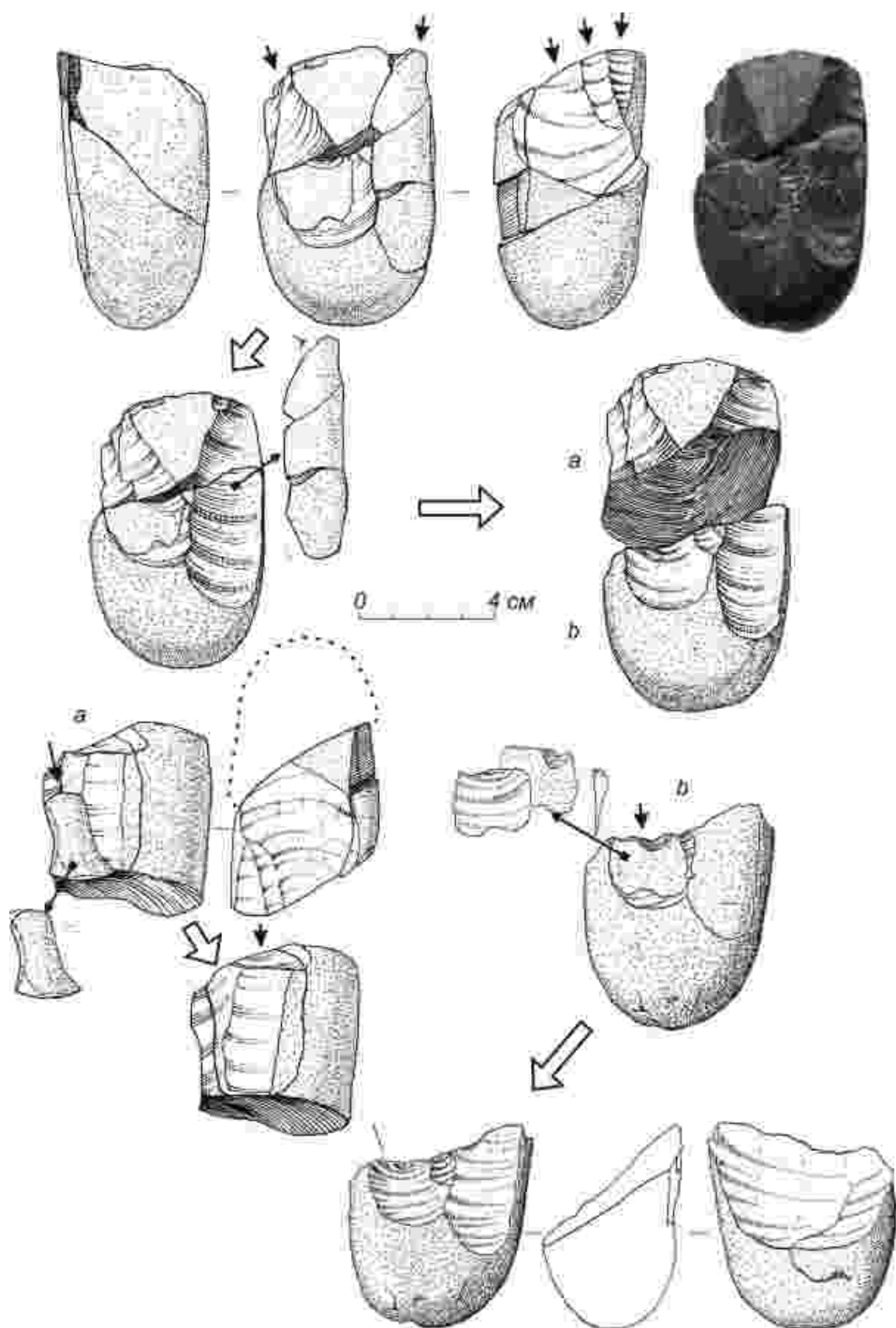

Рис. 23. Стоянка Чайка II, Культурный горизонт 2. Аппликационный блок №5 (по: Ивлевич А.В. и др., 2019).

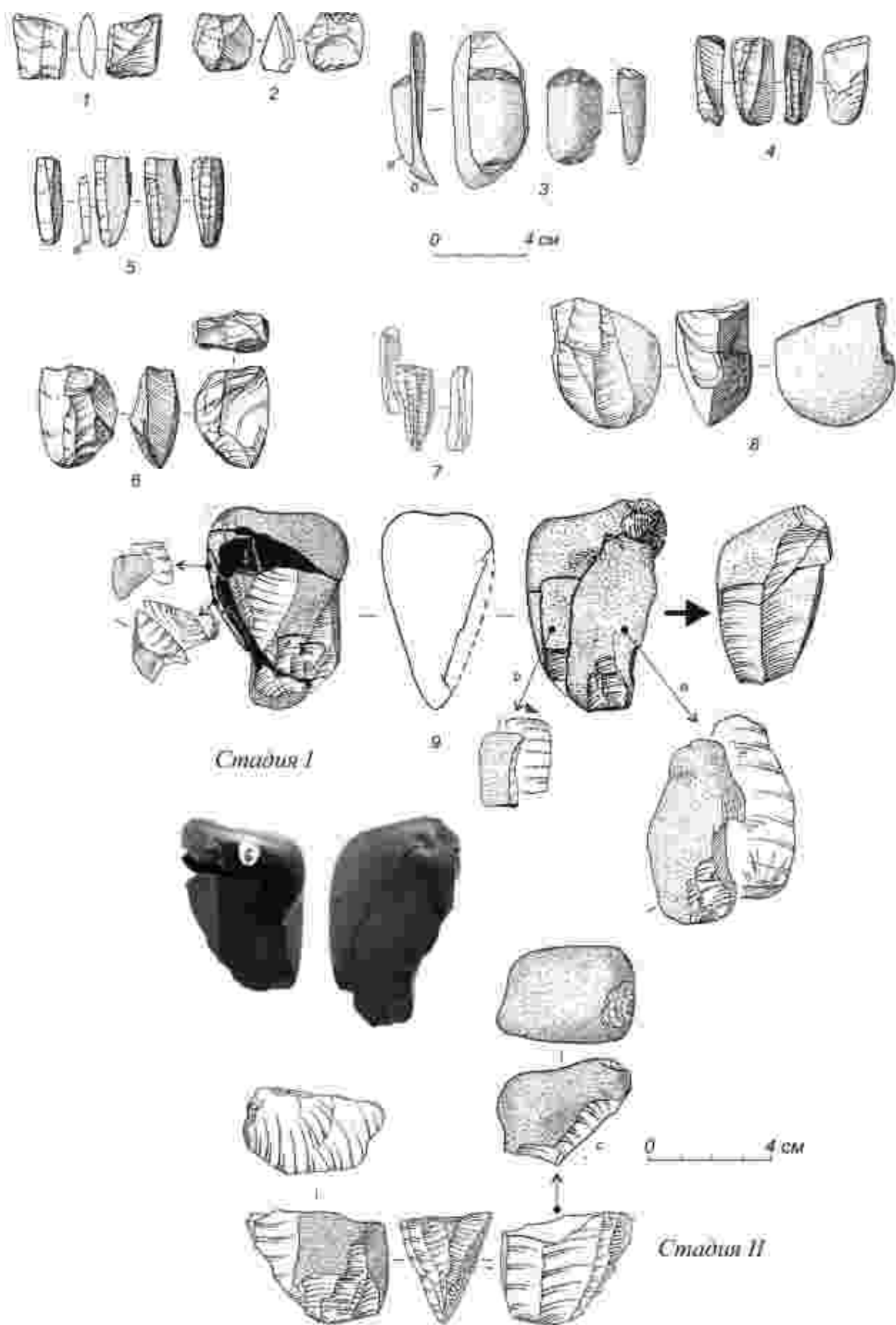

Рис. 24. Станка Чайка II. Культурный горизонт 2. 1, 2 - долотовидные орудия, 3 - аппликационная сборка скребка (а) и пластинчатого отщеп (b), 4-6, 8 - нуклеусы, 7 - фронтальный скол с клиновидного нуклеуса, 9 - аппликационный блок №6 (по: Инёшина А.В. и др., 2019).

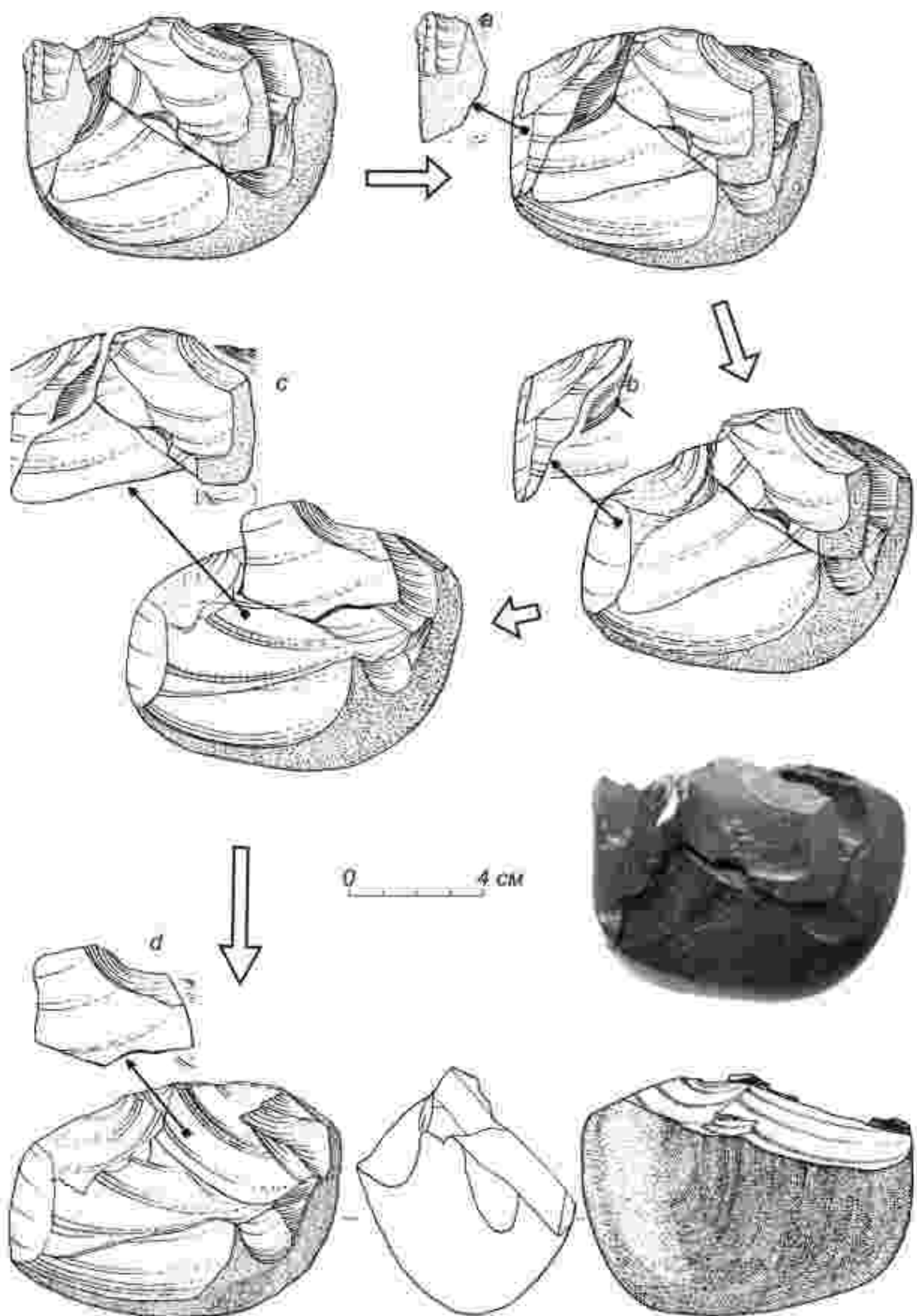

Рис. 25. Стоянка Чайка II. Культурный горизонт 2. Аппликационный блок №7 (по: Индишн А.В. и др., 2019).

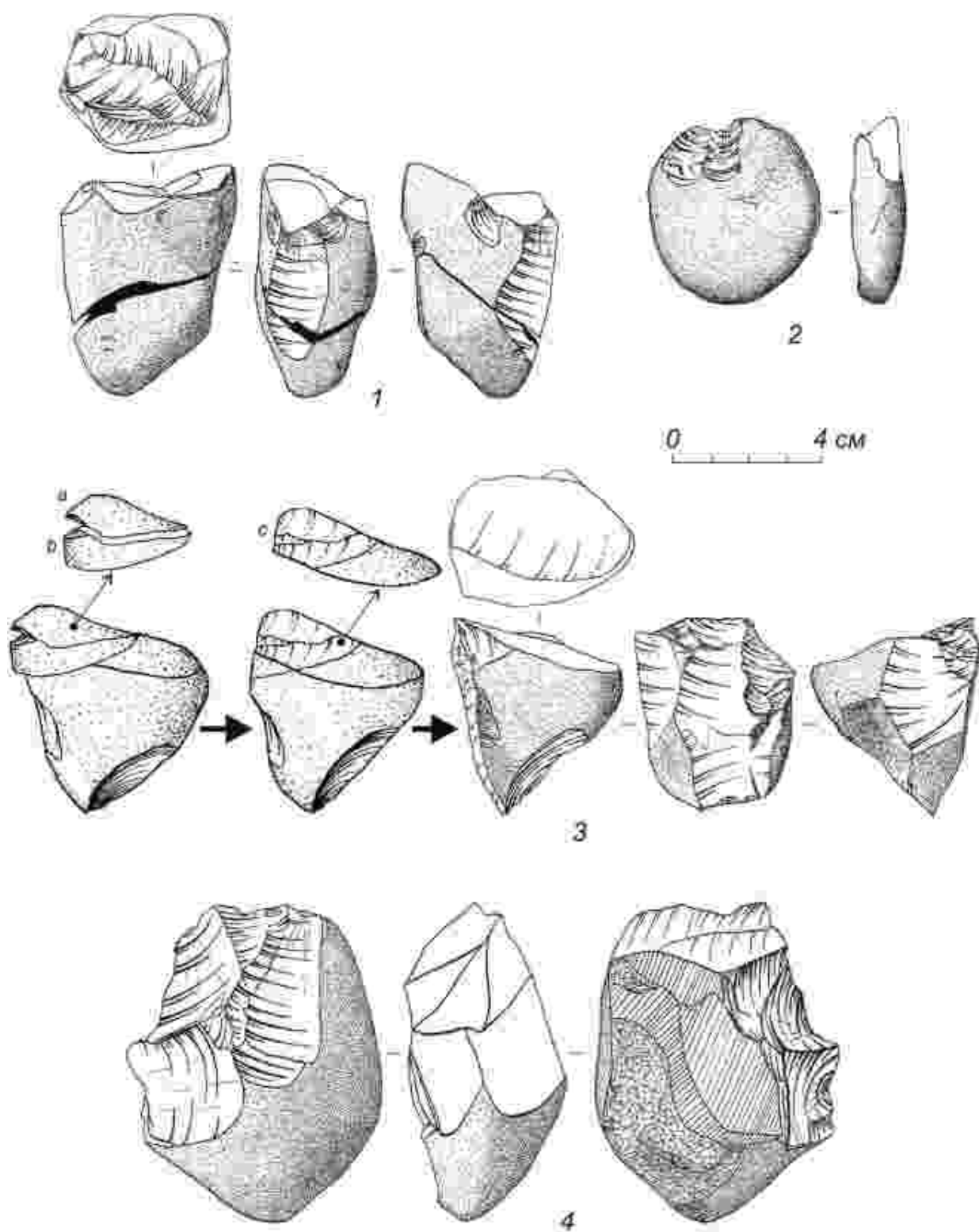

Рис. 26. Стоянка Майка II. Культурный горизонт 2. 1 - аппликационный блок №8, 2 - битая гашка, 3 - аппликационный блок №9, 4 - нуклеус (по: Ивешин А.В. и др., 2019).

Усть-Кяхта 3, культурные горизонты 1, 2, 12, 5-11, 5 тыс. л. н. (радиоуглеродный возраст)
 п. н. (радиоуглеродный возраст)

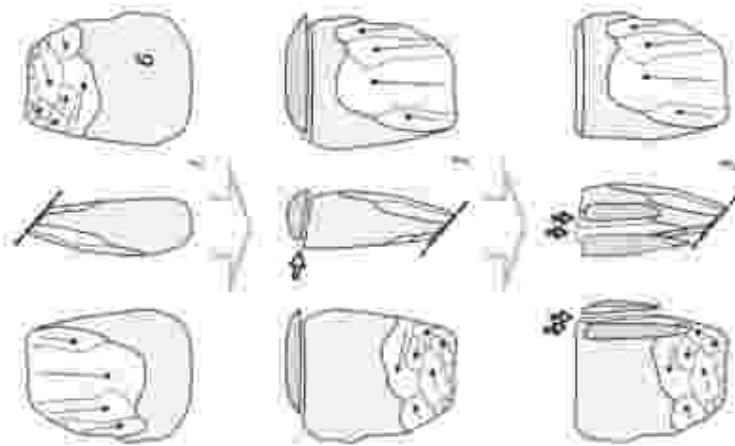

Рис. 27. Техника подготовки преформы клиновидного ториового нуклеуса: 1 - Усть-Кяхта 3, 2 - Коврижка IV - 25 к.л., 3 - Чайка II - 2 к.л.

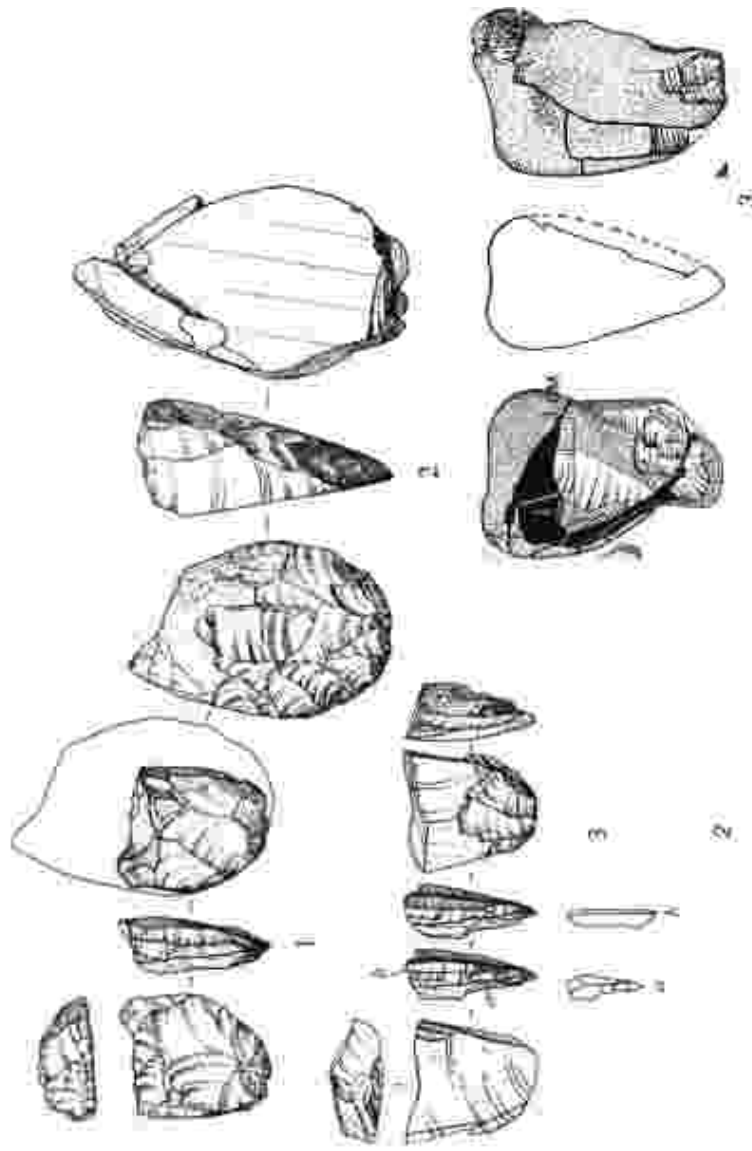

Рис. 3. Схема 2 сеты иший трайка респективней аякы

По: Півлінок Г.Д. Технологія виготовлення клиновидних нуклеусів в селенгінській культурі каменного века завидного Забайкалля (по материалам стоянки Усть-Кяхта 3) // Известия АГУ. 2015. № 3-2 (67). С. 178-184.

По: Төтөнжин А.В. Каменный инвентарь 2Б культурного горизонта стоянки Коврижка IV на Витима // Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИРНИТУ, 2017. – Т. 13. №4. – С. 9–26.

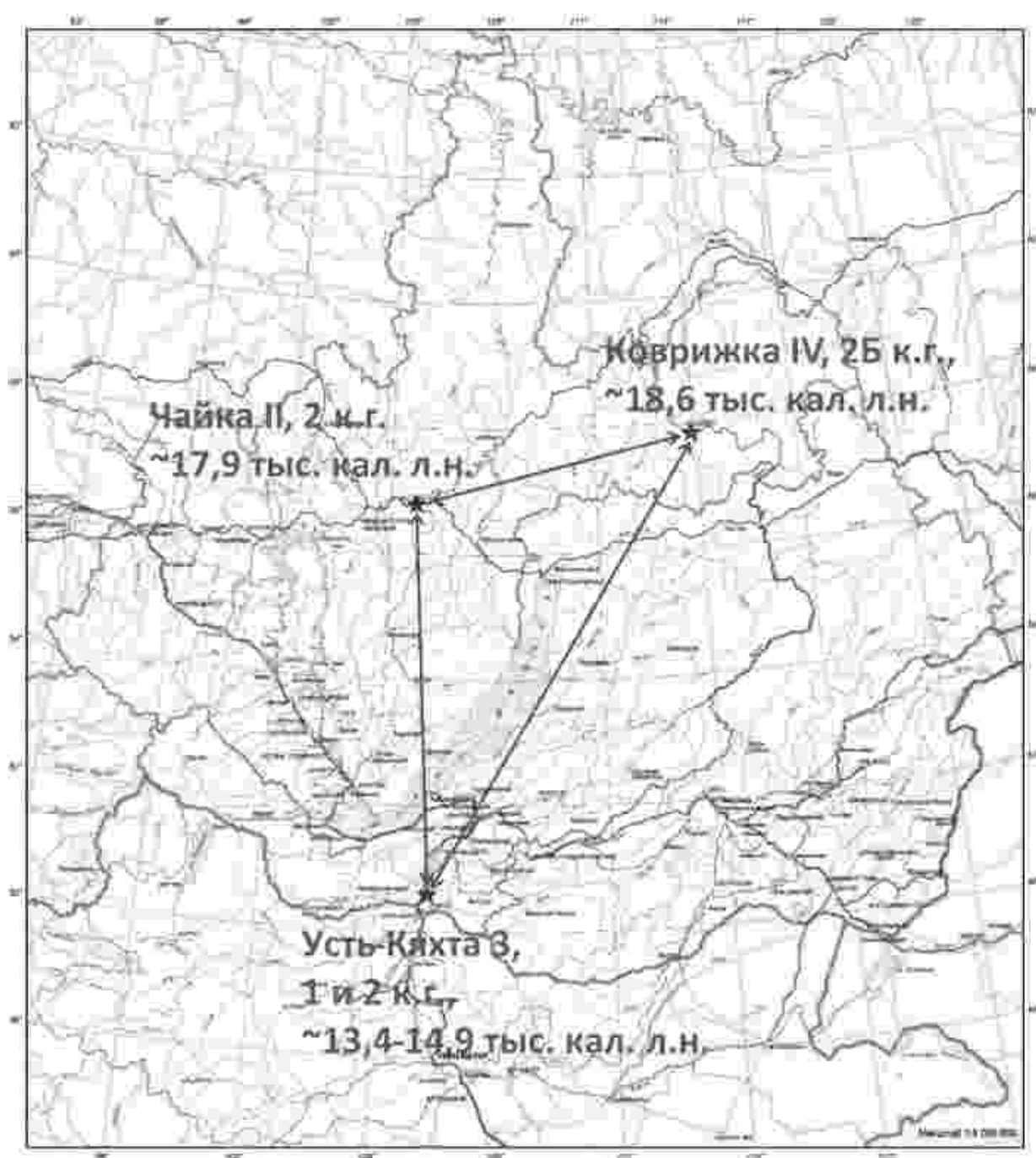

Рис. 28. Карта-схема типологической связи техники подготовки преформы клиновидного торцового нуклеуса: 1 - Усть-Кяхта 3, 2 - Коврижка IV - 2Б к.г., 3 - Чайка II - 2 к.г.

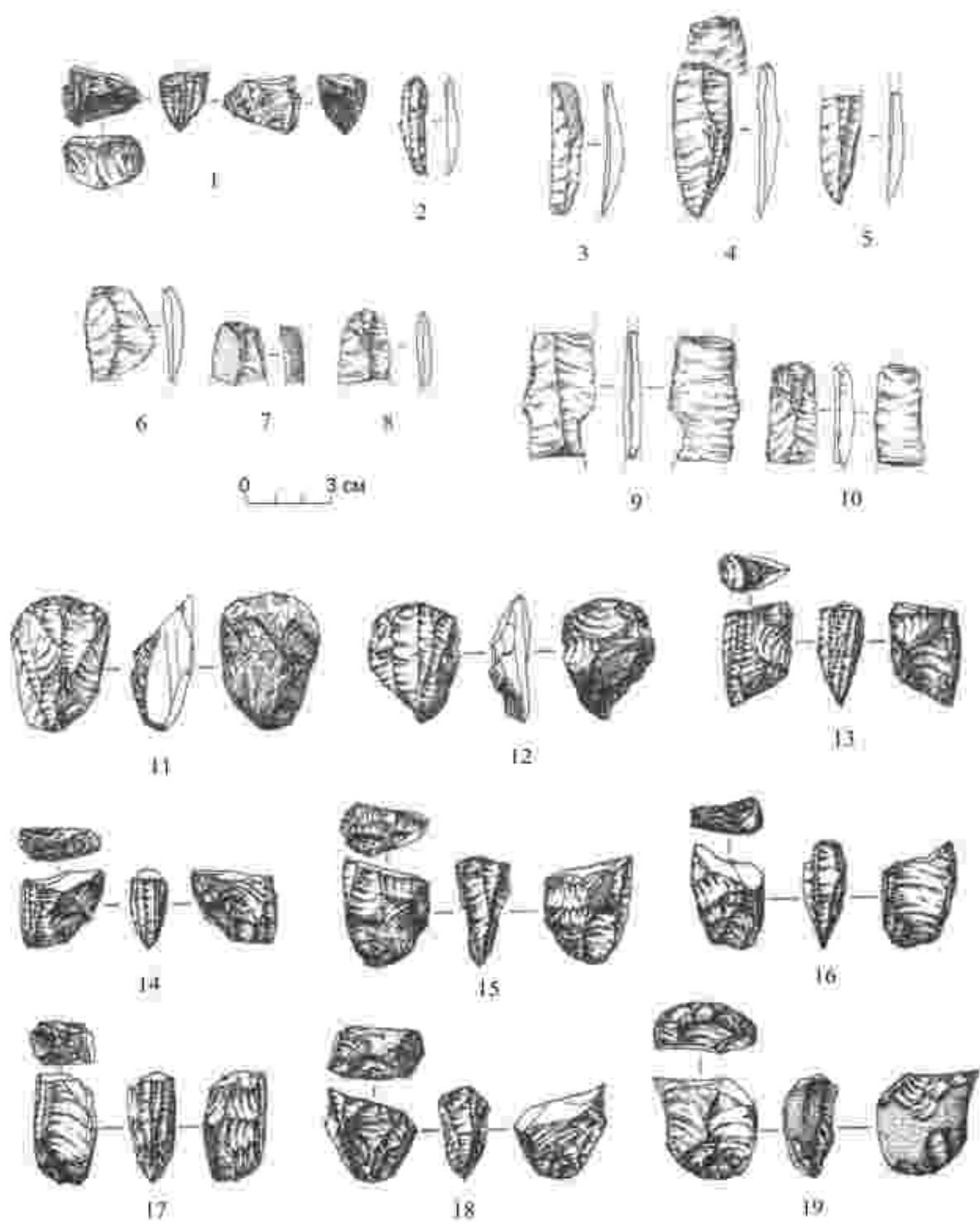

Рис. 29. Стоянка Вешний Ручей, культурный горизонт 3: 1, 11-19 - нуклеусы, 2 - пластинка, 3-6, 9, 10 - пластинки с краевой ретушью, фрагменты пластин (по: Задонин О.В., Дзюбас С.А., 2003).

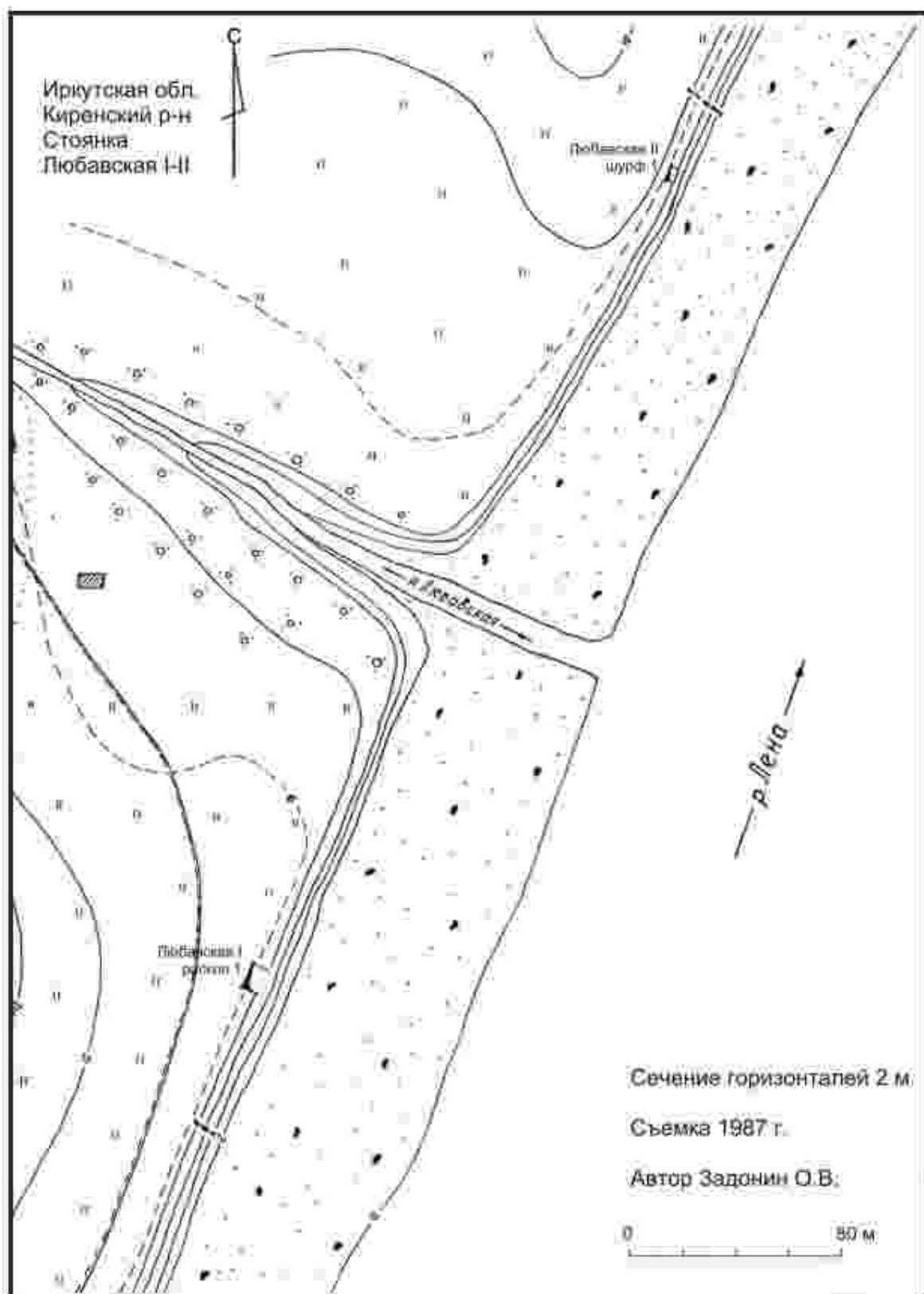

Рис. 30. План-схема местонахождения Любавская I. (по: Задонин О.В. и др., 2014).

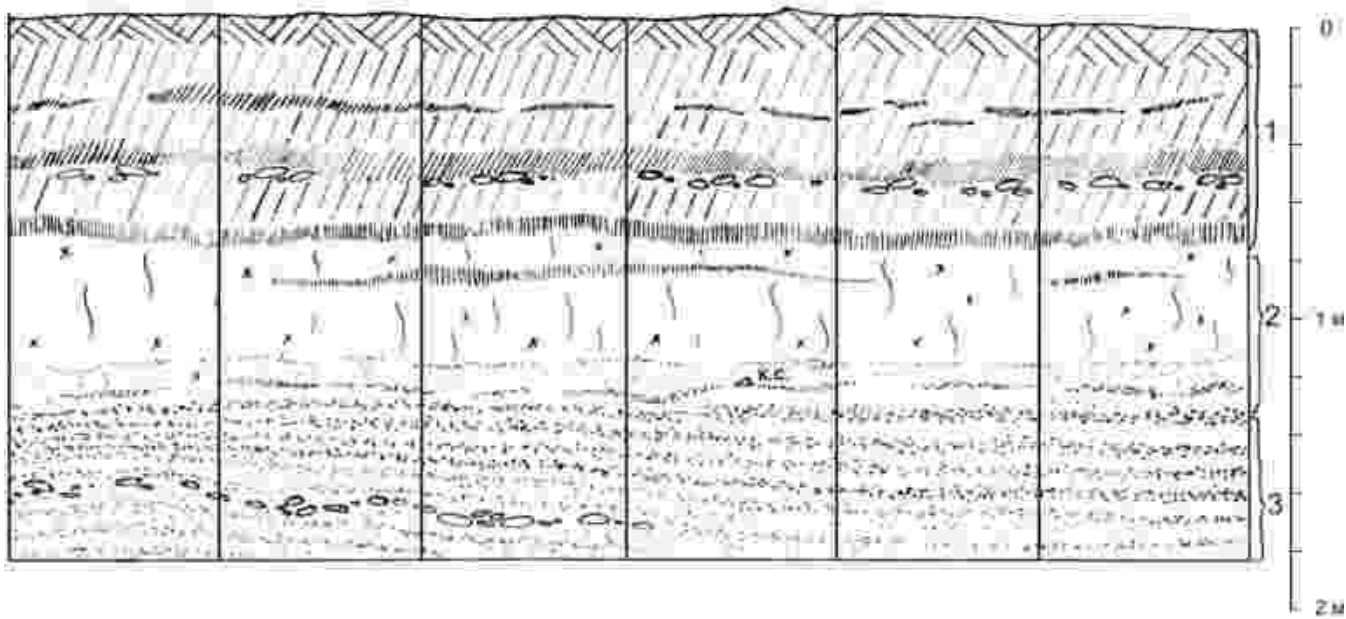

Рис. 31. Местонахождение Любавская I. Стратиграфия отложений, северо-западная стенка раскопа (по: Задонин О.В. и др., 2014).

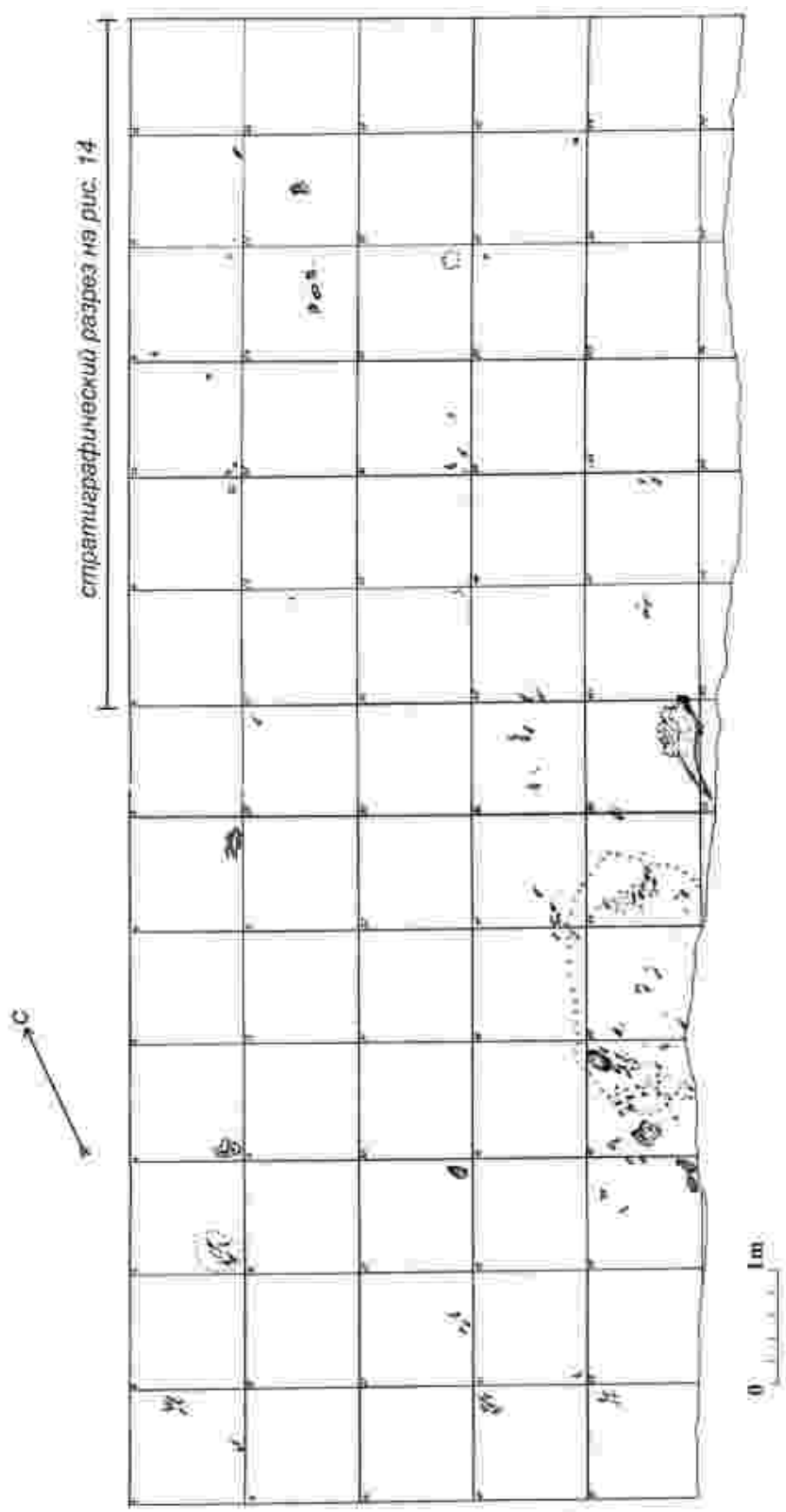

Рис. 32. Местонахождение Любанская I. Планиграфия раскоп (по: Задонин О.В. и др., 2014).

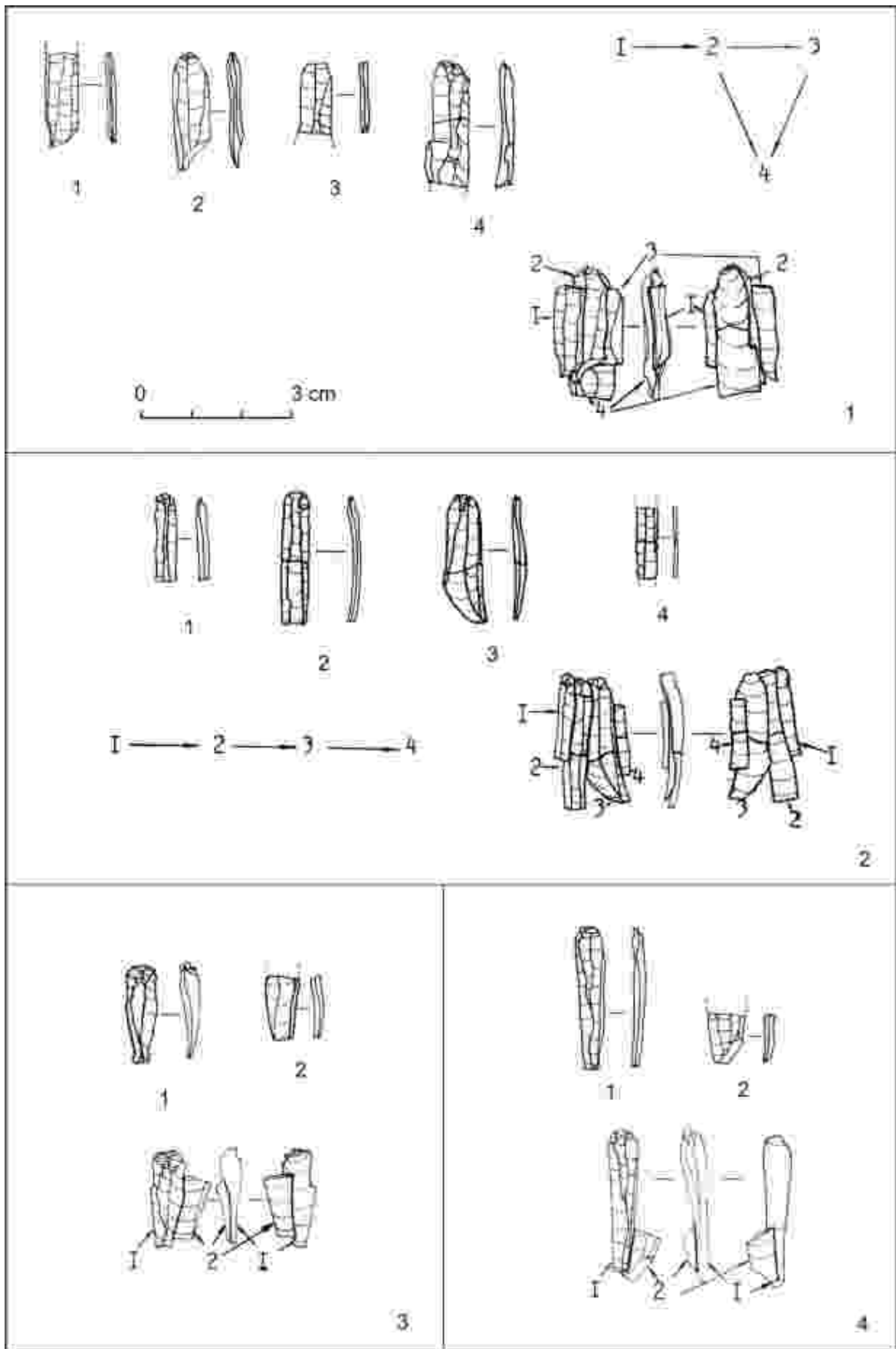

Рис. 33. Местонахождение Любавская I. Апликационные блоки (по: Задонин О.В. и др., 2014).

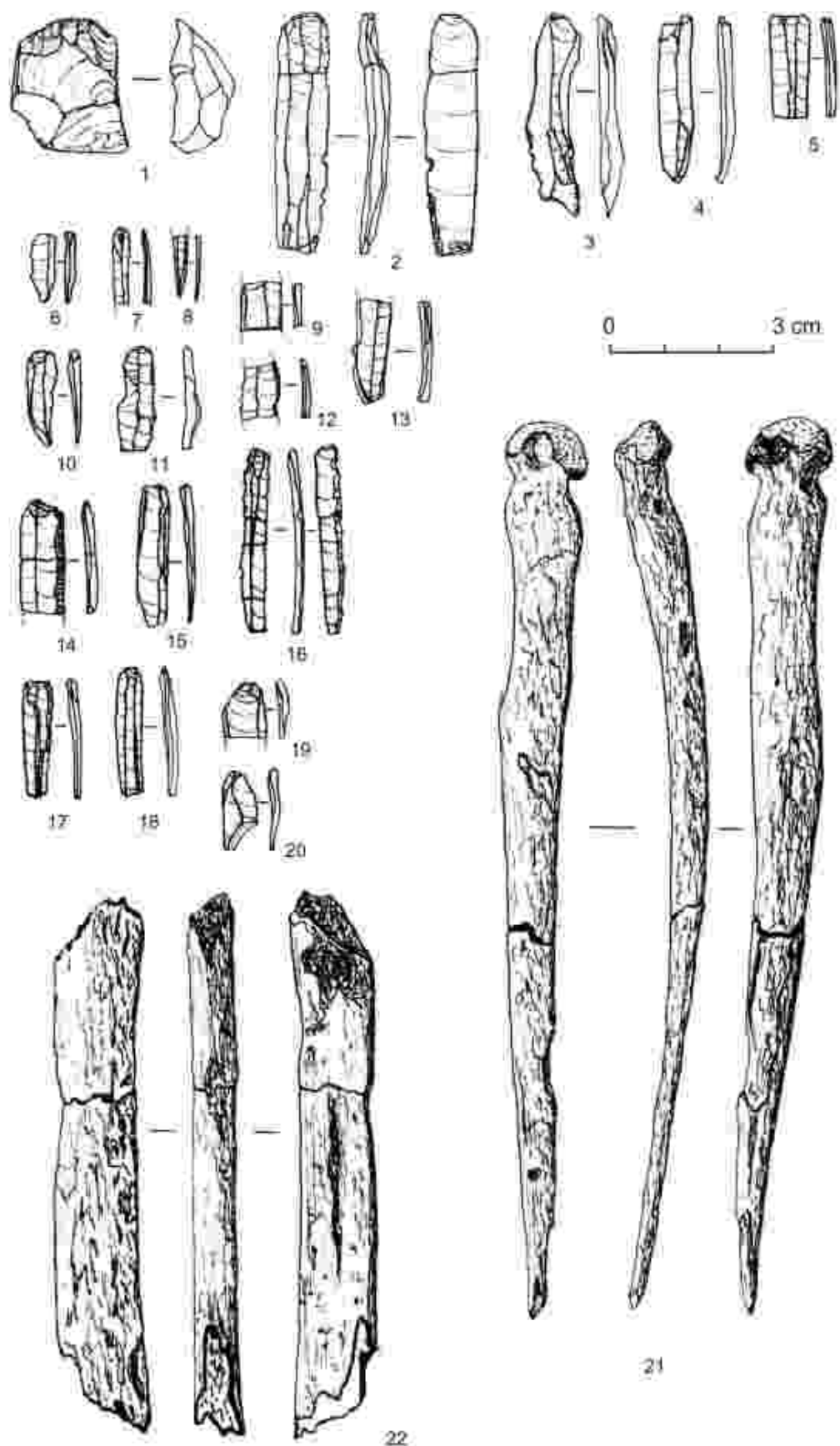

Рис. 34. Местонахождение Любавская I. 1 - скребок, 2, 3, 16 - ретушированные пластины, 4-15; 17-19 - микропластины, 20 - пластичный отщеп, 21 - острие из кости, 22 - фрагмент кости со следами обработки (по: Задонин О.В. и др., 2014).

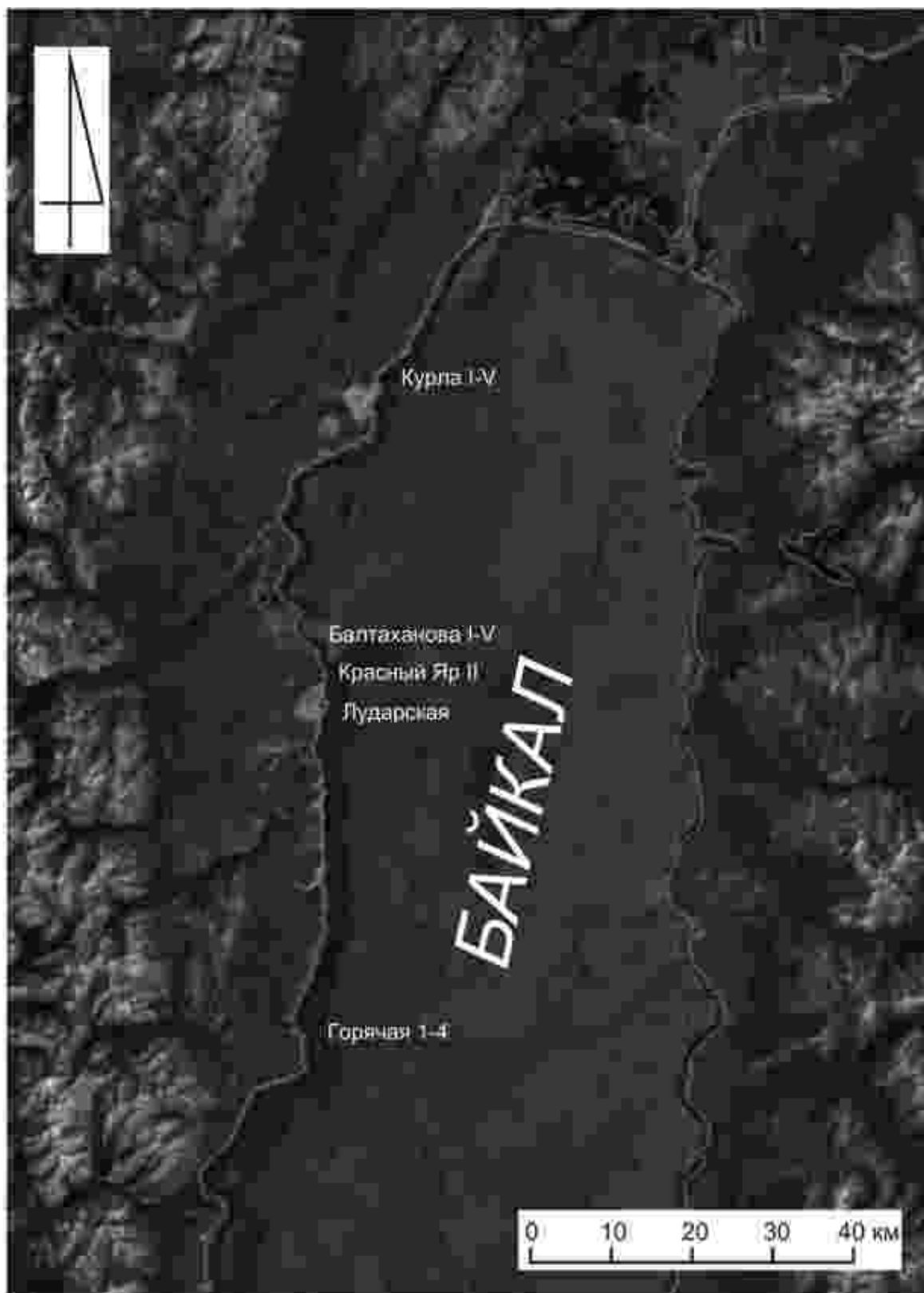
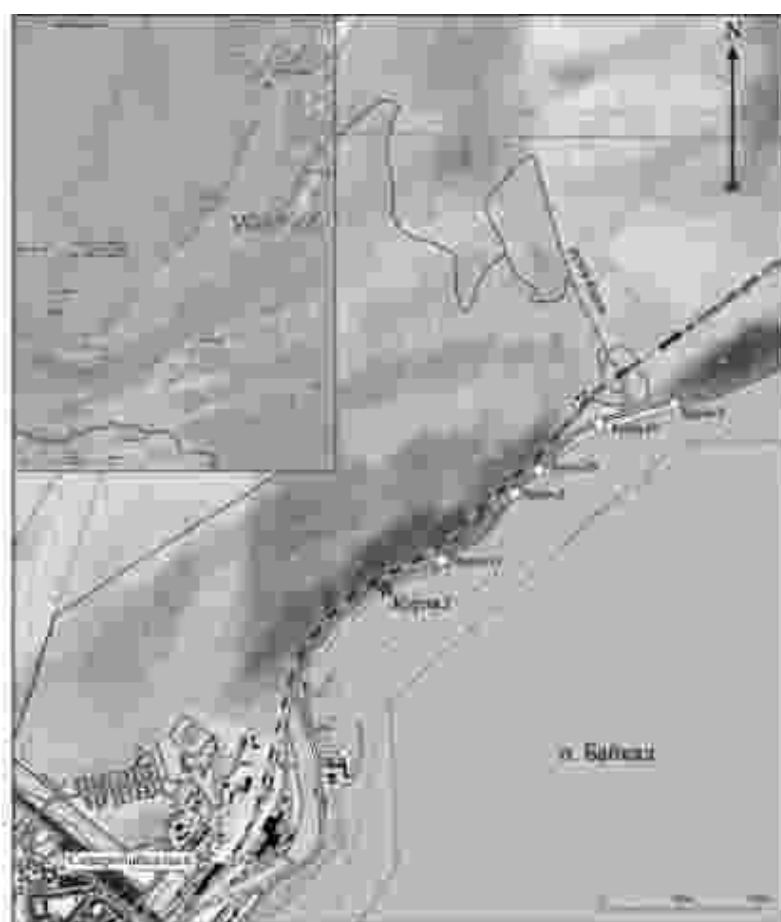
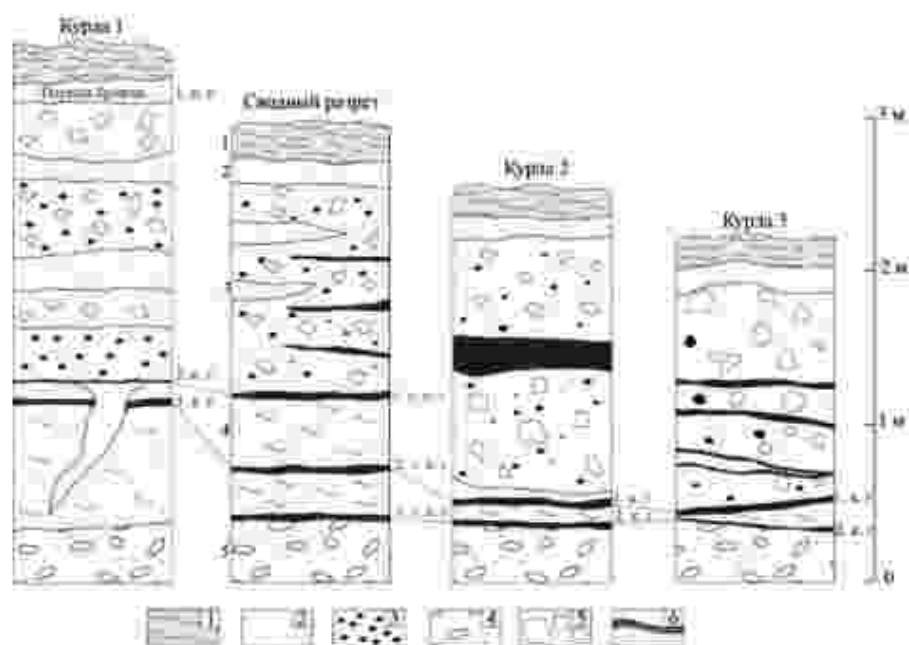

Рис. 35. Карта палеолит-мезолитических местонахождений Северного Байкала.

1

1 - современная супесчаная почва; 2 - пески и супеси; 3 - дюны; 4 - галечник;
5 - щебень и окатанные валуны; 6 - погребенные почвы (гумусированные прослойки)

2

Рис. 36. Курды I-III. 1 - карта местонахождений Курды I-VI на побережье оз. Байкал, 2 - стратиграфическая схема (по: Шмыгунов П.Е., 1981; Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Линкина Е.А., 2019).

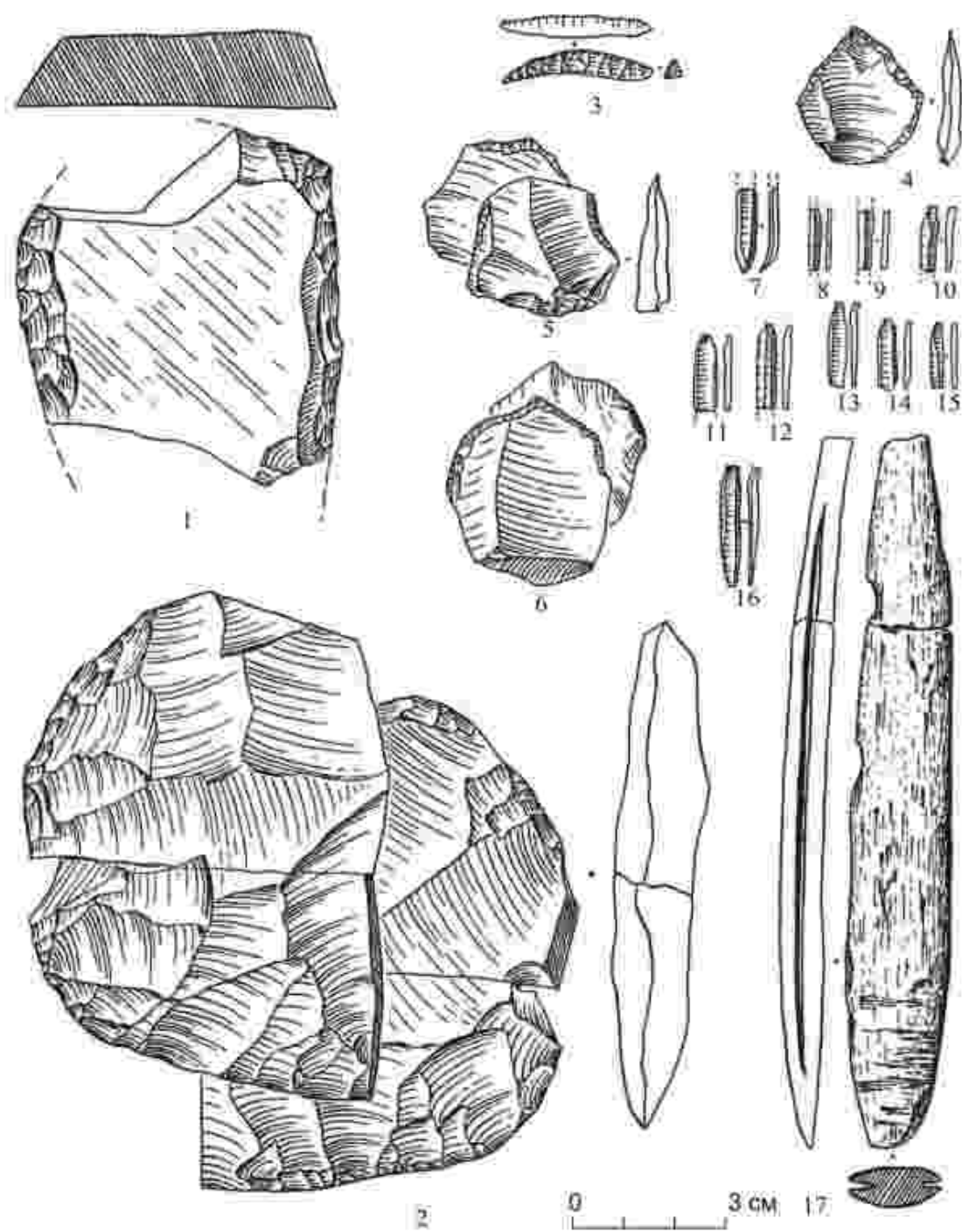

Рис. 37. Курья I-III, 3 объединенн. донешитич. к.г.: 1 - скребло, 2 - бифас, 3 - ребричатый скоп, 4 - остроконечник, 5-6 - ретушированные отщепы с тупцом, 7-16 - микропластины, 17 - костяная обойма вкладышевого наконечника (по: Medvedev G.I., 1988, fig. 127).

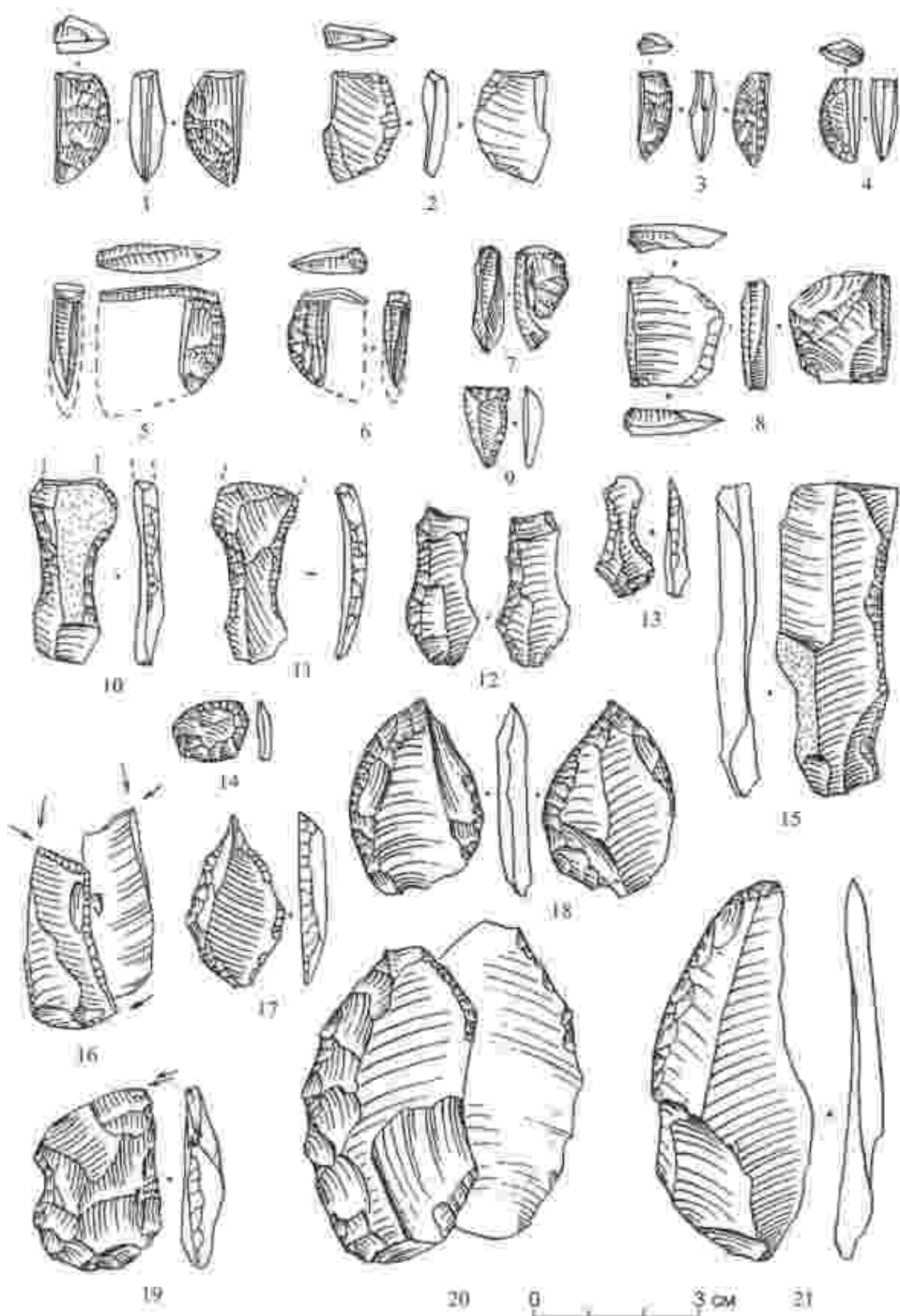

Рис. 38. Курья I-III, 3 объединены. донеолитич. к.л.: 1-8 - микроядра, 9 - ретушированный микроотщеп, 10-13 - выемчатые пластины и отщепы, 14 - микроскребок, 15 - ретушированная пластина, 16 - угловой резец, 17, 18 - остроконечники из отщепов, 19 - трансверсальный резец, 20, 21 - скребки из отщепов (по: Medvedev G.I., 1988, fig. 128).

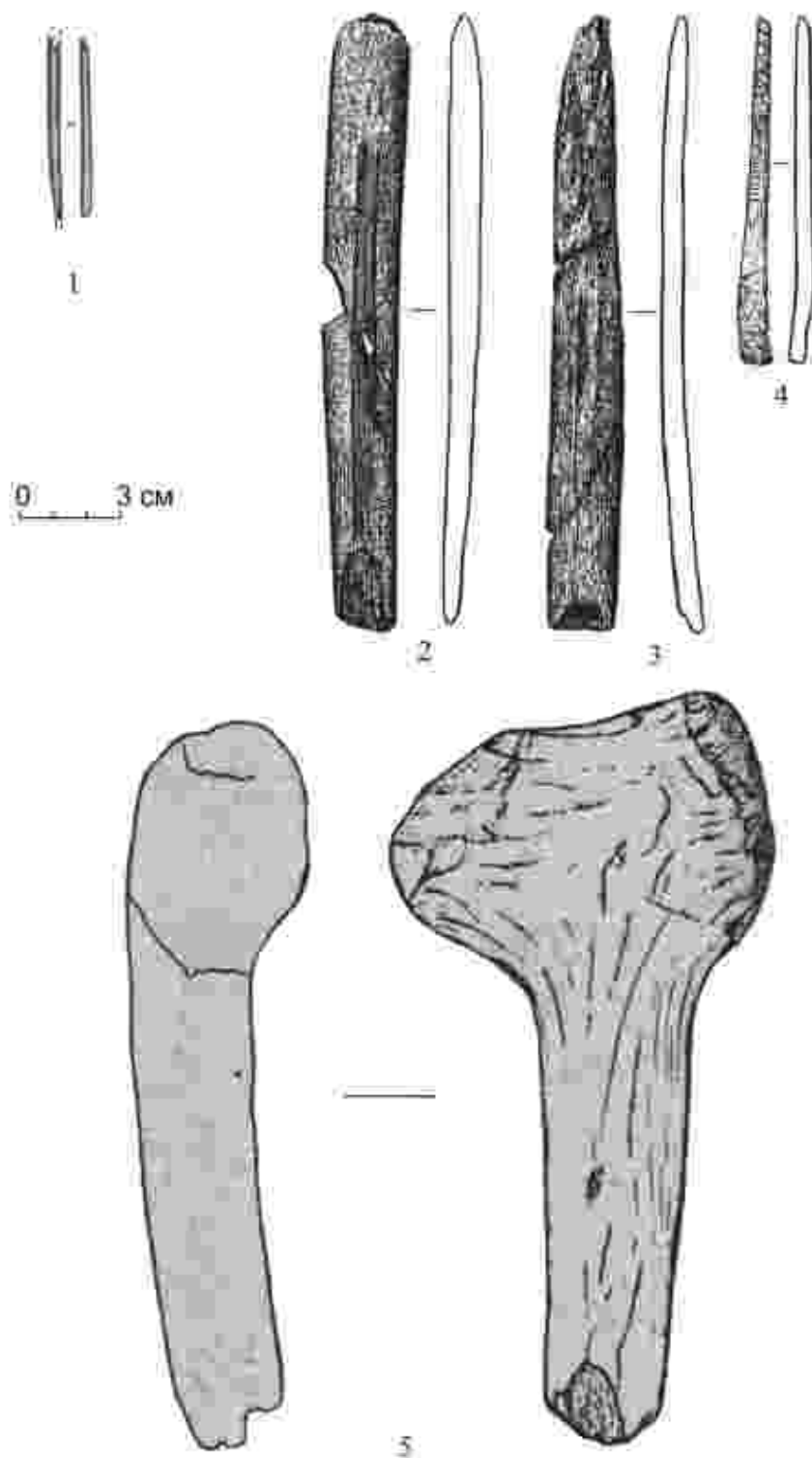

Рис. 39. Курла I-III, 3-й объединенный донеполитический культурный горизонт: 1 - фрагмент иглы, 2 - длинная кость оленя с орнаментом «хвоста стрелы», 3 - длинная кость, орнаментированная надрезами 4 - колотушка (по: 1, 5 - по Шмыгун, Ендрихинский, 1978, рис. 7, 8; 3, 4, 5 - по: Medvedev G.I., 1998, fig. 129)

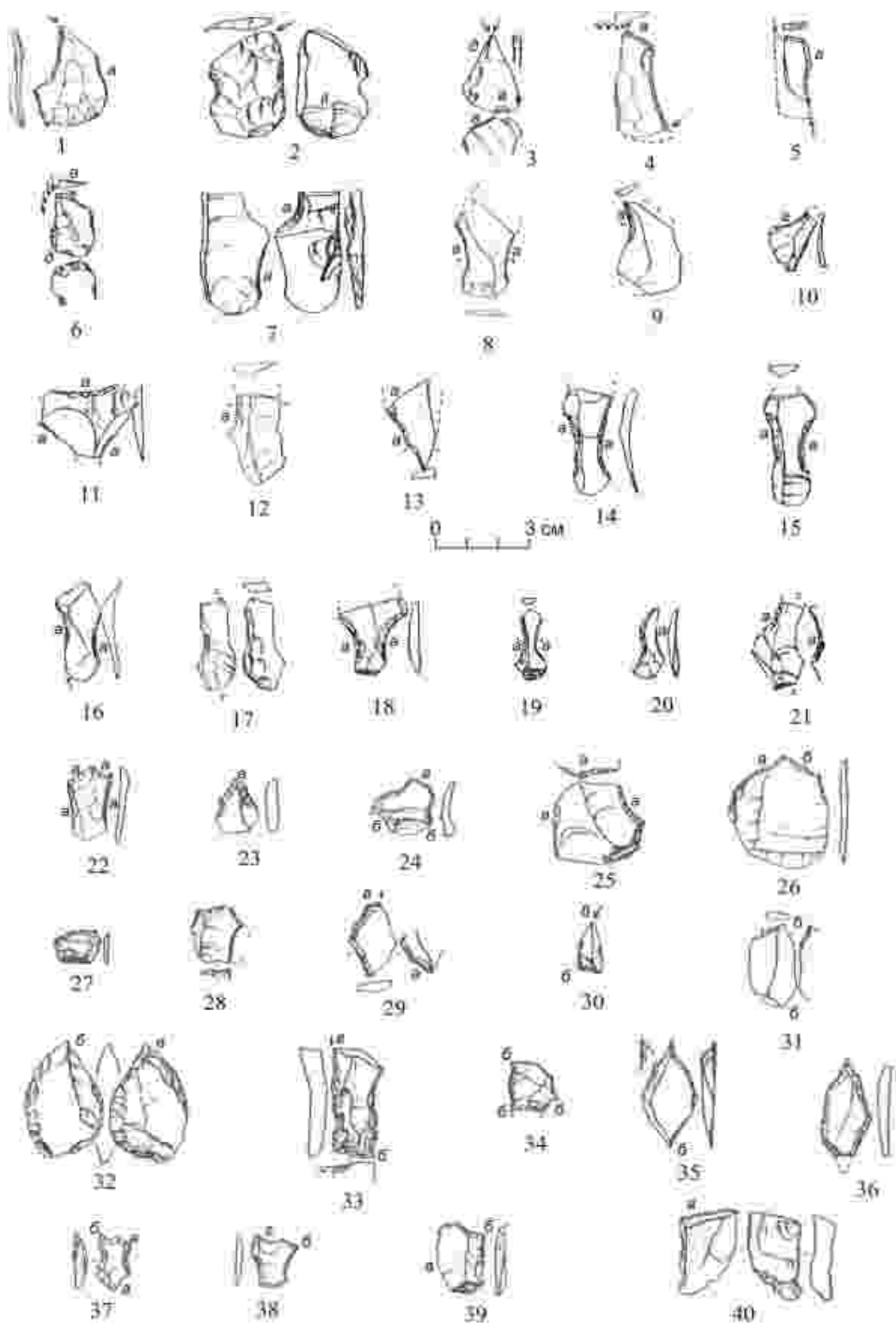

Рис. 40. Кураи I-III, 3 объединены. донеолинич. к.г.: 1-40 - группа орудий по кости и рогу, *a* - скобелящая кромка, *b* - острая кромка, *v* - острие, *z* - выемка, *d* - подтечка, *x* - лезвия по антитезе (по: Шмыгул П.Е., Филиппов А.К., 1982).

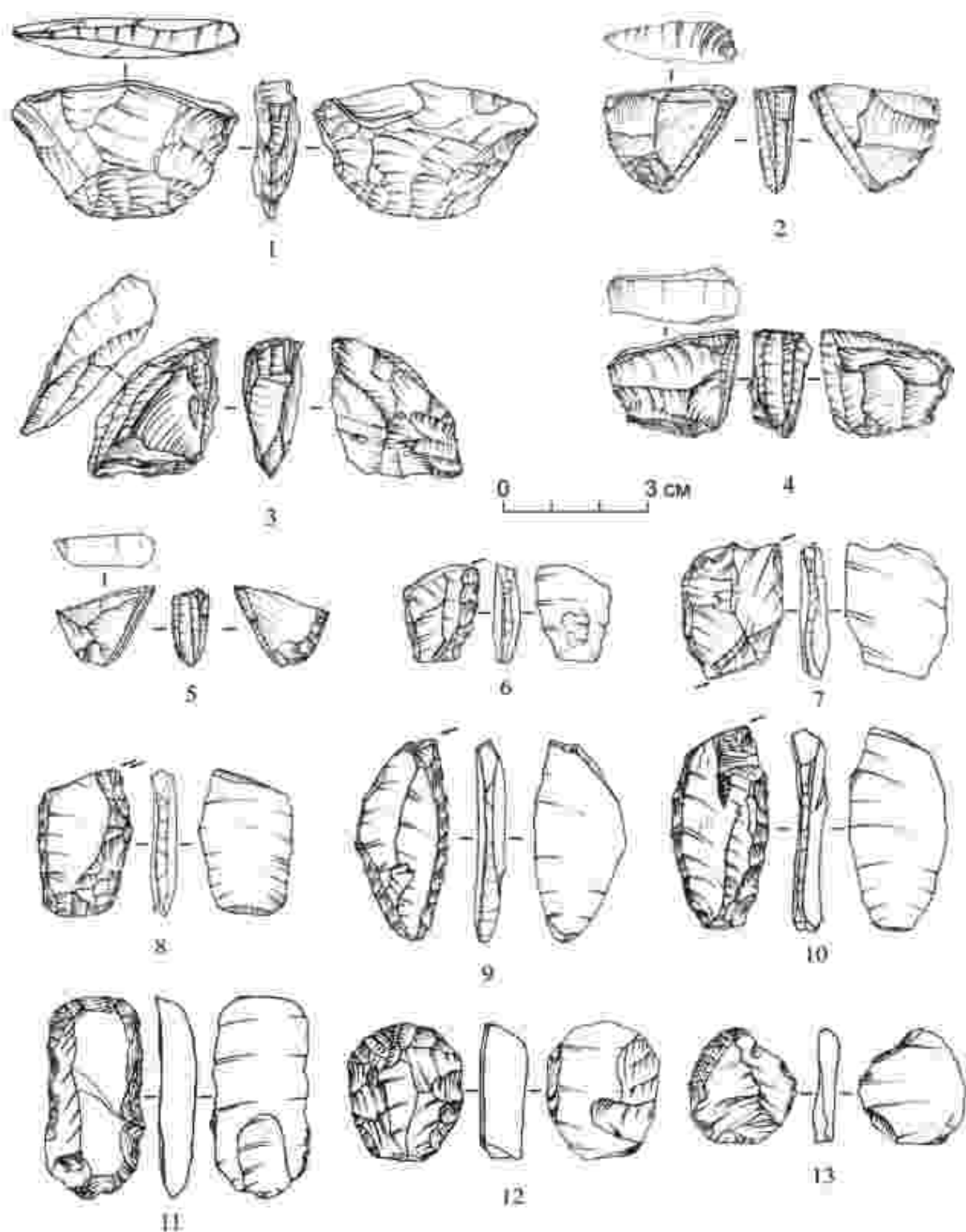

Рис. 41. Курла I-III, 2 объединенн. донесоитич. к.п.: 1-5 - клиновидные нуклеусы, 6-10 - трансверсальные ретзи, 11-13 - скребки (по: Молчанов Г.Н., 2019, с изменениями).

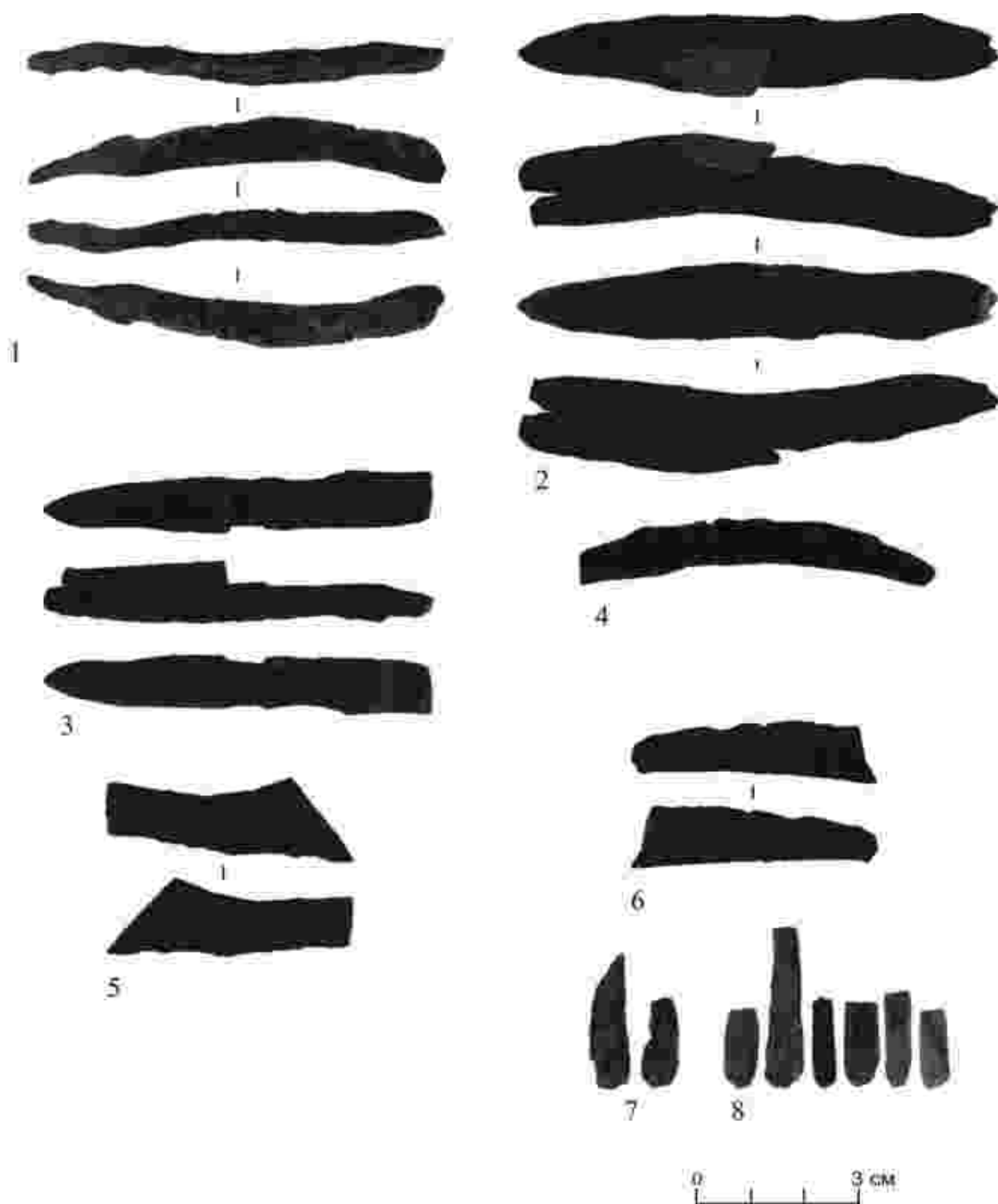

Рис. 42. Курля I-III, 2 объединени, донесолитич. к.г.: 1-4, 6 - реберчатые и лыженидные сколы, 7, 8 - фрагменты микропластин (по: Молчанов Г.Н., 2019, с. 88).

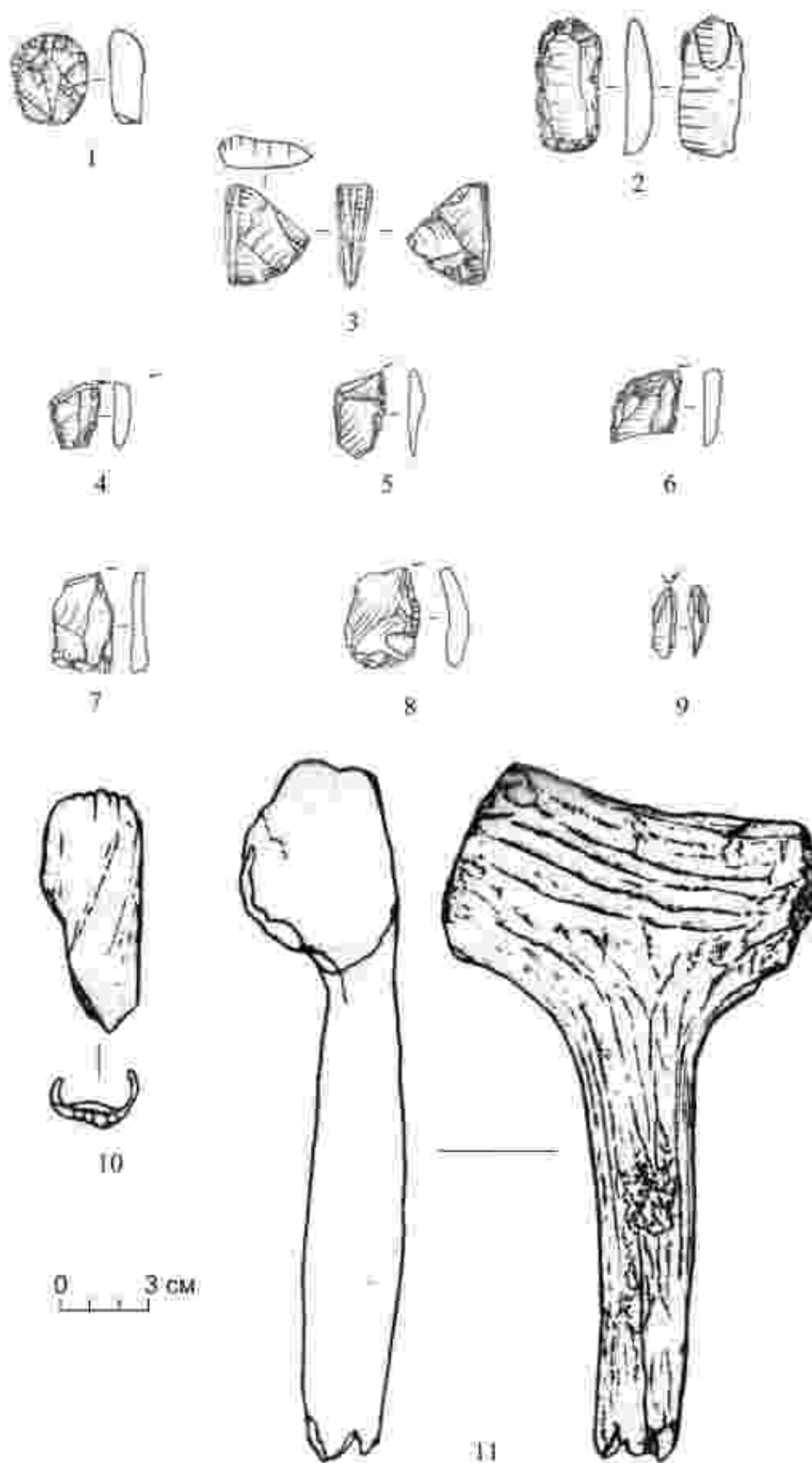

Рис. 43. Курда III, культурный горизонт I (2-й объединенный культурный горизонт): 1, 2 - скребки 3 - клиновидный нуклеус, 4-9 - рещы, 10-11 - изделия из кости (по Шмыгунов П.Е., Ендрихинский А.С., 1978, с изменениями).

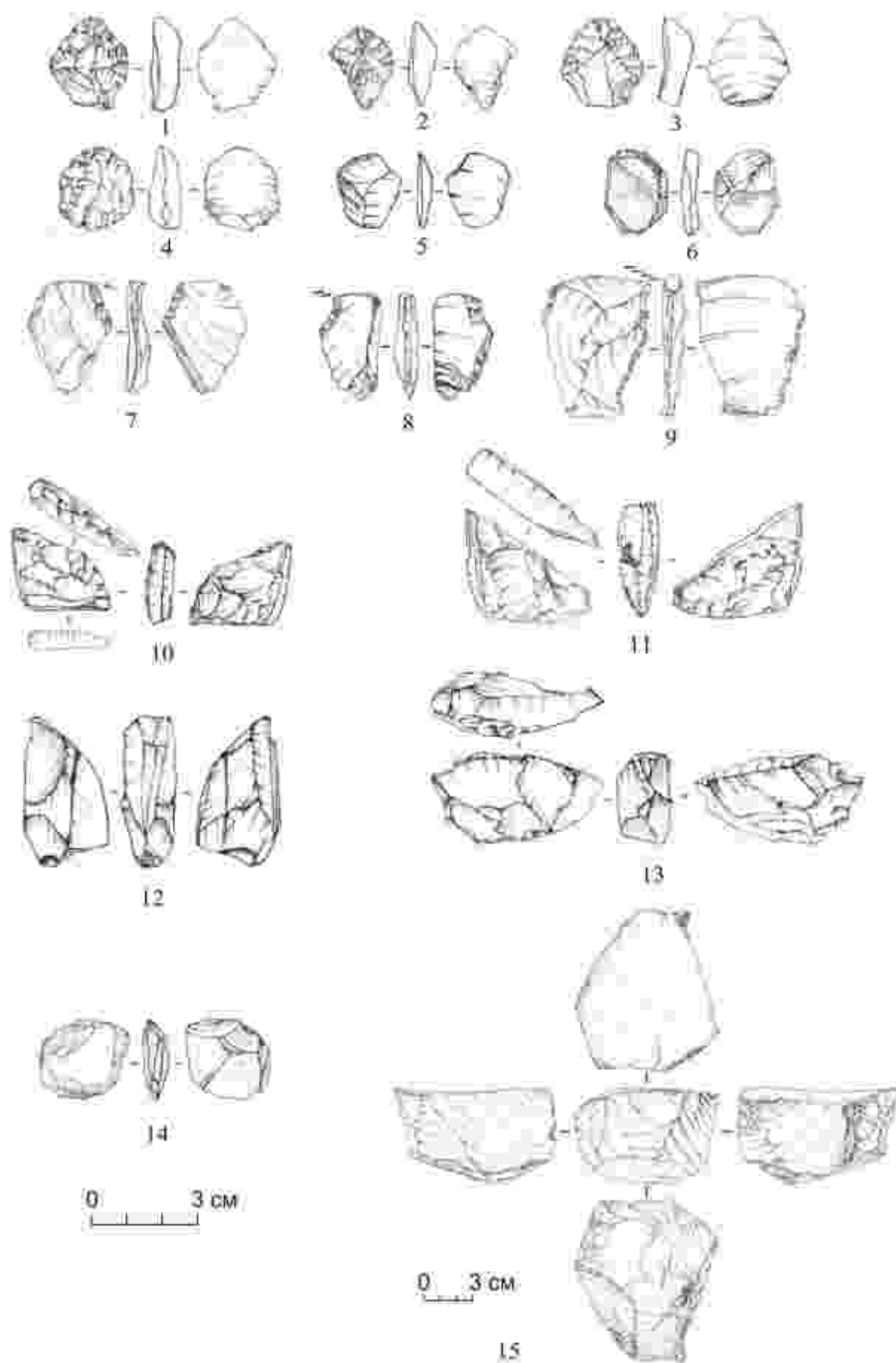

Рис. 44. Курлы I-III, I объединены. донесолитич. к.г.: 1-6 - скребки, 7-9 - трансверсальные резцы, 10-12, 14 - микроядрозы, 13 - преформа микроядрозов, 15 - грубопризматический ядроз (по: Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липкина Е.А., 2019, с изменениями).

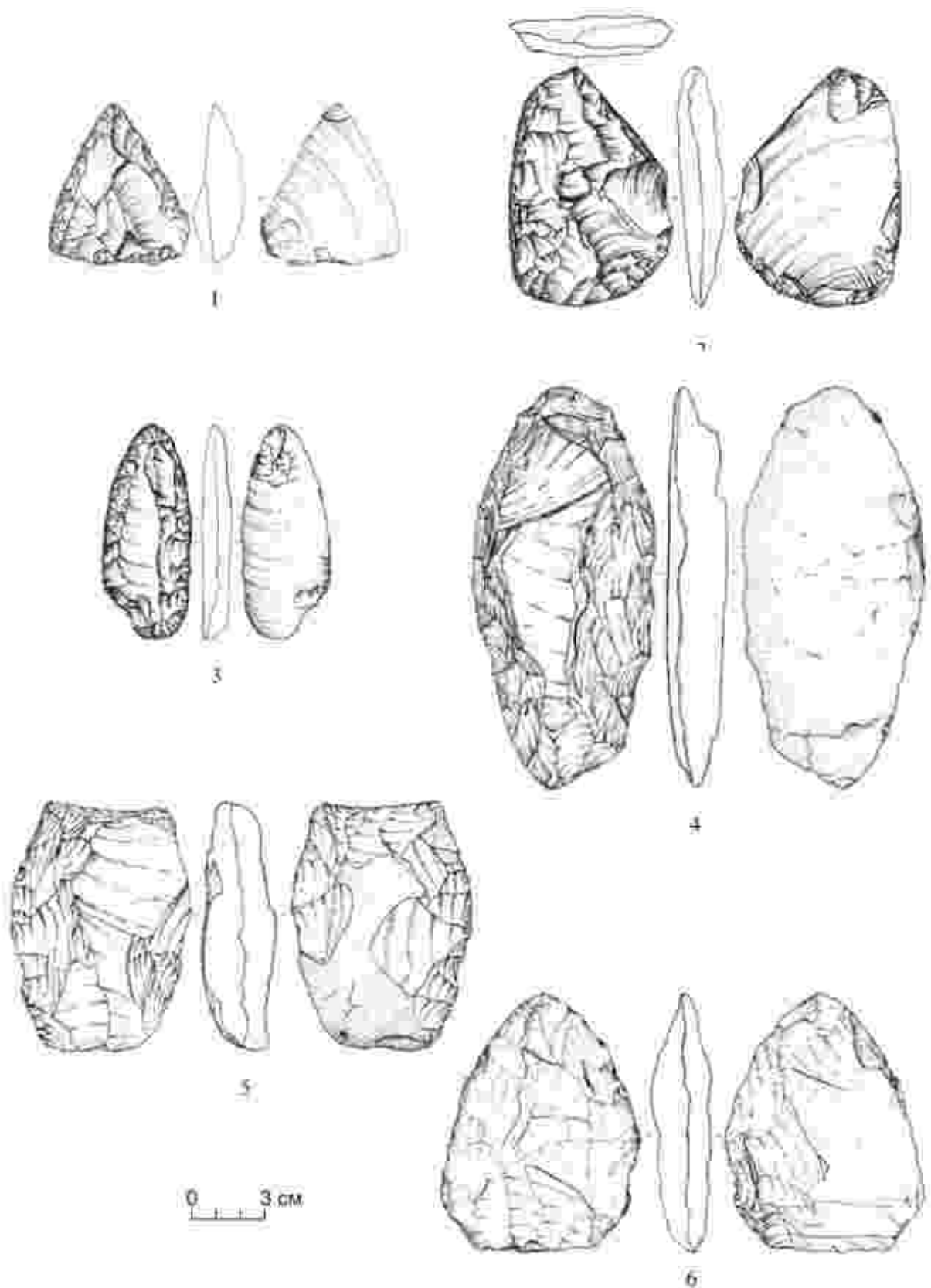

Рис. 45. Курла I-III, 1 объединенн. донеолитич. к.г.: 1-4 - унифасиальные орудия, 5-6 - бифасы (по: Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А., 2019, с изменениями).

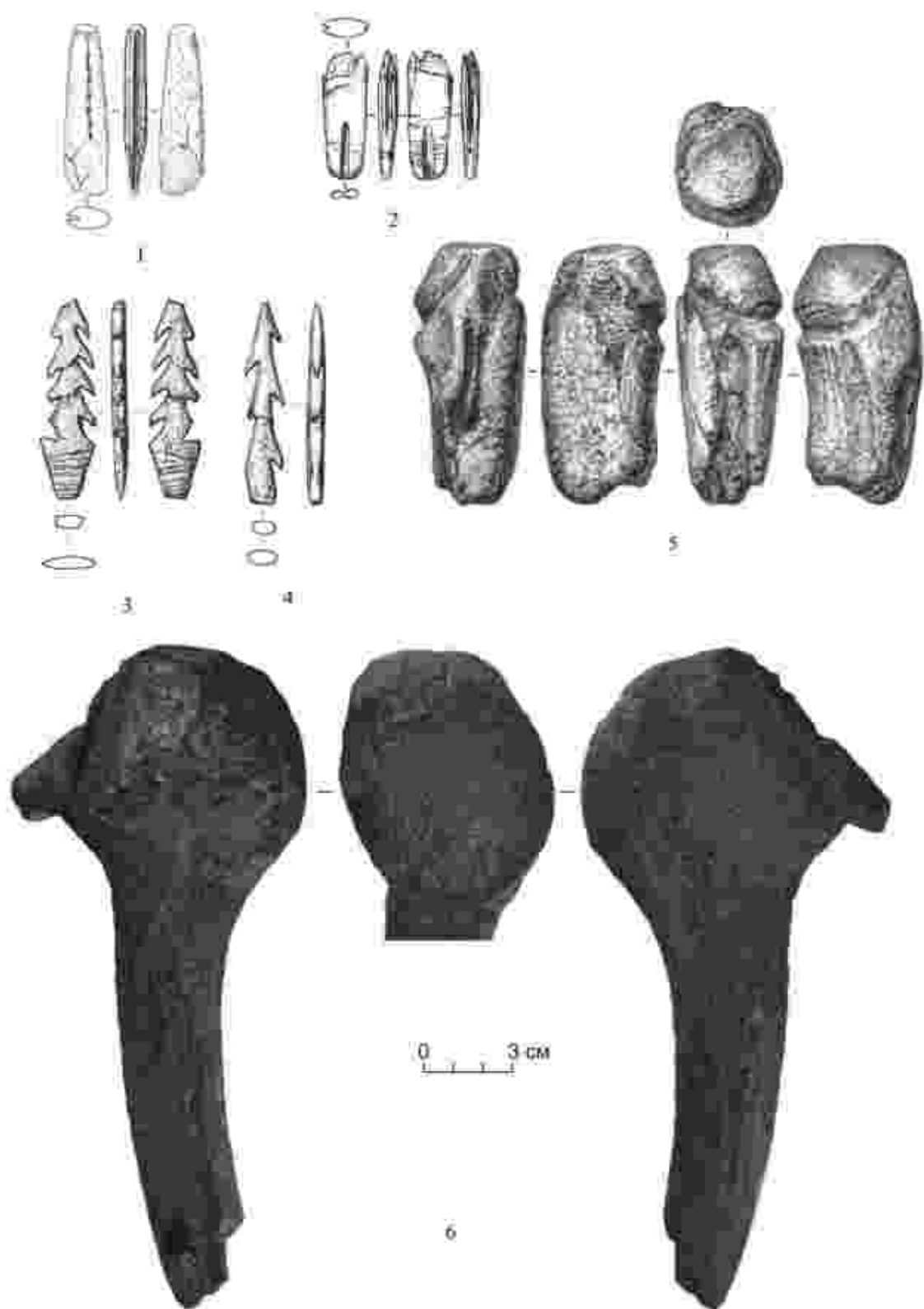

Рис. 46. Курла I-III, I объединены. донеолитич. к.г.: 1-6 - изделия из кости и рога (по: Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липкина Е.А., 2019, с изменениями).

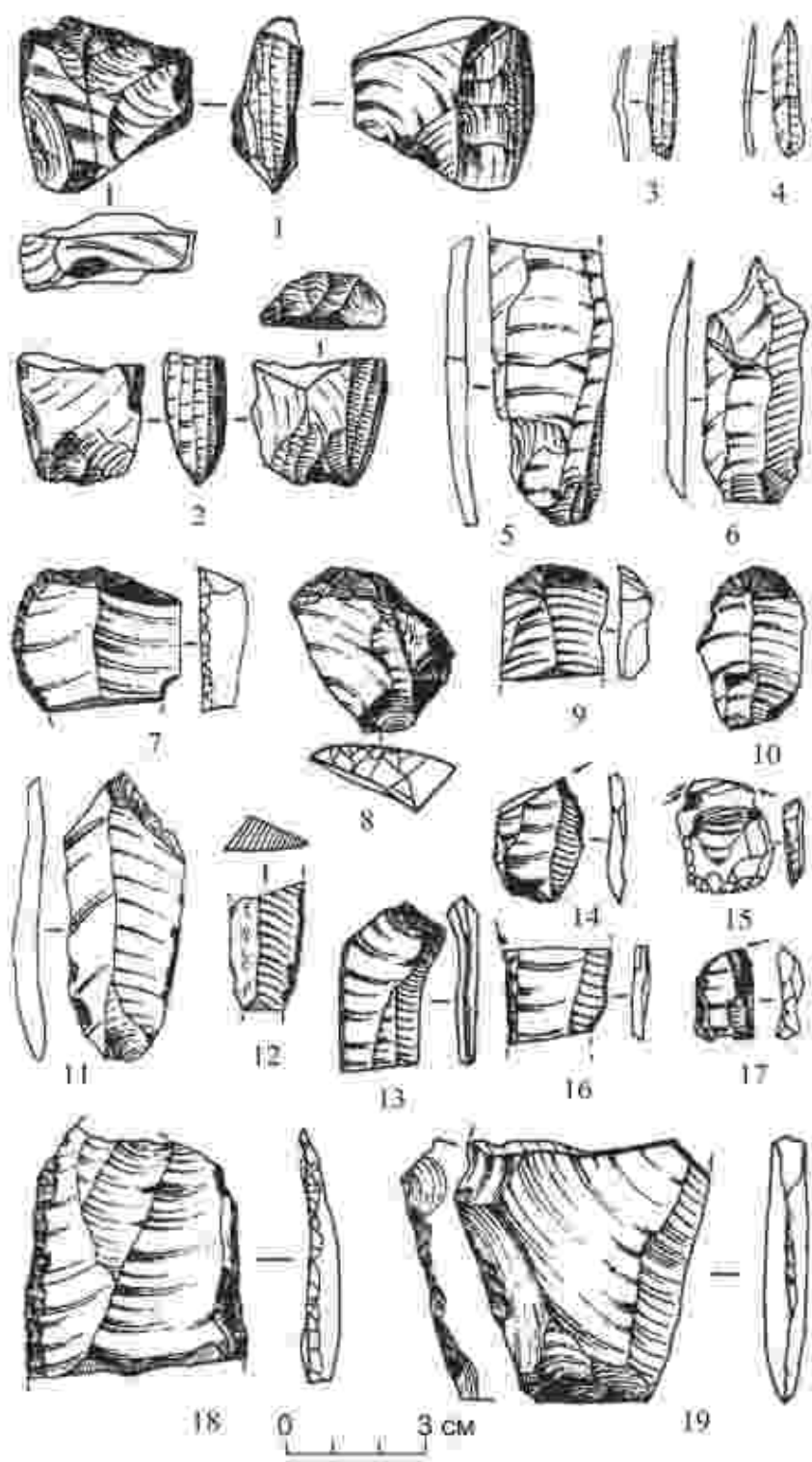

Рис. 47. Курай IV, культурный горизонт III: 1, 2 - микронуклеусы, 3, 4 - микропластины, 5, 6 - пластины, 7-10 - окребки, 11-13 - пластины с краевой ретушью, 14-17 - резцы, 18-19 - сколы с краевой ретушью (по: Абдулов Т.А., 1991, с изменениями).

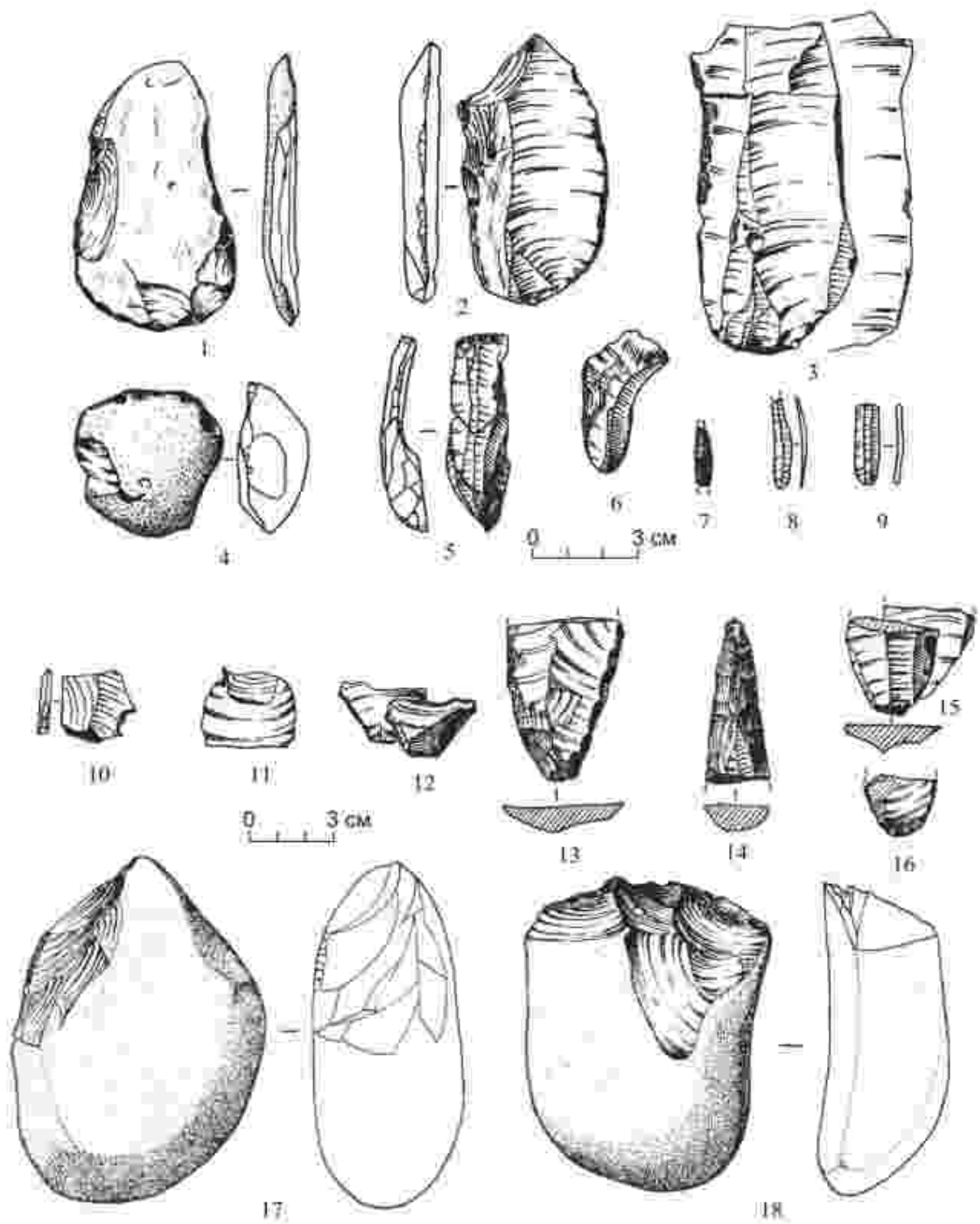

Рис. 48. Курлы IV, 1-9 - культурный горизонт II, 10-18 - культурный горизонт III: 1 - тесло с перехватом, 2, 3, 6 - сколы с ретушью, 4 - скребок, 5 - фронтальный скол с микроинклюдуса, 7-9 - микропластины, 10-12 - отщепы с ретушированным зубчато-выемчатым краем, 13, 15, 16 - обломки литовидных унифасов, 14 - остроконечник, 17-18 - чопперы (по: Абдулов Т.А., 1991, с изменениями).

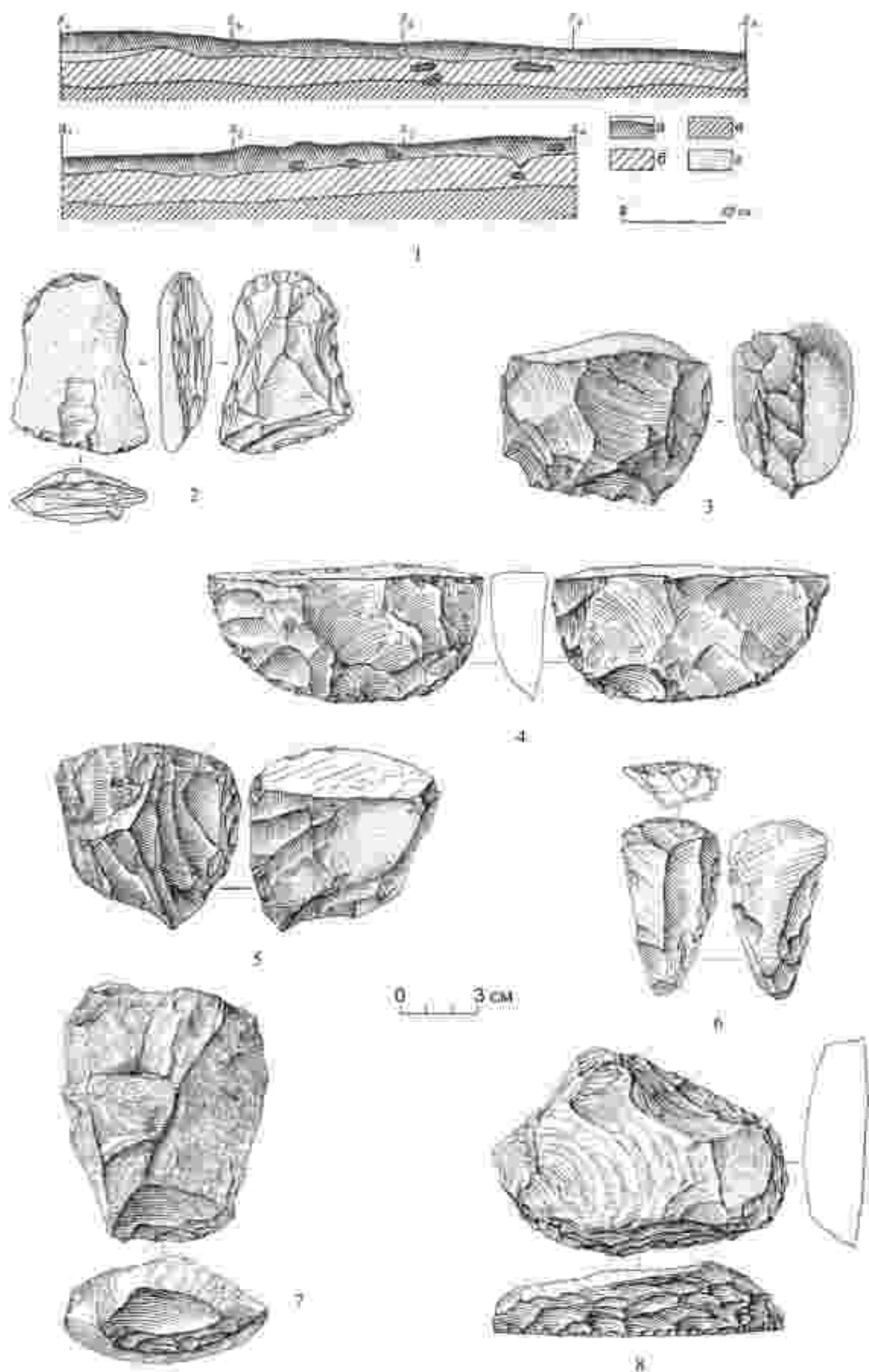

Рис. 49. Стоянка Лударская I: 1 - стратиграфия (а - дерново-почвенный слой, б - красный суглинок, в - желтый суглинок, г - песок), 2 - тесло с перехватом, 3 - галька со сколами; стоянка Лударская III: 4 - скребло с двусторонней обработкой, 5 - нуклеус, 6 - скребок, 7 - чоппероидное орудие, 8 - скребло (по: Хлобыстин Л.П., 1965, с изменениями).

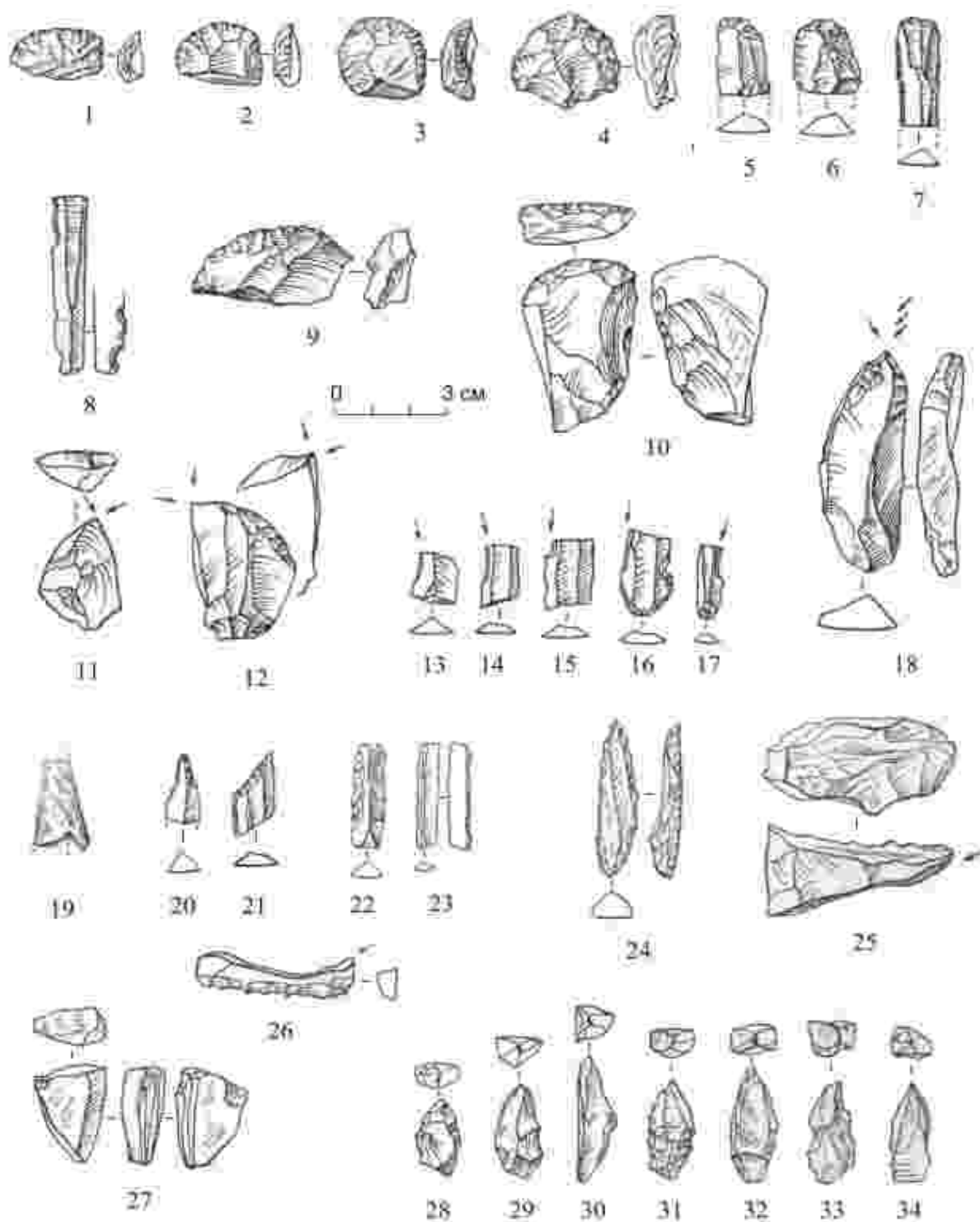

Рис. 50. Стоянка Лударская I. 1-7, 9, 10 - скребки, 8, 11-18 - резцы, 19 - обломок костяного гарпуна, 20 - проколка-пронертка, 21 - шпателька со скошенным краем, 22-23 - пластинки с ретушью, 24 - сверловидное орудие, 25 - ударная площадка с нуклеуса, 26 - краевой скол, 27 - нуклеус, 28-34 - цилиндрические резцы и сверло (34) (по: Хлобыстин, 1965, с изменениями).

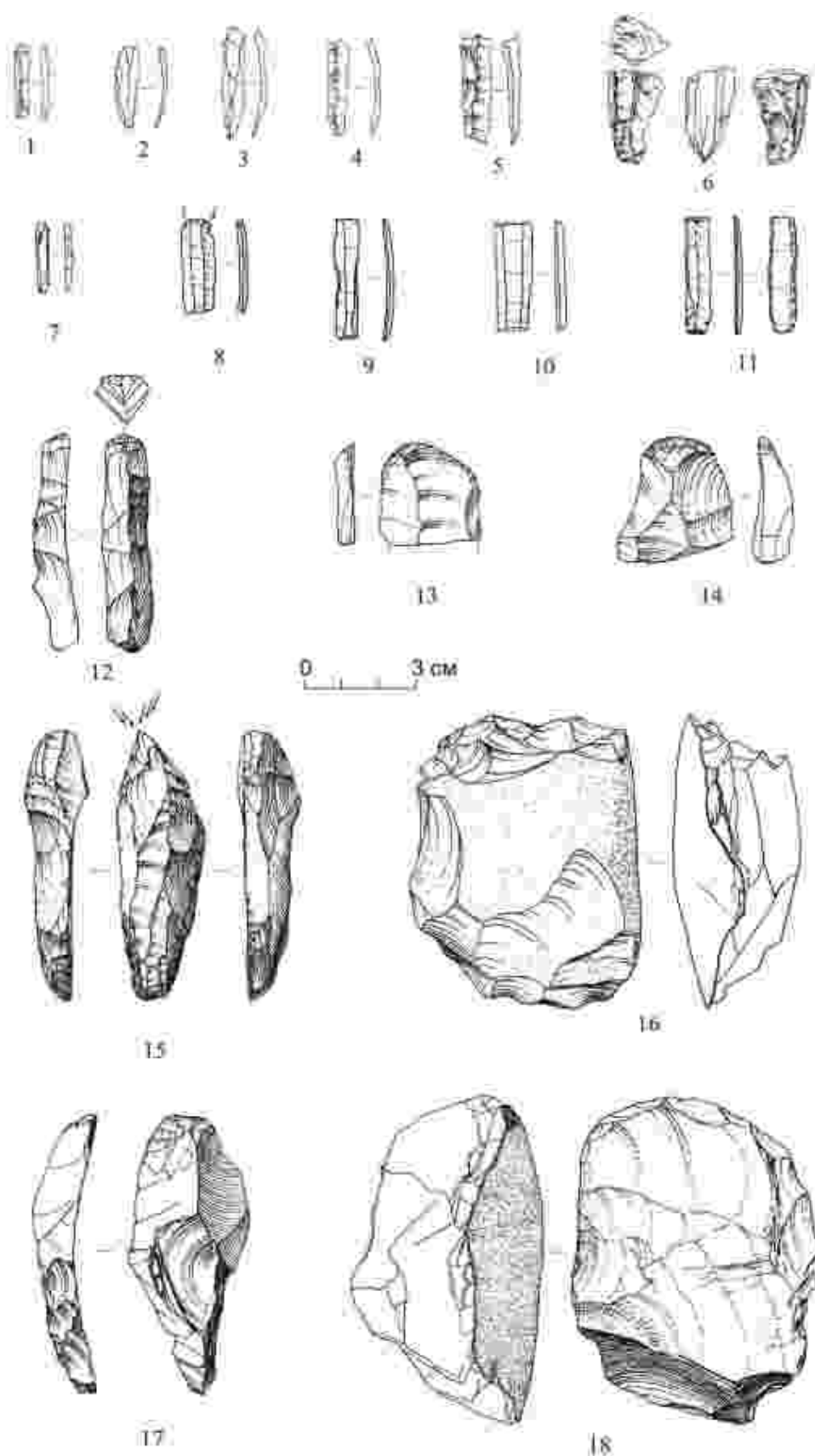

Рис 51. Артефакты с местонахождений Балтаханова III, V: 1-7 - Балтаханова III, шурф 8, к.г. 2: 1-5 - микропластины, 6 - микроядро; 8-18 - Балтаханова V: 7 - резцовый скол, 8 - двойной угловой резец, 9 - медильный сегмент пластины с рабочей ретушью, 10 - медильный сегмент пластины, 11 - вкладыш из микропластины, 12 - кощевой скребок на реберчатом сколе с бифаса, 13, 14, 17 - скребки, 15 - средний резец-скребок, 16, 18 - чопперы-струги (1-6 - по: Ивешин, Карнышев, 2005; 7-18 - по: Тетенькин А.В., Живагин Д.Е., Коростелев А.М., 2019).

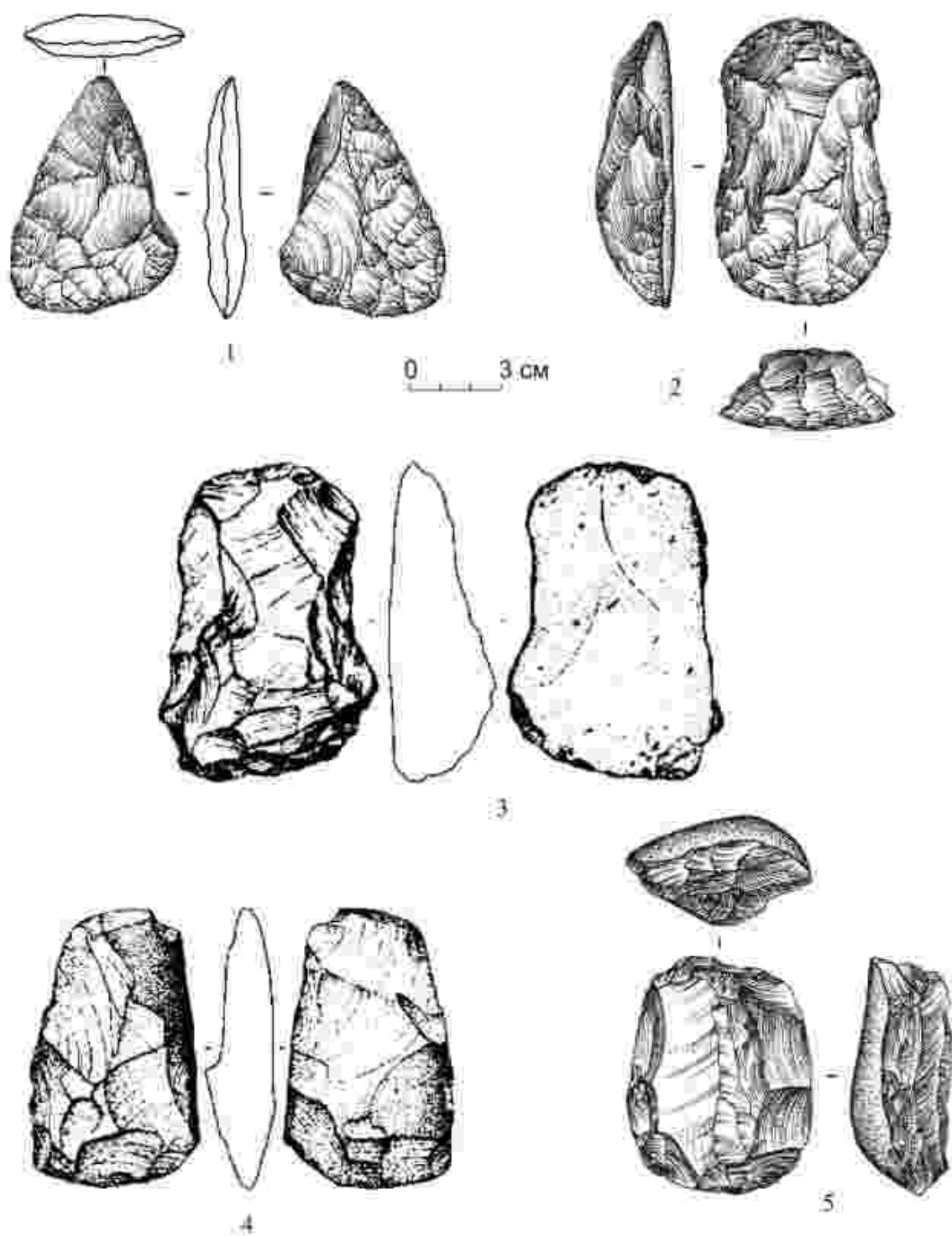

Рис. 52. Находки донеолитического облика с местонахождений северо-западного побережья Байкала: 1 - Богучанский остров III, 2 - Балтаханова II, 3 - Богучанская IV, 4 - Богучанская V, 5 - Красный Яр II (1, 2, 5 - сборы Д. Кичигина, 2008 г.; 3, 4 - по публикации Ю.П. Лыхина, 2003); (по: Тетенькин А.В., Кичигин Д.Е., 2018).

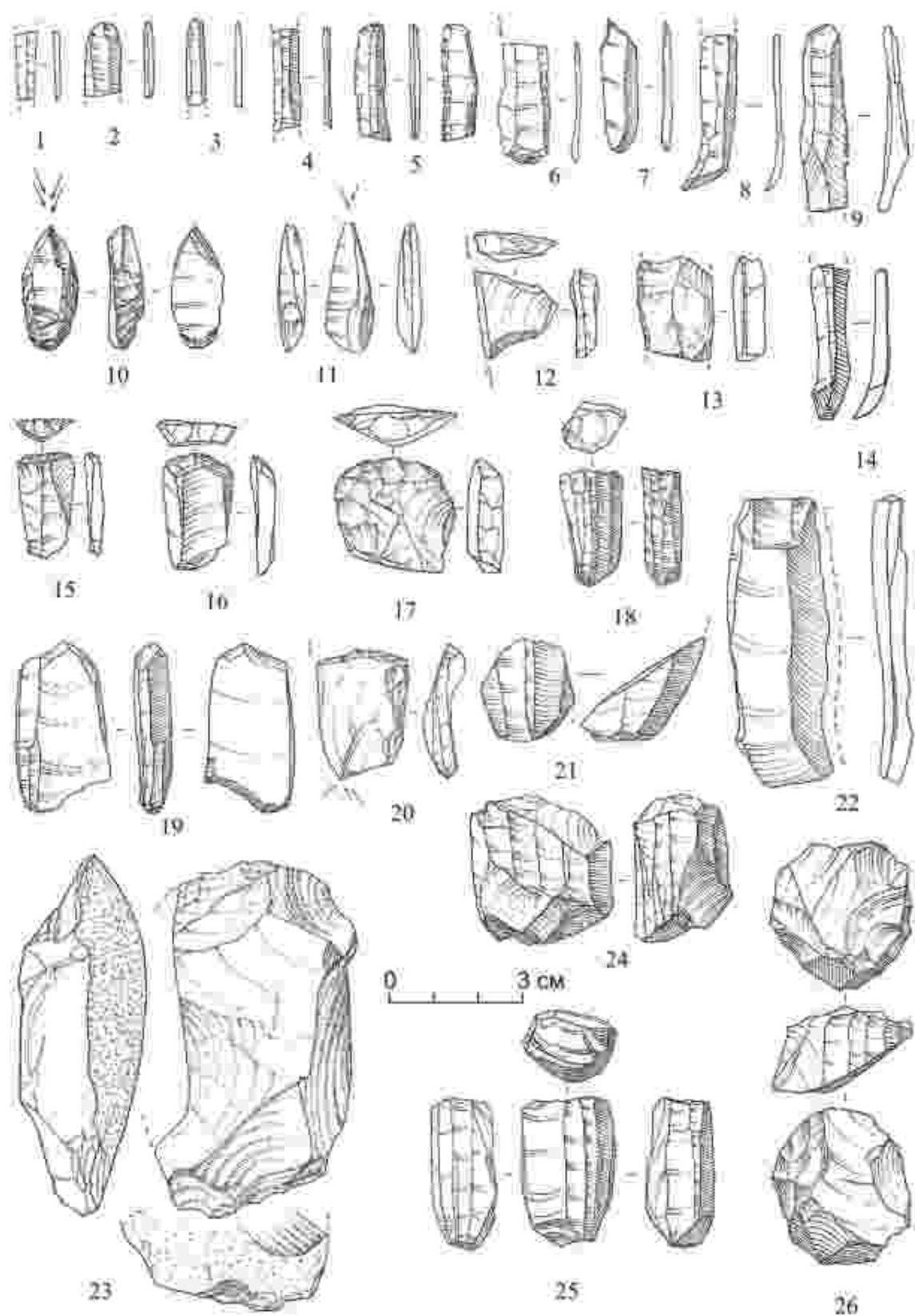

Рис. 53. Местонахождения Горичая 1, Горичая 3: 1-25 - Горичая 1; 1, 2, 6-10, 14, 18, 22, 25 - подъемные сборы; 3-5, 8, 11-17, 19-21, 23, 24 - раскоп 1998 г.; 26 - Горичая 3, подъемные сборы (по: Тетенькин А.В., Харинский А.В., 2016).

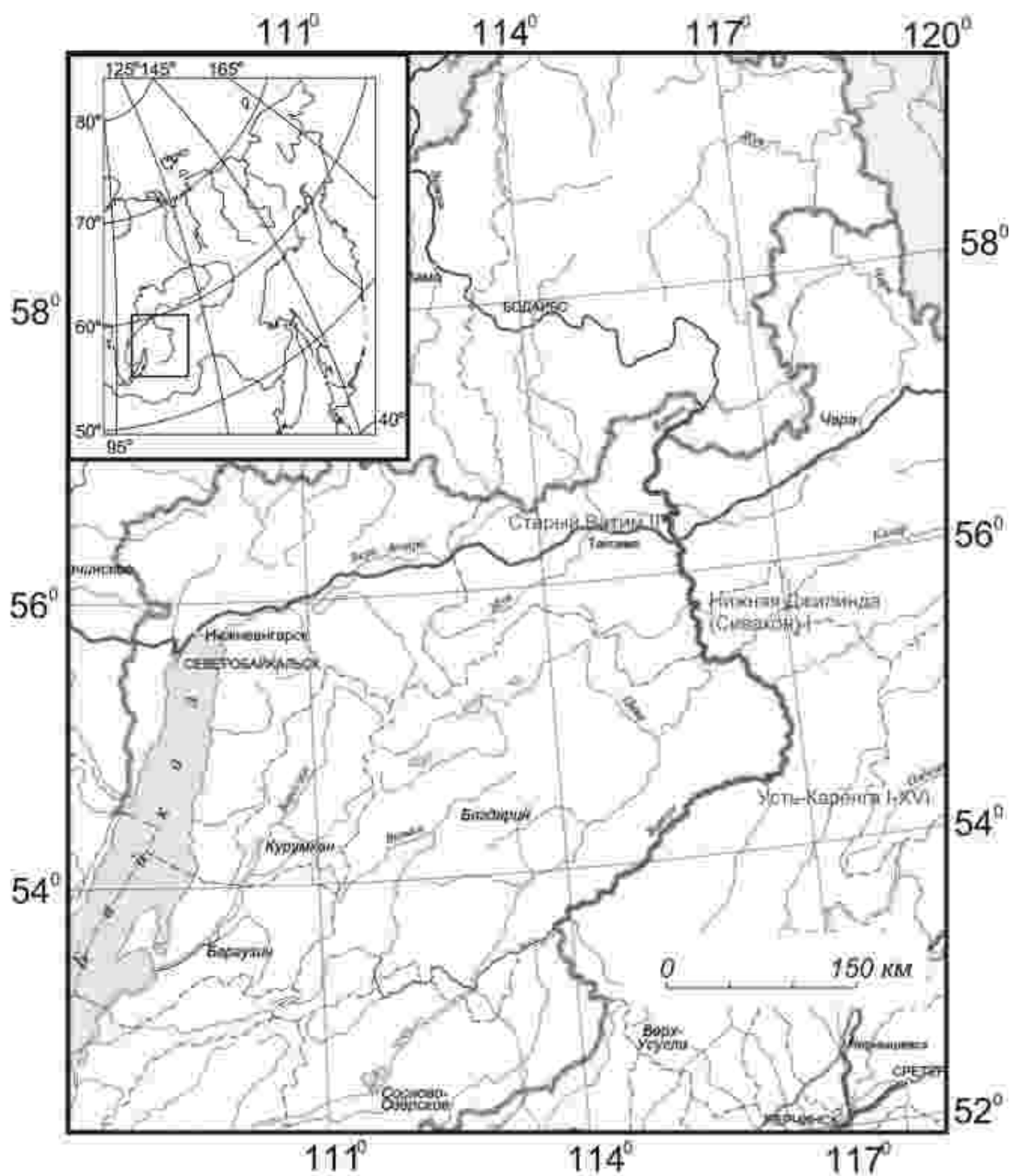
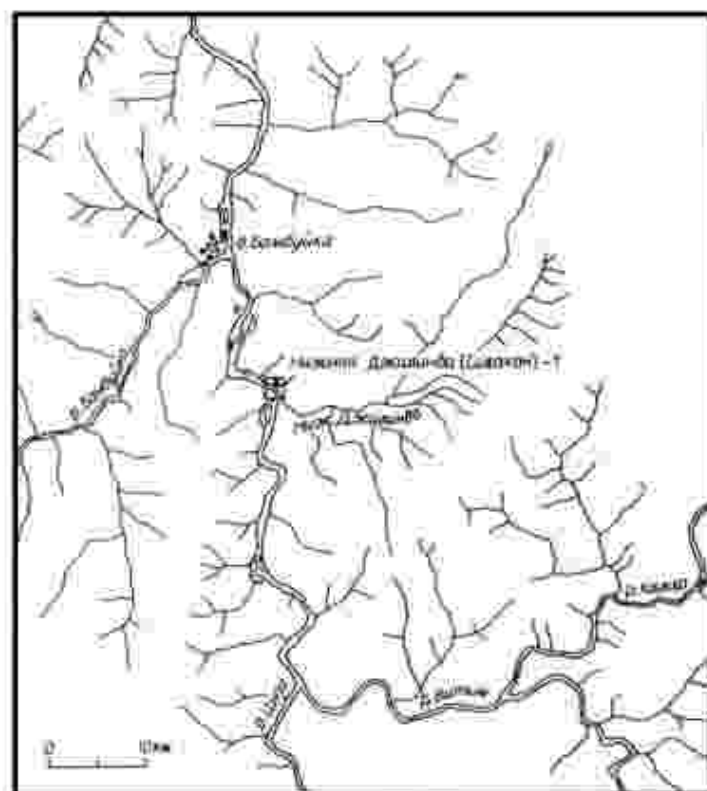
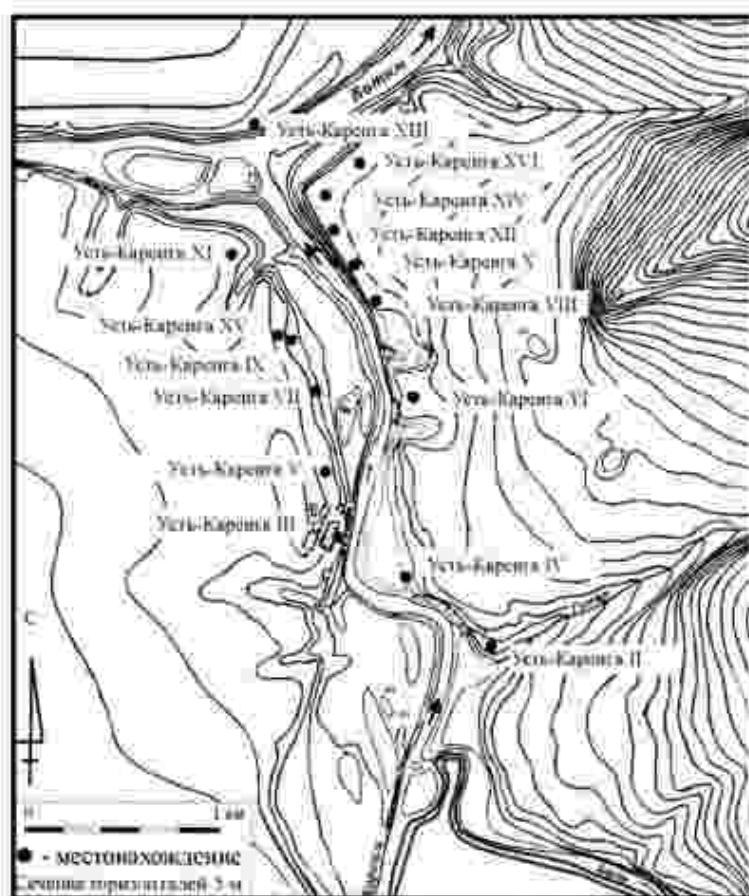

Рис. 54. Карта ВВ. Карта палеолит-мезолитических местонахождений Верхнего Витима.

1

2

Рис. 55. Карты-схемы археологических местонахождений: 1 - Нижняя Довговода (Сивакон) 1. (по: Ветров В.М., Задонин О.В., Ивешин Е.М., 1993), 2 - Усть-Карпенка I-XVI (по: Ветров В.М., 2011а).

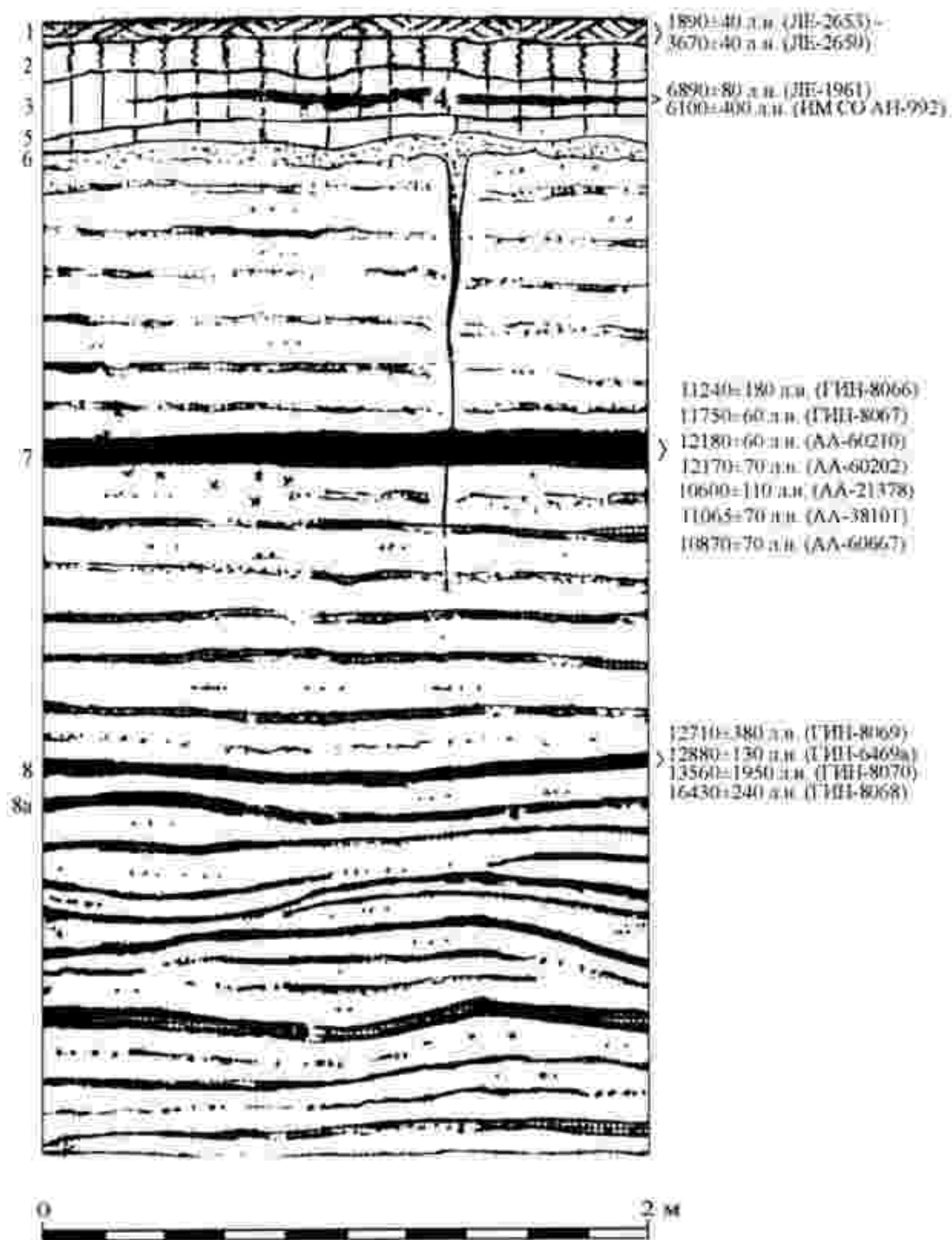

Рис. 56. Усть-Карента I-XVI. Сводный стратиграфический разрез. (по: Ветров В.М., 2011а).

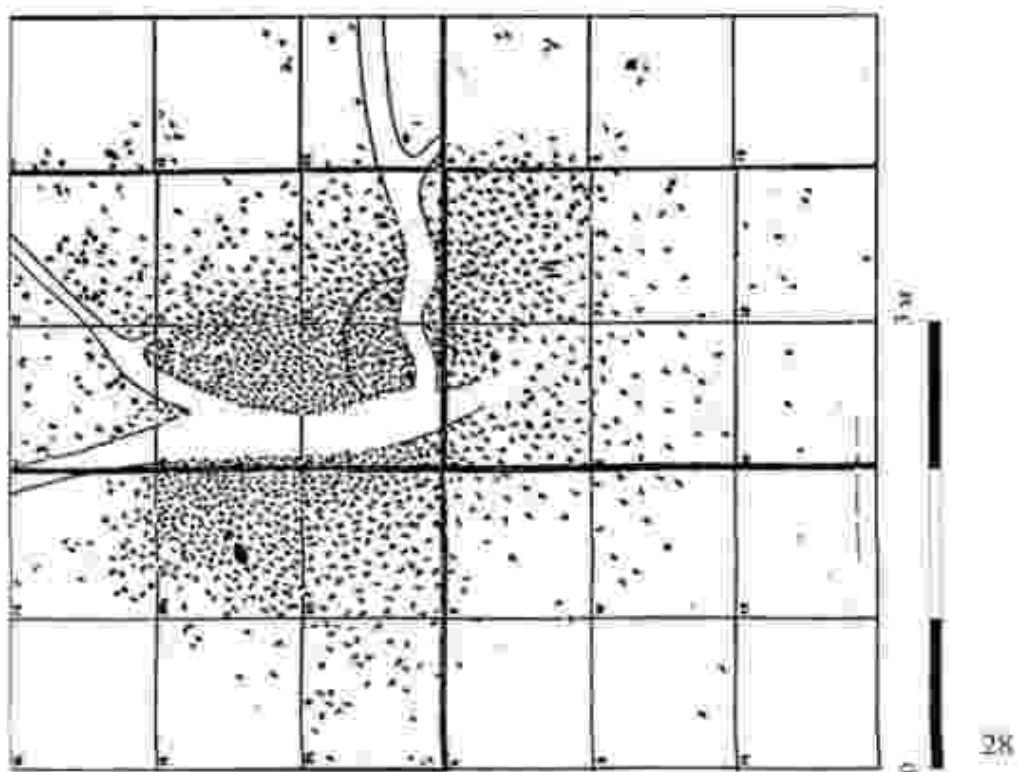
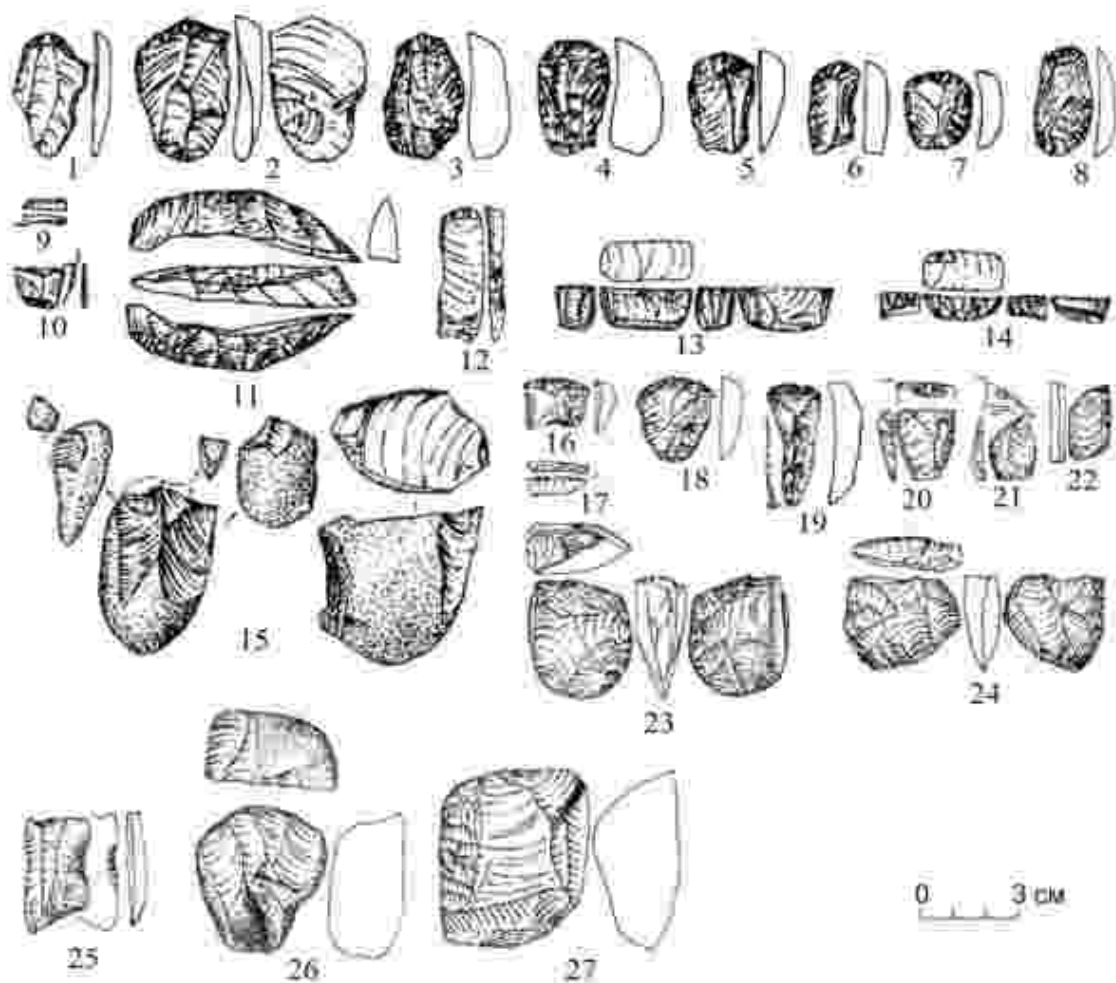

Рис. 57: Усть-Карента XII, 1-15 - горизонт 8а; 16-26 - горизонт 8, 27 - Усть-Карента XIV - горизонт 7; оконтенне находок (по: Ветров В.М., 2011а).

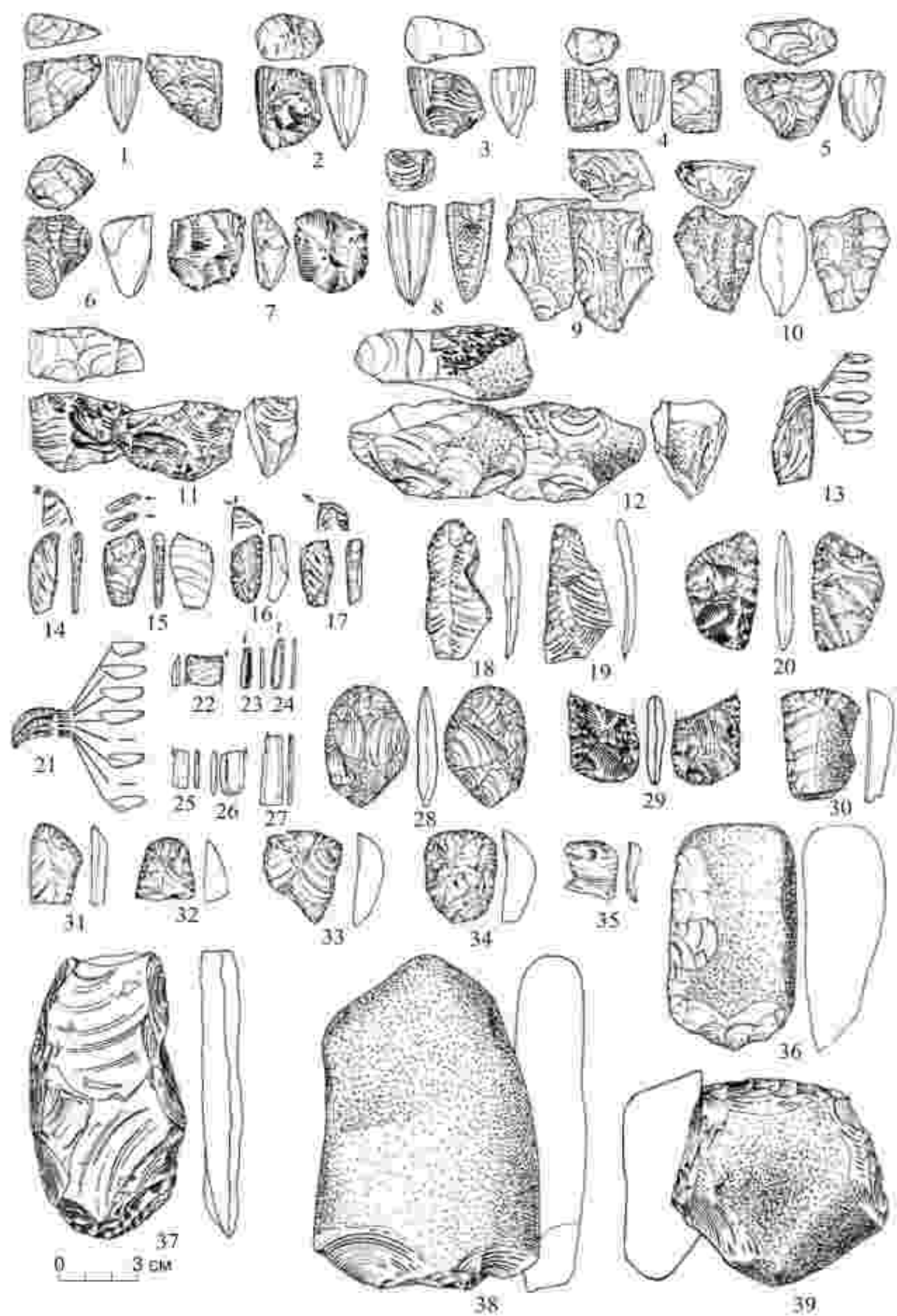

Рис. 58. Усть-Карента. Горизонт 7. Изделия из камня. (по: Ветров В.М., 2011а).

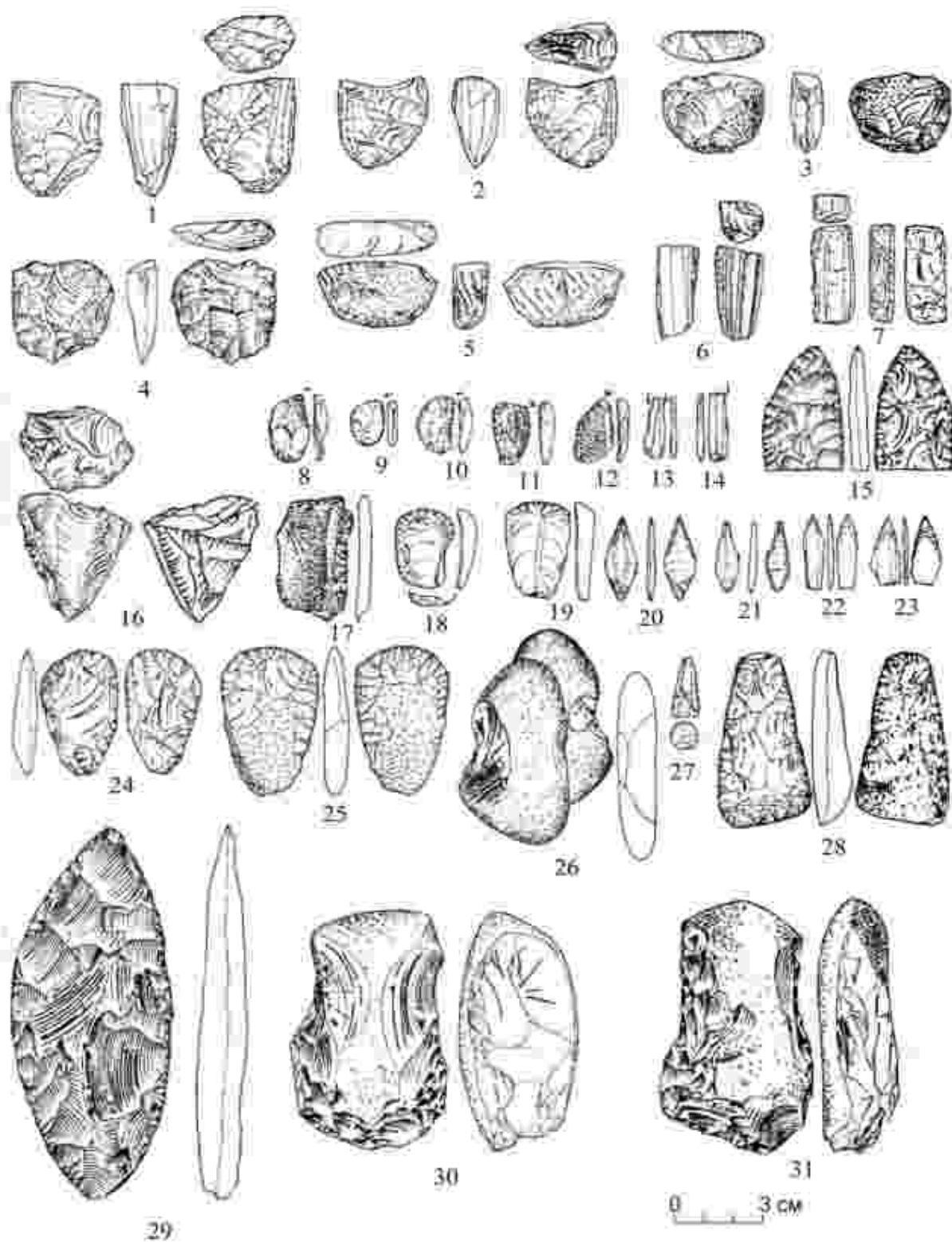

Рис. 59. Усть-Каренга. Горизонт 4. Изделия из камня (по: Ветров В.М., 2011а).

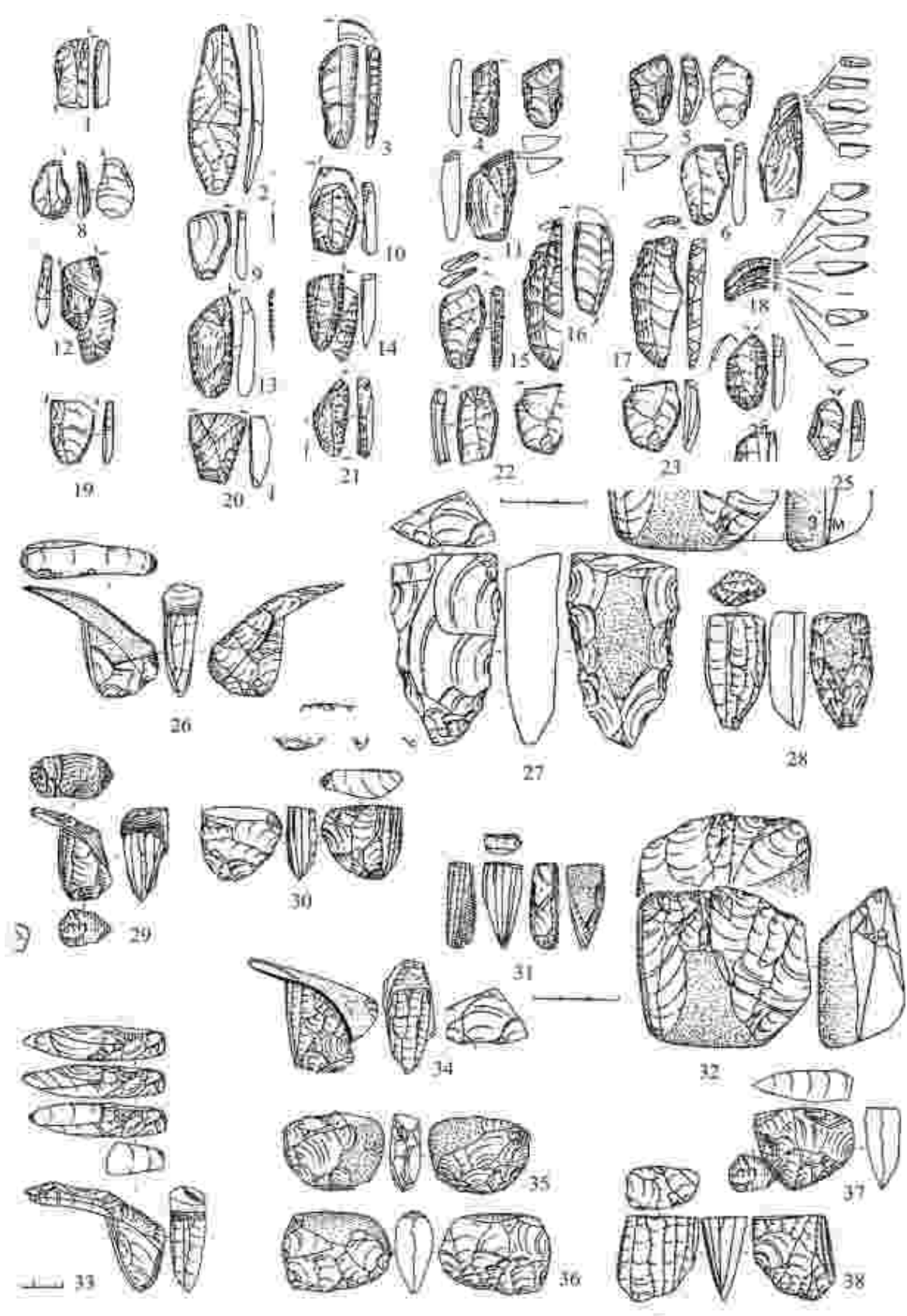

Рис. 60. Усть-Каренга. Горизонты 7-4. 1-28 - резцы, 29-38 - пуклеусы (по: Ветров В.М., 1995, с изменениями).

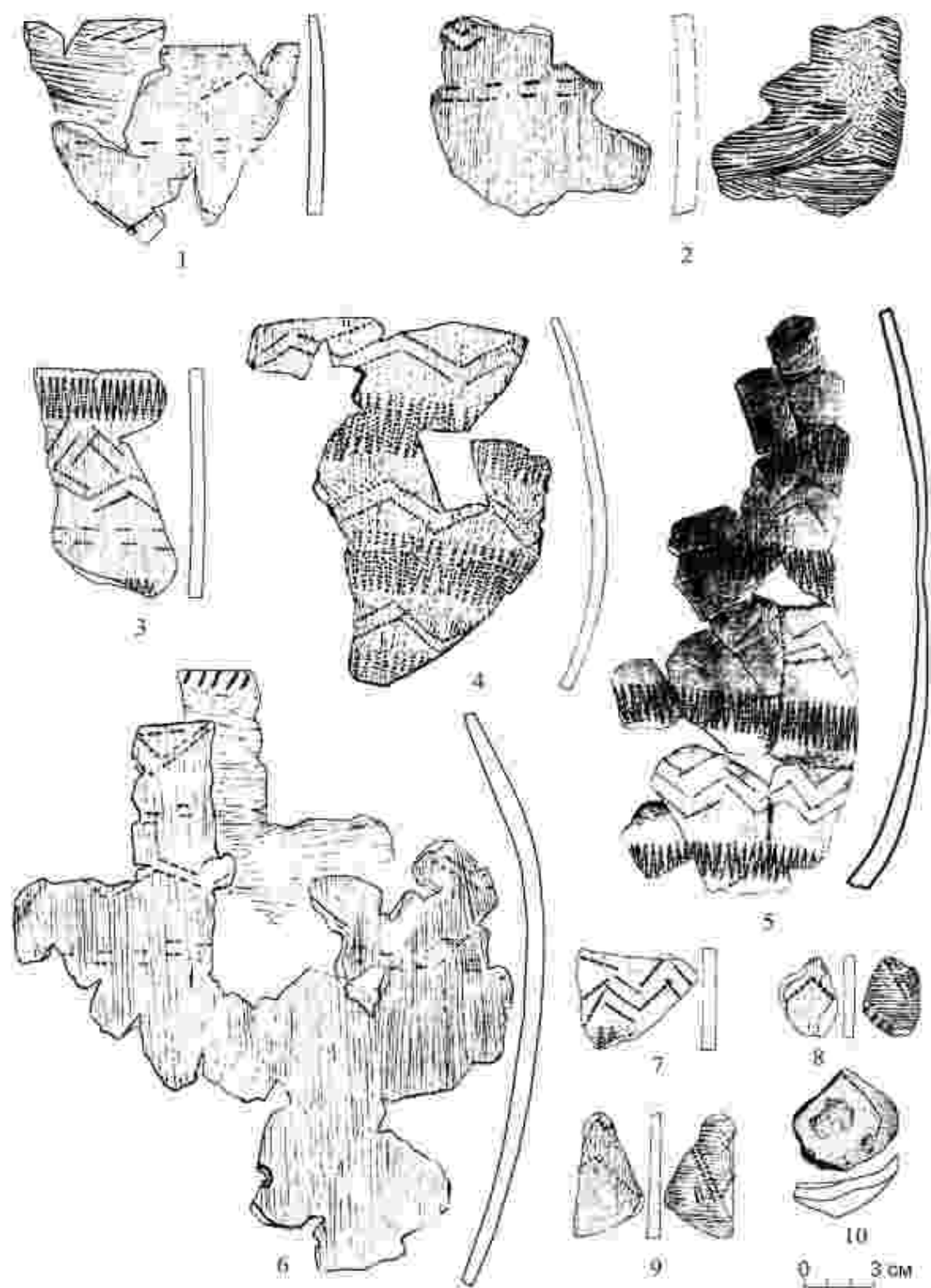

Рис. 61. Усть-Карента. Фрагменты сосудов. Горизонт 7 (по: Ветров В.М., 2011а).

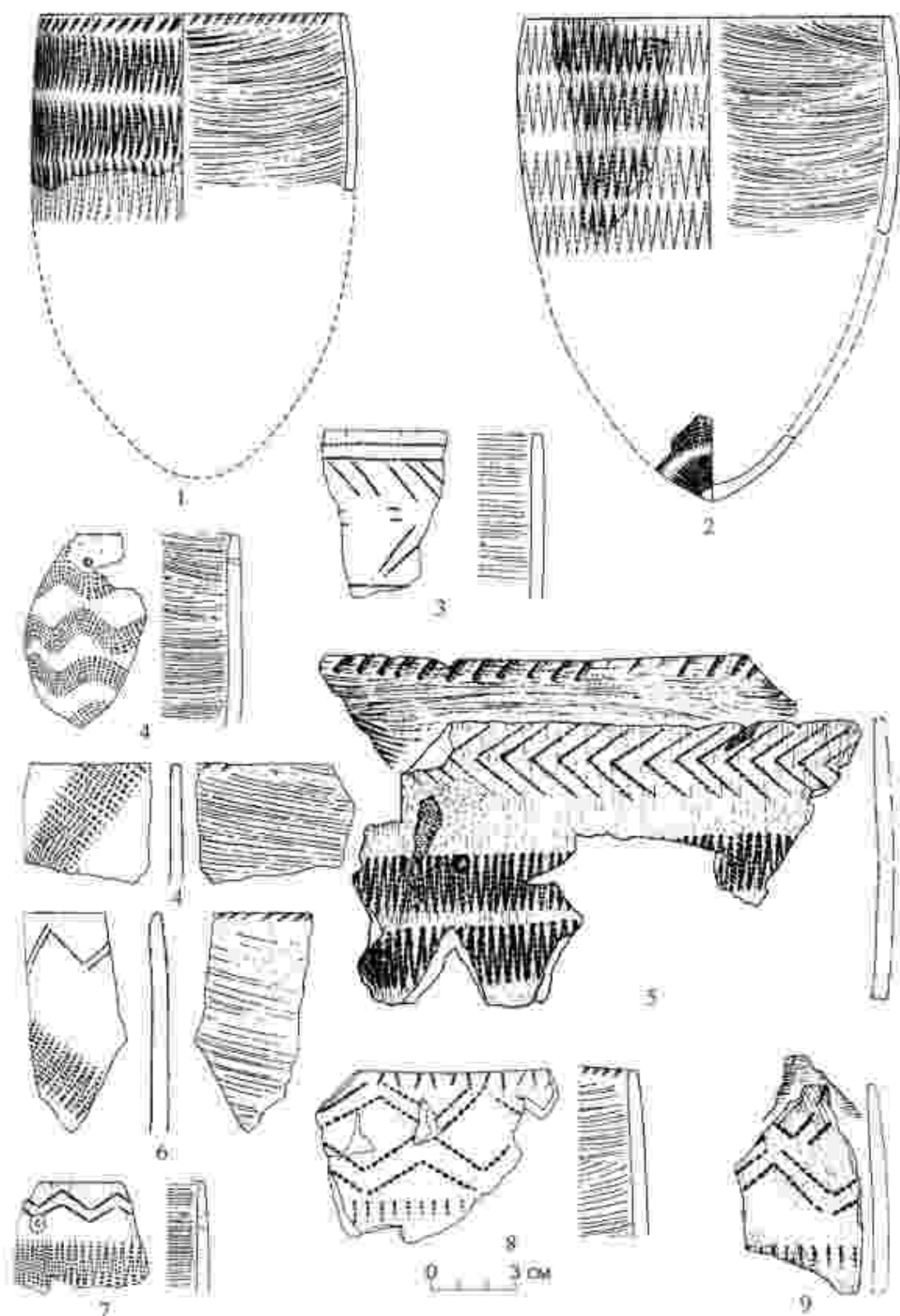

Рис. 62. Фрагменты сосудов, Усть-Каренга: 1-4 - горизонт 7; 5 - горизонт 6; 6, 7 - горизонт 4, Усть-Юмурчен: 8-10. (по: Ветров В.М., 2011а)

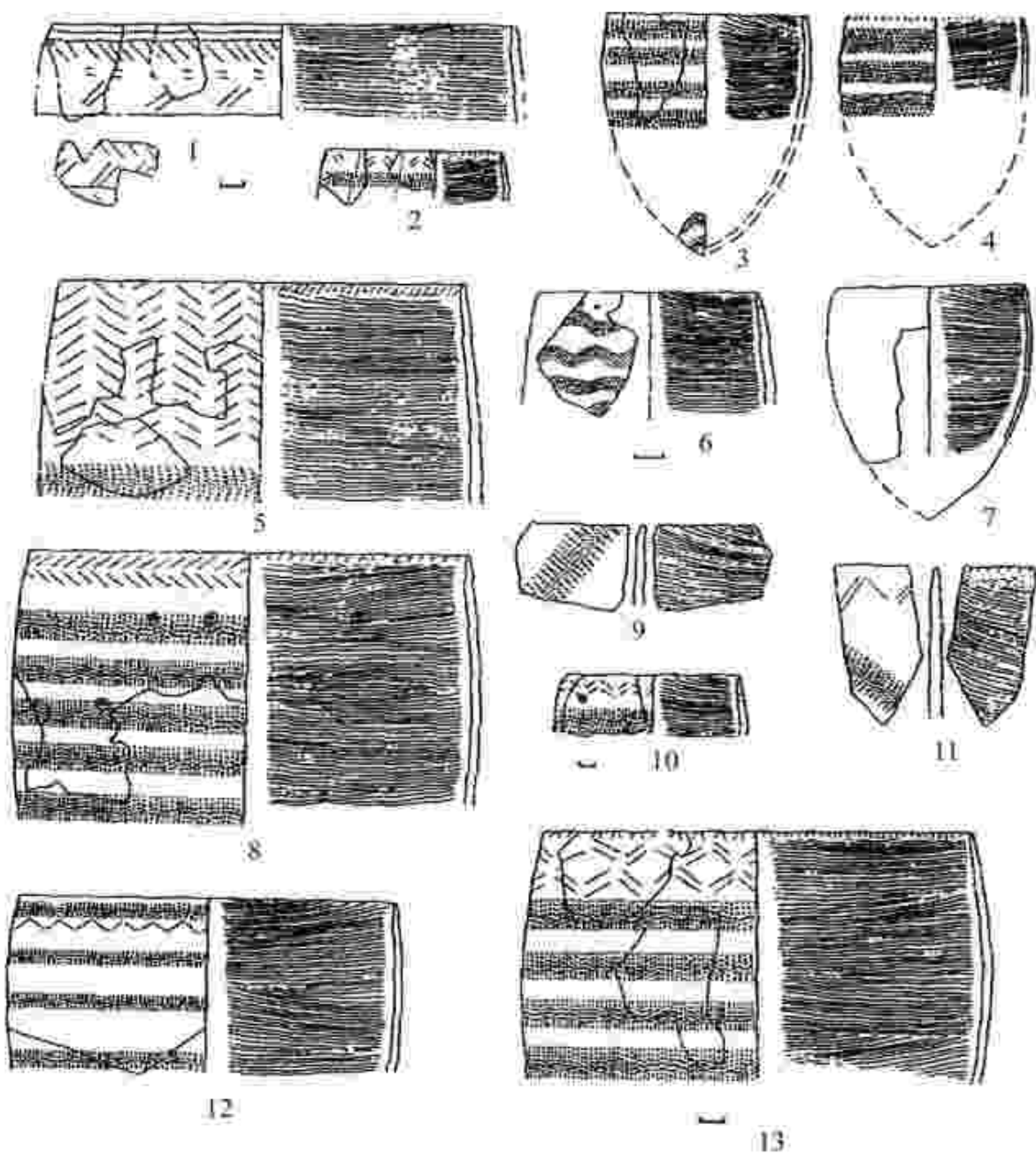

Рис. 63. Керамика усть-каренгской культуры: 1-7 - Усть-Каренга, горизонт 7; 8 - Усть-Каренга, горизонт 6; 9-10 - Усть-Каренга, горизонт 4; 11-13 - Усть-Юмурчен, отложения атлантического периода (по: Ветров В.М., 2007).

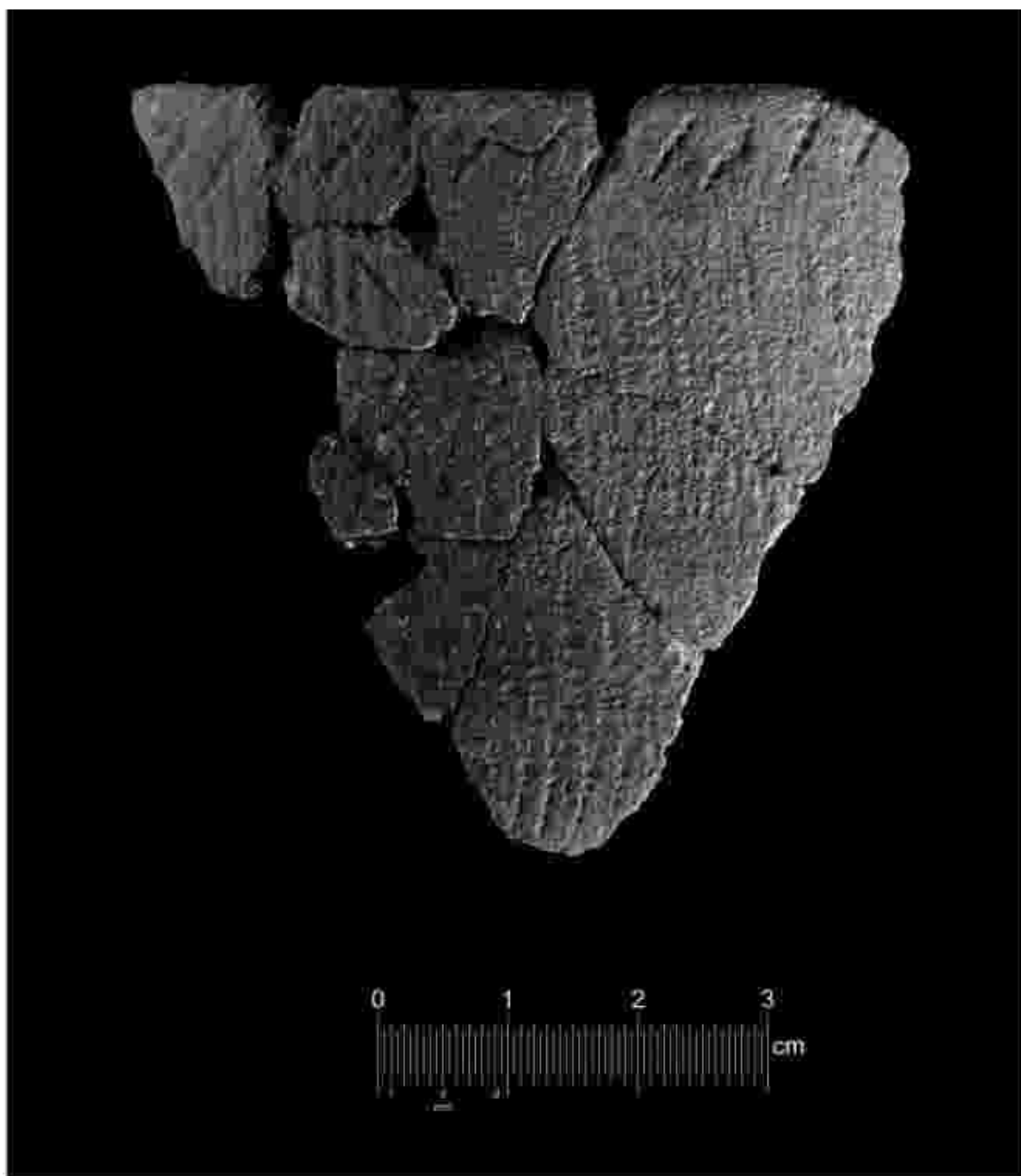
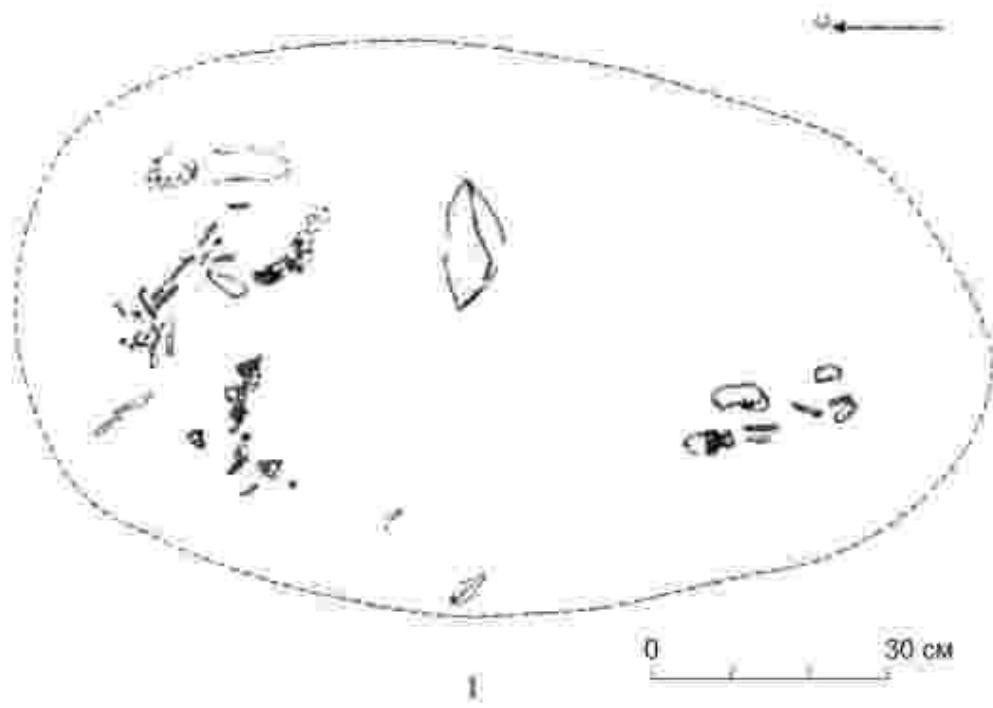
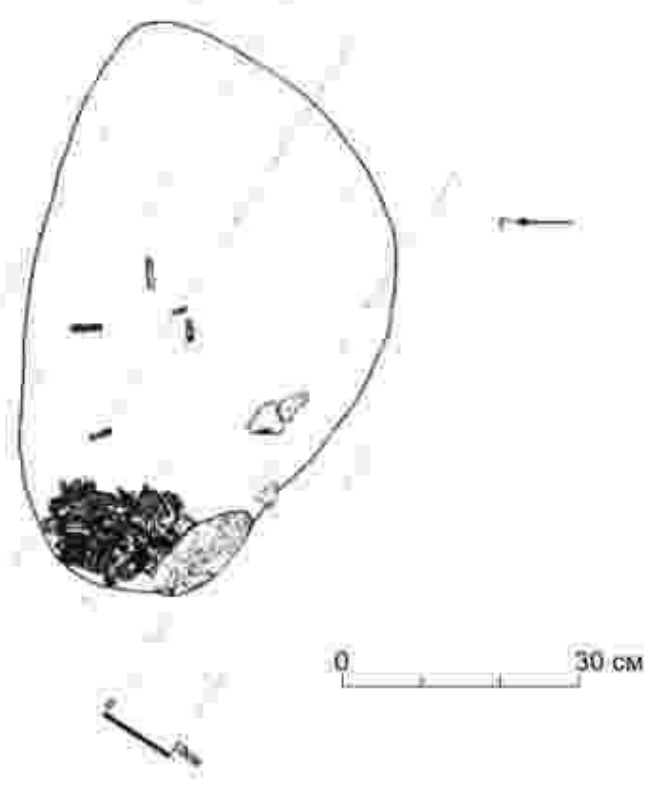

Рис. 64. Керамика усть-каренгской культуры: Усть-Карента, горизонт 7 (фото А.Б. Данилова).

1

2

Рис. 65. Усть-Каренга XVI. Дощя ями № 1 и 2: 1 - план находок на дне ямы №1, 2 - план находок на дне ямы № 2 (по: Ветров В.М., 2008а, с изменениями).

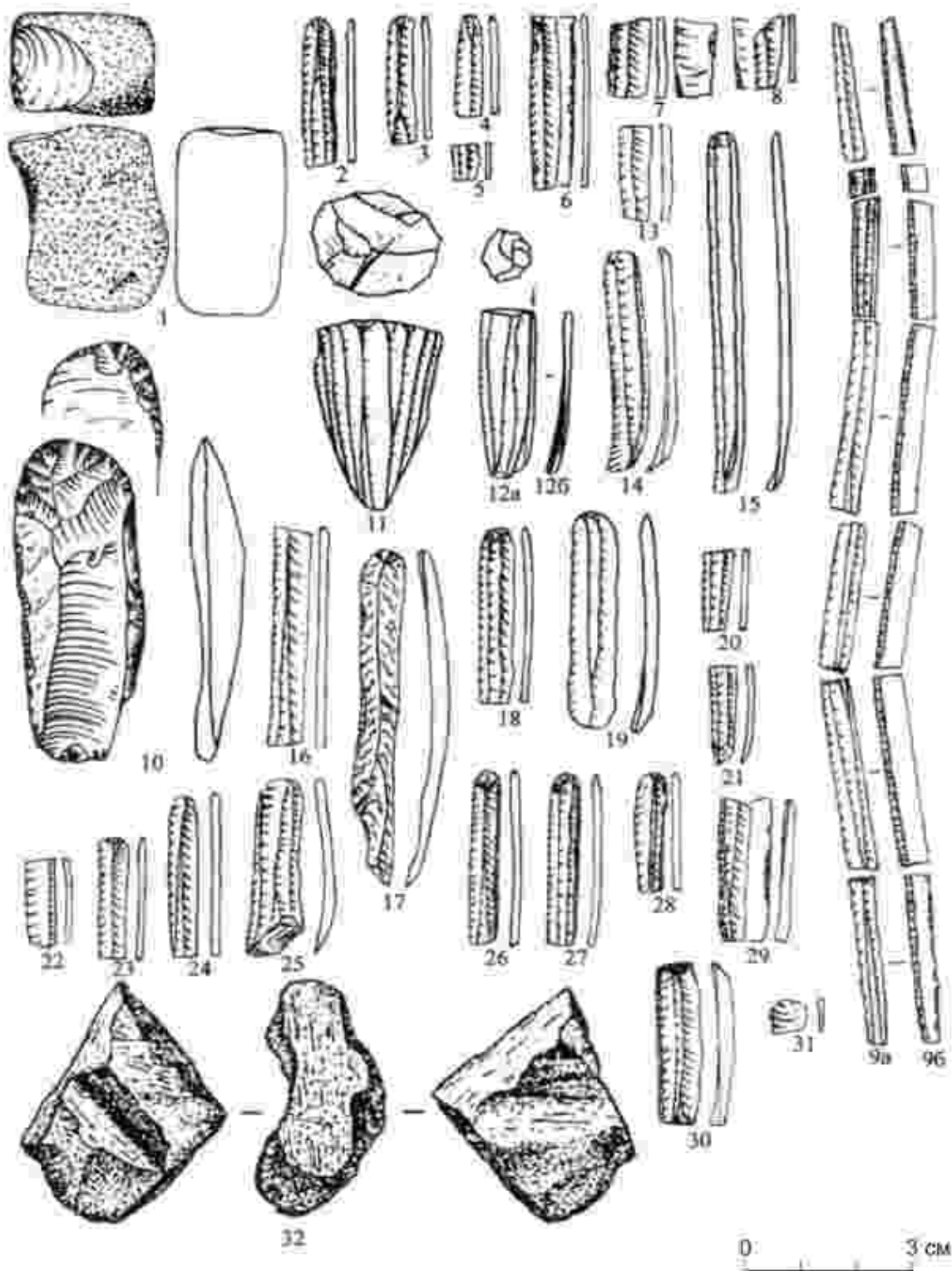

Рис. 66. Усть-Карента XVI, Яма № 1. 1-32 - инвентарь (по: Ветров В.М., 2008а).

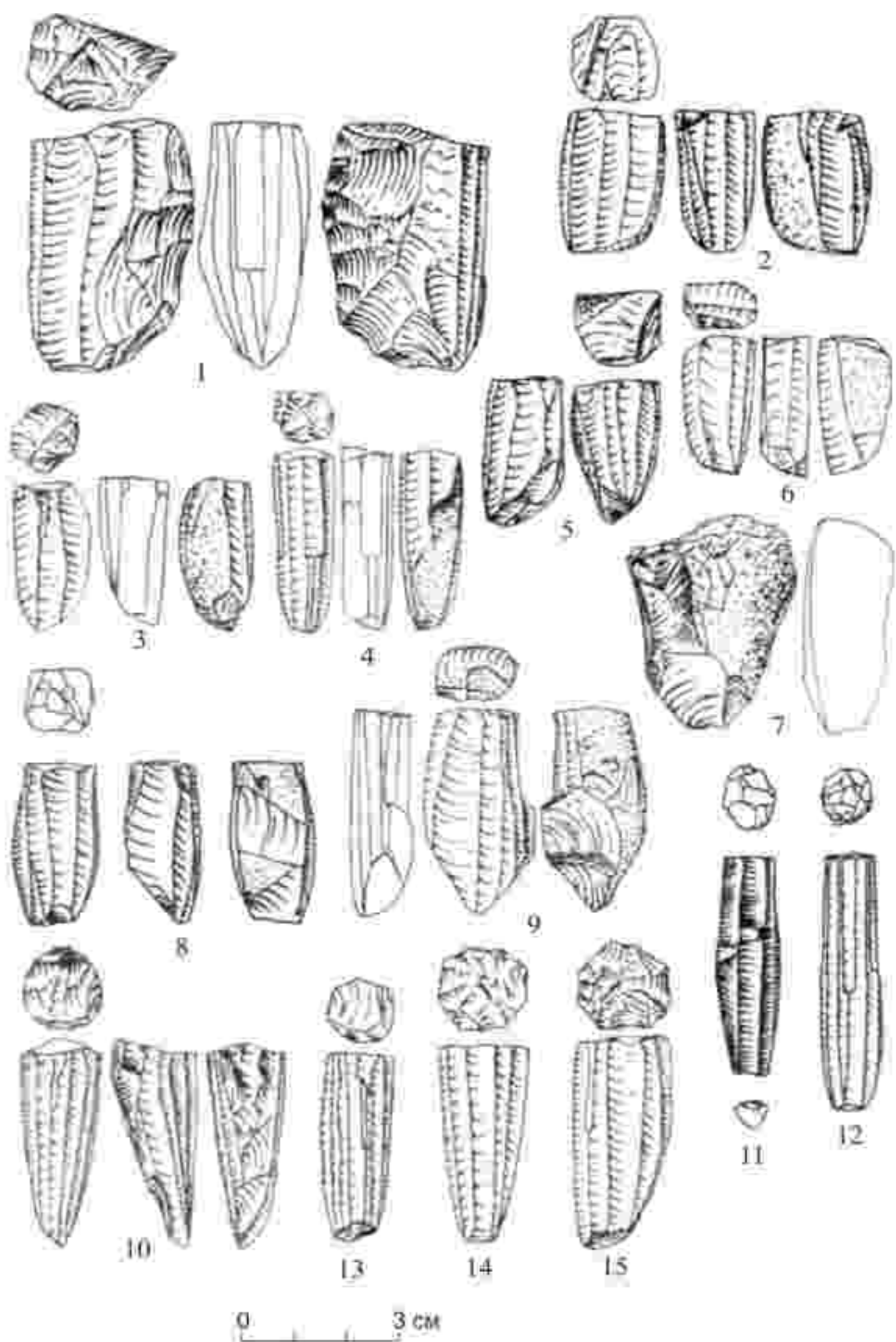

Рис. 67. Усть-Каренга XVI. Яма № 2. 1-15 - инвентарь (по: Венров В.М., 2008а).

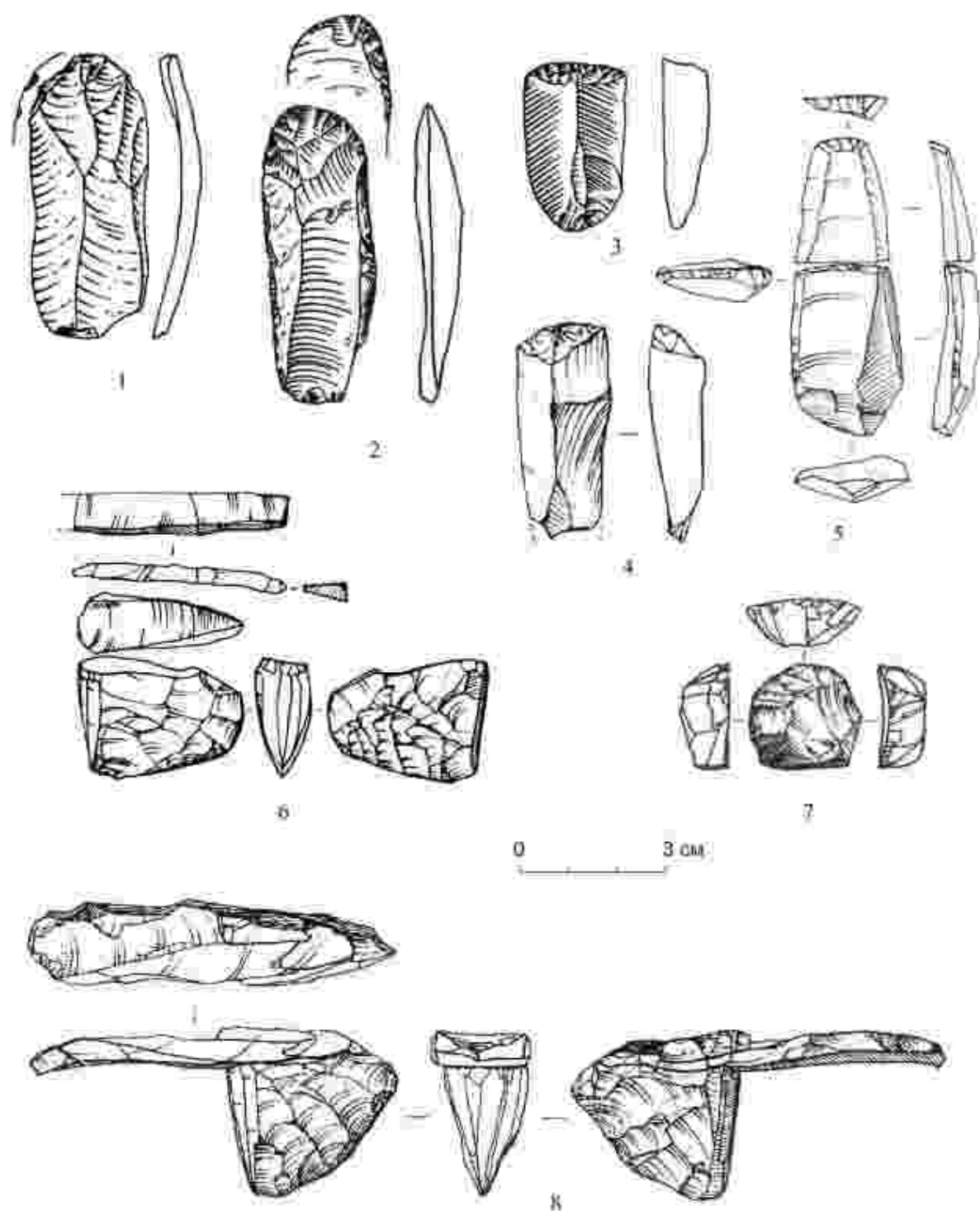
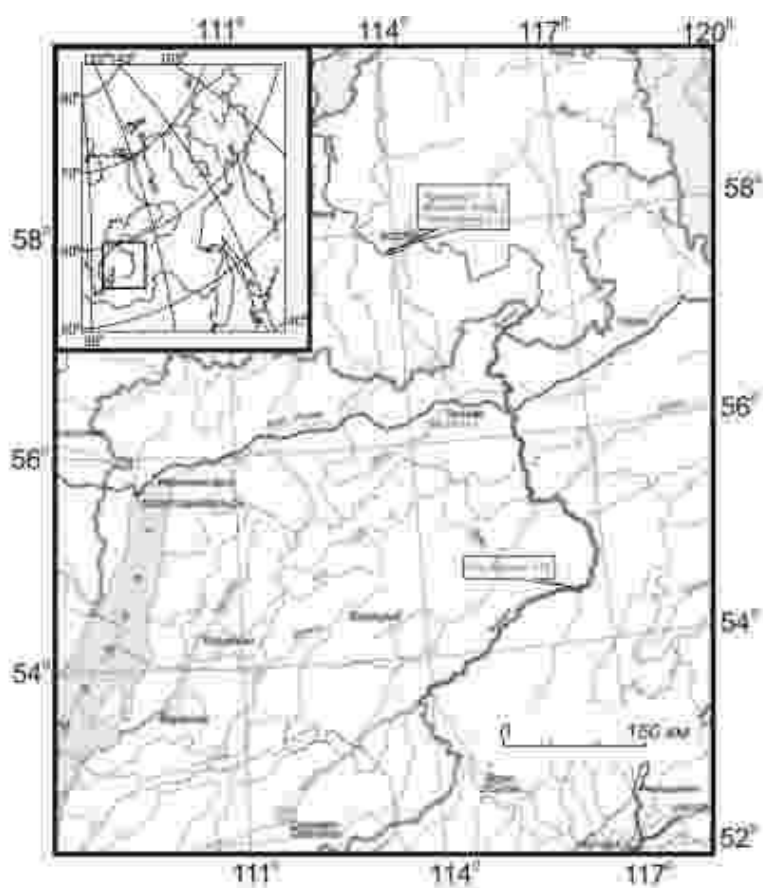

Рис. 68. Артефакты из коричневого аргшилта: 1-3 - яма № 1 Усть-Каренги XVI, 4-5 - 2 культурный горизонт Копряжки I, 6 - 1 культурный горизонт Ивалидного III - пункта 1, 7-6 культурный горизонт Копряжки IV, 8 - 3В культурный горизонт Большого Якоря I (по: 1-3 - по: Ветров В.М., 2008а; 4-5 - по: Тетенькин А.В., 2010; 6 - по: Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2005; 7 - по: Тетенькин А.В., Апри А., Клементьев А.М., 2017; 8 - по: Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010).

1

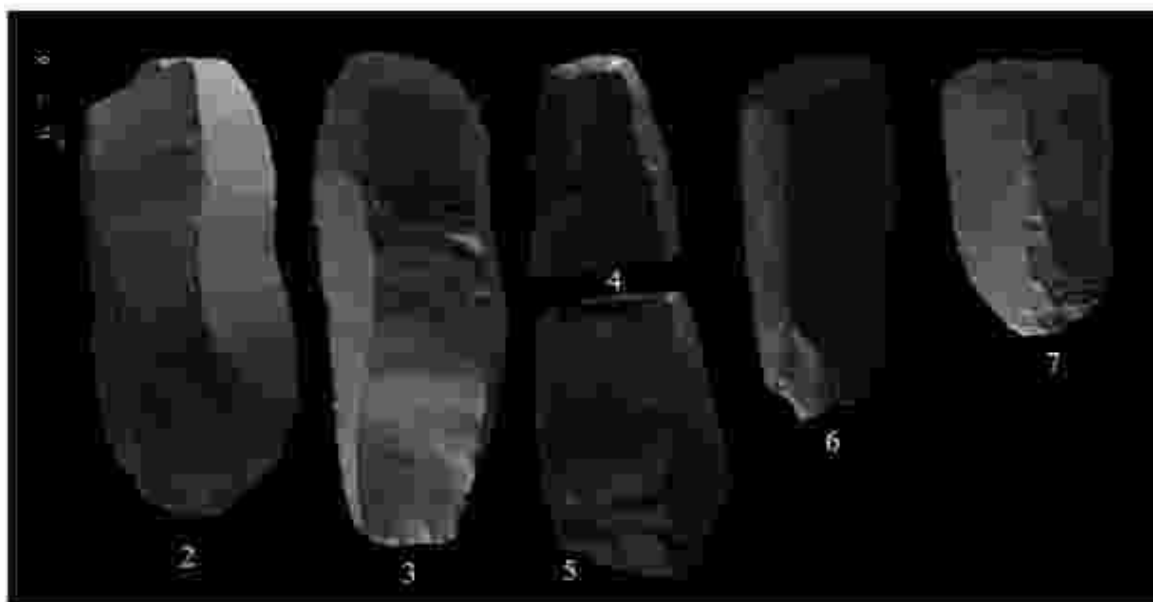

Рис. 69. Артефакты из коричневого аргиллита: 1 - карта археологических памятников с артефактами из коричневого аргиллита, 2, 3, 7 - яма № 1 Усть-Камени XVI, 4-6 - 2 культурный горизонт Коврижки I (фото А.Б. Данилова) (1 - ил. : Тетенькин А.В., Вегров В.М., Демонтерова Е.И. и др., 2018).

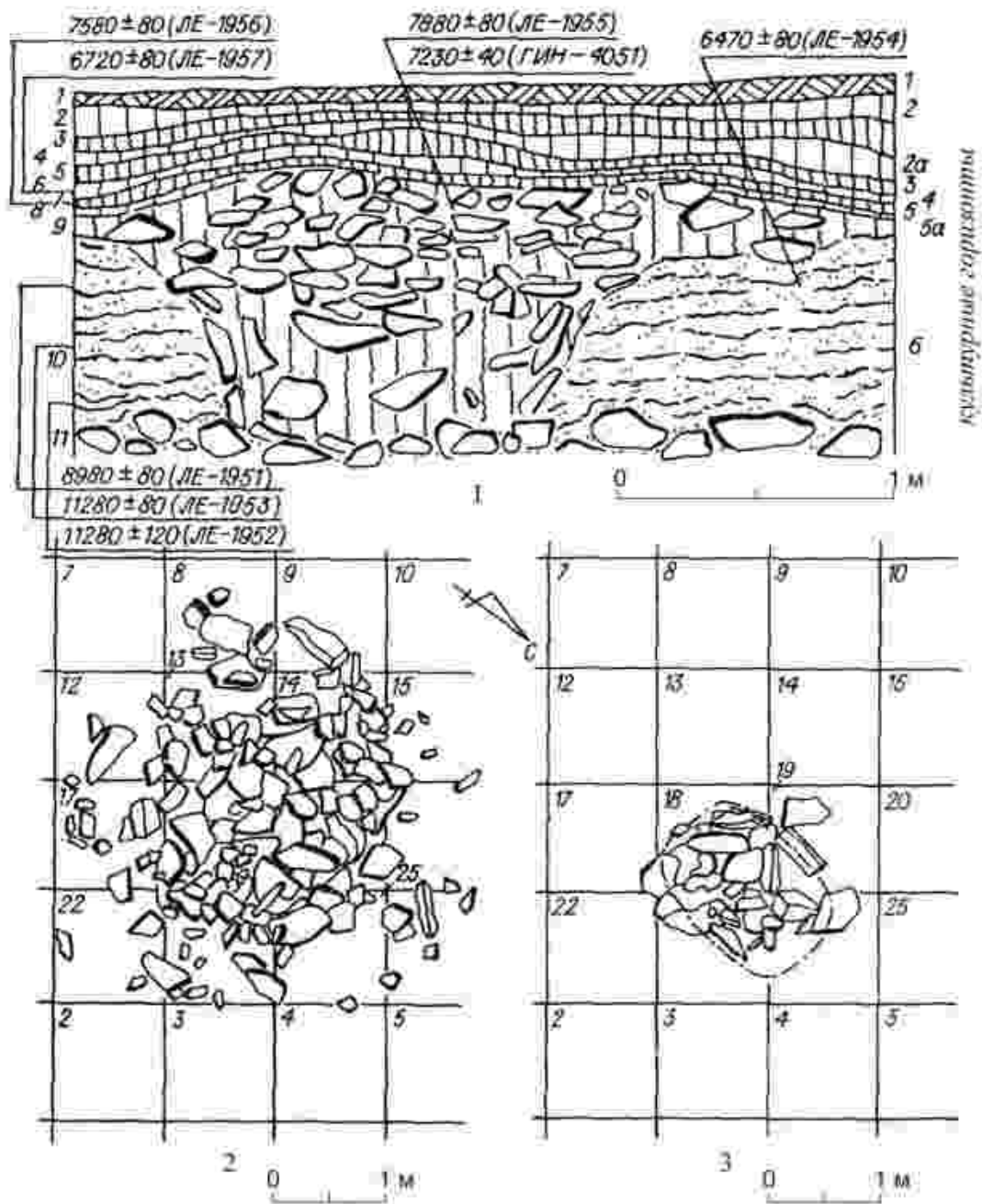

Рис. 70. Нижняя Дживилтеда (Сивакон)-I. 1 - стратиграфический разрез, 2 - горизонт 5а, погребение, верхний ярус надмогильной кладки, 3 - горизонт 5а, внутренняя конструкция и контур могильной ямы. (по: Ветров В.М., Инецини Е.М., Задонни О.В., 1993).

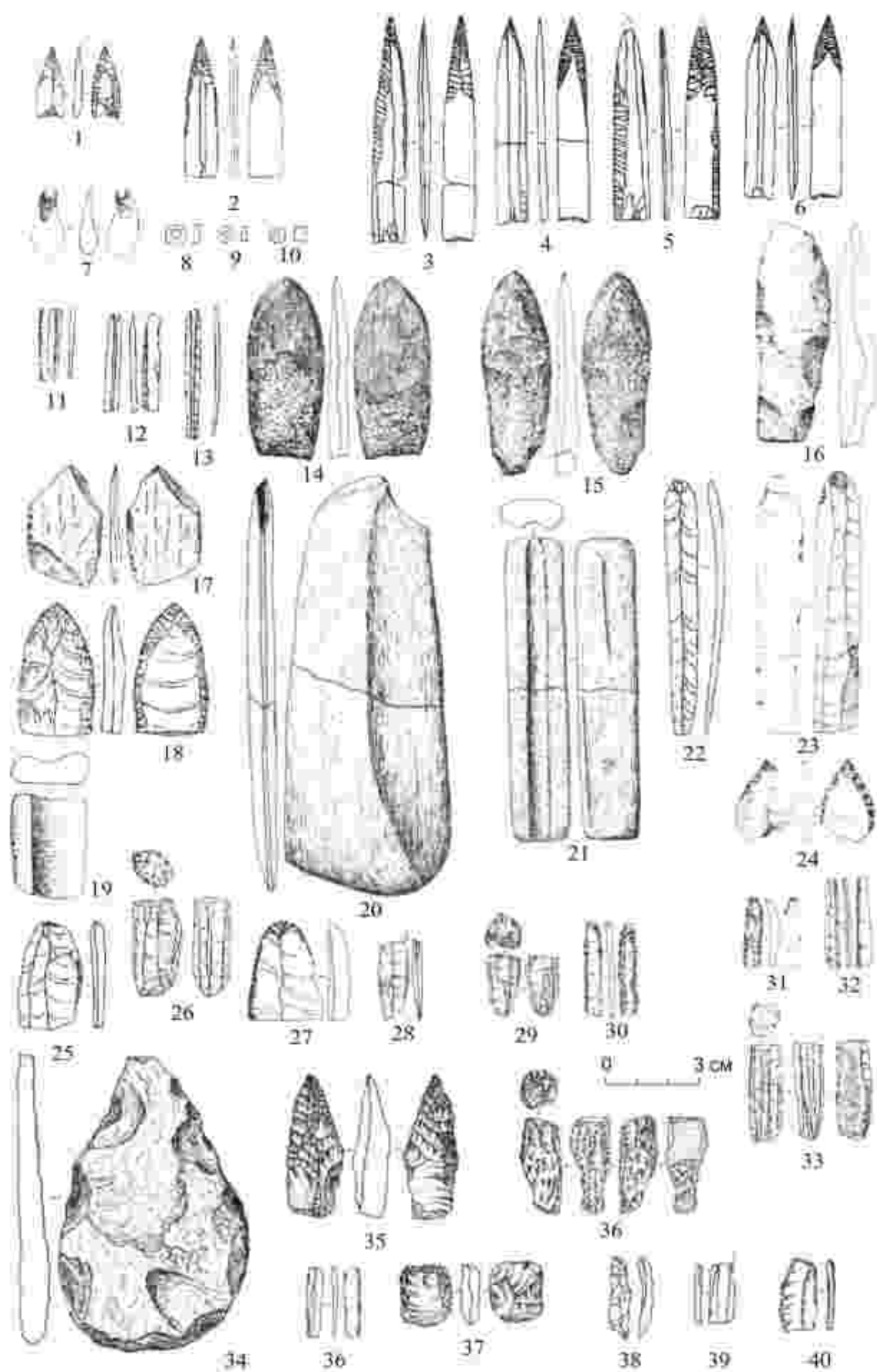

Рис. 71. Неоленя Дзжиргата (Сивакон)-I. 1-6, 11-13, 17-19, 25, 26, 33 - инвентарь погребения, 14-16, 20, 21, 23, 24, 27-32 - горизонт 5а, 34-35 - горизонт 5, 36-40 - горизонт 6 (по: Ветров В.М., Ивешин Е.М., Задонин О.В., 1993, с изменениями).

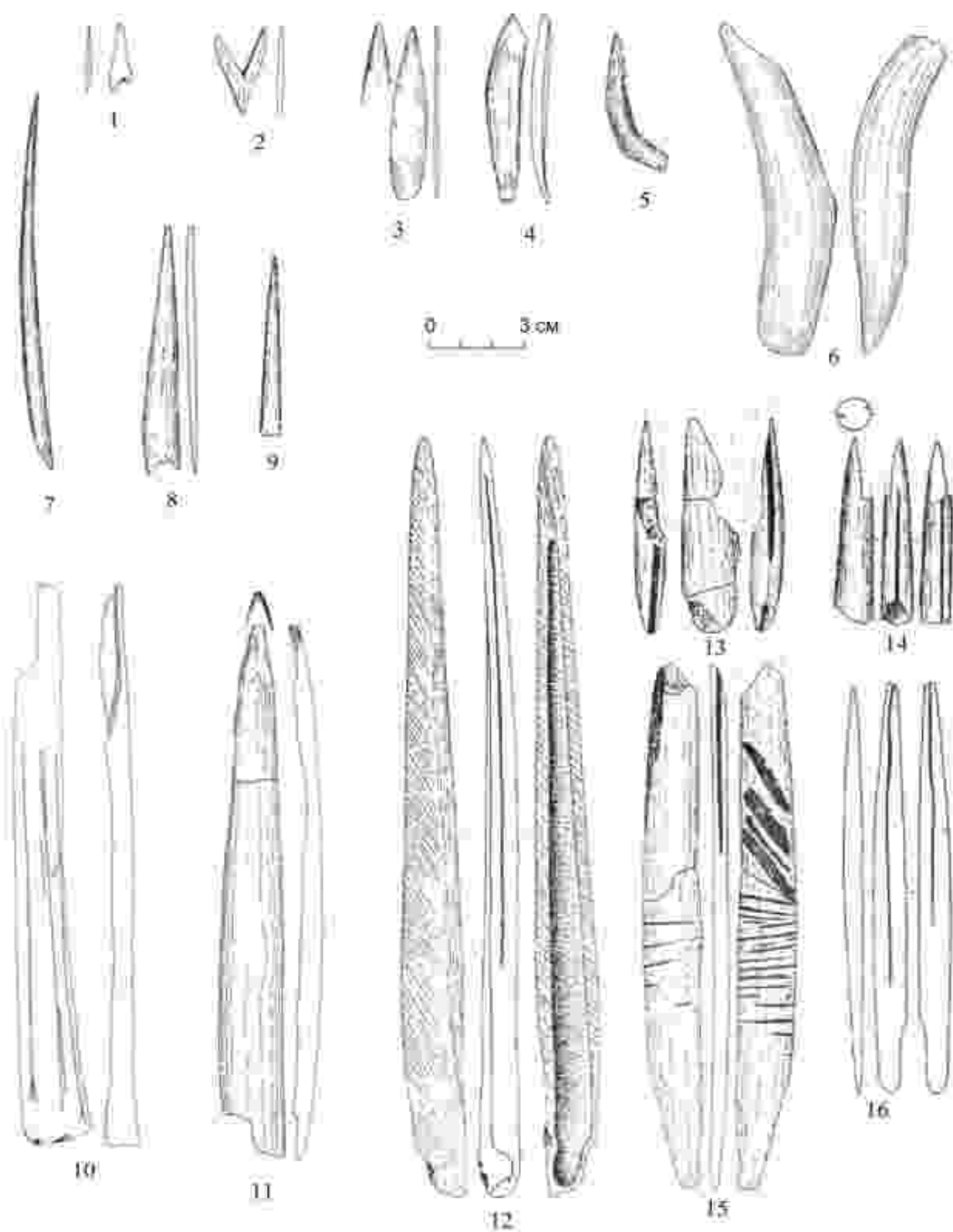

Рис. 72. Нижняя Джилидза (Сивакон)-I. Инвентарь погребения. 1 - фрагмент гарпуна, 2, 3, 8 - наконечник стрелы, 4 - клык медведя, 5 - жало составного крючка, 6 - долотовидное орудие, 7, 9 - острья, 10 - фрагмент кости с надрезами, 11 - пластина из бивня мамонта, 12 - обойма кнжжала, 13, 14 - фрагменты двулезвийных вкладышевых орудий, 15 - обойма ножа, 16 - наконечник дротика (по: Ветров В.М., Ивешин Е.М., Задонин О.В., 1993, с изменениями).

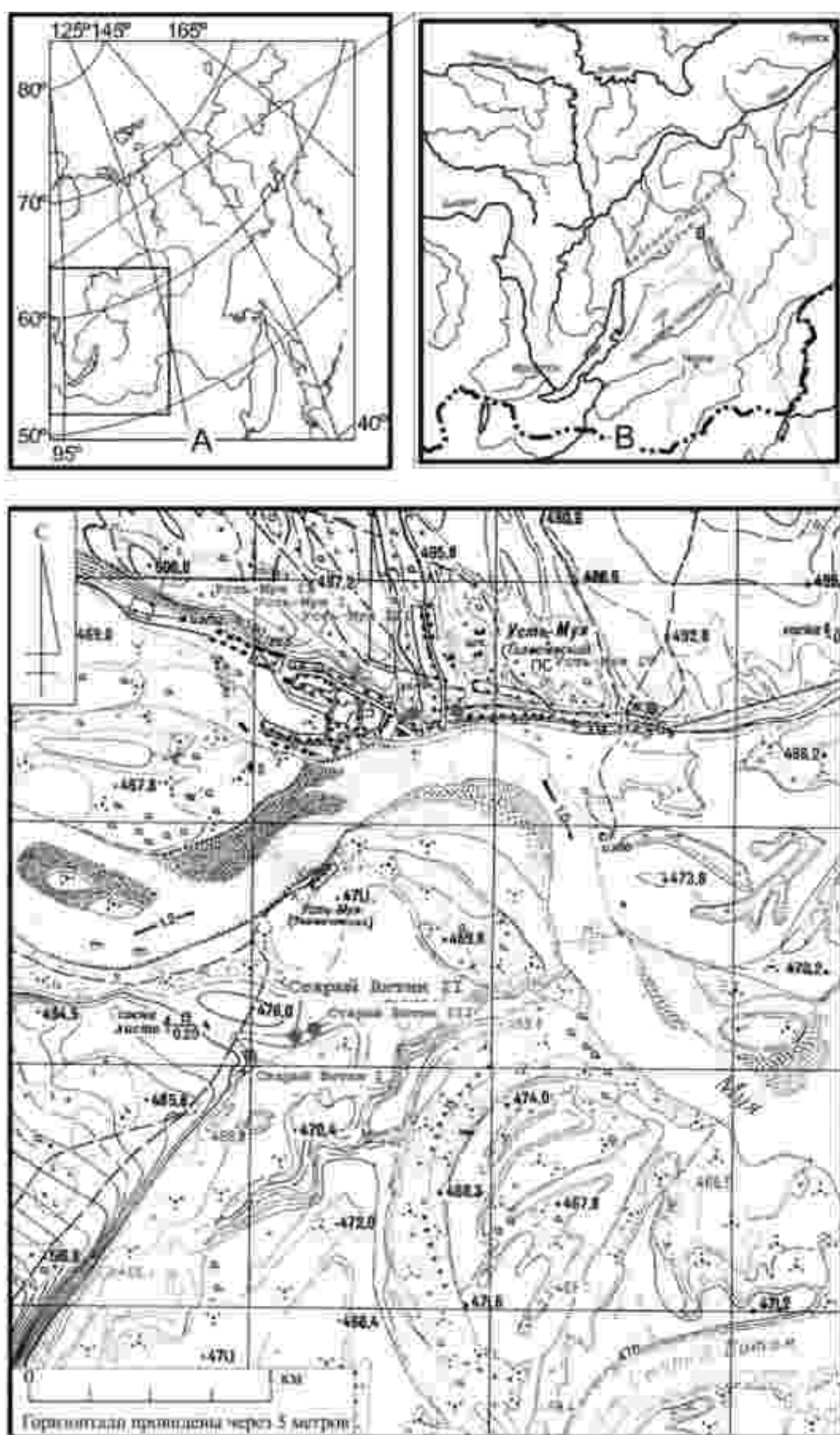

Рис. 73. Карты местоположения стоянки-могильника Старый Ви́тим II (по: Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетелькин А.В., 2019).

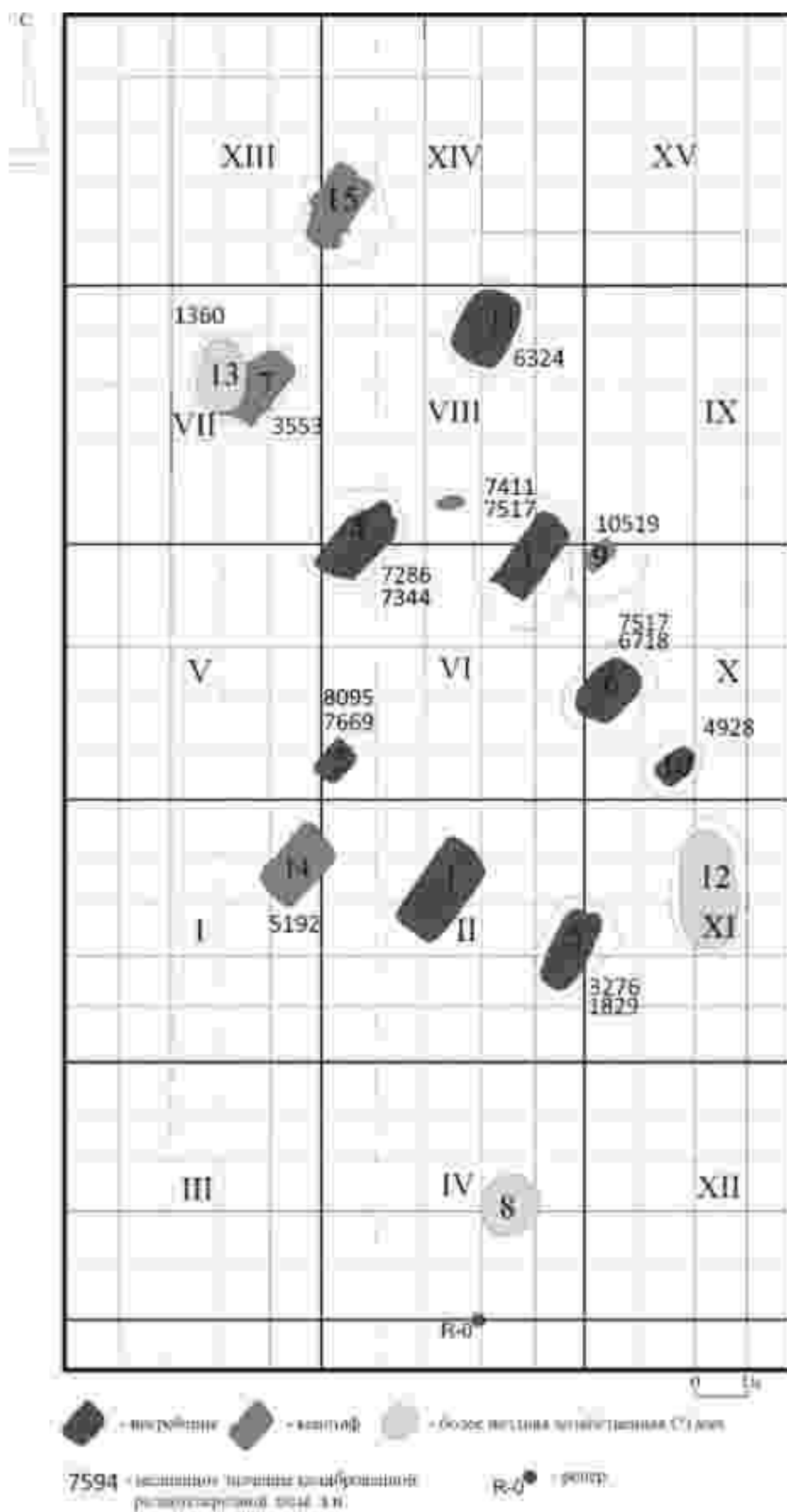

Рис. 74. Старый Витим II. Общий план расположения ям (погребений, скотолов и хозяйственных ям) (по: Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетелькин А.В., 2019).

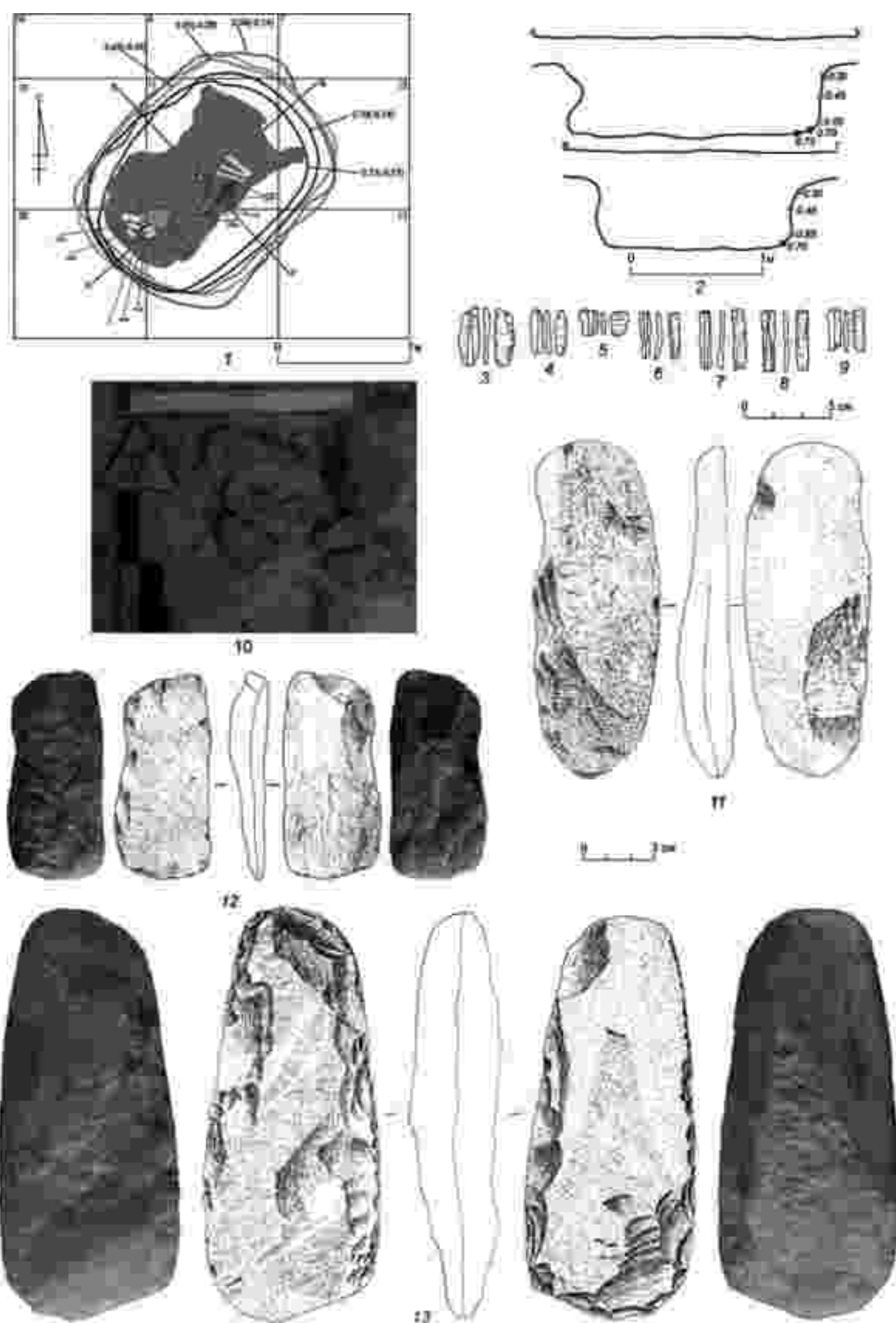

Рис. 75. Старый Витим II. Погребение 6: 1 - план погребения, 2 - профили погребальной ямы, 3-4 - пластины из засыпки ямы, 10 - фото скопленных изделий из нефрита, 11-13 - изделия из нефрита (по: Венгов В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В., 2019).

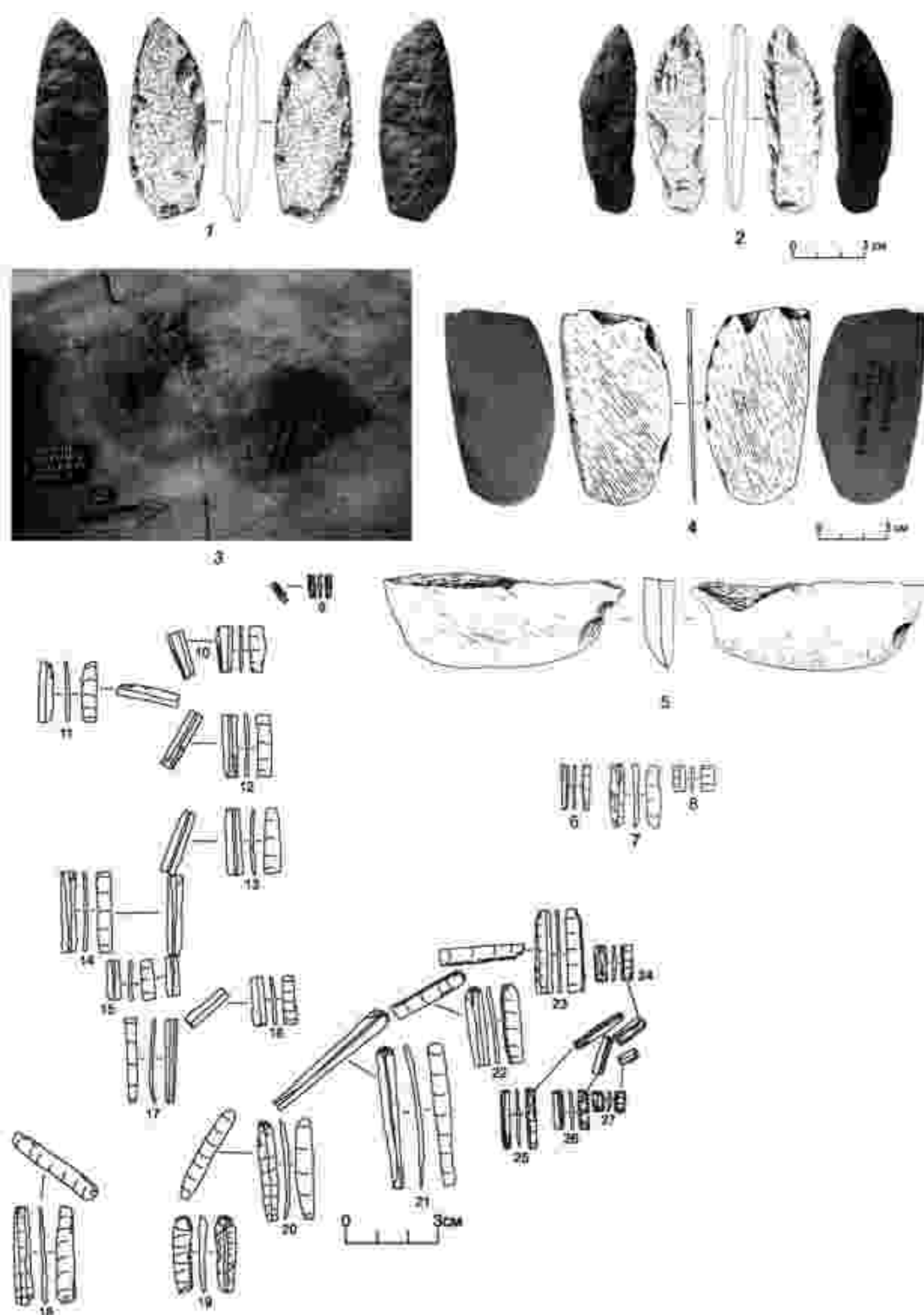

Рис. 76. Старый Витим II. Погребение 6: 1-2, 4-5 - изделия из нефрита, 3 - фото костяка в процесса расчистки, 6-27 - пластины-вкладыши (по: Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В., 2019).

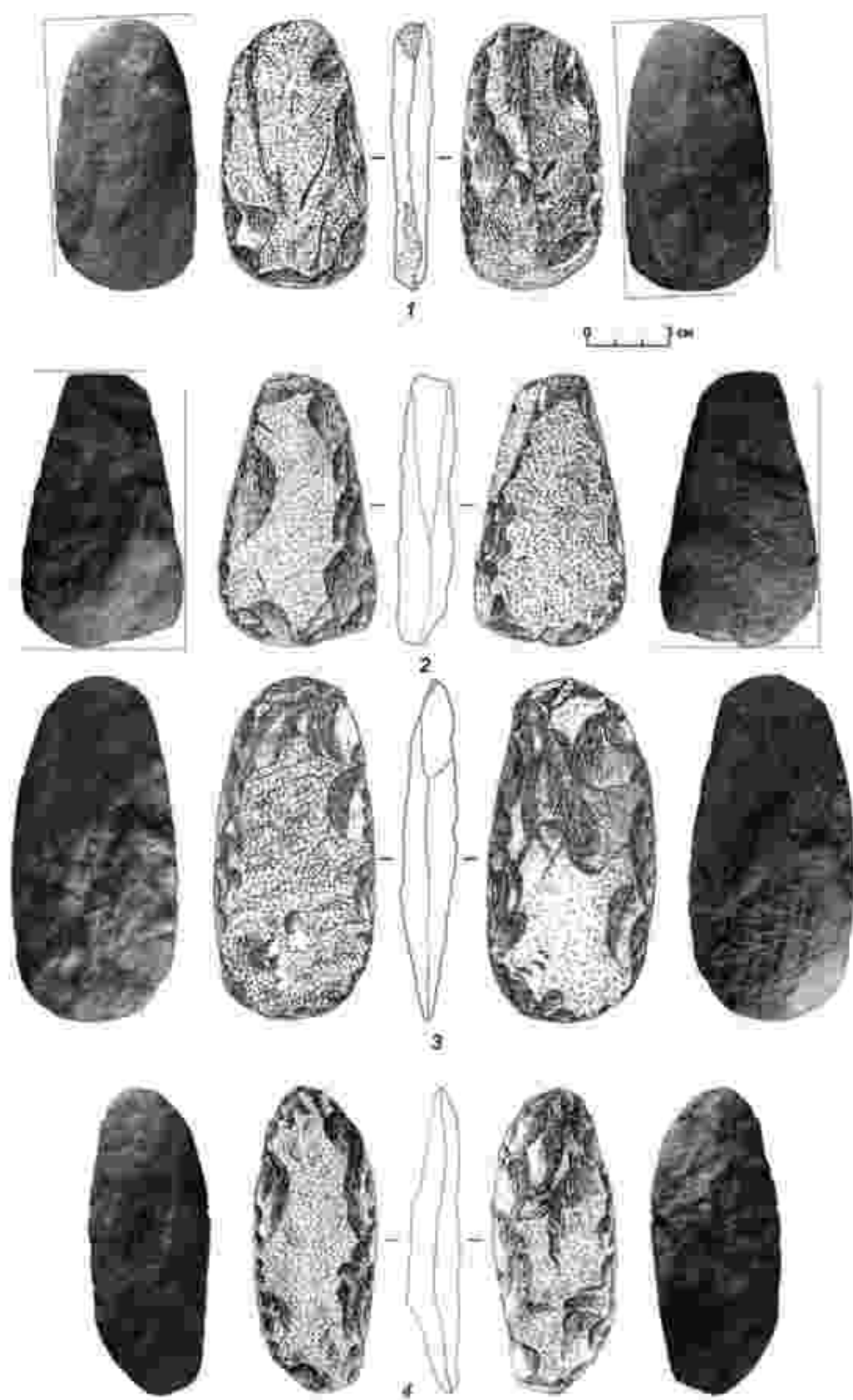

Рис. 77. Старый Витим II. Погребение 6; 1-4 - изделия из нефрита (по: Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В., 2019).

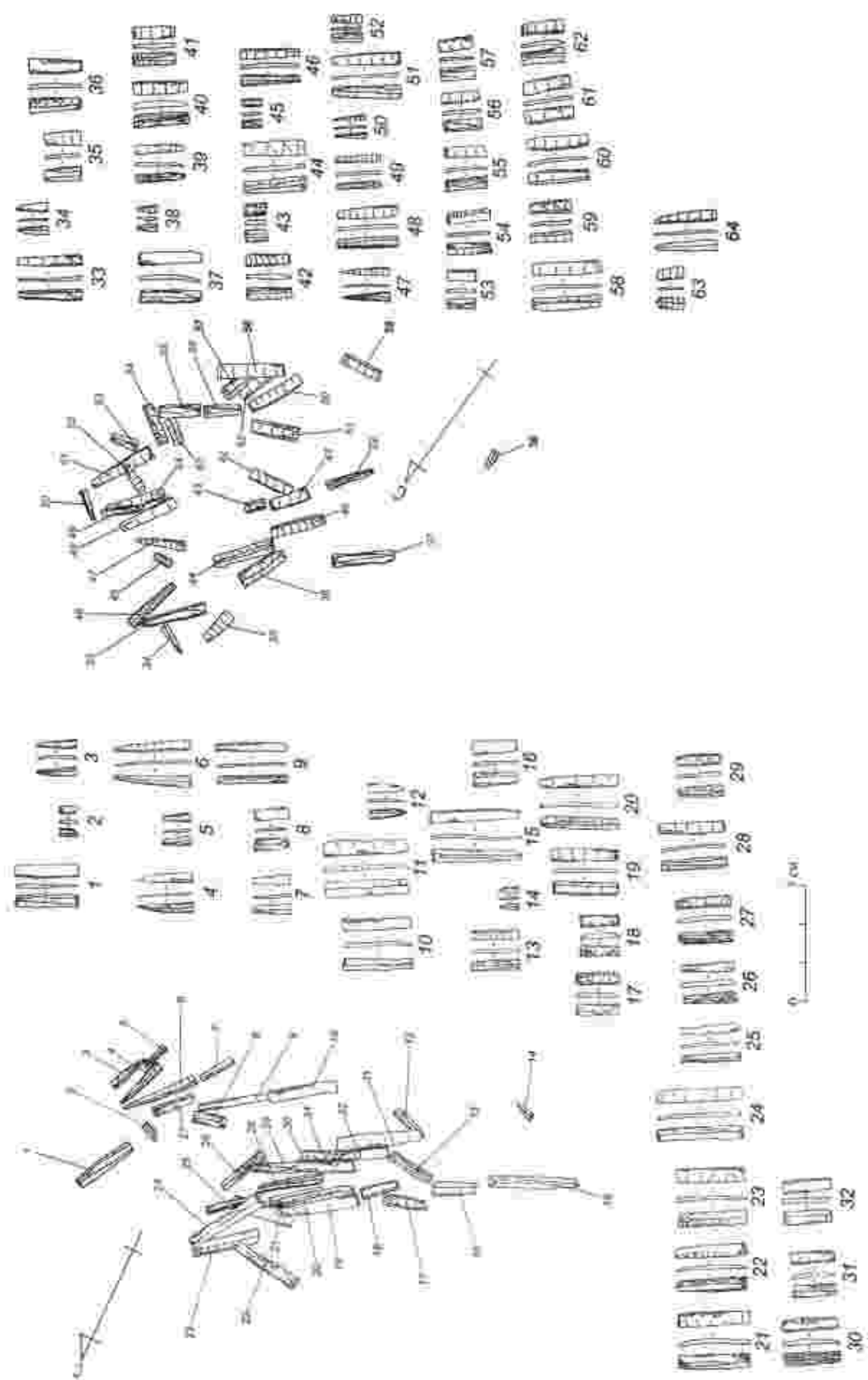

Рис. 78. Старший Витим II. Погребение 6: 1-64 - пластины-вкладыши (даны в плане и по отдельности) (по: Ветров В.М., Шергина Д.Л., Тетенькин А.В., 2019).

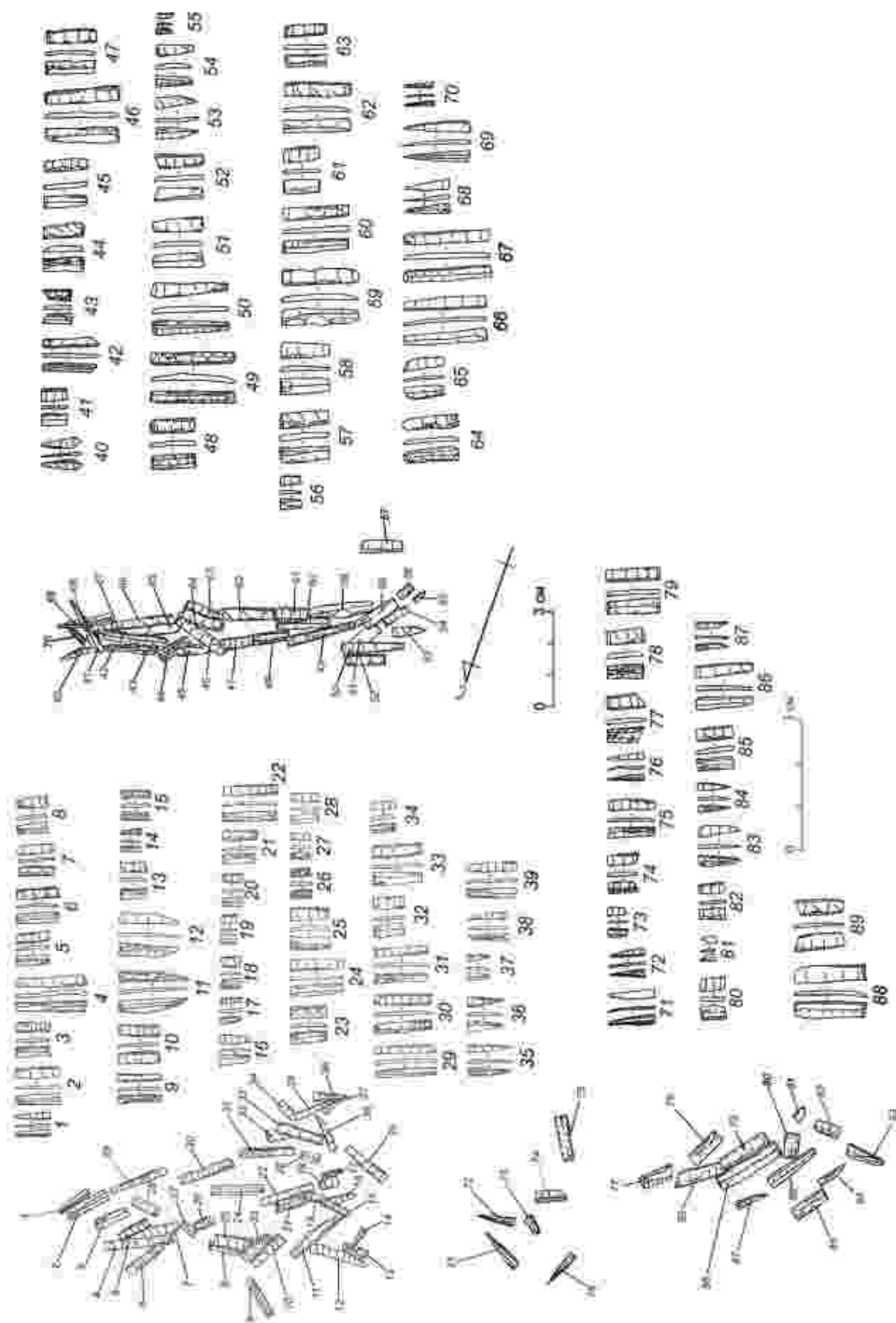

Рис. 79. Старый Витим II. Погребение 6: 1-89 - пластины-вкладыши (даны в плане и по отдельности) (по: Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В., 2019).

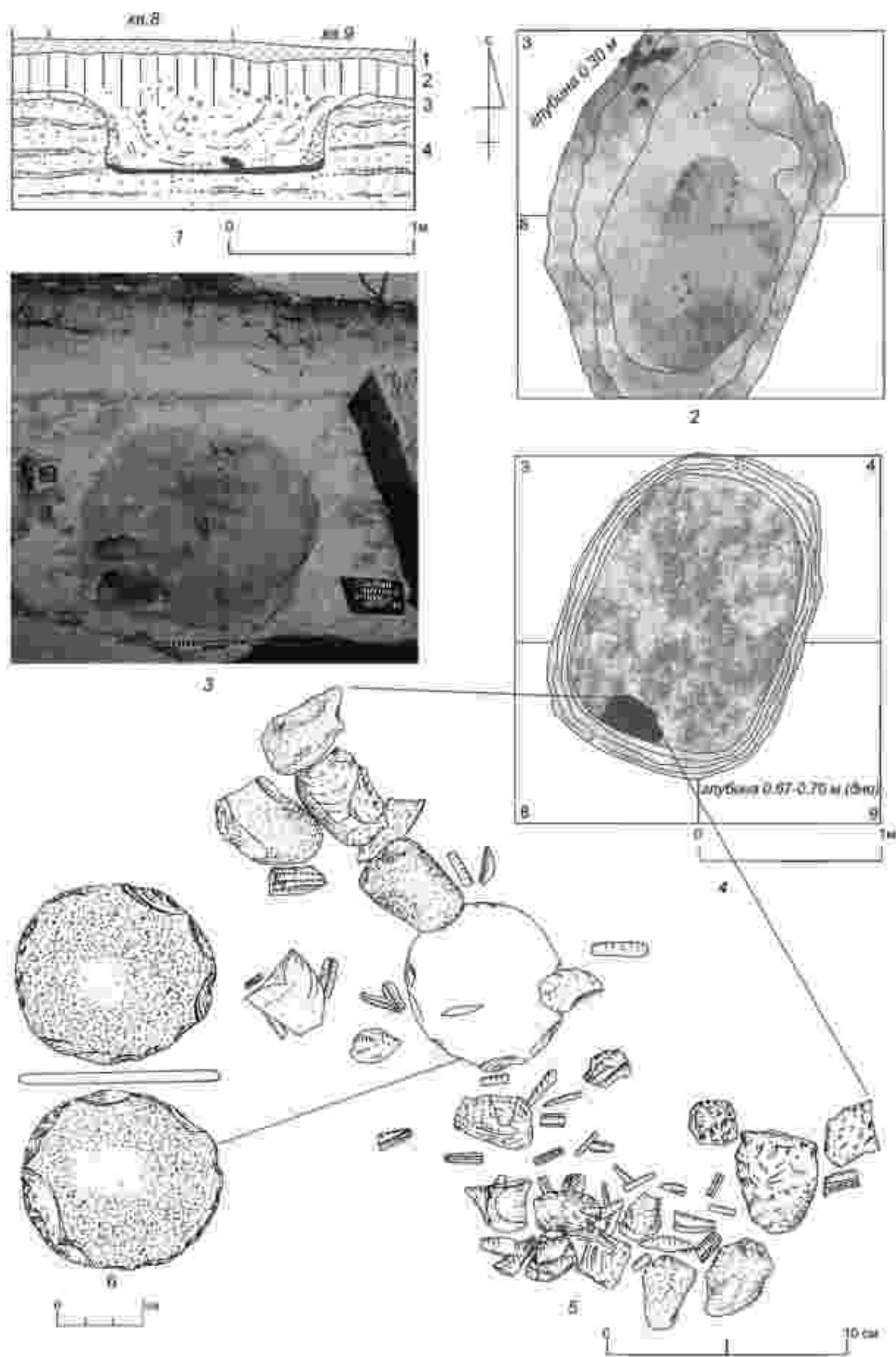

Рис. 80. Старый Витим II. Погребение № 11: 1 – фото нижнего уровня погребальной ямы; 2 – стратиграфический разрез погребения; 3 – план ямы на глубине 0,30 м; 4 – план ямы на глубине 0,67-0,70 м; 5 – план скопления артефактов на дне ямы; 6 - сребро́к (по: Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В., 2020).

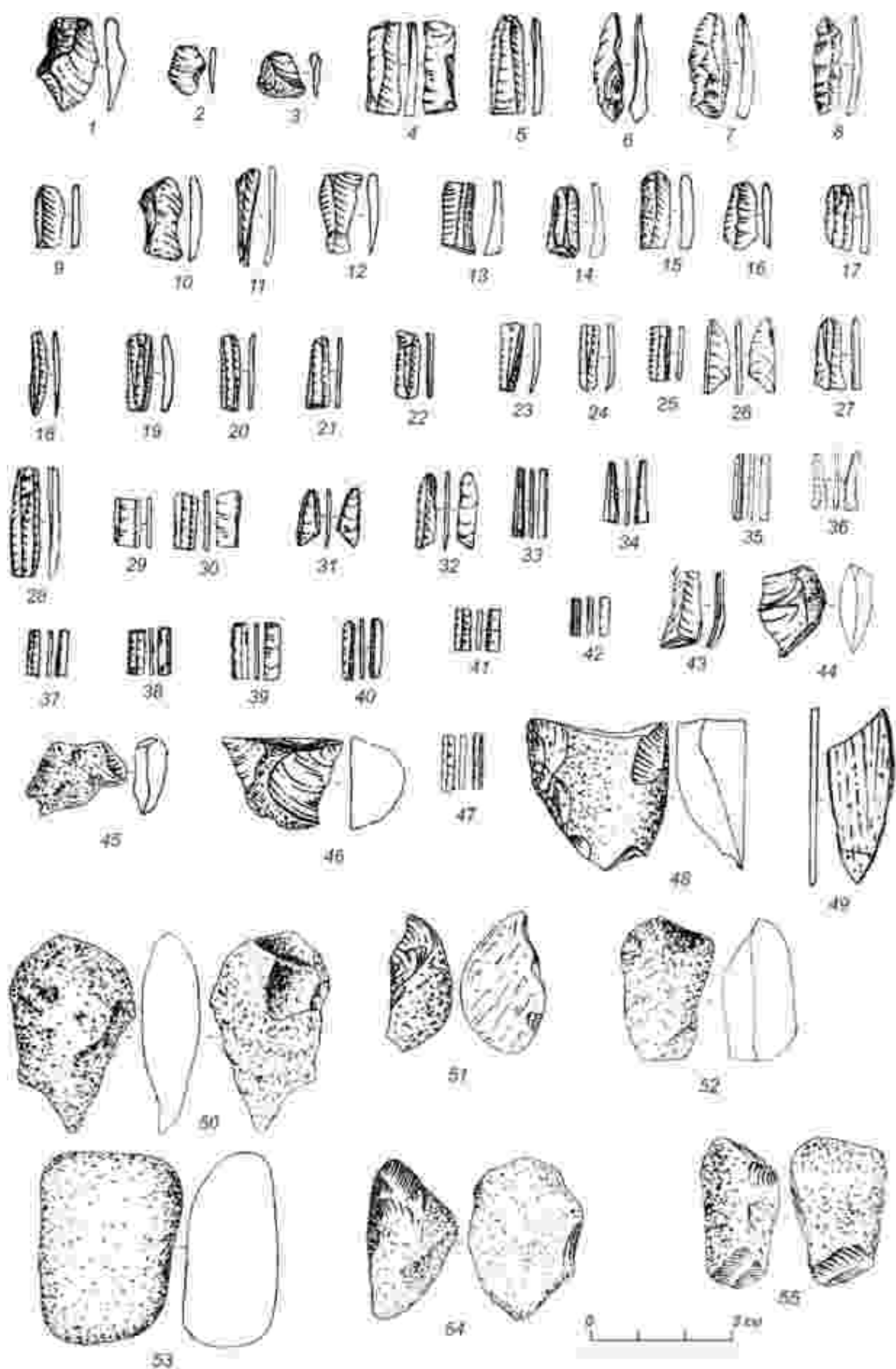

Рис. 81. Старый Выгым П. Погребение № 11: 1–3, 44–46, 50 – отщепы; 4–42, 47 – пластинчатые сколы и пластины; 43 – резец; 48 – отщеп с ретушью; 49 – обломок полированного нефритового изделия; 51, 52, 54, 55 – обломки и заготовки нуклеусов; 53 – галька (по: Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетешкин А.В., 2020).

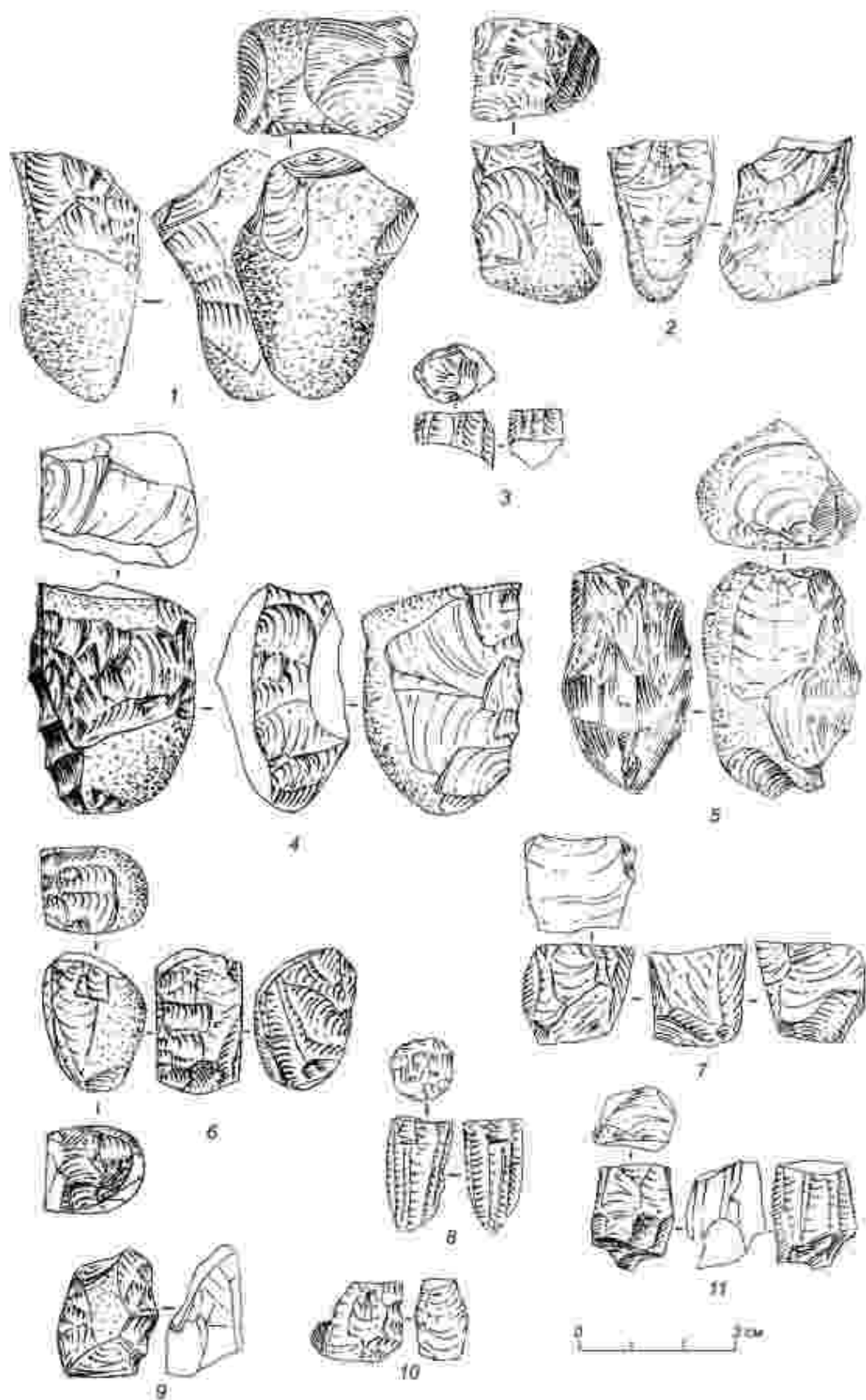

Рис. 82. Старый Витим II. Погребение № 11: 1–11 – ядра и заготовки ядер (по: Ветров В.М., Шершн Д.Л., Тетешкин А.В., 2020).

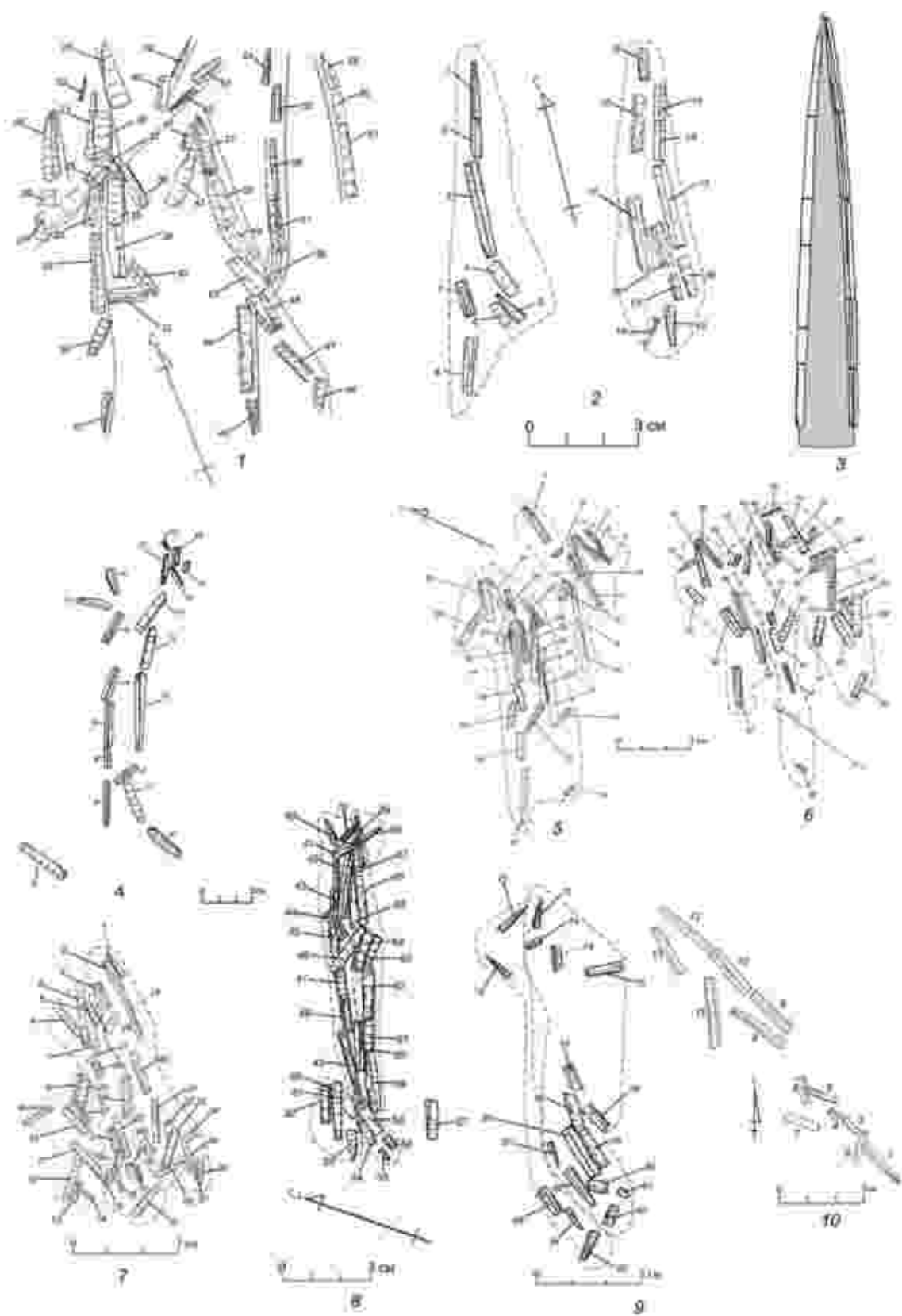

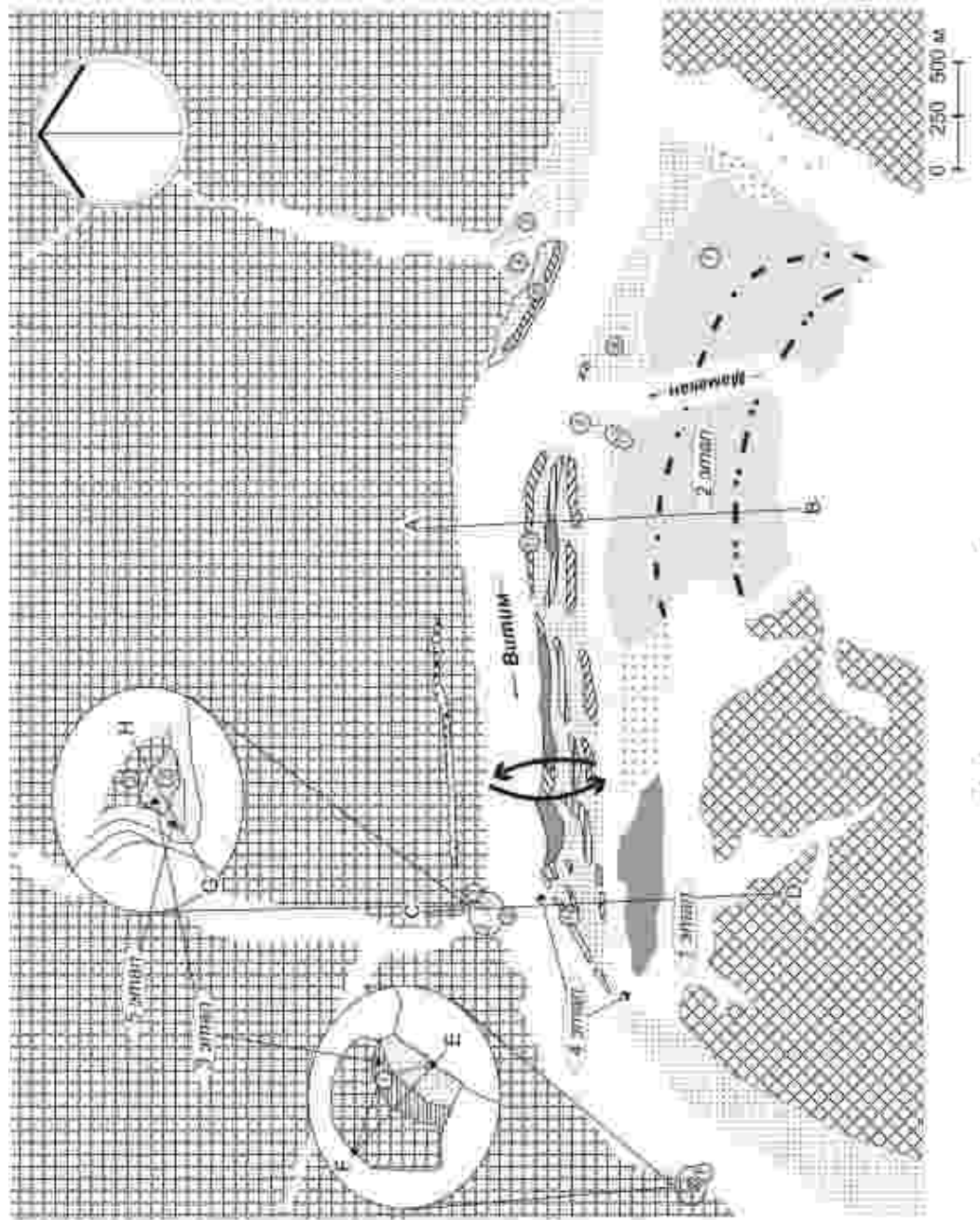
Рис. 83. ВВ-СВ-владышевские. Остатки владышевских орудий: 1, 2 – погребение № 4; 4–9 – погребение № 6; 10 – погребение № 10; 3 – реконструкция (по: Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетешкин А.В., 2020).

Рис. 84. Карта палеолит-мезолитических местонахождений Байкало-Патомского нагорья и Нижнего Витима.

Условные обозначения:

- солфидационный садонг;
- арфидионные садонги;
- древние водотоки (эрозийно-денудационные формы);
- буры Морского лучения;
- озера;
- археологические памятники;
- 17-18-метровая терраса, 3-5-4;
- фрагменты древних свайных оснований сакхароманских агалей архаичной Витимы и Мамакан;
- прируловый вал, 8300-8830 л.н.
- прируловый вал, 8000-8500 л.н.
- прируловый вал, 11340-5200 л.н.
- мезолитовые, старинные погребения в теле 12-14-м террасы;
- реликт русла Витимы на рубеже 1300-8200 г.н.
- реликт палеорусла Витима (1 этап);
- архаичный уступ (царский);
- палеоручей Мамакан;
- степь Индеса;
- долины современных водотоков;
- 60-30-метровые речушки;
- Ныне документально отсутствует, большая оставшая обочина;
- направление и величина блеской эрозии;
- 5-6-метровая пойма.

Цифрами на карте обозначены:
 1 - Коврижка I-IV, 2 - Большой Якорь I, 3 - Большой Якорь II, 4 - Инвалидный I,
 5 - Инвалидный II, 6 - Инвалидный III, 7 - Мамакан V, 8 - Мамакан I, 9 - Мамакан II, 10 - Мамакан VI,
 11 - Мамакан III, 12 - Мамакан IV.

Рис. 85. Схема геоморфологического строения Мамаканского участка долины реки Витим (Мамаканского георхеологического субрайона). (Составлено по: Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010)

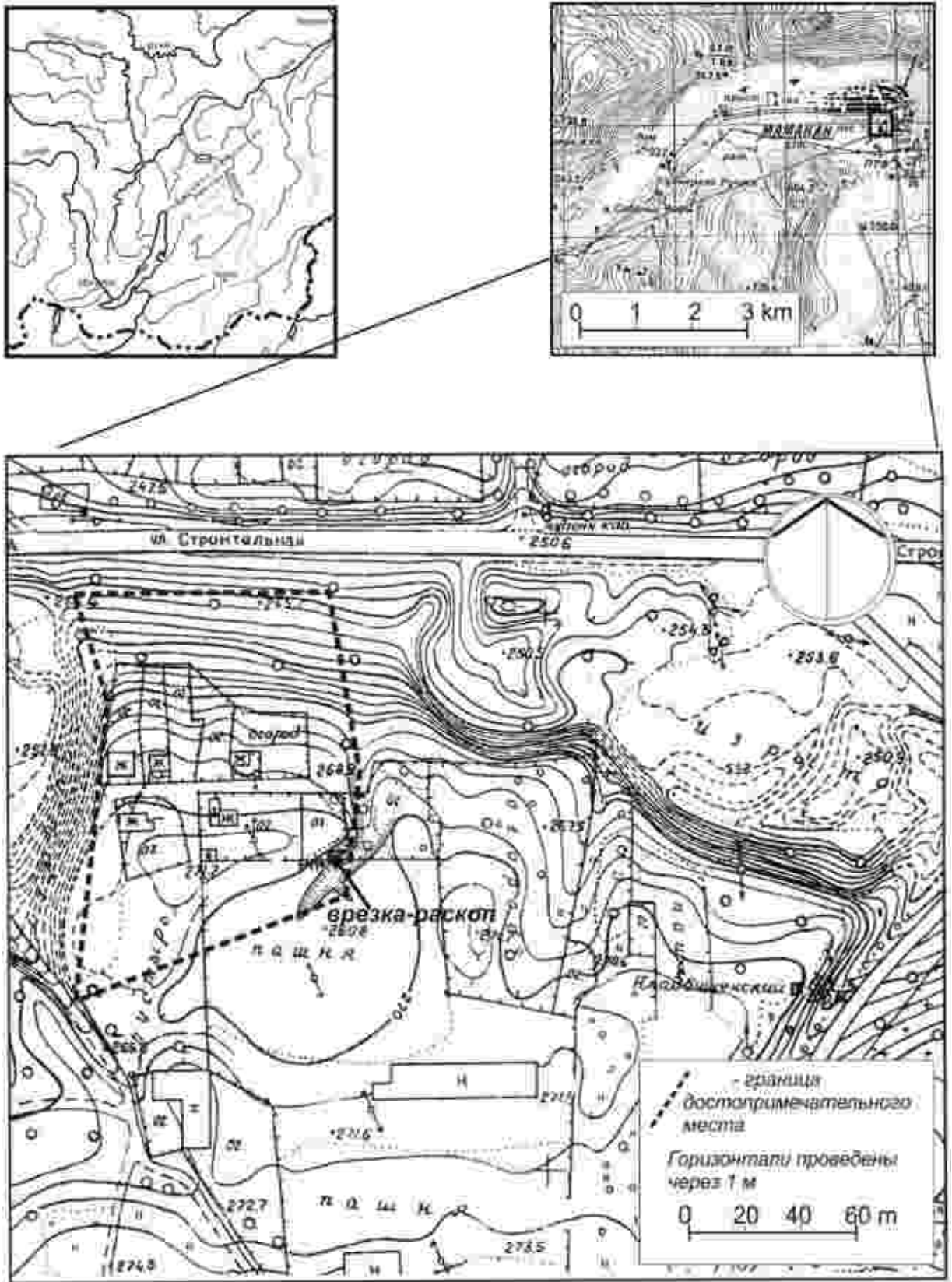

Рис. 86. Карта-схема геоархеологического местонахождения Мамакия VI.

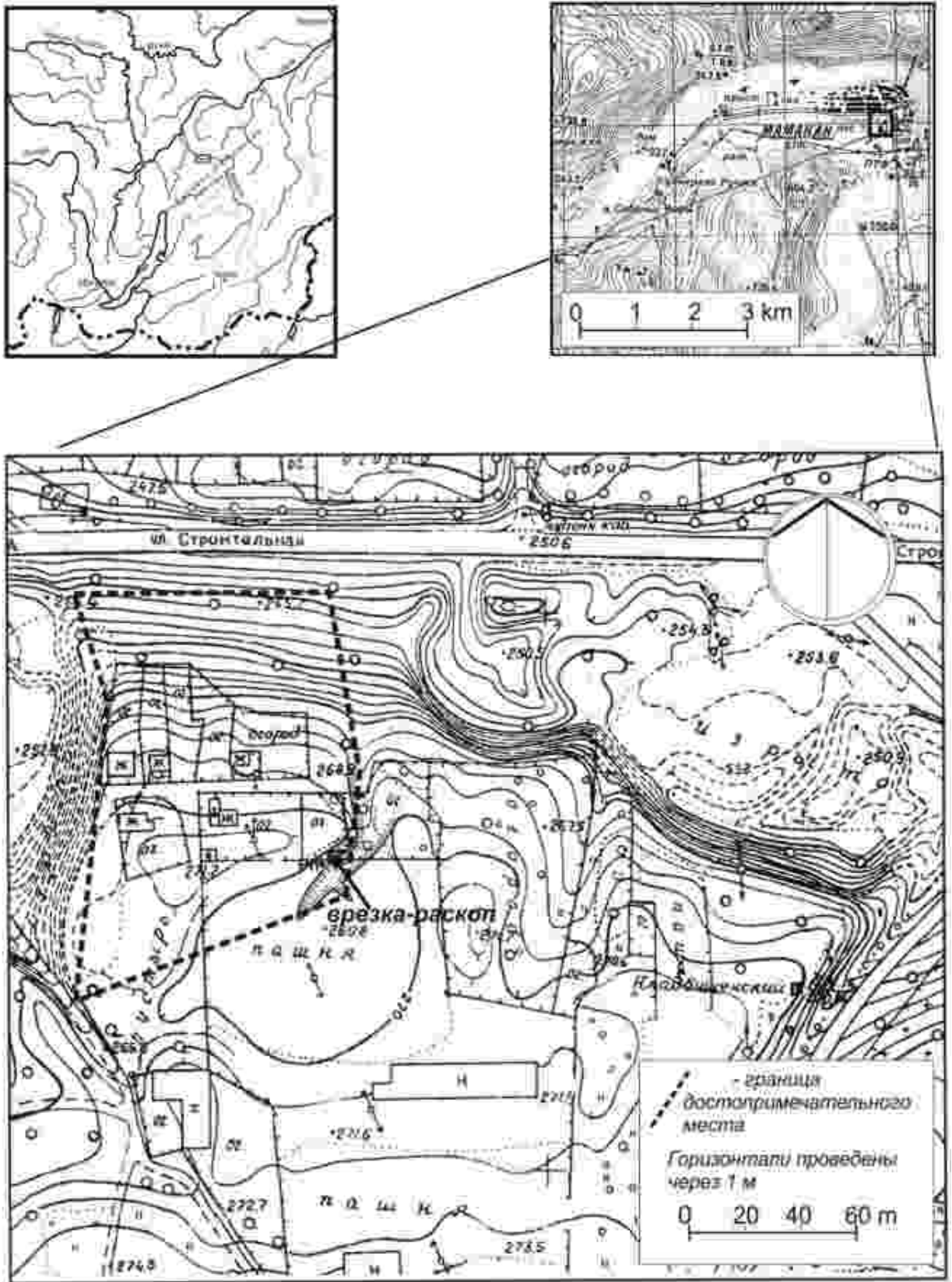

Рис. 86. Карта-схема геоархеологического местонахождения Мамакия VI.

1

2

Рис. 87. Местонахождение Мамакан VI: 1 - общий вид с ЮВ, 2 - вид на стенку раскопа с Ю.

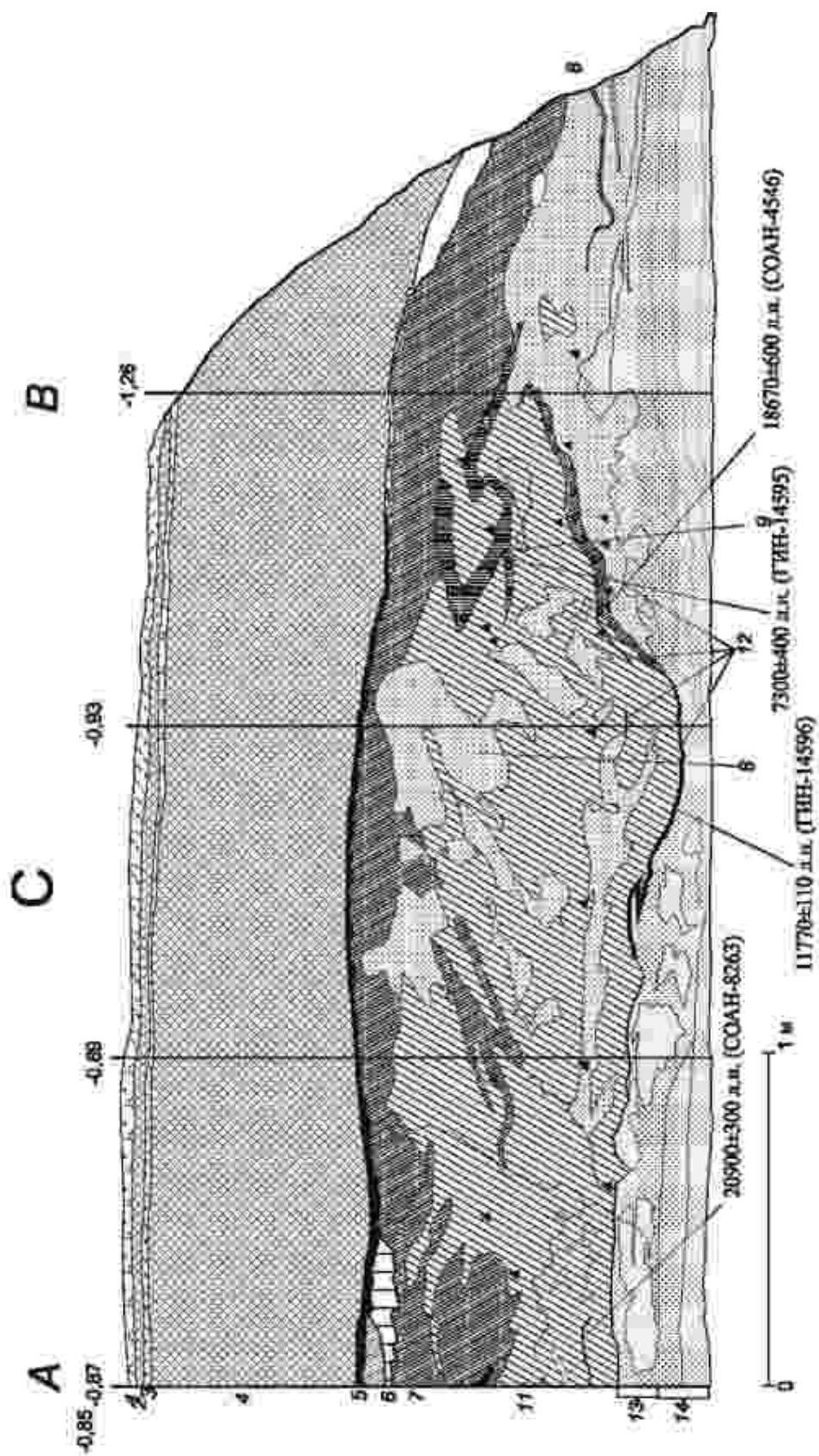

Рис. 88. Местонахождение Мамакан VI: Стратиграфия раскопа. Профиль А-В.

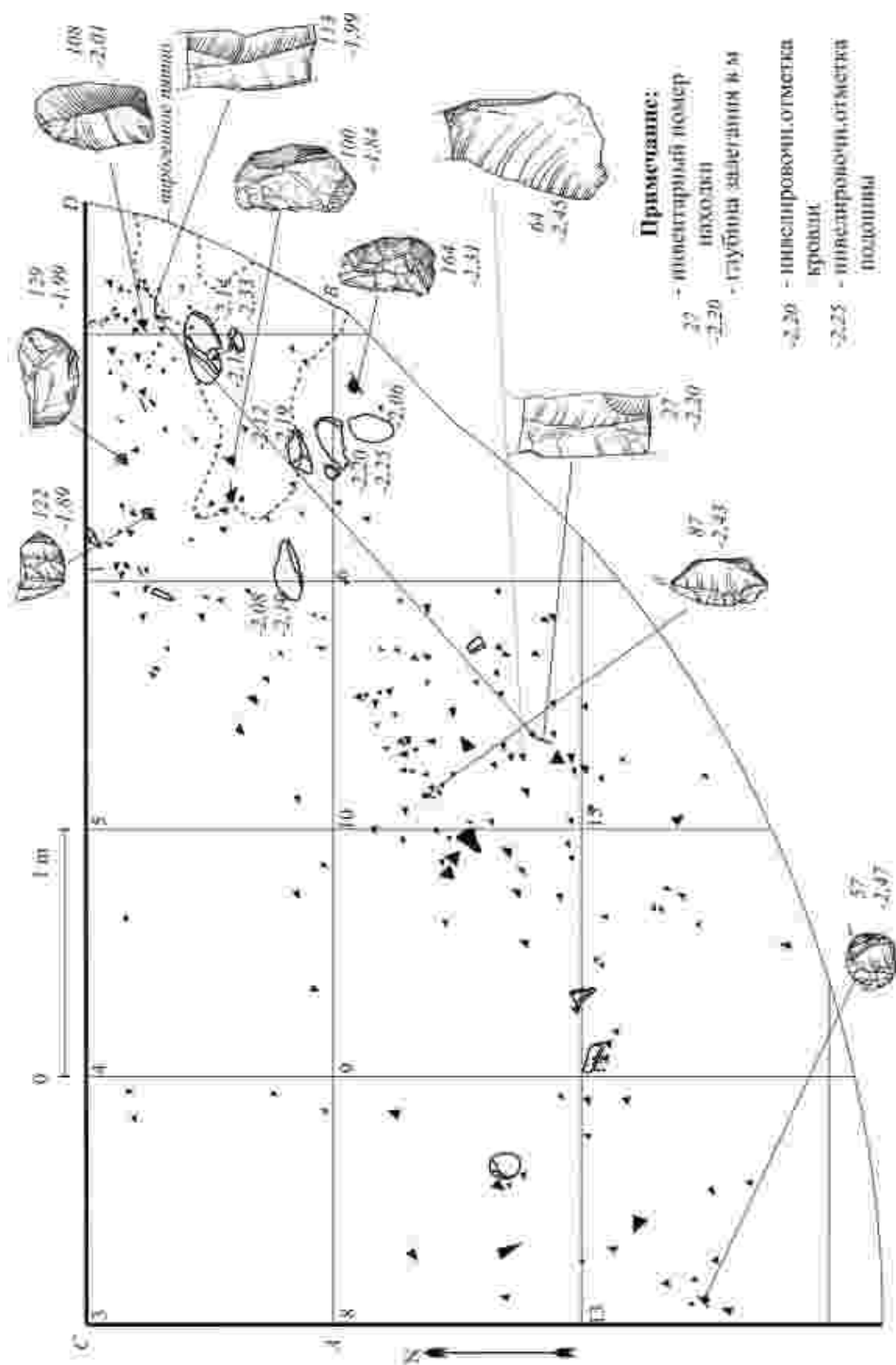

Рис. 89. Планиграфия I культурного горизонта местонахождения Мамаев VI.

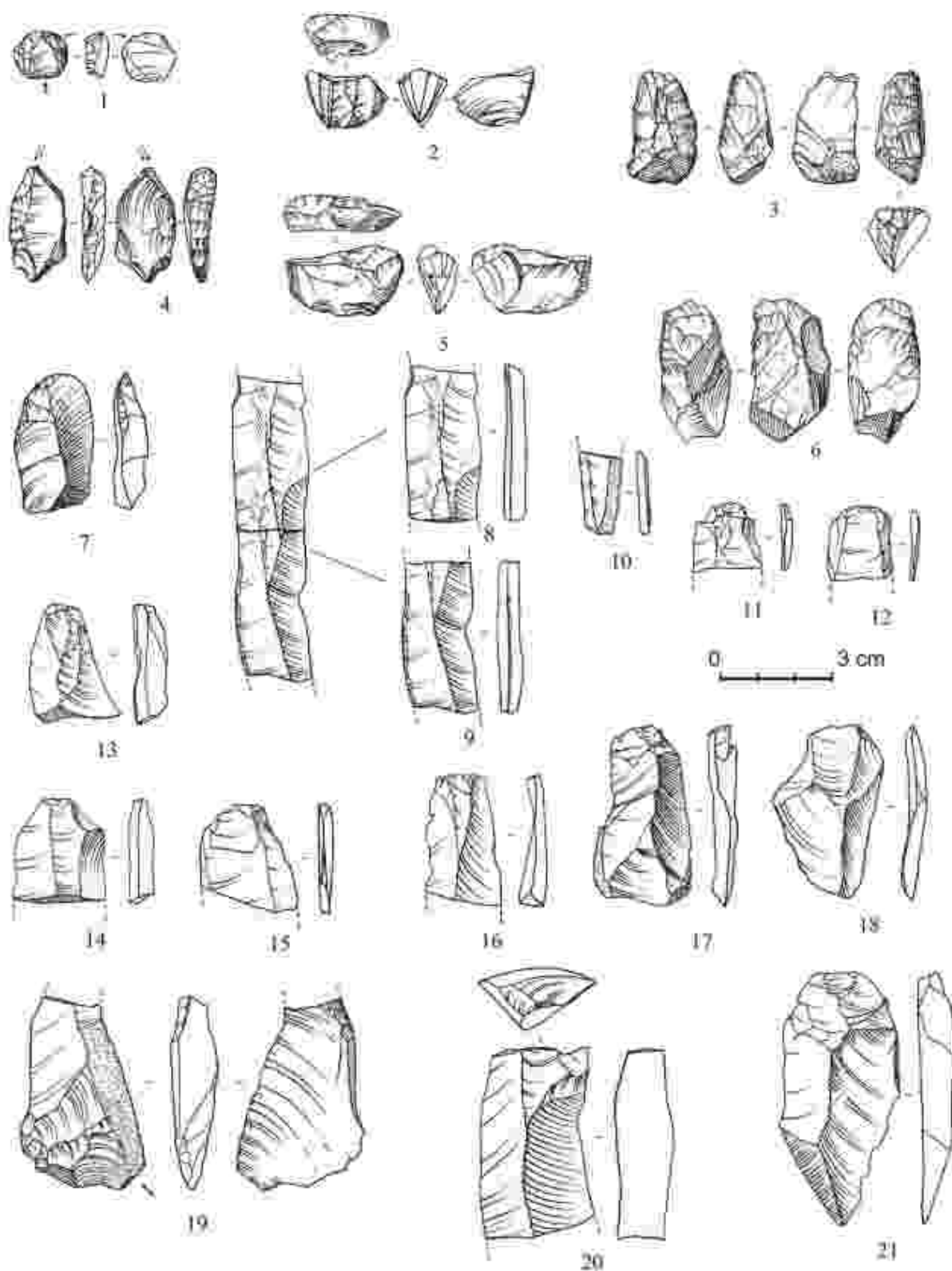

Рис. 90. Местонахождение Мамакан VI. Изделия из I культурного горизонта: 1 - микроскребок-трансверсальный резец, 2, 5 - микроунифасы, 3, 6, 7 - скребки, 4 - срединный резец, 8 - медиальный сегмент пластины с ретушью, 9 - медиальный сегмент пластины, 10 - дистальный сегмент пластины, 11, 12, 14-16, 20 - проксимальные сегменты пластины, 13, 17, 18, 21 - пластины, 19 - фрагмент отщепы с краевой ретушью, 3, 6, 13 - изделия из горного хрусталя.

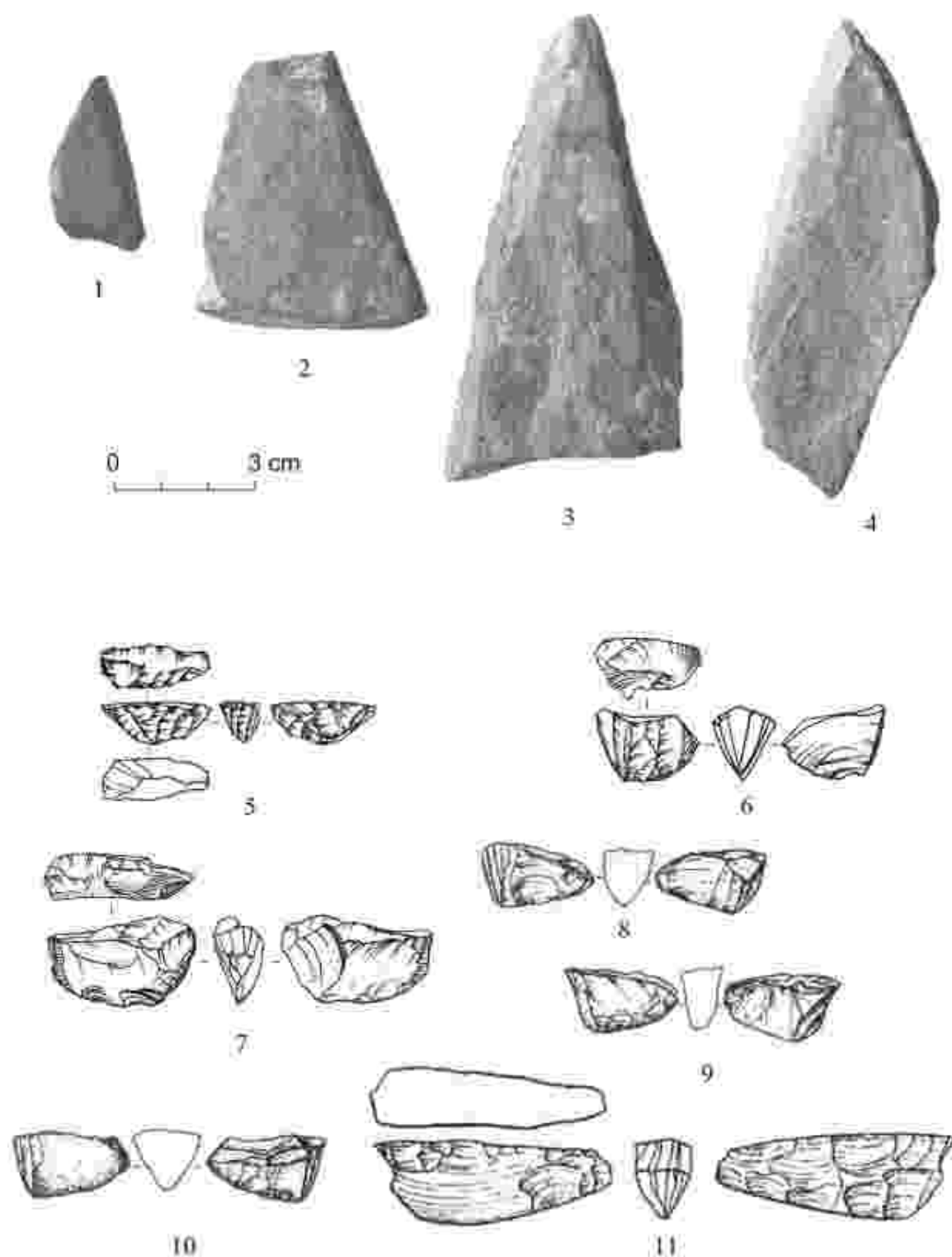

Рис. 91. 1-4 - Мамакан VI, предметы из сланца; 5-11 - микроядрейцы: 5 - Туяна (по: Козырев А.С. и др., 2012), 6, 7 - Мамакан VI, 8, 9, - Усть-Менза-2, культ. гор. 19, 10 - Усть-Менза-2, культ. гор. 20 (по: Константинов М.В., 1994), 11 - Толбор-15, культ. гор. 5 (Gladyshev S., Tabarev A., Olsen J.W., 2010).

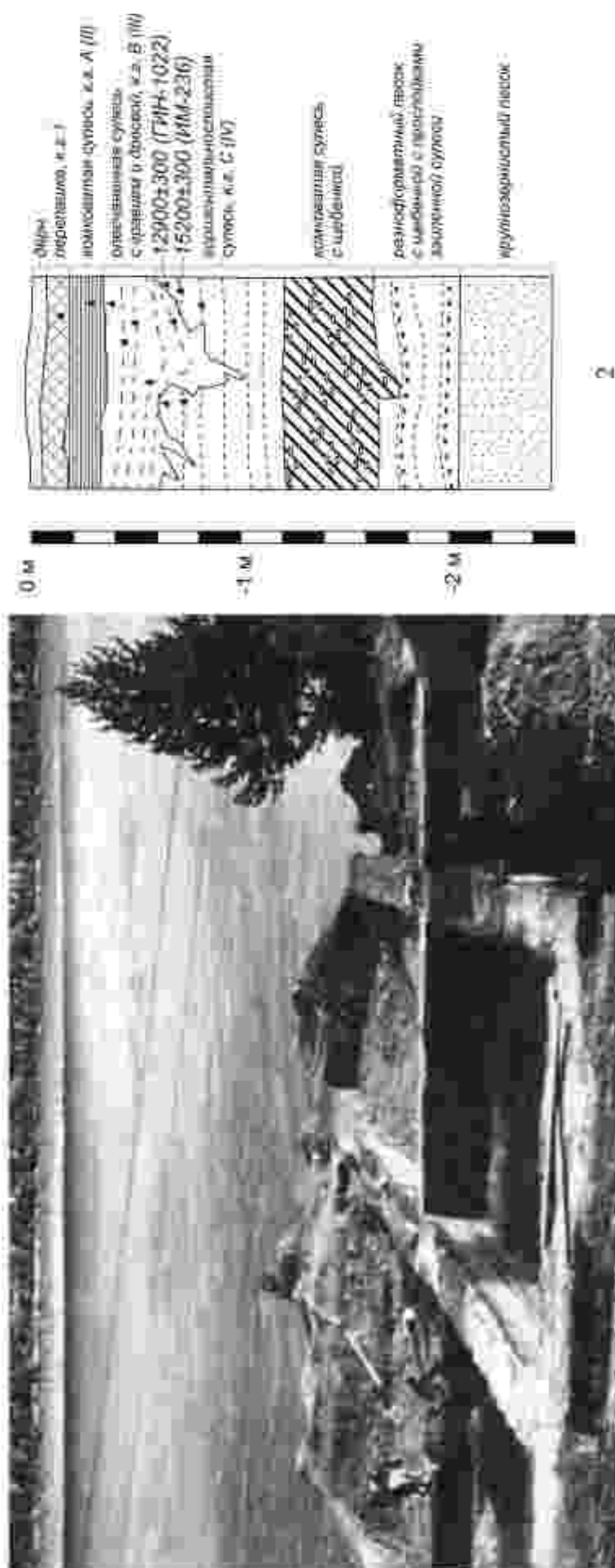

Рис. 92. Стоянка Авдеыха: 1 - общий вид на раскоп в 1974 г. (по: Мочанов Ю.А., 2007), 2 - стратиграфическая схема (по: Мочанов Ю.А., 1975).

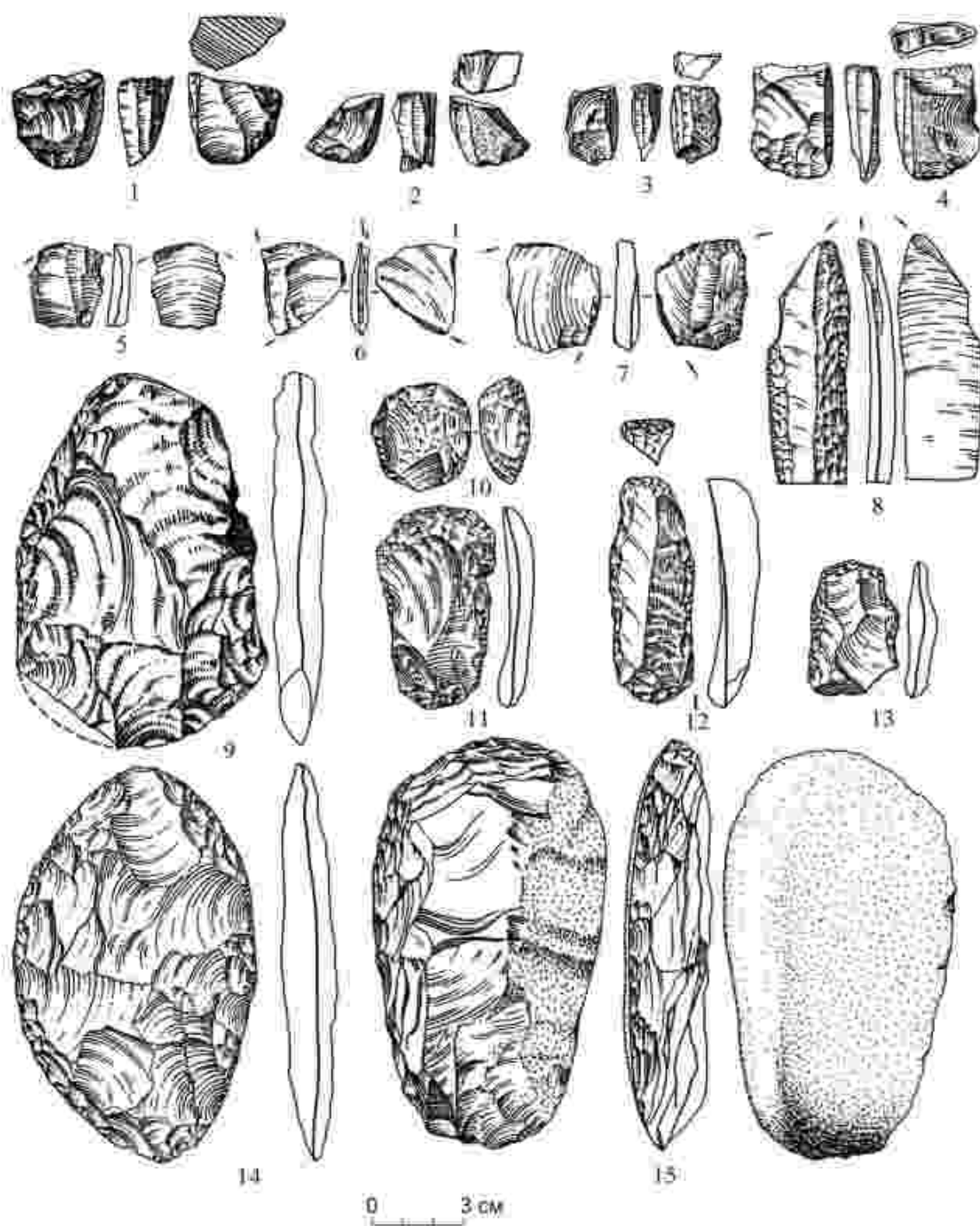

Рис. 93. Стоянка Анденха: 1-4 - клиновидные ядра, 5-8 - резцы, 9, 14 - бифасы, 10-13 - скребки, 15 - скребко-ядро из расколотой гальки; 8 - III-из к.г., 10, 14 - IVB к.г., 15 - контакт III и IV к.г. (по: Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., 1996, с уточнениями по: Мочанов Ю.А., 2007).

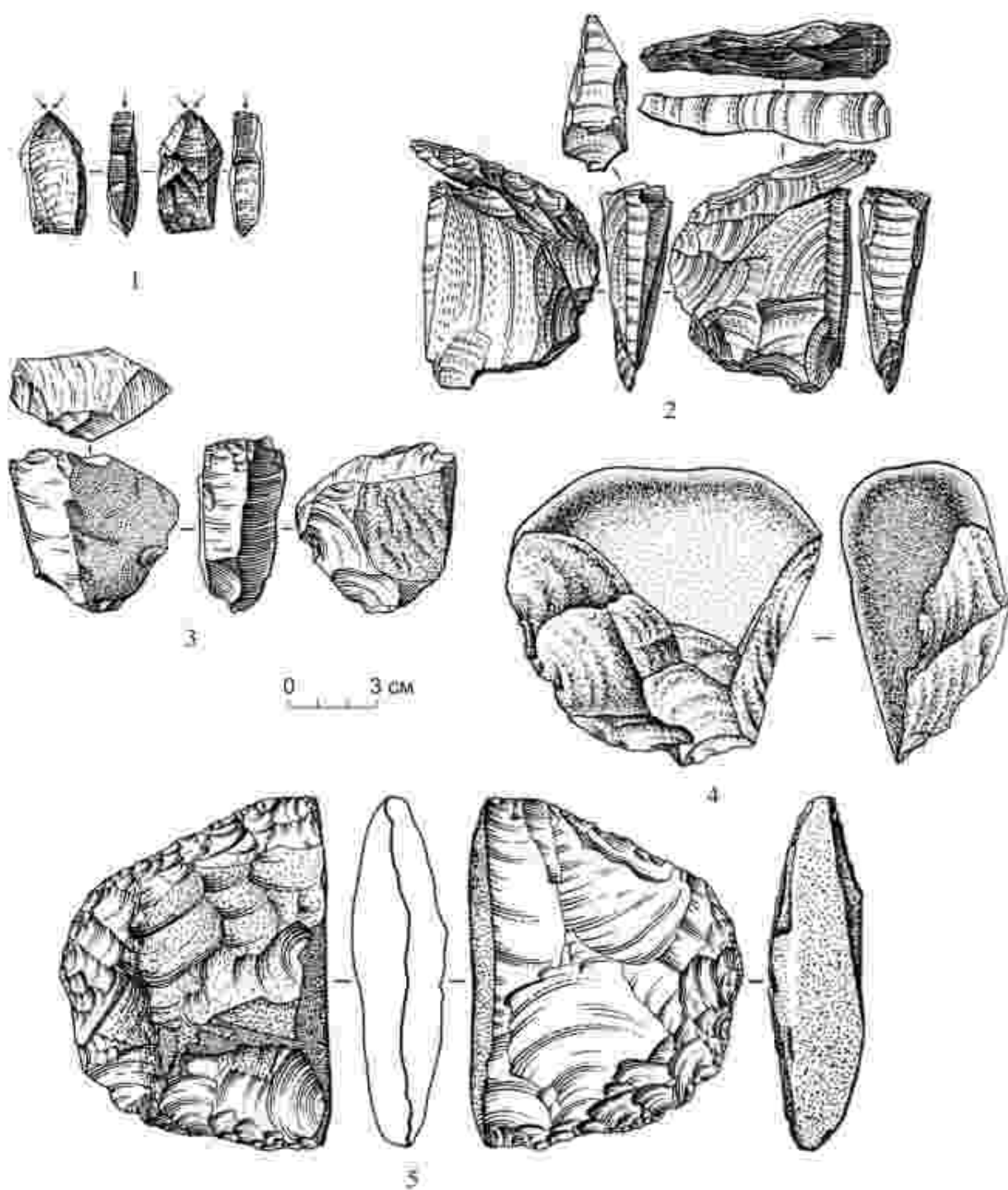

Рис. 94. Стоянка Авленха: 1 - полиэдрический резец из халцедона (к.г. IVГ), 2 - клиновидный нуклеус (к.г. IVГ), 3- торцовый нуклеус (к.г. IVВ), 4 - чоппер (к.г. III), 5 - бифас (к.г. IVГ) (по: Мочанов Ю.А., 2007, с изменениями).

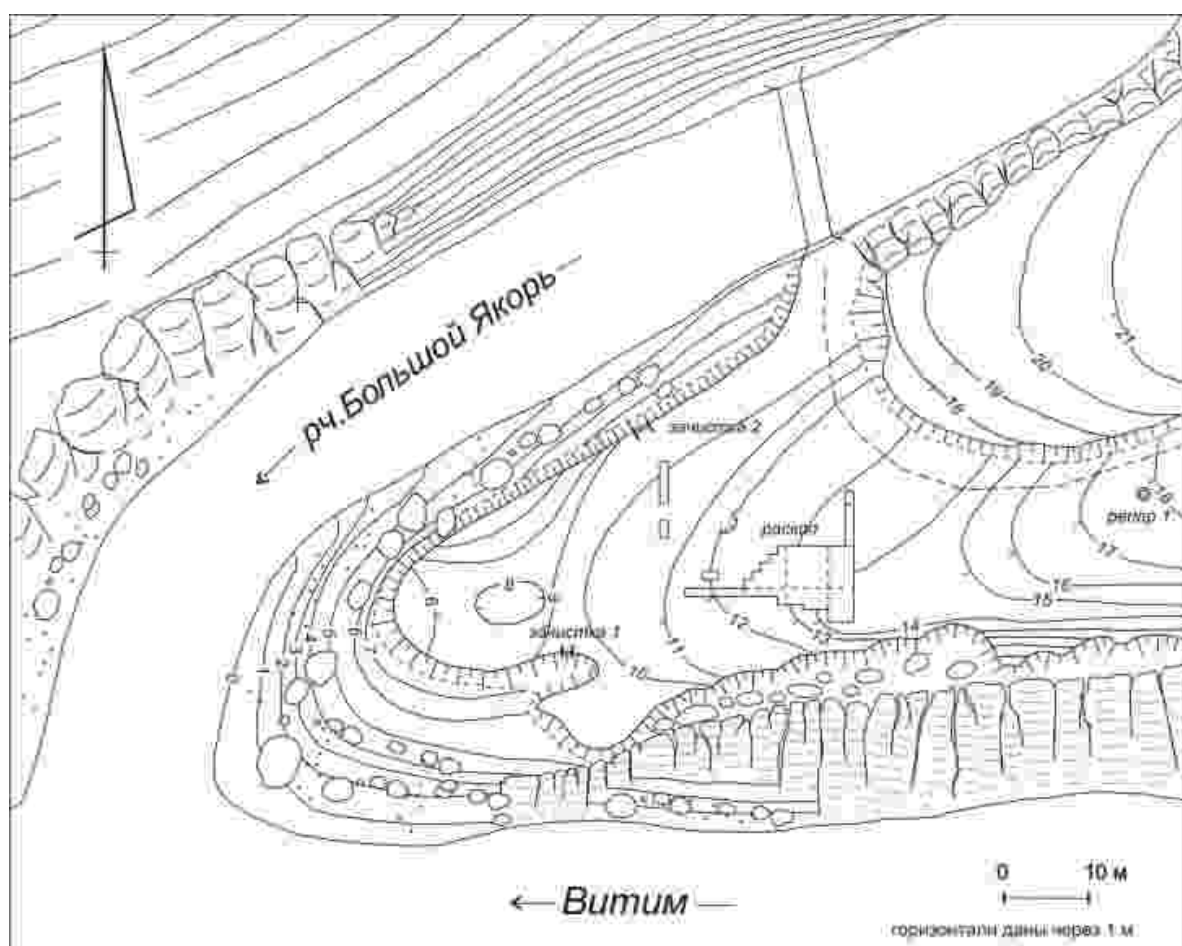
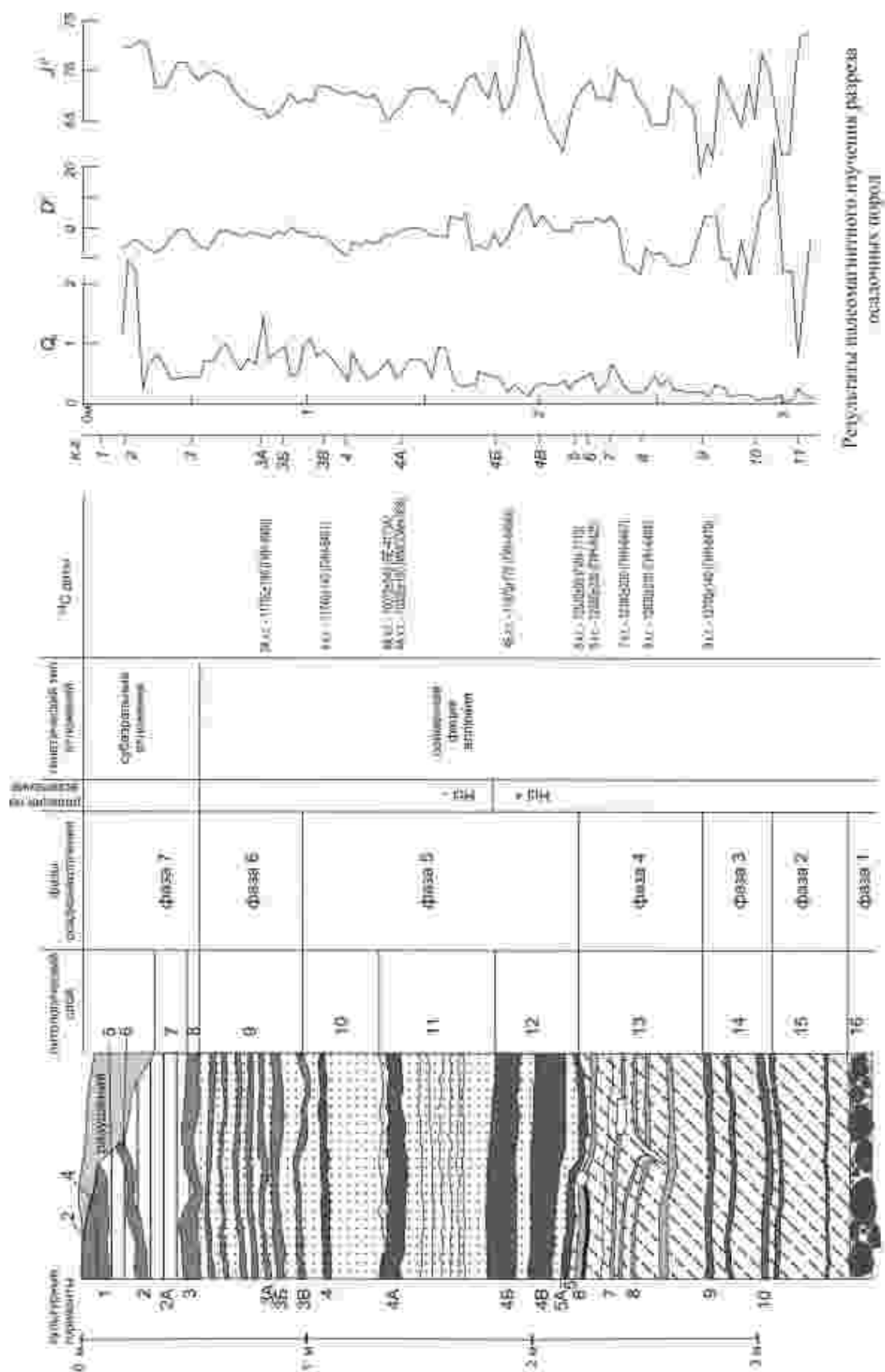

Рис. 95. План местонахождения Большой Якорь I. Съёмка произведена после частичного разрушения объекта во время прокладки дороги и строительства моста в 1987 г. (по: Инешин Е.М., Тегенькин А.В., 2010).

Результаты палеомагнитного изучения разреза осадочных пород

Рис. 96. Стратиграфическая колонка местонахождения Большой Якорь I, совмещенная с кривыми, демонстрирующими вариации геомагнитного поля за время отложения аллювия, скорости накопления осадков. Цветами выделены отложения различных фаз осадконакопления (по: Ивешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010).

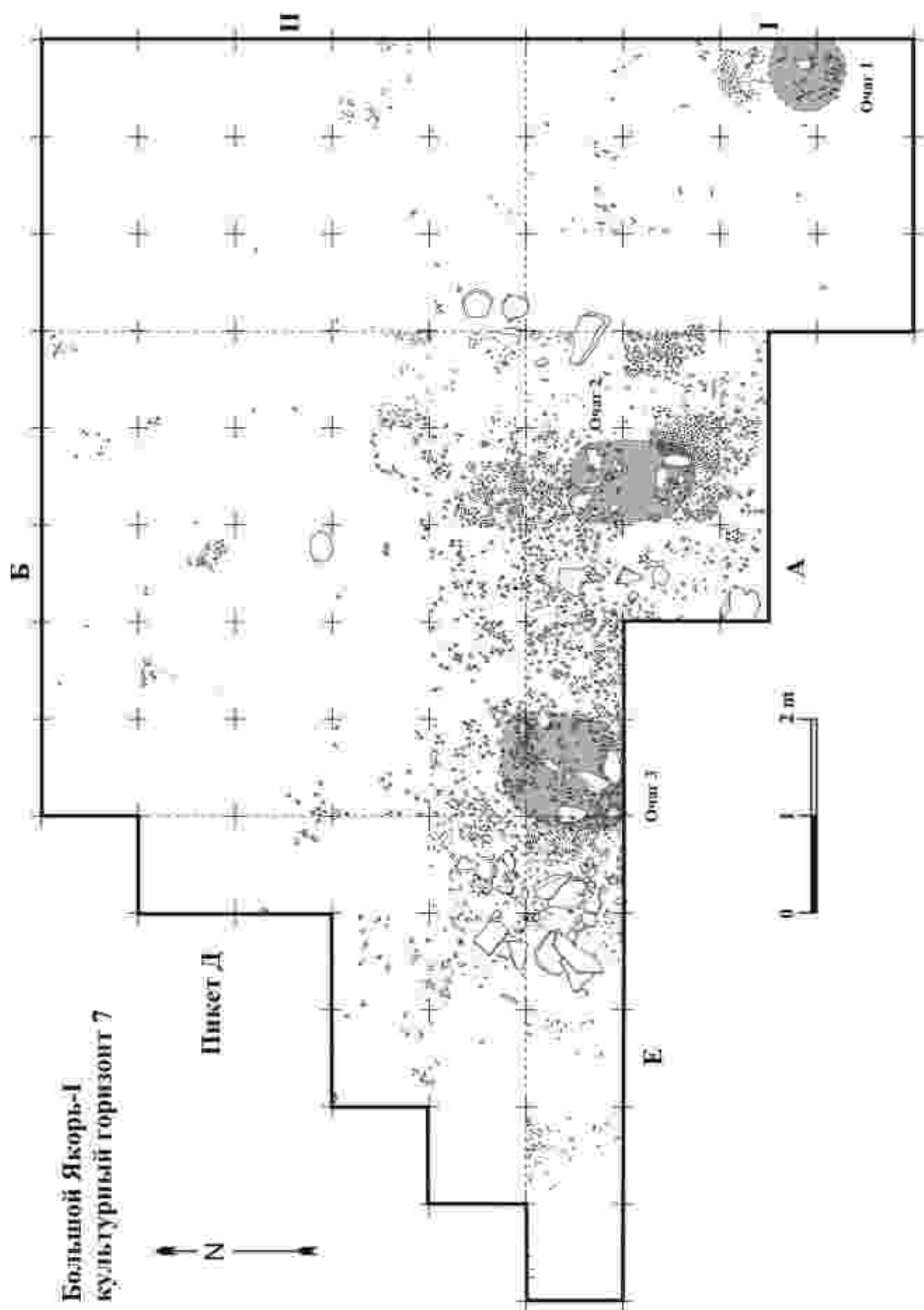

Рис. 97. Стоянка Большой Якорь-1. Пши 7 культурного горизонта (по: Инешни Е.М., Тегенькин А.В., 2010).

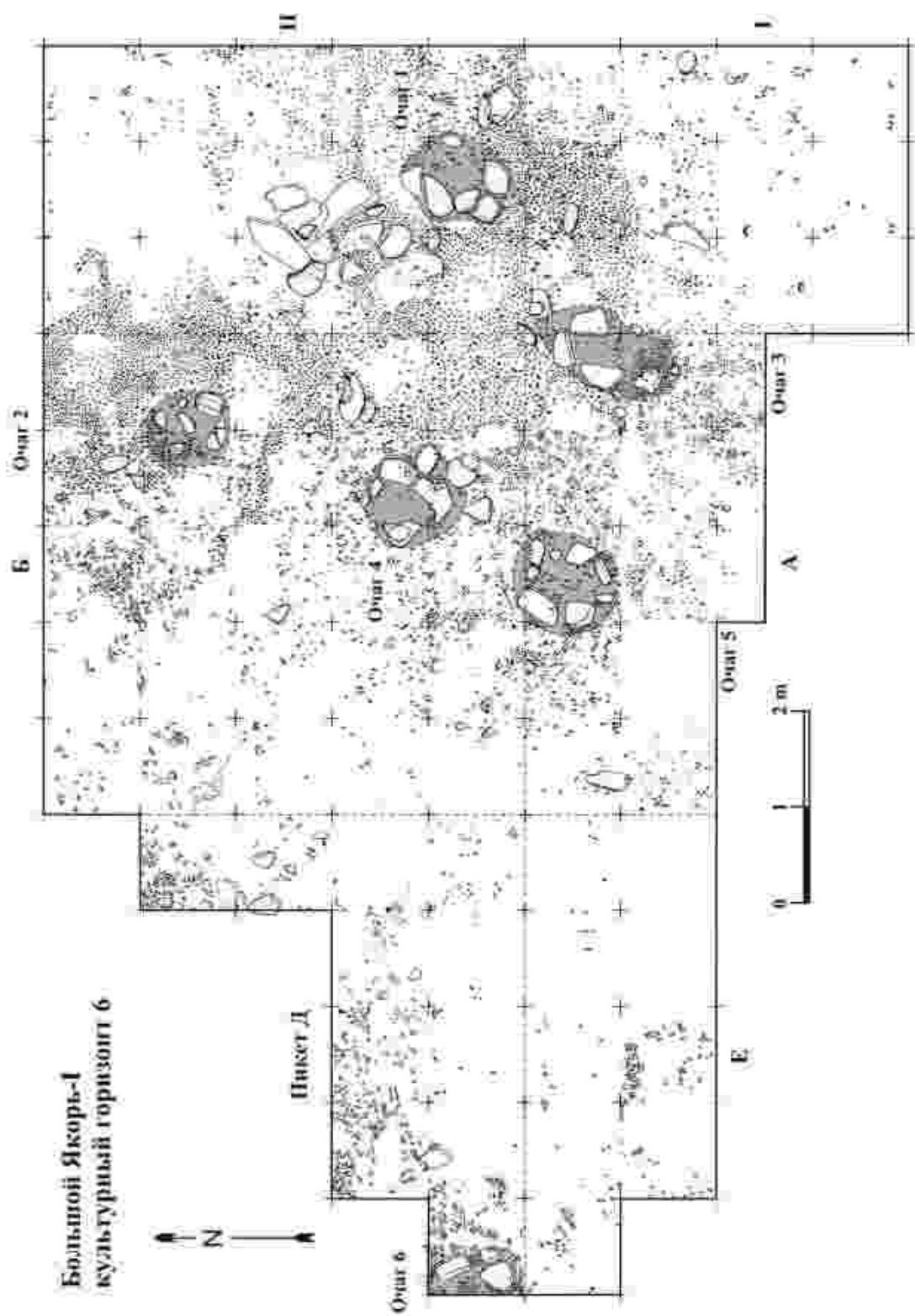

Рис. 98. Стоянка Большой Якорь I. План 6 культурного горизонта (по: Инешин Е.М., Тегенькин А.В., 2010).

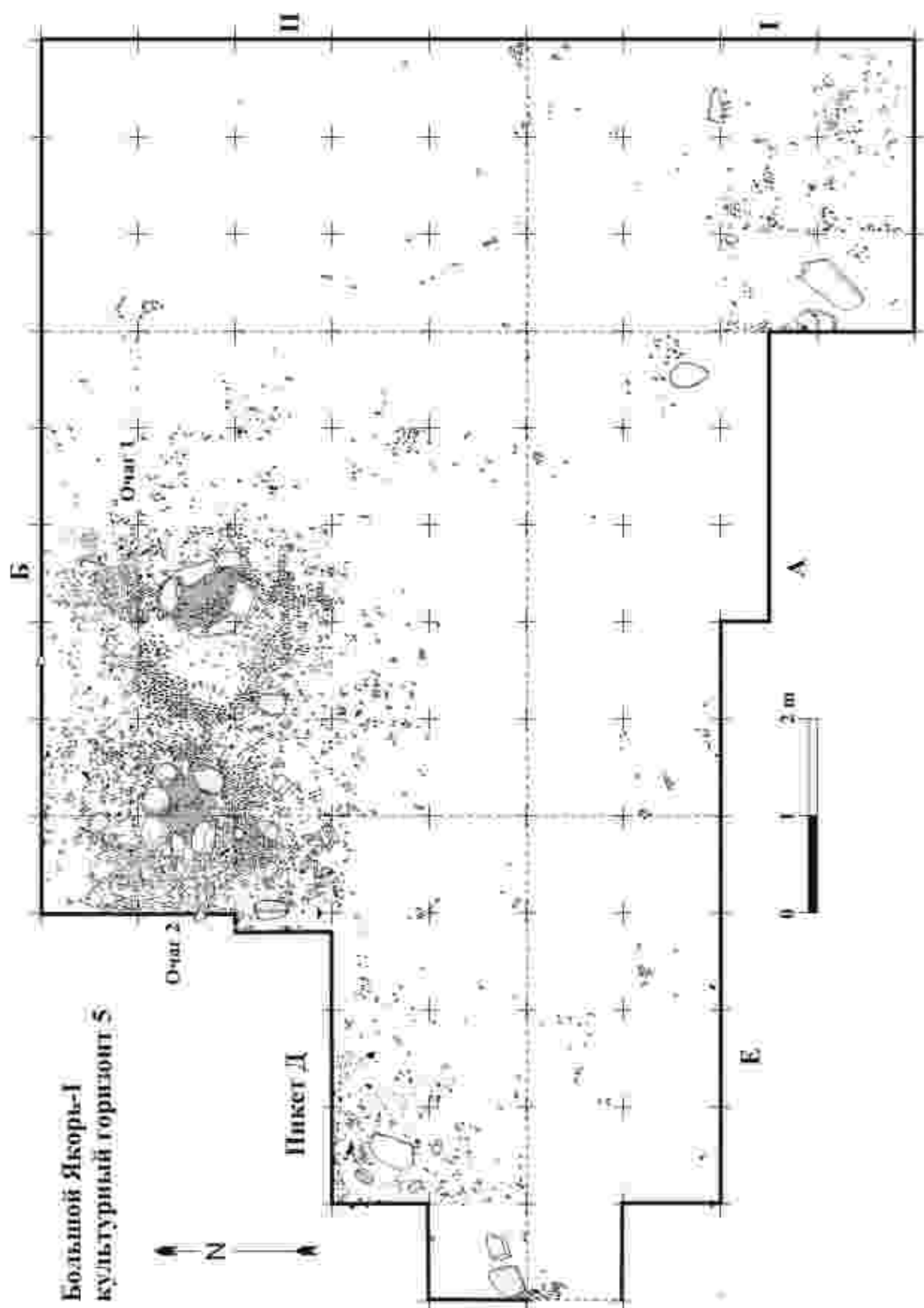

Рис. 99. Стоянка Большой Якорь I. План S культурного горизонта (по: Ивашин Е.М., Тетенькин А.В., 2010).

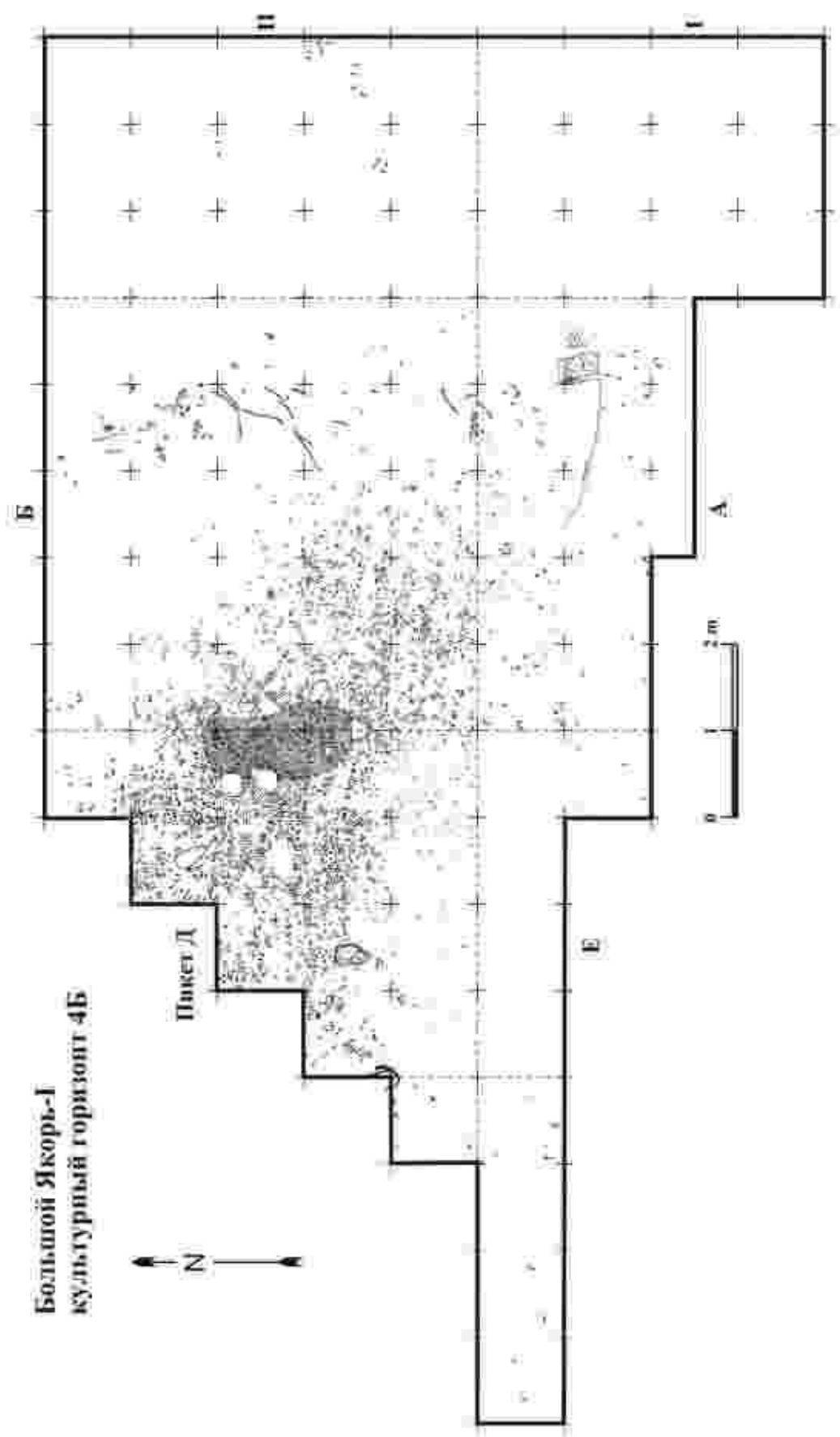

Рис. 100. Стоянка Большой Ягорь I. План 4Б культурного горизонта (по: Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010).

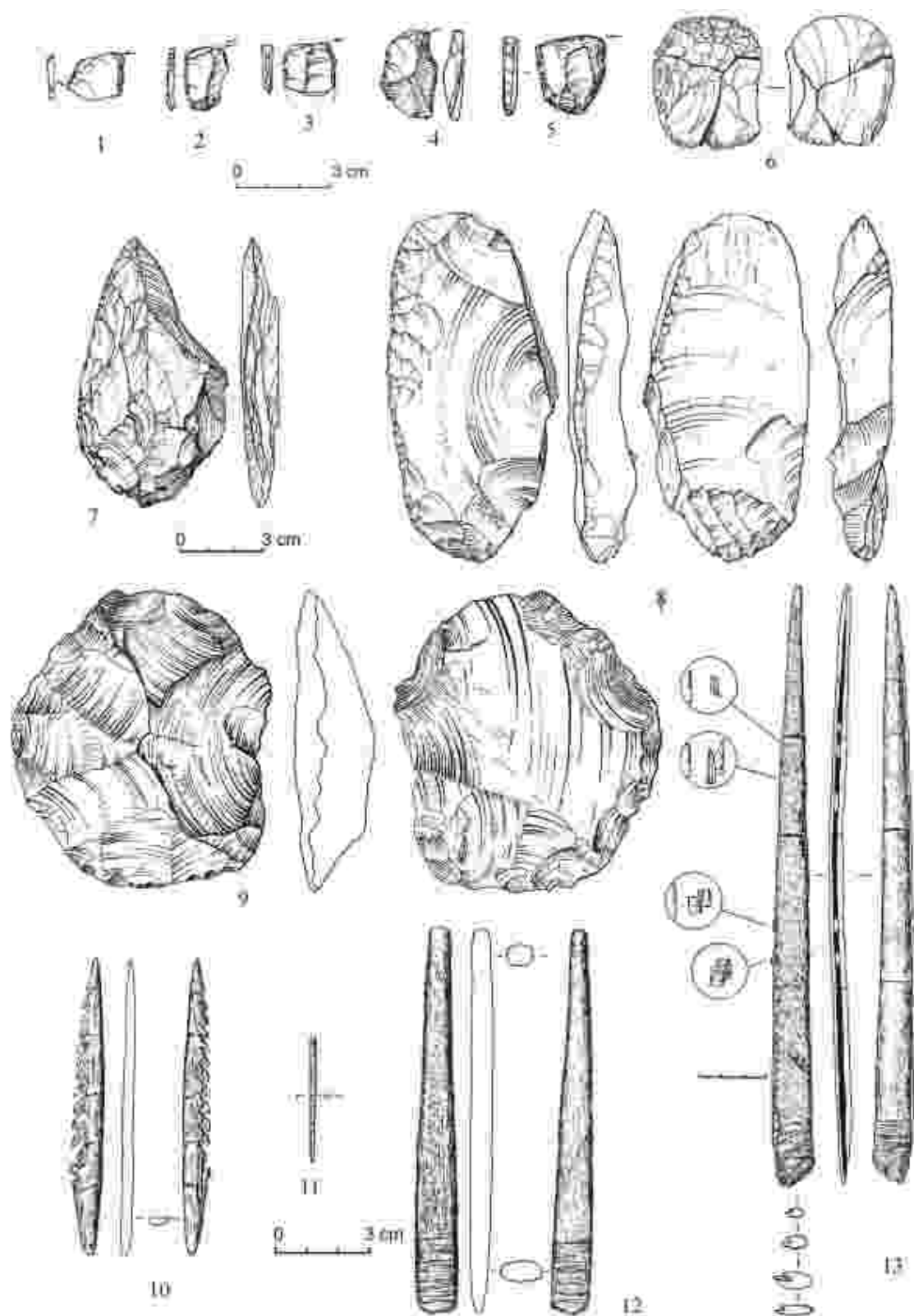

Рис. 101. Стоянка Большая Якорь 1. 1-5 - 7 культурный горизонт, 6,8-5 культурный горизонт, 9-13 - 6 культурный горизонт. 1-5 - трансверсальные резцы, 6 - скребок, 7,8 - скребла, 9 - дисковидный нуклеус, 10 - гарпун, 11 - игла, 12 - костяной наконечник с тригугленным концом, 13 - вкладышевый однопазовый наконечник (по: Ineshin E.M., Tetenkin A.V., 2011).

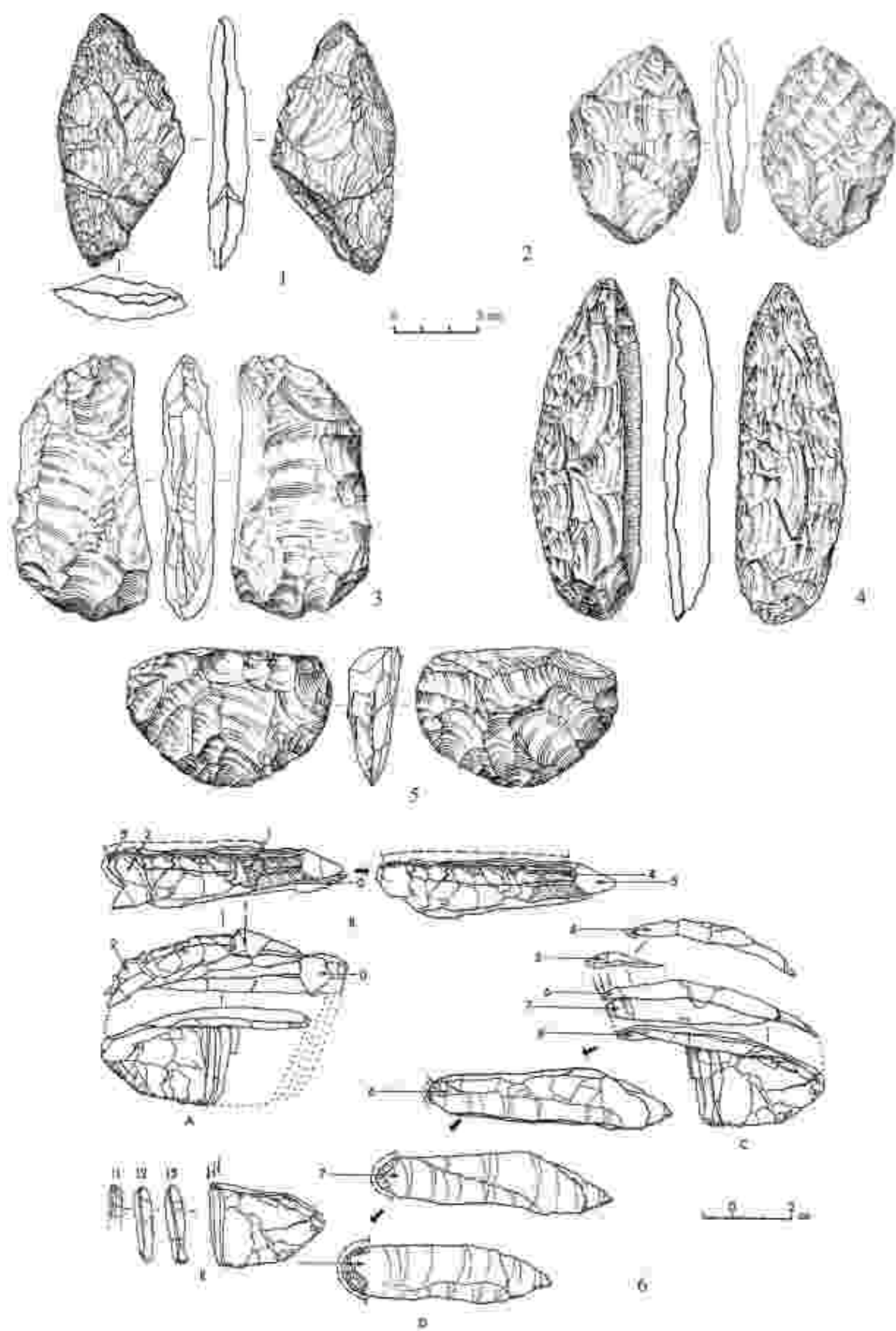

Рис. 102. Стоянка Большой Якорь I. 1-5 - 6 культурный горизонт, 6 - 3В культурный горизонт. 1-5 - бифасы, 6 - аппликационная сборка бифаса - клиновидного нуклеуса (по: Ineshin E.M., Tetenkin A.V., 2011).

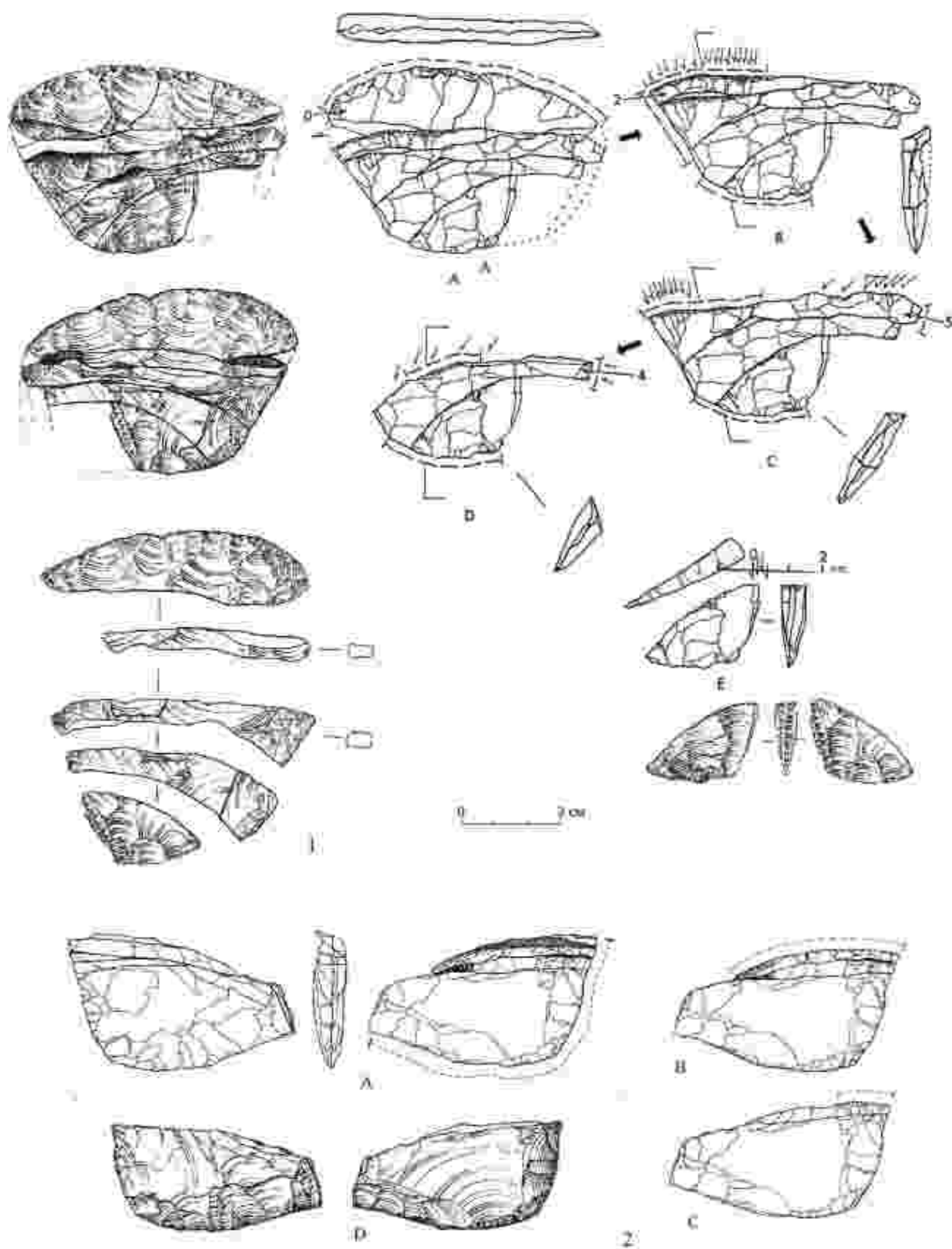

Рис. 103. Стоянка Большой Якорь I. Аппликационные сборки бифасов из 7 культурного горизонта. 1 - бифас на различных этапах модернизации (А, В, С, D), закончившихся стадией микронуклеуса, 2 - бифас на различных этапах модернизации (А, В, С, D), комбинирующих функции ножа и скребла, нуклеарная стадия отсутствует (по: Инешин Е.М., Тетелькин А.В., 2010).

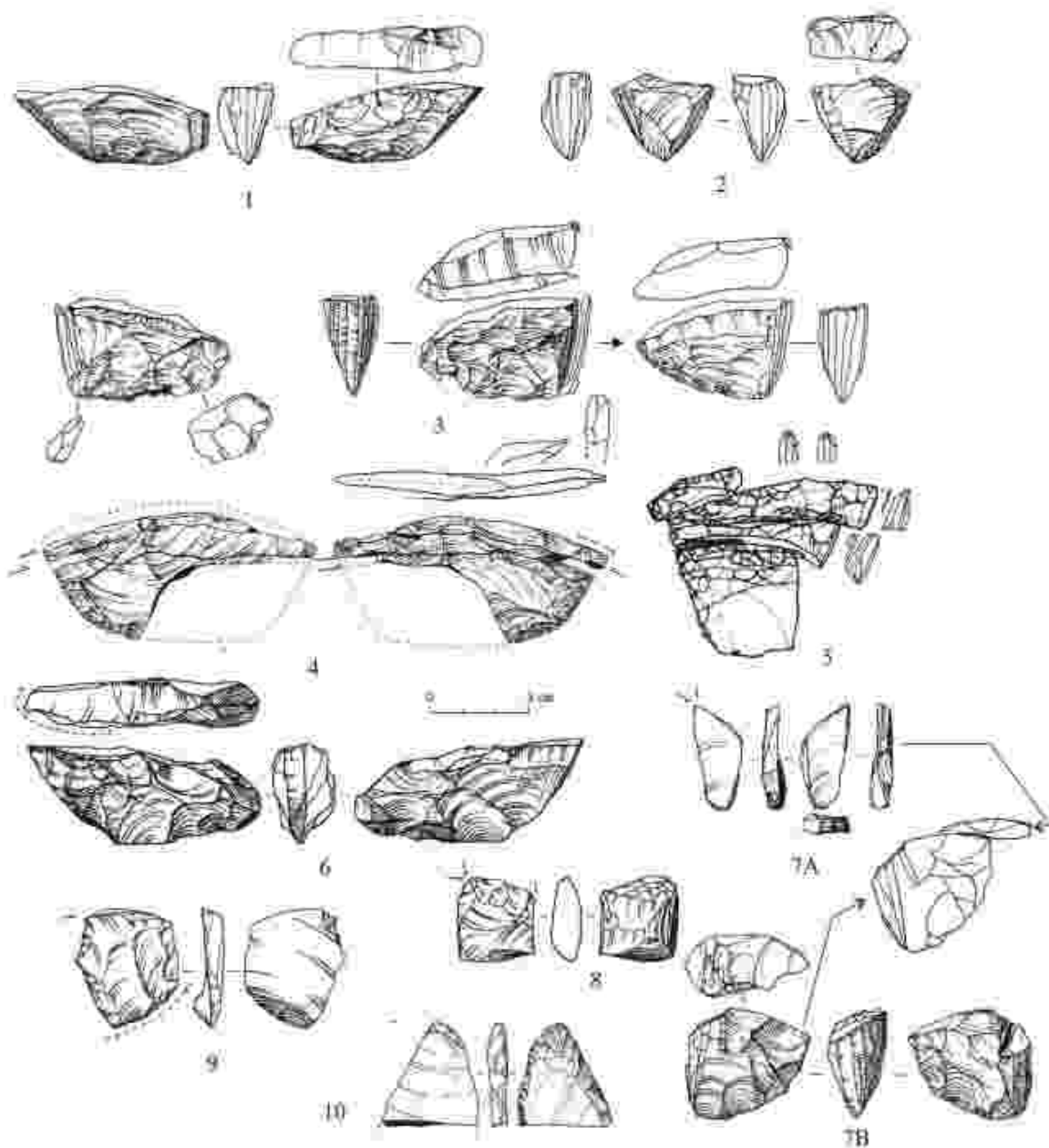

Рис. 104. Стоянка Большой Якорь. 1, 2, 6, 7 - культ. гор. 6; 3 - культ. гор. 3B; 4, 5 - культ. гор. 7; 8 - культ. гор. 4B; 9 - культ. гор. 4B; 10 - культ. гор. 4; 1 - клиновидный нуклеус с фасальным дооформлением латералей после снятия лыжевидного скола; 2 - бифронтальный микронуклеус; 3 - клиновидный нуклеус с дооформленными в процессе расщепления латеральми, 4 - бифас с лыжевидными сколами, снятыми с противоположных концов, 5 - аппликационный блок с лыжевидными сколами, эксплуатируемыми как торцовые микронуклеусы, 6 - клиновидный нуклеус со следами амортизации ребра ударной площадки, 7A - лыжевидный скол, переоформленный в резец, 7B - клиновидный нуклеус с ударной площадкой, полученной снятием лыжевидного скола и подживлявшейся короткими фронтальными сколами, 8 - обломок бифаса с ретзовыми сколами, 9 - трансверсальный резец из отщепла утоньшения бифаса, 10 - скребок из отщепла утоньшения бифаса (по: Ивешин Е. М., Тетенькин А. В., 2010).

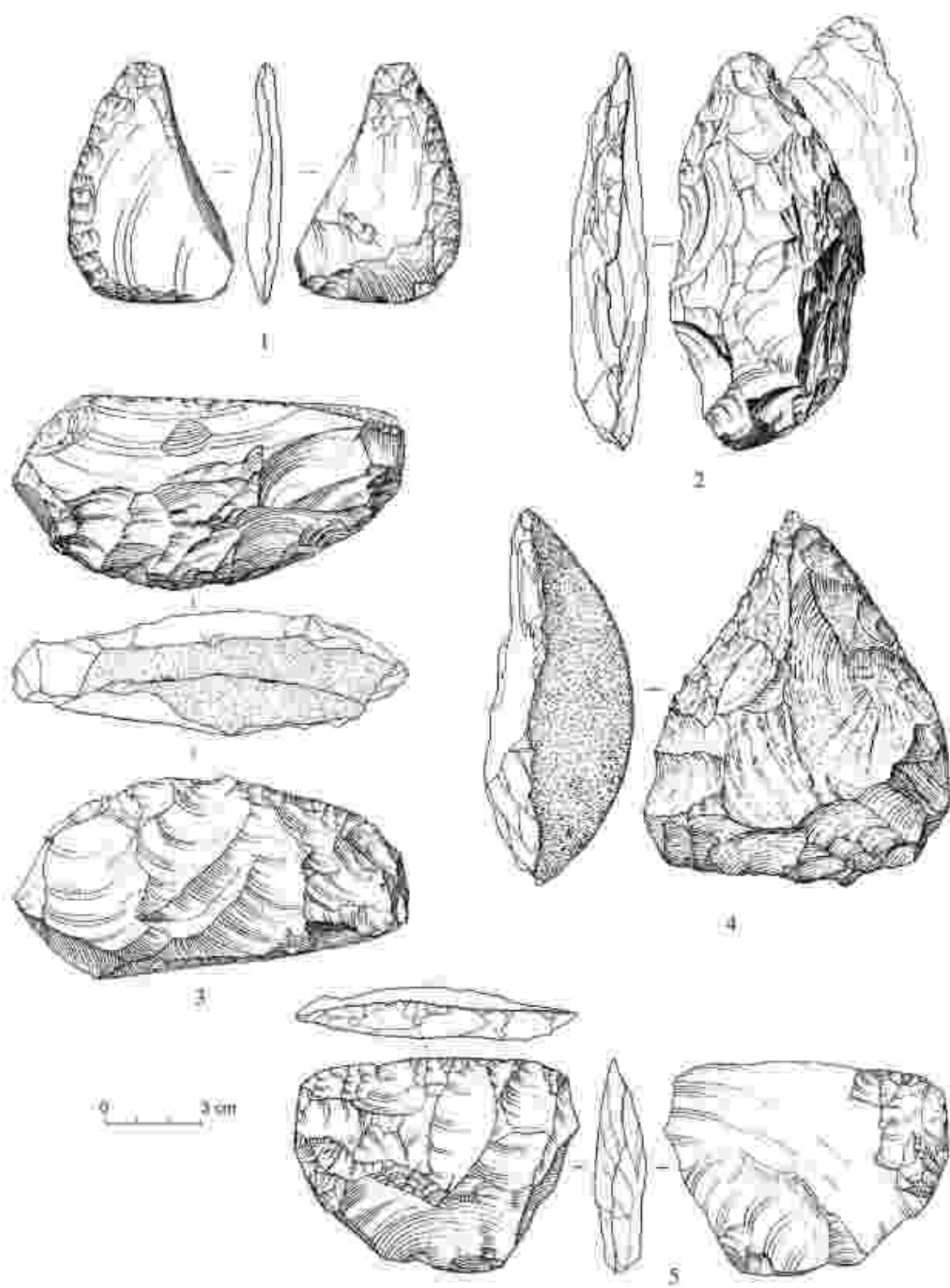

Рис. 105. Стоянка Большой Якорь I. 1 - 7 культурный горизонт, 2,4,5 - 6 культурный горизонт, 3 - 4Б культурный горизонт. 1 - нож-скребло; 2-5 - скребла (по: Ивешин Е.М., Тетенькина А.В., 2010).

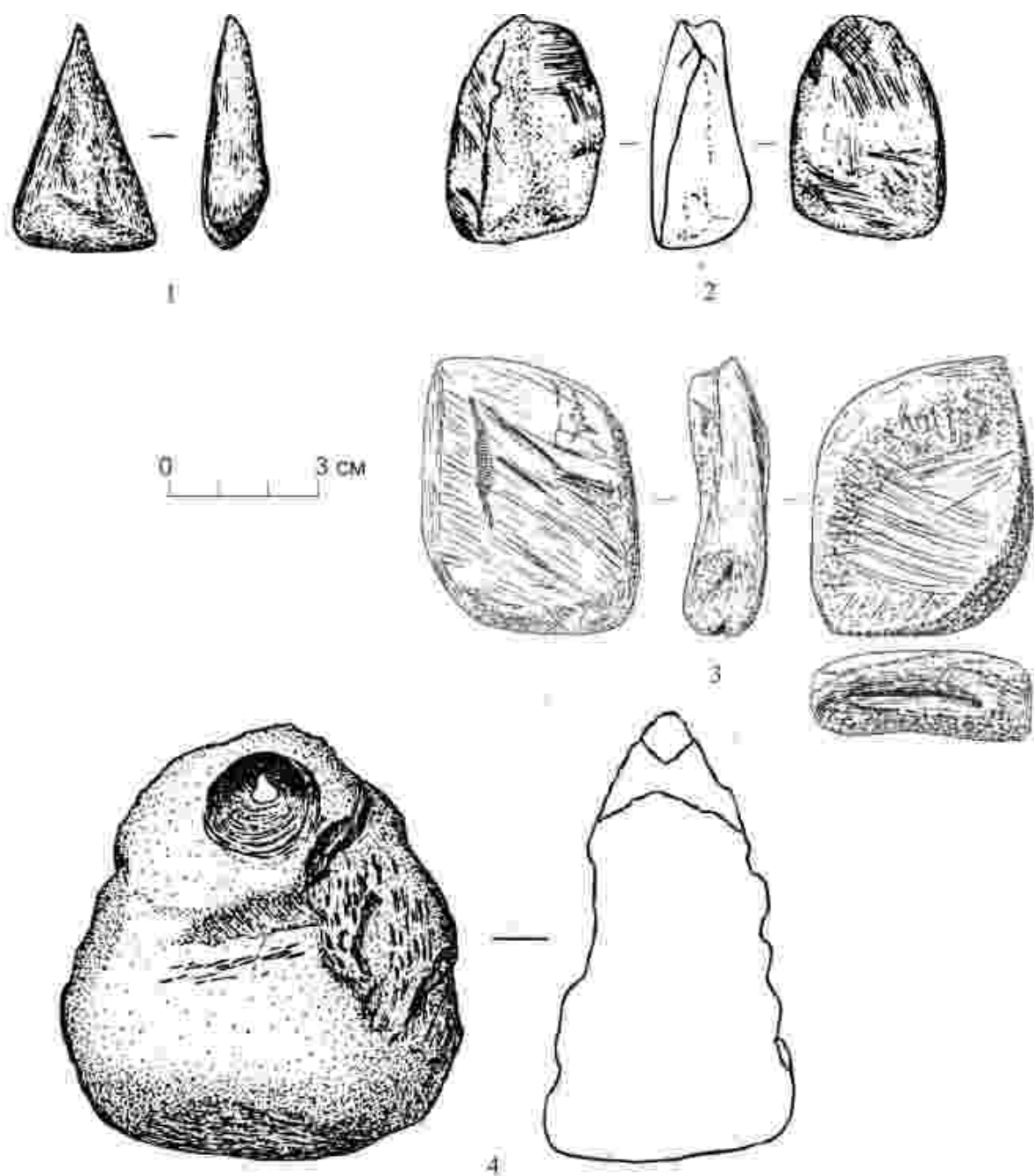

Рис. 106. Стоянка Большой Якорь 1. Изделия из графитита: 1 - культурный горизонт 3Б; 2 - культурный горизонт 4В; 3 - культурный горизонт 3В; 4 - культурный горизонт 6 (по: Инешин Е.М., Тетякин А.В., 2010).

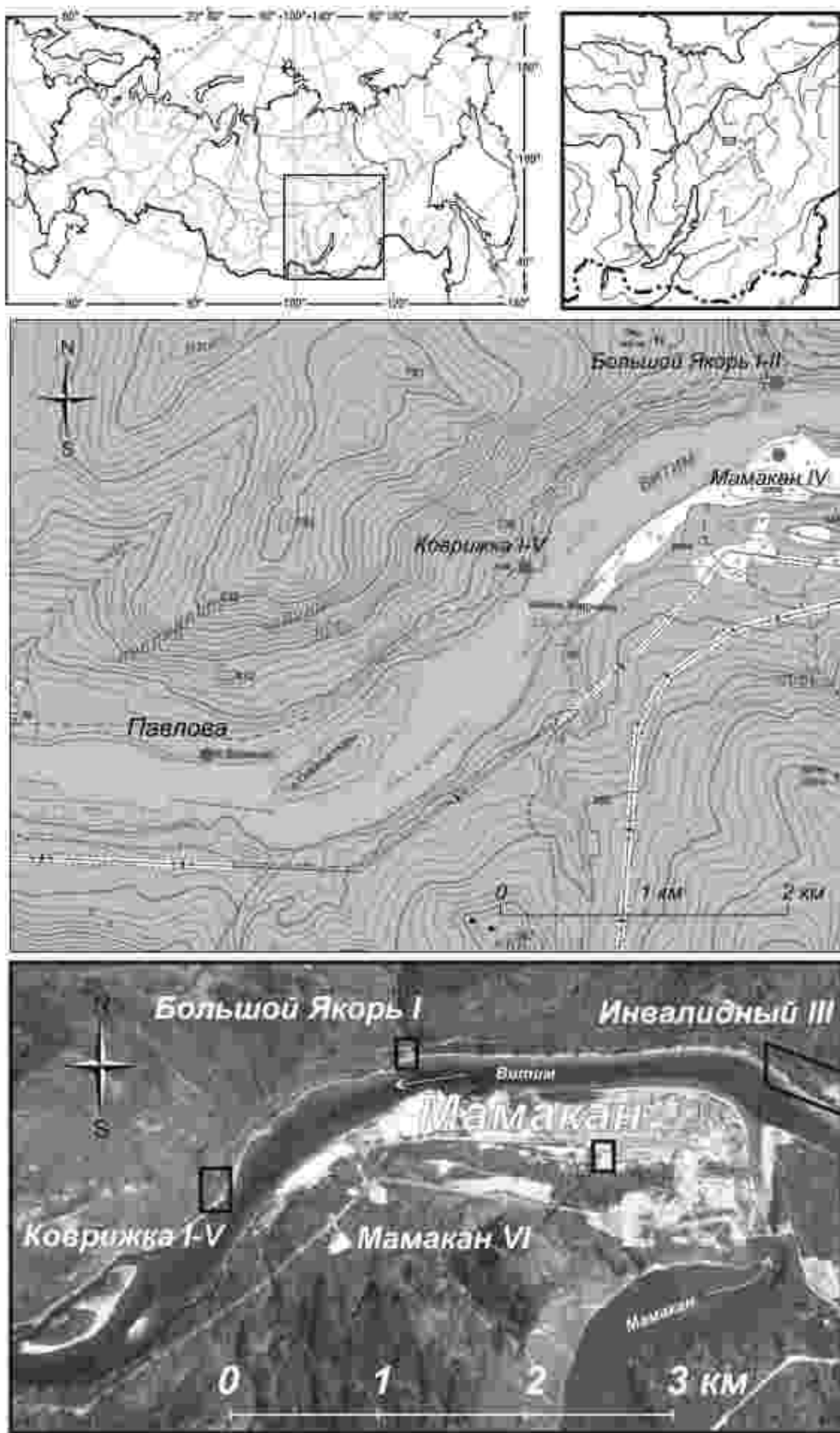

Рис. 107. Карты-схемы местоположения стоянок Большой Якорь I, Коврижка I-V, Мамакан VI, Павлова I, Иневалидный III.

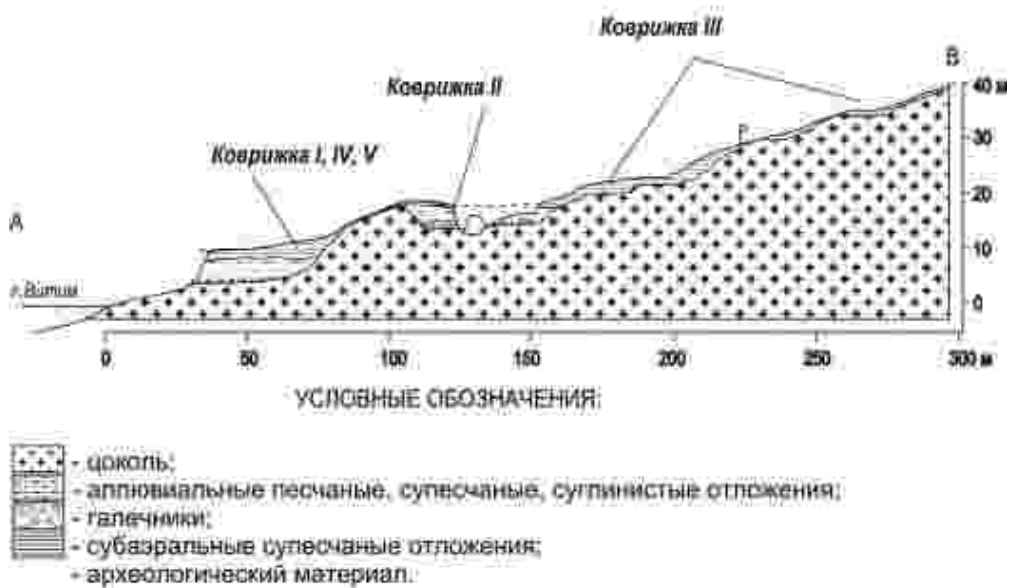
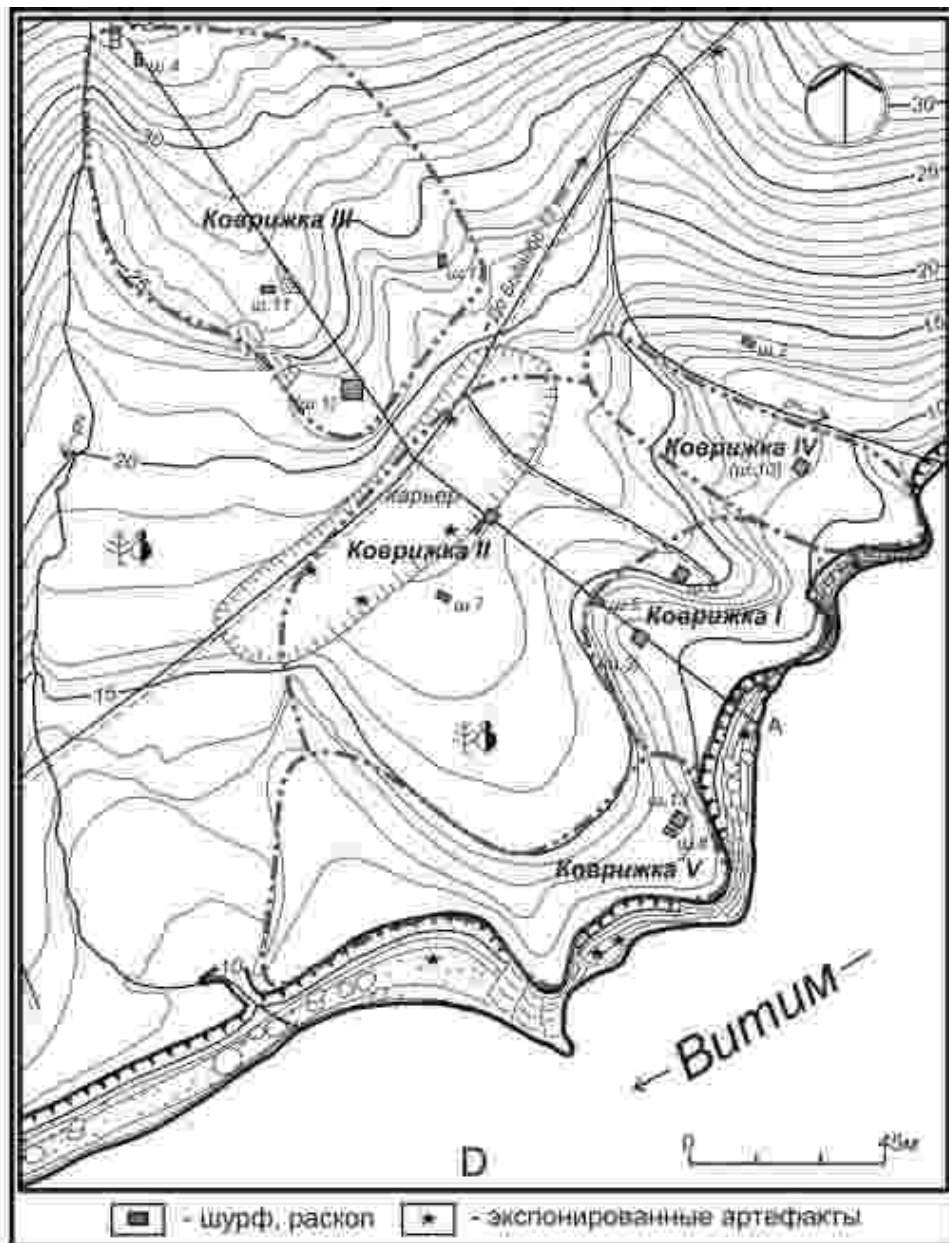
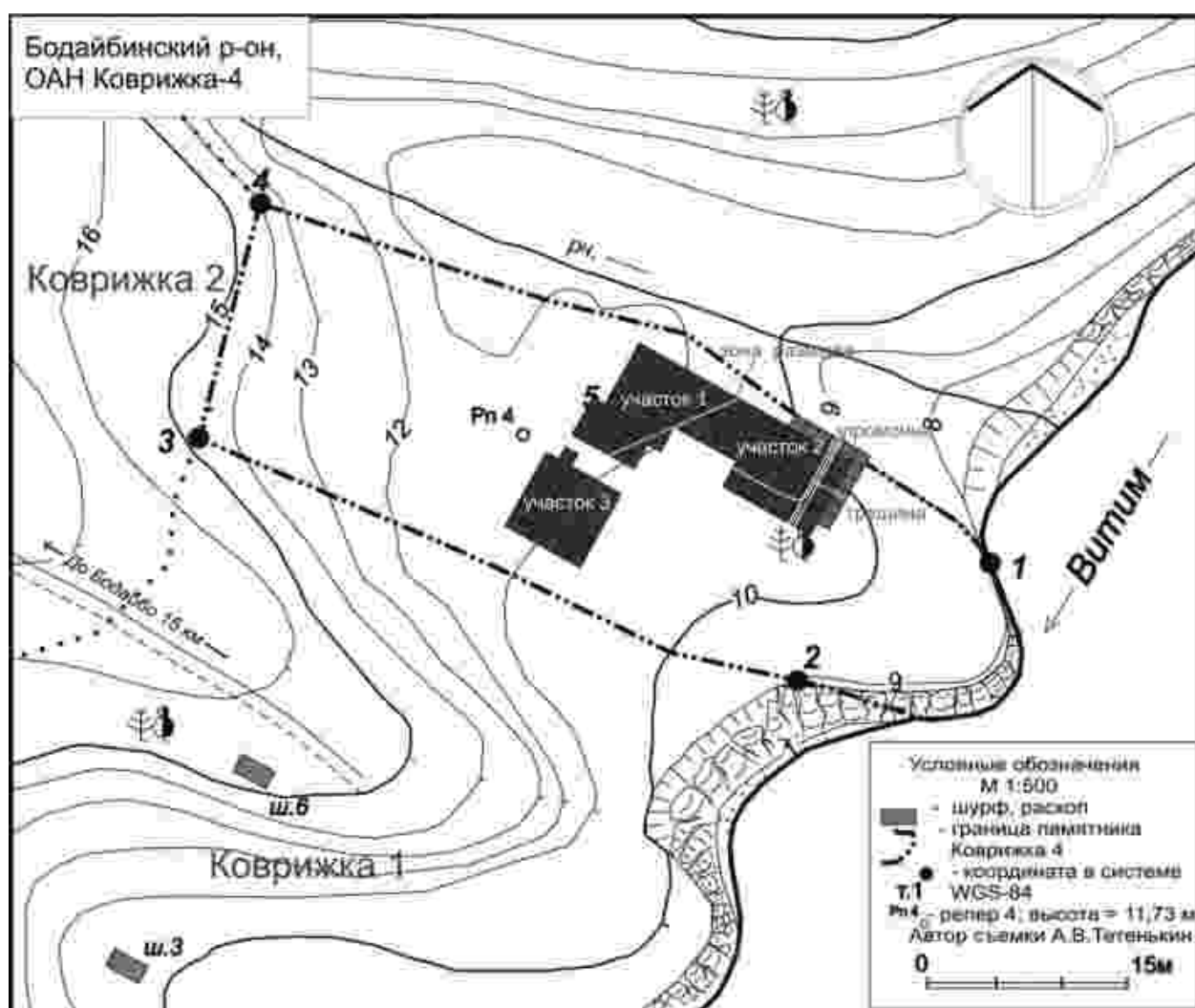

Рис. 108. План и профиль местонахождений Коврижка I-V.

координаты WGS-84

Точка 1 N57°48.673' E113°56.918'

Точка 2 N57°48.669' E113°56.904'

Точка 3 N57°48'678' E113°56.848'

Точка 4 N57°48.690' E113°56.862'

Точка 5 N57°48.683' E113°56.890'

Рис. 109. План местонахождения Коврижка IV с указанием координат точек на границах памятника и раскопа.

Рис. 110. Местонахождение Коврижка IV. Стратиграфические колонки: а - участка 2, б - переходной зоны, в - участка 1. Цифрами обозначены культурные горизонты.

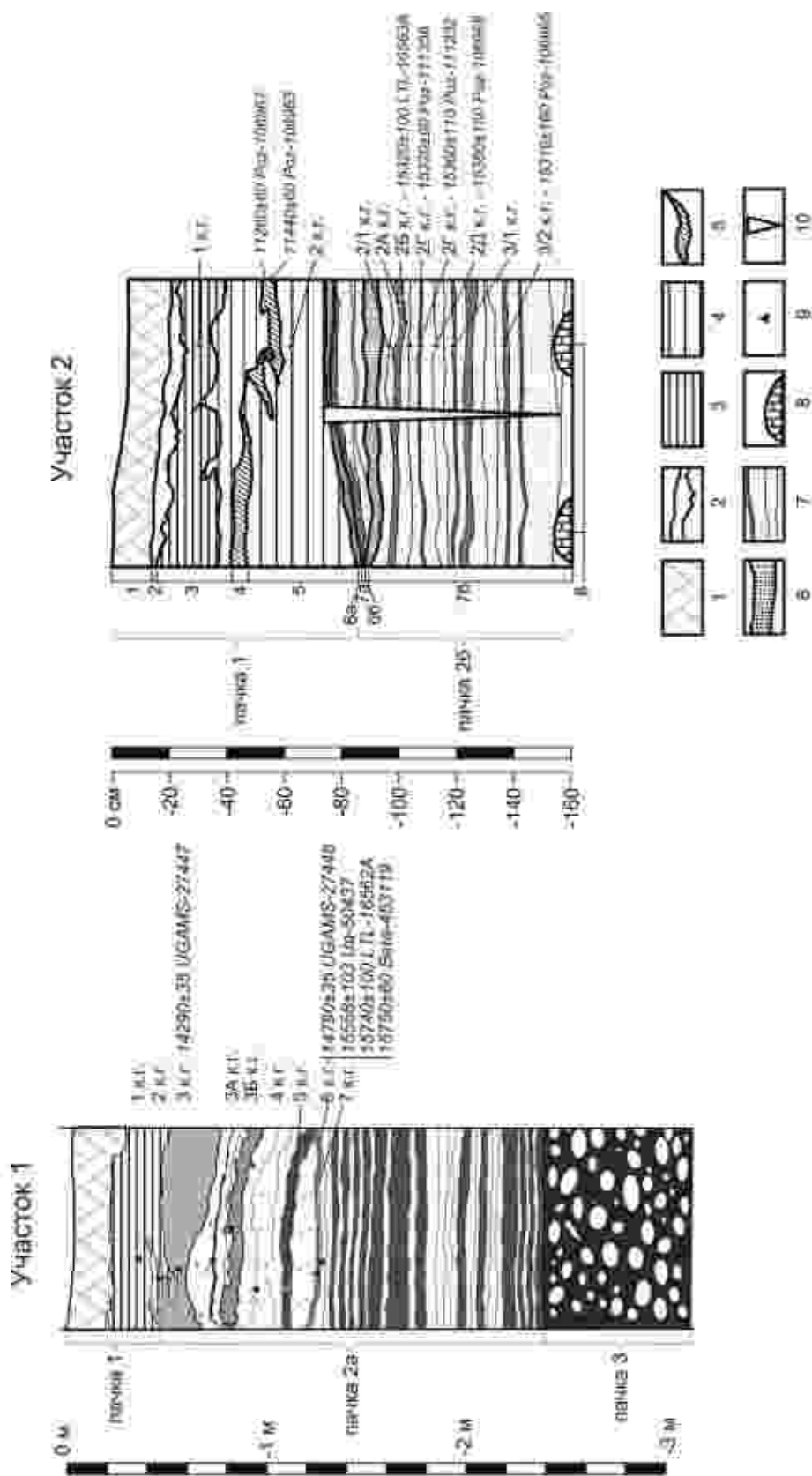

Рис. 112. Стратиграфия стоянки Коврика IV. Цифрами обозначены: 1 – дорн, 2 – подзол, 3 – супесь оранжево-желтая, 4 – супесь светло-зеленая, 5 – супесь темно-коричневая (погребенная почва), 6 – песок светло-желтый с древесой, 7 – пески, супеси и алевроиты горизонтально и ритмично-слоистые, светло- и темно-серые, 8 – колодь, 9 – культурный горизонт, 10 – криогенная трещина, 11 – отщеп, 12 – кости, 13 – орудие, 14 – плита, 15 – валун, 16 – ямка.

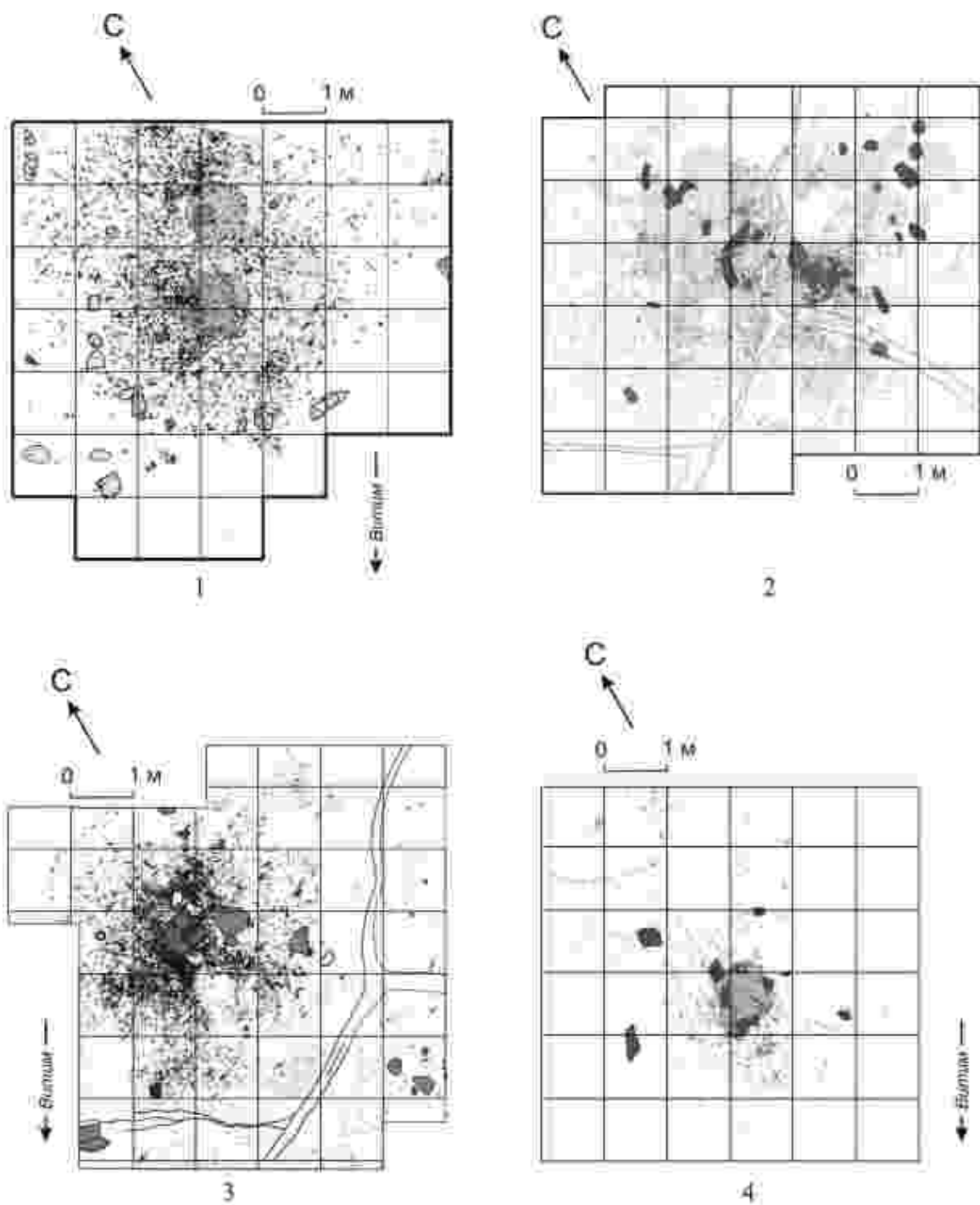

Рис. 113. Стоянка Коврижка IV: 1 - план 6 культурного горизонта, 2 - план 2Г культурного горизонта, 3 - план 2Б культурного горизонта, 4 - план очажного комплекса 3/2 культурного горизонта. Красным цветом обозначены пятна охры.

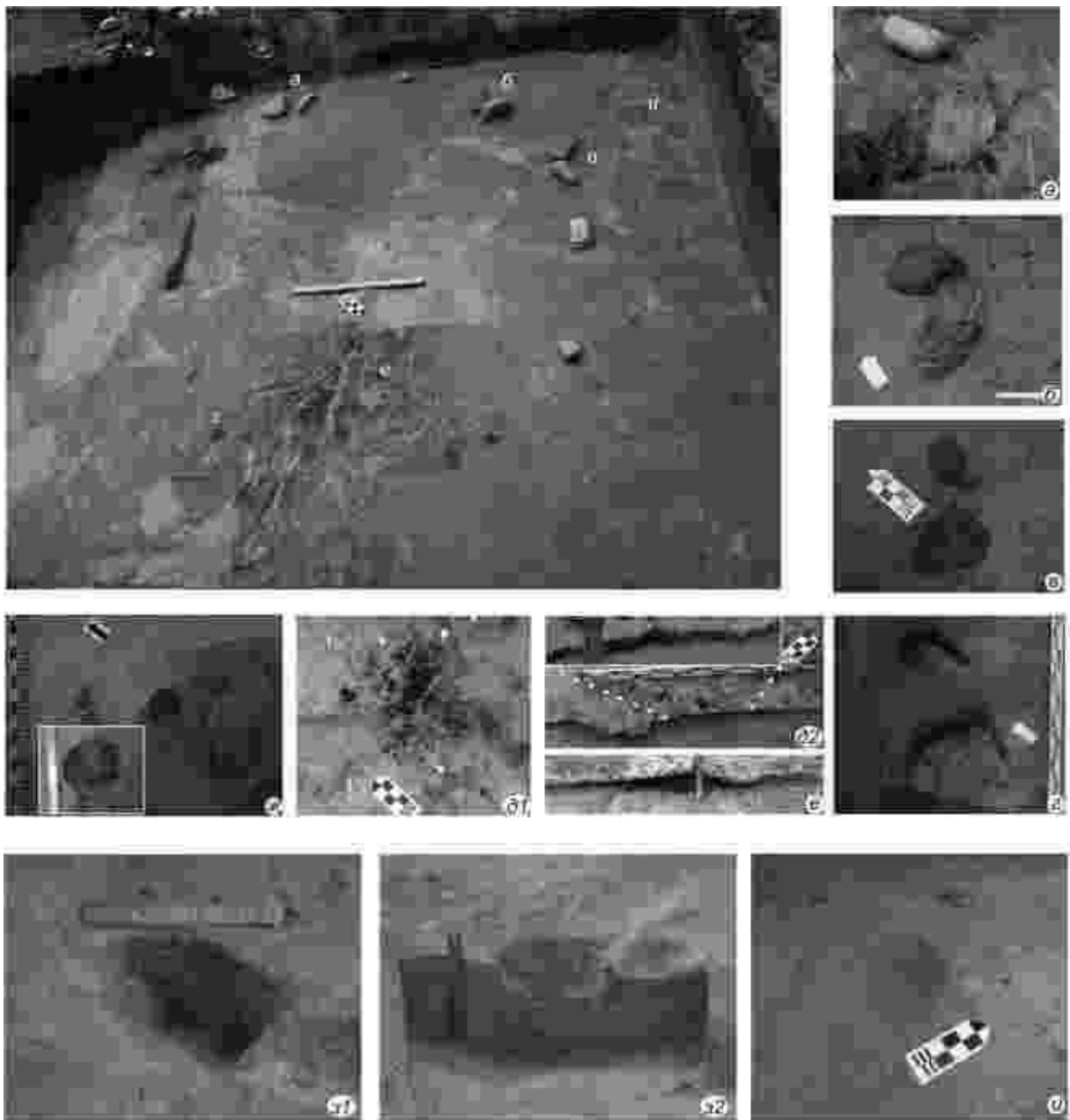

Рис. 115. Коврижка IV. Культурный горизонт 6. Остатки жилища: а-г – пары камней (валун и плита); д, д1 – кострище в центре жилища, д2 – его разрез; е – кострище в приходовой зоне, ж – диск черного алеврита во 2Б к.л., з – приходовые ямки (з1 – вид, з2 – разрез), и – ямка на северо-западной периферии.

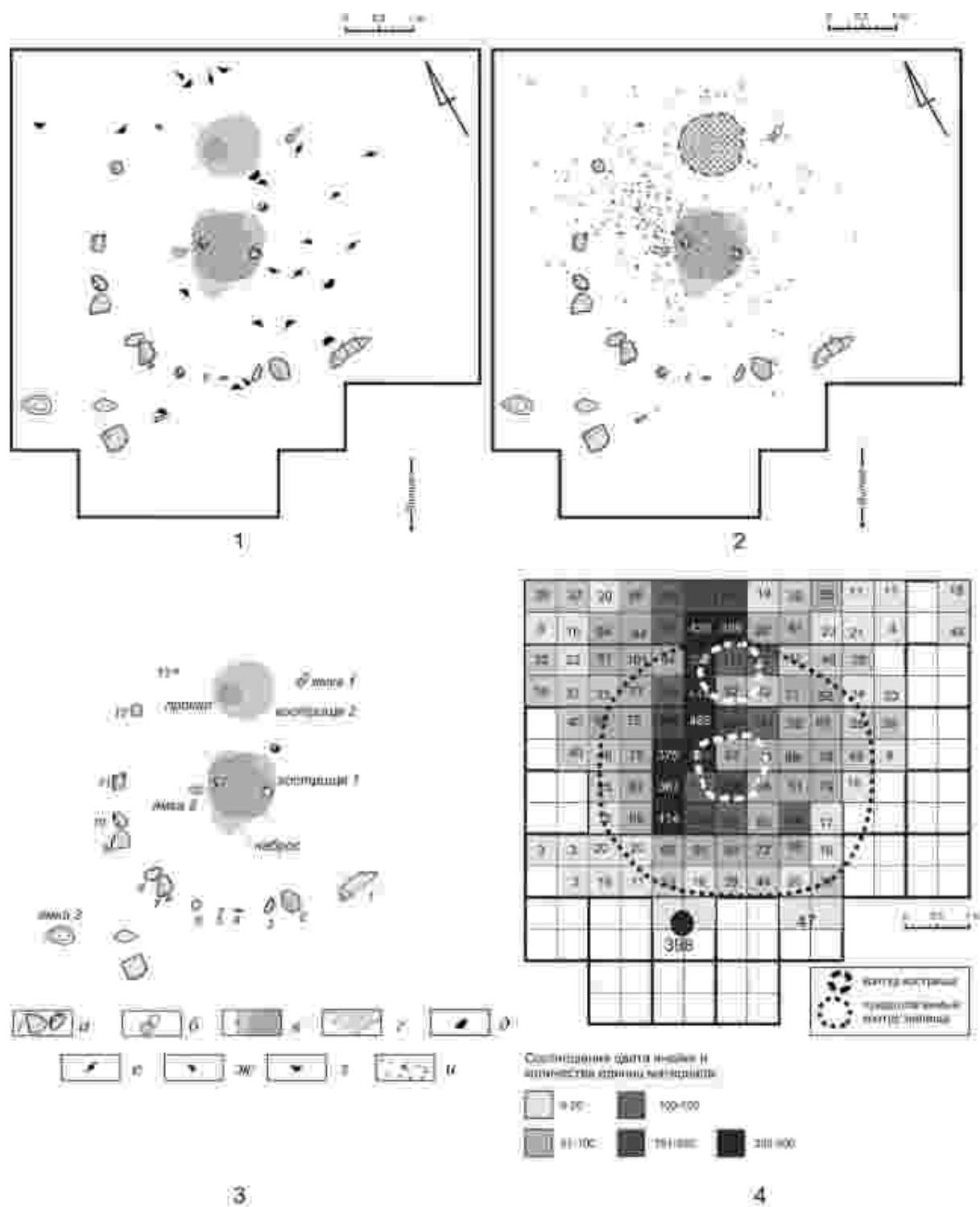

Рис. 116. Стоянка Коврыжка IV, культурный горизонт 6: 1 – схема положения орудий, 2 – схема расположения микропластин, 3 – схема основных структурных элементов (а – плита и выгун с указанием номера камня, б – яма, в – козрище, г – набросок на козрище, д – скребло, нож, е – долотовидное орудие, ж – резец, з – скребок, и – пластины целые и фрагменты), 4 – схема распределения каменных артефактов по ¼ кв. м (по: Тетенькин А.В., Анри А., Клементьев А.М., 2017).

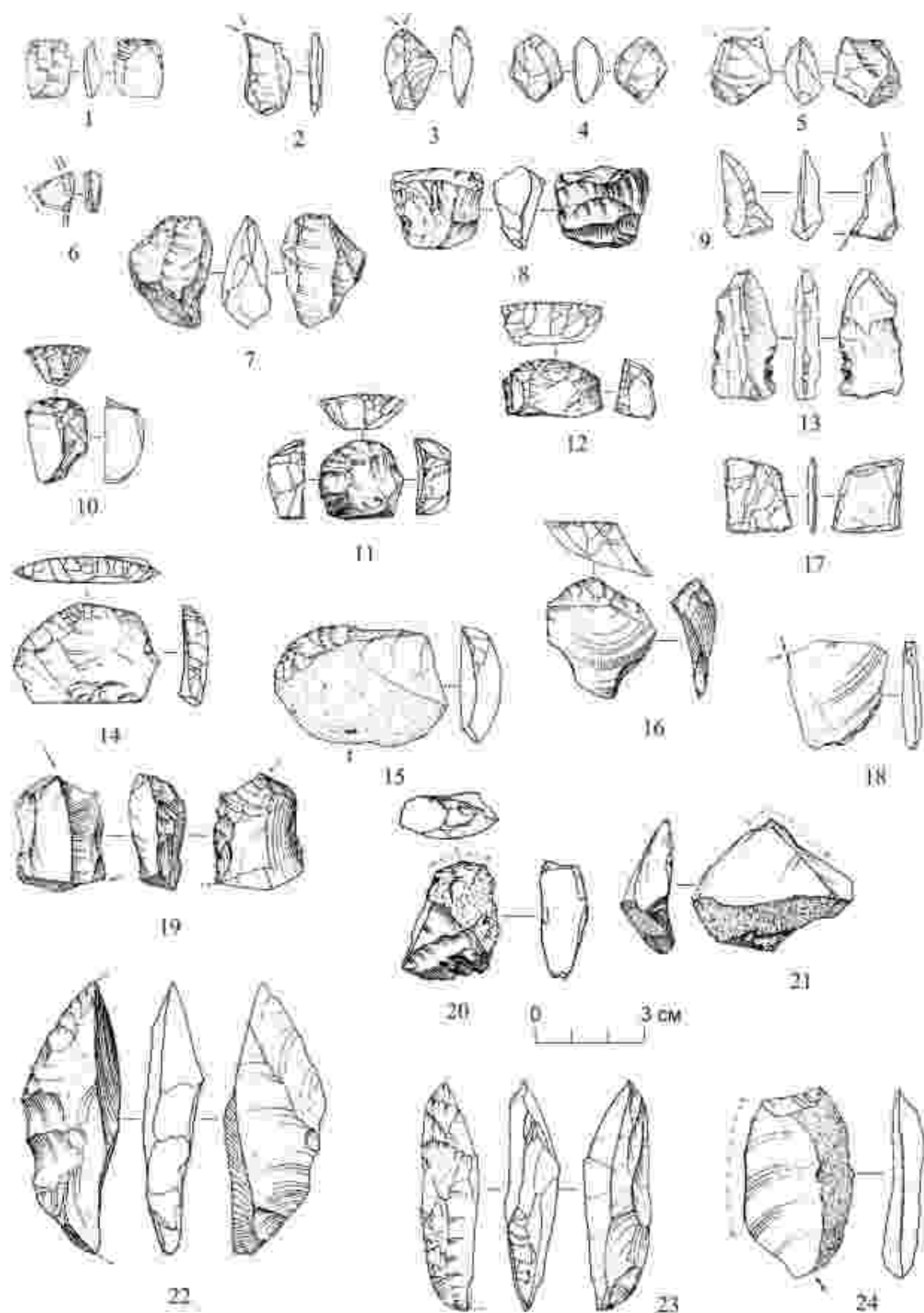

Рис. 117. Стоянка Ковряжка IV, культурный горизонт 6, изделия из камня: 1, 5, 7, 13 – долотовидные напелки, 2–4, 6, 9 – битые предметы с резновыми негативами, 8 – нуклеус, 10–12, 14–16, 20, 24 – скребки, 17 – вкладыш, 18, 19 – резцы, 22, 23 – крайние сколы с бифасов, 1–10, 13 – хрусталь, 17 – сланец, 11–12 – аргиллит, 14–16, 18–24 – эффузивы (по: Тетелькин А.В., Април А., Климентьев А.М., 2017).

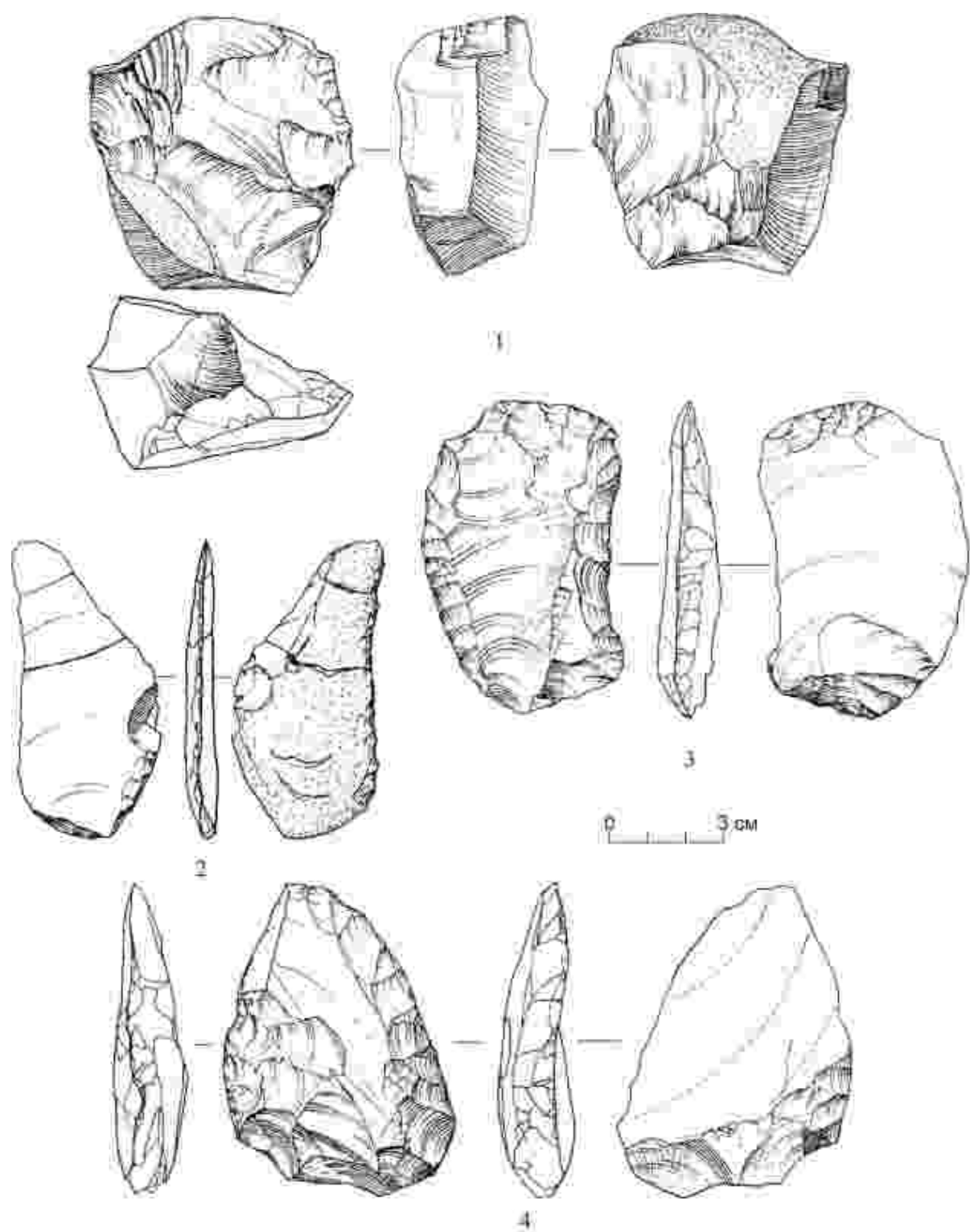

Рис. 118. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 6, изделия из камня; 1 – нуклеус, 2 – нож, 3, 4 – скребки, 1–4 – эффузивы (по: Тетенькин А.В., Аври А., Клементьев А.М., 2017).

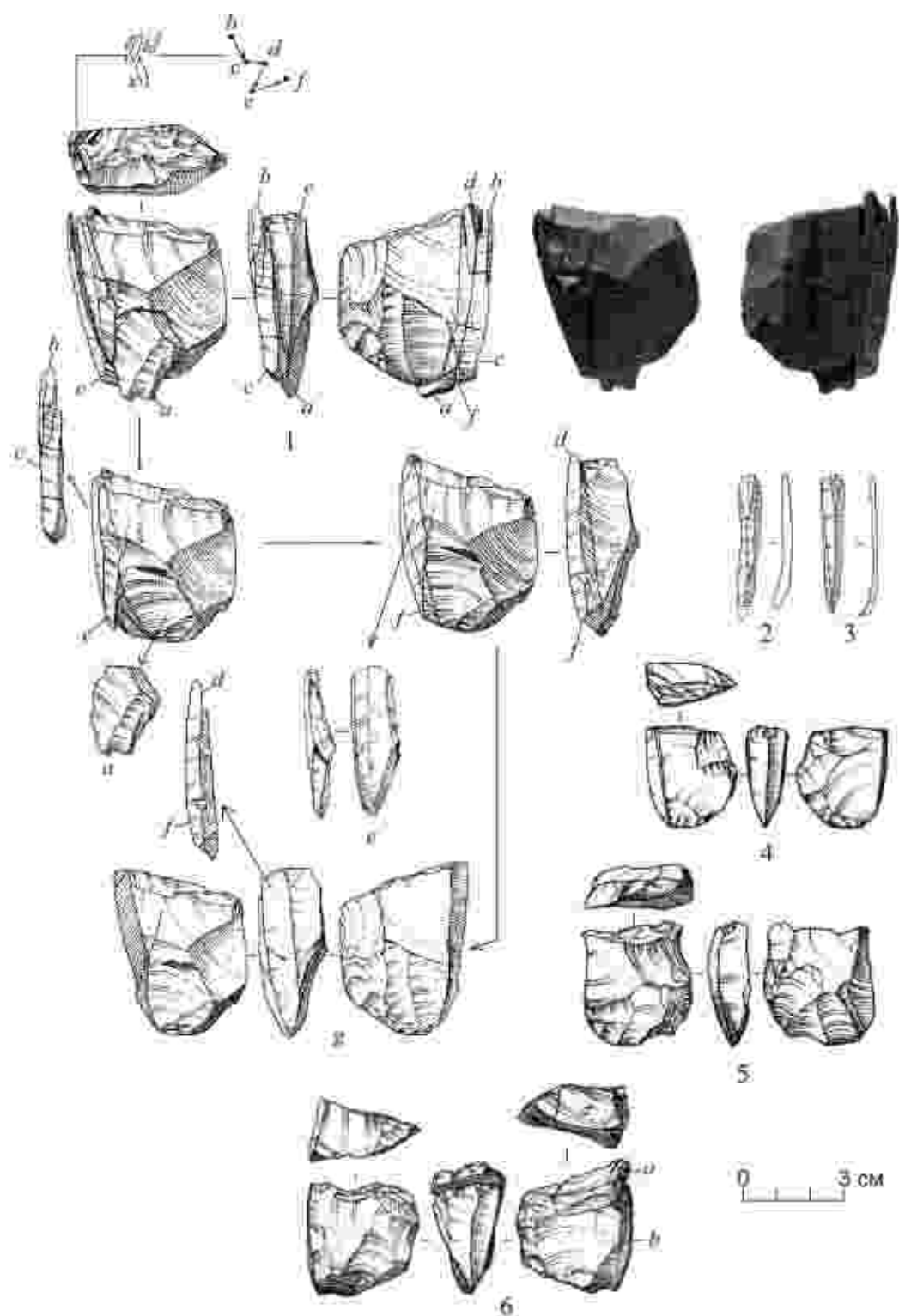

Рис. 119. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт б: 1, 4-6 – микроядреса, 2, 3 – микропластины (по: Тетенькин А.В., 2017а).

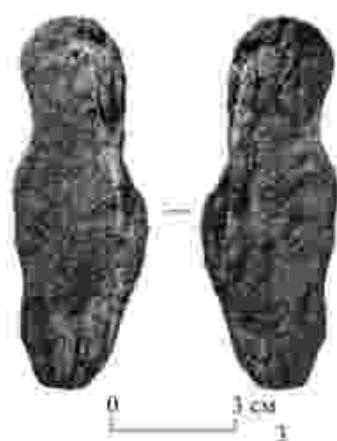
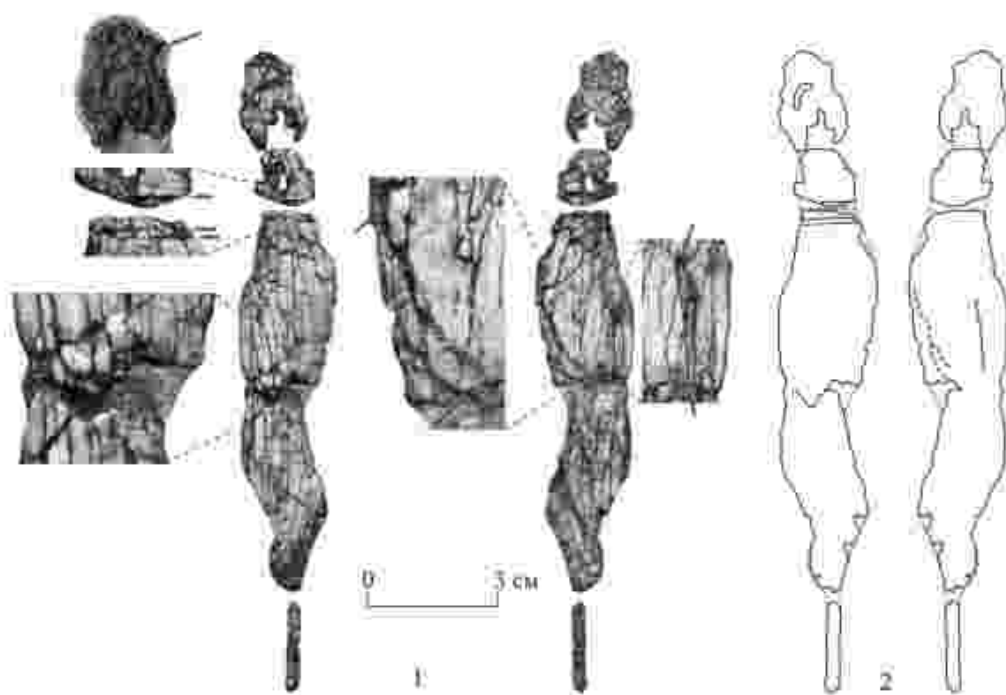

Рис. 120. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 6. Антропоморфные фигуры из бивня мамонта. 1–4 – первая фигура: 1 – общий вид и детали, 2 – схема, 3, 4 – положение на слое; 5, 6 – вторая фигура: общий вид и положение на слое (по: Тетенькин А.В., Жмур О.В., Демонстрова Е.И. и др., 2018).

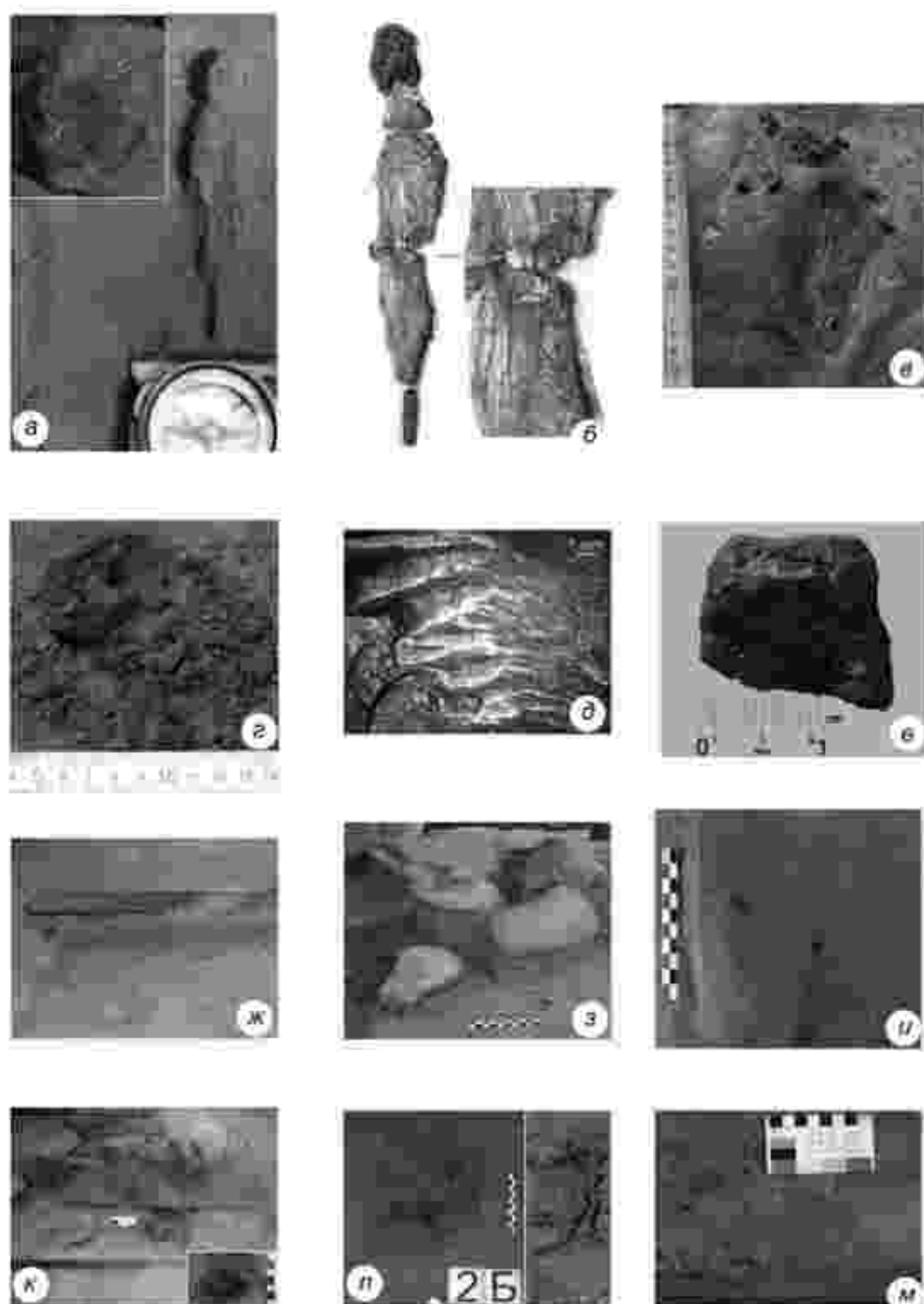

Рис. 121. Образцы охры. а – первая бивневая антропоморфная фигурка из 6 к.г. на слое, пятно охры на «головке», б – та же фигурка в процессе реставрации: пятно охры на нижнем фасе (фото О.В. Жмур), в – вторая бивневая антропоморфная фигурка из 6 к.г. на слое, комочки охры в «изголовье», г – развал комка охры на слое в 6 к.г., д – частицы охры на поверхности (вентральном фасе) унифасальной орудия – ножа из 6 к.г.; е – кусочек гематита со следами истирания (скругления) на ребрах, 2Г к.г., ж – охра в подошве культурного слоя 2Г к.г., з – охры под очажной конструкцией 2Г к.г., и – окрас охрой слоя 2Г к.г., к – кусок охры и расщепленная трубчатая кость на западном краю очага 2Б к.г., л, м – окрас охрой слоя 2Б к.г.

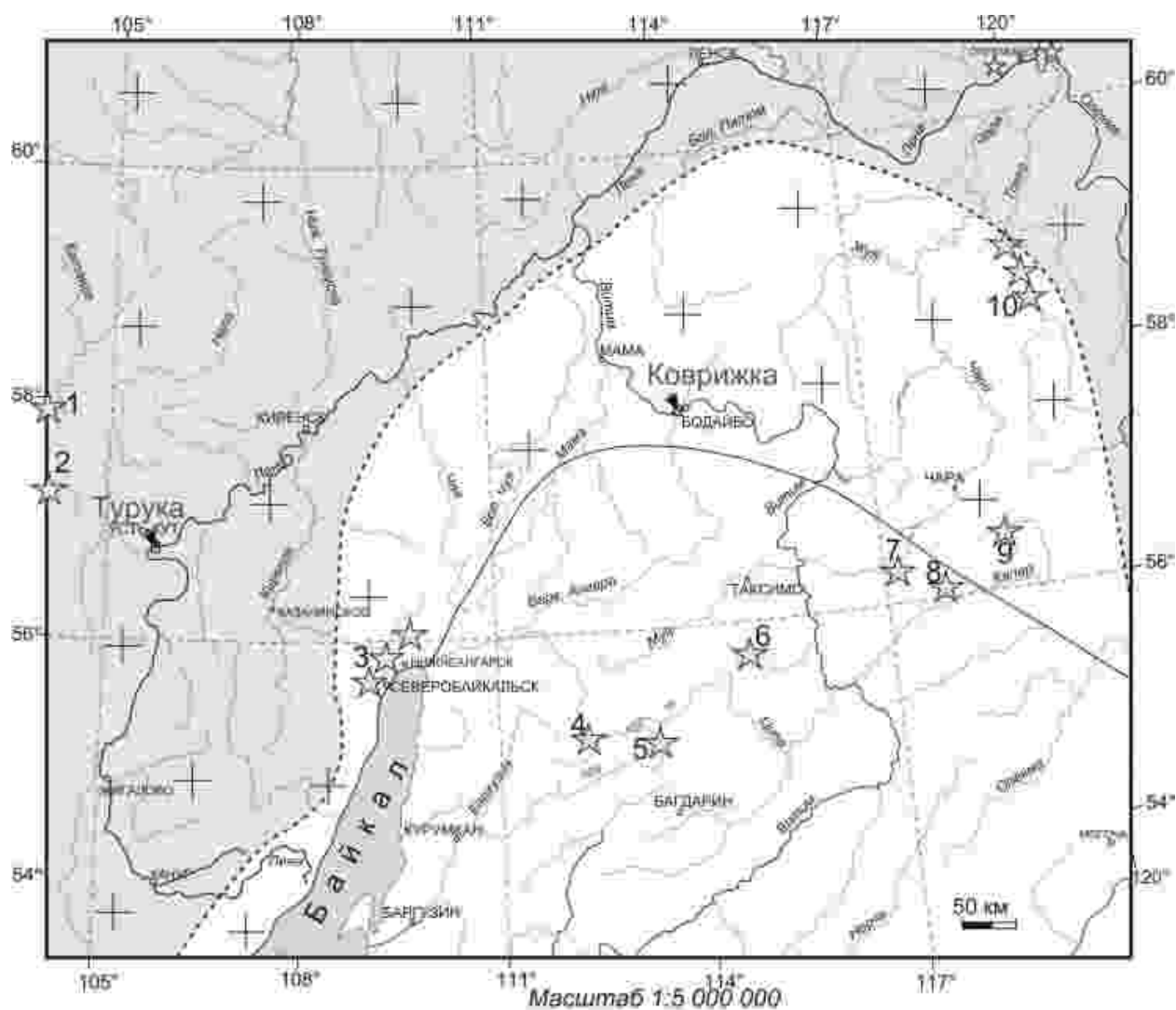

Рис. 122. Схема железорудных месторождений района стоянки Коврижка IV. Перечень отмеченных на схеме месторождений: 1 – Рудногорское; 2 – Коршуновское; 3 – Тыйское; 4 – Тулдуновское; 5 – Талойское; 6 – Ирокундинское; 7 – Нижнеингамантское; 8 – Катугинское; 9 – Чинейское; 10 – Чаро-Токкинская группа месторождений.

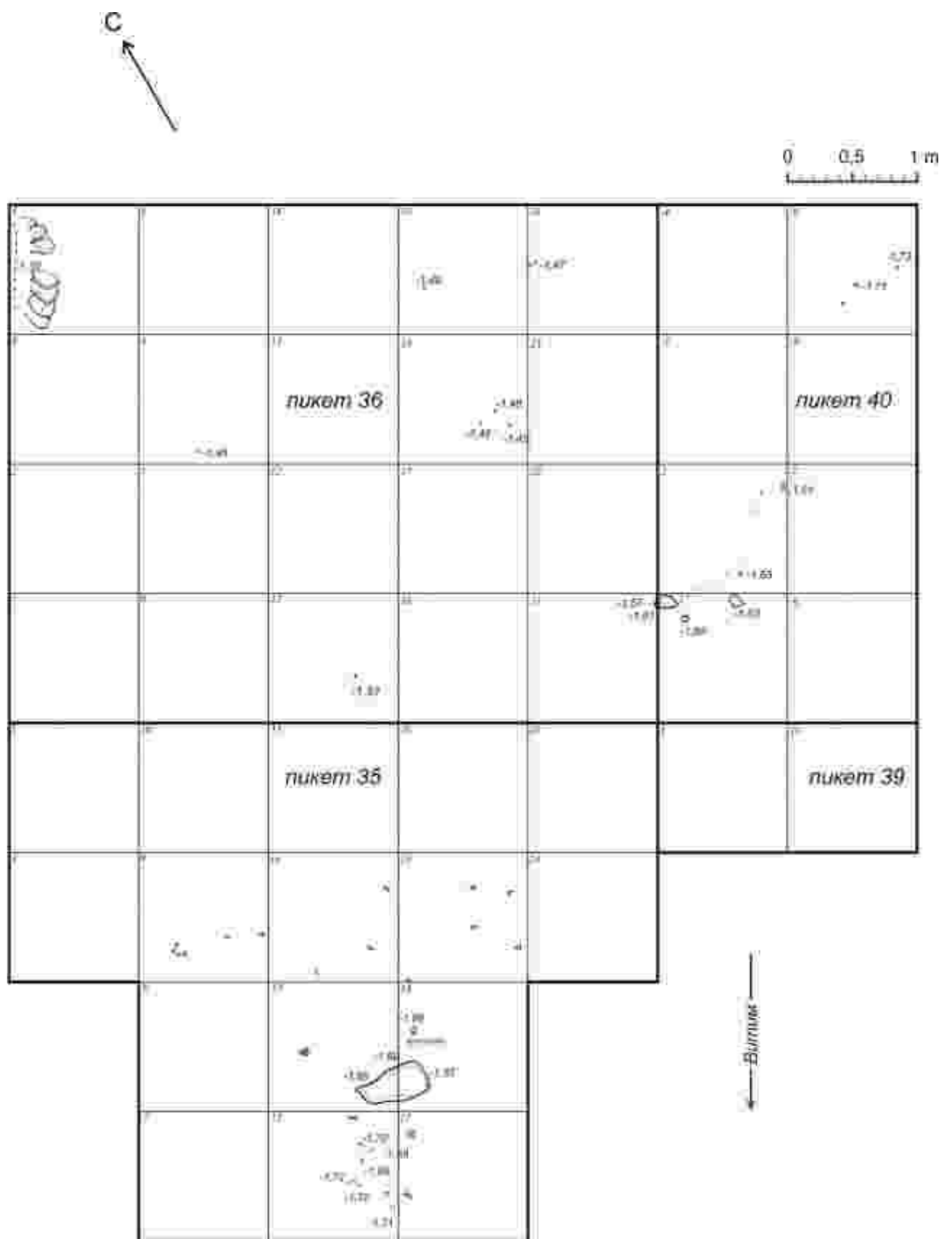

Рис. 123. Стоянка Коврижка IV. Планиграфия 5 культурного горизонта.

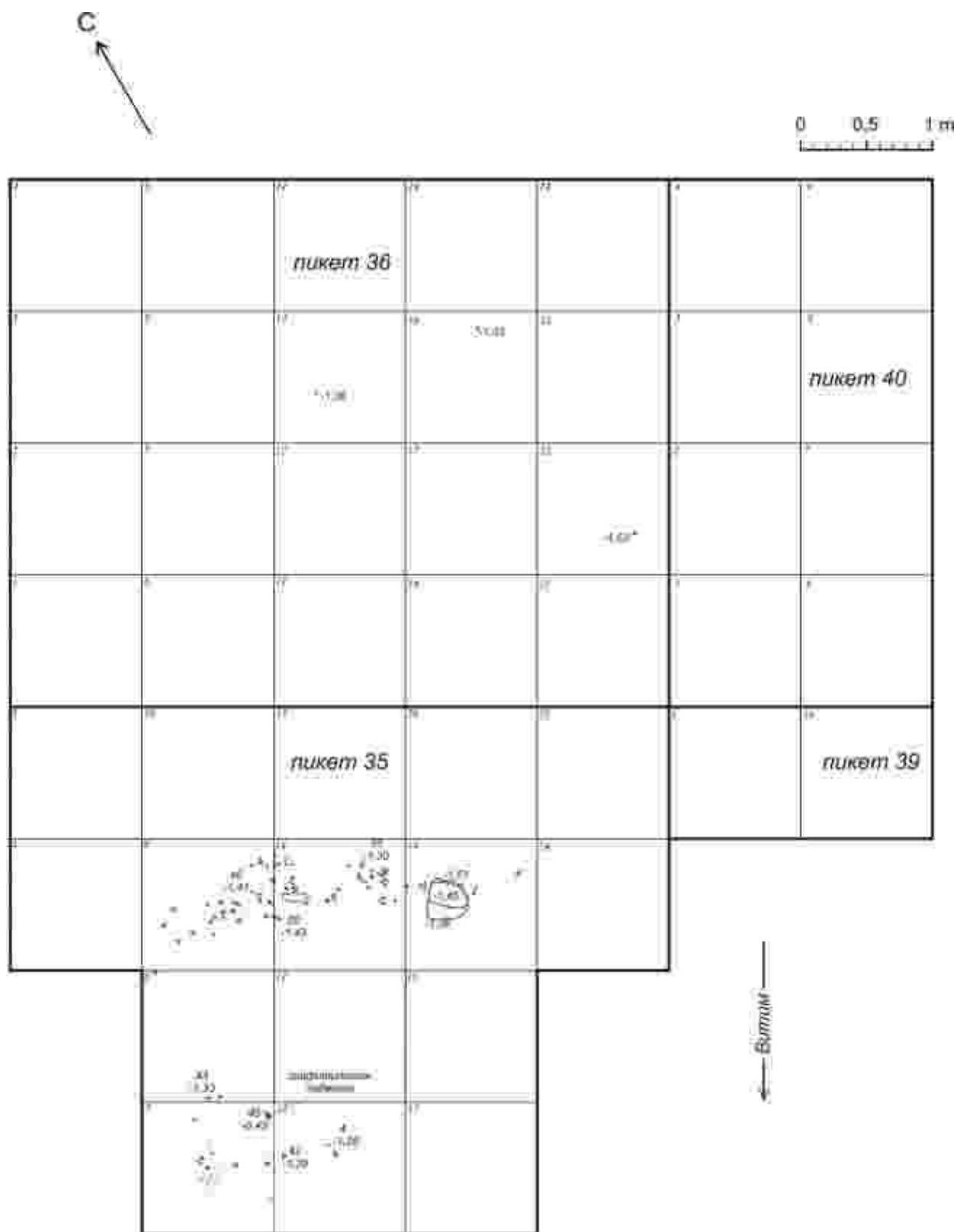

Рис. 124. Стоянка Коврыжка IV. Планиграфия 4 культурного горизонта.

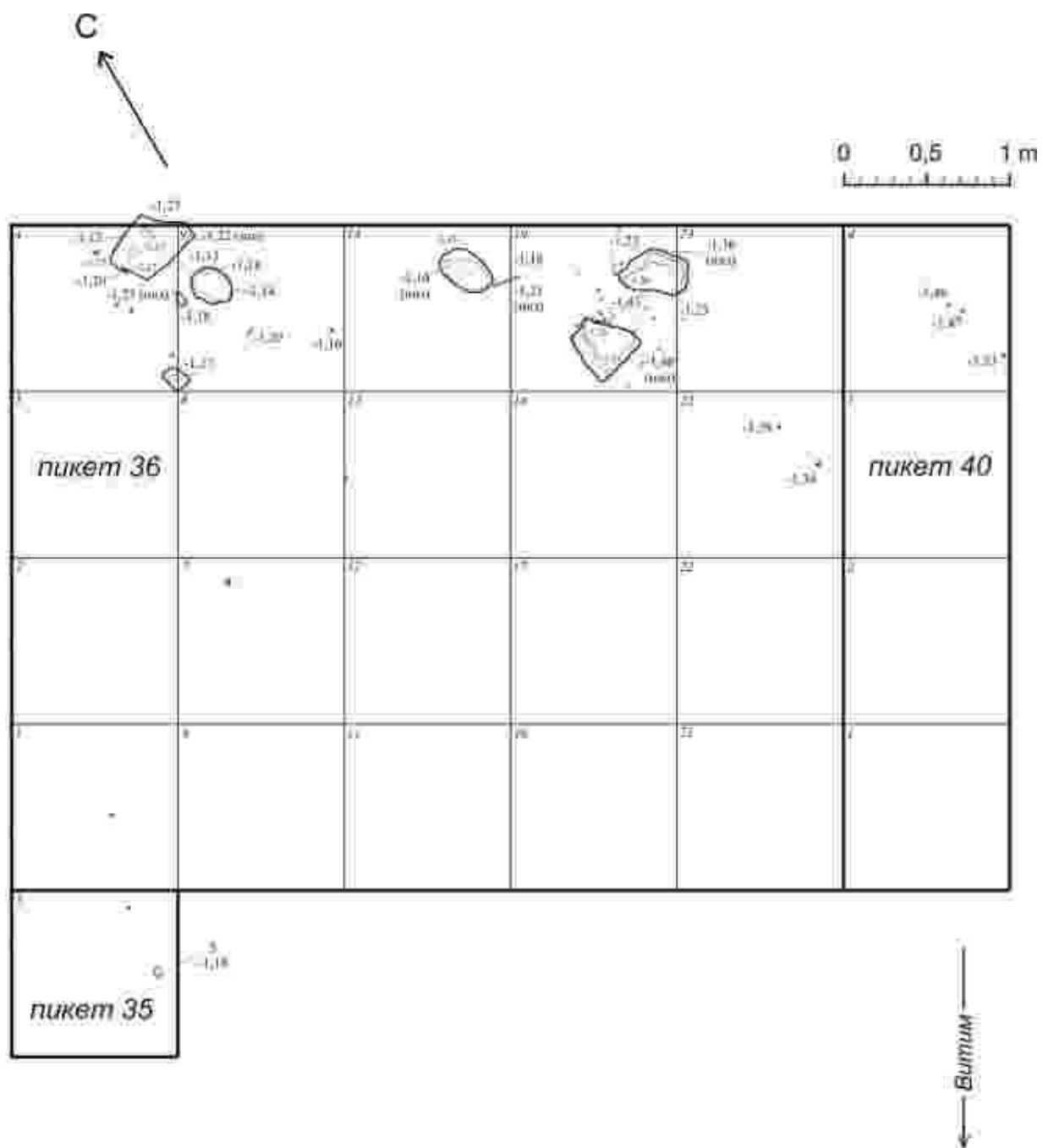

Рис. 125. Стоянка Коврижка IV. Планиграфия 3Б культурного горизонта.

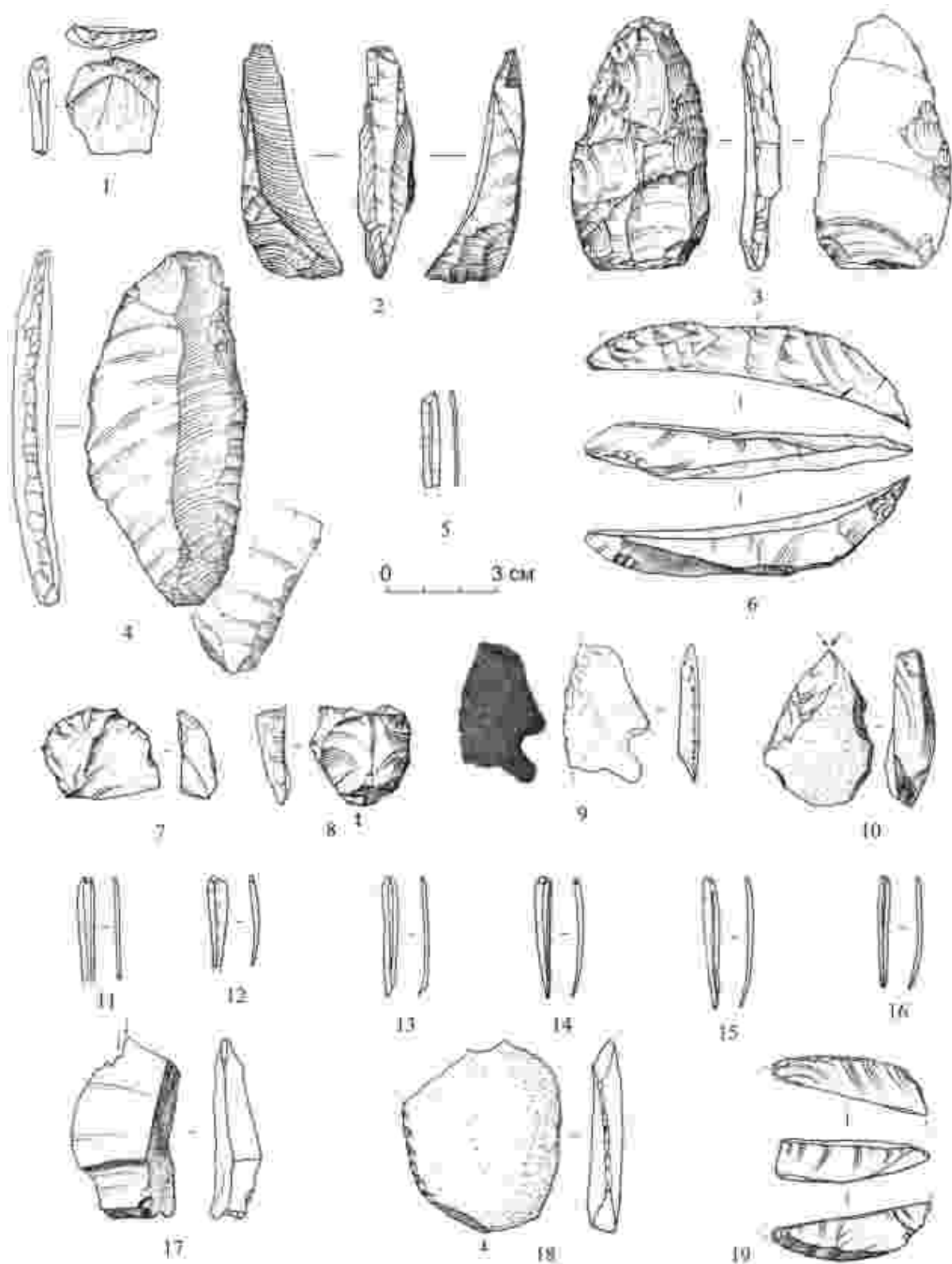

Рис. 126. Стоянка Коврижка IV. Изделия 3А, 3Б, 4, 5 культурных горизонтов: 1, 7, 8 - скребки, 2 - фронтальный скол с клиновидного нуклеуса, 3, 4 - ножи, 5, 11-16 - микропластины, 6, 19 - ланжевидные сколы, 7, 8 - скребки, 9 - фрагмент подвески из графита, 10, 17 - резцы, 18 - отщеп с ретушью; 1, 2 - 3А к.г., 3, 4 - 3Б к.г., 5-10 - 4 к.г., 11-19 - 5 к.г.

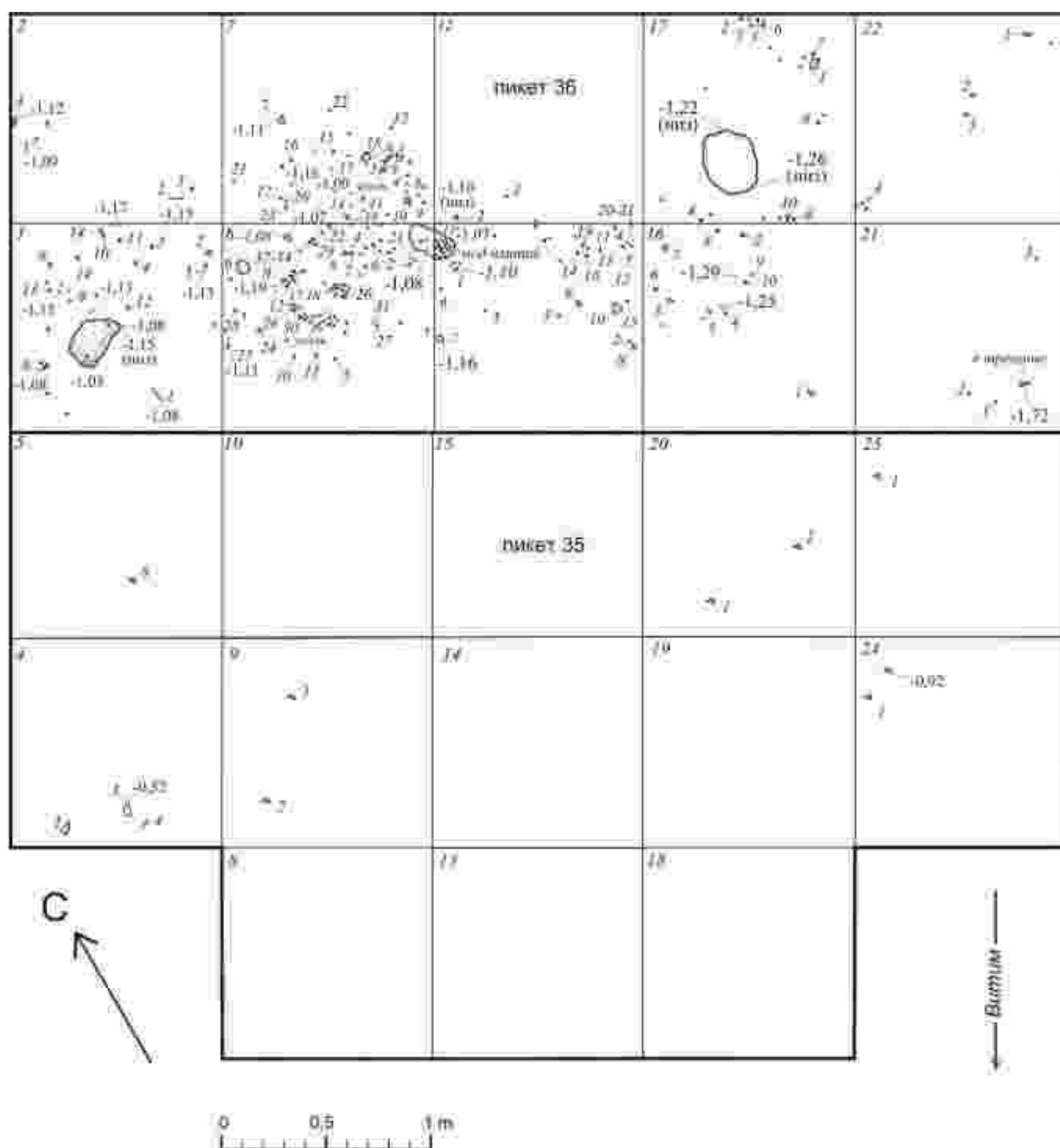

Рис. 127. Стоянка Коврыжка IV. План 3 культурного горизонта.

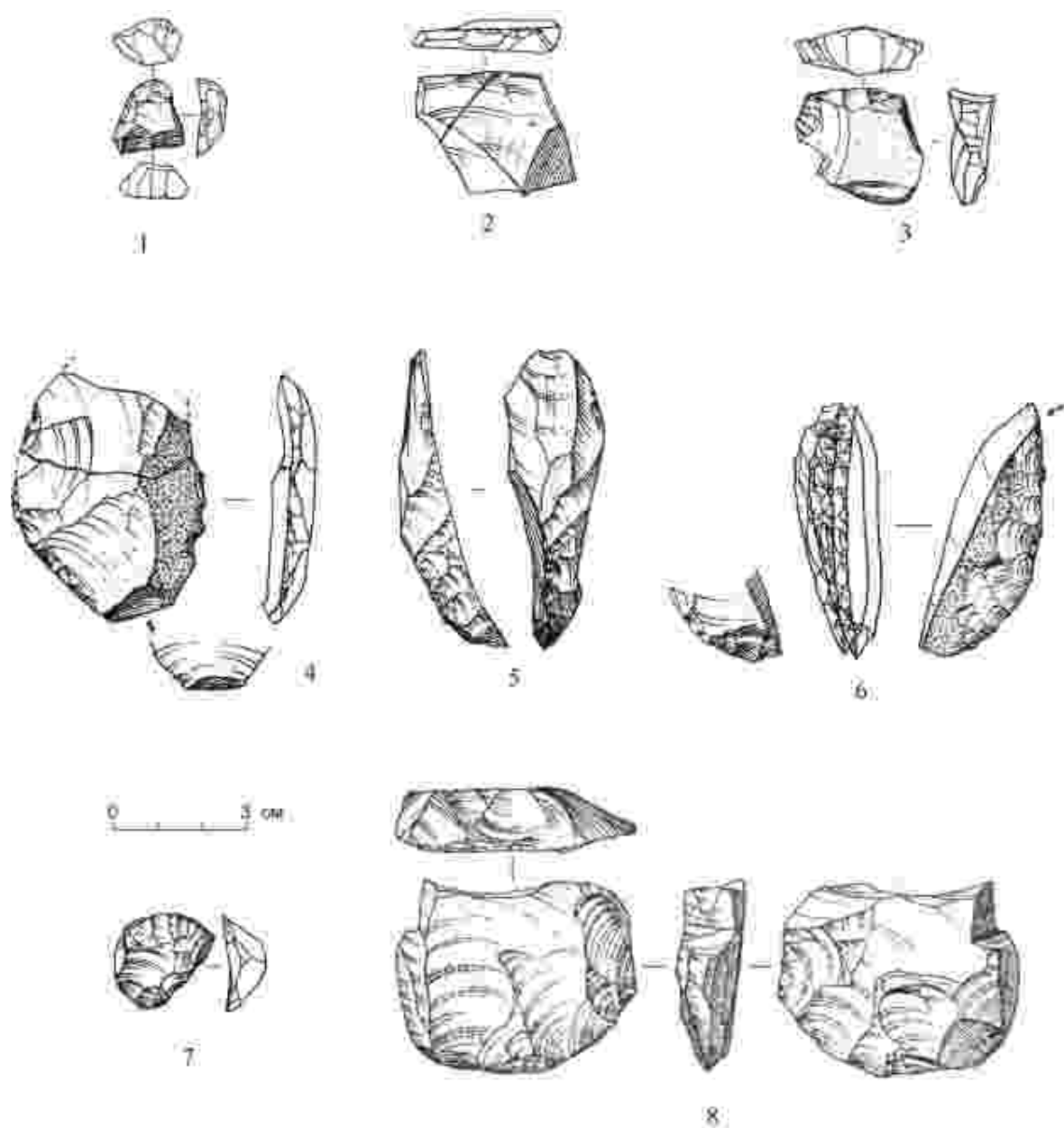

Рис. 128. Стоянка Ковржжа IV: 1-6 - изделия 3 культурного горизонта (участок 1), 7, 8 - изделия 3/2 культурного горизонта. 1-4, 7 - скребки, 5 - фронтальный скол с клиновидного нуклеуса, 6 - сбитое лезвие унифасиального орудия, 8 - клиновидный нуклеус.

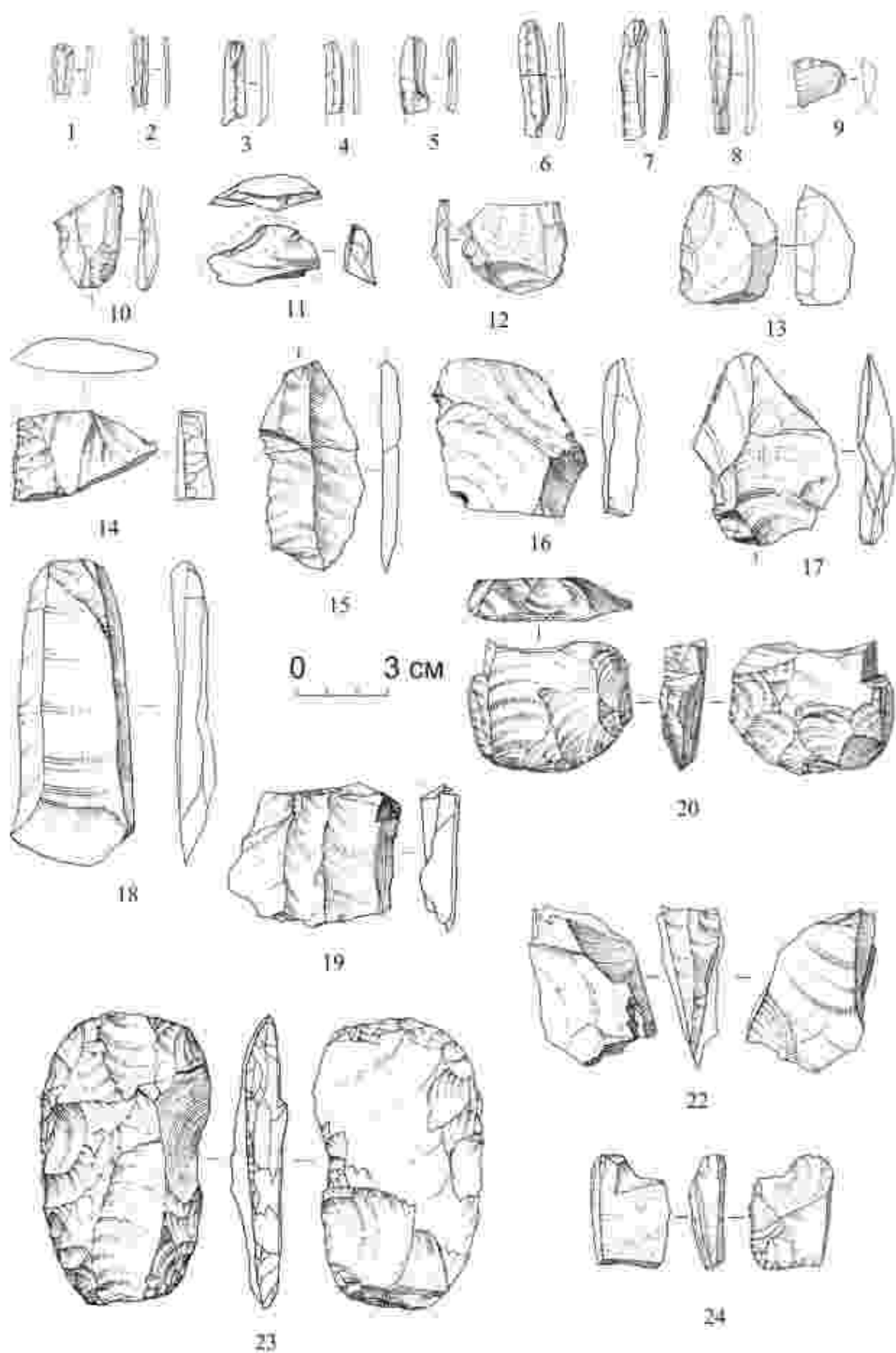

Рис. 129. Стоянка Конрижка IV, подслоня 3/2 культурного горизонта: 1-8 - микропластини, 9, 12, 16, 17 - отщепи с ретушью, 10 - резчик, 11, 13 - скребки, 14 - фрагмент скребла, 15, 18 - микропластини, 19 - фронтальный скол с нуклеуси, 20, 22, 24 - микроноуклеуси, 23 - скребло; 13 - ящик, остальные - эрфузины.

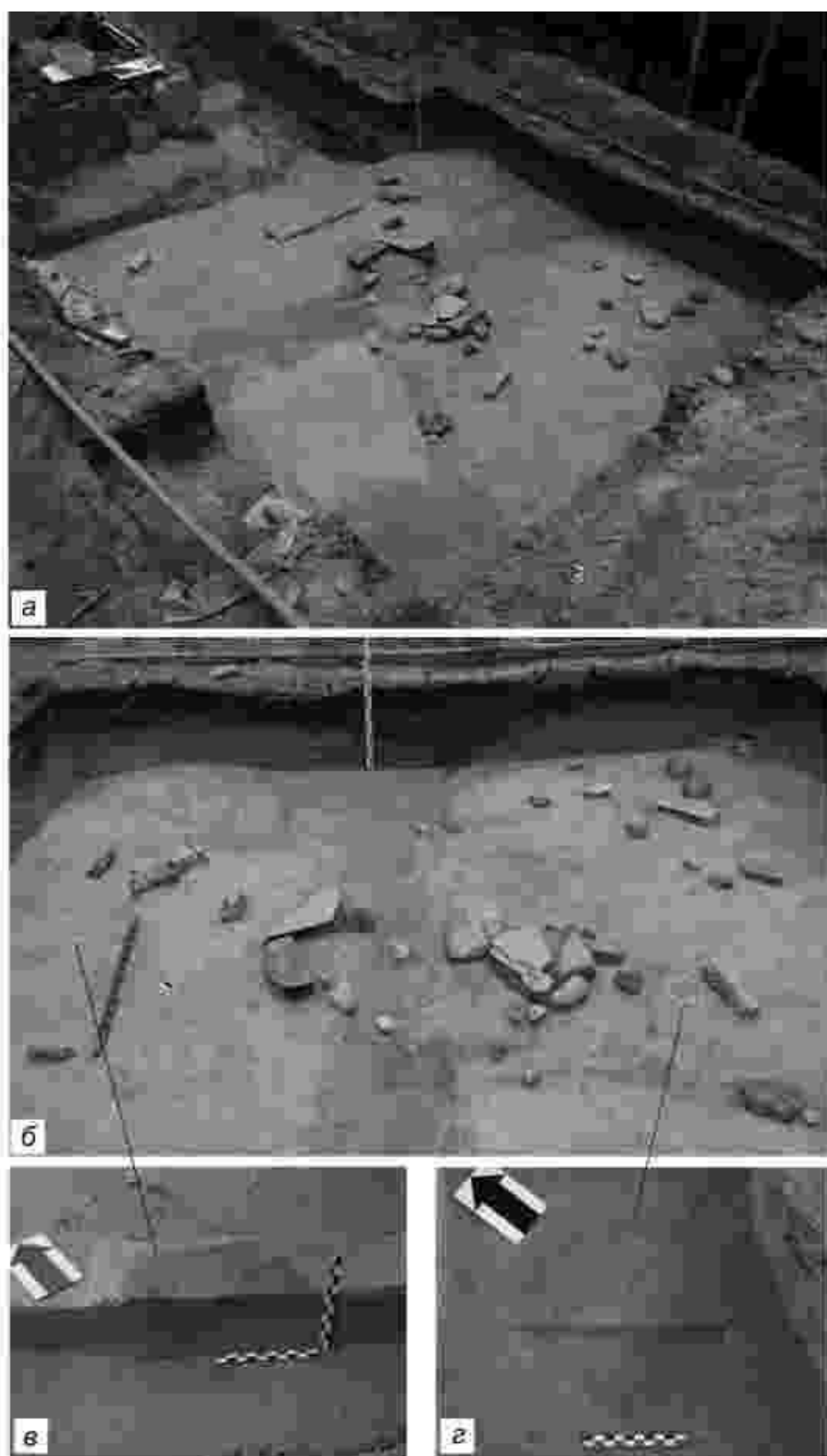

Рис. 130. Стоянка Коврыжка IV, культурный горизонт 2Г, а - общий вид с юго-востока, б - вид на центральную диагональ конструкции с юго-запада, в - разрез ямки 1, г - разрез ямки 2.

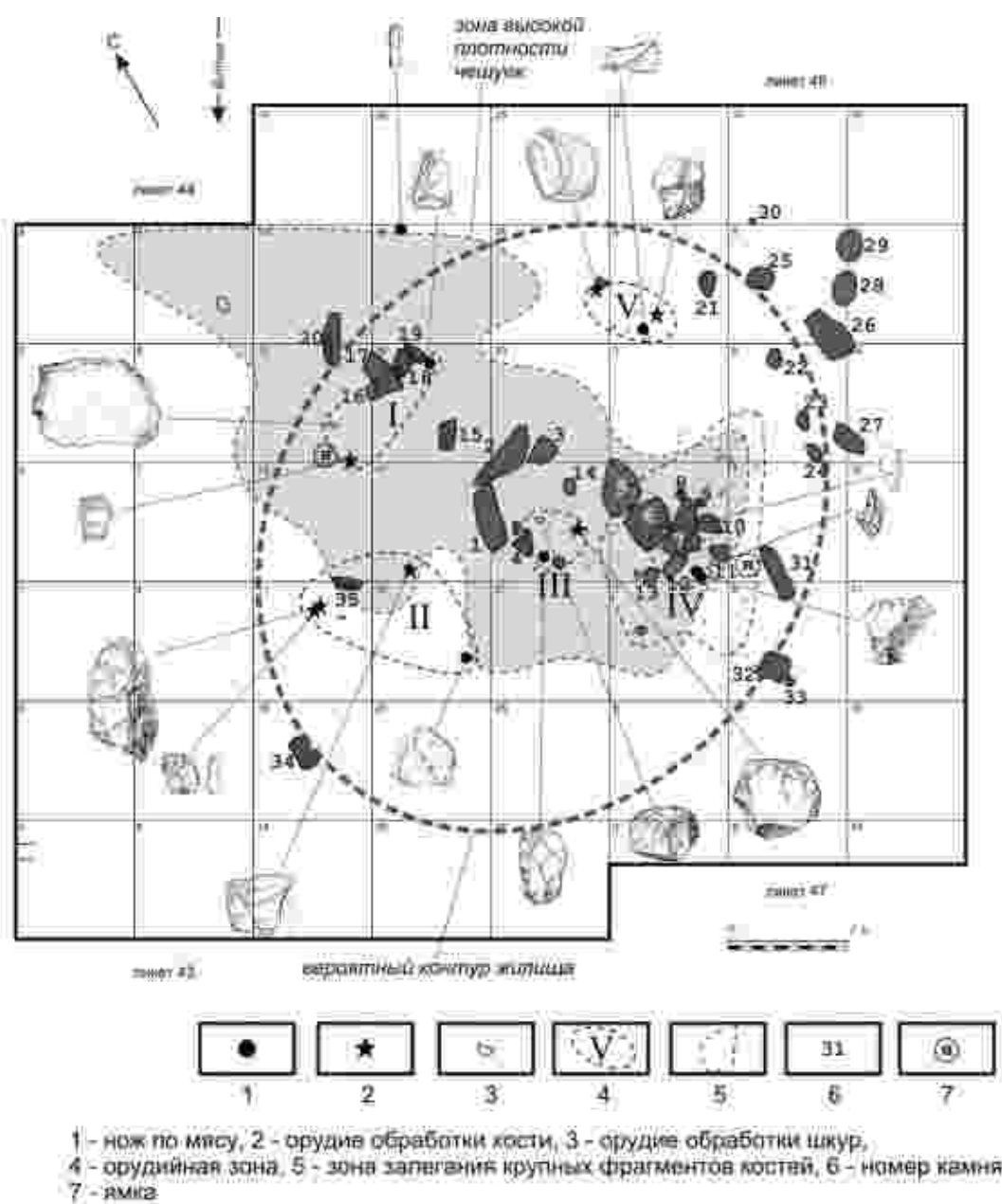

Рис. 132. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 2Г. Аналитическая схема жилища.

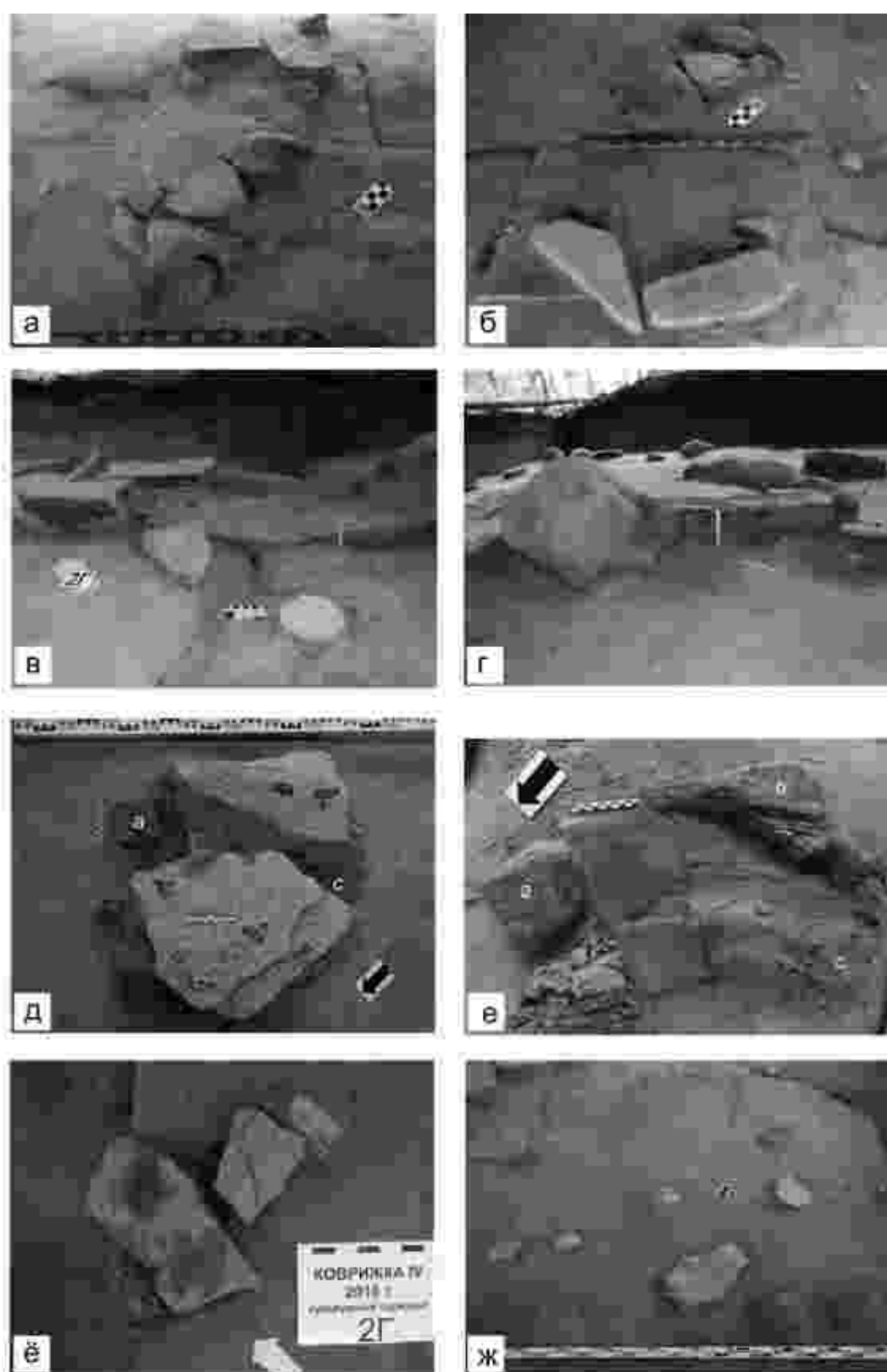
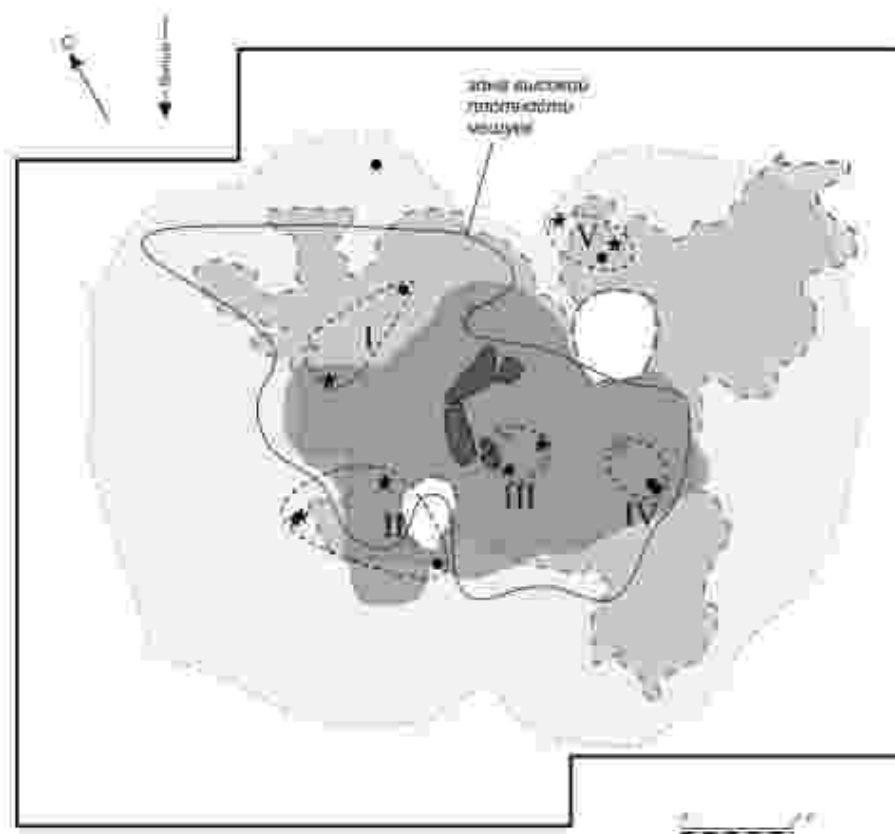

Рис. 133. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 2Г. Элементы конструкции. а, б - виды с юго-востока и северо-запада на очажные камни; в, г - разрез культурного слоя в районе очажных камней; д - южная очажная выкладка - реберчатый обломок (камень №7), лежащий на плитках а, с, и центральная плита (камень №6); е - плитки а, б, с после снятия с них реберчатого обломка (камень №7); з - выкладка из камней №16-19 в северной части конструкции; ж - камни № 21-30 в юго-восточной части конструкции.

Рис. 134. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 2Г. Реконструкция развития деятельностной ситуации, Стадия 1 и 2.

стадия 3 - хозяйственная активность у открытого очага

стадия 4 - устройство жилища

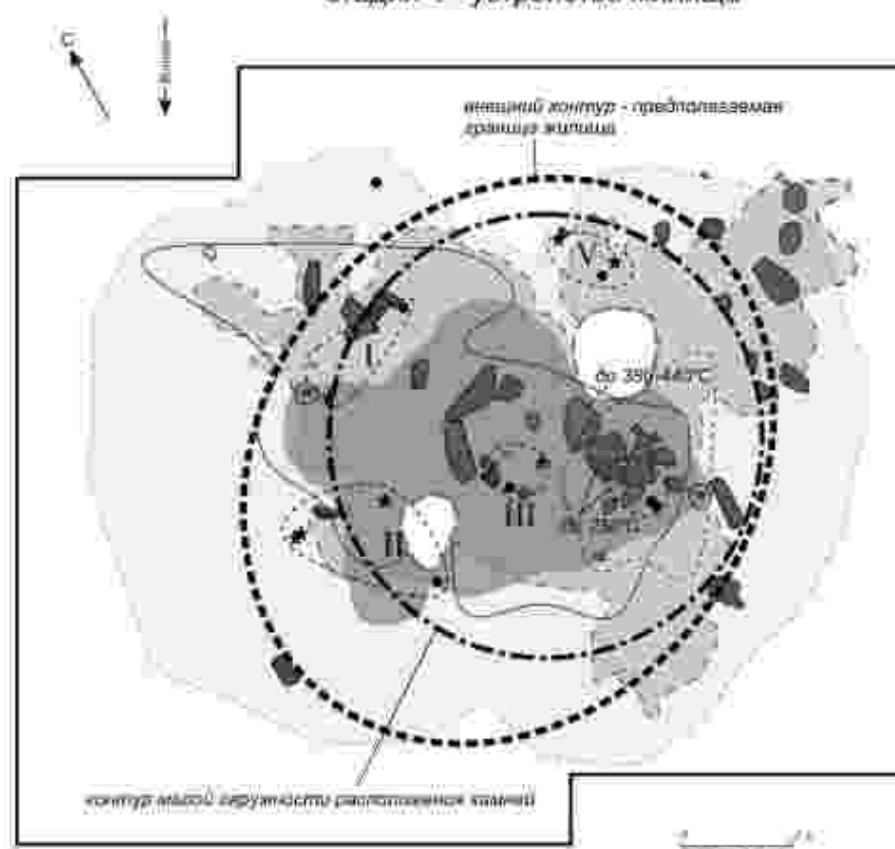

Рис. 135. Стоянка Ковряжка IV, культурный горизонт 2Г. Реконструкция развития деятельностной ситуации. Стадии 3 и 4.

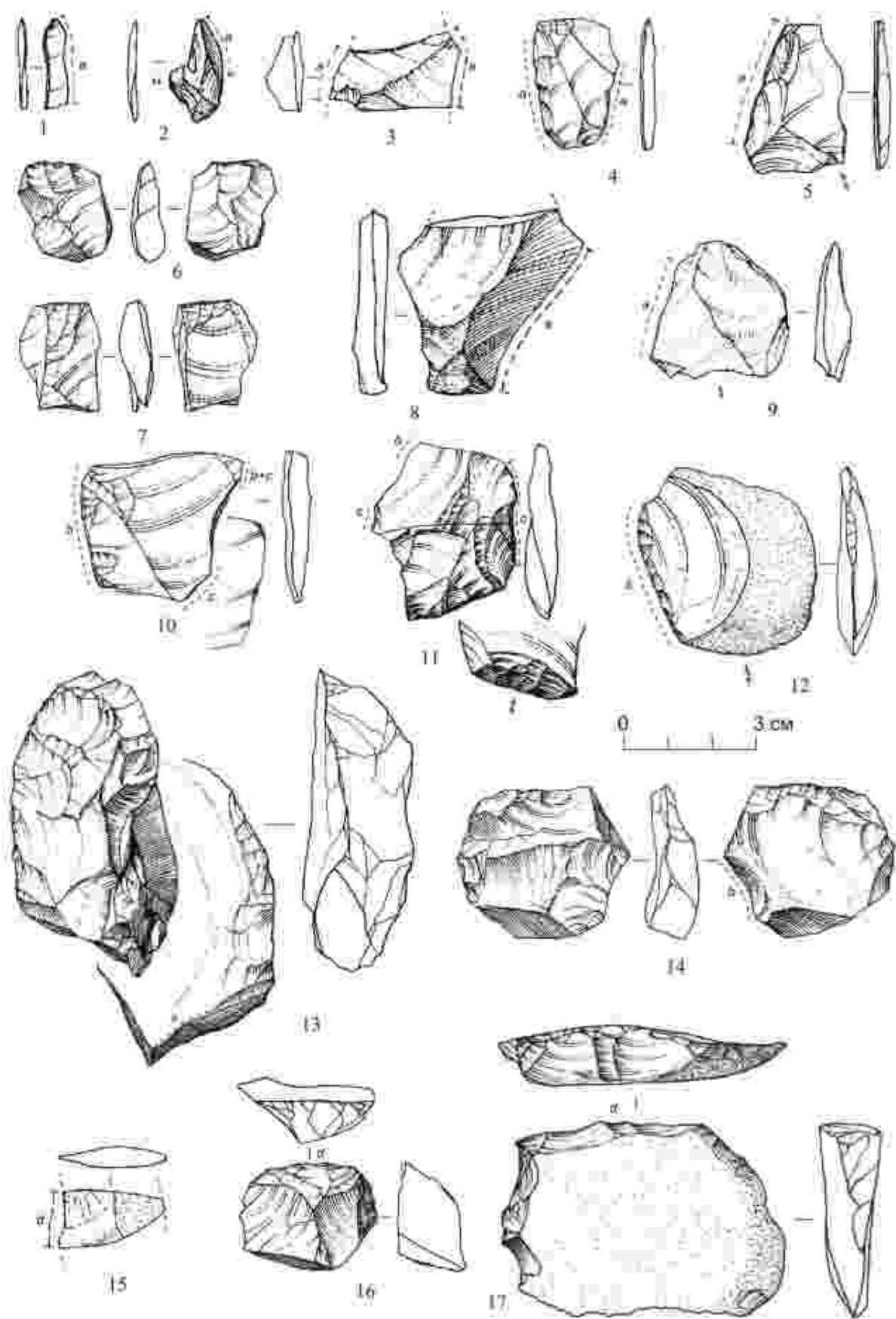

Рис. 136. Стоянка Коврижка IV, орудия культурного горизонта 2Г. Буквами обозначены: а - нож по мясу, б - скребель по кости и рогу, с - резчик по кости и рогу, д - скребок по шкурам.

1

2

Рис. 137. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 2Б: 1 – общий вид на очажный комплекс культурных остатков 2Б культурного горизонта; 2 – фрагмент причажной ближней периферии, виден окрас охрой слоя. а – белая галька, установленная вертикально между двух камней, б – «депонит» из буллуса и скребка у очажных камней, в – диск черного шлєврита, г – валун 2Б культурного горизонта, лежащий на плите 2Г культурного горизонта (по: Тетелькин А.В., 2019).

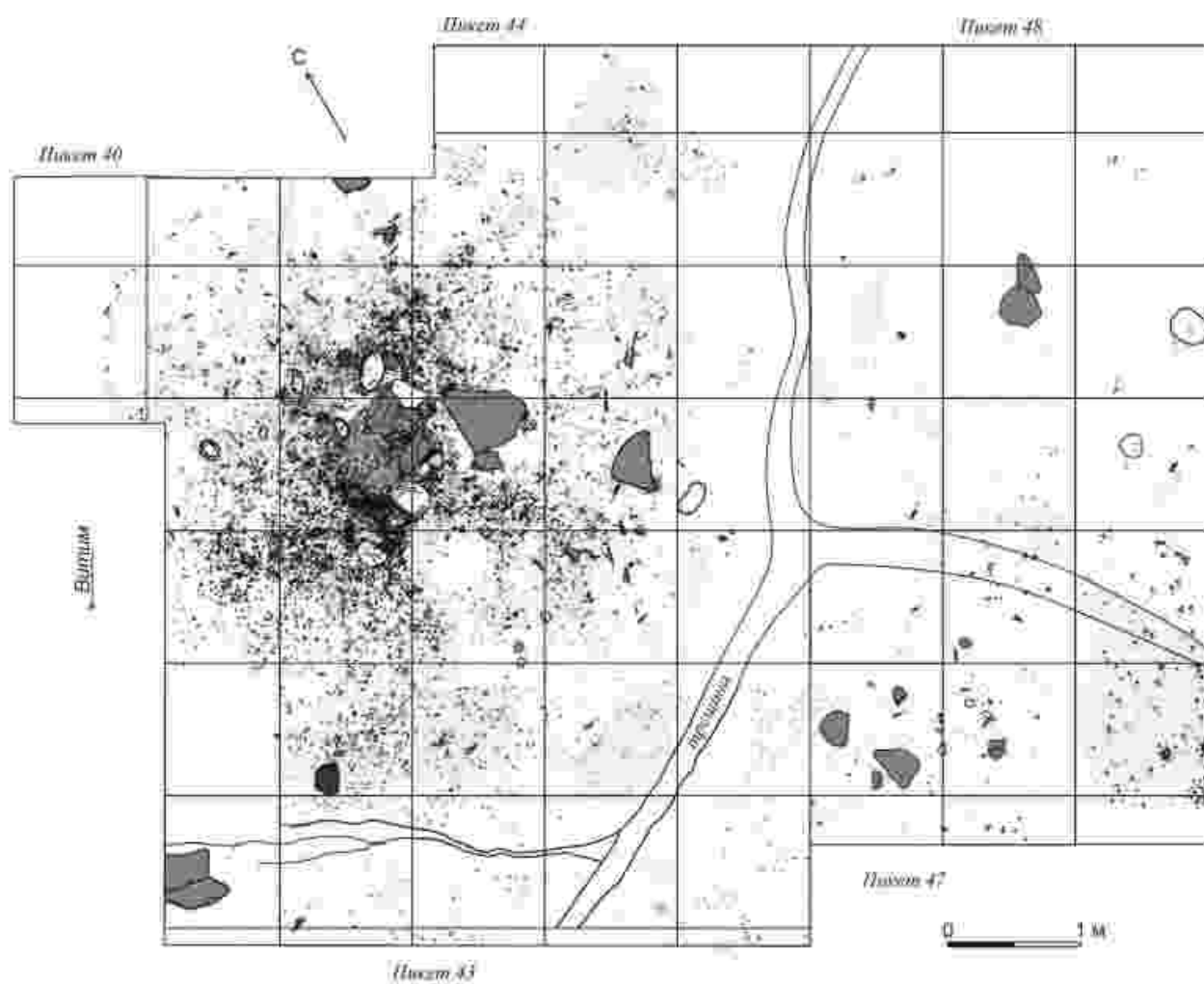

Рис. 138. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 2Б. Планиграфия.

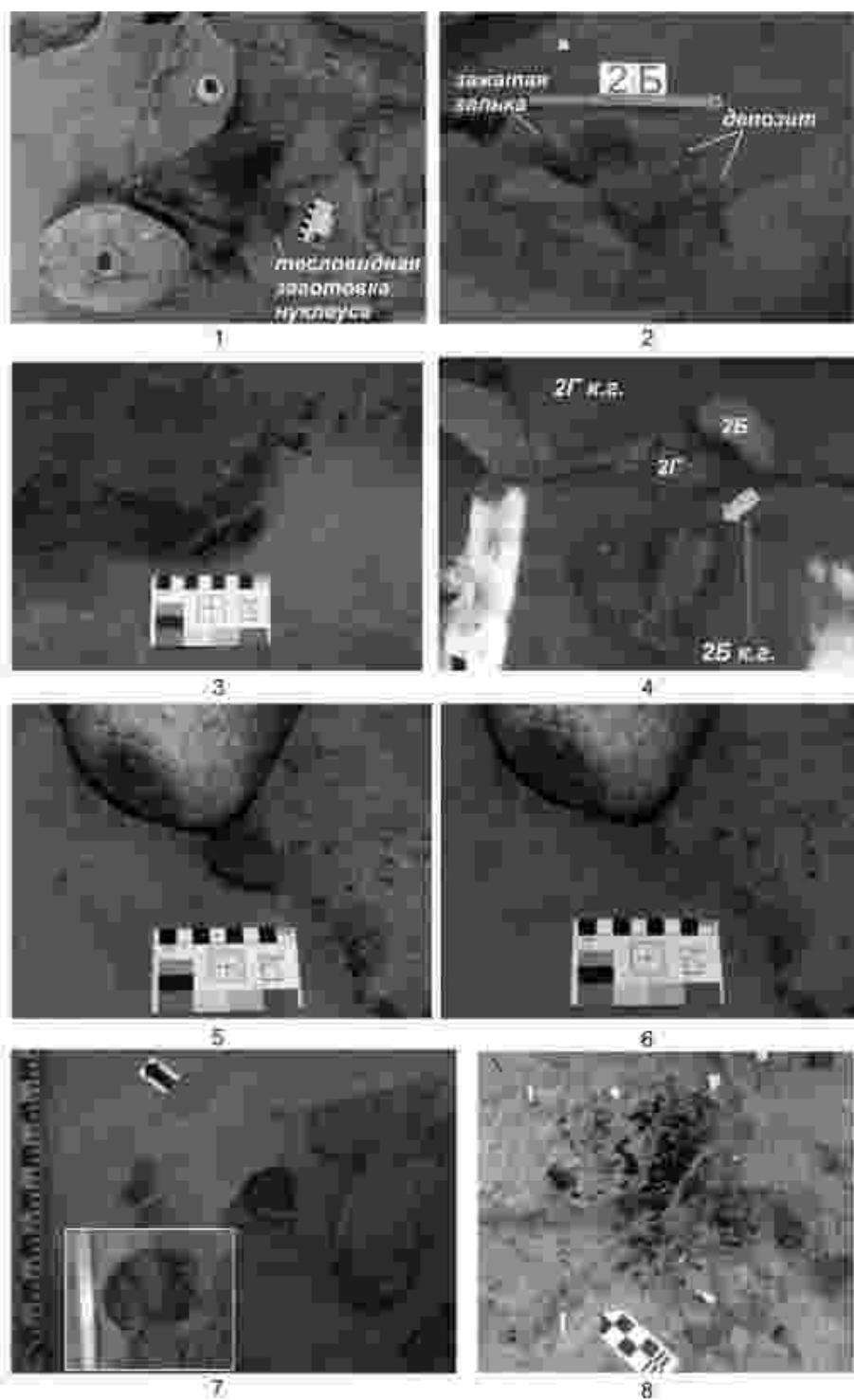
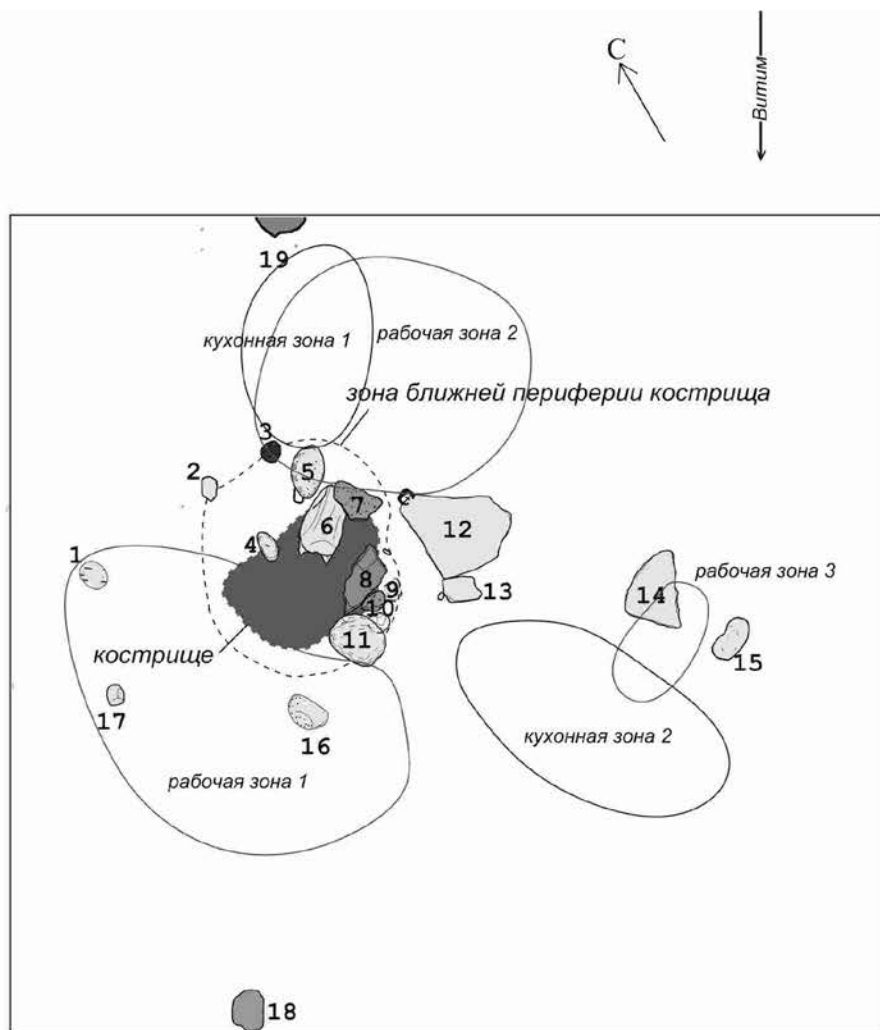

Рис. 139. Стоянка Коврыжка IV, культурный горизонт 2Б. 1 – тесловидное изделие под линзой кострища под камнем №6, 2 – установленная на ребро галька и «депозит» из двух изделий у очажных камней №8 и 11, 3 – сланцевая плитка, подоткнутая под угол плиты №12, 4 – валун №15 2Б культ. гор., лежащий на плите 2Г культ. гор., 5, 6 – окрашенный охрой культурный слой, подстилающий артефакт, 7 – дисковидная линза черного алеврита, 8 – наброс черного алеврита, покрывающий кострище в 6 культ. гор.

1

0 1 м

2

Рис. 140. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 2Б. 1 - структурная схема камней на очаге и на периферии, кухонных и рабочих зон; 2 - разрез кострища, пятно охры и расщепленная трубчатая кость.

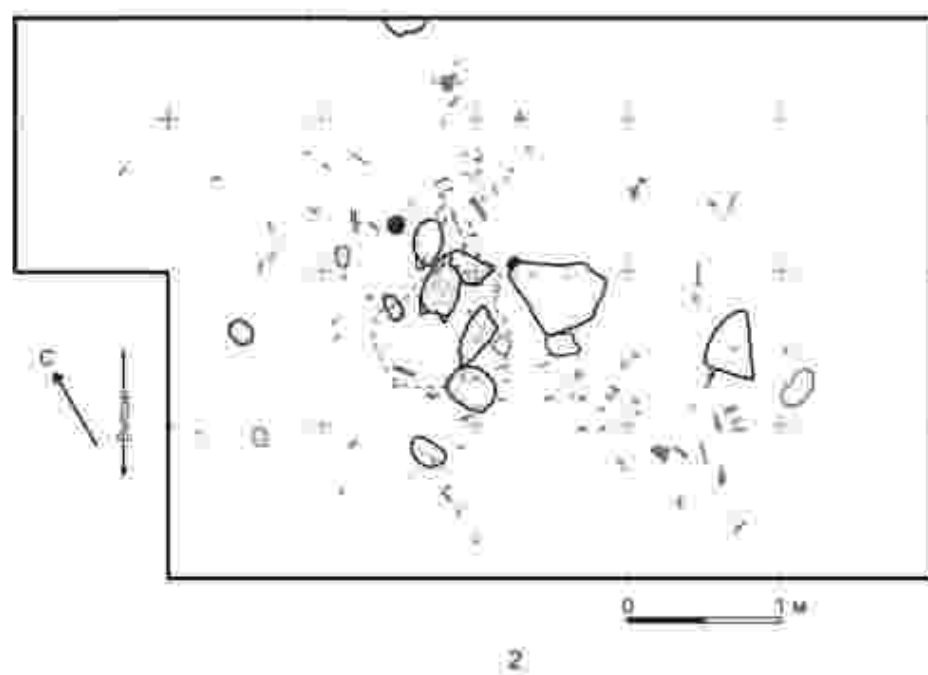
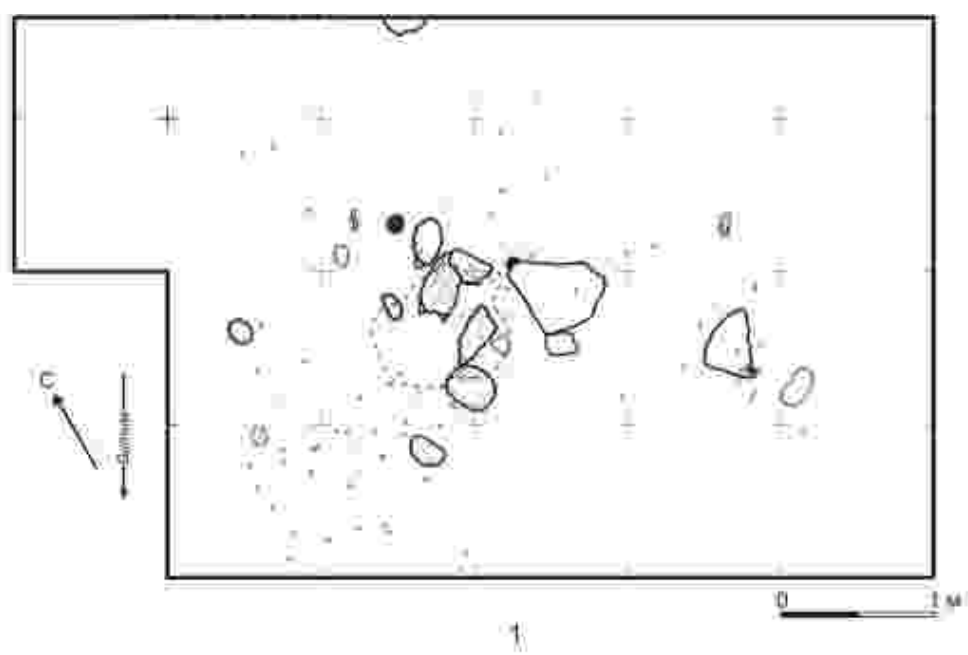

Рис. 141. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 2Б. 1 – план микропластин, 2 – план костных остатков.

Рис. 142. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 2Б. Схема аппликационных связей.

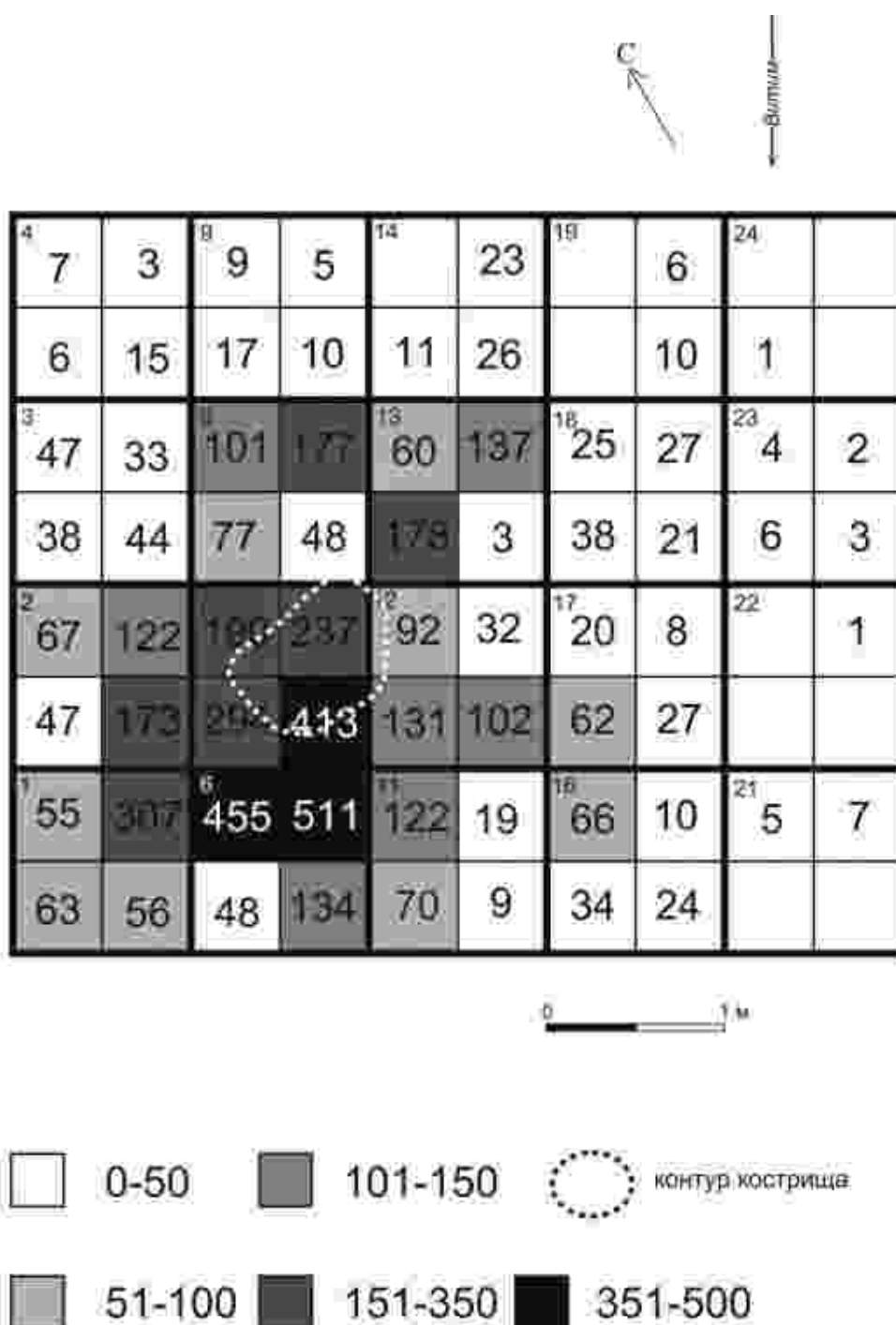

Рис. 143. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 2Б. Схема распределения каменного дебитажа по четвертям квадратных метров по результатам раскопок и промывок.

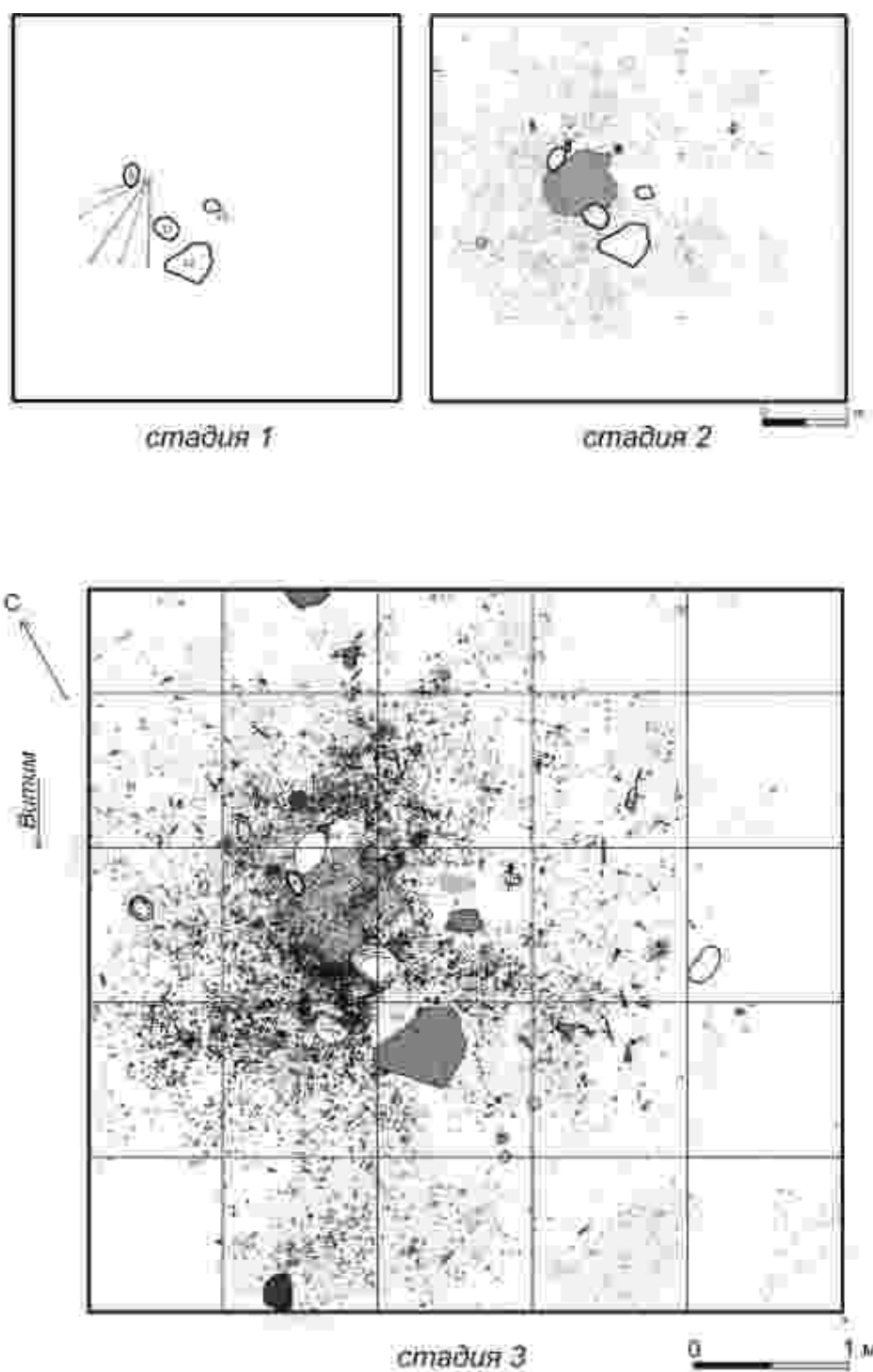

Рис. 144. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 2Б. Реконструкция развития деятельностной ситуации. Стадии 1 - 3.

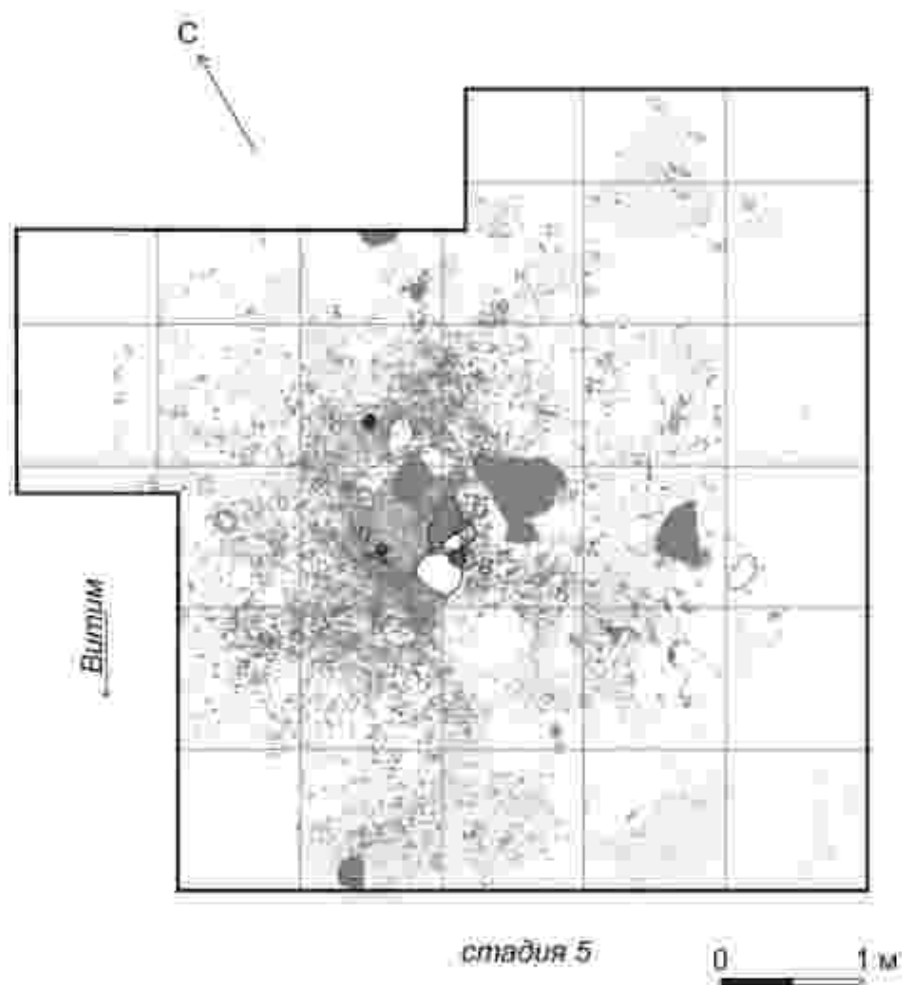
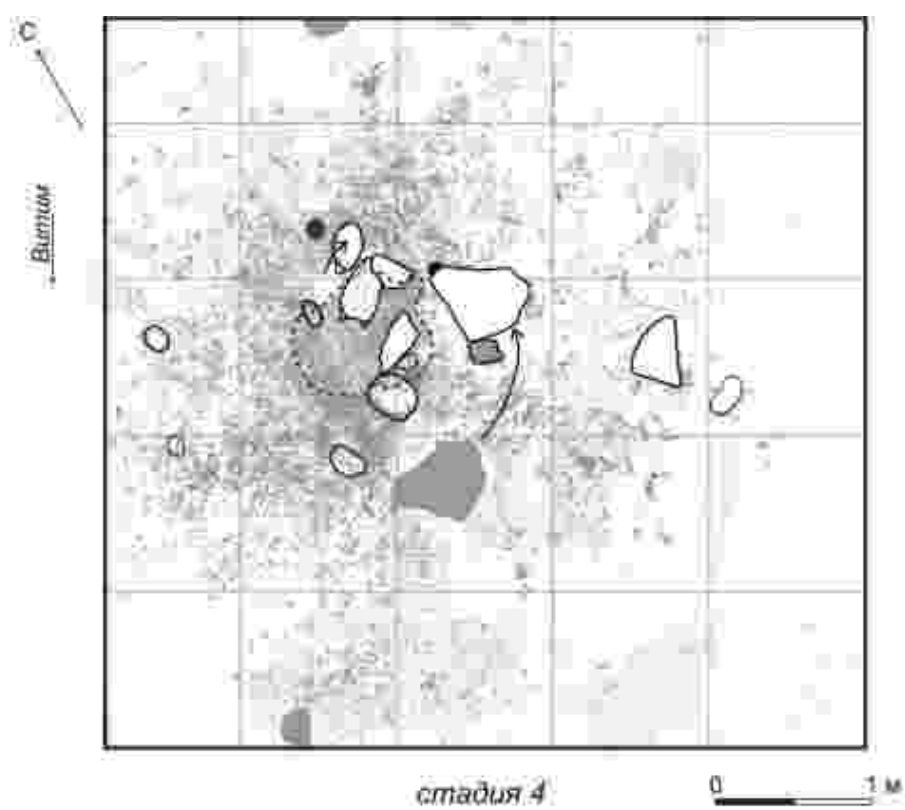

Рис. 145. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 2Б. Реконструкция развития деятельностной ситуации. Стадии 4 и 5.

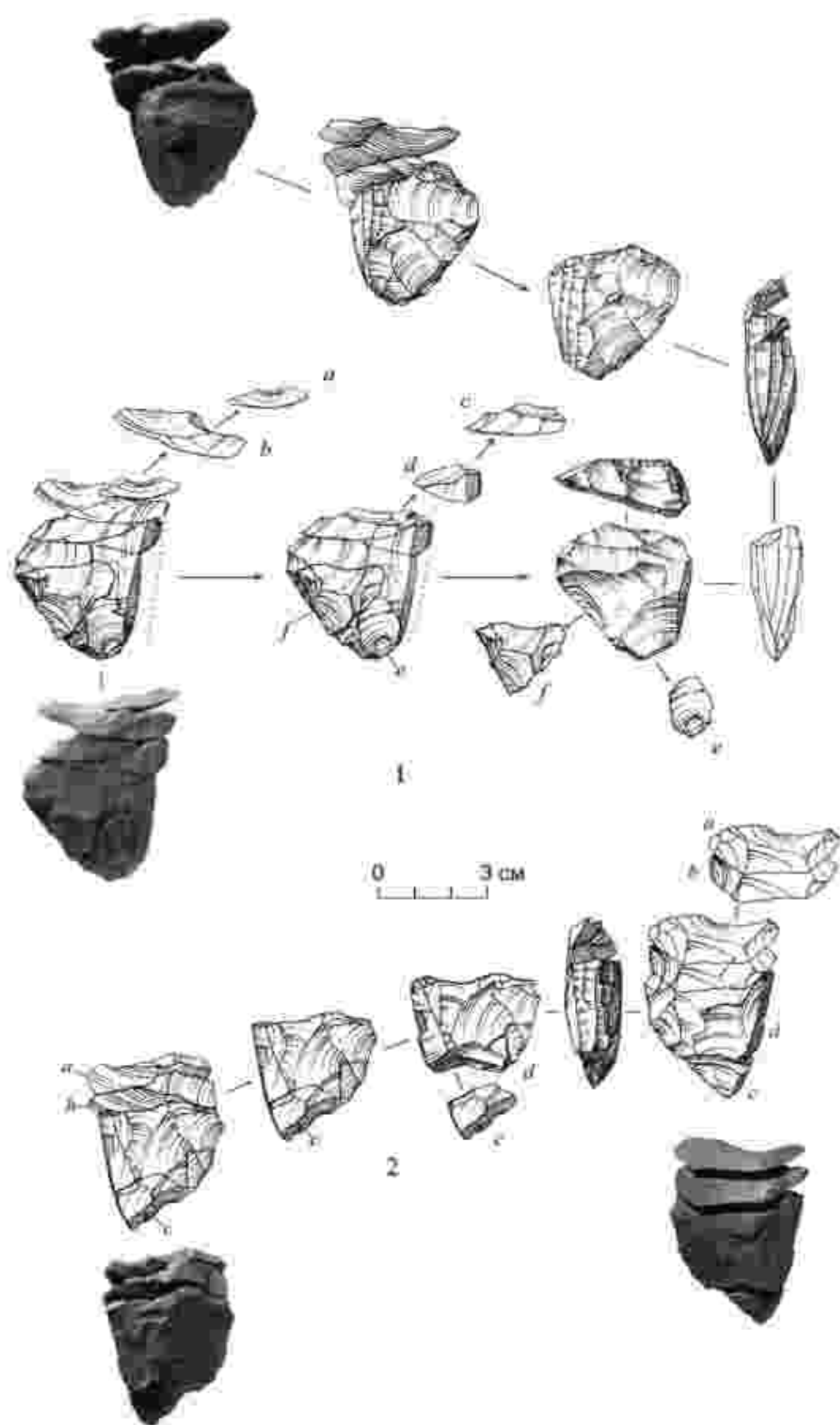

Рис. 146. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 2Б: 1, 2 – аппликационные сборки клиновидных микропластинчатых ядерцев.

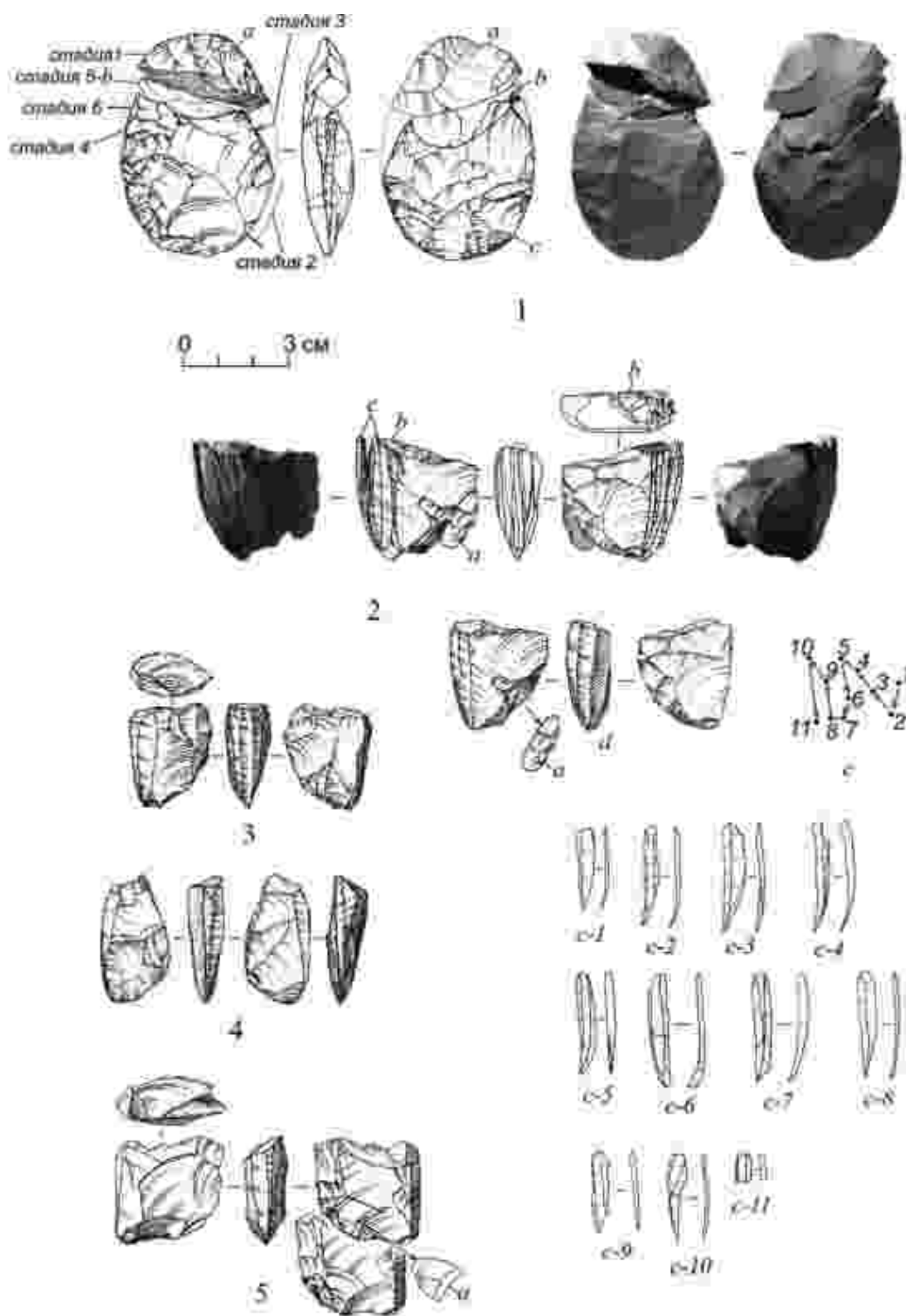

Рис. 147. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 2Б: 1 – аппликационная сборка клиновидного нуклеуса из бифаса, 2 – аппликационная сборка клиновидного нуклеусов и апплицированных к нему микропластин, 3-5 – клиновидные микропластинчатые нуклеусы.

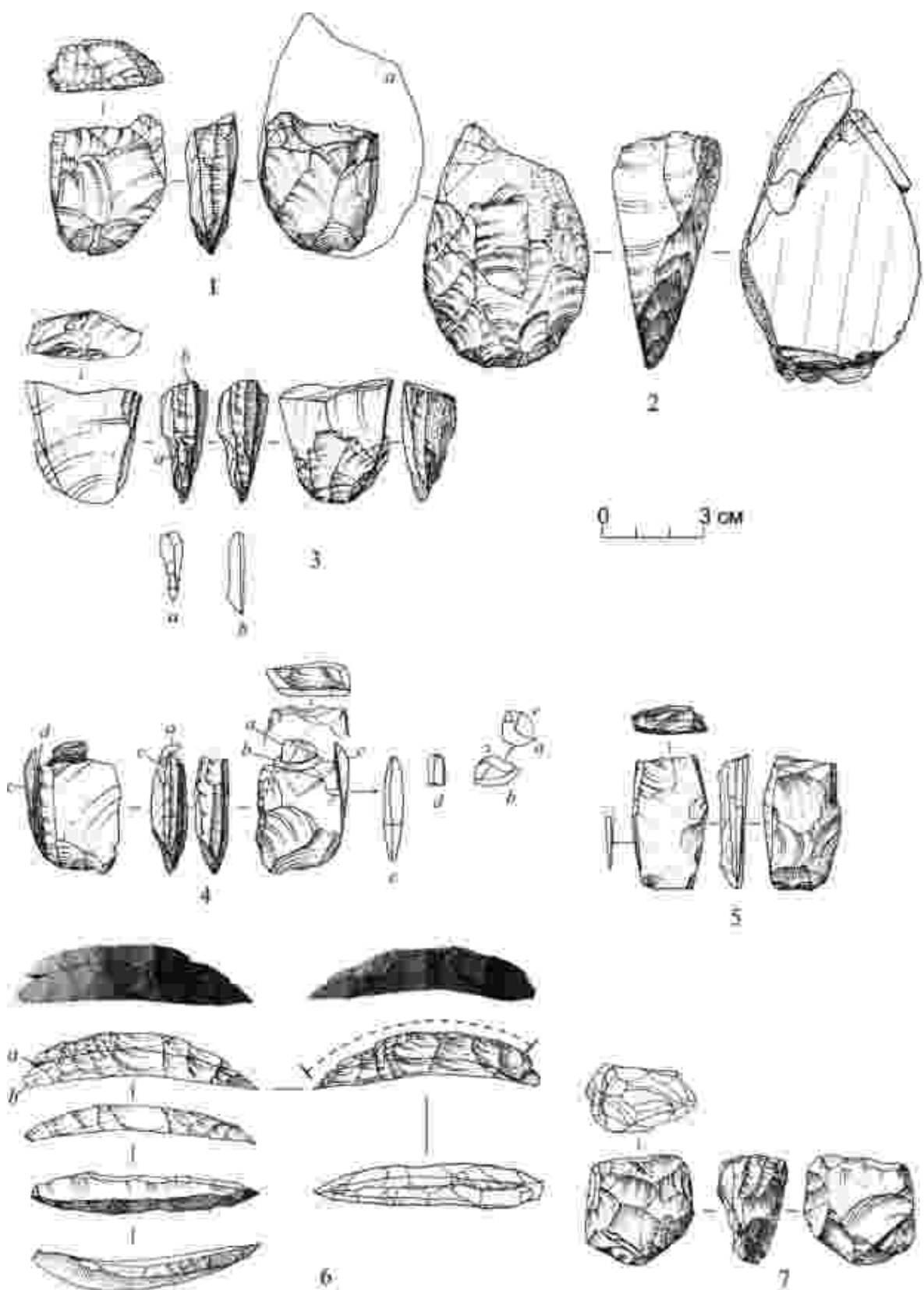

Рис. 148. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 2Б: 1 – клиновидный микропластинчатый нуклеус, изготовленный из бифасиальной тесловидной преформы, 2 – тесловидная преформа клиновидного нуклеуса, 3 – аппликационный блок клиновидного нуклеуса, изготовленного из унифасиальной тесловидной преформы, 4, 5, 7 – клиновидные микропластинчатые нуклеусы, 6 – аппликационный блок из реберчатого и лажевидного сколов, снятых с бифаса.

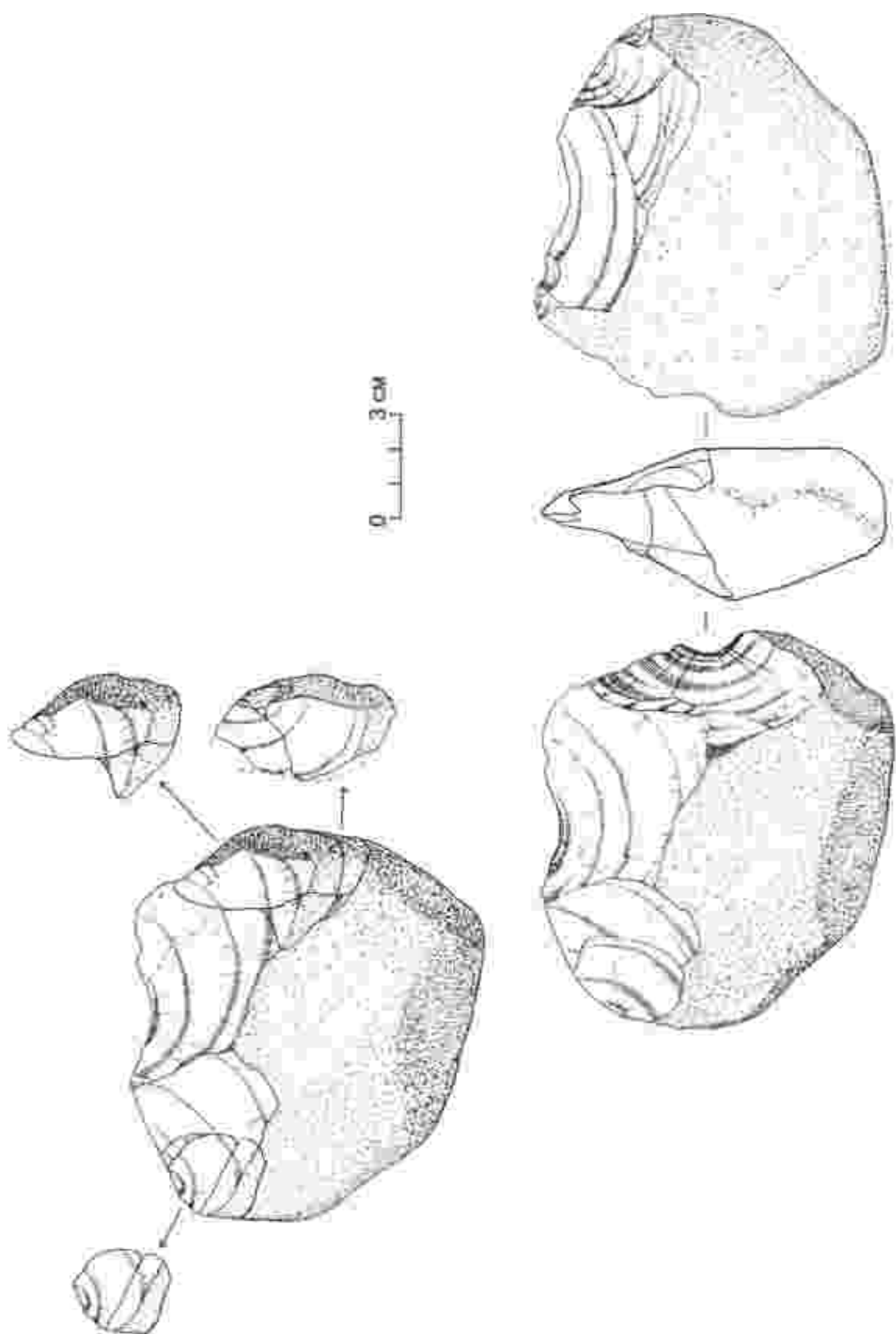

Рис. 149. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 2Б: 1 – галечный всерный нуклеус и апплицированные к нему отщепы.

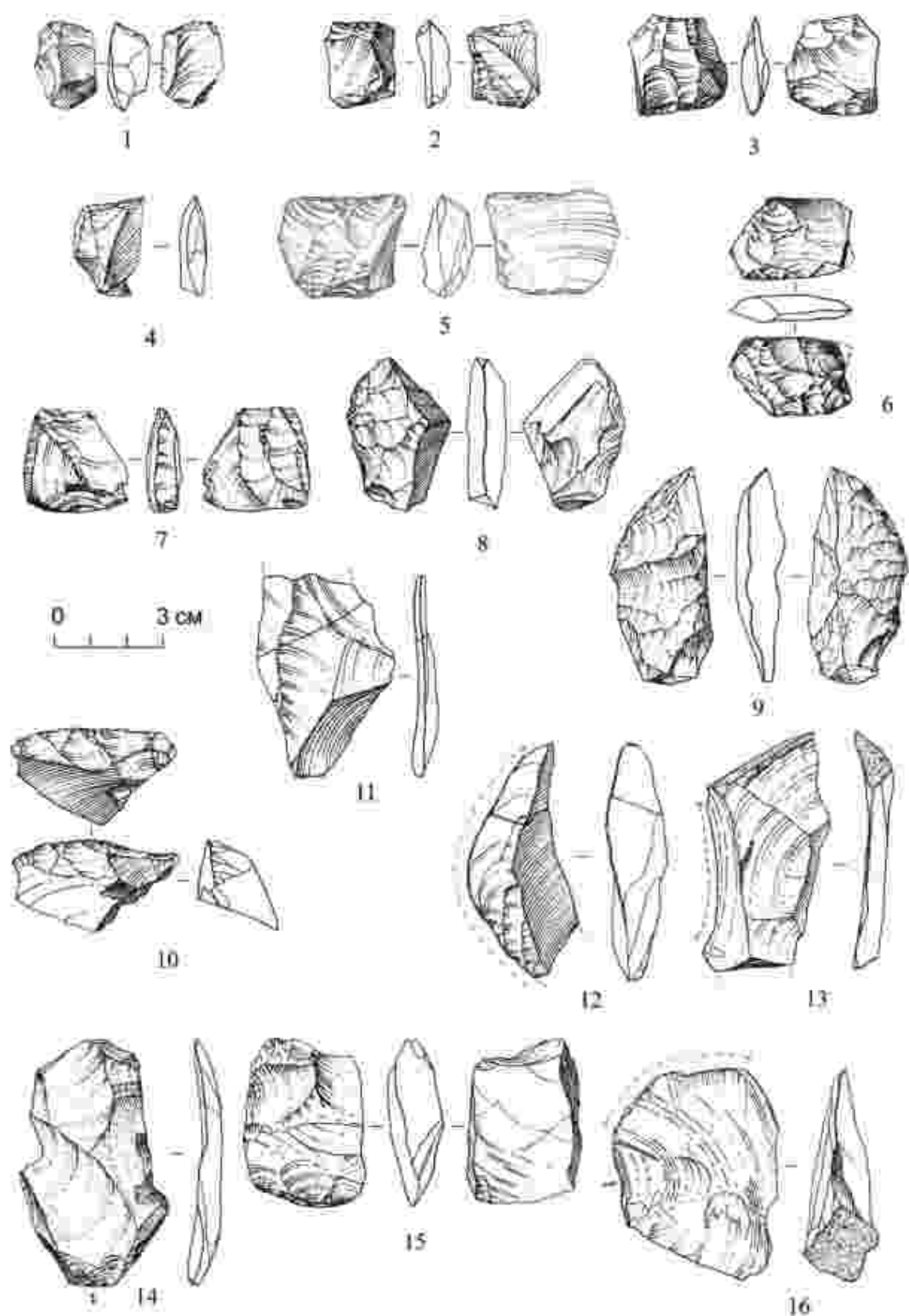

Рис. 150. Стоянка Копровка IV, культурный горизонт 2Б: 1-7 – долотообразные орудия, 8-9 – бифасы, 10-16 – сколы с краевой ретушью и следами амортизации.

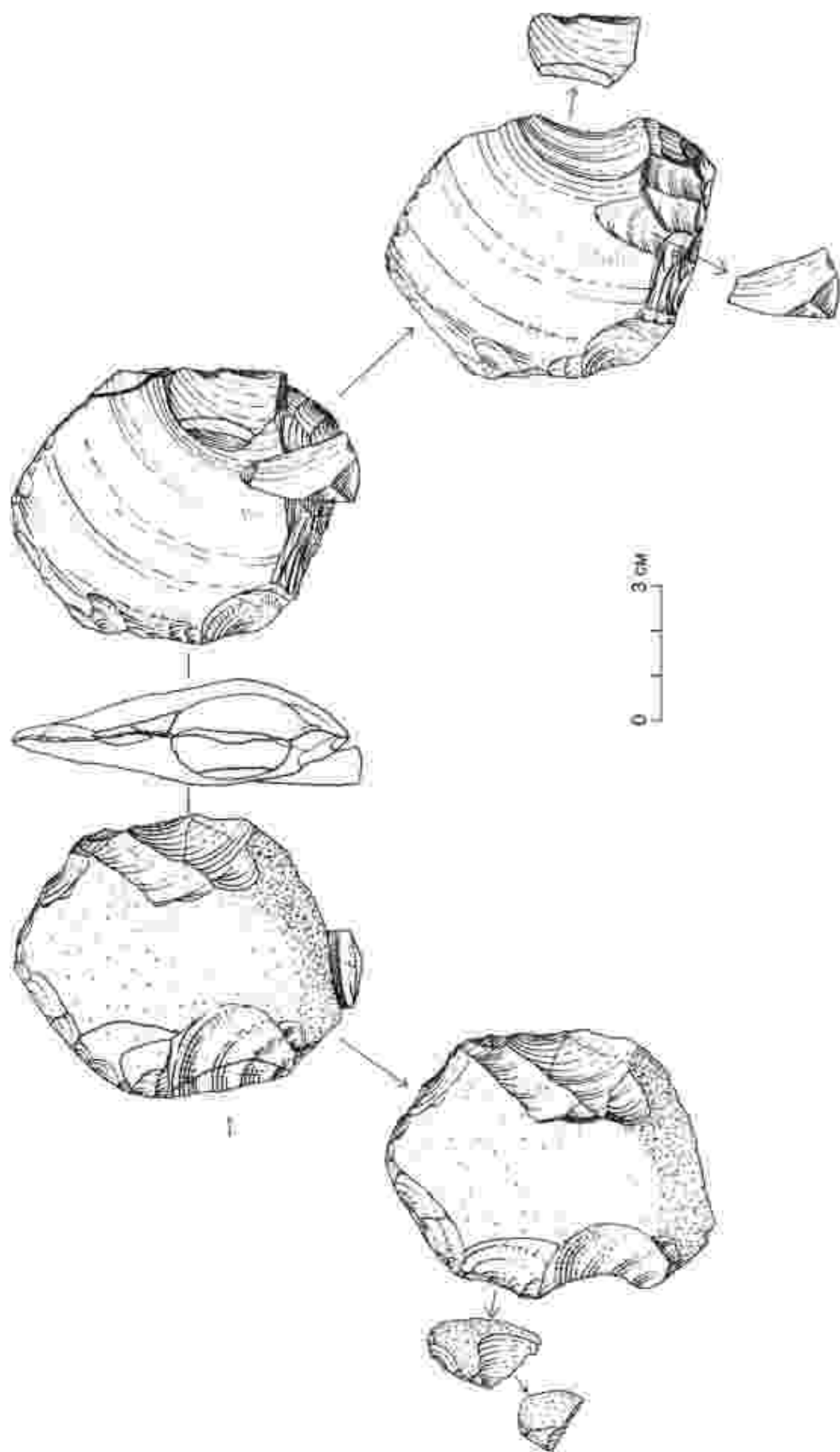

Рис. 151. Стоянка-Коврижка IV, культурный горизонт 2Б; 1 – скребловидное орудие и аппланцированные к нему отщепы.

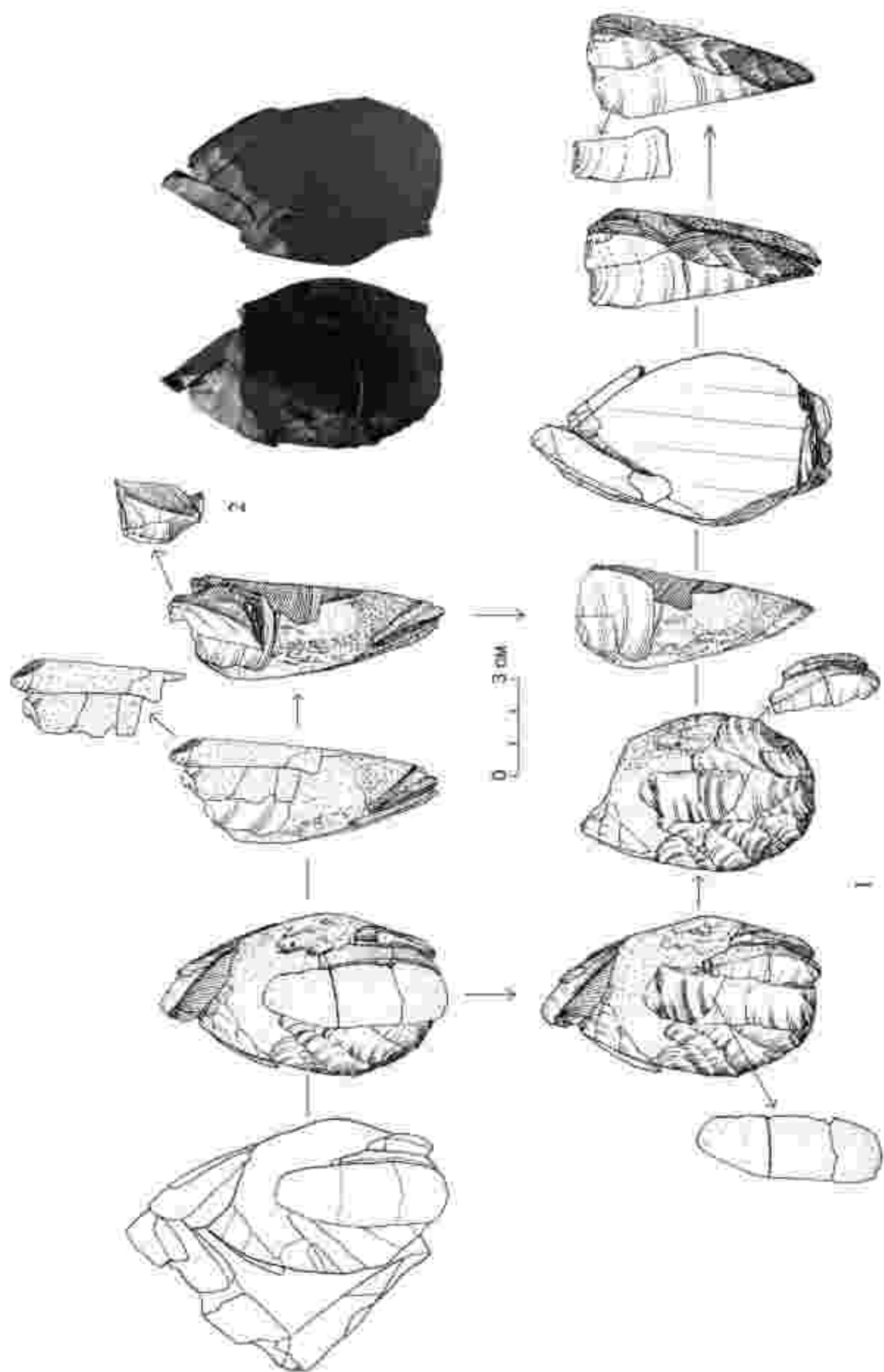

Рис. 152. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 2Б; 1 – шлифованный блок тесловидного изделия (преформы клиновидного нуклеуса), 2 – долотовидное орудие из отщепя, оббитого с тесловидной преформы.

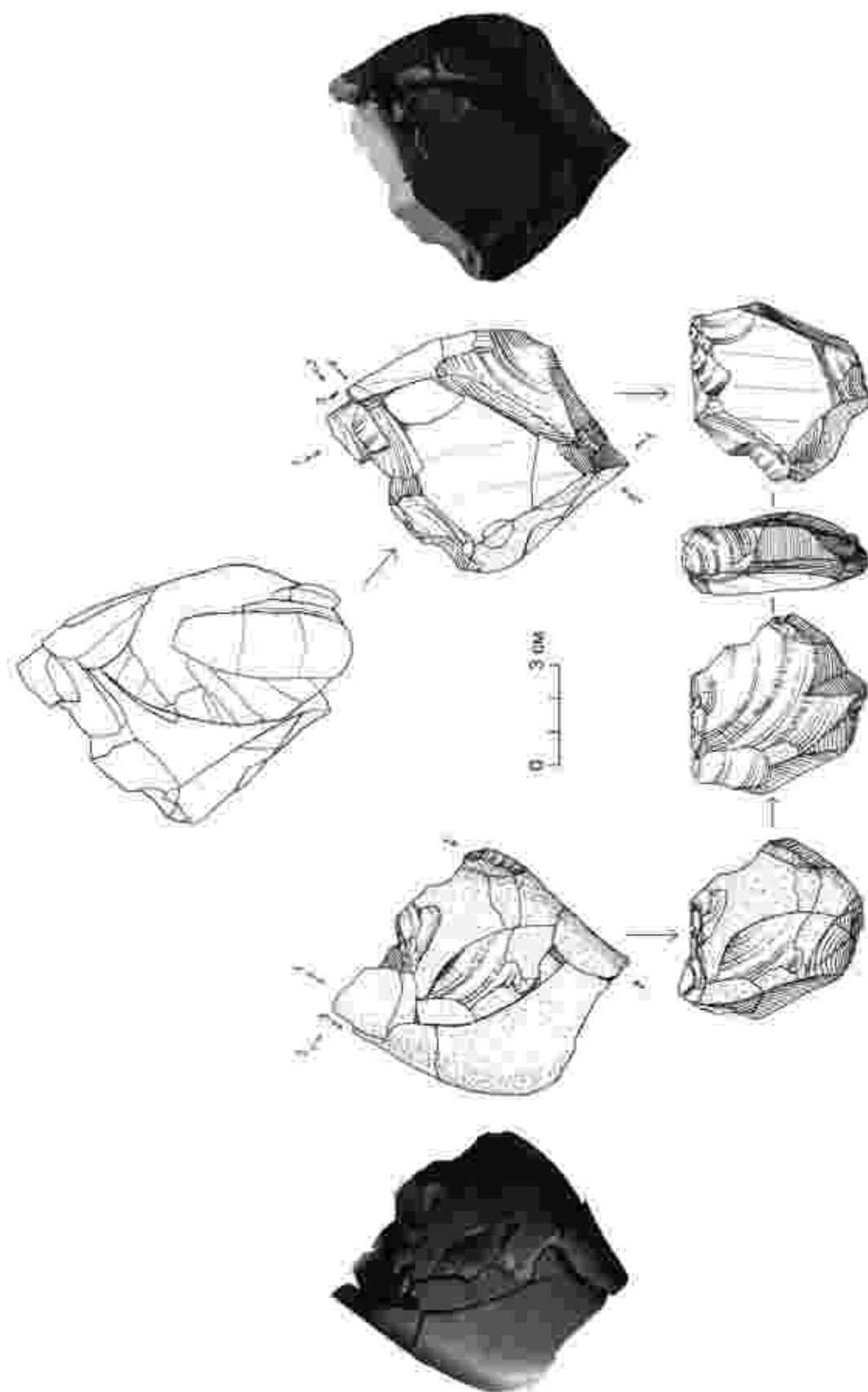

Рис. 153. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 2Б; 1 – аппликационный блок из отщепов и долотовидного орудия, изготовленного из гальки.

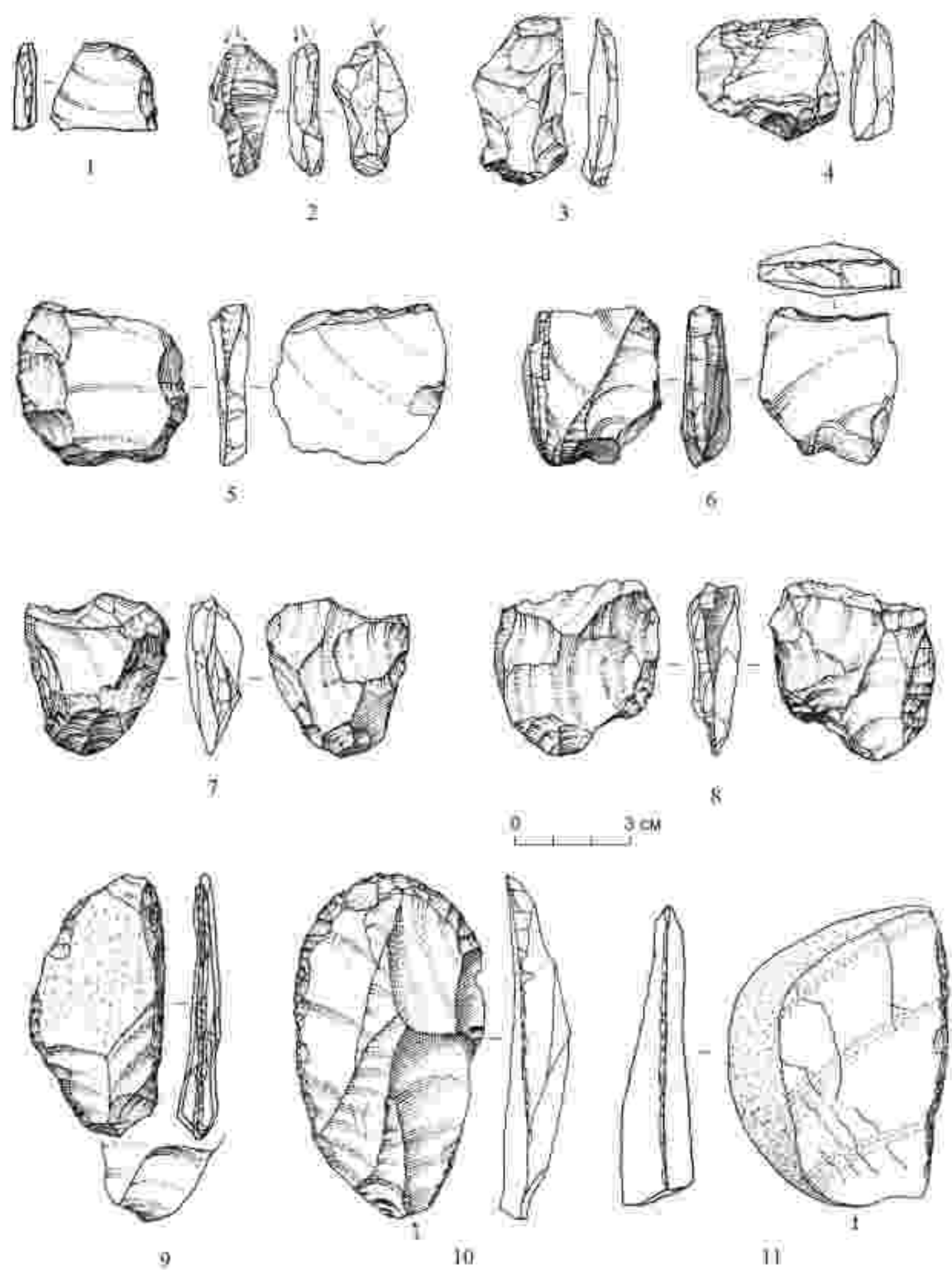

Рис. 154. Стоянка Коврижка IV. Изделия 2 культурного горизонта Коврижки IV. 1, 5 – скребки, 2 – многофасеточный резец из дымчатого кварца, 3, 4 – долотовидные орудия типа *pièce esquillée*, 6-8 – клиновидные нуклеусы, 9 – скребло, 10 – нож, 11 – отщеп типа *цитрон* (скобель).

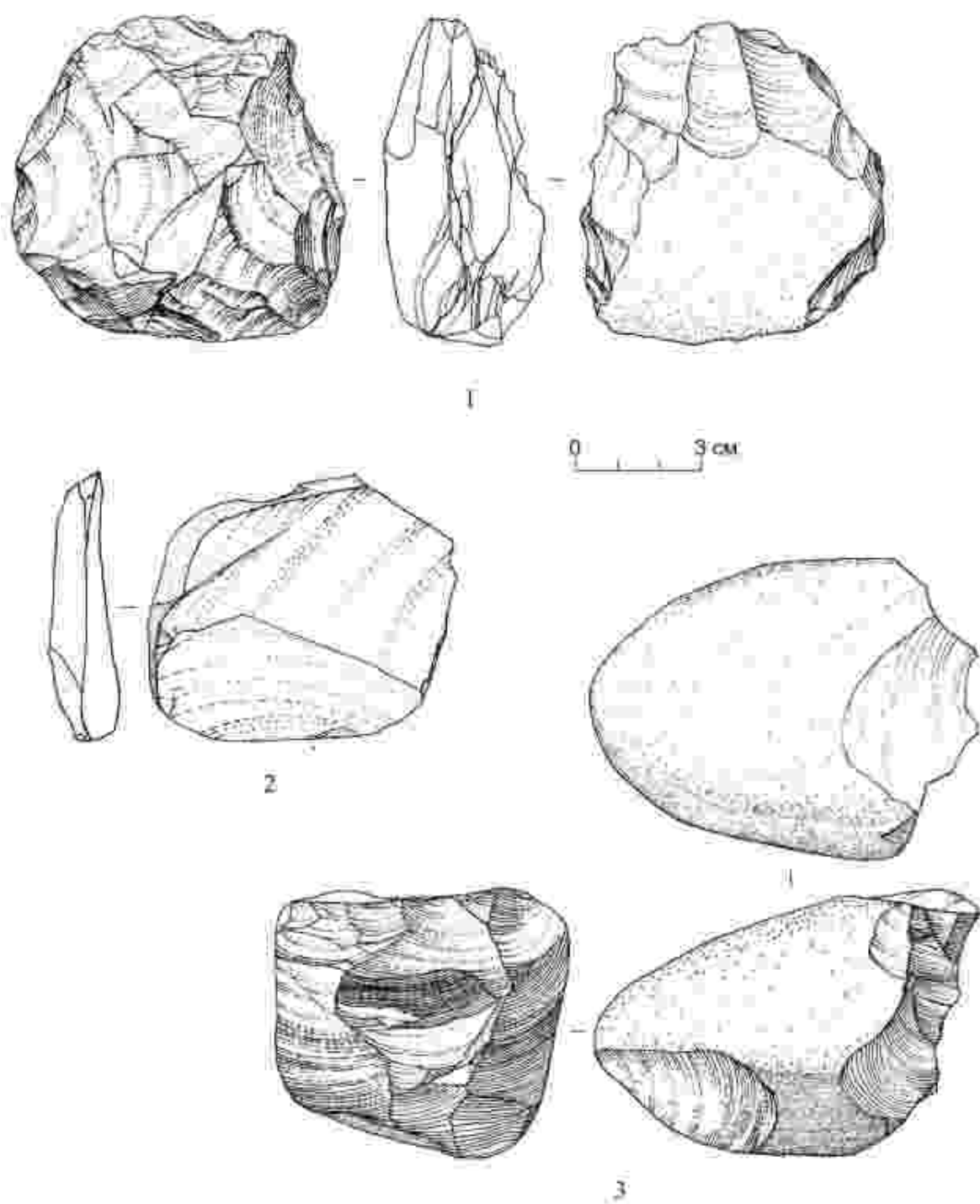

Рис. 155. Стоянка Коврижка IV. Изделия 2 культурного горизонта Коврижка IV. 1 – веерный галечный нуклеус для производства отщепов, 2 – отщеп типа шитрон, 3 – галечный нуклеус параллельного принципа расщепления.

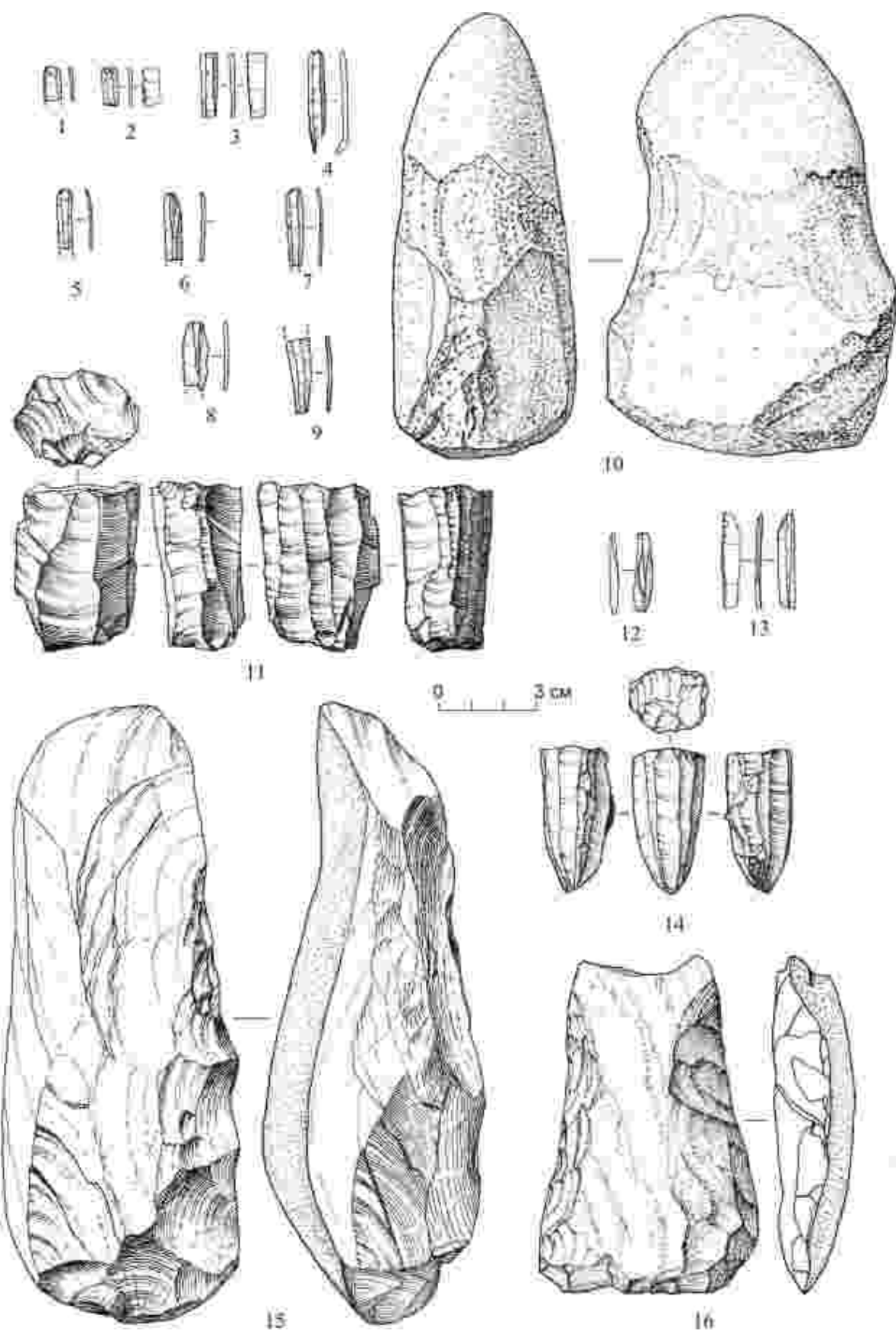

Рис. 156. Стоянка Коврыга IV, культурный горизонт I, изделия из камня: 1-9, 12-13 - сегменты микропластин, 10 - молот-пест, 11, 14 - призматические ядра, 15, 16 - галечные ядра.

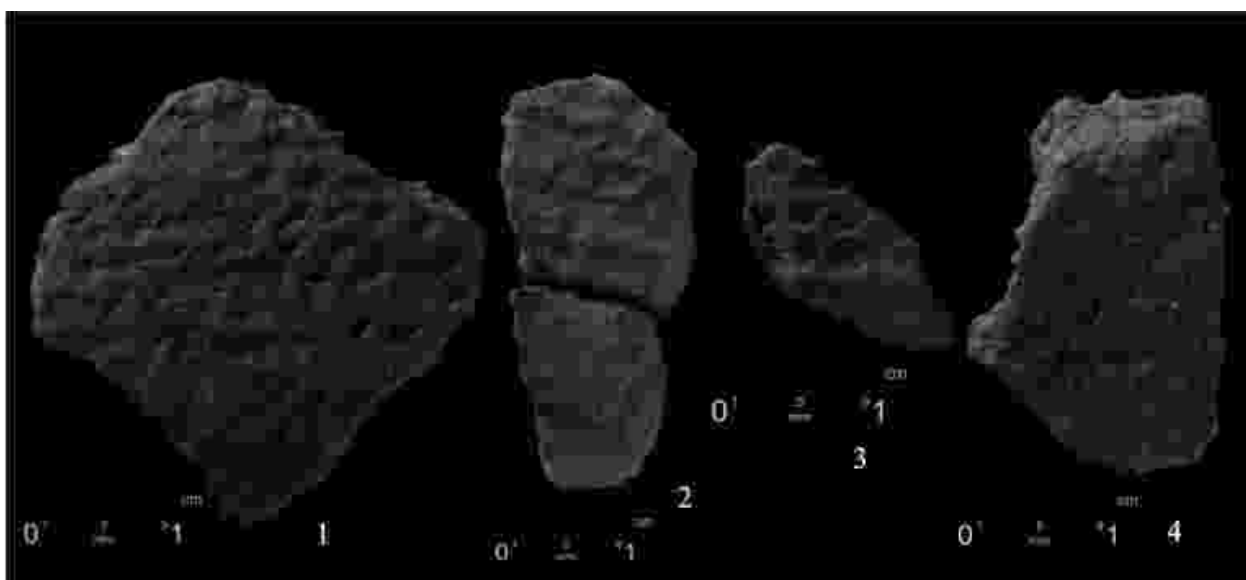

Рис. 157. Стоянка Коврижка IV. Культурный горизонт I. Фрагменты керамики. Пикет 44-квadrat 20.

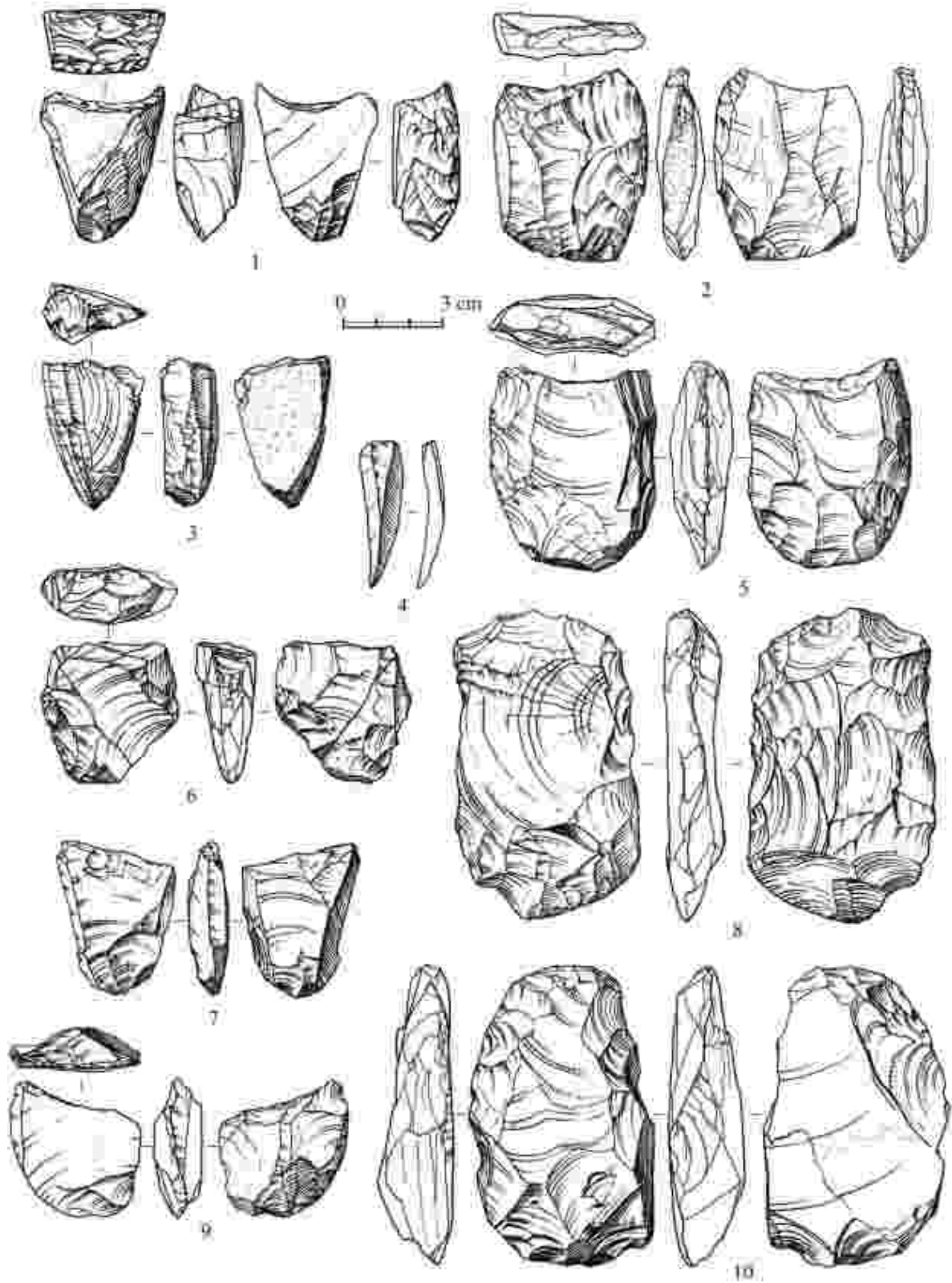

Рис. 159. Станка Коврынка III: 1 - пренуклеус из 2 культурного горизонта; 2-10 - 3 культурный горизонт; 2, 5, 8, 10 - бифасы, 3, 6, 7 - нуклеусы, 4 - пластина, 9 - комбинированное орудие (пренуклеус?).

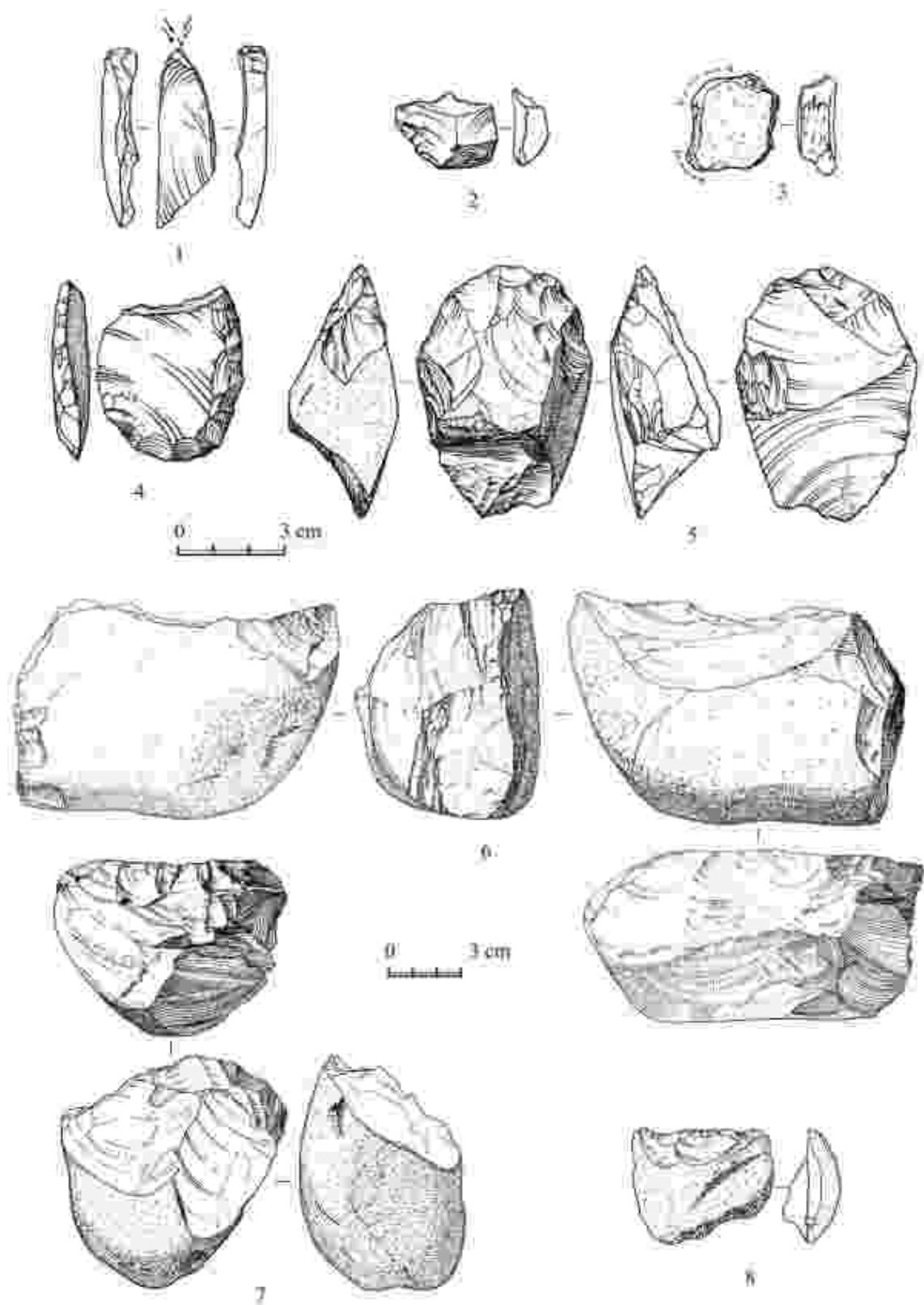

Рис. 160. Стоянка Коврижка III, 3 культурний горизонт. 1 - резак, 2 - проколка, 3 - графіттовий мелок, 4 - ніж, 5 - скребло, 6-7 - чопиери, 8 - скребок.

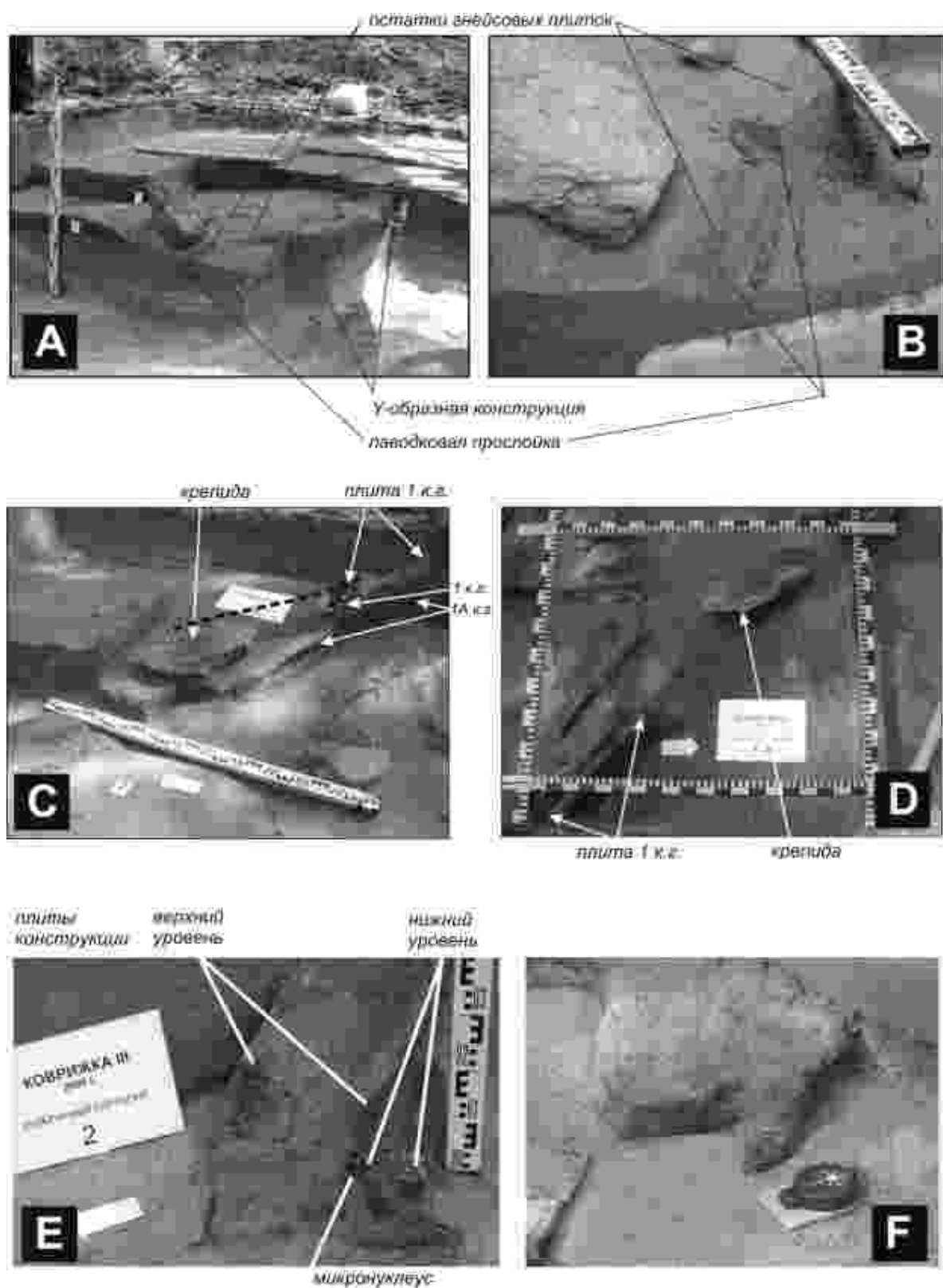

Рис. 162. Стоянка Коприжка III. А, В - остатки гнейсовых плиток 1А культурного горизонта, расположенных над контуром Y-образной конструкции из 2 к.г. А - общий вид (шкет 26 - квадрат 17). В - разрез плиток. Видно подстилки их паводковой прослойкой. С, D - разборка конструкции 1 культурного горизонта - часть длинной плиты и скальный обломок крейды (шкет 26 - квадрат 16). Е, F - культурный горизонт 2: Е - фрагмент конструкции и микронуклеус на ребре плиты (шкет 26 - квадрат 21), F - микронуклеус у плиты (шкет 25 - квадрат 16).

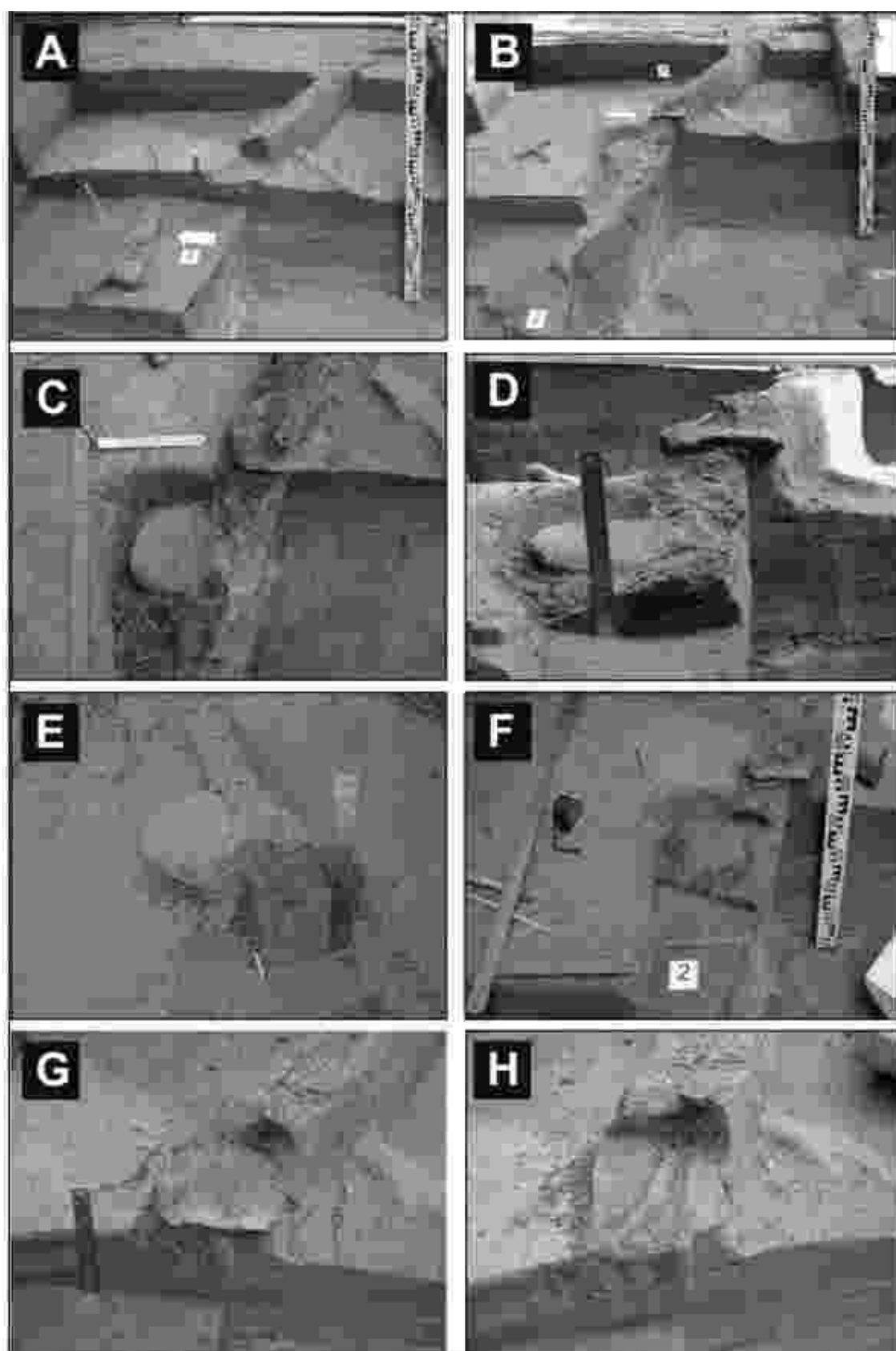

Рис. 163. Стоянка Коврижка III. Фото Y-образной конструкции верхнего уровня 2-го культурного горизонта, комплексе очага 5. А, В – общий вид на конструкцию на разных этапах разборки. С, D – центральная часть с видом на диски, установленные в горизонтальном положении. Е – разрез северо-западной ветви конструкции. F – вид на край северо-западной ветви конструкции после снятия нижнего диска; ее перекрывает паводковая прослойка. G, H – разборка соединения верхнего горизонтального диска с плитой, установленной на ребро вертикально.

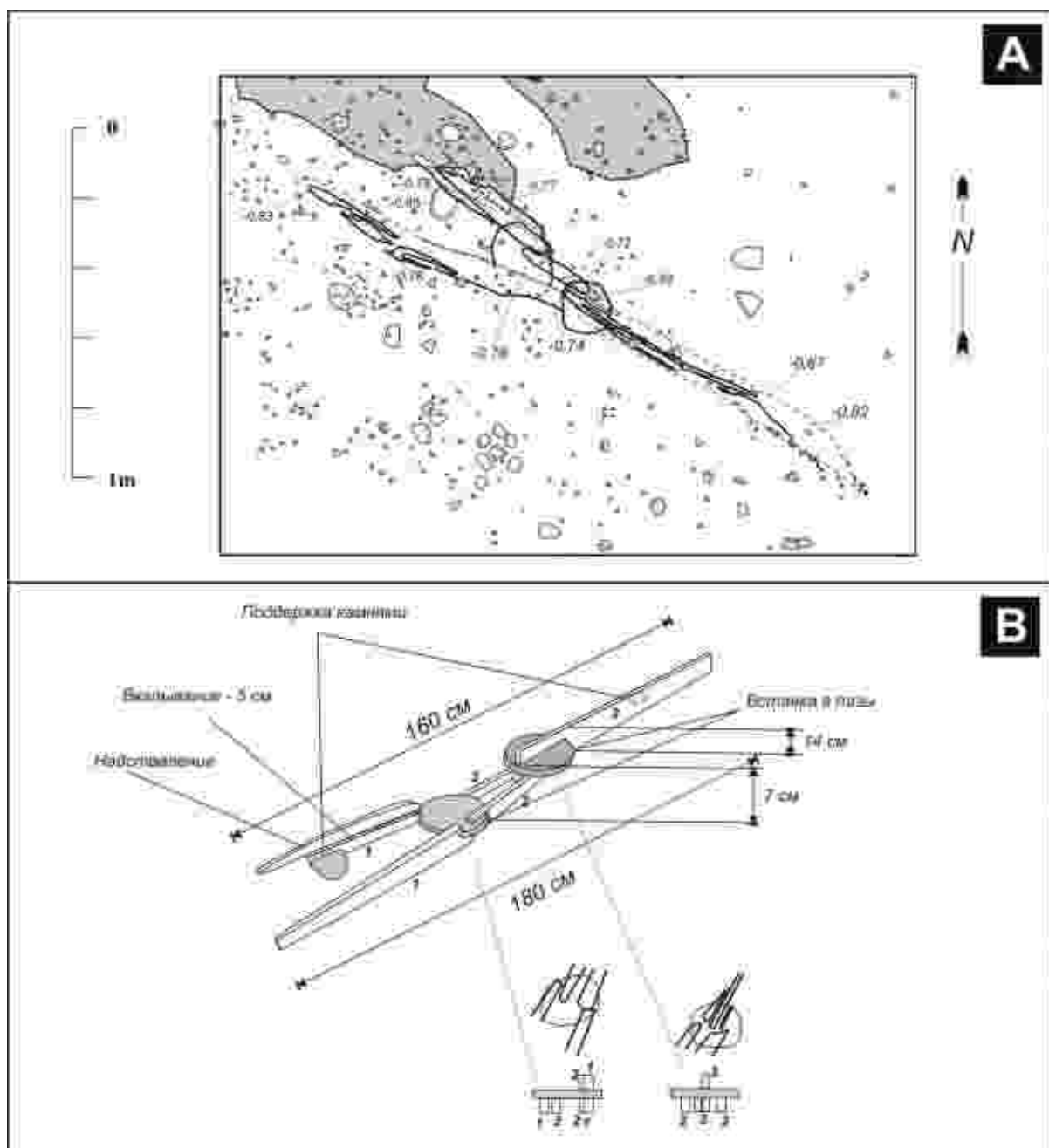

Рис. 164. Стоянка Коврижка III. А - план и В – реконструкция Y-образной конструкции верхнего уровня 2-го культурного горизонта.

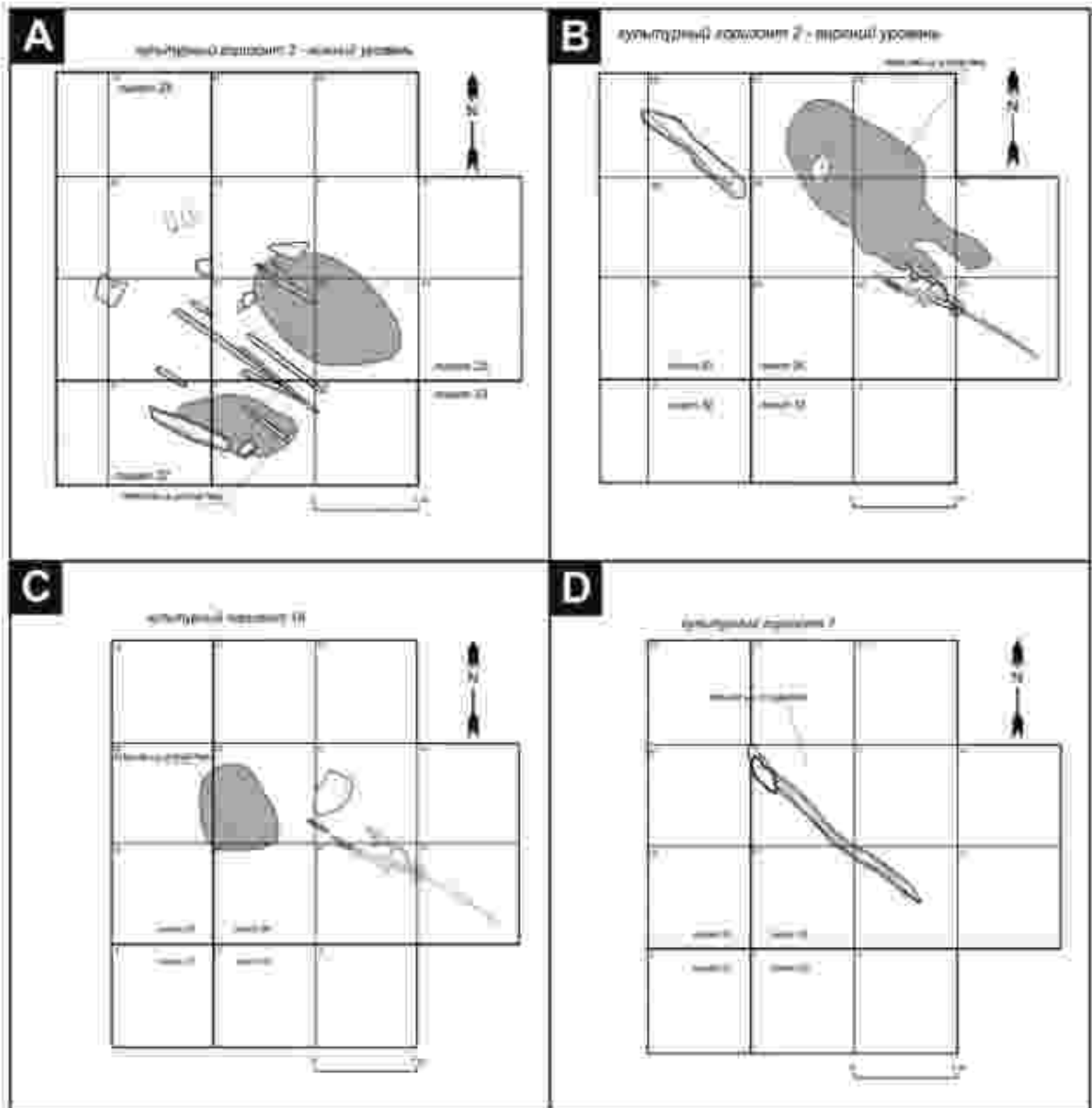

Рис. 165. Стоянка Коприжка III. План-схемы линейных сооружений из плит. А – нижний уровень 2-го культурного горизонта. В – верхний уровень 2-го культурного горизонта. С – IА культурный горизонт, наложение гнейсовых плиток на контур Y-образной конструкции из шкележащего горизонта. D – I культурный горизонт.

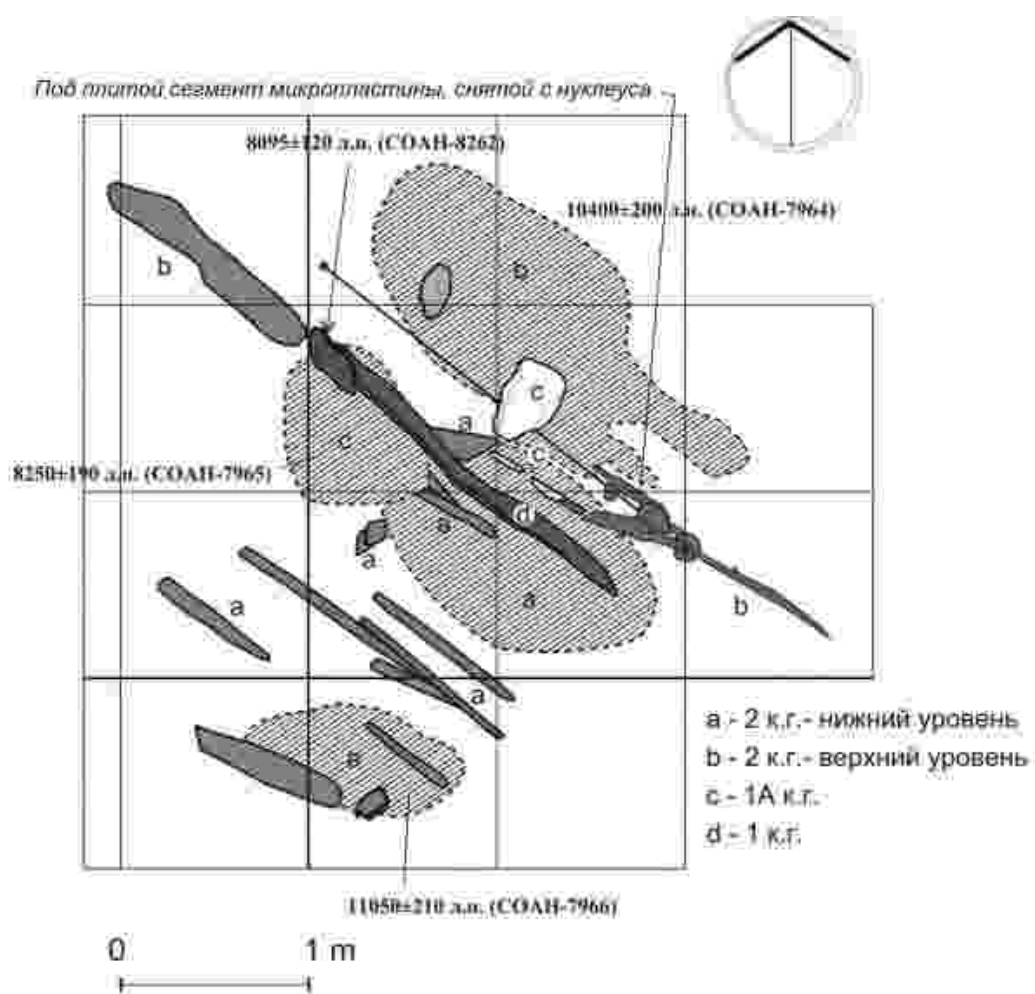

Рис. 166. Стоянка Коврижка III. «Палимпсест» линейных конструкций и очагов 2-верхнего, 2-нижнего, 1А и 1 культурных горизонтов.

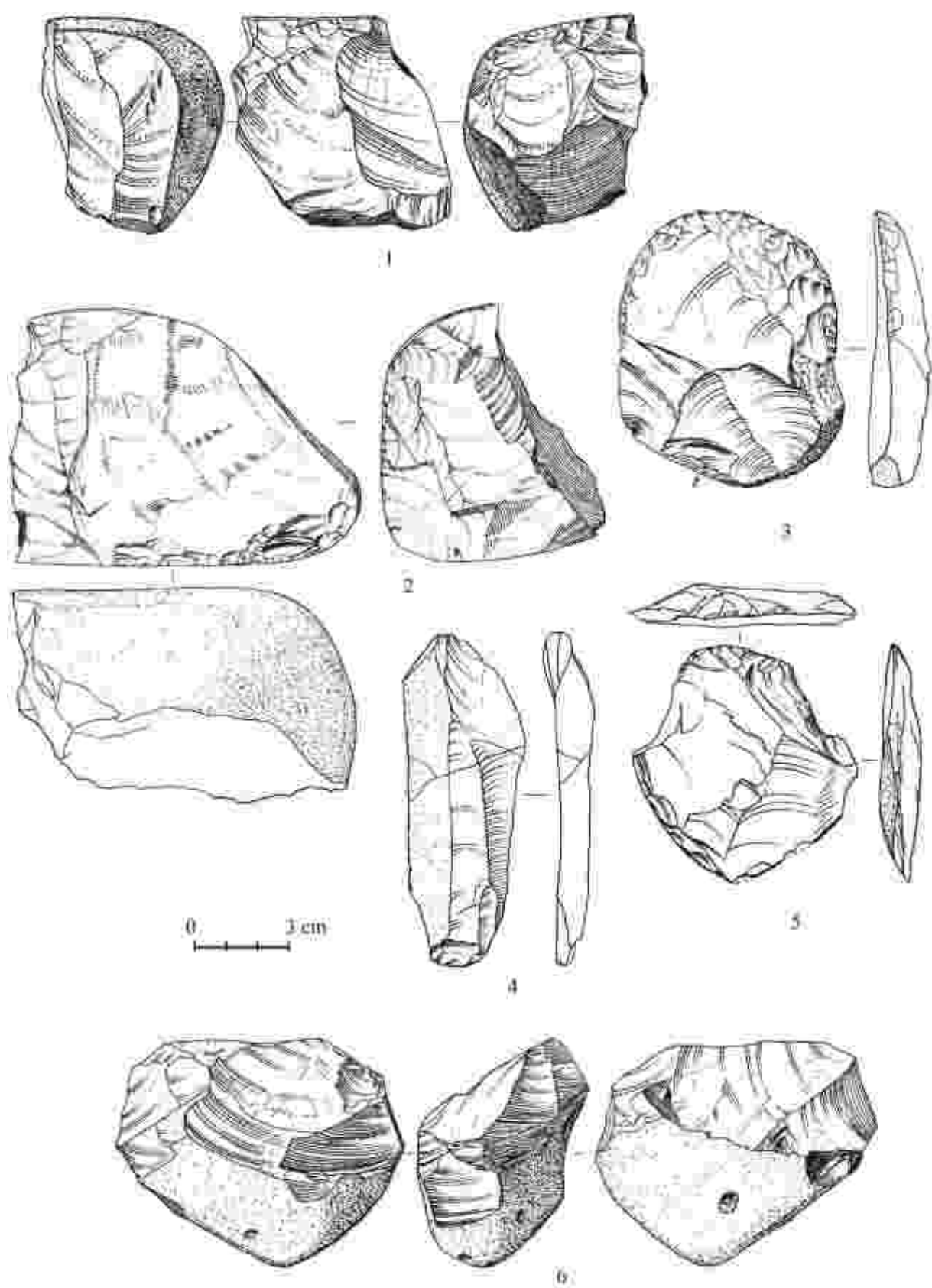

Рис. 167. Стоянка Копровка III. 2-III культурный горизонт. 1, 6 - ядра для снятия отщепов, 2 - чоппер, 3 - скребло, 4 - листовина, 5 - комбинированное орудие.

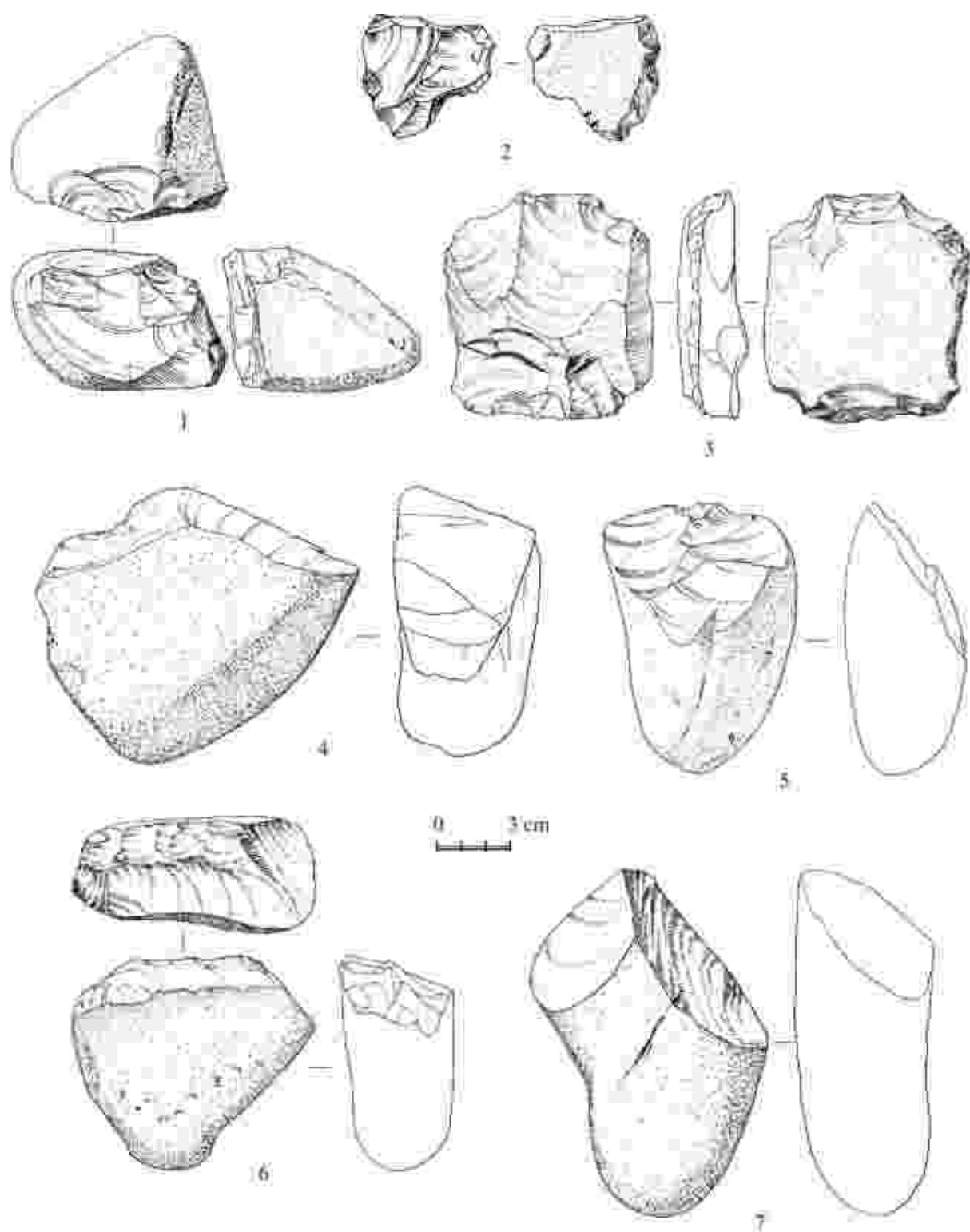

Рис. 168. Стоянка Коприжка III. 2 культурный горизонт. 1-3 - ядра для снятия отщепов, 4-7 - чопперы.

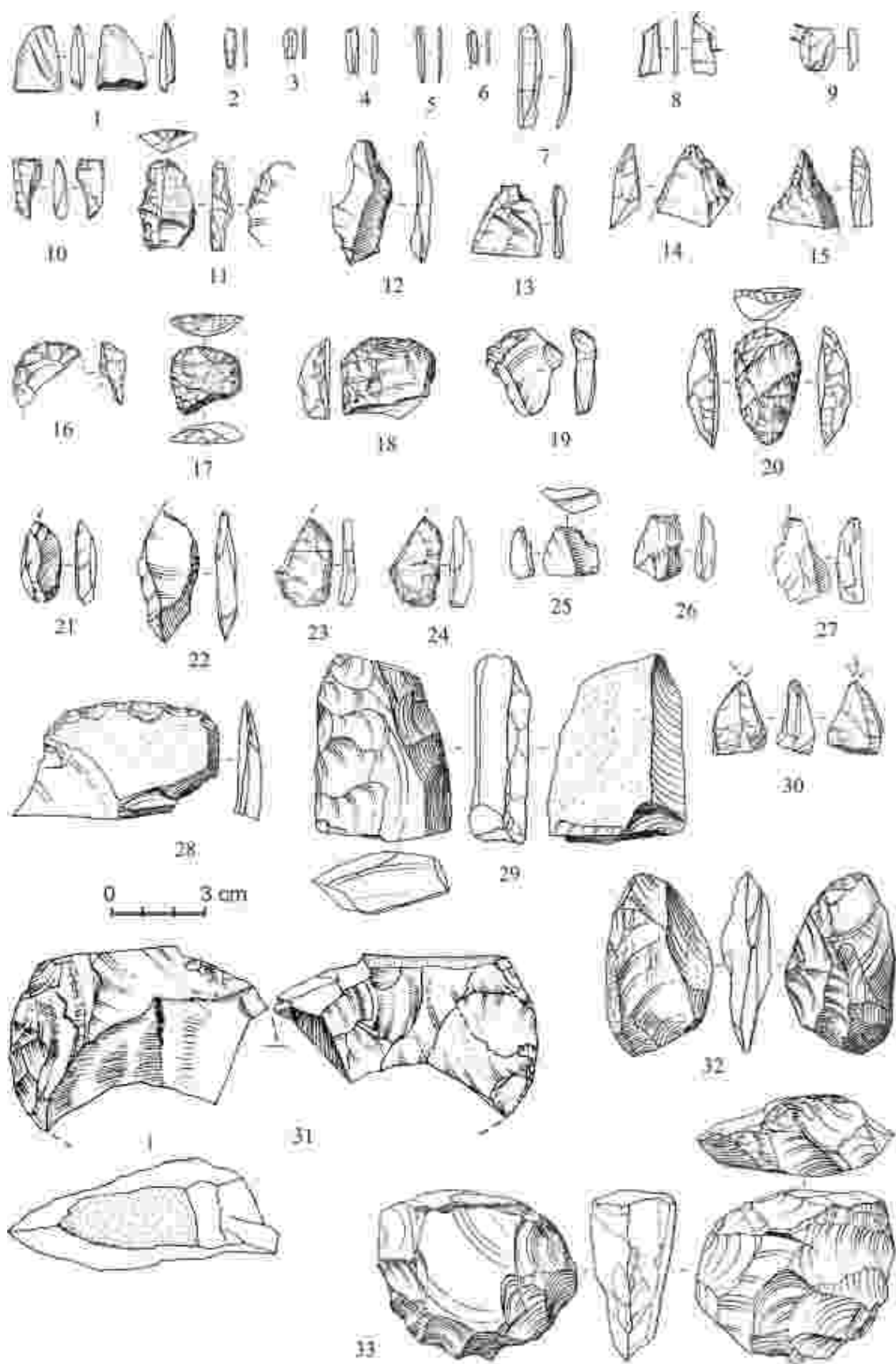

Рис. 169. Стоянка Коврижка III, 2 культурный горизонт. 1-9 - фрагменты микропластин, 10-11 - резчики, 12 - долотовидное изделие, 13-16, 28 - отщепы с красной ретушью, 17 - проколка, 18-22 - скребки, 23-27, 29, 32 - резцы, 30 - нож, 31 - двойное боковое скребло, 33-35 - бифасы.

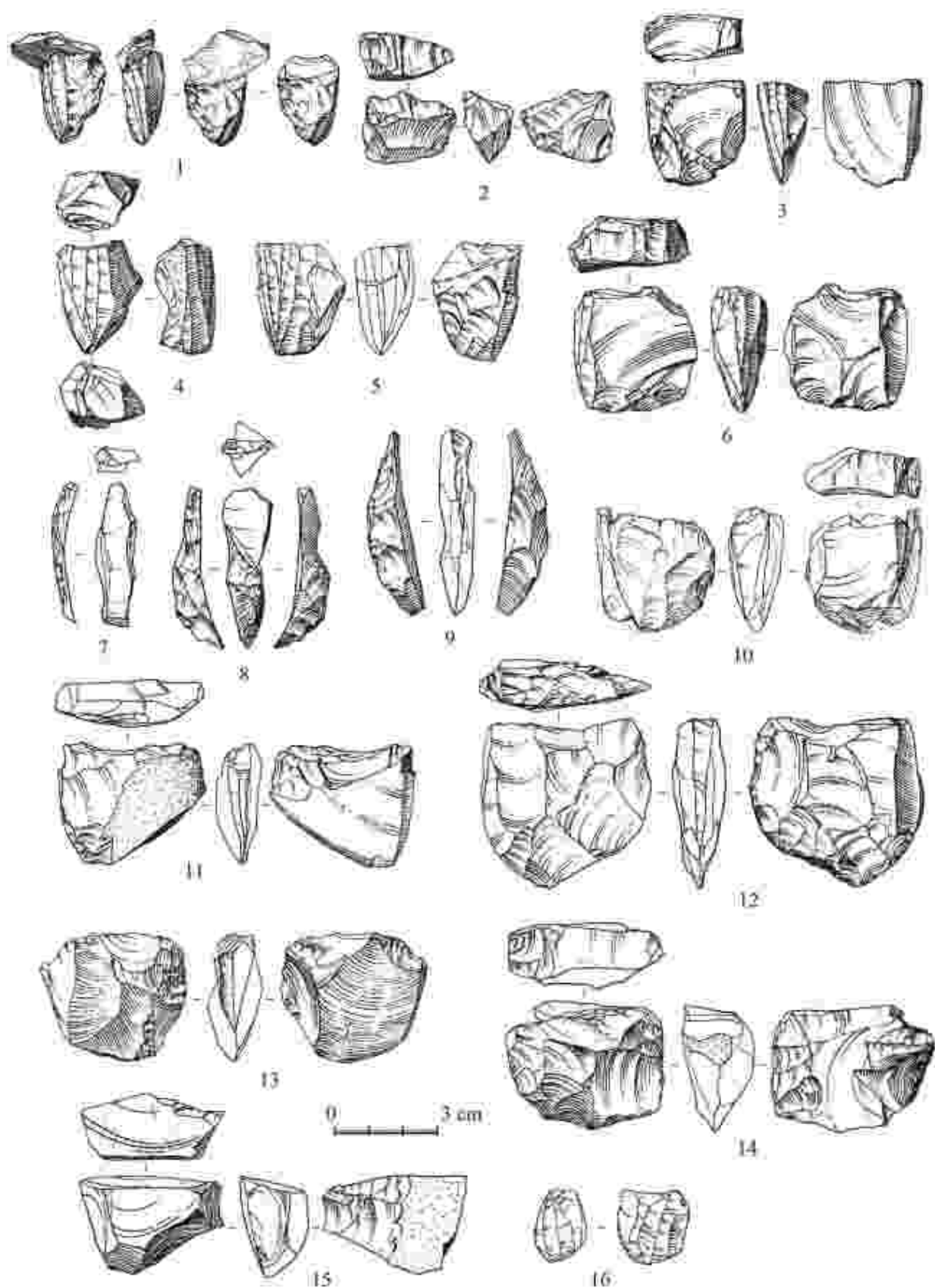

Рис. 170. Стоянка Коврижка III. 2 культурный горизонт. 1, 3-6, 10-13, 16 - микронуклеусы, 2, 14, 15 - преформы микронуклеусов, 7, 8 - лажевидные сколы, 9 - краевой скол с бифаса.

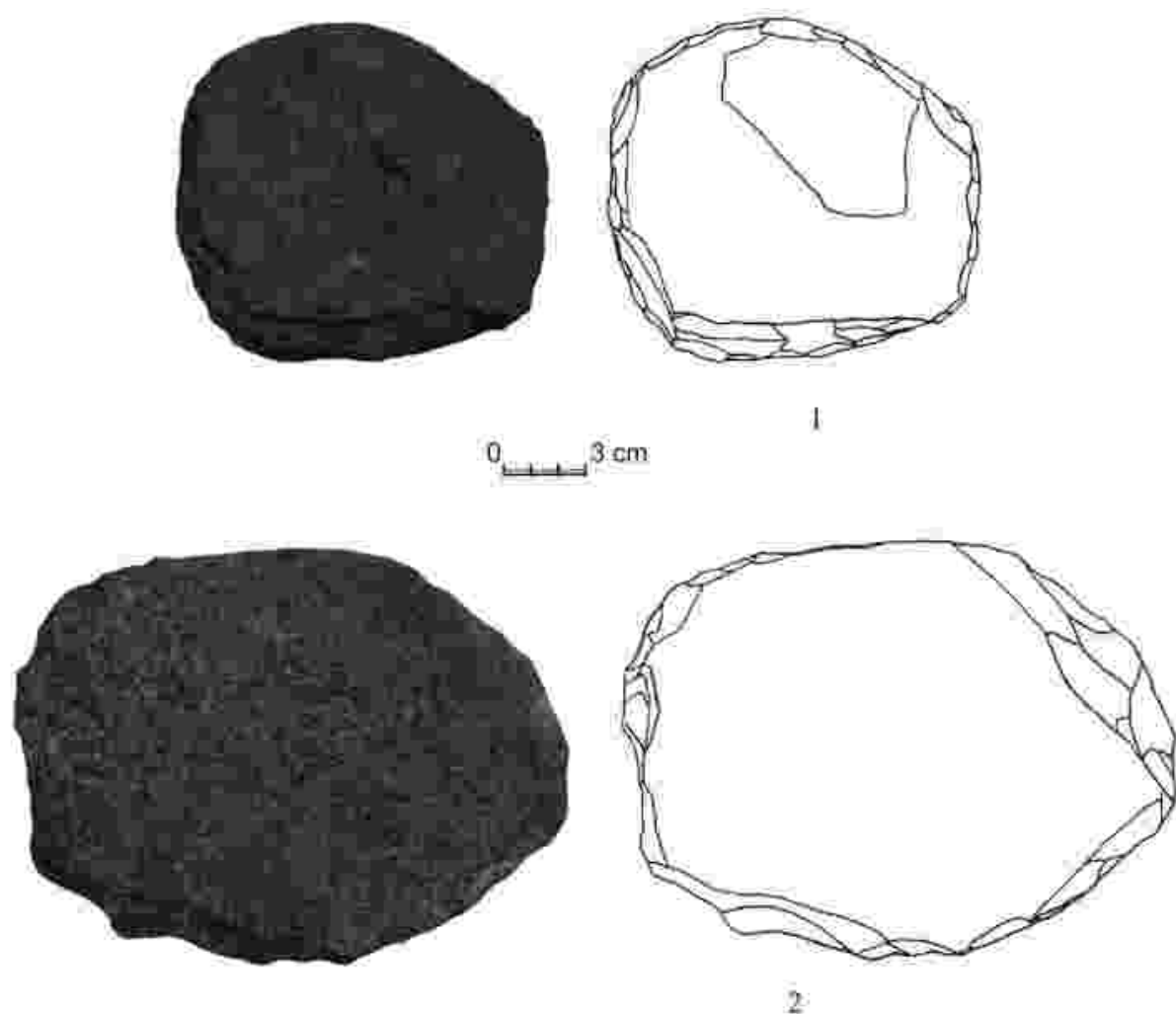

Рис. 171. Стоянка Коврижка III. 2-культурный горизонт. Фото и прорисовка дисков из Y-образной конструкции верхнего уровня 2-го культурного горизонта, комплексе очага 5. 1 – верхний диск, 2 – нижний диск.

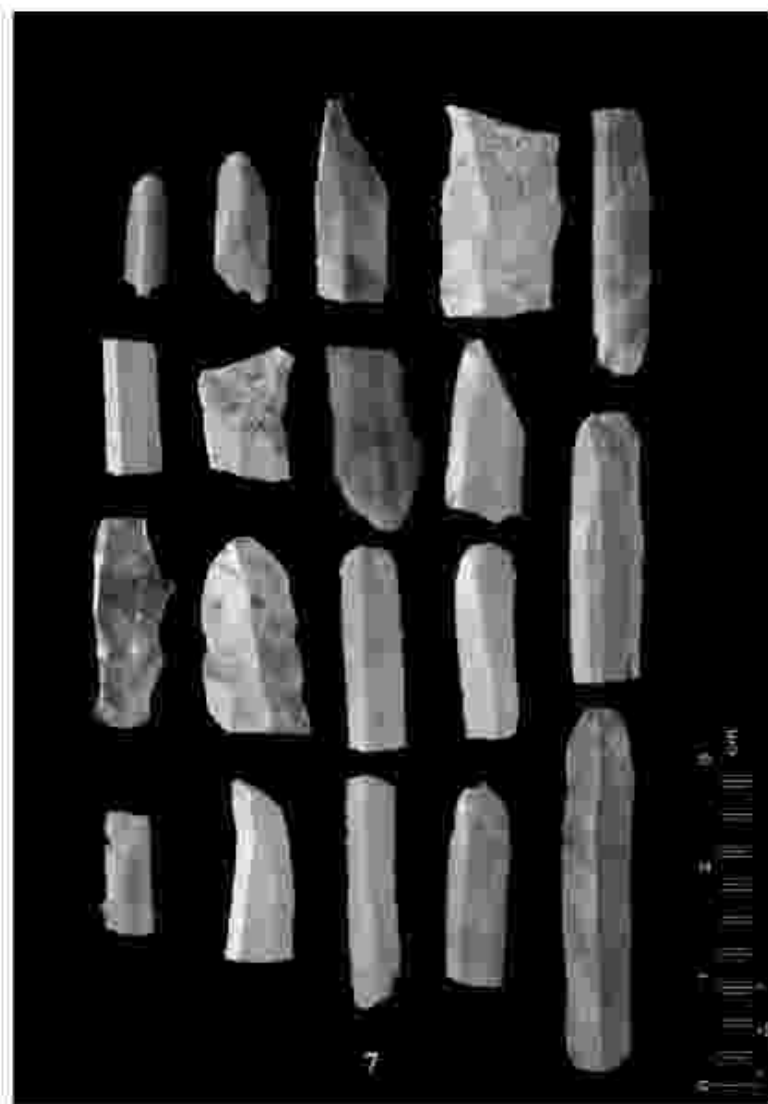
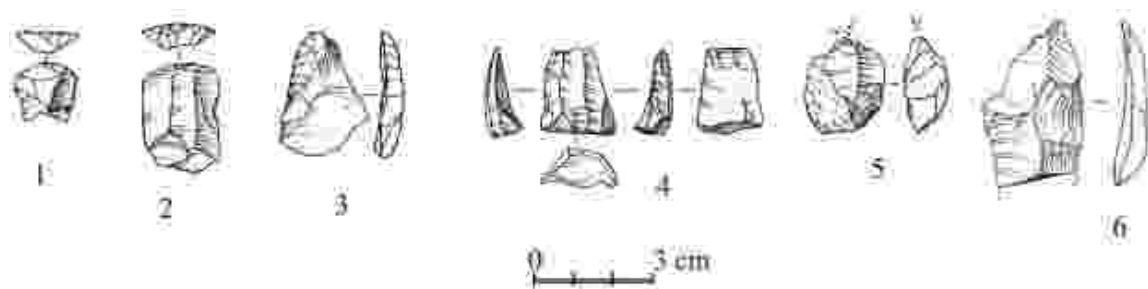

Рис. 172. Стоянка Коврижка III. Культурный горизонт IA - 1-5: 1, 2 - скребки, 3 - нож, 4 - долотообразное орудие из фронтального скола с призматического микроядруса, 7 - микропластины, 8 - блюдцеобразный валун; культурный горизонт I: 5 - резец, 6 - остроконечник.

Терраса 17-18 м

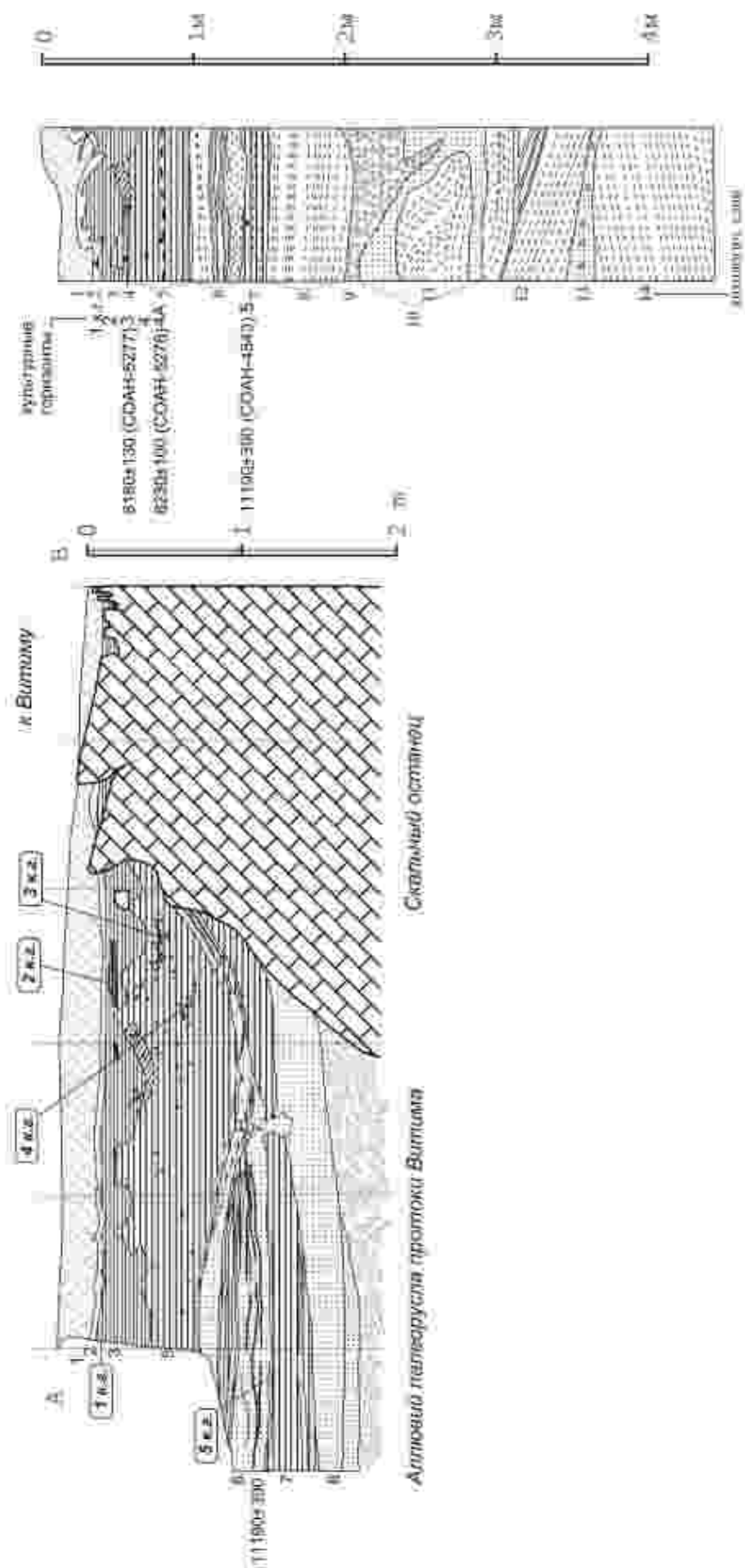

Рис. 173. Стоянка Кобрязка II. Слева - профиль А-В (см. рис. 8), справа - сводная стратиграфическая колонка.

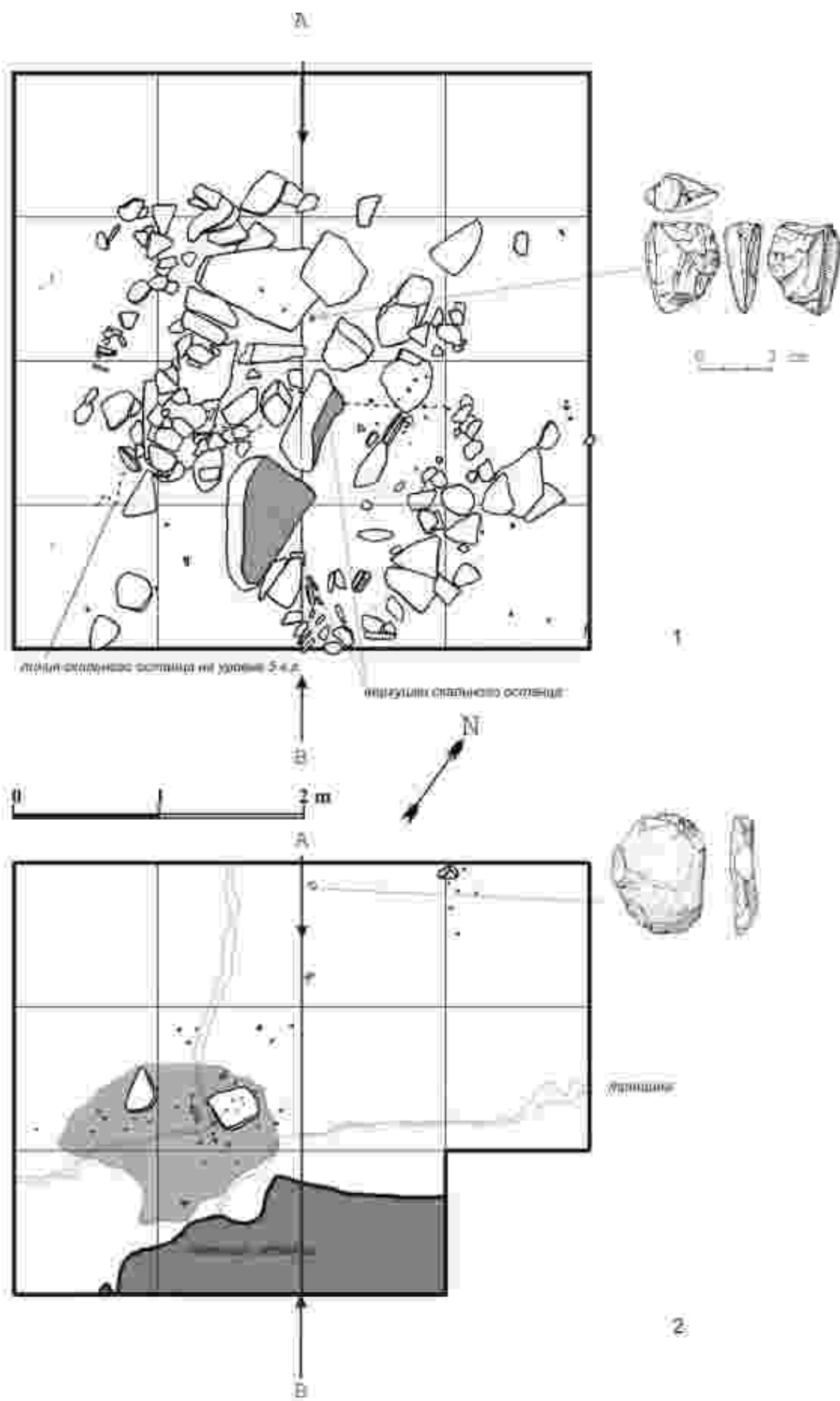

Рис. 174. Стоянка Коврижка II. 1 - план 2 культурного горизонту, 2 - план 5 культурного горизонту.

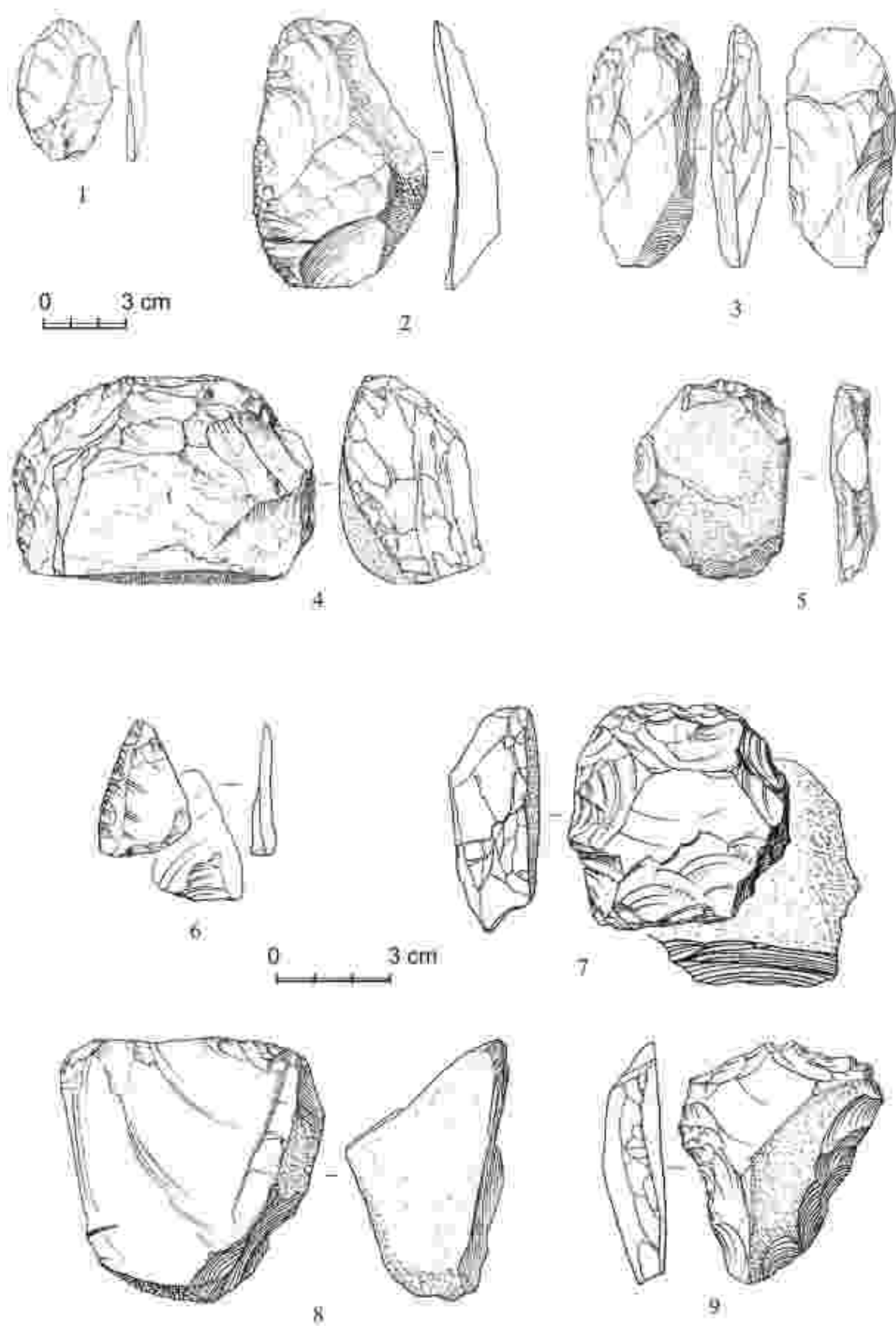

Рис. 175. Стоянка Коврижка II: 1-3 - из 1 к.г., 4 - из 3 к.г., 5 - из 5 к.г.; 1 - нож, 2 - скребло, 3 - тесловидный скребок, 4 - скребло, 5 - двойной концевой скребок; 4А культурный горизонт; 6 - нож из горного хрусталя, 7, 9 - скребки, 8 - скоп с ретушью (скобель-струг?).

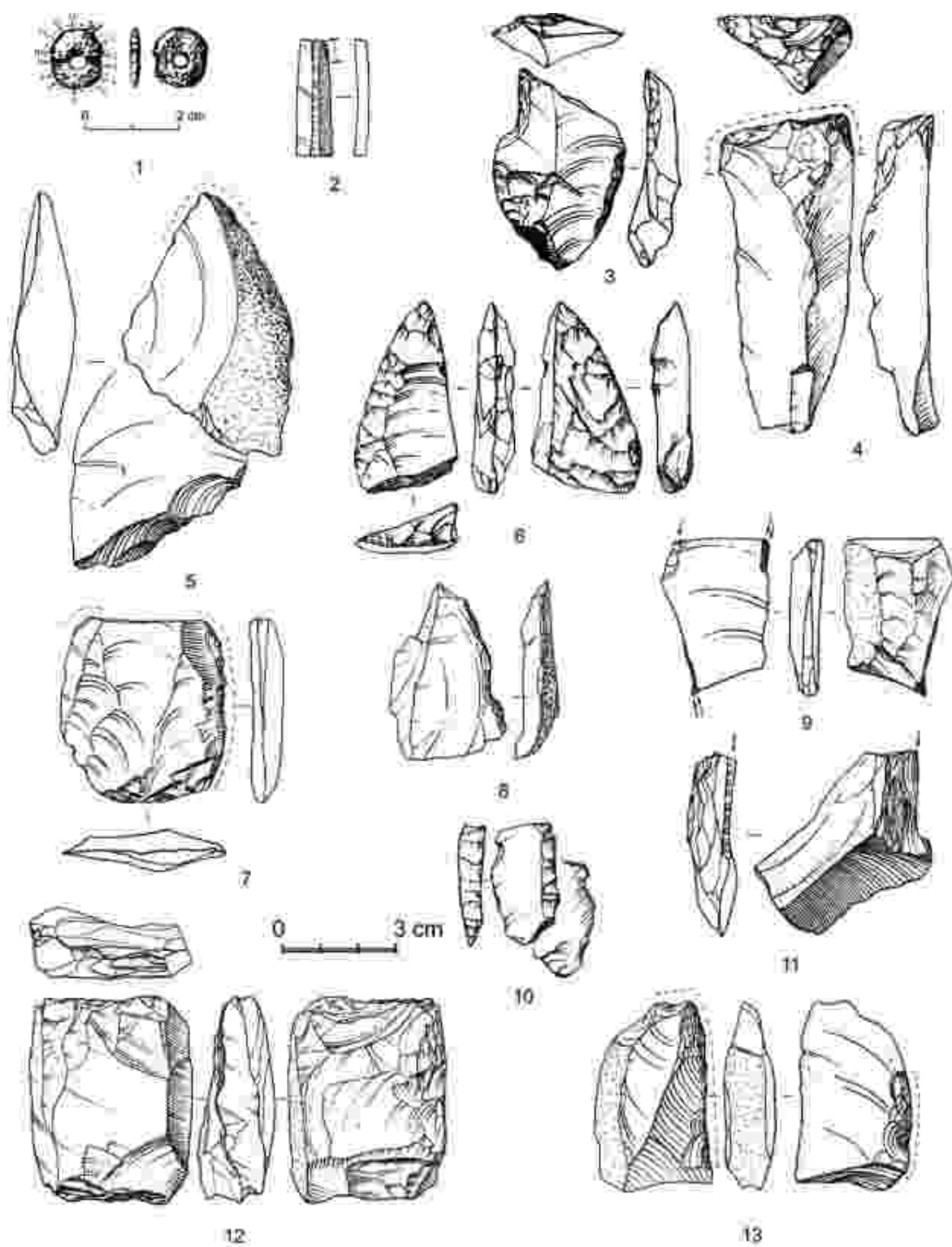

Рис. 176. Стоянка Кавряжка II, 3 культурный горизонт: 1 - бусина, 2 - резчик, 3 - провертка (остроконечник), 4 - скребок, 5 - остроконечник, 6 - бифас, 7, 10 - отщеп с ретушью, 8, 13 - скобелы, 9, 11 - реза, 12 - долотошцное орудие.

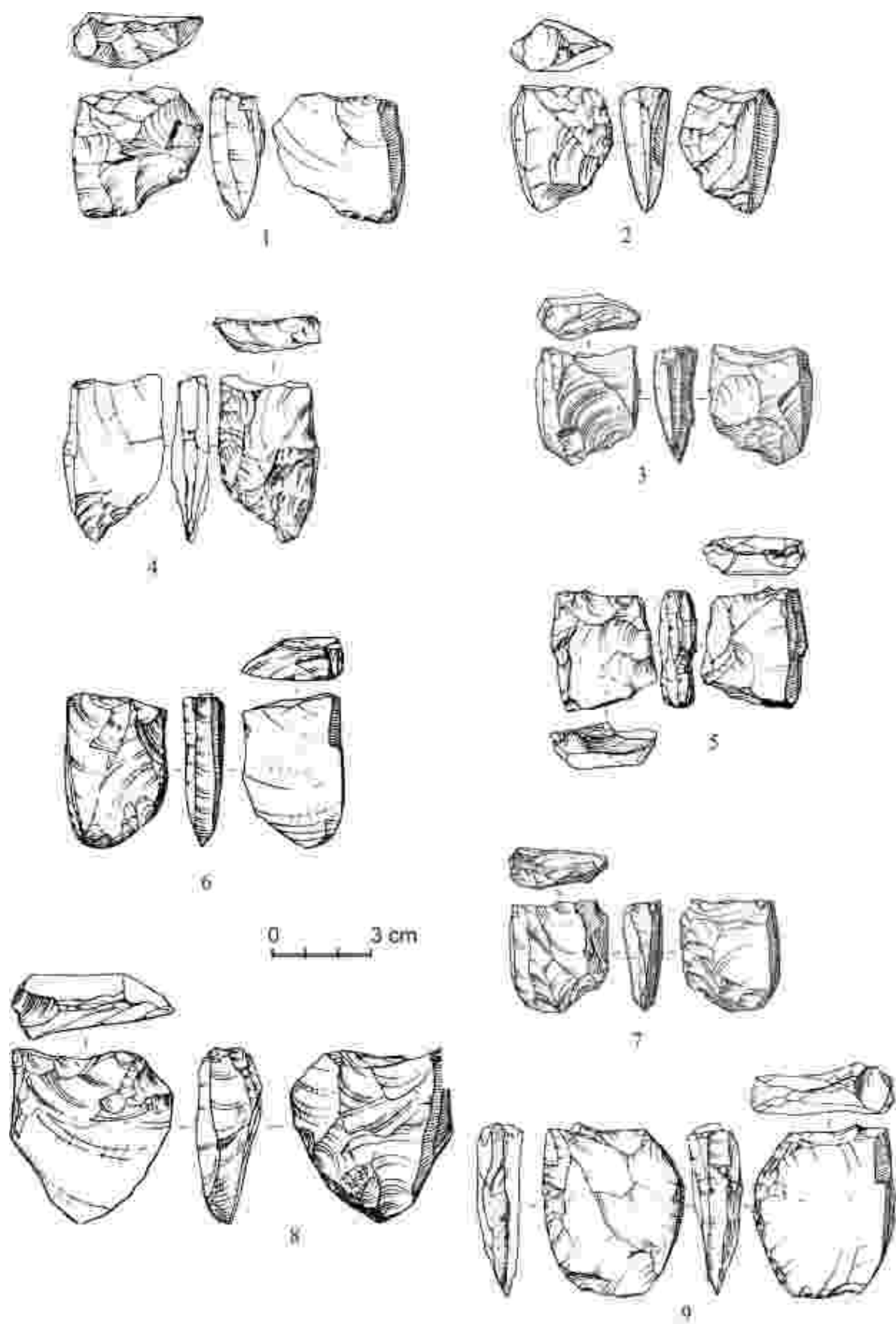

Рис. 177. Стоянка Коврыжка II, микронуклеусы: 1 - 1 к.г., 2,3 - 2 к.г., 4-9 - 3-4 к.г.

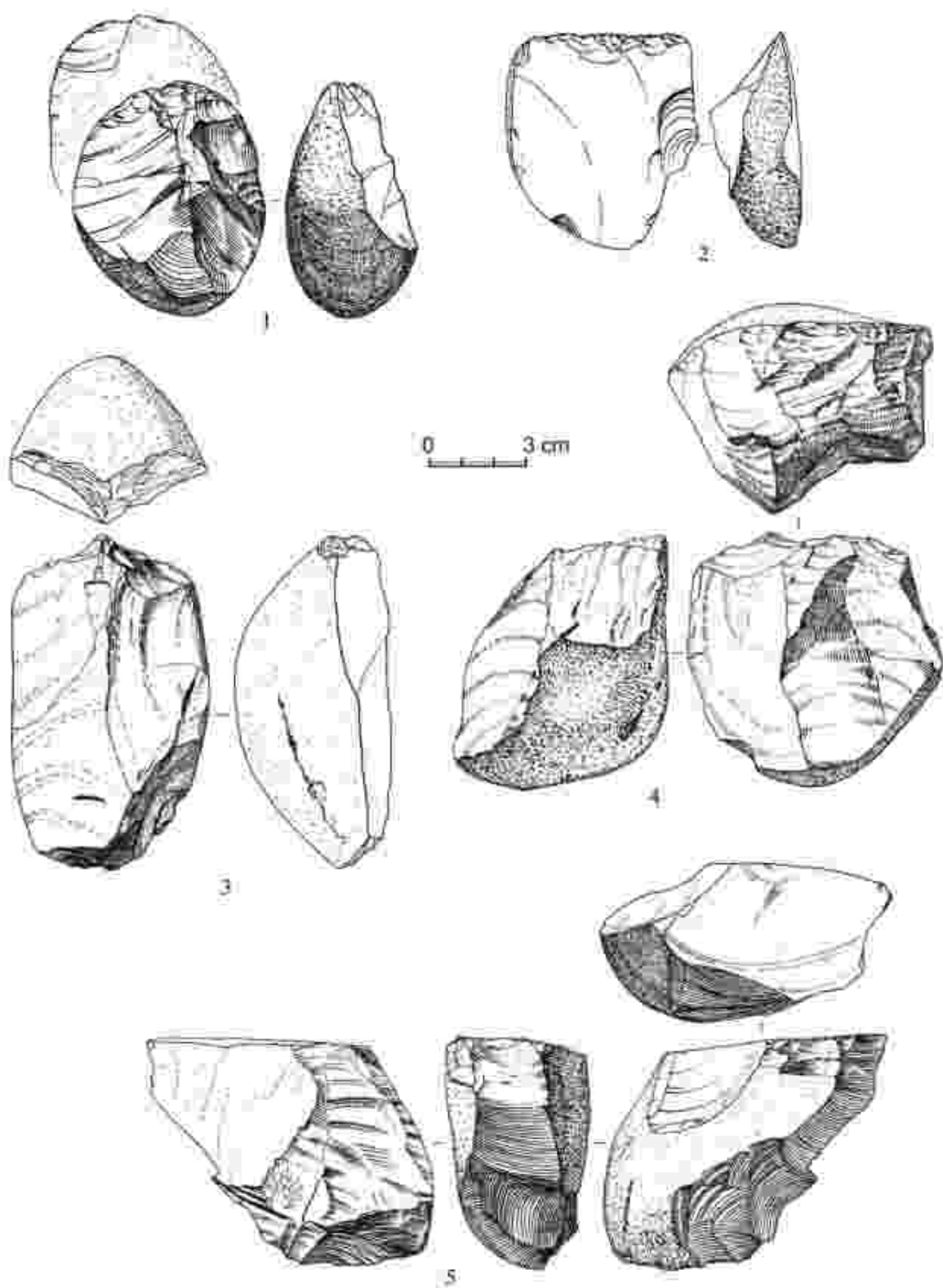

Рис. 178. Стоянка Коприжка II: культурные горизонты 3-4: 1 - чоппер, 2 - скол с ретушью (скобель-стружок), 3-5 - чопперы - галечные стружковые орудия.

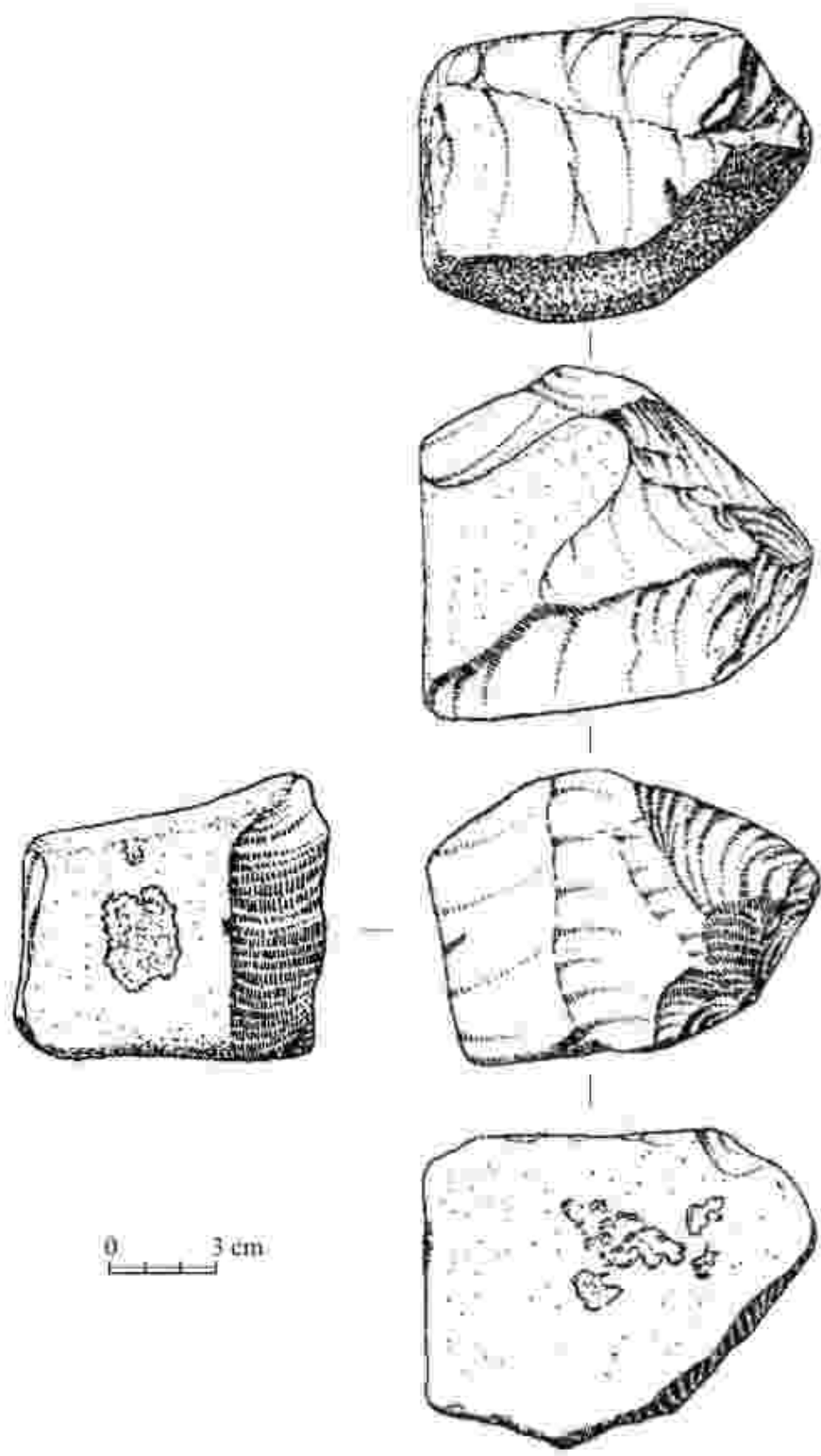

Рис. 179. Стоянка Коврижка II: нуклеус из 3 к.г.

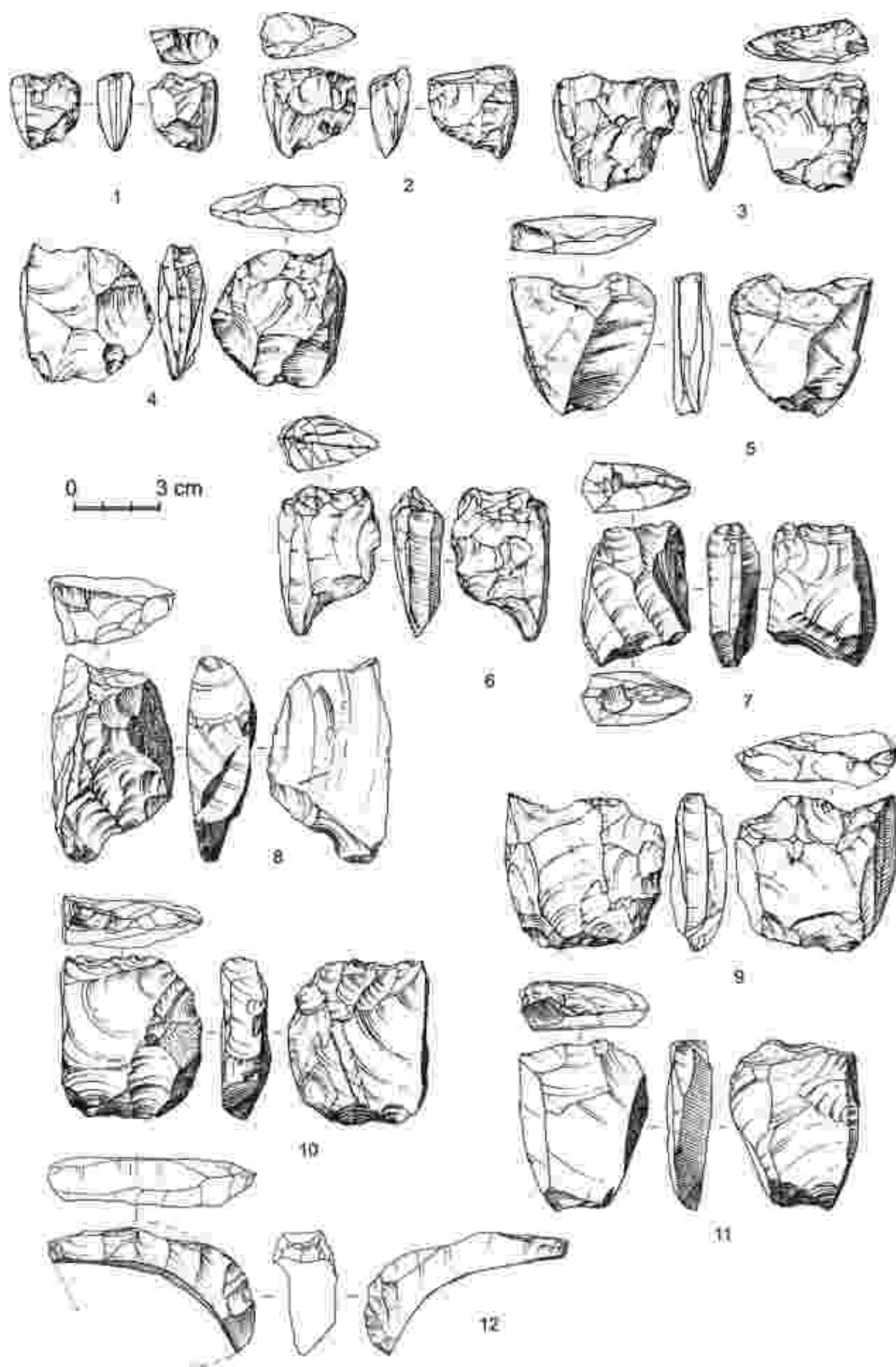

Рис. 180. Стоянка Коврыжка II: подъемный материал. 1-7,9 - терминальные нуклеусы, 8, 10,11 - преформы нуклеусов, 12- двоявленный скол с клиновидного (терминального) нуклеуса.

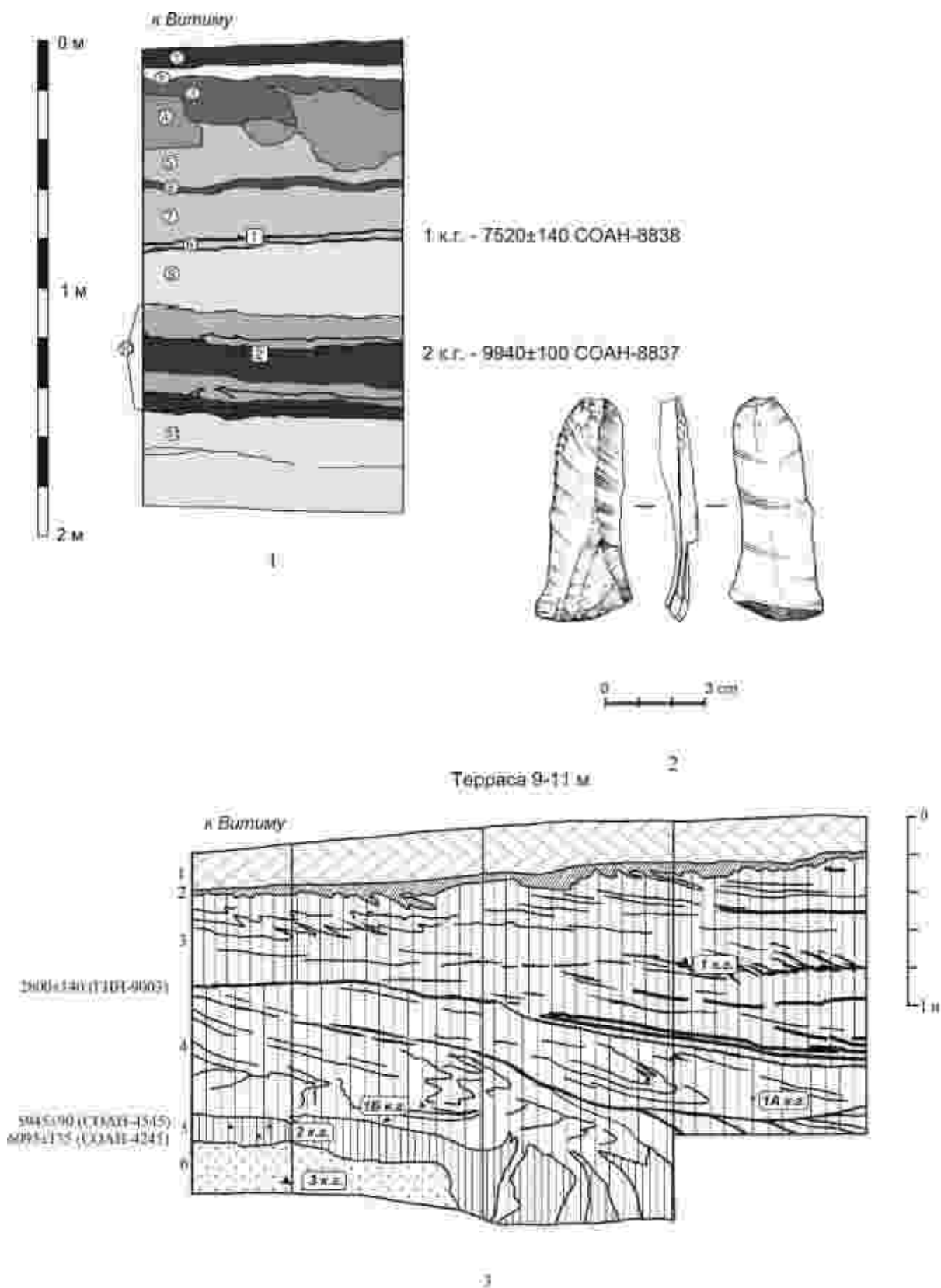

Рис. 181. Местонахождения Коврижка V и I: 1 - стратиграфия Коврижки V, 2 - скол утоньшения бифаса из 2 к.г. Коврижки V, 3 - стратиграфия Коврижки I.

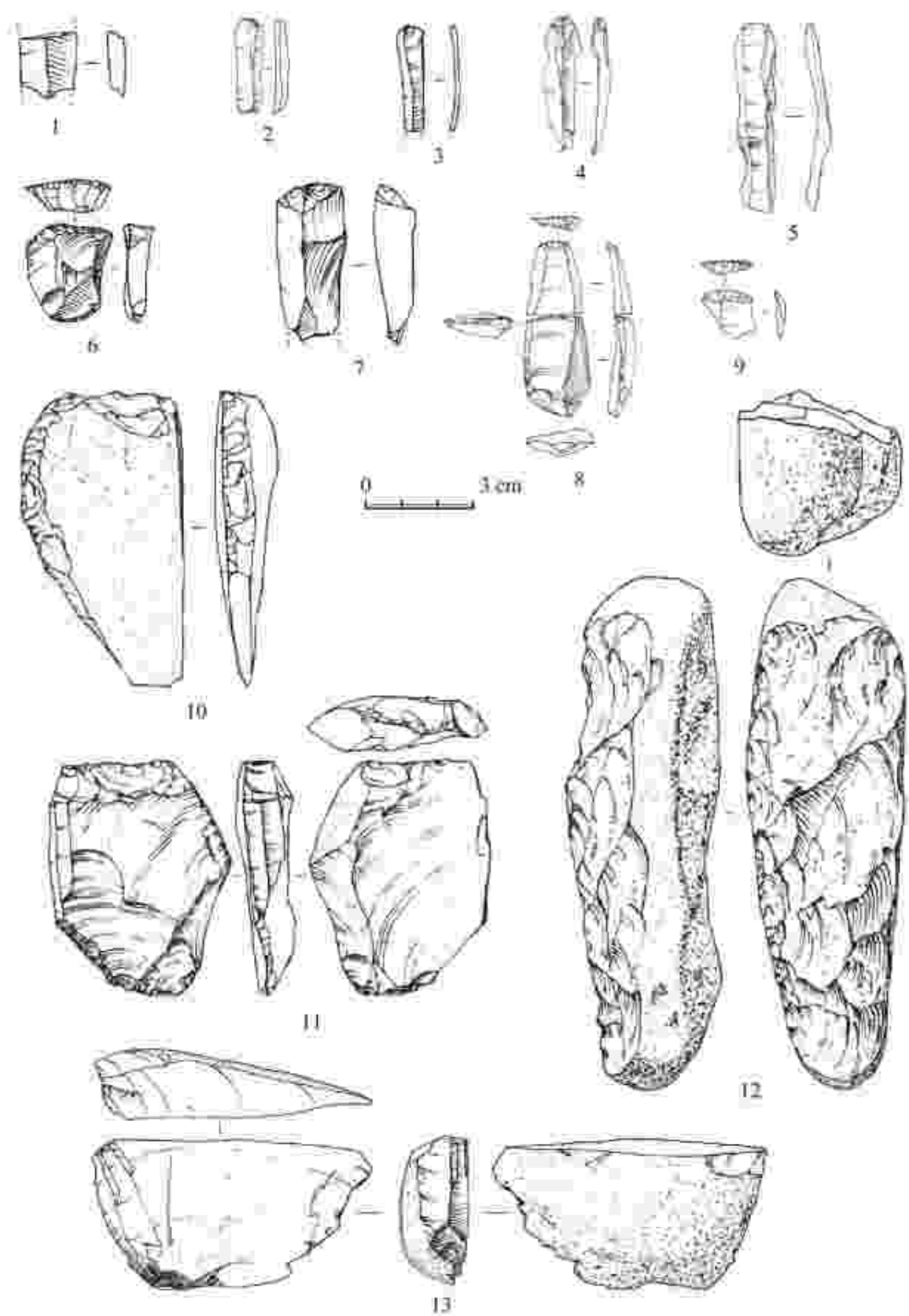

Рис. 182. Местонахождение Коприжка I: 1-5, 7-12 - 2 кл., 6 - 1А кл., 13 - 3 кл., 1-5 - пластины, 6-9 - скребки, 10, 12 - скребки, 11 - комбинированное орудие, 13 - пугоус.

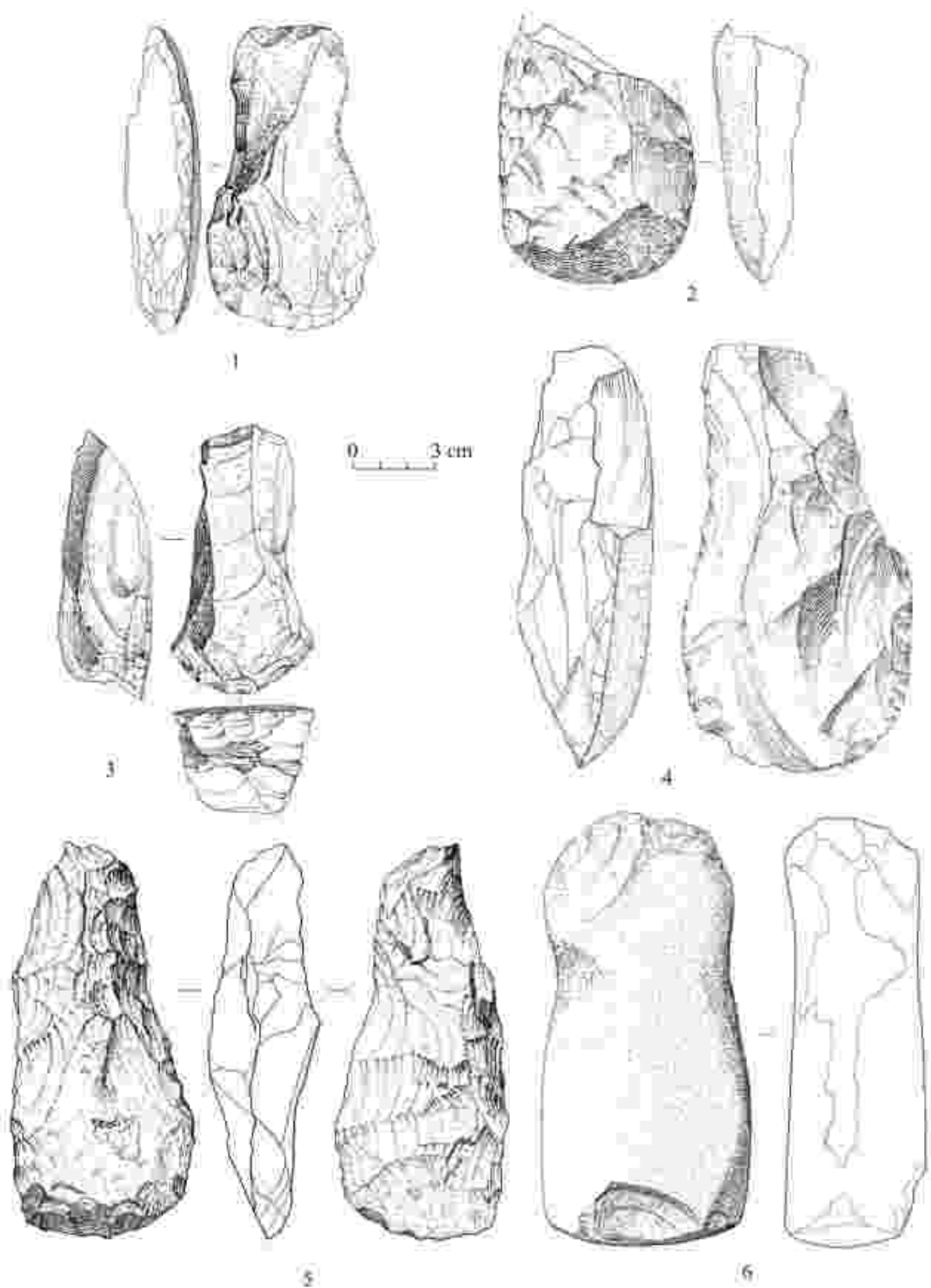

Рис. 183. Местонахождение Коврижка - подъемный материал с пляжа: 1-5 - галечные рубящие орудия (геслы, топоры), 6 - молот-пест.

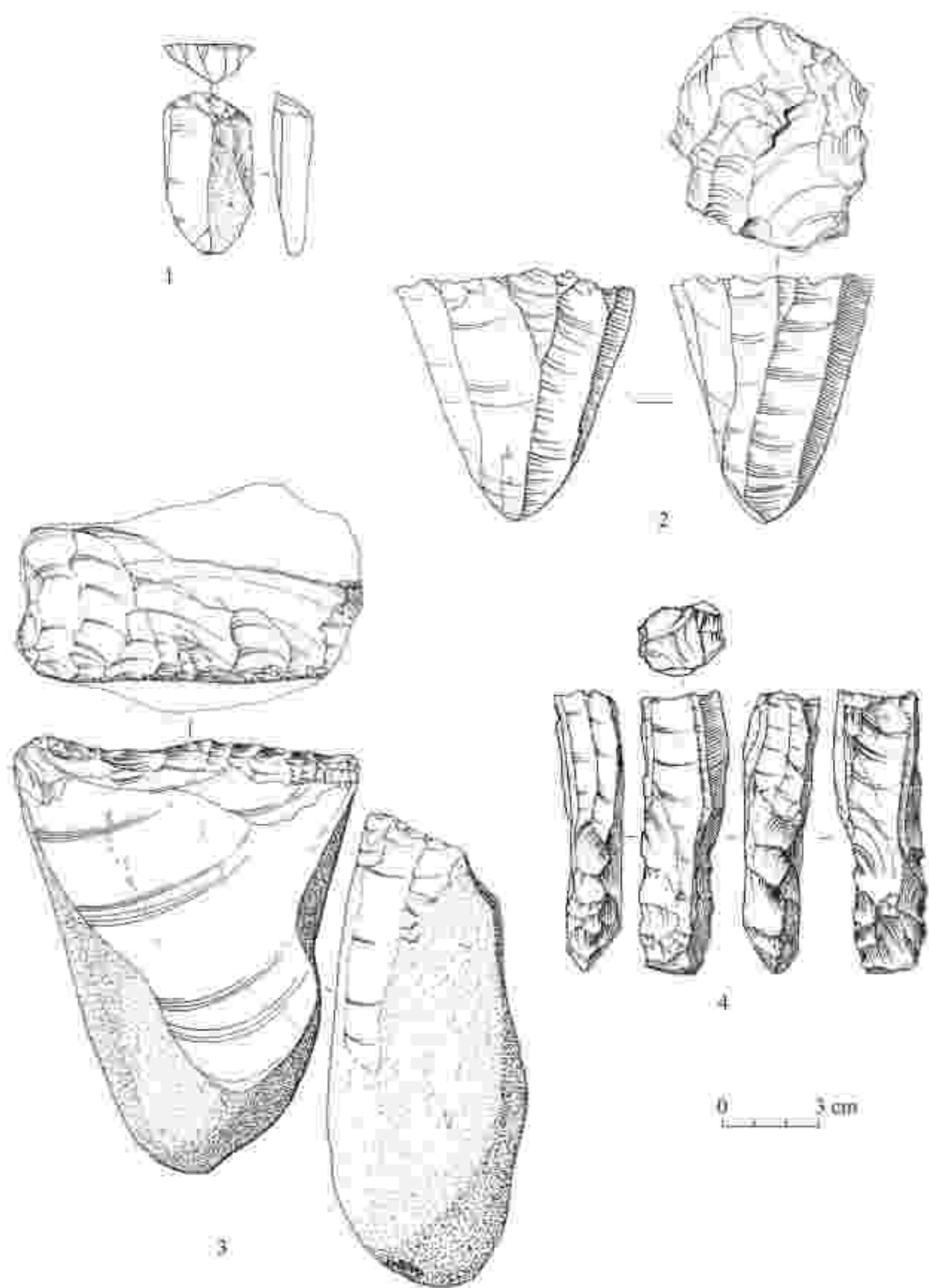

Рис. 184. Местонахождение Коврижка I - подъемный материал с пляжа: 1 - скребок, 2, 4 - нуклеусы, 3 - чоппер.

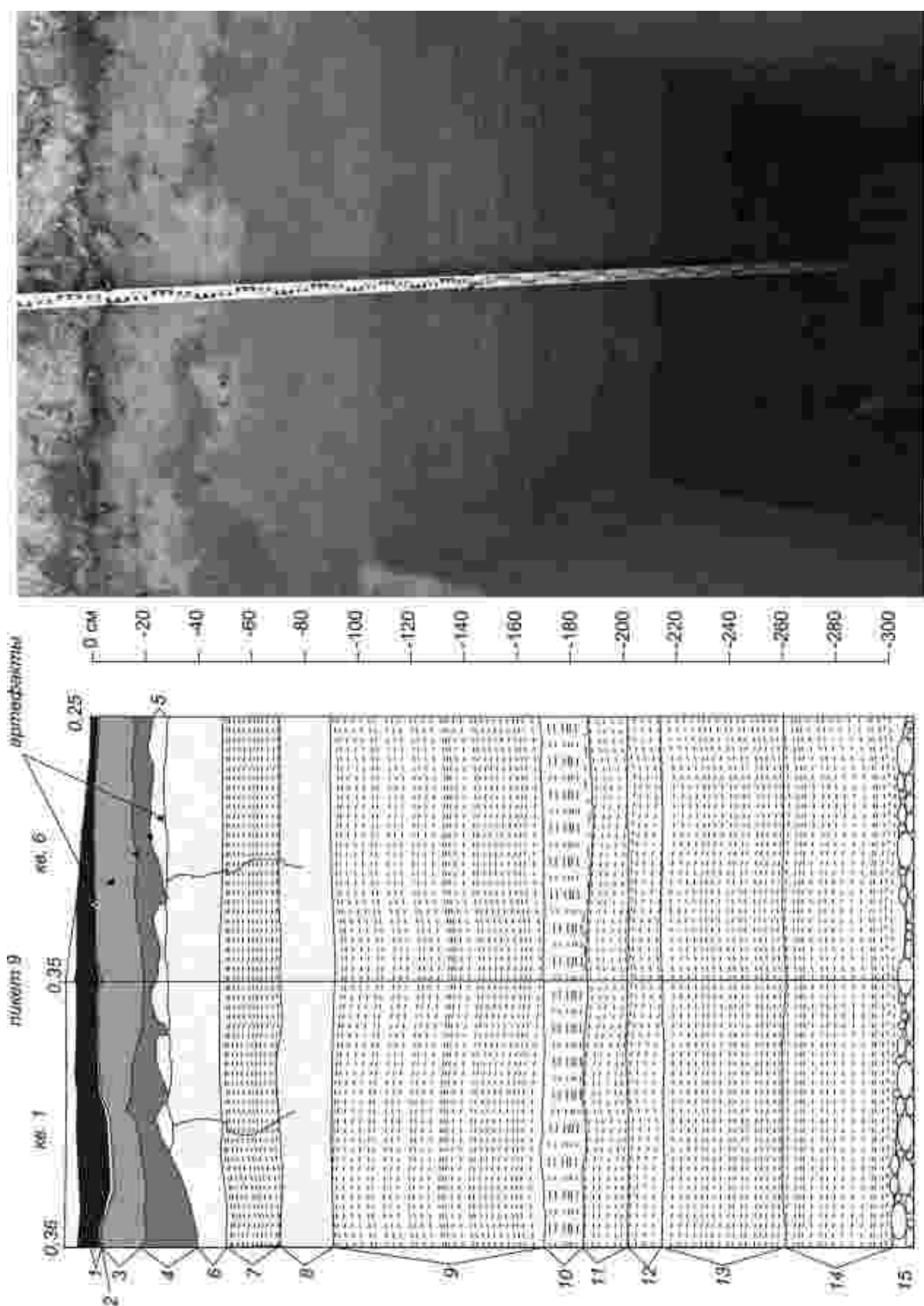

Рис. 185. Местонахождение Ниракан I. Раскоп 2. Стратиграфический разрез. Юго-западная стенка.

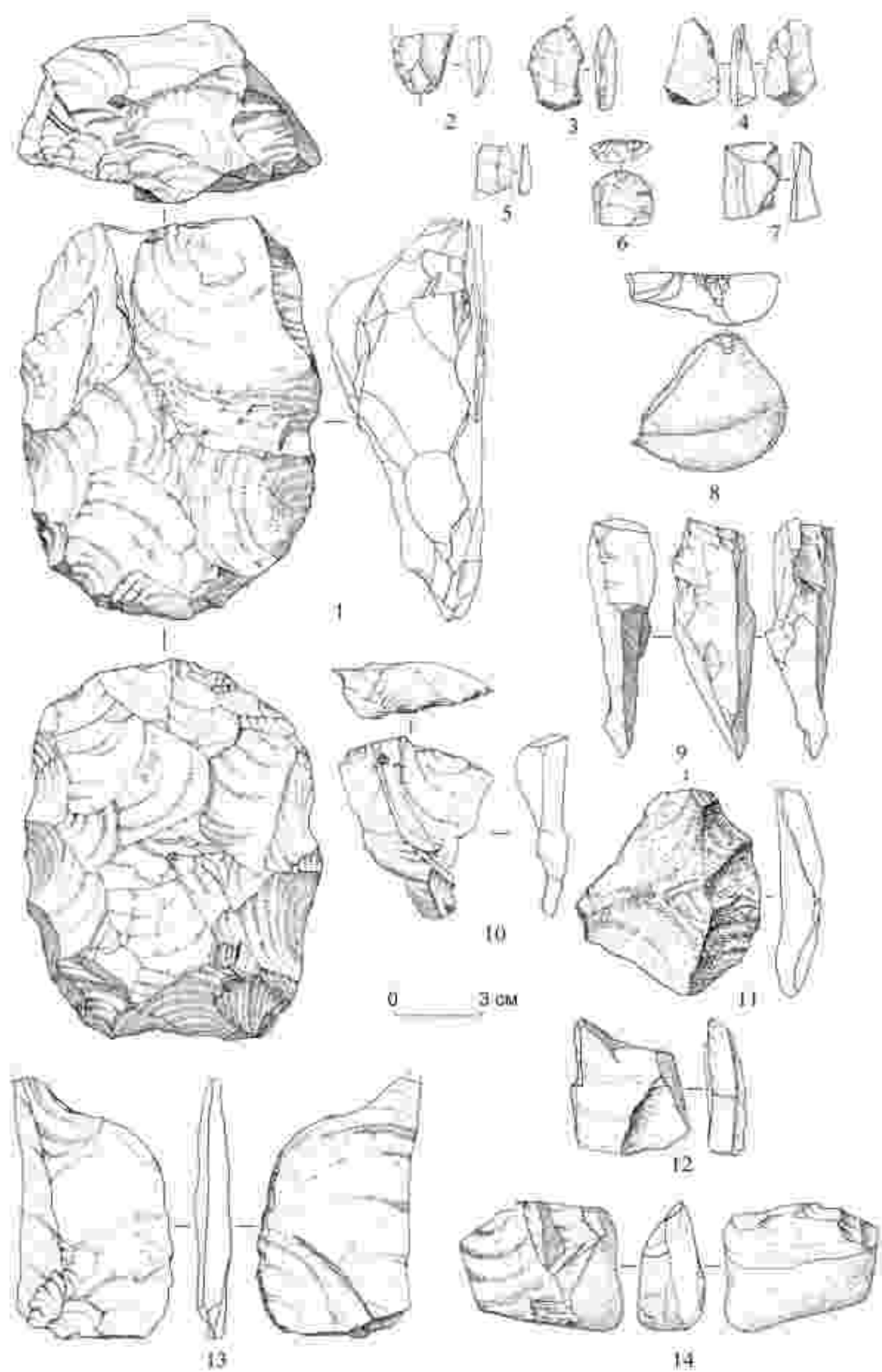

Рис. 186. Местонахождение Нирьякан I. Культурный горизонт 2: 1, 9, 12, 14 - нуклеусы, 2, 4, 7, 10, 11 - отщепы с ретушью, 3 - трансверсальной резец, 5 - фрагмент пластинки, 6, 8 - скребки, 13 - комбинированное орудие (остроконечник, скребло, нож?); 6, 8 - кварц; остальные - метаморфизирован. породы.

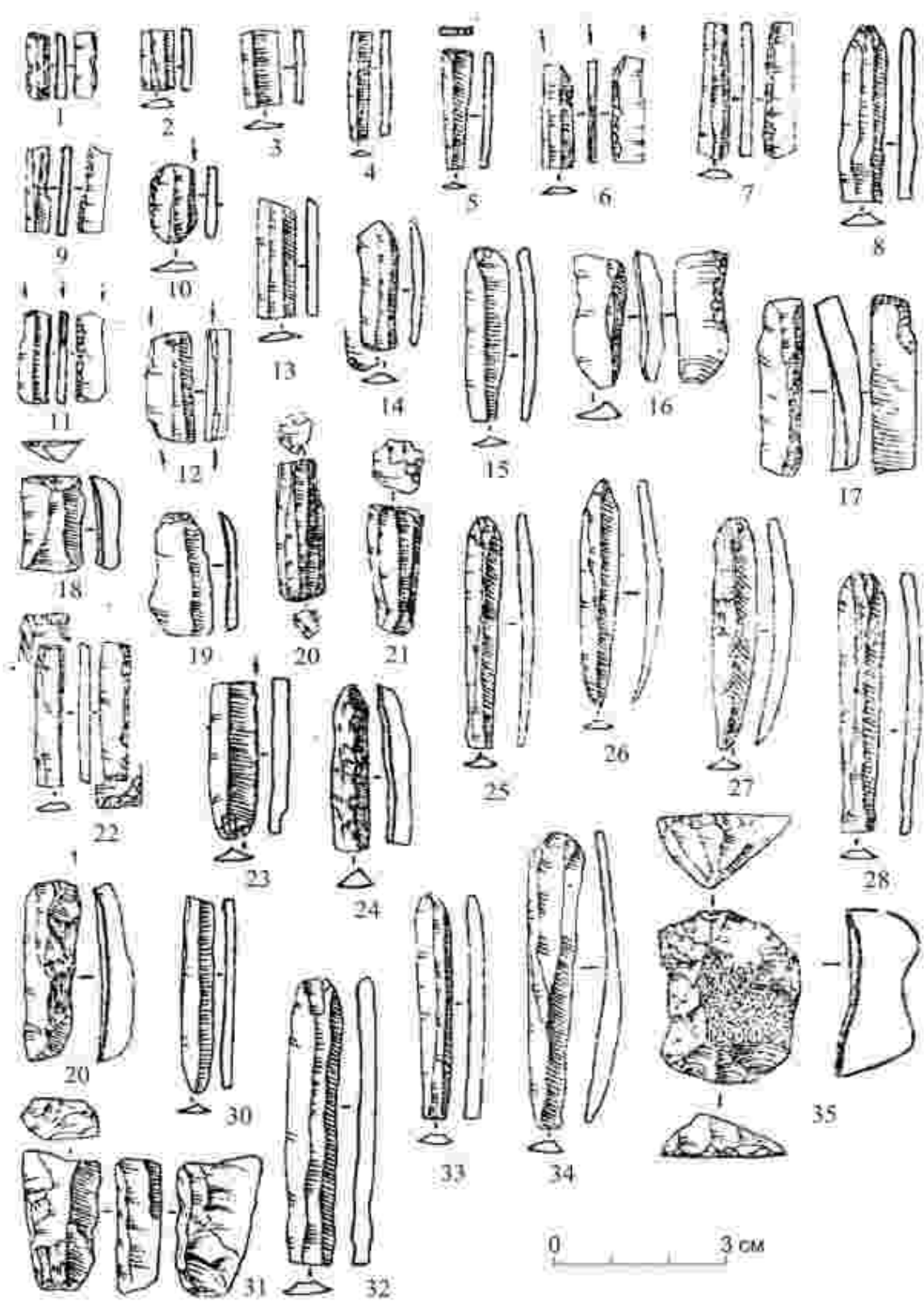

Рис. 187. Стоянка Большая Северная: каменный инвентарь (по: Монахов Ю.А., 1977).

1

9630±50 Poz-106864
10220±50 Poz-106966

2

Рис. 188 Стоянка Павлова. 1 - общий вид и стратиграфия шурфа 2, 2 - стратиграфия шурфа 1.

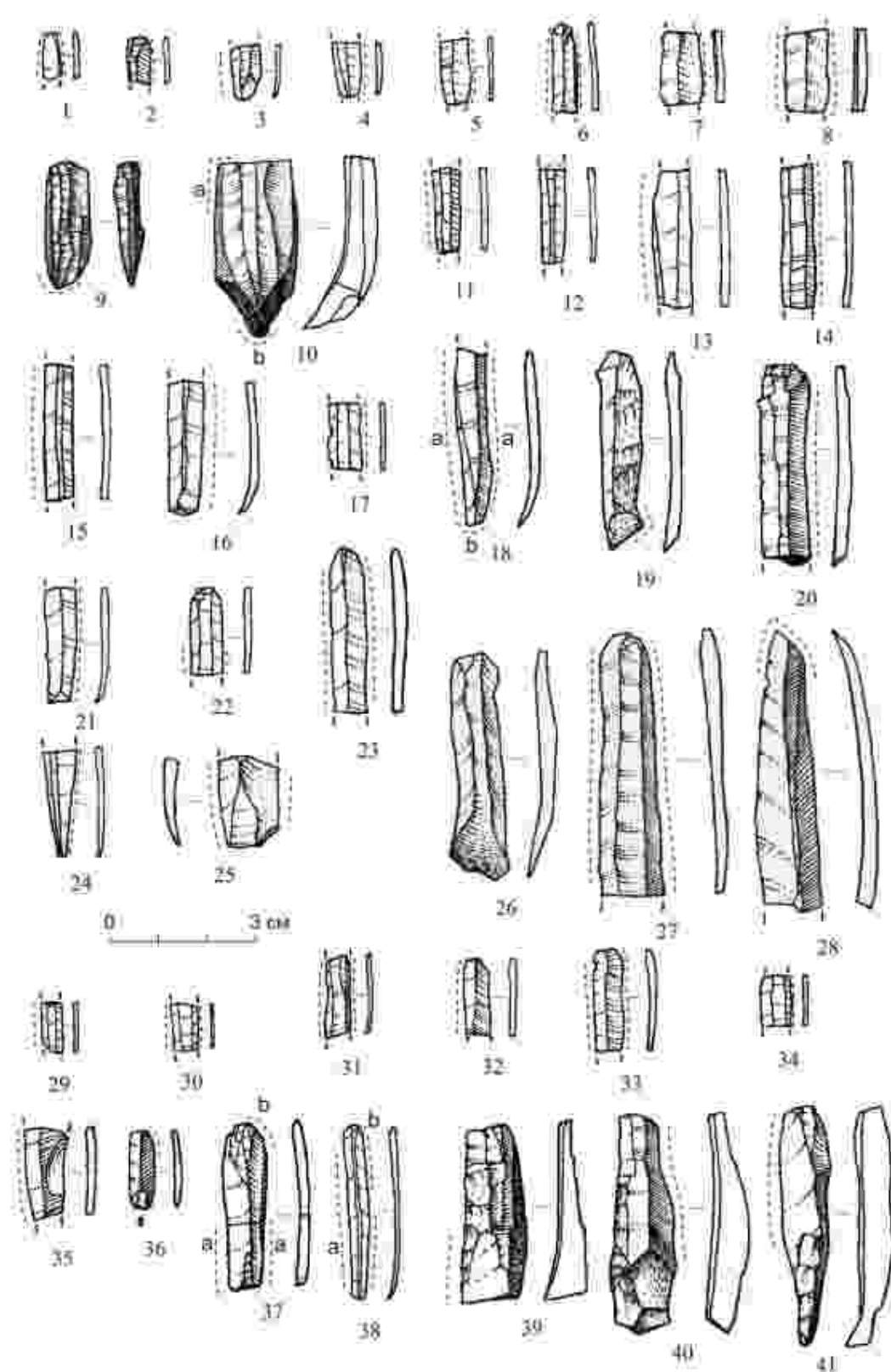
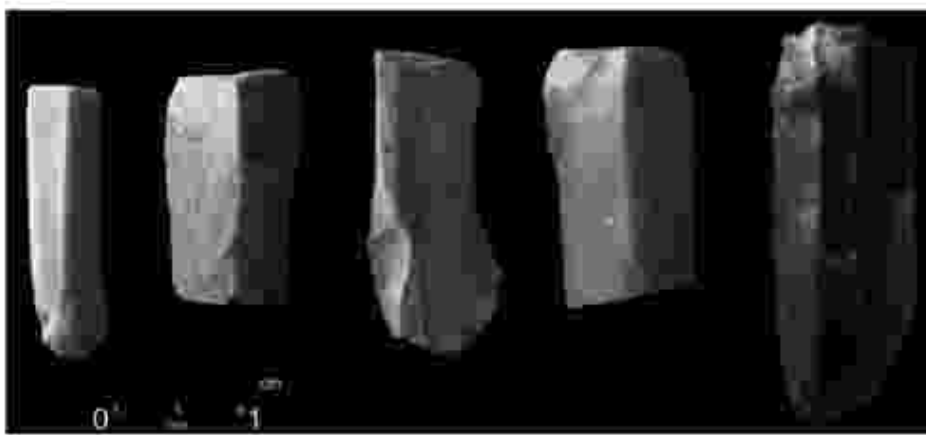
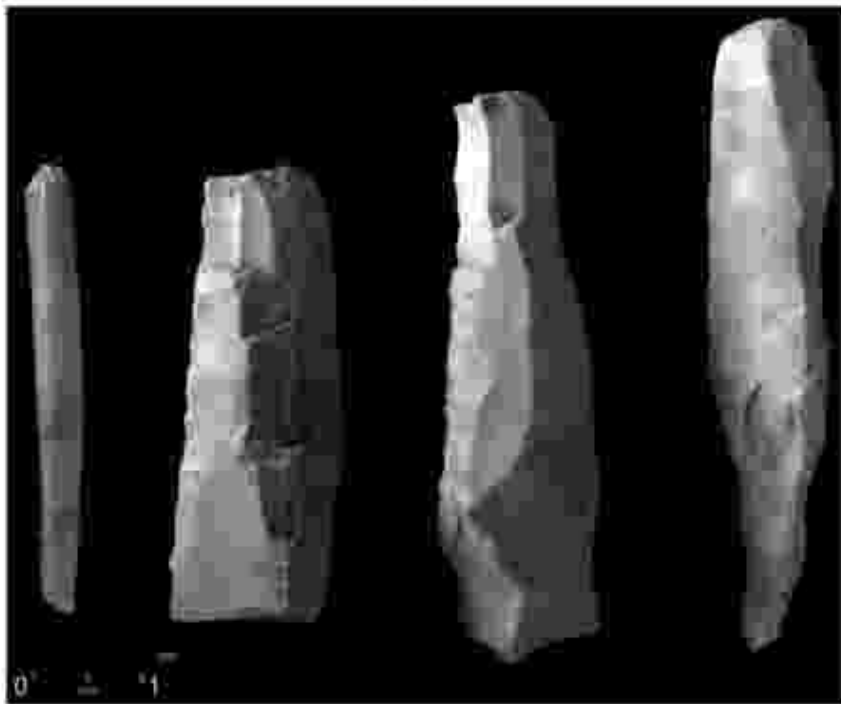

Рис. 189. Стоянка Павлова I. Изделия из камня. 1 культурный горизонт: 1–8, 11, 13–17, 20–25, 27 ножи для мяса, 9 – микроскребок по кости и рогу, 12 – резчик-строгальный нож по кости и рогу, 10 – комбинированное орудие (а – нож для мяса, б – микроскребок по кости/рогу), 19 – резчик кости/рогу; 26 – без следов, 28 – проколка по шкуре, 10 – комбинированное орудие (а – резчик по минеральному материалу, б – проколка по шкуре); 2 культурный горизонт: 29–35, 39–40 ножи для мяса, 36 – резчик-скребель по кости и рогу, 41 – скребель по дереву, 37 – комбинированное орудие (а – резчик по кости и рогу, б – резчик-строгальный нож по кости и рогу), 38 – комбинированное орудие (а – резчик-нож, б – пила по минеральному сырью) (по: Уланов А.А. и др., 2020).

2

3

Рис. 190. Стоянка Павлова. Исследования из камня. 1; 2 - 1 культурный горизонт, 3 - 2 культурный горизонт.

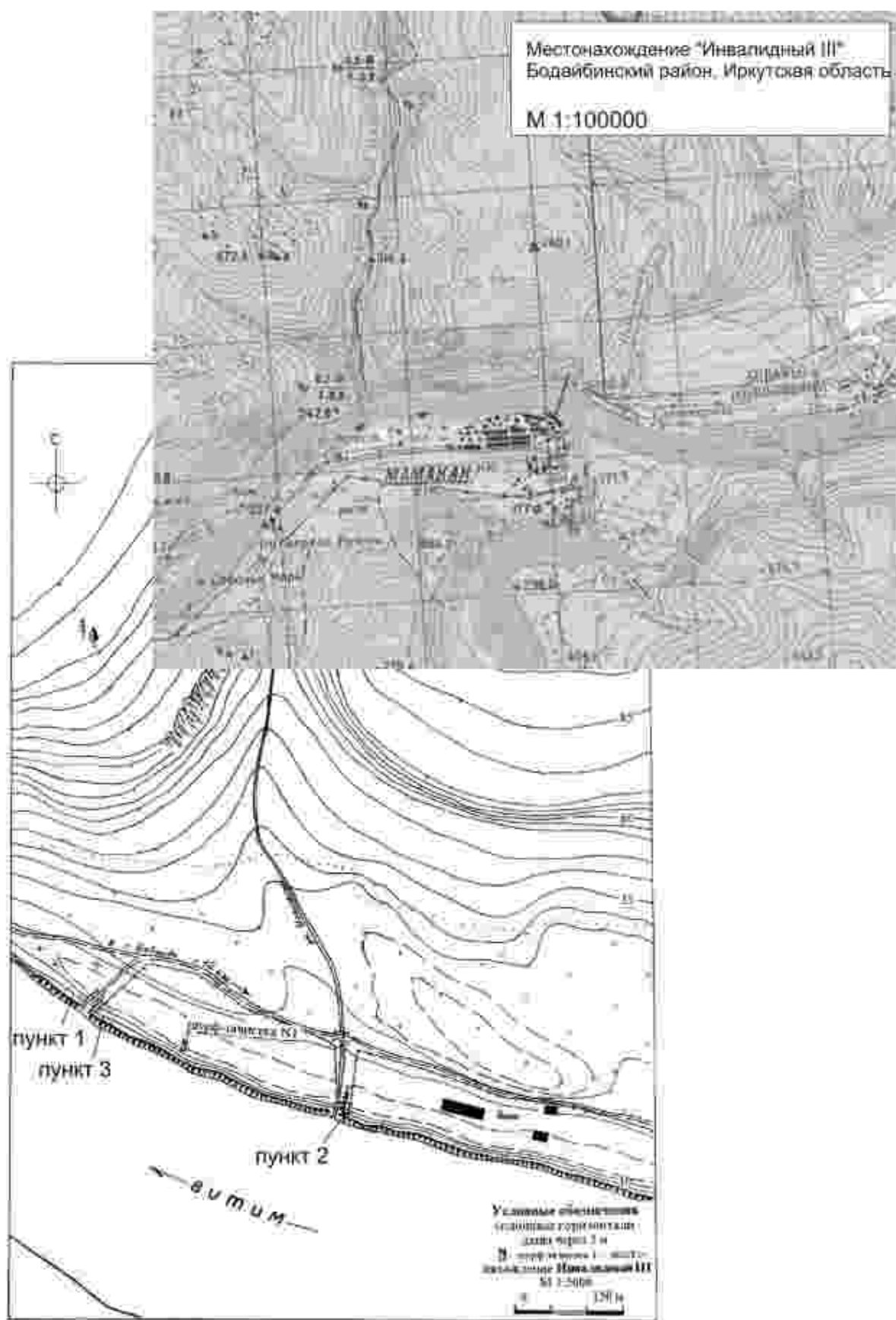

Рис. 191. Карта Мамаканского участка долины р. Витим и план местонахождения Инвалидный III.

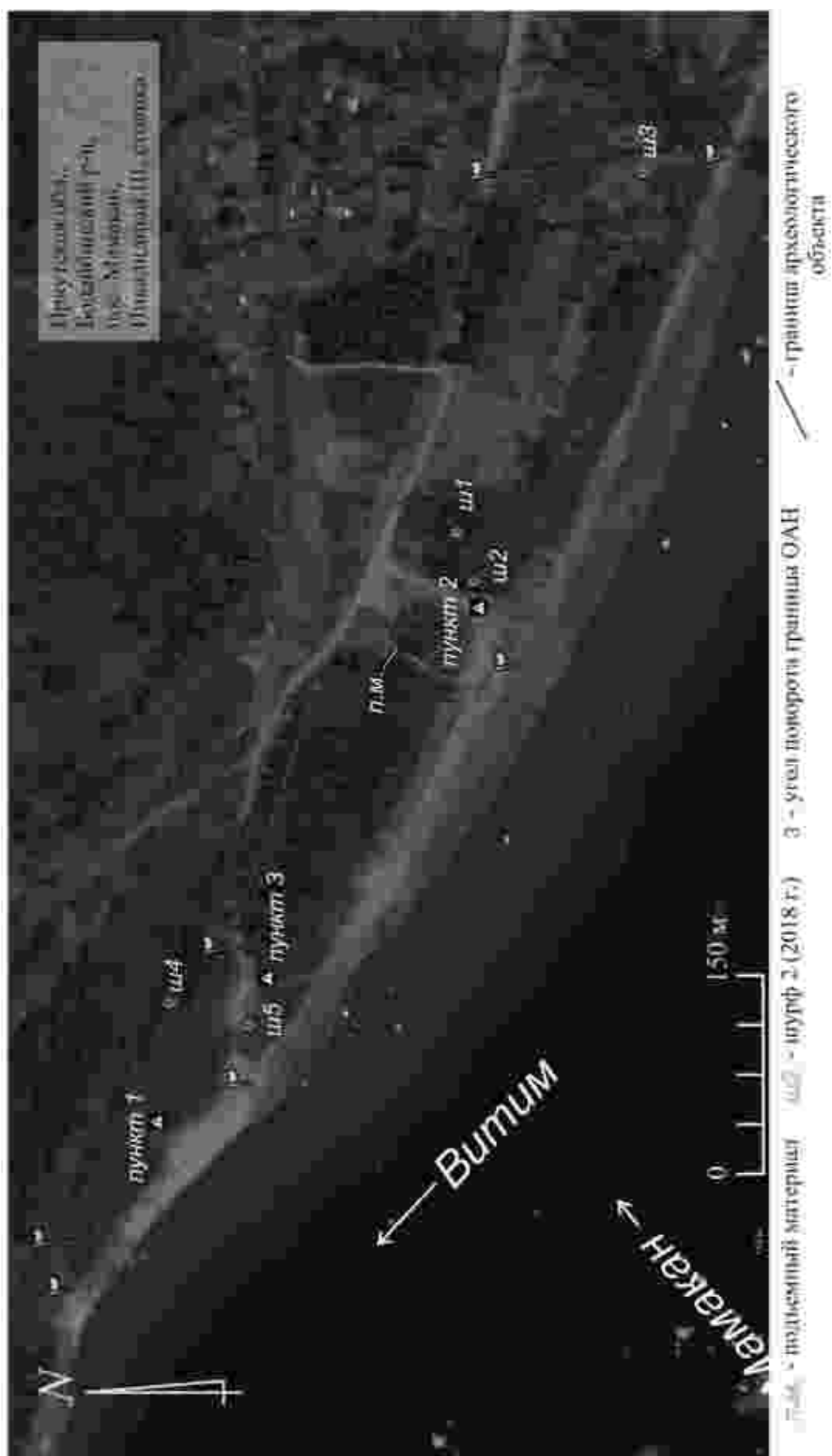

Рис. 192. План-схема Местонахождения Инвалидный III (на основе программы SAS.Planet.Release.141111).

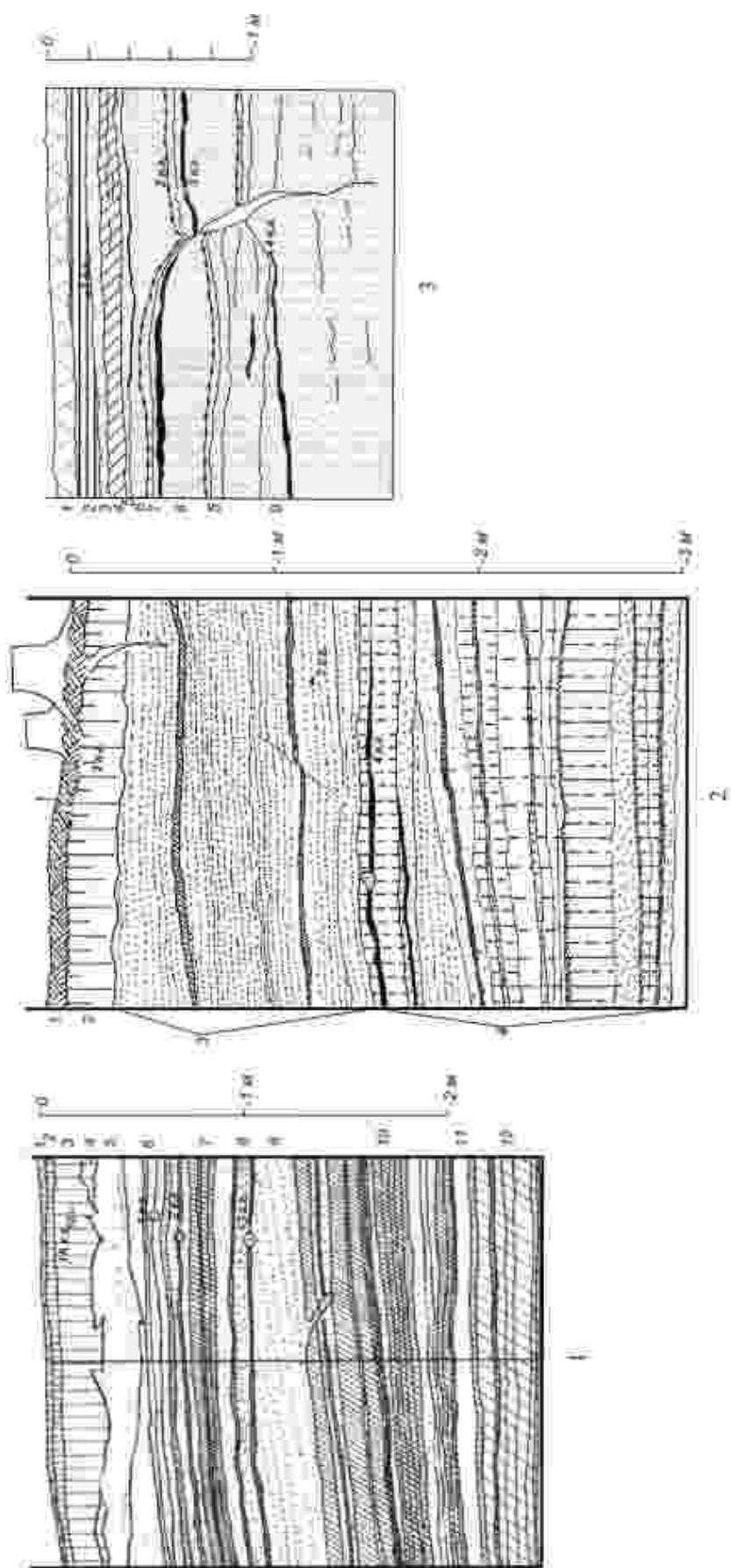

Рис. 193. Стратиграфия местонахождения Инвалидный III: 1 - пункт 1, 2- пункт 2, 3 - пункт 3.

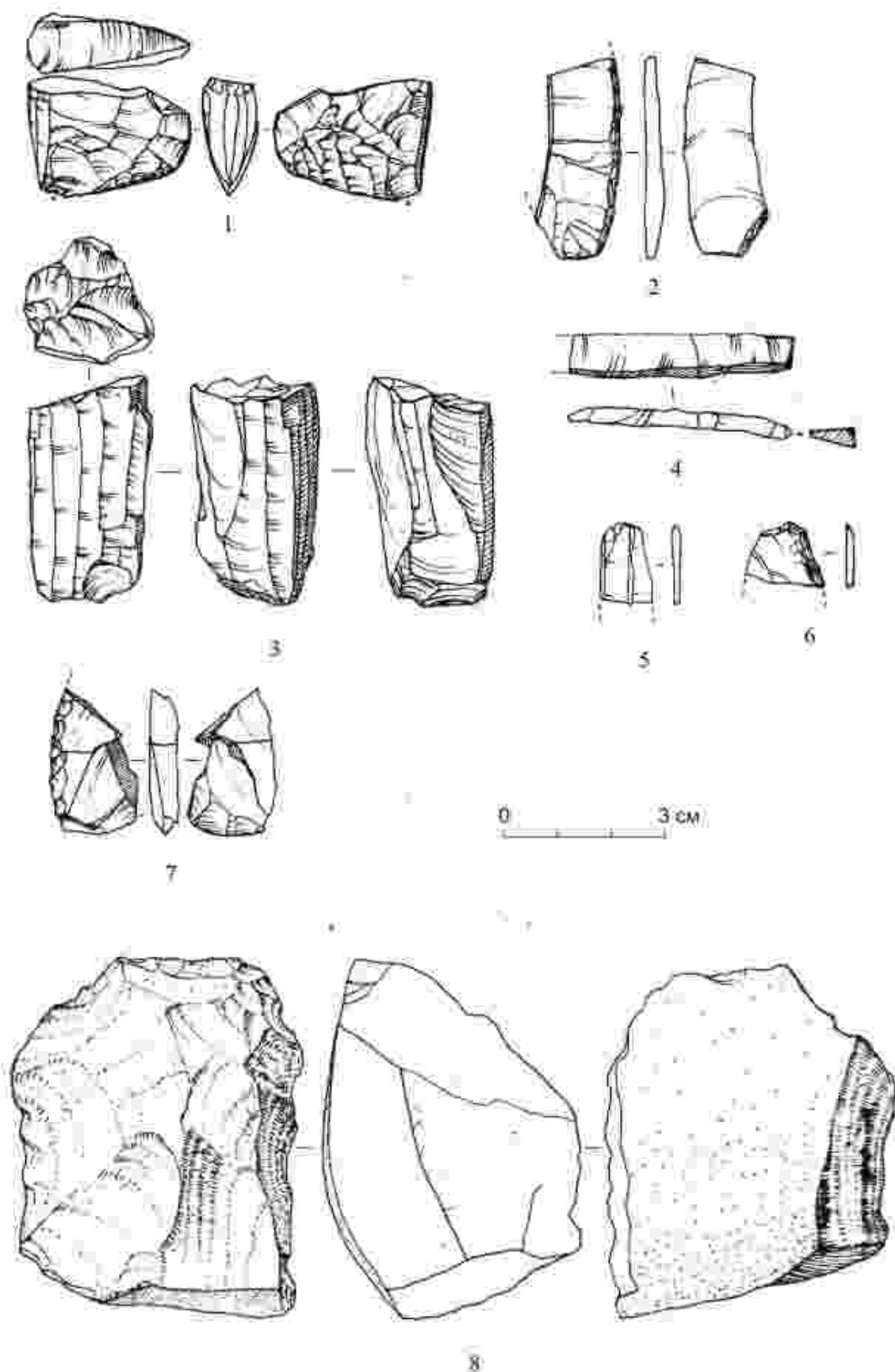

Рис. 194. Местонахождение Иншалдинский III - пункт 1: 1, 2, 4, 6, 7 - I культурный горизонт; 3, 5, 8 - II культурный горизонт; 1, 3 - микроядра, 2 - пластничатый скол, 4 - ложкажный скол, 5 - проксимальный сегмент пластины, 6, 7 - фрагменты отщепов с ретушью, 8 - обломок теста.

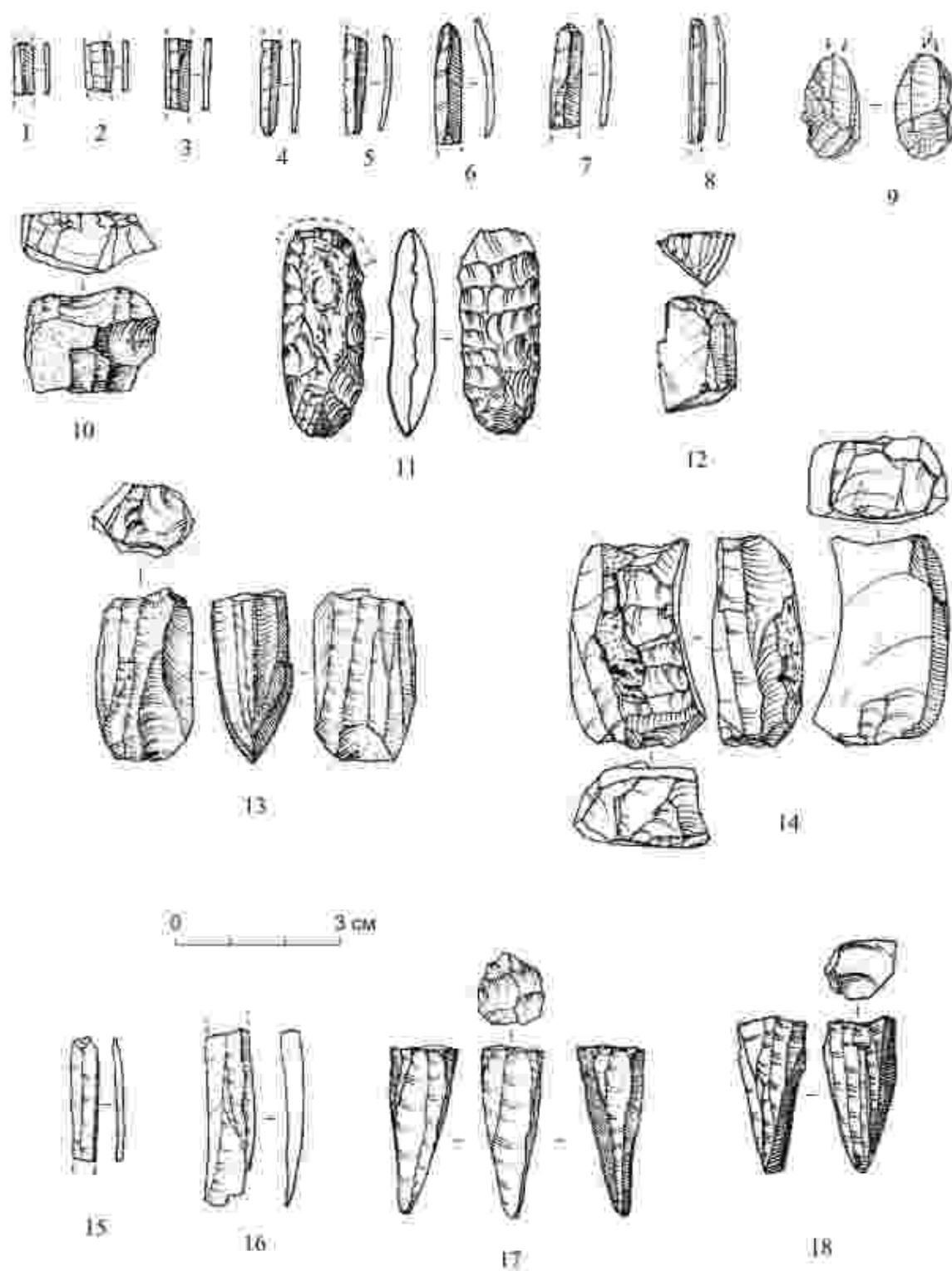

Рис. 195: Местонахождение Инвалидный III - пункт 2 (1-14, 18) и пункт 3 (15-17). 1-8, 15, 16 - микропластины; 9 - полидрический резец из дистального обломка призматического микроядреуса; 10-12 - скребки; 13, 14, 17, 18 - призматические микроядреуса.

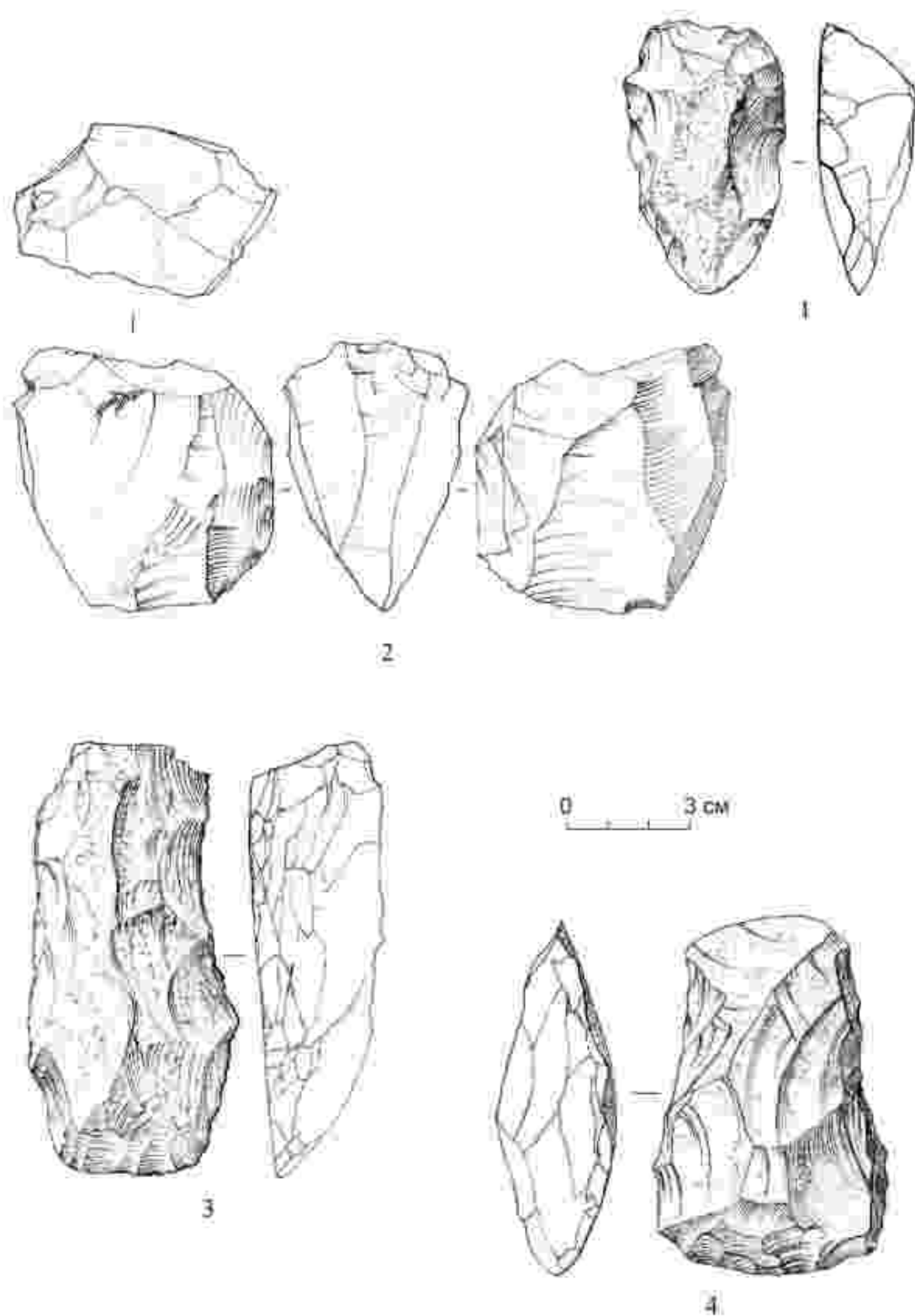

Рис. 196. Местонахождение Инвалидный III - пункты 2,3 - подъемный материал; 1 - скребок, 2 - нуклеидно оббитый кремь, 3, 4 - тесла с перехватом.

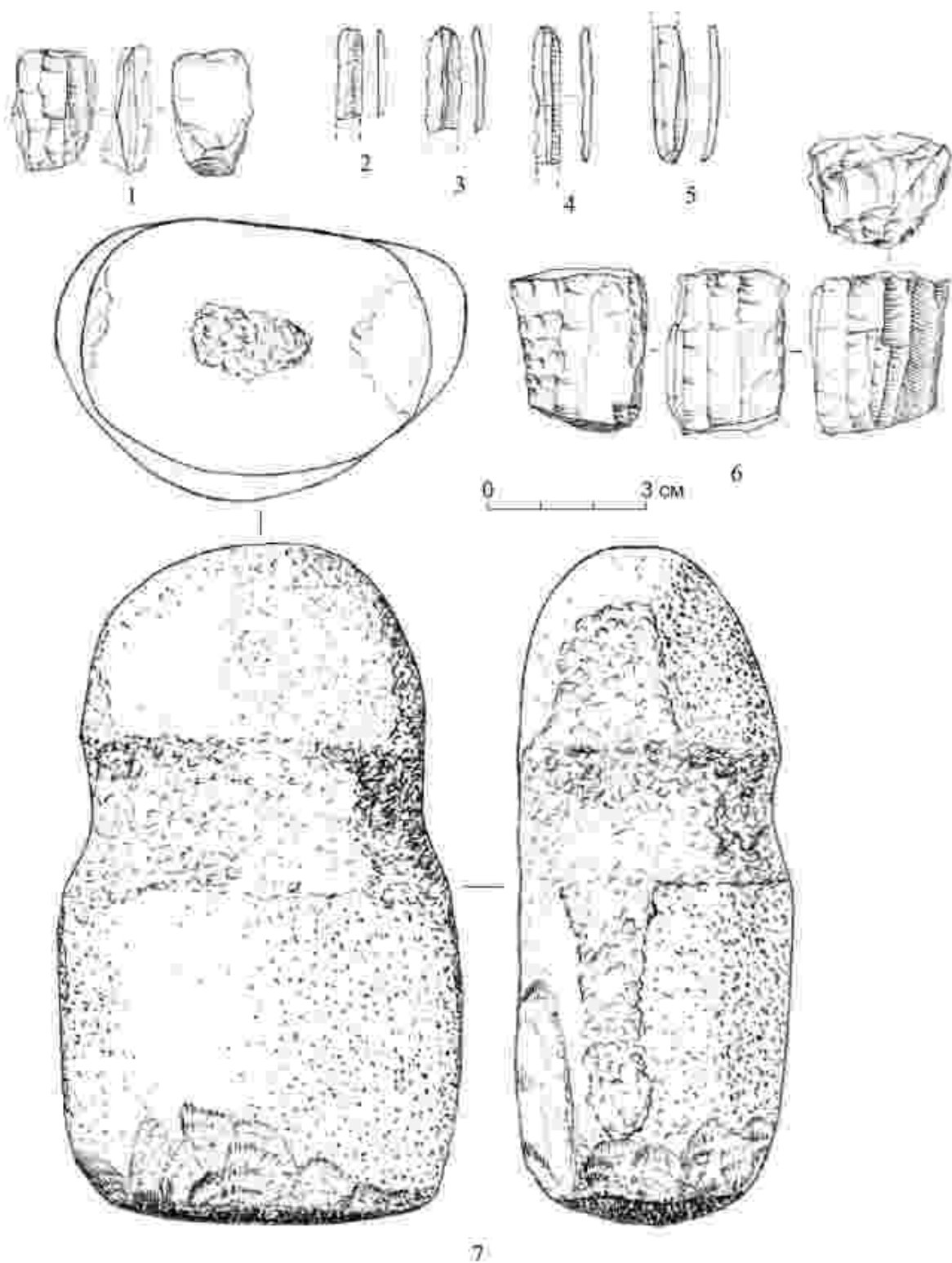

Рис. 197. Местонахождение Инвалидный III - пункты 2,3 - подъемный материал: 1, 6 - призматические микронуклеусы, 2-5 - призматические микропластины, 7 - молот-пест с перехватом.

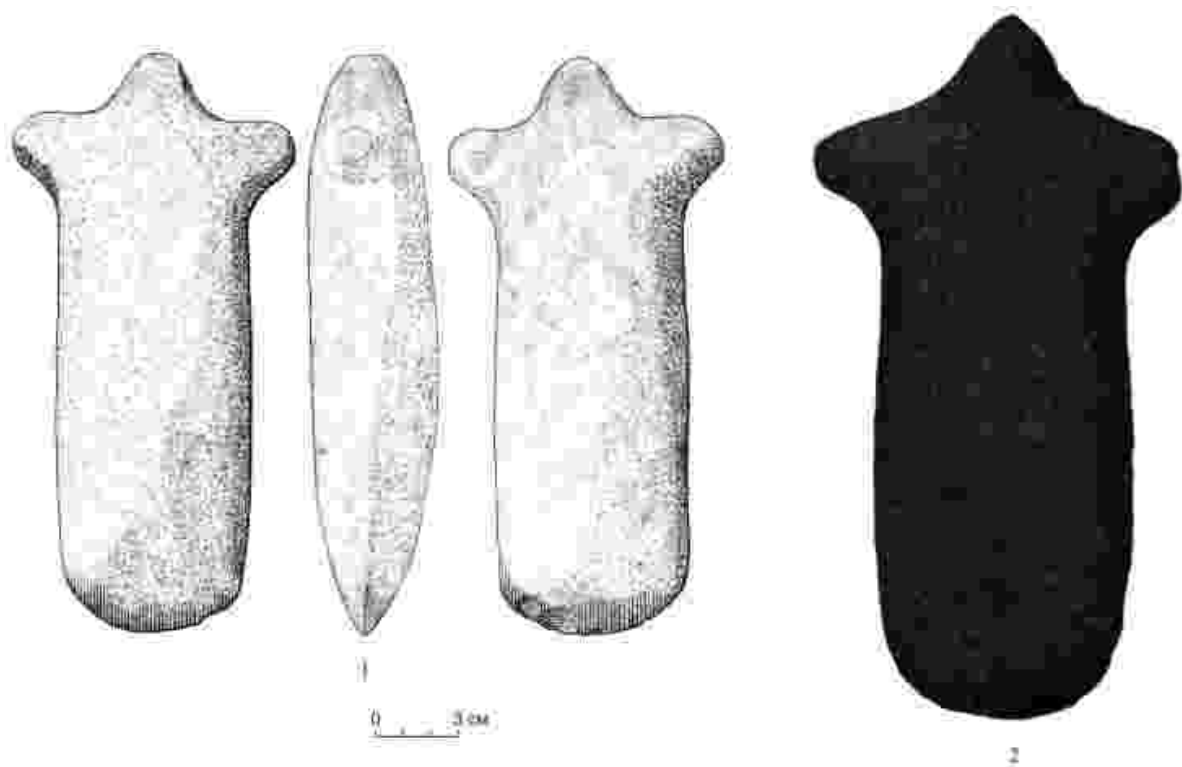

Рис. 198. Ранний неолит. Топоры с ушками: 1 - местонахождение Каколда, 2 - местонахождение Усть-Чуя.

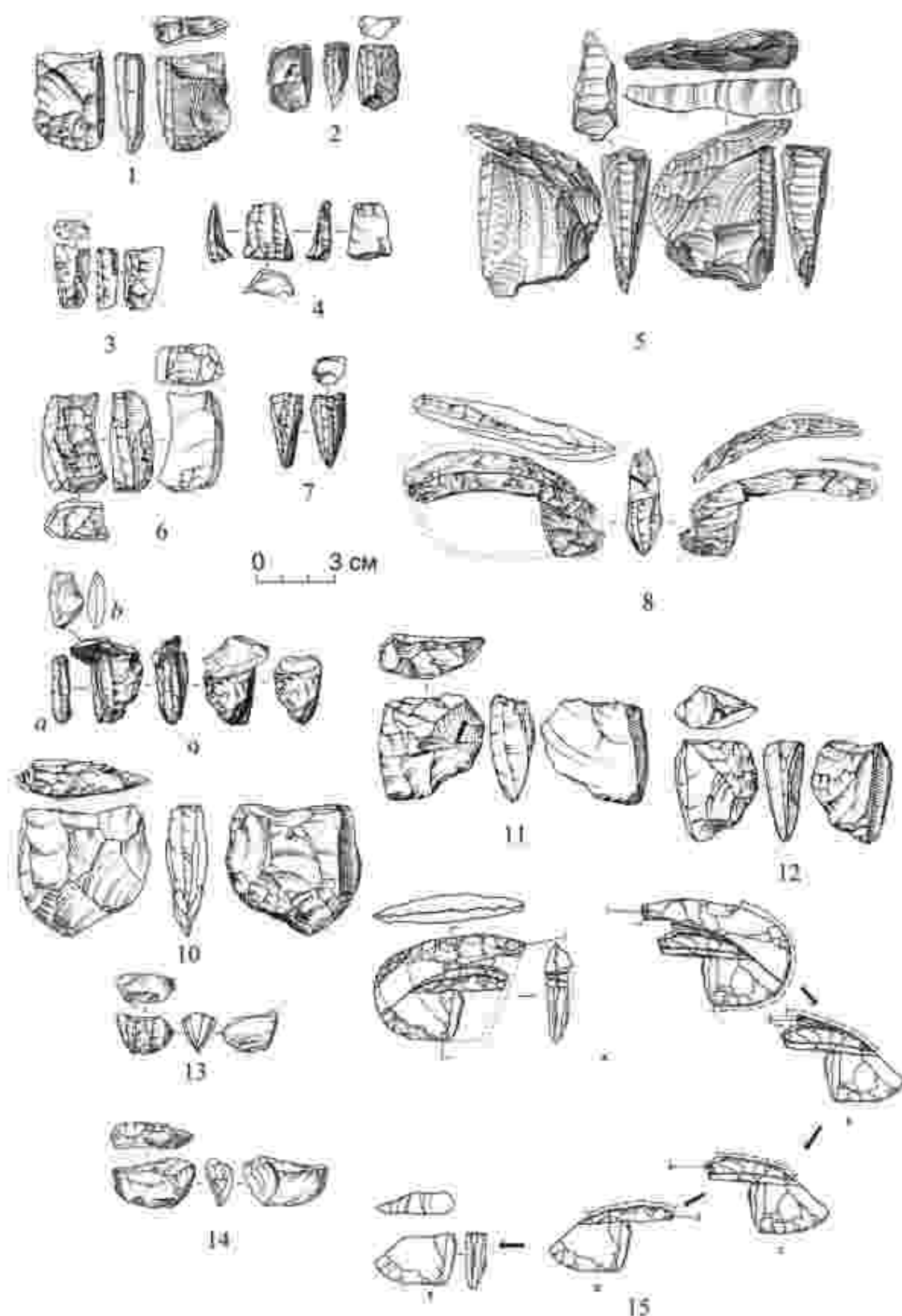

Рис. 199. Микропалеониты донеолитических местонахождений Нижнего Волжья: 1, 2, 5 – Авлетка (по: Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., 1996; Мочанов, 2007), 3 – Большая Северная (по: Мочанов Ю.А., 1977), 4, 6 – Игнатьевый III, пункт 2 (по: Игнатьев Е.М., Тетенькин А.В., 2010), 9, 10 – Коврижка III, кл. 2 (по: Тетенькин А.В., 2016), 11 – Коврижка II, кл. 1, 12 – Коврижка II, кл. 1 (по: Тетенькин А.В., 2010), 7, 10 – Большой Якорь I (по: Игнатьев Е.М., Тетенькин А.В., 2010), 13, 14 – Мамкин VI (по: Тетенькин А.В., 2014).

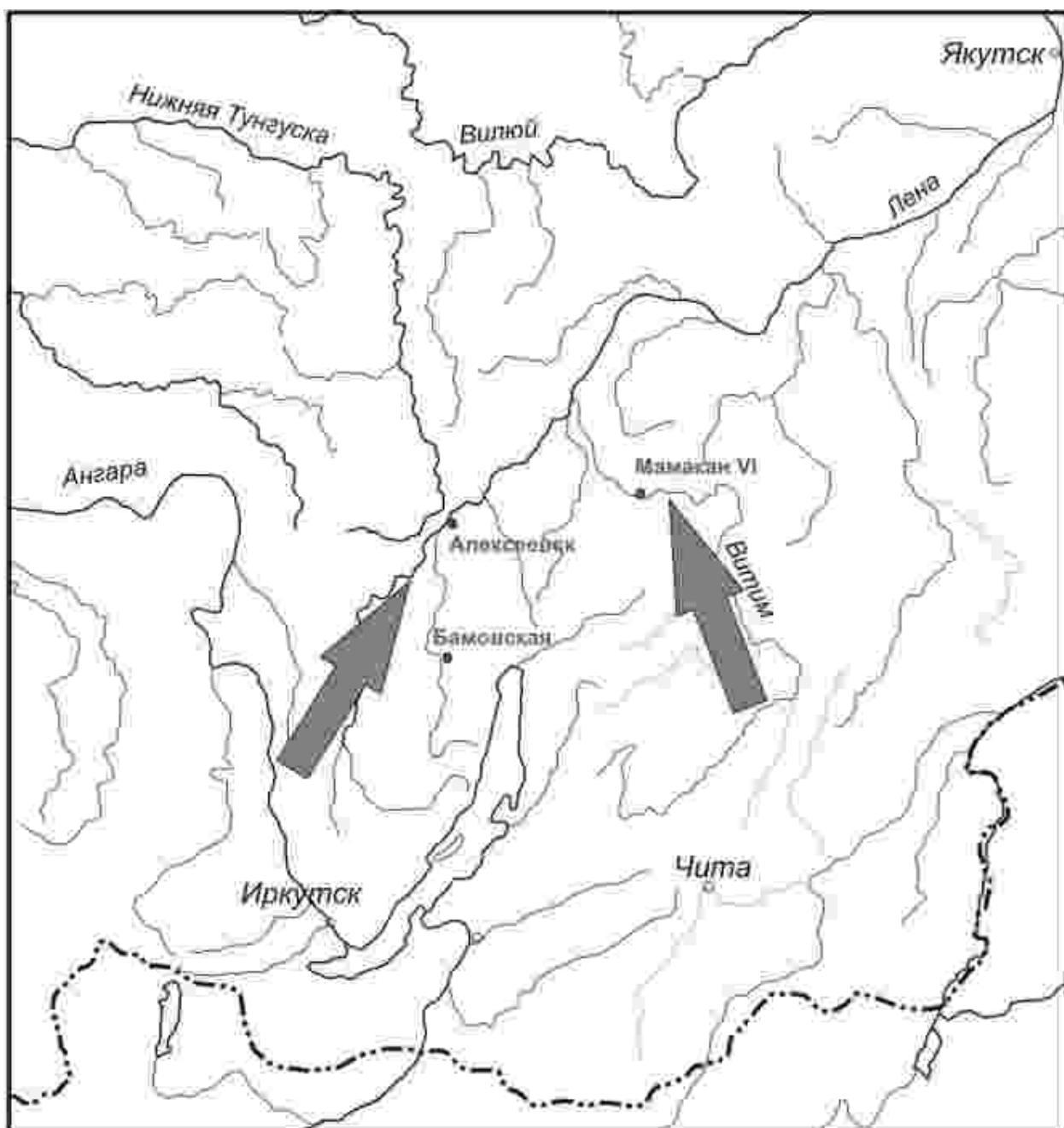

Рис. 200. Этап I. 28 - 21 тыс. л.н. Схема археологических местонахождений Северного Прибайкалья. Стрелками обозначены направления культурной трансляции.

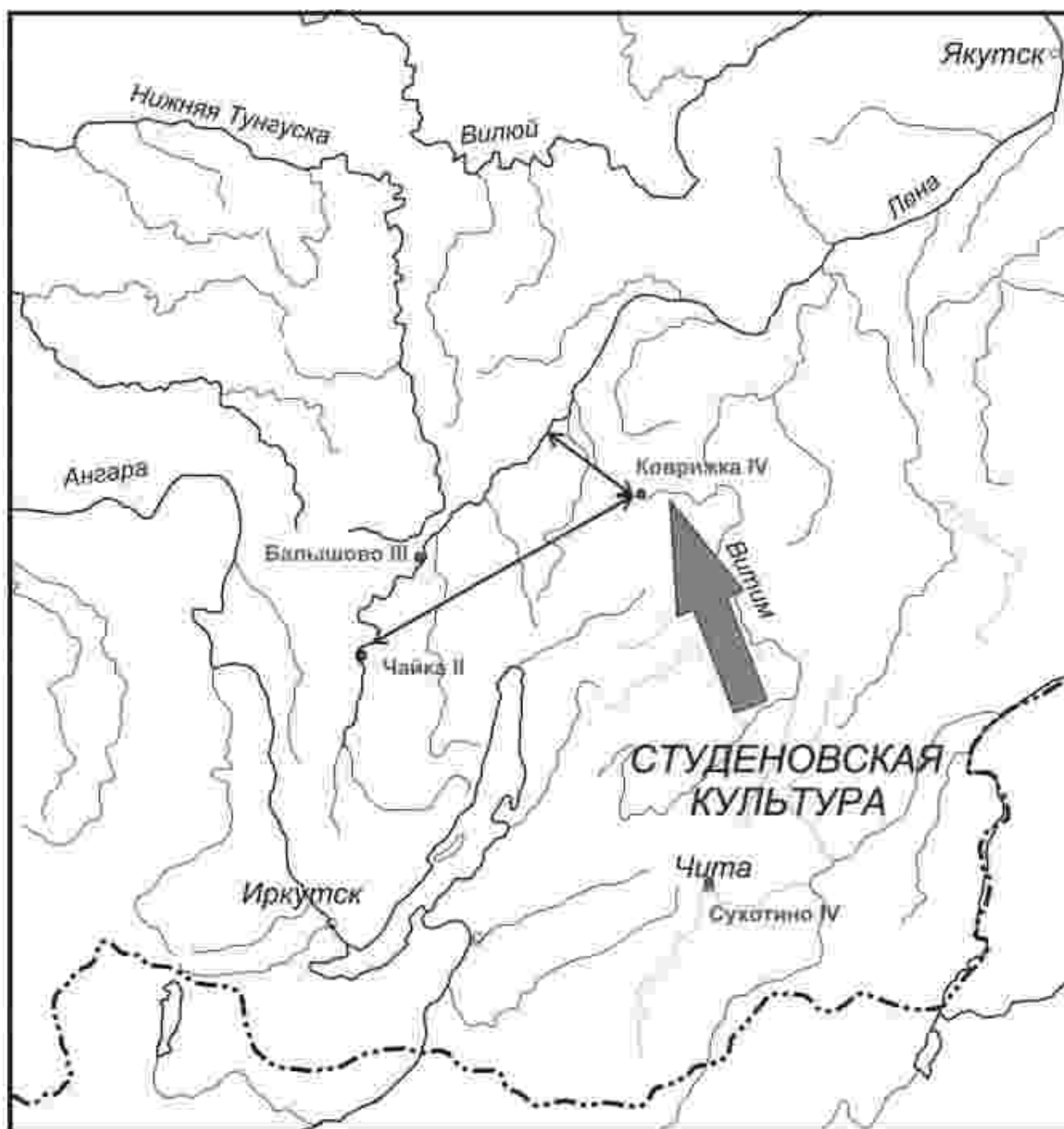

Рис. 201. Этап 2: 21 - 17 тыс. л.н. Схема археологических местонахождений Северного Прибайкалья. Стрелками обозначены направления культурной трансляции.

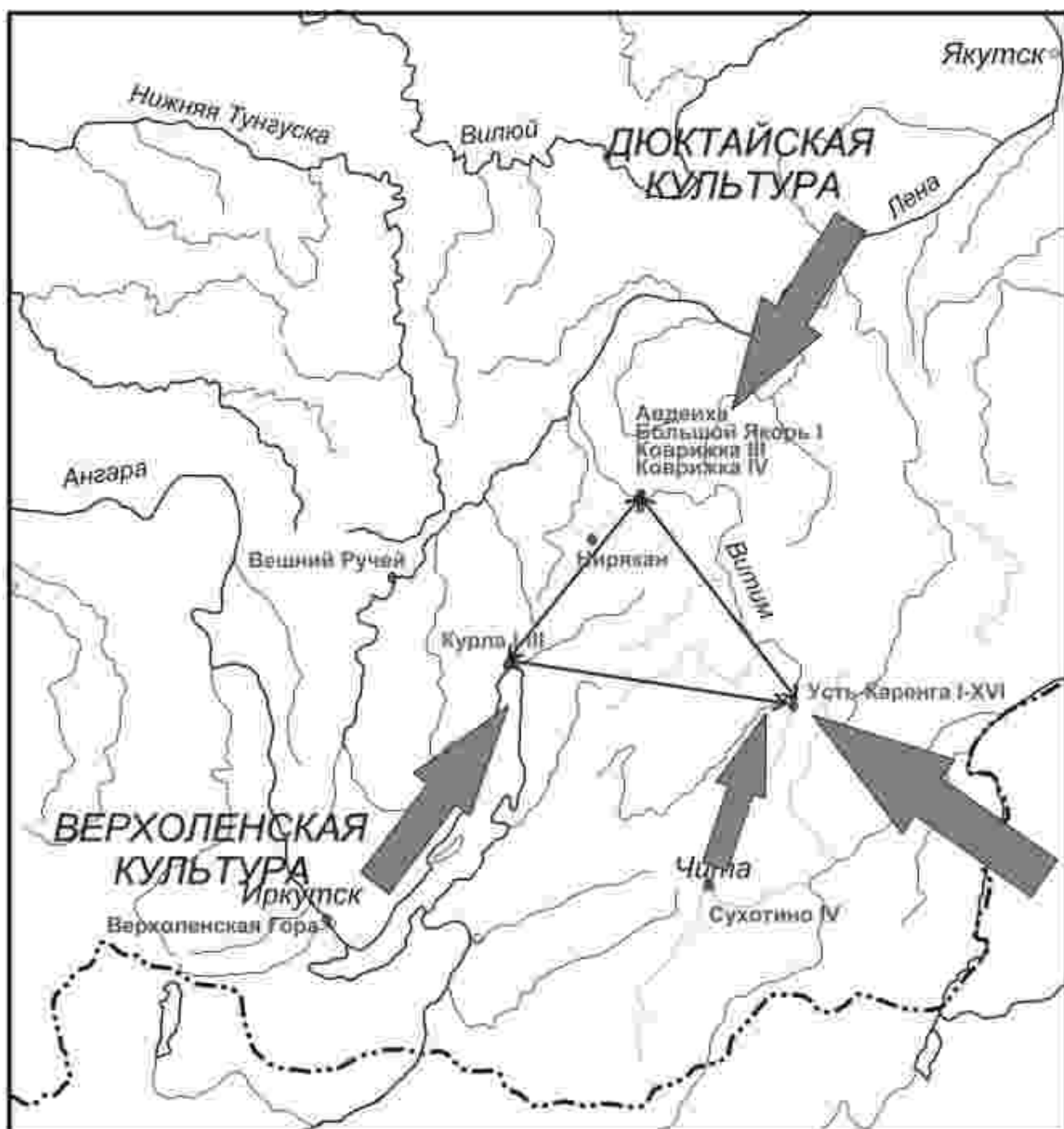

Рис. 202. Этап 3, 17 - 12 тыс. л.н. Схема археологических местонахождений Северного Прибайкалья. Стрелочками обозначены направления культурной трансляции.

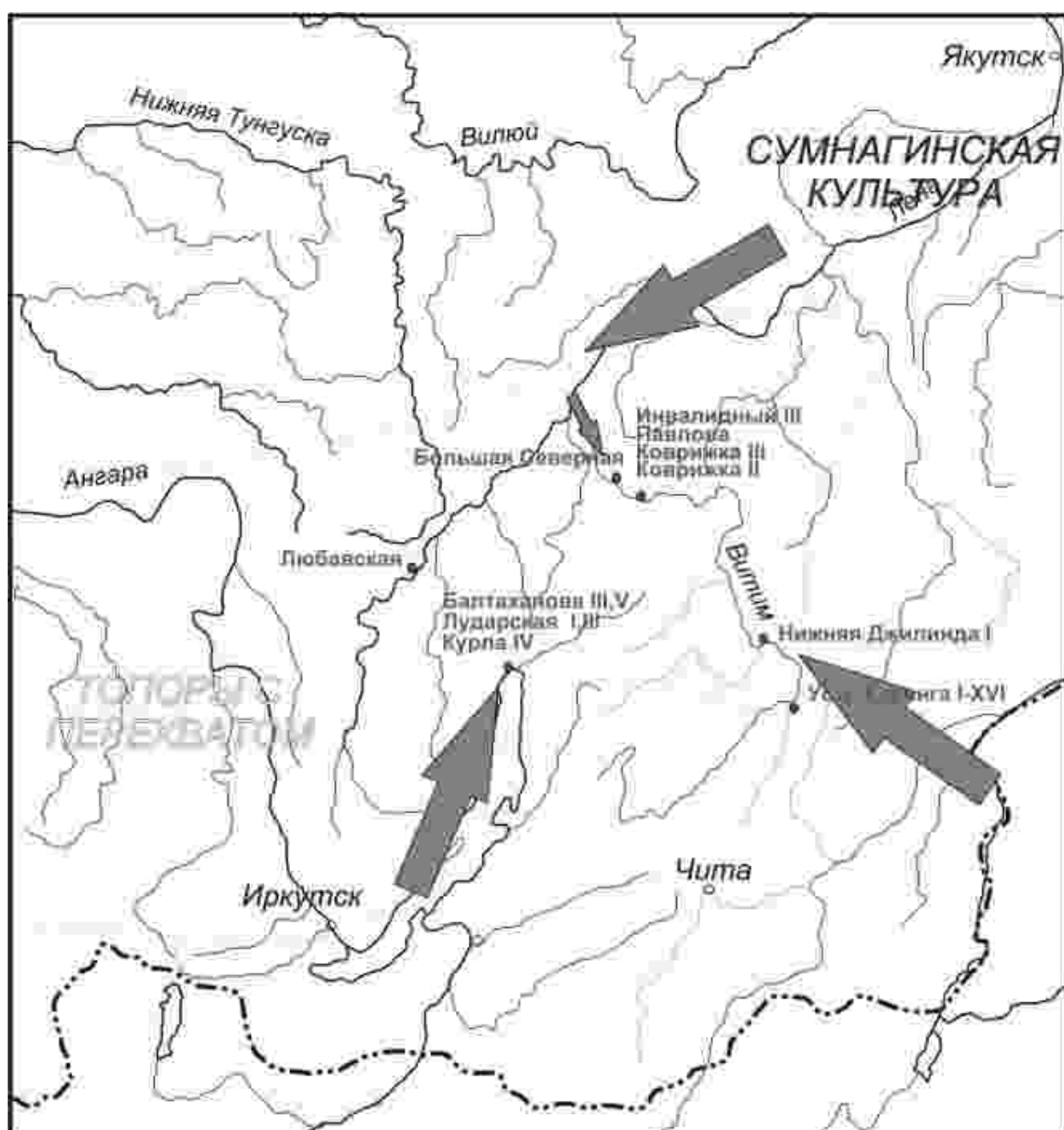
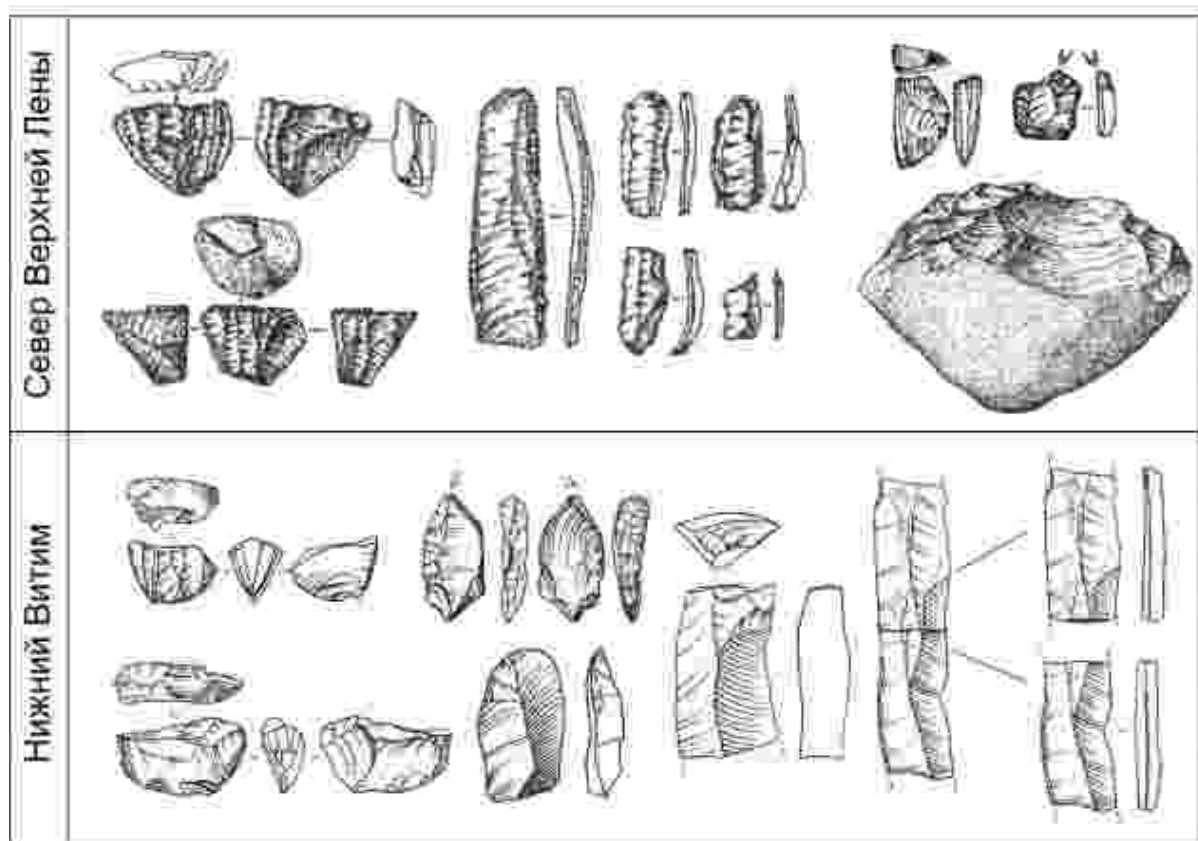

Рис. 203. Этап 4, 12 - 7 тыс. л.н. Схема археологических местонахождений Северного Прибайкалья. Стрелочками обозначены направления культурной трансляции.

Этап 1 - 28-21 тыс. л.н.

Этап 2 - 21-17 тыс. л.н.

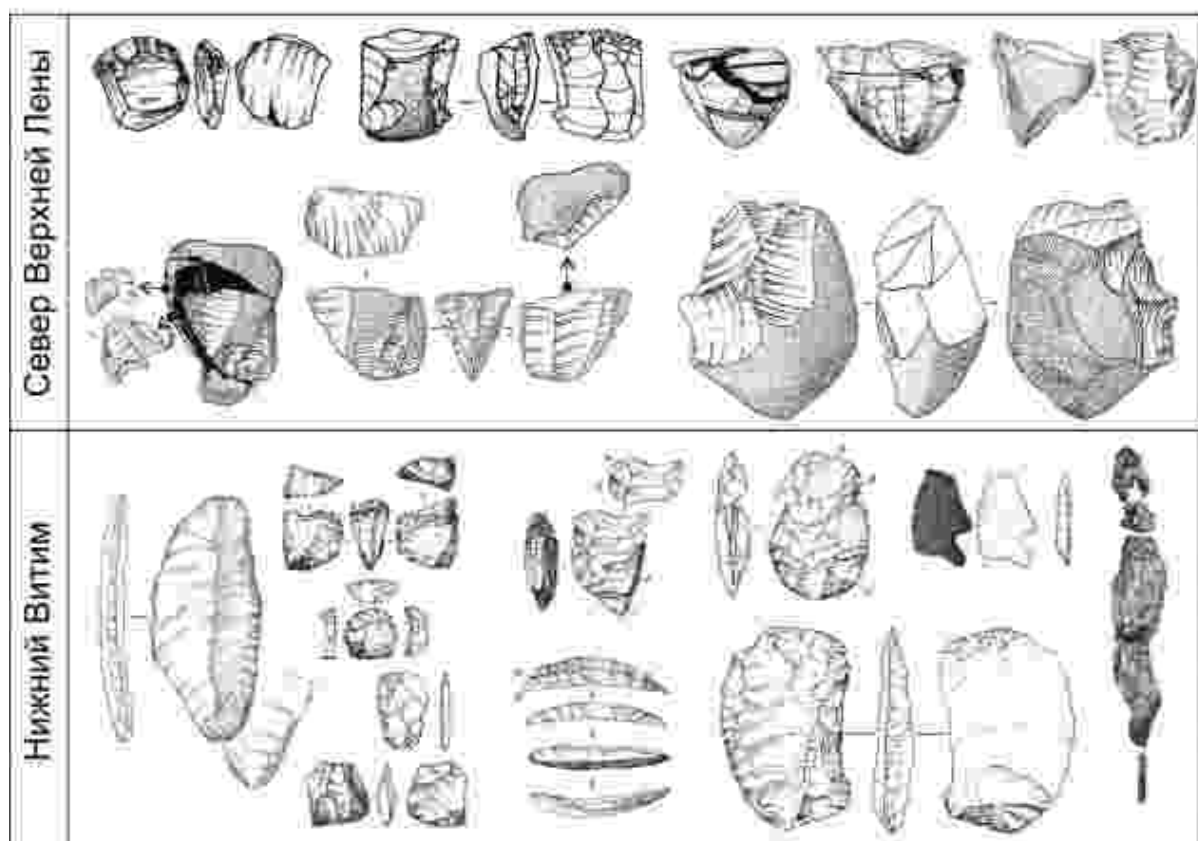

Рис. 204. Этап 1, 28 - 21 тыс. л.н., этап 2, 21 - 17 тыс. л.н. Корреляционные морфотипологические схемы.

Этап 3 - 17-12 тыс. л.н.

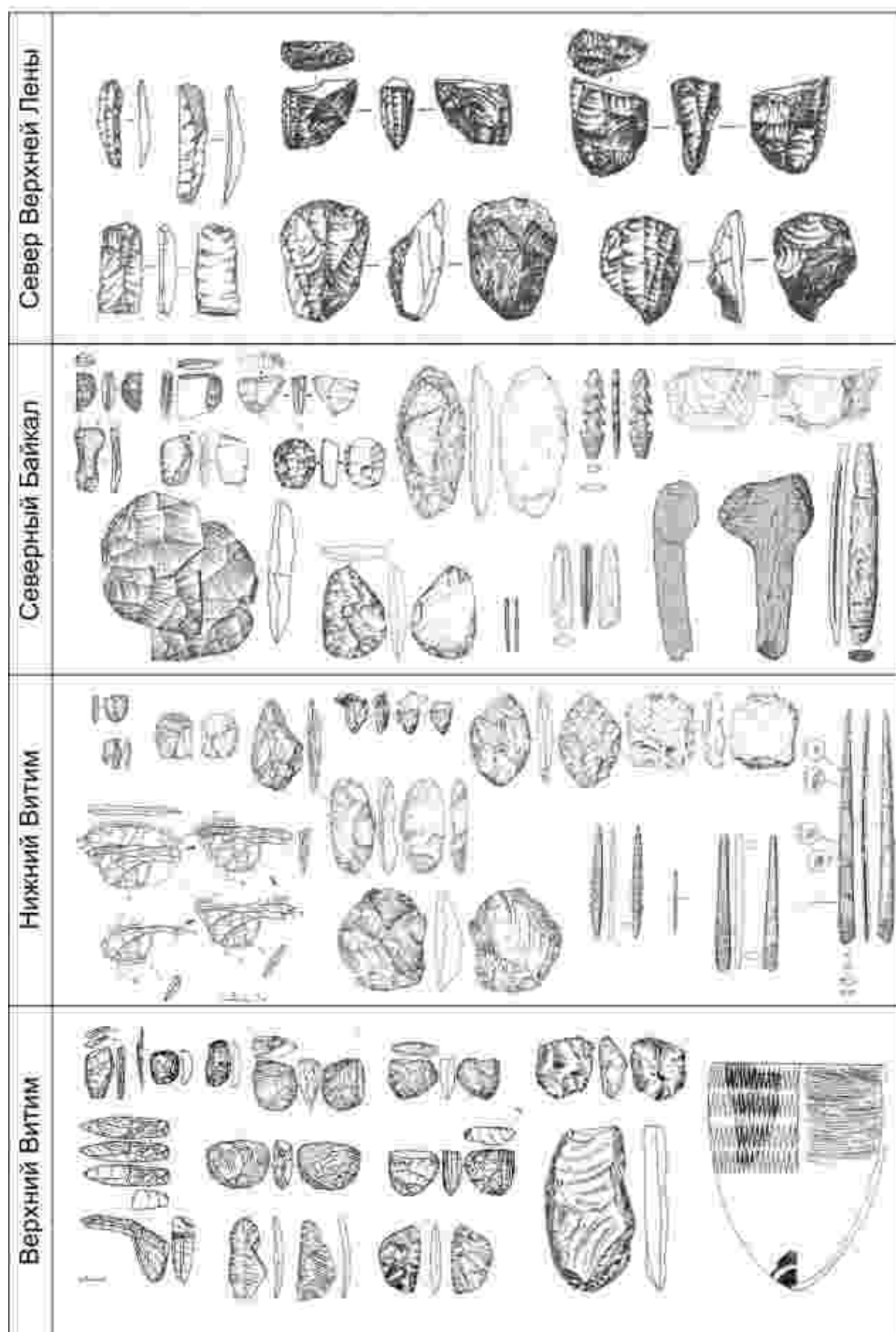

Рис. 205. Этап 3. 16 - 13 тыс. л.н. Корреляционная морфо-типологическая схема.

Этап 4 - 12-7 тыс. л.н.

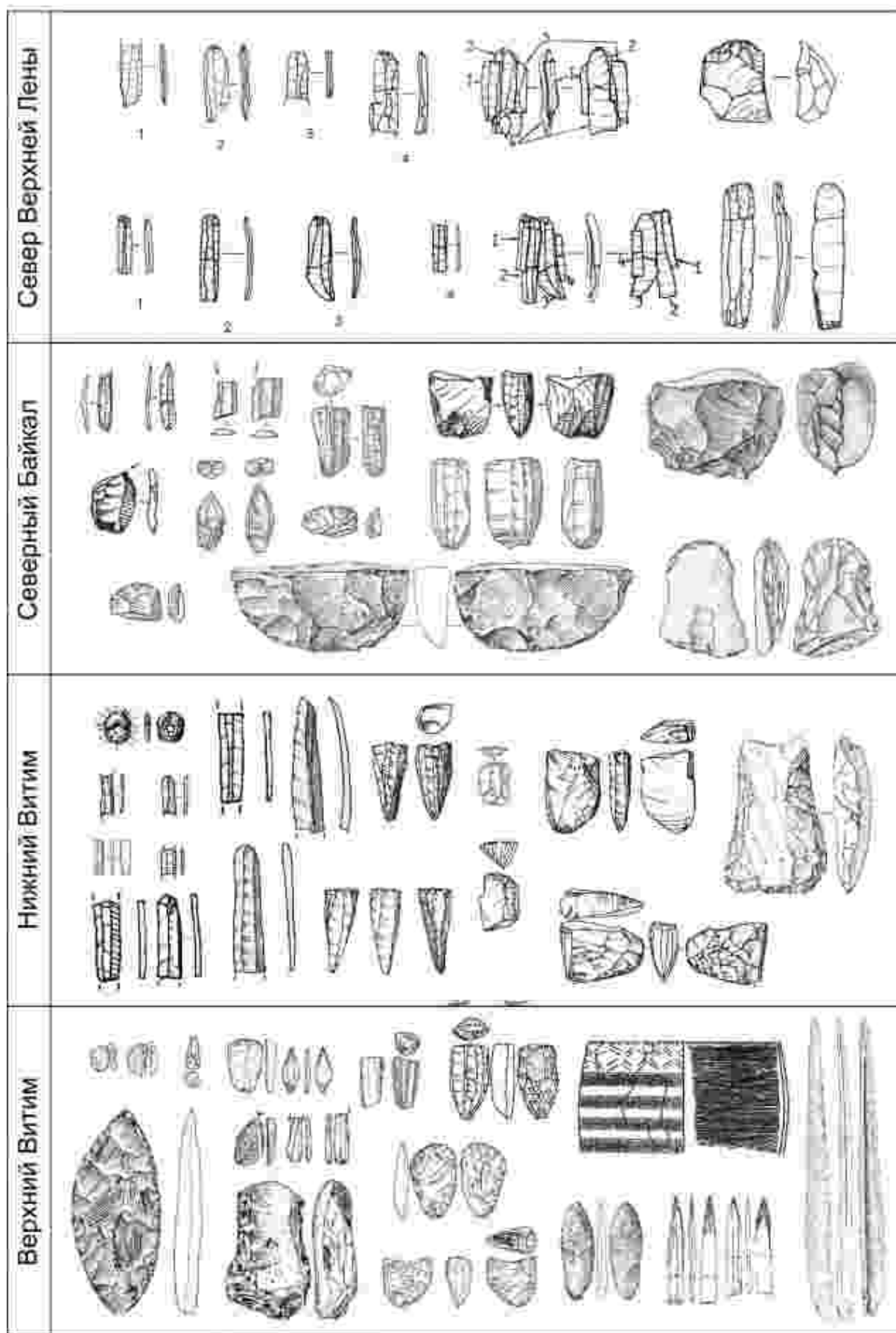

Рис. 206. Этап 4. 12 - 8 тыс. л.н. Корреляционная морфо-типологическая схема.